

Болгарська академія наук
Інститут історичних досліджень
Інститут балканістики з Центром по тракології
Інститут етнології та фолклористики з Етнографічним музеєм

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Центр болгаристики та балканських досліджень
імені Марина Дринова

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ ІХ

Софія – Харків • 2016

Издательство на БАН „Проф. Марин Дринов“

Деветият том е сборник със статии по материали на Кирило-Методиевските четения и научни симпозиуми, проведени в Харків на базата на университетския Център по българистика и балкански изследвания „Марин Дринов“ през 2014–2016 г. Освен тематичните рубрики са представени и традиционни за „Дриновските сборници“ раздели: „Историография, изворознание, архивознание“, „Рецензии“, „Научен живот“, „In memoriam“. Сборникът е предназначен за професионалисти историци, студенти от хуманитарните факултети, както и за широк кръг читатели.

Дев'ятий том є збірником статей за матеріалами Кирило-Мефодіївських читань та наукових симпозиумів, що відбулися в Харкові на базі університетського Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова протягом 2014–2016 рр. Крім тематичних розділів представлені традиційні для «Дриновських збірників» рубрики: «Істориографія, джерелознавство, архівознавство», «Рецензії», «Наукове життя», «In memoriam». Розраховано на професійних істориків, студентів гуманітарних факультетів й широкий читацький загал.

Девятый том представляет собой сборник статей по итогам Кирилло-Методиевских чтений и научных симпозиумов, состоявшихся в Харькове на базе университетского Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова в 2014–2016 гг. Кроме тематических разделов представлены традиционные для «Дриновских сборников» рубрики: «Историография, источниковедение, архивоведение», «Рецензии», «Научная жизнь», «In memoriam». Рассчитано на профессиональных историков, студентов гуманитарных наук и широкий круг читателей.

Volume IX presents a collection of articles on the basis of Cyril and Methodius Readings and scientific symposia, held on by the university Center for Bulgarian and Balkan studies named after M. Drinov in the Kharkiv during 2014-2016 years. In addition to thematic chapters it presents traditional for “Drinovsky collections” sections: “Historiography, Source Studies, Archival Studies”, “Reviews”, “Scientific Life”, “In memoriam”. The edition is intended for professional historians, students of humanities and wide range of readers.

Българска академия на науките
Институт за исторически изследвания
Институтът по балканистика с Център по тракология
Институт за етнология и фолклористика с Етнографски музей

Харковски национален университет „В. Н. Каразин“
Център по българистика и балкански изследвания „М. Дринов“

ДРИНОВСКИ СБОРНИК

ТОМ ІХ

София – Харков • 2016

Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“

Препоръчано от Научния съвет на Центъра по българистика и балкански изследвания „Марин Дринов“ (протокол № 3 от 29 октомври 2016 г.)

Редакционен съвет

В. Ю. Саленков (Украйна) – председател; С. Б. Сорочан (Украйна) – заместник председател; Д. Айдачич (Сърбия), П. Бахмайер (Австрия), И. Тодев (България), Н. Белишки (България), Л. В. Горина (Русия), И. Илчев (България), К. Косев (България), Г. Марков (България), Ю. Е. Хидзик (Украйна), Н. Н. Червенков (Молдова), Г. И. Чернявский (САЩ).

Редакционна колегия

Станчев М. Г., проф., д.и.н., чуждестранен член на БАН (главен редактор, Харков); Страшнюк С. Ю., доц., к.и.н. (зам.-главен редактор, Харков); Елдьров Св., проф., д.и.н. (зам.-главен редактор, София); Ченчик Д. В., доц., к.и.н. (отговорен секретар, Харков); Виднянский С. В., проф., д.и.н. (Киев); Волокитина Т. В., в.н.с., д.и.н. (Москва); Георгиев Д., проф., д.и.н. (Скопие); Готовска-Хенце Т., н.с. I ст., д-р (София); Дроснева Е., доц., д-р (София); Ковалчик Р., проф., д.и.н. (Лодз); Кравченко В. В., проф., д.и.н. (Едмънтън); Куделко С. М., проф., к.и.н. (Харков); Мартемянов О. П., доц., к.и.н. (Харков); Микитенко О. О., в.н.с., д.ф.н. (Киев); Миколенко Д. В., доц., к.и.н. (Харков); Милчев В. И., проф., д.и.н. (Запорожие); Муртузалиев С. И., проф., д.и.н. (Москва); Наумов С. О., проф., д.и.н. (Харков); Посохов С. И., проф., д.и.н. (Харков); Потрашков С. В., проф., д.и.н. (Харков); Пригарин О. А., доц., д.и.н. (Одеса); Радкова Р., проф., д.и.н. (София); Романюк О. И., проф., д.полит.н. (Харков); Соломон Ф., н.с. I ст., д-р (Ясси); Сорочан С. Б., проф., д.и.н. (Харков); Стоянов И., проф., д.и.н. (Велико Търново); Чорний Д. М., проф., д.и.н. (Харков); Чорний В. П., проф., к.и.н. (Лвов), Яровий В. И., проф., д.и.н. (Киев).

Адрес на редакционната колегия

Украйна, 61022, Харкив, пл. Свобода, 6, Харковски национален университет „Василий Каразин“, Център по българистика и балкански изследвания „Марин Дринов“
Тел. / факс: (057)-707-55-47; Е-mail: drinovcenter@gmail.com

© Издателство на Българската академия на науките „Проф. Марин Дринов“, 2016
© Харковски национален университет „В. Н. Каразин“, 2016
© Константин Атанасов Жеков, художник на корицата, 2016

ISSN 2218-0567

ПРОТОБОЛГАРИ І ГУННИ В СТЕПАХ ЄВРАЗІЇ

УДК 94(=163.2)«00/08»:572.9

ДРЕВНИЕ БОЛГАРЫ – КТО ОНИ? НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЙ ВОПРОС

Ж. Войников

Войников Ж. Давні болгары – хто вони? Новий погляд на старе питання. Автор пропонує новий погляд на фундаментальне питання болгарського етногенезу. Болгары і хозари вийшли зі Східного Туркестану, регіону Турфан–Урумчі–Хамі; їх первісне походження – тохарське. Поступово в сарматському середовищі вони стали іраномовними. У I ст. н.е. вони вже були на Кавказі і потрапили в поле зору хроністів (Мовсес Хоренаці).

Ключові слова: болгары; тохарці; хозари; влындуры; м. Каспі; Тянь-шань.

Войников Ж. Древние болгары – кто они? Новый взгляд на старый вопрос. Автор предлагает новый взгляд на фундаментальный вопрос болгарского этногенеза. Болгары и хазары вышли из Восточного Туркестана, региона Турфан–Урумчи–Хами; и их первоначальное происхождение – тохарское. Постепенно в сарматской среде они стали ираноязычными. В I в. н.э. они уже были на Кавказе и попали в поле зрения хронистов (Мовсес Хоренаци).

Ключевые слова: болгары; тохары; хазары; влындуры; г. Каспи; Тянь-шань.

Voynikov Zh. The Ancient Bulgarians – Who Are They? A New Look at the Old Question. The author offers a new perspective on the fundamental question of the Bulgarian ethnogenesis. Bulgarians and Khazars came from East Turkestan, a region of Turpan-Urumqi-Hami; and their initial origin is Tocharian. Gradually in the Sarmatian environment, they became Iranian-speaking. In the first century AD they were already in the Caucasus and came in the sight of the annalists (Moses Khorenatsi).

Keywords: Bulgarians; Tocharians; Khazars; Vlyndurs; town Kaspi; Tien Shan.

В науку, и «западную», и «русскоязычную», прочно вошло утверждение, что древние болгары (в ист. лит. также – булгары) были какими-то прототюркскими племенами, которые пришли в Восточную Европу с гуннами Аттилы. Венгерские тюркологи (Томашек, Вамбери, Немет) и историки конца XIX и начала XX вв. прочно связали болгар, известных как «уногундуры», с «оногурами / уногурами» и, конечно, с гуннами. Они создали теорию о пратюркском протоболгарском языке и его влиянии на древневенгерский, полагая, что этноним «болгар» происходил из тюрк. *bulgamag* – «сволочь», «куча», «смесь», «ублюдки», или «бунтовщики», «возмутители порядка», «отщепенцы», согласно Вамбери¹. Это мнение осталось как ведущее в науке и до нашего времени. Основоположник болгарской исторической науки проф. В. Златарски утвердил мнение Томашека как основное. Другие определяли название болгар из *beş oğur* – «пять огуров» (Б. Мункачи), или от тюрк. *bulaq* – «водный источник», как «речные люди», «болотные люди» и т.д. Третьи связали имя «болгар» с монгольским словом *bulgan* – «белка», «соболь», т.е. «охотники на соболей» (Борис Симеонов), и с др. лингвистическими причудами².

Уравнение «вгхындуры = угхундуры = уногундуры = уногуры», по мнению части исследователей, прекрасно объясняет «гунно-тюркское» происхождение болгар. Болгары, таким образом, появляются только в V в. н.э., и, соответственно, Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении» допустил «анахронизм», поместив реальные события (появление Вунда / Вында и переселение неких болгар-вгхындуров в Армению) из V в. н.э., которым был современником, в гораздо более раннюю эпоху (около I в. н.э. или даже во II в. до н.э.). Эти вгхындуры (они же – болгары?) безоговорочно отождествлялись с уногурами (хуногурами, оногурами). Последних же считали или племенами, которые пришли во главе с Аттилой, или кутригурами и утигурами, или теми, что входили в тюркский союз *on-oğ*, т.е. «десяти стрел» со значением «десяти родов» (*on-oğur*), в то время, как работа «армянского Геродота» была объявлена «ненадежным источником», особенно в отношении хронологии.

Только был пропущен важный факт, что Мовсес Хоренаци в «Истории Армении» передает второй этноним болгар как «Վլնդուր» (Vlëndowr), который следует прочитать в древнеармянском как «Vlyndur», а не «Vhandur / Vghandur» (вхындуры, вгхындуры), как принято в совр. чтении. В древнеармянском буква «лад» (lad) передает звук «л» или «лх». Но с развитием языка, в IX–XI вв., постепенно произношение буквы Վ изменилась на «гх» (gh). Таким образом, переход vlyndurī > vhyndurī > onogurī совершенно невозможен. И в то же время другие источники (хазарские, арабские) показывают, что болгар называют также VNNTR или «венентеры / вынынтеры».

Это ошибочное уравнение «вхындуры = оногуры» превратилось в основу знаменитой «гунно-тюркской» теории о происхождении болгар, которая в различных оттенках и вариациях, под давлением «старых авторитетов» передается и переписывается у современных историков – западных, русскоязычных и болгарских.

Утверждение, что болгары пришли с Аттилой и что он их первый царь, установилась как аксиома в науке, но никто не заметил, что ни один источник, повторяю, НИ ОДИН, не сообщает наличие болгар среди племен в гуннском союзе. Иордан описал историю смерти Аттилы и распада его государства, а также разделение «гуннского наследия» среди племен, которые утвердились на руинах гуннского государства. Он подробно описал все эти племена, но среди них болгары отсутствуют, включая также и племена, подвластные его сыновьям (Динцику или Денгизиху и Эрнаку)³. Иордан описывает земли болгар: «Над Понтийским морем находятся места, где проживают болгары, которые прославились за счет наших грехов»⁴. Последняя фраза подтверждается во всех византийских и латинских источниках – болгары стали известны во время императора Зенона (474–491) (т.е. 20 лет после смерти Аттилы), когда он привлек какую-то болгарскую группу в качестве союзников против готов, которые опустошали балканские владения Империи. Эти болгары стали известны как «паннонские болгары», потому что поселились в Гепидском царстве и совместно со своими гепидскими союзниками воевали с готами, а потом и с Византией до прихода лангобардов и аваров, которые завоевали Паннонию и покорили их. Какой была дальнейшая их судьба? Они растворились среди лангобардов и аваров. Таким образом, нет ни одного слова о том, что болгары были каким-либо управленческим племенем в гуннском союзе, который разрушили именно гепиды.

Болгары появились на Кавказе несколько столетий раньше, в I в. до н.э. – I в. н.э. Их совершенно точно описал Мовсес Хоренаци как вльндур-болгар, часть которых поселилась в Армении при первых Аршакидах (Вононе, Аршаке I-м / мифических Валаршаке и Аршаке или первых Аршакидах на армянском троне), а, по всей вероятности, и Плиний отметил их на Северо-Западном Кавказе как «сарматский народ эпегерритов», у Птолемея они «пагорить», с менее ясной локализацией, а у сирийских хронистов (Захарий Ритор, Михаил Сириец) – «пугуры» и «бургары» (в сармато-алан. яз. tæ – суффикс мн. ч., так что эпегерри-ты, пагори-ты = пугуры, народ «пурк» в «Ашхарацуйце», т.е. «Армянской Географии»). Даже в «Нартском эпосе», правда, в одном очень редком сказании из Южной Осетии, сообщается о Болгаре, который принадлежал к нартскому роду Бората и был одним из сыновей Бурафарнэга⁵. Вероятно, болгары находились в каком-то союзе с двалами, потому что управленческий род у болгар был из двалов – род Дуло (Dualtæ / Tualtæ).

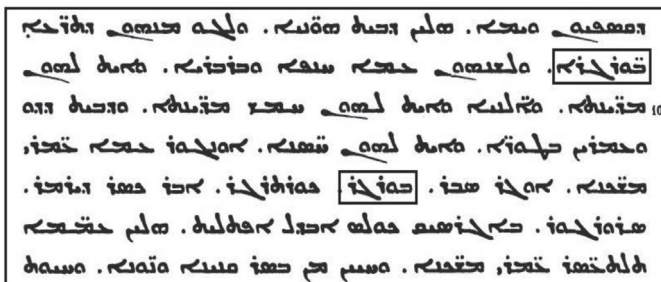
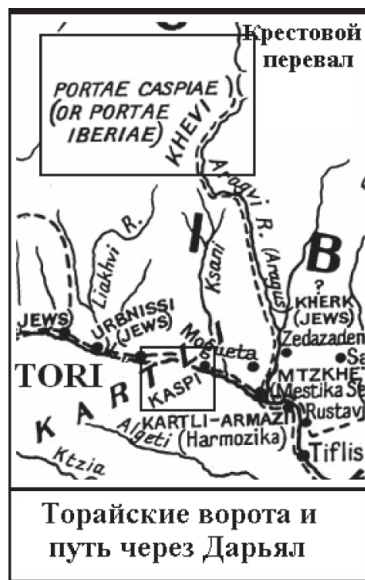
Переселение группы болгар Вында в область Карса (Горный Бассеан) состоялось в начале I в. н.э. и, по всей вероятности, было связано с нашествием алан в 35 г. н.э. и их заселением Центрального Кавказа. Конечно, болгары продолжали обитать на Северо-Западном Кавказе и в следующие века совместно с барсилами, аланами, хазарами, часто нападая на Грузию и Армению. Армянские авторы (Мовсес Хоренаци, Вардан Великий) сообщают, что в 198 г. н.э. болгары / барсилы и хазары во главе со своим царем по имени Внасеп Сухрап напали на Армению и в битве тяжело ранили ее царя Валарша (Валаршака) II, который потом скончался от ран. Дата смерти Валарша II не очень ясна, возможно, это случилось не в 198-м, а в 200 г. н.э.

Интересно иранское имя предводителя болгар / барсил и хазар – **Внасеп Сухрап. Внасеп (Вынасеп)** можно представить как **Вен / Вын + сеп** – от авестийского spit, персидского sarēt, safēd – «светлый». Вторая часть имени – **Сухрап (Сухраб)**, тоже полностью иранская, ее можно связать с мифическим героем из «Шах-намэ», богатырем Сухрабом, сыном Рустама; в пехлеви suhr – «красноватый». Также – Сухраб / Sohrāb или Suhrāb,

переводится как «рубин», «блеск» из перс. sorkhabē – «яркий», «красный».

После в V в. н.э. пришли алтайскоязычные савиры, а также носители кремационного обряда (представители этнонима кашаги, согласно А. В. Пьянкову)⁶. Так окончательно сформировалась праболгарская общность, как сармато(ирано)-алтайский симбиоз.

Откуда первоначально вышли болгары? Это очень сложный вопрос, потому что единственное сведение дает Михаил Сириец – они вместе с хазарами явились из глубины Азии, пройдя через ущелья Имеона: «...В это время из Внутренней Скифии пришли три брата, приведя с собой 30 000 скифов. Они прошли за время 65 дней путь из горных ущелий Имеона. Ехали зимой, чтобы найти воду, и достигли р. Таниоса (Танаис / Дон), которая вытекала из озера Меотида и впадала в Понтийское море. Когда они подошли к римским границам, один из братьев по имени Булгариос взял десять тысяч человек и отделился от своих братьев. И он пошел с р. Таниос на р. Дунай и попросил (императора) Маврикия (582–602) отдать ему земли, чтобы жить там и быть союзником римлян. Тот дал ему Верхнюю и Нижнюю Мизию, а также Дакию, процветающие страны, которые народом аваров (abarys **اواروس**) были разрушены во время Анастасия⁷, и они поселились там как союзники византийцев. Этих скифов римляне называли болгары (bulgāryē **بولجارية**). Два других брата пришли в страну Аланскую, которая называлась Барсалия (brsalyē), и там были города, построенные римлянами, одним из которых является Каспий (совр. г. Каспи в Грузии), называемый еще и “Торайские ворота” (T'gāyē **تورجايا**) (перевал Дарьял). Болгары и пугуры (**پوگور**) были когда-то христианами. Когда другой народ достиг господства и наложил свою власть на эту страну, они назвались хазарами, по имени старшего брата, который носил имя Хазариг⁸. Очень важный пункт в сообщении Михаила Сирийца – это перевал «Торайские ворота» и город Каспий, с которого он начинал рассказ, в то время как за перевалом располагались пугуры и страна Барсалия. На «Карте Кастория» или «Tabula Peutingeriana» сегмент XI (Месопотамия, Персида, Арабия) открывается городом Каспия (Caspaea), восточнее Колхиды, на р. Кирус (Cyrgus). И это полное совпадение с современным грузинским городом Каспи, находящимся на реке Кура. Район города Каспи находится в историческом районе «Шида Картли», расположенном непосредственно к юго-востоку от Южной Осетии. От Каспи начинается путь по долине реки Куры, проходящий вдоль восточных склонов Ломийского хребта и долины р. Арагви, достигает «Крестового перевала» и ущелья реки Терека, откуда идет севернее Кавказа. Этот путь известен и в наше время как Военно-Грузинская дорога. Это очень важное уточнение показывает, что проход «Торайские Ворота» не является Дербентом, как принято считать, но связан с Дарьялом. Само название «Торайские Ворота» происходит от имени исторической грузинской области Тори⁹, сейчас известной как ущелье Боржоми. Древняя дорога шла из Батуми в Боржомское ущелье («Торайские Ворота») к городу Каспи, а оттуда, через Крестовой перевал, к Дарьялу¹⁰. Страна Барсалия была расположена в так называемой Первой Сарматии, охватывающей земли современного Дагестана, от Дарьяла, который тоже называли «Каспийские Ворота»¹¹, по имени г. Каспи, до Каспийского моря¹².

Сирийский историк и епископ Митилены (совр. города Малатья на востоке Турции) Захарий Ритор (правильнее сказать, анонимный переводчик¹³ его «Церковной истории») приводит интересные данные о болгарях в землях Северного Кавказа около 555 года: «Базгун (bzgwn) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, земля с (своим) языком, которая простирается и достигает до «Каспийских ворот» и моря, которые (находятся) в гуннских (hwny) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆 пределах. За воротами живут **баургары (bawrgʾ)** 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆𐤂𐤆, с (своим) языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и алханы (lhwn) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, они тоже имеют пять городов. От пределов Даду (ddw) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆 они живут в горах и имеют крепости. Унгур ('wngwr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, это народ, живущий в палатках (шатрах), угар / угр ('wgr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, сапир / спр (spr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, **бургар (bwrgr)** 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, куртрагар (kwtrgr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, авар / абр ('br) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, хазар / касар (ksr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, дирмар (dʾrmr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, сирургур (syrgwr) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, багарсик (bʾgrsʾq) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, кулас (kwl) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, абдал ('bdl) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, эфталит ('ptlt) 𐤁𐤆𐤅𐤂𐤆, эти тринадцать народов живут в палатках, для пищи употребляют мясо домашних и диких животных и рыб, и основное средство к существованию для них – оружие»¹⁴ (т.е. они наемники и разбойники).

Базгун – это Абазгия (Αβασγοί) – Абхазия, которая расположена от Черного моря до «Каспийских Ворот», известных и как «Сарматские Вороты», это перевал Дарья, образованный ущельем реки Терека; Даду есть Дидоегия¹⁵; унгур соответствует племени оногуров, угар – угры, сапир – савиры, бургар – болгары, алхан – аланы, куртрагар (в ист. лит. также: куртаргар) – котраги (т.е. кутургур, кутригур) или – осетины-куртагиты¹⁶, авар – авары, касар – хазары, дирмар – дзымыры¹⁷, сирургур – сарагуры, багарсик (в ист. лит. также: баграсик) – барсилы, кулас – неясно¹⁸, абдал и эфталит это синонимы – эфталиты¹⁹.

Здесь болгары – «бургар» [в сирийском тексте – слово «огороженные» – Ж. В.] были задействованы дважды: один раз как «люди, живущие в городах» и, во второй раз, как «пастухи» или «люди, живущие в палатках». По словам переводчика сирийского текста, двойное упоминания болгар было, вероятно, ошибкой, и под «людьми, живущими в палатках» следует понимать не «бургар», а «вуругундов» (или «буругундов»), которые были упомянуты Агафием Миренейским. Но хорошо заметно, что в обоих вариантах написания полностью одинаковые, только в одном есть «алаф» в конце слова и две диакритические точки над «бетх» – и это вряд ли будет расхождением. В несторианском письме 𐤁 - bā и формы **баургар / бургар** – это полностью одно и то же.

Сравнение информации Захария Ритора и Михаила Сирийца показывает, что «бургары» З. Ритора совпадают с «пугурами» М. Сирийца, перевал «Каспийские Вороты» З. Ритора полностью соответствует «Торайским Воротам» М. Сирийца, а также г. Каспий, откуда начинается путь (Боржоми–Каспий–Дарьял), который является частью древней дороги. Именно от этого прохода на востоке расположена страна Барсилия²⁰.

Другой важный пункт в сообщении Михаила Сирийца – это начало болгарского переселения из района горы Имеон²¹. В «Ашхарацуц» уточняется, что эта гора имеет форму армянской буквы «люн» Լ, и, скорее, это Имаус Птолемея, который является горным массивом, сформированным из совр. Тянь-шаня, Памира, Гиндукуша, Гиссарского, Ферган-

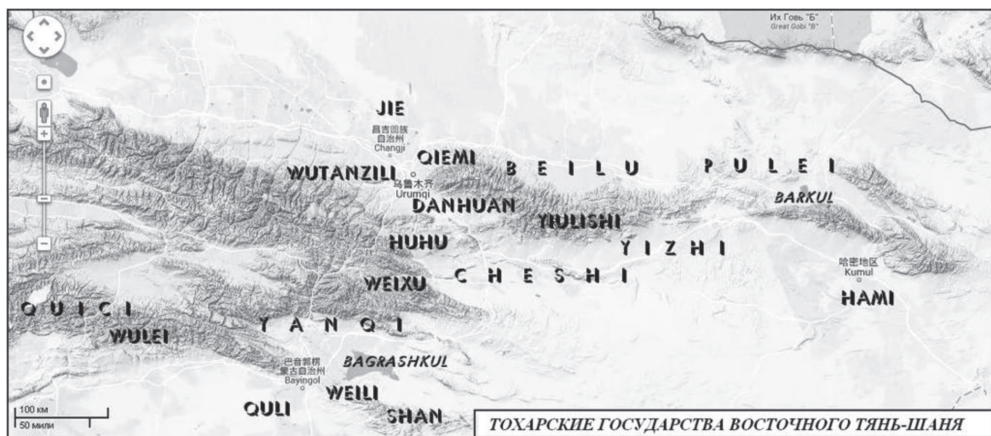
ского хребтов, а сведения М. Сирийдца показывают, что болгары и хазары пришли из ущелий этого горного массива. Исследуя топографию Центральной Азии по данным китайских династических историй, я пришел к выводу, что первоначальным местом жительства хазар и болгар был Восточный Тянь-шань в районе Турфана–Урумчи–Хами, где во время Империи Хань находилась федерация из шести племен, названных Чеши (Cheshi) 車師, или то же, что Гуши (Gushi) 姑師, по имени главного, основного племени. Оно обитало вокруг совр. Турфана, а другие были расположены в северном и восточном направлении к Урумчи и Хами. Это племена: Чеши (Cheshi) 車師, Пулей (Pulei) 蒲類, Цеми (Qiemi) 且弥, Бэйлу (Beilu) 卑陸, Ичжи (Yizhi) 移支, Юли (Yuli) 郁里 / 郁立. «Хоу Хань-шу» сообщает интересные сведения о них. О царстве Пулей говорится, что его население было из кочевых скотоводов, которые заводят хорошие породы лошадей, верблюдов, овец и других домашних животных, а сельское хозяйство у них было развито слабо. Они хорошие воины и делают хорошие луки. В отношении Ичжи сообщается, что они тоже очень хорошие воины и кочевые скотоводы. Эта же информация повторяется и о других племенах. Но все они имеют светлые волосы, т.е. они европеоиды. Или, точнее, – эти племена были тохарами! В «Хоу Хань-шу» сообщается, что «Пулей раньше было большим царством [расположенно около озера Баркуль], но когда “Западный Край”²² захватили сюнну (в ист. лит. также – хунну), царь Пулей оскорбил шаньюя (титул их правителя). Гневный шаньюй напал на Пулей, разгромил его и депортировал в другое место более чем 6000 людей из этого царства. Место, где они были в ссылке, называлось Аву 阿惡²³, и оно находилось в “правой” [или западной] части государства (народа)сюнну. Поэтому оно называется царство Аву. В южном направлении на расстоянии 90 дней верховой езды на коне находится народ “Заднего” (“Дальнего”) Чеши. Говорится, что [некоторые] из бедных, несчастных людей, бежали в горные ущелья, где поселились и создали царство [Пулей]»²⁴. Название Чеши (Cheshi) 車師 известно в нескольких вариантах из китайских источников: Цзюйсу (Jusou) 巨蒐 и Цусу (Qusou) 渠搜, которые самые древнейшие²⁵, соотв. восстановлено – «ga-sru», «ga-šiew», Гуши (Gushi) 姑師, соотв. «kāsrij», «kāhsjəj / kāhsəj» и основное Чеши (Cheshi) 車師, соотв. «ka-srij», «ka-ser», «ka-šjəj / kašəg» – или все формы передают самоназвание «кассиры», «каси» (師 передает чужое понятие ser / šer, напр. персид. šēr – лев), т.е. это самые вероятные предки хазар. Птолемей во II в. н.э. сообщает о горе Касия (Вост. Тянь-шань или его северные предгорья, как ответвления Имауса), области Касия в Серике, а Плиний сообщает о народе кассиров – в самых восточных районах Скифии, что подтверждает правильность этого восстановления. От того же корня происходит и название города Куча, расположенного западнее Турфана, и там обитали носители языка «тохарского В», которые, согласно письменным документам, назывались kušīññe или kusaññe, а город и государство – Kuši или Kucha. Это значение было известно китайцам, которые часто называли Куча словом «бай» (bái) 白 – «белый» (в др.кит. brāk), т.е. «Белое царство», «Белый город». В главе (цзюан) XVI («Каталог Западных пустынь») древнейшей китайской географии «Шанхай-цин» (Shan-hai-jin) сказано: «От Главной горы до Большого озера находится царство “Белого народа”»²⁶. Речь идет о Тянь-шане, а «большое озеро» – это Бостен-ху (Баграшкуль) около города Карашар (Янци).

Говоря другими словами, здесь идет речь о тохарской общности, которая обитала в районе возле гор Тянь-шаня (гора Касия у Птолея) – по северным и южным ее склонам, а самоназвание этого народа Плиний и китайские источники передали как «каси» / «кассиры».

А кто такие болгары? В «Хань-шу» их имя передается как Пулу (Pulu) 蒲陸, а в «Хоу Хань-шу» – Пулей (Pulei) 蒲類. Анализ транскрипции названия для этой эпохи (по Старостину) показывает, что Пулу (Pulu) 蒲陸 произносилось «pá-rəuk», а в предходные века «pá-ruk». Вторая форма Пулей (Pulei) 蒲類 показывает разницу только во втором знаке, соотв. «pá-rwəś», и более старая форма – «pá-rwəś» / »pá-rutś». «Хоу Хань-шу» сообщает и еще об одном вполне похожем по имени племени, соседнем с Пулу / Пулей – Бэйлу (Beilu) 卑陸, а анализ иероглифов показывает, что в эпоху Хань это сочетание произносилось «re-rəuk», в более древние времена «re-ruk»²⁷. Видим полное совпадение с Пулу / Пулей, которое доказывает, что речь идет об одном и том же народе, имя которого производно от корня *park / bark (булгары, бургары / пугуры), и вариант *pars(š) / bars(š) (барсилы?). От

этого этнонима сохранилось и до наших дней имя двух озер, вокруг которых жил этот народ – Баркуль и Баграшкуль (совр. Бостен-ху около Карашара). Постарайтесь представить и восстановление произношения по другому источнику. По словарю китайских иероглифов Алекса Шусслера: Пулей / Pulei 蒲類, др.кит. «bâ-rus», эп. Хань «ba-luis»; Пулу / Pulu 蒲陸, др.кит. «bâ-guk», эп. Хань «ba-liuk»; Биелу / Beilu 卑陸, др.кит. «pe-ruk», эп. Хань «pie-liuk»²⁸. Согласно словарю Бакстера и Сагара (Baxter-Sagart): Пулей (Pulei) 蒲類 – др.кит. «bâ-ruts», среднев. кит. «bu-lwǐjH»; Пулу (Pulu) 蒲陸 – др.кит. «bâ-ruk», среднев. кит. «bu-ljuwk»; Бейлу (Beilu) 卑陸 – др.кит. «pe-ruk», среднев. кит. «pǐje-ljuwk»²⁹. Также видно, что, согласно восстановлению по Шусслеру, Бакстеру и Сагару, в эпоху Хань эти этнонимы произносились Балус, Балук, Балух, Пиелук, которые вполне похожи на корень болгарского имени *balk / balg, *balk / bǎlg, *palk / pǎlg (балг / бѣлг / пѣлг).

Самые восточные хребты Тянь-шаня в «Географии» Птолема называются «Тохарские горы»³⁰. Тохарская топонимия сохранилась и у более позднего уйгурского населения. Уйгуры называют г. Иу (Yiwu) или Аратюрюк (Aratürük) около Хами (Кумул) именем Тухулу (Tuhulu) 吐葫蘆, а в XVIII в. он назывался Тугулик (Tugulike) 图古里克 и это имя связано с *Tuxuḡa < через согд. *Tuxuḡe < *Tuxuḡak < *Tuxuḡ – тохары + согд. суффикс -'k. На 120 км западнее Дуньхуана находится долина, которую уйгуры называют Тогирикти булак (Togirikti bulač) – «Тохарский ключ» (кит. Tuhuluquan).

Также видим р. Тугулик и гору Тугулик, возле совр. Цуежгухе (Queegouhe), в районе Цутуби (Qutubi) 呼圖壁縣, около г. Урумчи. Существует гора Тугээр туба шань (Tuogeer tuobie shan) 托格尔特别山, по-уйгурски Тугур туба таг (Tugur toba tegi) – «Тохарская гора», с высотой 2129 м, которая находится в 380 км северо-западнее оз. Баркуль, и другая с названием Тугэр таге шань (Tuoguer tage shan) 托古尔塔格山, уйг. Тугур таг (Tugur tag) или «Тохарская гора» есть в районе Турфана³¹. Тогорик (Togorik) < Тугурик (Tugurik) было именем селения в районе оз. Баркуль, в кит. документах с XVIII в., или т.н. пятязычным словаре «Сию тон венчжи» (Xiyu tong wenzhi) 西域同文志, р. Тугулик-гол (Tugulike guole) или Тохарская река была в районе Манаса, расположенного в западном направлении от г. Урумчи. Селение под названием Тугулик (Tugulike) находится возле небольшого г. Дафен (Dafeng) 大豐 в районе Цутуби (Qutubi) около Урумчи³². Эта топонимия показывает тохарское происхождение дотюркского населения региона. Именно в этом регионе более поздние тюркские тексты сообщают о «четырёх тугры» (twḡuḡ), т.е. четырех тохарских областях, расположенных от Карашара до Бешбалька, а Тагарская гора в описании Серики у Птолема совершенно точно совпадает с Богдошань (восточный склон Тянь-шаня), которая находится в центре четырех тохарских (twḡuḡ) стран³³. Богатая тохарская топонимия, сохраненная и до нашего времени, показывает, что в далеком прошлом здесь, между Карашаром и Хами, а также между Баграшкулем и Баркулем, обитало тохарское население.

Надо отметить, что в болгарской и вообще в исторической литературе первый историк-любитель, юрист по профессии Димитър Сасалов, на основании труда голландского китайиста Де Гроота (De Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit / «Хунны в дохристианские времена»), пришел к выводу о том, что между Баграшкульем и Баркулем обитали предки древних болгар. Д. Сасалов представил свои идеи в книге «Пътят на България» («Путь Болгарии»), изданной в 1936 г. Имя Баркуль он толковал непосредственно как «Болгарское озеро», а расположенную к югу от него гору Баркультаг (самый восточный хребет Тяньшаня) – как «Болгарскую гору»³⁴. Но под сильным давлением принятой в науке теории о хуннском / гуннском происхождении болгар и по причине большой скудности знаний об этом регионе он сделал вывод, что все население вокруг озер Баграшкуль и Баркуль было из племен сюнну и связал его с потомками гуннов Аттилы.

Этимология этнонима касиры / хазары уточняется из тохарского В kutsi – «белый», «чистый», «святой», и надо ожидать наличия формы kuśi, исходя из имени города и государства, в тохарском А kāsu – «красивый», в тохарском В kaswo – «красный». В кельтских языках праформа *kassarā, в др.ирл. casar, валл. kesseir, корнуол. ceser – «молния» («блеск») ³⁵. В хховар. kasara, непал. kāsō – «белый», «блестящий» (для металла), кашмир. gāsh, gösh – «яркий», «блестящий», пали kasiṇa – «белый», «святой» (в религиозном тексте), праиндоиранское *kasira – «белый», «чистый». В языке скифов *krau-kasi означало «белый, блестящий снег» (по Плинию), т.е. аналогично kasi – «белый», «светлый»³⁶.

Имя болгар (барг / парк) – **Бургар / Пугур** можно представить как протоиндоевроп. *bherg – «огонь», «блеск», в тохарском А rūr, тохарском В rūrwa – «огонь», англ. bright, гот. bairhts, др.верхн.нем. berāht, древнеиндо-арийском bhārga, в санскрите rākāśa, в дардских яз. rahār, rohar, *rabhā, кашмирском brazun, в древнеиран. bark / brak, персидском barraghē, пуштунском brešnā, белуджи brah – «блеск», «светлый», «белый», «свет», «огонь», курдском biris – «сверкающий», таджикском barq – «молния», хотано-сакском baljs – «яркий пламень», «горящий». Особенно показательной является тохарская форма «пльк». В тохарском А и В palk – «огонь», в тохарском В palkamo – «светлый», «блестящий», palkiye – «огненное поле», что соответствует знач. – «пустыня», pālsālne, pilysālne – «горение». И эти «огненные» являются многократно упомянутыми в китайских источниках племенами «чи ди» 赤狄 («огненными ди») или «красными ди»), которые вместе с «бай ди» 白狄 («белыми ди»), были европеоидными народами (тохарами) и беспокоили в своих нападениях китайские царства в период «Весны и Осени» и «Воюющих царств».

Другой ключ находится в имени первой болгарской столицы г. Плиска. Проф. Иван Венедиктов цитировал болгарский апокрифический рассказ «Сказание Даниилово», которое сообщает о Михаиле-кагане, т.е. о болгарском владетеле Борис I, который выходил из «солнечного города»: «...**Имя это Михаила. Он встанет из Солнечного Города**, и будет начинать одиннадцатый год. И Бог послал ангела, чтобы разбудить его...». Столицей Бориса-Михаила был город Плиска (Пльска), т.е. «солнечная», «светлая», «блестящая» или «Солнцегород», «Белгород», «Блестящий город». И это подтверждается из тохарского В plyskem – «блестящий», тохарского А palsk – «светлый», «белый». Таким образом, видим, что др.болг. *пльскъ означало то же самое.

Также и ст. болг. / др.болг. слово **багърь / багрь**³⁷ – «ярко-красный», «пурпурный», которое является косвенным доказательством существования в древнеболгарском слова *баргъ / багрь – «ярко-красный», «светлый», «блестящий». Могла иметь место репозиция в корне блъг-ари / блг-ари. Это явление называется метатеза еровых гласных рь/ль- > ър/ъл- и наблюдается только в староболгарском языке, но отсутствует в других славянских языках и является древнеболгарским наследством³⁸.

Трудно сказать, когда хазары и болгары начали свою миграцию на запад к Средней Азии и на Кавказ, но, по всей вероятности, это было связано с началом расширения господства народа сюнну и исходом юэчжей (арси) из Ганьсу около 165 г. до н.э. Юэчжи (тохары)³⁹ обитали не только в Ганьсу, а на всей территории от восточной окраины Такламакана до большого изгиба Хуанхэ, их северо-восточными соседями были усунь (асы, асианы, вероятные предки осетин, откуда и совр. название народа). Тоже интересны значения этнонима другого союзного племени Ичжи (Yizhi) 移支 древний вариант Ицзу (Yìqú) 義渠, чье древнее произношение было ngajs-ga, или rajs-ga, rajh-ga (звуком «ч») (ng)

китайцы передают нетипичное для них «г»), что является более ранней формой китайской транскрипции этнонима «арси».

Так что вполне резонно их появление к I в. н.э. в поле зрения армянских и римских авторов. Во время движения через «степной коридор» и «среднеазиатское междуречье» эти первоначальные тохары иранизовались и превратились в сарматов, которые пришли на Кавказ и до «границы Армении», как об этом говорил М. Хоренаци.

В чувашском языке болгарский этноним встречается в личных именах – Пулкар (в волжско-булг. написании بلسارى)⁴⁰, тоже Пулькка, Пукар, Пукяр⁴¹. См. тоже и аналог. осет. мужское личн. им. – Булкъя⁴².

Мы должны отметить еще один, неизвестный в Болгарии, но очень интересный источник – китайскую династическую историю «Суй Шу» («История династии Суй», 581–618 гг.), гл. 84, С 18b, 3, в котором упоминается название унугундуры. В основном это описание «Западных регионов», включая народы, проживавшие в северо-западной части совр. Китая до земель по реке Волга (Аде / Ādé) 阿得 (Атил, т.е. Итиль) и Византии (Фулин / Fúlin) 拂林. «От Фулин (Fúlin 拂林; Phwīttram)⁴³ на востоке обитают: энку (ēnqū) 恩屈, аланы (ālán) 阿蘭, беижуцзули (bèijūjiǔlí) 北褥九離 и фувахун (fúwāhūn) 伏嗶昏 (вариант записи фувенхун / fúwenhūn) 伏温昏. У них войска около 20 000 мужей».

«Суй Шу» написана историком Вэй Чженем (Wei Zhen) в период 629–636 гг. н.э., т.е. эта информация относится ко времени появления и расцвета Кубратовой Болгарии. Логично искать болгар среди народов, описанных к востоку от Византии. По сведениям осетинского историка А. Цуциева, болгары обозначены как **фувахун** (fúwāhūn) 伏嗶昏 или **фувенхун** (fúwenhūn) 伏温昏. Он предложил последнее толкование Ench³u (оногуры), A-lan (аланы), Pei-ju-chiu-li (башкиры, более точно бажгирд – этнос из племенного союза печенегов) и **Fu-wen-hun** (болгары)⁴⁴. Следует иметь в виду, что все эти имена дошли до китайского летописца в искаженном виде от различных информаторов, как правило, купцов, путешествующих по «Великому Шелковому пути».

Согласно словарям четырех известных китаистов (Старостина, Шюсслера, Бакстера и Сагара), реконструкция произношения такая: по Сергею Старостину, произн. **фувахун** (fúwāhūn) 伏嗶昏, в раннесреднев. кит. bwikwahwən, а для **фувенхун** (fúwenhūn) 伏温昏 – bwikwihwən. По Акселю Шюсслеру, **伏温昏** в раннесреднев. кит. bu^cuəhуən (при записи 温) и bu^cuəhуən (при записи 嗶) – похоже на толкование С. Старостина, а в др.кит. произношении (при записи 温) – bəkhūnhmən. По Бакстеру–Сагару в раннесреднев. кит. bjuwH³wonxwon / bjuwk³wonxwon, в др.кит. [b]əkunmu[n].

Можно считать, что **伏温昏** передает исходное чужое название, которое звучало как **букухун** / **букунхун** или **бухунхун** > болгары-уногондуры, имея в виду, что начальный иероглиф передает слог «бу/букх» > «букх-унхун/дур».

Другим интересным этнонимом является **беижуцзюли** (bèijūjiǔlí) 北褥九離 (восст. по Старостину rəknokkiwle). С точки зрения совр. произношения он очень похож на «ба-оцзили» (Bāojiāli) 保加利 – совр. китайское название болгар. Но со средневековым произношением дело обстоит сложнее⁴⁵. По Шюсслеру, раннесредневековое китайское произношение было bu^cno^{kku}³lioi^c или bu^cno^{kku}³rāih. Или исходное слово звучало как **беручули** > **беручури**, что очень похоже на барсилы, баршилы. Логично, что соседями аланов (транскрипция имени 阿蘭 ālān не представляет трудности) были болгары и барсилы. Также легко увидеть в этнониме **энку** (ēnqū) 恩屈 (ənkhwīt / ənkhut) > онгур, т.е. оногуров.

Тем не менее, с лингвистической точки зрения невозможно с помощью армянской транскрипции «влындур» передать этноним «выньтур», «внындур», «венентер». Согласно мнению болгарского армениста доц. Петра Голийского, запись М. Хоренаци Վլենդուր (Vlëndowr) отражает ошибочную транскрипцию имени, вероятно из сирийского источника, каковым являлся текст Мар Аба Катина (Марабы Мцуринского), потому что в сирийском алфавите буквы «ламед» 𐤌 (л) и «нун» 𐤍 (н) очень похожи и их легко мог спутать незнакомый с ними переписчик в передаче чужого (не сирийского и не армянского) имени. Вполне возможно, что эту ошибку сделал сам Мараба, потому что неизвестно, из какого источника он узнал о болгарях. Возможно, это сирийский текст. Следует иметь в виду, что армянская письменная традиция датируется с начала V в. н.э., когда епископ Месроп Маштоц в период 402–406 гг. по приказу армянского правителя Врамшапуха проживает в Эдессе, где создает армянский алфавит. Мар Аба Катина (Мараба Мцуринский), от кото-

рого М. Хоренаци взял сообщение о болгарях, жил за два века до Месропа и писал сирийским или арамейским письмом⁴⁶.

Таким образом, вынудур изначально было записано через букву «лад» (lad) у М. Хоренаци, которая в следующие века (с IX–X до XI вв.) постепенно изменила свое произношение от l в gh (совр. название буквы – ghad), и, конечно, при этом изменилось произношение Vlëndowr (Влындур) на Vghëndowr (Вгхындур). Отсюда при поверхностном понимании источника, считаемого «ненадежным», с помощью предвзятой версии в отношении этнонима «оногур», австро-венгерские тюркологи и историки создали один неверный, но очень живучий миф о происхождении болгар.

Название **уногундуры** (Ουνγογουνδουροι, Ουνγογουνδοροι), как синоним **болгар**, используется двумя византийскими авторами, которые жили в IX в. – патриархом Никифором и Феофаном Исповедником (или Византийцем). Тохарская связь помогает понять, что означает это название, которое превратилось во второй этноним болгар. Так, например, хазарский каган Иосиф называет болгар «венгеры» или народ ВННТР.

Неожиданно имя «(w)unn Gunduri / (w)ungunturi» открывается в самом раннем упоминании в китайской династической истории династии Старшей / Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.) – «Хан Шу», в связи с судьбой так называемых «сяо юэши / сяо юэчжи» (Xiǎo Yueshi) 小月氏, части народа юэчжей (тохаров-арси), которые остались на родине в Ганьсу и подчинились сюнну. В «Хань Шу», гл. 94б, сообщается, что владетель «малых юэчжи» (Xiǎo Yueshi) 小月氏 – вассал шаньюя (shanyu), имел владения в районе города Чжанье (Zhāngyē) 張掖 (совр. пров. Ганьсу) и носил титул Вэньоуто-ван (89 г. до н.э.). По этому вопросу А. Г. Малявкин пишет: «Титул **Вэнь-вана (Wen-wang) 溫王** сообщается в **большинстве китайских источников, но подробной информации о нем нет. Можно думать, что это какое-то родоплеменное название, которое существовало у юэчжей**»⁴⁷.

«Синь Тан Шу» («Новая история династии Тан») сообщает, что все владетели «Западного Края» (здесь также и Средняя Азия) происходили из царского рода юэчжей – Вэнь (Wēn) 溫. Титул подчиненного владетеля «малых юэчжей» тоже написан с этим иероглифом «вэнь / уэнь» (Wēn) 溫 и полная титулатура была – «вэньоутован» (wēn òu tú wáng) 溫偶駱王⁴⁸. Безусловно, и он принадлежал к тому же роду Вэнь.

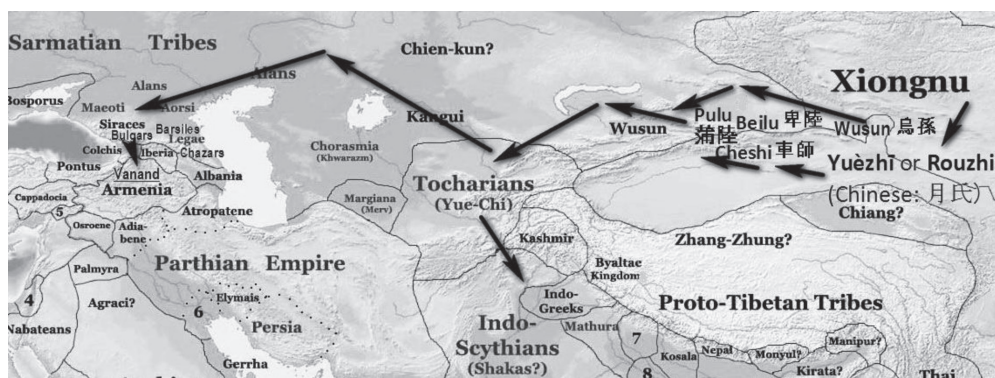
Очень интересная реконструкция произношения этого сочетания. Согласно указанным словарям, произношения в эпоху Хань было wānnŷwātú, в среднев.кит. wānnŷwāthwāj / onnŷwāthwāj (Старостин), в др.кит. ūnnŷō*l(h)ats, эп. Вост. Хан ūnnŷō^bduos, ūnnŷō^bt^huas (Шусслер), или в др.кит. *unnŷ(r)o[d]ar, среднев.кит. wonngwXda (Бакстер и Сагар), последний иероглиф «ван» (wáng) 王 озн. «владетель», «князь»⁴⁸.

Сочетание «оуту» (òutú) 偶駱 (nŷwātu, nŷō^bdu, nguXda) не было словом, а двумя иероглифами и такое выражение означает «пара», «пара низких (диких) лошадей» (駱, 駱 – низкая лошадь «таоту», вид пони у Бакстера 驪 tuó – «дикая лошадь»), и поэтому Н. Я. Бичурин толковал это по смыслу как «караул», «охрана», «пограничный князь», а В. С. Таскин переводил как «военный лагерь» и связал с тюрк. словом ogdu – «орда»⁴⁹, «войска», что тоже не очень удачно⁵⁰.

В таком случае, думаю, что более удачным будет прочитать целое выражение «wēnòutú» как китайскую транскрипцию чужого некитайского названия тохарского происхождения. Реконструкция произношения в эпоху Хань и Тан показывает максимальную близость к слову «оунгудур / онгунтур или уногундуры». Так объясняется, что управляющий род или племя у юэчжей-тохаров называлось **онгунтуры / унгундуры**, а потом китайские авторы сократили это трудное для произношения название до его первого иероглифа – 溫 Вэнь. Значение названия тоже объясняет тохарский. Например, иероглиф **Вэнь (Wen)**, который передает фонетически чужое имя, означает «милый», «приятный», «теплый», на самом деле является древним тохарским заимствованием, из тох. A wāñ, тох. B wīpa – «удовольствие», «приятный», тох. B wīnāññentār – «радостный», «счастливый», произв. праиндоевроп. *wēn(h)jyo – «хороший», «красивый», «надежный», в авестийском vanaiti – «славный», «победоносный», в санскрите vānati – «нравиться», «радоваться», «победоносный», «ликующий», vanas – «любовь», в др.англ. wine – «друг», в др.норв. vānn – «надежный», «красивый»⁵¹. Производные этого индоевроп. корня в этимологическом словаре Дугласа Адамса тоже в тох. B wāntare – «действие», wāntrešše – «сильное стремление», weñenta – «восхваляющий», тох. A и B *weñ – «говорить», «восх-

валить», и, как первооснову он предложил прототохарское ***weoñduru**, соотв. в санскрите *vandāru* – «восхвалять», в протоиндоевроп. **w̥nd̥wo* > прадох. **weoñdogu* – «слава», «хвала»⁵². Если сравним тохарское *wiñāññentār* с *винтр* (венетер / *вньндур*) по смысловому значению, получаем: «носители счастья, божественной предопределенности» (*qut* у тюрков, *χwaḡna* у иранцев). Смысл названия был «славный», «восхваляемый», «сильный», т.е. «добрый», «надежный» и т.д. **Винанхентар / Уинанхентар** – «славный, богоизбранный, управляющий род». Знак *ñ* передает носовой звук «ñh» или «ny», который показывает, что форма «уногундуры» была максимально близка к первоисточнику, а написание *винтр* (венетер) не передает носового «ñh / ñg».

Само пояснение «управляющие» превратилось в нарицательное название общности, как, например, «царские скифы», «царские саки». Очевидно, что уногундуры происходили прямо из управляющего ядра и были частью тохарской общности, которая синхронно с миграцией юэчжей-арси к Средней Азии (середина II в. до н.э. или 165 г. до н.э.) в начале I в. н.э. уже были замечены армянами и Плинием Младшим на Северо-Западном Кавказе. Через 150 лет часть мигрантов – тохаров из Центральной Азии – ассимилировались с сарматскими племенами в «степном коридоре среднеазиатского междуречья» и уже как сарматское племя достигли Кавказа. Так можно реконструировать самый древний этап истории болгар.

Кроме объяснения доц. П. Голийского о значении выражения **Վընդուր Բուկարայ Վնդայ** (*Vlëndur Bulkaray Vnday*), могу предложить еще одно альтернативное и, считаю, более правильное толкование, если все-таки предположить, что Мовсес Хоренаци или Мараба Мцуринский (Катина), передали вполне правильно название «вльндур». Тогда это не испорченное написание «вньндур» и соответственно между «вльндур» и «венетеры» – «уногундуры» нет ничего общего, и они являются разными словами. Значение «вльндур» можно тоже объяснить посредством тохарских языков. В тохарском *B walo, ylai* и тохарском *A wlām*, пратохарская форма **w'əlan* – «владелец», «царь», тоже в тох. *B lant* – «владелец», *lantuññe, lantuñña, lantuñña* – «владельческий», тох. *B lantuññe*, тох. *A lāntune* – «владельческое достоинство»⁵³. Таким образом, пратохарская форма для слова «владелец» была **w'əlan*, соответственно получаем **w'əlan-tār* – «владеть» (в медиопассивном залоге), и тогда выражение *Vlëndur Bulkaray Vnday* можно толковать как прямую передачу тохарского выражения в значении «владеющий болкарами Вында» или «болкары, которыми владеет Вынд».

¹ Армин Вамберу / *Vámbéry Ármin* (1832–1913) является основателем австро-венгерской тюркологии.

² Более подробно по этому вопросу: *Фінік С. В.* Значення етноніма народу болгар // 36. наук. праць / Харк. нац. пед. ун-т імені Г. С. Сковороди. – Серія «Історія та географія». – Харків, 2014. – Вип. 51. – С. 84–99; *Его же.* К вопросу об обозначении народа болгар в источниках // Харьк. историко-археологический сб. – Харьков: Мачулин, 2012. – Вип. 11. – С. 30–43.

³ Иордан сообщает: «Гепиды силой обладали землей, где ранее были поселения гуннов. Как победители они завоевали всю Дакию, и, как практичные люди, не просили ничего больше от Римской империи, кроме мира и ежегодных подарков в соответствии с мирным договором. Император охотно согласился на это, и по сей день он посылает подарки по обычаю этого племени. Готы, когда увидели, что гепиды завоеваны гуннские земли, и племя гуннов вернулось на старые места, тогда попросили из Римской империи земли для заселения и получили Паннонию. ... В этой стране есть много городов, первым из которых является Сирмиум (Срем), а самый крайний – Виндомина (Вена). ... Савроматов мы называем сарматами и кемандры, по всей вероятности, германское племя хамавы. В разных источниках их название встречается в следующих вариантах: камари (Самари), камани (καμάνοι), кемани (Caemani), канмани (κάνμανοί), хавмани (χαμάνοι). Хамавы / камавы обитали в землях между реками Рейном и Эймсом, но, возможно, какая-то часть из них оказалась среди племен, подчиненных Аттиле), и некоторые гунны поселились в части Иллирика на предоставленных им землях вокруг Кастрамартена (Castra Martis около совр. Видина). Скиры, садагарии и часть алан с их предводителем Кандаком получили Малую Скифию (Добруджу) и Нижнюю Мизию. Руги ... и многие другие племена попросили для себя поселения Биция (Виза) и Аркадиополь (Люлебургаз) (теперь в «Турецкой Фракии»). Эрнак, младший сын Аттилы, со своим народом выбрал удаленные земли Малой Скифии. Эмнетсур и Ултзиндур, кровные его братья, утвердились на Уте, Гиске и Альме (Utus, Hiscus, Almus – совр. болг. реки Вит, Искър, Лом) в прибрежной Дакии. Многие гунны поселились здесь, в Романии, и теперь живут там. Они называются сакромонтизии (“горцы”) и фосатизии (“жители низменности”). Так наз. «малые готы» в то время были большим племенем, и имели своего епископа и примаса по имени Вулфила, который изобрел для них алфавит, и теперь живут в Мизии в районе города Никополя, у подножия горы Эмимонт (Хемус, Гем)...».

⁴ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. – Часть 1. Текст воспроизведен по изданию: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. – URL: <http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/I.phtml?id=2049> (дата обращения: 29.03.16); *Буданова В. П.* Готы в эпоху великого переселения народов. – Москва, 1990, см. приложения.

⁵ Выражаю свою большую благодарность проф. А. Туаллагову, который предоставил мне этот материал, и г-ну Иналу Плиеву, который перевел его с осетинского на русский язык. «Болгар, сын Бурафарнэга» // Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. – Книга 5. – Владикавказ, 2010. – С. 486–488. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/BOLGAR_SYN_BURAFERNEG_NARTY.pdf (дата обращения: 14.03.16).

⁶ *Пьянков А. В.* К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-черноморского региона (и статья) Касаги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Pjankov_Kremacii_III_V_v_Kuban.pdf (дата обращения: 29.04.16). А. В. Пьянков считает, что первоначальными носителями этнонима «касаги» была алтайскоязычная (др.тюрк.) общность из Центральной Азии, которая мигрировала на Западный Кавказ и там оставила кремационные захоронения в границах салтово-маяцкой культуры. Одна часть из них мигрировала с Аспарухом на Балканы, другая утвердилась по р. Северский Донец, а третья осталась в Прикубанье и ассимилировалась с местными абхазо-адыгскими племенами.

⁷ Болгарский ученый-армянист доц. П. Голийски доказал, что Анастасий, которого упоминает М. Сириец, не император Анастасий, а одноименный полководец и стратег в диоцезе Фракии во время Маврикия. Это подтверждает и тот факт, что авары появились спустя полвека после правления императора Анастасия. В описании бунта Бахрама Чубина в Персии и помощи, которую император Маврикий предоставил низвергнутому персидскому шаху Хосрову II Парвису, М. Сириец сообщает очень интересную информацию: «[381] ... По истечении 10 месяцев, на девятом году Маврикиана, Хосров [II], сын Хормизда, воцарился над персами, так как те, что убили его отца, по причине его большой злобы, выбрали его сына и сделали правителем над собой в 902 году греческого летосчисления (591 г. н.э.). [386] Некий глава, который был на востоке, не признал Хосрова, пренебрег юным царем, презрел его и тиранически восстал. Хосров, видя, что Бахрам восстал против него и что большая часть народа была с ним, искал помощи у ромейского царя Маврикиана. Он отправил ему тайное письмо благодаря посредничеству командующего ромейским войском, которое было у Ресафы... (Ресафа, совр. Аль Ресафа, город в центральной Сирии на южном берегу Евфрата). Маврикиан послал царю Хосрову Иоанна, главнокомандующего фракийским войском, с 2000 человек... и Анастасия, который предводительствовал двумя тысячами армян и болгар...». У Григория Бар Эбрея встречается тоже сведения, но с разницей в численности войск: фракийский войском было 20 000, а армян и болгар (Buglariю **بوجلاری**) тоже 20 000: «И Маврикий послал Иоанна, военачальника Фракии (Tarkaye), с двадцатью тысячами людей, и Анастасия, который командовал армянами (Armanayo) и болгарями – тоже двадцать тысяч. И послал сорок талантов золота для этих расходов. Хосров (Kestru) получил все это и пошел в свое государство». Итак, это переселение болгар было до 591 г., потому что в подчинении Анастасия они приняли участие уже в походе при восстановлении на троне Хосрова II. Более точные сведения об этом переселении дает Бар Эбрей, который повторяет историю о переселении трех братьев из Внутренней Скифии (о чем сообщил и М. Сириец), но уточняет, что

это произошло в четвертый год царствования Маврикия (586 г.). Так что в период 586–590 гг. эти болгары, которые стали союзниками Византии (в отличие от паннонских болгар, которые в то же время опустошали Иллирик и Фракию), утвердились южнее Дуная. Об этом переселении сообщает и византийский историк Иосиф Гезий (X в.): «Болгары происходили от аваров и хазар, а свое имя получили от их владетеля Булгара, который поселился с разрешения ромеев вокруг Доростола» (совр. г. Силистра). Аналогичное сообщение есть и у Льва Диакона.

⁸ Подбрани извори за българската история. – София: Тангра-Таннакра, 2002. – Т. 1. – С. 24; то же: *Михаил Сирец*. Хроника (пер. Р. А. Гусейнова). Текст приводится по изданию: Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку: АН АЗССР, 1960. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Mychel_Syr/frameotryv1.htm (дата обращения: 14.03.16); то же: *Bar Hebraeus*. Chronography, IX. The Second Kingdom of the Greeks. Translated from Syriac by E. A. Wallis Budge (London, 1932). – URL: <http://rbedrosian.com/BH/BH.html> (дата обращения: 14.03.16); *Гюзелев В.* История на Средновековна България VII–XIV в. / В. Гюзелев, И. Божилов. – Т. 1. – София, 1999. – С. 60.

⁹ Тори (груз. თორები) – это исторический район в Центральной Грузии, теперь часть Самцхе-Джавахетии, Джавахетии и Месхетии. Он граничит на востоке с Триалетией, на северо-западе с Имеретией и на северо-востоке с Шида Картли. Область охватывает главным образом земли, известные сегодня как горная долина Боржоми. В средневековой Грузии Тори являлся наследственным владением семьи Гамкрели (также известны как Торелли). Название «Тори» используется до XV века. Примерно в то же время она становится наследственным владением семьи Авалишвили. Название Тори происходит от имени древнего кавказского племени «тореты».

¹⁰ Аланские или Сарматские Ворота – проход в ущелье, образованный горным руслом р. Терек.

¹¹ В древности известны три прохода с названием «Каспийские Ворота». Один находится у Эльбруса до города Казвини на севере Ирана, второй находится в районе Дербента, а третий – Дарьял. Тацит в I–II вв. н.э. описывает Дарьял (Военно-Грузинская дорога) как «Каспийский путь». Название происходит от города Каспия. Имя самого города происходит от древнего народа каспиев, которые жили в регионе – от Дарьяла и горы Эльбрус до южного побережья Каспийского моря и долины р. Куры. После скифского вторжения в VII в. до н.э. единство народа каспиев было нарушено, и те, кто остались в Восточной Грузии, были ассимилированы древними иберами (грузинами). Сохранилось только имя города Каспи, откуда проходит маршрут через Кавказ.

¹² Подбрани извори за българската история. – Т. 1. – София: Тангра-Таннакра, 2002. – С. 24.; то же: *Михаил Сирец*. Хроника (пер. Р. А. Гусейнова). Текст приводится по изданию: Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку: АН АЗССР, 1960. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Mychel_Syr/frameotryv1.htm (дата обращения: 30.03.16); то же: *Bar Hebraeus*. Chronography, IX. The Second Kingdom of the Greeks / Translated from Syriac by E. A. Wallis Budge (London, 1932). – URL: <http://rbedrosian.com/BH/BH.html> (дата обращения: 14.03.16).

¹³ В наше время есть только короткий перевод на сирийский язык с дополнением переводчика. Оригинал был на греческом языке. Имя автора, который сделал перевод, неизвестно. Вероятно, он был жителем сирийского города Амида, поэтому в историографии называют его Псевдо-Захарий. Захарий Ритор завершил свою работу в 518 г. н.э., в то время как перевод с дополнениями Псевдо-Захария были сделаны в 28-й год царствования Юстиниана, или в 866 г. по эре Селевкидов, соответствующим 555-му г. н.э. По словам Нины Пигулевской, тексты, написанные Захарием, и дополнения его анонимного переводчика очень сложно различать.

¹⁴ *Гюзелев В.* История на Средновековна България VII–XIV в. / В. Гюзелев, И. Божилов. – Т. 1. – София, 1999. – С. 60; то же: «Tabula Peutingeriana». – URL: <http://www.tabula-peutingeriana.de/tp/tpx.html> (дата обращения: 04.03.16); Segmentum XI и «Карта Грузии». – URL: http://country.turmir.com/map_36.html (дата обращения: 04.03.16); Atlas of Ancient Classical Geography by Samuel Butler, 1907. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/17124/17124-h/17124-h.htm> (дата обращения: 15.03.16); *Захария Мутленский*. История: Кн. 12, гл. 7 (пер. Н. В. Пигулевской). Текст воспроизведен по изданию: Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. – Москва, 1939. – № 1. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Zacharia/text1.phtml?id=526> (дата обращения: 01.04.16).

¹⁵ Дидо – историко-географическая область в Юго-Западном Дагестане, основном районе расселения дидойцев, которая на западе граничит с Грузией. Полностью соответствует совр. Пунтинскому району Дагестана.

¹⁶ Это не исключает общего происхождения двух групп. Согласно легенде, от двух братьев Курта и Тага происходят два родственных племени – куртатинцы и тагаурцы.

¹⁷ Одно из названий осетин-кударов, также – кударцы, кудайраг, обитающие возле горного течения р. Ксани, в Крестовом перевале. – См.: *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – Москва, 1973. – С. 130–131.

¹⁸ Согласно Г. А. Гебулаеву, исследователю топонимии Азербайджана, народ «кулас» соответствует пограничному азербайджанскому селению Хулаш, Хулашлы или Улашлы в Кубатлинском и Геокчайском районах Азербайджана; похожие топонимы – Улашликент – в Дагестане, Хулаш – в Грузии (в XIX в.), г. Улаш в Армении в XVII в. Он считает куласов-хулашей хазарским племенем. Не исключено, что это были части эфталитского племени халачей, переселенные сюда персами. В

тексте Псевдо-Захария багаррик – соседи кулас, т.е. они обитатели Дагестана, а кулас поставлены совместно с абдел и эфталит. – См.: *Гейбуллаев Г. А.* К этногенезу азербайджанцев (историко-этнографическое исследование). – Баку: Элм, 1991. – С. 80.

¹⁹ *Zachariah of Mitylene / Zacharias Rhetor.* The Syriac Chronicle, Book 12, CHAPTER VII. – URL: <http://www.tertullian.org/fathers/zachariah12.htm> (дата обращения: 15.02.16). Издание сирийского текста принадлежит Яну Ланду (Jan Land) в третьем томе «Anecdota Syriaca». Leiden, 1870. Книга доступна в google books: Anecdota Syriaca III-IV. – URL: <http://books.google.bg/books?id=yt4OAAAAQAAJ> (дата обращения: 10.03.16). Это 4 и 3 том вместе (в этой последовательности). Данные о болгарях на с. 337 третьего тома, ряды 8–14. – URL: <http://nauka.bg/forum/index.php?showtopic=13244> (дата обращения: 14.03.16). Сирийский текст читается справа налево; *Лигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. – Москва, 1941 г. – С. 80–81; *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). – Баку: Элм, 1986. – С. 24.

²⁰ В осетинском варианте «Нартского эпоса» сообщается гидроним и топоним Балк / Балк (Vælq), приток реки Терека, а область, где она протекает, называется Балгийское поле. Это совр. р. Малки, которую кабардинцы называют Балк. Болгарский этноним появляется и в образе эльдера Белгъа (Vælgъa), чьи земли находились на равнинах к северу, которые назывались Балгийское поле или Балгийская степь. Он был очень богат, имел много скота. По словам Л. Д. Лопатинского, современное название Балкарии происходит именно из гидронима Балк. На самом деле, топоним и гидроним происходят от имени болгар (Bulgari в «Истории» Мовсеса Хоренаци) и показывают, что древние болгары обитали на Северо-Западном Кавказе и оставили свое имя в названии Балкарии. В адыгских нартских легендах по среднему течению реки Кубань была расположена область Барсгубгъуэ «Барсово поле» – отражение топонима Барсилии.

²¹ Происхождение имени связано с древнейшим доиндоевропейским, пракавказским населением Средней Азии. Например, в кавказских языках: цезское himu, гинукское хетму, гунзипское үхетму, чиракское үхута – «большой камень». См. и доболгарское название горы Старой планины Хемус (горы Гем) – субстратное доиндоевропейское кавказское слово; в баскском mendí – «гора», откуда попало в кельтские яз.: бретонское menez, древнеирландское monid; валлийское (кимрское) mynydd, корнуольское meneth – «гора», в латинском mons – «холм», в древнекавказских яз., в хаттском munapuna – «камни», в касситском mupa – «камень», в этрусском mun – «надмогильный камень», откуда латинское – monumentus.

²² Это понятие в китайских династических историях имеет разные значения, в узком смысле – Таримский бассейн, в широком – Средняя Азия и все земли до Римской (Византийской) империи.

²³ В эпоху Хань произносилось 𦉑𦉑𦉑 – Еяк, и считается, что это передача кетского названия Енисея – Хук, но вполне возможно и наличие только смыслового значения «плохой холм» в связи с сообщением о месте ссылки непокорного племени.

²⁴ «The Western Regions according to the Hou Han Shu», a new translation with extensive annotations by John Hill. The Hou Han Shu, the official history of the Latter or Eastern Han Dynasty, 25-220 CE, was compiled in the fifth century by Fan Ye, but is based on earlier records. (Last updated 8/7/2003). – URL: http://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html (дата обращения: 02.04.16).

²⁵ *YU Taishan.* The Communication Lines between East and West as Seen in the Mu Tianzi Zhuan. // Sino-Platonic Papers. – 2010. – № 197. – P. 9–10.

²⁶ Каталог гор и морей (Шань хай цзин). – Москва, 1977. – С. 11.

²⁷ Пулу (Pulu) 蒲陸. Первый знак 蒲, со знач. «тростник», «лоза», есть производный от знака 蒲, со знач. «полезное растение», «злак», в др.кит. и эп. Хань – pú, совр. форма – pú, fú. Второй знак 陸, в др.кит. – luk, эп. Хань – gəuk, совр. ф-ма – lù, со знач. «страна», «континент», «холм», «возвышение». Во втором, более древнем варианте передачи, разница только во втором знаке 類, в др.кит. – luts, классический китайский – gwəś, эп. Хань – gwəś, совр. форма – lèi, со знач. «род», «природа», «вид», «группа», «класс», «сорт». Бейлу (Beilu) 卑陸, первый знак 卑, в др.кит. и эпохи Хань – pe, эп. Вей и позднее среднев. кит. – pje, совр. форма – bēi, со знач. «ничтожество», «подлый». Второй знак 陸, в др.кит. – luk, эп. Хань – gəuk, совр. форма – lù, со знач. «страна», «континент», «холм», «возвышение». См. *Sergey Starostin.* Chinese characters. – URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=wygnnl> (дата обращения: 14.03.16); URL: <http://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/Chinese%20Charastres%20Starostin.pdf> (дата обращения: 14.03.16).

²⁸ *Schuessler A.* ABC Etymological Dictionary of Old Chinese. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – P. 240, 289–290, 379, 514.

²⁹ *Baxter W.* Baxter-Sagart Old Chinese reconstruction, version 1.1 / William H. Baxter and Laurent Sagart. – P. 56, 60, 120, в PDF на адресе: URL: <http://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/Baxter-Sagart-OCbyGSR2014-09-20.pdf> (дата обращения: 04.03.16).

³⁰ Например, близки к тохарскому произношению и упомянутые Птолемеем Тапурские горы (какой-то из хребтов Алтая); из тохарского tarqe – «высокий», т.е. это «Высокие горы».

³¹ Название Турфан (Turpan) 吐魯番 тоже тохарского происхождения. Стен Конов нашел хотаносакский документ в Дуньхуане, где упоминается г. Tturgamni Kamtha, или город (kamtha) Турпан. И поэтому В. В. Бартольд считал название доуйгурским. В тох. А – tar, тох. В таур – «пыль» (см. болг.

диал. слова «турма» – «дым», «пыль»), и тох. A pānw, тох. B pānn – «простирается», «достигать», в хеттском rangarija – «простирается», «расстилать», так что значение имени tar-pānw / taug-pānn было «пыльная, пустынная местность». – См.: *Бартольд В. В.* Собрание сочинений. – Т. 3. – Москва, 1963. – С. 521.

³² *Aydemir H.* Tocharian ethnotoponyms and ethnohydronyms in Xinjiang // *Journal of Dil Arastirmalari.* – 2013. – Issue 13. – P. 73–92. В болгарском переводе: *Aydemir H.* Тохарски этнотопоними и этнохидроними в Синцзян. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/Hakan_Aydemir_Tocharian_toponims.pdf (дата обращения: 04.04.16).

³³ *Étienne de la Vaissière.* The Triple System of Orography in Ptolemy's Xinjiang. В переводе – Тройная система орографии в Синьцзяне, согласно Птолемию. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/E_de_Vassire_Ptolemy.pdf (дата обращения: 02.04.16).

³⁴ *Съслов Д.* Пътят на България. – София, 2000. – С. 234–235.

³⁵ Корень *kas- «светлый», «блестящий» объясняет болгаро-осетинское имя **Косара**, что соответствует в «Нартском эпосе» имени **Косар**, дочери Солнца, а у болгар **Косара** – дочь болгарского царя Самуила. Соотв. мужскому варианту этого имени другое болгаро-осетинское имя – **Куцар / Куцыр**.

³⁶ An etymological lexicon of Proto-Celtic [Matasovic]. – URL: <http://www.indo-european.nl/cgi-bin/main.cgi?root=leiden> (дата обращения: 04.03.16); *Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // *Вопросы языкознания.* – 1992. – № 5. – С. 50–60; *Adams D. Q.* A Dictionary of Tocharian B. – Amsterdam-Atlanta: Edit. Rodopi, 1999. – P. 31–32, 49–50, 156, 181, 186; Digital South Asia Library. The Dictionaries on-line. – URL: <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/index.html> (дата обращения: 04.04.16).

³⁷ Как аналог тюркологи предлагают др.тюрк. *bakīg, туркмен., татар., турецкий bakıg, узбек. baqir, raqir, уйгур. raqir, азерб. рахіг, балкар., кумык. багыг, хакасский рауэг, чувашский рāхāг (рyгyг) – «красная медь», «медный сосуд» (др.болг. **пахар** – «медный сосуд», в совр. болг. пахар означает «металлический сосуд» вообще), в монг., калмык. bahr – «яркий», «блеск». Не могу согласиться с мнением Мудрака и Старостина, что в основании названия находится др.монг. bokī – «нагар», гряз, bokig – «грязный», «нечистоплотный», в праалтайское bōki – «нагар», «грязный», «мутный», «темный», в монг. bokī, boxī, bokig, boxig – «грязь», др.япон. *рэкэгi – «пыль», «пыльной», и так доходим до тюрк. bok – «кал», «дерьмо», заимствовано из турецкого в болг. как **боклук** – «мусор», «уборная». Расанен считает, что первооснова понятия иранская; в перс. bargh – «яркий, т.е. блестящий металл». В северо-индийских диалектах багаг, bagā – вид красного риса, перс. balārak, маратхи baktara – «сталь», маратхи, кашмир. bakhataга, хинди-урду baktar – «железо»; слово отражает одно из основных качеств металла – блеск и яркость. В др.русск. «бехтер» – «железная броня»; считается, что оно имеет сармато-аланское происхождение (В. Абаев). От понятия «бехтер» происходит фамилия Бехтерев.

³⁸ *Иванчев Св.* Към въпроса за съчетанията РЪ/РЪ, ЛЪ/ЛЪ в старобългарските текстове // *Българският език – класически и екзотичен: Сборник авторски статии.* – София, 1988. – С. 65–69; *Starostin S. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Copyright 1998–2003. – P. 348–349. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/etymological_dictionary_of_altaic_languages.pdf (дата обращения: 01.05.16); *Мудрак О. А.* Пратюркская металлургическая лексика. – URL: <http://altaica.ru/Articles/metl1.pdf> (дата обращения: 14.03.16); *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1996. – Т. 2: С–Я. – С. 408; Digital South Asia Library. The Dictionaries on-line. – URL: <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/index.html> (дата обращения: 01.05.16).

³⁹ Yuezhī 月氏, древняя форма Rúzhī 月氏, является китайской транскрипцией этнонима «арси» или «ārши/ārши») – тохары. А само значения этнонима – в тохарском A ārki, ārsī, тохарском B ark, arkwi – «белый», «светлый», пратохарская ф-ма *ārkw(ā)j – «белый», в тох. B ruk – «блестящий», т.е. арси (арсы) – «белые», «блестящие»; сходное значение – касы, касары, кусане, кучане! Итак, само-названием «юэчжей» было «арши», «арси», «арги», «арghi» и их имел ввиду Геродот (V в. до н.э.), когда писал о народе «аргипеев» (Ἀργιπῆαίαι), который обитал в самом отдаленном углу известного мира. Вообще не трудно увидеть в этом названии искаженный перевод тохарского «ārki уре / ārsī уре» – «белая страна», «белый народ». Особенностью аргипеев было отсутствие волос на голове. Этот факт, который древние авторы не могли объяснить, конечно связан с древней мужской прической «тянпус», голову брили но на макушке оставляли косичку (как у казаков, которые заимствовали это от половцев). Известие об этом народе достигло как дальное эхо Древней Греции благодаря рассказам купцов.

⁴⁰ *Петров М. П.* О происхождении чуваш. Доклад, прочитанный 26 февраля 1925 г. на заседании II Сессии Облисполкома V Созыва и 15 марта т.г. на заседании Общества изучения Местного Края Чувашской Авт. Области. – Чебоксары: Чуваш. Гос. Изд., 1925. – С. 19.

⁴¹ Чăваш арсын ячĕсем. – URL: <http://cv.wikipedia.org/> (дата обращения: 02.05.16).

⁴² *Гаглойти З. Д.* Осетинские фамилии и личные имена. – Цхинвал: Южная Аляния, 2007. – С. 91.

⁴³ Происходит от парфянской и согдийской транскрипции названия Рима, так же, как затем и Византии – «страна ромеев» (From), что было воспринято в кит. – Fulin и др.тюрк. – Purum.

⁴⁴ Сам текст таков: «Fúlin dōng zé yǒu ēnqū, ālán, bēirujǐlǐ, fūwāhūn dēng, jìn èr wàn rén». Передача с иероглифов: 拂菻 (Fúlin – Рим), 東 (dōng – «восток»), 則 (zé – положение, направление), 有 (yǒu –

«имеет», «обладает», «обитает»), 恩屈 (ēnqū – оногурь), 阿蘭 (ālān – аланы), 北禡九离 (bèirùjiǔlí – барсилы), 伏囉昏 (fúwāhūn – болгары-уногундуры), 等 (děng – «подсчитывать»), 近 (jìn – «близко», «около»), 二 (èr – «два»), 萬 (wàn – «десять тысяч»), 人 (rén – «человек», «муж», «служащий», «воин»). См. также: Цуцзев А. А. Известия китайских письменных источников по ранней истории алан // Аланы: история и культура. – Владикавказ, 1995. – URL: <http://alaniu.ru/publ/7-1-0-30> (дата обращения: 17.03.16). Китайский текст «Суй-шу» цитирован по: Муратов Б. А. Телеские предки башкир в китайской хронике «Суй шу» // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3 (34). – URL: <http://shejere.livejournal.com/6429.html> (дата обращения: 01.04.16). Прямо из китайского текста «Суй-шу» о (племенах) Теле 纒勒, первый отрывок текста «Суй-шу» находится в «Wikisource», вместе с другими китайскими официальными династическими историями. – URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%9A%8B%E6%9B%B8%E5%8D%B784> (дата обращения: 24.04.16).

⁴⁵ Второй иероглиф 褥, в совр. кит. произносится «жу» (англ. транскр. jù), а в среднев. кит. пок («матрас», «кровать»), и передает нетипичный звук «р» в чужих названиях. Первый иероглиф 北 (bèi и bèi) озн. «север», «северный», производный 背 (bèi) – «спина», «задний», «задняя страна», в ранне-средн. кит. бэ. Третий иероглиф 九 (jiǔ) озн. число «9», в раннесреднев. кит. kiw и kəw > ku' как в много из совр. диалектов произносится с начальное «ч» (ch). Четвертый иероглиф 離 озн. «отдаваться», в эпоху Вост. Хань произносился как «ге».

⁴⁶ Существует легенда, что епископ Месроп создал армянский алфавит, основанный на «письме епископа Даниила». Даниил был сирийским священнослужителем, который обнаружил старое письмо, ранее используемое армянами. Врамшапук послал Месропа познакомиться с письменами Даниила, но он обнаружил, что они очень неполные и не могут передавать все звуки армянского языка. Письмо Даниила было вариантом арамейского письма (передает только согласные) и использовалось в языческий период. «...Царь сказал он ему о благопристойном сирийском епископе по имени Даниил, который случайно обнаружил алфавит для армянского языка. И когда царь сказал им (Месропу и его ученикам) об этом, они упростили его отправить их изучать эти письмена. Тогда царь послал некоего Вагрича (Вагрич Хдуни) с царской грамотой к какому-то иерею Авелю, который был близок к сирийскому епископу Даниилу». (Кюрон: «Жизнеописание Маштоца»). Кюрон указывает, что «эти письма были „похоронены“ в письменах другого языка, и (тогда) они воскресли» (2, 81). Сам Даниил был сириец, поэтому его алфавит был вариантом сирийского, арамейского или другого семитского алфавита. – См.: Мехдиев З. Византия и армяне. – URL: https://erevangala500.com/?direct=news_page&id=315 (дата обращения: 14.02.16).

⁴⁷ Мальякин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989. – С. 197, 257.

⁴⁸ Adams D. Q. A Dictionary of Tocharian B. – P. 730, 735, 744; «Хань-шу» (Han shu, ch. 94b), гл. 94 б. – URL: <http://zh.wikisource.org/wiki/漢書/卷094下> (дата обращения: 01.03.16). – См. также: Schuessler A. ABC Etymological Dictionary of Old Chinese. – P. 407, 504, 514.

⁴⁹ Тюрк. ordu – «военный отряд», «свита владетеля», «стан владетеля», в уйг. Ordükant, Ordubalik – «ордынский город», «столица». Из др. тюрк. > монг. ordu, orda, калмык. ordó – «двор», «лагерь», «бивак», монг. ordon – «дворец», маньчж. ordó – «шатер» (Рамстедт). Предполагается происхождение слова как заимствование из другого языка (Щербак). Спорный источник – тохарское A wartsī, тохарское B wertsīya, прагох. *wertsīya. – «свита владетеля», «близкое окружение», «собрание», «совет». Д. Адамс связал с пр.индоевроп. wordhyena – «масса», «группа», «множество людей».

⁵⁰ Baxter W. H. Old Chinese Reconstruction, version 1.1 / William H. Baxter and Laurent Sagart. – P. 21, 26, 56. – URL: <http://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/Baxter-Sagart-OCbyGSR2014-09-20.pdf> (дата обращения: 24.03.16); Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ: Иристон, 1999. – С. 94–97; Starostin S. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Copyright 1998-2003. – P. 1162–1163. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/etymological_dictionary_of_altaic_languages.pdf (дата обращения: 01.03.16).

⁵¹ Которое в основе имени Вунд (Вьнд), что встречается и у совр. болгар как Вьндо / Вьндьо. Во всех индоиранских яз. корень *vant- / *vand- и *vanat- / *vanad- означает «желать», «стремиться», «владеть». В пеласгийском (Микены) wanaka – «государь», «владетель». У этрусков был бог по имени Vanth. У армян бог Ванатур (Vanatur) был богом Нового года. Ванитар или Вандар (Wānitār / Wāndār) был героем из «Авесты», сыном Ираджа (первого царя Ирана). Имя означает «Победитель мрака» или «Победитель зла» (Ф. Юсти). – См.: Justi F. Iranisches Namenbuch. – Marburg. 1895. – S. 347–348.

⁵² Adams D. Q. A Dictionary of Tocharian B. – P. 544–545, 581–582.

⁵³ Lubotsky A. The Original Paradigm of the Tocharian Word for „King“. Originally appeared in: Tocharisch. Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Berlin, September 1990 (Tocharian and Indo-European Studies, Supplementary Series 4), ed. B. Schlerath. Reykjavík, 1994. – P. 66–72. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/A_Lubotski_Tocharskata_duma_tcar_2.pdf (дата обращения: 01.05.16); Лубоцки А. Първоначалната парадигма на тохарската дума за «владетел, цар». – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/A_Lubotski_Tocharskata_duma_tcar.pdf (дата обращения: 03.04.16).

ЗА ПРАРОДИНАТА И ПРОИЗХОДА НА ХУНИТЕ

И. Иванов, М. Минкова

Иванов И., Минкова М. За прародината и произхода на хуните. Чрез етимологията на няколко хунски лични имена, племенни названия и думи, останали в българския език, се осветлява произходът на хуните. Българските думи *бара* „река“, *чурка* „струйка вода“, *шавар* „крайречна тръстика“ и *шубрак* „нискостеблена гора“ имат точни съответствия в тунгусо-манджурските езици. Хунските думи *хуту* „престолонаследник“ и *керка* съответстват на тунгусо-манджурските *хутен* „син“ и *гирке* „жена“. Хунското лично име *Алдан* (*Улдин*, *Атила*) и племенното име *ултиндзури* са близки до хидронима *Алдан*. Горният анализ посочва пратунгусо-манджурските племена като първоизточник на тези хунски думи.

Ключови думи: хун-ну; прародина; тунгусо-манджури; Ултин-Атила; река Алдан.

Иванов И., Минкова М. О родине и происхождении хун-ну. В статье обсуждается происхождение гуннов по этимологии нескольких гуннских имен, племенных названий и реликтовых слов в болгарском языке. Болгарские слова *бар* «река», *чурка* «струя воды» *шавар* «прибрежные камыши» и *шубрак* «кустарник» имеют точные совпадения в тунгусо-маньчжурских языках. Гуннские слова *хуту* «престолонаследник» и *керка* совпадают с тунгусо-маньчжурские *хутен* «сын» и *гирке* «женщина». Хунское личное имя *Алдан* (*Улдин*, *Атила*) и племенное название *ултиндзури* сходны с гидронимом *Алдан*. Приведенный выше анализ указывает на пратунгусо-маньчжурских племен как источник этих гуннских слов.

Ключевые слова: хун-ну; прародина; тунгусо-маньчжури; Ултин-Атила; река Алдан.

Ivanov I., Minkova M. On the Motherland and Origin of the Huns. This article highlights the origin of the Huns according to the etymology of several Hun names, tribal names and word remnants in Bulgarian language. Bulgarian words *bar* “river”, *churka* “jet of water”, *shavar* “riverside reeds” and *shubrak* “low-stem bush forest” have exact matches in Manchu-Tungusic languages. Hun words *hutu* “crown prince” and *kerka* match Manchu-Tungus *huten* “son” and *girke* “woman.” Hun personal name *Aldan* (*Uldin*, *Attila*) and tribal name *ultindzuri* sound like the hydronym *Aldan*. The analysis made above indicates Proto-Manchu-Tungus tribes as a source of those Hun words.

Keywords: Hun-nu; homeland; Manchu-Tungus; Ultin-Attila; river Aldan.

От дълбока древност земите северно от Китай са населявани от автохтонни монголоидни, некайтайски племена, най-големите от които са хун-ну (*xiongnu*, *hsiongnu*, *хсионг-ну*, *сион-ну*, *хун-ну*, *азиатски хуни*) и сянь-би (*xianbei*, *xiānbēi*).

Езикът и самоназванието на хун-ну остават практически неизвестни¹. Установени са само десетина лични имена на хуните, племенни названия, няколко хунски титли и религиозни термини като например *ченли* «небе, небесен» е названието на върховния хунски бог, *шанюй* е титлата на хунския владетел, а *chenli gydu shanü* «син на небето» е пълната владетелска титла. Самото название хун-ну (*hsiongnu*) е китайско и означава „северни варвари“. Много популярна е теорията, че хун-ну са сродни на тюрките, но според други по-нови теории хун-ну са народ, различен от тюрките². Напоследък енергично се аргументира родството на хун-ну с енисейските народи, теза, изказана за първи път от Ласло Лигети и застъпвана от Едвин Пълибланк и Александър Вовин³.

Смята се, че племената сянь-би са предци на днешните монголци. В периода 93–234 г. те създават племенно обединение с център днешна Източна Монголия. По-късно, в периода 330–555 г. върху земите на днешна Южна Монголия и Северен Китай (Вътрешна Монголия) възниква друго тяхно племенно обединение, известно с китаизираната форма на собственото им име – жужан или руран (*Rouran*, *Jou-jan*, *Juan-Juan*, на китайски – „гърчещи се насекоми“). Според китайски източници този народ се нарича още „татар“ или „тартар“.

В своето обединение жужаните включват и много немонголски племена, между които и племената на бъдещите тюркюти или тюрки. В периода 450–550 г. някои подчинени на жуаните племена въстават и за кратко време създават свои държави. Най-мощно е въстанието на гьоктюркското племе на рода Ашина, което заедно със съюзните им китай-

ски войски в 555 г. нанася тежък и окончателен удар върху държавата на жуаните. От този момент насетне тюрките за пръв път излизат на политическата карта на Азия като самостоятелен, културно обособен и държавно-творчески народ. Политическият център на новата тюркская държава е долината на река Орхон, в северната част на днешна Централна Монголия. Самите жуани в продължение на четири века са лишени от държавност, като в X в. се обединяват и дават началото на голяма империя, чийто най-известен владетел е Темучин (Чингиз хан).

Около 220 г. пр.Хр. шанюй Туман създава първото племенно обединение на хун-ну северно от Китай. Пет години по-късно китайският пълководец Мън Шън отблъсква поредното хунско нашествие и построява китайската стена северно от град Пекин. През I в. от н.е. хун-ну търпят тежки поражения от китайците и от племената сяньби. Част от хуните тръгват в западна посока и в продължение на няколко века се приближават към река Волга. В края на IV в. (около 380 г.) азиатските хуни, водени от Баламбер и Руа, нахлуват в Северното Прикавказие, разгромяват аланите и готите и се установяват в земите на днешна Унгария. От това място хуните, вече известни като европейски хуни, подчиняват множество местни племена, създават обширно племенно обединение от Алпите до Кавказ и започват да грабят съседните провинции на Източната и Западната част на Римската империя. Ядрото на това обединение, Атиловите хуни са описани от Приск Канийски (Приск Тракиец, V в.) като първични монголоиди.

Допреди около половин век в българската и европейската историческа наука беше популярна хипотезата, че прабългарите идват в Европа като част от азиатските хун-ну и че прабългарите и хун-ну са расово и етнически неотличими. Тогава е създаден терминът 'хуно-българи' като еквивалент на днешния термин 'прабългари'. На тази основа някои учени приемат, че „хуно-българите“ са ядрото на европейските хуни, а известният Авитохол, който според „Именника на българските владетели“ е първият владетел на прабългарите, съвпада с най-известния водач на европейските хуни – Атила. Антропологичните данни, основани на археологическите разкопки на прабългарски погребения, не потвърждават предполагаемата монголоидност на прабългарите и ги представят като типични европеиди от сарматски произход. Установено е, че в сравнение с хун-ну прабългарите са значително по-рано засвидетелствани в района на Кавказ⁴.

Поради тези обстоятелства българската историческа наука отхвърля родството на прабългари и хуни по много причини, включително и политически, и приема, че прабългарите представляват откъснала се далеч на запад част от ранните тюрки. Така възниква ново определение за прабългарите – тюрко-българи. Последните резултати от археологическите и историческите изследвания представят прабългарите още по-точно и убедително предимно като сармати.

На старобългарски хуните се наричат *хунав*, където „-ав“ е старинен български суфикс. В „Слово о полку Игореве“ думата *хинова*, вариант на *хунав*, е използвана като определение за див, враждебен народ, а в „Задонщина“ *хинов*, *хиновски* са използвани като епитети, отнасящи се за татарите. На старобългарски *хъна/хъна* означава „коварен, враждебен“⁵. В старобългарската и старославянската литература няма и намек за евентуална връзка между прабългарите и хуните.

Независимо от напредъка на представите ни за произхода на прабългарите, все още има учени от Източна Европа и у нас⁶, които продължават да смятат прабългарите като неотделима част на народа хун-ну. На конгрес в Охрид Антоанета Гранберг представя списък от 48 думи, които според нея са с „хуно-български“ произход и са заети в раннославянските езици⁷. Според нея тези „хуно-български“ думи са част от „хуно-българския език“, който е алтайски, различен от езика на ранните тюрки. Някои от тези думи действително са прабългарски, други вероятно са наследени от други народи, дошли от изток значително по-късно (печенеги, кумани, узи). Авторката не представя доказателства за твърдението си, че това са хунски думи.

Изказва се още едно становище, чиито привърженици отхвърлят данните на Приск Канийски (V в.) и обявяват, че европейските хуни нямат нищо общо с азиатските хуни (хун-ну) и са обединение от местни сарматски, праславянски и прагермански племена. В българския вариант на тази теория прабългари и хуни отново се свързват, но този път като местен европеиден народ.

От казаното дотук става очевидно, че са нужни нови доказателства за вида и произхода на хуните на Атила. В представения по-долу материал накратко се описват заселванията им по нашите земи. На тази основа се представят доказателства за това, че те оставят няколко уникални думи от своя език, чийто първообраз днес се среща единствено в тяхната прародина – землището на евенките (тунгусите) и манджурите.

В 551 г. Йордан пише в своята хроника „Getica“, че след смъртта на Атила (453 г.) съюзните на хуните народи се разбунтуват. В 454 г. гепидите отказват да са васални на хуните и в една битка с тях убиват най-големия син на Атила – Еллак. Въстаналите гепиди се свързват едновременно с римския император Марциан и получават правото да се заселят в областта Дакия като римски федерати. В края на същата година остроготите (остготите), живеещи в Панония, също отхвърлят зависимостта си от хуните и се признават за федерати на Марциан.

По-малките синове на Атила – Ернах и Денгизих (Денгиз, Ченгиз ?), организират наказателно нападение над готите в Панония, но в битката с тях са разбити. Тези загуби на непобедимите дотогава хуни предизвикват разпад и мощни размествания на обединението им от разнородни племена. Започва масово изселване на първичното хунско население от Панония на изток и юг, документирано от хронистите Йордан (около 551 г.) и Прокопий Кесарийски (500–561). Част от хуните под ръководството на Денгизих се заселва в района между река Прут и река Днепър, която на езика на хуните се нарича Вар. Ернах с народа си отива още по на изток и в 465 г. е в района на Приазовието, в съседство с оногурите (бъдещите Аспарухови българи). Друга част от хуните, водени от Емнетзур и Ултиндзур (петия и шестия син на Атила), в периода 457–458 г. преминава Дунава и е заселена от византийския император Льв I в района между днешните български градове Лом и Плевен. Тези хуни федерати защитават дунавската граница на империята и са наречени от Йордан „фосатизи“, от римската дума за „военен лагер“. Йордан съобщава и за по-сетнешно заселване на хуни (след 527 г.) по времето на Юстиниан I, наречени „сакромонтизи“. Вероятно от тях идва името на река Вардар. Според „Арменската география“ от VII в. на Анани Ширакаци река Кубан, където се настаняват Ернаковите хуни, също е наричана Вардар. От горните данни може да се предположи, че хунската дума *вар* означава „река“. В 469 г. Денгизих организира неуспешен грабителски поход на юг от Дунав без подкрепата на брат си Ернах и е убит. Малко по-рано, в 463 г., обединените сарматски народи на Прикавказието – оногури, савири и сарагури, разгромяват новите си неканени съседи – хуните на Ернах, и избиват целия им народ (Теофилакт Симоката).

Същото събитие е отразено в древна тюркска легенда, в която се казва, че след като войската на хуните е разбита, остава жив, но тежко ранен само един деветгодишен хунски царски наследник в най-западната част на Атиловата държава. Той е намерен от митичната вълчица-прародителка, която зачева от него. Вълчицата побяга в Алтай, където ражда първите девет сина на рода Ашина⁸. Вълкът е тотем (родич) за тюрки и монголи, но не и за прабългари, чийто тотеми вероятно са сърната и барсът.

Йордан (V в.) пише, че в началото на кризата, когато „хуните се уплашват от готското оръжие“, Денгизих има под своята власт само най-верните си племена ултиндзури, ангискири (вероятно акацири), бардори (вероятно вардари «речно племе») и битугури. Малко по-късно битугурите (това вероятно е местното племе будини) също се отделят от хунския съюз.

Съвременната топонимика вече борави с термини от географията и историята на почти цяла Евразия⁹. Възползвайки се от това представяме анализ върху историко-географския произход на пет български думи с възможен хунски произход – *бара*, *порой*, *шавар*, *шубрак* и *чурка*, както и на основния хунски корен *Ултин*, *Алдан*, *Атила*. Тези думи не се срещат сред «хунските» думи, посочени от Антоанета Гранберг. Анализът им ни насочва към възможния географски район – първоизточник на тези думи и вероятна родина на Атиловите хуни.

1. Анализ на значението, разпространението и произхода на българската дума *бара* (ж. р., мн. ч. *бари*). Думата означава:

- а) река, малка река, рекичка, дол, долче, езерце, вада, поток, локва, застояла вода (старинен, географски ограничен термин с много локални производни). Среща се и производната дума *баруга* – локва, езерце.
- б) тепавица на планинска река за пране на черги, килими, дрехи (по-нов и производен термин).

Българската дума *порой* означава „временна вада, поток вода, който се получава след силен дъжд, от тук *пороен дъжд*“. Тази дума не се среща в славянските езици и може да е вариант на посочената по-горе *бара*.

В първото си значение терминът ‘бара’ е включен в редица старинни хидроними и топоними, срещащи се най-често в Северозападна България и Софийско: с. Крива бара, язовир Среченска бара, река Бара, река Софийска бара, река Църна бара, река Волуешка бара, река Боденска бара, Тишевишка бара, Върбишка бара, Дърводелска бара, Моравешка бара, Петърнишка бара и др. Освен в Северозападна България и в Софийско терминът се среща и в прилежащите райони на Сърбия и Румъния. В Сърбия – река Ибар, приток на р. Сръбска (Западна) Морава и река Колубара, Ибру – река в Румъния. На румънски *bağ* – благо, мочурище, тресавище¹⁰. Край град Киев има река, наречена Ибр.

В миналото думата *бара* е непозната в Тракия, на юг от Стара планина, и в Североизточна България и Добруджа. Поради тази причина липсват местни хидроними и топоними, образувани с тази основа. Това изключва връзката на термина с прабългари и траки.

Регионалната старинна и неславянска дума *бара* отдавна е забелязана от българските етимолози. За нейното обяснение обаче са представени няколко преселени, твърде хипотетични и погрешни етимологии, които не отчитат специфичното регионално разпространение на термина и връзката му с локалните исторически заселвания. Една от тези етимологии обяснява термина като произведен на арабската дума *بحر* (*baħr*) „море“, през османо-турски – *baħr* „голямо езеро, море“. Други автори условно приемат думата за остатък от езиците на автохтонното балканско население – даки, мизи, трибали. Например Ив. Дуриданов обяснява посочените хидроними от вида Ибър като наследство от античното тракийско название на река Марица – *Hebros*¹¹. Тракийското название Хеброс е запазено в днешното гръцко название на реката – Еврос, и като Ибър, местно название на река Марица в горното ѝ течение. Старото име на река Тополница, ляв приток на р. Марица, е също Ибър, откъдето идва топонимът Поибрене, село в руслото на реката, Софийска област. Владимир Георгиев обяснява тракийския хидроним *Hebros* като произведен на индоевропейското *ewǵu-s „широк“ (в случая – „широка река“) и на тази основа допуска неговото по-широко разпространение, например до град Киев¹².

Всички тези хипотези не се съгласуват с факта, че вместо да се среща най-често в днешна Тракия, терминът е практически непознат и не образува топоними и хидроними в Горнотракийската низина, в Източна и Западна Тракия, в средната и източната част на Северна България, но има голяма честота на употреба в Северозападна България и Софийско, Източна Сърбия, Румъния и даже до Киев.

На основата на специфичното географско разпределение на старинния термин *бара* и като се има предвид неговата пълна омофония и еднакво значение с по-горе посочената хунска дума за река – бар, може да се изкаже хипотезата за хунския произход на тази регионална балканска дума. Тази хипотеза се подкрепя от: а) наличието на такава дума при европейските хуни; б) документираните заселвания на хуни в посочения район и в) наличието на подобна дума за река единствено в географския район, откъдето произлизат древните хуни – района на днешните манджури и тунгуси в Североизточна Азия. Това се вижда от следните данни. Според Мурзаев¹³ от всички езици на територията на бившия Съветски съюз терминът ‘бира’ „река“ се среща единствено в тунгусо-манджурските езици на руския Далечен Изток в Сибир. Терминът присъства във всички съвременни тунгусо-манджурски езици в няколко близки значения: *бира* – река (евенски), негидалски *бира*, *бия* „рекичка“, „ручей“; нанайски *бира* „ручей“, „малка река“; манджурски *бира* „река“; *бирага*, *бирха* „рекичка“, „ручей“; орочеки *биака* „ручей“, „извор“; удейски *бияса* „река“, „рекичка“. В топонимията на руския Далечен Изток често се срещат названия, включващи думата *биракан*, където *-кан* е умалителен суфикс, също *биракчан*, *бэракчан*. Обратно, *бирандя*, *бирая*, *бирамия* – „много голяма река“. На картите могат да се срещнат многобройни фонетични изкривявания на този термин: *Бирея*, *Бырайа*, *Биремья*, *Биранджа*, *Бириями*, *Бирьякан*, *Биря*. Терминът е оставил дълбоки следи в топонимията на Източен Сибир и Далечния Изток: *Бирандя* в Амурска обл.; залив *Бирая* на Байкал; реките *Бирая*, *Большая Бира* и *Малая Бира* – леви притоци на р. Амур; р. *Салды-Бира* – ляв приток на р. *Голяма Бира*; град *Биробиджан* – център на Еврейската автономна област в Хабаровския край, градовете *Бира* и *Биракан* – железопътни гари, река *Биранга* – в басейна на Ангара, планина *Биранга* и мн. др.

Тунгусо-манджурските езици се присъединяват към алтайското езиково семейство, което освен тях включва монголските и тюркските езици. Много изследователи обаче не виждат достатъчно причини за такова присъединяване. В тюркските езици терминът 'бара' (река) не се употребява, а вместо него и със същото значение се употребява думата *сай* (река, дол)¹⁴. Тюркското *сай* (*чай* при иранците) може да е иранска заемка.

2. Анализ на значението и произхода на българските думи *чуркам*, *чурка*.

В българския език *чурка* „струйка“, *чуркам* „права струйка“, *чочурка* „тръбичка, от която излиза струйка“. Този корен е оригинално български и има точно съответствие в прасеверотунгуски *žurka, праалтайска форма *čurka „бърз поток, течение“ (rapid, swift stream, current)¹⁵.

3. Анализ на значението, разпространението и произхода на българските думи *шавар* и *шубрак*. В българския език думата *шубрак* означава гъста, нискостеблена, храстовидна растителност. Думата е образувана от славянския суфикс -ак и странната семантична основа *шубр*. В българския език тази изолирана семантична основа съвпада омофонно с термина 'шувар', като двата термина имат съвършено различно значение. *Шувар* е название на вид тръстика, която расте по мочурливите места и ливади. Достига метър и половина височина и при дъвчене и запарване има сладникав вкус. Има много имена – блатен аир (*Acorus calamus*), папур, шафар¹⁶ или шавар¹⁷. Оттук идва и определението шаварлии „заблатени места, обрасли с тръстика“. Родина на растението е Северна Азия, но вече се среща на много места. Според Motley¹⁸ растението е описано в Стария завет като „каламус“ (оттук и научното му название *Acorus calamus*). Маслото му се е ползвало за получаване на миро. Растението е известно от градините на Соломон, продавало се е на пазарите в град Тир и в Индия като лекарство против колики. Остатъци от растението са намерени в гробницата на Тутанкамон.

В Източна Европа растението е познато от Средновековието. Според една от версиите шаварът е донесен тук от финикийски и арабски търговци, а според друга, по-обоснована хипотеза – от татарите в XII–XIV в. Последните вярвали, че това растение очисти водите в езерата и разхвърляли корени от него по всички водоеми¹⁹. Поради това в румънски, украински, руски и полски език за това растение се срещат названията *татарска трева*. В руски, белоруски и украински се употребява и неясното название *шувар*, *szuwar*. В Западна Европа и Америка растението прониква едва преди няколко века и тамошните названия отразяват неговия сладък (захароподобен) вкус. В турския и азерските езици, както и в Западна Европа, названието *шувар* (*шавар*) е непознато.

Относно етимологията на източноевропейска дума *шувар* са изказвани различни тези. Според А. Брюкнер²⁰ полското название е заимствано от руски език; М. Фасмер²¹ смята, че руската дума е заимствана от полски, а полската – от немски. Според И. Г. Добродомов²² руската дума *шувар* произлиза от българското *шавар*, която дума пък се извежда от др.тюркското *sugar qamush* (сладък камъш). В България засега не е известна задоволителна етимология на *шавар*²³ и тя не се свързва с подобната ѝ българска дума – *шубрак*.

Терминът 'шавар' вероятно има източносибирски произход²⁴ и съвсем основателно се свързва с появата на топонима Сибир²⁴. Впоследствие добива широко разпространение в Централна и Средна Азия и Източна Европа, където има изменен вид и тясно конкретизирано значение²⁵. Единствено в тунгусо-манджурските езици терминът е със значение, каквото е и в българския език:

1. Блатно растение с дълги, мечоподобни листа със сладък вкус.
2. Крайбрежни храстовидни растения – шубраци.

* В тунгусо-манджурски: *сивэктэ* „храстовидни растения по долините на реките“, „хвощ“, „заблатена горичка“, „незамръзващи мочурища“.

** Бурятски: *шэбэр* „гъста гора“, „блато“; монголски: *шивэр* „крайбрежни храстовидни растения“, „кал“, „заблатена горичка“; рус. диал. в Сибир: *шибир*, *шивир* „храстовидни растения по бреговете на реки и в низините“, калмикски: *шавр* – също; евенски *хивтаг* „блато“, „тресавище“, „кално място“; халха-монг: *шивэр* „горско блато“; в Далечния Изток на Сибир *шивер*, *шивера* „каменист, полегат праг на река“. Таджикски: *шибер*, *шивер* „блато, тресавище“; *шиварзамин* „гинеста, заблатена почва“; шугнански (на Памир): *sabaq* „блато“, „тресавище“, „заблатена ливада“; киргизки: *шибер* „всяка една висока, гъста трева“.

Освен в Приамурския край единственото друго място в света, където тунгусо-манджурската дума *шавар* се употребява в най-запазен вид и точно в тези две значения, е България. Основателно може да се смята, че носители на този термин в българския език са хуните на Мунджук, Бледа и Атила. Още едно наблюдение прави впечатление – въпреки че растението шавар в Стария свят е познато още от библейски времена, в българския език това растение не е познато с термин от класическите езици (каламус), а с термин, който има тунгусо-манджурски произход.

Интересно е, че в тюркските езици терминът ‘шавар’ не се употребява, а вместо него и със същото значение се употребява думата *саз*, добре позната като нова заемка от османотурския език. Във всички тюрски езици терминът ‘саз’ има същите две значения, както и терминът ‘шавар’ – особен вид блатно растение (тръстика) и храстовидна растителност покрай водоеми²⁵.

Често се правят опити езиците на изчезнали народи (хуни, авари, хазари) да се изяснят според запазените владетелски титли, понятия от областта на въоръжението и религията. Обикновено посочените термини са общи за много народи, което не дава искания резултат. За разлика от тях посочените термини ‘бара, порой, чурка’ и ‘шавар’ са обикновени думи от бита. Тези термини хвърлят светлина не само върху всекидневния език на техните носители, т.нар. хуни (хун-ну), но и върху изходната територия, откъдето произхождат тези носители.

Първият изненадващ извод от това изследване е, че сред дошлите в Европа хунски племена вероятно не е имало тюрки, които вместо посочените *бара* и *шавар* употребяват съвсем други думи, съответно *сай* и *саз*. Вторият изненадващ извод е, че изходната географска територия, от която идват посочените термини (‘бара, порой, шавар, шубрак’), не съвпада с платото Ордос и Джунгария, както се твърди от някои тюрколози и хунолози, а се намира северно от езерото Байкал и по долината на река Амур. Върху тази територия от дълбока древност живеят евенки, по-известни с руското си наименование тунгуси. Евенките са близкородствени с по-многобройните от тях манджури, живеещи на юг от река Амур. При изследване на историко-географските особености на посочената територия прави впечатление, че в нейния център много често се среща терминът ‘алдан’. Той се открива в наименованието на обширните Алдански планини (2306 м), през които тече река Алдан (2273 км), в която се влива по-малката река Алдикан (умалително от Алдан). Известно е, че от всички историко-географски названия хидронимите и оронимите са най-консервативни, особено тези, отнасящи се до големите древни реки и планини. Следователно може да се допусне, че посоченият термин *Алдан* е много древен. За етимологията на хидронима Алдан има няколко хипотези, от които най-популярна е тази, извеждаща наименованието от езика на най-старото население по тези места, евенките: *олдо* = ‘риба’, *алдан* = ‘рибна, богата на риба река’. Подобна е и думата от езика на евенките *улде* ‘месо’.

Основната храна на древното население по тези места са месото (улде) и рибата (олдо). Възможно е и това название да е свързано с етнонима на древен народ, живял по тези места. Всъщност този термин се среща като име на най-значимото племе при европейските хуни – *ултиндзур*, и като лично име на най-известните им пълководци – *Улдин*, *Аудан*.

За пръв път хунски пълководец с име Улдин е упоменат от историците през 400 г., когато опитът на източно-римския пълководец Гайна да премине на север от р. Дунав край гр. Нове (дн. Свищов) е осуетен от войските на хунския предводител Улдин, който убива Гайна и изпраща главата му в Константинопол²⁶. Вероятно същият хунски пълководец Улдин се споменава 5 години по-късно (405 г.), когато западните римляни на Стилихон побеждават германските пълчища на Радагайс благодарение на хуните на Улдин: ‘Срещу Радагайс римляните наеха двама езичници – готския пълководец Сар и хунския Улдин’²⁷. Без съмнение същият Улдин участва в голямо нападение на юг от Дунав през 408 г.: ‘Защото Улдис, вождът на варварите около р. Истър, преминал реката с голяма войска и се разположил на стан в тракийските предели. Той превзел с предателство Кастра Мартис, град в Мизия, и от там опустошавал останалата Тракия’²⁸. Около 50 години по-късно при хуните се появява друг пълководец с това име – Улдах. Агатий Миринейски (536–582) упоменава, че преди 554 г. ‘Улдах – хун’ помогнал край гр. Пезаро с войските си на византийския пълководец Нарзес и нанесъл силно поражение на Левтарис, съюзник на готите²⁹.

Освен като лично име – прозвище, хунското име Улдин може да се срещне и като название на главното хунско племе – ултиндзури. Агатий Миринейски отбелязва, че ултиндзурите „били най-могъщи и знаменити във времената на император Лъв I (457–474)“³⁰. Йордан в неговата историческа летопис³¹ посочва, че след смъртта на първородния Атилов син Елак (убит през 454 или в началото на 455 г.) вторият син Денгизих застава начело на племената „ултиндзури, акагири, битугури и бардори“. В същата летопис Йордан изброява шестимата законни синове на Атила: Иллак (Еллак), Денгизих, Бел-Кермек, Ернах, Емнетзур и Ултиндзур. Както се вижда, един от синовете на Атила носи епонимното име Ултиндзур, т.е. родът (дзур) Ултин.

Следователно хунското име Улдин (Ултин, Аудан, Алдан) се среща и като име на народ или племе (ултиндзури), и като лично име. Освен двамата пълководци от началото и средата на V в. (съответно Улдин и Улдах-хун), името или прозвището Улдин носят самият Атила и един от неговите синове. Най-вероятно основният носител на термина ‘улдин’ е главното хунско племе – ултиндзурите, а историческите личности с това име са били представители на това племе. Второто по важност племе, подчинено на Атила, носи името акацири, което може да е сродно с названието на днешния малък сибирски народ юкагири. Юкагирите са многоброен коренен народ в Централен Сибир, част от който е считан за възможен субстрат на по-късните евенки.

Атила е роден около 395 г., умира през 453 г., след което обширната хунска империя се разпада. Самото име Атила се превежда като „бащица“, но на езика на готите. Други форми на това име в някои средновековни европейски езици са: Етли (скандинавски), Атли (английски), Етцел (южнонемски), Ецел (немски), Агтила (руски), Итил (тюркски), Ижил (монголски). Истинското (хунско) име на този хунски вожд не е известно³², но може основателно да се допусне, че то е модифицирано така, че да звучи по-близко и разбираемо за съвременните му хронисти. Например от предполагаемото име Денгиз (или Ченгиз) на втория Атилов син се получава германизираният вариант Денгизих. Най-вероятно истинското име на хунския вожд е било подобно на това, срещано се в националния епос на днешното население на руски Татарстан – *Аудан*³³, *Ултин*, *Алдан*^{*}, от което с често срещаната модификация „премятане на съгласните л и д“ се получава германизираният му вариант Атила.

На основа на горните данни етнонимът *ултиндзури* и производните му лични имена и прозвища *Ултин*, *Алдан*, *Аудан*, характерни за европейските хуни, може да се свърже със старинния и много разпространен хидроним и ороним АЛДАН** в района на Среден и Източен Сибир, откъдето най-вероятно произлизат азиатските и европейските хуни. В подкрепа на това привеждаме и факта, че в миналото и днес този район и прилежащият му на юг район в Северен Китай (Манджурия) се нарича Хин. В този район се намират планините, наречени Голям Хинган и Малък Хинган. От този район в посока юг, към Китай, са нахлували хуните и точно на този път е построена първата китайска стена. Има и множество езикови съответствия. Титлата *хуту* при Атиловите хуни означава „най-голям син, престолонаследник“, в езика на манджурите *хутен* означава „син“³⁴, а в този на евенките *хутэ* е „дете“. Според византийските летописци Атила е наричал своята първа съпруга *Керка* (име или обръщение), в езика на манджурите *гирке* (*girkь*), а в езика на евенките *girki* означава „жена, съпруга“³⁵. Шутът на хунския вожд Бледа е записан с името *Зерко*

* В книгата „Джагфар тарихи“, описваща този епос, се казва, че „Канът Атиле, Айбат по прозвище Аудан, нападнал алманците и фарангите...“. В началото на този епос Аудан се жени за княгиня от страната Барджил (т.е. Берсил – Берсилия, държавата на прикавказките българи – берсили).

** Скитите и сарматите наричат река Волга *Rha* (Рха, Ра), което на техния език значи „река“. Угро-финското название на река Волга е *Ilil*, което на техния език също значи „река“. Подобно е и названието на реката при ранните тюрки – *Атил*, *Итил* (башк. *Изел*, тат. *Идел*, каз. *Едил*, чуваш. *Амӓл*, калм. *Ижл*, монг. *Итил*). Това название е близко до името на хунския вожд Атила, което може да отразява факта, че името Атила произлиза от сходния хидроним Алдан. Вероятно в района на Средна Волга и Урал е имало сериозно присъствие на хуни, за което говори фактът, че в езика на евенките *урэл* означава „планина“, което може да обясни местния ороним *Урал*. Руслото на река Алдан има вида на виеща се змия или на бич и този символ е включен в герба на град Алдан и в герба на Алданския район. От тази древна и важна представа за река Алдан може би идва и прозвището „Бич божи“, с което Атила се представя пред папа Лъв I.

(Ζέρκων). Тази дума има точно съответствие в тунгусо-манджурските езици: в евенки *džarga*, *džargь*, нанайски *džajgasí* „оскърявам, дразня, надсмивам се, ругая“, в монголски *zorgo* „своеволие, произвол“. Най-вероятно името на шута *зерко* всъщност е означавало „шут“ в тунгусо-манджурските езици.

Горните заключения и изводи помагат да се изясни географския произход на ядрото на т.нар. европейски хуни. Тези данни, колкото и оскъдни да са, подкрепят мнението, че същинските европейски хуни произхождат от землището на евенките (тунгусите) – многоброен и мощен в миналото народ. Евенките се оформят като народ във II хил. пр.Хр. от смесването на местното палеосибирско население (предците на днешните юкагири) с пришлите от района на езерото Байкал праалтайци. Първоначално евенките населяват цялата територия от река Енисей до Охотско море и северно от река Амур и езерото Байкал. Почти същото е и днешното им териториално разпределение. За да отразят техните набези, през IV в. пр. н.е. китайците построяват Великата китайска стена от брега на Тихия океан до планината Алтай. Към X в. тяхното огромно землище е разсечено на две от дошлите от юг скотовъдни, тюркоговорящи племена, известни днес като якути (саха). Самите тюрки се формират като народ далеч на юг, в района на Джунгария (части от Северен Китай, Западна Монголия и Източен Казахстан) и Централна Монголия и едва в VI в. се проявяват като завършен, държавно-творчески народ.

Горният извод е в пълно съответствие с аргументираната хипотеза за родството на хуну с енисейските народи, поддържана от Ласло Лигети, Едвин Пълибланк и Александър Вовин³⁶. Най-вероятно азиатските хуни са евенки (тунгуси, манджури) и ядрото на европейските им наследници (улгинджури, акацири) има подобен произход. Общото между хун-ну и праторките е, че и едните, и другите съдържат като суперстрат части от древните праалтайски племена. Хун-ну се оформят в Централен Сибир на базата на местните палеосибирски племена, докато тюрките се оформят южно от Алтай на базата на източноиранските и тохарските народи поне 2000 години след хун-ну. Горните представи за генезиса и прародината на хун-ну и на ранните тюрки обясняват твърде различната историческа съдба на тези два народа и отсъствието на допирни точки между тях.

¹ Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Древние тюркские языки и литературы / Ред. А. Н. Кононов. – Вып. 1. – Москва: Наука, 1986. – С. 71–134.

² Пак там.

³ Vovin A. Did the Xiongnu speak a Yeniseian language? // Central Asiatic Journal. – 2000. – № 44 (1). – P. 87–104.

⁴ Голйски П. Българите в Кавказ и Армения (II–X век). – София: Изд. Тангра ТанНакРа ИК, 2006. – С. 199–472.

⁵ Понте-младшии Н. По поводу гипотез «скептиков» о тюркских лексических заимствованиях в «Слове о полку Игореве» // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2007. – № 1/2. – С. 52–56

⁶ Добрев Ив. Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. – София: Рива, 2005. – С. 11–42

⁷ Делева (Гранберг) А. Класификация на хуно-българските думи, заети в славянски // Четирнадесети международен конгрес на славистите. – Охрид, 10–16 септ. 2008. – URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/A_Granberg_Huno_PrBg_zaemki_v_Slavjanski.pdf (дата на достъп: 25.05.2014).

⁸ Алексиев-Хофард А. Изгубените кодове на древните българи. – София: Изд. на Център за изследване на българите, 2015. – С. 196.

⁹ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – Москва: Мысль, 1984. – С. 73.

¹⁰ Hasdeu B. P. Etymologicum Magnum Romaniae. – Tomul 1, Bucuresci: Editura Socecu, 1887; Etymologicum Magnum Romaniae. Dicționarul limbei istorice și poporane a românilor (Pagini alese). – Bucharest: Minerva, 1970.

¹¹ Дуриданов И. Езикът на траките. – София: Наука и изкуство, 1976. – С. 38.

¹² Георгиев В. Българска етимология и ономастика. – София, 1960. – С. 26–27; Георгиев В. Траките и техния език. – София, 1977. – С. 37.

¹³ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – Москва: Мысль, 1984. – С. 85.

¹⁴ Пак там. – С. 491.

¹⁵ Dybo A. Language and Archeology: Some Methodological Problems. 1. Indo-European and Altaic landscapes // Journal of Language Relationship. – 2013. – № 9. – P. 69–92.

¹⁶ Касъров М. Речник на Странджански (рупски) диалектни думи. – Бургас. – URL: <http://www.kassarov.com/novel/12.pdf> (дата на достъп: 20.05.2013).

¹⁷ Вакарелска-Чобанска Д. Самоковският говор. – София: Акад. изд. „Проф. Марин Дринов“, 2002. – С. 207, 209.

¹⁸ Motley T. J. The ethnobotany of Sweet flag, *Acorus calamus* (Araceae) // *Economic Botany*. – 1994. – № 48 (4). – P. 397–412.

¹⁹ Телятьев В. В. Полезные растения Центральной Сибири. – 3-е изд. – Иркутск: Вост. Сиб. кн. изд-во, 1985. – С. 54–55.

²⁰ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Krakow, 1927. – URL: https://pl.wikisource.org/wiki/S%C5%82ownik_etymologiczny_j%C4%99zyka_polskiego (дата на достъп: 21.05.2014).

²¹ Фасмер М. Етимологический словарь русского языка. – URL: <http://vasmer.narod.ru/p001.htm> (дата на достъп: 25.05.2014).

²² Добродомов И. Г. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие s – i) // *Советская тюркология* (Баку). – 1971. – № 2. – С. 81–92.

²³ Ковачев И. Критични бележки за няколко вида от флората на България // *Научни трудове на ВСИ „В. Коларов“*. – 1961. – № 9. – С. 85–92.

²⁴ Патканов С. К. О происхождении слова «Сибирь» // *Сибирский сборник: Приложение к газете «Восточное обозрение»*. – 1891. – Кн. 2; Переиздание: Патканов С. К. *Сочинения*. – В 2 т. – Т. 2. – Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. – С. 8–19; Караев С. К. Этимологии топонимов «сибер» и «Сибирь» // *Общественные науки в Узбекистане*. – 1966. – № 1. – С. 7.

²⁵ Мурзаев Э. М. *Словарь народных географических терминов*. – Москва: Мысль, 1984. – С. 628.

²⁶ Maenchen-Helfen O. *The World of the Huns: Studies in Their History and Culture* / Max Knight (editor). – Berkeley: University of California Press, 1973. – P. 59.

²⁷ Paulus Diaconus. *Historia Romana*. XII.12. – URL: <http://mreadz.com/read-191260/p23> (дата на достъп: 27.05.2015).

²⁸ Созомен. *Църковна история // Гръцки извори за българската история*. – Т. 1 / Отг. редактор чл.-кор. Веселин Бешевлиев. – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1954. – С. 67.

²⁹ *Agathiae Myrinaei*. *Historiarum*. – II; 2,3 // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Editio Emendator et copiosior consilio B. G. Niebuhrii*. – Bonnae, 1828 (MDCCLXXVIII). – URL: [http://www.documentacatholicaomnia.eu/20vs/203_CSHB/1828-Historiarum_Libri_\[Niebuhrii_Editio\]_GR.pdf](http://www.documentacatholicaomnia.eu/20vs/203_CSHB/1828-Historiarum_Libri_[Niebuhrii_Editio]_GR.pdf) (дата на достъп: 27.05.2015).

³⁰ Агатий Миринейски. *История*. – Кн. V // *Гръцки извори за българската история*. – Т. 2 / Отг. редактор проф. Александър Бурмов. – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1958. – С. 186.

³¹ Йордан. *Гетика*. – Ч. 2. (551 г.). – URL: <http://www.harbornet.com/folks/theodrich/Goths/Goths1.htm> (дата на достъп: 27.05.2015).

³² Дёрфер Г. *О языке гуннов...* – С. 97–98.

³³ Бахши Имам. *Джагфар тарихи*. – София: Издателство „Кама“, 2005. – С. 19.

³⁴ Добрев П. *По следите на една научна сензация*. – София: ИКК „Славика-PM“, 1997. – С. 124.

³⁵ Пак там. – С. 144.

³⁶ Iovin A. *Did the Xiongnu speak a Yeniseian language?* – P. 87–104.

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ПЛЕМЕН КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В КОНЦЕ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII ВВ.

О. Б. Бубенок

Бубенок О. Б. До питання про кількість племен кочівників Північного Причорномор'я наприкінці V – в першій половині VII ст. У післягунський період письмові джерела фіксують на півдні Східної Європи десятки назв племінних груп. Деякі дослідники схильні буквально довіряти цьому. Проте розроблений О. О. Тортікою метод дозволяє звести максимальну кількість племен кочівників степів Північного Причорномор'я лише до 8 (близько 300 тис. чол.). Таким чином, одні й ті ж групи кочівників могли фігурувати в різних письмових джерелах під різними найменуваннями.

Ключові слова: протоболгари; оногури; гуни; демографія кочівників; природні умови.

Бубенок О. Б. К вопросу о количестве племен кочевников Северного Причерноморья в конце V – первой половине VII вв. В послегунский период письменные источники фиксируют на юге Восточной Европы десятки названий племенных групп. Некоторые исследователи склонны буквально доверять этому. Однако разработанный А. А. Тортикой метод позволяет свести максимальное количество племен кочевников степей Северного Причерноморья лишь до 8 (около 300 тыс. чел.). Таким образом, одни и те же группы кочевников могли фигурировать в различных письменных источниках под различными наименованиями.

Ключевые слова: протоболгары; оногуры; гунны; демография кочевников; природные условия.

Bubenok O. B. To the Question about the Quantity of Tribes of the Nomads of North Black Sea Region in the late 5 - first half of 7 century AD. After the Hun period the written sources fixed tens names of the tribal groups in the south part of Eastern Europe. Some scholars believe it without doubts. However, created by A. A. Tortika method allows to take the maximal quantity of nomadic tribes in the steppes of North Black Sea region only to 8 ones (approximately 300 thousands persons). Thus, the same groups of nomads could appear in different writing sources under the different names.

Keywords: Proto-Bulgarians; Onogurs; Huns; demography of nomads; environmental conditions.

События эпохи Великого переселения народов в значительной мере изменили этническую ситуацию на юге Восточной Европы. Многочисленные племена ираноязычных сарматов и аланов оказались в общем потоке движения народов, что было вызвано миграцией на Запад гуннов¹. Письменные источники сообщают, что в середине V ст. наиболее могущественным правителем на территории Европы стал вождь гуннов Атиллы, центр империи которого находился на землях Паннонии. Под его властью оказались не только гуннские, германские и аланские племена, но своим могуществом он угрожал целостности Западной Римской и Восточной Римской империй. Ситуацию около 450 г. готский историк Иордан охарактеризовал следующим образом: «И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Атиллы...»². И это событие, наконец, произошло, очевидно, не без участия его врагов. Смерть Атиллы, по словам Иордана, «оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна»³.

Это событие нашло свое отображение в произведениях историков эпохи Великого переселения народов. Тем не менее, наиболее детально и эмоционально она описана в произведении Иордана «Getica»⁴. Смерть предводителя имела для гуннов катастрофические следствия, так как «между наследниками Атиллы возгорелся спор за власть»⁵. Этой междоусобицей воспользовались подвластные гуннам племена, которые победили гуннов возле реки Недао в Паннонии, где и погиб старший сын Атиллы – Еллак, законный наследник гуннского престола. Эта победа дала возможность усилиться гепидам, которые погнали гуннов «вплоть к берегу Понтийского моря, где ... раньше сидели готы». Этих гуннов возглавил Эрнак – младший сын Атиллы, который «вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии». Другая часть гуннов была рассеяна врагами по территории Балкан⁶. Таким образом, могу-

щество гунны утратили навсегда, так как даже в степях Северного Причерноморья они не смогли восстановить свою власть.

Однако уже при жизни Аттилы гунны утратили контроль над степями юга Восточной Европы. Именно это привело к тому, что тогда же там стали появляться новые пришельцы с Востока. Этот процесс продолжался до второй половины VII в., когда протоболгар Кубрата покорили хазары. Письменные источники того времени содержат буквально десятки названий кочевых племен и народов, которые сменяли друг друга в течение времени. Многие исследователи склонны буквально доверять этой информации и поэтому изображают на исторических картах десятки кочевых народов, которые якобы должны были проживать в степях Северного Причерноморья с середины V в. по середину VII в., т.е. на протяжении всего лишь 200 лет. Однако стоит задаться вопросом: возможно ли такое?

Поэтому имеет смысл в хронологической последовательности попытаться установить, как менялись названия кочевников Северного Причерноморья за столь ограниченный промежуток времени. К тому же некоторые письменные источники содержат отрывочную информацию о количестве их племен. В связи с этим весьма полезным может стать также филологический анализ некоторых названий кочевников.

Особый интерес представляет вторая половина V в. Так, уже в середине этого столетия в степях Восточной Европы проживали акациры. Об акацирах Приск Панийский сообщает: «...Онигисий в это время был послан со старшим сыном Аттилы к акацирам, народу скифскому, покорившемуся Аттиле по следующей причине. В акацирском народе было много князей и родоначальников, которым царь Феодосий посылал дары для того, чтобы они, быв между собой в согласии, отказались от союза с Аттилой и держались союза с римлянами. Тот, кому были поручены эти подарки, раздал их каждому князю не по достоинству. Куридах, главный между ними по власти, получив подарки, следовавшие второму по нем, почитал себя обиженным и лишенным должной ему награды. Он звал к себе на помощь Аттилу против других соначальников. Аттила послал к нему немедленно многочисленное войско. Одни из князей акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться. Аттила после того пригласил Куридаха к себе для принятия участия в торжестве победы. Но Куридах, подозревая козни, отвечал Аттиле, что трудно человеку взирать на бога; а если человек не в силах пристально смотреть на круг солнечный, то можно ли без вреда для себя взглянуть на величайшего из богов? Таким образом, Куридах остался в своей земле и сохранил свои владения, между тем как весь остальной народ акацирский покорился Аттиле. Желая сделать царем этого народа старшего из сыновей своих, Аттила отправил Онигисия для приведения в действие этого намерения»⁷. Как видим, народ акациров был многочисленным и состоял из нескольких племён.

Что же касается локализации акациров в середине V в., то Приск дает нам понять, что акациры жили в «припонтийской Скифии», то есть в Северном Причерноморье⁸. Тем не менее, во второй половине V в. местоположение акациров изменилось, что было связано с приходом с востока племен, относительно которых Приск использует термины *оногурь*, *сарагурь* и *уроги*. Об этом грекоязычный автор пишет: «Сарагурь, соединясь с акацирами и другими народами, предприняли поход на Персию. Они сперва пришли к Каспийским вратам, но, найдя их занятыми персидским гарнизоном, обратились к иной дороге. По ней они прошли к иберам, опустошили их страну и делали набеги на армянские селения»⁹. Итак, во второй половине V в. акациры уже находились на Северном Кавказе, между Дарьяльским и Дербентским проходами, и их соседями были сарагурь.

Возможно, что в первой половине VI в. локализация акациров не изменилась, о чем может свидетельствовать информация Иордана: «На побережье океана, там, где через три устья поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты. Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар...»¹⁰. Следовательно, в VI в. акациры (*Acatziri*) проживали на юг от эстов и на север от болгар, которые должны были находиться в степях Северного Причерноморья. Таким образом получается, что не все акациры покинули степи Северного Причерноморья.

Кроме того, в конце V в. появилось первое достоверное упоминание о болгарях. Оно содержится в сообщении Иоанна Антиохийского, согласно которому император Зенон

призвал болгар на помощь для борьбы с остготами¹¹. К сожалению, там не содержится информация об их количестве, но из контекста сообщения следует, что уже тогда болгары проживали в степях Северного Причерноморья.

Письменные источники и сам анализ этнонима акациры не дают конкретной информации о количестве этих племен. Однако о количестве их соседей мы можем сделать уже конкретные выводы. В свое время Н. А. Баскаков отметил, что названия огур и огуз «представляют собой варианты одного и того же слова, различающегося фонетическим соответствием р-з, характерным для некоторых тюркских языков». По его мнению, он-огур соответствует он-огуз (десять огузов), а *сарагур* – *сары огуз* (желтые огузы)¹². Аналогичного мнения придерживались на этот счёт и другие исследователи.

Так, С. Г. Кляшторный предлагал переводить с тюркских языков термин *он огур* как «десять [племен] огуров». При этом исследователь также ставил знак равенства между термином *огур* и этническим названием *огуз*¹³. Однако еще более убедительным выглядит объяснение Р. А. Агеевой, согласно которому тюркский этнический термин *onogur* состоит из *on* – «десять» и *ogur* – «стрела», как название племени. При этом исследователь предполагает, что слово *ogur* или *oguz* может выступать в качестве этнонима и самостоятельно¹⁴. Учитывая это, есть смысл вспомнить, что у тюркютов также символом каждого племени была стрела, тюркский эль традиционно состоял из десяти племен и потому они называли себя «десятистрельный народ»¹⁵. Не меньший интерес может представлять и происхождение названия *сарагур*. С. Г. Кляшторный предлагает рассматривать этот этноним как *сар огур* – «белые огуры»¹⁶.

Таким образом, уже во второй половине V в. в степях Северного Причерноморья должно было обитать огромное количество племен кочевников: десять племен огуров, несколько племен сарагуров, несколько племен урогов, несколько племен акациров, несколько племен болгар и одно племя гуннов Эрнака. Одним словом, некоторые исследователи считают, что племен кочевников могло быть значительно больше 20.

В VI в., по данным Иордана и некоторых византийских историков, степные пространства Правобережья вплоть до Дуная занимали преимущественно племена антов, которые не являлись кочевниками. Что же касается степей Левобережья, то в VI в. здесь продолжали господствовать кочевые племена. По данным Иордана, в степях Восточной Европы в первой половине VI в. проживала новая этническая группа, известная под названием «булгары»¹⁷. В то время византийские авторы довольно часто путали этнические названия «булгары» и «гунны», а это побудило некоторых исследователей считать, что под названием *гунны* могли быть известные во многих случаях булгары. По мнению А. П. Новосельцева, «этноним *булгары* во второй части, несомненно, отражает их первоначальную связь с уграми, а в первой части, очевидно, восходит к тюркскому “*булга*” (“смешивать”), и тогда всё слово означает “*смешанные угры*”»¹⁸. С. Г. Кляшторный считал, что «само их название (букв.: “мятежники”, “отколовшиеся”) указывает, что сложение этого нового союза явилось следствием распада или разделения более раннего объединения огурских племен»¹⁹.

После Иордана этноним *булгары* временно исчезает со страниц византийских хроник, а вместо него во второй половине VI в. начинают употреблять термины *кутригуры* и *утигуры*. Так, Прокопий Кесарийский и Агафий писали, что восточнее от Танаиса [Дона. – О. Б.] в стране Эвлисии живут утигуры, а на запад – кутригуры²⁰.

В свое время Д. Европеус переводил названия этих племен следующим образом: утигур – «малые угры», кутригур – «собачьи угры»²¹. Н. А. Баскаков рассматривал термин *кутригур* как «отуз огуз (тридцать огузов)»²². По мнению О. Гундогдыева, утигуры – это «уч огузы (три огузских племени)»²³. Однако на этом перечень кочевников юга Восточной Европы в VI в. не заканчивается.

В начале VI в. в сирийской хронике Захария Ритора фигурируют названия племён кочевников: *сирургур*, *аугар* и *аунгур*²⁴. Этническое название *унногундур* фигурирует у Феофана и Никифора²⁵. Напомним также, что после 558 г. в степях Северного Причерноморья появились авары, которые боролись против тюркютов и со временем переселились в Паннонию, установив свой протекторат над кутригурами и антами. При этом авары переселили одно из племен кутригуров на Правобережье. Следовательно, какая-то часть аваров могла находиться в степях между Днестром и Дунаем во второй половине VI в. Добавим, что еще в 551 г. возник Первый Тюркский каганат, который просуществовал до 603 г., занимая

огромные степные территории от Маньчжурии на востоке до Боспора Киммерийского на западе. Благодаря союзу с Византией тюркюты смогли закрепиться на Северном Кавказе и достичь берегов Боспора в 571 г. При этом тюркюты смогли покорить приазовских утигуров. Следовательно, какая-то часть тюркютов также могла находиться там.

В итоге получается невозможная картина. Согласно ей, в VI в. в степях Северного Причерноморья могло проживать еще большее количество племен, чем ранее: несколько племен булгар, три племени утигуров, тридцать племен кутригуров, несколько племен сиургуров, аугаров и аунгуров, а также унногундуры, племена аваров и тюркютов. Количество племен явно невероятно.

Однако в первой половине VII в., когда возникла Великая Болгария, мы видим совершенно иную картину. Феофан упоминает только пять племен в составе Великой Болгарии: «Во времена Константина Западного умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Кроват. Он оставил пять сыновей, завещая им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом»²⁶. Данную информацию повторяет также Никифор: «Во времена Константина, который умер на западе, некто по имени Коврат, бывший государем этих племен, переменял жизнь, оставив пять сыновей, которым завещал ни в коем случае не отделяться друг от друга с тем, чтобы они взаимным благорасположением оберегали свою власть. Но они, ничуть не заботясь об отеческом наставлении, по истечении недолгого времени расстались друг с другом, и каждый из них отделился с собственной частью народа»²⁷. Наличие уже четырёх племен болгар в конце VII в., после отхода на Дунай племени Аспаруха, фиксирует «Армянская география»²⁸. Остается вопрос: куда делись из степей Северного Причерноморья упомянутые в VI в. десятки племен кочевников?

Однако А. А. Тортика в своей кандидатской диссертации «Историческая география и население Великой Болгарии (630–660 гг.): методика исследований кочевых обществ средневековья» сумел показать, что природные ресурсы степей Северного Причерноморья были ограничены и не давали значительному количеству племен кочевников там обитать. До этого считалось, что в середине VII в. политическое образование Великая Болгария охватывало лишь Восточное Приазовье, то есть она имела узкую локализацию. Но А. А. Тортика сумел опровергнуть эти устаревшие взгляды и на основе привлечения данных этнографии, письменных источников, археологии, климатологии и других дисциплин доказал, что Великая Болгария имела широкую локализацию – территория проживания болгарских племен охватывала степи не только Восточного, но и Северного Приазовья. Методика, разработанная А. А. Тортикой, давала возможность аналогичным способом исследовать и другие кочевые социумы. По мнению исследователя, оптимальным для проживания в Северном и Восточном Приазовье было четыре племени. Общая численность кочевников каждого племени не должна была превышать 40 тысяч²⁹. В данном случае население Великой Болгарии не должно было превышать 200 тыс. человек. Таким образом, разработанный А. А. Тортикой метод позволяет свести максимальное количество племен кочевников на территории Северного Причерноморья до 8 (около 300 тыс. чел.). Как раз 8 кочевых племен мы видим в сообщении Константина Багрянородного о печенегах Северного Причерноморья – 4 племени на Левобережье и 4 племени на Правобережье³⁰.

Получается, что одни и те же группы раннесредневековых кочевников Северного Причерноморья на протяжении 200 лет могли фигурировать в различных письменных источниках под различными наименованиями. Так, исходя из того, что названия *кутригуры* и *утигуры* начали употребляться после того, как в письменных источниках временно не упоминался народ *булгары*, логично связать эти племенные объединения с булгарами. Именно в потомках утигуров и кутригуров исследователи склонны видеть основателей Великой Болгарии³¹.

В последнее время среди исследователей получила распространение гипотеза С. Г. Кляшторного, в соответствии с которой начало этногенеза протоболгар следует начинать не со времен гуннского нашествия, а из событий V в., описанных Приском Панийским³². Как уже отмечалось, Приск сообщает, что в 463 г. к императору Восточной Римской империи прибыло посольство от «Сарагуров», «Урогов» и «Оногуров», которые

просили императора помочь в борьбе против «Уннов Акатиров», проживавших в степях вблизи Кавказа. Причиной этой миграции стало давление с востока савилов, на которых давили авары; на них в свою очередь напали народы, обитавшие возле берегов «океана»³³. С. Г. Кляшторный это движение объяснял тем, что в первой половине V в. возле северных границ китайского государства Тоба Вей образовалось государство жуань-жуаней, которое подверглось нападению со стороны китайцев, что в результате привело к нарушению силового баланса среди племен Евразийской степи. Вследствие этого, западная группировка огузов оставила свои земли в западной части Центральной Азии и перешла Волгу³⁴. Приск сообщает, что уже в 466 г. сарагуры вместе с победенными «акатирами» осуществили с севера Кавказа поход против Персии, противницы Восточной Римской империи³⁵. Некоторые исследователи считают, что оногуры под названием *хайландур*, как жители страны *Агуанрия*, были известны в произведениях Египта (V в.) и других армянских авторов³⁶. В свое время К. Патканов высказал предположение: название протоболгарского племени *Оххондор*, которое встречается в «Армянской географии» (VII в.), и название *Вгндур* у Моисея Хоренского (V в.) происходят от названия *Оногур* византийских авторов³⁷. Исследователи считают, что название этого племени встречается в письменных источниках, написанных после конца X в., в виде *В-н-н-т-р* в Пространной редакции «Письма Иосифа»³⁸ и *В-н-н-д-р* в анонимном трактате «Худуд ал-‘Алам»³⁹. Возможно, авторы этих текстов пользовались произведениями раннесредневековых авторов.

В связи с этим уместно напомнить наблюдения О. Прицака, согласно которому у древних и средневековых кочевников Центральной Азии Запад обозначался белым цветом, если существовала северная ориентация⁴⁰. Поэтому вполне логично считать, что сарагуры были той западной частью оногуров, которые перешли Волгу и поселились в степях Предкавказья. Если учесть, что конфедерация племен у кочевников традиционно делилась на западную и восточную группировки – левый и правый фланги, то количество сарагуров, которые являлись западной половиной десяти племен оногуров, должно было бы насчитывать пять племен. Отметим также, что пять племен в составе Великой Болгарии упоминают Феофан и Никифор⁴¹. Таким образом получается, что пришедшие с Востока племена имели несколько самоназваний: прежнее *оногуры* (десять огузов) и новое *сарагуры* (западные огуры). Что же касается происхождения этнонима уруги, то это является предметом отдельной дискуссии.

Именно в период существования западного союза пяти племен огузов в византийских источниках в конце V в. начинают упоминаться болгары как активные участники событий. Поэтому большой интерес может представлять выдвинутое венгерским языковедом Б. Мункачи мнение, что термин *булгар* означает «пять угров»⁴². В этом его поддержали Д. М. Данлоп, О. Прицак, П. Добрев, которые предложили видеть в термине *булгар* название «пять огузов»⁴³. Когда во второй половине VI в. союз пяти племен распался, то довольно часто византийские авторы вместо этнонима *булгары* начали употреблять названия *утигуры* и *кутригуры*.

Есть основания согласиться с мнением О. Гундогдыева, что утигуры – это «уч огузы (три огузских племени)»⁴⁴, ибо в древнетюркском языке существовал термин *ÛS*, который означал «три»⁴⁵. Таким образом, в первой части этнонима *утигур* следует видеть числительное *ут* в значении «три» и название племенного союза, *утигуры* может означать «три огура» или «три племени огузов». Получается, что племен кутригуров должно было быть два. Отметим, что предложенные лингвистами этимологии термина *кутригур* на сегодняшний момент не могут удовлетворить исследователей. Конечно же, нельзя поддержать мнение Н. А. Баскакова, который был склонен рассматривал термин *кутригур* как «отуз огуз (тридцать огузов)»⁴⁶.

Тем не менее мы знаем, что часть кутригуров во время рейда аваров переселилась с ними дальше на Запад. Так, Менандр под 568 г. упоминал кутригуров как союзников аваров в борьбе против Византии, и при этом даже указал их количество – 10 тысяч, т.е. имелись в виду мужчины-воины⁴⁷. О болгарях, подвластных аварам в Паннонии, упоминал Феофилакт Симокатта под 595 г.⁴⁸, а также автор «Хроники Федегара» под 631–632 гг., где вождем болгар был назван Кувер⁴⁹. Поэтому можно согласиться с мнением А. Комара, что часть кутригуров была переселена в Паннонию, где они были известны также под прежним названием *булгары*⁵⁰. Если исходить из наблюдений А. А. Тортики об общем

количестве протоболгарского племени в 30–40 тыс. человек⁵¹ и учитывать количество воинов кутригуров как 10 тысяч, о чем сообщает Менандр⁵², т.е. основания говорить о том, что, по крайней мере, одно племя кутригуров во второй половине VI в. переселилось с аварами к Паннонию. Стало быть, в Приазовье осталось четыре племени протоболгар. Возникает естественный вопрос: откуда в начале VII в. взялось пятое племя, когда возникло объединение Великая Болгария?

Напомним, что в «Армянской географии» было упомянуто племя *Огхондор-Блкар-пришельцы*⁵³. Судя по названию, это и были болгары, но из числа примкнувших к оногурам. В связи с этим вспомним «Именник болгарских ханов», согласно которому Великой Болгарией правили потомки Аттилы из рода Дуло, а именно отпрыски его сына Ирника. Напомним также сообщение Иордана о том, что Эрнак, младший сын Аттилы, «вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии»⁵⁴. Выходит, пятое племя Великой Болгарии имело гуннское происхождение и, следовательно, было лидирующим. Именно после этих событий появился вариант этнического названия протоболгар – *унногундур*, известный в сочинениях Феофана и Никифора⁵⁵, что уместно рассматривать как составной этноним «хуно-оногурь».

Таким образом, разработанный А. А. Тортикой метод определения количества кочевников позволяет для Северного Причерноморья выводить их максимальное количество 320 тыс. человек, т.е. 8 племен – 4 на Левобережье и 4 на Правобережье. Исходя из этого, становится понятно, почему венгерские племена довольно быстро покинули местность Ателькузу в конце IX в. и переселились в Паннонию. Стоит отметить, что Ателькузу занимала степи в междуречье Днепра и Нижнего Дуная. Константин Багрянородный сообщил, что там племен венгров было восемь: *Кавары* – хазары по происхождению, *Неки, Мегери, Куртугермат, Тариана, Генах, Кари и Каси*⁵⁶. Как видим, здесь восемь племен вместо четырех. И поэтому нельзя считать причиной этой миграции лишь нападение печенегов. Вполне вероятно, что и без печенегов венгры бы стремились найти себе новые земли, ибо Ателькузу не смогла бы прокормить восемь племен.

¹ Бахрах Б. С. Аланы на Западе. – Москва: Ард, 1993. – 191 с.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е. Ч. Скржинской. – Москва: Изд. вост. лит., 1960. – С. 116.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 116–117.

⁵ Там же. – С. 118.

⁶ Там же. – С. 119–120.

⁷ Сказания Приска Панийского // Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Сказания Приска Панийского. – Рязань, 2005. – С. 478–479.

⁸ Там же. – С. 493.

⁹ Там же. – С. 527–528.

¹⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – С. 72.

¹¹ Генинг В. Ф. Ранние болгары на Волге / В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. – Москва: Наука, 1964. – С. 101; Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2000. – С. 135.

¹² Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – Москва: Наука, 1985. – С. 61.

¹³ Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – С. 137.

¹⁴ Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. – Москва: Наука, 1990. – С. 65–66.

¹⁵ Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – С. 86–87.

¹⁶ Там же. – С. 137.

¹⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – С. 37.

¹⁸ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – Москва: Наука, 1990. – С. 72.

¹⁹ Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. 3-е изд., исправл. и доп. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2009. – С. 68–177.

²⁰ Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – Москва: АН СССР, 1959. – С. 385–388, 434–438, 467; Агафий. О царствовании Юстиниана. – Москва: АН СССР, 1953. – С. 73, 88–89, 147–149.

- ²¹ Артамонов М. И. История хазар. – Ленинград: Гос. Эрмитаж, 1962. – С. 66.
- ²² Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – С. 61.
- ²³ Гундогдыев О. Прошлое туркмен. – Москва: Интерстамо, 1998. – С. 100.
- ²⁴ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. – Москва–Ленинград: АН СССР, 1941. – С. 82–84.
- ²⁵ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – Москва: Наука, 1980. – С. 60, 161.
- ²⁶ Там же. – С. 60–61.
- ²⁷ Там же. – С. 162.
- ²⁸ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – Ч. ССХХVI. – С. 29.
- ²⁹ Тортика А. А. Историческая география и население Великой Болгарии (630–660 гг.): методика исследований кочевых обществ средневековья: Дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1999. – 256 с.; Тортика О. О. Исторична географія та населення Великої Болгарії (630–660 pp.): методика досліджень кочових суспільств середньовіччя: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999. – 22 с.
- ³⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – Москва: Наука, 1991. – С. 155, 158.
- ³¹ Артамонов М. И. История хазар. – С. 160–169; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Ленинград: ЛГУ, 1979. – С. 95–113; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – С. 73–75.
- ³² Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – С. 135–136.
- ³³ Сказания Приска Панийского. – С. 527–528.
- ³⁴ Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – С. 136.
- ³⁵ Сказания Приска Панийского. – С. 527–528.
- ³⁶ Егшиз О. Вардане и войне армянской / Пер. с древнеарм. И. А. Орбели. – Ереван: АН Ар. ССР, 1971. – С. 31, 127; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – С. 55–56.
- ³⁷ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. – С. 24–25.
- ³⁸ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Ленинград: АН СССР, 1932. – С. 92.
- ³⁹ Minorsky V. Hudud al-'Alam. The Regions of the World. – London-Oxford, 1937. – P. 32.
- ⁴⁰ Pritsak O. Orientrung und Farbsymbolyc. Zu den Farbenbezeichnungen in den altaischen Volkernamen // Studies in Medieval Eurasian History. – London, 1981. – P. 376–383.
- ⁴¹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – С. 60, 161.
- ⁴² Артамонов М. И. История хазар. – С. 166; *Muncacsy B.* Ethnographia. – Т. VI. – Budapest, 1945. – С. 280–281.
- ⁴³ Dunlop D. M. The history of the Jewish Khazars. 2 ed. – New-York: Princeton Univer. Press, 1954. – Чаpт 2; Добрев П. Името българии – ключ към древната българска история. – София, 2002. – С. 37–41; Раишев Р. Прабългарите през V–VII век. 2. допълн. изд. – София, 2004. – С. 16.
- ⁴⁴ Гундогдыев О. Прошлое туркмен. – С. 100.
- ⁴⁵ Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – С. 621.
- ⁴⁶ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – С. 61.
- ⁴⁷ Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуни-са. – Санкт-Петербург, 1860. – С. 391–392.
- ⁴⁸ Феофилакт Симокатта. История / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – Москва: АН СССР, 1957. – С. 156.
- ⁴⁹ Ронин В. К. Так называемая Хроника Федегара // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. II. – Москва, 1995. – С. 371.
- ⁵⁰ Комар О. В. «Кубрат» і «Велика Булгарія»: проблеми джерелознавчого аналізу // Сходознавство. – № 15. – Київ, 2001. – С. 2–19.
- ⁵¹ Тортика О. О. Исторична географія та населення Великої Болгарії (630–660 pp.): методика досліджень кочових суспільств середньовіччя: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999. – С. 12.
- ⁵² Менандр. Продолжение истории Агафиевой. – С. 391–392.
- ⁵³ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. – С. 28.
- ⁵⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – С. 119–120.
- ⁵⁵ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – С. 60, 161.
- ⁵⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 162–163.

КТО ОСТАВИЛ НАДПИСЬ «M17» НА БЛОКЕ МАЯЦКОЙ КРЕПОСТИ?

В. В. Тишин, В. С. Флеров

Тишин В. В., Флеров В. С. Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой фортеці? Вплив візантійських технологій на фортифікацію Хозарського каганату на сьогодні встановлено для фортеці Нижнього Дону: Саркел, Правобережна Цимлянська та Семикаракорська. Це підтверджують дані археології, а в Саркелі додатково повідомленням Костянтина Порфірородного про Петрону Каматира. Стаття є відповіддю на спробу Г. Е. Афанасьєва довести участь візантійських будівельників і в спорудженні фортеці Маяцька на Середньому Дону, на північній межі каганату. Його аргумент: напис M17 на блоці фортеці виконана двома грецькими літерами. Співавтори статті детально аналізують напис та показують, що ніякого підґрунтя для такого висновку немає. Два знака напису M17 входять в загальний фонд знаків написів Маяцького городища, а також знаходять аналогії серед знаків інших рунічних написів степу Східної Європи, що допоки не мають впевненого прочитання та не ідентифіковані з точки зору мовної належності. Метод, оснований на вибіркового тлумаченні окремих знаків із залученням випадкових графічних аналогій, не може вважатися задовільним.

Ключові слова: Хозарський каганат; візантійські будівельники; Маяцька фортеця; псевдогрецька; рунічні написи Східної Європи.

Тишин В. В., Флеров В. С. Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой крепости? Влияние византийских технологий на фортификацию Хазарского каганата на сегодня установлено в крепостях Нижнего Дона: Саркел, Правобережная Цимлянская и Семикаракорская. Это подтверждают данные археологии, а в Саркеле дополнительно сообщением Константина Багрянородного о Петроне Каматире. Статья является ответом на попытку Г. Е. Афанасьева доказать участие византийских строителей и в сооружении крепости Маяцкая на Среднем Дону, на северной границе каганата. Его аргумент: надпись M17 на блоке крепости выполнена двумя греческими буквами. Соавторы статьи детально анализируют надпись и показывают, что никаких оснований для такого заключения нет. Два знака надписи M17 входят в общий фонд знаков надписей Маяцкого городища, а также находят аналогии среди знаков других рунических надписей степей Восточной Европы, не имеющих пока убедительного прочтения и не идентифицированных с точки зрения языковой принадлежности. Метод, основанный на выборочном истолковании отдельных знаков с привлечением случайных графических аналогий, не может считаться удовлетворительным.

Ключевые слова: Хазарский каганат; византийские строители; Маяцкая крепость; псевдогреческая; рунические надписи Восточной Европы.

Tishin V. V., Flyorov V. S. Who Left M17 Inscription on the Stone of Mayatskaya Fortress? The influence of Byzantine technology on the fortifications of Khazar Khaganate today is found in case of some fortresses in the Lower Don, such as Sarkel, Pravoberezhnaya Tsimlyanskaya and Semikarakorskaya. That fact is confirmed by archaeological data, and, in addition, regarding to Sarkel, by the report of Constantine Porphyrogenitus about Petrona Kamatir. The article is a response to the attempt of G. E. Afanasyev to prove the fact of participation of Byzantine builders in the construction of the Mayatskaya fortress in the Middle Don valley, in the northern border of the khaganate. His argument asserted that M17 inscription on the one stone of the fortress wall consists of two Greek letters. Co-authors of the article analyze the inscription in detail and show that there are no reasons for such conclusion. Two signs of M17 inscription are included in the general fund of signs of Mayatskaya fortress inscriptions and, furthermore, they are similar to certain signs found on other inscriptions of Eastern Europe steppe, which have not been properly read and indentified with any language yet. The method, based on the interpretation of sampling signs, involving random visual analogies, can not be considered as satisfactory.

Keywords: Khazarian Khaganate; Byzantine builders; Mayatskaya fortress; Pseudo-Greek; runic inscriptions of Eastern Europe.

В хазарской археологии проблема византийского влияния на хазарскую фортификацию и даже непосредственного участия византийцев в строительстве кирпичных и белокаменных крепостей каганата стала актуальной только с раскопками Саркела, результаты которых подтверждали сообщение Константина Багрянородного о миссии Петроны Каматиры. История эта хорошо известна и нет нужды повторять ее в очередной раз, как и то, что П. А. Раппопорт в свое время не усмотрел в сооружениях Саркела византийских технологий¹. М. И. Артамонов

подошел к оценке технологии кирпичного строительства более осторожно, хотя и он не увидел в них «ничего специфически византийского», а роль Петроны посчитал преувеличенной, с чем, вероятно, придется согласиться. В полном отрицании «византийского» Михаил Илларионович все-же ошибался². Византийское было не только в самом Саркеле, но и в других ниже-донских хазарских крепостях – Правобережной Цимлянкой и Семикаракорской. В них, в отличие от Саркела, найдена черепица и ряд других строительных и декоративных элементов, имеющих византийские прототипы³. О некоторых из них М. И. Артамонов еще не мог знать, другие: семикаракорскую черепицу, краску и штукатурку в Саркеле⁴, – не учел. Но не будем забывать, что он же указал и на активное участие местного населения в строительстве⁵. О том, что именно местные, а не чужеземные мастера, изготавливали кирпичи, неопровержимо свидетельствуют нанесенные на них до обжига знаки. Такого же рода метки открыты на обожженных и сырцовых кирпичах в Семикаракорской крепости⁶. Уяснение роли византийцев в создании ниже-донских крепостей продолжается. Так, наметилась возможность создания их относительной хронологии. В соответствии с ней Семикаракорская крепость, как и Правобережная Цимлянская, оказываются более ранними, нежели Саркел. Отсюда возникает вопрос о появлении на Нижнем Дону еще до Петроны Каматиры какой-то более ранней группы византийских фортификаторов, которая и познакомила хазар не только с изготовлением кирпича, но и черепицы⁷. Так коротко на сегодня выглядит проблема вклада византийцев в технологии кирпичного и белокаменного строительства на Нижнем Дону.

Гораздо сложнее установить, проникали ли византийские строители на Средний Дон, на притоке которого – р. Тихая Сосна, располагается другая группа крепостей Хазарского каганата, кирпичных и белокаменных. Нарративные источники вообще молчат об этом. Не менее показательны и то, что в этих крепостях, включая Маяцкую, не обнаружены византийского происхождения архитектурные детали, подобные найденным в Саркеле капителям и колоннам⁸.

Наиболее раскопанной из крепостей Тихой Сосны остается упомянутая Маяцкая, исследованная в 1975, 1977–1982 гг. советско-болгаро-венгерской экспедицией под руководством С. А. Плетневой. В отличие от Правобережной Цимлянкой, снабженной башнями, с упоминавшимися выше черепицей (калиптеры, керамида) и технологиями византийского происхождения, Маяцкая выглядит довольно примитивной. Попытка члена экспедиции Г. Е. Афанасьева найти в крепости следы непосредственного участия византийцев в строительстве⁹ уже комментировалась и признана несостоятельной¹⁰. Подчеркнем, что речь шла не только о разметке очертаний будущей крепости на местности, но и о возведении ее стен. «Появление» византийских строителей на Тихой Сосне Г. Е. Афанасьев попытался дополнительно обосновать «прочтением» по-гречески известной надписи М17 на одном из незавершенных блоков Маяцкой крепости. Оставить без внимания прочтение Г. Е. Афанасьева невозможно по ряду причин. Первая – надписи Маяцкой крепости до последнего времени остаются без расшифровки. Вторая – из грекоязычных на территории Хазарского каганата известны только одно-двухбуквенные пометки на амфорах. Третья – крепость расположена на северном пограничье Хазарского каганата, где появление византийцев вроде бы ничем надежно не документируется. Наконец, любая попытка прочтения маяцких надписей не может не вызвать громадного интереса.

Интерпретация надписи М17 (рис. 1) в составе двух знаков отрекомендована Афанасьевым следующим образом: «Бросается в глаза, что две буквы, из которых состоит эта надпись, тождественны написанию греческих букв ипсилон и сигма – ΥΣ. По своей палеографии они напоминают начертания двух последних букв в знаменитой византийской криптограмме из Эфеса – ΙΧΘΥΣ, которая расшифровывается как Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ – «Иисус Христос Божий Сын Спаситель». Если отталкиваться от предположения, что это действительно буквы греческого алфавита, то можно рассматривать несколько вариантов перевода слова (криптограммы) ΥΣ с греческого: Υ[ίός], Σ[ωτήρ] – «Сын Спаситель»; ὕς – «кабан». Если же допустить, что донское аланское население VIII–X вв. использовало греческий алфавит для передачи алано-осетинского языка (как это имело место у алан Северного Кавказа), то возможный вариант перевода слова ΥΣ будет is[es] – «имущество, достаток, богатство». Насколько возможны такие трактовки – решать специалистам-филологам». Однако, не дожидаясь отзывов специалистов, автор стал использовать в своих построениях трактовку знаков в качестве греческих букв как абсолютно верную: «Греческие буквы надписи М17 вновь заставляют поднять вопрос об интерпретации “знаков строителей” на меловых блоках Маяцкой крепости»¹¹. Стоит отме-

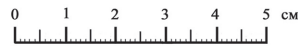

Рис. 1. Надпись М17 из Маяцкой крепости: *a* – прорисовка В. Е. Нахапетян (Флеровой) (Кызласов 1990*a*. С. 8, рис. 2: 4; 1990*б*. С. 30, рис. 4; 1994. С. 261, рис. Д20); *б* – фотография (Кызласов, 1994. Фото Д20, вкладка).

тить, что Г. Е. Афанасьев не указал, какие надписи VIII–X вв. с использованием греческого алфавит у алан Северного Кавказа он подразумевает.

Первая публикация изображения двух знаков на блоке из Маяцкого городища в качестве рунической надписи под условным индексом М17 сделана в 1990 г. И. Л. Кызласовым, издавшим тогда единственную прорисовку изображения, выполненную на полиэтиленовой пленке В. Е. Нахапетян (Флеровой)¹². В 1994 г. И. Л. Кызласовым опубликован фотоснимок¹³. Надпись была найдена при раскопках 1982 г. в завале внутренней части северо-западной стены крепости. Согласно И. Л. Кызласову, «на бугристой поверхности рваного камня два рунических знака... ясно вырезаны бороздами глубиной 1,5–2 мм», «расположены горизонтальной строкой, длиной 4 см». Высота знаков – 3,3 и 4,7 см (при последовательности справа налево)¹⁴. В другой работе археолога отмечается также, что данный блок с изображением знаков был оставлен на городище, т.е. не взят в коллекцию¹⁵, ввиду чего сегодня надпись остается доступной для изучения только в прорисовке и на фотографии (рис. 1).

По мнению Г. Е. Афанасьева, надпись представляет собой «звено, которое не вписывается в общую коллекцию» эпиграфических материалов Маяцкого городища. Здесь выделяются два обстоятельства: во-первых, это техника нанесения рассматриваемых начертаний, сделанных глубокой резьбой, что, по мнению Г. Е. Афанасьева, «резко отличает» эту надпись от других маяцких надписей, сближая ее с так называемыми «метками строителей» или «строительными знаками»; во-вторых, сходство форм знаков с греческими буквами¹⁶.

Безусловно, сама простота форм каждого из двух знаков, представленных в надписи М17, оставляет возможность для поиска внешних сходств и формального подбора аналогий для них на примере самого разнородного материала. Одновременно и само сочетание всего лишь двух знаков позволяет выдвинуть разнообразные предположения об их функциональном предназначении¹⁷. Все это *в зависимости от целеполагания, эрудиции и фантазии исследователя*. Однако уже то обстоятельство, что данный блок со знаками не является единственной находкой подобного рода в рамках одного археологического объекта, позволяет достаточно уверенно рассматривать это сочетание знаков именно как надпись, выполненную руническими знаками, поскольку знаки подобных форм встречаются в других надписях Маяцкого городища.

Следует отметить, что достаточно относительным и, соответственно, ненадежным основанием для каких-либо категоричных заключений являются и любые рассуждения о технике нанесения знаков – без учета для каждого отдельного случая таких факторов, как

характер материала, форма и фактура поверхности, инструмент нанесения знаков, а также ряда возможных обстоятельств субъективного характера, связанных с личностью резчика и условиями его работы¹⁸.

Знак, расположенный на существующей прорисовке надписи М17 справа, именно в таком положении, как это представлено в публикациях И. Л. Кызласова (развилкой вниз), и именно в таком варианте написания (Λ) встречается в Маяцких надписях лишь единожды. Однако знак подобных же очертаний, но расположенный «кверху ногами» (U), известен по надписи М10¹⁹ (рис. 2). По мнению И. Л. Кызласова, в этих случаях речь идет о двух различных графемах выделенного им «донского алфавита»²⁰. Так или иначе, оба варианта имеют аналогии в системах других рунических алфавитов степей Восточной Европы и Азии (рис. 3а–б). В надписи М10 присутствует также и знак S (рис. 2), аналогичный второму знаку надписи М17, расположенному на прорисовке, согласно публикациям И. Л. Кызласова, слева²¹. Он встречается, кроме того, еще в двух надписях Маяцкого городища, известных лишь по безмасштабной зарисовке С. Н. Замятина конца 20-х гг. XX в., – М7 и М8²² (рис. 2). И. Л. Кызласов фиксирует также наличие знака подобной формы, начерченного в зеркальном направлении, в надписи М4, обнаруженной в 1909 г. Н. Е. Макаренко, где он встречается дважды²³ (рис. 2). По мнению И. Л. Кызласова, это вариант написания той же графемы²⁴. Аналогии для обеих форм зафиксированы в составе известных систем рунического письма азиатского ареала (рис. 3в).

Имеющиеся материалы не дают возможности установить пространственную ориентацию знаков надписи М17, как, собственно, и в ряде других случаев, ни даже предположить порядок и направление начертания их составных элементов. Хотя формы начертания знаков надписей Маяцкого городища, в том числе интересующей нас надписи М17, находят аналогии в графических системах древнетюркского рунического письма, нет никакой уверенности в том, что речь в данном случае должна идти не об обычном внешнем сходстве ввиду простоты форм знаков. Рунические письмена Восточной Европы остаются не расшифрованными и на сегодня едва ли есть возможность выдвинуть какое-либо обоснованное предположение о языке, на котором они были написаны.

В свое время И. Л. Кызласовым было отмечено, что попытки прочтения надписи М17 не предпринимались²⁵. Так что, по-видимому, в работах Г. Е. Афанасьева мы, так или иначе, сталкиваемся с первой. Однако, с такой же легкостью, как это сделано Г. Е. Афанасьевым, по-гречески, надпись могла быть «прочитана», разумеется, и по-древнетюркски. Если попытаться сделать это по нормам, установленным для орхоно-енисейского письма, интерпретируя знаки в том расположении, какое предложено в работах Л. Р. Кызласова, но,

Рис. 2. Надписи из Маяцкой крепости: **М10** – по: Кызласов, 1990а. С. 20, рис. 6; 1990б. С. 33, рис. 7; 1994. С. 256, рис. Д13; **М4** – прорисовка И. Л. Кызласова по фотографии Н. Е. Макаренко (Кызласов, 1990а. С. 10, рис. 3; 3; 1990б. С. 28, рис. 2; 1994. С. 243, рис. Д4); **М7** – по безмасштабной прорисовке С. Н. Замятина (Кызласов, 1990а. С. 8, рис. 2; 1990б. С. 30, рис. 4; 1994. С. 254, рис. Д11); **М8** – по безмасштабной прорисовке С. Н. Замятина (Кызласов, 1990а. С. 8, рис. 2; 1990б. С. 30, рис. 4; 1994. С. 254, рис. Д11).

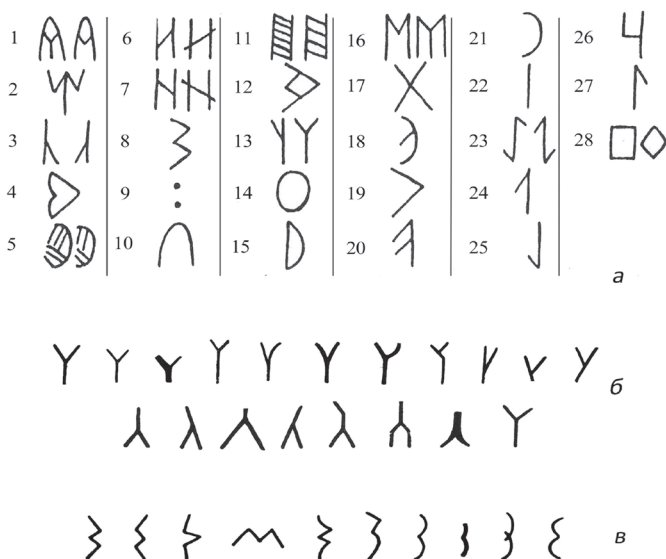

Рис. 3. Примеры соответствий форм знаков надписи М17 из других систем рунических алфавитов Евразии: *а* – таблица общих знаков евразийских рунических алфавитов по И. Л. Кызласову (1990а. С. 151, табл. XXVI, стк. 3, 8, 13; 1994. С. 67, табл. XXII, стк. 3, 8, 13); *б* – аналогии «правому» знаку надписи М17 по Д. Д. Васильеву (1983. С. 120, табл. 15, стк. 8; С. 121, табл. 16, с. 140, табл. 29); *в* – аналогии «левому» знаку М17 по Д. Д. Васильеву (1983. С. 146, табл. 34, стк. 1–6).

по-видимому, справедливо выбирая направление чтения справа налево²⁶, первый знак выступал бы в фонемном значении /č/, сочетаясь с гласными как велярного, так и палатального ряда²⁷, второй обозначает лигатуру *nč*, также универсальную с точки зрения сингармонизма²⁸. Единственный вариант транскрипции, который здесь можно гипотетически предположить – это чтение *(a)č(i)nč*, т.е. *ačī-* ‘переживать, горевать’, ‘болеть, испытывать боль’ (< ‘быть горьким’)²⁹ + отглагольный аффикс *-(X)nč*, получая в итоге искусственную именную форму с абстрактным значением – *‘горе’, *‘переживание’. Однако ничего подобного в лексике какого-либо из известных тюркоязычных памятников не зафиксировано.

Если же попытаться «прочитать» знаки, исходя из той пространственной ориентации, в какой их «читает» Г. Е. Афанасьев, тогда первый (справа налево) знак, которым теперь выступает «сигма», опять же будет трактоваться в качестве лигатуры *nč*³⁰, второй же в этом случае передавал бы // палатального ряда (*l'*)³¹. Полученная транслитерация знаков *nč l'* может быть прочитана как *(e)nč(i)l* или *(e)nč (e)l*. Первое прочтение предполагает именную форму < др.-тюрк. *enč ~ inč* ‘покой’³² + аффикс *+(X)l*, – достаточно редкий и неоднозначный в интерпретации³³, – при буквальном переводе ‘спокойный (успокоившийся, обретший покой)’, либо прямо Энчиль (личное имя?). Согласно другому варианту, истолкование второго знака могло давать написание слова *el ~ il*, в зависимости от контекста переводимое обычно спектром значений ‘государственная организация’, ‘племя’, ‘народ’, выступающее также в значении ‘мир’³⁴. В совокупности с первым знаком это давало бы фразу с буквальным переводом ‘спокойное (пребывающее в покое) государство’, оставляя также соблазн порассуждать над конструкцией с семантической тавтологией в результате сочетания двух синонимов со значением ‘покой’.

Следует повториться, что все подобные рассуждения основываются только на формальном сопоставлении очертаний знаков Маяцкого городища с графикой памятников древнетюркской рунической письменности и грубом механическом экстраполировании выработанных правил их чтения на маяцкий материал, что если и возможно, то с рядом натяжек и допущений, но методологически едва ли корректно. Вероятно, пример подобной спекуляции, определенным образом поизощрившись, мог бы предложить и скандинавист, если бы поставил специальную задачу подтянуть какую-нибудь интерпретацию под факт совпадения форм рассматриваемых знаков со скандинавскими рунами. Разумеется, в зависимости от предпочтения к «греческой»,

«древнетюркской» или «скандинавской» версии при выборе соответствующего фонемного значения знаков надписи, далее путем простой подборки на основе совпадения звучаний не сложно выдвинуть любые другие гипотезы о принадлежности языка надписи, носители которого будто бы использовали какой-то из озвученных выше алфавитов.

Заканчивая обсуждение предложенной Г. Е. Афанасьевым интерпретации надписи М17, приходится вновь отметить тот факт, что рунические надписи Маяцкого комплекса, несомненно представляющие собой явления одного порядка, остаются нерасшифрованными. Начиная с С. Г. Кляшторного, попытки прочтения отдельных надписей имели место, но не привели пока к какому-либо удовлетворительному результату. Известно, что в настоящее время над прочтением восточноевропейских рунических надписей, в том числе и Маяцких, активно работает московский лингвист О. А. Мудрак, об изысканиях которого можно судить по его выступлениям в Институте языкознания РАН и Институте востоковедения РАН, но какие-либо суждения до публикации полных результатов его исследований преждевременны.

Вернемся к проблеме участия византийцев в строительстве Маяцкой крепости. Результат своего прочтения надписи М17 Г. Е. Афанасьев характеризует так: «Появлению греческих букв на стене Маяцкой крепости соответствует определенный историко-архитектурный фон. Практическое пребывание и участие византийских архитекторов и мастеров в строительстве крепости документирует недавно открытая византийская система линейных измерений и параметрические характеристики этой крепости». В том то и дело, что «недавнее открытие» не выдерживает критики и вводит читателей в заблуждение³⁵. Гипотетично допустив участие византийцев, включая каменщиков, в строительстве Маяцкой крепости от ее закладки до полного завершения, можно было бы надеяться на хоть какие-то более реальные их следы. Если не на месте крепости, то на поселении. Раскопки Маяцкого поселения ничего подобного не дали, хотя вскрытая площадь была велика³⁶.

¹ *Ратпопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва–Ленинград (далее – Тр. ВДАЭ). – Т. II. / Материалы и исследования по археологии СССР. Москва (далее – МИА). – № 75. – М.–Л., 1959. – С. 39.

² *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // Тр. ВДАЭ. – Т. I / МИА. – № 62. – М.–Л., 1958. – С. 25.

³ *Флеров В. С.* Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // *Ῥωμαϊός*: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // *Нартекс. Vuzantina Ukrainensis*. – Т. 2. – Харьков: Майдан, 2013. – С. 474–502; *Его же.* Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // *Калинина Т. М.* Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры / Т. М. Калинина, В. С. Флеров, В. П. Петрухин. – М.: Языки славянских культур, 2014. – С. 101–158.

⁴ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград (далее – ИГАИМК). – Вып. 131. – Л., 1935. – С. 10, 115.

⁵ *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа. – С. 26.

⁶ *Флеров В. С.* Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости / В. С. Флеров, В. Е. Флерова // Поволжская археология. Казань (далее – ПА). – 2015. – № 4. – С. 92–115.

⁷ *Флеров В. С.* К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва (далее – КСИА). – 2014. – Вып. 236. – С. 235–239.

⁸ Едва ли не первые упоминания колонн из Саркела содержатся в: *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. – Ростов-на-Дону, 2005. – Примечание 4; *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. – С. 12, 13, рис. 2, 3.

⁹ *Афанасьев Г. Е.* О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // ПА. – 2012. – № 2. – С. 29–49.

¹⁰ *Флеров В. С.* Заметки о хазарских кирпичах, блоках и крепостях // ХА. – Т. 13. – М., 2015. – С. 299–336.

¹¹ *Афанасьев Г. Е.* К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVIII Крупновские чтения. Мат. междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. – Махачкала, 2012. – С. 261–262.

¹² *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии: опыт палеографического анализа. – М.: Наука, 1990. – С. 8, рис. 2: 4; *Его же.* Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: Наука, 1990. – С. 30, рис. 4; *Его же.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 261, рис. Д20.

¹³ *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. – Фото Д20 (вкладка); ср.: *Афа-*

насьев Г. Е. К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища. – С. 262, рис. 1.

¹⁴ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии: опыт палеографического анализа. – С. 27; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 19; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 261, 264.

¹⁵ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – С. 261. К счастью, некоторые другие знаки сплелись с блоков. Они должны храниться в археологическом музее Воронежского университета.

¹⁶ Афанасьев Г. Е. К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища. – С. 261; *Его же*. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногогорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 3. – Воронеж, 2012. – С. 112.

¹⁷ Нахапетян (Флерова) В. Е. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. / В. Е. Нахапетян (Флерова), А. В. Фомин // Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). Москва (далее – ДГ). – 1991 г. – М.: Наука, 1994. – С. 163, 165, 166, 172; Флерова В. Е. Граффити Хазарии. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 76, 77.

¹⁸ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – С. 19, 20, 45.

¹⁹ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 20, рис. 6; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 33, рис. 7; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 256, рис. Д13.

²⁰ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 15–16, табл. 1 стк. 28, 29, 32, 34, с. 48, рис. VII, стк. 15, 29; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 40, табл. 1, стк. 28, 29, 32, 3; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 17–18, табл. 1, стк. 28, 29, 32, 34.

²¹ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 20, рис. 6; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 33, рис. 7; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 256, рис. Д13.

²² Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 8, рис. 2; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 30, рис. 4; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 254, рис. Д10, Д11.

²³ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 10, рис. 3; 3; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 28, рис. 2; *Его же*. Рунические письменности евразийских степей. – С. 243, рис. Д4.

²⁴ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – С. 246.

²⁵ Там же. – С. 261.

²⁶ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. – С. 29; *Его же*. Рунические надписи Маяцкого городища. – С. 23.

²⁷ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. – С. 140, табл. 29, стк. 1–4, 6, 9.

²⁸ Там же. – С. 146, табл. 34, стк. 1, 5–7.

²⁹ Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – С. 4; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972. – P. 20–21.

³⁰ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. – С. 146, табл. 34, стк. 2, 3, 9.

³¹ Там же. – С. 121, табл. 17.

³² Древнетюркский словарь. – С. 173, 210; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – P. 171–172.

³³ См.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – С. 127; Erdal M. A Grammar of Old Turkic. – Leiden; Boston, 2004. – P. 99–100.

³⁴ Древнетюркский словарь. – С. 168–169, 207; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – P. 121–122.

³⁵ Подробнее о среднестатистических размерах блоков по Г. Е. Афанасьеву см. в: Флеров В. С. Заметки о хазарских кирпичях, блоках и крепостях. – С. 318, 319.

³⁶ Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата / А. З. Винников, С. А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. – 216 с.

Сокращения

ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). Москва.

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Ленинград.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН, Москва.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва.

ПА – Поволжская археология, Казань.

Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции, Москва–Ленинград.

ГОРОДИЩЕ БОЛГАР (БОЛГИР, БУЛГАР) НА ХАРЬКОВЩИНЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В. В. Колода

Колода В. В. Городище Болгар (Болгир, Булгар) на Харківщині та археологічні реалії раннього середньовіччя. Городище Болгар в с. Шевченкове Валківського району Харківської обл. давно привертає увагу істориків та краєзнавців, але донедавна ігнорувалося археологами з причин відсутності відповідних артефактів. Нещодавне дослідження гончарного горну салтівської культури та супутніх йому керамічних матеріалів дозволяє вперше поставити питання щодо присутності групи ранньосередньовічного болгарського населення у верхів'ях р. Мжа. На підставі аналогій зроблено припущення щодо дати існування городища та пункту гончарного виробництва у межах VIII ст. н. е. (передсалтівський та ранньосалтівський час Хозарського каганату).

Ключові слова: раннє середньовіччя; болгари; салтівська археологічна культура; пенківська археологічна культура; Хозарський каганат; гончарне виробництво; гончарне горно.

Колода В. В. Городище Болгар (Болгир, Булгар) на Харьковщине и археологические реалии раннего средневековья. Городище Булгар в с. Шевченково Валковского района Харьковской обл. давно привлекает внимание историков и краеведов, но до недавнего времени игнорировалось археологами ввиду отсутствия соответствующих артефактов. Недавнее исследование гончарного горна салтовской культуры и сопровождающих его керамических материалов позволяет впервые поставить вопрос о присутствии группы раннесредневекового болгарского населения в верховьях р. Мжа. На основе аналогий высказано предположение о дате существования городища и пункта гончарного производства в рамках VIII в. н.э. (предсалтовское и раннесалтовское время Хазарского каганата).

Ключевые слова: раннее средневековье; болгары; салтовская археологическая культура; пенковская археологическая культура; Хазарский каганат; гончарное производство; гончарный горн.

Koloda V. V. Bolgar (Bolgir, Bulgar) Settlement in Kharkov Region and Archaeological Realia of the Early Middle Ages. Bulgar settlement in Shevchenkovo village of Valkyvs'kyi district in Kharkov oblast has attracted the attention of historians and regional ethnographers for a long time. However, until recently it had been ignored by archaeologists owing to the absence of corresponding artefacts. The recent investigation of a ceramic forge of the Saltov culture and its accompanying ceramic materials permit to put the question of the presence of the early medieval Bulgarian population in the upper reaches of the Mzha for the first time. On the basis of the analogies, an assumption was made about the existence date of the settlement and the point of pottery within 8 century AD (the pre-Saltov and early Saltov periods of the Khazar kaganate).

Keywords: early Middle Ages; Bulgarians; Saltov archaeological culture; Penkovka archaeological culture; Khazar kaganate; pottery industry; potter's kiln.

Современное с. Шевченково Валковского района Харьковской области до 1948 г. имело название «Булгар». В историко-краеведческой литературе, по крайней мере, с конца XIX в., относительно этого населенного пункта упоминается и одноименное городище¹. В 1970-е гг. на одной из незастроенных возвышенностей в селе (к югу от пруда) было установлено несколько памятных охранных знаков, а объект внесен в реестр памятников археологии как городище салтовской культуры «Болгар»². Неоднократный осмотр возвышенности с охранным знаком и зачистки обрушений по ее краю не выявили древних артефактов или культурного слоя в этом месте³. Однако в истории г. Валки Е. А. Альбовский, на основании дореволюционных документов из московского архива Министерства юстиции, дважды сообщает о «Болгирском городище», указывая место расположения – «на истоке Болгирия находилось Болгирское городище», указывая на его размеры: «Длина его 80 саж., ширина 40, а ... по валу, окружавшему городище, 250 сажень»⁴.

Проводя обследования в южной части современного с. Шевченково (рис. 1), которая ещё в середине XX в. была самостоятельным населенным пунктом с названием «Костырковка», мы обратили внимание на небольшую возвышенность, расположен-

ную между правым берегом р. Карамушина и небольшой сухой балочкой⁵. На ней четко просматривается площадка прямоугольной конфигурации, окруженная небольшим прямоугольным в плане валом (высотой до 1,5 м). Он заметен и на фотоснимках из космоса, визуально (рис. 2:1), но особенно четко – в косых лучах утреннего солнца (рис. 2: 2). Более века прошло от описания «Болгирского городища» Е. А. Альбовским, но сохранившиеся линии валов примерно соответствуют его описанию и размерам. Сбор материалов с поверхности, проведённый ещё в конце XX в., не внёс ясности: на частично распахиваемой поверхности был получен невыразительный подъёмный материал, в котором наряду с артефактами нового времени попадались мелкие стеночки лепных сосудов (?)⁶. Всё это, а также ряд иных дополнительных фактов свели на нет интерес хазароведов/салтововедов к данному объекту. К таковым фактам следует отнести: отличие планировки указанного объекта от известных в регионе салтовских городищ; отсутствие рвов с напольной стороны перед валами, а также тот факт, что указанный пункт расположен на значительном расстоянии от общепринятой в настоящий момент условной «славяно-хазарской» границы (≈ 65 км).

Однако недавние исследования в непосредственной близости от упомянутого «городища» возобновили интерес к проблеме. В 60 м к западу от юго-западного угла площадки с валами, на противоположном краю балочки в пределах частного землевладения был выявлен, а затем и исследован новый гончарный горн салтовской археологической культуры⁷.

Проведенные работы позволили полностью исследовать остатки гончарного горна и его предгорную яму (рис. 3; 4)⁸. Сам горн представлял собою традиционное для салтово-маяцкой культуры технологическое сооружение для обжига керамической посуды⁹. Он состоял из двух камер: верхней – обжигательной и нижней – топочной.

Обжигательная камера (рис. 3: 1) своей нижней частью была впущена в глиняный материк. Она имела почти круглую, в плане, форму с максимальными размерами 140×130 см в нижней части (рис. 4). Кверху стенки слегка сужались: на высоте 35 см от уровня пода камеры ее размеры в плане составляли $\approx 120 \times 115$ см. Верхняя часть обжигательной камеры была разрушена современной хозяйственной деятельностью. Но, скорее всего, ее высота составляла 70–75 см. Нарушение межкамерного перекрытия позволило выявить следы ремонта (подмазывания) пода обжигательной камеры, по крайней мере дважды. Толщина подмазки составляла $\approx 1,0$ –1,5 см.

Межкамерное перекрытие в своей центральной части обвалилось еще в древности, доказательством чему является прослеженный упавший свод топочной камеры. Сохранившиеся по периметру горна остатки перекрытия свидетельствуют, что его толщина составляла ≈ 30 –35 см¹⁰. В остатках перекрытия удалось проследить четыре продуха-воздуховода, диаметром 10–12 см, которые вертикально или под небольшим углом опускались вниз к топочной камере (рис. 3: 1; 4). Судя по их расположению в плане – по периметру, а также по участкам рухнувшего перекрытия, их могло быть больше. Еще два несохранившихся продуха располагались в северной и северо-восточной части обжигательной камеры. Не исключено, что изначально присутствовал воздуховод и по центру пода. Толщина сплошного монолитного спекания стенок продухов составляла 1,5 см.

Топочная (нижняя) камера (рис. 3: 2) имела несколько большие в плане размеры, нежели обжигательная (170×150 см), с небольшим смещением к северо-западу. Покатое в ЮВ сторону дно выявлено на глубине 130 см. Прослеженная высота топки составляла не более 25 см, максимально предполагаемая – 30 см (рис. 4). Толщина монолитного спекания свода этой камеры составляет ≈ 4 –5 см, у пода этот показатель – 2–3 см, но под ним прослеживается еще 5–6 см пропеченного супесчаного грунта (рис. 3: 2)¹¹. Вход в топочную камеру со стороны предгорной ямы прослежен гипотетически (по пятну красной от температурного воздействия материковой глины с чернозёмным включением), что связано с обрушением юго-восточной стенки горна вместе с частью межкамерного перекрытия (рис. 4).

Предгорная яма горна выявлена ниже по склону к юго-востоку от горна (рис. 4: 3; 5). В плане сверху ее форма приближалась к неправильной окружности, несколько зауженной в своей северо-западной части (ближе к горну). Ее размеры 240×240 см, ширина близ горна ≈ 100 см. Покатое к юго-востоку плоское дно обнаружено на глубине 130 см.

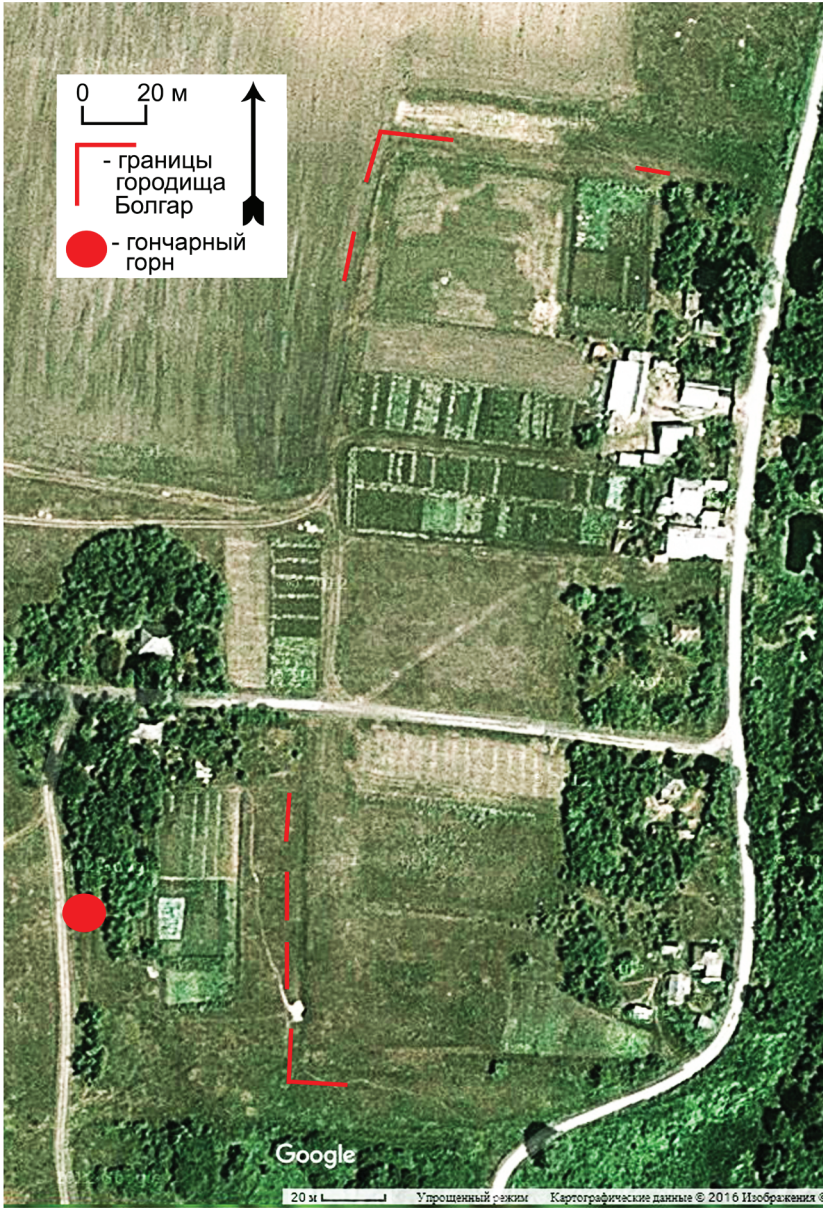

Рис. 1 Городище «Болгар» (Google maps)

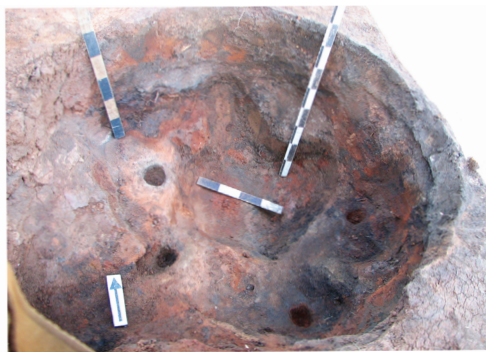

1

Рис. 2. Городище «Болгар» и место выявления гончарного горна: 1 – фото местности с юго-запада; 2 – фото южного участка валов городища «Болгар»

2

1

Рис. 3 Гончарный горн:
1 – обжигательная камера;
2 – топочная камера

2

Дно в плане имело форму неправильного овала 205×80–170 см (заужена близ предполагаемого устья топочной камеры). Возле северо-восточной стенки ямы на глубине 70–80 см прослежена материковая полочка-уступ с размерами в плане 90×40 см. Аналогичная полочка с размерами 90×25 см выявлена у противоположного болта предгорновой ямы на глубине 90 см (однако с учетом склона обе полочки фиксируют приблизительно один нивелировочный уровень). Отметим, что пол и нижняя часть борта ямы в ее СЗ стороне (в месте предполагаемого устья топочной камеры) имели явные следы значительного температурного воздействия в виде пропеченности докрасна (рис. 4).

Заполнение горна было неоднородным (рис. 4). Содержимое обжигательной камеры представляло собою смесь чернозема с современным бытовым мусором, в котором встречались куски обмазки глиняного свода (часть – с отпечатками прутьев), рваные камни и редкие фрагменты гончарной керамики нового времени. В месте расположения поврежденного межкамерного перекрытия находки практически отсутствуют, а заполнение представляет собою смесь кусков перепеченной и сырой необожженной глины с добавлением небольшого количества чернозема и мелких фракций древесного угля. Заполнение топочной камеры состояло из смеси золы, древесного угля, кусков сырой и пережженной пачины с незначительным количеством чернозема и редких кусков рваного камня. Продохи-воздуховоды имели черноземное заполнение. Заполнение рухнувшего устья состояло из смеси сырой и перепеченной глины. Кроме того, в заполнении горна выявлены фрагменты от гончарной глиняной посуды (≈ 90% – в обжигательной камере).

Заполнение предгорновой ямы состояло, в основном, из смеси чернозема и фракций сырой глины. На глубине третьего штыка выявлены отдельные крупные куски пачины и рваный камень. В нижних 40 см часто встречаются мелкие куски пережженной пачины; а на дне ямы выявлен сплошной слой из древесного угля, золы и мелкой печной крошки (4–6 см), что, скорее всего, связано с обслуживанием топочной камеры горна. В нижней части южного края котлована ямы, на глубине 110–130 см, выявлено компактное скопление кусков пачины и древесного угля, что может быть интерпретировано как следы ремонта устья топки или топочной камеры (рис. 4). Кроме того, в заполнении предгорновой ямы выявлены фрагменты от глиняной посуды, из которых лишь пять фрагментов относятся к лепным изделиям (≈ 85% находок обнаружено на уровне от -20 до -80 см).

подавляющее количество артефактов представлены обломками глиняной, преимущественно гончарной посуды, имеющей устойчивые аналогии на салтовских памятниках. Кроме того, в предгорновой яме найдено три железных изделия. Части от одного и того же сосуда выявлены в различных камерах горна, а в некоторых случаях – в горне (его разных камерах) и в предгорновой яме. В связи с этим мы считаем, что это следствие мусорного заполнения комплекса, который был совершен уже после того, как в еще не остывшем горне обвалилась передняя стенка с частью перекрытия¹². Это нам позволяет рассматривать керамические артефакты суммарно со всего комплекса в целом.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что остатки всех гончарных сосудов относятся к парадной столовой посуде СМК, что ранее не фиксировалось ни для одного из горнов салтовской культуры. Найденные фрагменты отличаются хорошим качеством теста (мелкодисперсное, плотного замеса) и обжига, зачастую имеют богатый орнамент. На одном донце зафиксировано «клеймо» в виде прямого креста (рис. 5: 4). На одном из фрагментов стенки – граффити в виде «зигзага» (рис. 6: 11)¹³. Для украшения использовались орнаменты, различные по технологии их нанесения: графический, лощеный, налепной, а также их сочетание на одном изделии. К первой группе относятся канелюры (рис. 5: 2; 6: 4–6, 8, 14), а также горизонтальные прямые и волнистые линии (рис. 5: 3; 6: 4, 7, 10, 13); иногда они располагались группами (ярусами); единожды зафиксированы косые палочные насечки по внутреннему краю венчика (рис. 6: 2). Лощением покрывали целые поля поверхности (рис. 5, 2; 6: 12), использовали лощенные линии различной толщины и направления: вертикальные (или чуть косые) прямые (рис. 5: 1–3; 6: 6, 8, 11, 13, 15), зигзагообразные ломаные (рис. 5, 2; 6: 6), волнистые (рис. 6: 12). В одном случае использовали налепные шишечки (рис. 5: 2).

Большинство сосудов – это остатки кувшинов больших и средних размеров. Практически все они имеют цветовую гамму от серого до черного, лишь один фрагмент – бежевый (рис. 6: 14). Некоторые удалось частично графически реконструировать (рис. 5: 1, 2). Один

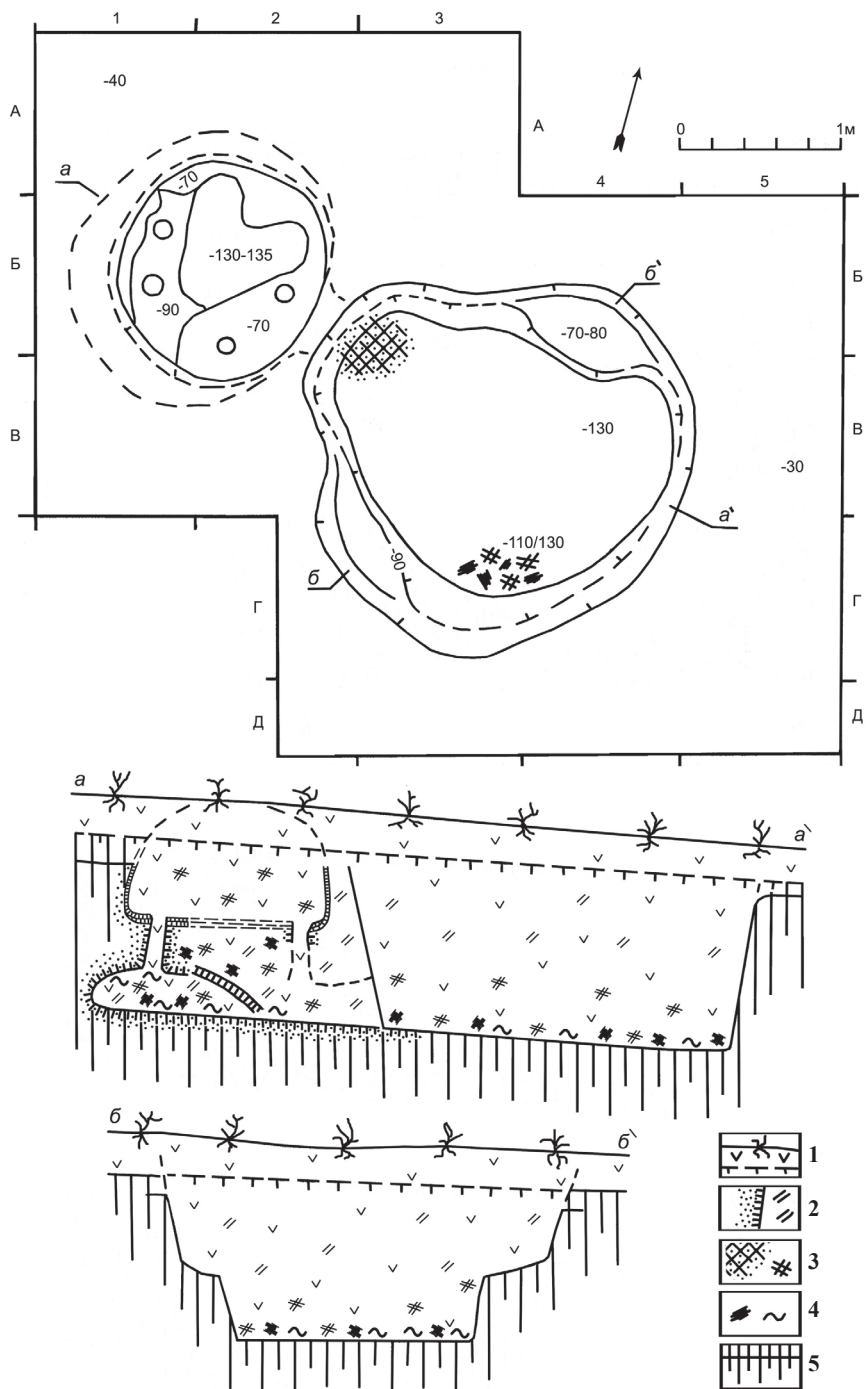

Рис. 4. План и профиль гончарного горна на памятнике Шевченково-4 (Условные обозначения: 1 – дневная поверхность, чернозём культурного слоя, граница пахотного слоя; 2 – глубина пропеченности грунта и зона сплошного спекания, сырая глины; 3 – пропеченный грунт, куски печины; 4 – древесный уголь, зола; 5 – предматерик, материк)

неполный сосуд и отдельные фрагменты отнесены к обломкам кувшинов предположительно (рис. 5: 3; 6: 6–8, 10–15). Добавим, что при раскопках найдено немало больших плоских ручек от кувшинов (сосудов) большого объема¹⁴. Заметим, что при наличии орнамента на фрагментах кувшинов, он, как правило, покрывал практически всю поверхность изделия. Обратим внимание на находку фрагмента венчика сосуда с широкой (10 см) расширяющейся книзу горловиной, у которого плоская ручка начинается практически от края венчика (рис. 6: 9). Вся его поверхность заложена. Предполагаем, что данный обломок относится к двуручным кувшинам, которые хотя и не часто, но встречаются на салтовских памятниках Дмитриевка¹⁵, Маяки¹⁶, Мохнач¹⁷. Возможно, из всех приведенных лишь изделия из Маяков имеют ту же особенность, что и фрагмент из Шевченково-4: крепление ручки непосредственно у среза горловины и расширение сосуда от нее в сторону тулова (без предварительного сужения к шейке). У остальных традиционно верхнее крепление ручки производится под венчиком, а горловина сначала сужается к шейке (в шейку), а лишь затем – расширяется и переходит в плечики. Наиболее близкими аналогиями этому сосуду (если предполагаемая нами реконструкция сосуда верна) являются амфоровидные кувшины тип-II (вариант Б), тип-VII (вариант Д), тип-VIII, и особенно тип-III на памятниках конца I тыс. в Подунавье, на территории современной Болгарии¹⁸. Обращает на себя внимание и наличие конического налета на плечике одного из кувшинов (рис. 5: 2). Такой элемент орнамента характерен древностям Северного Кавказа и Центрального Предкавказья в предсалтовский и раннесалтовский периоды¹⁹. Он крайне редко известен по изделиям салтовской культуры в Подонье.

Среди останков гончарных сосудов выявлены три фрагмента от горшков (рис. 6: 1–3)²⁰. По качеству теста, идеальному обжигу, тонкому черепку и отсутствию подпалин их трудно отнести к кухонной посуде, скорее – к столовой. Дополнительным аргументом в пользу этого тезиса служит лощение на внутренней поверхности одного из фрагментов (рис. 6: 1). Венчики этих сосудов были слегка отогнуты наружу, имели закругленный или уплощенный край, на одном из них прослеживается «манжета» (рис. 6: 1).

Лепная керамика представлена лишь пятью фрагментами. Один из них принадлежит сковороде с невысоким слабо отогнутым бортиком с закругленным краем; диаметр изделия – 16 см (рис. 6: 17). Два обломка представляют собой нижние части толстостенных горшков (рис. 6: 16, 18). Тесто этих фрагментов рыхлое, с примесью среднего и крупного шамота (0,3–1,0 см), плохого обжига. Цвет поверхностей серо-бежевый, на изломе – серо-черный. Следует отметить, что лепные горшки иногда встречаются на салтовских памятниках, особенно в степном ареале СМК, а вот сковороды – большая редкость. Последние больше характерны для лесостепных соседей салтовцев – славян, которые представлены в рассматриваемом регионе пеньковской, волынцевской и роменской археологическими культурами. Исследователи отмечают, что для пеньковских древностей (третья четверть I тыс. н.э.) характерной чертой сковородок является их шамотное тесто и невысокие (1,0–1,5 см), зачастую – слабо отогнутые, бортики. Присутствуют они и в северянской среде, хотя ближе к концу I тыс. н.э. большинство их изготавливается из более качественного теста; они имеют большие размеры и вместимость за счет более высоких бортиков с четкой профилировкой; край венчика нередко орнаментирован²¹. По большинству показателей фрагмент нашей сковороды скорее соотносится с пеньковскими древностями, в меньшей степени – с волынцевскими. Два фрагмента придонных частей лепных горшков по составу и рыхлости теста, бургистой фактуре поверхности также тяготеют к пеньковским лепным изделиям²².

В заполнении комплекса найдено три железных предмета: маленькая скоба (рис. 6: 19), обломок небольшой дужки из круглого в сечении прута (рис. 6: 20) и практически целый серп, длина лезвия которого в целом виде составляла 13–14 см (рис. 6: 21). Для второй половины I тыс. на юге Восточной Европы нам не известны серпы с петлею (крючком) для крепления рукоятки (подвешивания?) жатвенного орудия. Такой способ крепления соответствует раннему железному веку данной территории²³. Форма серпа – слабо выгнутая спинка с максимальным искривлением по центру дуги – также свидетельствует о невысокой продуктивности данного орудия труда, что абсолютно не характерно для жатвенных орудий конца I тысячелетия. В любом случае, мы не связываем этот серп с салтовскими или синхронными им славянскими древностями. Скорее всего, он попал на

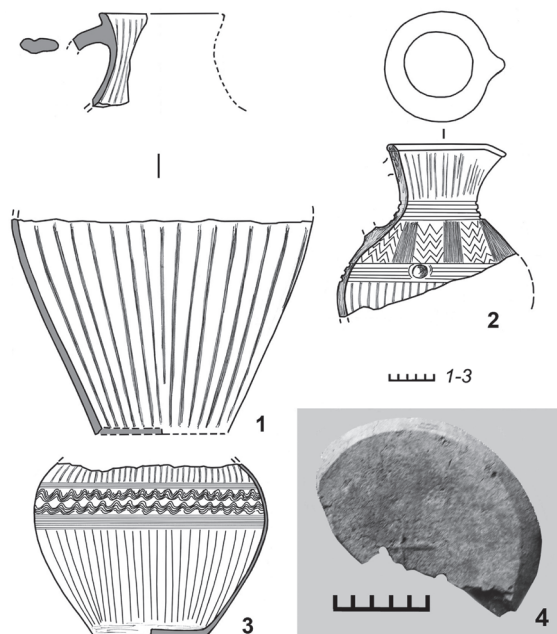

Рис. 5. Керамика гончарного комплекса

памятник случайно, с одного из близлежащих поселений скифского времени с обильным подъемным материалом²⁴.

Полученные материалы позволяют сделать некоторые предварительные выводы и, одновременно, ставят ряд вопросов-размышлений.

Конструкция гончарного горна и подавляющее преимущество керамического материала дают основание отнести этот памятник к салтовской археологической культуре. Не противоречит этому и некоторое количество пеньковской керамики. В лесостепном Подонье зафиксировано немало памятников, на которых известны древности как пеньковской, так и салтовской культуры²⁵. Уже довольно устойчивой является точка зрения на то, что носители пеньковских культурных традиций не только составили одну из основ лесостепного варианта СМК, но и некоторое время относительно мирно сосуществовали с пришлыми этническими компонентами салтовского населения²⁶.

Данное обстоятельство, при отсутствии каких-либо иных артефактов СМК, имеющих уточняющую датировку, все же позволяет предположить, что горн может быть отнесен к начальному периоду салтовской культуры – вторая половина VIII вв. н.э.

Небольшая площадь раскопа позволила выявить лишь одно техническое сооружение, по которому характер памятника определить крайне затруднительно. Осмотр невысокой задернованной возвышенности, на склоне которой располагался горн, не позволил выявить подъемный материал. Поэтому говорить, что он располагался на селище или же здесь существовал гончарный центр, пока не представляется возможным. На этой стадии изученности памятника можно говорить лишь о том, что выявлен еще один пункт салтовского гончарного производства.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в горне (и яме) найдены практически лишь фрагменты столовой посуды, которые по форме и орнаментации наиболее близки к гончарным традициям салтовской культуры. Более того, с учетом качества теста, тщательности обработки поверхности и обилия орнаментации такую посуду следует признать не просто столовой, но и парадной. Следовательно, она была рассчитана на соответствующего потребителя, который занимал верхние ступени в местной раннесредневековой родоплеменной иерархии. Наличие горна говорит о востребованности массовой продукции

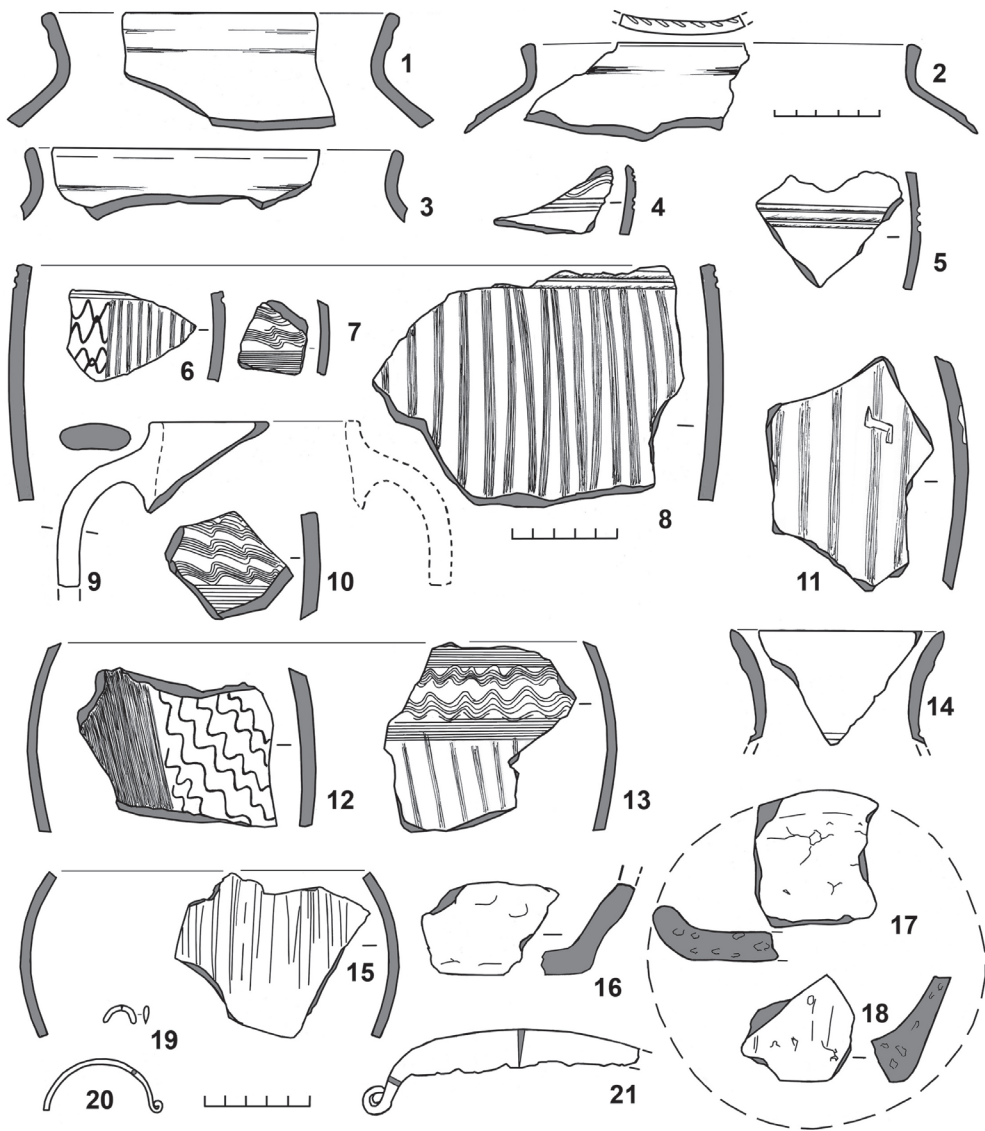

Рис. 6. Находки из горна и предгорновой ямы

такого рода. Из этого вытекает вопрос: где же проживали эти потребители? Традиционно северо-восточная граница Хазарского каганата (для которого СМК играла интегрирующую роль) соотносится с верхним течением Северского Донца, где по правому берегу реки расположена довольно густая сеть городищ и сопутствующих селищ. Юго-западные границы славян и Руси конца I тыс. практически не выходили восточнее р. Уды (левый приток Северского Донца)²⁷; исключение составляют лишь городища Мохнач и Короповы Хутора. Но в целом позитивно-комплиментарные отношения между населением северо-запада Хазарии и синхронным населением славян проявлялись и в том, что к западу от этого рубежа известны памятники СМК: на самих Удах и ее притоках: Харьков, Лопань (в, условно говоря, славянских землях), а также на р. Мжа, максимально приближаясь к ним с юга²⁸. Выявленный салтовский памятник – Шевченково–4, в этой группе памятников СМК

занимает самое западное место, располагаясь к западу от условной «славяно-хазарской» границы на ≈ 65 километров. Значительное расстояние до известных салтовских городищ и от густой сети поселений СМК на Донце делают проблематичным поставку продукции горна на такое значительное расстояние. Единичные салтовские поселения на «славянской» и «околославянской» территории на Удах и Мже²⁹ также не могли быть потребителями высококачественной продукции в массовом количестве. Все это подталкивает к поиску потребителя в непосредственной близости от самого горна.

Ими вполне могли быть представители предполагаемого и рассмотренного выше городища «Булгар» (рис. 1; 2). Этот предполагаемый объект нуждается в серьезном археологическом исследовании. Он отличается от подавляющего большинства лесостепных городищ Хазарии, которые сооружены с учётом рельефа местности и имеют рвы с напольной стороны от валов. Но прямоугольные в плане укрепленные поселения Хазарского каганата известны в степной зоне: Саркел, Семикаракоры, Крымское, Правобережное Цимлянское (частично), Верхнее-Ольшанское, где господствующим этносом были протоболгарские племена. Известны условно-прямоугольные в плане укрепленные поселения и на территории средневековой Болгарии: Плиска (внешний и внутренний город), Преслав³⁰. На территории Болгарии выделена и такая группа средневековых памятников как «лагери»³¹. Подавляющее их большинство имеет прямоугольный план, внутренняя площадка защищена грунтовым валом³².

Относительно рассматриваемого городища Булгар есть и ещё одно соображение. Близким ему по планировке (прямоугольник) и размерам является комплекс близ с. Вознесенка на Днепре. Общие размеры памятника по валу составляют 82×51 м (размеры внутренней площадки – 62×31)³³. Стоит обратить внимание и на пропорции «Булгара» и «Вознесенки»: соотношение длины площадки и ширины в обоих случаях составляет 2:1. Не вдаваясь в дискуссию относительно культурно-хронологической интерпретации Вознесенского комплекса³⁴, что не входит в задачу данной работы, мы всё же считаем, что наиболее взвешенной датой его функционирования является вторая половина VII – первая половина VIII вв.³⁵. Таким образом, не исключено, что городище Булгар на Харьковщине относится ко времени, предшествующему салтовской культуре. Этой дате не противоречат и выявленный при исследовании горна керамический материал.

Исходя из всего вышесказанного, распланный в с. Шевченко Волчанского района Харьковской области гончарный горн и новая локализация «городища Булгар» дают возможность поставить вопрос о возможном присутствии предсалтовского и раннесалтовского населения (и его болгарского компонента) в данном районе – далеко за пределами традиционной северо-западной границы Хазарского каганата. В качестве рабочей гипотезы время существования горна, а, возможно, и городища Булгар, предлагаем определять в общих рамках VIII в. н.э. Однако, до проведения полномасштабных исследований на «городище» мы не можем уверенно говорить ни о его назначении, ни о культурно-временной принадлежности.

¹ Например: *Альбовский Е. А.* Валки, украинный город Московского государства: К 350-летию Валок. – Харьков: Фолио, 1993. – С. 18, 25; *Лисенко І. М.* Валківська енциклопедія. Енциклопедичне видання. – К.: Рада, 2000. – С. 23.

² Реестровый № 2111; решение областного совета № 118 от 17.03.1986 г.

³ Этот факт, равно как и название скифского (по материалу) городища «Хазарское» в с. Бараново того же Валковского района [*Шрамко Б. А.* Справочник по археологии Украины. Харьковская область / Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, Л. П. Грубник-Буйнова. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 57–58], считаются некими историко-археологическими казусами в археологии Харьковской области.

⁴ *Альбовский Е. А.* Валки, украинный город ... – С. 25.

⁵ Эту речушку, правый приток р. Мжа (которая, в свою очередь, является левым притоком Северского Донца), и сейчас некоторые местные жители называют «Булгар», «Булгарка».

⁶ В настоящий момент территория объекта распаивана и в значительной степени находится в хозяйственном обороте, что затрудняет его исследование.

⁷ *Колода В. В.* Нове гончарне горно салтівської культури // Археологічні дослідження в Україні (далі – АДУ) 2013. – К.: Інститут археології Національної академії наук України (далі – ІА НАНУ), 2014. – С. 254–255; *Колода В. В.* Еще один салтовский горн на Харьковщине – в печати.

⁸ Всего, с разрешения хозяйки участка, исследовано $18,5$ м².

⁹ Аналогичные по конструкции гончарные обжигательные горны были неоднократно исследованы в лесостепной части Хазарии [*Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // *Археологические открытия на новостройках.* – Вып. 2. – М.: Наука, 1987. – С. 83–86; *Винников А. З.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. – С. 139–151], в том числе и в Харьковской области [*Колода В. В.* Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // *Степи Европы в эпоху средневековья.* – Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2001. – Т. 2. – С. 219–232; *Колода В. В.* Спасательные работы на Верхнесалтовском поселении // *Археологичні відкриття в Україні (далі – АВУ) 2000–2001 рр.* – К.: ІА НАНУ, 2002. – С. 133–136; *Колода В. В.* Археологические исследования Харьковского национального педагогического университета на территории Харьковской области в 2007 г. / В. В. Колода, В. И. Квитковский // *АДУ 2006–2007.* – К.: ІА НАНУ, 2009. – С. 175; *Колода В. В.* Жилище и мастерская гончара на городище Мохнач // *Верхнедонский археологический сборник.* – Вып. 5. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет (далее – ЛГПУ), 2010. – С. 149–159].

¹⁰ Это одно из наиболее тонких межкамерных перекрытий в известных на сегодняшний день салтовских гончарных горнах. Вероятно, следует признать, что такая толщина перекрытия является технологически критичной даже для монолитного глиняного материка, так как практически все горны, перекрытия которых имели близкую по мощности толщину, рухнули еще в раннем Средневековье.

¹¹ Вполне вероятно, что при сооружении дна топки сюда был искусственно привнесен супесчаный грунт, который геологически здесь отсутствует.

¹² Обрушение «горячего» горна подтверждают два обстоятельства. Во-первых, не выявлено ни одного перепеченного или ошлакованного фрагмента керамики, что мы прослеживали при исследовании других горнов. Во-вторых, в месте расположения устья топки сырая глина и часть дна котлована предгорной ямы близ нее имеют следы глубокого пропекания докрасна сплошным полем, что было бы невозможно при обрушении горна в «холодном» состоянии.

¹³ Не исключено, что это руна. Аналогичные по начертанию знаки входят в состав всех тюркских алфавитов, встречаются они и в эпиграфических памятниках евразийской степи от Хазарии до Дунайской Болгарии [*Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – С. 95; *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» Российской академии наук (далее – РАН), 1994. – С. 17, 19, 24, 71; *Нахапетян В. Е.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. / В. Е. Нахапетян, А. В. Фомин // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1991 год.* – М.: Наука, 1994. – Рис. 9].

¹⁴ Отметим также, что все материалы с памятника Шевченково–4 переданы на хранение и экспонирование в краеведческий музей г. Валки Харьковской области.

¹⁵ *Плетнева С. А.* На славяно-Хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989. – Рис. 77.

¹⁶ *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: Вища школа, 1985. – Рис. 15: 4, 5.

¹⁷ *Колода В. В.* Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое–I и городище Мохнач в Харьковской области) / В. В. Колода, В. И. Квитковский. – Харьков, 2009. – Рис. 104: 1 / Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее – НА ИА НАНУ). – № 2008/91.

¹⁸ *Дончева-Петкова Л. П.* Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI – края на X в.) – София: Издателство на Българската академия на науките, 1977. – С. 80–85. – Обр. 21: № 260, 263; 22: № 287, 288.

¹⁹ *Малашев В. Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. – М.: Институт археологии Российской академии наук (далее – ИА РАН), 2001. – С. 29–37. – Рис. 10–15; 17–20 и др.; *Степи Евразии в эпоху средневековья.* – М.: Наука, 1981. – Рис. 63.

²⁰ К ним можно отнести и неполный развал одного богато орнаментированного сосуда без венчика (рис. 6: 3).

²¹ *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* – К.: Наукова думка, 1990. – С. 232, 286. – Рис. 45: 19–22; 59: 14–17; 61: 9–10; *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура. – Воронеж: Воронежский университет, 1998. – Рис. 27: 8; 28: 11–12; 30: 7 и др.

²² *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура. – С. 33.

²³ *Археология Украинской ССР.* – Т. 2. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 130.

²⁴ *Колода В. В.* Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца и Оскола. – Харьков, 1991 / НА ИА НАНУ. – № 1190/226. – С. 8.

²⁵ *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. ... – С. 168–187; *Любичев М. В.* Контакты славян и Днепро-Донского междуречья и населения северо-западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. // *Древности 1994.* – Харьков: Бизнес-информ, 1994. – С. 88–99; *Николаенко А. Г.* Древности земли оскольской (Список и карта археологических памятников лесостепного Приосколья). – Волоковка: препринт, 1990. – С. 7–20.

²⁶ *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. ... – С. 83; *Михеев В. К.* О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) // Археология славянского Юго-Востока. – Воронеж: Воронежский пединститут, 1991. – С. 44; *Любичев М. В.* Пеньковская и салтовская культуры на Северском Донце // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. конф. – Харьков, 1992. – С. 147–148; *Колода В. В.* Развитие слов'яно-хазарських стосунків на Дніпровському лівобережжі // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія, археологія, краєзнавство. – Харків: Курсор, 2005. – Ч. 5. – С. 18–19.

²⁷ *Колода В. В.* Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности 2010. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество (далее – ХИАО), 2010. – С. 181–182. – Рис. 2.

²⁸ *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. ... – С. 72–73.

²⁹ Буквально недавно (весной 2016 г.) близ с. Водяховка на р. Мжа обнаружено ещё одно салтовское селище.

³⁰ *Флеров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. – Илл. 34; 38.

³¹ *Рашев Р.* Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI). – София: Георги Бакалов, 1982. – 236 с.

³² *Флеров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. ... – С. 180–181.

³³ *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // Археологія. – Т. 3. – 1950. – С. 39. – Рис. 3.

³⁴ На 2009 г. их было предложено более 10 [*Хросимов Н.* Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7. – Донецк, 2009. – С. 31–33, 37–38], но, судя по литературе, их число множится.

³⁵ *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 220–221.

Список сокращений

АВУ – Археологічні відкриття в Україні

АДУ – Археологічні дослідження в Україні

ИА НАНУ – Інститут археології Національної академії наук України

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет

НА ИА НАНУ – Научный архив Институт археологии Национальной академии наук Украины

РАН – Российская академия наук

ХИАО – Харьковское историко-археологическое общество

ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА НА САЛТОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ

В. И. Квитковский

Квитковский В. И. Юртоподібні житла на салтівських поселеннях Лісостепового Подінців'я. У статті дається огляд салтово-маяцьких жител Верхнього Подінців'я, побудованих в кочівницьких традиціях. Всі житла автор розділяє на 3 групи: наземні юртоподібного типу, поглиблені юртоподібні будівлі і житла переходного типу. Картографування будівель дозволяє визначити локалізацію груп кочівників-праболгар на салтівських поселеннях.

Ключові слова: салтівська культура; кочівники; житла; юртоподібні будівлі.

Квитковский В. И. Юртообразные жилища на салтовских поселениях Лесостепного Подонцовья. В статье дается обзор салтово-маяцких жилищ Верхнего Подонцовья, построенных в кочевнических традициях. Все жилища автор разделяет на три группы: наземные юртообразного типа, углубленные юртообразные постройки и жилища переходного типа. Картографирование построек позволяет определить локализацию групп кочевников-праболгар на салтовских поселениях.

Ключевые слова: салтовская культура; кочевники; жилища; юртообразные постройки.

Kvitkovskiy V. I. Yurt-shaped Dwellings in the Saltov Settlements of Forest-steppe Severskii Donets. The article gives a review of the Saltovo-Mayatsky dwellings of forest-steppe Severskii Donets, which were built in the nomadic traditional style. The author divides all dwellings into 3 groups: terrestrial yurt-shaped type, profound yurt-shaped constructions, dwellings of transitional type. Mapping of constructions allows to define localization of groups of nomads-proto-Bulgarians on the Saltov settlements.

Keywords: Saltov culture; nomads; dwellings; yurt-shaped constructions.

С середины прошлого века утвердилось мнение, что салтово-маяцкая культура (СМК) состоит из двух основных этносов – оседлого аланского и кочевого болгарского. Им соответствуют различные обряды захоронения и некоторые особенности в материальной культуре поселений. Кроме всего прочего, исследователями были предложены и критерии определения этнической принадлежности жилых построек СМК.

Основные различия между аланским и болгарским вариантами определялись по форме котлована, а также типу и месту размещения отопительного устройства. Принято считать, что для праболгар характерны округлые жилища (юрты или юртообразные постройки), с открытым костровым очагом по центру помещения. К аланской же традиции относили прямоугольные в плане котлованы и очаги, сооруженные с использованием камня, расположенные в центре или у одной из стен постройки¹. В ходе дальнейших исследований была выделена группа жилищ с печами в углу, которые связывались со славянами². Однако исследования конца XX – начала XXI в. заставили существенно пересмотреть вышеприведенные тезисы.

Так, раскопки памятников степного Подонцовья показали, что у праболгар в конце VIII–X вв. преобладали жилые постройки квадратной и прямоугольной формы с большим количеством печей³. На основании полученных данных, Л. И. Красильникова и К. И. Красильников поддают обоснованной критике идею зависимости формы жилища от этнической принадлежности его обитателей. По их мнению, в степном Подонцовье округлые в плане полуземлянки, как тип жилища, получили распространение с конца VIII – начала IX в. В начале или середине IX в. их сменяют квадратные полуземлянки опорно-столбовой конструкции, из которых, в свою очередь, со второй половины IX в. сформировались полуземлянки прямоугольной формы – наиболее совершенный вид жилища, обычно сопровождавшийся всеми необходимыми для постоянного и длительного пребывания хозяйственно-бытовыми приспособлениями (ямы, печи, очаги, лежанки, ниши, полки, тандыры)⁴.

Соглашаясь с мнением, что квадратная и прямоугольная форма жилища не может быть маркером «не болгарского» населения, отметим, что принадлежность юрт и юртообразных

построек оседающим или осевшим кочевникам, в основном, не оспаривается. Под термином «юртообразные жилища» традиционно понимают постройки, обладающие признаками кочевнической юрты: круглый или овальный план, открытый очаг по центру помещения, а также признаками стационарного жилища: заглубленность и наличие лунок для упора жердей каркаса⁵.

Обнаружение подобных построек на территории поселений СМК лесостепного Подонцовья является свидетельством пребывания здесь групп оседающих кочевников. Этнически юртообразные постройки ассоциируются преимущественно с праболгарами⁶. Вместе с тем, нельзя отвергать возможность их принадлежности и другим кочевникам, проживающим в ареале лесостепной зоны СМК, например венграм, пребывание здесь которых прослеживаются по материалам могильников⁷.

Для территории Восточной Европы наиболее полно юртообразные постройки были проанализированы и систематизированы В. С. Флеровым⁸. В его работе, среди прочих, упоминаются и жилища Верхнего Подонцовья⁹. Однако за время, прошедшее с выхода указанной работы, количество подобных жилищ в исследуемом регионе значительно возросло. Это позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимодействия оседлого и оседающего кочевого населения салтовской лесостепи в сфере домостроительства.

За годы археологических исследований поселенческих памятников Верхнего Подонцовья было исследовано тринадцать юртообразных построек. Все их можно разделить на три группы: остатки наземных юртоподобных построек¹⁰, углублённые юртообразные жилища и жилища переходного типа, среди которых выделяются «двухабсидные» постройки.

Остатками единственной **наземной юртоподобной постройки**, по нашему мнению, является комплекс № 1 раскопа 10 городища Мохнач. Комплекс представляет собой открытый очаг с небольшой предпечной ямой (рис. 2: 1). Вокруг ямы, с небольшим смещением к северо-западу, на площади 10–11 кв. м. выявлено скопление фрагментов керамики СМК (рис. 2: 1), в том числе два развала больших кухонных горшка, два терочника, фрагмент железного ножа, пряслице, а также два фрагмента от неясных железных изделий¹¹. Скопление находок, характерных для заполнения котлованов жилых построек, очерчивает площадь наземного жилища юртообразного типа. Ее стены, вероятно всего, имели традиционную для такого вида построек каркасно-жердевую конструкцию и не оставили археологических следов, так как крепились до уровня материка. В отличие от традиционной наземной юрты, жилище было стационарным. На это указывает долговременный открытый очаг овальной формы (размерами 50×60 см), сооруженный на суглинистом останце высотой 20 см и опущенный в очажную яму (рис. 2: 1). Поверхность очага была обмазана глиной слоем в 2–4 см. Пропеченность предматерика под ним составила 10–15 см, что свидетельствует о длительном периоде его использования¹².

Отметим, что следы наземных, не углубленных в материк, юрт и юртообразных построек удается проследить лишь в редких случаях. Так, остатки сгоревшей юрты были найдены на селище Маяки на Среднем Донце¹³, а следы юрт в виде очагов – на поселении у ст. Заплавской на Нижнем Дону¹⁴.

Большинство обнаруженных кочевнических жилищ лесостепного Подонцовья относятся к группе **углублённых юртообразных построек**.

Четыре такие постройки исследованы на территории Дмитриевского селища (рис. 1)¹⁵. Автор исследований – С. А. Плетнева, разделила их на два типа в зависимости от углубленности в материк. К первому она отнесла жилища 11, 12 (рис. 1: 1–2) глубиной 0,8–1 м. Они были овальные в плане (3,6×4,15 м и 3,7×3,1 м). В центре помещений размещался тарелкообразный очаг. Вдоль бортов котлована жилища 12 были найдены остатки каркаса стен – канавки, местами сменяющиеся рядами от кольев. В жилище 11 следов от кольев найдено не было. По-видимому, здесь стены крепились в культурный слой вблизи углубленной части¹⁶.

Ко второму типу, который характеризуется малой углубленностью в материк, принадлежат жилища 13, 14 (рис. 1: 3–4). Они были круглыми с диаметрами 3 м и 2,2 м соответственно. В центре пола располагались открытые очаги. Следы от каркаса стен в котлованах отсутствовали. В обеих постройках был обустроен четко выраженный вход. В жилище 13 – это приступка, а в жилище 14 – длинный (1,7×1,35 м) коридор¹⁷.

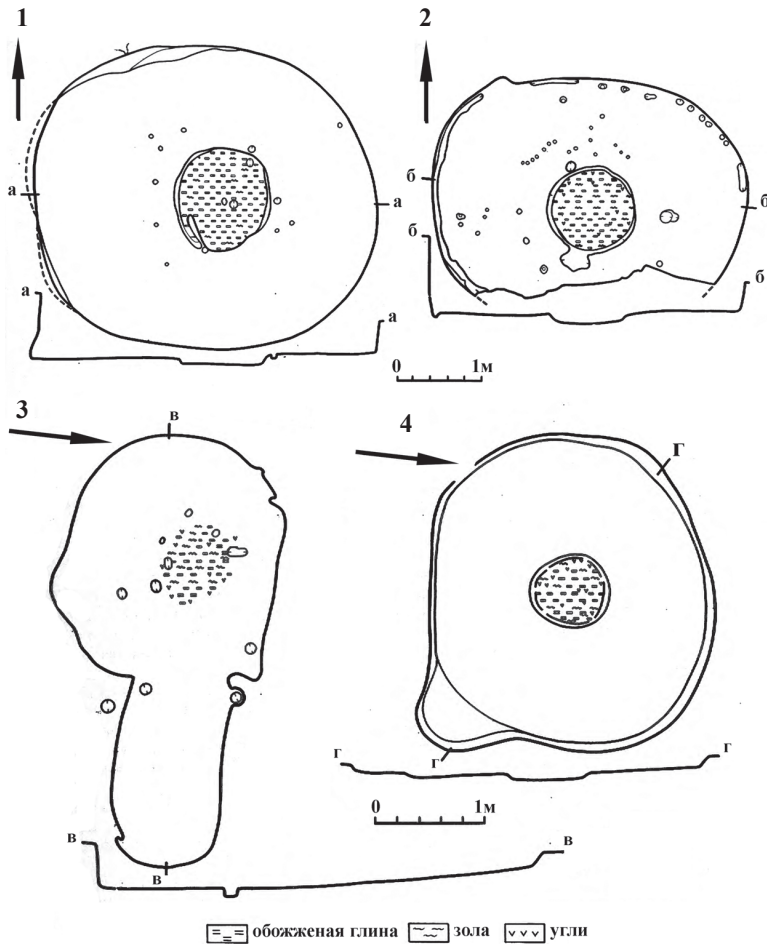

Рис. 1. Юртообразные жилища Дмитриевского селища (по Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – Рис. 15, 16, 1–2.)

1 – План и разрез жилища 11; 2 – План и разрез жилища 12; 3 – План и разрез жилища 13; 4 – план и разрез жилища 14

Еще одним памятником, где обнаружены юртообразные постройки, является городище Мохнач. Там было зафиксировано три юртообразных жилища: комплексы 13, 33 и 86 раскопа 10.

Комплекс 13 представлял собой овальную в плане постройку с горизонтальными размерами 285×210 см (рис. 2: 3). Пол, выявленный на уровне -150 см несколько повышался в северо-западном направлении (до -130 см). Весь пол на 5–7 см был покрыт слоем древесного угля и золы. Под этим слоем, практически по центру с незначительным смещением к юго-востоку, обнаружен тарелкообразный очаг подпрямоугольной формы с закругленными углами. Его размеры – 50×40 см. Зольно-угольное пятно очага имело обрамление слоем материковой глины пола, пропеченной до красного цвета. На полу был выявлен ряд ямок, большинство из которых можно отнести к остаткам конструкции стен. Диаметр большинства из них составляет 10–15 см, а глубина 10–20 см от уровня пола. Лишь две ямки имели диаметр 25 и 20 см с глубиной, соответственно, 25 и 15 см. Одна из ямок находилась близ очага¹⁸.

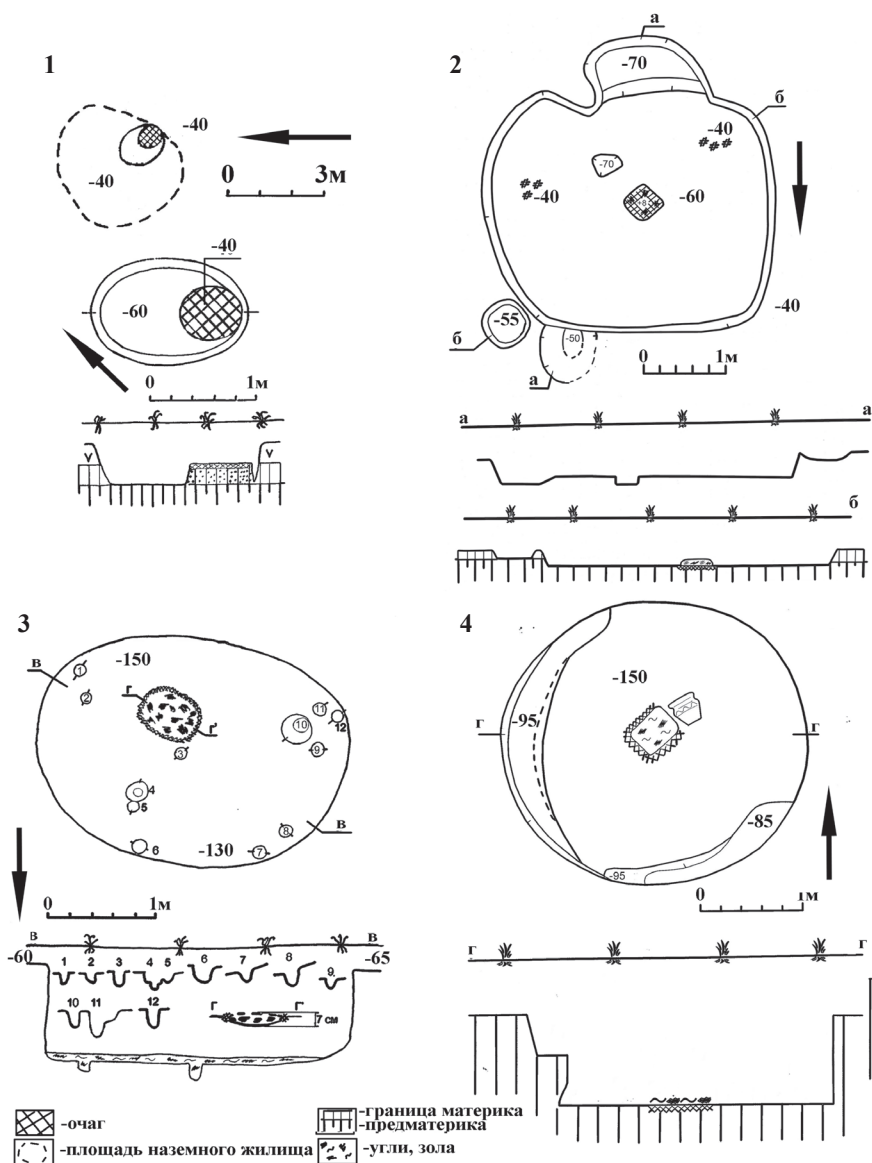

Рис. 2. Юртообразные жилища городища Мохнач:

1 – План і розріз комплексу № 1 розкопа 10 (по Колода В. В. Отчет о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее НА ИА НАН Украины). – 2001/29. – Табл. 3, 7, 1); 2 – План и разрезы комплекса № 33 раскопа 10 (по Колода В. В. Житло зі схованкою речей на городищі Мохнач // Археологія 2011. – № 4. – Рис. 2.); 3 – План и разрез комплекса № 13 раскопа 10 (по Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах – Киев–Харьков, 2005. – Т. 4. – Рис. 4.); 4 – План и разрез комплекса № 86 раскопа 10 (по Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковско-го национального педагогического университета в 2015 году (городище Мохнач и селище Мохнач-П, Змиевской район Харьковской обл.) // НА ИА НАН Украины. – б/н – рис. 28)

Комплекс 33 представлял собой округлый в плане котлован со слегка выраженными углами (рис. 2: 2). Его выпуклые стены ориентированы по сторонам света. Размеры котлована составили 360×290 см. Книзу стенки котлована несколько сужались до размеров 335×265 см. Пол располагался на уровне -60 см. Практически по центру пола выявлен открытый очаг подквадратной в плане формы (с размерами 35×35 см), состоящий из нескольких слоев глиняной обмазки. Он возвышался над уровнем пола на 8 см. В 35 см к юго-востоку от него обнаружено трапециевидное в плане углубление 35×15–25 см, опущенное до глубины 70 см. Возможно, это углубление от камня, служившего рабочим столиком при обслуживании очага или камня от зернотерки. С южной стороны, практически по центру стены, выявлен вход в помещение в виде углубленной до 70 см ниши, размерами 140×80 см. Близ северо-восточного «угла», в 5 см от основного котлована – небольшая подквадратная в плане ямка с верхними размерами 60×60 см сверху, которая сужалась до дна (45×45 см). В ней было выявлено скопление амулетов, женских украшений и предметов индивидуального пользования. В 20 см к западу от нее размещалась небольшая овальная в плане ниша с горизонтальными размерами 70×70 см. Её стенки плавно опускались вниз до плоского дна на глубине 50 см¹⁹.

Комплекс 86 в плане представлял собой практически правильную окружность с верхними размерами 300×280 см (рис. 2: 4). Плоское дно выявлено на глубине 150 см. Его размеры 265×265 см. Посредине дна – открытый очаг. Он представлял собой подпрямоугольное в плане 50×45 см зольно-угольное пятно, обрамленное прокаленным докрасна материковым суглинком. Рядом с ним неполный развал большого кухонного горшка с нарядным орнаментом. На уровне -85 см с юго-восточной стороны котлована прослежена ступенька шириной 12–30 см. Чуть ниже (-95 см), в южной стороне – еще одна, сопряженная с ней, небольшая ступенька. Вдоль западного края котлована на глубине 95 см – наибольшая ступенька шириной до 40 см, под которую несколько уходил подбой у пола²⁰.

Постройки 13 и 86 являются классическими круглоплановыми юртообразными постройками с центральным очагом. Стены этих жилищ, вероятнее всего, были каркасно-жердевыми. В первом случае в полу постройки были обнаружены лунки от жердей каркаса. Во втором – их найдено не было. Вместе с тем, стены могли крепиться за пределами котлована в культурном слое и не оставить археологических следов. Особенностью комплекса 86 являются полочки-ступеньки, что можно рассматривать как этап эволюции подобного рода жилищ.

Жилище 33 представляло собой уже более сложную конструкцию, с элементами домостроительства оседлых народов. Так, его котлован по форме приближался к квадрату²¹ и имел четко выраженный вход в виде ниши-ступеньки. Кроме того, стены жилища располагались с некоторым отступом от края котлована, образуя грунтовые полочки по всему его периметру. На отступ стен указывает яма-тайничок с кладом вещей и ниша к северу и северо-востоку; за ними и должны были располагаться стены. Они также могли быть каркасно-жердевыми и крепиться в культурном слое или же иметь более сложную безстолбовую конструкцию. Подобные подквадратные юртообразные постройки находят аналогии на Правобережном Цимлянском городище на Дону²².

При сравнении юртообразных построек Дмитриевки и Мохнача бросается в глаза интересная особенность; очаги во всех юртообразных постройках Дмитриевского комплекса были круглыми или овальными, в то время как на Мохначанском городище – квадратными или прямоугольными. Это может объясняться различием домостроительных традиций тех групп праболгарского населения, которые поселились на указанных памятниках.

К следующей группе относятся **жилища переходного типа**. К ним мы относим постройки, сочетающие в себе элементы юртообразного и классического жилища оседлого населения²³.

Среди жилищ переходного типа выделяются «двухабсидные»²⁴ постройки, у которых две стены параллельные, а торцевые стены представляют собой полуовалы. На сегодняшний день исследовано четыре такие жилища на трех различных памятниках. Два из них были исследованы в урочище Роганина и по одному на городище Сухая Гомольша и селище Мохнач-II (рис. 4). Подобные постройки, кроме Лесостепного Подонцовья, также известны на территории Болгарии на памятниках Дуранкулак и Виница²⁵.

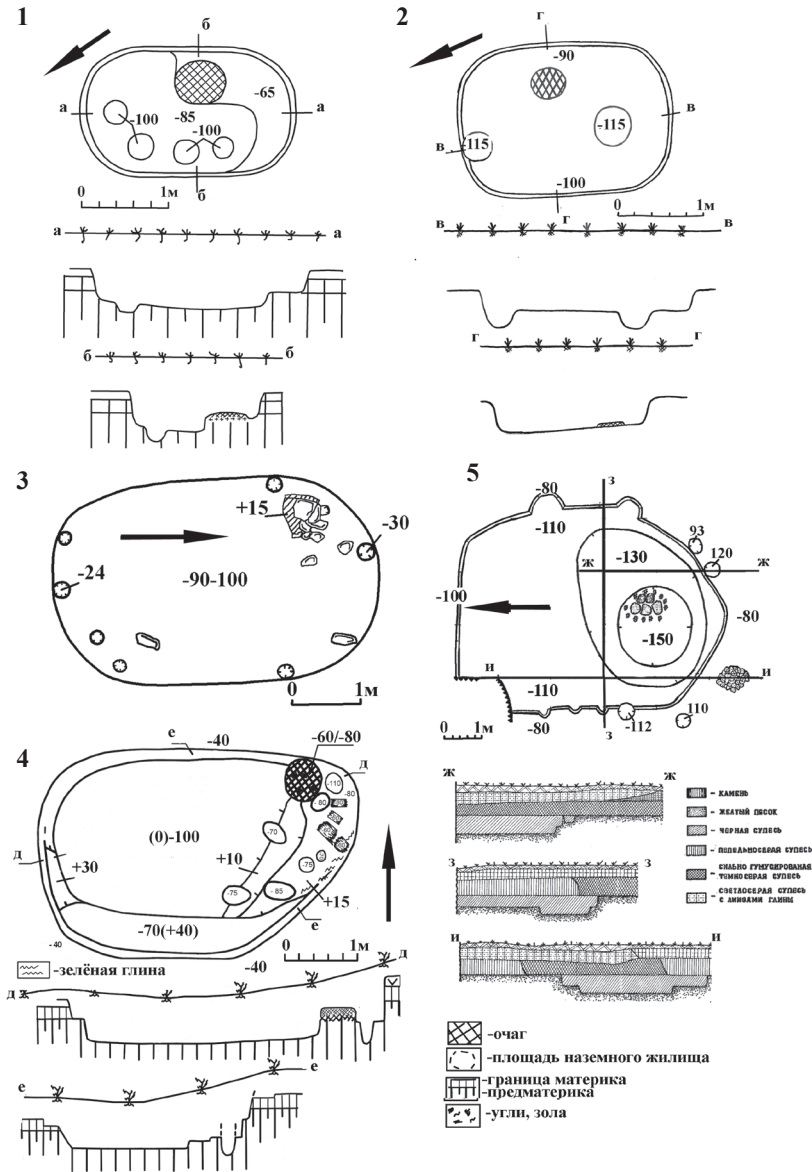

Рис. 3. Жилища переходного типа:

1 – План и разрезы ямы № 4 ур. Роганина (по Колода В. В., Михеев В. К. Исследования в урочище Роганина в 1989 г. // НА ИА НАН Украины. – 1989/194. – Табл. VI); 2 – План и разрезы ямы № 9 ур. Роганина (по Колода В. В. Исследования в урочище Роганина в 1990 году / В. В. Колода, В. К. Михеев // НА ИА НАН Украины – 1990/226. – Табл. IX); 3 – План жилища 7 селища Сухая Гомольша (по Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького в 1980 г. // НА ИА НАН Украины – 1980/57. – Табл. 1); 4 – План и разрезы комплекса № 7 селища Мохнач-ПІ (по Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2009 году // НА ИА НАН Украины. – 2009/175. – Рис. 36); 5 – План и профили жилища «Б» селища Нетайловка-2 (по Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году / В. В. Колода, А. В. Крыганов, В. К. Михеев, В. М. Ряполов, Г. Е. Свистун, А. А. Тортика // НА ИА НАН Украины. – 2004/206. – Рис. 111–112)

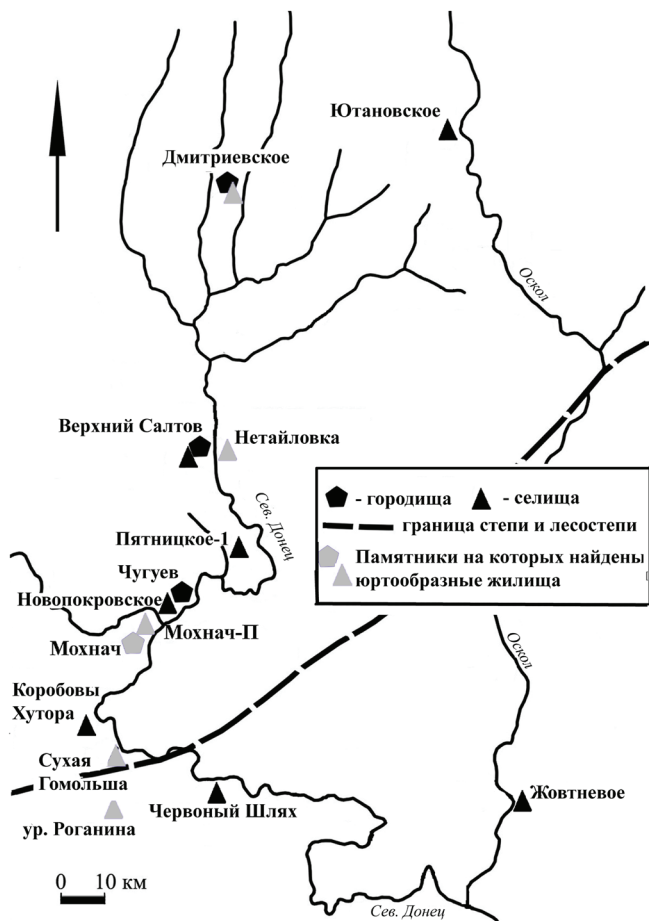

Рис. 4. Карта салтовских поселений лесостепного Подонцовья, на которых обнаружены жилища

Первое жилище из урочища Роганина (в отчетной документации – яма 4) представляло собой небольшой котлован с размерами 250×150 см, углубленный на 85 см и ориентированный по линии северо-восток – юго-запад (рис. 3: 1). Длинные стены были параллельные, а торцевые представляли собой полуовалы. С юго-западной стороны располагался вход, обозначенный ступенькой на уровне верхнего края материка (-65 см). Рядом со ступенькой, на том же уровне, располагался овальный очаг (50×60 см). Толщина очага составляла 7 см. Под ним располагался слой металлургического железного шлака толщиной 2–4 см, который играл роль теплоаккумулятора. Материковая глина под шлаком пропеклась на 10 см, что свидетельствует о долговременном использовании очага. У северной и северо-западной стенки жилища выявлены четыре столбовые ямки, возможно от лежанки-топчана. Расстояние между ними составляет 20–25 см, их глубина – 13–18 см, верхний диаметр – 20–30 см²⁶.

Подобным в плане было и второе жилище (яма 9). Его размеры практически идентичны первому – 250×180 см. Длинной осью котлован был ориентирован практически по линии север – юг (рис. 3: 2). Дно жилища углублено на 10 см в материковую глину. Глубина его залегания неодинакова: 90 см у восточной стенки и 100 см – у западной. В 25 см от восточной стенки располагался овальный очаг с размерами 30×40 см. Его толщина 5 см.

Пропеченность грунта под ним также 5 см. В центре юго-западной части располагалась столбовая ямка, у северной стенки находилась вторая. Обе глубиной 115 см²⁷.

Еще одна «двухабсидная» постройка (жилище 7) была найдена на Сухогомольшанском селище (рис. 3: 3). Его котлован был углублен на 90–100 см (10–15 см в материк). Размеры котлована составляют 300×460 см. Вдоль стен помещения было расположено семь столбовых ямок диаметром от 18 до 24 см. Углубленность ямок от 3 до 30 см. Наиболее глубокими ямками были расположенные по центральной оси (южной – 24 см, северной – 30 см). В северо-западном углу находилось необычное для подобного типа жилищ отопительное устройство – печь-каменка. От нее сохранился развал 50×65 см. Основу печи составляла специально вымазанная площадка с бортиками высотой 15–18 см. Над площадкой был выложен свод печи из крупных кусков железистого песчаника. Устье печи обращено на юг²⁸.

Последним жилищем, причисляемым к двухабсидным, является комплекс № 7 селища Мохнач-П (рис. 3: 4). Верхние размеры его котлована составляли 440×290 см. Северная и южная длинные стенки были параллельны. Западная стенка представляла собой полукруглость, в то время как восточная – скошенную в юго-восточной части дугу. Пол находился на глубине 100 см. Размер помещения по полу составил 330×220 см.

В северной части, близ восточной стенки котлована на уровне +30 см от пола, выявлена небольшая полочка-останец длиной 80 см и шириной в 15–30 см. Вдоль всего северного борта на уровне +40 см обнаружена ещё одна полочка шириной до 50 см. Открытый очаг, в виде 20-сантиметрового по высоте останца, обнаружен в юго-западном углу. Его размеры составили 50×60 см. Материковая глина под ним была пропечена практически на всю высоту останца.

В западной части комплекса прослежены шесть столбовых ямок, а также три куска обуглившихся плах шириной ≈13 см при толщине в 7 см. Здесь, в западной части, выявлены две полочки-останца. Нижняя полочка-ступенька находилась на уровне +10 см над уровнем пола. Она тянулась от очага к северной стенке. Ее длина – 200 см, ширина – 20–40 см. На 5 см выше вдоль всей западной стенки располагалась еще одна полочка шириной до 80 см. На ней, в южном углу помещения обнаружен еще один кусок обуглившейся плахи, а также ещё одна столбовая ямка в юго-западном углу²⁹.

Таким образом, описанные «двухабсидные» постройки являются попыткой совместить в себе элементы жилищ кочевников и оседлых народов. С юртообразными постройками их сближает отсутствие углов, малый и средний размер котлованов³⁰ и отопительные устройства (почти во всех случаях) в виде традиционных для праболгар круглых открытых очагов. Стены таких жилищ, как и юртообразных, вероятнее всего, были каркасно-жердевыми. Так, в жилище из Сухой Гомольши по периметру котлована размещались семь столбовых ямок от опор каркаса. В остальных случаях следов от опор найдено не было, однако, как уже упоминалось, они могли крепиться в культурном слое за пределами котлована.

Черты оседлого домостроительства в представленных «двухабсидных» постройках проявляются в перемещении очага от центра к стенам и в «угол» котлована, а в жилище из Сухой Гомольши и вовсе была установлена печь-каменка, характерная для оседлого населения. При сохранении котлованов без углов их форма уже тяготеет к прямоугольнику, и две стены являются параллельными.

В двух комплексах найдены остатки элементов интерьера. В комплексе № 4 из ур. Роганина вблизи очага были расчищены четыре столбовые ямки от опор лежанки, а в комплексе № 7 селища Мохнач-П вблизи восточной стены обнаружено семь столбовых ямок и остатки обуглившихся плах от какой-то детали интерьера, возможно, так же лежанки.

Таким образом, «двухабсидные» постройки представляют собой попытку бывших кочевников усовершенствовать юртообразные постройки для более комфортного стационарного проживания. Судя по всему, примером для подражания у создателей подобного рода жилищ были дома оседлых народов-соседей, в частности славян. Не зря «двухабсидные» постройки зафиксированы лишь в контактных зонах праболгарского и славянского населения – в Болгарии и в лесостепном Подонцовье. В этих же контактных регионах зафиксированы случаи размещения печей в юртообразных постройках³¹.

Кроме «двухабсидных» построек, к жилищам переходного типа мы относим постройку «Б» селища Нетайловка-2 (рис. 3: 5). Оно было частично разрушено антропоген-

ной деятельностью и сильно пострадало от оплывов грунта в древности³². Несмотря на это, те черты постройки, которые удалось проследить, сближают ее с юртообразными и «двухабсидными» постройками.

Сооружение имело неправильную подпрямоугольную форму. По длинной оси оно ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Южная и восточная стенки постройки представляют собой полуокружности, в то время как западная стенка прямая. Северный борт был сильно поврежден, и о его очертаниях можно судить лишь гипотетически.

Площадь котлована составила около 35 кв. м. Пол постройки располагался на глубине 110 см от современной поверхности. Всю южную часть котлована занимало углубление, расположенное на 20 см ниже уровня пола (-130 см). Практически в его центре размещалась очажная яма, северо-восточную треть которой занимал очаг, выложенный из необработанных кусков серого гранита. Глубина очажной ямы от уровня дна котлована – 40 см. Форма – неправильно-округлая. Диаметр – 1,4 м.

Вход располагался с юго-западной стороны и был снабжен земляными ступенями. Вблизи котлована, на уровне -60 см, была обнаружена площадка 0,6×0,45 м, выложенная мелкими фрагментами битой лепной керамики, которая, скорее всего, представляла собой ступеньку или порог у входа в постройку «Б», находившегося на юго-западном углу жилища.

Снаружи от котлована, по углам и вдоль стен постройки с юго-востока, востока и юго-запада зафиксированы столбовые ямы. Такое их расположение говорит о каркасно-жердевой конструкции стен. Тип их конструкции, а также форма постройки «Б» позволяет нам отнести её к юртообразным жилищам.

Кроме вышеперечисленных построек, к жилищам осевших кочевников иногда относят подпрямоугольные в плане жилища, с круглым открытым очагом³³. Не оспаривая то, что открытый очаг – это одна из черт кочевнического домостроительства, все же отметим, что такой тип отопительного устройства вообще наиболее распространенный в жилых сооружениях салтовской лесостепи³⁴. Он также преобладает и в жилищах аланских памятников³⁵. Потому открытый очаг, в отличии от круглой формы сооружения, по-нашему мнению, не может быть надежным маркером кочевнического происхождения жилой постройки.

Выделенные группы жилищ праболгарского облика лесостепного Подонцовья, в целом, соответствуют типам юртообразных жилищ Восточной Европы, выделенных В. С. Флеровым³⁶, и отображают предложенные им стадии эволюции жилища бывших кочевников³⁷.

К первой, наиболее ранней стадии, следует отнести наземные постройки, которые наиболее приближены к классической юрте кочевников. К следующей – углубленные юртообразные жилища, более приспособленные к условиям оседлого проживания в лесостепном климате, однако сохраняющие элементы кочевого жилища – округлость формы и расположение очага. Стадиально последней является группа жилищ переходного типа, которые уже сочетают в себе элементы как кочевнического, так и оседлого домостроительства.

Эти стадии отображают поиск бывшими кочевниками наиболее оптимальных форм жилища во время их оседания на землю. Вместе с тем, в условиях полиэтничного состава лесостепной части салтово-маяцкой культуры этот процесс происходил не линейно.

На всех поселениях (кроме ур. Роганина, где было раскопано всего два жилища), юртообразные жилища были найдены вместе с квадратными и прямоугольными постройками и, вероятно, сосуществовали. В то же время, нигде не встречены остатки юртообразных жилищ всех трех стадий. Лишь на городище Мохнач встречены жилища первой и второй группы.

Несмотря на слабую разработанность хронологии лесостепных поселений салтово-маяцкой культуры в общем и жилищ в частности, существующий материал не позволяет говорить о том, что юртообразные жилища являются более ранними по отношению к прямоугольным или квадратным постройкам. К примеру, на Мохначанском городище в постройке 33 был найден клад вещей, который не был забран владельцами³⁸, что свидетельствует о его существовании на финальном этапе жизни поселения.

Потому говорить об эволюции жилищ лесостепной зоны Подонцовья в рамках теории «от кочевий к городам» не представляется возможным. Тут скорее имеет место одновре-

менное проживание разнотнического населения с различным хозяйственным укладом в рамках одних и тех же поселений.

Картографирование юртообразных жилищ показало, что они размещены по всей территории Верхнего Подонцовья (рис. 4) – от Дмитриевского комплекса на севере до Сухой Гомольши и ур. Роганина на юге, и были обнаружены практически на половине раскапываемых поселениях (рис. 4). Вероятно, что на других поселениях они пока еще не найдены, тем более что, Новопокровское селище и Чугуевское городище исследованы относительно небольшими площадями³⁹, а на Ютановском селище 14,3% всех построек имеют округлую форму⁴⁰.

Наибольшее их количество на сегодняшний день обнаружено на территории Дмитриевского селища и городища Мохнач. Здесь они составляют 20% от общего количества жилых сооружений памятника⁴¹. Это, в свою очередь, свидетельствует о присутствии здесь значительной праболгарской общины.

Эти данные в какой-то мере подтверждаются и погребальным обрядом. Так, на Дмитриевском комплексе, на фоне основного типа погребений в катакомбах, известно и несколько труположений в простых ямах, характерных для праболгар⁴². Могильник Мохначанского городища пока неизвестен, однако на территории самого городища были также выявлены ингумационные погребения. Тяготеет к Мохначанскому городищу и селище Мохнач-II, где было исследовано одно «двухабсидное» жилище (рис. 4).

Интересно, что на Нетайловском поселении, основным обрядом погребения жителей которого являлось труположение в ямах⁴⁴, характерное для кочевых групп раннего средневековья, только одна из восьми исследованных жилых построек обладает кочевническими чертами. Основной же тип жилища на памятнике – прямоугольные постройки с печами в углу⁴⁵. Схожая картина наблюдается и на селище Жовтневое на Нижнем Осколе⁴⁶. Подобный факт свидетельствует о том, что основная часть праболгарского населения региона сразу освоила более удобные для оседлого проживания «славянизированные» жилища прямоугольной формы.

Три из четырех «двухабсидных» постройки были найдены в ур. Роганина и в Сухой Гомольше. Эти памятники расположены недалеко друг от друга, практически на границе со степью (рис. 4), откуда периодически просачивались группы праболгарского населения, что отобразилось, в том числе, и в ряде ямных могильников в их близости⁴⁷.

Подобная география размещения юртообразных жилищ может свидетельствовать о том, что группы оседающих кочевников присутствовали на многих памятниках по всей территории Лесостепного Подонцовья. Кроме погребального обряда, некоторые представители данных групп сохраняют и традиционные для кочевых обществ элементы в домостроительстве. Это вылилось в появлении юртообразных построек на целом ряде поселений. Индивидуальные попытки их усовершенствовать в условиях оседлого проживания и перенять некоторые элементы домостроительства оседлых народов привели к образованию разнообразных форм жилищ кочевнического типа. Вместе с тем, как уже отмечалось В. С. Флёрвым, этот процесс не мог быть успешным и не получил массового распространения⁴⁸. Большая часть праболгар, по-видимому, практически сразу после перехода к оседлому способу жизни перенимает домостроительную практику соседей – алан и славян.

¹ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР (далее МИА). – 1958 – № 62 – С. 142–148; Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке // Древнее жилище народов Восточной Европы (I тыс. до н.э. – пер. пол. II тыс. н.э.) – М., 1975. – С. 30–32, 49; Кузнецов В. А. Алания X–XIII вв. – Орджоникидзе, 1971. – С. 178–179.

² Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – 1967 – № 142. – С. 51.

³ Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. – Т. 2. – Донецк, 2001. – С. 304–307.

⁴ Красильников К. И. Новые данные об этническом составе... – С. 304–305; Красильникова Л. И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Среднедончья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. – Т. 2. – Донецк, 2001. – С. 328.

⁵ Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. – С. 50.

⁶ Там же. – С. 5–6.

⁷ Аксёнов В. С. Захоронения на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах / В. С. Аксёнов, А. В. Крыганов // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 1. – Воронеж, 2009. – С. 23–37; Аксёнов В. С. Новые материалы к вопросу о мадяро-салтовских контактах в Верхнем Подонцовье // Археологія і давня історія України. – Вып. 7: Мадяри в Середньому Подніпров'ї. – Київ, 2011. – С. 133–143.

⁸ Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. – 100 с.

⁹ Там же. – С. 23–24.

¹⁰ Отметим, что мы придерживаемся мнения В. С. Флерова, что к стационарным круглоплановым жилищам термин юрта не применим, так как кочевническая юрта – это легкое переносное жилище, которое не может оставить археологических следов. – См.: Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 6.

¹¹ Колода В. В. Отчет о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее НА ИА НАН Украины). – 2001/29. – С. 3–4; табл. 3, 7, 1.

¹² Там же. – С. 4.

¹³ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 13; рис. 4, 1.

¹⁴ Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 8–9, 51.

¹⁵ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – С. 35–39; рис. 15, 16: 1–2.

¹⁶ Там же. – С. 37–39; рис. 15.

¹⁷ Там же. – С. 39; рис. 16: 1–2.

¹⁸ Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах. – Киев – Харьков, 2005. – Т. 4. – С. 222–223, рис. 4.

¹⁹ Колода В. В. Житло зі схованкою речей на городищі Мохнач // Археологія. – 2011. – № 4. – С. 91–92, рис. 2.

²⁰ Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2015 году (городище Мохнач и селище Мохнач–П, Змиевской район Харьковской обл.) // НА ИА НАН Украины. – б/н – С. 26–27; рис. 27–28. Выражаю благодарность исследователю городища Мохнач к.и.н. В. В. Колоде за возможность использовать неопубликованные материалы.

²¹ Исследователь салтовского Степного Подонцовья К. И. Красильников определяет эволюцию жилища праболгар как раз от круглых к квадратным формам котлованов. – См.: Красильников К. И. Новые данные об этническом составе... – С. 304.

²² Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 53, рис. 11, 12: 1.

²³ Под классическим жилищем оседлого населения мы понимаем постройки прямоугольной или квадратной формы с отопительным устройством в углу, нише или у стены котлована, а также элементами интерьера в виде полочек-лежанок и хозяйственных ям. Подобные жилища характерны для славян, которые были соседями СМК в исследуемом регионе.

²⁴ Этот термин пришел к нам из болгарской археологической литературы и при всей его несуразности стал использоваться для обозначения группы жилищ в салтоведении. Например: Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 55. Чтобы не создавать терминологическую путаницу, мы также используем термин «двухабсидные» для построек, у которых две противоположные торцевые стены скруглены.

²⁵ Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 55.

²⁶ Колода В. В. Исследования в урочище Роганинав 1989 г. / В. В. Колода, В. К. Михеев // НА ИА НАН Украины – 1989/194. – С. 6–7, табл. VI.

²⁷ Колода В. В. Исследования в урочище Роганинав 1990 году / В. В. Колода, В. К. Михеев // НА ИА НАН Украины. – 1990/226. – С. 5–6, табл. IX.

²⁸ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1980 г. // НА ИА НАН Украины. – 1980/57. – С. 3–4, табл. 1. Разрезы жилища в отчете отсутствовали. Отметим, что в публикации В. К. Михеев приводит другие размеры котлована жилища – 4,8×3,6 м. – См.: Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 8.

²⁹ Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2009 году // НА ИА НАН Украины. – 2009/175. – С. 34–36, рис. 35–36.

³⁰ Площадь построек в ур. Роганина составила всего 3,8 м² и 4,5 м². Постройки из Сухой Гомольши и селища Мохнач–П были существенно большими (13,8 м² и 12,7 м² соответственно).

- ³¹ Печи в юртообразных жилищах известны также на ряде памятников Болгарии – Дуранкулак, Гарван и Нова Черны. – См.: *Флёров В. С.* Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 54–55.
- ³² *Колода В. В., Ряполов В. М., Тортика А. А.* Раскопки селища салтово-маяцкой культуры у с. Металловка (2003–2004 гг.) // АДУ 2003–2004 рр. – Київ–Запоріжжя, 2005. – Вып. 7. – С. 177–178.
- ³³ *Колода В. В.* Новые материалы к проблеме оседания... – С. 223–228.
- ³⁴ *Квитковский В. И.* Отопительные сооружения на поселениях салтовской культуры в лесостепной зоне бассейна Северского Донца // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 1. – Воронеж, 2009. – С. 45; *Савицкий Н. М.* Жилые постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Воронеж, 2011 – С. 17.
- ³⁵ *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье... – С. 20–44; *Колода В. В.* Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 40–54.
- ³⁶ *Флёров В. С.* Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 51–55.
- ³⁷ Там же. – С. 59.
- ³⁸ *Колода В. В.* Житло зі схованкою речей... – С. 91–96.
- ³⁹ *Кухаренко Ю. В.* Новопокровський могильник і поселення // Археологія. – 1952. – Т. VI. – С. 43; *Свистун Г. Е.* Фортифікація Чугуєвського городища // Степи Європи в епоху середньовіччя. – Т. 9. – Донецьк, 2012. – С. 11.
- ⁴⁰ *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2. – М., 1987. – С. 48, рис. 28.
- ⁴¹ Стоит отметить, что наряду с Верхнесалтовским комплексом, это и наиболее раскопанные поселенческие памятники региона, с наибольшим количеством исследованных объектов.
- ⁴² *Аксёнов В. С.* Освоение Лесостепного Подонцовья в Хазарское время: взгляд на проблему / В. С. Аксёнов, А. А. Лаптев // Степи Європи в епоху середньовіччя. – Т. 12. – Донецьк, 2014. – С. 28.
- ⁴³ *Колода В. В.* К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности – 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 10. – Х., 2011. – С. 261–262.
- ⁴⁴ *Аксёнов В. С.* Освоение Лесостепного Подонцовья... – С. 29.
- ⁴⁵ *Чернигова Н. В.* Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса VIII – X вв. (селище у с. Нетайловка) // Вестник Харьковского университета. – История. – 1998. – № 413. – Вып. 30. – С. 52–58.
- ⁴⁶ *Пархоменко О. В.* Поселение салтовской культуры у с. Жовтневоє // Землі южної Русі в IX–XIV вв. – К., 1985. – С. 84–95.
- ⁴⁷ *Аксёнов В. С.* Освоение Лесостепного Подонцовья... – С. 32, рис. 2.
- ⁴⁸ *Флёров В. С.* Раннесредневековые юртообразные жилища... – С. 59–60.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ЧЕРВОНАЯ ГУСАРОВКА

В. С. Аксенов

Аксенов В. С. Поховальний обряд ранньосередньовічного могильника Червона Гусарівка. У роботі розглядається поховальний обряд могильника Червона Гусарівка салтово-маяцької культури. Досліджені на могильнику 177 поховання здійснені за поховальним обрядом «зливкінського» типу. Антропологічний аналіз черепів з поховань могильника показав, що населення, котре залишило некрополь, у морфологічному плані характеризується доліхокранністю. Це дозволяє допустити присутність у складі червоногусарівської общини значної кількості представників аланського етнічного компоненту. Схрещене положення рук небіжчиків на животі або грудях, присутність в двох похованнях символів християнської віри (натільних хрестів) дозволяє зробити висновок, що могильник Червона Гусарівка був залишений групою праболгарського населення, що знаходилося під впливом християнської релігії. Присутність у 66 похованнях могильника посуду кримського виробництва дозволяє припустити, що населення, котре залишило цей некрополь, первісно мешкало у районах Східного Криму, звідки воно було переселено у басейн Сіверського Дінця центральною владою Хозарського каганату.

Ключові слова: салтово-маяцька культура; праболгари; «зливкінський» тип; християнський обряд поховання; кримський столовий посуд.

Аксенов В. С. Погребальный обряд раннесредневекового могильника Червоная Гусаровка. В работе рассматривается погребальный обряд могильника салтово-маяцкой культуры у с. Червоная Гусаровка (Балаклеийский район Харьковской области). Исследования на могильнике 177 захоронения были совершены по погребальному обряду «зливкинського» типа, характерному для праболгарского населения салтово-маяцкой культуры. Антропологический анализ черепов из погребений могильника показал, что население, оставившее этот некрополь, в морфологическом плане характеризуется доліхокранностью. Это позволяет предположить преобладание в составе червоногусаровкой общины представителей аланского этнического компонента. Схрещене положение рук погребенных людей на животе или груди, присутствие в двух захоронениях символа христианской веры (нательных крестиков) позволяют сделать вывод, что могильник Червоная Гусаровка оставлен группой праболгарского населения, находящегося под влиянием христианской религии. Присутствие в 66 захоронениях могильника сосудов кримского производства позволяет видеть исходным районом проживания населения, оставившего данный некрополь, территорию Восточного Крыма, откуда оно было переселено в бассейн Северского Дона центральный правительством Хазарского каганата.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура; праболгары; «зливкинський» тип; христианский обряд погребения; крымская столовая посуда.

Aksyonov V. S. Funeral Rite of the Early Middle-Ages Chervonaya Gusarovka Cemetery. The paper considers a funeral rite of the cemetery of the Saltovo-Mayaki culture in the Village of Chervonaya Gusarovka (Balakleiskii District of Kharkiv Region). 177 burials examined at the cemetery were carried out in accordance with the “zlivkinskii” kind funeral rite, peculiar for pro-Bulgarian population of the Saltovo-Mayaki culture. Anthropological analysis of skulls from the burials of the cemetery showed, that the population made it in the morphological sense was characterized with dolichocrania. This fact allows supposing predominance of the representatives of the Alanian ethnic component in the structure of the Chervonaya Gusarovka community. Position of the crossed arms on the breast or belly, presence of the symbol of the Christian faith (underwear crosses) in two burials allows drawing a conclusion, that the Chervonaya Gusarovka Cemetery is made by a group of the pro-Bulgarian population, being under the influence of the Christian faith. The presence of vessels produced by the Crimea semi-island habitants in 66 burials of the cemetery allows considering as the initial district of the population inhabitancy, made this necropolis, the territory of the Eastern Crimea, from which it was displaced into the basin of Severski Donets by the central government of the Khazarian Khaganate.

Keywords: Saltovo-Mayaki culture; pro-Bulgarian; “zlivkinskii” kind; church burial; the Crimean dinner ware.

В 1992 г. разведывательным отрядом Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета был открыт новый грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры в с. Червоная Гусаровка Балаклеийского района Харьковской области¹. В 1993 г. Средневековая археологическая экспедиция Харьковского государственного университета под руководством В. К. Михеева приступила к стационарным исследованиям могильника, которые продолжались до 1997 г.

Могильник расположен на правом высоком коренном берегу р. Северский Донец в пределах села Червоная Гусаровка. Стратиграфия на могильнике такова: 0–0,35 м – слой вспаханного жирного чернозема толщиной, от 0,35 до 0,95–1,0 м – слой гумусированного чернозема, глубже которого залегал материк в виде коричневой плотной глины, в котором и были вырыты могильные ямы. Могильные ямы сверху заполнялись слабо гумусированным черноземом (не считая вспаханного слоя), а ниже – слабо гумусированным черноземом, перемешанным с материковой глиной, из-за чего заполнение ямы в верхней части было более темным, чем в нижней ее части. Переход от темного к более светлому заполнению могильных ям находился на уровне материка или немного выше него (на глубине 0,85–0,9 м). Таким образом, пятна могильных ям выявлялись в ходе зачистки на глубине 0,8–1,0 м от уровня современной поверхности почвы

На исследованной площади могильника Червоная Гусаровка погребения располагались неровными рядами, ориентированными вдоль линии север – юг. Всего удалось проследить 16 рядов могил. В пределах одного ряда в некоторых случаях отмечаются отдельные группы захоронений, включающие от 3 до 8 могил. При этом расстояние между могилами в таких группах составляет от 0,2 до 0,9 м, тогда как расстояние между отдельными группами в ряду колеблется от 2,5 до 5 м. В таких группах захоронений зачастую представлены погребения взрослых индивидуумов обоего пола, подростков и детей. Это позволяет считать такие группы могил захоронениями близких родственников, составлявших, по-видимому, одну малую семью. Случаев перекрытия одних захоронений другими не отмечалось. Это однозначно свидетельствует о том, что могилы в древности на поверхности земли были как-то обозначены. Возможно, это были земляные холмики.

В плане могильные ямы имеют форму прямоугольника (рис. 1: 4–8), или вытянутой трапеции (рис. 1: 1–3). Могилы прямоугольной в плане формы были представлены в 76,27% захоронений (135 погребений). В 7,9 % захоронений (14 погребений – № 24, 49, 55, 57, 73, 80, 81, 83, 91, 92, 141, 142, 146, 161) форма пятна могильной ямы в плане прослежена не была, частично, из-за незначительной глубины могильных ям (их дно не было углублено в материк), частично, из-за того, что могильные ямы оказались разрушенными в результате строительных работ. В большинстве своем захоронения, форма ям которых не удалось установить, принадлежали детям младшего возраста, что и обусловило незначительную глубину их могильных ям. В 15,8% захоронений (28 погребений) пятна могильных ям в плане имело форму вытянутой трапеции (рис. 1: 1–3). При этом в половине захоронений большая ширина могильной ямы отмечалась в головном конце (погр. № 8, 16, 40, 59, 60, 65, 70, 74, 95, 109, 117, 128, 166, 175), в остальных погребениях (№ 2, 12, 26, 28, 35, 36, 37, 48, 54, 76, 101, 108, 170, 172) – большая ширина фиксировалась в той части ямы, где находились ступни погребенных людей.

Длина могильных ям колеблется от 0,55 м (погр. № 147) до 2,5 м (погр. № 52) и зависела от возраста погребенных людей. По длине могильной ямы выделяются три группы захоронений. Первую группу образуют захоронения, длина могильных ям которых колеблется от 0,55 м до 1,05 м. Данные захоронения принадлежат детям младшего возраста (рис. 1: 2). Вторую группу образуют могилы детей старшего возраста и подростков, длина могил которых варьируется от 1,15 м до 1,7 м. Могильные ямы с длиной от 1,75 м до 2,5 м принадлежат взрослым индивидуумам (рис. 1: 1, 3–8).

Ширина могильных ям колеблется от 0,25 м (погр. № 147) до 1,15 м (погр. № 8). При этом ширина могильных ямы детей младшего возраста составляет 0,25–0,45 м. Небольшая группа могил имеет ширину 0,95–1,15 м (погр. № 2, 8, 11, 46, 78, 121). Для остальных могил характерна ширина в пределах 0,5–0,9 м.

Глубина могильных ям, как нам представляется, зависела от возраста погребенных в ней людей. Так, для захоронений детей и подростков глубина яма находится в интервале от 0,6 м–до 1,2 м. Глубина могильных ям для взрослых индивидуумов составляет 1,2–1,7 м (погр. № 107).

Соотношение длины могильной ямы к её глубине показывает, что все погребения можно разделить на две группы. В одну группу входят захоронения, длина могильных ям которых не превышает 1,55 м, а глубина находится в интервале от 0,8 до 1,3 м. Вторую группу образуют погребения, с длиной могильных ям от 1,6 до 2,5 м и глубиной 0,9 м до 1,7 м. В целом прослеживается тенденция – чем длиннее яма, тем она глубже.

В 85,3% захоронений (151 погребение) стенки могильной ямы были отвесными (рис. 1: 1, 2, 4, 5), еще в 7,3% захоронений (13 случаев) конструкцию могильных ям проследить не

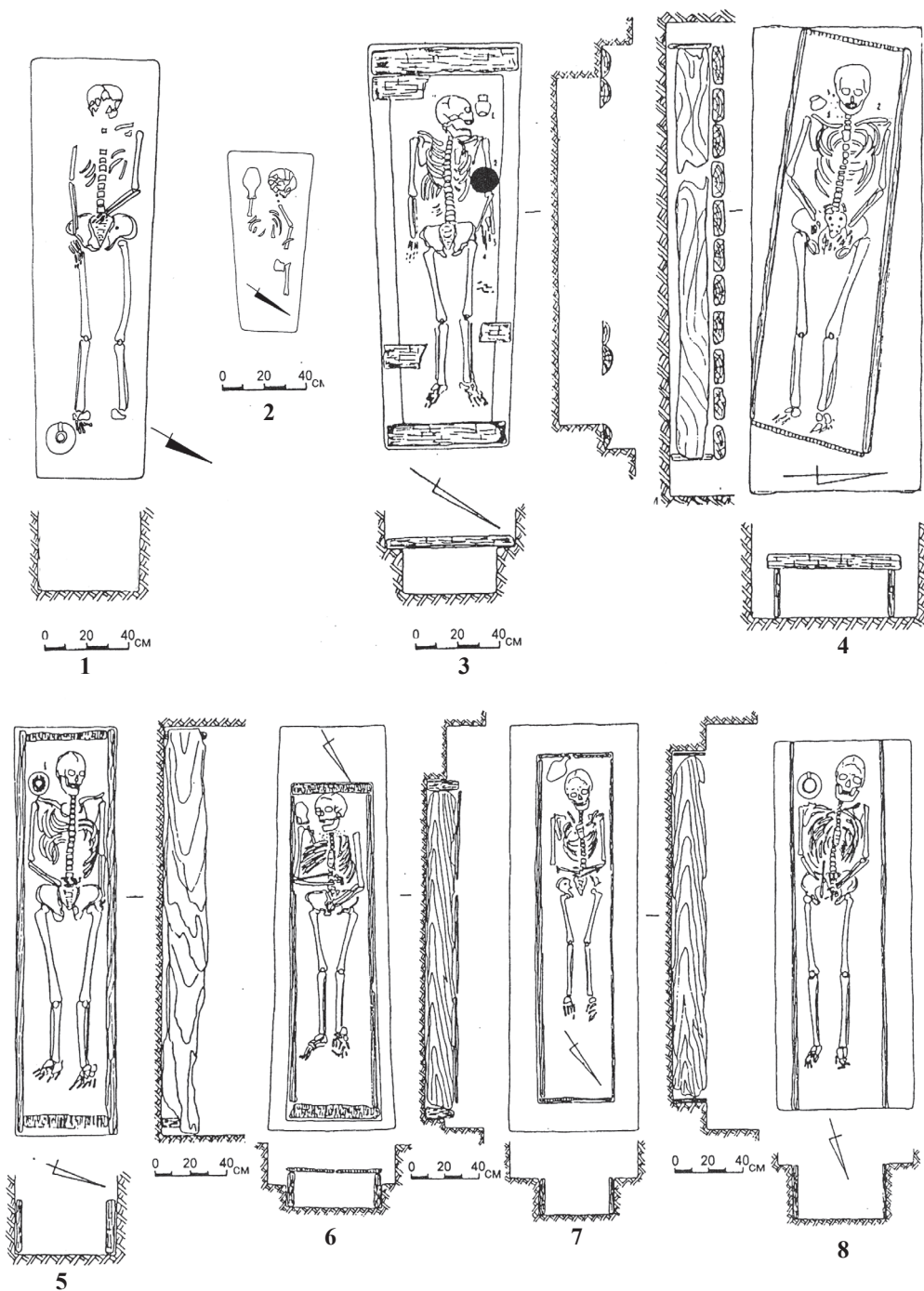

Рис. 1. Погребения могильника Червоная Гусаровка в простых грунтовых ямах и с внутримогильными конструкциями из дерева: 1 – погр. № 37; 2 – погр. № 12; 3 – погр. № 36; 4 – погр. № 107; 5 – погр. № 42; 6 – погр. № 108; 7 – погр. № 6; 8 – погр. № 26

удалось. В 5,6% погребений (10 случаев – № 4, 6, 7, 8, 14, 15, 33, 36, 48, 67) в дне могильной ямы было зафиксировано углубление под захоронение человека, в результате можно говорить о присутствии в данных погребениях заплечиков по всему периметру могильной ямы (рис. 1: 3, 7). В погребениях № 13 и № 68 фиксировались заплечики вдоль длинных стенок могильных ям (рис. 1: 8), а в погр. № 89 – заплечик был зафиксирован только вдоль одной длинной боковой стенки могильной ямы. Таким образом, в целом для могильника характерны простые грунтовые ямы с отвесными стенками.

В нижней части могильные ямы 92 погребений обложены деревянными досками, образующими своеобразные гробы-рамы (рис. 1: 4–7); еще в одном случае (погр. № 41) на дне ямы был зафиксирован деревянный гроб-колода. В некоторых случаях гробы-рамы были снабжены крышками из уложенных поперек (31 погребение) или вдоль (1 погребение) деревянных плах. В трех захоронениях (№ 15, 33, 36) были зафиксированы только поперечные деревянные плахи, уложенные на заплечики, идущие вдоль всех стенок могильной ямы (рис. 1: 3). Еще в пяти случаях (погр. № 8, 9, 10, 17, 111) в заполнении могильных ям были обнаружены фрагменты дерева, вероятно, от деревянных перекрытий. Таким образом, в 56,49% погребений могильника были зафиксированы внутримогильные конструкции из деревянных плах.

Костяки погребенных людей лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад с сезонным отклонением к югу (азимут от 218° до 270°). В части погребений положение рук и ног погребенных людей в силу ряда объективных и субъективных причин проследить не удалось. В отношении положения рук это касается 40 захоронений, а в отношении ног – 29 погребений. Относительно остальных захоронений могильника можно сказать следующее: в большинстве погребений – в 58,4% (80 захоронений) – обе руки погребенных людей были слегка согнуты в локтях, так что кости кистей рук покоились в районе таза (рис. 1: 4, 5, 8); в 5,1% погребений (7 захоронений – № 6, 36, 52, 133, 158, 166, 177) – обе руки человека были прямые, вытянуты вдоль тела; в 10,9% погребений (15 случаев – № 16, 17, 42, 62, 65, 86, 109, 116, 118, 122, 132, 152, 168, 169, 171) – правая рука была согнута в локте, левая прямая; еще в 10,9% захоронений (15 случаев – № 8, 15, 32, 33, 37, 76, 87, 100, 102, 114, 124, 127, 143, 148, 150) – левая рука была согнута в локте, а правая рука была прямой (рис. 1: 1). В 14,6% случаев (20 погребений – № 9, 16, 29, 46, 51, 63, 84, 96, 121, 123, 137, 138, 139, 140, 153, 155, 156, 157, 161, 174) обе руки человека были согнуты в локтях так, что кисти рук покоились в районе нижней части грудной клетки или в районе живота (рис. 1: 6, 7). Ноги в большинстве исследованных погребений (93,9% – 139 случаев) были прямые. В четырех захоронениях (№ 3, 78, 79, 158) правая нога была согнута в колене, а левая прямая, в погр. № 140 – левая нога была согнута в колене, тогда как правая была прямой. В двух погребениях (№ 30, 61) обе ноги были согнуты в коленях, в результате они покоились в виде ромба. Еще в двух погребениях (№ 7, 146) ноги погребенных людей были перекрещены в голеностопном суставе.

В 88,1% исследованных погребений (в 156 из 177 захоронений) инвентарь представлен сосудом (рис. 2; 3), который в 146 случаях был установлен в районе головы погребенного человека (в 89 погребениях – справа от головы, в 56 захоронениях – слева от головы, в одном погребении – за головой) (рис. 1: 2–8). В остальных погребениях сосуды были установлены в ногах (3 случая – погр. № 37, 146, 149) (рис. 1: 1), у колена (погр. № 136), у таза (погр. № 62), у локтя (погр. № 121). Нахождение сосуда в четырех погребениях (№ 49, 81, 141, 142) не определено. При этом для керамического комплекса из захоронений могильника характерно явное преобладание сосудов крымского производства (66 экземпляров) (рис. 2: 1–11). В 55 погребениях обнаружено сосудов салтовского типа, представленные, в основном, кружками (рис. 3: 1–11). Еще в 25 захоронениях сосуды были найдены лепные кухонные горшки кочевнического типа (рис. 3: 12–23). Другой погребальный инвентарь, представленный личными украшениями, деталями одежды и немногочисленными предметами хозяйственно-бытового назначения, минимален. Данные предметы обнаружены в 78 погребениях (44% захоронений).

Остатки жертвенной пищи, в виде костей домашних животных (козы-овцы), были представлены только в одном захоронении (№ 148).

В 16,38% захоронений (29 погребений) были зафиксированы следы преднамеренного разрушения костяков погребенных людей (рис. 1: 1–3). Бедный инвентарь в большинстве из исследованных захоронений указывает, что разрушение захоронений костяков не связано с ограблением погребений, совершенным в древности. Следы обряда ритуального разрушения

были зафиксированы в 14 взрослых погребениях (11 мужских и 3 женских захоронениях) (№ 4, 19, 20, 32, 36, 37, 85, 96, 137, 145, 154, 158, 165, 174) и в 15 захоронениях, принадлежавших детям и подросткам (№ 12, 17, 26, 35, 38, 45, 56, 57, 63, 75, 136, 148, 161, 172). Подобные преднамеренные нарушения естественной целостности человеческих костяков были отмечены на многих праболгарских грунтовых и аланских катакомбных могильниках салтовского времени². В 18 погребениях было зафиксировано преднамеренное смещение отдельных костей скелета человека со своих первоначальных мест. Еще в 18 случаях было зафиксировано отсутствие в могильной яме отдельных костей человеческого скелета (нижней челюсти, ключиц, длинных костей рук, кисти руки, стоп ног, нескольких ребер, позвонков)³. Материалы могильника не позволяют однозначно определить, какие нарушения целостности тела умершего человека были произведены в период, предшествующий собственно похоронам, а какие были произведены уже спустя какое-то время после похорон и были связаны с преднамеренным вскрытием могильной ямы. Однако, состояние костяков и положение костей в отдельных рассматриваемых захоронениях могильника все же позволяют предположить, что разрушение тел умерших могло быть и частью этнологогической (допохоронной) процедуры. К таким захоронениям мы склонны относить погр. № 26, 36, 45, 75, 137, 172, 174, в которых наблюдалось отсутствие костей руки (обеих рук), стопы (стоп обеих ног). Данные части, по видимому, по какой-то причине были отделены от тела человека на стадии подготовки его к захоронению. Вероятно, эти действия были направлены на то, чтобы умерший не только не мог вернуться в мир живых (отделение стоп ног), но и забрать с собой кого-нибудь из живых (отделение руки до локтя). Погребения с преднамеренно отделенными ступнями на памятниках лесостепного варианта салтовской культуры не единичны. Это, например, и захоронение в катакомбе № 2 Старо-Салтовского могильника⁴, и погребения № 6, 11 грунтового Бочковского могильника⁵. Данные действия были направлены на обездвиживание покойников, сродни хорошо известному по этнографическим материалам обряду подрезания сухожилий ног у колдунов, шаманов и других «опасных» покойников.

Таким образом, для захоронений могильника Червоная Гусаровка характерны следующие черты погребального обряда:

- незначительная глубина могильных ям (от 0,8 до 1,7 м от уровня современной поверхности почвы);
- могильные ямы прямоугольной в плане формы с отвесными стенками;
- стенки могильных ям в нижней их части обложены деревянными досками, образующими своеобразные гробы-рамы, которые могли быть снабжены крышками из деревянных плах;
- костяки погребенных людей лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад с сезонным отклонением к югу, ноги прямые;
- руки погребенных людей слегка согнуты в локтях так, что кисти рук покоились на животе или на тазовых костях;
- керамические сосуды, помещенные в могилу, устанавливались у головы погребенного человека (справа или слева от неё);
- погребальный инвентарь минимален и представлен в основном личными украшениями (серьги, бусы, перстни, кольца) и деталями одежды (пуговицы);
- мясная жертвенная пища в захоронениях отсутствует;
- выборочное преднамеренное обезвреживание покойников.

Большинство из выше перечисленных признаков находят прямые аналогии в так называемом «зливкинском» типе погребального обряда населения салтово-маяцкой культуры⁶. Данный тип погребального обряда, который хорошо представлен на памятниках степного нижнедонского варианта салтово-маяцкой культуры, связывается большинством исследователей с праболгарским населением⁷. Находят они соответствия и в памятниках салтовского времени Северо-Восточного Крыма (Западном некрополе Тепсеня, могильнике Кордон-Оба)⁸, которые, по мнению исследователей, оставлены этнически неоднородным праболгарским населением⁹. Однако полной идентичности нет. Как показывают исследования последних десятилетий погребальный обряд на ямных могильниках среднего течения Северского Донца, откуда происходит наибольшее число погребений «зливкинского» типа, отличается большим разнообразием¹⁰, и едва ли не каждый могильник имеет свои индивидуальные черты¹¹. Как показали антропологические исследования материалов могильников Среднедонечья, праболгарское население салтовского времени данного региона

в этническом плане не было однородным (45–50% – брахицефалы, 27–30% – мезоцефалы, 20–25% – долихоцефалы)¹², а, следовательно, среди населения Степного Подонцовья, кроме тюрко-болгар, присутствовали смешанные группы (до 45%), в том числе и аланы¹³. Этнически неоднородным было и праболгарское население Крымского полуострова. Антропологический анализ черепов из захоронений Западного некрополя Тепсеня показал, что все исследованные черепа принадлежат к европеоидной группе без признаков монголоидности¹⁴. При этом из 12 наиболее сохранившихся мужских черепов 8 имеют долихокранную, а 4 – брахикранную форму; все 6 женских черепов имеют брахикранную форму, что свидетельствует о смешанности населения¹⁵. Поэтому незначительные отличия в погребальном обряде могильника Червоная Гусаровка от других праболгарских могильников «зливкинского» типа может быть объяснено разным количественным составом представителей различных этнических групп (тюрко-болгар, алан), образовавших червоногусаровскую общину. Антропологический материал из могильника Червоная Гусаровка характеризуется в морфологическом плане долихокранностью¹⁶, что, по-видимому, можно расценивать как факт численного преобладания в данной группе населения аланского этноса.

Однако, как нам представляется, не только этим объясняется отличие могильника Червоная Гусаровка от ему подобных салтовских некрополей. Так, на ямных некрополях «зливкинского» типа Среднедонечья был открыт и исследован целый ряд захоронений, совершенных в соответствии с требованиями мусульманской погребальной традиции¹⁷, а также погребений, сочетавших в себе элементы языческого праболгарского погребального обряда с элементами мусульманского погребального обряда¹⁸. Это рассматривается рядом исследователей как факт присутствия в степных районах Подонцовья населения – выходцев их южных районов, исповедовавших ислам¹⁹. Подтверждается это открытием на поселенческих памятниках региона тандыров²⁰, а в захоронениях остатков особого вида головных уборов в виде войлочных шапочек-тюбетеек²¹. Это позволило К. И. Красильникову утверждать, что различия в погребальном обряде разных могильников «зливкинского» типа вызваны «не столько неоднородностью населения, сколько его этноконфессиональностью»²². Данный тезис исследователя трудно оставить без внимания. К. И. Красильников выделяет три группы погребений на праболгарских могильниках Среднедонечья: 1) погребения с языческими традициями (Желтое, Новолимаревка, Новодачное, с. Серебрянское); 2) «внешне такие же погребения в грунтовых ямах, но с признаками мусульманской обрядности (с. Лысогоровка)»; 3) «захоронения с обрядами смешанного биритуального характера (с. Лысогоровка)»²³.

Захоронения могильника Червоная Гусаровка, при общей схожести с классическими праболгарскими погребениями «зливкинского» типа, также отличается от этих групп погребений целым рядом элементов погребальной обрядности. Червоногусаровские погребения отличает: 1) полное преобладание простых могильных ям прямоугольной в плане формы; 2) широкое использование дерева для сооружения внутримогильных конструкций разного типа, основным заданием которых было создание вокруг тела погребенного человека свободного от земли пространства (тело непосредственно не засыпалось землей); 3) умерших людей в большинстве случаев укладывали в могилу с руками, сложенными на тазу, животе или груди; 4) полное отсутствие остатков мясной жертвенной пищи в виде костей животных; 5) погребальный инвентарь в основном представлен единичным сосудом для жидкостей (кружка, кувшин, флакон) крымского производства²⁴.

Данные характеристики погребального обряда могильника Червоная Гусаровка, с учетом ориентировки покойников головой в западном секторе, находят наиболее близкие аналогии в раннехристианских захоронениях Крыма. Их сближает расположение скрещенных рук на животе или груди погребенных людей, минимальный состав погребального инвентаря (салтово-маяцкие погребения возле «салтовских» христианских храмов, некрополи Тепсеня, Судак VI, Кордон-Оба)²⁵. Расположение скрещенных рук на груди или в районе живота является отличительной чертой средневекового христианского погребального обряда²⁶. Для христианских захоронений характерно использование и простых могильных ям прямоугольной или трапециевидной в плане формы со слегка закругленными углами²⁷.

Присутствие в захоронениях могильника Червоная Гусаровка металлической крестовидной подвески (погр. № 144) и нашивного крестика (погр. № 159) (рис. 2: 12, 13) является доказательством знакомства данного населения с христианским учением²⁸. Единичность находок символов христианской веры – нательных крестиков – в могильнике

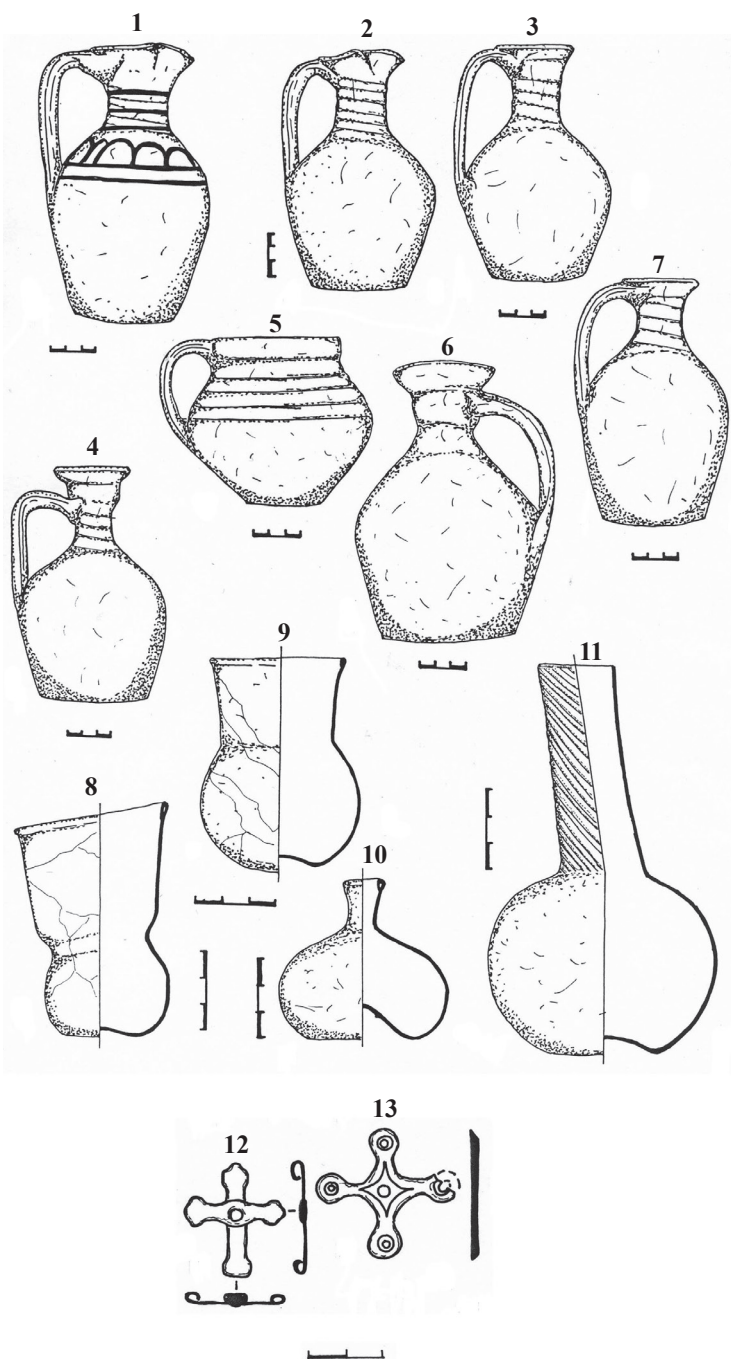

Рис. 2. Крымские керамические (1–7) и стеклянные (8–11) сосуды, нательные кресты из погребения могильника Червоная Гусаровка: 1 – погр. № 42; 2 – погр. № 25; 3 – погр. № 26; 4 – погр. № 28; 5 – погр. № 39; 6 – погр. № 15; 7 – погр. № 23; 8 – погр. № 62; 9 – погр. № 165; 10 – погр. № 70; 11 – погр. № 133; 12 – погр. № 159; 13 – погр. № 144

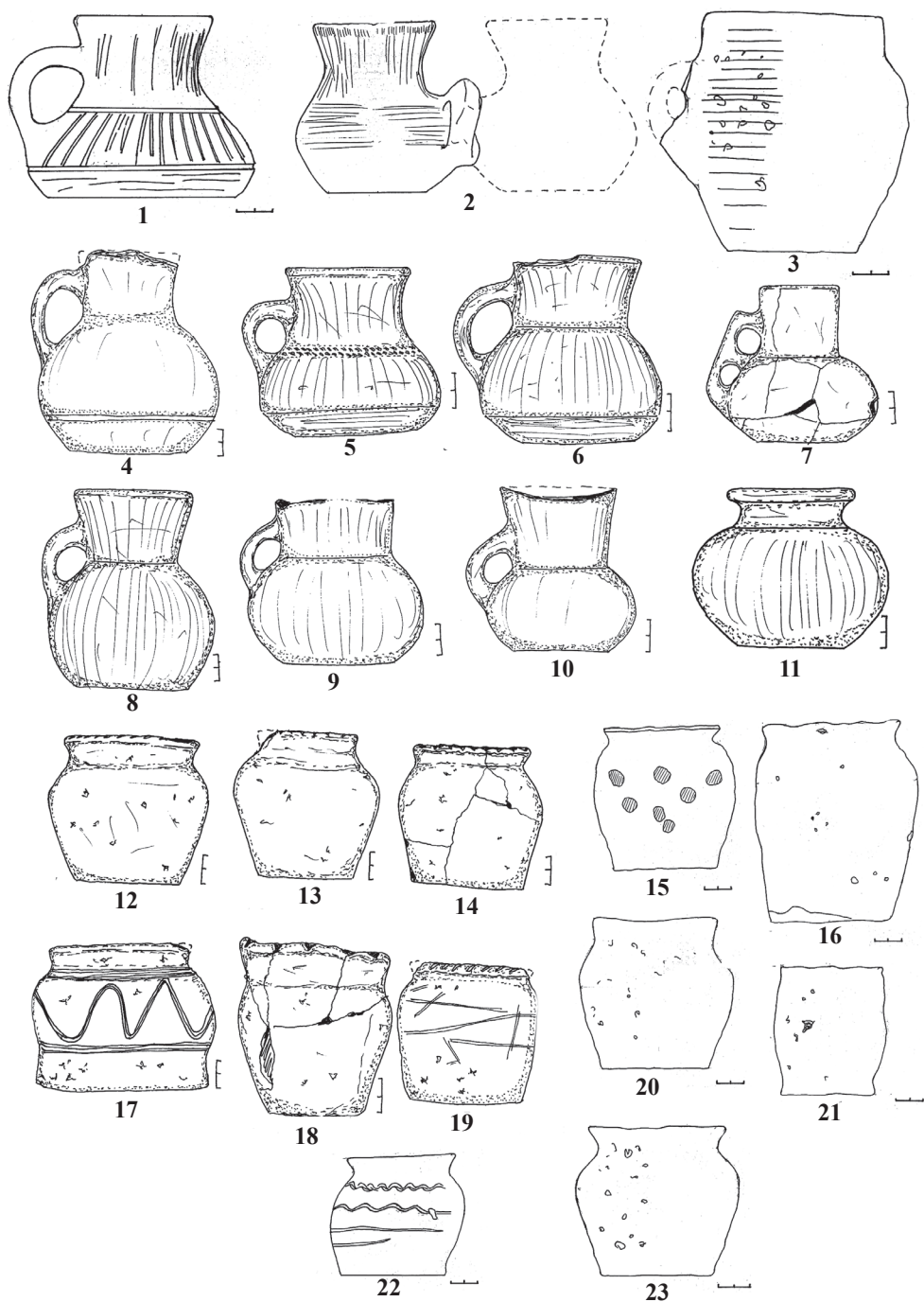

Рис. 3. Сосуды салтовского и кочевнического типа из захоронения могильника Червоная Гусаровка: 1 – погр. № 106; 2 – погр. № 107; 3 – погр. № 124; 4 – погр. № 37; 5 – погр. № 39; 6 – погр. № 41; 7 – погр. № 29; 8 – погр. № 34; 9 – погр. № 24; 10 – погр. № 32; 11 – погр. № 31; 12 – погр. № 17; 13 – погр. № 18; 14 – погр. № 30; 15 – погр. № 97; 16 – погр. № 109; 17 – погр. № 1; 18 – погр. № 35; 19 – погр. № 38; 20 – погр. № 129; 21 – погр. № 132; 22 – погр. № 142; 23 – погр. № 125

Червоная Гусаровка вполне объяснима. Нательные крестики также редко встречаются и в раннесредневековых захоронениях Руси, Крыма, Болгарии²⁹. По заключению Т. Д. Пановой, в домонгольской Руси крестики в захоронениях встречаются редко и только в двух регионах (Киев, Новгород), где раннее принятие и распространение христианства привело к появлению крестов в захоронениях представителей феодальной верхушки и монашества³⁰. Нательные крестики и крестовидные подвески в аланских древностях бассейна Северского Донца также, в основном, происходят из захоронений представителей социальной верхушки общества³¹.

В свете всего вышесказанного христианской погребальной обрядности не противоречит присутствие в погребениях могильника сосудов для жидкости, которые были установлены справа или слева от головы покойника. В единичных христианских захоронениях салтовского времени с территории Крыма также были обнаружены кувшины, помещенные в могилы³². Присутствие ритуальных сосудов неоднократно было отмечено и в христианских захоронениях Руси XI–XVI вв.³³ Исследователи считают, что в них могли находиться остатки жидкости, использованной при отпевании покойника. При этом данная деталь ритуала была обязательна для всех погребенных, кроме детей³⁴.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что могильник Червоная Гусаровка оставлен группой праболгарского населения, основу которого составляли численно преобладающие представители аланского этноса, находящиеся под влиянием христианской религии. Присутствие же в достаточно большом количестве захоронений в качестве единственного предмета погребального инвентаря посуды крымского производства (небольших кувшинчиков, кружечек, стеклянной колбы, флакона, бокала) (рис. 2: 1–11), позволяет предположить, что население, оставившее могильник Червоная Гусаровка, пришло или было переселено центральной властью Хазарского каганата в бассейн Северского Донца из восточных районов Крыма.

¹ Михеев В. К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка // Древности. – 1994. – Харьков: Бизнес-Информ, 1994. – С. 195–196.

² Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар // Проблеми на прабългарската история и култура. – Вип. 1. – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1989. – С. 177; *Его же*. Погребальные обряды на савере Хазарии (Маяцкий могильник). – Волгоград: Перемена, 1993. – С. 45–46, 51–53; *Его же*. Аланы Центрального Предкавказья V – VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – М.: ПолиМЕдиа, 2000. – С. 70–74.

³ Аксенов В. С. Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червоная Гусаровка // Хазарский альманах. – Т. 8. – Киев–Харьков: «Тарбут Лаам», 2009. – С. 95–97.

⁴ Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 138, рис. 5: 1.

⁵ Лантев А. А. Отчет об археологических исследованиях Бочковского могильника салтовской культуры (Волчанский район Харьковской области) в 2014 году – Харьков, 2015. – С. 22, рис. 32: 3.

⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). – 1967. – № 146. – С. 92; *Ее же*. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска–Преслав. – Т. 2. – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1981. – С. 9–11.

⁷ Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългарската история и култура. – Вип. 2. – София: Агресс, 1991. – С. 62–81; Швецов М. Л. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. – Вип. 2. – София: Агресс, 1991. – С. 109–123; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – Москва–Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2000. – С. 78.

⁸ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К.: Наукова думка, 1990. – С. 117–121, 124–129, рис. 43, 47; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. – К.: Академперіодика, 2004. – С. 141–147.

⁹ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья ... – С. 121, 126; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень ... – С. 146.

¹⁰ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 70, 71; Швецов М. Л. О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников // Проблеми хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 109–113.

- ¹¹ Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое ... – С. 75.
- ¹² Красильников К. И. Этнокультурные признаки населения степей хазарской периферии (к вопросу об идентификации) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. – Т. II. – Москва, 2010. – С. 28.
- ¹³ Там же. – С. 28; Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое ... – С. 74–76.
- ¹⁴ Соколова К. Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. – М.: Наука, 1958. – С. 70.
- ¹⁵ Там же. – С. 71; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень ... – С. 147.
- ¹⁶ Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. – Т. 3. – Киев–Харьков: Тарбут Лаам, 2004. – С. 87.
- ¹⁷ Кравченко Э. Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 4. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2005. – С. 163–186.
- ¹⁸ Красильников К. И. Этнокультурные признаки населения степей хазарской периферии ... – С. 27.
- ¹⁹ Там же. – С. 28.
- ²⁰ Красильников К. И. Население степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник. – Вып. 1. Археология. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – С. 63–64.
- ²¹ Красильников К. И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья / К. И. Красильников, Л. И. Красильникова // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Т. 4. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2005. – С. 212.
- ²² Красильников К. И. Этнокультурные признаки населения степей хазарской периферии ... – С. 19.
- ²³ Красильников К. И. Могильник у с. Лысогоровка ... / К. И. Красильников, Л. И. Красильникова. – С. 212–215; Красильников К. И. Этнокультурные признаки населения степей хазарской периферии ... – С. 19.
- ²⁴ Аксенов В. С. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца / В. С. Аксенов, В. К. Михеев // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: СамВен, 1998. – С. 344, 355, рис. 2; Аксенов В. С. Скляный посуд с поховань салтівського могильника Червона Гусарівка на Харківщині / В. С. Аксенов, В. К. Михеев // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 55–58, рис. 1.
- ²⁵ Майко В. В. Християнізація тюрко-болгар Криму в світі археологічних джерел (на прикладі поховального обряду) / В. В. Майко, О. М. Фарбей // Археологія. – 1995. – № 4. – С. 76, рис. 1, 1–3; 2, 1–3; Майко В. В. Средневековые некрополя Судакской долины. – Киев: Академперіодика, 2007. – 273 с.
- ²⁶ Кучкин В. А. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // Советская археология (далее – СА). – 1967. – № 1. – С. 292; Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. – М.: Радуница, 2004. – С. 57; Вьжарова Ж. Н. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България). – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1976. – С. 267.
- ²⁷ Панова Т. Д. Царство смерти ... – С. 66; Вьжарова Ж. Н. Славяни и прабългари ... – С. 267.
- ²⁸ Аксенов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. – Т. 2. – Киев–Харьков–Москва: Гешарим, 2003. – С. 140.
- ²⁹ Панова Т. Д. Царство смерти ... – С. 157; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья ... – С. 158, рис. 48: 9, 13; Майко В. В. Средневековые некрополя Судакской долины ... – Рис. 36: 9; 66: 10; 140: 1, 2; 148: 4; 151: 8; 153: 9, 11, 12.
- ³⁰ Панова Т. Д. Царство смерти ... – С. 150.
- ³¹ Аксенов В. С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. – 1998. – № 1 (2). – С. 3–5, рис. 1: 27; Его же. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдєйський збірник. – Вып. IV. – Киев–Судак: «Горобець», 2010. – С. 354–364, рис. 2: 12.
- ³² Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень ... – Рис. 67: 4, 5; 69: 6; 72: 7; 73: 7; 77: 9–12.
- ³³ Панова Т. Д. Царство смерти ... – С. 153, 155; Её же. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. – 1987. – № 4. – С. 112, 115, 116, 119.
- ³⁴ Панова Т. Д. Царство смерти ... – С. 157.

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология

РАБОТА АНДРЕЯ КОВАЛЕВСКОГО «ЧУВАШИ И БУЛГАРЫ ПО ДАННЫМ АХМЕДА ИБН-ФАДЛАНА»: ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ

О. Д. Василюк

Василюк О. Д. Праця Андрія Ковалівського «Чуваші та булгари за відомостями Ахмеда Ібн-Фадлана»: історія написання. У статті подається розбір праці А. П. Ковалівського «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана», що була надрукована 1954 р. На основі аналізу рукописів, що зберігаються в особистому фонді науковця в Центральному державному архіві-музеї літератури і мистецтва України, розглядаються етапи збору матеріалів для дослідження. Простежується підготовчий період написання праці. Перелічуються джерела, на яких стаття базується. Робиться порівняльний аналіз висновків А. П. Ковалівського з результатами робіт сучасних дослідників проблеми походження чувашського народу.

Ключові слова: булгари; чуваші; Ібн Фадлан; А. П. Ковалівський; архів; рукопис.

Василюк О. Д. Работа Андрея Ковалевского «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана»: история написания. В статье разбирается работа А. П. Ковалевского «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана», опубликованная в 1954 г. На основе анализа рукописей, хранящихся в личном фонде ученого в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины, прослеживаются этапы сбора материалов для исследования. Рассматривается подготовительный период написания работы. Перечисляются источники, на которых базируется статья. Делается сравнительный анализ данных А. П. Ковалевского с выводами современных исследователей проблемы происхождения чувашского народа.

Ключевые слова: булгари; чуваші; Ибн-Фадлан; А. П. Ковалевский; архив; рукопись.

Vasylyuk O. D. Andrey Kovalevsky's work "Chuvash people and the Bulgars according to Ahmed Ibn Fadlan": the history of its writing. The article deals with A. Kovalevsky's work "Chuvash people and the Bulgars according to Ahmed Ibn Fadlan", published in 1954. The stages of materials' collection are studied on the basis of the analysis of the manuscripts that are kept in the personal fund of the scholar at the Central State Archive of Literature and Arts of Ukraine. The preliminary period of writing the work is analyzed. The sources, on the basis of which the article is written, are listed. The comparative analysis of the data used by A. Kovalevsky and conclusions made by modern researchers into the origin of the Chuvash people is made.

Keywords: Bulgars; Chuvash people; Ibn Fadlan; A. Kovalevsky; archive; manuscript.

В стенах Харьковского университета, наверное, нет необходимости подробно останавливаться на личности Андрея Петровича Ковалевского, но я все же хотела бы напомнить некоторые моменты его биографии.

После окончания гимназии в 1915 г. будущий востоковед поступил на математический факультет Харьковского университета. Параллельно с изучением математики, он посещал лекции по санскриту профессора Павла Риттера, а также лекции по литовскому и древнеисландскому языкам профессора Яниса Эндзелинса. Услышанное от обоих преподавателей и почерпнутые у них знания сыграли немаловажную роль в дальнейшем становлении исследователя. Именно под их влиянием он оставил математику и поступил в московский Лазаревский институт восточных языков. Тут в течение 1916–1918 гг. Андрей Петрович изучал арабский язык и историю стран Востока под руководством профессора Агафангела Ефимовича Крымского. После закрытия института, во время гражданской войны, Ковалевский вернулся в Харьков. Тут молодой человек продолжил учиться на романо-германском факультете Харьковского института народного образования, который закончил в 1922 г., после чего сразу поступил в аспирантуру при Научно-исследовательской кафедре истории украинской культуры, которую возглавлял Дмитрий Багалый¹.

В конце 1920-х – начале 30-х гг. Андрей Петрович сотрудничал со многими востоковедными учреждениями Харькова – структурами Всеукраинской научной ассоциации востоковедения, работал в различных быстро созданных, но и быстро закрытых научных

учреждениях – Харьковском филиале Научно-исследовательского института языкознания ВУАН, Украинском научно-исследовательском институте востоковедения, Украинском научно-исследовательском институте Ближнего Востока, Всеукраинской ассоциации марксо-ленинских институтов. Постепенно деятельность вышеперечисленных организаций все меньше напоминала научную, приобретая пропагандистский характер². Стала очевидной бесперспективность востоковедческих исследований в Украине. В Харькове начались аресты востоковедов, фактически ориенталистика тут была уничтожена. В обстановке политической истерии Андрей Петрович вынужден был покинуть город. В 1934 г. он переехал в Ленинград, где со временем стал работать над арабскими рукописями под руководством академика Игнатия Юлиановича Крачковского³.

Как известно, репрессии Ковалевского все же не минули. Но в 1939 г. ему удалось закончить перевод и комментирование «Путешествия на Волгу» Ибн-Фадлана. Это описание посольства в Волжскую Булгарию X в. входило в коллекцию арабских географических трактатов, которую в 1923 г. в Мешхедской библиотеке «Ридавийа» обнаружил Зеки Валиди. В Германии, став преподавателем Боннского университета, Зеки Валиди параллельно с Ковалевским работал над переводом «Записок» Ибн-Фадлана. Между учеными (а скорее, между государствами) даже развернулось соревнование, кто быстрее закончит работу. Андрей Петрович опередил Зеки Валиди совсем ненамного, но опередил. И хотя этот грандиозный труд стал возможен только благодаря заинтересованности в нем высшего руководства страны, он все же не сразу (долгое время имя автора перевода умалчивалось), но ввел Андрея Петровича Ковалевского в плеяду всемирно известных востоковедов. Хотя на жизни ученого это особо не отразилось. После войны он вернулся в Харьков, где не без труда получил в университете должность доцента кафедры новой и новейшей истории, которую впоследствии возглавил⁴.

В этот период Ковалевский вернулся к работе над «Рисале» Ибн-Фадлана. Исследователь высказал предположение, что копия из Мешхеда представляет собой сокращенный вариант сочинения Ибн-Фадлана, а полная версия безвозвратно утрачена. В публикации 1956 г. подается совершенно новый, отличный от версии 1939 г., перевод Ибн-Фадлана. Практически не повторяются и комментарии к этим двум изданиям. Если первые комментарии были скорее филологической направленности, то вторые – это полноценное историко-источниковедческое исследование⁵.

Параллельно с новым переводом ученый подготовил несколько статей, посвященных отдельным аспектам труда Ибн-Фадлана. В частности, была написана работа о чувашах и булгарах. Она была напечатана в IX выпуске «Ученых записок» Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР в Чебоксарах в 1954 г.⁶.

Очень интересны для нас подготовительные материалы к этой статье, хранящиеся в личном фонде ученого в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины. Основными можно считать две папки, в своё время подготовленные для передачи на хранение самим автором. Это материалы из фонда 149, опись 1 – дело 6 (208 л.) и дело 21 (15 л.)⁷.

Дело 6 представляет собой толстую папку фиолетового цвета с наклейкой «А. Ковалівський. Архів видання «Чувашы и булгары по данным Ибн-Фадлана» та інші матеріали листування з чуваськими ученими». Карандашом внизу написано: 25/VI 70 230 арк. и подпись. Предположительно эта надпись была сделана в момент передачи папки в архив. Ниже есть еще одна наклейка, вероятно более ранняя, рабочая: «Чуваші архів». Папка содержит несколько общих тетрадей и множество черновиков на отдельных листах. Причем часть из них написана на оборотах уже напечатанного материала, представляющего собой различные предварительные варианты текста, а потому очень интересного нам. Имеется также несколько машинописных копий с заголовком: «Предварительный план работы «Булгаро-чувашские языковые данные у Ибн-Фадлана», датированных 20 марта 1952 г. Можем предположить, этот план Ковалевский подавал для утверждения как свой предварительный рабочий. Дело 21 более тонкое и озаглавлено оно: «Чувашы в XI–XII веках (выписки, заметки, записки)».

По предварительному рабочему плану исследование профессора Ковалевского о чувашах и булгарах должно было начинаться с «Общего введения», состоявшего из следу-

ющих пунктов: «1. Скудность данных о языке древних булгар и важность этого вопроса для выяснения этногенеза чувашского народа. 2. Значение данных у Ибн-Фадлана и у других восточных авторов. 3. Общий обзор истории вопроса. 4. Задача данной работы и ее ограничение обзором материала». Далее Ковалевский предполагал раскрыть «Некоторые особенности арабских транскрипций X века», разделив их на подразделы о согласных и гласных. Для первых важными он считал вопросы арабской графики и согласных булгарского и чувашского языков; значения *ç* – дж, ч, г. Предполагал задействовать работы академика А. Е. Крымского и провести параллели из палеографии рукописей и надписей. Обращал внимание на смешение начертаний конечных *ح* и *ج* в Мешхедской рукописи Ибн-Фадлана и что чередование «р» (*ح*) и «з» (*ج*) зависит не от ошибок переписчиков, а от местных диалектов в стране булгар. Для подраздела о гласных, в первую очередь, Андрей Петрович обращал внимание на следы огласовок в Мешхедской рукописи Ибн-Фадлана и значение полных огласовок в рукописи Якута; проблемы арабских огласовок кратких гласных и булгаро-чувашскую гармонию гласных. Анализировал теорию Зеки Валиди о конечной графеме *ج*, которая читается как «у», и ее опровержение Тадеушем Ковальским. Уместным считал и вопрос о месте ударения: «булгар» и «булгár»⁸. Самую большую часть он назвал «Общий просмотр материала», разбив ее на следующие тридцать пунктов:

«1. Атыл – Атал в значении реки и «места». Чтение Н. И. Ашмарина и огласовка в Мешхедской рукописи. Данные других языков – тюркских и кавказских. Глухое «т» вместо «д». Греческие транскрипции.

Названия меньших рек:

2–12. Бачаг (Моча), Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сӯх (Сок), Кунджулу (Кундурча), Черемсән (Черемшан), Уран, Урам, Байнāх (Майна), Вагыг (Утка), Нийāсна (Неясловка).

13. Джаушыз – Джаушыр (река Гаушерме?).

Отдельные вопросы фонетики:

а) Чередование «б» и «м» (Бачаг, Байнах-Моча, Майна).

б) «Дж» или «ч» – Черемсан?

в) «Дж» – «г» – Джаушыр – Гаушер? (Вопрос о чередовании «р» – «з» см. дальше).

г) Вопрос о звонких и глухих согласных в данных именах.

д) Сингармонизм.

е) Окончания – «ах», «ыг». Сравни дальше Выраг, чувашское – айāх и т.п.

14. «Три озера» – «Халджа». Чтение «Хылче» или «Хыллече» – зимовье, кишлак? (Чувашское хел, хелле, хеллехи и т.п.). Малая вероятность происхождения от кӯл.

Данные из контекста Ибн-Фадлана об этом месте. Значение предлагаемого чтения с исторической точки зрения.

Названия народов, племен и т.п.:

15. Булгар, как общеплеменное название от Волги до Балкан. Были ли другие племена, Сувар и Эсекель, тоже булгарами?

Формы слова «булгар», греческие транскрипции и вопрос о месте ударения. Работы И. Шишманова и других.

Форма «булгыз» и её самостоятельное значение.

Форма «бурджан», обозначающая балканских булгар. Предположительное чтение «бургыз» (О чередовании «з» и «р» см. дальше).

16. Сувар и Суваз.

Племя Сувар как родоначальники чувашского народа. (А. П. Смирнов, В. Г. Егоров и др.)

Данные у Ибн-Фадлана об отказе «суваз» от ислама и сопоставление И. Г. Григорьева.

Форма «суваз». Отождествление с «чāваш» (И. Г. Григорьев).

Сопоставление всех данных о чередовании «р» и «з» у Ибн-Фадлана. Вывод: это чередование отражает местные диалектические особенности населения булгарского царства, а не влияние речи тюрков, сопровождавших Ибн-Фадлана.

Теория В. Г. Егорова о племенных названиях у чувашей на «ваш», «вāш» (по данным топонимики).

Название «суваз» – озвонченная форма «сувас».

Добулгарское происхождение этой формы «сāрмās» – марийцы, «калмез» у удмуртов и т.п. (В. Г. Егоров). Первоначальное марийское название чувашей – «сувас».

Начальное «с» – «с̄» = «ч» (тезис Н. Ашмарина).

Гипотеза о дальнейшей истории «суваз» после попытки их исламизации: переселение не подчинившейся ей части племени на запад за Волгу и сохранение ими прежнего племенного названия «суваз». Оставшаяся часть, приняв ислам, окончательно оболгаривается и закрепляет за собой название «сувар» (отсюда город Сувар, завершение оформления классового общества, битье монеты в Суваре и т.д.).

Данные Н. И. Ашмарина о тех случаях, когда в чувашском языке сохраняется «з», не перешедшее в «р» (куҫ, васан!).

17. Эсекель. Варианты у других арабских авторов. «Эсегель». Сингармонизм. Возможные чтения. Название города Ошель? Политическая роль князя этого племени по Ибн-Фадлану. Вероятное слияние с булгарами. Сопоставление с секлерами и другие теории.

18. Баранджар. Выражение «домочадцы». «Большая фамилия» (Б. Д. Греков).

19. Народ «вису». Данные у Ибн-Фадлана и других арабских авторов. Литописная «весь» (Литература от Х. Френа до В. Минорского и БСЭ).

Вопрос о фонетике данной формы этого имени.

Собственные имена лиц:

20. Барыс. Значение прозвища «Славянин». Южнобулгарское имя Борис.

21. Алмыш. Это же имя у Ибн-Русте.

22. Шилки – возможные варианты чтения.

23. Талут.

24. Выраг – предводитель недовольных в племени Суваз. Имя или титул? Окончание на «ух» (Аспарух), «аг» (Омортаг), «ыг» (Денгизих – сын Аттилы).

25. Башту. Политическая роль Абдаллаха, сына Башту. Его прозвище «Хазарин». Мусульманское имя Абдаллах как графаретное для новообращенного (сравни введение в ислам Талута). Его отец носил языческое имя. Возможность его происхождения именно из булгар, а не из старой хорезмийской гвардии хакана.

Титул:

26. «Йылтывар», как титул булгарского царя. Обоснование значения по тексту Ибн-Фадлана. Обоснование данного чтения по Мешхедской рукописи и рукописи Якута. Прежние «славистические» толкования и их несостоятельность (И. Шишманов). Параллели из тюркских языков.

Бытовые термины:

27. Напиток «суджув». Графика Мешхедской рукописи. Параллель у Ибн-Русте. Объяснение из контекста. Прежнее «славистическое» толкование «сычевка». Критика Н. Ашмарина и А. Крымского. Тюркские и чувашские параллели.

28. «Сахрадж» – сахарч. Различные формы этого слова в тюркских языках (Махмуд Кашгарский и т.д.). Значение здесь конечного ж – г? Булгарское ли это слово?

29. Кислые яблоки, которые едят девушки и которые «поэтому так называются». Критическое рассмотрение данного текста по Мешхедской рукописи и Якуту. Гипотеза Z. Validi. Ее искусственность. Чувашский сравнительный материал: «хёр, хёрле» и т.п.

30. Среднеазиатско-иранское название «халандж» – береза? Деревья «халандж» и «халанг» у булгар по Ибн-Фадлану. Литература вопроса. Возможная связь с чувашским – хурән⁹.

Завершалось планируемое исследование А. П. Ковалевского главой «Некоторые итоги», которую он, к сожалению, не расшифровал. Сравнение этого плана с уже опубликованной статьей позволяет предположить, что автор первоначально хотел больший упор сделать на языковой проблеме чувашей, а по мере продвижения работы изменил предварительные наброски и расширил их, охватив и другие вопросы истории булгаро-чувашского народа. Хранящиеся в деле общие тетради отражают замысел автора, раскрывая перед нами этапы его исследования.

Так, первая тетрадь имеет наклейку: «1) Н. И. Ашмарин. Булгары и чувашаи. 2) Сборник материалов, касающихся Казанского края (сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке, изданный под ред. Д. А. Корсакова. Казань, 1908). 3) Идриси «Jaubert». В основном она состоит из постранично выписанных цитат из работы Ашмарина «Булгары и чувашаи». Некоторые подчеркнуты красным карандашом. Для дальнейшего анализа Ковалевский берет во внимание многие аспекты исследования Ашмарина, кото-

рое, как известно, представляло собой комплексное историко-лингвистическое исследование. В нем автор опирался на письменные, эпиграфические, лингвистические, топонимические, нумизматические, этнографические, фольклорные и археологические источники, известные на тот момент. Иногда в тетрадь вписаны и версии самого Андрея Петровича, с припиской «см. дальше объяснение самого Н. Ашмарина». Ковалевский обращает внимание на цитаты из работы Б. Мункачи о словах в венгерском языке, заимствованных из болгарского. Конечное и среднее $z = r$. Город у болгар Исбиль или Исбол – упомянутый у Ибн-Хаукаля. Приписывает, что «Ибн-Русте говорит». Наименование печенегов: у славян, по-арабски, по-гречески, по-мадьярски. Добавляет, что «т.е. тоже изменение в современном чувашском языке, так и в древне-тюркских элементах мадьярского». Выписывает чувашские пословицы. Подробно разбирает некоторые названия из окрестностей с. Болгар: озеро Еган – Базан (чув. Васан). Река Барана – правый приток реки Майны. Приводит примеры из языка гуннов. Разбирает надписи, помещенные у Березина (как имя читает Березин, Клотрок), при этом приводит примеры Фейзхановских надписей, а также Ахмаровские надписи, правописание болгарских надписей. Присоединяется к заочной полемике Н. Ашмарина с И. Шишмановым по вопросу о тождестве чувашей и болгар. Дает большие цитаты на болгарском языке, но без ссылок. Большой заслугой Н. И. Ашмарина считает обоснование им в исследовании «Болгары и чуваша» теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности¹⁰. Тетрадь практически полностью заполнена выписками из Н. Ашмарина. Наверно в ней просто не осталось места для заявленных на титуле материалов из сборника о Казанском крае Д. Корсакова и перевода ал-Идриси П. Жобера. Они встречаются в дальнейшем на отдельных листах.

Вторая тетрадь снабжена наклейкой: «В. Г. Егоров «Н. И. Ашмарин». – Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка» Чебоксары 1948. «Советская этнография» 1950 № 3 (чувашский номер). «Советская этнография» 1946 № 3 (татарский номер). Френ F.ahn Drei Mützen». Из работы Егорова выписаны цитаты по следующим направлениям — «Очерк народной поэзии у чуваш. Этногр[афическое] Обзорение 1892. Материалы для исследования чувашского языка. Ученые записки Казанского университета за 1897–1898 гг. Фонетика чувашского языка. Этимология Егорова. Ашмарин как диалектолог. Булгары и чуваша. Цитаты из А. Куника, А. Шахматова».

Также тщательно проанализированы статьи из журнала «Советская этнография» (№ 3, 1950), который профессор Ковалевский назвал «чувашский номер». Большие выписки сделаны из исследований П. Н. Третьякова (археология, происхождение чувашского народа), П. А. Трофимова (антропология, отличие от татар), Н. И. Воробьева (этнография, этногенез чувашского народа) с пометкой «Литература в примечаниях». Представлены цитаты из статей: В. К. Магницкого (вера чувашей), Г. И. Комиссарова (о чувашском Заволжья), П. Прокопьева (про брак у чувашей), В. В. Егерова, Н. В. Николаева с подробной библиографией. Заинтересовали Ковалевского упоминаемые в исследованиях сведения об употреблении пива и медовой браги, хотя, отмечает, что многие авторы считают ее заимствованной у болгар. Приводит цитаты из Воробьева и Ибн-Фадлана. Очень подробно проработана статья В. Г. Егорова «Этногенез чувашей по данным языка». Причем цитаты есть как в тетради, так и более подробные на отдельных листах. Сделаны выписки и из разделов «Хроника», «Прения», выступлений Н. Ф. Калинина, Х. Г. Химади. Третий номер журнала «Советская этнография» за 1946 (татарский номер) в основном представлен только названиями статей. Присутствуют в тетради и цитаты из работы Френа «Drei Mützen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert N. Ch. erläutert», а также некоторых книг, хранящихся в ЦНБ в Киеве, например, С. М. Шпилевского «О древних городах и других болгаро-татарских памятниках», изданной в Казани в 1877 г. То есть мы видим, как Андрей Петрович детально прорабатывал публикации предшественников о путешествии Ибн-Фадлана, сделанные ещё по словарю Якута¹¹.

Третья тетрадь заполнена цитатами из работ А. Гаркави, А. Крымского с Шахматовым, Худякова, Тизенгаузена, Г. Ахмарова, Бартольда и сборников, например, казанского издания 1948 г. «Происхождение казанских татар». Из работы А. Крымского и А. Шахматова «Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської старо-українщини XI–XVIII вв.», как замечал сам Ковалевский, «использовал в основном наблюдения о передаче русско-славянских слов и имен у арабских историков и географов IX–X вв.».

Часто ездил в Киев, чтобы изучить некоторые книги в Центральной научной библиотеке. Например, публикацию А. К. Жизневского «Описание Тверского музея, с примечаниями гр. А. С. Уварова (про болгарский дирхем, чеканный в Суваре 1338 г. хиджры – 949–950)», 1888, из которой делал выписки о подробных характеристиках монеты – диаметр, материал, где выкопана. Смотрел в «Трудах Самаркандского государственного педагогического института им. А. М. Горького» (Самарканд, 1940) статью И. Умнякова «Самая старая турецкая карта мира» (XI) со списком названий¹².

На отдельных листах архивного дела находим большое количество подготовительных материалов: это опять выписки из работ о болгарском языке, например, С. Е. Малова и др., список трудов Ашмарина, именник болгарских князей, различная библиография в нескольких экземплярах, справки к «Чуваши и булгарам», данные из З. Валиди, снова выписки из книг ЦНБ (например, Р. Р. Фасмер «О монетах Волжских булгар X века»), листы с надписью «разная литература по чувашским вопросам», уже упоминаемый Жизневский о Тверском музее, номера примечаний из работы Френа, «Семитские языки и народы» А. Крымского. Дан список «Литература к проверке», «Чувашские слова и тексты», где кроме словарика есть, например, большой текст на чувашском языке с подстрочным переводом карандашом, перечень названий всех месяцев на чувашском языке.

Последними в деле хранятся несколько листов озаглавленных «Опечатки и недосмотры в книге А. Ковалевского «Чуваши и булгары по данным Ибн-Фадлана» 1954 г.». С сожалением Андрей Петрович констатирует, что много опечаток нашел в графике арабских имен и названий, но есть опечатки и в написании обычных слов, например с маленькой или большой буквы следует писать то или иное слово. Прилагает таблицу с исправлениями, вероятно в надежде на возможные последующие переиздания своей работы¹³.

В «Чуваши и булгарах по данным Ахмеда Ибн-Фадлана» А. П. Ковалевский тщательно, по крупицам анализирует поданные в «Записках» сведения о чуваши и булгарах. Подробно отслеживает маршрут путешествия посольства Ибн-Фадлана, как бы прокладывая его на карте, идентифицирует упоминаемые реки, другие местности, считая очень важным для выяснения ранней истории народов установление области их расселения. В черновиках мы находим перерисованные им от руки карты из различных книг, например, штутгартского издания Конрада Миллера «Маррае Arabicae» 1926–1931 гг., в том числе атласа Ал-Идриси¹⁴. В записях архивного дела отмечал, «что касается смещения конечных букв «н» и «з», то этот вопрос требует особого внимания. Как уже говорилось, в самой Мешхедской рукописи изгиб буквы «н» несколько более развернут и точка стоит над правым его краем, так что эта буква по своей форме приближается к «з». Однако все же здесь, кроме одного случая, эти буквы ясно различимы. В то же время... в том оригинале, с которого Мешхедская рукопись списана, конечная буква «н», очевидно, так мало отличалась от «з», что переписчик их явно путал, особенно, конечно, в незнакомых ему чужих именах»¹⁵. В своей работе А. П. Ковалевский констатировал соответствие выводов Н. И. Ашмарина записям Ибн-Фадлана. Он писал, что «...если... учесть, что названия *сăваз-сăваç* и *чăваш* являются лишь видоизменениями того же самого слова... Из приведенного обзора различных вариантов слова *цуаç, суаç, сăваç, сăвар* и тому подобных мы видим, что это старинное название народа чуваш засвидетельствовано в памятниках, начиная с X века, причем, по-видимому, в тех формах, которые соответствуют выводам Н. И. Ашмарина, добытым совсем иным путем»¹⁶.

Как известно, теорию о болгарском происхождении чувашей впервые высказал в «Истории Российской» историк, этнограф и географ XVIII в. В. Н. Татищев. И на сегодняшний день концепция, что чувашский этнос сформировался на базе не принявшего ислам земледельческого болгарского населения, расселившегося на правобережье Волги в Присвяжье, Прицивилье, Прианишье и на левобережье в Приказанье и Заказанье, частично ассимилировавшего финно-угров на севере Чувашии, имеет наибольшее количество сторонников (Н. И. Ашмарин, А. П. Смирнов, Н. А. Баскаков, В. Д. Димитриев, В. Г. Егоров, П. В. Денисов, Д. М. Исхаков, Н. Ф. Катанов, В. Ф. Каховский, И. Коев, Р. Г. Кузеев, С. Е. Малов, Н. Н. Поппе, А. Рона-Таш, Б. А. Серебrenников, А. А. Трофимов, М. Р. Федотов, Н. И. Егоров, В. П. Иванов и др.). Сторонником этой теории был и А. П. Ковалевский. При этом выводы упомянутых авторов о путях болгаро-тюркской преемственности имеют и различия. Придерживающиеся другой теории считают, что основу чувашского этноса

составило финно-угорское (марийское) население, испытывавшее сильное культурное, особенно языковое, влияние болгар (Н. И. Воробьев, Н. М. Карамзин, В. В. Радлов, Н. А. Фирсов и др.). Учёные из Казани М. З. Закиев, А. Х. Халиков, Н. Н. Старостин выдвинули гипотезу о добулгарской тюркизации средневожского региона, о начале формирования чувашского этноса на основе тюркоязычных носителей культуры писеральско-андреевских курганов II–III вв. В разное время появлялись различные другие гипотезы, в том числе о происхождении чувашей от гуннов (В. В. Бартольд), от шумеров (Н. Я. Марр) и т.д. Найдено также множество доказательств древних связей предков чувашей с индоиранским культурным ареалом.

Предков чуваш А. П. Ковалевский увидел в племени «суваз», упомянутом в «Рисале» Ибн-Фадлана. При этом он считал сувазов небулгарским народом местного происхождения, принявшим болгарский язык от болгар, но сохранившим некоторые диалектические особенности, в том числе наличие звука «з» или «џ» на месте некоторых болгарских «р», а также, вероятно, с преобладанием глухих согласных.

С принятием ислама происходит окончательная болгаризация знати племени сáваз, что отражается также и в названии нового города Сáвар с конечным «р». В дальнейшем Сáвар теряет свою политическую самостоятельность и окончательно подчиняется Булгару. Между тем основная масса племени, по-видимому, все же отказалась подчиниться новым порядкам и начала постепенно переселяться на правый берег Волги, где часть племени жила, вероятно, и раньше. При этом она сохраняла свою языческую религию и некоторые особенности своего наречия. Из смешения этой части «народа сáваз» или «цáваз» с местным населением правого берега Волги и образовался чувашский народ.

Подобные выводы А. П. Ковалевского вызывают замечания у некоторых современных исследователей, например В. Д. Димитриева, считающего, что заключения А. П. Ковалевского не подкреплены никакими фактическими данными: «Ковалевский допустил вольность: якобы сувазы, отказавшись принять ислам, перекочевали на правый берег Волги. В действительности же ибн-Фадлан пишет о племени суваз, сообщает не о переправе сувазов на правый берег Волги, а только о временной перекочевке их от стоянки царя Алмаса и указывает, что вскоре и сувазы приняли ислам»¹⁷.

Со стороны редакции издания «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана» А. П. Ковалевскому также было сделано несколько замечаний. Издателей смущало утверждение автора, что «племя суваз к числу болгарских племен не принадлежало, оно было местного происхождения»¹⁸. Неясным в работе было и то, что автор не объяснил, почему местное племя «суваз» отказалось от родного языка и усвоило один из диалектов болгарского языка, ограничившись следующим замечанием: «народ суваз в состав настоящих болгарских племен не включался. Но это, конечно, не значит, что сувазы в то время не говорили на одном из диалектов болгарского языка»¹⁹.

Причины, побудившие А. П. Ковалевского к подобным заключениям, искали в бытовавшей в то время официальной теории этногенеза татар и чуваш, принятой на сессиях Отделения истории и философии АН СССР в 1946 и 1950 гг., вспоминая при этом его арестантское прошлое. Но и сегодня все теории о происхождении народа чуваш: болгаро-суварская, болгарская, суварская, добулгаро-тюркская, болгаро-марийская, автохтонная, скифо-сарматская, финно-угорская, марийская, ведская, сувазская существуют параллельно. Каждая из них имеет как своих сторонников, так и противников, аргументы «за» и «против». Окончательная точка в этом вопросе еще не поставлена. Исследователями доказано, что язык волжских болгар много в чем идентичен языку современных чувашей. Это позволяет рассматривать чувашей наследниками савазов и тех болгар, что не приняли ислам. Предки чувашей пропустили процесс исламизации и таким образом сохранили не только болгарский язык, но и черты духовной и материальной культуры, свойственным болгарским племенам. И несмотря на упомянутую критику, исследование Андреем Петровичем Ковалевским одного из первых письменных свидетельств о чувашах и булгарах арабского автора X века имеет большое значение. Ведь сложность анализа средневековых арабских источников по истории и этнографии народов Европы хорошо известна. Методы, предложенные и обоснованные Ковалевским, предлагали обработку и исследования того, как представления арабских авторов влияли на отображения выдуманных или существующих представлений арабских авторов, ментальность тогдашнего арабского мира. Именно

это и есть необходимым для адекватной оценки написанного ними и вероятности информации этих источников. Несомненно, сведения из Ибн-Фадлана сыграли свою роль в изучении этногенеза чувашского народа, ведь он относится к тем авторам, кто сам видел то, о чем писал.

¹ Митряев А. Життєвий і творчий шлях видатного українського сходознавця Андрія Петровича Ковалівського // Східний світ. – 1995–1996. – № 2–1 (6–7). – С. 8–11.

² Циганкова Е. Г. Сходознавчі установи в Україні (радянський період). – К.: Критика, 2007. – С. 116, 149–151, 154, 156, 205, 209, 228, 232–234.

³ Василюк О. Д. Андрій Ковалівський: перші кроки в орієнталістиці / О. Д. Василюк, Е. Г. Циганкова // Східний світ. – 2015. – № 4. – С. 16–27.

⁴ Митряев А. Життєвий і творчий шлях видатного українського сходознавця Андрія Петровича Ковалівського // Східний світ. – 1995–1996. – № 2–1 (6–7). – С. 16–20.

⁵ Бейліс В. А. П. Ковалівський у пошуках методів джерелознавчих досліджень // Східний світ. – 1995–1996. – № 2–1 (6–7). – С. 64–65.

⁶ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана // Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. – Вып. IX. – 64 с.

⁷ Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (далее – ЦГАМЛИ Украины), ф. 149, оп. 1, д. 6 [А. Ковалівський. Архів видання «Чуваши и болгары по данным Ибн-Фадлана» та інші матеріали листування з чуваськими ученими], 208 л.; д. 21 [Чуваши в XI–XII веках» (выписки, заметки, записки)], 15 л.

⁸ ЦГАМЛИ Украины, ф. 149, оп. 1, д. 6, л. 2.

⁹ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 6, л. 3–8.

¹⁰ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 6, л. 12–96.

¹¹ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 6, л. 97–142.

¹² Там же, ф. 149, оп. 1, д. 6, л. 143–187.

¹³ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 6, л. 203–207.

¹⁴ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 21, л. 5–7.

¹⁵ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 21, л. 2об.

¹⁶ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана... – С. 29, 45.

¹⁷ Димитриев В. Д. Об обосновании Н. И. Ашмариним теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1996. – № 1. – С. 183–200.

¹⁸ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана... – С. 5.

¹⁹ Там же.

БАЛКАНИ – УКРАЇНА: МІГРАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ, СОЦІОКУЛЬТУРНІ ВПЛИВИ, ЛЮДСЬКІ ДОЛІ

УДК 398(=161.2):323.3-054.73(=163.41)«17»

«СВОБОДА СВОГО ІМЕНІ»: СЕРБИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦІ У МОВНО-ФОЛЬКЛОРНОМУ ПРОСТОРІ УКРАЇНИ

О. О. Микитенко

Микитенко О. О. «Свобода свого імені»: серби-переселенці у мовно-фольклорному просторі України. У статті розглядаються згадки про сербів-переселенців у XVIII ст., які зберігає український традиційний фольклор. У таких жанрах фольклору, як історичні та обрядові пісні, весільні пісні та балади, народна лірика та жартівливі пісні, зустрічаємо етнонім «серб», «сербин». В історичних переказах подій козацької доби натрапляємо на згадки про перебування сербів на українських теренах, про що, крім фольклорних текстів, свідчать і численні топоніми на географічній карті України.

Ключові слова: серби; переселення; фольклор; мова; Україна.

Микитенко О. О. «Свобода своего имени»: сербы-переселенцы в языковом и фольклорном пространстве Украины. В статье рассматриваются упоминания о сербах-переселенцах в XVIII в., сохранившиеся в украинском традиционном фольклоре. В таких фольклорных жанрах, как исторические и обрядовые песни, свадебные песни и баллады, народная лирика и шуточные песни, встречаем этноним «серб», «сербин». В исторических преданиях периода казачества находим указания на пребывание сербов на украинских землях, о чем, наряду с фольклорными текстами, свидетельствуют многочисленные топонимы на географической карте Украины.

Ключевые слова: сербы; переселение; фольклор; язык; Украина.

Mykytenko O. O. “One’s Name Freedom”: Serbs-Migrators in the Ukrainian Folklore and Language. The paper deals with the Ukrainian traditional folklore records of Serbs-migrators in XVIII cent. In different folklore genres, – in historical and ritual songs, in wedding songs and ballads, in folk lyrics and comic songs, one can find the ethnonym “Serb”, “Serbin”. Historical legends of the Cossack period, as well as Ukrainian toponyms testify to Serbs’ settling in Ukraine.

Keywords: Serbs; migration; folklore; language; Ukraine.

Звертаючись вже не вперше до цієї теми¹, переконуємося, що кожний факт, пов’язаний із сербами-переселенцями на українські терени, стає підтвердженням значної ролі, яку відіграв цей етнос в історії України. Всюди, де опинилися у XVIII ст. серби-переселенці у пошуках кращої долі і «нової Сербії», їхнє життя так чи інакше переплелось з долею українців та представників інших етнічних груп. Охороняючи кордони з Польщею і Туреччиною, несучи службу на численних форпостах, вони сприяли освоєнню території, економічному розвитку та перетворенню міст з військово-адміністративних центрів на торговельно-промислові, залишили свій слід у суспільно-культурному житті України.

Вагомим є внесок переселенців у розвиток і формування народної культури – її загальних та етно-регіональних тенденцій. Відірвані від своєї етнічної матиці і розселені на терені активних етнокультурних взаємозв’язків та взаємовпливів поліетнічного регіону півдня України, серби в етнічному середовищі України швидко зазнали асиміляції. Простеження цього процесу, зокрема присутності сербського субстрату в усній народній традиції, дає можливість з’ясувати головні тенденції та закономірності розвитку міжетнічних культурних зв’язків, специфіку етнокультурного розвитку країни.

Території для поселень сербів дістали назву Нова Сербія (створена у 1752 р.) та Слов’яно-Сербія (створена у 1753 р.). Вони проіснували недовго, у 1764 р. були ліквідовані й увійшли до складу Новоросійської губернії. Починаючи з другої половини XVIII ст., переселення виходить за межі сербського етнічного середовища і втрачає масовий характер. Вважається, що загальна кількість сербів, що переселилися в Україну у XVIII ст., не перевищила 10 тис².

Переходячи в російське підданство, одружуючись в Україні, серби-граничари поступово розчинялися серед місцевого населення. Вони ніколи, на відміну від греків або болгар, інших етнічних груп, що переселилися в Україну, не прагнули замкнутого життя і відособлення. Розселені вже на початку двома досить віддаленими одна від одної смугами на кордонній лінії, що досить скоро перестали існувати, серби зазнавали неминучої і швидкої асиміляції. Ще за часи існування Нової Сербії і Слов'яно-Сербії як окремих адміністративних одиниць, ці території інтенсивніше заселялися українцями, ніж іноземними колоністами. Вже за указом 1852 р. серби, що переїздили на постійне проживання, повинні були селитися не окремо, а разом із старожилами. Процес асиміляції прискорювали генетична спорідненість, подібність мови та традиційної культури сербів та українців, спільна релігійна приналежність. До деякої міри серби намагалися ідентифікуватися з місцевим населенням ще й тому, що нерідко в Україні «сербами» називали бродячих циган, які, можливо, колись прийшли із Сербії через Румунію в Україну³.

Для багатьох переселенців «Сербія і Росія дуже швидко ототожнилися», в «Україні, цій колиці слов'янських народів, вони почували себе як вдома», зауважував у романі «Переселення» Мілош Црнянський⁴. Чи не вирішальне значення мало те, що переселенцям здавалося, що «Київ – це те місто, куди вони здавна прагнули і де колись жили», що «занесений снігом, схожий на чудову фата-моргану в снігу Київ з його околицями так нагадували Белград і милий серцю Варадин», а «скутий льодом широкий Дніпро був такий схожий на Дунай». Такими ж близькими і знайомими здавалися і степові простори України, де «пече сонце, величезне, схоже на соняшник», таке ж тепле та ласкаве, як і в рідній – залишеній – землі. Подібність традиційного побуту, мови і культури, навіть самого зовнішнього вигляду сербів і українців, описав у характерному для початку ХХ ст. романтичному дусі А. Кожухов, зауваживши, що «навіть сам тип серба дуже близько підходить до типу наших малоросів, особливо у жінок...; ілюзія подібності сербів до наших хохлів доповнюється ще й близькістю сербської мови до малоросійської»⁵. Цю мовну близькість сербів-переселенців і українців спостерігав сербський архимандрит Герасим Зеліч, зауваживши у своїх дорожніх нотатках: «Язык му је руски готов, кад је Србин и уме црквене књиге»⁶ («Має готову руську мову, бо є сербом і читає церковні книги»).

В. Ястребов, збираючи у 90-х роках ХІХ ст. матеріали з етнографії південних регіонів України, наголошував: «Серби, які дали основний матеріал для державної колонізації цього краю у минулому столітті, сьогодні вже розчинилися [...] без сліду, хоча немає сумніву, вони внесли до нього щось своє»⁷. Досить швидко асиміляцію сербів підтверджують листи, в яких переселенці згадують, що вже їхні діти не визнають себе сербами. Міжетнічні шлюби стали вирішальним чинником швидкої асиміляції переважно військового населення. Ці чинники призвели до того, що, за даними, опублікованими в Енциклопедичному словнику Брокгауза і Ефрона, в Росії на початку ХХ ст. офіційно значилося всього близько 2 тис. югослов'ян, а за переписом населення 1926 р. сербів було зафіксовано в Україні лише 386 осіб у селах і приблизно така ж кількість у містах. За пізнішими статистичними даними та етнічними картами сербів в Україні вже не зафіксовано. Певно, пророчими виявилися слова генерала австрійської армії Енгелсгофена, звернуті до молодого серба Симеона Пишчевича, капітана австрійського війська, у подальшому офіцера у російській службі: «Я не заперечую, що там вони зустрінуть теплу гостину. Проте, в цьому вбачається політика. Все це з часом буде втрачено й обернеться навпаки, і онуки, правнуки їхні не знатимуть свого справжнього походження, втратять свободу свого народного імені»⁸.

Натомість «свободу імені» сербів було збережено у народній традиції – в українській мові і культурі. Зокрема, чимала лексична група української мови – етніміми, антропоніми, топоніми пов'язана із сербським етносом. Про сербське походження населення промовисто говорить значна кількість прізвищ з основою «серб», часто з характерним для української мови закінченням *-енко*: Сербин, Сербиненко тощо. На географічній карті України і сьогодні зустрічаються назви сіл чи містечок, що колись заснували переселенці: Самбор (сучасна Диківка), Требинське (сучасне Петрове), Буковар (сучасне Букварка), Федвар (сучасне Підлісне), Беча, або Бечка (сучасна Олександрія), Вараджин (сучасна Протопопівка), Печка, або Пекине (зараз Коробчине), а також Надлак, Каніж, Панчеве, Косівка, Павлиш тощо. І звичайно, відновлена історична назва Артемівська –

Бахмут, засновано у 1751 р. Дослідники нарахували в Україні 23 топоніми з основою «серб»⁹. Вони вважають, що можна виділити два основних райони, де розміщувались поселення, назва яких походить від одного кореня – серб. Перший умовний пояс населених пунктів проходить по території тодішньої Західної України. Тут були: Сербинів біля Волочиська, Сербо-Слобідка під Новоград-Волинським, Сербинівці неподалік од Вінниці, Сербенівка, Сербанівка, Сербичани, Сербинівка і два селища Серби. Інший пояс: від Могилів-Подільського на південь до Одеси, охоплює територію сучасної Миколаївської області. І тут зустрічаються села, селища, хутори з деякими переліченими вище назвами, на зразок – Сербулівка, Слов'яносербка, Сербка. Цікавим фактом є й те, що одна частина колишнього адміністративного центру Нової Сербії – Новомиргорода – ще у 20-ті роки нашого століття називалася Черногорією; цю ж назву й досі носить частина села Софіївка біля Новомиргорода.

Лінгвістичні дані, поряд із мемуарною літературою та документами тих часів, є чи не найвагомішим джерелом пізнання історичної долі переселенців. Згадки про сербів збережено і в українському фольклорі. Розглядаючи ці свідчення, які не втратили фольклорна пам'ять, переконуємося в тому, що глибокі інстинкти національного самозбереження і попри асиміляційні тенденції підтримували життєдайні течії національної культури, котрі закономірно вели до об'єднання духовних традицій слов'янських народів.

«До самого Києва можна було їхати через села, які мали назви бачських, сремських і славонських сіл. Куди не підеш, всюди лунає сербська пісня», – писав М. Црнянський¹⁰. Невже це насправді було? Сербська народна пісня, така ж щира і мелодійна, широка і вільна, як і українська, – пісня, що зберігає для нації «свободу імені», зникла з фольклорної пам'яті України, історичну долю народу якої розділили серби на шляху пошуку свободи та підтвердження національної гідності.

«По відношенню до буттєвої правди, – писав Микола Костомаров, – народна історія значною мірою вимисел, але це не заважає їй бути часто правдивішою від нашої»¹¹. Нового імпульсу у збереженні усної історії надає активізація вивчення козацьких старожитностей в Україні, що так чи інакше зачіпає й питання про сербів в українському фольклорі. Збереження її пов'язується з вивченням козацької старшини, водночас активізація таких досліджень призводить до вивчення визначних сербських родів та їхніх нащадків в Україні¹².

Окрема сторінка в історії сербських поселень – участь у козацькому війську. Ще на початку XVIII ст. чимало сербів посіли в українських козацьких полках старшинські посади, чимало сербів було і серед рядових козаків. Тяжке життя поселенців, знущання з боку офіцерів, а також відомості про героїзм січовиків змушували сербів поодинокі і групами втікати на Січ. Командування вживало заходів, щоб повернути втікачів. Так, у липні 1756 р. генерал-майор І. Хорват скаржився київському віце-губернатору, що три серби втекли на Січ і їх не повернуто. В грудні того ж року генерал-майор Р. Прерадович із Слов'яно-Сербії писав у Київ, що з його кінного полку втекло нижніх чинів «до несколько человек». Із списку, доданого до листа, видно, що мова йде про 115 втікачів. Втікали поодинокі, а також цілими сім'ями.

У регіональних фольклорних збірниках, що подають історичні перекази подій козацької доби, натрапляємо на згадки про перебування сербів, збережені у численних топонімах і пов'язаних із ними переказами. Серед них є переказ про «Сербинське поле», що біля Диканьки, назва якого пов'язується із давнім бойовищем, яке сталося тут за часів Івана Виговського: «... не був він у злагоді із полтавським полковником Мартином Пушкарем. Той відмовився виконувати вказівки Виговського. Тоді гетьман послав на непокірного полковника загін найвірніших йому вояків – сербів на чолі з Іваном Сербиним та деяких козаків [...] На полі, під Рогом, і зустрілися. Загриміли гаківниці, заблищали шаблі, зачервоніло поле від крові та сорому, бо підняв руку брат на брата, хоч немало ворогів топтали тоді лани українські. Розбили пушкарівці сербинський загін. Три сотні сербів полягло тут, деякі втекли, а багатьох захопили в полон. Бранців поселили коло сього ж поля під Диканькою, в Жуковій балці, заборонивши їм мати зброю або вирушати будь-куди. І жили вони там деякий час. Старі люди розповідали, що крім землеробства, вельми зугарні були ті серби на гончарство. А по глину ходили аж під Опішно...»¹³.

Найтиповіші картини історичної дійсності втілили історичні пісні – усні літописи українців. Серед них є цикл пісень, об'єднаних загальною назвою «Ой понад річкою, понад Синюхою»¹⁴, про те, як «канави копали» на «лінії». Із будівництвом фортифікаційних укріплень на Правобережній Україні в 30–40-х рр. XVIII ст. вздовж російсько-польського кордону, що проходив по річці Синюсі, пов'язується створення сербських гусарських полків. Українське населення працювало на будівництві воєнних укріплень в різні часи і в різних місцях, через що в піснях відбилися події різних часів, переплелися мотиви гайдамацьких та солдатських пісень, а важкі земляні роботи підневільних козаків названо «сибірною» – каторжною працею.

Серед пісень та переказів про Запорозьку Січ чи не найбільше народну пам'ять вразили події, пов'язані із знищенням Січі російською армією. Фольклорні тексти засвідчили участь серед «московських генералів» сербів, зокрема генерала П. Текелію, війська якого, повертаючись з турецького фронту, 4 червня 1775 р. в день св. Трійці (Зелену неділю) зненацька оточили Січ з усіх боків та взяли її («Ой не жалуйте ви, славні запорожці»¹⁵). Більшість козаків, обдуривши Текелію, під прикриттям нібито риболовлі, подалися човнами до Чорного моря, а звідти в Туреччину. Ця подія яскраво описана у переказі «Лихо прийшло на Зелені свята». Зруйнування Січі – символу національної гордості і волі – було сприйнято народом як велику трагедію і детально відтворено у прозових та поетичних фольклорних текстах.

Землі колишньої Січі, що увійшли до складу Єкатеринославської губернії, Катерина II роздала царським офіцерам та генералам, серед яких було й чимало сербів. Згадкою про те, як «одібрали всі волості запорізькі», пройнято, зокрема, історичну пісню «Ой з-під города, а з-під Слисавета»¹⁶. Сербський архімандрит Герасим Зелич, який у 1782 р. перебував в Україні і відвідав деякі маєтки біля Новомиргорода писав: «Тут я знайшов пана майора Йована Скорича, мого найближчого сусіду з Меджеди у Далмації, і багатьох інших сербів... І інших поважних панів я зустрів тут: славнозвісного генерала Текелію, генерала Чорбу і генерала Хорвата з Банату, графа Івана Подгоричанина з Чорногорії, генерала Пишчевича і князя Анта Стратимировича, генерала з Нового Ерцег біля Боки Которської...»¹⁷.

Та як справедливо зауважив автор «Переселення», «кожний створює собі безсмертя по-своєму». Якщо про одних пишуть історики та мемуаристи, то інші навіки вписали своє ім'я в фольклорну пам'ять. У таких жанрах українського традиційного фольклору, як весільні пісні та балади, котрі найяскравіше відображають міжетнічні зв'язки, зустрічаємо етнонім «серб», «сербин». Зокрема, на всій українській етнічній території побутувала балада про дівчину, яка на вимогу свого коханця отруїла брата, і цим коханцем є «сербин»¹⁸. Саме органічне вплетення етноніму «сербин» у текст різнотериторіальних фіксацій балади наштовхнуло у свій час Я. П. Новицького на думку, що баладу було занесено в Україну у XVIII ст. сербами¹⁹.

Балада є широковідомою у багатьох європейських фольклорних традиціях, у тому числі слов'янських, а в українській фольклорній традиції належить до кола найвідоміших сюжетів. Баладу, за свідченням О. Кольберга, співали дівчата на вечорницях. А Шевченковий «Перебендя» згадує її серед пісень кобзарського репертуару, саме тих, які співалися у корчмі у парубочому колі. Вже на той час етнонім «сербин» є характерною ознакою тексту:

Отакий-то Перебендя,
Старий та химерний:
Заспіває про Чалого,
На Горлицю зверне;
З дівчатами на вигоні –
Гриця та веснянку,
А у шинку з парубками –
Сербина, Шинкарку...²⁰.

На прикладі більш пізніх записів можна простежити певні закономірності розвитку жанру, зокрема включення у текст балади фрагментів, характерних для соціально-побутової пісні. Таким є варіант, записаний у Сумській області 1954 р., у якому передчуттям

драматизації сюжету стає протиставлення двох топосів – широкого поля як дівочого, простору «чужому», – корчмі, де сербин «п'є горілочку». Протиставлення двох топосів стає основою подальшого розвитку баладного сюжету:

Ой у полі на роздолі
Пасла дівка воли й коні.
Що пасучи погубила,
Шукаючи заблудила.
Приблудилась до шиночку,
Де п'є сербин горілочку²¹.

Нарешті, прикладом контамінації балади і сатиричної пісні стає запис, що складається з вочевидь діахронічно різних блоків – експозиції та основної частини. Варіант має виразну критичну спрямованість і вже на початку наголошує на незнанні сербином, який «сокирою ячмінь косить», основних селянських робіт:

Ой по горі сербин ходит,
Сокирою ячмінь косит.
Сокирою ячмінь косит,
За нім дівча їсти носит²².

Тематично цей варіант належить до кола жартівливих пісень про сербів-переселенців, а найповнішим є варіант із с. Олексіївка Єлисаветградського повіту, поданий свого часу В. Ястребовим²³. Пісню варто розглядати не лише як поетичний документ з історії краю, але й як свідчення фольклорного сприйняття сербського військового населення українцями. В. Ястребов, друкуючи текст, наголошував, що пісня сповнена «зневажливо-іронічної атмосфери, так характерної для стосунків українського населення та сербів-переселенців». Історично точно передані М. Црнянським складні, особливо на початку, взаємостосунки українських селян та військових сербів, у народній традиції було транспоновано у жартівливу пісню, яка зобразила серба як вусатого джанджика, красеня-кавалериста і спокусника дівчат. Не звичний до сільської роботи, він не має хати і не має майна, має лише коня, – живе весело, любить солодко попоїсти, випити та погуляти, лишаючись чужим і цій землі і цьому народові. Звертає увагу дієслово сербувати / сербовати, яким характеризується його життя. Такою є характеристика серба у цьому невеличкому фольклорному тексті, який через його унікальність наводимо повністю:

Ой сербине черноусий,
Чого в тебе кафтан куций?
– Суки дівки підпоїли
І кафтана підкроїли.

Сербин милий, чорнобривий,
Сербин не багатий –
За ним дівки стадом ходять,
Як товар рогатий.

За сербином добре жити,
Що нічого не робити,
Горілочку та мед пити,
Хорошенько походити.

У сербина вечеря:
Щодня курка печена,
Варенички в маслі,
Черевички красні.

Ой сербине, сербиночку,
Годі сербувати:
Бери серп, та йди в степ
Пшениченьку жати!

Сербин того не злюбив,
Тільки усом закрутив,
Пішов, коня осідлав,
«Прощай, дівчино», сказав.

У сербина чужа хата,
Бо й сам сербин, як гармата,
Худибоньки тільки в його
Серп та плахотка картата.

Чом сербина не любить,
Чи не подобонька?
Як сів на коня,
То й вся худобонька.

Пісня, ймовірно, була досить популярною на той час, про що свідчать її варіанти та фрагментарні фіксації (пор.: Ой сербине, гусарине, годі сербовати; / Озьми серп, іди в степ пшениченьку жати²⁴; Ой сербине, сербиночку, годі сербувати, бери серп та йди в степ пшениченьки жати²⁵), у яких, так само, як і у тексті В. Ястребова, вжито дієслово сербувати / сербовати. Пояснюючи його, Б. Гринченко наводить «основне значення: бути сербом», проте підкреслює, що «зустрічається лише у значенні: служити найманцем у війську»²⁶.

На завершення наведемо ще одне свідчення – літературне. В «Енеїді» І. П. Котляревського, яка вважається «енциклопедією» українського побуту кінця XVIII – початку XIX ст., в описі бою троянців і ритульців знаходимо такі рядки:

Пішли кулачні накарпаси,
В виски і в зуби стусани;
Полізли тельбухи, ковбаси,
Всі пінили, як кабани.
Всі роз'ярилися через міру,
По-сербськи величали віру,
Хто чим попав, то тим локшив²⁷,

де «по-сербськи величали віру» означає «лаялися матерщиною»²⁸.

Етнічні стереотипи, як відомо, є надзвичайно стійкими категоріями, котрі входять у свідомість народу і назавжди лишаються в фольклорній пам'яті, стаючи свідченням його непростой історії. Знаходити ці збережені фольклором згадки, які склала народна увага і мудрість, поетичний хист та гостре дотепне слово, означає вирішувати актуальні проблеми «збирання» національної культури та відродження духовної традиції, прикладом збагачення якої був діалог українського і сербського фольклору. Новий час і нові події змушують прискіпливіше вдивлятися у кожне свідчення народної пам'яті, якою живиться ідентичність народу.

¹ Див.: *Микитенко О. О.* Фольклорні згадки про переселення сербів в Україну у XVIII столітті // Під одним небом: Фольклор етносів України. – Київ, 1996. – С. 140–156; *Її ж.* Переселення сербів і український фольклор // Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века: Зб. радова са међунар. науч. скупа у Новом Саду, 7–9 маја 2003. – Нови Сад, 2005. – С. 491–503; *Її ж.* Український фольклор про сербів-переселенців на теренах Слов'яно-Сербії та Нової Сербії // Етнологія – Фольклористика – Культурологія: VI Міжнар. конгрес українців (Донецьк, 28.06.–1.07.2005). – Донецьк–Київ, 2005. – С. 161–174; *Її ж.* Сербія в українському фольклорі // УКРАС / Гол. ред. Д. Айдачич. – Вип. 1(4). – 2009. – С. 231–239.

² *Исторія српског народа: Срби у XVIII веку.* – Београд, 1986. – С. 250.

³ *Баранников О. П.* Українські цигани. – К., 1931. – С. 5, 24.

⁴ *Црнянский М.* Переселение. – Кн. 2. – М., 1978. – С. 418.

⁵ *Кожухов А. Н.* Сербия и сербы. – Каменец-Подольский, 1915. – С. 7–8.

⁶ *Житије Герасима Зелића.* – Београд, 1897. – С. 67.

⁷ *Ястребов В. Н.* Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветград-

ском и Александрійском уездах Херсонской губернии. – Одесса, 1894. – С. 1.

⁸ *Лишчевий С.* Мемоари. – Београд, 1963. – С. 89.

⁹ *Дяченко В.* Про назви населених пунктів України етнімічного походження // Питання топоніміки та ономастики. – К., 1962. – С. 161–162.

¹⁰ *Црнянський М.* Переселение. – С. 403–404.

¹¹ *Костомаров М.* Історія України. – К., 1991. – С. 178.

¹² Див. зокрема: Видатні постаті сербських переселенців ХУІІІ // УКРАС/ гол. ред. Д. Айдачич. – Вип. 1(1). – 2006. – С. 111–112.

¹³ Сербинське поле – поле незгоди. – У зб.: *Посухов В.* Сім трав біля семи криниць: Пригорща полтавських легенд. – Полтава: Б.м., 2003. – С. 54–56.

¹⁴ Історичні пісні. – К., 1961. – С. 540–545.

¹⁵ Там само. – С. 565.

¹⁶ Там само. – С. 553.

¹⁷ Житије Герасима Зелића. – С. 78.

¹⁸ *Микитенко О.* До проблеми генетичних збігів та запозичень у слов'янському фольклорі: баладний сюжет про «сестру-отруйницю» // Заједничко у словенском фолклору: зб. радова / уредник Љубинко Раденковић. – Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. – С. 143–157.

¹⁹ Киевские губ. ведомости. – 1871. – № 106.

²⁰ *Шевченко Т.* Кобзар. – К., 1956. – С. 16–17.

²¹ Балади. Кохання та дошлюбні взаємини. – К., 1987. – С. 85.

²² Українські балади / Упор. М. К. Дмитренко. – К., 1993. – С. 12.

²³ Песня о сербе. – Сообщ. В. Ястребов // Киевская Старина. – Т. X. – 1884. – С. 757–758.

²⁴ Из записок сенатора А. Я. Стороженка // Киевская Старина. – Т. X. – Дек. 1884. – С. 459.

²⁵ Словарь украинского языка / Ред. Б. Д. Гринченко. – К., 1909. – Т. IV (Р–Я). – С. 114.

²⁶ Там само – С. 114.

²⁷ *Котляревський І. П.* Енеїда // Котляревський І. П. Твори у двох томах. – Т. 1. – С. 234.

²⁸ Там само. – С. 340.

ОБРАЗ СЕРБІВ У ІСТОРИЧНО-ПРИГОДНИЦЬКІЙ ПОВІСТІ «МИХАЙЛО ЧАРНИШЕНКО» ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛІША

Д. Айдачич

Айдачич Д. Образ сербів у історично-пригодницькій повісті «Михайло Чарнишенко» Пантелеймона Куліша. Автор аналізує історично-пригодницьку повість «Михайло Чарнишенко – або Малоросія вісімдесят років тому» Пантелеймона Куліша (1843), написану російською мовою. В повісті, у якій йдеться про події 1762 року, доля пов'язує в останній частині твору головного героя з сербами – баном Радивоем та його донькою Роксандою. Розглядаються етнічні стереотипи сербів як напівазіатів та їх любов до народної пісні у контексті реалій і мотивів повісті П. Куліша.

Ключові слова: етнічні стереотипи; серби; Пантелеймон Куліш; історичний роман; сербські народні пісні; народні звичаї.

Айдачич Д. Образ сербов в историческо-приключенческой повести «Михаил Чарнишенко» Пантелеймона Кулиша. Автор анализирует историко-приключенческую повесть «Михаил Чарнишенко – или Малороссия восемьдесят лет назад» Пантелеймона Кулиша (1843), написанную на русском языке. В повести, действие которой происходит в 1762 году, судьба связывает в последней части произведения главного героя с сербами – баном Радивоем и его дочерью Роксандой. Рассматриваются этнические стереотипы сербов как полуазиатов, их любовь к народной песне в контексте реалий и мотивов повести П. Кулиша.

Ключевые слова: этнические стереотипы; сербы; Пантелеймон Кулиш; исторический роман; сербские народные песни; народные обычаи.

Ajdačić D. The Image of Serbs in Historical-Adventure Novel “Mykhailo Charnyshenko” by Panteleymon Kulish. The author analyzes the historical-adventure novel “Mykhailo Charnyshenko, or Little Russia Eighty Years Ago” by Panteleimon Kulish (1843) written in Russian language. In novel that takes place in 1762, the fate connects the main character of the novel with Serbs – ban Radivoy and his daughter Roksanda. The author considers ethnic stereotypes of Serbs as a halfasian, their temperament, their folk songs in the context of realities and motives of the Kulish’s novel.

Keywords: ethnic stereotypes; Serbs; Panteleymon Kulish; historical novel; Serbian folk songs; folk customs.

Молодий Пантелеймон Куліш написав першу версію історичної повісті «Михайло Чарнишенко» ще коли навчався в Київському університеті. Про це свідчить лист Михайла Юзефовича до Михайла Максимовича від 2 грудня 1841 року, де серед іншого зазначено, що твір побудований на родинній історії дружини Михайла Юзефовича¹. Покровитель молодого письменника посприяв виданню його книги російською мовою у Києві в 1843 році.

Підзаголовок історичної повісті «Михайло Чарнишенко – або Малоросія вісімдесят років тому» та перше речення «Років з вісімдесят тому жила Україна ще своїм власним життям» визначають, що пригоди Михайла Чарнишенка відбуваються у шістдесятих роках XVIII століття. Можна ще точніше вказати на рік подій – 1762. Тоді імператор Росії Петро III планував напасти на Данію, щоб повернути Гольштейн Шлезвігу. Це було півстоліття після поразки Мазепи, за рік до усунення Кирила Разумовського як гетьмана у 1763 р., за два роки до обмеження прав козаків і зникнення гетьманської держави з введенням Другої Малоросійської колегії 1764 р. та тринадцять років до остаточного знищення Запорозької Січі (1775 р.).

У повісті поєднуються любов до старосвітського побуту, старих звичаїв та ладу життя з пригодницькою історією, написаною під впливом романів Вальтера Скотта та Міхала Грабовського. Про вплив Вальтера Скотта зазначили Б. Нейман (1927)², В. Петров³, Р. Багрій (1993)⁴, Н. Беляєва (2001)⁵, Д. Чик (2014)⁶. Сам Куліш у спогадах підкреслює свою повагу до польського письменника М. Грабовського, з яким він познайомився в його маєтку Олександрівці та потоваришував⁷. Головний герой Михайло – запальний юнак, який, не слухаючи батька, без його благословення залишає домівку, кохану Катерину й посаду

канцеляриста та з запалом їде до козацького полку війська російського царя Петра III воювати з голштинцями. Мандрівка веде його до сербського бана Радивоя. В останній частині повісті в героя закохується донька Радивоя – красуня Роксанда.

Сам Куліш у мемуарах про життя згадував час, коли він писав та опублікував повість «Михайло Чарнишенко». Негативну критику Осипа Сенковського, більш відомого як барон Брамбеус, на свою повість він відкидав як думку поляка, а підкреслював, що інший російський критик Степан Шевирьов позитивно сприйняв його роман. Про сербські образи та мотиви у повісті «Михайло Чарнишенко» згадували М. Зеров⁸, Д. Дорошенко (1922)⁹, В. Башманівський, Л. Башманівська (2009)¹⁰, Л. Задорожна (2010)¹¹, Т. Матвеева (2010)¹², Л. Нечаюк (2011)¹³ та ін.

Більше уваги сербським мотивам присвятила Олена Дзюба в оглядовому тексті «Образи сербів в українській літературі», що охоплює твори українських письменників від Пантелеймона Куліша до романів Олександра Устенка (2000) та Вадима Пеунова (1999)¹⁴. Львівський дослідник Євген Нахлік аналізованому тут твору присвятив декілька сторінок у книзі «Українська романтична проза 20–60-х років XIX ст.» (1988)¹⁵ та ґрунтовному дослідженні «Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель»¹⁶. Він звертає увагу на вказані автором джерела знань про сербів, про риси героїв та їхнє ставлення до козаків¹⁷. Львів'янин Василь Івашків, поєднуючи знання фольклориста та літературознавця, показав захоплення Куліша-романтика Гомером, народними піснями¹⁸.

У цьому тексті ми хотіли б розглянути деякі аспекти повісті молодого Куліша більш детально, ніж у попередніх літературознавчих працях.

Про сербську мову в повісті Пантелеймона Куліша

Олена Дзюба у згаданій статті пише: «Суттєвою при створенні образу Радивоя є і його мовна характеристика. Бан щедро пересипає свою мову народно-пісенним зворотами, образами, сербськими словами»¹⁹. Євген Нахлік стисло і влучно змальовує способи використання сербських слів: «Серед українських письменників Кулішеві належить перша спроба впровадження до літературного тексту *сербських слів та висловів сербської народної пісенності* у вигляді аплікацій, парафраз, алюзій, зокрема згадок про оспіваного в народі «славного витязя» Марка Кралевича»²⁰.

У повісті Куліша «Михайло Чарнишенко» Радивой та інші серби вживають рідномовні слова, які письменник наводить та дає пояснення їхнього значення. Можна припускати, що Куліш користувався сербсько-латинсько-німецьким словником Вука Караджича («Српски рјечник», 1818). Коли у тексті використовується слово «Храбар», письменник звертає увагу на фонетичну особливість, що серби не вимовляють звук 'х'. Літеру 'х' Вук Караджич увів у четинському виданні прислів'їв «Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи» (1836). В алфавіті з «Буквара» 1827 р. у переліку літер знаходиться 'х', але у тексті Караджича її немає. Про невикористання сербами літери 'х' Куліш міг дізнатися від учителів-славістів або з книг. Сербські слова, які він використовує без перекладу, часто стосуються боїв та збройних зіткнень: *кула* (укр. башта), *баряктар*, *гайдукувати*, *кавга*, *мейдан*, *джевердана*, *освета*, пов'язані з лексикою народних пісень, але наводить автор також слова *гуя*, *друм*, *крило*, *книга* (у значенні лист) *побро* (від побратим). Коли письменник використовує слово *нахія* у реченні «бан повернеться до своєї нахії»²¹, він дописує широку примітку до тексту зі щорічника «Даница» Вука Караджича для 1827 року, якою пояснює, що це назва успадкована від тюрків для назви територій, з котрих складається пашалик. Мотив гайдукування виступає декілька разів, а автор опирається на текст Юрія Венелина²² про пісні задунайських слов'ян. У мові бана та його підлеглих сербів П. Куліш використовує також образні назви для людей *гуя*, *десно крило*. Деінде у тексті вказується на значення виразів, наприклад, до слова *освета* (*помста за убивство*), додається вираз «кажуть у них *освятити дуцу убитого*».

Цікавим є слово *бан*, що багато разів повторюється. У примітці автор пише: «Ватажки їхні, що ділили Сербію поміж себе на багато клаптів і які звали себе *крялями банами, князями та войводами*». Воно більш притаманне західним говіркам та хорватській історії. Куліш дає пояснення: *бан у сербів значить князь*. Розлучений бан, крім образливого *гуя*, вживає зневажливі слова українських говірок як *гунсвот* (гунцвот). Запорожець Мартин

Щербина, якому бан подарував життя, стає близьким до бана. Він намагається іноді використовувати і сербські слова, наслідуючи бана. До цього бан жартівливо ставиться, виражаючи це словами, що шаблею він краще володіє ніж мовою.

Народні думи у світобаченні бана та письменника

Вук Караджич у сорокових роках ХІХ ст. у слов'янському світі був визнаним ученим, письменником і членом кількох наукових товариств та академій, отож не дивує, що Куліш у історичній повісті показав добру обізнаність із сербською народною епічною піснею.

Сербські народні пісні завдяки книгам Вука Караджича були загально відомими освіченим слов'янам. Коли Михайло Максимович робив свою добірку українських народних пісень, він мав взірць збірки Вука Караджича. Розподіл пісень на чоловічі та жіночі підтверджує, що Максимович був хорошим знавцем праці Караджича та його збірок сербських народних пісень. Той факт, що кандидатура Караджича розглядалася як можлива на посаду викладача Київського університету св. Володимира²³, підтверджує повагу до нього в українському освіченому суспільстві. На той час вже були відомі переклади Терези Албертини Луїзи фон Якуб німецькою²⁴, Востокова та Пушкіна російською²⁵, Джона Боуринга англійською²⁶, а в альманасі «Русалка Дністров» (1837) і перші українські переклади з сербської мови – ліричних народних пісень із «Песнарици» Караджича (1814). Ізмаїл Срезневський після знайомства з Вуком Караджичем у Відні в 1841 р., опублікував у Москві у 1846 р. першу його біографію²⁷, а за його сприяння Караджич став почесним доктором університету у Харкові.

Олена Дзюба пише про щедре використання фольклорних мотивів у повісті «Михайло Чарнишенко»²⁸. Літературознавець Євген Нахлік згадує збірки Караджича першого видання у Лейпцігу, але з огляду на обмеження обсягу не присвячує уваги деталям посилок та питанню, які саме пісні згадано²⁹, що надає нам можливість проаналізувати, які ж персонажі й мотиви використано. Євген Нахлік згадує також джерела Куліша за його авторськими примітками. Стосовно сербів це сербські народні пісні Вука Караджича (видання в Лейпцігу), його альманах «Даница» (1827) та праця Юрія Венелина «О характере народних песен у словян задунайских» (1835).

Пантелеймон Куліш під час написання повісті міг користуватися перекладами, але вмиле оперування сербськими думами дозволяє припускати, що письменник міг їх читати в оригіналі сербською мовою. Коли в повісті П. Куліш пише «річка тече кривава й укрита трупом», це алюзія пісні найстаршої епохи «Марко Краєвић познаје очину саблю», в якій дівчина-туркиня витягає важко пораненого бійця з кривавої річки Мариці (серб. «Од сунца се вода замутила, Ударила мутна и крвава»). Автор наводить описи із сербських пісень: «видно кризь їхні рани чорну-печінку», що справді є поширеною епічною формулою «виде му се цигерице беле/црне» (з пісень ІІІ-ої книги Вука Караджича «Гавран харамбаша» та «Женидба Сењанина Иве», а також «Анђелко Вуковић и Синан кесеција» (з ІV книги). У тексті зустрічаються також усталені епітети, формульні словосполучення «моє десно крило», «руйно вино», *пушку джевердану, гуйо лота, ситна книга, тридесет на еднога, керваві врани, между очі чарне, як співається в Сербських піснях*. Коли бан звертається до запорожця («О Щербино, моє десно крило! – оповідав Радивой маніром сербських пісень, на який була настроєна його уява»), письменник представляє читачу як особливість серба його мислення народними віршами. У повісті так зображено, що серби говорять і в побутових ситуаціях високим стилем народних пісень. Іноді письменник дає пояснення «*Изйти на мейдан юначки, мейдан диелити, у Сербів значить – вийти на герць*», або дає повний десятистопні сербський вірш у транслітерації «*Авай, побро! весела ті майка!*».

Деякі прикметників повторюється у сталих зворотах *грізний бан, лотий бан, похмурий бан, невгамовний бан*, що дозволяє читачеві подумати, що вони є сталими епітетами народних пісень сербів. Таких словосполучень немає у збірках Караджича. Це підказує, що Куліш, розуміючи формульну поетику, вдало вигадував словосполучення під задуманий образ свого героя, бана Радивоя.

Примітки П. Куліша іноді спрямовані на те, щоб розвіяти сумнів у сказаному. Щоб читач не думав, що представлене – перебільшення, автор запевняє, що він саме так, су-

воро, описує дійсність. Героїчність образу Радивоя письменник підтверджує також його славним родоводом. Своїм славним предком Радивой називає у народній пісні оспіваного Вучка Любчича, який отримав кулу як нагороду за хоробрість, виявлену у перемозі над 60-ма ворогами³⁰.

Коли оповідач хоче представити усю красу та могутність бана Радивоя, він уявляє собі творця думи, що оспівує його. При цьому він вживає слово «бард», яке пов'язувалося після шотландського Осіяна Джеймса Макферсона зі співаками-майстрами. «Радивой у своєму півазіятському убранні: в шапці з білим пером, у блискучому панцері, з булавою Марка Кралеви́ча у руці, міг би надихнути того співця, якому дзвін зброї так само до душі, як і дзвін струн, і сербський бард у натхненній імпровізації своїй неодмінно сказав би, що кінь його стрибнув “на три списи уперед і на чотири уверх до неба”, як кінь Мілоша Войновича, що проводжав у весільному поїзді славетного краля Степана Сильного»³¹.

Письменник тут нагадує про славетну думу «Весілля цара Душана» («Женидба цара Душана»), в якій родич царя під виглядом пастуха допомагає уникнути усіх перешкод, які постають перед сватами. Кулішу сподобалася картина уявного «співця», тож трохи пізніше він продовжує: «Сербський бард вишукав би в природі фарби, що чудово пасували б і до образу грізного Радивоя, й пишного Щербини, й стрункого Михайла».

Улюблені пісні Радивоя – пісні про героя Марка Кралеви́ча, які він і сам співає на коні, як пісню про смерть Кралеви́ча Марка «почав оп'ять він наспівувати про те, як Марко Кралеви́ч, умираючи, потрошив на шматки свою шаблю щоб вона не дісталася туркам»³² або «мугикуючи крізь зуби улюблену свою пісню про те, як Марко Кралеви́ч знайшов батьківську шаблю»³³. Шабля з двох народних пісень про Марка Кралеви́ча (у перекладах Михайла Старицького, Марка Короленка чи Марка Королевича) має значення і для сюжету самої повісті (пісні «Смрт Краљевића Марка», «Марко Краљевић познаје очину сабљу»). Коли Радивой знаходить шаблю незнайомця, Щербина, як посередник між баном Радивоем та його донькою, рятуючи голову Михайла, сербу нагадує його улюблену пісню та порівнює вчинок Роксанди з вчинком дівчини-туркені: «по-християнському милосердію, точнісінько так, як та *туркєня дівойка, що перейняла порубаного юнака на річці Марици...* Пам'ятаєш, як у вас співають у пісні?... А юнак, той вже ніхто ж був, як батько вашого Марка Кралеви́ча»³⁴.

Цікавими є роздуми Щербини, який порівнює сербський народний інструмент гусли з бандурою. «От сміха! Хотять на одній струні славити своїх предків! Хіба ж так прославляють у нас хорбрих лицарів? Як зарокочеш на всіх тридцятьох струнах бандури, то здасться, немов душі загинувших у бою козаків зібралися навколо тебе роєм та заговорили під стук ковшів та дзвін шабель»³⁵.

Можливо, уявлення про вигляд гусел та гусяляра Куліш отримав з гравюри, надрукованої у другій книзі сербських народних пісень. Караджич у листі до Єрнея Копитара від 27 серпня 1823 р. описує малюнок (Zeichnung): «Еро сједи, пак дигао главу, какогођ Слијепац Виллип, а остали се око њега начетили па слушају». («Еро сидить, підняв голову, нібито старий гусяляр Пилип [Вишніч], а інші зібралися коло нього та слухають»). Сербський фольклорист Воїслав Йованович припускає, що в образі гусяляра зображений сам Вук Караджич³⁶.

Сербські народні пісні відтворюють «локальний колір» екзотичного світу, підкреслюють його суворість та криваву історію сербів, також їхню пам'ять в усній традиції.

Де знаходиться бан Радивой

За Оленою Дзюбою, пригоди приводять молодого Михайла до Нової Сербії. За історією, Нова Сербія з генералом Хорватом, а також Слов'яносербія Шевича і Прерадовича на Сіверському Донці у ці дні проживала останні дні. У самій повісті ці території не названі. Шляхи не ведуть Михайла до Нової Сербії, і тому немає підстав пов'язувати володіння бана з Новою Сербією. Нахлік теж згадує сербських переселенців та територію під владою сербських офіцерів, але він їх пов'язує з Слов'яносербією у луганському краю³⁷. Розбіжність у тексті Дзюби та Нахліка спонукає ретельно пошукати у повісті згадані топоніми, щоб визначити, якими шляхами рухався молодий Михайло, а також, чи письменник згадує ім'я когось з переселенців-офіцерів, пов'язаних з територіями, наданими сербам за наказом імператриці Катерини II.

Михайло від'їжджає з Глухова, згадується недалекий сумський Вороніж, рідне містечко Куліша. Він їде в Гадач, письменник згадує і ряд містечок, якими він мав би проїхати – тому що багко нареченої Михайла, полковий суддя Животовський їде за ним – шлях лежав через Ярославцев, Мутин, Конотоп, Стародубівку, Хмелів, Ромен та Липову Долину на відстані сто вісімдесят семи верст. Вирішив їхати цим шляхом, упевнений, що Михайло іншої дороги не міг обрати. На шляху Михайла згадуються річки Клевень та Сейм, «на самому кінці рубежа поміж Глуховським та Кролевецьким повітами» (XIV).

Коли через степ «бідний козак, з-під Ніжина». Серета, запорожець Щербина та Михайло заходять в гості до пана Бардака, запорожець добродію відповідає: «Добре “убрали вже нас у мішок” москалі своїми лініями, фортецями та *Сербськими ротами*; “треба їм ще вигадати: тільки, як зав'язати цей мішок”. Та що робитимеш, як що така воля божа! Не дарма ж у нас здавна ведеться пророцтво, що буде колись на Москві “Біла Цариця”, що розжене запорожців, немов диких чайок, по всьому світу!»³⁸.

Згадування «сербських рот» стосується недовговічних автономних утворень Нової Сербії та Слов'яносербії, як і нащадків сербських офіцерів, що приїжджали і в першій половині XVIII ст. Сери у повісті до того, як їх названо сербами, описуються за виглядом одягу: «червоні жупани христяться по християнському». В червоних жупанах, за історичними даними, були одягнуті вояки Ізюмського полку³⁹.

Літературознавець Василь Івашків писав: «На думку С. Шевирьова, очевидне новаторство Куліша полягало передусім в ідеї “відігнати характер одного племені іншим” [...], хоча письменник наче і не згадує про ворожнечу між козаками і новосербами, яка “була породжена поселенням новосербів у степу від річки Синюхи до верхів'я ріки Інгулу, яку запорожці з давнини вважали своєю безумовною власністю”»⁴⁰.

Образ серба Радивоя і його доньки

Образ сербського бана, пов'язаний з Угорщиною та кривавою, але і любовою Сербією, можна розглядати з точки зору імагології, теорії етнічних стереотипів. Враховуючи багатоконпонентний етнічний склад Російської імперії та історичні обставини, цей історичний роман можна трактувати і з позицій постколоніальної теорії. Цей аспект є тим важливішим, що повість написано перед створенням Кирило-Мефодіївського братства та вигнанням Куліша, як одного із засновників братчиків, в Тулу. З одного боку, серби – чужинці, які забрали деякі права корінного населення, але, з іншого, вони теж страждають. Автор підреслює їхню відмінну природу, яка відображається як у вигляді, так і в поведінці сербів. Олена Дзюба цитатами ілюструє неординарну зовнішність бана Радивоя та його доньки Роксанди, підкреслює їхню любов до батьківщини: «Куліш змальовує Радивоя як національного героя, ім'я якого живе в народі, безстрашного юнака, з яким серби пов'язують усі свої надії на визволення від турків, якого ждуть у себе на батьківщині, “як орлята на свою мати”. Сам Радивой сповнений мрій про повернення у рідні краї та помсту ворогам»⁴¹.

В описах бана Радивоя та його доньки пов'язує їх із тюрками та азіатами: «Скоріш усього можна було уважати його за турчина, як би не перечив тому великий золотий хрест, що висів у нього на грудях <...> Роксанда – азіатське вбрання, багате й ніжне».

Дикість, суворість, несамовитість, як психічні риси героїв, повторюються. Цей факт цікавий тим, що серби приходили у географічному сенсі з південного заходу. Їхнє представлення як тюрків, що носять хрест, очевидно, надає їм рис східного народу. Сербів представлено як пристрасних орієнтальних людей. «При вході в монастир, перебудований у фортецю, видно жовтий прапор з мечем та мертвою головою <...> На фронтоні грубо зліплена була та сама емблема, що й на прапорі – меч і мертва голова <...> Радивой несамовитий, лютий, грізний, похмурий, але багатий з золотом та сребром. Вина їм ніколи не бракувало. Він вивіз з Сербії багато золота й, розкидаючи щедро гроші, здавалося, не знав їм ціни. Це й найбільше притягало до нього серце безрідних молодців, мимо всієї його жорстокості»⁴².

Характер похмурого та суворого Радивоя письменник пояснює його боротьбою з турками. Він мріє повернутися в свою Сербію. Його пристрасна донька, красуня Роксанда, виглядає ніжно, але коли Михайло захоче повернутися до Катерини, її дика натура від-

кривається повністю, а письменник її представляє як амазонку, котра безмілосердно убиває суперницю.

Зображення Радивоя та його пристрасної доньки в історично-пригодницькій повісті «Михайло Чарнишенко» Пантелеймона Куліша є першим у українській літературі розгорнутим описом сербів. Зрозуміло, що серби XVIII століття і після повісті Куліша приваблювали увагу авторів, що писали історичну прозу російською чи українською мовами, тому що сербські офіцери та солдати, переселенці з Австрійської імперії, були учасниками тодішніх історичних подій. Зображення сербів як азіатів у повісті Куліша цікаве тим, що автор поєднує повагу із зневагою до таких рис. Пояснення таких суперечностей заслуговує на подальші літературознавчі дослідження.

¹ *Нахлік Є.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Київ: Український письменник, 2007. – Т. 2. – С. 99–100.

² *Нейман Б.* Куліш і Вальтер Скотт // Пантелеймон Куліш. Збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства (Збірник історично-філологічного відділу УАН, № 53). – Київ: [Б. в.], 1927. – С. 126–156.

³ *Петров В.* Вальтер-Скоттівська повість з української минувшини // Петров В. Розвідки. – Київ: Темпора, 2013. – Т. 1. – С. 272–293.

⁴ *Багрий Р.* Шлях сера Вальтера Скотта на Україну («Тарас Бульба» М. Гоголя і «Чорна рада» П. Куліша в світлі історичної романістики Вальтера Скотта). – Київ, 1993. – 296 с.

⁵ *Беляєва Н.* Поетика англійського готичного роману та історична проза Пантелеймона Куліша // Вікно в світ. – 2001. – № 3. – С. 45–153.

⁶ *Чик Д.* «Михайло Чарнишенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» П. Куліша та романи В. Скотта: проблеми рецептивної та компаративної поетики // Вісник Запорізького національного університету. – 2014. – № 2. – С. 265–275.

⁷ Пантелеймон Куліш: Матеріали і дослідження. – Київ–Нью-Йорк, 2000. – 413 с.

⁸ *Зеров М.* Твори: У 2 т. – Т. 2: Історико-літературні та літературознавчі праці / Упоряд. Г. П. Кочур, Д. В. Павличко. – Київ: Дніпро, 1990. – 601 с.

⁹ *Дорошенко Д.* Пантелеймон Куліш. – Київ–Ляйпціг, 1922. – 207 с.

¹⁰ *Башманівський В. І.* Творчість Пантелеймона Кулішав літературно-критичних студія М. К. Зерова / В. І. Башманівський, Л. А. Башманівська // Вітражі: Збірник матеріалів в викладацько-студентських наукових читань. – Житомир, 2009. – С. 85–88.

¹¹ *Задорожна Л. М.* Художня концепція історії в романі П. Куліша «Михайло Чарнишенко» // Літературознавчі студії. – 2010. – Вип. 29. – С. 153–159.

¹² *Матвеева Т.* Семантика язичницьких і християнських елементів в історичних романах П. Куліша // Вісник Харківського національного університету. – 2010. – № 910. – Серія: Філологія. – Вип. 60. – Ч. II. – С. 147–156.

¹³ *Нечаюк Л.* Релевантність художнього зображення в П. Куліша й у В. Малика // Літературознавчі студії. – 2011. – Вип. 33. – С. 374–379.

¹⁴ *Дзюба О.* Образи сербів в українській літературі // Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века. – Нови Сад, 2005. – С. 483–484.

¹⁵ *Нахлік Є.* Українська романтична проза 20–60-х років XIX ст. – Київ: Наукова думка, 1988. – 318 с.

¹⁶ *Нахлік Є.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Київ: Український письменник, 2007. – Т. 1: Життя Пантелеймона Куліша наукова біографія. – 463 с.; *Його ж.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Київ: Український письменник, 2007. – Т. 2: Світогляд і творчість Пантелеймона Куліша: наукова біографія. – 464 с.

¹⁷ *Нахлік Є.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Т. 2. – Київ: Український письменник, 2007. – С. 99–104.

¹⁸ *Івашиків В.* Художня, літературознавча і фольклористична парадигма ранньої творчості Пантелеймона Куліша. – Львів, 2009. – 448 с.; *Його ж.* Європейські фольклорні та літературні мотиви у творчості Пантелеймона Куліша 1840-х років // Вісник Львівського університету. – Серія: Філологія. – 2007. – Вип. 41. – С. 3–15.

¹⁹ *Дзюба О.* Образи сербів в українській літературі // Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века. – Нови Сад, 2005. – С. 483.

²⁰ *Нахлік Є.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Т. 2. – С. 101.

²¹ *Куліш П. О.* Чорна рада. Михайло Чарнишенко : [іст. романи] / Пантелеймон Куліш; [упоряд. та передм. А. Яцько]. – Київ: Персонал, 2008. – (Бібліотека української героїки; вип. 1). – С. 370.

²² Там само. – С. 372.

²³ *Чмир О.* Сербістика в Університеті св. Володимира // Українсько-сербський збірник. Украс. – 2009. – Вип. 4. – С. 159.

²⁴ Volkslieder der Serben / Metrisch übersetzt und historisch eingeleitet von Talvj (Therese Albertine Luise von Jakob). – Halle, 1826. – 330 s.

²⁵ *Шекара Л.* Српска народна пјесма у руској књижевности 19. вијека. – Бања Лука; српско Сарајево, 2000. – 357 с.

²⁶ *Servian Popular Poetry / Translated by John Bowring.* – London, 1827. – 235 p.

²⁷ *Ізмаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження): біобібліогр. Показчик / Укл. О. С. Журавльова, Н. Г. Мацнева, Е. Д. Дроснева, В. Петрович, Б. Ріфл, Д. Шкергет; вступ. ст. С. Ю. Страшнюка, С. Х. Широкоград; наук. ред. С. Ю. Страшнюк; бібліогр. ред. С. Б. Глибицька, Ю. Ю. Полякова.* – Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2012. – 182 с.

²⁸ *Дзюба О.* Образи сербів в українській літературі. – С. 483.

²⁹ *Нахлік С.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Т. 2. – С. 102.

³⁰ *Вучко Љ.* (*Вук Караџић*). Српске народне пјесме. – Књ. III, 61).

³¹ *Куліш П.* Чорна рада. Михайло Чарнишенко : [іст. романи]. – С. 410.

³² Там само. – С. 379.

³³ Там само. – С. 377.

³⁴ Там само. – С. 407.

³⁵ Там само. – С. 385.

³⁶ *Јовановић Војислав М.* О лику Филипа Вишњића и других гуслара Вукова времена // *Зборник Магице српске за књижевност и језик.* – Нови Сад. – 1954. – Св. 2. – С. 67–96. – URL: rastko.rs/likovne/vm_jovanovic-visnjic_c.html (дата звернення: 10.01.2016).

³⁷ *Нахлік С.* Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель. – Т. 2. – С. 102.

³⁸ *Куліш П.* Чорна рада. Михайло Чарнишенко: [іст. романи]. – С. 314.

³⁹ Дякую за інформацію Олександрю Жолтобродову.

⁴⁰ *Івашиків В.* Європейські фольклорні та літературні мотиви у творчості Пантелеймона Куліша 1840-х років. – С. 19.

⁴¹ *Дзюба О.* Образи сербів в українській літературі. – С. 483.

⁴² *Куліш П.* Чорна рада. Михайло Чарнишенко: [іст. романи]. – С. 353.

СТАНОВЛЕННЯ УКРАЇНСЬКО-БОЛГАРСЬКИХ НАУКОВИХ ЗВ'ЯЗКІВ: «ДРАГОМАНІВСЬКИЙ ПЕРІОД»

А. М. Якімова

Якімова А. М. Становлення українсько-болгарських наукових зв'язків: «драгоманівський період». Стаття присвячена дослідженню внеску професора М. Драгоманова у розвиток українсько-болгарських наукових зв'язків під час його викладацької діяльності в Софійському університеті у 1889–1895 роках. Звертається увага на зв'язок болгарських учених Софійського університету з такими відомими науковими центрами України, як Київ, Львів, Харків наприкінці XIX – початку XX ст.

Ключові слова: українсько-болгарські наукові зв'язки; М. Драгоманов; становлення; внесок.

Якімова А. Н. Становление украинско-болгарских научных связей: «драгомановский период». Статья посвящена исследованию вклада профессора М. Драгоманова в развитие украинско-болгарских научных связей во время его преподавательской деятельности в Софийском университете в 1889–1895 годах. Обращается внимание на связь болгарских ученых Софийского университета с такими известными научными центрами Украины, как Киев, Львов, Харьков в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: украинско-болгарские научные связи; М. Драгоманов; становление; вклад.

Iakimova A. M. The Establishment of Ukrainian-Bulgarian Scientific Relations “Drahomanov Period”. The article studies the contribution of professor M. Dragomanov into development of Ukrainian-Bulgarian scientific relations during his academic teaching at Sophia University in 1889-1895. The author draws attention to the relations of the Bulgarian scholars of Sofia University with such well-known scientific centers of Ukraine as Kyiv, Lviv, Kharkiv in late 19 – early 20 century.

Keywords: Ukrainian-Bulgarian scientific relations; M. Dragomanov; establishment; contribution.

З прибуттям українського вченого Михайла Драгоманова до Софії в кінці XIX ст. зв'язки Болгарії з Україною і України з Болгарією переходять у нову площину. Особливо успішно виявилась співпраця в галузі науки і культури, яка власне, визначила головний зміст українсько-болгарських зв'язків кінця XIX – початку XX ст. Болгарський літературознавець П. Атанасов справедливо зауважив, що М. Драгоманов, «як українець, цікавився перш за все долею українського народу, його політичним розвитком і національною самосвідомістю, але він знаходив час і сили працювати для культурного зближення слов'ян, зміцнення слов'янської єдності. Особливо великі заслуги Драгоманова перед нашою країною. Його внесок у болгарський національно-визвольний рух, його зусилля з підняття рівня нашої вищої освіти і болгарського фольклору, історичної і літературної науки – яскрава сторінка в історії болгаро-українських зв'язків...»¹. М. Младенова теж вважає, що діяльність М. Драгоманова у Вищій школі «стала основоположною не тільки для університету як наукового і навчального центру, для етнографії та фольклористики, а й для формування славістичної науки як основної дисципліни, як науки й освітньої системи, яка підняла рівень усієї болгарської освіти наприкінці XIX – початку XX століття»². Водночас, як слушно зауважував київський дослідник П. С. Сохань, вчений «сприяв ознайомленню болгарського народу з історією, культурою і суспільно-політичною думкою України»³.

Питання розвитку українсько-болгарських зв'язків висвітлювалося також у роботах українських авторів І. Свенціцького (1955), І. Романченка (1958), В. Дмитрука (1958), О. Шпильової (1958, 1963), Н. Шумади (1963, 1970), П. Соханя (1976), В. Москаленка (1987), В. Захаржевської (1989), В. Павленко (1995), І. Дриги (1996), В. Наулка (1998), В. Литвина (2004), В. Піскіжової (2009).

Серед болгарських дослідників варто назвати І. Шишманова (1914), С. Чілінгірова (1935), С. Божкова (1957), Г. Дімова (1960), П. Атанасова (1965, 1969), І. Конева (1974), Г. Вилчева (2001). У своїх дослідженнях автори у різних контекстах торкалися і «драгоманівського періоду».

Багато важливих джерел, які можуть сприяти поглибленому вивченню питання внеску М. Драгоманова в становлення українсько-болгарських зв'язків кінця XIX – початку

XX ст., знаходяться в Болгарії. Серед них особливе місце займає фонд професора І. Шишманова в Науковому архіві Болгарської академії наук. До його складу входять і архів М. Драгоманова. Вивчені нами матеріали з фонду І. Шишманова дозволяють визначити напрями цих зв'язків: наукові, культурні, літературні, політичні. Щодо наукових контактів, то вони були пов'язані перш за все з такими відомими науковими центрами України як Київ, Львів і Харків.

Як відомо, восени 1889 р. проф. М. Драгоманов почав викладати історію у Вищій школі (перейменованій у 1904 р. на Софійський університет) й допомагати Міністерству освіти в становленні першого наукового видання – «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (далі «Сборник»). Проте до приїзду в Софію, наприкінці 1888 р. М. Драгоманов вже знав про намір Міністерства освіти Болгарії видавати подібний журнал і, навіть, отримав запрошення до співпраці, як свідчить його листування з Іваном Шишмановим⁴, зятем ученого, одруженого з Лідією – старшою дочкою Драгоманових. І. Шишманов, котрий в той час працював у міністерстві освіти і знав про солідний видавничий досвід М. Драгоманова, розраховував на те, що український вчений постійно співпрацюватиме із «Сборником» і з його допомогою видання перетвориться на періодичний журнал⁵. М. Драгоманов, зі свого боку, радив І. Шишманову налагодити обмін міністерськими науковими виданнями з українським товариством «Просвіта». Про це, зокрема, йдеться в його листі до М. Павлика від 29 січня 1889 р.⁶. У листі до І. Франка від 7 липня 1889 р. М. Драгоманов висловив думку щодо створення українського «фольклорного куреня» в Болгарії: «Вчора прочитав рецензію на I вип. *Этнографическое Обзорение* в Москве. Ось уже й москалі випередили нас, як і *Вісла!* А ми колись ще в 1882–3 рр., проєктували folkloge-не видання у Львові! Чи не заснувати нам наш, фольклорний курінь вже “під дахом” болгарським? По кр. мірі моя стаття одна вже там друкуєся. Як буду в Софії, то чи не станете й Ви з [Павлик]ом писати в виданнях болгарських?»⁷.

Про готовність сприяти виданню першого болгарського наукового журналу Михайло Драгоманов заявив на аудієнції в міністра освіти Болгарії Георгі Живкова, а саме – допомогти з класифікацією матеріалу, як це він робив для французького журналу *Mélusine*⁸. У листі до М. Павлика від 28.VIII.1891 р. М. Драгоманов, реагуючи на статтю І. Франка «Болгарські праці М. Драгоманова»⁹, зробив суттєве уточнення щодо своєї участі у виданні нового журналу: «...я зовсім не починатель Сборника, (починателі Живков з Шишмановим, редактор властиво Шишм., а моја тільки программа фольклору, – по котрій вибира матеріали Ат. Ілієв, – та, звісно, приватні розмови з Ш., коли він того потрібує)!»¹⁰. Про Ат. Ілієва І. Шишманов зазначив у своєму щоденнику: «...Чудова людина, невтомний працівник. Без нього я не зміг би поставити на ноги “Сборника”. Хр. Константинов, коректор – хворий, ми його взяли з Статистичного бюро, (Велчев) недосвідчений. Найважча робота залишається за Атанасом. ...Відбір фольклорного матеріалу залишив за ним. Він повністю компетентний для цієї роботи». Про свою роботу І. Шишманов додав: «Науковий відділ – мій. Тут я хочу, безумовно, щоб мені приносили останню коректуру, тому що багато помилок трапляється в іншомовних цитатах, назвах книг і в іноземних словах»¹¹.

«Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» взяв за основу класифікації народної творчості «схему, подібну до тої, яка була прийнята у Південно-Західному (Київському) відділі Імпер. рос. географічного товариства»¹², пояснивши її суть у передмові до першої книги, яка вийшла 25 листопада 1889 р.¹³. На думку В. Москаленка, у передмові «відчувається, по-перше, що на її авторів вплинули наукові уподобання М. Драгоманова; по-друге, «головним завданням „Збірника” автори вважали розвиток літератури через використання письменниками кращих зразків народнопоетичного генія, що, як відомо, було одним з основних положень наукової концепції Драгоманова-філолога», по-третє, «Збірник» зробив вагомий внесок «у налагодження українсько-болгарських наукових контактів, у дослідження двосторонніх фольклорних, літературних та й у цілому культурних зв'язків»¹⁴.

За життя М. Драгоманова, попри його старання, крім студій самого вченого, в «Сборнику» були опубліковані лише праці Федора Вовка¹⁵, а праця Івана Франка – у 1896 р.¹⁶, хоча І. Франко почав переговори з М. Драгомановим про публікацію своєї статті ще 1892 р.

М. Драгоманов особисто пересилав книги «Сборника» в Україну: І. Франку і М. Павлику у Львів¹⁷, у Київ, родині Лесі Українки¹⁸. Пізніше професори з університету Св. Володимира зверталися до І. Шишманова з проханням вислати нові книги «Сборника».

Т. Флоринський у листі від 6 січня 1898 р. писав, зокрема: «Від Дашкевича дізнався, що Ви вислали йому всі XIV томів і позаздрив йому: у мене особисто тільки 4 тома (X–XIII). Я не наважуюсь просити, але якщо Ви знайдете таку можливість і мені надішлете перші 9 томів (... для Бібліотеки Університету), то я, звичайно, буду Вам дуже вдячний»¹⁹. І. Шишманов, відповідаючи на цей лист 21 січня 1898 р., запросив Флоринського, Дашкевича і Кулаковського до співпраці в «Сборнику»²⁰. Лист Т. Флоринського від 18 квітня 1898 р. є доказом стабільності наукових зв'язків учених Київського і Софійського університетів. По-перше, Т. Флоринський пообіцяв написати статтю для «Сборника» й поінформував про згоду Дашкевича і Кулаковського співпрацювати в «Сборнику»; по-друге, повідомив, що «всі болгарські вчені отримують запрошення ймовірно в жовтні-листопаді» на Археологічний конгрес в Києві в серпні 1899 р.; по-третє, Радченко публікує свою книгу про Болгарію, а Флоринський на днях переслав д-ру Л. Мілетічу III том «Лекцій»; по-четверте, Т. Флоринський чекають «клопоти з організації 11 травня (в день Св. Кирила і Мефодія) урочистих річних зборів Слов'янського Товариства»²¹.

У 1892/1893 н.р. у Вищій школі почав викладати слов'янську філологію Дмитро Матов – мовознавець, фольклорист і етнограф, випускник Харківського університету, учень М. Дринова, О. Потебні, М. Сумцова²². М. Дринов, що очолював кафедру слов'янознавства, виховав у стінах Харківського університету цілу плеяду українських і болгарських славистів, справивши неабиякий вплив на В. Златарського, Д. Матова, П. Славеїкова²³. За архівними документами харківські науковці М. Сумцов, І. Платонов, О. Потебня, Д. Багалій, М. Халанський, В. Савва вели обширну переписку з діячами культури Болгарії з питань обміну літературою та іншими матеріалами, взаємної допомоги в науковій роботі, в розвитку культури²⁴.

У 1892–1895 рр. разом з І. Шишмановим Д. Матов був співредактором «Сборника». Під час літніх канікул М. Драгоманов виїжджав на лікування в Європу, але продовжував працювати над «Сборником» і листуватися з Д. Матовим. У листі до Лідії від 2 жовтня 1893 р. вчений попросив знайти одну книгу й передати її Д. Матову, додаючи: «Вибач за це прохання: поскільки я вже заплутався знову з редакцією “Сборника” й сам звідси розплутати його не могу, то залишається звертатися з проханнями до тебе, так би мовити „по родинному”»²⁵. Фактично це означає, що М. Драгоманов не тільки написав програму з класифікації фольклорного матеріалу, надав для публікації свої фольклорні праці, над якими працював понад двадцять років, але й допомагав І. Шишманову і Д. Матову редагувати «Сборник».

Кореспонденція Д. Матова до І. Шишманова (1891–1896) свідчить про його роботу над випусками «Сборника» і науковими працями О. Веселовського, А. Будилевича, І. Франка²⁶, про спілкування з родиною М. Драгоманова²⁷, листування з М. Дриновим²⁸. Слушно додати, що в статті «Няколко думи за нашето Висше училище», опублікованій у серпні 1894 р. в газеті «Свободно слово», М. Драгоманов висловив думку щодо необхідності підняти науковий рівень вищого навчального закладу Болгарії, а для цього потрібно запросити у Вищу школу тих болгар, які вже завоювали визнання у науковому світі, але невідомо чому залишилися поза увагою, як наприклад, Дринов, Златарський та ін.²⁹.

У 1894 р. журнал «Жите і слово» опублікував статтю М. Драгоманова «Наукові методи проф. Сумцова»³⁰. З цього приводу її автор написав І. Франкові: «...і я згадав, що хотів Вам написати для фіналу II кн. похвалу Сумцову, між инчим, щоб не думали, що я все лаюсь»³¹. Як перша, так і друга статті М. Драгоманова вказують на факт, що він тримав у полі зору діяльність харківської наукової школи. У «Листах на Наддніпрянську Україну» М. Драгоманов зауважив, зокрема, що «переважно під впливом європейського порівнявчого методу у фольклорі... почала наша етнографія набиратись свіжого наукового духу в працях харківської школи» (30 марця 1893, Софія), вказавши на таких харківських учених як Потебня, Сумцов, Манжура, Іванов³².

Зацікавлення було взаємним. Серед публікацій М. Сумцова на сторінках української періодичної преси є огляди матеріалів із «Сборника». У 1893 р. М. Сумцов написав рецензію на його дев'яте видання³³. Д. Матов у листі до вченого зауважив: «Ваша рецензія на IX том Сборника є дуже вчасною. Сборник висилається багатьом російським ученим, але вже кілька років ніхто не повідомляв про нього в журналах»³⁴. 1894 року, в ювілейному десятому виданні «Сборника» Д. Матов опублікував рецензію на працю М. Сумцова

«Современная малорусская этнография»³⁵. Зрозуміло, що в процесі підготовки «Сборника» М. Драгоманов мав нагоду ознайомитися з цією рецензією. У 1898 р. в «Сборнику» побачила світ студія М. Сумцова про фольклорні праці М. Драгоманова³⁶, опубліковані у цьому першому болгарському науковому виданні у 1889–1895 рр.

Творче спілкування Д. Матова з ученими Харківського університету, як і наукові студії М. Драгоманова, позитивно впливали на розвиток українсько-болгарських та болгаро-українських наукових зв'язків через посередництво Софійської Вищої школи. Зауважимо, що окреме вивчення значення стосунків М. Драгоманова й Д. Матова могло б доповнити уяву про утвердження цих наукових контактів. Одночасно слід визнати, що перший болгарський науковий журнал «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» зробив суттєвий внесок у налагодження українсько-болгарських наукових контактів завдяки неабияким зусиллям М. Драгоманова, І. Шишманова і Д. Матова.

У 1906 р. І. Шишманов у ранзі міністра освіти Болгарії прибув до Харкова на поховання професора М. Дринова на чолі представницької делегації Софійського університету. За заслуги у зміцненні і розвитку українсько-болгарських взаємин у 1906 р. йому, Л. Мілетічу, Д. Агурі та В. Златарському було присвоєно звання доктора honoris causa Харківського університету, а 18 травня 1907 р. І. Шишманова було обрано почесним членом Філологічної секції при Харківському університеті.

Важливе місце в історії розвитку українсько-болгарських взаємин займав Львів. З Софії М. Драгоманов вів обширну переписку з М. Павликом і І. Франком, яка була опублікована після смерті вченого. У вченого, однак, не склалися стосунки з Науковим товариством імені Т. Шевченка (НТШ). В одному з листів до М. Павлика М. Драгоманов повідомив, що 2/14 лютого 1893 р. отримав від НТШ новий статут з проханням стати членом Товариства³⁷. Через місяць, у листі до І. Франка від 3/15 квітня 1893 р., М. Драгоманов поінформував: «З Тов. Шевченка я скінчив, написавши, що в теперішню хвилю не можу до него приступити». І пояснив чому: «Головний резон – президентство Барв[інського]. Після проби в Правді і при політиці Барв[інського], хто его зна, куди вступиш з таким шефом»³⁸.

У 1894 р. М. Павлик виступив ініціатором вшанування 30-літньої літературної і політичної діяльності М. Драгоманова. Святкування відбулося 16 грудня 1894 р. у Львові. В Софії відгуком на свято стала стаття «Тридцятирічний ювілей професора М. Драгоманова» ректора Вищої школи Д. Агури, опублікована в журналі «Български преглед». Автор повідомив, що в Софії дуже пізно дізналися про це свято, тому що «ювіляр не захотів навіть здалека натякнути на це»³⁹, й звернув увагу на виступи І. Франка і М. Павлика, підкреслюючи, що «обидва сильно цінні для біографії М. П. Драгоманова»⁴⁰. Сам Д. Агура подав життєвий шлях українського вченого до моменту, коли М. Драгоманов отримав запрошення очолити кафедру загальної історії у Вищій школі в Софії.

Як свідчать архівні матеріали з фонду проф. І. Шишманова, після смерті М. Драгоманова саме цьому болгарському вченому належить важливе місце у налагодженні й підтримуванні українсько-болгарських та болгаро-українських наукових зв'язків. І. Шишманов знав особисто М. Павлика. Вперше вони зустрілися, коли той приїхав в Софію на похорони М. Драгоманова. Вдруге М. Павлик побував у Болгарії навесні 1902 р., й І. Шишманов допомагав йому збирати і видавати літературну спадщину та кореспонденцію М. Драгоманова⁴¹.

Наприкінці 1895 р. І. Шишманов у Празі на чеській етнографічній виставці познайомився з І. Франком⁴². Свою студію «Тарас Шевченко, неговото творчество и неговото влияние върху българските писатели преди освобождение» (1914), яка поклала основи наукового шевченкознавства в Болгарії, науковець присвятив 40-річчю творчої діяльності І. Франка. Стосунки І. Франка й І. Шишманова досліджували П. Атанасов⁴³, В. Москаленко⁴⁴. Останній звернув також увагу на те, що основи порівняльного методу, яким користувалися М. Драгоманов, І. Шишманов та їх послідовники в Софійському університеті, продовжував розробляти український вчений І. Свенціцький у своїх працях та лекціях у Львівському університеті ім. Івана Франка. Літературознавчі, лінгвістичні та інші дослідження, пов'язані з Болгарією, Свенціцький будував на історико-філологічних порівняльних принципах. М. Драгоманова він вважав одним з фундаторів порівняльного методу дослідження історико-літературних та культурних явищ у болгарській науці. Саме такі принципи І. Свенціцький використав у нарисі «Болгарія і Україна» (1955)⁴⁵.

У І. Шишманова склалися й творчі стосунки з молодим М. Свенціцьким, котрий вважається засновником наукової болгаристики у Львівському університеті. Так, наприклад, листом від 21/8 квітня 1914 р. М. Свенціцький звернувся до І. Шишманова з проханням посприяти йому з літературою, позичити твори Каравелова, Славейкова, Жинзіфова – перших болгарських перекладачів творів Шевченка, тому що читає курс «Шевченко в слов'янських літературах», а у Львові названих авторів немає⁴⁶.

І. Шишманов підтримував також контакти з Науковим Товариством імені Т. Шевченка, листувався з В. Гнатюком, який звертався до болгарського вченого з проханням про обмін виданнями НТШ і «Сборника». Зі свого боку, у листах до НТШ І. Шишманов піднімав питання збереження наукової спадщини М. Драгоманова.

Отже, наукові і творчі контакти М. Драгоманова в Софії з львівськими ученими продовжив його учень і послідовник І. Шишманов та його колеги з Софійського університету. І. Горбань звертає увагу на те, що на початку ХХ ст. Львів стає одним із важливих наукових центрів, громадськість якого підтримувала тісні контакти з Болгарією й підкреслює, що І. Шишманов відіграв важливу роль у налагодженні цих контактів⁴⁷.

У травні 1914 р. І. Шишманова було обрано дійсним членом філологічної секції Наукового товариства імені Т. Шевченка⁴⁸. Через десять років дійсними членами Наукового товариства імені Т. Шевченка стали болгарські вчені Л. Мілетіч, А. Іширков, М. Арнаутов. Л. Мілетіч – молодий колега М. Драгоманова, після знайомства з яким український вчений 3 вересня 1889 р. занотував у своєму щоденнику: «Дуже симпатичний чоловік, не дуже ще, здається, розуміється на своїй спеціальності – слов'янська лінгвістика, але у крайньому разі, стоїть на дорозі, на якій може виробитися в професора на європейський лад»⁴⁹. До кінця життя М. Драгоманов підтримував дружні стосунки з Л. Мілетічем; А. Іширков, учень М. Драгоманова, на своїх семінарах використовував драгоманівську методику проведення семінарів; М. Арнаутов вважав себе учнем М. Драгоманова через свого наставника І. Шишманова.

За архівними документами, після смерті М. Драгоманова у 1895 р., І. Шишманов продовжував підтримувати контакти з вченими Київського університету. Болгарський учений вперше побував у Києві восени (11.09–01.10) 1897 р. в рамках наукового відрядження. У фонді вченого зберігаються запрошення, адресовані Лідії та Івану Шишмановим на засідання історичного товариства Нестора-Літописця:

«Историческое общество Нестора Летописца при Императорском Университете Св. Владимира

Для входа в заседание, имеющее быть 14 сентября 1897, в VI аудитории Университета, в 4 часа по полудню.

Член Общества

В. Антонович»⁵⁰.

У своєму щоденнику І. Шишманов занотував враження від відвідування лекцій університетських викладачів В. Іконнікова (11–12 вересня) – про перші російські літописи та Т. Флоринського (12 вересня) – із загальної слов'янської етнографії. Разом з нотатками лекцій І. Шишманов залишив характеристики В. Іконнікова і Т. Флоринського⁵¹.

Посередником у спілкуванні І. Шишманова з київськими вченими виступав іноді Петро Косач – батько Лесі Українки. У листі від 18 травня 1899 р. П. Косач повідомив, зокрема: «Житецький дякує за пам'ять та ще сподівається тебе, Іване Дмитровичу, обняти в серпні і подарувати три книжки з словесності і поезії»⁵².

Вдруге І. Шишманов побував в Києві як делегат XI Археологічного конгресу, який проходив з 1 до 20 серпня 1899 р. Протягом свого перебування на конгресі І. Шишманов мав багато цікавих зустрічей, описаних у листах до Лідії Шишманової. Про вечерю у Трегубова на честь галичан Шишманов написав у листі від 7 серпня 1899 р.: «Був Барвінський зі Львова, проф. Смаль-Стоцький з Чернівецького університету з дружиною, проф. Котовський і панна Кобилянська, подруга Лесі і відома як українська романістка в Галичині. Було дуже цікаво. Я скористався нагодою, щоб розпитати Барвінського про зовнішню політику Австрії»⁵³. В іншому листі І. Шишманов розповів про невеличку зустріч у вузькому колі «у старого Лазаревського, члена Верховного суду Києва, бравого українофіла старої закалки. Були присутні: Трегубов, внук старого Житецького, автора відмінного твору про Мазепу...»⁵⁴. Листом від 15 серпня 1899 р. І. Шишманов повідомив, що 13 серпня

побував у Миколи Лисенка й найближчими днями «полюватиме за Каресвим і Гревсом»⁵⁵. У листі від 18 серпня 1899 р. І. Шишманов описав свої враження від прем'єри вистави «Блакитна троянда» Лесі Українки: «Гідний успіх. Ми були трохи спантелечені почути українську мову в п'єсі в кінці століття “а ля Ібсен”. Але Леся відкриває нову епоху. Українська драма стане етнографічною – сучасною і соціальною»⁵⁶.

Запрошення на XI Археологічний конгрес в Києві отримала і Лідія Шишманова з проханням зробити повідомлення про альбом болгарських вишивок, який вона підготувала в Софії⁵⁷.

І. Шишманов брав також участь у XIV Археологічному конгресі 1908 р. У своєму щоденнику болгарський вчений зробив нотатку, що він познайомився з М. Василенком. Разом з ним і П. Мілюковим І. Шишманов відвідав музей Б. Ханенка⁵⁸.

Ставши послом Царства Болгарія в Українській Народній Республіці (23 березня 1918 р. – 8 травня 1919 р.), І. Шишманов не переривав наукові контакти з київськими вченими. У фонді зберігається дозвіл на користування бібліотекою Університету Св. Володимира на ім'я Івана Шишманова⁵⁹. У київському щоденнику вченого багато нотаток про зустрічі з українськими науковцями.

В Києві І. Шишманов застав ще Людмилу Драгоманову, дружину Михайла Драгоманова, підтримував дружні стосунки з Світозаром Драгомановим – сином Михайла Драгоманова. Так, у київському щоденнику І. Шишманов занотував: «Сьогодні минає 23 роки з дня смерті Драгоманова. На обід у Зорі»⁶⁰. Світозар підтримував листування з родиною Шишманових у Софії, повідомляв київські новини й особливо ті, які стосувалися збереження творчої спадщини М. Драгоманова.

Історичні події в Україні на початку ХХ ст. змусили багатьох українських учених, зокрема київських, з якими І. Шишманов познайомився у 1918–1919 рр., виїхати закордон. Перебуваючи у різних країнах, вони не втрачали зв'язків з І. Шишмановим: цікавилися архівом М. Драгоманова, софійським періодом вченого, пересилали нові друковані матеріали про нього, свої статті та книги, зверталися за консультаціями.

Так, Д. Дорошенко у листі від 24 квітня 1921 р. повідомив І. Шишманову, що більше року працює над книгою «Слов'янський світ» (популярна енциклопедія слов'янознавства, яка нагадує чеське видання “Svět Slovenský” 1912 р.)⁶¹ і звернувся з проханням проконсультувати його з болгарської літератури. І. Шишманов висловив свої зауваження, але, як видно з листування, вони не потрапили в книгу Д. Дорошенка. Однак український учений повідомив про намір використати зауваження й поради І. Шишманова в «Обзорі історії слов'янських літератур», який мав вийти в Берліні⁶².

Для ілюстрації різноплановості інтересів українських учених наведемо лист М. Грушевського до І. Шишманова.

*«Baden 6, Wien, Schlossg. 4,
19.XII.1922*

Я, як мабуть Ви чули, підчас революції близько зійшовся з укр[аїнськими] соціал-револ[юціонерами], які явились, в моїй принаймні уяві, наступниками лівого укр[аїнського] крила, до котрого належав пок[і́йний] Драгоманов.

...Я виступив з проектом організації Укр[аїнського] Соціол[огічного] Інституту, і неважачучи на дуже нищі засоби, які мені вдалось роздобути, я не покидаю цього діла; випустив уже 12 книжок його видань, в тім числі книгу „М. Драгоманов і Женев[ський] соціаліст[ичний] гурток”, котру при першій можливості Вам пошлю (в тій хвилі не маю її під руками)»⁶³.

Листування О. Шульгина з Лідією та Іваном Шишмановими торкається, в основному, вшанування та збереження творчої спадщини М. Драгоманова та архіву вченого. Кореспонденція О. Шульгина опрацьована автором статті й опублікована вперше 2012 р. в Сумському історико-архівному журналі⁶⁴.

Листи М. Мандрики, надіслані І. Шишманову у 1925 р., є доказом виваженого ставлення української еміграції в Празі до науково-теоретичної спадщини М. Драгоманова та прагнення українських учених в еміграції до подальшої її розробки. Одночасно листи засвідчують глибоку повагу до болгарського вченого, якого українські емігранти вважали своїм «заступником і оборонцем»⁶⁵.

Отже, викладаючи в Софійському університеті, професор М. Драгоманов став своєрідним науковим центром, який притягував до себе українських, молодих болгарських і авторитетних європейських науковців. За визнанням самого вченого, в Софії він працював для Болгарії і для України⁶⁶. Завдяки багатогранній науковій діяльності в Софійському університеті М. Драгоманов сприяв ознайомленню болгарської громадськості з історією і культурою України та встановленню наукових контактів з відомими українськими вченими. Водночас можемо констатувати, що зі своїми молодими болгарськими колегами професор М. Драгоманов заклав основи наукової україністики в першому вищому навчальному закладі Болгарії. Загалом, перебування М. Драгоманова в Софійському університеті суттєво вплинуло на становлення українсько-болгарських наукових зв'язків, над подальшим розвитком яких успішно працювали учні й послідовники видатного українського вченого. Слід підкреслити, що Іван Шишманов, визнаний дослідниками як найталановитіший учень і послідовник М. Драгоманова, був у центрі наукових контактів Софійського університету з вченими Кисва, Львова і Харкова з кінця XIX ст. – початку 20-х рр. XX ст.

¹ Атанасов П. К. Из историята на българо-украинските културни отношения. Приносят на Михаил П. Драгоманов // Известия на Института за литература на Българската академия на науките. – Книга XX. – София, 1969. – С. 47–48.

² Младенова М. 150 години от рождението на Михайло Драгоманов // Български фолклор. – 1992. – № 2. – С. 79.

³ Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 172.

⁴ Научен архив на Българската академия на науките (далі – НА БАН), ф. 11к, оп. 3, а.е. 1864, л. 28.

⁵ НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 1867, л. 12.

⁶ Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895). – Том V (1886–1889) / Зладив Михайло Павлик. – Чернівці, 1912. – С. 339.

⁷ Франко І. Я. Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова. = The correspondence between Ivan Franko and Mykhailo Drahomanov / І. Я. Франко, М. П. Драгоманов; редкол.: І. Вакарчук, Я. Ісаєвич, Б. Якимович; ЛНУ ім. І. Франка, Наук. б-ка; Ін-т українознавства ім. Івана Крип'якевича, НАНУ. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. – С. 325. – До 150-річчя від дня народження Івана Франка.

⁸ НА БАН, ф. 11к, оп. 5, а.е. 822, л. 3.

⁹ Франко І. Болгарські праці Драгоманова // Зібрання творів у 50-ти т. – К., 1986. – Т. 46. – Кн. 2. – С. 24–42.

¹⁰ Драгоманов М. П. Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895): [у 8 т.] / М. Драгоманов, М. Павлик; зладив [уклад., авт. приміт. та післямови] Михайло Павлик. – Чернівці: Друк. Т-ва «Руська Рада», 1910–1912 (обкл. 1913). – Т. 6: (1890–1891). – 1910. – С. 260.

¹¹ Шишманов Іван. Дневник 1879–1927 г. – София: ИК “Синева”, 2003. – С. 49.

¹² НА БАН, ф. 11к, оп. 1, а.е. 243, л. 8.

¹³ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (далі – СБНУ). – 1889. – Кн. I. – С. IX.

¹⁴ Москаленко В. А. Українсько-болгарські літературні та наукові зв'язки кінця XIX – початку XX ст. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 76.

¹⁵ Волков Ф. Сватбарские обряды на славянские народы // СБНУ. – 1890. – Кн. III. – С. 137–178; Кн. IV. – С. 194–230; 1891. – Кн. V. – С. 204–232; Його ж. Сватбарские обряды на славянские народы. Български сватбарски обряды // СБНУ. – 1892. – Кн. VIII. – С. 216–236; 1894. – Кн. XI. – С. 472–510.

¹⁶ Франко І. Притча за єдного рога и нейния български вариант // СБНУ. – 1896. – Кн. XIII. – С. 570–620.

¹⁷ Драгоманов М. П. Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895): [у 8 т.] / М. Драгоманов, М. Павлик; зладив [уклад., авт. приміт. та післямови] Михайло Павлик. – Чернівці: Друк. Т-ва «Руська Рада», 1910–1912 (обкл. 1913). – Т. 6 (1890–1891). – 1910. – С. 15.

¹⁸ Українка Леся. Зібрання творів: у 12 т. – Київ: Наукова думка, 1975–1979. – Т. 10: Листи (1876–1897) / [ред. М. Д. Берштейн, упоряд. та прим. В. В. Яременка]. – 1978. – С. 149.

¹⁹ НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 1534, л. 2.

²⁰ Там само, л. 9.

²¹ Там само, л. 3–4.

²² Арнаудов М. Научното дело на Димитър Матов // Арнаудов М. Очерци по българския фолклор. – Том I. – 3. фотог. изд. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996. – С. 348.

²³ Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 170.

²⁴ Там само. – С. 168.

²⁵ НА БАН, ф. 11к, оп. 5, а.е. 775, л. 59.

²⁶ Там само, оп. 3, а.е. 933.

- ²⁷ Там само, а.е. 933, л. 14.
- ²⁸ Там само, л. 39.
- ²⁹ Драгоманов М. Няколко думи за нашето Висше училище / Свободно слово. – 1894. – № 64. – С. 2–3.
- ³⁰ Драгоманов М. Наукові методи проф. Сумцова // Жите і Слово. – Львів, 1894. – Т. I. – Кн. I. – С. 152–153.
- ³¹ Франко І. Я. Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова... – С. 478.
- ³² Драгоманов М. Листи на Наддніпрянську Україну // Б. Грінченко – М. Драгоманов. Діалоги про українську національну справу / Упоряд. А. Жуковський; НАНУ, Ін-т української археографії. – Київ, 1994. – С. 185.
- ³³ Сумцов Н. Ф. Рец. на: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, издава Министерството на народното просвещение. Кн. IX. София, 1893 // Этнографическое обозрение. – 1893. – Кн. XIX. – № 4. – С. 201–202.
- ³⁴ Шумада Н. С. Сторінка українсько-болгарського фольклористичного спілкування (Листи Д. Матова до М. Сумцова) // Слов'янське літературознавство і фольклористика. – 1970. – Вип. 6. – С. 97.
- ³⁵ Сумцов Н. Ф. Современная малорусская этнография. – Часть I (с портретом А. А. Потебни). – Киев: Редакция журнала «Киевская Старина», 1893. – IV+168 с.; Матов Д. Рецензия на: Сумцов Н. Ф. Современная малорусская этнография. Киев: Редакция журнала «Киевская Старина», 1893 // СБНУ. – 1894. – Кн. X. – С. 68–69.
- ³⁶ Сумцов Н. Исследования М. П. Драгоманова по фольклору в болгарском «Сборнике за народни умотворения» // Записки Императорского Харьковского университета. – 1898. – Кн. 4. – С. 1–11.
- ³⁷ Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895). – Том VII (1892–1893) / Зладив Михайло Павлик.– Чернівці, 1911. – С. 197.
- ³⁸ Франко І. Я. Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова... – С. 443.
- ³⁹ Д.Д.А. (Д. Агура). Трийсет годишният юбилей на професора М. Драгоманова // Български преглед. – 1895. – № 4–5. – С. 289–290.
- ⁴⁰ Там само. – С. 289.
- ⁴¹ Атанасов П. Към историята на българо-украинските отношения. Иван Д. Шишманов и Украйна // Славяни. – 1958. – № 3. – С. 26–30.
- ⁴² Москаленко В. А. Українсько-болгарські літературні та наукові зв'язки кінця XIX – початку XX ст. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 117.
- ⁴³ Атанасов П. Іван Франко і Болгарія // Вітчизна. – 1956. – № 9. – С. 153–160.
- ⁴⁴ Москаленко В. А. Українсько-болгарські літературні та наукові зв'язки кінця XIX – початку XX ст. – К.: Наукова думка, 1987. – 215 с.
- ⁴⁵ Там само. – С. 105.
- ⁴⁶ НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 1833, л. 1.
- ⁴⁷ Горбань І. Фольклор і фольклористика болгар в Україні // Наукове видання: Інститут народознавства НАН України. – Львів, 2004. – С. 79.
- ⁴⁸ НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 379, л. 6.
- ⁴⁹ Болгарський щоденник М. П. Драгоманова / З передм. Івана Романченка; підгот. до друку і прим. П. К. Атанасова // Жовтень. – Львів, 1965. – № 6. – С. 133.
- ⁵⁰ НА БАН, ф. 11к, оп. 5, а.е. 748, л. 135; л. 137.
- ⁵¹ Шишманов Іван. Дневник 1879–1927 г. – София: ИК “Синева”, 2003. – С. 64.
- ⁵² НА БАН, ф. 11к, оп. 5, а.е. 786, л. 1гр.–2.
- ⁵³ Там само, а.е. 748, л. 125.
- ⁵⁴ Там само, л. 127гр.
- ⁵⁵ Там само, л. 131гр.
- ⁵⁶ Там само, л. 134гр.
- ⁵⁷ Там само, оп. 3, а.е. 1515, л. 2.
- ⁵⁸ Шишманов Іван. Дневник 1879–1927 г. – София: ИК “Синева”, 2003. – С. 247.
- ⁵⁹ НА БАН, ф. 11к, оп. 2, а.е. 537, л. 46.
- ⁶⁰ Шишманов Іван. Дневник 1879–1927 г. – София: ИК “Синева”, 2003. – С. 269.
- ⁶¹ НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 501, л. 4.
- ⁶² НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 501, л. 8.
- ⁶³ НА БАН, ф. 11к, оп. 3, а.е. 402, л. 5–5(гр.).
- ⁶⁴ Якімова А. М. Листування Олександра Шульгина з родиною Шишманових у 1922–1932 роках (за матеріалами Наукового архіву Болгарської академії наук) // Сумський історико-архівний журнал. – 2012. – № XVI–XVII. – С. 45–64.
- ⁶⁵ Якімова А. М. М. Драгоманов і українська еміграція (за листами М. Мандрики до І. Шишманова) // Сумська старовина. – 2015. – XLVII. – С. 5–14.
- ⁶⁶ Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895). – Том VI (1890–1891) / Зладив Михайло Павлик.– Чернівці, 1912. – С. 209.

ДИПЛОМАТИЧНІ ПРЕДСТАВНИЦТВА УНР – ОРГАНІЗАТОРИ ГРОМАДСЬКОГО ЖИТТЯ УКРАЇНСЬКОЇ ПОЛІТИЧНОЇ ЕМІГРАЦІЇ У БАЛКАНСЬКИХ КРАЇНАХ

В. М. Власенко

Власенко В. М. Дипломатичні представництва УНР – організатори громадського життя української політичної еміграції у Балканських країнах. У статті на основі раніше невідомих архівних документів розглядається питання про роль дипломатичних представництв УНР у балканських країнах у громадському житті української еміграції. Основна увага приділяється діяльності посольств і місій зі створення громадських організацій. Розповідається про заходи Надзвичайної дипломатичної місії УНР у Румунії щодо формування мережі громадських організацій, заходи дипломатичних установ УНР у Болгарії та Королівстві сербів, хорватів і словенців щодо надання допомоги емігрантам. Робиться висновок про те, що найбільш активно у справі створення емігрантських громадських організацій діяла Дипломатична місія УНР у Румунії, найменш активно – Генеральне консульство УНР у КСХС. Це залежало від низки факторів – ставлення влади країн-реципієнтів до української еміграції, ступеня самоорганізації еміграції та діяльності українських дипломатів.

Ключові слова: Болгарія; Королівство сербів, хорватів і словенців; посольство; Надзвичайна дипломатична місія; Румунія; українська еміграція; Українська Народна Республіка.

Власенко В. Н. Дипломатические представительства УНР – организаторы общественной жизни украинской политической эмиграции в Балканских странах. В статье на основе ранее неизвестных архивных документов рассматривается вопрос о роли дипломатических представительств УНР в балканских странах в общественной жизни украинской эмиграции. Основное внимание уделяется деятельности посольств и миссий по созданию общественных организаций. Рассказывается о мерах Чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии по формированию сети организаций, мерах посольств УНР в Болгарии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев по оказанию помощи эмигрантам. Делается вывод о том, что наиболее активно в деле создания эмигрантских общественных организаций действовала Дипломатическая миссия УНР в Румынии, наименее активно – Генеральное консульство УНР в КСХС. Это зависело от ряда факторов – отношения власти стран-реципиентов к украинской эмиграции, степени самоорганизации самой эмиграции и действий украинских дипломатов.

Ключевые слова: Болгария; Королевство сербов, хорватов и словенцев; посольство; Чрезвычайная дипломатическая миссия; Румыния; украинская эмиграция; Украинская Народная Республика.

Vlasenko V. M. The Diplomatic Missions of UPR – the Organizers of Social Life of Ukrainian Emigration in the Balkan Countries. The article is based of previously unknown archive records related to the role of the UPR diplomatic missions in social life of the Ukrainian emigration in Balkans. The study has its main focus on embassies' and diplomatic missions' work in the field of civic society organizations formation. It covers practices of the Extraordinary Diplomatic Mission of UPR in Romania concerning the establishment of chain civil society organizations. The article also examines the practices related to rendering of assistance to refugees by the Embassies of the UPR in Bulgaria and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. The author concludes that the Diplomatic Mission of the UPR in Romania was the most active in the establishment of the civic society organizations for refugees, whilst the Embassy of the UPR in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes was the most passive one. The abovementioned arrangements varied depending on the number of factors such as the state concerns towards Ukrainian emigration, the level of refuge self-organization as well as efficacy of Ukrainian diplomats.

Keywords: Bulgaria; The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes; embassy; Extraordinary Diplomatic Mission; Romania; Ukrainian emigration; The Ukrainian People's Republic.

Перша світова війна та революційні події 1917–1921 рр. в Україні та Росії змусили декілька сотень тисяч українців залишити батьківщину. Еміграція з України здійснювалася двома напрямками: на захід – до Польщі, Чехословаччини і далі до Західної Європи, на південь – до балканських країн і Туреччини, а звідти – на Середземноморські острови та до Північної Африки. Еміграція на Балкани відбувалася трьома хвилями 1919–1920 рр. та двома потоками – через Дністер на румунську територію та морем із портів Криму і Пів-

дня України. Специфікою південного напрямку еміграції було те, що до Болгарії, Греції, Королівства сербів, хорватів і словенців (КСХС) та Туреччини українці прибули у складі білих армій А. Денкіна та П. Врангеля, а до Румунії – у складі переважно військових частин Армії УНР та партизансько-повстанських загонів. Поряд із військовими Україну залишили й цивільні люди. Крім міжнародних благодійних організацій, Міжнародного Товариства Червоного Хреста, державних інституцій, церкви і громадських організацій країн-реципієнтів, першу допомогу українцям надавали і дипломатичні представництва УНР у цих країнах. Вони ж тією чи іншою мірою стали організаторами громадського життя української еміграції. Найбільші осередки еміграції у Південно-Східній Європі сформувалися в Болгарії, КСХС (з 1929 р. – Югославія) та Румунії. У нашій роботі ми розглядаємо не всю українську еміграцію, а лише політичну, тобто ту її частину, яка була політично вмотивованою, ідеологічно визначеною, організаційно структурованою та сповідувала ідею відновлення незалежної й суверенної української держави у різних її формах. Йдеться про тих емігрантів, які публічно визнали себе українцями, сповідували одну з поширених тоді ідеологій, крім комуністичної, належали до певного політичного середовища, були членами українських громадських організацій та виступали за розбудову суверенної та незалежної України.

У літературі з історії українських дипломатичних установ¹ й української еміграції в Європі взагалі², окремих її регіонах³, Болгарії⁴, КСХС⁵ і Румунії⁶ зокрема та діяльності керівника дипломатичних представств УНР в Болгарії (1921) та Румунії (1919–1923) К. Мацієвича⁷ є згадки про надання українськими посольствами і місіями першої допомоги українським біженцям/емігрантам. Йдеться про допомогу продуктами харчування, ліками, грошима, сприяння рееміграції тощо. Проте поза увагою дослідників залишилися питання діяльності дипломатичних представств у розбудові мережі емігрантських громадських організацій. Саме тому автор ставить собі за мету з'ясувати роль українських дипломатичних інституцій у створенні громадських організацій української еміграції в Болгарії, КСХС та Румунії.

Зауважимо, що питання про хвилі і потоки української еміграції до балканських країн⁸, зміни її кількісних показників⁹, соціальну структуру¹⁰, правове становище¹¹, політичні середовища¹² й окремі громадські організації еміграції¹³ вже знайшли висвітлення у науковій літературі.

Коли на початку 1920-х рр. українська еміграція усвідомила примарність сподівань на швидке повернення на батьківщину, постало питання пристосування до нових умов життя. Краще це було зробити спільними зусиллями, об'єднавшись у різноманітні громадські, кооперативні, культурно-освітні й інші організації. За їх допомогою можна було не лише покращити умови життя, збільшити свої матеріальні статки, але й забезпечити захист своїх прав та зберегти національну ідентичність. У кожній із країн регіону процес створення громадських організацій мав певну специфіку. Провідну роль в організації громадського життя емігрантів у цих країнах відігравали спочатку українські дипломатичні представництва.

У **Румунії** до створення українських громадських організацій громадську роботу серед емігрантів ініціювала, підтримувала та проводила Надзвичайна дипломатична місія (НДМ) УНР. У червні 1919 р. НДМ очолили професор Кость Мацієвич (1873–1942). Під його керівництвом у різний час працювали Іван Фещенко-Чопівський (1884–1952, радник), Лев Геркен, Михайло Любимський (секретарі), Федір Буткевич, Павло Мамчур (аташе), Олександр Кравець, Петро Коломак (урядовці), Лев Чопівський, Денис Маєр-Михальський (завідувач пресового бюро), а також службовці по вільному найму – отаман [на той час генерал-майор – В. В.] Віктор Зелінський (консультант із військових справ), Казимир Рафалович (водій), Адам Червінський (механік), Ілько Убович (вістовий)¹⁴. У лютому 1920 р. з реорганізованої Військової місії УНР при НДМ була створена військова секція у складі генерал-поручика Сергія Дельвіга (1866–1944, голова), полковника Деміда Антончука (радник), хорунжих Василя (секретар) й Олександра Трепке, сотників Миколи Даньківа, Олександра Долинюка, Михальського та Якова Чайківського. До Місії належав і контр-адмірал Михайло Остроградський (1862–1923), який у квітні 1920 р. був призначений ще й уповноваженим Уряду УНР у справах військового та торговельного мореплавства на Півдні України¹⁵.

Місія опікувалася інтернованими вояками Армії УНР. Регулярно надсилала до таборів українські часописи та книжки. Зусиллями НДМ і табірної культурно-освітньої управи були відкриті курси грамоти для письменних козаків, загальноосвітні курси з викладанням німецької, румунської та французької мов, учительський і літературний гуртки, «Спілка художників», створені український хор і культурна організація «Громада» у таборі в м. Феґераш (рум. Făgăraș), почав виходити часопис «За гратами»¹⁶. Місія займалася пошуком роботи для інтернованих. Так, у червні 1921 р. на громадських роботах поблизу Бухареста працювала 131 особа, на цукровому заводі у Хотинському повіті – 100, на заводі у Джурджу (рум. Giurgiu) – 150 чоловік. За це козаки мали помешкання, харчування та щоденну платню у 10 леїв, фахівці – 20–30 леїв, а старшини-наглядачі – понад 50 леїв. Це давало їм можливість купити одяг і зробити невеликі заощадження. Згодом НДМ добилося того, щоб старшинам щомісяця видавали по одному комплекту одягу, два комплекти білизни і 300 леїв платні кожному. В таборі працювала споживча крамниця. У 1921 р. на Великдень НДМ виділила інтернованим 4 тис. леїв¹⁷.

Місія допомагала також й українцям Північної Буковини. Зокрема, грошова допомога і позики надавалися спортивному товариству «Довбуш» у Чернівцях. На прохання Чернівецької парафії НДМ організувала збір пожертв на купівлю дзвонів для греко-католицького храму¹⁸. Місія підтримувала матеріально і представників української культури. Так, упродовж кількох місяців письменниця Ольга Кобилянська (1863–1942) не отримувала пенсію від Міністерства освіти УНР. Тому НДМ виділила їй 2 тис. австрійських крон і 2 тис. російських (думських) рублів¹⁹. У першій половині 1921 р. вона двічі надала письменниці грошову допомогу (та в рахунок пенсії) на суму 550 австрійських крон і 1,3 тис. леїв, а згодом ще 3 тис. леїв пенсії за 1921 р. Українському художнику Євбезію Липецькому було замовлено портрети Богдана Хмельницького, Івана Мазепи й Тараса Шевченка по 2 тис. леїв кожний, художнику Миколі Івасюку (1865–1937) була надана грошова допомога в 1 тис. леїв для виїзду в Україну та на малювання картини «Богун веде козаків під Берестечко». Обидва художники виконали замовлення НДМ²⁰.

Місія намагалася підтримувати український студентський рух у Румунії. Наприкінці листопада 1920 р. НДМ планувала заснувати 30 стипендій по 1,2 тис. леїв кожна для незможних українських студентів у Бухаресті, Чернівцях та Яссах, надати матеріальну допомогу 5 студентським товариствам у тих самих містах по 5 тис. леїв кожному. Передбачалося також фінансово допомогти культурним товариствам і видавництвам, придбати підручники для українських шкіл, започаткувати публічні лекції та вистави²¹. Проте через нестачу коштів ці заходи були реалізовані лише частково. У березні 1921 р. НДМ сприяла створенню у Бухаресті українських студентських товариств і надала матеріальну допомогу кільком студентам²².

Місія започаткувала у Чернівцях видання тижневика «Народний голос». 22 квітня 1921 р. у цій справі К. Мацієвич зустрівся з міністром внутрішніх справ Румунії Костянтином Аржетояну (1871–1955) та міністром Буковини Доримедонтом (Дорі) Поповичем (1873–1950)²³. Дозвіл був одержаний. Редакцію тижневика очолив доктор права, адвокат, журналіст і видавець Лев Когут (1878–1947). Газета створювалася як демократичне, національне видання, що стояло на позиціях УНР і захисту національних інтересів Великої України. Три чверті накладу повинно було поширюватися за кордоном, решта – в Україні. Редакції заборонялося втручатися у справи внутрішньої політики влади на Північній Буковині й у Східній Галичині. Коректуру і письмові матеріали переглядав сам К. Мацієвич. Із його особистого фонду на видання тижневика виділялося 10 тис. леїв, що надсилалися представнику НДМ у Чернівцях Євгену Луговому. Останній відповідав за його поширення за кордоном і доставку в Україну²⁴. Наклад становив 5 тис. примірників і розподілявся між МЗС УНР у Тарнові, пресовим бюро, військовою секцією НДМ, представником НДМ у Чернівцях та редактором тижневика²⁵. Із часом тираж збільшився. У червні 1921 р. лише до України було відправлено 15 тис. примірників²⁶.

Газета почала виходити з травня 1921 р., проте після третього номера К. Мацієвич тимчасово припинив її видання. У липні того самого року він повідомив МЗС УНР про те, що «редактор, д-р Когут, не зрозумів характеру і напрямку газети. Тому я складаю тепер її тут, в Місії і надсилаю готовий матеріал для друку в Чернівцях і для випуску там газети. Велика користь нашого видання в тому, що вся газета в кількості 15 тис. примір-

ників вже на Україні»²⁷. Невдовзі редакцію газети очолив І. Созанський. Того самого року тижневик припинив своє існування і відновився 1923 р., але без участі НДМ.

Друківним органом дипломатичного представництва був *«Бюлетень Пресового Бюро НДМ УНР»* в Румунії. На його сторінках висвітлювалося життя української еміграції взагалі й окремих її організацій та місцевих осередків (колоній) зокрема.

На початку 1920-х рр. головним своїм завданням НДМ вважала об'єднання української еміграції. Для цього, на думку К. Мацієвича, необхідно було створити Український громадський комітет. У жовтні 1921 р. голова НДМ визначив головні завдання цього комітету: піклування долею інтернованих і біженців, захист їхніх матеріальних і духовних інтересів, культурно-освітня та кооперативна діяльність, налагодження зв'язку з румунською громадськістю та поширення ідей української державності. Тоді ж розпочалася підготовча робота²⁸. Однак Український громадський комітет, який пізніше отримав назву Громадсько-допомогового комітету, не став першою громадською організацією еміграції, що була започаткована з ініціативи та за сприяння НДМ.

У 1920 р. у Відні з ініціативи уряду УНР було створено Українське товариство (прихильників) Ліги Націй. Про необхідність відкриття його філії у країнах Європи С. Петлюра писав К. Мацієвичу ще у жовтні 1920 р.²⁹ А 21 вересня 1922 р. у приміщенні НДМ УНР у Бухаресті зібралась ініціативна група зі створення філії Українського товариства Ліги Націй (ФУТЛН) у Румунії. 1 жовтня там же відбулись установчі збори ФУТЛН. Було затверджено статут та обрано управу філії, до складу якої ввійшли голова та деякі члени НДМ³⁰.

Навесні 1923 р. керівництво НДМ продовжило організаційну діяльність на ниві об'єднання українських емігрантів, оскільки побоювалося ліквідації українського дипломатичного представництва в Румунії. В одному з листів до С. Петлюри голова НДМ обгрунтовував це так: *«На випадок все ж таки зачинення Місії, ми зараз переводимо велику організаційну роботу для того, аби замість неї залишити нові якісь центри і установи, що не допустили б розпорошення нашої еміграції»*³¹.

Другою громадською організацією української еміграції в Румунії, що виникла за сприяння НДМ і ФУТЛН, був Союз українських жінок-емігранток. Він розпочав свою діяльність у березні 1923 р. Серед його керівників – дружини членів НДМ Ніна Трепке, Антоніна Івашина.

У квітні 1923 р. у Бухаресті створене Українське співоче товариство *«Дума»* на чолі з композитором Миколою Бойченком (1896–1946). Під час його відкриття НДМ надала матеріальну допомогу у розмірі 500 леїв³².

З метою поліпшення економічного становища українських емігрантів було засноване перше в Румунії Українське ощадно-позичкове товариство *«Згода»*. Установчі збори кооперативу відбулися 6 травня 1923 р. у приміщенні НДМ. Головою Наглядової ради товариства обрали відомого в Росії й Україні кооператора та громадського агронома К. Мацієвича. Управа кооперативу знаходилася у приміщенні НДМ³³. Про важливість справи створення кооперативів К. Мацієвич писав С. Петлюрі у листі від 2 травня 1923 р.: *«Особливу Вашу увагу звертаю на наш почин організації Економічного Товариства. Аби такі організації утворилися скрізь: в Польщі, Чехії, Німеччині, Франції, Австрії та інших країнах, а потім об'єдналися в якусь союзню організацію, то з цього б вийшло досить поважне діло»*³⁴.

Дипломатична місія підтримувала українську пресу в інших країнах. У липні 1923 р. НДМ разом із ФУТЛН виділила журналу *«Сурмач»* щомісячну грошову допомогу на суму 200 тис. польських марок і передплатила 25 примірників часопису *«Трибуна України»*³⁵. Обидва журнали виходили у Польщі.

Наступним кроком в організаційному оформленні української еміграції в Румунії стало скликання 15–17 вересня 1923 р. її Першої конференції. Одним із ініціаторів форуму виступила НДМ. Вона ж надала своє приміщення для засідань, а її члени були обрані до президії конференції та Громадсько-допомогового комітету української еміграції в Румунії³⁶.

Однак і після припинення існування як дипломатичної установи НДМ брала участь у громадському житті еміграції в Румунії. Так, 26 травня 1926 р. у Бухаресті був створений Комітет імені С. Петлюри в Румунії. Заснували його представники всіх існуючих на той час у Румунії громадських організацій української еміграції та НДМ³⁷.

У **Болгарії** роль Посольства УНР у справі створення громадських організацій українських емігрантів була набагато меншою, ніж НДМ УНР у Румунії. За час свого існування (1918–1923) Посольство очолювали Олександр Шульгин (1889–1960), Федір Шульга та Василь Драгомирецький. Співробітниками представництва були Іоанкіій Додул, Микола Лаврик, Юліан Налісник, Петро Сікора, Дмитро Шелудько, по військовому найму – Юліан Вільчинський, військовим агентом (аташе) – генерал Борис Бобровський (1868–1933)³⁸. Посольство не виступило локомотивом у справі об'єднання української еміграції. У січні 1921 р. в. о. секретаря Посольства УНР в Болгарії В. Драгомирецький у доповіді до МЗС УНР аргументував це тим, що, по-перше, бракувало грошей не лише на допомогу біженцям, але й на утримання самого Посольства, яке могло підтримати співвітчизників тільки морально, тобто видати документи та безкоштовні квитки на виїзд із країни, рекомендувати на роботу, влаштувати військових на ночівлю до казарм тощо. У країні не існувало тоді жодної української організації, яка б гуртувала навколо себе емігрантів, оскільки серед них, на думку дипломата, не було на той момент ініціативних і національно свідомих українців. По-друге, дипломатичне представництво через свій офіційний статус не могло цього зробити³⁹.

Після приїзду у березні 1921 р. до Софії голови НДМ УНР в Румунії К. Мацієвича⁴⁰, який опікувався справами Посольства УНР у Болгарії, місцеве українське дипломатичне представництво здійснило низку заходів щодо надання допомоги біженцям/емігрантам та об'єднання їх у громадські організації. Допомога біженцям здійснювалася через Тимчасовий комітет Українського товариства Червоного Хреста, до складу якого входив і В. Драгомирецький. Завдяки ініціативі Тимчасового комітету місцева влада дозволила перетворити колишній військовий барак на притулок «Українська хата» для новопритоулених біженців, хворих та інвалідів. Ремонт барака українські емігранти здійснили самотужки⁴¹. Щодо створення громадських організацій, то дипломатичний агент УНР у Болгарії не виявив активності та наполегливості.

Ініціатором створення першої громадської організації в Болгарії виступив підполковник Армії УНР Василь Філонович (1894–1987). У листі до свого колишнього командира Архипа Кмети від 21 червня 1927 р. він згадував про події грудня 1920 – січня 1921 рр. так: «Коли я з групою українців приїхав з Царгороду до Болгарії і побачив повну незорганізованість, подав проект утворення укр[аїнської] організації. Цей проект н[ан] Драгомирецький відкинув і був взагалі проти такої організації. Однак я зібрав біля 30 душ, куди увійшли і н[ан] Храпко та н[ан] Круницький, і так заложена була перша укр[аїнська] організація на терені Б[олгарії]»⁴². Більш детально про ставлення керівника Посольства УНР В. Драгомирецького до справи згуртування емігрантів йшлося у доповіді В. Філоновича військовому міністрові УНР в екзилі генералові Володимирі Сальському (1885–1940) від 17 липня 1931 р. Керівник Посольства УНР не лише не допоміг відкриттю Української громади в Софії, але й відмовляв від будь-якої ініціативи у цій справі, оскільки це, на його думку, могло викликати «гонення» не лише щодо українських біженців, а й Посольства, бо «руськіє заклюють». Не сприяв В. Драгомирецький і поширенню українських організацій у болгарській провінції, оскільки вважав, що «можна працювати і так під “захистом” Укр[аїнської] легатії»⁴³. Згодом завдяки зусиллям В. Філоновича Українська громада була легалізована, з'явилася низка громадських організацій української еміграції⁴⁴. Зусиллями підполковника та за сприяння дипломатичного агенту УНР в Болгарії й одночасно голови Тимчасового комітету Українського Червоного Хреста В. Драгомирецького в Софії відкрився притулок «Українська хата»⁴⁵. З від'їздом наприкінці 1922 р. В. Філоновича до Чехословаччини дипломат перебрав на себе справу опіки над цими організаціями. Проте через зовнішні впливи з боку російських емігрантів і більшовицьких агентів та внутрішні чвари між українськими емігрантами, в яких брав участь і В. Драгомирецький, легальні українські громадські організації в Болгарії невдовзі були заборонені⁴⁶. А 1 травня 1923 р. і Посольство УНР в Болгарії припинило своє існування. Деякі його функції, крім видачі українських паспортів, перебрав на себе Українсько-болгарський комітет⁴⁷.

Оскільки у **Королівстві сербів, хорватів і словенців** місцева влада не визнавала УНР і ЗУНР й українських біженців як окрему категорію емігрантів, то й українські дипломатичні представництва, які там фактично діяли невеликий проміжок часу, але не мали офіційного статусу, теж не визнавалися. Відповідно їх діяльність мала обмежений

характер у справі створення мережі громадських організацій еміграції. Відкрите у січні 1921 р. Генеральне консульство УНР у Загребі на чолі з почесним консулом Стефаном Лукіяновичем започаткувало Українське пресове бюро під керівництвом Михайла Петріва (М. Гардовий), Український еміграційний комітет та «Академічну громаду» (Студентське товариство) у Загребі. Основний тягар організаційної роботи та фінансування цих організацій взяв на себе С. Лукіянович. Проте через недостатність фінансування консульства з боку Уряду УНР в еміграції та переведення його діяльності на громадські засади із часом пресове бюро і комітет припинили своє існування, а студентська організація продовжувала діяти до середини 1920-х рр. Почесний консул не лише надав «Академічній громаді» окрему кімнату в своєму приміщенні, але й «дбав про її господарський та просвітний розвиток»⁴⁸.

Отже, найбільшу активність у справі створення громадських організацій української еміграції у балканських країнах виявила Надзвичайна дипломатична місія УНР у Румунії. Вона не лише ініціювала створення цих організацій, а й фактично очолила їх. Голова та члени НДМ увійшли до складу керівних органів громадських організацій еміграції. Менш активним було Посольство УНР у Болгарії. У цій країні ініціативу в справі об'єднання українців у громадські організації виявив підполковник Армії УНР В. Филонович. У КСХС через нетривалий період існування і напівофіційний статус Генеральне консульство УНР не в змозі було виступити ініціатором створення українських громадських організацій.

¹ Павленко В. Дипломатична місія Української Народної Республіки в Болгарії (1918–1920 рр.) // Український історичний журнал. – К., 1992. – № 12. – С. 18–31; Вішка О. Українські дипломатичні, військові та економічні представництва у Варшаві в 1919–1923 рр.) // Україна дипломатична – 2007: Наук. щорічник. – Вип. 8. – К., 2007. – С. 162–175; Власенко В. Надзвичайна дипломатична місія УНР у Румунії – організатор громадсько-політичного життя української еміграції // Сумська старовина. – 2008. – № 25. – С. 76–84; Його ж. Документи і матеріали Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії (1919–1923 рр.) // Пам'ятки: археографічний щорічник. – Т. 8. – К., 2008. – С. 129–160; Саган Г. Місце «української ідеї» у становленні дипломатичної служби УНР у Королівстві сербів, хорватів і словенців // Українознавчий альманах. – К., 2010. – № 2. – С. 52–54; Власенко В., Сапсай О. Склад і структура Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії // Суспільно-політичні процеси на українських землях: історія, проблеми, перспективи: зб. матер. III Всеукр. наук.-практ. конф., м. Суми, 17 квітня 2015 р.: у 2-х ч. – Суми: СумДУ, 2015. – Ч. 1. – С. 56–64.

² Троицький В. П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. – К.: Інтел, 1994. – 259 с.

³ Срібняк І. В. Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919–1924 рр.). – К.: [б. в.], 2000. – 280 с.; Власенко В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки: археографічний щорічник. – Т. 12. – К., 2011. – С. 124–145; Його ж. До історії української еміграції у Південно-Східній Європі (Український Червоний Хрест на Балканах) // Пам'ятки: археографічний щорічник. – Т. 14. – К., 2013. – С. 75–92.

⁴ Павленко В. Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. – К., 1995. – 224 с.

⁵ Козлитин В. Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). – Харьков: «РА», 1996. – 476 с.; Його ж. Українські громадські організації в Югославії (20–30-ті рр. XX ст.) // Українці Хорватії. Матеріали і документи = Ukrajinci Hrvatskeje. Materiali i dokumenti. – Кн. 1. – Загреб: Grafika, 2002. – С. 21–37.

⁶ Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). – К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 1997. – 128 с.; Павленко М. Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умови перебування (1919–1924 рр.). – К., 1999. – 352 с.

⁷ Доманицький В. Кость Мацієвич (Замість вінка на могилу). – К., 1943; Власенко В. Штрихи до портрета Костя Мацієвича // Сумська старовина. – 1997. – № 1. – С. 25–30; Матвієнко В., Головченко В. Історія української дипломатії ХХ століття у постатях. – К., 2001. – С. 78–82; Власенко В. Агроном і дипломат. Штрихи до біографії Костя Мацієвича // Політика і час. – К., 2002. – № 10. – С. 78–86; Його ж. Кость Мацієвич: штрихи до портрета // Вісник Львівської комерційної академії. Сер.: гуманітарні науки. – Вип. 4. – Львів, 2002. – С. 67–78; Табачник Д. Українська дипломатія: нариси історії (1917–1990 рр.). – К., 2006. – С. 278–297; Єпик Л. І. К. А. Мацієвич – науковець, дипломат, громадсько-політичний діяч // Український історичний журнал. – 2007. – № 1. – С. 125–135; Власенко В. Візит Костя Мацієвича до Болгарії навесні 1921 р. // Суспільно-політичні процеси на українських землях: історія, проблеми, перспективи: зб. матер. III Всеукр. наук.-практ. конф., м. Суми, 17 квітня 2015 р.: у 2-х ч. – Суми: СумДУ, 2015. – Ч. 1. – С. 3–7 та інші.

⁸ *Власенко В.* Перша хвиля міжвоєнної української політичної еміграції до Болгарії // *Българска украинистика*. – 2013. – № 3. – С. 172–184; *Його ж.* Друга хвиля міжвоєнної української політичної еміграції у Південно-Східній Європі // *Сумська старовина*. – 2013. – № XL. – С. 22–35; *Его же.* Вторая волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.) // *Русин*. – 2014. – № 2 (36). – С. 270–284; *Его же.* Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии // *Русин*. – 2014. – № 4 (38). – С. 99–114; *Его же.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // *Русин*. – 2014. – № 1 (35). – С. 105–120; *Його ж.* Формування міжвоєнної української політичної еміграції в Югославії (перша хвиля) // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. – 2014. – Вип. XXXIX. – С. 85–91; *Його ж.* Третя хвиля міжвоєнної української еміграції до Болгарії // *Дриновський збірник*. – Харків–Софія, 2015. – Т. VIII. – С. 184–195; *Його ж.* Третя хвиля міжвоєнної української еміграції до Югославії // *Русинистичні студії = Ruthenian studies: електронско издање / [главни редактор Юлиян Тамаш]*. – Нови Сад: Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, 2015. – С. 103–132; *Його ж.* Евакуація російської армії генерала П. Врангеля з Криму: український контекст // *Ucraina magna*. – К., 2016. – Vol. 1: Українська політична еміграція у XX столітті: досвід культурно-спільнотного себепредставлення і самоутвердження у Західному світі. – С. 208–221.

⁹ *Власенко В. Н.* Натурализация украинской эмиграции в Болгарии в межвоенный период // *Анамнеза [историческое списание] / Софийски ун-т «Св. Климент Охридски»*. – Год. X. – София, 2015. – Кн. 1. – С. 18–33.

¹⁰ *Власенко В. М.* Соціальна структура міжвоєнної української політичної еміграції в Румунії // *Сумська старовина*. – 2015. – № XLVI. – С. 43–53.

¹¹ *Власенко В.* Правове становище міжвоєнної української еміграції в Румунії (міжнародний аспект) // *Сумська старовина*. – 2014. – № XLV. – С. 29–36.

¹² *Власенко В.* Консервативно-гетьманське середовище міжвоєнної української еміграції в країнах Південно-Східної Європи (1918–1939) // *Сумський історико-архівний журнал*. – 2015. – № XXV. – С. 56–67; *Власенко В., Гузун В.* Національно-демократичне середовище міжвоєнної української еміграції в країнах Південно-Східної Європи // *Сумська старовина*. – 2016. – № XLVIII. – С. 25–49.

¹³ *Козлітін В.* Українські громадські організації в Югославії (20–30-ті рр. XX ст.) // *Українці Хорватії. Матеріали і документи = Ukrajinci Hrvatskeje. Materiali i dokumenti*. – Кн. 1. – Загреб: Grafika, 2002. – С. 21–37; *Власенко В.* Українська громада у Белграді у міжвоєнний період (за матеріалами паризького «Тризуба») // *Київська старовина*. – 2011. – № 1. – С. 123–136; *Його ж.* Українська громада у Великому Бечкерекі (Югославія) у міжвоєнний період // *Київська старовина*. – 2011. – № 3. – С. 41–48; *Його ж.* Філія Українського національного козацького товариства у Болгарії (1923–1936) за матеріалами болгарського і чеського архівів // *Дриновський збірник*. – Харків–Софія, 2012. – Т. V. – С. 428–443; *Його ж.* Українське культурне об'єднання в Болгарії // *Дриновський збірник*. – Харків–Софія, 2014. – Т. VI. – С. 87–97 та інші.

¹⁴ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО), ф. 3696, оп. 1, спр. 69, арк. 9.

¹⁵ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 87.

¹⁶ *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // *Табор*. – Варшава, 1930. – Кн. 13. – С. 61; *Життя інтернованих в Румунії* // *Воля*. – Відень, 1921. – Т. IV. – Ч. 9–10. – С. 391–392.

¹⁷ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 155зв; спр. 489, арк. 125зв.

¹⁸ Там само, ф. 3696, оп. 1, спр. 162, арк. 25.

¹⁹ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 215, арк. 272–272зв.

²⁰ Там само, ф. 3696, оп. 1, спр. 161, арк. 13; оп. 2, спр. 259, арк. 19.

²¹ Там само, ф. 2471, оп. 1, спр. 1, арк. 32–32зв; *Власенко В.* Документи і матеріали Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії (1919–1923 рр.). – С. 135–136.

²² ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 48.

²³ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 446, арк. 12зв–13.

²⁴ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 354, арк. 54.

²⁵ Там само, ф. 3696, оп. 1, спр. 161, арк. 17.

²⁶ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 156; спр. 354, арк. 71.

²⁷ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 354, арк. 71.

²⁸ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 259, арк. 93–93зв.

²⁹ *Вибрані листи С. В. Петлюри до К. А. Мацієвича* // *Пам'ять століть*. – К., 2001. – № 4. – С. 29.

³⁰ ЦДАВО, ф. 4465, оп. 1, спр. 9, арк. 126–127. Більш детально про Філію УТЛН в Румунії див.: *Власенко В.* Кость Мацієвич на чолі Філії Українського товариства Ліги Націй у Бухаресті (1922–1925) // *Український вимір: 36 матеріалів міжнар. наук. конф.* – Вип. 6. – Ніжин, 2007. – С. 82–85; *Його ж.* Філія Українського товариства Ліги Націй у Бухаресті: перші кроки // *Література та культура Полісся: Збірник*. – Вип. 38: Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях. – Ніжин: [б. в.], 2007. – С. 160–170.

³¹ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 7, арк. 298; *Листи Костя Мацієвича до Симона Петлюри (1920–1923 рр.)* / *Упоряд., вступ. стаття та коментарі В. Власенка*. – Суми: ФОП Наталуха А. С., 2009. – С. 66.

- ³² ЦДАВО, ф. 4465, оп. 1, спр. 157, арк. 16.
- ³³ Павленко М. Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умови перебування (1919–1924 рр.). – С. 283.
- ³⁴ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 7, арк. 302зв; Листи Костя Мацієвича до Симона Петлюри (1920–1923 рр.). – С. 76. Більш детально про кооперативний досвід української еміграції в Румунії див.: Власенко В. Кооперативний досвід міжвоєнної української політичної еміграції в Румунії // Український селянин. – Черкаси, 2010. – Вип. 10. – С. 203–206.
- ³⁵ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 7, арк. 306зв; Листи Костя Мацієвича до Симона Петлюри (1920–1923 рр.). – С. 84.
- ³⁶ Детальніше про Громадсько-допомоговий комітет у Румунії див.: Власенко В. Перша конференція української еміграції у Румунії (до 85-річчя з дня заснування Громадсько-допомогового комітету української еміграції у Румунії) // Українознавство – 2008. Календар-щорічник. – К.: Укр. центр духовн. культури, 2007. – С. 172–178; Його ж. Самооподаткування міжвоєнної української політичної еміграції у Румунії // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: Історичні науки. – Вип. 15. – Острог, 2010. – С. 99–109; Його ж. Третя конференція міжвоєнної української еміграції в Румунії (до 85-річчя від дня проведення) // Студії з архівної справи та документознавства. – К., 2010. – Т. 18. – С. 170–175; Його ж. Громадсько-допомоговий комітет української еміграції в Румунії кризь призму її конференції // Особистість, суспільство, держава: проблеми минулого і сьогодення: матер. II Міжнар. наук.-практ. конф.: у 2 ч. (Суми, 18 квітня 2016 р.). – Суми: СумДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 3–15.
- ³⁷ ЦДАВО, ф. 4465, оп. 1, спр. 1087, арк. 18.
- ³⁸ Налисник Ю. Перше посольство Української Держави в Болгарії (спогад з-перед 20-ти років) // Історичний календар-альманах «Червоної калини» на 1939 рік. – Львів, 1938. – С. 164–168; Історія української дипломатії: перші кроки на міжнародній арені (1917–1924 рр.): Документи і матеріали. – К.: Вид-во гуманіт. л-ри, 2010. – С. 206–207.
- ³⁹ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 68–69.
- ⁴⁰ Більш детально про візит К. Мацієвича до Болгарії див.: Власенко В. М. Візит Костя Мацієвича до Болгарії навесні 1921 р. // Суспільно-політичні процеси на українських землях: історія, проблеми, перспективи: збірник матеріалів III Всеукр. наук.-практ. конф., м. Суми, 17 квітня 2015 р.: у 2-х ч. – Суми: СумДУ, 2015. – Ч. 1. – С. 3–7.
- ⁴¹ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 56зв–57.
- ⁴² Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО), ф. 269, оп. 2, спр. 261, арк. 41.
- ⁴³ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 277, арк. 97; Власенко В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах. – С. 130–131.
- ⁴⁴ Про створення Української громади в Болгарії див.: Власенко В. До громадсько-політичної діяльності Василя Филоновича у Болгарії у 1921–1922 рр. // Київська старовина. – К., 2010. – № 6. – С. 97–115; Його ж. Українська громада в Болгарії (за матеріалами паризького тижневика «Тризуб») // Сумська старовина. – 2011. – № 35. – С. 14–27.
- ⁴⁵ Хвиля В. Болгарія // Нова Україна. – Прага, 1923. – Ч. 6. – С. 174; Централен държавен архив на Република България, ф. 1717К, оп. 1, а.е. 373, л. 1, 2гр.
- ⁴⁶ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 277, арк. 98–98зв; Власенко В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах. – С. 132.
- ⁴⁷ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 267, арк. 21.
- ⁴⁸ Петрів М. Українці в Югославії // Літопис політики, письменства і мистецтва. – Берлін, 1924. – Кн. 1. – Зшиток 12 (22 березня). – С. 189.

КОНСТРУИРАНЕ НА ИДЕНТИЧНОСТТА В КОНТЕКСТА НА ПАНЕВРОПЕЙСКА МОБИЛНОСТ (УКРАИНЦИТЕ В БЪЛГАРИЯ И БЪЛГАРИТЕ В УКРАИНА)

П. Христов

Христов П. Конструирание на идентичността в контекста на паневропейска мобилност (украинците в България и българите в Украйна). В статията са представени предварителните резултати от изследователския проект между Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей при БАН и Института за изкуствознание, фолклористика и етнология при НАН на Украйна. В контекста на пан-европейска мобилност двата екипа (от София и от Киев) изследват културните характеристики на диаспората в двете страни и държавните политики по въпроса.

Ключови думи: идентичност, мобилност, диаспора, България, Украйна.

Христов П. Конструирания идентичности в контексті пан-европейської мобільності (українці в Болгарії та болгарини в Україні). У статті представлено попередні результати дослідницького проекту між Інститутом етнології і фольклористики з Етнографічним музеєм БАН та Інститутом мистецтвознавства, фольклористики та етнології при НАН України. В контексті пан-европейської мобільності дві групи (із Софії та Києва) досліджують культурні характеристики діаспор у двох країнах і державну політику у цьому питанні.

Ключові слова: ідентичність, мобільність, діаспора, Болгарія, Україна.

Christov P. Construction of Identity in the Context of Pan-European Mobility (Ukrainians in Bulgaria and Bulgarians in Ukraine). The paper presents the preliminary results of the joint project conducted by the Institute of Ethnology and Folklore Studies with Museum and the M. Rylsky Institute of Art Studies, Folkloristics and Ethnology. In the context of pan-European mobility, the two teams (from Sofia and Kiev) study the characteristics of the cultures of the diasporas of the two countries and the state cultural policies.

Keywords: identity, mobility, diaspora, Bulgaria, Ukraine.

Динамичните политически промени в Източна и Югоизточна Европа в последното десетилетие на изминалия XX век донесоха съществени изменения в идеите за начините, посредством които се конструират нациите и се създават националните идентичности в началото на новото трето хилядолетие. Оптимистичната мечта на идеолозите на националноосвободителните движения от XIX век за възможността да бъдат създадени устойчиви суверенни национални държави с ясно очертани граници, последвана от песимистичните прогнози на редица философи от следващия XX век за края на историята и за възможността да съществува един хомогенен свят без нации и национализъм, бяха опровергани или изменени до неузнаваемост от падането на Берлинската стена и разширяването на новото мултинационално обединение Европейски съюз, в което отделните държави членки са принудени да се разделят с част от своя държавен суверенитет, разбиран в понятията на миналото.

Границите на отделните държави се „отварят“, а активните трансгранични миграционни процеси в Източна Европа през първото десетилетие на XXI век се превърнаха в главен катализатор за дискусиите относно концепцията за хомогенната национална идентичност и национална култура, които се приемат все още за даденост. Оптимистите в Европейския съюз настояват, че либералната демокрация може да конструира едно „равноправно мултикултурно общество“, където „е възможно да се приеме, без това да е заплаха за цялостното единство на едно национално общество, че малцинствата имат право на свой собствен език в семейството и общността, право да практикуват религията си, да организират местните и семейните си отношения по свой собствен начин и да поддържат обичаите си“¹. Но само преди няколко години германският канцлер Ангела Меркел публично се отказа от политиката на мултикултурализъм в Германия и така опроверга този оптимизъм. И докато някои автори твърдят, че националната държава е в криза², то по-

добно на античния Янус през последните две десетилетия тя показва своята многоликост – крахът на бившия Съветски съюз и на Федеративна Югославия ясно демонстрира как от пепелта на разпадналите се мултинационални общности като птица феникс се ражда отново националната държава.

Подобни процеси наблюдаваме и днес, когато сме свидетели на борбата за създаване на нови национални държави. При това държавата, гражданите и тяхната култура са свързани чрез разнообразни връзки, далеч от класическия европейски (т.нар. „западен“) модел, предполагащ гражданите на нацията държава да споделят общ език, култура и идентичност³. И едва след като придобие статута на независима национална държава, едва тогава нейният елит търси начини за постигане на членство в една от няколкото транснационални структури, например в ЕС или в Евразийския съюз, доминиран от Русия. А тогава изборът е труден и невинаги – удачен, както показва колебливата политика на бившия президент на Украйна Виктор Янукович. От една страна, бързо развиващите се понастоящем и в Югоизточна Европа процеси на глобализация и трансгранична мобилност, както и влиянието на транснационалните организации и институции, като тези на ЕС например, създават нови условия и налагат нови символни значения при създаването на нови, динамични и преходни национални идентичности⁴; от друга страна, това е съпроводено и с нарастване на значението на самоидентификацията с локални общности от разнообразен характер⁵.

Двойният преход на редица източноевропейски страни към западния модел на либерална демокрация и към пазарни отношения, т.е. към премахване на държавната хегемония в икономиката, съвпадна с новата фаза на развитие на капитализма – с неговата глобализация. В редица страни като България например това бе съпроводено с разпадането на редица икономически, политически и социални структури, играли важна роля в обществото през предходните повече от четридесет години. В антропологична перспектива това означаваше деградация на дотогава съществуващите социални мрежи и опит за създаване на нови. Деветдесетте години на миналия век показаха несъстоятелността на политическата концепция за „историческа обратимост“ към социалните реалности от епохата преди социализма⁶. Интеграцията на източноевропейските страни в ЕС се превърна едновременно в начин за трансформация на предишните икономически, социални и политически структури, но и на заимстване на нови модели за изграждане на нацията, като се придават нови значения на националната идентичност⁷.

В тази перспектива бързо развиващата се трансгранична миграция към Западна Европа може да бъде интерпретирана и като създаване на мост между старите концепции за национална идентичност, съществували в социалистическата реалност на бившия Източен блок, и новото разбиране за идентичността, възприета от хората, живеещи в условията на паневропейска мобилност. През последните две десетилетия миграцията от източноевропейските страни е главен катализатор както за разграничаването между територия, нация и култура, т.е. главните идеологически съставки на идеята за нацията държава, така и за дискусиите относно концепциите за хомогенна национална идентичност и национална култура, които се приемат за историческа даденост⁸. Новите възможности за мобилност на хората в условията на открити европейски граници поставиха напоследък в нов контекст и по нов начин отношенията на националната държава с диаспората – историческа и нововъзникнала. Това важи в пълна сила и за отношенията на българската държава с историческата диаспора, често наричана в медиите „външните българи“.

На диаспората се отрежда съществено място в бързо развиващите се процеси на трансформации на националните идентичности в страните от Източна Европа – както в страната приемник, така и в метрополията⁹. През последните две десетилетия и в България често се чуват гласове от разнообразни обществени кръгове – както научни, така и политически, че демографската криза в страната може да бъде разрешена посредством „внасяне“ на етническо българско население от историческата диаспора; издига се повикът за „завръщане в историческата родина“. Именно тези призови, огласени през медиите, провокираха нашия с колегите от ИЕФЕМ–БАН изследователски интерес за проучване и анализ на процесите, развиващи се сред българските общности в Южна Украйна, и преди всичко в Одеска област (историческа Бесарабия) и Приазовието. Подобни проучвания не са новост – съществуват изследвания и за динамиката на етнокултурната идентичност на бесарабските българи в десетилетията на постсоциализма¹⁰, и за трудовите миграции сред бълга-

рите в Молдова и Югозападна Украйна¹¹, и за теоретичната рамка при интерпретирането на отношенията историческа диаспора – метрополия в постсоциалистическия период¹².

Новост в това проучване обаче е проследяването на динамиката на бързопроменящата се социална и политическа среда в Украйна, от една страна, и вариативността на изследователските гледни точки. В контекста на избора на интерпретационни парадигми, при колебанията между разнообразните концепции за преодоляване на методологическия национализъм¹³, досега е оставала встрани „вътрешната гледна точка“, т.е. миграционните нагласи, изборът на дестинация и готовността за мигриране сред българската общност в Южна Украйна. Изследването предлага обръщане на перспективата, с други думи, това е проучване „на терен“ на миграционните стратегии на младите българи в Украйна, за които историческата прародина България е желана, но само една от възможните дестинации за миграция – временна или постоянна.

Тук трябва да отбележим, че връзките между българските и украинските учени имат вековна история. През втората половина на XIX век новоосвободената българска държава се превръща в притегателен център за редица украински интелектуалци като Михаил Драгоманов, Иван Франко, Леся Украинка и много други¹⁴, а известният български учен Иван Шишманов, един от основателите на модерната академична етнология в България, е първият български пълномощен министър в Украинската Народна Република при управлението на Павло Скоропадски през 1918–1919 г. Втората половина на XX век също е белязана от активни научни контакти и ползотворни културни връзки между двете страни – възхитен от красотата на „страната на тютюна, розите и гроздето“ (*«країна тютюну, троянд і винограду»*), след посещенията си в България през 1957 и 1963 г. Максим Рилски пише поетичния цикъл *«Вірші про Болгарію»*, възпяващи природните красоти и героичната история на България¹⁵. В съвременна България благодарение на активната работа на украинските организации като „Маги Украина“ в София се работи активно за опазване на националната идентичност сред младите представители на диаспората.

Всичко това ни дава основание да продължим изследванията, свързани с динамиката на многоизмерните идентичности на българите в Украйна и на украинците в България, съвместно с колегите от Института за изкуствознание, фолклористика и етнология при НАН на Украйна. Изследванията са базирани върху анализа на социалните и културните промени, съпътстващи интеграционните процеси на прием и членство на отделните страни в ЕС. Най-важният аспект на предлаганото изследване е анализ на процесите на преодоляване на границите (или издигането на нови такива) и рушенето на националните стереотипи от миналото, развитието на нова национална идентичност и преходът към транснационални идентичности в контекста на широка паневропейска мобилност. Главният резултат от изследването ще бъде създаване в рамките на проекта на форум за съвместни дискусии относно регионалните процеси на конструиране на национална идентичност в условията на настоящия период на ускорена глобализация и нарастваща мобилност.

Планираме членството в ЕС и процесът на европейска интеграция да бъдат анализирани в различни аспекти:

- Как Източна и Югоизточна Европа ще бъдат интегрирани и какви ще са последиците за културно-историческото им наследство?
- Какво дава интеграцията на страните от Източна Европа на „Запада“?
- Как членството в ЕС и свързаното с него свободно движение на хората влияе върху националната идентичност и самосъзнанието?
- Доколко членството в ЕС и процесът на интеграция развиват евроскептицизъм, негативизъм и възраждане на национализма?
- Как се задвижват механизмите за създаване на трансгранични и регионални идентичности?
- Дали създаването на общоевропейска идентичност е реалност в условията на паневропейска мобилност или е само далечна перспектива, конкретно в България и Украйна?

В условията на отворен диалог специалистите от България и Украйна, съвместно с изследователи от Румъния, Сърбия, Полша и други страни, занимаващи се с интердисциплинарно проучване на динамиката на конструиране на идентичностите в исторически, етнологичен и антропологичен аспект, ще могат да дискутират резултатите от своите

изследвания на различни аспекти и последици от съвременните миграционни процеси в двете страни, специално сред представителите на диаспоричните групи. Чрез реализацията на проекта ще може да се осъществи изграждането на широка международна мрежа от специалисти от Източна и Югоизточна Европа, основа за бъдещи съвместни проучвания на миграционните процеси. Посредством обмена на знания и на изследователска методика, чрез съвместна работа и дискусии ние ще можем да създадем и обща база данни.

И първите резултати са вече налице – съвместно участие в редица международни конференции, публикации на членовете на двата екипа в престижни научни издания в България, Украйна, Полша, Русия и Сърбия. Всичко това ни вдъхва оптимизъм, че въпреки сложната международна обстановка, кризата и трудностите в двете страни, нашата съвместна работа ще продължи и проектът ще завърши успешно и ползотворно.

¹ *Rex J. Ethnic Identity and the Nation State: the Political Sociology of Multicultural Societies // Social Identities. – 1995. – № 1. – P. 30–31.*

² *Beck U. Was ist Globalisierung?: Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.*

³ *Čapo Žmegač J. Parochial Transnationals: Being of Croatian Descent in Germany // Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration / Edited by E. Marushiakova. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 323.*

⁴ *Angulo M. I. Nation Building within the European Union: Reframing Bulgarian National Identity from Abroad // Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration / Edited by E. Marushiakova. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 154.*

⁵ *Hristov P. Migration and New “Old” Identities: Balkan Patterns // Migration and Identity: Historical, Cultural and Linguistic Dimensions of Mobility in the Balkan / Edited by P. Hristov. – Sofia: Paradigma, 2012. – P. 214.*

⁶ *Hristov P. Inheritance after Restitution: Modern Legislative Norms and Customary Practices in Rural Bulgaria // Global Villages. Rural and Urban Transformations in Contemporary Bulgaria / Ed. by G. Duijzings. – London: Anthem Press, 2013. – P. 131.*

⁷ *Angulo M. I. Nation Building within the European Union... – P. 155.*

⁸ *Čapo Žmegač J. Parochial Transnationals... – P. 323.*

⁹ *Vertovec S. Transnationalism. – London & New York: Routledge, 2009. – P. 94–95.*

¹⁰ *Пимпирева Ж. Динамика на етнокултурната идентичност на бесарабските българи в постсоциалистическия период // Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност / Съст. Ж. Пимпирева. – София: Логис, 2012. – С. 131–165.*

¹¹ *Средкова С. Криза и всекидневие на бесарабските българи в постсоциалистическия период // Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност / Съст. Ж. Пимпирева. – София: Логис, 2012. – С. 284–292.*

¹² *Лулева А. „Завръщане“ на бесарабски българи в България – интерпретативни рамки за изследване на процеса // Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност / Съст. Ж. Пимпирева. – София: Логис, 2012. – С. 343–357.*

¹³ *Срв. Лулева А. „Завръщане“ на бесарабски българи... – С. 347–348.*

¹⁴ *Христов П. Шишманов, България и българите през погледа на украинските учени в следсвобожденска България / П. Христов, Е. Петрова // Шишманови дни 2012 / Ред. Л. Пейчева. – София: Академ. издателство „Проф. М. Дринов“, 2013. – С. 208–214.*

¹⁵ *Руда Т. Болгария в биографii і творчості Максима Рильського // Слов’янський світ. – Вип. 10. – Київ, 2012. – С. 151.*

НОСТАЛГИЧНИ ВРЪЗКИ, ЕТНОКУЛТУРНА ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЕВРОИНТЕГРАЦИОННИ ВЪЗГЛЕДИ СРЕД УКРАИНСКИ МИГРАНТИ В ОБЩИНА СЛИВЕН В БЪЛГАРИЯ

Т. С. Матанова

Матанова Т. С. Носталгични връзки, етнокултурни идентификация и евроинтеграционни възгледи сред украински мигранти в община Сливен в България. В статията се разглеждат езиковите, музикалните, родовите, хранително-вкусовите и предметните носталгични връзки на украински мигранти, както и етнокултурните и други самоидентификации на украински мигранти в община Сливен в България. В допълнение са представени и някои мнения на анкетираните относно влизането на Украйна в Европейския съюз.

Ключови думи: украински мигранти; носталгични връзки; самоидентификация; Украйна в Европейския съюз.

Матанова Т. С. Носталгичные связи, этнокультурная идентификация и евроинтеграционные взгляды среди украинских мигрантов в общине Сливен в Болгарии. В статье рассматриваются языковые, музыкальные, родовые, пище-вкусовые и предметные носталгичные связи украински мигрантов в Сливенской общине в Болгарии. В тексте также представлены и некоторые мнения респондентов о принятии Украины в Евросоюз.

Ключевые слова: украинские мигранты; носталгичные связи; самоидентификация; Украина в Европейском Союзе.

Matanova T. S. Nostalgic ties, ethnocultural identification and eurointegrational views among Ukrainian migrants in Sliven municipality in Bulgaria. The article studies the nostalgia in language, music, nutrition, kin and objects of Ukrainian migrants in Sliven municipality in Bulgaria. In the text are presented also the opinions of some respondents of the acceptance of Ukraine in the European Union.

Keywords: Ukrainian migrants; nostalgic ties; self-identification; Ukraine in the European Union.

Имиграция на украинците в България

В България се наблюдават няколко имиграционни вълни от Украйна. В периода, когато България е част от Османската империя, украинци от Кримския полуостров и Северното Причерноморие подкрепят българите във войните им за освобождение¹. В първата половина на XIX в. на територията на България живеят украински казаци, а както документира паметникът на връх Шипка, имената на шест украински пехотни полка се виждат и във вградените в стените паметни плочи². Въпреки това се смята, че първата украинска миграционна вълна, представена от незначителна група украински интелектуалци и поради което характеризирани като индивидуална и разнородна, протича в края на XIX в.³ Втората вълна, в периода между двете световни войни, т.е. след Октомврийския преврат в Русия през 1917 г. и гражданската война, е доста по-многобройна⁴. Въпреки че до края на XX в. тази украинска емиграция е разглеждана от българските и съветските (руските) изследователи в по-общ план като част от белогвардейската емиграция, като част от тази вълна съставят запорожките казаци⁵, тя се отличава от другите етнически миграции заради използвания термин «украински» за назоваването на своите организации⁶. Третата вълна пристига в България в годините на социалистическия режим и може да бъде характеризирани като „брачна миграция“, тъй като основната причина за емиграцията в този период е сключването на брак с български граждани⁷. За четвърта вълна се смята трудовата и индивидуалната миграция от края на XX в., в която мигриращите са младежи с висока квалификация⁸.

В настоящия текст фокусът е поставен върху украинци от третата и четвъртата имиграционна вълна, живеещи в Сливен, и техните носталгични връзки, етнокултурни самоидентификации и евроинтеграционни възгледи за Украйна.

Статистически и емпирични данни

През м. юли 2015 г. в медиите се разпространяват новини, че в Сливен „Украинци искат общински жилища...“⁹, че има „Три украински фирми с бизнес в Сливен“¹⁰. Оказва се, че всъщност става въпрос за около 30–40 млади украинци с бесарабско-български произход, IT-специалисти от района на Таврия и градовете Запорожие и Мелитопол, т.е. представители на четвъртата имиграционна вълна.

Статистически данни от последното преброяване на населението в България сочат, че към 1 февруари 2011 г. живеят 43 души, причисляващи себе си към украинската етнична група, от които 31 определят украинския за свой майчин език, а останалите 12 – руския език. Освен тях в преброяването са се включили и пет души с български етничен произход, но с украински майчин език. Последните има вероятност да са деца от българо-украински или бесарабско-български бракове, чиито майки са украинки и поради това са определили украинския език като майчин. Статистическите изследвания показват също, че от тези украинци 6 са родени през 30-те години на XX в., 9 – през 50-те години, 10 – през 60-те и 5 – през 70-те години на XX в.¹¹ В община Сливен живеят и украински емигранти, които са вече с българско гражданство. По данни на отдел „Миграция“ към Областна дирекция на МВР–Сливен на територията на област Сливен към 30 септември 2015 г. пребивават 128 души, от които 81 са с право на постоянно пребиваване в страната, а 47 души са с право на продължително пребиваване. Съответно, следва последните цифри да посочват броя на в началото споменатите IT-специалисти и евентуално някои студенти от Украйна, а първите – живеещите в смесени бракове украинци и украинки.

В рамките на десет дни през февруари 2015 г. са интервюирани 11 души¹², осем от които са с украински произход, двама – с българо-украински и един – с бесарабско-българо-украински произход. Тъй като в областта не съществуват нито украинско дружество, нито украински ресторант, нито украински магазин, по-голямата част от респондентите са открити чрез руското дружество в Сливен „Отчий дом“ и чрез руско-етнични близки, а другата част са техни познати или познати на запитаните украинци. Интервюираните украинци принадлежат към всички споменати възрастови групи, т.е. те са на възраст между 45 и 78 години. Само един от тях е от мъжки пол, а всички останали са жени, омъжени в България. От интервюираните 11 души по един са от Киевска, Тернополска, Полтавска и Черниговска област, а останалите са свързани с Днепропетровска и Донецка област.

Носталгия и носталгични връзки с Украйна

Незаменимостта на родината и неспособността за откъсване от своята културна и етнична обвързаност обикновено поражда носталгични чувства в сърцето на емигранта. През XVII в. носталгията е смятана за болест¹³, а след XIX в. в Германия е разглеждана като гражданска добродетел. Днес културологичните науки я изследват като антропологична константа, която не зависи от културния произход на човека, а от това дали той живее като емигрант, или не¹⁴. Най-важната ѝ функция е, че тя му осигурява, „символично завръщане“¹⁵ в едно определено битийно пространство¹⁶ с качества на родина, което съживява чувствата за близост и сигурност.

Носталгията към родината, в този случай към Украйна, може да бъде проследена чрез носталгичните връзки на интервюираните украинци, съставлящи и същността на тяхната носталгия. Към тях спадат *езиковата носталгия*, т.е. когато емигрантът има желанието, но няма възможността да ползва активно майчиния си език; *музикалната носталгия* – когато емигрантът изпитва потребност да се наслади на традиционната фолклорна музика, която е автентична за всяка страна; *родовата носталгична връзка* – когато връзката със страната на месторождение е основана на семейни и родови връзки; *хранително-вкусовата носталгия* – която се проявява при невъзможността да се консумират любими хранителни продукти от детството, от миналото; и *предметната носталгия*, т.е. липсата на родни предмети и вещи от миналото.

Ако се приеме, че *езиковата носталгия* е налице, когато съществува желанието, но не и възможността за ползване на майчиния език в активното общуване с роднини и познати от украински произход, за четенето на книги и гледането на украинска телевизия, то сред

запитаните такава носталгия по-скоро е рядкост. С изключение на четирима респонденти¹⁷ запитаните почти не комуникират на украински със своите близки в България и Украйна или защото не им харесва езикът, или защото в областите и в семействата, в които живеят роднините им, се говори предимно на руски език¹⁸. Прави впечатление, че те сънуват или на български, или на руски, но не и на украински език. Също така украинците държат в своите библиотеки малко български и много руски книги, последните купувани най-вече от съществуващата през социалистическо време руска книжарница в Сливен. Две от жените имат наред с руските книги по една украинска¹⁹ и само една от запитаните показва своето украинско литературно богатство – тритомно издание с творчеството на Тарас Шевченко, книги на Леся Украинка²⁰ и на Чудомир в превод на украински език²¹. Факт е, че всички интервюирани гледат руска телевизия. Двама от тях си инсталират и допълнителни устройства, чрез които да могат да следят новините и филмите от украински телевизии²². Друга респондентка, напротив, не иска да гледа украински телевизии, защото не е съгласна с конфликтната ситуация в Украйна²³.

Сред запитаните езиковата носталгия се проявява много повече в техните *музикално-носталгични връзки* с Украйна, тъй като някои от тях посещават украински интернет страници, за да намерят текстовете на украински народни песни, които да си пеят у дома или в български или руски певчески групи²⁴, а други си носят дискове с украинска музика от Украйна²⁵. Запитаната близо 80-годишна украинка споделя: „Когато се съберем въщи, песните са на първо място. Зная много украински народни песни и запознавам хората с тях. И в подходящ момент, като се вземат малко ноти, и гласът се отваря, ми казва: „Искаме ти да пееш, а ние само да те слушаме“. Но не мога да участвам в певчески групи тука, защото не ми позволява здравето“²⁶. На друго място тя казва: „Много харесвам украинския танц *гопак*, който вие българите наричате *казачок*. Не бих казала, че съм професионалист, но ако съм под настроение, може и да направя някоя друга стъпка“²⁷. Друга анкетирана украинка пък започва да танцува сама у дома: „Имаше по някаква програма украинци изпълняваха *гопак* и аз започнах да танцувам“²⁸.

Родовата носталгия е слабо проявена сред запитаните, тъй като те живеят в България от дълго време, голяма част от техните роднини в Украйна са починали и се чувстват добре със създадените тук свои семейства. Някои от тях основават на тези чувства и своята представа за родина. Те споделят: „Родината е там, където семейството е заедно“²⁹, „Домът ми, родината ми е там, където е семейството ми. Синът ми е моето семейство и ще бъде в държавата, в която е той“³⁰; „България я чувствам като втора родина. Аз все си мисля, че родината на човека е там, където му са близките, семейството, хората, които обича и където той се чувства добре. Ако цялото ми семейство е тук и аз отида там, то може и да ми е мое, обаче никога няма да ми бъде достатъчно близко, и скъпо, и важно по простата причина, че не са най-скъпите хора при мен. В Украйна родителите ми починаха, но баба ми е жива и затова все още го чувствам като родина, имам брат и сестра, при които мога да си отида, а в момента, в който няма да има при кой да отида, ще спра да чувствам Украйна като родина“³¹.

Традиционните ястия се оказват също съществен елемент от привързаността на човек към родината му, които той осъзнава след смяната на местопребиваването³². Това проличава ясно в отговорите и на анкетираните украинци. Едната от тях разказва: „Аз докато бях първи години тука, ревах уясно. Беше голяма депресия, защото нямаше *гречка* (елда), *сгущено мляко* (кондензирано мляко). Не това, че нямаше, а аз не знаех как се казва, къде да намеря. И липсваше ми много *конфети* (бонбони), пелмени, вареники и други неща, които можеш да готвиш, аз съм започнала да готвя, което в Украйна никога не съм правила. *Украинское сало*, сладки работи, *бублики*, *пряники*, саламче, беше ми много зле, че ги нямаше. Но сега аз намерила руски магазин в Стара Загора и София и всяка седмица се зареждам от там. Сега имам повече руски продукти, отколкото български“³³. Други респонденти споделят: „Как да не ми липсват бонбоните им, *сгущенка*, сметанка заквасена, майонезката тяхната не мога да я сравня с българската“³⁴; „*Гречка* много ми липсва. Много искам *гречка* и като я намеря, я купувам, макар и да е скъпа. И пелмени и вареники много ми се ядат“³⁵; „Аз си готвя украински борш постоянно. Той е много вкусен, не може да се сравни с руския борш. Те там някак си повече цвекло слагат и става един червен такъв. Аз също слагам цвекло, но умерено. Слагам месо, слагам картофи, зеле, черен пипер,

дафинов лист, магданоз, копър и... нашият борш много вкусен. Права и *разсолник* – супа от кисели краставички³⁶. Една от интервюираните украинки, макар и да твърди, че няма хранителна носталгия, приготвя вкъщи пелмени, вареники и борш³⁷. В дома на друга украинка се сервират *винегрет*, домашни *вареники*, пелмени и *шухрудли*³⁸. Тези от запитаните, които имат възможност да пътуват до Стара Загора, се зареждат с любими храни от руския гастроном „Беръзка“³⁹ или с подобни продукти, продавани в други хранителни вериги: „Понякога си купувам от „Кауфланд“ от италианските тестени торбички с пълнеж“⁴⁰; „В София мога да си купя неща от „Беръзка“, но там много скъпо. Бонбони, които обичам от детството си, с желе и шоколадова глазура в „Беръзка“ струват 19 лева килограм. Обаче подобни бонбони има в магазин „Т-Маркет“ в Сливен, но произведени във Вилнюс, и струват 6 лева“⁴¹. Традиционните ястия са тясно свързани и с празничния календар, тъй като те са неразривен елемент от празничната трапеза. Така за Нова година и за *Різдо*, което повечето интервюирани отбелязват и на 25 декември, и на 7 януари, се приготвят *студень*, *сало*, сандвичи с червен хайвер⁴², яйца с майонеза, т.нар. руска салата⁴³, сарми, кисело зеле, *винегрет* и др. За Великден яйцата не се пишат, а се боядисват, и козунаците се пекат от респондентите, като твърдят, че различни при българския козунак и украинската *паска* са само формата и украсата⁴⁴.

Предметната носталгична връзка или привързаността към обекти от родното място е ясно видима в присъстващите в семейното пространство картини, сувенири, книги, домакински принадлежности (уреди, готварски книги и пр.) и др. В дома на интервюираните има *обери*⁴⁵, магнити от Украйна⁴⁶, фигури на украинец и украинка, украински казак⁴⁷, танцуваща *гопак* украинска двойка⁴⁸, украинска *розпис*⁴⁹, *рушник*⁵⁰, картина на родния град⁵¹ и други сувенири⁵². В кухнята се виждат и тенджерата от Украйна, дъски за рязане⁵³, самовар⁵⁴ и плетена хлебница⁵⁵, а други кухненски помощници, като например уред за правене на пелмени, са прибрани в шкафове⁵⁶.

Като цяло носталгичните връзки с Украйна на запитаните украинци са изградени въз основа на индивидуални и колективни преживявания и спомени⁵⁷, като те са по-силни при желанието за връщане обратно там. Това проличава в думите на две от украинките: „Иска ми се да се върна в Украйна. Спомням си всичко много добре и тъгувам по това, което нямам сега. Носталгията е неизлечима“⁵⁸. Нейната сънародничка казва за себе си: „Преди като работех и ми беше запълнен деня беше друго. Сега като съм вкъщи много ми е мъчно за Украйна и всички наши хора. Така ми се иска да отида там. Като отида там, всяко дърво, всяка улица, всичкото е родно, моето. Всичко помня там, където играхме на улицата всякакви игри, където се катерихме по дърветата... Като отида там, все едно че съм родена наново“⁵⁹. Спомените, най-вече от детските и юношеските години, съдържат не само географски и социални, но и вкусови и обонятелни пейзажи. В тази връзка една от респондентките споделя: „Ароматът е друг като минеш границата. И с влак, и със самолет като мина границата ми мирише различно, на домашно, на сладко. То няма как да се обясни. И това са ми спомените от 16-годишна възраст“⁶⁰. Друга интервюирана жена казва: „Западна Украйна си я спомням с това, че там пекат много хубав черен хляб с ким. Това е ароматът, който помня от дете, и в момента направо ми мирише“⁶¹. Тяхна сънародничка си спомня Украйна с друг аромат: „Свързвам Украйна с аромата на бял люляк. Имам хубави спомени от юношеството ми, когато цъфтеше люляка“⁶².

Идентификации на украинците

В отговорите на въпросите, засягащи етничното самоопределение на интервюираните, проличава, че самоидентификациите на българо-украинците са по-скоро хибридни. Единият от тях, макар и роден в украинско-българско семейство в Румъния, смята за своя родна страна България и себе си за: „Българин. 100%. Макар че съм половината украинец, половината българин. Тогава беше руснак, тогава всичко беше руснаци в Съветския съюз“⁶³. Другата респондентка свързва своята смесена самоидентификация с преживявания в миналото: „При мен са смесени чувствата... Аз се чувствам смесено, може би защото имам хубави спомени от тогава, когато съм била в Украйна“⁶⁴.

Почти всички запитани с украински произход смятат себе си за украинци, макар и да живеят от над 30 години в България: „Украинкой. Как могу себя другой чувствовать?/

Украинка. Каква иначе да се чувствам?⁶⁵; „Като българка – не. Като украинка – да“⁶⁶. Тяхната идентификация с Украйна е видима и в изказванията им относно конфликтната ситуация в Украйна (актуална тема по време на провежданото проучване): „Украинка, разбира се. Сега сърцето ме боли за Украйна, че така става там. Хората толкова страдат, децата“⁶⁷; „Ама жалко, че умират невинни хора, деца. Добре, Украйна си е Украйна, но защо трябва да се отделяш? Много руснаци имало там. Ми отивайте да живеете в Русия. Русия е толкова голяма. Защо трябва да измрат толкова много хора?“⁶⁸.

Някои от тях осъзнават и усвоените етнокултурни елементи и ценности на българската общност, в резултат на дългосрочното си пребиваване в България. Една от интервюираните първоначално се самоопределя като украинка: „Когато Русия атакува Украйна и хората разбрали, че има някаква разлика между Русия и Украйна... И сега всички разбират от една дума: „Не съм руския, а съм украинка“, но допълва впоследствие: „Нали работя в българско предприятие и ставам българка, и живея вече шест години“⁶⁹. Нейна сънародничка смята, че е усвоила „чистосърдечността, доброжелателността на българите“⁷⁰. Трета респондентка сравнява себе си с българите по това, че е усвоила езика: „Даже когато се старая да говоря без акцент и не ми се налага да употребявам руски думи, някои хора не знаят, че съм руския. Казват: „Ти имаш същински сливенски акцент и произношение“. ... Демек, радвам се, че съм се научила добре на български и ми е лесно... и пиша на български, и говоря на български“⁷¹. В това изказване проличава и самоидентификация с руския народ, което може да се обясни с това, че респондентката напуска своята родина, когато тя е била част от Съветския съюз, както и с това, че родният ѝ град се намира в Югоизточна Украйна, чието население е преобладаващо рускоговорящо.

На една от жените е зададен въпрос, засягащ нейната (пан)европейска идентичност⁷², на който тя отговаря: „Я абсолютно не считам себя европейкой... У меня есть уже болгарское в поведении. Когда я приезжаю в Киев, мне говорят: „Что-то у тебя есть болгарское“... И потом мы пришли летом в 2014 г. ... и все знакомые и говорят: „...ты поменялась совсем. Ты вот стала такая какая-то сдержанная“. Я шучу: „Как европейцы“./ „Абсолютно не се смятам за европейка... Вече имам българско в поведението си. Когато отида в Киев, ми казват: „В теб има нещо българско“... След това бяхме там лятото на 2014 г. ... и всички познати ми казват: „...ти съвсем си се променила. Станала си някак си сдържана“. А аз се шегувам: „Като европейците“⁷³. На друго място тя пояснява, че има голяма разлика между живота в Европа и в България: „Сравни как живеят в Европе, как здесь живем, то мы „Як до неба пішки“, как говорят. Болгары говорят, что они европейцы. А почему же не меняете лев на евро? Пускай тогда сделают и такие зарплаты как в Европе. Европейские пенсии почему не сделают? 155 лев пенсия вообще позор“./ „Като сравниш как живеят в Европа и в България, то ние сме, както казват, „като да стигнеш до небето пеш“. Българите казват, че са европейци... Нека тогава да направят и заплатите като в Европа. Защо не направят европейски пенсии? 155 лв. пенсия е въобще позор“⁷⁴. С други думи, макар и интеграцията на източноевропейски страни в Европейския съюз да означава изменението на предишни икономически, социални и политически структури⁷⁵, такива са слабо осезаеми в изказванията на тази и други запитани личности. Освен това шеговитото сравнение с европейците показва, че етнокултурните, респективно националните и европейските самоидентификации не са взаимноотричащи се⁷⁶, а могат да съществуват благоприятно в съзнанието на индивида, който в различни ситуации, според контекста и обстоятелствата, има възможност да избира на коя от възможното множество идентичности да даде превес.

Украйна в Европейския съюз?

В отговорите на интервюираните украинци на въпроса дали биха искали Украйна да стане част от Европейския съюз, проличават наблюдения от преживяното от тях в България след приемането ѝ в Европейския съюз през 2007 г.: „Аз им казвам: „Елате да видите какво е в България. Сега имате ли работа? Имате. Е, като влезете в Европейския съюз, няма да имате“⁷⁷; „Европейският съюз нечестно постъпват. Ако бяха постъпвали честно, почтено, човешки, що да не?... Като ни приемате за членове, бъдете честни, а не ни измуквайте. Ето това е положението, но никой не ни пита нас“⁷⁸. Това „измукване“ прозвуча и в отговора на друга респондентка: „Такива магазини като „Била“, „Кауфланд“

и други вериги изнасят такива невероятно големи пари. Те от нас заработват милиарди, а българите... цялата печалба отива в Германия, Австрия и Евросъюза⁴⁷⁹.

Членството в Европейския съюз се смята от някои украинци като благотворно за пътуването извън Украйна. Тази нагласа се открива и при част от респондентите: „Може би някои неща ще бъдат по-добре, когато се влезе в Европейския съюз. Виж как тука сега свободно се движат хората без специални документи. Докато, за да отидеш в Русия и Украйна, трябва да имаш покани, няма свободно придвижване. За младите е много важно човек да може да избира къде да отиде, къде да учи⁴⁸⁰; „Не съм сигурна. Хубавото ще е, че ще можем да си пътуваме без покани...“⁴⁸¹; „...наши хора, украинци, възприемат Евросъюза с отмена на визи за пътуване за Евросъюз. Те са щастливи, за да пътуват някъде без визи и да идват външни коли без обмיתяване... Те не разбират какви лоши ограничения има от пребиваване в Евросъюз⁴⁸².

Повечето от запитаните са против влизането на Украйна в Европейския съюз: „Что они там будут делать?/ Какво ще правят там?“⁴⁸³; „Нет, не хочу чтобы она входила. Нечего ей там делать. Сегодня по телевизору смотрела... Перемирие это нарушается. Там пять тысяч военных из украинской армии даже не знали что есть перемирие./ Не, не искам да влиза. Няма какво да прави там. Днес по телевизията гледах... Примирието се нарушава. Пет хиляди военни от украинската армия дори и не са знаели, че има примирие⁴⁸⁴; „... аз не искала Украйна да влиза в Евросъюз. Аз искала Украйна да бъде дружествена с Русия и Беларусия, защото ние сме били всички закуп и тогава бяха важни както Русия за нас, ние за Русия и Беларусия. И тези тримата държави, те са можали да бъдат много силен дружествен съюз... А ние за Евросъюз сме една такава пъпка, която ще я стиснеш и тя пропада, т.е. те няма да влагат усилия да вкарат Украйна в Евросъюз, за да ѝ дадат всички привилегии. Не вярвам. Ако на България не се стига [щом на България не дават – Т. М.]. Може би, за да разсъдят повече Путин и Русия, Евросъюз ще помага на Украйна⁴⁸⁵.

Заклучение

В заключение може да бъде обобщено, че запитаните украинци най-често несъзнателно и по-скоро подтикнати от своята етнокултурна принадлежност и създадените в съответната етнокултура навици поддържат своите езикови, музикални, родови, хранителни и предметни връзки с Украйна. Като носталгични могат да бъдат наречени хранително-вкусовите желания и чувството на липса на родината. Носталгията е налична, когато респондентът не се чувства щастлив със своето семейство или не е доволен от социалното си положение в България.

Относно самоидентификацията на анкетираните, при българо-украинците е ясно видима двойствената, амбивалентната идентификация, при която индивидите се отъждествяват и с двете им общности по произход⁸⁶. В сравнение с тях дългогодишните украински емигранти, от една страна, запазват своята свързаност и отъждествяване с Украйна, но, от друга страна, макар и да не се самоидентифицират с българската общност, осъзнават, че са усвоили поведенчески черти и ценности, характерни за обществото домакин.

Що се отнася до евроинтеграционните възгледи на интервюираните за Украйна, те са преобладаващо негативни, което не може да се твърди за отношението им към Русия, макар и Украйна да е била част от Съветския съюз и неговите опити за русификация на говоримия език, т.е. определянето на руския език за държавен.

Списък на интервюираните

Национален център за нематериално културно наследство (НЦНКН) при ИЕФЕМ–БАН, АИФ I № 483:

- а.е. 1 Т. Б., украинка, р. в Николаев, от 1971 г. – Кишинев, от 1999 г. – България, пенсионер, живее в с. Скобелево, общ. Сливен
- а.е. 2 Е. П., украинка, р. 1937 г. в Луганск, от 30.12.1962 г. в България, висше обр., металург, пенсионер; съпруг И. П., българо-украинец, р. в Румъния, напуска страната на 5 г., живеят в Сливен
- а.е. 3 Б. Б., украинка, р. 1950 в Киев, висше обр., пенсионер

- а.е. 4 А. К., украинка, р. в гр. Кривой Рог, висше обр., мениджър обслужване, от 2009 г. в България, живее в Сливен
- а.е. 5 Л. Г., баща българин, майка украинка, р. в Сливен, живее в Сливен
- а.е. 6 С. Г., украинка, р. 1940 г. в Енакиево (Донецка област), от 1960 г. живее в Сливен
- а.е. 7 Л. С., украинка, р. 1952 в Креминец, Тернополска област, живее в Сливен от края на 1970-те години
- а.е. 8 К. С., украинка, р. в гр. Каменка (Днепропетровска област), висше обр., инженер, от 1982 г. в България, живее в Сливен
- а.е. 9 Т., украинка, висше обр., инженер, собствен бизнес
- а.е. 10 М. С., бесарабско-българо-украинка, висше обр. в България, от 1990 г. в България, живее в Сливен
- а.е. 11 Г. Б., р. в Полтава, от 1989 г. в България, висше обр., учителка, живее в Сливен.

¹ *Савов Н.* Паметник на украинските воители // Паметник. Паметниците на Варна. Варна: Агенция Барс, 2007. – С. 251–252.

² *Дойнов Ст.* Руско-турската освободителна война (1877–1878) висторическата съдба на българския народ // Българистика. Информационен бюлетин. – 2008. – № 16. – С. 10; *Савов Н.* Паметник на украинските воители ... – С. 252.

³ *Якімова А.* Украйнци в Болгаріі: філософія історичного буття. – София, 2011. – С. 53.

⁴ *Билык А.* Актуальное интервью. Болгарские украинцы на пути объединения. Украинское национальное информационное агентство – УКРИНФОРМ. – 2006. – URL: <http://www.ukrinform.ua/rus/order/?id=48054> (посетен: 4.03.2011).

⁵ *Якімова А.* Украйнци в Болгаріі... – С. 34; Пръв по рода си документален каталог [„Украинската емиграция в България след Първата световна война“] събра в София българи и украинци „под една шапка“ // Демокрация. – 2001. – № 155. – С. 18.

⁶ *Кьоцева Цв.* Русская эмиграция в Болгарии // Русское слово. – 2001. – № 3. – С. 2.

⁷ По това време в Украйна учат и работят много българи.

⁸ *Якімова А.* Украйнци в Болгаріі... – С. 94.

⁹ Украинци искат общински жилища. Щяло да им е по-евтино // Сливен прес. – 2015. – 13 юли. – URL: <http://www.slivenpress.bg/novini-sliven/15264-УКРАИНСКИ-ИСКАТ-ОБЩИНСКИ-ЖИЛИЩА-ЩЯЛО-ДА-ИМ-Е-ПО-ЕВТИНО> (посетен на 18.08.2015).

¹⁰ Три украински фирми с бизнес в Сливен // Дарик нюз. – 2015. 12 септември. – URL: http://dariknews.bg/print_article.php?article_id=1497885 (посетен на 18.08.2015).

¹¹ Трябва да се има предвид, че в преброяването въпросите за самоопределянето на майчиния език и етничната група са доброволни, т.е. може да има и такива, които не са отговорили на тези въпроси.

¹² Теренните материали са събрани за изпълнение на индивидуалните задачи по Проект „Конструиране на идентичността в контекста на пан-европейска мобилност (украинците в България и българите в Украйна)“ между ИЕФЕМ–БАН и Института за изкуствознание, фолклористика и етнология „М. Т. Рилски“ към НАНУ. Аудиозаписите, фотоматериалите и част от дешифрамите на проведените интервюта са архивирани в ИЦНКН при ИЕФЕМ–БАН с архивни номера: Фоноархив на Института за фолклор (по-нататък – ФнАИФ) № 2713, Фотоархив на Института за фолклор (по-нататък – ФтАИФ) № 1413 и Архив на Института за фолклор (по-нататък – АИФ) I № 483.

¹³ *Greverus I.-M.* Heimweh und Tradition // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. – 1965. – № 61. – S. 1–31; *Zwingmann Ch.* Das nostalgische Phänomen // Zur Psychologie der Lebenskrisen. – Frankfurt am Main, 1962. – S. 308–338.

¹⁴ *Dietzel-Papakyriakou M.* Heimweh bei alten Migranten: Die Sehnsucht nach der Heimat ist auch eine Sehnsucht nach dem Raum / Y. Karakaşoğlu, J. Lüddecke (Hg.) // Migrationsforschung und interkulturelle Pädagogik. Aktuelle Entwicklungen in Theorie, Empirie und Praxis. – Münster, 2004. – S. 31.

¹⁵ *Zwingmann Ch.* Das nostalgische ... – S. 315.

¹⁶ *Greverus I.-M.* Auf der Suche nach Heimat. – München, 1979. – S. 112.

¹⁷ Фн АИФ № 2713, а.е. 13; Фн АИФ № 2713, а.е. 12; Фн АИФ № 2713, а.е. 11; Фн АИФ № 2713, а.е. 6–7.

¹⁸ Последното изследване на социологическата група „Рейтинг“, извършено във всички областни центрове без Крим и Донбас през м. март 2015 г., относно езика, използван в семейна среда от гражданите на Украйна, включва отговорите на 17 000 запитани. Според него областните центрове, в които украинският език е ползван за общуване в семейството при над 90% от запитаните, са Луцьк/ Луцк и Рівне/ Ровно, Львів/ Лвов, Ивано-Франківськ/ Ивано-Франковск и Тернопіль/ Тернопол. В сравнение с това над 55% от жителите на Харків/ Харков, Одеса, Миколаїв/ Николаев, Запоріжжя/

Запорожжє и Днїпропетровськ/ Днєпропетровськ предпочитат да говорят на руски вкьщи (за пове-
че информация вж. Рух добровольцїв. «Простїр свободи». Становище украинськї мови в Україні
в 2014–15 роках. Аналітичний огляд. Рух добровольцїв «Простїр свободи». – 2015. – URL: [http://
dobrovool.org/files/2015/stan_movu_2014_15.doc](http://dobrovool.org/files/2015/stan_movu_2014_15.doc)

- ¹⁹ Фн АИФ № 2713, а.е. 12; АИФ I № 483, а.е. 9.
- ²⁰ ФтАИФ № 1413, а.е. 48–50.
- ²¹ Фн АИФ № 2713, а.е. 6–7.
- ²² Фн АИФ № 2713, а.е. 1, АИФ I № 483, а.е. 1.
- ²³ АИФ I № 483, а.е. 9.
- ²⁴ Фн АИФ № 2713, а.е. 13–14; Фн АИФ № 2713, а.е. 15.
- ²⁵ Фн АИФ № 2713, а.е. 11.
- ²⁶ АИФ I № 483, а.е. 2.
- ²⁷ АИФ I № 483, а.е. 2.
- ²⁸ АИФ I № 483, а.е. 3.
- ²⁹ АИФ I № 483, а.е. 8.
- ³⁰ АИФ I № 483, а.е. 3.
- ³¹ АИФ I № 483, а.е. 10.
- ³² *Weiß R. Volkskunde der Schweiz. Grundriss. – Erlenbach-Zürich, 1946. – S. 132–133.*
- ³³ АИФ I № 483, а.е. 4.
- ³⁴ АИФ I № 483, а.е. 4.
- ³⁵ АИФ I № 483, а.е. 7.
- ³⁶ АИФ I № 483, а.е. 6.
- ³⁷ Фн АИФ № 2713, а.е. 6–7.
- ³⁸ *Шухрудли* – варени нарязани парчета навито на руло тесто като за вареники (вж. ФтАИФ № 1413, а.е. 53).
- ³⁹ ФтАИФ № 1413, а.е. 3.
- ⁴⁰ АИФ I № 483, а.е. 7.
- ⁴¹ АИФ I № 483, а.е. 11.
- ⁴² Фн АИФ № 2713, а.е. 13.
- ⁴³ АИФ I № 483, а.е. 5.
- ⁴⁴ Вж. Фн АИФ № 2713, а.е. 6–7, Фн АИФ № 2713, а.е. 13, Фн АИФ № 2713, а.е. 15.
- ⁴⁵ ФтАИФ № 1413, а.е. 1.
- ⁴⁶ ФтАИФ № 1413, а.е. 4, 11.
- ⁴⁷ ФтАИФ № 1413, а.е. 16.
- ⁴⁸ ФтАИФ № 1413, а.е. 52.
- ⁴⁹ ФтАИФ № 1413, а.е. 15.
- ⁵⁰ ФтАИФ № 1413, а.е. 43.
- ⁵¹ ФтАИФ № 1413, а.е. 31.
- ⁵² ФтАИФ № 1413, а.е. 28.
- ⁵³ ФтАИФ № 1413, а.е. 37.
- ⁵⁴ ФтАИФ № 1413, а.е. 24.
- ⁵⁵ ФтАИФ № 1413, а.е. 9.
- ⁵⁶ Вж. ФнАИФ № 2713, а.е. 15.
- ⁵⁷ Относно индивидуалните и колективните носталгични форми вж. *Dietzel-Papakyriakou M. Heimweh bei alten Migranten... – S. 30.*
- ⁵⁸ АИФ I № 483, а.е. 8.
- ⁵⁹ АИФ I № 483, а.е. 7.
- ⁶⁰ АИФ I № 483, а.е. 5.
- ⁶¹ АИФ I № 483, а.е. 10.
- ⁶² АИФ I № 483, а.е. 11.
- ⁶³ АИФ I № 483, а.е. 2.
- ⁶⁴ АИФ I № 483, а.е. 5.
- ⁶⁵ АИФ I № 483, а.е. 1.
- ⁶⁶ АИФ I № 483, а.е. 7.
- ⁶⁷ АИФ I № 483, а.е. 6.
- ⁶⁸ АИФ I № 483, а.е. 7.
- ⁶⁹ АИФ I № 483, а.е. 4.
- ⁷⁰ АИФ I № 483, а.е. 8.
- ⁷¹ АИФ I № 483, а.е. 6.
- ⁷² Повече за (пан-)европейската идентичност вж. в: *Jacobs D. European Identity: Construct, Fact and Fiction / Dirk Jacobs, Robert Maier // M. Gastelaars, A. de Ruijter (eds.) // United Europe. The Quest for a Multifaceted Identity. – Maastricht: Shaker, 1998. – P. 13–34; Cinpoes R. From National Identity to European Identity // Journal of Identity and Migration Studies. – 2008. – № 2 (1). – P. 3–14; White T. R.*

European Integration, Identity, and National Self Interest: The Enduring Nature Of National Identity. Political Science Department // Theses, Dissertations, and Student Scholarship. – Paper 6. – 2010. – URL: <http://digitalcommons.unl.edu/poliscitheses/6> (посетен на 20.02.2016).

⁷³ АИФ I № 483, а.е. 3.

⁷⁴ АИФ I № 483, а.е. 3.

⁷⁵ *Angulo M. I.* Nationan Building within the European Union: Reframing Bulgarian National Identity from Abroad // Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration / E. Marushiakova (ed.). – Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 155; *Hristov P.* Migration Strategies and Malleable Identities among Bulgarian Youths in the Odessa District / P. Hristov, A. Kasabova, E. Troeva, D. Demski (Eds.) // Contextualizing Changes: Migration, Shifting Borders and New Identities in Eastern Europe. – Sofia: Paradigma Publishing House, 2015. – P. 141.

⁷⁶ Вж. *Cinpoes R.* From National Identity to European Identity... – P. 8.

⁷⁷ АИФ I № 483, а.е. 2.

⁷⁸ АИФ I № 483, а.е. 2.

⁷⁹ АИФ I № 483, а.е. 4.

⁸⁰ АИФ I № 483, а.е. 6.

⁸¹ АИФ I № 483, а.е. 5.

⁸² АИФ I № 483, а.е. 4.

⁸³ АИФ I № 483, а.е. 1.

⁸⁴ АИФ I № 483, а.е. 3.

⁸⁵ АИФ I № 483, а.е. 4.

⁸⁶ Вж. *Penchev V.* Folklore as a factor of (bi)identity // Македонски фолклор. – Т. 58–59. – Скопје, 2001. – P. 129–134.

БОЛГАРСЬКА ЕТНОКУЛЬТУРНА ГРУПА ОДЕСИ: ДОСВІД СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ АДАПТАЦІЇ

С. В. Коч, Г. Н. Стоянова

Коч С. В., Стоянова Г. М. Болгарська етнокультурна група Одеси: досвід соціокультурної адаптації. Предметом аналізу є особливості організації соціокультурного простору болгарської етнокультурної групи Одеси. Зазначено, що болгарське населення Одеської області, як традиційна етнокультурна група регіону, сформувалась упродовж XVIII–XIX ст. Сталі соціальні повсякденні практики створили основу подальшої адаптації в середовищі полікультурного міста, дозволили групі виступити активним учасником соціального простору в мегаполісі.

Ключові слова: етнос; болгари; адаптація; місто.

Коч С. В., Стоянова Г. Н. Болгарская этнокультурная группа Одессы: опыт социокультурной адаптации. Предметом анализа являются особенности организации социокультурного пространства болгарской этнокультурной группы Одессы. Отмечено, что болгарское население Одесской области, как традиционная этнокультурная группа региона, сформировалась в течение XVIII–XIX вв. Стабильные социальные повседневные практики создали основу дальнейшей адаптации в среде поликультурного города, позволили группе выступить активным участником социального пространства в мегаполисе.

Ключевые слова: этнос; болгары; адаптация; город.

Koch S. V., Stoyanova G. N. The Bulgarian Ethno-Cultural Group of Odessa: Experience of Socio-Cultural Adaptation. The subject of the analysis is the specific features of the organization of socio-cultural space of the Bulgarian ethno-cultural group of Odessa. The authors noted that the Bulgarian population of Odessa region as a traditional ethno-cultural group of the region had formed during 18-19 centuries. Stable social everyday practices created the base for the further adaptation in the environment of the polycultural city, allowed the group to act as an active participant of the social space in megalopolis.

Keywords: ethnos; Bulgarians; adaptation; city.

Формування сучасної болгарської етнокультурної групи в Україні розпочалося в той час, коли територія сучасної Болгарії знаходилася у складі Османської імперії. Християнське населення, яке було обмежено у культурних та економічних правах, при переселенні в межі єдиновірної Російської імперії втрачало статус «меншини» і отримувало значні економічні пільги на цілих землях Північного Причорномор'я. Болгари сприймали це переміщення як порятунок від релігійної і господарської асиміляції, як внутрішню міграцію. Процес переселення відбувався в межах «знайомого», семантично значимого простору, який відіграв значну роль в процесі етногенезу болгар в VII ст. Підвищення соціального статусу при переселенні, перспективи покращення соціального становища обумовили позитивні стратегії адаптації.

Протягом кінця XVIII – першої половини XIX ст. внаслідок декількох міграційних хвиль, спровокованих економічними та геополітичними війнами на Балканах, відбувалося формування болгарської спільноти на сході від Дунаю в степах Північного Причорномор'я¹. У цей період основна маса болгар-переселенців – сільське населення, котре внаслідок державної політики безоплатно отримало землю і заснувало землеробські переселенські колонії. Висока адаптивна здатність болгар-колоністів була обумовлена належністю переселенців до однієї соціальної групи, а патріархальна форма організації групи створювала сталу систему внутрішньо-групових зв'язків. Важливо, що культурна відособленість виступала умовою отримання соціально-економічного статусу і пільг². Колоністи, «освоюючи» новий простір, вписували біографію групи в регіональну історію краю. Відсутність власної національної держави, дієвість регіональної ідентичності, розселення в межах території історичного етногенезу обумовили значущість релігійного та господарського компонентів в структурі ідентифікаційного вибору. Надання етнічній ідентичності функції збереження соціальних кордонів і

статусів в подальшому стало важливим чинником у формуванні стратегії розвитку групи на етапі переміщення в простір міста.

Ефективність адаптації етнічних громад була обумовлена груповим конформізмом переселенців, що опинилися в соціальному просторі, формування якого відбувалося за їх участю. Відчуття «соціального миру» в цих умовах було здатне існувати тільки на базі соціального ресурсу, яким група володіла в момент переселення.

Практика групової адаптації визначила вибір і закріплення за групою господарської ніші, яка відповідала особливостям традиційного сектору господарювання. Група, формуючи життєвий простір, пристосовувала до нових природно-географічних і соціально-господарських умов власні навички виживання. Спеціалізація в перспективних галузях економіки забезпечила закріплення за групою «права на присутність / проживання», тобто колективне право на життєвий простір, що відображено в топоніміці регіону і його іконографії. Отже, вписування історії групи і групової ідентичності в регіональну, імперську та національну історію проявилось у вигляді ідентичностей, таких як «бессарабець», «бессарабський болгарин», «таврійський болгарин» або локальних за місцем походження – «чийшийці», «кубейці» ін. Слід зазначити стійкість такої ідентичності у груп навіть після переселення в місто або виселення з регіону.

Так, руйнація традиційного господарського сільського укладу, що набула лавино-подібних форм в 80–90 рр. ХХ ст. в період кризи, призвела до активного переселення болгар в місто. Сталість та структурованість соціокультурного простору бессарабської діаспори стали запорукою успішної адаптації у новому, незвичному урбанізованому середовищі.

Будучи відносно новою групою в етнічній структурі населення Одеси, бессарабські болгары спиралися на систему групової соціальної допомоги у вигляді земляцтв. Спостерігається наступна тенденція: як на перших етапах переселення на терени України, так і на сучасному етапі, помітну роль у пристосуванні до нового простору відіграють стабільні внутрішньо-групові зв'язки, які стають основою для формування соціальних *мереж*.

Переселяючись з села в місто, болгары розраховують на допомогу (пошук помешкання, працевлаштування, проведення дозвілля) земляків – попередників. Спільна групова ідентичність, дозволяє формувати «етнічні» соціальні мережі, скорочує можливі «трансакційні витрати», що пов'язані із недовірою незнайомого середовища, комерційним ризиком, необхідністю використання посередників³. Виходячи з тези про те, що локальне етнокультурне середовище – це місце реалізації повсякденних практик, які спрямовані на досягнення соціального результату, зрозуміло, що рівень етнізації соціального простору передбачає потенційні можливості групи адаптувати нових мешканців зі спорідненого культурного простору⁴.

Неформалізована соціально-культурна структура у вигляді земляцтв є зручним засобом *контрольованої взаємодії*, яка базується на «довірі» в середині споріднених груп і спрощених механізмах контролю. Такі соціальні структури стають ефективним засобом лобювання особистих і групових інтересів в просторі міста, що функціонує як полікультурна, багатоліка система, з укоріненим механізмом резервування соціально-економічного простору групами. Така культурна система мегаполіса стимулює групи до того, щоб бути представленими у просторі міста.

Ефективне існування болгарських земляцтв в Одесі стало помітним уже в 1990-ті роки. На сучасному етапі інтенсивне зростання кількості земляцтв болгар-вихідців з бессарабських сіл можна спостерігати в інтернет-просторі. Моніторинг існуючих спільнот у популярних соціальних мережах («В контакте», «Однокласники», «Фейсбук») показав, що: 1) групи, які створюють болгары для спілкування, є відкритими та масовими; 2) принцип їх формування полягає передусім в регіональній, локальній належності; 3) завданням таких груп є відтворення етнокультурного середовища в нових умовах⁵.

Так, мережа «В контакте» містить: 1. Об'єднання за етнічно-регіональним принципом: група «Болгары Одесской области» (1973 учасник) (<http://vk.com/odessabulgaria>); група «Болгары Бессарабии» (http://vk.com/besarabski_bulgari) (5981 учасник). 2. Об'єднання за локальним принципом (місце фактичного проживання та/або місце народження): група «БОЛГРАД!!!!» (2789 учасник) (<http://vk.com/club456970>); група «Кубей Лучший» (382 учасник) (<http://vk.com/club8319376>); «ТРОЯНЦЫ всегда и везде!!» (422 учасник) (<http://>

vk.com/club1414387); група «с. Заря™» (861 учасник) (<http://vk.com/club2407137>); група «Новая Ивановка» (413 учасник) (<http://vk.com/club4545886>); «Славного село Чийшия» (908 учасник) (<http://vk.com/gorodnee>); група «БЪЛГАРСКО СООБЩЕСТВО “Главанска Мафия™”» (2575 учасник) (https://vk.com/glavanska_mafia) та ін.

Більшість груп, що створені у соціальній мережі, є переважно російськомовними, де тільки певна кількість діалогів ведеться болгарською. Згідно з переписом 2001 р., 64,2% українських болгар назвали рідною мовою «болгарську», але фактично етнічна мова обслуговувала переважно побутову сферу життя, в той час як публічними мовами виступали російська, румунська, українська. Кожне з чотирьох поколінь сучасних болгар отримувало освіту на різних державних мовах. Таке становище пояснює факт сталості двомовності або навіть тримовності у болгар, котрі сьогодні мешкають в місті Одеса.

Новітні процеси консолідації групи в умовах міста та зростання престижу болгарської ідентичності обумовлюють поступове розширення функції болгарської мови, яка викладається не тільки на курсах, в школах, але й в університеті (розвивається публічна та інформаційна сфера болгарською мовою). Таке положення вплинуло й на інтернет-ресурси, де деякі групи в повсякденних діалогах і в поданні публічної інформації перейшли на болгарську мову. Наприклад, група «Славного село Чийшия» (<http://vk.com/gorodnee>).

Крім комунікаційних проблем, етнічні групи в соціальних мережах виконують акумулятивну функцію, забезпечуючи презентацію та трансляцію локальних сімейних і групових цінностей. Активна меморіальна поведінка членів таких груп є наслідком ностальгічних переживань та бажання створити навколо себе соціальну мережу, де співпричетність до загальної культурної спадщини стає умовою для взаємної допомоги у вирішенні спільних соціальних завдань. Намагання відтворити історію своїх сіл, створення фото-літописів за рахунок викладання у мережу сімейних фото, інтерпретація історичних подій, які пережили власні родини, – все це спрямоване на підтримку позитивної ідентичності локальної групи й окремих її представників. Такі практики локальної комеморативної поведінки дозволяють членам етнічних земляцтв формувати та транслювати досвід раціонального використання ідентифікаційних характеристик.

Цінність таких «локальних історій» – в обмеженій публічності, у відсутності будь-яких настанов та санкцій з боку національних центрів (як приймаючого національного, так і етно-національного). Напрямок розвитку такої «групової історії» демонструє реальний соціальний рух групи. В «болгарських» соціальних мережах активними темами для обговорювання є: *«Български фамилии», «Ностальгия по родному селу», «История села», «Для тех, кто уехал из Зари, но болезненно скучает...», «Любимое место в селе...», «Наши земляки...»*. Популярними темами для обговорень є ті, котрі спрямовані виявити ступінь обізнаності щодо болгарських традиційних страв, свят та деталізація їх побутування завдяки власному сімейному досвіду: *«Баница», «Как у вас отмечают Великден?», «Понравилось ли вам в Заре на “Храме”?»*.

Етнізація групової історії болгар Одещини демонструє процес актуалізації етнічної ідентичності та зміцнення етнічного кордону. Таким чином відбувається закріплення певного уявлення про минуле, а особисті спогади співвідносяться із культурною самобутністю, що стає основою для віднесення себе до певної ідентичності.

В соціальних мережах не тільки минуле – мала Батьківщина, культурні символи; тут спільні нові проблеми, які представлені в темах для обговорення в рекламі та в оголошеннях: *«Попутчики и попутный транспорт. Экономим вместе на бензине!!!», «Доска объявлений!!! Кто, что продает? хочет купить и т.д.!!!»*.

Окреме місце посідають повідомлення щодо взаємодопомоги будь-якого характеру, будь то в оформленні документів на виїзд до Болгарії, громадянства або сприяння у влаштуванні на роботу, пошук житла, купівля-продаж різних речей і навіть пошук попутників під час поїздки додому (*«Пусть на Пасху одесситы поймут как мало их осталось...»; «Делаю Болгарское гражданство по происхождению болгарам, гагаузам, македонцам!!!»; «Преимущества второго гражданства Болгарии!!!»*).

Позитивна групова пам'ять – це передумова соціальної активності групи. Колективна пам'ять обумовлює створення певних моделей поведінки, забезпечує дієздатність групи в процесах відтворення міжпоколінних зв'язків, впливає на прийняття соціально значимих

рішень. Будь-яка етнокультурна група в соціальному просторі обирає такі варіанти реконструкції минулого, які мінімізують травматичний вплив політичних процесів.

Так, механізмом створення позитивного «іміджу» для болгар Одещини стало створення такого образу групи, який би дозволяв їй бути впізнаною та соціально значимою. Презентація групових відмінностей, цінностей виступає як засіб резервування соціального простору. На сучасному етапі активно відбувається таке «резервування» в просторі міста.

Внаслідок формування розвинутих форм самоорганізації в Одесі група болгар отримала можливість зберігати відносну самодостатність, демонструючи здатність і готовність здійснювати свій соціальний захист, лобіювати інтереси співвітчизників в Україні та Болгарії. Основою цієї соціально-культурної інституалізованої системи є об'єднання етнічних болгар із загальноукраїнським статусом: «Асоціація болгар України» (1993, А. Кіссе), «Конгрес болгар України» (2007, Ю. Граматик) та «Всеукраїнська асамблея болгар України» (2013, Д. Костова). Всі три організації зареєстровані в Одесі. Кожна з них володіє розгалуженою системою соціальних і політичних зв'язків, які формують мережеву соціокультурну систему транснаціонального масштабу⁶.

Так, Асоціація болгар України з 2008 року входить до складу Союзу болгар Європи, співпрацює з Національними фондами «Христо Ботев», «Васил Левски», «Мати Болгарія», «Тангра ТанНакРа». За участю асоціації 2015 р. в Болгарії створено Координаційний центр для зв'язку з болгарами України⁷. Асоціація є ініціатором встановлення соціально-культурних і комерційних зв'язків з етнічними групами болгар в інших країнах⁸, проголосивши головним завданням включення в процес інтеграції регіональних діаспор, які, на відміну від бессарабських болгар, тільки набувають досвіду репрезентації своїх інтересів. Також організація займається збереженням і розвитком історичних цінностей, національної культури, мови і традицій, сприяє реалізації прав та свобод болгар в Україні. Асоціація має друкований орган – всеукраїнський щотижневик «Обозрение плюс»⁹.

Конгрес болгар України в особі Ю. Граматика з 2008 р. є учасником Всесвітнього парламенту болгар і Асоціації болгар світу. Конгрес відомий як меценат культурно-просвітницьких центрів «Аз Буки Веди» в Одесі, Ізмаїлі, Іллічівську, Болграді. Центри діють за фінансової підтримки Міністерства освіти, молоді та науки Болгарії в рамках програми «Роден език и култура зад meja». Основою метою організації «Конгрес болгар України», вважає Ю. Граматик, є зменшення рівня асиміляції болгарського населення. Як він зазначив в одному із своїх інтерв'ю, молодь болгарського походження в Україні переїжджає із сільської місцевості в міста Одесу, Іллічівськ, Київ, де переважає російськомовне населення, і коли справа доходить до змішаних шлюбів, діти вже з малих років не знають болгарську мову і традиції. Більшість з них втрачають болгарську ідентичність¹⁰. У 2013 р. в Одесі за підтримки Конгресу було відроджено Болгарський драматичний театр. За словами його художнього керівника С. Садаклієва, мета колективу полягає в тому, *«щоб болгарин, який приїхав навчатися, працювати або вже давно живе в Одесі, міг пишатися своєю національністю, мав можливість в один прекрасний вечір прийти в наш театр і подивитися виставу рідною мовою»*¹¹. Профінансував Конгрес болгар України й щойно видану у Харкові енциклопедію «Болгари в Російській імперії, СРСР, країнах Балтії та СНД», де, зокрема, розміщено понад 100 персоналій одеських болгар¹².

Третя організація – «Всеукраїнська асамблея болгар України» – зареєстрована в Одесі 28 березня 2013 р. Її президент Д. Костова була засновником ВОО «Конгрес болгар України» й ініціатором створення Асоціації болгар України, головним редактором газети «Роден край»¹³.

Крім того, в Одесі в липні 2014 р. зареєстрована громадська організація «Болгарське народне зібрання», яка своєю метою проголосила об'єднання всіх болгар України, а також формування взаємовідносин між органами влади і національно-культурними організаціями болгар. Така мета свідчить про намагання створити певну лобістську структуру, котра б дозволила успішно репрезентувати інтереси членів групи, їх культурні та бізнес-інтереси¹⁴. У планах цієї громадської організації – відкриття в Одесі болгарського комплексу, до якого увійдуть навчальний заклад, інтернат для дітей і храм, як символ єднання болгар. Такі плани розростання інфраструктури для забезпечення соціальних потреб болгарського населення свідчать про інтенсивний розвиток етнокультурної спільноти в межах міста.

Традиційними для Одеси є такі інфраструктурні об'єкти болгарської спільноти, як Одеське болгарське товариство (дружество), що діє з 1989 р., бібліотека імені Івана Вазова (з 1998 р.), Всеукраїнський центр болгарської культури (з 1999 р.), Одеський обласний Союз болгарської молоді (з 2001 р.) Болгарський молодіжний клуб «Актив» (з 2009 р.).

Їхня діяльність охоплює різні соціальні групи етносу, представлені у місті: діти, молодь, вчені, митці, громада. Освітні програми з вивчення історії, культури та мови надають можливість компенсувати відсутнє в місті етнокультурне середовище, підготуватися до навчання, зокрема в Болгарії. Важливим елементом консолідації групи і підтримання комунікаційної сфери є організація дозвілля для болгарської молоді Одеси. Так, традиційними для міста стали такі проекти, як «Бессарабская лига КВН», «Вечеринка “Болгарский перчик”», «День славянской письменности и культуры», «Мисс-Болгарка», «Мистер Болгарин», «Футбольний турнір Конгреса болгар України», «Баница», «День незалежності Болгарії» та ін. Цікавим є той факт, що на міські майданчики перенесені святкування господарських календарних дат: «Трифон Зарезан», «Баба Марта» тощо. Отже, простір міста стає частиною організації свят. Зокрема, традиційним стало прикрашання «марте-ничками» дерев у центрі Одеси.

Інтелектуальний та творчий потенціал спільноти реалізується за рахунок проведення традиційної Кирило-Мефодіївської конференції та інших наукових форумів: «Болгари Північного Причорномор'я», Вазовські та Ботевські читання й тематичних виставок (наприклад, виставка фотографій «Бессарабські болгари: хроніка століття»), музейних експозицій (болгарська зала в Літературному музеї Одеси) та ін.

В історію найстаршого університету Півдня України – Одеського національного університету імені І. І. Мечникова – вписані імена видатних болгар та болгаристів: А. Константинова, Г. Згурева, Д. Тончева, С. Муткурова, В. Григоровича, І. Дузя, А. Смольської, Б. Шайкевича, В. Станко. Останнім 1993 року на історичному факультеті ОНУ була створена кафедра археології та етнології України, що перетворилася на один із авторитетних центрів вивчення болгарської діаспори. Вже понад двадцять років існує болгарське відділення при філологічному факультеті ОНУ, на якому 1995 р. відкрилась спеціальність «болгарська мова та література», що зумовлено активізацією процесів відродження мов національних меншин, необхідністю підготовки кадрів для засобів масової інформації, культурних установ та шкіл, де вивчається болгарська мова. Представники історичної та філологічної болгаристики 1995 р. об'єдналися в межах Одеського наукового товариства болгаристів, що має друкований орган – щорічник «Одеська болгаристика». Постійним місцем зібрання як болгаристів, так і окремих болгарських громад, зокрема Чийшійської – найстарішої та найбільшої за кількістю став Центр болгарської культури Одеси.

Взагалі в Україні зареєстровано понад 70 осередків болгар, з них більше двох десятків функціонує в Одеській області. Така мережева структура етнічної групи дозволяє їй виконувати роль соціально мецената, реалізуючи громадські, культурні та економічні потреби. Мережеві етнокультурні системи сьогодні здатні виступати альтернативними структурами до офіційних державних інституцій в питаннях соціального і культурного забезпечення. Допомогу в діяльності етнокультурних організацій надають суб'єкти господарювання, керівники яких зацікавлені в підтримці культурного середовища болгарської групи. Ще 2003 року Асоціація болгар України вказала на більше 30 таких організацій¹⁵.

Мережа соціально-економічних об'єктів, якими володіють болгари в Україні, сприяє реалізації економічного потенціалу в різних сферах господарської діяльності: будівництві, медицині, транспортному сполученні, сільському господарстві, торгівлі тощо. Успішно працюють понад 20 україно-болгарських підприємств і товариств, котрі створені для забезпечення соціально-економічних потреб болгар або засновниками яких виступають особи болгарського походження. В Одесі до них можна віднести ПКФ «Лазурь», дочірнє підприємство болгарського ООО «Валимарк», Українсько-болгарське підприємство «Одеса-Варна», ТОВ «Варна ЛТД», Українсько-болгарське торгове підприємство «Нікі СП», ТОВ «Українсько-болгарська будівельна компанія» та ін.

Господарські підприємства часто-густо виступають меценатами при реалізації громадських ініціатив. Наприклад, відкриття болгарської зали Літературного музею у червні 2016 року відбулось за підтримки генерального директора ПАО «Одескабель» Дмитра

Йоргачева; встановлення пам'ятної дошки Василю Априлову – за підтримки Валерія Твердовського, директора розважального комплексу «Зимний». Його брати Василь та Петро Твердовські підтримують практично всі розважальні заклади болгарської діаспори Одеси, надаючи майданчики клубів «Паладіум» та «Ітака», що їм належать.

Громадські організації, в свою чергу, лобіюють інтереси підприємців-співвітчизників в органах державної влади і місцевого самоврядування. Так, за сприяння Асоціації болгар України відома в Болгарії компанія з виробництва моторних масел «Пріста Ойл Холдінг» 2001 р. зареєструвала в Україні дочірнє підприємство «Пріста Ойл», яке реалізувало інвестиційний проєкт в Одеському морському порту: в 2004 році був відкритий сучасний комплекс по зберіганню, перевантаженню і додатковій обробці базових масел. У 2007 році ця фірма подарувала місту пам'ятник Кирилу і Мефодію як символ дружби між Україною і Болгарією. 2003 року за участі Асоціації болгар України відкрита Українсько-болгарська клініка кардіохірургії як філія університетської клініки «Свята Катерина» м. Софія. Дмитро Йоргачев допоміг оснастити її медичним обладнанням, про що йдеться на сайті клініки¹⁶.

Масштаби та результати соціально-культурної діяльності наочно видно під час проведення Собору болгар України (з 1998 р. проведено 7 таких заходів), що збирає водночас декілька тисяч болгар. Собори проводяться за ініціативою Асоціації болгар й завдяки підтримці бізнес-еліти болгарського походження в Україні. Меценати, спонсори, науковці, просвітники, культурні діячі в середовищі болгарської етнічної групи отримують визнання у вигляді почесного звання «Людина року» під час щорічної церемонії, яку проводить Асоціація болгар України, або під час Собору болгар, коли відбувається нагородження громадян України (болгарськими орденами «Мадарски конник», «Стара планина», Святих Кирила і Мефодія, Паїсія Хілендарського, Почесним знаком Президента Болгарії, медаллю «Іван Вазов»).

Інформаційний простір та комунікаційне середовище болгар Одещини структурується і завдяки ЗМІ: з 2013 року видається обласний культурно-просвітницький щотижневик «Българите вчера, днес, утре»; з 2001 року щотижнево виходить всеукраїнський державний культурно-просвітницький вісник болгар «Роден край», а також «Одеські вісті», «Дунайські вісті», «Обозрение плюс» та ін. Вони акумулюють ініціативи й координують діяльність усієї регіональної структури. На обласному телебаченні виходять щотижневі (26 хвилин) програми «Роден край» (болгарською мовою), «Колорит» (болгарською й молдовською мовами, почергово). У телепередачі «Інтер-Одеса» щотижня (26 хвилин) висвітлюється діяльність національних товариств Одеської області¹⁷.

Отже, взаємозв'язок між спорідненими групами різних регіонів і країн створює можливості для соціальної дії, лобіювання інтересів певних груп. На чолі мережевої структури болгарських груп де-факто знаходиться Асоціація болгар світу, хоча на нормативно-юридичному рівні такий зв'язок не оформлений.

Соціальна активність болгарської етнокультурної групи в Одесі проявляється через створені механізми, передусім меморіальну практику і соціальне лобіювання. Так, у міському ландшафті з'явилась значна кількість місць, які закріплюють «присутність» групи у соціальному просторі. Зокрема, в місті встановлені пам'ятники Кирилу і Мефодію (на центральній алей Одеського національного університету, що на Французькому бульварі), Христо Ботеву (в Прохоровському сквері); меморіальні дошки Івану Вазову (вул. Софіївська, 32–34), Христо Ботеву (вул. Новосельського, 93) і Василю Априлову (вул. Буніна, 29). В місті широко представлена болгарська кухня, навіть діють етнічні кафе: «Механа», «Бессарабський дворик», «Бессарабка» та ін. Регулярно проходять виставки митців болгарського походження, організуються зустрічі для потенційних абітурієнтів у вищі навчальні заклади Болгарії. Нещодавно, наприклад, Пловдивський університет імені Паїсія Хілендарського проводив активну кампанію по залученню на комп'ютерні та інші спеціальності студентів-болгар з Одеси. Взагалі, 2016 року Болгарія більш ніж в два рази збільшила кількість місць для українців болгарського походження в навчальних закладах країни. Інтерес з боку одеських школярів та абітурієнтів викликаний перспективами проживання в країні ЄС і економічною кризою в Україні. Можливість для випускників болгарських шкіл Одеської області здобувати освіту безкоштовно в університетах Болгарії зумовлює вибір молоді, сприяючи зростанню імміграції в Болгарію кваліфікованих співвітчизників.

Меморіальні об'єкти, культурні і соціальні заходи дозволяють транслювати бажаний змістоутворюючий образ спільноти. Болгарська ідентичність в місті закріплюється за рахунок створення етнокультурного соціального середовища, а символізація простору маркерами «своєї» культури дозволяє конструювати реальність, визначати і закріплювати діючі ієрархії в структурі політичної влади та соціальних відносин.

Болгари Одещини за останні роки відчували зацікавленість з боку Болгарії, що проявляється в регулярних візитах представників державних органів та інституцій – як культурних меценатів і спонсорів багатьох проектів. Так, 16 лютого 2015 р. в перебігу зустрічі прем'єр-міністра Болгарії Бойко Борисова з Антоном Кіссе прийнято рішення про створення в будинку Державної агенції болгар за кордоном м. Софія Координаційного центру для зв'язку з болгарами України з метою надання їм допомоги у зв'язку зі складною ситуацією в країні¹⁸. Крім того, в рамках розширення контактів болгар України із етнічною Батьківщиною Болгарія створила програми розширення паломницького туризму, пільгового навчання для дітей болгарського походження й таке інше.

Структурованість болгарської соціокультурної системи перетворює групу у зручний об'єкт електорального впливу і політичних маніпуляцій, надає можливість від імені групи претендувати на застосування механізмів групової дії (колективні звернення, групові протести та ін.).

Представництво етнічної групи болгар в органах державної влади сьогодні забезпечується різними шляхами. Найпомітнішою є участь у виборчих компаніях діячів етнічних громад і культурних товариств. Політична кар'єра таких лідерів будується на активному лобюванні інтересів територіальної етнокультурної громади або регіону. В Одеській обласній раді VI скликання було створено депутатську групу «Бессарабія». Політична кар'єра політиків нової генерації пов'язана із презентацією інтересів болгарської групи в Одесі і Одещині. У політичній кар'єрі таких лідерів власна етнічна ідентичність є підставою для отримання довіри з боку групи, яка делегує «свого лідера» у владу. Так, лобістами інтересів болгарської соціально-культурної спільноти можна вважати І. Плачкова, А. Кіссе, Ю. Граматика, М. Попову, М. Габера, А. Самунжй і деяких інших.

Отже, накопичений досвід вдалої адаптації в межах південних регіонів Причорномор'я, створення організованої структури між багатьма групами болгар як регіону, так і світу, обумовили швидке і ефективне «проникнення» мережевої етнокультурної системи в соціокультурний простір міста. Накопичений досвід адаптаційного процесу виявився ефективним на різних рівнях, а саме на макро-рівні (включення соціокультурних інституцій болгар України в глобальну мережеву структуру болгар світу) і на мікро-рівні (активна інтеграція болгар на індивідуальному рівні в соціальну структуру Одеси). В просторі міста активно розгорнутий діалог між значущими агентами етносоціальної групи: з одного боку, це підприємці, економічні агенти, науковці, які відтворюють етнічне (мову, етнокультурні об'єкти, господарчі практики), а з іншого боку, – «споживачі» етнічного, відвідувачі ресторанів, музеїв, театру, шкіл тощо. Болгарська культура та продукти культури стали складовими «товарів» та «послуг», що свідчить про глибоке проникнення в соціокультурну складову поліетнічного міста.

¹ Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение. – 1980. – № 1. – С. 42–59.

² Коч С. В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых») диаспор юго-западного региона Украины // Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры мира: Сб. научн. трудов / Крымское отделение Института востоковедения имени А. Е. Крымского НАН Украины. – К.: ЧП «Золоті Ворота», 2011. – С. 61–71.

³ Бредникова О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов / О. Бредникова, О. Паченков // Этничность и экономика: Сб. статей по материалам международного семинара. – Вып. 8 / Под ред. О. Бредниковой. – СПб.: ЦНСИ, 2000. – С. 49.

⁴ Коч С. Этническое лоббирование как социальная практика в пограничье (на материалах исследования Бессарабии) // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского Пограничья. – 2014. – № 1. – С. 55.

⁵ Стоянова Г. Н. Репрезентация этничности в социальных сетях: конструирование реальности и идентичности (на примере этнических групп Одещины) // Постфактум: історико-антропологічні студії. – 2013. – № 1 – С. 72–82.

⁶ Всеукраїнська громадська організація «Асоціація болгар України» // Реєстр громадських об'єднань в Україні – URL: <http://rgo.informjust.ua/> (дата звернення: 22.08.2016); Всеукраїнська громадська організація «Конгрес болгар України» // Реєстр громадських об'єднань в Україні – URL: <http://kbg.org.ua>. (дата звернення: 22.08.2016)

⁷ Премиерът Борисов: Координационен център ще поддържа постоянна връзка с българите в Украйна // Република България. Министерски Съвет – URL: <http://www.government.bg/cgi-bin/e-cms/vis/vis.pl?s=001&p=0212&n=3406&g=>. (дата звернення: 15.08.16)

⁸ Всеукраїнській болгарській асоціації – 10 років. – Одеса: Маяк, 2003. – С. 68–69.

⁹ Обозрение плюс. Общественно-политический еженедельник – URL: <http://obozrenie-plus.com>. (дата звернення: 22.08.2016)

¹⁰ Железкова А. Юрий Граматик: Нашата основна цел е борба с асимилацията на българите в Украйна // Информационна агенция «Фокус» – URL: <http://www.focus-news.net/?id=f20743>. (дата звернення: 15.08.16)

¹¹ Одесский Болгарский Драматический театр. Официальный сайт театра – URL: <http://www.bgteatr.od.ua/o-nas/>. (дата звернення: 22.08.2016)

¹² Станчев М. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. – Т. 2: Биографическая энциклопедия. – Харьков, 2016. – 592 с.

¹³ Громадська організація «Всеукраїнська Асамблея болгар України» // Реєстр громадських об'єднань в Україні – URL: <http://rgo.informjust.ua/>. (дата звернення: 10.08.16)

¹⁴ Болгарское народное собрание. Официальный сайт – URL: <http://ua-bg.com>. (дата звернення: 11.08.16)

¹⁵ Всеукраїнській болгарській асоціації – 10 років. – Одеса: Маяк, 2003. – С. 69–70.

¹⁶ Клиника Святой Екатерины. Официальный сайт – URL: <http://svekaterina.ua/about>. (дата звернення: 20.08.16)

¹⁷ Третя періодична доповідь України про виконання Європейської хартії регіональних мов або мов меншин. – К., 2015 – 204 с. – URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/PeriodicalReports/UkrainePR3_ua.pdf. (дата звернення: 10.08.16)

¹⁸ Премиерът Борисов: Координационен център ще поддържа постоянна връзка с българите в Украйна. Република България. Министерски Съвет – URL: <http://www.government.bg/cgi-bin/e-cms/vis/vis.pl?s=001&p=0212&n=3406&g=>. (дата звернення: 21.08.16)

БЪЛГАРИТЕ В ПРИАЗОВИЕТО В МИНАЛОТО И ДНЕС (ПРЕДВАРИТЕЛНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ В РЕПУБЛИКА ПОЛША)

Е. Хатлас

Хатлас Е. Болгари Призов'я у минулому та сьогоденні (Попередні дослідження в Республіці Польща). Болгарська діаспора на Азовському морі виникла у 1861–1863 рр. Переселенці прибули сюди як з Балканського півострову, так і з Бесарабії. Практично на місці залишилися лише останні, адже болгари з околиць міста Видин через рік повернулися до своєї старої батьківщини. Решта опинилась у складній ситуації, а в радянську добу багато з них зазнали репресій. Зараз вони живуть у межах України. Стаття започатковує дослідження цієї проблематики в польській історіографії.

Ключові слова: болгари; Азовське море; діаспора; міграція населення.

Хатлас Е. Болгары Призовья в прошлом и настоящем (Предварительные исследования в Республике Польша). Болгарская диаспора в Призовье возникла в 1861–1863 гг. Вынужденные переселенцы пришли сюда как с Балканского полуострова, так и с Бессарабии. На месте остались практически только последние из них, так как болгары из окрестностей города Видин через год вернулись на свою старую родину. Оставшиеся оказались в сложном положении, а в советскую эпоху многие из них были подвергнуты репрессиям. Сегодня они проживают в границах Украины. Статья кладет начало исследования этой проблематики в польской историографии.

Ключевые слова: болгары; Азовское море; диаспора; миграция населения.

Hatlas J. Bulgarians of the Pryazovia in the Past and Nowadays. (Preliminary Research in the Republic of Poland). It is reported that Bulgarian diaspora was established by the sea of Azov over the period 1861–1863. The expatriates came here from both the Balkan Peninsula and Bessarabia. Only the latter ones stayed in place, where as Bulgarians from surroundings of the city of Vidin came back to their old homeland after a year. It wasn't an easy time for those who stayed there because they were subjected to different kind of repression under Communist regime. Nowadays they live within the Ukrainian state. The article contributes merely to the research of this problem in the Polish historiography.

Keywords: Bulgarians; Sea of Azov; diaspora; human migration.

Двете най-големи диаспори на българския народ се намират в Европа, на изток от територията на днешна България.

Първата от тях съществува в Бесарабия (регион, разположен между реките Днестър и Прут). Българите се заселили тук преди около 200–250 години¹. Те популярно са наричани „бесарабски болгари“ или, по-коректно, „българите в Бесарабия“. Сегашна Бесарабия е разделена между две държави: Молдова (която заема площ от централната част на Бесарабия) и Украйна (в която се включва северната и южната част на Бесарабия). Южна Бесарабия се нарича и Буджак, който е изкуствено разделен на две части. Основната част на тази територия (южната) се намира в Одеска област на Украйна. Тук обитава по-голямата част от българското население от бесарабската диаспора на българския народ. В северната част на Буджак (която се намира в Молдова) българите живеят предимно в Тараклийския район и по-малка част от тях – в Гагаузия (главно в село Кирсово², в град Комрат, който е столицата на Гагаузия, и в град Чадър Лунга), а също и по-далеч на север, в Централна Бесарабия, в столицата на Молдова (Кишинев). Бесарабските болгари отдавна са обект на научни изследвания. За тях има богата научна литература³. За съжаление, в Полша тя е още малобройна⁴.

Втората обаче важна българска диаспора се намира на Азовско море. Преселниците болгари се заселили тук преди около 150 години. Българите, които живеят в Приазовието, също са наричани различно: „таврийски болгари“, „запорожки болгари“, „приазовски болгари“. Таврийската губерния отдавна не съществува като административна и стопанска единица, така че терминът ‘таврийски болгари’ има вече чисто исторически характер. След сталинската депортация на компактно българското население от Крим (1944 г.) сега

броят на българите тук не е много голям, а след анексията на Крим от Русия през 2014 г. тази общност се разделя от границата на две части. Българите, живеещи в Северното Причерноморие, влизат в административна единица на съвременна Украйна – в южната част на Запорожка област. Така може да се каже, че термините ‘запорожки българи’ и ‘приазовски българи’ са практически синоними, но аз избирам името ‘приазовски българи’, за да не е свързан този контекст с актуалното административно деление на украинската държава (и да има само универсален топографически характер).

Българите се заселили на Азовско море в периода 1861–1863 г. В резултат на Кримската война, загубена от Русия, по силата на Парижкия мирен договор от 30 март 1856 г. част от Буджака (директно в непосредствена близост до река Дунав), т.нар. Подунавие, става част на Княжество Молдова⁵. Новите власти на 4 февруари 1857 г. се обръщат към населението с прокламация, която гарантира запазването на съществуващите закони. Колонистите получават правото свободно да напуснат молдавската част на Буджака и да се преселят в границите на Русия в рамките на три години – до 1 март 1860 г. Но през 1860 г. властите на Молдова (по инициатива на добре известния активист на румънската държава Михаил Когълничану/Mihail Kogălniceanu) премахват автономния статут на българите в Буджака. Те увеличават данъците и започват да включват в армията български рекрути⁶. През ноември 1860 г. в градовете Болград и Рени имало вълнения и са били убити хора⁷. Според Мишо Хаджийски (поет и известен лидер на приазовските българи) кървавите събития в гр. Болград стават пряка причина за масовото изселване на българското население от тази част на Буджака на Азовско море⁸. Първото масово преселване през 1860 г. на българското население до Таврийска губерния се е извършило от два бежански потока. Първият поток тръгнал от молдавската част на Буджака, а вторият – от Балканския полуостров (предимно от Видинско). Българите от Видинско дошли в пределите на Таврийската губерния през лятото и есента на 1861 г. по море (до Теодосия и Евпатория в Крим). Броят на тези преселници бил 1560 български семейства – точно 10 388 души⁹. Условието, които българите намерили на мястото, се оказали катастрофални (царували само глад, студ и болести). Умирали предимно деца. Климатът, в който българит попаднали, бил много по-тежък от този, с който били свикнали в родината си. През пролетта на 1862 г. било взето решение да се върнат на Балканския полуостров, в старата родина. Обратният път също продължил по море (през пристанищата на Евпатория и Теодосия).

От общия брой 16 400 преселници 12 100 българи се върнали обратно живи в българските земи. Връщащите се били гладни, болни и уморени от пътуването. Трябва да се отбележи обаче, че потенциалният брой на българите, които са били обект на преселването, е много висок (250 000 души), но своите семейни къщи оставили сравнително много малко хора (по-голямата част от тях се върнали след една година)¹⁰. Тези, които останали в Таврийска губерния, основали само две колонии. Това са Терновка в Мелитополски уезд и Царицино в Бердянски уезд.

Бежанският поток от молдавския Буджак има други резултати. Недоволни от новите власти, българите искали да се заселят в руската част на Буджака. В края на ноември 1860 г. от името на 2600 семейства от 60 български села била изпратена петиция до цар Александър II с молба за възможността за преселване в границите на Русия¹¹. Цар Александър II се съгласил да приеме българите, но по свой си начин. Като място за преселение бил посочен Крим, но българите избрали областите, разположени на север, на Азовско море. Преселването на българите от Бесарабия към Приазовието продължило два сезона (лято и есента на 1861 г., а също и през пролетта на 1862 г.). Логично, това определено било по-добре от преселването от гр. Видин и околностите му. В хронологичния период от 1 април до 1 октомври 1862 г. в Приазовието се преместват 2794 семейства, представляващи общо 13 288 души (6666 жени и 6622 мъже)¹². Заедно с преселниците от 1861 г., общият брой на преселените възлиза на 17 460 души. Българите от Буджака останали компактно на Азовско море. Те се разполагат предимно в местата на ногайските аули. Ногайците напускат тази територия след Кримската война. Общо взето българите от Подунавие и от Балканския полуостров се установяват в 36 нови колонии, от които до наши дни са оцелели 30 села.

Таблица 1.
Българските колонии, основани в Приазовието от преселници от Бесарабия
в Таврийска губерния (според С. И. Пачев¹³)

№	Название на нова колония	Ногайско название (аул)	Съвременно название	Място в Бесарабия, откъдето са дошли
Бердянский уезд				
1.	Андровка	Канжедалы	Андровка	Старо-Троян
2.	Анновка	Аргаклы	Анновка	Карагач (от 1947 г. – Нагорное)
3.	Бановка	Сарайлы и Аргин	Бановка	Бановка
4.	Богдановка	Сарлар и Асан-Хожа	Богдановка	Чешма Варуита (от 1947 г. Криничное)
5.	Варваровка	Аккермен	Не съществува	
6.	Второниколаевка	Коктур-оглу	Луначарское	Ердекбурну (от 1947 г. – Утконосовка), Бабель (от 1947 г. – Озерное) и Болград
7.	Вячеславовка	Ягонда-Шеклы	Вячеславовка	Еникиой (от 1945 г. Новоселовка)
8.	Гирсовка	Тулга	Гирсовка	Тропкло (сега – Траповка)
9.	Гюневка	Какпас	Гюневка	Кайраклия (от 1947 г. Лоциновка)
10.	Диановка	Аслыкши	Лозоватка	Вайсал (сега – Васильевка)
11.	Еленовка	Букрут II	Не съществува	
12.	Зеленовка	?	Зеленовка	Импутица (от 1945 г. Валдычень)
13.	Инзовка	Орман	Инзовка	Ташбунар (сега – Каменка)
14.	Манойловка	Аргаклы I	Манойловка	Импутица (от 1945 г. Валдычень)
15.	Мариино	Кичкине-Бескеклы	Мариино	Бановка
16.	Михайловка	Кагач II	Не съществува	
17.	Надеждино	Караруга	Надеждино	Новый Карагач (от 1947 г. Вишневое)
18.	Петровка	?	Петровка	Карагач (от 1947 г. Нагорное)
19.	Палозовка	Коясы-оглу	Палозовка	Бабель (от 1947 г. Озерное) и Фынтына-Джинилор (сега – Кирнички)
20.	Первониколаевка	Канлыгары	Первониколаевка	Карагач (от 1947 г. Нагорное)
21.	Преслав	Шеклы II	Преслав	Ташбунар (сега – Каменка)
22.	Радоловка	Кагач I	Радоловка	Кайраклия (от 1947 г. Лоциновка)
23.	Райновка	Алшин-Бадай	Райновка	Вайсал (сега – Васильевка)
24.	Романовка	Тогалы	Коларовка	Еникиой (от 1945 г. Новоселовка)
25.	Софиевка	Айтамгал	Софиевка	Шикирликитай (от 1941 г. Суворово)
26.	Степановка	Сарлар и Асан-Хожа	Степановка	Болград и Чешмаваруита (от 1947 г. Криничное)
27.	Строгановка	Кичкине-Сосиктогун	Строгановка	Дермендере (от 1946 г. Каланчак)
28.	Трояны	Шавжеклы и Бодрак	Трояны	Трояны
29.	Федоровка	Кизильдин-Оглу	Федоровка	Новопокровка
30.	Цареводаровка	Улькон-Сосиктогун	Ботиево	Дермендере (от 1946 г. Каланчак)
Мелитополски уезд				
31.	Александровка	?	Александровка	
32.	Болград	На празно пространство	Не съществува	
33.	Волканешты	На празно пространство	Не съществува	
34.	Дмитриевка	Азберда	Днес е квартал на районния център Якимивка на Запорожска област	

По този начин се създава втората българска диаспора в земите на сегашна Югоизточна Украйна.

По времето на Съветския съюз българите в Приазовието преживяват различни перипетии. През 1929 г. започва колективизацията на селското стопанство. Създават се колективни стопанства – т.нар. „колхози“, а много земеделци са били репресирани. В 1932–1933 г. съветските власти предизвикаха изкуствено глад в Украйна¹⁴. Смята се, че по време на големия глад в Украйна умират повече от 20 000 приазовски българи. Обезлюдените села са били обитавани от новодошлите. Съветските власти заселват тази зона с руснаци и украинци. Това е причината българските села в Приазовието да загубят етнически чистия си български характер¹⁵.

В първите години на съветската власт в почти всяко село, населено с българи, са създадени училища, в които се преподава на български език. През 1918 г. средното училище в село Преслав се преименува на българско училище с педагогически характер. През 1924 г. в Мелитополски район властите направили два национални български района: Романовски (от 1926 г. – Коларовски) и Цареводарски (от 1927 г. – Ботевски). В средата на 30-те години Сталин и съветското ръководство коренно променили политиката си по отношение на националните и етническите малцинства, живеещи в Съветския съюз. През 1936 г. всички училища на националните малцинства в Съветския съюз били затворени. През 1938 г. започнали арестите и физическото елиминиране на директорите на колхозите с българско потекло и на комунистическите емигранти от България. Невинни хора били обвинени в най-абсурдни деяния като шпионаж, участие в различни актове на тероризъм, саботажи и т.н. Несправедливо обвинените били изпращани масово в трудови лагери в Сибир и Магадан, немалко – били разстреляни. През 30-те години на XX в. в Съветския съюз започнала тотална борба с религията. Тъй като в Приазовието по-голямата част от вярващите са православни, тази религия протърпяла най-големи загуби. По време на този терор духовниците били масово арестувани, а църквите затваряни. Култови сгради били разрушени, а в най-добрия случай били предадени на колхозите за различни видове складове. Така че може да се каже, че в началото на Втората световна война българското малцинство край Азовско море било трагично осакатено¹⁶.

От октомври 1941 до септември 1943 г. Приазовието било окупирана от германската армия зона. Отстъпващите на изток съветски войски взели със себе си от българските села всички вещи и провизии. Окупационните власти се държали жестоко с местните българи. Много села били разграбени, изгорени, а много хора загинали.

В допълнение, германците започнали да изнасят местни българи в Германия за т.нар. „работи“, най-вече в сектора на селското стопанство. През 1942 г. селяните от Инзово (Инзовка) изпратили петиция до царя на България Борис III, като по един много емоционален начин поискали разрешение да се заселят – шестдестхилядна българската диаспора – в границите на старата Родина. Основен организатор на връщането на българите в пределите на България бил местният поет Мишо Хаджийски. Преселването се състояло в 1943–1944 г. В България повечето от преселниците се заселват в селата около гр. Добрич (общо взето в Добруджа). Точният брой на българите, репатрирани от Приазовието в България през периода 1943–1944 г., е неизвестен. Липсва документация, а тази, която съществува, невинаги е точна. Като се съберат всички налични данни, броят на разселените лица възлиза на около 1900 души. След освобождението на България и смяната на режима приазовските българи по решение на Сталин са били през 1945 г. насилствено депортирани в границите на Съветския съюз (в Сибир и Таджикистан)¹⁷.

След войната приазовските българи, тези, които останали на място, все още живеели в Съветския съюз до края на съществуването на тази държава през 1991 г. След получаването на независимост от Украйна, те са граждани на Украйна, а тяхната територия обхваща южната част на Запорожка област. В момента местните българи се опитват да възстановят своята етническа общност. Има неделни училища, където децата и младежите учат български език, култура и традиции. Основен градски център в областта е Бердянск. В гр. Приморск (старо име Ногайск) има Украинско-български многопрофилен лицей с преподаване на български език. Местните българи участват активно в икономическия, културния и духовния живот на областта. Има много активисти, като например г-н Стефан Намлиев от село Радоловка, в което деца и младежи учат българския език и са членове на

различни местни неправителствени организации, обединяващи българското население на региона. Забелязва се възраждане и в сферата на духовния живот. В селата, където църквите са били докрай разрушени, както в село Преслав, са построени нови сгради. В село Зеленовка е повторно отворена старата църква, която в продължение на много години е била затворена. Планира се също реставрация и на най-силно повредени сакрални сгради в селата Радоловка и Манойловка¹⁸.

В Полша проблемът на българите, живеещи на Азовско море, е почти неизвестен. Липсва научна литература по темата. В периода между 11 до 15 май 2015 г. авторът на този текст, заедно с г-н Юрий Хидзик (Юрий Сарабеев), посети Приазовието в рамките на научните изследвания под егидата на Центъра по българистика и балкански изследвания „Марин Дринов“ на Харковския национален университет „Василий Каразин“ и благодарение на благотворителната организация „Иван Рилски“. По време на тази експедиция бяха събрани редица ценни материали, които ще бъдат използвани в планираната книга „*Bułgarzy w Nadzowiu*“ („Българите в Приазовието“), която ще бъде издадена на полски език.

¹ *Грек И.* Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. – 1995 г. (Библиографический указатель литературы). – Кишинев, 2003; *Думиника И.* Румынская историография периода 1918–1944 гг. к вопросу о переселении болгар в Бессарабию в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* – Т. 11. – Одеса–Велико Търново, 2012. – С. 39–55; *Думиника И.* Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията. – Кишинев, 2015.

² *Стойнов Г. С.* Кирсово: 180 лет Башкүү. Кирсово в прошлом и настоящем. – Кишинев, 1990; *Хатлас Е.* Кирсово – болгарско-гагаузское село в Гагауз Ери // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* – Т. 10. – Одеса–Велико Търново, 2009. – С. 353–357; *Думиника И.* Храм Успения Божией Матери села Кирсово. Исторические аспекты. – Кишинев, 2012.

³ Например: *Грек И.* Българите от Украйна и Молдова. Милало и настояще / И. Грек, Н. Червенков. – София, 1993; *Калчев К.* Българската етническа общност в Бесарабия (XIX–XX в.). Възникване, развитие, принос в общонационалните процеси. – Велико Търново, 2009; *Кисе А.* Відродження болгар України. – Одеса, 2006; *Станчев М.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. – Т. 1 (1711–2006). – Статистический сборник. – София, 2009; *Станчев М.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. – Т. 2. – Биографическая энциклопедия. – Харьков, 2016; *Станчев М.* Род Станчевых (с. Кортен, Республика Молдова). – София, 2010; Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност / Съст. М. Младенова, В. Гешев. – София, 2012; *Балкански Т.* Бесарабски бележник / Т. Балкански, В. Кондов. – Велико Търново, 2012; *Червенков Н.* Тараклии – 200 лет / Н. Червенков, И. Думиника. – Т. 1: (1813–1940). – Кишинев, 2013; *Червенков Н.* Петро-Павловская церковь села Чийшия (Городнее). – Кишинев, 2013; *Маринов Д.* Селища с българско население в Северния Буджак. – Велико Търново, 2013; Бесарабските българи: история, култура и език / Съст.: И. Думиника. Научен редактор Н. Червенков. – Кишинев, 2014; Буджак: историко-етнографические очерки народов юго-западных районов Одешины / Ред. А. И. Кисе, А. А. Пригарин, В. Н. Станко. – Одесса, 2014.

⁴ *Kraszewski J. I.* Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budżaku. Dziennik przejazdu w roku 1843 od 22 czerwca do 11 września. – Т. 3. – Wilno, 1846 [ново издание: Warszawa, 1985]; *Balkany na Ukrainie.* Bułgarzy, Gagauzi i Albańczycy z ukraińskiego Budżaku (Praca zbiorowa pod redakcją Wojciecha Lipińskiego. – Warszawa, 2014; *Hatlas J.* Bułgarzy w Besarabii – 200 lat historii. – Poznań, 2014.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. – М., 1952. – С. 29; *Виноградов В. Н.* Бесарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / В. Н. Виноградов, М. Д. Евещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. – М., 1996. – С. 137.

⁶ *Пачев С. И.* Возникновение болгарских колоний в Приазовье // *Българське населення Півдня України: Дослідження і документи.* – Вип. 1. – Запоріжжя, 1993. – С. 15.

⁷ Пак там.

⁸ *Хаджийски М.* Българи в Таврия. – София, 1943 [ново издание: *Хаджийски М.* Българи в Таврия. – Велико Търново, 1992]; *Хаджийски М.* Пуста чужда чужбина. – София, 1943 [ново издание: *Хаджийски М.* Пуста чужда чужбина. – София, 1994].

⁹ *Бонов Й.* Таврийски българи. Кратка история на сънародниците ни от Приазовието. – Враца, 1998. – С. 9.

¹⁰ *Маринов Д.* Политически движения и въстания въ Западна България (Видинско, Ломско, Българчишко и Берковско). Приносъ за българската история // *Сборникъ за народни умотворения. наука и книжнина.* – Кн. 2. – София, 1890. – С. 111.

¹¹ Симеонов Р. Депортацията на таврийските българи в СССР през 1945 г.: премълчаната история. – Добрич, 2015. – С. 21.

¹² Пачев С. И. Возникновение болгарских колоний в Приазовье // Болгарське населення Півдня України: Дослідження і документи. – Вип. 1. – Запоріжжя, 1993. – С. 17.

¹³ Пак там. – С. 18–20.

¹⁴ Голодомор 1932–1933 років: Запорізький вимір / Літ. ред. О. О. Стадніченко. – Запоріжжя, 2008; Голодомор 1932–1933 років на території Запорізької області: свідчення очевидців / Упорядники В. Г. Ткаченко, І. М. Шугальова, О. О. Стадніченко, В. Г. Ткаченко, О. М. Ігнатуша. – Запоріжжя, 2010.

¹⁵ Бонов Й. Таврийски българи. Кратка история на сънародниците ни от Приазовието. – Враца, 1998. – С. 22–23.

¹⁶ Митков В. Голгофа болгар Таврии: анатомия репрессий (1920-е – 1940-е годы). – Запорожье, 2009.

¹⁷ Симеонов Р. Депортацията на таврийските българи в СССР през 1945 г.: премълчаната история. – Добрич, 2015.

¹⁸ Основна литература за българите в Приазовието: Хаджиниколова Е. Български преселици в южните области на Русия 1856–1877. – София, 1987; Мильчев В. Болгарські переселенці на півдні України 1724–1800 рр. – Київ–Запоріжжя, 2001; Калосянов В. Българите в Таврия 1860–1939. – София, 2005; Пачев С. Возникновение болгарских сел в Северном Приазовье (1861–1863). – Мелітополь, 2007; Митков В. Българите в Запорожжа земя: страници от историята и културата. – Запорожие, 2008; Митков В. В. Болгары в Таврии: 150 истории. – Запорожье, 2012; Марков А. Българите в Таврия и таврийци в България. – Добрич, 2014; Станчев М. Г. Болгарское население Приазовья за последние 150 лет (статистический обзор) // Матеріали міжнародної наукової конференції «IV Приазовський болгарський семінар». – Мелітополь – Велико Тирново, 2012. – С. 133–160.

ІСТОРИЯ ТА ЕТНОЛОГІЯ БОЛГАР

УДК 94(=16:497.2-13)«05/06»

СЛАВЯНЕ VI–VII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ. МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Б. Борисов

Борисов Б. Славяните през VI–VII в. на територията на днешна Южна България. Мит или реалност? Според историческите извори в края на Великото преселение на народите (края на VI–VII в.) целият Балкански полуостров бил заселен със славяни. Тези сведения не намират подкрепа в данните от археологически проучвания на територията на Южна България. Досега никъде не е установен здрав културен пласт с раннославянски материали, а броят на обектите, в които са намечени единични фрагменти от раннославянска керамика, е съвсем малоброен. Липсват и славянски некрополи. Всичко това свидетелства, че на територията на днешна Южна България през VI–VII в. липсва трайно славянско заселване.

Ключови думи: ранни славяни; керамика; заселване; некрополи; гробове.

Борисов Б. Славяне VI–VII вв. на територии нынешней Южной Болгарии. Миф или реальность? Согласно историческим источникам, в конце Великого переселения народов (конец VI–VII вв.) весь Балканский полуостров был заселен славянами. Эта информация не подтверждается данными археологических исследований в Южной Болгарии. На сегодняшний день нигде не установлен культурный слой с раннеславянскими материалами, а количество объектов, в которых были найдены отдельные фрагменты раннеславянской керамики, совсем незначительно. Не найдены и славянские могильники. Все это свидетельствует о том, что на территории современной Южной Болгарии в VI–VII вв. отсутствовало постоянное славянское заселение.

Ключевые слова: ранние славяне; керамика; заселение; могильники; погребения.

BorISOV B. Slavs of the 6th-7th centuries on the Territory of Nowadays Southern Bulgaria. Myth or Reality? The historical sources say that at the end of the Great migration of peoples (end of 6th-7th centuries) the Slavs had already settled in every part of the Balkan Peninsula. But the archaeological researches in what is now Southern Bulgaria do not confirm these data. Certain cultural layer containing Slavic materials has not been found in any archaeological site and there are few sites, where some Slavic pottery fragments have been discovered. There are no Slavic necropolises excavated. These data suggests that in the 6th-7th century the Slavs had not yet made permanent settlements in today's Southern Bulgaria.

Keywords: early Slavs; ceramics; settlement; cemeteries; graves.

В VI–VII вв., как установлено в истории, вся территория Балканского полуострова подвергалась губительным славянским нашествиям, которые в конечном счете заканчиваются славянским заселением Балкан. Конкретные события, связанные с этими нашествиями, давно описаны в научной литературе и в общих чертах не вызывают особых споров. В сущности, множество данных о той эпохе можно найти и в письменных источниках. Несколько византийских хронистов описывают с большей или меньшей степенью достоверности ряд славянских нашествий во второй половине VI в. и начале VII в. Самыми важными среди них можно считать современников этих событий – Иордана, Прокопия Кесарийского, Феофилакта Симокатты, Менандра Протектора, Иоанна Эфесского, Агафия Миринейского. Сведения этих авторов давно известны и лежат в основе всех исторических исследований процесса славянского заселения Балкан. Поэтому мы не будем останавливаться на них, а только наметим основные события, которые, без сомнения, наложили отпечаток на историю Балканского полуострова в VI–VII вв.

История

Славянско-аварские нашествия в VI в., особенно во второй его половине, были очень опустошительными и привели к гибели огромного числа поселений, крепостей и городов, к массовому обезлюдению огромных территорий. Это отражено и в исторических источни-

ках. О славянском нападении в 581 г. Иоанн Эфесский пишет: «На третий год после смерти императора Юстиниана и в царствование Тиберия Победоносца наступил проклятый славянский народ и совершил набеги по всей Элладе, в окрестностях Салоник и по всей Фракии. Они заняли множество городов и крепостей, разоряли и сжигали, грабили страну и завладели ей. Они поселились в ней без страха, будто она им принадлежала»¹.

Из приведенной цитаты можно понять, что славяне не только опустошали территорию Империи своими нашествиями, но и заняли большую часть ее. Впрочем, на наш взгляд, сведения византийского хрониста несколько преувеличены. Их цель – подчеркнуть опасность и многочисленность славянских нашествий, а также оправдать неспособность византийской власти справиться с ними. С другой стороны, в них говорится о большом количестве разрушенных крепостей и поселений, что подтверждается данными археологических раскопок – следы сильных пожаров, обнаруженные во многих поселениях и крепостях, свидетельствуют именно о славянских нашествиях в последней четверти VI в.

Этим однако славянско-аварские нашествия на Балканах не ограничиваются. Они продолжались и в самом конце VI в., и в начале VII в. при правлении императоров Маврикия Тиберия (582–602) и Фоки (602–610). Расправившись с персами, Тиберий сосредоточился на аварах и славянах, добившись некоторых успехов. После нескольких поражений в 598–600 гг. император заключил договор с аварами, согласно которому границей между Аварским каганатом и Империей стала река Дунай. Почти в то же время византийскому полководцу Приксу удалось победить славянские отряды Ардагаста и Мусокия. Чтобы расправиться окончательно со славянами, осенью 602 г. Маврикий Тиберий снова направил против дунайских славян армию под началом своего брата Петра. Вопреки первоначальным успехам, положение ухудшилось, начался мятеж, в результате которого император лишился трона, а позже – своей жизни и жизни сыновей². На византийский престол вззошел Фока. Все его правление однако полно военных поражений, в результате которых Византия потеряла огромные территории. В конце концов это привело к новому заговору, и на престол вззошел Ираклий (610–641).

Он принял власть в исключительно тяжелый для Византии момент. В Империю вторгались одновременно персы, авары и славяне, что привело к новым территориальным потерям. Персы овладели Сирией, Палестиной и Египтом, а славяне стали все чаще вторгаться в западную часть Балканского полуострова. Большая часть Далмации была захвачена. В руки славян пал и ряд больших городов во внутренней части страны – Сингидунум, Наисус, Сердика и др. В 620 и 622 гг. славяне снова осаждали Салоники – в третий и четвертый раз. Вместе с ними в нашествиях участвовали и авары. В 617 г. авары и славяне дошли до Константинополя³.

Воспользовавшись войной против Персии, в 626 г. авары и славяне напали с севера. Вместе с ними в войне против Византии приняли участие также болгары и гепиды. Объединенные силы дошли до Константинополя и осадили столицу Империи. Однако их попытки взять город с суши и с моря закончились полным разгромом, после чего авары оставили Византию в покое. Во время этих опустошительных нашествий было разрушено большое число все еще действующих крепостей.

По всей вероятности, именно тогда погибла и ранневизантийская крепость Кастра Рубра около д. Изворово. Доказательством является толстый слой пожара, местами достигающий одного метра. Он датирован монетами Ираклия. Датировке монет способствует и упомянутый клад из 7 золотых монет, принадлежащих Ираклию и его сыну Ираклеону, рубленных в 615–625 гг.⁴

К концу правления Ираклия и его наследников славяне завладели почти всем Балканским полуостровом. По историческим данным, во второй половине VII в. они жили во всех районах Балкан – Мизии, Фракии, Македонии, Далмации, Албании, Эпире, Фесалии, Средней Греции и Пелопонесе⁵.

Археология

В археологической науке есть ряд статей, посвященных заселению ранних славян во второй половине VI в. и начале VII в. К сожалению, во всех текстах можно найти существенный недостаток – отсутствуют четкие критерии о заселении и оседлости сла-

вян, а во многих случаях единичные находки славянской керамики, единичные пальчатые фибулы или даже их фрагменты воспринимаются как свидетельства раннего заселения славян.

Именно в этом духе выдержана опубликованная в 2003 г. статья Ст. Ангеловой и Р. Колевой, посвященная раннеславянскому заселению в Болгарии по имеющимся до того момента археологическим данным. Авторы статьи представляют 43 известные в то время находки раннеславянской керамики, лучевых фибул или сочетания тех и других, с территории Болгарии и Северной Добруджи. 27 из них найдены на территории нынешней Болгарии, а остальные 16 – на территории нынешней Румынии. Из всех 43 находок всего 7 – с территории современной Южной Болгарии – Пауталии, Филиппополя, Берое, Кабиле, античной дорожной станции Карасура около д. Рупките в районе г. Чирпан, средневековой Констанции в районе г. Симеоновград и ранневизантийской крепости около д. Любеново в районе г. Хасково⁶.

Анализируя эти памятники, авторы вполне справедливо упоминают монетные клады и самые поздние единичные монеты из ранневизантийских культурных слоев, что исключительно важно для уточнения хронологии славянских нашествий, более конкретно – отдельных византийских укреплений, поскольку они представляют собой своеобразный и точный *terminus ante quem* для раннеславянских материалов. Кроме того, анализ нумизматического материала позволяет установить внутреннюю хронологию славянских нашествий.

По мнению Ст. Ангеловой и Р. Колевой, самое раннее славянское присутствие установлено в Улметуме и Адине, где наиболее поздние монеты в ранневизантийских слоях датированы приблизительно 539–540 гг. В период между 537/538 и 575/576 гг., как они считают, славяне проникли в Берое, Дулесторум, Нигриниану Кандидианис и Пауталию. Позже, во времена Тиберия II Константина (578–582), под ударами славян погибают ранневизантийские крепости Августа, укрепление около д. Любеново в районе г. Хасково, Аксиополис⁷, Стенос⁸ и Дядово⁹. При правлении Маврикия Тиберия (582–602) погибают Улметум и Кабиле, а при Ираклии (610–641) – Индепенденца, Истрия, Аксиополис, Тропеум Трояни¹⁰. Приблизительно в то же время погибает и крепость Кастра Рубра, около д. Изворово в районе г. Харманли, что датировано большим количеством монет, в частности кладом золотых монет Маврикия Тиберия, Ираклия и Ираклеона, самые поздние из которых рублены между 616 и 625 гг.¹¹ Последними погибают Томи, Калатис и Тырново, где самые поздние монеты датированы 629–632 гг. Без всякого сомнения, все перечисленные крепости погибли во время славянских нашествий. С другой стороны, анализ нумизматических находок дает возможность определить хронологию и этапы славянских нашествий, что мы считаем абсолютно бесспорным. Нет сомнения, что монетные клады очерчивают славянские нашествия, но этого еще недостаточно, чтобы доказать массовое славянское заселение, о чем говорят указанные авторы. В то же время сами они упоминают несколько ранневизантийских крепостей – Диногедию, Капидаву, Августу, Пауталию и Любеново, где после их сожжения в конце VI в. нет свидетельств жизни почти до середины IX в.¹² Здесь мы сразу можем привести в качестве примера ранневизантийские крепости у д. Дядово и Кастра Рубра. Первая из них погибает во времена Тиберия II Константина, а вторая – приблизительно через 40 лет, к концу первой четверти VII в., однако в обеих нет никаких данных о заселении славян. И если в Кастре Рубре отсутствуют раннеславянские материалы, то из Дядово есть всего два фрагмента лепной керамики, которые ни в коем случае не являются доказательством славянского заселения, а только очерчивают славянские нашествия. Здесь уместно подчеркнуть, что на руинах ранневизантийской крепости возникает средневековая деревня, но почти на пять веков позже – в середине XI в.¹³

В том же духе выдержана и вышедшая из печати в 2015 г. в претенциозном издании “*Stratum plus*” статья Н. Хрисимова¹⁴. Она посвящена раннеславянским памятникам в северо-восточной части Балканского полуострова. В ней автор повторяет сказанное Ст. Ангеловой и Р. Колевой и в виде каталога перечисляет находки раннеславянской керамики, добавив к нему несколько новых. Автор по существу опирается только на находки раннеславянской керамики, так как вполне справедливо считает, что в период Великого переселения народов, когда можно наблюдать унификацию моды и соответственно элементов костюма, использование фибул в качестве этноопределяющего индикатора исключительно ненадежно.

Существенный недостаток статьи – механическое сравнение керамики из различных объектов по иллюстрациям, что абсолютно недопустимо, поскольку таким образом теряется целостная информация об исключительно важных технологических характеристиках, особенно когда речь идет об определении этнической принадлежности. Кроме того, решение подобных сложных проблем, связанных с заселением славян на Балканском полуострове, требует хорошего знания массового керамического материала “живую”. Только так исследование может быть абсолютно достоверным. Во всех остальных случаях механическое сравнение иллюстраций, причем иногда не совсем удачных, не может принести положительный результат.

Каталог, по сравнению со статьей Ст. Ангеловой и Р. Колевой, дополнен четырьмя новыми объектами на территории Южной Болгарии – Крын, Маджерито в районе г. Стара Загора, Пиперков чифлик в районе г. Кюстендил и д. Капитан Андреево в районе г. Свиленград. Молодой автор воспринимает идеи Ив. Дуйчева, В. Бешевлиева, П. Дякону, М. Комши, Ст. Ангеловой и Р. Колевой о раннем заселении славян к югу от Дуная в качестве федератов еще в 30-е годы VI в.¹⁵ К сожалению, указанные авторы не отвечают на вопрос о судьбе тех славян, которые заселились как федераты, и допускают, что часть из них осталась в новых местах обитания до массового заселения славянских племен в 20–30-х гг. VII в., а другая часть ушла далеко на юг вместе с местным населением.

Эти славяне-федераты, о которых есть сведения и в письменных источниках, все еще не являются массовым заселением на всем Балканском полуострове. На территории Северной и прежде всего Северо-Восточной Болгарии открыты славянские поселения с культурными слоями и некрополями. Здесь находятся и эталонные для раннеславянской культуры поселения в местностях Дренчето, Джеджови лозя и Калето около д. Попина, в местностях Стареча и Момчила около д. Гарван, Цар Асен в районе г. Силистра, которые у Ж. Вазаровой относятся к периоду VI–VII вв.¹⁶ Последние исследования однако показали, что массовое славянское заселение на территории нынешней Северной Болгарии начинается не раньше первой четверти VII в. Несмотря на различия в хронологии, в VII в. действительно наблюдается массовое славянское заселение, которое подтверждается и археологическими данными.

Коренным образом однако отличается картина на территории нынешней Южной Болгарии, где исторические сведения о заселении славян не подтверждаются археологическими данными. Эта территория входит в пределы провинций Фракия, Гемимонт и Средиземноморская Дакия. Это относится и к самым южным частям Балкан, хотя в исторических источниках идет речь о «славянском море», разлившимся на всем полуострове. Совсем очевидно, что сведения византийских хронистов, в том числе хроника Иоанна Эфесского, сильно преувеличены и не подтверждаются археологическими данными. В сущности, это мнение уже давно выразил Ст. Станилов в первом издании «Славяне в Первом болгарском царстве»¹⁷.

В последнее время Фл. Курта в своей монографии «Создание славян» выражает очень серьезные сомнения насчет массового славянского заселения даже в начале VII в. По его мнению, так называемая «славянская волна», накрывшая Балканский полуостров в начале VII в., не подтверждается археологическими данными. Фл. Курта выражает исключительно серьезные сомнения и насчет раннего заселения – в конце VI в. и первые два десятилетия VII в. – на территории нынешней Болгарии. Кроме того, вполне справедливо считая, что известные керамические материалы из Аргоса и Олимпии на территории Греции значительно более поздние и их нельзя связать с ранними славянами, он подчеркивает, что открытые могильные комплексы в Греции и Албании, датированные VII веком, на практике не имеют ничего общего со «славянской культурой» севернее Дуная¹⁸.

Вот почему ниже мы рассмотрим, разумеется, совсем кратко, находки раннеславянских материалов с территории нынешней Южной Болгарии, но перед этим назовем четкие критерии, которые считаем бесспорным доказательством постоянного славянского заселения. **Во-первых**, это наличие здорового культурного слоя с раннеславянскими материалами. **Во-вторых**, наличие жилых и хозяйственных помещений как свидетельства постоянного обитания. **В-третьих**, наличие могильников, поскольку хорошо известно, что нет постоянно обитаемого поселения без могильника. На наш взгляд, только сочетание этих трех критериев является надежным доказательством заселения данной территории, вне зависимости от того, о какой эпохе идет речь – праистории, античности или средневековье.

1. Ранневизантийская крепость в местности Асара около г. Свиленград (средневековая Констанция). При раскопках обнаружено очень мало фрагментов раннеславянской керамики. Автор Д. Аладжов отмечает, что это фрагменты коричнево-красных до серых сделанных вручную толстостенных глиняных сосудов без ручек (рис. 1). Он относит раннеславянскую керамику к концу VI–VII вв. и связывает ее с Пражско-корчакской культурой¹⁹, а Ст. Ангелова и Р. Колева относят ее ко II типу пеньковской керамики, согласно типологии О. Приходнюка²⁰. Кроме того, Д. Аладжов отмечает особо, что эти фрагменты обнаружены за крепостной стеной²¹.

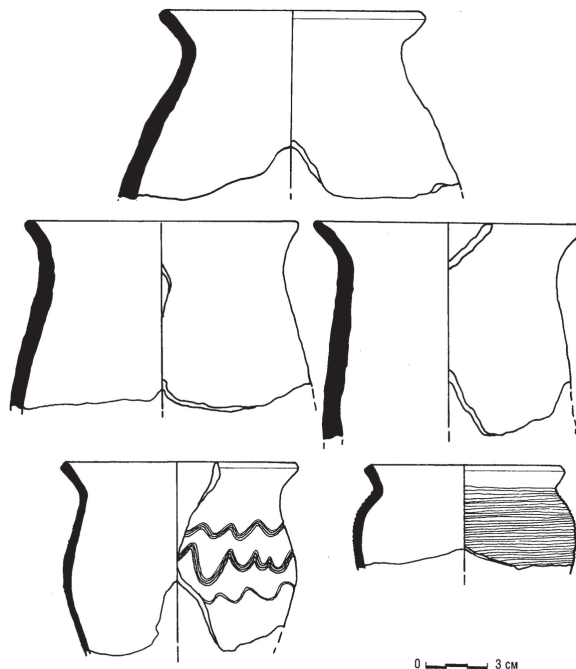

Рис. 1. Раннеславянская керамика из средневековой Констанции (по Аладжов Д. Результаты от археологические раскопки на Констанция // «Марица-изток»: Археологически проучвания. – № 3. – Раднево, 1995. – С. 187, обр. 19)

2. Ранневизантийската крепость около д. Любеново в районе г. Хасково. Очень мало фрагментов раннеславянской керамики обнаружено и при раскопках крепости около д. Любеново, разрушенной в начале последней четверти VI в., во времена Тиберия II Константина (578–582). Они относятся к сосудам грубой структуры, с примесью песка. Как и сосуды из Констанции, они коричнево-красные до серого после обжига цвета, сделанные вручную и тоже без ручек (рис. 2). Фрагменты раннеславянской керамики обнаружены на разрушенных ранневизантийских стенах²². Ст. Ангелова и Р. Колева снова относят керамику ко II и IV типам пеньковской керамики по типологии О. Приходнюка²³.

В другом месте Д. Аладжов специально уточняет, что раннеславянская керамика из Констанции и Любеново обнаружена не в здоровом раннеславянском, а в руинах ранневизантийского культурного слоя²⁴.

Анализ археологической ситуации в двух указанных объектах – небольшое количество раннеславянской керамики, найденной в руинах ранневизантийских слоев и отсутствие культурных наслоений раннеславянского периода – категорически свидетельствует о том, что найденные материалы доказывают не славянскую оседлость, а просто очерчивают славянские нашествия во второй половине VI в. и первой половине VII в.

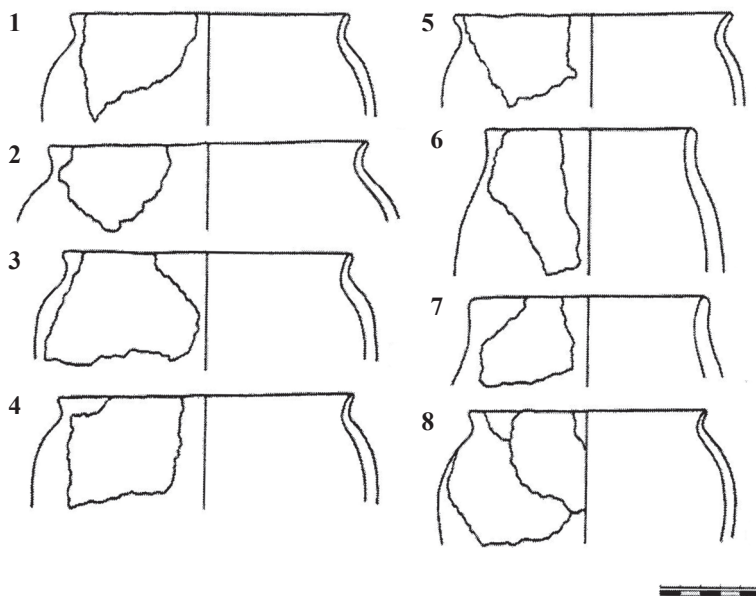

Рис. 2. Раннеславянская керамика из д. Любеново (по Аладжов Д. Разкопки в село Любеново през 1968 г. / Д. Аладжов, Д. Балабанян // Родопски сборник. – 1972, № 3. – С. 131, обр. 27)

3. Ранневизантийская крепость около д. Дядово. При раскопках средневекового поселения XI–XII вв.²⁵ и ранневизантийской крепости около д. Дядово²⁶ найдены всего два фрагмента горшков, сделанных вручную (рис. 3). В монографии об основных результатах раскопок, опубликованной более 35 лет назад, мы отметили, что эти сосуды не имеют ничего общего со средневековым поселением XI–XII вв. и, вероятнее всего, попали сюда случайно²⁷. Оба фрагмента найдены снова на границе между культурными слоями XI–XII и VI вв., однако раннеславянский культурный слой полностью отсутствует. Сегодня, опираясь на свой опыт, можем с большой вероятностью предположить, что указанные два фрагмента лепных раннеславянских горшков попали туда во время славянских нашествий, когда ранневизантийская крепость была взята, разрушена и брошена навсегда. Это произошло во времена правления Тиберия II Константина (578–582), т.е. в начале последней четверти VI в.

Рис. 3. Раннеславянская керамика из д. Дядово (according to Borisov B. Djadovo I. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th-12th Century). – Tokyo: Tokai University Press, 1989. – P. 169, fig. 199)

4. Августа Траяна (нынешний г. Стара-Загора). При многолетних археологических раскопках в городе до сих пор найдены только отдельные фрагменты раннеславянской лепной керамики. В полуземлянке, выкопанной в полу позднеантичного или ранневизантийского здания с мозаикой, найдено несколько фрагментов раннеславянской лепной керамики, в т.ч. горшок с цилиндрическим корпусом, имеющий аналоги в аварской керамике (рис. 4 а).

При раскопках позднеантичного дворцового комплекса в юго-восточном углу крепостных стен найден другой лепной горшок, о котором предполагается, что он относится к „пражскому” типу (рис. 4 б). К сожалению, отсутствует не только серьезная документация об этих керамических находках, но и их иллюстрации, что дополнительно осложняет далеко не бесспорное определение раннеславянской керамики с территории нынешней Южной Болгарии. Не вызывает, однако, сомнений то, что в ранневизантийском городе снова отсутствует раннеславянский культурный слой. Еще более сомнительной является и фрагментированная пальчатая фибула, от которой сохранились головка и часть дужки, к которой имеется хотя бы иллюстрация²⁸.

5. Ранневизантийская крепость над античной дорожной станцией Карасура, около д. Рупките в районе г. Чирпан. В 1983 г. при исследовании помещения, уничтоженного пожаром, датированным монетами Юстина II и Софии (565–578), среди многочисленной ранневизантийской керамики найден лепной горшок (рис. 4 в). Озадачивает, однако, мнение одного из археологов – М. Вендела, который считает, что сосуд напоминает

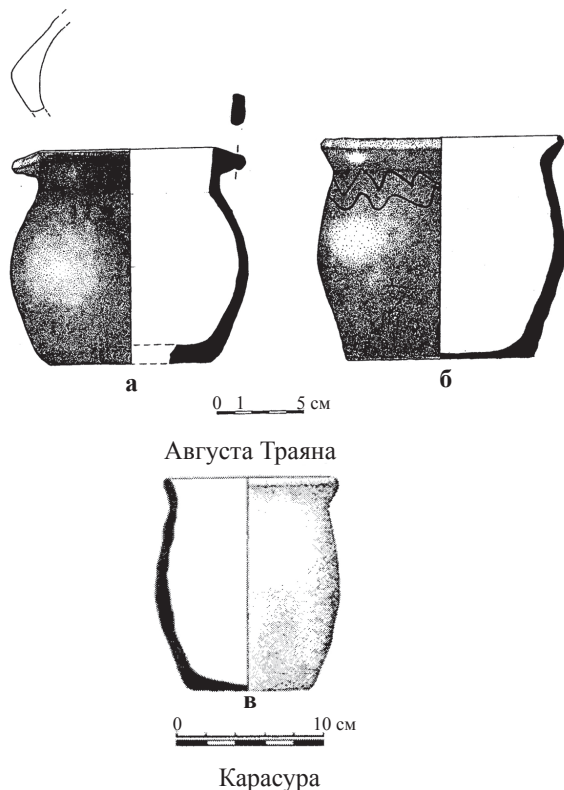

Рис. 4. Раннеславянская керамика из г. Ст. Загоры и Карасуры (по Грозданова Г. Население на Южна България VI–IX в. (по археологически данни): Дисертация за присъждане на научната и образователна степен «Доктор». – София, 2011. – С. 143, табл. 88, 1–2)

ет горшки „пражского типа”, а в то же время связывает помещение с кутригурами на базе использованной техники строительства «Елочка». Здесь снова отсутствует раннеславянский культурный слой²⁹.

6. Филиппополь (нынешний г. Пловдив). В огромном римском и ранневизантийском городе тоже отсутствует раннеславянский культурный слой. По устным сведениям, в 2014 г. в ранневизантийском жилище, разрушенном во второй половине VI в., найдена верхняя часть маленького лепного горшочка, который Е. Кесякова и Л. Дончева-Петкова определяют как раннеславянский. Об этом сосуде пока нет публикаций. Из Филиппополя происходят и пальчатая фибула, о которой пишут Ст. Ангелова и Р. Колева. Она относится к типу I D по типологии Й. Вернера³⁰ и датирована VII в., но это все еще не является доказательством массового раннеславянского заселения Филиппополя.

7. Сердика (нынешний г. София). При археологических исследованиях на территории Софии около середины прошлого века найдены три толстостенных лепных горшков. У них довольно странные формы, коренным образом отличающиеся и от пеньковской, и от пражско-корчакской раннеславянской керамики. По мнению М. Станчевой³¹, сосуды имеют аналоги в раннеславянской керамике, но она не уточняет, где именно, что вызывает некоторые сомнения относительно их раннеславянского происхождения. Сомнения усиливаются и тем обстоятельством, что эти сосуды не указаны в статье Ст. Ангеловой и Р. Колевой³².

В 2015 г. в окрестностях Софии при спасательных раскопках найдены два раннеславянских поселения, которые, по первоначальным данным, датированы концом VII в. и соответственно VIII в. К сожалению, до публикации результатов спасательных раскопок трудно сказать о них больше.

8. Д. Пиперков чифлик в районе г. Кюстендил. При раскопках праисторического поселения открыты и исследованы два жилища, которые относятся к раннеславянскому поселению в местности Кюшко³³. В жилищах найдены печи, сложенные из вторично использованного целого и фрагментированного кирпича и камня. К сожалению, здесь речь идет о зондажных раскопках, которые охватывают совсем небольшую площадь – всего 89,5 кв. м, где кроме двух жилищ найдены и пятна еще двух, пока не исследованных³⁴. Изучено и несколько ям. На базе найденной керамики жилища датированы второй половиной VI–VII вв. Результаты раскопок, к сожалению, еще не опубликованы, но наличие керамики, сделанной ручным гончарным кругом, ставит под сомнение такую раннюю хронологию. Нет никакого сомнения однако, что это первое поселение на территории Южной Болгарии, где найдены жилища и ямы и установлен здоровый культурный слой. К сожалению, небольшая площадь раскопок не позволила открыть могильник, а такой, без сомнения, должен быть в окрестности.

9. Пауталия (нынешний г. Кюстендил). При ранних раскопках крепости Хисарлык в Кюстендиле найдено небольшое количество фрагментов лепных горшков³⁵, которые Ст. Ангелова и Р. Колева определяют как раннеславянские и даже связывают их с типами II и IV по типологии пеньковской керамики. Здесь последние ранневизантийские монеты относятся ко времени Юстина II (565–578)³⁶.

Немного фрагментированной раннеславянской керамики обнаружено и при раскопках Художественной галереи и Килийной школы в античной и ранневизантийской Пауталии. И здесь найденные материалы из руин ранневизантийского культурного слоя³⁷.

10. Раннеславянское поселение около г. Капитан Андреево в районе г. Свиленград – единственное исключение на данном этапе. Оно исследовано при спасательных раскопках в связи с прокладкой высокоскоростной железной дороги Пловдив – Свиленград. На базе найденной керамики Х. Попов и Г. Грозданова относят его к началу второй четверти VII в., после 626 г., и справедливо указывают, что это одно из самых ранних славянских поселений на территории Южной Болгарии³⁸. К сожалению, нет ясности, сколько именно жилищных комплексов было исследовано. В публикации, посвященной жилищам, упомянуты 6 комплексов³⁹; в публикации, посвященной керамике – 8 жилищ и 5 ям⁴⁰, а в диссертации Г. Гроздановой – 14 полувкопанных жилищ, рабочий комплекс из двух печей и 6 ям плюс еще 7 других ям⁴¹. Кроме того, неправильно определен тип отдельных жилищ, часть которых, без всякого сомнения, наземные, хотя они сохраняют небольшое углубление до 20–30 см по сравнению с уровнем земли вокруг. Автор обо-

соблюдает три фазы в развитии поселения: первая датирована VII–VIII вв. (рис. 5), вторая – самым концом VII–VIII вв., не позже начала IX в. (рис. 6), третья – VIII–IX вв. (на базе найденных фрагментов амфор).

При уточнении хронологии поселения нужно иметь в виду и единственную найденную монету Константина VI (780–797), т.е. конец VIII в. К еще более позднему периоду направляют археомангнитные исследования М. Ковачевой и Костадиновой-Аврамовой – между 750–839 гг., т.е. между серединой VIII в. и первой половиной IX в. На основе анализа найденного керамического материала начало поселения датировано концом первой четверти VII в., после 626 г.⁴². К сожалению, некрополь этого поселения не найден.

Г. Грозданова относит к ранним и поселение около д. *Чокоба, в районе г. Сливен*, где при спасательных раскопках на площади 1000 кв. м найдены две печи, очаг и две ямы. Оставаясь верной своему стилю, она опускает нижние хронологические границы и относит открытые сооружения к концу VII в. и началу IX в.⁴³. Все-таки слабая концентрация средневековых сооружений не позволяет отнести это поселение (если такое вообще существовало) к бесспорным раннеславянским объектам, тем более, что его хронология выходит за границы раннего славянского заселения.

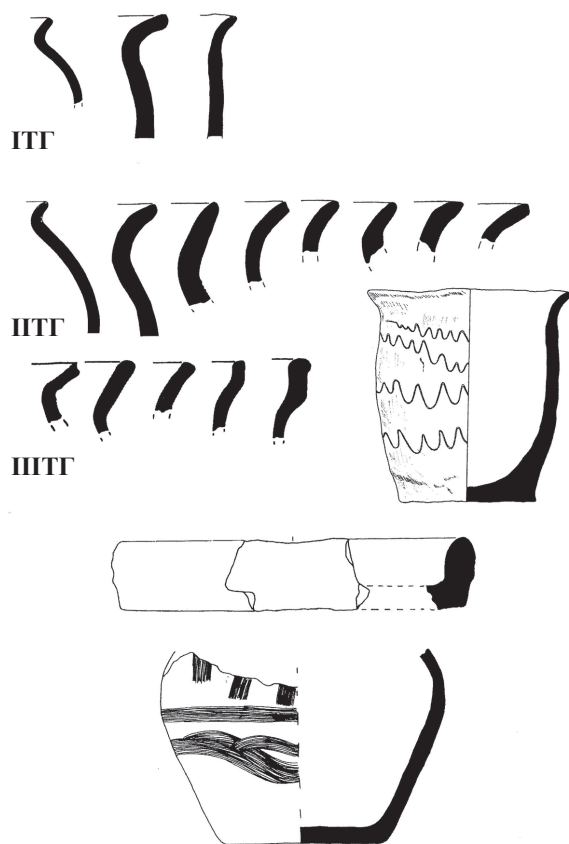
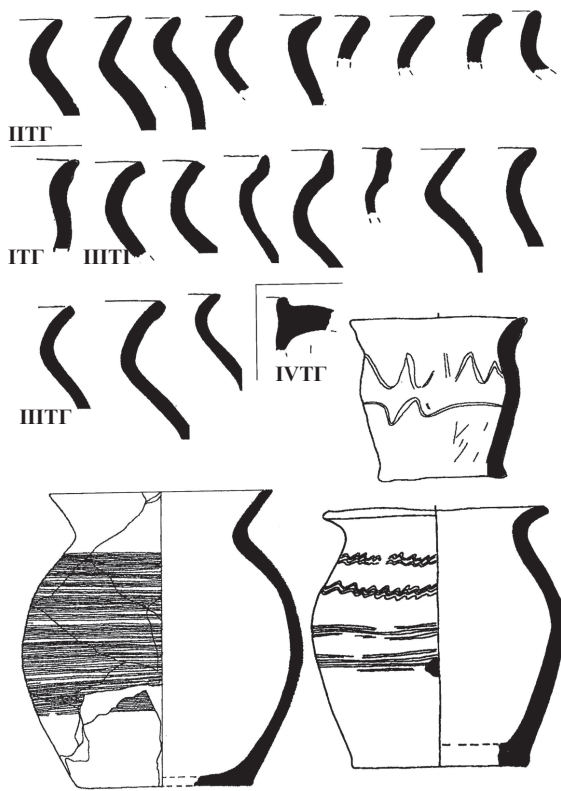

Рис. 5. Раннеславянская керамика из д. Капитан Андреево – I фаза (по Грозданова Г. Население на Южна България VI–IX в. (по археологически данни): Дисертация за присъждане на научната и образователна степен «Доктор». – София, 2011. – С. 119, табл. 159)

Табло 160

Рис. 6. Раннеславянская керамика из д. Капитан Андреево – II фаза (по Грозданова Г. Населението на Южна България VI–IX в. (по археологически данни): Дисертация за присъждане на научната и образователна степен «Доктор». – София, 2011. – С. 122, табл. 160)

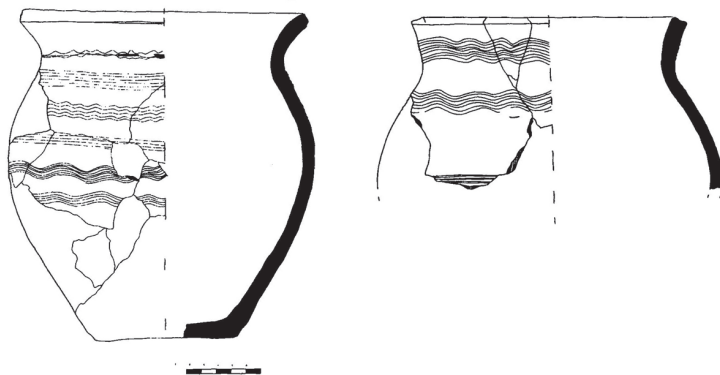

Рис. 7. Раннеславянская керамика из д. Чокоба Сливенской области (по Грозданова Г. Ранносредновековни структури от обект 18 А, с. Чокоба, област Сливен, АМ «Тракия», ЛОТ 3 // Археологически открития и разкопки през 2009 г. – София, 2010. – С. 624–625, обр. 2)

Из обзора находок раннеславянских материалов с территории нынешней Южной Болгарии становится ясно, что в большинстве случаев найденная керамика совсем немногочисленна и представлена единичными фрагментами лепных горшков. Вот почему мы считаем, что минимальное количество раннеславянской керамики ни в коем случае не может быть доказательством славянской оседлости. Скорее всего, оно является свидетельством славянских нашествий, которые, бесспорно, были на территории нынешней Южной Болгарии. Подтверждением сказанного является и тот факт, что на данном этапе не открыто ни одно славянское захоронение второй половины VI в. или VII в. с трупосождением, не говоря уже о могильниках. Совсем очевидно, что отсутствие могильников говорит об отсутствии славянских поселений.

Исключением пока являются поселения около д. Пиперков Чифлик в районе Кюстендила и д. Капитан Андреево в районе Свиленграда. В обоих поселениях есть очень тонкий культурный слой, в нем найдены жилища с раннеславянскими материалами, т.е. оба поселения отвечают указанным выше критериям оседлости. Правда, в обоих поселениях не открыты могильники, но причиной этому является зондажный характер исследований. Открытые поселения, пусть и частично исследованные, действительно являются бесспорным свидетельством раннего славянского заселения. Тем не менее, на основе всего двух открытых раннеславянских поселений невозможно говорить о массовом раннеславянском заселении на территории сегодняшней Южной Болгарии.

Наши наблюдения полностью подтверждаются и исследованиями Д. Момчилова о Северо-Восточной Фракии во время Первого болгарского царства. Нигде в перечисленных 65 поселениях и крепостях не обнаружен раннеславянский культурный слой с керамикой VI–VII вв.⁴⁴. Более того, анализ нумизматического материала, связанного с восстановлением жизни после гибельных славянско-аварских нашествий, снова подтверждает сказанное выше. Самые ранние монеты из фондов музеев в городах Бургас, Несебр, Карнобат, Сливен, Котел, Ямбол и Средец относятся к первой половине VIII в. Они из Дебелта и принадлежат императору Льву III (717–747). Следующие монеты относятся к концу VIII в. и принадлежат Константину VI (780–797). Самые ранние монеты из крепости Маркели, по сведениям коллекционеров, тоже принадлежат Льву III⁴⁵.

Аналогичны и результаты исследований К. Станева, посвященные Фракии в раннем средневековье. Молодой автор, подвергнув исключительно серьезному анализу источники и имеющиеся археологические данные, приходит к выводу, что в VII–VIII вв. Фракия была слабозаселенной, а поселения, о которых есть данные, относятся уже к IX в.⁴⁶. В самых общих чертах это относится и к заселению славян в Родопской области, где источники снова свидетельствуют о массовом славянском заселении, но археологических материалов очень мало⁴⁷.

Аналогическую картину можно наблюдать и на территории соседней Македонии. Исследуя раннесредневековую культуру этого региона, Л. Дончева-Петкова отмечает, что нигде не обнаружен здоровый культурный слой с раннеславянскими материалами, а найденные до сих пор немногочисленные фрагменты лепной керамики пражско-корчакского типа встречаются редко. Поэтому они не свидетельствуют о массовом славянском заселении, а скорее связаны со славянскими нашествиями, во время которых ранневизантийские крепости были разрушены. В подтверждение автор подчеркивает, что на территории Македонии не открыт ни один могильник с характерным для ранних славян обрядом сожжения мертвых и остатками сожженных костей в лепной урне⁴⁸.

Сказанное выше позволяет прийти к выводу, что сведения исторических источников о массовом славянском заселении на территории нынешней Южной Болгарии не подтверждаются археологическими данными. Этим фактом ни в коем случае нельзя пренебрегать, когда речь идет о заселении славянами Балканского полуострова.

Всущности, к этому выводу мы пришли несколько лет назад, при исследовании хронологии и этапов развития сети поселений на территории нынешней Южной Болгарии во время Первого болгарского царства и усвоения этой сети болгарским государством. Время славянско-аварских нашествий во второй половине VI в. И, прежде всего, во первой половине VII в. мы отнесли к первому этапу развития сети поселений в раннем средневековье на территории нынешних южноболгарских земель⁴⁹.

Достаточно красноречивым доказательством отсутствия массового раннеславянского заселения на территории всей Южной Болгарии является то обстоятельство, что до сих пор почти нигде не обнаружены ни культурный слой с раннеславянскими материалами VI–VII вв., ни раннеславянские жилища и могильники с трупосожжением. Найденные совсем немногочисленные раннеславянские материалы связаны с массовыми славянскими нашествиями во второй половине VI в. и начале VII в. Не исключено, разумеется, что часть из них попала туда через славян-федератов, служивших в византийской армии, о чем есть достаточно серьезные сведения в письменных источниках. Следовательно, о массовом заселении славянского населения территории нынешней Южной Болгарии в VI–VII вв. на данном этапе исследований говорить невозможно – славяне здесь являются не реальностью, а пока остаются мифом.

¹ Ангелов Д. История на Византия. Част I. – София, 1968. – С. 139.

² Там же. – С. 143–144.

³ Там же. – С. 145–146.

⁴ Борисов Б. «Кастра Рубра» // *Castra Rubra*. – 2011. – № 1. – С. 14, обр. 11.

⁵ Ангелов Д. История на Византия. – С. 152–153; Търкова-Заимова В. Нашествия и етнически промени на Балканите. – София, 1966. – С. 59; Дуйчев И. Балканският югоизток през VI в. // *Българско средновековие*. – София, 1972. – С. 6–11; Петров П. Образуване на българската държава. – София, 1981. – С. 65–68.

⁶ Ангелова Ст. Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева // *Годишник на Софийския университет «Св. Кл. Охридски»*. – Исторически факултет. – Сп. Археология. – 2000. – Т. 2. – С. 160.

⁷ Там же. – С. 162.

⁸ Митова-Джонова Д. *Confinicum Succii* и *Mutdtio Soneium* през античността и ранновизантийската епоха // *Анали*. – 1994. – № 2–3. – С. 93.

⁹ Borisov B. *Dyadovo 2. The Sanctuary of the Thracian Horseman and the Early Byzantine Fortress*. – Varna: Издателство «Zograf Publishing», 2010. – P. 169–170.

¹⁰ Ангелова Ст. Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 162.

¹¹ Борисов Б. «Кастра Рубра» през Античността и Средновековието // *Пътванията в средновековна България. Пътване към България. Пътванията в средновековна България и съвременният туризъм*. – В. Търново: Издателство «Абагар», 2009. – С. 190.

¹² Ангелова Ст. Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 163.

¹³ Borisov B. *Djadovo 1. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th-12th Century)*. – Tokyo: Tokai University Press, 1989. – P. 369–380.

¹⁴ Хрисимов Н. Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова // *Stratum plus*. – 2015. – № 5: Славяне на Дунае. Обретение Родины. – С. 309–342.

¹⁵ Дуйчев И. Балканският югоизток през VI в. – С. 6–11; Бешевицев В. За славянските племена в Северна България от VI до IX в. // *Преслав*. – № 1. – София, 1968. – С. 21; *Diaconu P. Autour de la pénétration des Slaves au sud de Danube // Rapports de IIIe Congrès International d'Archéologie Slave*. – Tome 2. – Bratislava, 1980. – P. 165–169; *Comşa M. Contribution à question de la pénétration des Slaves au sud de Danube Durant les Ve – VIIIe siècles // Ie Congrès International d'Archéologie Slave*. – Tome 2. – Wroslaw-Warszawa-Krakow, 1970. – P. 322–330; Ангелова Ст. Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 163.

¹⁶ Въжарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI–XI век. – София, 1965. – С. 416–417.

¹⁷ Станилов Ст. Славяните в Първото царство. – Варна: Издателство «Г. Бакалов», 1986. – С. 45.

¹⁸ Курта Фл. Създаването на славяните. История и археология на Долнодунавския регион ок. 500 – 700 г. – София: Университетско издателство «Св. Кл. Охридски», 2009. – С. 344.

¹⁹ Аладжов Д. Резултати от археологическите разкопки на Констанция // «Марица-изток»: Археологически проучвания. – № 3. – Раднево, 1995. – С. 187, обр. 213–214.

²⁰ Приходнико О. М. Пенковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. – Воронеж: Воронежский университет, 1998. – С. 33–35, рис. 21; Ангелова Ст. Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 172.

²¹ Аладжов Д. Резултати от археологическите разкопки на Констанция. – С. 187.

²² Аладжов Д. Разкопки в село Любеново през 1968 г. / Д. Аладжов, Д. Балабанян // *Родопски сборник*. – 1972. – № 3. – С. 131, обр. 27.

- ²³ *Ангелова Ст.* Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 172.
- ²⁴ *Аладжов Д.* Материалната култура на Югоизточна България през IX–XI век // Славяните и средиземноморският свят. – София, 1972. – С. 145, обр. 13.
- ²⁵ *Borisov B. Djadovo 1.* Mediaeval Settlement and Necropolis (11th-12th Century)...
- ²⁶ *Borisov B. Djadovo 2.* The Sanctuary of the Thracian Horseman and The Early Byzantine Fortress...
- ²⁷ *Ibidem.* – P. 168, fig. 200.
- ²⁸ *Ангелова Ст.* Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 171.
- ²⁹ *Wendel M.* Die Ausgrabungen in Iatrus und Karasura: Zu einigen Aspekten der Frühmittelalterforschung in Bulgarien // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium 2. Byzantium, Pliska, and the Balkans / Henning J. (Hrsg.). – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. – S. 509–526.
- ³⁰ *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jh. // Rienecke Festschrift. Zum Geburtstag von Poul Reinecke. – Mainz, 1950. – S. 161–166.
- ³¹ *Станчева М.* Ранносредновековна керамика от София // Археология. – 1959. – Кн. 3–4. – С. 61–63, обр. 1–5.
- ³² *Ангелова Ст.* Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 159–186.
- ³³ *Вандова В.* Археологически проучвания на многослойно селище в с. Пиперков чифлик, община Кюстендил / В. Вандова, Р. Спасов // Археологически открития и разкопки за 2005 г. – София, 2005. – С. 40–41.
- ³⁴ *Вандова В.* Археологически разкопки в с. Пиперков чифлик, Кюстендилско / В. Вандова, Р. Спасов // Археологически открития и разкопки за 2005 г. – София, 2006. – С. 28–29.
- ³⁵ *Гочева З.* Крепост в м. Хисарлъка в гр. Кюстендил // Известия на Българско историческо дружество. – 1970. – VII. – С. 233–235.
- ³⁶ *Ангелова Ст.* Археологически данни за ранното славянско заселване в България / Ст. Ангелова, Р. Колева. – С. 172.
- ³⁷ *Хрисимов Н.* Раннеславянски паметници в северо-восточната част на Балканския полуостров. – С. 336.
- ³⁸ *Попов Х.* Жилища от ранносредновековното селище при Капитан Андреево // Приноси към българската археология. – София, 2009. – С. 39–47; *Грозданова Г.* Керамика от ранносредновековното селище при с. Капитан Андреево, община Свиленград // Приноси към българската археология. – Т. V. – София, 2009. – С. 54–71.
- ³⁹ *Попов Х.* Жилища от ранносредновековното селище при Капитан Андреево. – С. 39–47.
- ⁴⁰ *Грозданова Г.* Керамика от ранносредновековното селище при с. Капитан Андреево... – С. 54–71.
- ⁴¹ *Грозданова Г.* Населението на Южна България VI–IX в. (по археологически данни): Дисертация за присъждане на научната и образователна степен «Доктор». – София, 2011. – С. 89.
- ⁴² *Грозданова Г.* Керамика от ранносредновековното селище при с. Капитан Андреево... – С. 59.
- ⁴³ *Грозданова Г.* Ранносредновековни структури от обект 18 А, с. Чокоба, област Сливен, АМ «Тракия», ЛОТ 3 // Археологически открития и разкопки през 2009 г. – София, 2010. – С. 624–625.
- ⁴⁴ *Момчилов Д.* Култура и политика на Първото българско царство в Североизточна Тракия. – Варна: Зограф, 2007. – С. 220.
- ⁴⁵ Там же. – С. 147–152.
- ⁴⁶ *Станев К.* Тракия през ранното средновековие. – В. Търново: Издателство «Фабер», 2012. – С. 72–78.
- ⁴⁷ *Шейлева Г.* Заселване на славяните в Родопската област (по археологически данни) // Проблеми на славянската археология. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. – Т. 1. – Москва, 1997. – С. 195–202.
- ⁴⁸ *Дончева-Петкова Л.* Проблеми на ранносредновековната култура в Македония // Македонски преглед. – София, 1995. – С. 91–93.
- ⁴⁹ *Борисов Б.* До тук стига България (Бележки по хронологията и развитието на селищната мрежа в Южна България по времето на Първото българско царство) // Оттука започва България. – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2011. – С. 231–233.

ПАМФЛЕТ «БОЛГАРСКИЕ УЖАСЫ! И ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА г. ГЛАДСТОНА» И ЕГО АВТОР

Н. Н. Саппа, Е. А. Панина

Саппа М. М., Панина О. А. Памфлет «Болгарські жахи! І східна політика п. Гладстона» та його автор. У розвідці розглядається публіцистика одного з опонентів У. Гладстона і супротивника «болгарської агітації» у Британії 1876 р. Станіслава Сент-Клера – аристократа, дипломата і кадрового військового, учасника Кримської війни і російсько-турецької війни 1877–1878 років. Визначається також його роль в організації та керівництві Родопським повстанням (Сенклерів бунт) на початку 1878 р., що було придушене російськими окупаційними військами за участі четників Петко-воєводи.

Ключові слова: С. Сент-Клер; памфлет У. Гладстона; російсько-турецька війна 1877–1878 років; Родопське повстання; російські війська.

Саппа Н. Н., Панина Е. А. Памфлет «Болгарские ужасы! И восточная политика г. Гладстона» и его автор. В работе рассматривается публицистика одного из оппонентов У. Гладстона и противника «болгарской агитации» в Британии 1876 г. Станисласа Сент-Клера – аристократа, дипломата и кадрового военного, участника Крымской войны и русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Отмечается также его роль в организации и руководстве Родопским восстанием (Сенклеров бунт) в начале 1878 г., которое было подавлено русскими оккупационными войсками при участии четников Петко-воєводи.

Ключевые слова: С. Сент-Клер; памфлет У. Гладстона; русско-турецкая война 1877–1878 гг.; Родопское восстание; русские войска.

Sappa M. M., Panina H. A. Pamflet «Bulgarian Horrors! and Mr. Gladstone's Eastern Policy» and Its Author. The paper considers the published works of one of W. Gladstone's opponents and «Bulgarian agitation» in Britain in 1876 Stanislas Saint Clair – an aristocrat, diplomat, officer, and participant of the Crimean and Russo-Turkish war of 1877-1878. His role in the organization and leadership of Rhodope uprising (Sincler's revolt) at the beginning of 1878, which was suppressed by occupation troops with the chetniks of Petko-vojevoda, is also marked.

Keywords: S. Saint Clair; W. Gladstone's pamphlet; Russian and Turkish war of 1877-1878; Rhodope uprising; Russian troops.

После публикации 23 июня 1876 г. в английской оппозиционной «Daily News» ее константинопольским корреспондентом Эдвином Пирсом статьи «Мусульманские зверства в Болгарии», основанной на слухах о жестоком подавлении турками Апрельского восстания в Болгарии, и обвинений газеты протурецки настроенным премьер-министром Бенджамином Дизраэли в дезинформации, «Daily News» вынуждена была направить на место событий в Болгарию американского корреспондента Януария Мак-Гахана. Именно из его репортажей, напечатанных в «Daily News»¹, европейская общественность узнала о массовых убийствах мирного населения турецкими войсками в ходе подавления болгарского восстания. Несколько позднее эта тема была подхвачена и другими изданиями.

Эти публикации вызвали волну возмущения в Европе. В Британии общественное мнение, направленное против государственной политики поддержки Османской империи репортажами Мак-Гахана, памфлетом лидера оппозиции Уильяма Гладстона «Болгарские ужасы и Восточный вопрос»² и рядом других публикаций, достигло, как пишет Румен Генов, небывалого размаха: «Летом и осенью 1876 года Англия, Шотландия и Уэльс были затоплены волной протестных митингов и собраний; они прошли в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Бристоле, Улидже, Ноттингеме, Глазго, Плимуте, Рочдейле, Бедфорде, Эксетере, Брайтоне, Беркинхедде, Кембридже, Галифаксе, Сандерленде»³. Возникло несколько общественных организаций, поддерживающих протесты против политики правительства, таких как «Лига помощи христианам Востока», «Ассоциация по Восточному вопросу», «Национальная лига за реформы» и др. Выступление 8 сентября У. Гладстона

на десятитысячном митинге в Блэкхите (в то время – дальняя окраина Лондона), речь которого основывалась на написанном накануне памфлете «Болгарские ужасы и Восточный вопрос», стало одним из ключевых событий «болгарской агитации» 1876 года. Исключительная популярность памфлета, претерпевшего три издания общим тиражом в 200 тысяч экземпляров, создала, как отмечает Р. Генов, впечатление у современников и у последующих поколений, что его автор и был лидером «агитации из-за болгарских ужасов», а современные авторы склонны персонифицировать кампанию протеста 1876 г. как «Гладстонову агитацию». С другой стороны, для экс-премьера «Восточный вопрос» стал хорошим поводом вернуться в активную политику, и некоторые историки указывали, что его роль в «болгарской агитации» 1876 г. была преувеличена, а в его действиях преобладало стремление получить дивиденды для своей партии, эксплуатируя гуманитарный повод⁴. Для турок мотивация защиты угнетенных болгар У. Гладстоном и другими была совершенно непонятной, порою их пояснения были крайне фантастическими: Р. Генов указывает на статьи в турецкой прессе, в которых Гладстон назывался болгаринном, слугой торговца свиньями, совершившем в юности много преступлений и убежавшем в Англию, где он изменил свое имя Гроздан на Гладстон⁵. Популярный в Британии поэт Алджернон Чарльз Суинбёрн в конце 1876 г. написал сатирическую «Балладу о Болгарии» (опубликованную в 1893 г.⁶), где насмеялся над У. Гладстоном. В балладе Гладстон представлен как Народный Рыцарь сэра Джон де Брайт, собиравшийся воевать с турками и подыскивал себе союзников, одним из которых была Россия. Но при этом он предвидел результат совместных действий:

А русские все возьмут;

О чем я глубоко сожалею и что так и будет – но все же

Это правда, хотя это причиняет мне боль;

И мне думается, было пошло обманывать бедных болгар

Пустым предложением помощи⁷.

Однако более основательная и предметная критика У. Гладстона была сделана с проправительственных позиций в памфлете «Болгарские ужасы! И Восточная политика м-ра Гладстона»⁸. Его автором был Станислас Грэхем Бауэр Сент-Клер/Stanislas Graham Bower Saint Clair – аристократ, военный, дипломат. Родился он в 1835 г. в замке Вяркай, расположенном неподалеку от Вильнюса. Его мать Пелагия была из старинного польского рода Коссаковских, известного своим враждебным отношением к России, внучкой польского магната графа Станислава Щенского Потоцкого⁹. Отцом Станисласа был шотландский эскайр Александр Грэхем Бауэр, бывший офицер британского военно-морского флота в Индии, представитель боковой ветви знаменитого шотландского клана Синклеров – наследственных лордов. (Интересно, что еще в XVII в. один из Синклеров перебрался в Россию, а его потомок Владимир Александрович Синклер был генералом УНР и называл себя украинцем¹⁰.) В начале XVIII в. Синклеры сменили написание своей фамилии на Сент-Клер/St. Clair, а в 1854 г. английская королева даровала Александру Грэхем Бауэру и его потомкам право носить фамилию Сен-Клер¹¹.

Летом 1854 г. С. Сент-Клер был зачислен прапорщиком в 21-й пехотный полк (Королевские Северо-Британские фузилеры)¹². Уже в сентябре 1854 г. 21-й пехотный полк в составе 4-й дивизии высадился в Крыму и участвовал во многих сражениях Крымской войны. В 1858 г. лейтенант Станислас Сент-Клер был награжден османским орденом Меджидиэ 5-й степени (рыцарский класс)¹³, а спустя год его произвели в капитаны¹⁴.

В 60-е и 70-е годы XIX в. С. Сент-Клер находится в «Европейской части Турции», а точнее – в Болгарии. Сведения о его пребывании там отрывочны и порой противоречивы. Так, ряд источников указывают, что в 1862–1863 годах он служил в Британском консульстве в Бургасе, позднее был британским консулом в Бургасе и Варне, владел обширной усадьбой в с. Акдере (сейчас г. Бяла)¹⁵. Однако в книге «Пребывание в Болгарии», написанной им в 1866–1867 гг. совместно с британским вице-консулом в Бургасе Чарльзом Брофи, С. Сент-Клер не указывает свой служебный статус, а называет себя «бывшим капитаном 21-го полка» и путешественником, отмечая, что находится в Болгарии три года¹⁶.

Выход в свет этой книги общим объемом 490 страниц был замечен британской прессой, где, в частности, указывалось на противоречия авторов в оценках болгар и турок¹⁷. Об

этой книге критически отзывались исследователи Мария Тодорова¹⁸ и Милена Кирова¹⁹. Однако, соглашаясь с их замечаниями о несправедливых негативных оценках авторами болгар и завышенных оценках турок, считаем необходимым указать на значительный этнографический, экономико-исторический материал, приведенный в этой книге, имеющей обширный подзаголовок: «Заметки о ресурсах и турецком управлении: условия и характеристики, манеры, обычаи и язык христианского и мусульманского населения в свете Восточного вопроса».

Возвращаясь к брошюре С. Сент-Клера «Болгарские ужасы! И Восточная политика г-на Гладстона» (она была опубликована в конце 1876 г. двумя, или более, изданиями), заметим, что ее автор позиционирует себя следующим образом: «Я пишу как честный человек и как послушный субъект Ее Величества...»²⁰. Его работа, как и надлежит памфлету, носила острый полемический характер. С первых же строк Сент-Клер указывает на дестабилизирующий, разрушающий общественное согласие характер памфлета Гладстона: «В тот самый момент, когда британская нация требует всю мощь своих умственных способностей, когда необходима максимальная осторожность, чтобы столкнуться с чрезвычайными решительными событиями, раздается сенсационный крик против союза власти. В результате общественный ум смущен и работает почти до иступления, а люди, которые получают прибыль от этого сумасшедшего состояния, называют его взрывом негодования»²¹.

Критика взглядов У. Гладстона С. Сент-Клером началась с указаний на недостаточные знания им Османской империи и реалий того, что называют Восточным вопросом: «Г-н Гладстон, который никогда не был в Турции, претендует знать все о турках в настоящем, прошлом и будущем. Он мог бы быть послан в турецкую школу и там узнать азбуку турецкого государственного подхода и вежливость, которая очень проста и элементарна, потому что она учит человека уважать себя и не говорить о вопросах, в которых он невежествен». Сент-Клер отмечает незнание Гладстоном элементарных вещей, для него это «... человек, который забывает о состоянии Византийской империи, который смешивает две различных и противоположных расы – турки и татары, кавказцы и туранцы – который забывает, что Турция остановила Монгольскую волну завоеваний во главе с Тимуром, который игнорирует власть турецкого владычества, которая основывается на беспристрастном правосудии для всех его субъектов»²².

С. Сент-Клер также упрекает У. Гладстона в безответственности, в призывах к действиям, противоречащим интересам Британии: «Если общие принципы британской политики г-на Гладстона, которые могли бы быть описаны как: «Наш сосед выпорол своего озорного ребенка, поэтому мы должны выпрыгнуть из окна», не убедили мир о психическом состоянии потенциального премьера Англии, то изучение его брошюры покажет вам, кто ее автор». И там же: «Мы не должны быть тронуты корыстными побуждениями», говорит г-н Гладстон; он не смеет сказать: национальными мотивами. «Все, что мы должны сделать, это спасти болгар. Чтобы спасти болгар, мы должны отбросить в сторону «интересы» Англии, принести себя в жертву и стать инструментом России»²³.

Говоря о возможной войне, С. Сент-Клер предостерегает: «Г-н Гладстон, возможно, воображает, что турецкая власть просто падет, но я уверяю его, что турки будут необычайно упрямы. Только через горы трупов агрессор когда-нибудь сможет проникнуть в Болгарию, а потом чем он будет обладать? Пустыней, усеянной черными руинами и красной кровью. Гуманизм без знания часто большее преступление, чем даже то, что совершили в Болгарии разбойники. Разбойник, по крайней мере, рисковал жизнью, когда он лишал ближнего существования; г-н Гладстон ничем не рискует, побуждая народ Англии действовать против его исконной веры, его чести, его интересов и против этого закона наций, частью которого является наше общее право, для того, чтобы Болгария стала бойней турок и болгар»²⁴.

Довольно много страниц памфлета С. Сент-Клера посвящено прорусским (по его мнению) интенциям У. Гладстона и нападкам на Россию, в которой он видит основного геополитического противника Великобритании. Например: «И этот человек верил в Россию, и до сих пор верит в Россию, потому что Россия является его единственным шансом быть премьер-министром»²⁵. Или: «Г-н Гладстон, будучи занят созданием некоторых новых политических волнений в стране, допускает возможность того, чтобы Черное море

перешло под российскую власть. Почему он должен бояться России, *полагает он*. Разве Россия не христианская власть?»²⁶. Здесь Сент-Клером проводится параллель с призывом Гладстона спасти христиан-болгар от турок-мусульман. И несколькими страницами далее Сент-Клер приводит сведения из австрийской газеты о недавнем столкновении на религиозной почве российских властей в Польше тоже с христианами, но католиками. В результате, пишет он, «многие были убиты и ранены», сотни поляков были арестованы и аресты еще продолжаются²⁷.

Интересен выпад Сент-Клера в сторону графа Н. П. Игнатьева, которого он обвиняет в провокации кровопролитных восстаний в Сербии и Болгарии: «Если мы когда-нибудь узнаем, какие планировались зверства, то есть, крупномасштабные убийства и опустошение Болгарии, и это только для того, чтобы сводить с ума Англию, через ее сентиментальную глупость, мы будем глубоко переживать ужас заговора генерала Игнатьева и тайного общества в разработке этого заговора, результатом которого должна была стать, наконец, так называемая независимая или вассальная Болгария. То есть со временем новая власть государства будет платить номинальную дань Порте, будучи практически вассалом России, как и Сербия»²⁸. Интересно, что этот взгляд на деятельность Игнатьева перекликается с высказыванием об Игнатеве как о «шулере славянофильства», сделанным Львом Троцким в статье о праздновании 25-летия боев на Шипке в оппозиционной «Искре»²⁹.

Тогда же, в конце декабря 1876 г. Сент-Клер как бы в подтверждение высказанных в его памфлете взглядов на Восточный вопрос передал в печать написанную им совместную с Чарльзом Брофи книгу «Двенадцать лет изучения Восточного вопроса в Болгарии»³⁰. Она вышла в 1877 г. и была исправленным и заметно сокращенным переизданием их предыдущей работы. В этой книге, как полагает в своей диссертации Лесли Шумейкер³¹, было указано на возможность развития конфликтных отношений в Болгарии между восточными христианами и правящими ими мусульманами.

Отметим, что эти малоизвестные работы Сент-Клера не рассматривались прежде историками в контексте общеполитической ситуации в Великобритании конца 1876 – начала 1877 гг. Однако они, в совокупности с другими «антигладстоновскими» и проправительственными выступлениями того времени, а также с изменением внешнеполитической ситуации, повлияли на охлаждение британского общественного мнения относительно «болгарской агитации» лидера вигов. А уже с началом весной 1877 г. русско-турецкой войны в Британии резко усилились и антироссийские настроения. Ряд публичных людей, прежде активно поддерживавших У. Гладстона и «болгарскую агитацию», перешли на сторону ее противников. Так, известный поэт Альфред Теннисон – друг и сторонник Гладстона, именно тогда произнес свою знаменитую фразу: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру»³².

В 1877–1878 годах С. Сент-Клер снова находится в Болгарии. Приведенные выше источники сообщают, что он формально оставляет британскую службу, поступает на службу в турецкую армию и под именем Хидает-паша (Hedaet-pasha) находится в штабе Сулейман-паши³³. Старозагорские краеведы, описывая захват Старой Загоры турками и их бесчинства в июле 1877 г., упоминают его имя как советника Сулейман-паши, ссылаясь при этом на проф. Йоно Митева³⁴.

К началу 1878 г. остатки армии Сулейман-паши были вытеснены русскими войсками в Родопы за демаркационную линию. Там скопились массы турецких солдат, дезертиров, башибузуков и беженцев-мусульман. Их вооруженные группы грабили местное население по обе стороны демаркационной линии. После подписания 19 февраля (3 марта) в Сан-Стефано прелиминарного мирного договора специальные эмиссары из Стамбула стали в Родопях «призывать мусульман к восстанию против русских и поголовному избиению болгар», а местные турецкие власти в регионе по указанию из Стамбула начали усиленно организовывать и вооружать эти массы³⁵.

Эта вооруженная акция, которую позднее в Болгарии назовут Родопским восстанием (или Родопским мятежем, Сенклеровым бунтом), проводилась, как отмечают болгарские исследователи, по прямому указанию из Британии. Мятежниками (в русских реляциях их называли «инсургентами», в болгарских источниках – «сенклеристами») руководили английские офицеры, бывшие ранее на службе в турецкой армии, под общим командованием

С. Сент-Клера. Но главным руководителем Родопского восстания болгарские источники называют английского посла в Стамбуле А. Лэйарта³⁶. Материальное и организационное содействие «Родопской армии» Сент-Клера проводилось с целью ее продвижения на север к Родопам для уничтожения устанавливаемой там болгарской власти. В начале апреля «повстанцы» перешли демаркационную линию и завязали в ряде мест тяжелые бои с Тамбовским и Казанским полками, с некоторыми другими русскими частями. Так, в начале мая в боях с сенклеристами в долине реки Арда, где расположился штаб Сент-Клера, уже участвовало 25 русских рот (в том числе и из 121-го пехотного Пензенского полка³⁷, который набирался из харьковчан и постоянным местом дислокации которого был Харьков), 6 сотен, 8 эскадронов и четыре орудия³⁸.

По сведениям из турецких источников, восставшими было создано Временное Родопское правительство, провозгласившее 16 мая 1878 г. декларацию, в которой утверждалось: «Мы протестуем и категорически отвергаем Сан-Стефановский договор. Легко увидеть своими глазами огромную разницу между местами, которые управляются русскими и болгарскими, и теми, которые под властью мусульман. Мы не уступим новой Болгарии ни пяди своей территории, расположенной к юго-западу от реки Марица. Мы управляем 4 млн. мусульман, готовых умереть, но не подчиняться болгарскому правительству». Среди четырех человек – учредителей этого правительства, упоминался и «г-н Хидаят Синклер»³⁹.

В широком плане основной целью инсценированного Родопского мятежа было представить на предстоящем Берлинском конгрессе нереальность существования Санстефанской Болгарии, показать, что население земель к югу от Балкан, особенно в Родопах, состоящее из турок, греков и в малой степени болгар, не желает болгарского управления. Одновременно с военными действиями Сент-Клера специальные корреспонденты в Салониках и других городах опрашивали беженцев об их лишениях и переживаниях в прошедшую зиму. А затем публиковали в СМИ статьи о «насилии» русской армии над мусульманами в Болгарии⁴⁰.

Из работ болгарских исследователей⁴¹ известно, что на 18-м заседании Берлинского конгресса под давлением лорда Р. Солсбери было принято решение направить международную комиссию в Родопы для изучения причин Родопского мятежа, возможных мер по репатриации турецких беженцев, главным образом беев, которых обвиняли в зверствах над болгарскими христианами и которым Временное российское управление, установленное в Болгарии, не разрешало вернуться. Международная комиссия посетила Родопы и встретилась с Сент-Клером в его главной штаб-квартире в с. Каратарла⁴². В ходе работы Комиссии западные комиссары стремились найти факты, которые позволили бы в своей совокупности доказать, что для урегулирования вопроса беженцев необходима замена русской власти в Южной Болгарии международным управлением в регионе. Однако им это не удалось.

Далее сообщалось⁴³, что неуспех Комиссии и последующие решения Берлинского конгресса привели к разочарованию и скептицизму в рядах сенклеристов. «Движение», не имея перспектив, распалось, а С. Сент-Клер покинул Болгарию. Отдельные шайки башибузуков еще продолжали нападать на мирные болгарские села, но им противостояли местные вооруженные четы и сельские караулы, а также отряд Петко воеводы.

Между тем, из переписки членов Европейской комиссии по Родопам с официальными лицами становится известно, что Комиссия прибыла в распоряжение Сент-Клера в Каратарла уже после завершения работы Берлинского конгресса, в начале августа. То есть, суждения и выводы Комиссии никак не могли повлиять на решения Берлинского конгресса. Так, британский консул полковник М. Фаусет сообщал из Каратарлы 6 августа 1878 г. британскому послу в Константинополе А. Лэйарду:

«Наиболее исключительное положение вещей существует в этом районе: здесь нет абсолютно никакой власти, за исключением «Хидает-бея», или, как его называют, «спасителем». Этот Сент-Клер, я полагаю, имеет непосредственное отношение к Сент-Клерам в России через польку высокого звания; ее владения по какой-то причине были конфискованы, и, как утверждает ее сын, она была грубо оскорблена русскими. Однако, он еще имеет возможность показать свою враждебность в отношении России. Вскоре после отступления он получил необыкновенную власть над этими горами. Мы нашли его в

его штаб-квартире Каратарла недалеко от Габрово и в очень сильном положении, в окружении значительных сил пехоты и кавалерии, хорошо устроенных, но, конечно же, дико выглядевших.

Ваше Превосходительство, параллельные линии аванпостов <воюющих сторон> проходят от Станимака, между ними находится нейтральная полоса от трех до четырех миль в ширину, имеющая во многих районах сожженные и покинутые деревни. Целью командующего главной национальной армией Родопов (так он воспринимается российским командованием на границе) есть защита земель за своей линией от страшного разорения, которое привело к запустению в этой части. И надо признать, что в значительной степени ему это удалось. Комиссия была очень впечатлена порядком и тишиной, которая царила повсюду под командованием Хидает-бея». По мнению М. Фаусета, местные сельские платят Хидает-бею небольшой налог, благодаря которому он поддерживает беженцев и свои войска⁴⁴.

Другой член комиссии, полковник Риттер фон Рааб, телеграфировал 9 августа австро-венгерскому послу графу Францу фон Загги в Константинополь, что, пребывая в Каратарле в штаб-квартире Сент-Клера (Hidajet Pasha), «смог увидеть вооруженную организацию в мусульманской области Родоп «национальную армию» – так ее назвал Сент-Клер»⁴⁵.

Как можно убедиться из писем Комиссии⁴⁶, основной ее целью было изучение ситуации с беженцами и помощь им. В этой работе им помогала и русская сторона. Полковник М. Фаусет пишет: «К нашему большому удивлению, вскоре после нашего прибытия появился русский парламентар – полковник с завязанными глазами и со всеми обычными в таких случаях процедурами воюющих сторон; они провели его в таком виде около четырех миль из своих аванпостов. Он пришел, чтобы принять меры для нашего прохождения российских линий в случае необходимости»⁴⁷. На следующий день Европейская комиссия по Родопам была в селе Fondoudjak (ныне с. Лесково), где, как было ранее согласовано, встретилась с подполковником Димитровым русской армии, в сопровождении двух офицеров и двадцати солдат. Комиссия в своем исследовании, которое длилось одиннадцать часов, получила возможность посетить около десятка сел в русской и нейтральной зонах⁴⁸.

Отметим, что в отечественной и болгарской литературе, посвященной русско-турецкой войне 1877–1878 гг., не обнаружены сведения о каких-либо переговорах русской военной администрации и С. Сент-Клера. Однако в коллекции военных гравюр, рисунков и акварелей Энн С. К. Браун, хранящейся в университете Брауна (Провиденс, США), находится акварель, подписанная: «Родопское восстание 1878. Прием Хидает-беем русского парламентаря в штаб-квартире восставших в Каратарлар». На рисунке изображен российский офицер-парламентар под белым флагом, который стоит перед беим, сидящим на ковре в окружении своих вооруженных соратников. Один из них зачитывает какой-то документ⁴⁹. Этот же рисунок (с небольшими изменениями) был опубликован 7 сентября 1878 г. в британском иллюстрированном еженедельнике «The Graphic». Автором его был известный в то время французский график и иллюстратор Годфруа Дюран (G. Durand)⁵⁰. То есть событие, изображенное на акварели, происходило не позже начала сентября 1878 г., а русским парламентаром на рисунке вполне мог быть офицер, прибывший на переговоры, связанные с деятельностью Европейской комиссии по Родопам.

Сведения о том, как развивались в дальнейшем события в Родобах, являются крайне скудными. Есть не вполне достоверные указания на то, что к октябрю «повстанческая армия» распалась. А в Годовом регистре различных событий за 1878 г. Военно-морской академии в г. Аннаполисе (США) было приведено следующее: «Как сообщалось в телеграмме из переписки “Daily News”, полковник Сент-Клер был вынужден бежать от своих собственных последователей в Родобах и достиг Константинополя. Этот полковник принял командование над мусульманскими повстанцами в Родобах, которые недавно восстали против России, и достиг такого влияния, что ему казалось возможным основать независимое княжество, как Черногория. Его последователи, однако, неожиданно обвинили его в тайномговоре с Россией; он вынужден был бежать со своим товарищем г-ном Педжета, а после ареста в Салониках благополучно добрался до столицы»⁵¹. Возможно, что последователи С. Сент-Клера, практически управлявшего в то время значительной территорией в Родобах, сочли предательством его предложение себя в качестве губернатора Восточной Румелии, о котором упоминают некоторые источники⁵². Однако документального подтверждения этого предложения нами не обнаружено.

Рис. 1. “Родопское восстание 1878. Прием Хилает-беем русского парламентаря в штаб-квартире восставших в Караталар”. Акварель из коллекции Энн С. К. Браун, хранящейся в университете Брауна (Провиденс, США)

Рис. 2. Рисунок французского графика и иллюстратора Годфруа Дюран в британском еженедельнике “The Graphic”

О дальнейшей жизни С. Сент-Клера известно, что он вернулся на родину, женился вторым браком на женщине вдвое моложе его, и у них родились две дочери. Умер он в Бельгии и был похоронен близ небольшого городка Мальмеди в Валлонии. На семейном склепе (там же похоронена и его мать) надпись: «Граф Станислас Сен Клер, генерал турецкой армии в войне против России, умер 24 янв. 1887 г. в возрасте 51 года»⁵³.

Отметим, что в болгарских источниках при упоминании Родопского восстания Сент-Клера довольно часто называют английским агентом. Однако нами не найдены указания на то, что он выполнял в Родопах прямые указания британского правительства. Скорее всего, политика Британии в отношении России, Турции и Болгарии существенно совпала с представлениями о необходимых действиях, намерениями и желаниями Сент-Клера, основанными на его семейном воспитании и семейных традициях. Напомним, что его отец в свое время принимал участие в британской колонизации Индии, дед по материнской линии Юзеф Доминик Коссаковский участвовал в наполеоновских войнах на стороне Франции, командовал полком в битвах с русскими, поддерживал Ноябрьское восстание в Польше 1831 года. Другой Коссаковский, Юзеф Антоний, в 1772 г. участвовал в русско-польской войне, в 1794 г. – в польском восстании Тадеуша Костюшко. В 1812 г. в войне Наполеона с Россией бригадный генерал Ю. Коссаковский командовал полком литовской пехоты, участвовал в военных кампаниях 1812–1814 гг. на стороне Франции и, по распоряжению Наполеона, кратковременно занимал должность губернатора Москвы. Кроме этого С. Сент-Клер имел основания винить Россию в утрате семейного владения Вяркай (Верки) вблизи Вильно и своего имения в Болгарии⁵⁴. Все это и определило характер его дипломатической, литературной и военной деятельности, связанной в заметной мере с Болгарией.

¹ *Макгахан Дж.* Турските зверства в България / Превел С. Стамболов. – София: Скоро-Печатница на Я. С. Ковачев, 1880.

² *Gladstone W. E.* Bulgarian Horrors and the Question of the East. – London, 1876. – 45 p.

³ *Генов Р.* В името на хуманността, националните интереси и империята: Политическите дебати в британското общество по време на Източната криза от 1870-те години // Годишник на Департамент «История» на Нов български университет. – 2008. – Т. 3. – С. 219.

⁴ Там же. – С. 229–231.

⁵ Там же. – С. 231–232.

⁶ *Swinburne A. Ch.* The Ballad of Bulgaria. – London: Printed for Private Circulation, 1893. – 15 p.

⁷ *Комарова Е. В.* Русская рецепция Алджернона Чарлза Суинбёрга (последняя четверть XIX – первая треть XX в.): дис ... канд. филол. наук. – Саратов, 2013. – С. 116.

⁸ *Saint Clair S.* Bulgarian horrors! and Mr. Gladstone's eastern policy. – London: Blanchard & sons, 1876. – 32 p.

⁹ *Радев С.* Общонародният въпрос // Строителите на съвременна България. – Т. 1. – 1910–1911. – URL: <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AulD=101&WorkID=2844&Level=3> (дата обращения: 01.06.16); Stanislas Saint Clair // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stanislas_Saint_Clair (дата обращения: 01.06.16).

¹⁰ *Тинченко Я. Ю.* Сінклер Володимир Олександрович // Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). – К.: Темпора, 2007. – С. 595–506.

¹¹ Whitehall, July 24, 1854 // The Edinburgh Gazette. – 1854. – Issue: 6408. – 1 August. – P. 659.

¹² War-office, July 28, 1854 // The London Gazette. – 1854. – Issue 21576. – 28 July. – P. 2323–2324.

¹³ Order of the Medjidie // Supplement to The London Gazette. – 1858. – Issue 22107. – 2 March. – P. 1251, 1264.

¹⁴ War-Office, Pall-Malt, 28th January, 1859 // The London Gazette. – 1859. – Issue 22223. – 28 January. – P. 294–295.

¹⁵ *Радев С.* Общонародният въпрос...; Stanislas Saint Clair // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stanislas_Saint_Clair (дата обращения: 01.06.16).

¹⁶ *St. Clair S.* A residence in Bulgaria, or Notes on the Resources and Administration of Turkey / S. G. B. St. Clair, Charles A. Brophy. – London: J. Murray, 1869. – P. A,vi.

¹⁷ Residence in Bulgaria // The Spectator. – 1869. – 27 February. – P. 262–263.

¹⁸ *Todorova M.* Imagining the Balkans. – New York: Oxford University Press, 1997. – 288 p.

¹⁹ *Кирова М.* Въобразената България: Британският колониален дискурс от вчера и днес // Електронно списание LiterNet. 2014. – № 1 (170). – 14 януари. – URL: <http://litenet.bg/publish2/mkirova/britanski.htm> (дата обращения: 01.06.16).

²⁰ *Saint Clair S.* Bulgarian horrors! and Mr. Gladstone's eastern policy. – P. 14.

²¹ Ibidem. – P. 3.

- ²² Ibidem. – P. 5.
- ²³ Ibidem. – P. 4.
- ²⁴ Ibidem. – P. 21.
- ²⁵ Ibidem. – P. 12.
- ²⁶ Ibidem. – P. 11.
- ²⁷ Ibidem. – P. 24.
- ²⁸ Ibidem. – P. 15–16.
- ²⁹ *Троцкий Л.* Шулеры славянофильства // Искра. – 1902. – № 27. – 1 ноября.
- ³⁰ *St. Clair S.* Twelve years study of the Eastern question in Bulgaria: Being a revised edition of «A residence in Bulgaria» / S. G. B. St. Clair, Charles A. Brophy. – London: Chapman & Hall, 1877. – 319 p.
- ³¹ *Schumacher L. R.* A «Lasting Solution»: The Eastern Question and British Imperialism, 1875-1878: a Dissertation Submitted to the Faculty of Graduate School of the University of Minnesota. – Minneapolis, 2012. – P. 64.
- ³² *Еремин В.* Альфред Теннисон (1809–1892) // 100 великих поэтов. – М.: Вече, 2010. – С. 363.
- ³³ *Радев С.* Общонародният въпрос...; Stanislas Saint Clair // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stanislas_Saint_Clair (дата обращения: 01.06.16).
- ³⁴ 19 юли 1877 година – големите кланета в Стара Загора. – URL: <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?t=421182&page=6> (дата обращения: 01.06.16).
- ³⁵ *Тодоров Г. Т.* Санстефанският мирен договор, положението на родопското население и метежът на сенклеристите // Из миналото на българите мохамедани в Родопите. – София: Издателство на БАН, 1958. – С. 105–106.
- ³⁶ Там же. – С. 107; *Вълчев А.* Тъмраш. – София: Издателство на Отечественния фронт, 1973. – С. 205–206.
- ³⁷ *Риндин Щ. К.* Описание действия 121-го пехотного Пензенского полка. – Харьков, 1887. – С. 111.
- ³⁸ *Вълчев А.* Тъмраш. – С. 208.
- ³⁹ Турски филмови провокации срещу българската история // СКАТ. – 27.06.2009. – URL: <http://www.skat.bg/news.php?action=7&newsID=4391> (дата обращения: 01.06.16); *Edirneli M.* Rodop HUKÛmeti Muvakkatesi. – 01.10.2012. – URL: http://m.kircaalihaber.com/?pid=8&id_aktualno=332 (дата обращения: 01.06.16).
- ⁴⁰ *Вълчев А.* Тъмраш. – С. 207.
- ⁴¹ *Тодоров Г. Т.* Санстефанският мирен договор ... – С. 109; *Райчевски С.* Българите мохамедани. – София: Български бестселър-Национален музей, 2004. – С. 96.
- ⁴² Сейчас с. Каратарла называется Черна нива, находится в общине Черноочене Кырджалийской области. По переписи 2011 г. в селе проживает 121 чел. В переписке членов Европейской комиссии его называют Karatalar.
- ⁴³ *Тодоров Г. Т.* Санстефанският мирен договор... – С. 109–110.
- ⁴⁴ Parliamentary Papers. 1878. – Reprint. – London: Forgotten Books, 2013. – P. 553–554.
- ⁴⁵ 10. Oberst Ritter von Raab an Grafen Zichy in Constantinopel // Actenstücke aus den Correspondenzen des kais. und kön. gemeinsamen Ministeriums des Äussern über orientalische Angelegenheiten: Europäische Commission im Rhodope-Gebiete (vom 12. Juli bis 6. Sept 1878). – Wien: Druck und Verlag der K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1878. – P. 14.
- ⁴⁶ Actenstücke aus den Correspondenzen des kais. und kön. gemeinsamen Ministeriums des Äussern über orientalische Angelegenheiten: Europäische Commission im Rhodope-Gebiete (vom 12. Juli bis 6. Sept 1878). – Wien: Druck und Verlag der K. K. Hof und Staatsdruckerei, 1878. – 17 p.
- ⁴⁷ Parliamentary Papers. 1878... – P. 554.
- ⁴⁸ Parliamentary Papers. 1878... – P. 591.
- ⁴⁹ The Rhodope Insurrection 1878: Reception by Hyadet Bey of a Russian flag of truce at the headquarters of the insurgents at Karatalar. – URL: <http://repository.library.brown.edu/studio/item/bdr:232528/> (дата обращения: 01.06.16).
- ⁵⁰ The Rhodope Insurrection. The Graphic. Sep 7, 1878. – URL: <http://www.worthpoint.com/worthopedia/graphic-sep-1878-rhodope-insurrection-505386503> (дата обращения: 01.06.16).
- ⁵¹ Annual Register, 1879. – Reprint. London: Forgotten Books, 2013. – P. 329–330.
- ⁵² Col Stanislas Graham “Hidayet Bey” Bower St. Clair. – URL: <http://www.findagrave.com/cgi-bin/fg.cgi?page=gr&GSob=c&GSsr=1&GScid=2578517&GRid=146332668&df=90&> (дата обращения: 01.06.16).
- ⁵³ Ibidem.
- ⁵⁴ По иронии судьбы младшая дочь С. Сент-Клера Йоланда вышла замуж за русского генерала Долгова Дмитрия Александровича, служившего в Виленском военном округе. В 1917 г. герой Первой мировой войны Д. А. Долгов был уволен со службы, а после Октябрьского переворота вступил в РККА. В 1922 г. эмигрировал в Бельгию.

ДУШАТА НА ЕДИН НАРОД: БЪЛГАРСКИЯТ НАЦИОНАЛЕН КАЛЕНДАР ОТ 1878 ГОДИНА ДО НАШИ ДНИ

Св. Елдьров

Елдьров Св. Душата на един народ: Българският национален календар от 1878 година до наши дни. Отличителна характеристика на Българския национален календар, разбран като официална празнично-обредна система, е неговата непостоянност и променливост. В него се различават няколко периода. При управлението на княз Александър (1879–1886 г.) той се заражда и развива под силно руско влияние. Княз Фердинанд насърчава процеса на национализация, започнал със Съединението и Сръбско-българската война през 1885 г. Във военните години 1912–1918 на преден план изпъква бойният празник на Българската армия. В периода между двете световни войни официалните и неофициалните празници носят ярка национална символика и се стремят да изтъкнат приемствеността между възрожденските ценности и националните идеали. След 9 септември 1944 г. Българската комунистическа партия използва всички ресурси на тоталитарната държава, за да изтрие спомена от празничната система на предишната епоха, а официалният календар е подложен на интензивна съветизация. В годините на прехода след 10 ноември 1989 г. започва възстановяване на традиционните празници от периода преди Втората световна война. Въпреки това публичните дебати по въпроса за празниците от Българския национален календар все още продължават.

Ключови думи: Български национален календар, официални празници, политика, история.

Елдьров Св. Душа одного народа: Болгарский национальный календар с 1878 года до наших дней. Отличительной характеристикой Болгарского национального календаря, понимаемого как празднично-обрядная система, является его непостоянность и изменчивость. В нем различают несколько периодов. Во времена правления князя Александра (1879–1886 гг.) он зарождается и развивается под сильным русским влиянием. Князь (с 1908 г. – царь) Фердинанд (1887–1918 гг.) поощряет процесс национализации, начавшийся с Соединения и сербо-болгарской войны 1885 года. В военные 1912–1918 годы на переднем плане выделяется боевой праздник Болгарской армии. В период между двумя мировыми войнами официальные и неофициальные праздники носят яркую национальную символику и стремятся подчеркнуть преемственность между ценностями эпохи болгарского Возрождения и национальными идеалами. После 9 сентября 1944 года Болгарская коммунистическая партия использовала все ресурсы тоталитарного государства, чтобы стереть воспоминания праздничной системы предыдущей эпохи, а официальный календар был подвергнут интенсивной советизации. В годы перехода после 10 ноября 1989 года начинается восстановление традиционных праздников периода до Второй мировой войны. Но, несмотря на это, публичные дебаты по вопросу о праздниках Болгарского национального календаря все еще продолжаются.

Ключевые слова: Болгарский национальный календар, официальные праздники, политика, история.

Eldarov Sv. The Soul of a Nation: Bulgarian National Calendar from 1878 to Nowadays. An essential characteristic of the Bulgarian National Calendar as representation of the Bulgarian official holiday-ritual system is its inconsistency and mutability. In it, several periods may be outlined. Its origins date from the rule of prince Aleksander (1879-1886) during which it developed under strong Russian influence. Prince (1908 – tzar/king) Ferdinand (1887-1918) encouraged the process of its acquiring greater national identity, which started with the Unification and the Serbian-Bulgarian War of 1885. During the war years between 1912-1918, the War Holiday of the Bulgarian Army came to the fore. During the period between World War I and World War II, the official and non-official holidays embedded clear national symbols and aimed to emphasize on the continuity between the National Revival values and the national ideals. After September 9, 1944 the Bulgarian Communist Party availed of all totalitarian State resources to obliterate the memory of the holiday system of the previous epoch, and the official calendar was subject to intensive designing after the Soviet manner. During the years of transition after November 10, 1989 restoration of the traditional holidays from the period preceding World War II was initiated. Nevertheless, the public debates concerning the holidays on the Bulgarian National Calendar are still ongoing.

Keywords: Bulgarian National Calendar, official holidays, politics, history.

Като система за измерване на времето, базирана на движението на небесните тела, периодичността на природните явления и последователността на годишните сезони, астрономическият календар отразява историческия опит на човечеството да намери своето място в динамиката на миналото, настоящето и бъдещето. Погледнат от този зрителен

ъгъл, националният календар, основан на историческото развитие, религиозното вярване и културната традиция, отразява колективно осъзнатия и институционализиран стремеж на съответния народ, превърнал се в национална общност, да намери и отстои собствения си облик в една постоянно променяща се политическа динамика. Затова, когато в дни на национални чествания и юбилейни празненства в България (а и в други страни със сходна историческа и политическа съдба) се говори или пише за датите от националният календар, най-често използваните думи са „традиции“, „стожери“ или „опори“, които крепят народната памет и подхранват националната гордост. Един обективен научен поглед обаче няма как да не открие, че зад фасадата на празника се крие различната и прозаичната истина на делника. Ако има нещо, което най-точно да характеризира Българския национален календар, разбран като официална празнично-обредна система, това е неговата непостоянност и променливост, която от своя страна е достоверно отражение на подемно-катастрофичния и етапно-преходния характер на българското историческо битие. Всеки сравнително обособен период от новата и най-новата история на България внася такива обновления и промени в националният календар, които трудно могат да се съвместят с дефинициите на традицията и приемствеността. Достатъчно е да се припомни, че в последния четвърт век от българската история, все още назоваван *преход*, един от най-продължителните и страстни публични дебати си остава този за националния ни празник. И ако е вярно, че националният календар най-точно разкрива душата на народа, ще трябва да признаем, че българският народ все още търси своята истинска душа.

Настоящата студия обобщава изследователските дирения на автора в последните десетина години за съдбата на различни празници от Българския национален календар и си поставя за цел да предостави обективен фактически материал за народопсихологически анализи на онези, които биха искали и биха могли да ги направят.

* * *

Официалният календар на българската държава се оформя в първите години след Освобождението (от османско иго) на основата на установената народна традиция и чуждия опит. В него се открояват три групи празници – църковни, династични и политически. Първият официален списък на празничните дни е приет от Държавния съвет на 12 октомври 1882 г., утвърден с указ № 766 на княз Александър I от 27 с.м. и обнародван в „Държавен вестник“ на 13 ноември с.г. Този документ предвижда общо 28 празнични или „неприсъствени“ дни, освен всички неделни дни в годината¹.

Тъй като източноправославното християнство е изповядвано от мнозинството българи и е „господстващо“ по конституция, най-важните празници от неговия календарен цикъл закономерно попадат и в държавния календар. Това са: 6 януари – Богоявление Господне (Йордановден), 2 февруари – Сретение Господне, 25 март – Благовещение, 23 април – Св. Георги Победоносец (Гергьовден), 11 май – Св. св. Кирил и Методий, 29 юни – Св. св. Петър и Павел (Петровден), 6 август – Преображение Господне, 15 август – Успение Богородично, 14 септември – Кръстовден, 26 октомври – Св. Димитър (Димитровден), 6 декември – Св. Николай Чудотворец (Никулден), 25–27 декември – Рождество Христово. Освен тях официални държавни празнични дни са и няколко църковни празника с променливи или преходни дати – Възкресение Христово – три дни, Възнесение Господне и Празниците на съществуването на Св. Дух.

По тогавашните критерии това са т.нар. „господски“, „светителски“ или „вероизповедни“ празници, т.е. празниците от литургичния цикъл на църквата и празниците на най-популярните сред българския народ християнски светци. От всички тях единствено празникът на славянските апостоли Кирил и Методий още в епохата на Българското възраждане разчупва рамките на чисто църковно-богослужебната прослава и се превръща в първия истински национален празник. Втората група празници са династичните, т.е. датите, свързани с личността на монарха, в конкретния случай с княз Александър I. Това са датите на рождения му ден – 24 март, денят на избора му за български княз – 17 април, и тезоименият му ден – 30 август. Третата група са национално-политическите или държавно-народните, т.е. празниците, свързани с конкретни събития от българската история. Такъв е празникът на Освобождението – 19 февруари, записан в княжеския указ за празничните дни като „Заклучаване на С. Стефанският мир“. Официален празник, разбира се, е и 1 януари – Нова година.

Списъкът на Държавния съвет и княжеският указ от 1882 г. не предписват специални изисквания за отбелязването на официалните празници, освен известни ограничения в работното време на кръчмите и кафенетата, които трябва да бъдат затворени до 10 ч. предобед в празничния ден, и на магазините, които на определени празници трябва да бъдат затваряни за целия ден, а на други – само до 10 ч. Изключение се прави за фурните, аптеките, гостилниците и някои други подобни заведения. С указ № 1182 от 24 декември 1883 г. княз Александър I внася разграничение между народно-държавните и вероизповедните празници, като затяга ограничителния режим на публичните заведения. По силата на този указ народно-държавните празници са задължителни за всички граждани на страната, и публичните заведения, освен фурните, аптеките, касапниците и зарзаватчийниците, трябва да остават затворени през целия ден. За дните на вероизповедните празници ограничението се разпростира до времетраенето на църковната служба, т.е. до 11 ч. предобед².

С течение на времето празниците и от трите групи търпят развитие. Всяка обаче има своя специфична динамика на промяна. Образно казано, официалният календар се състои от три различни писти, по които празниците дефилират с различна скорост – едни кретат, други ходят, трети направо препускат. Най-бавна е вероизповедната писта, защото се основава на църковния календар, формиран и утвърден в течение на близо две хилядолетия. Въпреки това и тя се преобразява – някои църковни празници отпадат от официалния календар, други се явяват на тяхно място.

По-ярко изразена е динамиката по линията на династичните и политическите празници. Логично и закономерно е със смяната на монарха изцяло да се обновяват и свързаните с него празнични дни. Политическото развитие на България също маркира с най-съдбоносните си събития националния празничен цикъл.

За относително краткия седемгодишен период на управлението на княз Александър I (1879–1886) официалният държавен календар е маркиран с ярка русофилска окраска. Много от българските празници съвпадат едно към едно с руските, макар под друга формулировка. Всеизвестно е например, че един от най-популярните празници – 19 февруари, „Сключването на С. Стефанският мир“ – всъщност косвено прославя възшествието на император Александър II Освободител (на крепостните селяни) на руския престол, респективно най-важния по ранг руски държавен празник от времето на неговото царуване. Неслучайно на същата дата през 1861 г. е отменено крепостното право в Русия, а през 1878 г. е сключен Санстефанският мирен договор. По същия начин първият по ранг български държавен празник от този период – 17 април, „Възшествието на Княз Александър I на Българския престол“ – всъщност прославя и рождения ден на император Александър II, защото през 1879 г. Великото народно събрание в Търново съвсем съзнателно и целенасочено, тъкмо заради символичното съвпадение, избира тази дата, за да провъзгласи избора на първия български държавен глава. В официалния списък на празничните и неприсъствените дни датата 30 август, тезоименият ден на княз Александър I, е записана като двоен празник – и като тезоимен ден на руския император Александър II, а след смъртта му, на неговия приемник Александър III. От 1882 г. за няколко години като официален празник в България се чества и датата 1 март – „Денят на мъченическата смърт на Царя-Освободителя“ (загинал на 1 март 1881 г. в терористичен атентат). Затова не е чудно, че в началния период на развитието си официалният празничен календар на Княжество България съвсем естествено и закономерно носи родилните петна на празнично-обредната система на своята освободителка³.

* * *

Съединението на България и неговата военна защита през 1885 г. не само предопределят хода на българската история, но и цялостно променят облика на държавната и военната празнично-обредна система. Първопроходници на тази промяна са ръководителите и дейците на Съединението, самите те свидетели и участници в революционното движение, Априлското въстание и Руско-турската война, т.е. – живата връзка между две епохи в историята на България.

С инстинкта на истински народен трибун и самороден политически лидер Захари Стоянов успява да прозре огромния социално-политически потенциал на празника и да го превърне в мощно средство за мобилизиране на гражданското общество. За разлика от Княжество България, където официалната празнично-обредна система се оформя като руски дубликат, в Източна Румелия тази материя е оставена изцяло на вероизповедните общно-

сти, всяка от които следва своя религиозен цикъл. Сред българското население на областта популярни са и празниците, свързани с Руско-турската война – не само 19 февруари, като датата на Санстефанския мирен договор, но и датите, на които са освободени отделните градове. Те ежегодно се отбелязват с молебени, панихиди и народни тържества. Също толкова обичан и популярен е и празникът на славянските апостоли св. св. Кирил и Методий, който през 1885 г. излиза на преден план като символ на възделена политическа идея.

По чиста случайност или по мистична воля точно през пролетта на тази знаменита година се закръгля емблематичен за българската културно-национална кауза юбилей – 1000 години от смъртта на св. Методий, 6 април. По инициатива на Българската ексархия и с подкрепата на двете български държави честването на това събитие се превръща в грандиозна манифестация на българското национално единство. Празненствата в Пловдив и другите източнорумелийски градове се надпреварват по тържественост и масовост и се нареждат достойно до аналогичните прояви в Княжество България, в Македония и Одринска Тракия и навсякъде, където това е възможно по българското национално-историческо землище⁴.

Всички тези чествания и манифестации обаче са само прелюдия към събитията, които се разиграват в Пловдив в навечерието на 23 април 1885 г., чийто отзвук не само дълго отеква в областта, но предизвика и сериозно дипломатическо ехо сред представителите на Великите сили и балканските държави. На този ден по тогавашния Юлиански календар българите по традиция честват църковния празник на св. Георги Победоносец или Гергьовден. Той обаче е и официален държавен празник на Кралство Гърция като тезоимен ден на крал Георгиос. Усетили новия дух на съединителната идея сред българите, пловдивските гърци и гъркомани, подбудени от гръцкото консулство, решават да им отговорят със същото оръжие, като превърнат Гергьовден в гръцка националистическа манифестация. В навечерието на празника местният в. „Филипопулис“ приканва своите читатели масово да честват празника и като по команда по домовете, магазините и кафенетата са провесени гръцки знамена. Българите в Пловдив обаче също отговарят. В резултат до вечерта всички гръцки знамена са изпокъсани и свалени, цялата украса унищожена, случват се няколко по-сериозни сбивания, проехтват и два-три изстрела, за щастие без жертви. Пловдивският Гергьовден през 1885 г. остава български⁵.

Този момент е повратен и недвусмислено показва, че учреденият и председателстван от Захари Стоянов Български таен централен революционен комитет (БТЦРК) съзнателно и целенасочено е включил в организационната си стратегия използването на празниците, честванията и юбилеите като оръдие на съединителната идея. Дори само лаконичното хроникриране на събитията дава възможност да се усети градацията на гражданското и националното съзнание на българското население в Източна Румелия през пролетта и лятото на 1885 г.

На 20 април и в дните до края на месеца Източна Румелия става свидетел на незапомнени масови чествания на годишнината от Априлското въстание – Копривщица, Панагорище, Перушица, Брацигово, Батак и цялата свещена топография на народната саможертва сякаш оживяват като предвестник на съдбоносни исторически събития⁶.

На 11 май традиционното честване на св. св. Кирил и Методий издига съединителната идея на още по-високо стъпало в гражданското съзнание на българите в автономната област. По инструкция на БТЦРК в честването на културно-просветния празник активно се включват членовете на опълченските дружества, които му придават подчертано политически характер. На места стават бурни антиправителствени демонстрации, произнасят се патриотични речи, тайно и явно се разпространява уставът на комитета. Така кирило-методиевската символика и празничност се превръща в трибуна за пропаганда на съединителната идея⁷.

На 19 май БТЦРК пак разиграва сценария от Гергьовден, но сега с ярка противоосманска окраска. На този ден турците в Източна Румелия, както и в цялата Османска империя, отбелязват празника Велядети-Хумаюн. В предходните години никой не му е обръщал публично внимание и дори няма запазени свидетелства как е протичал празникът и какво всъщност е представлявал – дали е бил рождения ден на султана, или деня на неговата интронизация. През 1885 г. обаче тази дата става знаменателна в предисторията на Съединението. Под предлог, че почивният ден е по-подходящ за всенародни празненства, дейците на БТЦРК преместват традиционното честване на гибелта на Христо Ботев от 21 на 19 май, който тогава се пада в неделя. Така отоманският празник се превръща в

съединистка акция, в която главна роля пак играят опълченските дружества – един от най-силните, авторитетни и сплотени отряди на националнообединителното движение. Подобни манифестации с открита пропаганда на съединистката идея се провеждат и в други градове. Източнорумелийското правителство под натиска на Високата порта отговаря с масови арести на ръководители и участници и само попада в сценария на БТЦРК, който цели именно конфронтация между народа и управниците⁸.

По същия масово-революционен и противоправителствено-конфронтационен начин се организира и протича честването на годишнината от гибелта на Хаджи Димитър и неговата чета на 18–21 юли. Заключителният събор на Бузлуджа събира хиляди поклонници от Източна Румелия и Княжество България, като един вид символично обединение на народа от двете страни на Балкана⁹. Годишнините на боевете при Стара Загора (20 юли) и Шипка (11 август) също внасят съществен дял в гражданската мобилизация на съединистката идея.

Колкото символично, толкова и практично последният голям празник, който е честван непосредствено преди акта на Съединението в нощта на 5 срещу 6 септември, е св. Александър Невски – 30 август. На пръв поглед безобидна в църковния календар, в оперативния план на съединистите тази дата концентрира в себе си ясни за съвременниците политически послания от официалната празнично-обредна система на Княжество България. По традиция освен това големите военни маневри на българската войска се свикват именно така, че религиозният празник на светеца воин и на неговите владетелстващи съименници да се чества сред войската. Така българските дружини, на някои от които впрочем патронен празник е именно св. Александър Невски, се оказват готови да посрещнат Съединението, а празничната му рамка е един вид авансова полица за благоприятното развитие на Русия.

Така Захари Стоянов и дейците на БТЦРК допълват социално-политическата функция на празника с оригинален български принос. Съединистките лидери използват честванията на юбилеи, годишнини и празници, за да творят история, която от своя страна става част от Българския национален календар¹⁰.

* * *

Съединението и Сръбско-българската война през 1885 г., детронирането и абдикацията на княз Александър през 1886 г., изборът и интронизацията на княз Фердинанд и окончателното сключване на дипломатическите отношения между България и Русия през 1887 г. оставят траен отпечатък върху развитието на Българския национален календар.

Първата официална промяна е извършена веднага след интронизирането на княз Фердинанд. Новият български монарх се оказва по-разточителен по отношение на празниците в сравнение със своя предшественик. С указ № 78 от 31 декември 1887 г. той въвежда личните си празници в държавния календар на мястото на празниците на абдикирания княз Александър I. Това са: 14 февруари – рожденият ден на княз Фердинанд, 18 май – тезоименият му ден, 2 август – възшествието му на българския престол. Освен това за официални празнични или „неприсъствени“ дни, като допълнение към вече съществуващите са обявени още пет църковни празника: 7 януари – Ивановден, 20 юли – Илинден, 8 септември – Рождество Богородично, 8 ноември – Архангеловден и 21 ноември – Въведение Богородично. Окончателно изчезва „Денят на мъченическата смърт на Царя-Освободителя“ (1 март), а 19 февруари вече не е „Заклучаване на С. Стефанский договор“, а „Освобождението на България“¹¹. Освен смяната на наименованието, Празникът на Освобождението търпи и първата рязка промяна във формата и съдържанието си и вече се чества като „двоен“ празник, тъй като на 19 февруари 1886 г. е подписан Букурещкия мирен договор, с който официално завършва Сръбско-българската война.

Кризата в българо-руските отношения през 1887–1896 г. и непризнаването на княз Фердинанд като български монарх от Русия не преустановяват честването на празника, но се отразяват върху неговата тържественост. То се извършва в обичайния формат, но държавният глава рядко присъства лично на церемониите, а е замества от някой представител на Двореца. Невинаги се провежда преглед и парад на частите от столичния гарнизон, макар че войската винаги е представена на църковната служба чрез свои генерали и офицери. За честванията през този период свидетелства отзив във в. „Народни права“ от 1889 г., орган на опозиционната тогава Либерална партия на д-р Васил Радославов: „19 Февруарий, на-

родний празник на С. Стефанска България и сключаване Букурещкият мир между България и Сърбия и тази година се отпразнува почти мълчаливо в столицата. По сведения, които имаме, и в провинцията, както и в столицата, този ден не се е славил особено¹².

След подобряването на отношенията с Русия през 1896 г. честването на 19 февруари отново става по-ентузиазирано, а споменът за Букурещкия мирен договор постепенно заглъхва. Като своеобразен връх в този период може да се приеме отбелязването на 20-годишнината на Освобождението през 1898 г. Тогава, по свидетелството на българския печат, градовете в цялата страна били подобавашо „декорирани“ и навсякъде се извършили молебени при голямо стечение на народ, с военни паради и народни празненства. Хората се радвали и поздравявали като на Великден – най-популярния в България християнски празник Възкресение Христово¹³.

Отбелязването на тази кръгла годишнина обаче е по-скоро изключение, щом още на следващата година по повод честването на 19 февруари в. „Пряпорец“, орган на русофилската и опозиционна Демократическа партия, коментира: „Има повече от 10 години, от когато този празник, макар и да стои в календаря, се намира в един вид немилост пред българските управници“. Според вестника и политическото течение, което той изразява, Денят на Освобождението е „най-големият народен празник“, който трябва да се чества „като празник на нашето освобождение и като ден, който трябва да ни наумява за обединението на целокупна България“¹⁴.

С указ № 23 от 11 април 1895 г. в официалния държавен календар е включен още един празник – 2 май, тезоименият ден на престолонаследника княз Борис¹⁵.

* * *

Българската официална празнична система навлиза в нов и по-високоорганизиран етап на границата на XIX и XX век. Тогава – през 1899–1900 г. – е изработен и приет първият *Закон за празничните дни в Княжество България*, който остава в сила до навечерието на Балканската война. Той обаче не внася съществени промени, а просто санкционира установената вече практика. Най-важната отлика е, че се появява нов държавно-народен празник – 6 септември, Съединението на Северна и Южна България. За да освободи място за новия празник, от официалния календар отпада 21 ноември, Въведение Богородично¹⁶.

Основното пространство на празника е църковният храм, а Българската православна църква чрез своите свещенослужители е главно действащо лице в честванията. Богослужението, молебенът или панихидата са задължителни елементи на всяко празненство, а в някои ритуали участва и войската. Честването на държавни празници изобщо тогава се характеризира със скромност и официалност.

Два празника обаче правят изключение и се отличават както със своята масовост, така и с оформянето на специфичен ритуал. Първият, по хронология и по значение, е 11 май – св. св. Кирил и Методий. В свободната българска държава Празникът на славянските апостоли Кирил и Методий е официален държавен празник и като такъв се чества още от първата година след Освобождението. Той неизменно присъства във всички княжески укази, които уреждат въпросите с празничните дни в България. За значението на кирило-методиевската символика свидетелства и фактът, че най-високото по ранг българско държавно отличие в тази епоха е орденът „Св. св. Кирил и Методий“. Ежегодните училищни тържества и шествия на 11 май освен това осигуряват на празника постоянна масовост и неповторима жизнерадостност, които още повече го утвърждават като най-обичания български празник¹⁷.

Другият празник, който през първото десетилетие на XX век излиза от храма и увелича хората по улиците и площадите в България, е 19 февруари – Празникът на Освобождението. Историческото, политическото и идеологическото значение на това събитие го превръщат в своеобразен гравитационен център на цялата празнично-обредна система. Санстефанската символика пуска дълбоки корени в обществото и неговите сдружения, подхранвани от честванията на годишнините на Руско-турската война. Най-голямото, зрелищно и пищно дотогава честване е организирано през лятото на 1902 г., във връзка с четвъртвековния юбилей на боевете на връх Шипка и освещаването на храм-паметника „Рождество Христово“ в едноименното село. Неслучайно Върховният македоно-одрински комитет използва честването при подготовката и обявяването на Горноджумайското въстание през есента на с.г.¹⁸

Немалка роля за популяризирането на 19 февруари всъщност изиграва Върховният комитет, който избира датата на Освобождението за свой патронен празник. Именно той масовизира честването на Празника на Освобождението и внася нова обредност и символика в него. На тази дата македоно-одринските дружества в страната стават организатори на всенародни тържества, манифестации и увеселения, които навсякъде протичат с приблизително следната програма: след свършване на празничната служба в храма, на площада в населеното място се провежда митинг, на който председателят или друг оратор от дружеството държи патриотична реч; следва шествие из централните улици с дружественото знаме начело, с българския национален трибагреник и революционното червено знаме с траурните черни ленти, знамената на поборническо-опълченските дружества и другите патриотични организации и комитети, портретите на загиналите македоно-одрински революционери, много цветя, зеленина, музика. Върховният комитет превръща тържествата на този ден в общонационални и по значение и дух ги приближава до другия всенароден празник – 11 май, Св. св. Кирил и Методий. За първи път 19 февруари е отпразнуван масово и повсеместно като организационен празник през 1900 г.¹⁹

През 1903 г., когато се навършват 25 години от Освобождението на България, по разпоредба на Министерството на народното просвещение във всички училища в страната на 19 февруари се държат беседи за значението на тази дата за българския народ²⁰.

Тридесетата годишнина на Освобождението е чествана с голяма тържественост през 1908 г. Тогава за първи път като едно от средоточията на празненствата се откроява Паметникът на Цар Освободител в София (построен точно срещу централния вход на Народното събрание и тържествено открит на 30 август 1907 г.). За първи път учениците от столичните основни училища са изведени да дефилират с български и руски знамена заедно с опълченските, професионалните, юнашките, културните и други сдружения, македонските братства, гражданството. Многохилядното шествие се излива край паметника, като го отрупва с венци и цветя в знак на признателност, а после продължава по традиционния маршрут през Руското посолство към Паметника на Васил Левски. Все така масово и ентузиазизирано празникът на Освобождението е честван и в страната²¹. За това, без съмнение, допринася предчувствието за съдбоносните политически събития, чиито знамения са лесно разпознаваеми дори за обикновените хора. Всъщност Празникът на Освобождението вече не е онова благоговейно преклонение пред Русия, което владее духовния и политическия живот на страната през 1878–1885 г., а най-популярният и мобилизиращ символ на българския национален идеал от онази епоха – освобождението и обединението на България в нейните естествени етнически и политически граници.

Тук е уместно да се отбележи, че единствената политическа сила в България, която убедено, последователно и демонстративно проявява неуважение към празника на Освобождението, е Българската работническа социалдемократическа партия, особено в „тесния“ ѝ формат. Тя игнорира повечето от датите в държавния календар заради техния династичен или религиозен характер, а специално в 19 февруари вижда възхвала на руския царизъм, уличаван от нея като жандарм на световния империализъм и потисник на руския пролетариат. Публикациите в нейния орган „Работнически вестник“ в броевете на или около празника са най-доброто свидетелство за това отношение. На другия полюс е Българската православна църква, която при всички обстоятелства и във всички епохи гледа на Празника на Освобождението като на символична връзка с православна и славянска Русия. Публикациите в синодалния официоз „Църковен вестник“ също са ярко доказателство за това.

* * *

С обявяването на независимостта на България на 22 септември 1908 г. в официалния държавен календар намира място още един важен, ако не и най-важният за тогава празник. Денят на Независимостта е честван още на първата си годишнина с рядко срещана дотогава пищност и разточителност. В Търново е организирано своеобразно повторение на церемониала с участието на главните герои, начело с царя, министрите и архиереите, с благодарствения молебен в „Св. св. 40 мъченици“, с прочитането на манифеста на Царевец и т.н.²² В София и във всички по-големи градове на страната също има благодарствени молебени, празнични илюминации, градински увеселения и други манифестации²³.

Заедно с новия празник, в Българския национален календар се вселява и нещо ново и непознато дотогава – духът на разединение. За първи път един национален празник се

превръща в повод за остра политическа конфронтация и разгорещени публични дебати. При това не става въпрос за тесните социалисти, които по силата на своите убеждения не признават и не уважават нито църковните, нито династичните празници. Открито и активно срещу честването на Деня на Независимостта, или както тогава добива публичност – „Царския празник“, се обявява една сериозна и солидна политическа сила, участвала в управлението преди и след това – Народната партия. Точно в дните на първото честване през 1909 г. из страната се провеждат околийски събрания на народняците за подготовката на предстоящия им партиен конгрес. Централният орган и местният печат на Народната партия изтъкват редица доводи срещу честването, като се почне от формалния факт, че то не е предвидено в Закона за празничните дни, и се стигне до отричането на политическата целесъобразност на акта изобщо.

Срещу честването на Деня на Независимостта като официален държавен празник се обявяват и други обществени сили като издателите, редакторите и авторите на русофилския в. „Ден“ или републиканско-социалдемократическият кръг около в. „Камбана“ – и двата сравнително популярни и авторитетни за времето вестници. На същата позиция, но от съвсем други подбуди, застават и някои висши архиереи на Българската православна църква, като Варненско-Преславския митрополит Симеон например, който гледа на обявяването на независимостта като на държавен преврат.

Същата полемика се разгаря и през следващата година, когато отново е организирано общодържавно честване на Деня на Независимостта, без да бъде законодателно утвърден като официален празник. Полемиката дори още повече се изостря, защото през 1910 г. управляващата Демократическа партия организира честване и на 25-годишнината от Съединението на 6 септември (официален държавен празник от 1901 г.), при което част от ритуала се провежда при гроба на бившия министър-председател Петко Каравелов. Последното е изтъквано и разкритикувано от някои като „смесване на едно народно празненство с името на П. Каравелова като политическо лице“, т.е. като опит за внасяне на елемент на партийност в национално събитие и официален празник²⁴.

Така се ражда един стереотип – когато са на власт, партийните лидери и елити охотно участват в празнични церемонии и се къпят в светлината на публичността; когато са в опозиция, проявяват непримирима критичност и демонстрират спартанска въздържаност към всякакви форми на разточителност с държавни средства. Като своеобразен вербален код на тази закономерност в публичното пространство изплува понятието *корупция*. И наистина, още със законодателно несанкционираните първи чествания на Деня на Независимостта, една от най-коментирани теми в опозиционния и независимия печат става корупцията на управляващите и борбата срещу нея. Заглавията на подобни статии сами говорят за своето съдържание – „Безразсъдна политика“, „Министър покровител на крадци-те“, „Разтление по всички линии“, „Аферите във вътрешното министерство“ и пр. и пр.²⁵

В началото на 1911 г. Народното събрание приема нов *Закон за празничните дни*, който не само включва Деня на Независимостта в официалния държавен календар, но прави и радикални промени в него. Отпадат няколко църковни празника (7 януари – Ивановден, 2 февруари – Сретение Господне, 6 август – Преображение Господне, 8 септември – Рождество Богородично, 14 септември – Кръстовден), както и повечето от династичните – рожденият и тезоименият ден на царя и тезоименият ден на престолонаследника. Отпада дори празникът на Съединението, за да може през септември да изпъкне само и единствено Денят на Независимостта²⁶.

* * *

Още на следващата година България навлиза в нов период от своето развитие, белязан от войните за национално обединение – Балканската, Междусъюзническата и Първата световна война. Националнообединителната мисия отрежда на Българската армия съдбоносна роля. Заедно с нея на преден план в публичното пространство навлиза и военният празнично-обреден цикъл. По този начин един празник, който дотогава дори не фигурира в официалния държавен календар, неочаквано изпъква начело, изпълва се с ново съдържание и за кратко се налага като най-значимата дата от Българския национален календар. Това е 15 ноември, Празникът на победите, учреден през 1898 г. като боен празник на Българската армия, възпоменаващ последния победен ден в Сръбско-българската война (превземането на Пирот на 15 ноември 1885 г.)²⁷.

По всяка вероятност, ако за България Балканската война беше завършила така триумфално, както започва, Българската армия щеше да чества празника си на друга дата, например 20 октомври, победата при Люлебургаз, 13 март, превземането на Одрин, а също не и 4 ноември, евентуалния триумф при Чаталджа. Дори в Св. Синод на Българската православна църква вече се обсъжда идеята за определянето на ден, който да се чества като общонароден празник и в който да се поменават имената на всички загинали за националното обединение воители. В крайна сметка синодалните архиереи предвидливо решават да изчакат развитието на събитията до сключването на мира²⁸. Тяхната предпазливост се оказва основателна. Вместо с триумф през 1913 г. войната завършва с национална катастрофа.

Намесата на България в Първата световна война връща Празника на победите към нов живот. Победоносното настъпление на българската армия срещу сръбските войски съвпада с позабравения боен празник. На 15 ноември 1915 г. противникът вече е разбит и се спасява с бягство, а почти цяла Македония е освободена. При това денят се пада неделя. Каква по-добра възможност за тържествено празнуване на победите! Така вероятно е мислил и главнокомандващият генерал Никола Жеков, който на 15 ноември в Главната квартира в Кюстендил подписва заповед № 85, с която поздравява целия личен състав на действащата армия и изрично подчертава, че „българският народ създаде от днешния ден един велик празник, който вешае на поколенията за неговите войнски добродетели и за несъкрусимата му енергия“²⁹.

Празникът на победите се чества тържествено и в старите предели на страната. На молебена в съборния храм „Св. Неделя“ в София присъстват министри, генерали, офицери и други военнослужещи, много граждани. По-рано през деня в църквата на Военното училище се отслужва панихида в памет на загиналите и молебен за здравето на живите воители. След това юнкерите от първия специален клас на брой около 300 души полагат клетва. Тържеството е уважено от цар Фердинанд, министър-председателя Васил Радославов и други високи гости. По-скромни тържества със същия формат – панихиди, молебени и речи – се провеждат и в други градове³⁰.

През 1916 г. Българският национален календар търпи нова важна промяна. Заради преминаването от Юлианския към Грегорианския календар, т.е. от стария към новия календарен стил, всички празници правят преход от 13 дни и се установяват на нови дати. Така например 19 февруари става 3 март. Точно в тези години обаче празникът на Освобождението не е честван официално, тъй като България и Русия се оказват от двете страни на фронтната линия. През 1916 г. храмът „Св. Александър Невски“ в София, построен именно като паметник – символ на Освобождението, е преименуван с постановление на Министерския съвет на „Св. св. Кирил и Методий“. Това е направено, въпреки несъгласието на Св. Синод на Българската православна църква (и по нейно настояване е отменено през 1919 г.)³¹.

Случайно или не, точно на 3 март 1918 г. е подписан и Брест-Литовският мирен договор. Той обаче никога не е честван във връзка с празника на Освобождението нито тогава, нито по-късно.

За сметка на това честването на Празника на победите процъфтява. Заради календарната промяна той вече се отбелязва на 27 ноември. Освен това в неговото навечерие българската войска постига нови победи в Македония и Добруджа. Без излишна пищност, но иначе достатъчно тържествено през 1916 г. Празникът на победите е отбелязан както на фронта, така и в тила. В Кюстендил при Главната квартира има панихида, молебен и парад, приет лично от главнокомандващия генерал Жеков. Където е възможно, същото се прави и по частите. В София панихидата и молебенът са пак в „Св. Неделя“ с вече обичайната публика. Така е на следващата година. Пробивът на Македонския фронт при Добро поле на 17 септември 1918 г. и капитулацията на България обаче правят неуместно всяко празненство.

Най-значителният и съдбоносен поврат в историята на Празника на победите настъпва през 1919 г. Победителите, които тогава диктуват мира, показват малко съобразяване с правата на победените и никакво зачитане на тяхното достойнство. За това, че дръзва да осъществи националното си обединение – естествено и законно право на всяка страна – България е наказана жестоко от Великите сили и техните малки съюзници. Ньойският

договор е можел да бъде подписан още с пристигането на новия министър-председател на България в Париж на 19 ноември. Вместо да пристъпят към полагаане на подписане върху готовия документ, представителите на Антантата сякаш потъват вдън земя. Стамболийски е настанен в хотел „Пале дьо Мадрид“ в покрайнините на Булонския лес, където българската делегация пребивава от началото на Парижката мирна конференция в условията на фактически арест. На същия изолационен режим е подложен и българският министър-председател. Това забавяне в най-голяма степен се дължи на сръбската делегация, която желае с едно преднамерено и търсено погазване на българското национално достойнство изобщо и на българската бойна чест в частност, да се реваншира за претърпените поражения и в Сръбско-българската, и в Първата световна война. На 27 ноември, точно в деня, когато България е чествала Празника на победите, Ньойският договор е подписан с процедура, която отнема 25 минути³².

* * *

В периода между двете световни войни Българският национален календар търпи нови промени. Най-важните от тях са продиктувани от смяната на монарха. На 3 октомври 1918 г. цар Фердинанд абдикира в полза на престолонаследника княз Борис. Така тази дата автоматично се превръща в официален държавен празник – „Възшествието на Цар Борис III на Българския престол“. В календарното пространство новият празник се оказва в съседство с две други съдбоносни събития от българската нова и най-нова история – обявяването на независимостта на 22 септември и началото на Балканската война на 5 октомври. Впрочем с въвеждането на новия календарен стил през 1916 г. Денят на Независимостта вече се измества на 5 октомври. Става така, че на две съвсем близки дати – 3 и 5 октомври – се събират три важни чествания – интронизацията на новия цар, държавната независимост и войната за национално обединение. Българската войска, на която царят е върховен главнокомандващ, особено държи на тази връзка и в деня на празника военните издания не пропускат да я изтъкнат. Така празникът на монархическия институт, държавния суверенитет и националното обединение символично се сливат в личността на цар Борис III. Разбира се, никой не си дава труда да поясни, че датата 5 октомври всъщност е по стария календарен стил, иначе Балканската война би трябвало да се отбелязва на 18 с.м. Тогава обаче и символиката нямаше да бъде толкова концентрирана, ясна и въздействаща³³.

Сериозни трансформации търпят и други ключови празници от Българския национален календар. Един от тях дори изчезва завинаги. Това е Празникът на победите, чиято дата – 27 ноември – все повече започва да се свързва с протестните демонстрации срещу Ньойския договор. Последното му честване е през 1925 г. Оттогава като боен празник на българската армия се установява 6 май, Гергьовден. На тази дата през 1926 г. в. „Народна отбрана“ излиза със специален празничен брой, в по-голям формат от обикновено и отпечатан с червен шрифт, целият изпълен със статии за Деня на храбростта и на победите, бойния празник на българската войска³⁴.

Празникът на Освобождението на 3 март продължава да се чества официално, макар и скромно. Най-скромно го честват земеделците през 1919–1923 г., както впрочем се отнасят и с другите празници от националния календар. Освен че по този начин искат да изразят пренебрежително отношение към монархическия институт, те хранят предубеждение срещу празника на Освобождението и заради присъствието на бялата емиграция в страната, от която се страхуват като потенциален политически и военен противник. С цел да принизят значението на празника като символ на националнообединителната идея, земеделците преместват честването от 3 на 4 март, когато по народния календар се чества Тодоровден. Така традиционната празничност на София на този ден през 1922 г. се „обогатява“ с конни състезания, организирани от Дружеството на столичните фойтонджии. За сметка на това градът е украсен само с четири национални знамена, а честването минава по-вяло от обикновено³⁵.

Българската комунистическа партия наследява и доразвива тесняческата омраза към празника на Освобождението, за което в частност свидетелства адската машина, взривена в театър „Одеон“ навръх 3 март 1922 г. Точно за празничния ден там била насрочена сказка на руски журналист-емигрант за стара и нова Русия. Сред жертвите на терористичния акт едва не попада и проф. Иван Шишманов, който имал резервирано място на първия ред, но лека настинка го задържа у дома и му спасява живота³⁶. Косвено срещу празника на

Освобождението и неговата символика е насочен и атентатът в „Св. Неделя“ на Разпети петък 1925 г., тъй като дотогава храмът е средоточие на всички официални чествания за 19 февруари / 3 март.

Правителството на Демократическия сговор реабилитира празника на Освобождението и го връща на оригиналната му дата, 3 март. Още през 1924 г. той е честван много по-тържествено от преди с панихида и молебен в храма „Св. Неделя“, на която присъстват цар Борис III, министри и военни, а след това многолюдното шествие прави обичайното поклонение до Паметника на Цар Освободител, предвождано от опълченците със Самарското знаме. С панихиди, молебени и граждански тържества празникът е честван и в цялата страна³⁷. След 1925 г. църковните ритуали се пренасят в храм-паметника „Св. Александър Невски“, осветен предходната година, понякога придружени с преглед и парад на войската, но винаги с поднасяне на венци и цветя пред Паметника на Цар Освободител. Празненствата завършват с тържествено събрание, обикновено в салона на „Славянска беседа“. Най-тържествено и масово са празнувани кръглите годишнини – 50-ата през 1928 г. и 60-ата през 1938 г. По този повод има молебен и панихида в „Св. Александър Невски“, преглед и парад на частите от столичния гарнизон, шествие до Паметника на Цар Освободител, тържествено събрание. През 1934 г. е осветен още един паметник, който веднага се превръща в средоточие на държавна и народна признателност – Паметникът на свободата на връх Шипка.

Празникът на Освобождението се отбелязва като официален държавен празник дори в годините на Втората световна война. От 1941 г. той се чества и в Македония като празник от Българския национален календар³⁸.

В годините между двете световни войни всички официални и неофициални празници носят ярка национална символика и се стремят да изтъкнат приемствеността между възрожденските ценности и националните идеали като дълг и повеля за личността, държавата и обществото. Наред с традиционните православни празници и най-популярните дати от държавния календар, като 3 март – Освобождението на България, 24 май – Деня на славянските апостоли Кирил и Методий, и 3–5 октомври – Независимостта, Възшествието и Балканската война, тогава завоюват публичност и някои нови неофициални чествания, като Деня на книгата, Деня на детето, Деня на майката, Деня на Паисий Хилендарски и др. По инициатива на българския интелектуален елит в националния календар се появява нов празник, който заедно с 24 май, Деня на славянските апостоли и на българската просвета и култура, ще отмерва пулса на духовния живот – 1 ноември, Денят на народните будители. Той е въведен в официалния календар със специален *Закон за допълнение на закона за празниците и неделната почивка*, приет от Народното събрание на 13 декември 1922 г. Законът съдържа само един член, който постановява учредяването на новия празник, чието официално наименование е „Празнуване паметта на заслужилите българи“³⁹.

* * *

На коренно противоположна идеологическа основа се изгражда официалният празничен календар след 9 септември 1944 г. Българската комунистическа партия използва всички ресурси на тоталитарната държава, за да изтрие от съзнанието на българина и най-малката следа от официалната празнична символика на предишната епоха.

През 1945 г. е организирано първото всенародно честване на Септемврийското въстание. Тогава във в. „Работническо дело“ с авторитета и текстовете на Георги Димитров, Васил Коларов и Вълко Червенков е канонизирана тезата за „двата септември“ – 23 септември 1923 и 9 септември 1944 г. „Между двата септември – в 1923 и в 1944 г. – съществува пряка връзка: единият септември води към другия. Единият започна борбата за събаряне на фашизма, другият победоносно я завърши“, – кратко и ясно обяснява В. Червенков⁴⁰. Датата 9 септември пък вече символизира всичко онова, което формира смисъла и съдържанието на национален празник – „свободна, независима, демократическа и мощна България с осигурена национална независимост и държавен суверенитет“ (В. Коларов)⁴¹.

На 16 септември 1946 г. монархията окончателно е ликвидирана и България е провъзгласена за Народна Република. Официално е ликвидирана и старата празнично-обредна система. Най-важният празник в Българския национален календар става 9 септември под името „Ден на свободата“ – той е средоточието на идеологическата и политическата гравитация, около която ще се въртят всички други официални и неофициални празници. Съперници му само 7 ноември, „Великата октомврийска социалистическа революция“,

когато се провеждат и военни паради. Религиозните празници са натикани между стените на храма под обсадата на „научния атеизъм“. За да не остане и помен от старите „националистически“ и „монархически“ дати и събития, като Съединението, Независимостта или Балканската война, освен с официалните празници, годишният календар е уплътнен и с редица „бележити“ дати, които да обслужват пропагандата на комунистическия режим. Така тоталитарната държава се сдобива с тотално идеологизиран празничен календар.

Ето как например изглеждат месеците септември и октомври според празничния календар на в. „Отечествен фронт“ от 1950 г.: 9 септември – Народното антифашистко въстание в България, Ден на свободата, 16 септември – Обявяването на България за Република, 21 септември – началото на Лайпцигския процес, 23 септември – Септемврийското въоръжено антифашистко въстание, 27 септември – Ден на Земята, 1 октомври – излизането на Краткия курс по история на ВКП (б), 5 октомври – първата декларация на Информбюро, 7 октомври – създаването на ГДР, 20 октомври – освобождаването на Белград от съветската армия, 28 октомври – създаването на Чехословашката република⁴².

А ето как изглеждат историческата традиция и празничният цикъл за м. септември според „Червения народен календар“ на в. „Работническо дело“ от 1988 г.: 1 септември – Международен ден на мира и на профсъюзните действия за мир, 2 септември – Национален празник на Социалистическа република Виетнам, 8 септември – Международен ден на солидарността на журналистите, 9 септември – Ден на свободата, национален празник на Народна Република България и национален празник на Корейската народно-демократична република, 11 септември – Международен ден в памет на жертвите на фашизма, 15 септември – Празник на органите на МВР, 20 септември – Международен ден на мира, 23 септември – Ден на Българската народна армия и празник на Държавната пионерска организация „Септемврийче“, 27 септември – Международен ден на туризма⁴³.

На заден план минават дори 3 март и 24 май. И двете дати са изхвърлени от „националния“ календар (по-късно 24 май е реабилитиран), но поне им е оставено правото да бъдат чествани по някакъв начин.

Интересна е съдбата на празника на Освобождението. От 1945 г. до края на 50-те години датата 3 март се отбелязва главно със скромни събрания, които бледнеят пред парадното честване на 23 февруари, Деня на Съветската армия, официално провъзгласена за „освободителка“ на България от „монархо-фашистко иго“. За 23 февруари в. „Работническо дело“ неизменно излиза с уводни статии и съдържание, концентрирано около лозунга „Съветската армия – армия освободителка“. В София на този ден се провежда тържествено събрание с участието на членовете на Политбюро на ЦК на БКП и членовете на Министерския съвет, подобни събрания се провежда и в провинцията, от окръжните центрове до фабричните колективи. В докладите и публикациите обикновено се развива темата за Съветската армия като „двойна освободителка“ – първия път през 1878 г., втория път през 1944 г. На „Второто освобождение“ обаче се посвещава близо 80% от обема на текстовете⁴⁴. Интересното е, че така се прави и когато се чества Трети март – основната част от текстовете пак е за „Второто освобождение“. Всъщност през тези години Празникът на Освобождението от османско иго се отразява в печата по-скромно дори в сравнение с празника на партийния печат, 1 март, и Международния ден на жената, 8 март. За 9 и 23 септември и 7 ноември пък изобщо не може да става и дума за сравнение.

През тези години партийният официоз съобщава за скромни чествания на Трети март с поднасяне на цветя и венци при Паметника на Освободителите, както официално е преименуван Паметникът на Цар Освободител. Променен е и текстът на паметника, който сега адресира народната признателност не до Царя Освободителя, а до руския народ. Все пак цяло чудо е, че паметникът изобщо оцелява, при условие, че редица други паметници за Руско-турската война в страната по същото време са унищожени. Може би само неочакваната смърт на Сталин през 1953 г. го е спасила от подобна участ⁴⁵.

Действително, след смъртта на Сталин, както изобщо по отношение на целия живот в България, така и в частност за празника на Освобождението се забелязва известно размразяване и съживяване. Статиите за Трети март вече не се крият на задните страници, а излизат напред като уводни, формите на публичната признателност стават по-официални, тържествени и масови. Може да се приеме, че окончателният прелом настъпва през 1958 г., когато се отбелязва 80-годишнината на Руско-турската война. Още на 28 февруари

в БАН се провежда научна сесия за Освобождението, тържествени събрания, изложби и други мероприятия има и в много градове на страната. В навечерието на празника в столицата се открива изложба с произведения на руски и румънски художници, а на самия ден има тържествено събрание в Народния театър и поклонение пред паметниците за войната с поднасяне на венци и цветя⁴⁶. Партийният официоз излиза с уводна статия, която от името на целия български народ отдава почит на „падналите за свободата на България 200 000 синове на руския народ“⁴⁷. Впоследствие това число на руските жертви, както и крилатата фраза на Георги Димитров: „За българския народ дружбата със Съветския съюз е тъй жизнено необходима, както слънцето и въздуха за всяко живо същество“⁴⁸, се превръщат в неизменни спътници на тържествените чествания за Трети март.

Въпреки че на Деня на Освобождението започва да се обръща по-голямо внимание в светлината на формулата за „двойните освободители“, датата остава извън официалния празничен календар. Изключение е направено само за 100-годишнината на Освобождението през 1978 г., когато 3 март извънредно е обявен за неработен ден. През тези години обаче празникът на Освобождението е изчистен из основи от автентичното си съдържание като символ на националното освобождение и обединение и се инструментализира политически и идеологически единствено като символ на „вечната“ и „нерушима“ дружба между България и СССР.

* * *

Началото на края на комунистическия режим след 10 ноември 1989 г. открива нов период в развитието на празнично-обредната система на българската държава. Още на следващата година 3 март е обявен за национален празник под името „Ден на Освобождението на България от османско иго“. Това става с указ на Държавния съвет на НРБ № 236 от 27 февруари с.г., подписан от неговия председател Петър Младенов⁴⁸. Парадоксалното от историческа гледна точка е, че инициативата и изпълнението принадлежат на БКП, която винаги е игнорирала националната същност на празника и го е подменяла с интернационална, а ѝ опонира Съюзът на демократичните сили (СДС), който се ражда с претенцията, че отстоява национална политическа традиция. Оттогава до днес целият преход, вече повече от 25 години, минава в полемика „за“ и „против“ Деня на Освобождението на България от османско иго като национален празник. Старите течения на в. „Дума“ (до 31 март 1990 г. в. „Работническо дело“) и в. „Демокрация“ свидетелстват за онова яростно манихейско раздвоение в националното съзнание, доведено до ирационално, почти мистично разбиране на празника на Освобождението като източник на всяко добро или всяко зло в политическия живот на България, като панацея за нашите недъзи или заплаха за нашите добродетели, като алфа и омега на политическите ни страсти.

Организацията и изпълнението на първото честване на Деня на Освобождението като национален празник изцяло е монополизирано от БКП, защото тя като управляваща партия владее институциите, а СДС все още владее само улиците. Благодарственият молебен в храма „Св. Александър Невски“, чийто праг за първи път е прекрачен вкупом от най-емблематични лица на доскоро войнстващо атеистичния комунистически елит, дава повод на опозицията да обвини управляващите в лицемерие. След молебена има поклонение пред Паметника на Цар Освободител (все още с фалшифицирано име и надпис), а вечерта – тържествено събрание в Народния театър. С църковни служби, поклонения и тържествени събрания празникът се чества и в Плевен, Стара Загора, Шипка и други места⁴⁹.

През 1991 г. обаче честването на Трети март се превръща в поле на остра конфронтация между БСП и СДС, въпреки че държавният глава, а следователно и институцията, която представлява, отразява политическите идеи и воля на демократичната опозиция. Официалния протокол за деня е ритуал пред Паметника на Незнайния войн с участието на президента Желю Желев предобед, панихида и молебен в храм-паметника „Св. Александър Невски“ след това и тържествена заря-проверка пред Народното събрание вечерта. В навечерието на празника обаче представителите на демократичната опозиция в Кръглата маса се срещат с председателя на Държавния съвет Петър Младенов, за да обсъдят въпросите за националния празничен календар. СДС настоява за промяна на националния празник и за обявяване на Великден и Коледа за официални празнични дни, БСП категорично се противопоставя на това предложение. Президентът Желев заема помирителна позиция: „Всички национални празници, както и начините за провеждането им, трябва да бъдат

решени чрез референдум. Що се отнася до Трети март, това е светъл празник за нас. Той трябва да бъде ден на национално единство, а не трибуна за изява на политически амбиции, които да се поставят над народните интереси⁵⁰. Празникът на Освобождението обаче се превръща точно в онова, което според държавния глава не бива да бъде.

В следващите няколко години Трети март продължава да бъде заложен в острата политическа схватка между двете основни политически сили. За съжаление, те страдат от обща болест – искат бързо да забравят тоталитаризма, но не помнят нищо или само твърде малко от епохата на националната държава. СДС остава непримирим противник на празника на Освобождението като символ на съветското влияние и не вижда нищо национално в него. За привържениците на БСП той не е случаен исторически продукт или благодетелен подарък, а произтича от хода и логиката на Българското национално възрождане.

В ранните години на прехода публицистичните дебати в медиите задължително резонират по улиците, понякога и в по-остри форми. Привържениците на СДС в деня на националния празник се събират на политически митинги, привържениците на БСП предпочитат да присъстват на официалните церемонии. Празничните прояви на „сините“ са съпътствани с актуални политически лозунги на деня. Нерядко се стига и до пререкания, освирквания и други форми на взаимно неуважение дори по време на тържествените ритуали. Подобни инциденти стават не само в столицата, но и в страната, като еднакво подхранват със скандални факти публицистиката⁵¹. Така Трети март се оказва окован с обръчи на разделение, непримиримост и омраза, които още по-здравое се „набиват“ от обединените усилия на медийно-площадния тандем.

* * *

След 1997 г., когато представителят на СДС Петър Стоянов е избран за президент, конфронтацията по случай Трети март рязко се смирива. Тогава за първи път от началото на прехода той действително се превръща в ден на национално съгласие. Новият редакционен и авторски екип на в. „Демокрация“ се отнася с по-голямо уважение към празника, опитва се да го инкорпорира в европейската перспектива на България, отново лансира идеята за „Ново българско възрождане“⁵². Явяват се и нови обредни форми, като факелното шествие от Паметника на Незнайния воин до Националния дворец на културата, организирано от Националното сдружение „Мати България“, Общобългарския комитет „Васил Левски“ и Общонародната фондация „Христо Ботйов“⁵³.

През пролетта на същата година Обединените демократични сили (ОДС) печелят парламентарните избори и след президентския пост овладяват и държавното управление. Така на 3 март 1998 г. на тях се пада да честват 120-годишнината от Освобождението, а техните лидери да се наредят до руския посланик – нещо, което само допреди няколко години скандализира „сините“ симпатизанти. С подобаваща официалност празникът на Освобождението се отбелязва през целия мандат на президента Петър Стоянов (1997–2001), а най-важните средоточия на тържествените ритуали са в София (поклонение пред Паметника на Незнайния воин, панихида и молебен в храм-паметника „Св. Александър Невски“ и тържествена заря-проверка пред Народното събрание и Паметника на Цар Освободител и на Паметника на свободата на връх Шипка⁵⁴.

В периода 1998–2001 г. обаче официалната държавна обредност се концентрира около друг празник, който макар да не е със статута на „национален“, излиза на преден план и за известно време засенчва останалите. Това е Денят на независимостта – 22 септември, върнат в официалния празничен календар с решение на Народното събрание от 10 септември 1998 г.⁵⁵ Странно защо обаче датата за честването на Деня на Независимостта е определена по стария календарен стил, отменен още през 1916 г., т.е. на 22 септември, а не по актуалния, според който би трябвало да бъде на 5 октомври, както е честван в периода между двете световни войни. Единственото логично обяснение, ако се игнорира хипотезата за некомпетентност, е, че това е направено преднамерено, с цел новият стар празник да се вклини между „двата септември“ и по този начин да ги изтласка от публичното пространство и общественото съзнание.

През 1998 г. е възстановен още един празник от националния календар – Денят на Съединението на България, 6 септември. Също като Деня на Независимостта, и той е възстановен на датата по Юлианския календар, а не по актуалния календарен стил.

Първото официално честване на Деня на Независимостта се провежда във време на изострена вътрешнополитическа конфронтация, която налага своя отпечатък върху празненствата. Центърът на тържествата за 22 септември е във Велико Търново, където присъства политическият и държавният елит на управляващата коалиция Обединени демократични сили (ОДС). Подобавачи манифестации се провеждат и в други градове на страната. Българската социалистическа партия (БСП) бойкотира Деня на Независимостта и от своя страна освен традиционно за нея честване на 9 септември организира – като един вид контрачестване на официалния празник – национално възпоменание на 75-годишнината от Септемврийското въстание.

Конкуренцията между Деня на Освобождението и Деня на Независимостта, както и носталгията към „двамата септември“, пак възбуждат стихналата за известно време дискусия по въпроса на коя историческа дата приляга да се отдава всенародна почит като национален празник. С този въпрос България навлиза и в новото хилядолетие. Задават го мнозина, сред които и журналистът Петко Бочаров, който в статия във в. „Демокрация“ през 2000 г. със заглавие „Националният ни празник е сбъркан“, категорично се обявява против Трети март, като се позовава и на мнението на неназовани „сериозни политици и историци“, убедени в същото: „Но защо и Народното събрание, и президент издигат като национален празник на българите дата, която в хилядолетната ни история е повече позорна, отколкото славна, и загърбват деня, в който страната ни със собствени усилия успява да си извоюва правото на международноправен субект“, – пита популярният журналист дълголетник и призовава парламентарното мнозинство на ОДС „да поправи допуснатата грешка“⁵⁶. Бурни страсти предизвикват и честванията на „двамата септември“ – 9 септември, „Социалистическата революция“, и 23 септември, „Септемврийското антифашистко въстание“, – които симпатизантите на БСП продължават да отбелязват.

* * *

Честването на празниците от националния календар навлиза в нов етап през двата президентски мандата на Георги Първанов (2002–2012 г.). Тогава на политическата сцена изгрява нова политическа сила – Националното движение Симеон Втори (НДСВ), която разбива двуполусния модел на „червено“ и „синьо“, респективно на ляво и дясно. В такава политическа обстановка президентът Г. Първанов лансира през 2003 г. идеята за „нов прочит на историята“, която да помири нацията: „Крайно време е да разберем, че имаме шанс като нация, само ако успеем да прочетем поновому историята, ако наистина успеем да направим необходимото, за да постигнем помирение. Това не е отказ от заборава! Помирението означава да разберем, че има място в българския Пантеон за всички“⁵⁷.

В духа на концепцията за помирението и новия прочит на историята отбелязването на бившите празници от епохата на тоталитарния режим, стриктно тачени дотогава от БСП, остава на личната съвест и частната инициатива на партийните симпатизанти (т.е. тихомълком се преустановява), а честването на официалните празници се изпълва с нарастваща тържественост и нови ритуали. За Празника на Освобождението това се почувства още при първото му отбелязване с участието на президента Първанов през 2002 г. Тогава при прегледа на гвардейската рота и посрещането на Самарското знаме пред Паметника на Незнайния войн за първи път прогърмяват 20 топовни салюта. За първи път, при това от освещаването през 1934 г., както твърди в. „Дума“, 985-те стъпала на Паметника на свободата на Шипка са изкачени от титулярите на трите най-важни държавни институции – президентът Георги Първанов, министър-председателят Симеон Сакскобургготски и председателят на Народното събрание Огнян Герджиков⁵⁸.

Честването на Трети март отбелязва своя апогей в епохата на прехода през 2003 г., когато по случай 125-годишнината от Освобождението на България в страната пристига официална руска делегация, водена от президента на Руската федерация Владимир Путин. По имперски пищните тържества и ритуали подробно са хроникирани от вестниците, а най-подробно от в. „Дума“, който от 2001 г. вече не се води орган на БСП, а „национален всекидневник“. Това ме освобождава от необходимостта да ги преразказвам и тук. Затова пък ще отбележа само два любопитни факта. Първият – че според специално направено за целта социологическо проучване 57% от българите се определили като русофили, 20% като русофоби и 22% – заели неутрална позиция⁵⁹. Вторият – че навръх 3 март, когато Първанов и Путин поднасят венци пред Паметника на свободата на Шипка, на летище

„Сарафово“ край Бургас кацат първите два американски самолета-цистерни с назначение да оказват логистична подкрепа в предстоящата война срещу Ирак⁶⁰.

В следващите години от мандата на президента Георги Първанов не само националният празник, Денят на Освобождението на България от османско иго, но и другите държавни празници – особено 6 май, Денят на храбростта и Българската армия (или Гергьовден по народния календар, имен ден на държавния глава), 6 септември, Денят на Съединението на България, и 22 септември, Денят на Независимостта – се честват с голяма официалност, както никога преди това не са успявали или не са възнамерявали предходниците му от прехода. Това особено ярко проличава при честванията на 100-годишнината на Независимостта през 2008 г., които по своята тържественост и размах могат да се сравняват само с първите чествания от времето на цар Фердинанд. Но също както тогава, или както при възстановяването на празника през 1998 г. от правителството на ОДС, опозицията използва събитието, за да открие активния политически сезон. И сякаш по традиция основният лозунг пак е същият – корупцията на управляващите и борбата срещу нея.

* * *

Може да се каже, че по отношение на Българския национален календар *преходът* вече е завършил, с едно изключение. Официалните празници, които се честват днес, в голяма степен отговарят на историческата традиция от епохата преди Втората световна война и се радват на обществен консенсус. Това са: 1 януари – Нова година, 3 март – Ден на Освобождението на България от османско иго – национален празник, 1 май – Ден на труда и на международната работническа солидарност, 24 май – Ден на българската просвета и култура и на славянската писменост, 6 септември – Ден на Съединението, 22 септември – Ден на Независимостта на България, 1 ноември – Ден на народните будители – неприсъствен за всички учебни заведения, 24 декември – Бъдни вечер, 25 и 26 декември – Рождество Христово (Коледа), Великден (Разпети петък, Страстна събота и Рождество Христово) – според църковния календар на подвижните им дати през пролетта. Изключението е тъкмо националният празник – Трети март.

На 22 януари 2012 г. с избора на нов държавен глава – президента Росен Плевнелиев – се откри и нов период в честването на националния празник на Република България. Още в първото си слово по този повод, след тържествената заря-проверка пред Народното събрание в София държавният глава не спомена Русия в контекста на историческата си ретроспектива. В навечерието на празника през 2013 г., точно когато скулптурната композиция от Паметника на Цар Освободител беше временно вдигната за реставрация, депутат от Синята коалиция (поредното превъплъщение на изворното СДС) внесе предложение в Народното събрание за неговото окончателно демонтиране и заместване с паметник на хан Крум. Изобщо през мандата на президента Плевнелиев стихналата дотогава дискусия „за“ и „против“ Трети март, Деня на Освобождението, се разгоря с нова сила. Допълнителна енергия и страст очевидно вля и хибридната война, която стана актуална в България след анексията на Крим и събитията в Източна Украйна.

Мнението на политическите елити обаче сякаш не се споделя от обикновените хора. За това свидетелстват хилядите софиянци, които на 3 март 2016 г. се преклониха пред реликвите на Освобождението в Националния исторически музей и Националния военноисторически музей в столицата, над стоте хиляди българи от цялата страна, които се изкачиха на Шипка, и многолюдните спонтанни прояви из цялата страна. Съмнение няма – това е знамение, че националният празник и занапред ще продължава да привлича чувствата на хората, независимо дали ще бъдат чувства на признателност или отричане, на симпатия или антипатия, на любов или омраза. Очевидно българският народ още търси своята истинска душа...

¹ Държавен вестник. – 1882. – № 130. – 13 ноември.

² Пак там. – 1884. – № 17. – 18 февр.

³ Елдьоров С. Денят на Независимостта в Българския национален календар // Независимостта на България, 1908 – София, 2010. – С. 443–446.

⁴ Кирил, Патриарх Български. Българската екзархия в Одринско и Македония след Освободителната война (1877–1878). – Т. 1 (1878–1885). – Кн. 2. – София, 1970. – С. 90–108.

⁵ Марица. – 1885. – № 709. – 26 апр.; Съединението 1885. Спомени. – София, 1985. – С. 230.

⁶ Марица. – 1885. – № 710. – 30 апр.

- ⁷ Съединението 1885. Спомени. – София, 1985. – С. 51.
- ⁸ Част на Съединението удари. Българският печат и Съединението. – София, 1985. – С. 218–221.
- ⁹ Марица. – 1985. – № 734. – 26 юли.
- ¹⁰ *Елдъров С.* Празникът като единство: Непознатата история на Българското съединение от 1885 г. // Обществото на знанието и хуманизма. – Т. 8. – София, 2010. – С. 321–328.
- ¹¹ Държавен вестник. – 1888. – № 4. – 12 ян.
- ¹² Народни права. – 1889. – № 107. – 22 февр.
- ¹³ Мир. – 1898. – № 500. – 21 февр.
- ¹⁴ Пряпорец. – 1899. – № 66. – 21 февр.
- ¹⁵ Държавен вестник. – 1895. – № 82. – 18 апр.
- ¹⁶ Закон за празничните дни в Княжеството. – София, 1900.
- ¹⁷ *Симеонова Г.* Проблеми на Кирило-Методиевата празничност. – Т. 1. – София, 1993; Т. 2. – София, 2007.
- ¹⁸ *Сялянов Х.* Освободителните борби на Македония. – Т. 1. – София, 1983. – С. 163.
- ¹⁹ *Елдъров С.* Борбите за национално освобождение, обединение и независимост в огледалото на Българския национален календар // Дупница и Дупнишко в борбите за национално освобождение, обединение и независимост. – Дупница, 2009. – С. 21–35.
- ²⁰ България. – 1903. – № 600 – 18 февр.
- ²¹ Дневник. – 1908. – № 2003. – 18 февр.; № 2004. – 19 февр.
- ²² Ден. – 1909. – № 1970. – 22 септ.
- ²³ Пак там. – 1909. – № 1971. – 23 септ.; № 1972. – 24 септ.
- ²⁴ Пак там. – 1910. – № 2309. – 7 септ.
- ²⁵ *Елдъров С.* Денят на Независимостта... – С. 443–446.
- ²⁶ Закон за празниците и неделната почивка. – София, 1911.
- ²⁷ *Елдъров С.* Празникът на победите – 27 ноември. Непознатата история на бойния празник на Българската армия // Военноисторически сборник. – 2004. – № 4. – С. 3–7.
- ²⁸ Централен държавен архив (ЦДА), ф. 791 К, оп. 1, а.е. 24, л. 291–292.
- ²⁹ Заповеди по Действующата армия. – Кюстендил, 1915. – № 85. – 15 ноем.
- ³⁰ Военни известия. – 1915. – № 145. – 16 ноем.
- ³¹ Храм-паметник „Св. Александър Невски“. – София, 1924. – С. 36–38.
- ³² *Елдъров С.* Българи, България, български съдби. – София, 2010. – С. 113–124.
- ³³ *Елдъров С.* Денят на Независимостта... – С. 475.
- ³⁴ Народна отбрана. – 1926. – № 1277. – 6 май.
- ³⁵ Дневник. – 1922. – № 125. – 7 март.
- ³⁶ *Шшиманов И.* Дневник 1879–1927. – София, 2003. – С. 307.
- ³⁷ Демократически сговор. – 1924. – № 125. – 4 март.
- ³⁸ Празникът на Освобождението по страниците на българските вестници 1885–1944. – София, 2008.
- ³⁹ Държавен вестник. – 1923. – № 267. – 28 февр.
- ⁴⁰ Работническо дело. – 1945. – № 313. – 22 септ.
- ⁴¹ Пак там. – 1945. – № 314. – 24 септ.
- ⁴² Отечествен фронт. – 1950. – № 1652. – 5 ян.
- ⁴³ Работническо дело. – 1988. – № 245. – 1 септ.
- ⁴⁴ Пак там. – 1950. – № 54. – 23 февр.; № 55. – 24 февр.; 1952. – № 49. – 18 февр.; № 54. – 23 февр.
- ⁴⁵ Пак там. – 1952. – № 64. – 4 март; 1953. – № 62. – 3 март.
- ⁴⁶ Пак там. – 1958. – № 60. – 1 март; № 61. – 2 март; № 62. – 3 март; № 63. – 4 март.
- ⁴⁷ Пак там. – 1958. – № 62. – 3 март.
- ⁴⁸ Пак там. – 1990. – № 59. – 28 февр.
- ⁴⁹ Пак там. – 1990. – № 63. – 4 март.
- ⁵⁰ Демокрация. – 1991. – № 52 (318). – 2 март.
- ⁵¹ Пак там. – 1993. – № 51 (937). – 4 март; № 53 (939). – 6 март; 1994. – № 51 (1243). – 2 март; № 52 (1244). – 5 март; 1995. – № 52. – 2 март; № 53. – 4 март.
- ⁵² Демокрация. – 1997. – № 59 (2165). – 2 март.
- ⁵³ Дума. – 1997. – № 51. – 3 март.
- ⁵⁴ Демокрация. – 1998. – № 57 (2514). – 4 март; № 58 (2826). – 4 март; 2000. – № 60 (3206). – 3 март; Дума. – 1998. – № 49. – 4 март; 2001. – № 53. – 5 март.
- ⁵⁵ *Елдъров С.* Денят на Независимостта... – С. 461–462.
- ⁵⁶ Демокрация. – 2002. – № 244. – 22 септ.
- ⁵⁷ Дума. – 2003. – № 223. – 25 септ.
- ⁵⁸ Пак там. – 2002. – № 52. – 4 март.
- ⁵⁹ Пак там. – 2003. – № 51. – 3 март.
- ⁶⁰ Пак там. – 2003. – № 52. – 4 март.

ПРАВОСЛАВНИТЕ ЦЪРКВИ И НАЦИОНАЛНАТА ИДЕНТИЧНОСТ НА ГЪРЦИТЕ И БЪЛГАРИТЕ В ОСМАНСКАТА ИМПЕРИЯ НА ГРАНИЦАТА МЕЖДУ XIX И XX ВЕК

3. Първанова

Първанова З. Православните църкви и националната идентичност на гърците и българите в Османската империя на границата между XIX и XX век. Студията разглежда ролята на православните църкви в националноконсолидационните процеси сред гръцкото и българското население в Османската империя от края на XIX в. до навечерието на Балканските войни. Въпреки противоречивите оценки за политиката на Цариградската патриаршия, за разлика от бесспорно националния характер на Българската екзархия, тя се оказва устойчив елемент в „променливите граници“ на гръцкия национализъм. Патриаршията е неизбежно засегната от процесите на национална идентификация, а самото ѝ съществуване подхранва сред елита на териториално разпръснатите, но икономически и културно доминиращи гръцки общности в империята „наслагването“ на националната върху екуменическата идея. Гръцко-българският църковен конфликт се вмества в териториалната и идеологическата рамка на националното противопоставяне, в което българското разбиране за езиковите критерии се сблъсква с гръцката теза за „елинизма като дух и цивилизация“ и принадлежността към патриаршисткото паство – като белег за национална идентичност. Секуларизмът на младотурския проект и стремежът на Комитета „Единство и прогрес“ за инкорпориране на немюсюлманските общности в единна османска нация формират нова конфликтна линия, която обективно поставя Гръцката патриаршия и Българската екзархия от една и съща страна „на барикадата“ след 1908 г. Макар и свързани в генезиса си с остарялата миллетска система, двете православни църкви са важен фактор в процесите на консолидация на основата на модерния етнокултурен национализъм, който се оказва непреодолимо препятствие пред османисткия експеримент на младотурския режим.

Ключови думи: Цариградска патриаршия; Българска екзархия; етнокултурен национализъм; младотурски османизъм.

Парванова З. Православные церкви и национальная идентичность греков и болгар в Османской империи на рубеже XIX и XX веков. В статье рассматривается роль православных церквей в процессах национальной консолидации среди греческого и болгарского населения Османской империи с конца XIX века до кануна Балканских войн. Несмотря на противоречивые оценки политики Константинопольской Патриархии, в отличие от бесспорного национального характера Болгарской Экзархии, она является устойчивым элементом в «переменных пределах» греческого национализма. Процессы национальной идентификации не могут не затронуть Патриархию, а само ее существование способствует «наложению» национальной идеи на екуменическую среди элиты территориально рассеянных, но экономически и культурно доминирующих греческих общин. Греко-болгарский церковный конфликт вписывается в территориальные и идеологические рамки национальной конфронтации, при котором болгарское понимание критериев языка сталкивается с греческим тезисом об эллинизме «как духе и цивилизации» и о принадлежности к патриаршеской конгрегации – как признака национальной идентичности. Секуляризм проекта младотурок и стремление Комитета «Единство и прогресс» к включению немусульманских сообществ в единую османскую нацию формирует новую линию конфликта, которая объективно ставит Греческую Патриархию и Болгарскую Экзархию по одну сторону «баррикады» после 1908 года. Хотя и связаны по происхождению с устаревшей миллетской системой, две православные церкви являются важным фактором в процессах консолидации на основе современного этнокультурного национализма, который оказался непреодолимым препятствием османистскому эксперименту режима младотурок.

Ключевые слова: Константинопольская Патриархия; Болгарская Экзархия; этнокультурный национализм; младотурецкий османизм.

Parvanova Z. The Orthodox Churches and the National Identity of the Greeks and the Bulgarians in the Ottoman Empire at the turn of the 19th century and beginning of the 20th century. The article examines the role of the Orthodox churches in the national consolidation processes among the Greek and the Bulgarian population in the Ottoman Empire from the late 19 century to the eve of the Balkan Wars. Despite of the contradictory assessments of the policy of the Ecumenical church, unlike the indisputably national character of the Bulgarian Exarchate, it proved to be a stable element in the “variable dimensions” of Greek nationalism. The Patriarchate was inevitably affected by the processes of national identification, whilst it

fostered the interweaving of the national and the ecumenical idea among the elite of the territorial scattered but economically and culturally dominant Greek communities in the Empire. The Greek-Bulgarian church conflict fit into the territorial and the ideological frameworks of the national confrontation in which the Bulgarian understanding of the linguistic criteria for nationality collided with the Greek thesis of Hellenism as a “spirit and civilization” and the belonging to the Patriarchate’s flock – as a sign of national identity. The secularism of the Young Turks’ project and their ambition to incorporate non-Muslims into a unified Ottoman nation created a new line of conflict that put the Patriarchate and the Exarchate on the same side of “the barricade” after 1908. Although related in their genesis to the outdated system of millets, both churches were important factors in the processes of consolidation on the basis of modern ethno-cultural nationalism, which proved to be an insurmountable obstacle for the Young Turks’ Ottomanism.

Keywords: Ecumenical Patriarchate; Bulgarian Exarchate; ethno-cultural nationalism; Young Turks’ ottomanism.

Доколкото стремежът към политическа еманципация, териториално отделяне от Османската империя и създаване на модерни национални държави е движещата сила на освободителните движения през XIX в., националните идеологии до голяма степен се развиват под знака на секуларизма. Църковните институции обаче са неизбежно въввлечени в процесите на социално-политически трансформации поради вековната традиция на миллетската система, която налага религиозната принадлежност като основна форма на идентификация в империята, и етнокултурния характер на национализма в югоизточната част на Европа. Всички опити за модернизация на османската административна и политическа система от периода на Танзимата до Втория конституционен режим практически възпроизвеждат съществуващата форма на организация чрез религиозните общности. С ролята си на посредник между тези общности и османските власти и с правомощията си в сферата на юрисдикцията, образованието и семейните въпроси църковната институция определя рамката на възможностите за социално участие на техните членове. В този смисъл легитимацията на новите национални идентичности и тяхната консолидация на основата на езика и културата неизбежно се обвързва с правото на самостоятелна национална църква. Фрагментацията на православния миллет в империята под натиска на етнонационализма естествено подкопава властовите позиции на Цариградската патриаршия и провокира поредица от църковни конфликти, най-яростният от които е този с Българската екзархия.

За разлика от безспорно националния характер на Екзархията, с фермана, с чието учредяване през 1870 г. българите в империята са признати като отделна общност, отношението на Патриаршията към гръцката национална идеология е предмет на противоречиви оценки¹. Политическият рефлекс от неколковековния духовен монопол върху един от най-големите сегменти на османското общество обяснява тясната обвързаност на Патриаршията с преднационалните реалности, олицетворявани от миллетската система. Заклеймяването на етнофилетизма във връзка с обявяването на Българската екзархия за схизматична през 1872 г. се вписва в интерпретацията на патриаршистката политика като проява на хегемонистични аспирации, белязани от панправославието. От друга страна обаче, гръцкото етническо доминиране в църковната йерархия и налагането на гръцкия език като основен просветно-образователен инструмент на православните християни в прехода към модерната епоха обуславят неизбежните взаимовлияния между екуменизма на Цариградската патриаршия и гръцкия национализъм. Неслучайно в историографски план въпросът за идентичността на гръцкото православно население в империята се преплита тясно с този за ролята на патриаршистката църква, оценките за която варират от предмодерен анахронизъм и отрицание на модерната национална идея до изразител на основна стратегическа линия в гръцкия национализъм². Валидността на аргументите в едната или в другата посока произтича от сложния идейно-политически профил на Патриаршията като османска институция, носител на средновековната православна традиция, но с ясно изразен етнически облик на висшия клир, който през националистическия XIX в. превръща термина „рум миллет“ в синоним на гръцки³. С други думи, Гръцката патриаршия е неизбежно засегната от процесите на национална идентификация, а самото ѝ съществуване от своя страна подхранва сред елита на териториално разпръснатите, но икономически и културно доминиращи гръцки общности в империята, „наслагането“ на националната върху екуменическата идея⁴.

Спорният въпрос около „елинизацията“ на патриаршистката политика до голяма степен е персонифициран, доколкото възгледите и позициите на патриарх Йоаким III (1878–1883, 1901–1912) са в центъра на твърде противоречивите интерпретации както на неговите съвременници, така и на изследователите на проблема. Един от главните идеолози на гръцкия национализъм, Йон Драгумис, в навечерието на Младотурския преврат определя патриарха като „един от първите гърци на своето време“, който обаче „не може да се идентифицира с елинизма, освен колкото е необходимо, за да остане патриарх“⁵. Проруската ориентация, нееднозначното отношение към българската схизма и усилията да съхрани независимостта на Гръцката патриаршия от Атина действително създават усещането за приоритетност на православната пред националната кауза в политиката на Йоаким III, който обаче не оставя никакво съмнение, че смята екуменизъмът за най-силното оръжие на гръцките интереси⁶. Тази двойственост, доколкото съществува такава, в позициите на Патриаршията е видна само в Цариград. Един поглед откъм европейските вилаети на империята решава въпроса категорично в полза на национализма. Постепенното разчупване на църковния монопол чрез все по-активното до доминантно влияние на гръцките правителства в културно-образователната политика на Патриаршията през 80-те години на XIX в. естествено довежда в началото на XX в. до пълна симбиоза в стратегическия и тактическия им арсенал в Европейска Турция и преди всичко в Македония. „Мутуализъмът“, т.е. взаимните изгоди на страните в тази симбиоза, покълва и избуява преди всичко върху почвата на антибългаризма, който достига апогея си в периода след Илинденско-Преображенското въстание и превръща в своя главна не само институционална, но и физическа мишена екзархийските структури, кадри и паство⁷.

Екзархията от своя страна е свързана с българската държава, чиято конституция нормативно утвърждава не само църковно-религиозното ѝ върховенство в Княжеството, но и ролята ѝ на духовен обединител на разделената българска нация. С политическата и финансовата подкрепа на българските правителства Екзарх Йосиф успява да реши поетапно редица проблеми, свързани с институционалното ѝ укрепване по места и да разгърне образователна дейност, която до 1903 г. отбелязва сериозни успехи в Европейска Турция⁸. Екзархията обаче не само запазва до голяма степен своята независимост по отношение на Княжеството, но се налага и като самостоятелен фактор в българската национална политика. Още в разгара на българската съпротива срещу решенията на Берлинския конгрес Екзарх Йосиф обосновава една линия на поведение в съответствие с Берлинския договор за съхраняване и разширяване на църковно-училищната автономия на българите в империята като предпоставка за политическата им еманципация и национална консолидация⁹. Малко по-късно българските правителства приемат и следват тази програма до средата на 90-те години, когато в официалната им политика на преден план излиза искането за политическа автономия на Македония и Одринска Тракия под влияние на македоно-одринското движение в Княжеството като основен идеен генератор на българската национална доктрина. Екзархията от своя страна последователно се придържа към културно-просветните си приоритети, а Екзарх Йосиф остава крайно скептичен към революционните методи, донесли според него само разруха на мирното население, без реална перспектива да доведат до желаната от всички българи политическа автономия на двете области.

Зад църковно-каноничната фасада истинският сблъсък между Българската екзархия и Гръцката патриаршия е на полето на образованието. По времето, когато Екзарх Йосиф определя формирането на национална интелигенция като жизненоважна задача на българския етнос в империята, патриарх Йоаким съзира в българските училища много по-сериозна опасност за гръцкото влияние от тази, която Екзархията представлява сама по себе си¹⁰. Вселенският църковен глава е убеден, че единствено редуцирането на екзархийското ведомство в границите на българската държава ще гарантира интересите на Патриаршията и елинската кауза, а не схизмата, която прозорливо оценява като грешка в дългосрочна перспектива. Екзарх Йосиф лаконично, но ясно очертава позицията на Йоаким III, който, въпреки че „държи на Екзархията като православна, силно отхвърля прилагането на фермана в Тракия и Македония“¹¹.

Без съмнение съхраняването на институционалния авторитет и духовното лидерство в православния свят е от първостепенна важност за Патриаршията, чиято стратегия оба-

че на границата между XIX и XX в. се крепи изцяло на гръцкия фундамент в социален, икономически и политически аспект. Църковният конфликт се вмества в териториалната и идеолгическата рамка на българо-гръцкото противопоставяне, в което българското разбиране за етническите и езиковите параметри на националната общност се сблъсква с гръцката теза за „елинизма като дух и цивилизация“ извън етническия произход и езика, а принадлежността към патриаршисткото ведомство се разглежда като външен белег на национална идентичност. В този смисъл Патриаршията обективно се оказва устойчив елемент в „променливите граници“ на гръцкия национализъм, независимо дали каузата на елинизма се свързва с обединителната мисия на Гърция, или с креативната сила на османските гърци за изграждането на една Източна империя¹².

За османските власти конфликтът между Патриаршията и Екзархията е църковен спор между гърци и българи вътре в православната общност, който Високата порта умело използва като манипулативен инструмент за конюнктурните си политически цели в течение на няколко десетилетия. По правило султанското правителство демонстрира благоразположение към прилагането на фермана за Екзархията (напр. издаване на берати за български владци) в периоди на напрежение в отношенията с Гърция или със самата Патриаршия. С разрастването на българското революционно движение в Македония и Тракия патриаршистките митрополити, тясно свързани със създадената от Атина антибългарска въоръжена организация, намират съюзник в лицето на местните власти. С появата и развитието на османистката идея обаче се очертава нова конфликтна линия, симптом за принципна промяна в политиката на Цариград по въпроса за културно-националната автономия, институционализирана чрез т.нар. привилегии (*imtiyazlar, прѳνόμια*) на православната църква. Точно тези правомощия и особено уреденото с фермана от 1856 г. право на религиозните общности на собствено образование дават повод на Младите османи от 60-те и 70-те години на XIX век да критикуват реформите на Танзимата като задълбочаващи дезинтеграцията на османското общество¹³.

Известни опити за налагане на държавен контрол върху образователната система на направени още през 1860-те години, но остават само „на хартия“ в нормативните актове за въвеждане на турски език в средните училища и за одобряване на учителите и светските учебни програми от османското правителство. При цялата им хибридность и непосредственост реформите все пак провокират известни промени в статута и вътрешната структура на Цариградската патриаршия. Възприемането ѝ като османска институция, чрез която на практика се реализира някакво православно представителство в имперската администрация, вкарва светски елемент в църковното управление с учредяването на т.нар. Смесен съвет¹⁴. Цялата противоречивост на процесите през този период подхранва увереността на гръцките патриарси, че лидерската им позиция (*εθνάρχης*) сред православния миллет е потвърдена в крайна сметка.

Първите конфликти между османското правителство и Гръцката патриаршия по „въпроса за привилегиите“ датират от 80-те години, когато авторитарният режим на султан Абдул-Хамид II поставя реформаторското законодателство на Танзимата в услуга на своята централизаторска и ислямистка политика. Опитите на султанското правителство да ликвидира правомощията на православната църква в сферата на юрисдикцията в полза на кадийските и новосъздадените граждански съдилища, да въведе рестрикции при изграждането на църковни и училищни сгради и да приложи Регламентата за общото образование от 1869 г. срещат твърдия отпор на Вселенската църква¹⁵. На този етап „въпросът за привилегиите“ засяга само Патриаршията, която съзира в намеренията на османските власти посегателство върху специалния ѝ статут в империята и в православния свят. Впечатлението, че на прицел са именно нейните властови позиции се потвърждава от определянето на проблема като единствено „гръцки“ от великия везир Саид паша, както и от факта, че по същото време Високата порта удовлетворява част от исканията на Българската екзархия¹⁶. Балансирането на султанската политика към двете православни църкви на „принципа на скачените съдове“ отразява по-скоро динамиката на взаимоотношенията с Гърция и България и една тактика за конюнктурна употреба на националните противоречия, отколкото някаква последователна позиция по въпроса за културно-националната автономия в империята. След 1908 г. обаче налагането на младотурската политическа платформа (на Комитета „Единство и прогрес“), в която османистката обединителна идея се обвързва с

принципите на държавоцентризма и секуларизма, открива нови перспективи пред старите реформи и създава качествено различна идейно-политическа конфигурация.

Възстановяването на конституционно-парламентарното управление през юли 1908 г. заварва Гръцката патриаршия и Българската екзархия в разгара на ожесточен конфликт. Няколко месеца по-рано преместването на екзархийското седалище в цариградския район Шишли дава формален повод на патриарх Йоаким да поднови постъпките си пред султана за отстраняване на Екзархията от османската столица или поне за промяна в облеклото на екзархийския клир като външен израз на схизматичния ѝ характер. Кампанията, подкрепена от гръцките общини, е съпроводена със заплахи за свикване на Вселенския събор¹⁷. Султанското правителство влиза в обичайната си роля, като използва поредното разгаряне на конфликта, за да подбие позициите и на двете страни. Докато великият везир обещава да подкрепи българската църква пред султана, „повлиян“, по думите му, от гръцките оплаквания, Министерството на правосъдието и изповеданията притиска Екзархията да премести резиденцията под претекст, че параклисът ѝ се намира в близост до джамията на болницата „Хамидие“. Едва ли е случайно съвпадение, че тези събития са предшествани от поредното активизиране на европейската реформена програма за Македония и натиска на Високата порта върху Патриаршията да ограничи връзките на своите митрополии с гръцките въоръжени структури в европейските вилаети. Активната роля на патриаршисткия клир в гръцката „македонска борба“ се потвърждава от факта, че в усилията си да омиротвори европейските вилаети и да обедини враждуващите лагери в името на конституционализма Младотурският комитет търси контакт, от една страна, с българските революционни комитети, а от друга – с гръцките митрополити.

Патриаршията обаче оценява младотурската доктрина като заплаха за традиционните ѝ привилегии и за каузата на елинизма, поради което инструктира гръцките общини да се въздържат от каквато и да е подкрепа за „Единство и прогрес“¹⁸. Впрочем указанията на атинското правителство към консулите му в европейските вилаети по това време са в същия дух – гърците да останат лоялни поданици на султана. Тясното сътрудничество на гръцката въоръжена организация със султанския режим и циркулиращите слухове за ангажимента на патриаршистките митрополити да насочват властите по следите на младотурските комитети довежда антигръцките настроения в „Единство и прогрес“ до крайност¹⁹. „Меморандум“ на Младотурския комитет в Битоля до гръцкия владика Емилианос няколко дни преди преврата звучи повече от заплашително: „тайните съвещания между Йълдъза и Патриаршията“ и „илюзията на елинизма“ водят македонските гърци по гибелен път, който заплашва и далеч по-многобройните им сънародници в Анадола²⁰.

Йоаким III запазва крайно негативното си отношение към „Единство и прогрес“ и след юли 1908 г., когато Атина официално декларира подкрепата си за новия режим и предприема стъпки за постигане на съюз с Цариград. По повод визитата на лидера на гръцката опозиция Д. Ралис в европейските вилаети, която трябва да демонстрира единството на гръцката позиция към новото управление, патриархът категорично отстоява мнението си, че младотурската програма е заплаха за привилегиите на неговата църква и за елинизма като цяло²¹. Самият Ралис се връща в Атина твърде смутен след обиколката си в Македония, по време на която влиятелният член на Младотурския комитет в Солун Рахми паша директно го предупреждава, че патриаршистките привилегии са несъвместими с принципите на конституционния режим. Публичните изявления на гръцките митрополити при посрещането на гръцката делегация става повод за официален протест на турския посланик в Атина, с който в ултимативна форма се настоява „Патриаршията да престане да се възприема като огнище на елинизма“, защото гърците в империята са османски поданици. В същото време младотурският орган *Иттихат ве Теракки* определя гръцките митрополити като „развълнуващи на революционни интриги“ и подчертава, че гръцките консули трябва да спрат да се намесват в училищната политика на империята, където образованието в новите условия ще се развива под контрола и в интерес на османската държава²².

Въпреки че е принуден да признае липсата на алтернатива за гърците, освен да демонстрират лоялност към новия режим, Йоаким III и близките до Патриаршията среди не крият предпочитанията си към конституционалисткото либерално крило на принц Сабахеддин, заради отстоявания от него принцип за децентрализирано управление и неедно-

кратните му декларации в полза на патриаршистките привилегии²³. Противно на уверенията на Д. Ралис по време на визитата му в Македония, че сънародниците му в империята единодушно подкрепят „Единство и прогрес“, цариградските гърци гласуват за листата на либералите в парламентарните избори. Дисонансът между възторжения тон на гръцките вестници в Солун по повод възстановяването на конституцията и въздържаната реакция на полуофициозния орган на Патриаршията *Екклесиастики Алитиа*, който все по-остро изразява опасения от претопяване на нетурските националности, засилва усещането за разнობой в гръцките позиции²⁴. Планираните протестни демонстрации срещу поведението на патриарха и издигнатите искания за църковни реформи всъщност са проявление на растящите вътрешни противоречия между църковния и светския елит на гръцките православни общности. Спорният въпрос за политическата тактика в новата обстановка действително активизира опозицията срещу управлението на Йоаким III, но не накърнява монолитното разбиране на гърците за приоритното значение на църковните привилегии като признание и гаранция за националната им идентичност. Нещо повече, на този етап лидерската роля на Патриаршията като „национален център“ и „вековен пазител на националните права“ (в. *Isopolitia*) е потвърдена²⁵. Преговорите с Младотурския комитет в Солун след преврата се водят от представители, неофициално номинирани от митрополит Александрос, а избраните с листата на „Единство и прогрес“ гръцки депутати от града са препоръчани от самия патриарх, което илюстрира не само неговото влияние, но и гъвкавата му политика²⁶. Като цяло обаче позицията на Патриаршията рефлектира върху поведението на гърците в Европейска Турция, които остават крайно дистанцирани от всички опити за обединение на различните общности на основата на младотурската програма за реформи. След двумесечни преговори главно условие на гърците да подкрепят тази програма остава запазването на прономията, която се превръща в непреодолима бариера и предопределя все по-нарастващото напрежение в отношенията им с „Единство и прогрес“.

Доколкото българската революционна организация е във фокуса на младотурските миротворчески усилия и опити за приобщаване на различните националности към конституционните реформи, Екзархията като че ли остава малко встрани от динамиката на процесите. Позицията ѝ за първи път се появява през август 1908 г. в циркулярно писмо на Пелагонийския митрополит Авксентий (векил на църковния глава по време на продължителното му боледуване) до църковните общини, което прогнозира, че „османистката държавна доктрина“ неизбежно ще се сблъска с националните възжелания на християните в империята²⁷. Отношението на Екзарха към новия режим се изяснява през следващите месеци в разговорите му с български държавници, чужди дипломати и революционни дейци, както и по повод на конкретни събития. Той е силно резервиран към номинирането на Авксентий за член на Османския сенат поради убеждението си, че ролята на българската църква и целите на новия режим обективно се разминават: „Екзархията ще има да води борба за българската народност, а като сенатор ще трябва да искаше това, що иска правителството“²⁸. Църковният глава звучи още по-скептично през лятото на 1909 г. по време на срещите си в София с цар Фердинанд, пред когото споделя своите опасения, че „за българите може да стане още по-зле“. Единствената му надежда е добрите отношения на България с Турция да позволят уреждането на нерешения статут на българската църковна институция в Цариград и да гарантират условия за реализация на българската интелигенция в империята и за подобряване положението на селяните.

Българското правителство от своя страна има очакването Екзархията като „върховно народно учреждение“ да бъде решаващ фактор за консолидирането и активното участие на българите в обществено-политическия живот, включително и с оглед на парламентарните избори²⁹. Само няколко дни след прокламирането на конституционното управление външният министър С. Паприков препоръчва на българския посланик в Цариград да обсъди с митрополит Авксентий тези въпроси. От проведените разговори става ясно, че въпреки общото недоверие към младотурците, екзархийското ръководство споделя мнението за необходимостта да се използват възможностите на парламентарния режим, което предполага и предизборен съюз с „Единство и прогрес“. Пелагонийският и Струмишкият митрополит заявяват намерението си да работят активно не само за решаването на висещите църковни и училищни въпроси, но и за преодоляване на разделението между „еволуционисти и революционери“ като важна предпоставка за издигането на общи кандидати на българската

общност и подобаващото ѝ представяне в Османския парламент. Настойчиво се иска правителството в София да съдейства за връщането на емигриралите в Княжеството интелегентни македонски и тракийски българи (учители, лекари, адвокати), които да влеят нови сили на обезкръвената българска нация в империята³⁰.

Независимо че въпросът за областното самоуправление като модификация на искането за политическа автономия остава централен за Вътрешната революционна организация след Младотурския преврат, програмните документи и на двете крила поставят един от основните акценти върху националните църковно-училищни права. В хода на преговорите с „Единство и прогрес“, а по-късно и в устава на Съюза на българските конституционни клубове „десницата“ последователно отстоява виждането, че религиозните общини трябва да запазят „непокътнати своите права и привилегии“, включително в културно-образователната сфера³¹. Силно повлияна от левите политически възгледи на своите идеолози, групата на „санданистите“ издига принципа за отделяне на църквата от държавата и за управление на основните и средните училища (с обучение на матерен език) от областни учебни съвети, избирани „от нацията“. Резолюциите на Учредителния конгрес на Народната федеративна партия (Българска секция) изясняват отношението към Екзархията, която „от един национален институт ... се е превърнала в институт за разпространяване влиянието на българския монархизъм“. От същия документ обаче става ясно, че предлаганите реформи предвиждат демократизиране избора на Мирския съвет и пълно отделяне на училищния от духовния отдел, но фактически не поставят под въпрос правомощията на Екзархията като институционална рамка на културно-националната автономия³². Това разбиране се потвърждава и от личните контакти на Яне Сандански и Христо Чернопеев с Екзарх Йосиф. Църковният глава не споделя оптимизма им за по-добрите перспективи на българското население при новия режим, но безусловно подкрепя техните идеи да обединят усилията си за създаване на условия за реализация на българската интелигенция в империята и за оземляване на чифлигарите³³. Тези два въпроса присъстват неотменно в изложенията му пред османското правителство до Балканските войни.

Това, което обективно обединява гръцкия патриарх и българския екзарх след Младотурския преврат, е ясната преценка за принципната промяна в политиката на новия режим по въпроса за културно-националната автономия на немюсюлманското население в империята. Програмните документи на Централния Младотурски комитет в Солун от август 1908 г. и на новото правителство на Кямил паша са недвусмислена заявка за ограничаване на общностните права, произтичащи от статута на църковните институции, до чисто религиозните им измерения. Въпреки персоналните критики към Йоаким III заради враждебното му отношение към „Единство и прогрес“ както от страна на атинските вестници, така и от средите на православната гръцка общност, запазването на привилегирования статут на вселенската църква мобилизира усилията на гърците от двете страни на границата. В политическата програма на Цариградската организация, създадена от Йон Драгумис и А. Сулиотис-Николаидис през 1907 г., след преврата „привилегиите на Патриаршията“ излизат на преден план като гаранция за оцеляването на елинския етнос в империята. В този смисъл образованието се разглежда като право на националната общност, а не на отделните османски граждани³⁴. В Меморандума на гръцката община в Солун в отговор на поканата на Младотурския комитет към различните национални организации да представят своите предложения за реформи в империята акцентът е поставен върху църковно-училищната автономия в рамките на „цялата юрисдикция на Вселенската Патриаршия“³⁵.

Гръцкото правителство, което полага много усилия да утвърди съюзническите си отношения с новия режим в Цариград, също дава да се разбере, че няма да направи компромис за сметка на патриаршистките привилегии, „уважавани от османските власти в течение на четири века“. В първите месеци след преврата обаче този въпрос е поставян повече в контекста на „българската заплаха“, отколкото на младотурската политика. Гръцкият посланик в Берлин изразява съмнение, че османските власти наистина ще посегнат върху вековните права на Патриаршията, но е силно загрижен заради „превземането на гръцките църкви от екзархистите“³⁶. Всъщност единствените упреци в гръцката преса към „Единство и прогрес“ са за пасивното отношение към гръцко-българския църковен спор, в сянката на който остават почти незабелязани дори протестите на гръцките общини в империята срещу закононарушенията и манипулациите на младотурците по време на пар-

ламентарните избори през 1908 г.³⁷ На този етап стереотипното разбиране за „българската заплаха“ практически свежда въпроса за статута на Цариградската патриаршия до проблема за спорните църкви и училища, който след Младотурския преврат се изостря не само в резултат от новата динамика на процесите, но и поради намерението на Високата порта да го реши законодателно.

Искането на Патриаршията да бъде потвърдена собствеността ѝ върху всички църковни и училищни имоти към датата на фермана за учредяване на Екзархията разгаря конфликта между двете църкви и обсебва вниманието на гръцките и българските депутати в Османския парламент. Обстояният такрир на митрополит Авксентий от 5 февруари 1909 г. аргументира острата реакция на Екзархията срещу това искане с конституционното право на българите да си служат със своя език в църквите и училищата, което Патриаршията драстично нарушава³⁸. Макар да отхвърля гръцкото искане за узаконяване на статуквото от 1870 г., нещо, което едва ли изглежда реалистично дори за Патриаршията, проектът решава въпроса за фактически спорните църкви и училища в нейна полза. Българските очаквания, че законът ще защити правата на „населението, което ги е правило“, а не на „духовното началство, ходатайствало пред властите за нужния ферман“, са попарени. В специален такрир до великия везир митрополит Авксентий категорично отхвърля мотивите за историческите предимства на Цариградската патриаршия с три аргумента: със създаването на Екзархията българите са възстановили старата си независима църква, за да съхранят езика и народността си; никога не са се отказвали от православната вяра; терминът ‘рум’ в султанските актове не е равнозначен на „гръцки“³⁹.

Острите дебати в парламентарната зала опровергават впечатлението на някои чужди дипломати за чисто материалните измерения на гръцко-българския църковен спор. Основният аргумент на гръцките парламентаристи срещу прибързаното по думите им гласуване на новата редакция на закона е, че неговото прилагане ще укрепи националните позиции на българите, които са заплаха за османската държава⁴⁰. Всъщност мотивите за вкарването на проекта буквално в последното заседание на парламентарната сесия през август 1909 г. най-малко са свързани с усилията на младотурското правителство да реши принципно конфликта между две страни, еднакво враждебни към османистката им кауза. Законодателното решение на проблема за спорните църкви и училища представлява интерес за османските власти единствено с оглед прокарването на свързания с него т.нар. Закон за четите. Под претекст, че националното противоборство вътре в православната общност е причина за всички форми на конспиративна дейност в Македония, Високата порта използва църковния спор, за да легитимира последвалата репресивна кампания за обезоръжаване на населението и за елиминиране на кадрите на бившите революционни структури.

След почти едногодишно отлагане Законът за спорните църкви и училища е гласуван окончателно от парламента през лятото на 1910 г. Йоаким III от своя страна насочва всичките си усилия да попречи на санкционирането му от султана. Поисканата подкрепа от шейх юл-ислама с аргумента, че законът нарушава свещеното мюсюлманско право, дава повод за язвителни коментари в турската преса, че гръцката църква се е обърнала дори към шерията за решаването на догматични християнски въпроси⁴¹. Всички последвали протестни действия на Патриаршията обаче изхождат не толкова от църковно-канонични, колкото от национални позиции. В мемоар, който обосновава възраженията срещу закона както с „древната система в сила от началото на ислямската държава“, така и с клаузите на конституцията, патриархът апелира към Мехмед V от името на „цялата гръцка нация“ в защита на „националните привилегии“⁴². В хода на протестната кампания, последвала безрезултатните постъпки пред великия везир, султана и Министерството на правосъдието и вероизповеданията, с активното участие на гръцките депутати, общини и патриаршисткия клир последователно се прокарва тезата, че „правата на нацията са извън всякакъв вот на Парламента“. Именно поставянето на гръцките искания в този контекст предизвиква твърдия отпор на османските власти. Лидерът на „Единство и прогрес“ Халил бей не само заявява абсолютната решимост на правителството да приложи закона, но обвинява Патриаршията, че дава тон за антипатриотично поведение в разрез с усилията на младотурците да създадат една „обединена и неразделна нация“⁴³.

Въпреки общото впечатление, че законът е в полза на Българската екзархия, Екзарх Йосиф не крие опасенията си, че буквалното му прилагане ще се превърне в преграда за

разширяване на нейното духовно ведомство. Той изразява надеждите си за бързото и справедливо прилагане на закона по време на аудиенция при султана на 1 юли, но се отказва да прави повече постъпки в този смисъл, защото смята, че решението на Парламента не е в интерес на българската църква. Според него окончателното разпределение на съществуващите и построяването на нови православни храмове за малцинството ще препятства приобщаването на българите патриаршисти към българската национална църква⁴⁴. Въпросът, който приоритетно стои на дневен ред за българския църковен глава, е този за неуредения статут на Екзархията в Цариград. Изработеният през 1871 г. устав на новоучредената българска църква е одобрен частично от султанското правителство, което позволява само временното конституиране на Св. Синод и Мирски съвет. Незавършения църковно-административно устройство, което накърнява основния източноправославен принцип за съборността в управлението на Екзархията, има сериозни негативни ефекти за нейния престиж, институционална легитимност в империята и за отношенията между религиозния и светския елемент в структурата и просветната ѝ дейност⁴⁵.

В края на май 1909 г., малко преди да отпътува за лечение в чужбина, Екзарх Йосиф се среща с великия везир, за да напомни, че ферманът за Екзархията остава неизпълнен вече почти четири десетилетия. Отговорът на Хилми паша е категоричен – утвърждаването на Екзархийския съвет и издаването на нови берати за владци не могат да бъдат придвижени преди принципното решаване на главния проблем за отношенията на Екзархията с българското царство. Усилията за пълното прилагане на фермана за учредяването на Екзархията неизменно се сблъскват с нежеланието на османското правителство да признае църковното единство на българите в империята и в свободната българска държава⁴⁶. Младотурската концепция за единната османска нация и политиката на режима, особено след обявяването на независимостта на България, изправя Екзархията пред исторически избор – да получи устойчив статут в империята, но като чисто османска институция, или да запази общобългарския си характер с всички рискове на нормативно неизясненото ѝ положение. Година по-късно Екзарх Йосиф записва в дневника си: „Духовно единство няма да допуснат турците... Правителството (е) против националните аспирации“⁴⁷.

Зад административно-бюрократичната фасада на взаимоотношенията между османските власти и Екзархията стоят непреодолимите различия по въпроса дали представляваното от нея православно население в империята е неразривна част от политически разделената българска етнокултурна общност, или елемент от една потенциална османска нация. Това предопределя провала на всички тактически маневри за пълното легитимиране на българската църква в империята. Срещата на екзарха с вътрешния министър Хаджи Адил бей през юни 1912 г. почти буквално повтаря разговора му с великия везир три години по-рано – ферманът чака приложение от четири десетилетия, български епархии остават без владци, Екзархийският съвет все още не е одобрен, „с една дума нашата народност не се признава“⁴⁸. Като декларира неотменната позиция на Екзархията да отстоява правата си по силата на учредителния ферман, българският църковен глава не пропуска да напомни, че нейната мисия е съхраняването на българската националност, точно както Патриаршията защитава националните интереси на гърците, включително на тези в България и Румъния. За него запазването на българското църковно единство като крепител на националното съмосъзнание и мощен фактор за национално обединение остава първостепенна задача. В този смисъл Екзарх Йосиф е резервиран към вдигането на схизмата, доколкото османското правителство я игнорира и приема фермана като база за правата на Екзархията, което създава по-добри възможности за разширяване на ведомството ѝ в Македония и Одринско. Въпросът за схизмата обаче неизбежно излиза на дневен ред във връзка с опитите за помирение между Екзархията и Патриаршията като реакция на младотурската политика за ограничаване на църковните правомощия в сферата на образованието, което се възприема като един от основните маркери на националната идентичност.

Още в първите месеци след Младотурския преврат става ясно, че въпреки нееднозначните послания по темата за прономията, представителите на „Единство и прогрес“ са изключително единни и последователни в позицията си за училищната автономия на православно население. В хода на гръцко-младотурските преговори в Солун за реформите в конституцията и предстоящите парламентарни избори се създава впечатление за известно смекчаване на тона по отношение на Патриаршията. Младотурският лидер

Рахми бей приема по принцип гръцките условия, но категорично отстоява конституционния принцип за унифициране на образованието под контрола на държавата⁴⁹. *Екклесиастики Алитиа* отговаря с остра статия против всеки опит за промяна на статуквото по отношение на християнските училища. Независимо че дебатите по Закона за спорните църкви и училища приоритетно ангажират вниманието на гръцките депутати, обсъждането на промените в конституцията през юни 1909 г. е първата индикация за изместването на центъра на болезнения проблем за прономията към училищната автономия. Възраженията на гръцкия представител П. Козмидис по текста на чл. 16, който ограничава общностните права в образованието до „обучението, свързано с религиозното вероизповедание на различните общности“, слагат началото на остра дискусия, прераснала в продължителен и постоянно ескалиращ конфликт⁵⁰. Противоречията неизбежно произтичат от кардинално противоположните подходи на нетурските националности и младотурския режим към идеята за единната османска нация. Като подчертават, че османската политическа общност е съставена от самостоятелни етно-културни единици, гръцките депутати отстояват правото на „етническо знание“. Сецификата и ролята на гръцките училища, изтъкват те, е не само в предметите по вероучение, но и в изучаването на Платон и Арестотел, а нарушаването на баланса между турския и гръцкия език в светските учебни програми в полза на първия заплашва да взриви „османското единство“⁵¹.

По същото време Йоаким III взема отношение и по законопроекта за общата военна повинност, който разпростира задължението за активна военна служба и върху немюсюлманското население. Неговото искане за сформирани на отделни християнски единици в османската армия е още един повод за нестихващите и ожесточени спорове между младотурските и гръцките вестници в Цариград за границите между религиозните привилегии и гражданските права. Изявлението на великия везир, че няма да допусне намеса на Гръцката патриаршия извън чисто религиозните въпроси, защото обратното би накърнило самия фундамент на конституционализма, провокира патриарх Йоаким да даде публичност на крайно негативната си оценка за характера на младотурския режим⁵². В интервю за френския вестник *La Turquie* той отхвърля като несъстоятелни всички основни аргументи на османското правителство и задава въпроса: „Как е възможно да се отделят църквата и държавата в Османската империя, където ислямът е официална религия, султанът-халиф е глава на държавата и шейх юл-исламът е член на кабинета?“⁵³. Държавният контрол върху училищата е достатъчно гарантиран според него от православните църкви, които като османски институции са отговорни пред правителството. В същото време Йоаким определя тези институции като „легитимните центрове“ на християнските националности, а политиката на режима – като опит да унищожи „тяхната национална съпротива“. В отговор младотурският орган в *Танин* заявява, че правителството няма да отстъпи от законното си право да контролира училищата, за да не допусне те да бъдат вредни за отоманството⁵⁴. Така цялата полемика по принципите на модерния конституционализъм в контекста на статута на Патриаршията в крайна сметка отразява сблъсък между османистката и етно-националната концепция за измеренията на общностните права.

Поставянето на въпроса за държавния контрол върху православните училища в контекста на прономията фокусира общественото внимание върху Гръцката патриаршия, но младотурската политика засяга в същата степен и Българската екзархия. Отстраняването и екстрадирането на немалко преподаватели български поданици и забраната екзархийските училищни инспектори да ревизират образователните институции чувствително нарушават нормалния ход на учебната 1909–1910 г.⁵⁵ Макар и в сравнително по-въздръжана форма Екзарх Йосиф незабавно реагира на тези мерки. Министерските тезкерета от октомври 1910 г., с които се въвеждат изключителни мерки за контрол върху средствата за частните училища, събирани чрез благотворителни концерти, както и забраната за участие на учениците в театрални постановки са ярка илюстрация на водещите мотиви за действията на Високата порта. В отговор на такрира, с който Екзархията възразява срещу тези крайни разпоредения на Министерството на образованието, министърът на правосъдието демонстрира по-голяма „сговорчивост“, като отменя забраната за културните събития, които „не са противни на морала и отоманските чувства и нямат политическа тенденция“⁵⁶.

Все по-настъпателната и агресивна политика на режима за ликвидиране на културно-националната автономия чрез оръзване правомощията на православните църкви до

религиозно-ритуалните им функции засилва усещането за общност на интересите и необходимост от съвместен отпор на Гръцката патриаршия и Българската екзархия. Идеята за църковното помирение обаче неизбежно минава през разплитането на сложния възел от противоречиви позиции по въпроса за схизмата. За Патриаршията и гръцките правителства решението на поместния събор от 1872 г. е не само бариера срещу утвърждаването на Българската екзархия, но и важен символ на гръцко духовно и национално превъзходство в Европейска Турция. Макар да инициира преговорите за гръцко-български съюз, Атина ясно дава да се разбере, че няма да отстъпи по два въпроса – разделение на европейските вилаети на езиков принцип и вдигане на схизмата. *Екклесиастики Али-тия* пише по повод апелите за преценка на отношенията с българската църква в някои гръцки вестници в империята и в Гърция: „...след всички престъпления на екзархистите срещу православните гърци никой не може да има куража да приложи гореспоменатото разбирателство, помирение и обединение“⁵⁷. От своя страна Екзарх Йосиф отклонява в София препоръките на български политици да търси път за споразумение с Фанар с аргумента, че вдигането на схизмата практически ще постави българската църква в по-неблагоприятна ситуация.

Все пак през април 1911 г. Екзарх Йосиф споделя пред българския посланик, че се въздържа да поднови искането за берати за митрополити пред Високата порта, за да не изостря отношенията с гръцката църква. Нещо повече, в контактите си с гръцки представители той лансира идеята този спорен въпрос да се решава постепенно в директен диалог между двете духовни институции⁵⁸. Въпреки личните си усилия за стопяване на ледовете, екзархът не вярва, че патриарх Йоаким ще приеме българските условия за отменяне на схизмата, а отстъплението от фермана за учредяването на Екзархията „ще бъде глупост и грешка“ според него, защото големият въпрос е не за правото на България да има автокефална църква, а за съдбата на българите в Македония и Одринско. Срещата между двамата на 10 септември 1911 г. е ярка илюстрация на общото им разбиране за национално-политическите измерения на църковния конфликт. Темата за каноничния проблем се изчерпва с благопожеланията на екзарха по повод имения ден на вселенския патриарх „за дълъг живот и здраве, за да може да вдигне схизмата и да примири двете църкви“⁵⁹. Йоаким подчертава непроменената си лична позиция по този въпрос, но отново обвързва решаването му с постигането на споразумение между Гърция и България, защото „сега всички се водят от народността, а не от чисто християнските начала“⁵⁹.

Позицията на Атина обаче остава категорично отрицателна. През януари 1912 г. гръцкият външен министър Грипарис заявява пред американския посланик, че отмяната на схизмата е против интересите на елинизма. По същото време вселенският патриарх потвърждава пред британския журналист Дж. Баучер неотменното си изискване за изместването на Екзархията от Цариград, в замяна на което Патриаршията „е склонна“ да възстанови автокефалната Охридска архиепископия⁶⁰. Екзарх Йосиф определя като „категорично немислима“ предложената база за споразумение, равнозначна на отказ от самостоятелна българска църква в империята. Потвърждава се прогнозата му, че помириенето не може да надхвърли рамките на единодействието за отстояване на училищната автономия, което се реализира чрез създадената смесена комисия с представители на гръцката, българската и арменската православна църква и се изразява в паралелни и съвместни постъпки пред османското правителство. Въпросът за схизмата остава непреодолимо препятствие не толкова в църковно-каноничните си измерения, колкото като функция на нерешимия спор за българо-гръцките национални граници в Европейска Турция. През януари 1912 г. екзарх Йосиф заявява пред посланик Сарафов, че не вярва схизмата да бъде отменена, защото смята за невъзможно постигането на споразумение между България и Гърция за разделяне на Македония⁶¹. През юни 1912 г. на запитването на британски дипломат дали българо-гръцкото сътрудничество открива възможности за решаване на църковния конфликт екзарх Йосиф заявява: „...няма схизма, въпросът е за българската и гръцката народност... Оставихме настрана кавгата и се сближихме срещу младотурците, но пазим народността си“⁶². Тези думи обобщават ситуацията през изминалите четири години, когато младотурската османистка политика създава усещането за обща опасност и необходимост от единодействие между Патриаршията и Екзархията, които обаче остават трайно разделени от несъвместимите национални програми на гърците и българите.

Поставен в контекста на спора за националните граници, въпросът за схизмата остава отворен и се нарежда сред проблемите, чието решение балканските съюзници обвързват с изхода от неизбежната вече война за османското наследство. Спецификите на гръцкия и българския национализъм предопределят различните приоритети в политиката на двете църкви до Балканските войни. Пред Екзархията продължава да стои задачата да консолидира българското православно население в империята и да се утвърди като изразител и гарант за националното единство на българите от двете страни на границата. Независимо от противоречията ѝ с правителствата и висшия клир в София, както и с дейци на Вътрешната революционна организация по тактически въпроси, българската църква в Цариград запазва своя неоспорим периметър на национален политически фактор. Възраждането на концепцията за елино-османизма след Младотурския преврат и амбициите за трансформиране на икономическите и културни преимущества в политически властови позиции на гърците в империята естествено се свързват с привилегирования статут на Вселенската църква. Запазването на прономията се превръща в единна национална кауза, а Патриаршията във всичките си действия недвусмислено се самоопределя като представител на гръцката нация. Отредената ѝ роля на „национален център“ на фона на засиления скептицизъм към потенциала на гръцката държава създава впечатлението, че десетилетното съперничество с Атина за влияние над патриаршисткото население в империята е приключило в полза на Йоаким III. Гръцката патриаршия обаче губи лидерската битка под натиска на гръцките национални организации (Цариградската организация и свързаната с нея Политическа лига), които изземат напълно политическата инициатива на Фанар по време на парламентарните избори през 1912 г.

Политическите процеси в Османската империя в периода след Младотурския преврат до Балканските войни представляват сложна амалгама от устойчиви анахронизми и настойчиви опити за модернизация, продукт на еkleктичната младотурска доктрина за съхраняване на старата мултиетническа империя с принципите и механизмите на управление на модерните национални държави. За разлика от реформите на Танзимата младотурският егалитаризъм отхвърля принципа за равнопоставеност на етно-религиозните общности и промощира идеята за равенство пред закона чрез индивидуалните права. Секуларизмът на османисткия проект в неговия младотурски вариант не само изключва исляма като структуриращ елемент, но превръща в една от главните цели на режима инкорпорирането на немюсюлманите в османската нация. Тези радикално нови тенденции в османския конституционализъм в условията на една фактически оставаща теократична държава поставят православните църкви като официално призната институционална рамка на немюсюлманските общности и на тяхната културно-национална автономия в центъра на остри политически конфликти. Опитите за ограничаване на църковните правомощия до чисто религиозните им измерения неизбежно срещат силното противодействие на гърците и българите, които категорично отхвърлят младотурската интерпретация на османското политическо единство като отрицание на вече формираните им национални идентичности. Макар и свързани в генезиса си с остарялата миллетска система, Гръцката патриаршия и Българската екзархия са важен фактор в националноконсолидационните процеси, които се оказват непреодолима бариера пред османисткия експеримент на Комитета „Единство и прогрес“. Това обяснява факта, че разгорелият се след Младотурския преврат конфликт за училищната автономия продължава да тлее до Балканските войни, а църковните правомощия в образователната сфера са окончателно ликвидирани едва през 1915 г., когато османистката доктрина вече е отстъпила под натиска на турския национализъм.

¹ Анализ на основните линии в гръцката историография по тази тема в: *Stamatopoulos D. Orthodox Ecumenicity and the Bulgarian Schism // Etudes balkaniques. – 2015. – № 1. – P. 83–85.*

² *Stamatopoulos D. Orthodox Ecumenicity and the Bulgarian Schism // Etudes balkaniques. – 2015. – № 1. – P. 83–85; Kechriotis V. Greek-Orthodox, Ottoman Greeks or Just Greeks? Theories of Coexistence in the Aftermath of the Young Turk Revolution // Etudes balkaniques. – 2005. – № 1. – P. 55–60.*

³ Тази интерпретация се пренася и в съвременни изследвания. Например Е. Хекимоглу изрично прави уговорката, че използва термина ‘гръцки’ за православни ‘общности и личности’, присъединени към Вселенската патриаршия, за разлика от тези към Българската екзархия, докато с термина ‘елински’ реферира към гръцката държава. Виж: *Hekimoglou E. The Greek Community of Thessaloniki*

and the Challenge of the Young Turks 1908-1912 // *Balkan Nationalism(s) and the Ottoman Empire* – Vol. 3 / Ed. D. Stamatopoulos. – Istanbul, 2015. – P. 7.

⁴ *Stamatopoulos D.* Orthodox Ecumenicity... – P. 72; *Skopetea E.* Οι Έλληνες και οι εχθροί τους // *Ιστορία της Ελλάδος του 20ου αι.* – Athens: Vivliorama, 1999. – P. 26–27.

⁵ *Μαραγος Β.* Гръцкият идеал на Йон Драгумис. Реализъм и утопия между преднационалните реалности и националното действие // *Балканите. Модернизация, идентичности, идеи.* – Велико Търново: Фабер, 2011. – С. 685.

⁶ *Konstantinova Y.* The Greek-Bulgarian Schism and the Conflict between Charilaos Tricoupis and Joakim III // *Études balkaniques.* – 2006. – № 1. – P. 101–123; *Kofos E.* Patriarch Joachim III (1878-1884) and the Irredentist Policy of the Greek State // *Journal of Modern Greek Studies.* – 1986. – Vol. 4. – № 2. – P. 107–120; *Ников П.* Българското възраждане във Варна и Варненско. Митрополит Йоаким и неговата кореспонденция. – София, 1934. – С. 433–437.

⁷ *Георгиев В.* Гръцката и сръбската пропаганда в Македония, краят на XIX – началото на XX век / В. Георгиев, С. Трифонов. – София, 1995; *Трайков В.* Гръцката въоръжена и просветно-религиозна пропаганда // *Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944.* – Т. 3. – София, 1997. С. 152–164.

⁸ *Божинов В.* Българската просвета в Македония и Одринска Тракия 1878–1913. – София, 1982; *Маркова З.* Екзархията – изразител на българската общност. Промени в структурата на екзархийското ведомство // *Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944.* – Т. 1. – София, 1994; *Елдаров С.* Църковно-религиозното дело на Екзархията. Училищно-просветното дело на Екзархията // *Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944.* – Т. 3. – София, 1997. – С. 80–96.

⁹ *Арнаудов М.* Екзарх Йосиф. Живот и дейност. – София, 1965. – С. 72–76; *Божинов В.* Националноосвободителната борба на българското население след Кресненско-Разложкото въстание 1878–1903 // *Кресненско-Разложко въстание.* – София, 1970. – С. 75–76.

¹⁰ *Konstantinova Y.* The Greek-Bulgarian Schism... – P. 117.

¹¹ *Български Екзарх Йосиф I.* Дневник. – София: ВИК „Св. Георги Победonosец“, 1992. – С. 124.

¹² *Kechriotis V.* Greek-Orthodox, Ottoman Greeks or Just Greeks... – P. 70–71; *Veremis Th.* From the National State to the Stateless Nation // *Modern Greece: Nationalism&Nationality* / Eds. M. Blinkhorn, Th. Veremis. – Athens: SAGE-ELIAMEP, 1990. – P. 9–22.

¹³ За реформите през Танзимата и идеологията на Младите османи виж: *Davidson R. H.* Reform in the Ottoman Empire 1856-1876. – Princeton, 1963; *Zürher E. J.* Turkey. A Modern History. – London: I. B. Tauris, 2004; *Hanioglu M. Ş.* Turkism and the Young Turks, 1889-1908 // *Turkey Beyond Nationalism* / Ed. Hans-Lukas Kieser. – London: I. B. Tauris, 2013. – P. 4–7.

¹⁴ *Kechriotis V.* The Modernization of the Empire and the Community “Privileges”: Greek Orthodox Responses to the Young Turk Policies // *The State and Subaltern. Modernization, Society and the State in Turkey and Iran* / Ed. Touraj Atabaki. – London: I. B. Tauris, 2007. – P. 53–56.

¹⁵ *Ibid.* – P. 56–58.

¹⁶ *Konstantinova Y.* The Greek-Bulgarian Schism... – P. 105–111; *Български Екзарх Йосиф I.* Дневник. – С. 126–128; *Кирил Патриарх Български.* Българската Екзархия в Одринско и Македония след освободителната война 1877–1878. – Т. 1 (1878–1885). – Кн. 2 – София, 1970. – С. 334–335.

¹⁷ Централен държавен архив (ЦДА), ф. 321к, оп. 8, а.е. 105а, л. 7–8, 9, 10, 11–12.

¹⁸ *Hanioglu M. Ş.* Preparation for a Revolution: the Young Turks, 1902-1908. – New York: Oxford University Press, 2001. – P. 251.

¹⁹ *Panayotopoulos A. J.* Early Relations between Greeks and the Young Turks // *Balkan Studies (Thessaloniki).* – 1980. – Vol. 21. – № 1. – P. 91–92; ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 140, л. 16–17; Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ – Български исторически архив (НБКМ–БИА), ф. 317, а.е. 37, л. 19–22.

²⁰ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 117, л. 78–79.

²¹ *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. – Thessaloniki, 1966. – P. 385–386.

²² *Driault E.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours / E. Driault, M. Lhéritier. – Т. IV. – Paris, 1926. – P. 11.

²³ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 116, л. 120; а.е. 146, л. 1; *Kechriotis V.* From Trauma to Self-Reflection: Greek Historiography Meets the Young Turks “Bizarre” Revolution // *Clio in the Balkans* / Ed. Christina Koulouri. – Thessaloniki: CDRSEE, 2002. – P. 95.

²⁴ *Hekimoglou E.* The Greek Community of Thessaloniki... – P. 8–9.

²⁵ *Kechriotis V.* The Modernization of the Empire and the Community “Privileges”... – P. 60–61; *Kechriotis V.* Greek-Orthodox, Ottoman Greeks or Just Greeks... – P. 60.

²⁶ *Hekimoglou E.* The Greek Community of Thessaloniki... – P. 11–15.

²⁷ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 142, л. 228–230.

²⁸ *Български Екзарх Йосиф I.* Дневник. – С. 684.

²⁹ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 117, л. 169.

³⁰ Пак там, ф. 321к, оп. 1, а.е. 1838, л. 15–19.

³¹ Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919). Документи на централните ръководни органи. – Т. 1. – Част 2. – София, 2007. – С. 908, 927.

³² Пак там. – С. 957, 965.

³³ *Български Екзарх Йосиф I*. Дневник. – С. 692, 710–711.

³⁴ *Kechriotis V.* The Modernization of the Empire and the Community “Privileges”... – P. 60–62; *Papadopoulos S.* La Revolution des “Jeunes-Turcs” et l’opinion publique en Grèce // *Balkan Studies* (Thessaloniki). – 1986. – Vol. 27. – № 1. – P. 133.

³⁵ *Български Ц.* Вътрешната македоно-одринска организация, Съюзът на българските конституционни клубове и Народно-федеративната партия (Българска секция) след Младотурската революция // *Известия на Държавните архиви.* – 1988. – Т. 56. – С. 141–143.

³⁶ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 112, л. 148–149.

³⁷ *Papadopoulos S.* La Revolution des “Jeunes-Turcs” et l’opinion publique en Grèce. – P. 133–136.

³⁸ ЦДА, ф. 321к, оп. 8, а.е. 200, л. 79.

³⁹ Пак там, л. 77.

⁴⁰ Пак там, л. 68–70.

⁴¹ *Kechriotis V.* The Modernization of the Empire and the Community “Privileges”... – P. 67–69; ЦДА, ф. 321к, оп. 8, а.е. 200, л. 49–52, 53–56.

⁴² *La Turquie.* – 1910. – № 157. – 7 juillet (ЦДА, ф. 321к, оп. 8, а.е. 200, л. 131).

⁴³ ЦДА, ф. 321к, оп. 8, а.е. 200, л. 40.

⁴⁴ Пак там, л. 41–42.

⁴⁵ *Елдъров С.* Църковно-религиозното дело на Екзархията. – С. 80–81.

⁴⁶ Пак там. – С. 81; *Арnaudов М.* Екзарх Йосиф. Живот и дейност. – С. 268–271.

⁴⁷ *Български Екзарх Йосиф I*. Дневник. – С. 731, 736–737.

⁴⁸ Пак там. – С. 755, 760, 764, 780.

⁴⁹ *Hekimoglou E.* The Greek Community of Thessaloniki... – P. 13–15.

⁵⁰ *Nabuyoshi F.* Privileged but Equal: The Privileged Question in the Context of Ottoman Constitutionalism // *Balkan Nationalism(s) and the Ottoman Empire* / Ed. D. Stamatopoulos. – Vol. 3. – Istanbul, 2015. – P. 34.

⁵¹ *Kechriotis V.* The Modernization of the Empire and the Community “Privileges”... – P. 65–67.

⁵² *Nabuyoshi F.* Privileged but Equal... – P. 35–37.

⁵³ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 495, л. 2.

⁵⁴ Пак там, л. 3–5.

⁵⁵ ЦДА, ф. 246к, оп. 3, а.е. 101, л. 30.

⁵⁶ Пак там, л. 43–44.

⁵⁷ ЦДА, ф. 176к, оп. 2, а.е. 495, л. 4; *Kechriotis V.* The Modernization of the Empire and the Community “Privileges”... – P. 64.

⁵⁸ *Български Екзарх Йосиф I*. Дневник. – С. 750–751.

⁵⁹ Пак там. – С. 754–755.

⁶⁰ ЦДА, ф. 322к, а.е. 299, л. 17–18, 34, 37, 40.

⁶¹ *Български Екзарх Йосиф I*. Дневник. – С. 775.

⁶² Пак там. – С. 779.

ПРИНЦИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ЛЕВОЦЕНТРИСТСКИХ ФРАКЦИЙ В БОЛГАРИИ И РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНФЕДЕРАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ БОЛГАРСКОЙ «ЛЕВИЦЫ» И ПРОЕКТА КУЛЬТУРНО- НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ БУНДА)

М. В. Тортика

Тортика М. В. Принципы национальной стратегии левоцентристских фракций у Болгарии та Росии (на прикладе конфедеративной концепции болгарской «левицы» та проекту культурно-национальной автономии Бунду). У дослідженні розглядаються особливості сприйняття національного питання теоретиками левоцентристських фракцій у Болгарії та Росії на межі ХІХ–ХХ ст. Самобутність левоцентристської платформи (як у Болгарії, так і в Росії), полягала в її політичній двоїстості. Обидва проекти (російський – «автономістський», болгарський – «конфедералістський»), з одного боку, випромінювали готовність до співпраці з офіційною політичною елітою. Тоді як, з іншого, на теоретичному рівні, державним чиновникам було відмовлено в можливості будь яких економічних і політичних преференцій. Окремою темою для цієї статті стали питання внутрішньопартійної організації, виборчого права і партійної тактики, яка розглядалися автором в контексті дискусій про характер тимчасових політичних компромісів з перспективою їх подальшої геополітичної реалізації.

Ключові слова: Болгарія; Росія; лівий центризм; соціал-демократичний рух; центристська «левиця»; Бунд; культурно-національна автономія.

Тортика М. В. Принципы национальной стратегии левоцентристских фракций в Болгарии и России (на примере конфедеративной концепции болгарской «левицы» и проекта культурно-национальной автономии Бунда). В исследовании рассматриваются особенности восприятия национального вопроса теоретиками левоцентристских фракций в Болгарии и России на рубеже ХІХ–ХХ ст. Самобытность левоцентристской платформы в Восточной Европе (Болгария, Россия) заключается в ее политической пограничности. Примером в данном случае могут служить «автономистский» проект российской социал-демократии и болгарская «конфедералистская» концепция, принципиальная для внешнеполитической платформы центристской фракции Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) (БРСДП (о)). С одной стороны, указанные проекты отражали готовность к сотрудничеству с официальной политической элитой, с другой, были сориентированы на демонстративный отказ от реализации большинства элементов общепризнанной государственной стратегии. Отдельной темой для настоящей статьи стали вопросы внутрипартийной организации, избирательного права и партийной тактики. Последний момент автор анализирует в контексте дискуссий о характере временных политических компромиссов с перспективой их последующей геополитической реализации.

Ключевые слова: Болгария; Россия; левый центризм; социал-демократическое движение; центристская «левица»; Бунд; культурно-национальная автономия.

Tortika M. V. Principles of National Strategy of Left-of-Center Factions in Bulgaria and Russia (on the Example of Confederative Conception of the Bulgarian “Left” and the Project of Cultural and National Autonomy of the Jewish Union). The study considers the peculiarities of perception of the national question by ideologists of left-of-center factions in Bulgaria and Russia at the turn of 19-20 centuries). The uniqueness of the left-centrist platform in Eastern Europe (Bulgaria, Russia) lies in the fact of its political ambivalence. In this case the “autonomist’s” project of social democracy in Russian Empire and “confederalist’s” concept, a key element of foreign-policy platform of the Bulgarian Social and Democratic Worker’s Party (united), could serve as an example. On the one hand, the projects reflected readiness to cooperate with the official political elites, on the other one, they were oriented towards demonstrative rejection of implementation of any state strategies. A particular topic of the article is the*

* Jewish Union (*Еврейский Союз*) – англійськомому варіанту назви єврейського соціал-демократичного Союзу (Повне назви «Всеобщий єврейський робітничий союз в Литві, Польщі та Росії»), аналог більш звичайної номенклатури «Бунд», представляючої собою прямий переклад прийнятого на ідиш русськомому еквіваленту.

questions of internal party organization, voting rights and party tactics. The author analyses the latter in the context of discussions about the nature of temporary political compromises with a prospect of their further geopolitical implementation.

Keywords: Bulgaria; Russia; Left centrism; social democratic movement; centrist “left”; Jewish Union; cultural and national autonomy.

В условиях быстро приближавшегося мирового кризиса начала XX ст. большинство политических партий балканского региона, равно как и политических движений в Российской империи, было вынуждено разрабатывать не только варианты внутренних стабилизационных программ, но и предлагать особую, национально-государственную стратегию внешнеполитического реагирования. В дальнейшем подобные программы становились отличительным признаком конкретных политических партий. Как следствие, визитной карточкой болгарских социалистов стал проект Балканской федеративной республики, в то время как в среде российской социал-демократии все большее значение приобретал проект культурно-национальной автономии, тесно связанный с концепцией федеративного устройства Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Все это позволяет говорить о некоей общности национальных программ левоцентристских фракций в Восточной Европе, получивших отражение во внешнеполитической платформе центристской «левицы» Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) (БРСДП (о)) и национальной политике еврейского Союза (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России – Бунд), позднее проявившейся в одноименной тактике «августовского движения» РСДРП*.

Прежде всего, отметим, что перспектива балканского сближения, или, иными словами, программа региональной межгосударственной интеграции в той или иной степени была характерна для внешнеполитической платформы всех социал-демократических фракций Болгарии. Однако наиболее полное отражение данная концепция получила в политической практике болгарского социалистического центризма, идеологи которого попытались развить основные положения национальной программы немецкой и австрийской социал-демократии, наиболее отчетливо проступавшие во внутренней платформе такого самобытного политического явления как австромарксизм. Речь идет о концепции «Соединенных штатов Великоавстрии».

Интересно, что данный проект натолкнулся на сокрушительную критику представителей радикальной ветви болгарского марксизма, отрицавших конформизм национальной стратегии центристской «левицы» БРСДП (о). По всей видимости, подобная позиция была связана с неприятием лидерами Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) (БРСДР (т.с.)) общедемократического содержания еще более широкой геополитической концепции, характерной для западноевропейского центризма (ее активным сторонником являлся Карл Каутский) – проекта «Соединенных штатов Европы».

Таким образом, следует признать, что к 1911 г. (впрочем, Х. Кабакчиев** связывал начало наиболее интенсивных дискуссий по вопросу государственного устройства Балкан с итогами младотурецкой революции 1908 г.) в болгарской социал-демократической среде уже существовало несколько проектов интеграционного развития региона. Во-первых, это была идея Балканской федерации «тесных», знамя Белградской конференции 1909 г.; далее, – концепция Балканской конфедерации БРСДП (о), которую «левица» рассматривала в качестве основной части своей внешнеполитической программы (ее практические положения были озвучены в ходе балканской социал-демократической конференции 1911 г.). И, наконец, – рабочая тактика правого крыла БРСДП (о), представители которого стремились использовать конфедералистские увлечения центристов в качестве формального прикрытия при решении конкретных внешнеполитических задач.

Анализируя названные концепции, особо следует отметить последовательно интеграционную позицию теоретиков БРСДП (т.с.), утверждавших, что только классовая борьба

* «Августовское движение» – процесс консолидации околоцентристских групп РСДРП, объединившихся в ходе Венской конференции (август 1912 г.) и Брюссельского совещания 1914 г.

** Хр. Кабакчиев – один из лидеров ортодоксального марксизма в Болгарии, член ЦК БРСДП (т.с.) с 1905 г.

способна сдвинуть буржуазию с привычного для нее пути социально-экономического индивидуализма. С течением времени именно этот тезис приобрел приоритетный статус во внешней политике БРСДП (т.с.) и расширился до уровня публичных деклараций, далеких, как правило, от логики конкретных политических перспектив¹.

Впрочем, воспринимая революционные призывы БРСДП (т.с.) как метафоры, болгарский обыватель все еще мог оставаться относительно спокойным. Однако между 1908 и 1911 гг. стало понятно, что за революционной риторикой «тесняков» скрывается вполне конкретный тезис об отсутствии у буржуазии необходимой «революционной инициативы». И тут любой, даже самый скромный болгарский мещанин, хочешь не хочешь, а начинал с ужасом задумываться о том непредсказуемом и тревожном моменте, когда он будет обязан этой самой «инициативой» обладать^{*}, причем в достаточном, с точки зрения БРСДП (т.с.), количестве². А в это время непримиримо настроенный Д. Благоев^{**} упорно раздувал огонь политических дискуссий, утверждая, что революционная инициатива буржуазии возможна только тогда, «...когда она утратит всю свою собственность»³.

Подобные тезисы, вне всякого сомнения, подпитывали худшие опасения болгарского (балканского) обывателя, абсолютно неготового к восприятию классовой дифференциации социально-экономического фундамента будущей федерации. Надо полагать, что в такой ситуации болгарский «Дядо» (так несколько интимно называли Д. Благоева его партийные соратники)^{***} не скоро бы дождался «революционной инициативы» имущих классов, совершенно не стремившихся к утрате тех благ, которые они с таким огромным трудом приобретали в течении недолгих лет фактической болгарской самостоятельности⁴. Интересно, что одним из тех, кто первым отметил натянутость такого рода лозунгов оказался не кто иной, как В. И. Ленин. Будучи, подобно Д. Благоеву, радикальным марксистом, он, по всей видимости, все же более ясно отдавал себе отчет в масштабах европейского влияния, ответственного за модернизацию политического сознания среднего класса как в России, так и в Болгарии⁵.

Впрочем, здесь следует отметить, что если радикальные марксисты, ощущая внешнее политическое и цивилизационное давление, пытались противопоставить ему идейный максимализм, то марксисты-реформисты, напротив, стремились использовать методы диффузии и вписать данные тенденции в свое идейно-политическое сознание. Примером такого более прагматичного восприятия интеграционных процессов может служить обращение Центрального Комитета (ЦК) БРСДП (о) к МСБ в 1913 г. В нем брюссельским адресатам ясно давали понять, что с точки зрения правого крыла «объединенной» партии идея Балканской федерации, собственно, как и параллельный ей проект Балканской конфедерации – это мираж, политический фантом, который только кажется осуществимым, но при реальном приближении ускользает «...все дальше и дальше»⁶.

Следовательно, складывалась парадоксальная ситуация, в рамках которой для широких социалистов Балканская федерация существовала как лозунг, а для тесных, как символ. Иными словами, правые и левые сближались в оценке интеграционных процессов, характерных для политической жизни балканского региона. Однако к подобному единомыслию представители указанных направлений приходили заведомо различными путями. В этой связи достаточно обособленным и более цельным выглядит проект Балканской конфедерации, который «левица» выдвинула в качестве промежуточного варианта потенциального социального, экономического и цивилизационного сотрудничества.

^{*} Центрист Роман Аврамов с большой иронией писал о том, что «тесняцкое глубокомыслие желало бы – как неперемное условие – чтобы буржуазия оставила свою классовую точку зрения и перешла на точку зрения пролетариата». Такую тактику социализма автор считал «полностью несостоятельной. ... Это сектанство, – утверждал он, – бессмысленное и реакционное...». См. подробнее: *Аврамов Р.* Тесните социалисти и балканската конфедерация // Напред – 1911. – 6 ноември.

^{**} Д. Благоев – один из основателей Социал-демократической партии в Болгарии, признанный идеолог ортодоксальной ветви болгарского марксизма (БРСДП (т.с.)).

^{***} Следует отметить, что на ту же тему размышлял еще один центрист, П. Делирадев. «...Сегодня, – писал он, – век богатства и денег! И главная мудрость социальной политики сегодня – это умение комбинировать эти два условия – свободу и «богатство»». См. подробнее: *Делирадев П.* Балканската конфедерация. – Т. Пазарджик: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиев, 1909. – 48 с.

С одной стороны, данная концепция учитывала геополитические интересы стран Балканского региона, зачастую соотнося их с интересами Турции (особенно в условиях младотурецкого общественно-политического реформирования империи). С другой, подобная логика закономерно приводила (примером может служить публицистика такого близкого к болгарской «левице» политика как Троцкий) к выводам о связи между проектом Балканской федерации (конфедерации) и проблемой урегулирования этнических конфликтов в Македонии. Интересно, что вопросы региональной политики в этом случае связывались Троцким с национальной платформой Августовского блока, сформировавшегося (после Венской конференции 1912 г.) в социал-демократическом движении России⁷.

Впрочем, как писал известный болгарский социалист П. Делирадев*, «...с топорами и казармами нельзя поливать древо культуры». Для этого нужны новые демократические институты: от школ и училищ до железных дорог и пароходов⁸. Таким образом, внутренним стержнем тактической платформы Балканской конфедерации, по крайней мере в интерпретации теоретиков центристской «левицы», стал принцип политической умеренности и толерантности.

Несомненно, подчеркивал в своем, по сути центристском, издании (газета «Напред») К. Раковский, создание федеративной республики на социально-классовой основе – это стратегическая цель социалистов. Ни один социал-демократ не будет выступать против республики в пользу монархии, если есть хоть какие-то реальные перспективы для реализации последней⁹. В то же время, продолжал он далее, современное состояние балканской политической системы не позволяет социалистам говорить о реализации программы региональной республики уже сегодня.

Показательно, что параллельно тот же тезис развивал и П. Делирадев. Таким образом, на фундаменте выводов К. Раковского** и П. Делирадева была создана особая концепция болгарской социалистической «левицы», которую сегодня можно обозначить как программу последовательной государственной федерализации.

Итак, анализируя внутреннюю сущность конфедералистского проекта центристской «левицы», следует отметить, что его авторы, отталкивались как минимум от трех основополагающих принципов, а именно: а) принципа status quo; б) тактики оборонительных союзов; в) реформы прогрессивного общедемократического характера. Подобные реформы предусматривали, во-первых, создание межпарламентской лиги и, во-вторых, последовательное расширение единого экономического пространства. Тем не менее, более детальной разработки указанный проект не получил, поскольку был свернут на уровне анализа конкретных юридических и финансовых норм будущего межгосударственного объединения¹⁰.

Интересно, что примерно в это же время (1912–1913 гг.) в России также окончательно сформировалась особая позиция левоцентристской фракции (Августовского блока) по вопросам национальной политики и государственного строительства. Фундаментом указанной программы стала политическая платформа еврейского Союза, со временем воспринятая всеми группами центристско-реформистской оппозиции РСДРП (Бунд, «правдацы» и «голосовцы»). Как следствие, одним из основополагающих принципов этнополитической

* П. Делирадев – один из идеологов центристского течения БРСДП (о). Наиболее известен как автор социал-демократического проекта Восточной конфедерации. Кроме того, для современных исследователей его общественно-политическая деятельность интересна последовательными контактами с лидерами национально-освободительного движения в Македонии – Я. Санданским и Х. Чернопеевым.

** Позднее, уже работая в Украине (глава Совнаркома Украинской советской республики с 1919 по 1923 гг.), К. Раковский конкретизировал свое видение конфедералистских принципов политической организации го-сударственного Союза. Сделано это было на примере СССР и в условиях союзного строительства 1922–1923 гг. См. подробнее: *Раковский Х. Г.* Союз Советских Социалистических Республик: Новый этап в советском союзном строительстве. – Харьков: Госиздат Украины, 1923. – 29 с.; *Лобанова (Тортика) М. В.* Опыт сравнительного анализа взглядов Х. Г. Раковского на балканскую и советскую конфедерации // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века): Материалы междунар. науч. конф., 21–23 сент. 1993 г. / Харьк. гос. ун-т и др. – Харьков, 1995. – Т. 2. – С. 439–448.

стратегии левоцентристского блока в России стал проект культурно-национальной автономии Бунда.

Так же как и в ситуации с макронациональными геополитическими концепциями (в контексте настоящего исследования проблема балканской интеграции, в более широком смысле пангерманистская, пантюркистская, панславистская и др. концепции) проект культурно-национальной автономии начал приобретать зримые очертания лишь на рубеже XIX–XX ст. В последующие годы, когда конфронтация между реформистами и ортодоксами во Втором Интернационале заметно усилилась, вопрос о внутреннем содержании указанного проекта получил еще более глубокое идейно-политическое звучание.

Собственно, в России тактическое противостояние, основанное на различном понимании национальной программы РСДРП, вылилось в очередной внутрипартийный кризис, спровоцированный вначале острой дискуссией по национальному вопросу (полемика между В. И. Лениным и лидером Бунда В. Д. Медемом*), а в дальнейшем, конфронтацией между бундистами (сторонниками австромарксизма) и И. В. Сталиным, представителем радикальной ветви российского марксизма.

В конце 1912 – начале 1913 г. И. В. Сталиным была написана достаточно объемная работа, опубликованная под названием «Национальный вопрос и социал-демократия». Большую часть указанной статьи автор посвятил критике национальной программы еврейского Союза. В результате, используя опыт негативного анализа внешнеполитической платформы Бунда, он сумел выстроить особую логическую систему, позволявшую ему более свободно обосновывать большевистский отказ от промежуточных реформ в области национальной политики и государственного строительства.

Отрицая, подобно Ленину, значение политической логики Медема, И. В. Сталин опосредованно выступил и против национальной стратегии К. Каутского. В данном случае речь идет о перспективах такого автономистского проекта как «Соединенные штаты России» – концепции, которая оказалась попыткой (очевидно, не самой удачной) прямого наложения австрийских национальных проектов («Соединенные штаты Великоавстрии») на российские политические условия¹¹.

В то же время, обозначенная выше полемика показала, что в процессе обособления центристско-реформистской оппозиции происходила, по крайней мере, частичная трансформация российского революционного сознания. Как следствие, представители центристского течения РСДРП выдвинули тезис о необходимости более широкого самоуправления отдельных субъектов Российской империи (выделяемых, по логике Бунда, по национальному признаку). Кроме того, как единая система, национальная программа «августовского движения» предполагала, во-первых, создание самостоятельной государственной стратегии по вопросам региональной локализации политического пространства империи, а, во-вторых, на внутреннем уровне, более детальный анализ проблем здравоохранения, образования и этнической идентификации. Интересно, что подобный вариант национальной платформы левоцентристского блока РСДРП оказался близок политической логике К. Каутского, который предлагал внедрять подобные программы демократическим путем, но крайне бережно и с оглядкой на низкие темпы трансформации государственных механизмов в Российской империи¹².

Итак, совершенно очевидно, что в полемике по поводу культурно-национальной автономии российские социалисты двигались в том же направлении, что и представители «левицы» БРСДП (о), вынуждено существуя в эпицентре идейно-политических противоречий, характерных для генезиса всех политических партий, фракций и групп, существовавших в международном социал-демократическом движении конца XIX – начала XX ст. В частности, подходя к вопросам национальной стратегии с точки зрения радикального марксизма, следует отметить, что выразители данного течения категорически отказывались от каких бы то ни было не только идеологических, но и тактических compro-

* В. Д. Медем – один из идеологов Бунда, некоторое время являлся членом его Заграничного Комитета, позднее стал членом ЦК и участвовал в ряде съездов РСДРП. В рамках «Августовского движения» поддерживал центристскую ориентацию еврейского Союза, принимал участие в Венской конференции 1912 г.

миссов, заявленных во внешнеполитических программах центристско-реформистской оппозиции обеих партий. В то же время идеологи правых течений российского и балканского социализма, напротив, выступали за поступательное разрешение национального вопроса, считая его одной из важнейших проблем политического развития не только конкретной страны, но и более крупных геополитических регионов. В конечном счете, результатом подобных дискуссий в Болгарии стало тактическое обособление центристской концепции Балканской конфедерации. В то время как в России на передний план был выдвинут проект культурно-национальной автономии, который со временем стал основой для развития национальной платформы всего «августовского движения»¹³.

Таким образом, накануне Первой мировой войны для восточноевропейских левоцентристских фракций (в частности, в Болгарии и России) был характерен особый интерес к национальной проблематике, способной сгладить или, напротив, приумножить десятилетиями тлевшие этнополитические конфликты¹⁴. При этом самобытность именно центристской платформы заключалась в ее политической толерантности, которая в этом случае сочеталась с ярко выраженным прагматизмом фракционных лидеров. Оба проекта (как российский, так и болгарский) отражали готовность к сотрудничеству с официальной политической элитой, но при этом на теоретическом уровне ее представителям было отказано даже в перспективе возможных экономических и политических предпочтений.

Как правило, указанные программы развивались в нескольких направлениях, фиксируя, с одной стороны, динамику макроинтеграционных процессов, а с другой – специфику конкретных социальных отраслей (свобода вероисповедания, образование, здравоохранение и др.). Отдельной темой стали вопросы внутрипартийной организации, избирательного права и тактики временных политических компромиссов. Однако как ни стремились представители левоцентристских фракций к подчеркнутой реалистичности своих интеграционных проектов, их содержание все же мало соответствовало политическим реалиям первого десятилетия XX ст. Особенно в том случае, когда этническая мотивация предполагала (в частности, на Балканах) не только поиск основ национальной идентичности, но и прикрытия для возможной трансформации территориального status quo.

Собственно, в течении последнего предвоенного десятилетия крупнейшие империи Европы уже застыли в ожидании распада, а мир все более и более соскальзывал в то кровавое противостояние, которое в дальнейшем предусматривало формирование новых политических союзов и экономических альянсов. В этих условиях дуализм интеграционных и этнополитических поисков центризма не позволил ему занять место основного координатора национальной тактики восточноевропейского марксизма. В то же время именно национальная платформа левоцентристских фракций и групп помогла выделить их из общей массы социал-демократических партий и движений, характерных для политического пространства данного региона в конце XIX – первом десятилетии XX ст.

¹ *Благоев Д.* Балканският въпрос и социалдемократията // Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 13. – С. 494–499.

² *Аврамов Р.* Тесните социалисти и балканската конфедерация // Напред – 1911. – 6 ноември.

³ *Благоев Д.* Балканският въпрос и социалдемократията // Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 13. – С. 497.

⁴ *Делирадев П.* Балканската конфедерация. – Т. Пазарджикъ: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. – С. 31.

⁵ *Ленин В. И.* В Швейцарии // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 22. – С. 77–79.; *Его же.* О лисе и курятнике // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: По-

* Так, размышляя о подлинных причинах разразившейся мировой войны, Ю. Мартов (в этом случае он под-водил черту под довоенными дискуссиями по национальному вопросу) писал об объективном росте нацио-нального сознания. Как следствие, он крайне прозорливо говорил о несовместимости процессов националь-ной локализации с тенденциями общеевропейской интеграции, которые, по его мнению, уже тогда отражали корпоративные интересы мирового капитала. См. подробнее *Мартов Л.* Национализм и социализм (идеология «самозащиты»). – Петербург: Тип. Сельского Вестника, 1918. – 80 с.

литиздат, 1968. – Т. 22. – С. 146–150.; *Его же*. Социальное значение сербско-болгарских побед // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 22. – С. 186–188.

⁶ Доклад на ЦК на БРСДП (т.с.) до МСБ. София, март 1913 // Българските социалдемократи и Международното Социалистическо Бюро. Кореспонденция 1900–1914. – Б.м.: МИКОМ, 1996. – С. 121.

⁷ Черновые заметки, выписки, наброски Л. Д. Троцкого по истории Турции // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 325, оп. 1, ед. хр. 149, л. 152.

⁸ *Делирадев П.* Балканската конфедерация. – Т. Пазарджикъ: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. – С. 44.

⁹ *Раковски К.* Твърди и неотстъпчиви: федерация, конфедерация и тесни // Напред. – 1911. – 22 ноември.

¹⁰ *Раковский Х. Г.* Союз Советских Социалистических Республик: Новый этап в советском союзном строительстве. – Харьков: Госиздат Украины, 1923. – 29 с.; *Лобанова (Тортика) М. В.* Опыт сравнительного анализа взглядов Х. Г. Раковского на балканскую и советскую конфедерации // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века): Материалы междунар. науч. конф., 21–23 сент. 1993 г. / Харьк. гос. ун-т и др. – Харьков, 1995. – Т. 2. – С. 439–448.

¹¹ *Бауер О.* Национальне питання. – К.: «Основні цінності», 2004. – 116 с.; *Каутский К.* Национальное государство и союз государств. – М.: Изд-во И. Ефимов, Н. Желудков и К, 1917. – 94 с.; *Каутский К.* Национальные проблемы. – Петроград: Изд-во Книга», 1918. – 183 с.

¹² *Каутский К.* Национальный вопрос. – Тифлис: Типография Военно-Морского Комиссариата, 1922. – С. 51; *Медем В.* Каутский о национальном вопросе в России // Социал-демократия и национальный вопрос. – СПб.: Типография Бусселя, 1906. – С. 62.

¹³ *Мартов Л.* Национализм и социализм (идеология «самозащиты»). – Петербург: Тип. Сельского Вестника, 1918. – С. 43; Из выступления Г. А. Алексинского. Протоколы заседаний Оргкомитета РСДРП // РГАСПИ, ф. 325, оп. 2, ед. хр. 19, л. 29.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА «ЧЕШМЕЛИЙСКИХ ПЕШКИРОВ»

И. А. Младинова

Младинова И. А. *Етнокультурна специфіка «чешмелійських пешкирів».* У статті на основі матеріалів села Криничного показана етнокультурна особливість чешмелійських пешкирів, їх спосіб виготовлення, орнаментика і практичне застосування.

Ключові слова: Чешмелі, Криничне, ткацтво, пешкир, ткацький стан.

Младинова И. А. *Этнокультурная специфика «чешмелийских пешкиров».* В статье на основе материалов села Криничного показана этнокультурная особенность чешмелийских пешкиров, их способ изготовления, орнаментика и практическое применение.

Ключевые слова: Чешмели, Криничное, ткачество, пешкир, ткацкий станок.

Mladinova I. A. *Ethnocultural feature “cheshmeliysky peshkir”.* The article on the basis of villages Krynychne shown ethnocultural feature cheshmeliyskih peshkiriv, their method of manufacture, ornaments and practical application.

Keywords: Cheshmeli, Krynychne, weaving, peshkir, loom.

Буджакское село Чешмелий или Чешмели было основано в 1813 году болгарскими переселенцами. Позднее (до 40-х годов XX века) называлось Чешма-Варуита, что означало «Варосана чешма», от слов «вар» – известь, «чешма» – родник, т.е. огороженное камнем и побеленное известью. Сегодняшнее название села Криничное, расположенного в Болградском районе Одесской области, происходит от украинского слова «криниця» – колодец. По переписи 2001 года в нем проживало 4348 человек, из которых 93,28% родным языком считали болгарский¹.

Традиционными видами деятельности болгар Бессарабии было скотоводство и земледелие. Однако выделяют и вспомогательный вид хозяйственной деятельности – ткачество. Ткачество являлось сугубо женским занятием, которому женщины уделяли свободное от земли и скотины время на протяжении всего года.

Благодаря ручному ткачеству, домашнему производству тканей, решался ряд экономических и социальных проблем семьи и села в целом. Одни ткани использовались для пошива одежды, другие – для украшения жилища, третьи – для хозяйственных нужд, для семейных ритуалов. Этим население занималось в свободное время, чаще всего даже *«денно и ноцно, особенно когда дочь замуж нужно выдать, чтоб в приданое (чеиз) побольше положить пешкиров, одеял, подушек, платьев, чтоб не казалась бедной невеста»*². Таким образом накапливалось имущество, которое определяло социальный статус семьи. В зависимости от количества и качества имеющихся тканей, от трудолюбия женщин формировался авторитет конкретной семьи и общественное мнение о ней. Согласно народной традиции, каждая хозяйка должна была уметь ткать, вязать, вышивать, чтобы одеть членов семьи, украсить дом, организовать хозяйство, подготовить приданое детям, атрибуты для свадебного, родильного и похоронного ритуалов. Для этого требовалось немало времени, поэтому детей с младенческих лет приучали помогать матери. В их обязанность входило: распутывать нитку, наматывать ее на бухту (*кратачку*) и т.п. Отдыхали хозяйки-мастерицы в календарные праздники и воскресенья, поскольку в эти дни не разрешалось ничего делать. Строгим праздником считался Трифон Зарезан, в который не разрешалось резать, шить. Процесс ткачества условно можно поделить на три этапа: обработка сырья для получения ниток; непосредственная работа на ткацком станке; декорирование изделия.

Важным элементом, который занимал огромное место как в повседневной, так и в обрядовой жизни болгар Криничного, был пешкир. Слово это прослеживается во многих балканских языках – болгарском, сербском, македонском, албанском, румынском³. В переводе с румынского оно означает *«скатерть»*; с албанского – *«полотенце, салфетка»*; с сербского и македонского – *«полотенце»*; с болгарского – как *«полотенце»*, так и *«тип женского*

платка», «льняная рубашка». В балканские языки слово перешло из турецкого (вследствие долгого пребывания Балканского полуострова под властью Османской империи), обозначая «полотенце, ткань для лица и еды». Однако само слово «пешкир» персидского происхождения и переводится как «ткань»⁴.

У болгар села Криничного под этим термином подразумевается полотенце. Такого рода полотенца криничанцы изготовляли для бытового, утилитарного, а также для декоративного использования. Причем, способы и техника их изготовления различались между собой.

Чушманские* пешкиры ткали из двух видов нити: хлопчатобумажной и шелковой. Начинали с приготовления основы, которой служили хлопчатобумажные фабричные белые нитки. Их покупали, иногда с вискозой, в Болграде, Измаиле или городах Молдавии (в более ранние времена – в Румынии), дабы изделие имело определенный блеск.

Шелковую нить (*биринджук*) получали в домашних условиях. Выращивали тутовый шелкопряд, из которого впоследствии вытягивали шелковую нить. Эта нить была в основном белого цвета и для того, чтобы в изделиях отделять ее от хлопчатобумажной, криничанцы выкрашивали шелк в желтый цвет с помощью органических красок (шелухи лука, листьев ореха и т.п.).

Одной из главных деталей ткацкого станка (*кросну*), который определял толщину и ширину изделия, была специальная решетка (*бърду*). Народные умельцы изготовляли его из камыша, а размер *бърду* и расстояние между камышовыми прутьями диктовало толщину изделия, так как между ними пропускали нить. С помощью *бърду* (с большим промежутком между прутьями) ткачи ткали верхнюю одежду и ковровые дорожки – *килмы*. Обычно ткацкий станок налаживали опытные женщины, установив его соответствующим образом, легонько расплетали и натягивали (выравнивали) основу, затем опять сплетали, клали на пол недалеко от *кросну* (часть, определяющая ход тканья). После этого одна из женщин расплетала основу с того конца, откуда должна была начаться работа, и надевала ее на *пруточек*, который закладывался в продольное отверстие в *кросну*. Затем, чтобы сохранялся зев, в основу пропускали две тонкие (2–3 см) дощечки и связывали их на концах, чтобы они не выпадали из основы. По мере накручивания основы на *кросну* дощечки все время передвигали. Во время навивания одна из женщин, продев ногу в петлю основы, постепенно распускала и натягивала ее, а другая, поворачивая *кросну*, накручивала на него пряжу. От того, как навита основа на *кросну*, зависел дальнейший ход тканья, поэтому здесь строго соблюдалось требование: основа должна быть равномерно накручена, очень ровно и хорошо натянута (*натра*).

Одна из женщин все четные нити основы пропускала в глазки первой ништельки (нитяная петля в ткацком станке для подъема нитей основы), минуя при этом глазки второй, а нечетные — в глазки второй, минуя соответственно глазки первой. Другая женщина, сидящая за *бърду*, протягивала между зубьев две нити с первой ништельки, а в следующие междузубья — две нити со второй ништельки. Закончив накидку основы, мастерицы связывали ее концы по несколько штук вместе, надевали на *чумбарь* (задний вал ткацкого станка) и закрепляли на полотняном *кросну*. Когда процесс наладки стана, связанный с основой, был закончен, женщины смотрели, чтобы ништельки и *бърду* с набилками были правильно укреплены, а подножки (*крака*) соединены с ништельками.

Когда все было готово и проверено, за стан садилась ткачиха. Нажав на одну подножку, она в образовавшийся зев (*уста*), промежуток между четными и нечетными нитями, пробрасывала челнок (*сувалька*) с уточной пряжей и «прибивала» *бърду* с набилками. Затем она нажимала на вторую подножку и пробрасывала сувалку в обратную сторону и т.д. После нити привязывали к *кросну*, которое находилось под руками ткачихи, ткали 10 см полотна, делали *затакавани* (забивали ткань). С ткацким станком у болгар Криничного связано много примет и поверий. Так, например, гостя, вошедшая в дом, не должна дотрагиваться до него и расхваливать незаконченное изделие на ткацком стане, поскольку считалось, что это к зависти, и после работа у хозяйки уже не пойдет.

Специфичными являются чешмелийские пешкиры. Они выполнены без вышивки – «иголка не касается этого изделия»⁵. Красота достигается чередованием цветов белой и желто-коричневой гаммы, чередованием номеров нити, которыми исполняется непосред-

* Чушмелийци, Чушмели – так местные жители называют себя и свое село, хотя официально в документах оно носит название Чешма-Варуита. Произношение отражает особенности местного диалекта.

ственно узор, а также оригинальностью орнаментики и индивидуальностью узоров. У болгар Бессарабии, точнее жителей Криничного, не существовало строгого набора определенных узоров, которые присутствовали в любом изделии, поэтому ткачиха рассчитывала только на свои умения и фантазию. Однако под индивидуальностью здесь еще подразумевается заимствование одной мастерицей у другой элемента узора с привнесением в него своей изюминки, что при слиянии характеризуется появлением совершенно нового орнамента.

Процесс начинался с приготовления нитей, которые натягивали на *клувий* (мотовило) в зависимости от того, сколько метров хозяйке нужно было соткать. Необходимый метраж набирали путем протягивания нити вдоль двора, благо этому позволяла их длина, а затем измеряли ее локтями. Узор (*късани*, происходит от глагола *късам* – рвать нитку) полотенеца (собственно, как и других тканых изделий), а также его основная часть набирались на ткацком станке. Высчитывалось общее количество нитей, делилось надвое, определялась середина, затем набиралось уже для узора необходимое количество ниток. После для симметрии высчитывалось, через какой промежуток будет повторяться данный узор. Чтобы отличить его как по внешнему виду, так и на ощупь, в его основе используются разноцветные нитки под разными номерами, т.е. разной толщины. Таким образом ставится объемно-визуальный акцент на изделии. Цветовая гамма, традиционная для автохтонных болгар, базируется на белом, красном, черном и зеленом цветах.

Декорирование криничанских полотенец имеет два направления – орнаментальное и сюжетное. Эти два русла находятся в органическом единстве и придают ткани сюжетно-художественную выразительность. При этом высокий уровень орнаментальных композиций достигается благодаря присутствию в них антропоморфных, зооморфных, растительных и геометрических мотивов. Размещение данного рода мотивов выстраивается в полосно-рядовой системе. В этой же системе располагают орнамент с помощью маленьких проемов – *дупки*. Дупки – это своего рода декоративные дырочки на полотне; они бывают разной формы: в виде круга, ромба, треугольника, креста. При этом композиционно их выстраивают следующим образом: в ряд по прямой, с определенным отступлением; в виде кривой, ломаной линии, в виде ромбиков. Данная техника являлась самой сложной, и поэтому именно та мастерица в Криничном считалась самой искусной, которая свои изделия украшала дупками.

Тематика сюжетных композиций болгарских пешкиров села Чешмели очень разнообразна. Она отражает ту среду, те события, в которых непосредственно находится ткачиха, ее мировоззрение, ее эрудицию, ее восприятие тонких деталей и нюансов, ее любовь к своему народу. Полотенеца, представленные в Этнографическом музее села Криничного, свидетельствуют о том, что у чешмелийцев присутствуют патриотические сюжеты. Это подтверждает пешкир с изображением жены, провожающей мужа-солдата на войну. Сюжет изображает эпизод Освободительной войны 1877–1878 гг., который показывает любовь болгар Буджака к своей исторической родине. Существуют также обрядовые сюжеты, например, изображение свадьбы, жениха и невесты в красном платье. При этом цвет платья указывает на древность этого изделия.

Ваза с пышными цветами и птичками, расположенными сверху, с обеих сторон, которым видно все живое, и открыты небесные просторы является ни чем иным, как модернизированным деревом жизни – символом всего живого, который хорошо известен древним славянам⁶. У криничанцев такого же рода ваза с цветами иногда изображается с петухами в рост с вазой. Изображение виноградной лозы, гроздьев винограда говорит о развитии в этом регионе виноградарстве. Присутствует также изображение в фас орла, у которого две головы симметрично развернуты в противоположные стороны, посередине корона. Крылья широко распахнуты и практически достают головы. Интерес представляет такой факт: данные орлы изображены на пешкире с сюжетом проводов мужа на войну. А отделены они друг от друга геометрическим орнаментом из *дулок*, маленьких проемов. Нередко на чешмелийских пешкирах присутствовал образ женщин, вытканых белыми, черными и красными нитками с четко выраженным контуром. Считается, что этот сюжет символизируют хорошо (народный танец болгар).

В болгарской народной орнаментике, а именно в селе Криничном, встречаем элементы, связанные с некоторыми старинными верованиями. Примером служат орнаменты, содержащие изображения солнца, древа жизни, человека, коня, вставшего на дыбы, креста и др. На пешкирах антропоморфные, зооморфные и растительные мотивы изображаются в определенной последовательности и повторяемости. Чаще всего в одном ряду сюжет повторяется

трижды – в зависимости от ширины изделия. Однако в криничанском музее есть полотенце, где птица в цветах изображена один раз и посередине.

Четкая система размещения сюжетов, орнаментов и мотивов присутствует в каждом пешкире. По краям изделия декорируют одновременно сюжетными и орнаментальными изображениями, выполненными разными нитками и разными техниками. Середина при этом остается слабо декорированной. Законченный вид полотенцам придает связанное крючком кружево. Помимо использования пешкиров в ритуальной практике, а также в украшении жилища, они имели и бытовое назначение. Для повседневного использования в домашнем обиходе болгарки ткали небольшие прямоугольные полотенца, ничем не декорированные, из грубой конопляной нити (*кольчишта*), в основном коричневого цвета, для большей практичности. Пешкирами в Криничном украшали комнаты, вешали их на стену в треугольной форме, т.е. середину цепляли за гвоздь, украшали образа икон, а со второй половины XX века – большие фотографии.

Рута – это маленькое полотенце без узоров и рваных (прерывающихся) нитей. Ткали его из светлых нитей разных размеров, без *късани*. Использовали руту и в похоронно-поминальных, и в свадебных обрядах, и просто в быту. Руту повязывали всех присутствующих на похоронах лиц мужского пола, перевязывали подводу, на которой везли покойника и людей, которые несли гроб. Ее клали в гроб к покойнику; на поминках дарили тем, кто его омывал. Руту повязывали на свадебное дерево (*байряк*); специально сотканной руту (с красной нитью) обвязывали голову невесты и только потом надевали фату. Рута была также неотъемлемым атрибутом обеденного стола.

Свадебный пешкир – элемент традиционной болгарской свадьбы, поэтому в этой обрядности он играет важную роль и выполняет определенные функции. Присутствие узоров на таких полотенцах было обязательным, более того, девушки пытались вложить в них все свои умения и навыки. Четкой композиционной традиции декорирования пешкиров у чешмелийцев не было, поэтому на них присутствовали различного рода сюжеты и орнаменты. В большей степени пешкир фигурирует в обрядах собственно свадьбы. С пешкиром и иконой выводят невесту из родительского дома, перевязывают родственников жениха и невесты, тем самым объединяя всех в один род. В воскресенье днем в доме юноши собираются все приглашенные, музыканты. Родители жениха дарят каждому либо платок, либо полотенце или кусок материи (*плат*). Также перевязывают руки молодоженам, чтобы скрепить их узы союзом любви и привязанности. Таким образом, он выполняет союзную функцию. Пешкир – неотъемлемый компонент приданого (*чеиз*) невесты. Три полотенца вешали на стену, у которой складывали приданое. На свадьбу девушки ткали пешкиры в неограниченном количестве: чем их больше, тем невеста считается богаче.

На сегодняшний день пешкиры в Криничном активно используются в свадебных и похоронно-поминальных обрядах и рассматриваются как важная художественная ценность, которая выполняет многочисленные функции – эстетическую, познавательную, коммуникационную. Их утилитарная и декоративная функция утратила свое предназначение, так как им на смену пришли покупные полотенца, а иконы и фотографии уже давно не украшают пешкирами. Однако каждая уважающая себя хозяйка этого села у себя в доме по-прежнему хранит пешкиры, которые она соткала сама или которые достались ей от родителей. Кстати, в последние годы в Криничном все более наблюдается такая тенденция: к большим религиозным праздникам – Рождеству (*Колада*), Пасхе (*Вилидин*), Троице (*Троица*) – чухмелийские хозяйки стали вывешивать свои самые значительные рушники, что свидетельствует о непрерывности народной традиции на протяжении 200 лет.

¹ Информационный портал болгар Украины // <http://bg-ua.org/?name=krinichbol>

² Записано со слов Николовой Кристины Васильевны, уроженки села Криничное Болградского района Одесской области, болгарки.

³ *Соболев А. Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. – Munchen: Biblion Verlag, 2003. – С. 35.

⁴ Български етимологичен речник. – Т. 5: Падџ-Пуска / Отг. ред. Ив. Дуриданов. – София: Академично изд-во „Проф. Марин Дринов“, 1999. – С. 219–220.

⁵ Записано со слов Янчевой Татьяны, уроженки села Криничное, Болградского района Одесской области, болгарки.

⁶ *Захарчук-Чугай Р. В.* Українська народна вишивка. Західні області УРСР. – К., 1988. – С. 32.

ІСТОРИЯ СЛОВАЧЧИНИ У ХХ СТОЛІТТІ (НА ПОШАНУ ПРОФЕСОРА Є. П. ПУГАЧА)

УДК 94(437.6)«19»:352.07

ОТ СТАРОСТ К НАЦИОНАЛЬНЫМ КОМИТЕТАМ (РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СЛОВАКИИ В ХХ В.)*

О. Подолец

Подолец О. Від старост до національних комітетів (розвиток місцевого самоврядування в Словаччині в ХХ ст.). У статті розглядається процес трансформації органів місцевого самоврядування на території Словаччини, яка протягом ХХ ст. перебувала у складі декількох політичних режимів. У складі монархічної Угорщини, ступінь автономності словацького місцевого самоврядування була вище, ніж у демократичній Чехословаччині, влада якої намагалась шляхом урізання прав місцевого самоврядування укріпити нову політичну систему. Проголошена у 1939 р. Словацька Республіка замінила виборні органи самоврядування на призначуваних чиновників. Комуністи, що прийшли до влади 1948 р., створили нову модель місцевого самоврядування за допомогою Національних комітетів трьох рівнів.

Ключові слова: місцеве самоврядування; національний комітет; політична система; політичні партії; дисконтинуїтет; вибори; уніфікація.

Подолец О. От старост к национальным комитетам (развитие местного самоуправления в Словакии в ХХ в.). В статье рассматривается процесс трансформации органов местного самоуправления на территории Словакии, которая на протяжении ХХ в. находилась в составе нескольких политических режимов. В составе монархической Венгрии степень автономности словацкого местного самоуправления была выше, чем в демократической Чехословакии, власть которой стремилась посредством урезания прав местного самоуправления укрепить новую политическую систему. Провозглашённая в 1939 г. Словацкая Республика заменила избираемые органы самоуправления на назначаемых чиновников. Пришедшие к власти в 1948 г. коммунисты создали новую модель местного самоуправления с помощью Национальных комитетов трёх уровней.

Ключевые слова: местное самоуправление; национальный комитет; политическая система; политические партии; дисконтинуїтет; выборы; унификация.

Podolec O. From Elders to National Committees (Development of the Local Government in Slovakia in 20 century). The article deals with the process of transformation of local governments in Slovakia, which throughout the twentieth century, was part of several political regimes. As part of a monarchical Hungarian the degree of autonomy Slovak local government was higher than that in a democratic Czechoslovakia, whose power strengthen the new political system by cutting the rights of local government. Proclaimed in 1939, Slovakia replaced the elected governments to the designated officials. The Communists who came to power in 1948, created a new model of local self-government with the help of the National Committees of the three levels.

Keywords: local government; National Committee; politic system; political parties; discontinuity; elections; unification.

Местное самоуправление образует один из основных компонентов государственной системы и является её базовой ступенью на нижнем уровне. И в абсолютистских, и в авторитарно управляемых странах, как правило, органы местного самоуправления создавались автономно с различной степенью полномочий центральной исполнительной власти вмешиваться в их состав и деятельность. В данном исследовании мы анализируем положение местного самоуправления в Словакии в турбулентном ХХ в., когда у власти чередовались демократические и недемократические режимы.

Определённым парадоксом является тот факт, что, несмотря на многовековые традиции привилегий, которые гарантировали автономный статус, в частности городам, по отношению к государственному управлению в полуфеодалной Венгрии, положение территориального самоуправления в демократической Чехословацкой Республике (ЧСР) явно слабее.

* Статья была подготовлена в рамках проекта VEGA № 1/0531/14 Развитие нотариата.

Однако, необходимо отметить, что тенденция, ведущая к огосударствлению местного самоуправления во второй половине XIX в., отчётливо прослеживалась также и в Венгрии.

Местное и муниципальное управление в Венгрии

До 1918 г. в Венгрии действовала закономерность: чем ниже положение представительского органа в иерархии государственного управления, тем больше была его репрезентативность. В то время, как в местных выборах принимали участие почти все граждане, высокий избирательный ценз привёл к тому, что на выборах в общегосударственный законодательный орган (нижняя палата венгерского парламента) избирательное право принадлежало едва 6% населения; более того, процесс голосования не был тайным, а публичным. Членство неизбираемых представителей венгерских органов самоуправления (так называемых вирилистов), которые формировали их относительно большую часть, было автоматическим, т.е. вытекало из выполнения ими функции, их имущественного положения, образования или происхождения. Однако в отношениях с государственной администрацией они не были каким-либо образом зависимыми от конкретного органа, который бы их назначением прямо влиял на политический состав органа местного самоуправления, как это позже практиковалось в первой ЧСР. В рамках вертикальной структуры чехословацкой государственной администрации преобладала, в сравнении с периодом Венгрии, полностью противоположная тенденция – реальная репрезентативность представительных органов уменьшалась от парламента до населенного пункта. Верховный чехословацкий законодательный орган – Национальное собрание – было избрано стандартной демократической процедурой на основе всеобщего избирательного права. Способ формирования органов территориального самоуправления был более проблематичен, учитывая неадекватное вмешательство государственной администрации в механизм местных выборов и относительно высокую долю назначенных членов.

Местное и муниципальное самоуправление в межвоенной Чехословакии

Вскоре после создания ЧСР произошла отмена городских привилегий. В 1918 г. словацкие города и села входили в состав нового государства и разделялись по правовому статусу на четыре категории, от которых зависела степень подчинения территориальных единиц государственной администрации. Наивысший статус имели четыре муниципальных города (Братислава, Кошице, Банска Штявница и Комарно), находившиеся в правовой иерархии жуп. Вторую категорию составляли 30 городов с учрежденным магистратом (на уровне низших единиц территориального управления – районов); третью – большие населенные пункты. Это означало, что в рамках нового административного деления они имели право называться городами. Четвертую категорию составляли все остальные населенные пункты – села. Наивысшая категория была полностью отменена (статус Братиславы и Кошице опущен на одну категорию, а Банской Штявницы и Комарно вообще на две), а статус всех городов с учрежденным магистратом, был низведен на уровень ниже¹.

Правовое закрепление статуса местного самоуправления в новой республике являлось, таким образом, явным шагом назад. Такое развитие обосновывалось, особенно в первые годы, необходимостью стабилизации нового государства и его режима, который нуждался во властных полномочиях для влияния на становление более низких уровней управления. Трудно объяснимым фактом является то, что одновременно с укреплением внутреннего и международного положения ЧСР продолжали усиливаться тенденции в направлении к все более сильному ограничению значения и компетенций органов самоуправления. Местные органы власти, непосредственно избранные гражданами, таким образом, могли действовать лишь в пределах назначенных полномочий, при этом все остальное было поручено государственным чиновникам. Местное самоуправление, особенно в поздний период, в политических кругах считалось «экономически отягощающим, ненужным анахронизмом, который часто осложнял реализацию государственного управления», что подвергалось критике тогдашней правовой наукой².

Процесс преобразования местного самоуправления в новом чехословацком государстве мы можем разделить хронологически на три этапа. Первый, переходный период, отмечен функционированием органов, созданных еще в условиях бывшей Венгрии³.

Но государственным органам было дано право распускать органы самоуправления и на их место государственным чиновником (уполномоченным правительства) назначались комиссии. Чиновнический аппарат оставался при условии выражения лояльности правительству, чтобы сохранить функциональность администрации. Впоследствии выполнение вмешательств в дела местного самоуправления взяли на себя жупаны, назначавшиеся министром по делам Словакии, что завершило процесс ликвидации органов самоуправления, унаследованных с довоенного периода⁴. После первых парламентских выборов задачей жупана было адаптировать политический состав их результатам в данном территориальном районе. На должность старосты жупан назначал представителя сильнейшей политической партии в населенном пункте⁵. Первые прямые выборы в органы самоуправления Словакии состоялись лишь в 1923 г.

Следующей ступенью развития стали законы начала 1920-х гг.⁶, которые привели к явному ущемлению привилегированного положения городов и подчинению их органам государственного управления⁷. Положение городов и сел в Словакии в очень ограниченной форме, наконец, стабилизировалось после принятия Закона № 243/1922, который значительно урезал компетенции самоуправления.

Наибольшим ограничением местного самоуправления стала система подтверждения выбора старост органами государственной власти, которые имели право вето в этом вопросе. После того, как избранный местный представительский орган выдвигал из своих рядов кандидата на пост старосты, следовало изучение его «пригодности» соответствующим органом государственной власти⁸. Решающим критерием была «политическая благонадежность», что на практике означало рассмотрение его партийной принадлежности. Автоматически на должность старосты утверждался лишь член партии правительственной коалиции; кандидаты от оппозиции часто не утверждались. В таком случае должность старосты считалась вакантной, и государственный орган уполномочивал одного из членов местного совета на должность временного старосты, который созывал местный совет на повторное голосование по выборам старосты. В случае, когда местный совет настаивал на первоначальной кандидатуре старосты, государственный орган мог его распустить и уполномочить временное руководство местным самоуправлением правительственному комиссару⁹.

Сельское и городское самоуправление в Словацкой республике (1939–1945)

Ликвидация демократического государственного устройства в Чехо-Словакии после Мюнхенского соглашения коснулась и местного самоуправления в городах и селах. Сменивший его авторитарный режим нуждался в избавлении от реликтов демократии, к которым относились и маленькие сельские парламенты, избранные на принципах политического плюрализма. Они были постепенно ликвидированы, а весь политический спектр был вынужден объединиться с государственной партией – Глинковой словацкой народной партией – Партией словацкого национального единства (ГСНП), наряду с которой по-прежнему могли действовать две партии национальных меньшинств – немецкой и венгерской¹⁰.

В городах и селах (а также во все сферы общественной жизни, которые еще не были под контролем новой правительственной гарнитуры) насаждались правительственные комиссары – государственные чиновники с полномочиями по принятию решений. В соответствии с постановлением Словацкой автономной администрации от 19.10.1938 г. распускались местные советы, состав которых «не обеспечивал достаточных гарантий быстрого консолидирования положения», или же во главе села был «староста, по сегодняшним меркам, там не подходящий». При реализации таких мероприятий новая государственная власть могла использовать законы со времен ЧСР, которые предусматривали их исполнение в чрезвычайных обстоятельствах. Основным правовым документом в данном случае был Закон № 243/1922 от 23.08.1922 г. В большинстве населенных пунктов достаточно было использовать Закон о политических партиях от 1933 г., когда на его основании депутаты распущенных политических партий теряли свои мандаты¹¹. Там, где в результате такой процедуры мандат теряло большинство членов совета, возникала ситуация, в которой Закон предусматривал назначение правительственного комиссара. Словацкая автономная администрация уполномочивала районные администрации осуществить процедуру лишения мандатов и одновременно назначить альтернативных членов на основе персональных

предложений районной организации объединенной партии¹². После этого шага местное самоуправление приобрело политически однообразный характер, тем самым исчезла необходимость его роспуска. На основании положений, вытекавших из законодательства первой ЧСР, уже с осени 1938 г. после роспуска органов самоуправления в селах и городах назначались правительственные комиссары. В Братиславе местный совет был распущен 26.10.1938 г., а правительственным комиссаром назначен один из его членов – Б. Ковач¹³. Даже заявление о лояльности к новому правящему режиму Братиславского городского совета не помогло предотвратить роспуск органа самоуправления¹⁴. В Кошице подобная акция состоялась на несколько дней раньше (19.10.1938 г., правительственным комиссаром был назначен Й. Бучек), что, однако, не имело особого значения, поскольку город после Венского арбитража стал частью территории, оккупированной Венгрией.

Партийно-политические и религиозные круги в районах в большинстве своём решили, что будут распущены местные органы самоуправления и заменены правительственным комиссаром. Например, районы Банска Штявница и Трстена, с точки зрения новой власти, были политически беспроблемными¹⁵. Но иной ситуация представлялась в районах, которые политически и религиозно были более дифференцированы, например в Турце, на Горегронии или же в большинстве регионов восточной Словакии¹⁶. В 1942 г. избранное местное самоуправление действовало лишь в одной трети населённых пунктов, при этом соотношение в отдельных жупах было весьма различно. В период, когда при жупных администрациях в Тренчине (54%) и Ружомберке (60%) функционировало более половины старост, в Нитрянской жупе уже не было ни одного¹⁷. Процесс устранения политической неудобных местных парламентов постепенно перерос в систематический роспуск избранных местных органов власти. «Применение авторитарного принципа на уровне села» было завершено в 1943 г., когда в Словакии уже не действовал ни один первоначально избранный местный совет¹⁸.

Правительственные уполномоченные подлежали прямому контролю со стороны органов государственной власти, при этом отчеты об их деятельности нотары* регулярно отправляли районному начальнику, который впоследствии отработанные сообщения отсылал в краевую администрацию или в Министерство внутренних дел (МВД)¹⁹.

Говоря о социальном составе правительственных комиссаров и членов консультативных органов, кандидатами в основном были крестьяне, торговцы или учителя. Например, среди правительственных комиссаров в районе Зволена было 78% крестьян, 13% железнодорожных работников, 5% составляли директора местных народных школ, иногда мельник и почталён. По религиозной принадлежности 60% правительственных комиссаров здесь были римско-католического и 40% евангелического вероисповедания, что соответствовало реальному соотношению обеих конфессий²⁰.

Ключевой проблемой на данном этапе развития оставался вопрос о «временности» существования такой государственной политики в делах местного самоуправления. От этого определялась и ответственность этих органов²¹. Например, это выразилось в недоверии банков, не уверенных в том, что правительственные комиссары в рамках повседневного управления могут принимать решения по вопросам получения кредитов для своих населённых пунктов. Позиция МВД сводилась к следующему: поскольку в настоящее время выборы местного самоуправления невозможны, «институт правительственных комиссаров становится правилом»²². Своим решением МВД от 17.04.1941 г. предоставило правительственным комиссарам все компетенции бывших органов местного самоуправления (местного совета, старост и комиссий) без ограничений²³. Несмотря на усилия сохранить хотя бы формальную законность, новый правящий режим заявлением о «временной» деятельности правительственных комиссаров, вызванной «чрезвычайными обстоятельствами», оказался, безусловно, вне законодательного поля времен бывшей ЧСР. Более того, было проигнорировано положение закона, согласно которому «чрезвычайные обстоятельства» могли длиться максимум 6 месяцев, при этом после истечения данного периода обязательно назначались новые выборы. Факт того, что произошло преднамеренное нарушение закона, власть открыто признала, но аргументировала «чрезвычайными обстоятельствами» и опиралась на аналогичную ситуацию после переворота в 1918 г. Пони-

* Низшая должность в иерархии исполнительной власти на местном уровне.

мание незаконности сложившегося положения стало одной из главных причин подготовки реформы местного самоуправления в 1943 г.²⁴. Ввиду концентрации всех полномочий местного самоуправления в руках одного человека, то контроль за его деятельностью в профессиональных кругах подвергался критике как недостаточный и неэффективный²⁵. Некоторые полномочия поэтому в подготавливаемом законе передавались более широкому бюро – местному представительскому органу²⁶.

Главным вопросом, который в значительной мере детерминировал реальную степень автономного принятия решений самоуправлением, был способ его финансирования. Самостоятельное функционирование населённого пункта возможно только тогда, когда он располагает собственными прямыми налоговыми источниками. Наоборот, зависимость от государственных дотаций ставит местное самоуправление фактически в зависимое (подчиненное) положение от государственной администрации. Проблема финансирования сел, которая находилась в период первой ЧСР вне интересов законодательства, в большинстве случаев решалась лишь внесением частичных поправок в законы до переворота, что создавало громоздкий лабиринт правовых норм²⁷. Плодами этой ситуации стало то, что большинство населенных пунктов, обремененных большими долгами, находилось на грани неспособности выполнять свои основные задачи²⁸. До 1922 г. единственным источником доходов местного самоуправления была прибыль, приносимая имуществом данного села или города и муниципальных платежей. Вступлением в силу Закона № 329/1921 к ним прибавились регулярные и временные местные налоги и сборы. Ситуацию с населёнными пунктами, которые имели долги, не удалось решить даже после создания Санационного фонда поддержки, возникшего в 1927 г.²⁹. Принять комплексную правовую норму, регулирующую экономические проблемы села, не удалось, и в 1938–1945 гг. был утверждён Закон № 290/1940³⁰, автор которого признавал его в качестве временного и констатировал, что он «не улучшает состояние муниципальных финансов, а лишь адаптирует действующие нормы к современной текущей действительности»³¹. Доходы сел на его основе расширились на две новые обязательные выплаты (пожарная и владение собаками) и упростили административную процедуру при внедрении дополнительных специальных налогов³².

Процесс ликвидации местного самоуправления, в конце концов, завершился четвертой фазой – принятием Закона № 171/1943 о его ликвидации. Он в принципе легализовал существовавшее до этого положение и устранил все элементы самоуправления; таким образом, термин «самоуправление» в подзаголовке полностью потерял свое значение³³. В ходе дискуссий в парламенте принцип избираемости местных органов был обозначен как «шаткая и неустойчивая основа местного самоуправления..., от которого нужно отступить». Вместо этого принципа было введено назначение по предложению государственной партии, т.е. ГСНП, или партии национальных меньшинств, что должно было обеспечить «качество выбора членов»³⁴.

Закон вступил в силу 01.01.1944 г. и на его основе в каждом населенном пункте заново создавались в течение шести месяцев органы местного управления³⁵.

Новосозданные органы населенных пунктов состояли из сельского комитета (соответственно городского) и старосты (в городах – мэра, в Братиславе – главного мэра с одним или двумя подстаростами). Компетенция назначения этих органов принадлежала в случае с городом Братислава – правительству, в районных администрациях – жупану, а в остальных населённых пунктах – районному начальнику. По результатам переписи населения определялось количество членов комитета села и количество мандатов национальных меньшинств, если представительство национальных меньшинств было меньше 1/6. Кроме членов сельского совета назначалось и одинаковое количество альтернативных членов. Срок полномочий членов сельских органов длился пять лет. Большинство полномочий законодатель передал старосте, а в исключительных случаях решение коллективно принимал сельский комитет, что, однако, не имело большого значения, потому как, учитывая порядок назначения на должности, все члены комитета де-факто являлись государственными чиновниками³⁶.

В конце февраля – начале марта 1943 г. все члены ГСНП в селах, где существовала местная ячейка государственной партии, были приглашены для участия в подобии партийных «первичных выборов». Таким образом, они должны были тайным голосованием выразить своё отношение к спискам кандидатов, составленным высшими партийными органами. Государственная власть при этом рассчитывала на относительно формальное утверждение

предоставленных кандидатов³⁷. Список кандидатов, одобренных членской базой партии, впоследствии был представлен как предложение о назначении компетентному органу³⁸. Завершением возникновения новых сельских органов власти были их организационные заседания, связанные с принятием присяги в присутствии представителей государственной администрации³⁹.

По вопросу представительства национальных меньшинств закон был сформулирован очень либерально и гарантировал национальным меньшинствам количество мандатов, которое реально соответствовало их доле среди местного населения. Право на «национальный мандат» возникало, когда доля национальных меньшинств среди населения достигала 1/6, а старостой становился представитель преобладающей национальности⁴⁰.

Реформа местного управления в 1943–1944 гг. вызвала негативную реакцию среди значительной части населения⁴¹. Реакция общественности проявлялась в двух основных направлениях. С одной стороны, под влиянием внешнеполитических событий возрастал алибиизм чиновничества и нежелание граждан принимать какие-либо управленческие функции. Под различными предлогами множество заявителей старалось избежать партийного назначения на функцию в селе. В такой ситуации закон приспособлялся введением обязанности принять государственную должность⁴². Так как участие в избирательном акте было одновременно и публичным выражением членства в государственной партии, не удивляет, учитывая вышеупомянутые мотивы, очень низкий процент участия в партийных «первичных выборах»⁴³.

С другой стороны, полностью противоположные реакции вызвала избирательная система среди независимых кандидатов. Многие публично говорили о чувстве дискриминации, когда не могли принять участие в принятии решения о персональном составе руководства села⁴⁴. Реформа не принесла ни упрощения, ни доступности управления⁴⁵.

В особой ситуации уже через несколько месяцев оказались села, находившиеся после начала Словацкого национального восстания (СНВ) на повстанческой территории. Органы, созданные на основе законодательства Словацкой Республики (СР), оказались под властью органа революционной власти – Словацкого национального совета (СНС)⁴⁶. Он объявил конкурс на создание революционных административных органов – местных национальных комитетов (НК), которые должны были избрать нового старосту.

Функционирование НК на повстанческой территории было отмечено политическими конфликтами и правовой импровизацией, при этом на подготовку более комплексных юридических норм, которые бы имели силу закона, под влиянием быстрой смены военных событий повстанческому руководству не хватило времени.

После подавления СНВ братиславское правительство пыталось на территориях, над которыми снова получило административный контроль, осуществить статус-кво до 29.08.1944 г.⁴⁷.

Национальные комитеты в послевоенной Чехословакии

Послевоенные годы 1945–1948 гг. представляют собой турбулентный период в развитии государственного управления. Постепенно создавались совершенно новые органы – НК как проявление дисконтинуитета с предыдущим развитием. В обеих частях обновлённой Чехословакии они имели схожий характер – объединял их революционный способ создания, несмотря на то, что они основывались на разном правовом фундаменте. В Чехии это были декреты президента республики, а позже законы общегосударственных конституционных органов, в Словакии – постановления СНС. Унификация системы местного самоуправления состоялась только после установления коммунистического режима с принятием Конституции 9 мая 1948 г. и введением единого краевого устройства, законом от декабря 1948 г.

Политическая борьба за новую форму послевоенного самоуправления в виде НК развернулась в чехословацкой эмиграции во время Второй мировой войны. Видение некоммунистических политических партий в Лондоне заключалось в изменении системы краевого управления и полном огосударствлении местного самоуправления (речь шла о переходном состоянии, пока ситуация в республике не консолидируется)⁴⁸. В конечном итоге был реализован план руководства коммунистической партии, которое находилось во время войны в СССР⁴⁹.

На переговорах в Москве в декабре 1943 г. коммунисты изложили Э. Бенешу свое комплексное видение формы политической системы в обновленной республике. Ее основой должны были стать революционно созданные НК, которые постепенно снизу образовывали органы управления – на уровне района и страны, вплоть до временного Национального собрания⁵⁰. Коммунистическая концепция НК получила признание в заявлении чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне в апреле 1944 г., которое согласилось с созданием НК, при этом определило даже рамочные принципы их создания и деятельности. Например, количество членов не должно было превышать численность предыдущих местных административных органов, которые бы руководствовались лишь законодательством, изданным президентом и правительством, а к первым неотложным задачам относилось обеспечение порядка или установление лиц, считавшихся коллаборационистами, в том числе их собственности⁵¹. Конституционный декрет президента республики от декабря 1944 г. обозначал НК как временные органы, при этом их полномочия ещё не были так широко определены, как в более позднем послевоенном законодательстве⁵². Позже, в октябре 1945 г., в чешских землях была восстановлена территориальная организация межвоенного краевого устройства, во главе территориальных единиц, однако, уже стояли НК различных степеней⁵³.

Коммунистов в первую очередь заботил институциональный и персональный дисконтинуитет с предыдущим развитием. Неприятие предыдущих институций с их чиновническим аппаратом для них было ключевым вопросом. Как представители одной из небольших оппозиционных партий, коммунисты рассматривались в качестве антигосударственной силы, а их коммунистическая идеология – как опасность для демократической системы. Они не имели какого-либо представительства в межвоенной государственной администрации и очень мало их представителей работало в органах местного самоуправления. В эти структуры, даже в случае благоприятных политических условий, им очень трудно было проникнуть, что делало невозможным быстро получить их под свой властный контроль. Персональный и институциональный континуитет с предыдущими администрациями в Протекторате Чехия и Моравия и в СР в 1939–1945 гг. (в большинстве своем в действительности речь шла о бывших межвоенных чехословацких чиновниках) коммунисты принципиально отвергали. Поэтому их главной целью стало создание совершенно новых революционно образованных органов, где они бы могли использовать свои местные структуры, которые у них были из всех политических партий наилучшим образом выстроены. Эти революционно созданные НК на самом низком (сельском) уровне впоследствии должны были создать (делегируя) НК высших степеней (снизу вверх). Там, где НК не были сформированы спонтанно, организовывались публичные выборы с открытым голосованием. За продвижением принципа лишения лиц, названных коллаборационистами, пассивного и активного избирательного права в НК, скрывалось намерение целенаправленно использовать это расплывчатое обвинение для устранения наибольшего количества некоммунистов из кандидатов в НК. Многие представители межвоенных политических партий на самом деле остались в административном аппарате государственного управления и самоуправления даже после Мюнхена 1938 г.

Разграничение полномочий должно было копировать межвоенную модель местного самоуправления и отличаться по характеру органа и способа его создания. Их гибридная сущность состояла в объединении самоуправления и государственной администрации в одном органе, и, таким образом, НК становился не только органом государственного управления, но и органом «народной власти»⁵⁴.

Коммунистическая партия также добивалась конкретных принципов функционирования этих новых органов управления в соответствии со своими идеологическими установками. Прежде всего, речь шла о советской модели соединения законодательной и исполнительной функции в одном органе, т.е. избранные представители народа законы не только принимают, но сами же их и выполняют. В чехословацком случае такое слияние произошло только на уровне местного самоуправления, при этом в наивысших конституционных органах, осталось их формальное разделение (однако, в соответствии с новой философией, уже речь не шла о «разделении власти», а только о «разделении труда»).

Дальнейшим насаждаемым принципом был императивный мандат избранных членов этих органов, т.е. возможность их перманентного контроля и отзыва – этим предполагалось устранить «оторванность депутатов от народных масс» между выборами.

В соответствии с коммунистической идеологией предлагалось и так называемое двойное подчинение органов. С одной стороны, применялось горизонтальное подчинение чиновников избранным депутатам в рамках НК (на практике даже преобладало). В то же время применялось и вертикальное подчинение НК низших уровней управления НК высших уровней (так называемый демократический централизм), например, местный НК был подчинён районному НК.

Эти идеологические принципы применялись при возникновении послевоенных местных органов управления в странах образовывавшегося советского блока, поэтому здесь наблюдается много общих черт⁵⁵. Органы местного управления не были в большинстве своём демократически избраны, потому как первоначально революционно созданные органы постепенно превращались в органы, которые возникали с помощью недемократических выборов по коммунистическим законам. Типичной также была гибридность органов, которые способом своего возникновения и структурой имели характер объединённого самоуправления и государственной администрации. Акцент при этом делался на «классовом характере» органов управления и принятии ими решений⁵⁶.

Большинство своих представлений коммунисты навязали на московских переговорах и внедрили в Кошицкую правительственную программу – программу послевоенного чехословацкого правительства, которое стало коалицией коммунистов с некоммунистическими политическими партиями. Речь шла, прежде всего, об образовании совершенно новых органов управления – НК, что означало обеспечение дисконтинуитета с предыдущей системой⁵⁷.

Председатель Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) Клемент Готвальд считал НК важным инструментом коммунистов в их последующей политической борьбе: «Национальные комитеты являются главной ареной политической борьбы. Именно там мы боремся за руководство нацией со своими скрытыми и открытыми противниками»⁵⁸.

В Словакии НК возникали согласно особым постановлениям СНС. Призыв на создание НК содержался уже в «Манифесте» Словацкого национального совета от 4 февраля 1945 г. В то же время он определял и первые задачи в области восстановления, обеспечения снабжения населения, защиты имущества, обновления базовой инфраструктуры, выявления «предателей нации»⁵⁹. Постановлениями СНС от апреля 1945 г. постепенно унифицировался способ создания НК⁶⁰, при этом избирательное право зависело от гражданства и национальной принадлежности – тем самым оно предоставлялось чехословацким гражданам чешской, словацкой и украинской (русинской) национальности старше 18 лет. Его лишались лица, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с политическим режимом в 1938–1945 гг. Публичные выборы НК низшего уровня, т.е. местных НК, проходили на собраниях граждан путем открытого голосования. Районные НК позже формировали делегаты отдельных местных НК.

В рамках переходного политического режима в 1945–1948 гг. на словацкой политической сцене могли действовать только две политические партии, которые играли ведущую роль в СНВ – коммунистическая и демократическая партии. Во время выборов в отдельные местные НК коммунистическая партия использовала свое организационное и институциональное преимущество. Демократическая партия (ДП), наоборот, с осени 1945 г. пыталась хотя бы установить равноценное (паритетное) представительство, что ей однако до выборов достичь не удалось. На результаты открытого голосования при выборах НК часто влияли в пользу коммунистов и представители советской армии⁶¹. На своём съезде в июле 1945 г. в Мартине ДП выдвинула требование прямых, тайных выборов в НК, а в декабре реального политического представительства в них. Однако, руководимое коммунистами Повереництво* внутренних дел в январе 1945 г. проведение таких выборов категорически запретило. До весны 1946 г. коммунисты, таким образом, удерживали своё большинство в НК⁶².

Касательно чиновнического аппарата, предполагалось его частичное заимствование из числа лиц, занятых в прежней административной системе. В ситуации с селами НК должны были сформировать свою администрацию, при этом они могли набирать бывших сельских чиновников, которые должны были удовлетворять условию «политической и национальной благонадёжности». Таким образом был создан зародыш будущих единых НК, состоявших из избираемой (представительской) и исполнительной («чиновничьей») частей. Жупный уровень управления, созданный в 1939 г., был полностью отменен, но сохранился традиционный трехуровневый алгоритм управления, на этот раз в виде: населённый пункт – район – повереництво.

Новым элементом в словацком административном управлении, которое основывалось на коммунистической концепции, было введение императивного мандата, т.е. возможности применения «народного контроля» в виде отзыва депутата НК до истечения срока его полномочий.

Интересной особенностью стало то, что соответствующее законодательство, в конечном итоге, узаконило четыре вида формирования НК.

Первый вид НК возник в виде ячеек сопротивления еще перед началом СНВ, при этом после начала восстания, 29.08.1944 г., они официально взяли власть в населенных пунктах. Следующий вид НК возник на основе инструкции повстанческого руководства – СНС⁶³. В областях, которые являлись более удаленными от центра восстания, их образование имело достаточно часто сугубо формальный характер. Например, в большинстве сел района Крупина персональный состав НК во многих случаях минимально отличался от бывших сельских комитетов, которые лишь переименовывались в НК⁶⁴. Стремительное развитие военных событий в этих приграничных территориях часто приводило к тому, что большинство НК даже до оккупации немцами повстанческой территории не успевали возникнуть⁶⁵. Политические постановления не определяли точное соотношение между двумя компонентами антифашистского сопротивления – коммунистическим и некоммунистическим⁶⁶.

Следующий вид НК сформировался революционно сразу же после прохождения фронта. Третий тип НК был образован на основе вышеописанных норм СНС от апреля 1945 г.

Общесловацкий съезд НК в Банской Быстрице в августе 1945 г. закончил процесс их формирования в Словакии⁶⁷. Делегаты НК избрали депутатов высших законодательных органов Словакии (СНС) и Чехословакии (Временное национальное собрание). Открытое голосование за совместные списки кандидатов от двух правящих политических партий было формальным актом⁶⁸.

НК играли важную роль также в реализации процессов, которые в первые послевоенные годы имели ключевое значение для всего общества. На местном уровне они обеспечивали национализацию промышленности, конфискацию имущества или деятельность ретрибуционного правосудия.

Более реалистичное отражение предпочтений населения и, следовательно, большую легитимность избранного административного органа НК имели лишь после так называемого «обновления», которое состоялось после выборов 1946 г. в общегосударственный парламент – Национальное собрание. В этих выборах в чешской части республики победила КПЧ, но в Словакии коммунисты потерпели крупное поражение от ДП. На основе постановления СНС № 92/1946 произошло новое перераспределение мандатов по результатам выборов в конкретном городе или селе. В отличие от предыдущих революционных способов, применявшихся на выборах в НК, этим постановлением членство в НК строго закреплялось лишь за кандидатами ограниченного количества разрешенных политических партий, которые приняли участие в выборах в Национальное собрание. Предоставленные списки кандидатов впоследствии вывешивались в течение 14 дней в общественном месте в здании конкретного НК, а также по месту жительства кандидата. Далее следовала проверка кандидатов специальными комиссиями, состоявшими из членов, делегированных политическими партиями. Реализация механизма распределения мандатов была возложена на местные и районные избирательные комитеты, в которые назначались представители политических партий, предоставлявшие списки кандидатов⁶⁹. После подсчета количества мандатов для каждой политической партии (в соответствии с результатами парламентских выборов в конкретном городе или селе) отдельные мандаты распределялись согласно номеру кандидата в соответствующем списке. В соответствии с очередью на освободившиеся места продвигались запасные кандидаты⁷⁰.

Этот метод формирования, по сравнению с предыдущей системой, являлся прогрессом. Однако он не давал возможности избирателю голосовать за конкретного кандидата, что было очень важно для управления сел и городов. Система также делала невозможным выставлять свою кандидатуру вне разрешенных политических партий. Этот метод избрания был первоначально только переходной мерой, при этом проведение прямых выборов в НК планировалось в 1947 г.⁷¹.

Осенний политический кризис 1947 г. в Словакии являлся властным переворотом, с помощью которого коммунистическая партия изменила баланс сил, возникший после

* Исполнительный орган СНС.

выборов. Однако он коснулся, в первую очередь, высших органов (словацкого правительства, называвшегося Збор повереников), а НК в меньшей степени. Коренные изменения (по словам коммунистов: «Очищение от реакционных элементов») произошли после коммунистического переворота и захвата власти в Чехословакии в феврале 1948 г. По призыву коммунистической партии ее члены начали создавать комитеты действия, которые должны были революционным путем взять власть на предприятиях и в администрациях. Комитеты действия взяли под контроль и отдельные НК, лишив членства в них всех противников коммунистической партии. При большом количестве исключенных членов весь НК был заменен административной комиссией⁷². Учитывая результаты выборов в 1946 г. и выплывавшее из них положение ДП в НК, вмешательство комитетов действия было сильнее в Словакии, чем в Чехии. Подавляющее большинство районных НК заменялось временной администрацией, а с 3341 местных НК осталось только 1136⁷³.

Принятие Конституции 9 мая 1948 г. и закона № 280/1948 о создании краев вводило новую единую систему НК по всей территории ЧСР. Новая система управления уже соответствовала формам тоталитарного коммунистического режима, установленного в феврале 1948 г.⁷⁴ В Конституции 1948 г. говорилось о НК как о единственных органах в области местного самоуправления. Новая система управления была основана на некоторых основных принципах. В первую очередь, после нескольких лет опять унифицировалась система территориального управления по всей ЧСР. Таким образом, вводилась единая система одинаковых органов на трех административных уровнях (село/город – район – край), при этом краевой уровень стал базовой ступенью управления.

Однородность системы «народного управления» также заключалась и в унификации государственных органов власти и органов местного самоуправления в одной структуре. Однородность системы должен был также обеспечивать и одинаковый вид НК на всех уровнях управления. Внутренняя организация и сфера деятельности организовывалась в соответствии с едиными принципами на уровне села (или города), района и края.

В организации краевых НК (и НК вообще) был применен принцип двойного подчинения. Горизонтальное заключалось в подчинении исполнительных органов (чиновников) депутатам НК или его совету. Целью было обеспечить при выполнении функций учет специфики края и одновременно соответствие деятельности отдельных организационных частей с общей политикой НК. Вертикальная подчиненность в отношении центральных органов или высшего уровня НК должна была обеспечить соблюдение и единообразное выполнение законов и правовых актов. Подчинение НК высшего уровня непосредственно МВД закреплялось Конституцией. Это являлось гарантией «единообразного функционирования государственного управления» и «единой государственной политики»⁷⁵. Границы «целевой децентрализации» были определены (и ограничены) путем определения деловой и местной сфер так, чтобы существовала возможность «решать все деловые и личные вопросы государственного управления, пока эти вопросы не затрагивают интересы высших единиц»⁷⁶.

Следующим принципом являлось упрощение и удешевление управления. Институт НК должен был соединить государственное управление во всех областях, также и в тех, где ранее существовали особые органы⁷⁷. Сфера деятельности НК была определена так, что он обладал компетенцией во всех областях, за исключением тех, которые закон специально определил другому органу⁷⁸. Конституция определяла компетенцию НК, в частности, в области внутреннего местного управления, в культурной, образовательной сферах, в здравоохранении, в социальных и финансовых делах. Исполнение всех профессиональных компетенций, таким образом, было соединено в одно учреждение.

Определение основных задач НК в Конституции соответствовало коммунистической идеологии. На первом плане находились политические дела – защита и укрепление народно-демократического строя, выполнение задач по обороне государства, забота о национальной безопасности. Только потом следовали задачи государственного управления: поддержка, обслуживание и приумножение национального богатства, участие в разработке и реализации единого хозяйственного плана; планирование и управление экономическим, социальным и культурным строительством на своей территории в рамках единого хозяйственного плана и обеспечение предпосылок для постепенного сель-

скохозяйственного и промышленного производства. Перечень задач НК замыкала забота о снабжении продовольствием, о здоровье нации и решения по правовым вопросам в области своей компетенции, в частности, осуществление уголовной юрисдикции в пределах, установленных законом⁷⁹.

«Приближение» управления к народу должно было обеспечить отделение полномочий исполнительного чиновничьего аппарата от избранных «представителей народа». Но и они должны быть под постоянным пристальным «контролем народа», который обеспечивал нововведение в системе управления – императивный мандат. Следовательно, «народный контроль» реализовывался не только посредством выборов, но и в течение всего времени исполнения полномочий, в случае, если избранник «не выполнял свои задачи» или «когда его действия угрожали надлежащему исполнению государственного управления»⁸⁰.

НК состояли из нескольких частей. Пленарное заседание, куда входили избираемые члены НК, представляло особую его часть. Оно было «носителем государственной власти в крае» и «хранителем прав и свобод народа»⁸¹. Его собирали на заседания, как правило, дважды в год. Оно определяло направления политики края и являлось «форумом, на котором проявлялась политическая активность его народных представителей». В отношении исполнительных (чиновничьих) структур оно имело подобную компетенцию как парламент к правительству⁸². Пленарное заседание избирало председателя НК, его заместителей, референтов, создавало и упраздняло отдельные комиссии. К наиболее важным полномочиям относилось утверждение и контроль за исполнением краевого экономического плана, который исходил из общегосударственного, и утверждение собственного бюджета⁸³.

Другой составной частью был совет НК – орган, руководивший всеми компетенциями НК. Его членами являлись председатель, заместители и референты.

Функция председателя имела политический и координационный характер. Он имел полномочия приостанавливать исполнение решений любой части НК. Референты руководили деятельностью конкретных отделений – их структура была единообразно определена для всех НК⁸⁴.

Села и города управлялись местными и городскими НК. Они были составной частью более крупных единиц – районов, руководимых районными НК. Несколько районов образовывали края, которыми руководили краевые НК, являвшиеся базовой единицей коммунистического местного самоуправления. В 1948 г. Были, в первую очередь, созданы небольшие края; в Словакии их было шесть – с центрами в Братиславе, Нитре, Жилине, Банской Быстрице, Прешове и Кошицах. Спустя 12 лет руководство коммунистической партии приняло решение о создании более крупных краев, в основном посредством объединения двух краев в один. Таким образом, в Словакии возникли три края – Западно-Словацкий, Центрально-Словацкий и Восточно-Словацкий. Аналогичным слиянием были образованы и укрупнённые районы⁸⁵.

Согласно административно-территориальному делению от 1948 г., средняя численность жителей в каждом крае составляла около 500 000 человек и включала 13–14 районов. Основным критерием при распределении территорий стала численность населения; учитывая различия в плотности населения, отдельные края существенно отличались друг от друга размером территории. Исключением из правил являлся Центрально-Чешский край с двумя миллионами жителей – его составной частью в то время была Прага. Новые границы территориальных единиц в большинстве исходили из прежних границ частей межвоенной Чехословакии (в частности, соблюдалась чешско-словацкая граница), при этом исключением является Йиглавский край на границе бывших Чешской и Моравско-Силезской частей⁸⁶. Окончательная демаркация районов произошла в обеих частях республики лишь в 1949 г.⁸⁷.

Важную роль в конструировании территориальных единиц играло стремление создать территориальную единицу вокруг значительных экономических и культурных центров, которые доминировали на своих территориях. Согласно этим критериям, которые отражали, прежде всего, настроения чешской части республики, строилось и административное деление Словакии. К 13-ти чешским и моравским краям, таким образом, были присоединены 6 словацких, которые не имели истории и функционировали очень искусственно. Кроме двух доминирующих центров (Братиславы и Кошиц), выбор дальнейших уже не был таким однозначным как в чешских краях. Здесь существовала группа в то время относительно эквивалентных городов (по величине и значению), из которых только

четыре могли стать центрами края. Такими на основе политического решения должны быть, например, Трнава, Тренчин, Мартин или Зволен, но впоследствии ставшие лишь районными центрами.

Новая система НК (село/город – район – край) начала функционировать с 1 января 1949 г. Уже 28 декабря 1948 г. правительством были назначены председатели краевых НК. Назначением (не избранием) были определены и депутаты краевых НК – в Словакии их назначал поверенник внутренних дел. Их имена одобряло руководство коммунистической партии, и было официально определено, что члены КПЧ должны составлять минимум 70% кандидатов⁸⁸.

Первые прямые выборы в НК состоялись лишь в 1954 г. Речь уже шла о типичных коммунистических выборах, которые в действительности не были таковыми. Голосование проходило только за кандидатов, утвержденных коммунистической партией, а избиратели не имели никакой альтернативы. Выборы не были тайными, потому что избиратель не должен был идти с бюллетенем в кабины для тайного голосования. Их результат соответствовал способу выборов, потому что немногие избиратели имели смелость голосовать в таких обстоятельствах против кандидатов коммунистической партии. За единый список кандидатов голосовало в таких псевдовыборах 93,6% избирателей, из которых 90,27% в Словакии⁸⁹. Процент протестных голосов на первых выборах был относительно высок. В последующем, вплоть до 1989 г., результат составлял 98–99%.

Формирование и унификация нового коммунистического местного самоуправления завершились узакониванием организации и деятельности НК низших уровней (районные и местные, соответственно, городские НК), которые были урегулированы законом в течение двух последующих лет. В случае с районными НК, основой, прежде всего, было постановление правительства от 1949 г.⁹⁰; в отношении местных НК – постановление правительства от 1950 г.⁹¹. В обоих случаях речь шла о той же структуре, что и краевое управление.

Так, в начале 1950-х гг. возникла система, которая вплоть до 1989 г. не менялась, только в связи с дубчековой «Пражской весной» были на короткий период ликвидированы края и краевые НК. Столицы после создания федерации – Прага и Братислава – постепенно приобрели статус самостоятельного края. После 1989 г. края вновь были упразднены, а впоследствии восстановлены в новой системе управления в 1996 г. НК были отменены на всех уровнях в самостоятельных Чешской и Словацкой республиках, чем закончилась целая эра в истории управления. Во главе местного самоуправления сел и городов с тех пор стоят прямо избираемые старосты (в селах) и мэры (в городах) вместе с выборными сельскими и городскими советами.

¹ Подробнее на эту тему см.: *Lipscher L. K vývinu politickej správy na Slovensku v rokoch 1918–1938.* – Bratislava, 1966; *Sivák F. Slovenské a české dejiny štátu a práva v rokoch 1918–1945.* – Bratislava, 1998; *Zubácka I. Vývin obecnej samosprávy na Slovensku v rokoch 1918–1938, so zameraním na pomery v Nitre // Studia historica Nitriensia III.* – 1995.

² *Sivák F. Slovenské a české dejiny štátu a práva v rokoch 1918–1945...* – S. 69; сравни: *Zubácka I. Vývin obecnej samosprávy na Slovensku v rokoch 1918–1938...* – S. 119.

³ *Zákon č. 64/1918 // Sbirka zákonů a nařízení státu československého.* – Praha, 1918; *Nariadenia ministra s plnou mocou pre správu Slovenska, Nariadenie č. 31/1920.* – Bratislava, 1920; *Nariadenie Ministerstva s plnou mocou pre správu Slovenska č. 555 adm. z 5.3.1918 o županoch* – не было опубликовано в *Úradných novinách* (так называемых Шпробаровых), в приложении это постановление приводит *Lipscher L. K vývinu politickej správy na Slovensku v rokoch 1918–1938.*

⁴ *Nariadenie Ministerstva s plnou mocou pre správu Slovenska č. 555 adm. z 5.3.1918 o županoch* – не было опубликовано в *Úradných novinách* (так называемых Шпробаровых), в приложении это постановление приводит *Lipscher L. K vývinu politickej správy na Slovensku v rokoch 1918–1938.*

⁵ *Sivák F. Slovenské a české dejiny štátu a práva v rokoch 1918–1945...* – S. 52.

⁶ *Zákon č. 210/1920 // Sbirka zákonů a nařízení státu československého.* – Praha, 1920; *Vládne nariadenie č. 275/1922 // Sbirka zákonů a nařízení státu československého.* – Praha, 1922.

⁷ Там же. Сравни: *Sivák F. Slovenské a české dejiny štátu a práva v rokoch 1918–1945...* – S. 88.

⁸ *Zákon č. 143/1922 // Sbirka zákonů a nařízení státu československého.* – Praha, 1922.

⁹ *Státní ústřední archiv Praha* (далее СÚА), фонд Ministerstvo vnútra (далее МВ), krabica (далее kr.) 2898, 2899, сравни.: *Schelle K. Vývoj správy v předválečném Československu.* – Brno, 1991. – S. 29.

¹⁰ Подробнее см.: *Podolec O.* Genéza a úlohy Snemu slovenskej krajiny v rokoch 1938–1939 // Slovensko a druhá svetová vojna. – Bratislava, 2000. – S. 85–95.

¹¹ Zákon č. 201/1933 // Sbirka zákonů a nařízení státu československého. – Praha, 1933.

¹² Štátny archív Banská Bystrica – pobočka (далее ŠAP) Zvolen, fond OÚ, kr. 58.

¹³ Slovenský denník. – 1938. – № 229. – S. 1. Также см.: Archív mesta Bratislavy (далее AMB), Mestské zastupiteľstvo (далее MZ), Zápisnica zo zasadnutia rady mesta Bratislavy – 28.10.1938.

¹⁴ Например, уже 7.10.1938 г. депутаты совета Братиславы приветствовали словацкое правительство телеграммой, в которой выражали «уверенную надежду, что консолидированная националистическая Словакия будет основной опорой лучшей и более счастливой чешско-словацкой государственности» (AMB, MZ, Zápisnica zo zasadnutia rady mesta Bratislavy, 7.10.1938).

¹⁵ Slovenský snem bude mať 63 poslancov. Celkové výsledky podľa okresov // Slovák. – 1938. – 20. decembra.

¹⁶ Slovenský národný archív (далее SNA), MV-prez., kr. 1966.

¹⁷ SNA, MV-prez., kr. 2188.

¹⁸ Politická škola HSLS v okresoch. Prednášky. – Bratislava, 1943. – S. 23.

¹⁹ SNA, MV-prez., kr. 1966, 2188; ŠAP Zvolen, OÚ, kr. 56, 57, 58.

²⁰ ŠAP Zvolen, OÚ, kr. 176.

²¹ Там же.

²² SNA, MV-prez., kr. 1960.

²³ Politická škola HSLS v okresoch. Prednášky. – Bratislava, 1943. – S. 23.

²⁴ Там же.

²⁵ Politická škola HSLS v okresoch. Prednášky. – Bratislava, 1943. – S. 31.

²⁶ Zákon č. 171/1943 // Slovenský zákonník. – Bratislava, 1943.

²⁷ После 1918 г. было принято 10 поправок и один частичный закон: Zákon č. 329/1921 // Sbirka zákonu a nařízení státu československého (далее Sb. z. a n.). – Praha, 1921. См.: Sbirka zákonu a nařízení státu československého – ročníky 1918–1938. – Praha, 1918–1938.

²⁸ В начале 1940 г. порядка 2001 сел были признаны несамодостаточными (см.: SNA, Snem Slovenskej republiky (далее SSR), kr. 42).

²⁹ Zákon č. 77/1927 // Sbirka zákonu a nařízení státu československého. – Praha, 1927.

³⁰ Zákon č. 290/1940 Sl. z. // Slovenský zákonník. – Bratislava, 1940.

³¹ SNA, SSR, kr. 34.

³² Zákon č. 171/1943 Sl. z. // Slovenský zákonník. – Bratislava, 1943.

³³ Там же.

³⁴ SNA, SSR, kr. 42.

³⁵ SNA, MV, kr. 1960.

³⁶ Zákon č. 171/1943 Sl. z. // Slovenský zákonník. – Bratislava, 1943.

³⁷ SNA, MV, kr. 2389; ŠAP Banská Bystrica, OÚ Banská Bystrica, kr. 136; ŠAP Zvolen, OÚ Zvolen, kr. 244, OÚ Krupina, kr. 89; Štátny archív (далее ŠA) Bratislava, Župný úrad (далее ŽÚ) Bratislava, kr. 224.

³⁸ Obežník Ministerstva vnútra č. 51/1944 zo 16.1.1944 o vykonávaní zákona č. 171/1943 Sl. z. o zmenách v samospráve obcí // ŠA Bratislava, ŽÚ Bratislava, kr. 224.

³⁹ Obežník Ministerstva vnútra č. 322 – 23/2–2/44 z 26.2.1944 // ŠA Bratislava, ŽÚ Bratislava, kr. 224.

⁴⁰ Там же, сравни: SNA, MV, kr. 2389

⁴¹ *Kamenec I.* Trenčín v rokoch 1938–45. Politický a spoločenský vývoj // Trenčín (vlastivedná monografia 2). – Bratislava, 1997. – S. 27.

⁴² Zákon č. 171/1943 // Slovenský zákonník. – Bratislava, 1943.

⁴³ ŠAP Banská Bystrica, OÚ Banská Bystrica, kr. 136.

⁴⁴ SNA, MV, kr. 2389; ŠAP Banská Bystrica, OÚ Banská Bystrica, kr. 136; ŠAP Zvolen, OÚ Zvolen, kr. 244, OÚ Krupina, kr. 89; ŠA Bratislava, ŽÚ Bratislava, kr. 224.

⁴⁵ Obežník Ministerstva vnútra č. 51/1944 zo 16.1.1944 o vykonávaní zákona č. 171/1943 Sl. z. o zmenách v samospráve obcí // ŠA Bratislava, ŽÚ Bratislava, kr. 224.

⁴⁶ Вопрос (дис)континуитета права первой ЧСР, соответственно Словацкой Республики выходит за рамки этой статьи. Дет. см., например: *Beňa J.* Vývoj slovenského právneho poriadku. – Banská Bystrica, 1999. – S. 128; *Rebro K.* Niekoľko úvah o výkone zákonodarnej moci Slovenskou národnou radou za SNP v roku 1944 // Právny obzor. – 1974. – № 57. – S. 638–656.

⁴⁷ ŠAP Zvolen, OÚ Zvolen, kr. 94 – hlásenia obvodných notárov o obnove obecných orgánov po potlačení SNP; ŠAP Banská Bystrica, MÚ Banská Bystrica, kr. 214 – Župná legitimačná komisia; см. также: *Sopko J.* Rozklad štátneho aparátu slovenského štátu v dôsledku Povstania // Slovenské národné povstanie roku 1944 (Sborník príspevkov z národnoslobodzovacieho boja 1938–1945). – Bratislava, 1965. – S. 589–598.

⁴⁸ Národní archiv (далее NA) Praha, fond MV-L, kr. 117, 118, 119 a 120; Archiv Masarykova ústavu Praha, fond EB I., kr. 139.

⁴⁹ *Prečan V.* Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu // V. Prečan, M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá. – 1 sv. – Praha, 1965. – S. 35.

⁵⁰ *Laštovička B.* V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR 1939–1945. – Praha, 1960. – S. 311; сравни: *Prečan V.* Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu // *V. Prečan, M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá.* – 1 sv. – Praha, 1965. – S. 40.

⁵¹ *Daráš M.* Národní výbory. Opора socialistickej demokracie // *M. Daráš, P. Kartous, E. Sloboda.* – Bratislava, 1985. – S. 42.

⁵² Ústavní dekret prezidenta republiky č. 18/1944 Úř. věst. čsl.

⁵³ Dekret prezidenta republiky č. 121/1945 Sb.; Nar. vl. č. 4/1945 Zb.

⁵⁴ *Laštovička B.* V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR 1939–1945. – Praha, 1960. – S. 345.

⁵⁵ NA Praha, fond PK ÚVKSC, kr. 290; сравни: *Sikora S.* KSC a národní výbory. – S. 10.

⁵⁶ NA Praha, fond PK ÚV KSC, k. 290.

⁵⁷ Košický vládní program. Program nové československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků. – Praha, 1974.

⁵⁸ *Laštovička B.* V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR 1939–1945. – Praha, 1960. – S. 562–565.

⁵⁹ *Daráš M.* Národní výbory. Opора socialistickej demokracie // *M. Daráš, P. Kartous, E. Sloboda.* – Bratislava, 1985. – S. 46, 47.

⁶⁰ *Sikora S.* KSC a národní výbory. – S. 21.

⁶¹ *Syrný M.* Slovenski demokraci '44–48. Kapitoly z dejín Demokratickej strany na Slovensku v rokoch 1944–1948. – Banská Bystrica, 2010. – S. 190.

⁶² *Žatkuliak J.* Počiatkový vývoj národných výborov. – S. 188.

⁶³ ŠAP Banská Bystrica, fond OÚ Banská Bystrica, k. 136; ŠAP Zvolen, fond OÚ Zvolen, k. 244; ŠAP Zvolen, OÚ Krupina, k. 89.

⁶⁴ ŠAP Zvolen, fond OÚ Zvolen, k. 244; ŠAP Zvolen, OÚ Krupina, k. 89.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ŠAP Zvolen, fond OÚ Zvolen, k. 244 (SNR – povereníctvo pre veci vnútorné č. 339/1944 Smernice pre organizáciu miestnych a okresných národných výborov).

⁶⁷ Ústavní dekret presidenta republiky č. 18/1944 Úř. věst. čsl. О съезде национальных комитетов в Банской Быстрице см.: *Нárodní výbory.* – 1945. – Č. 2. – S. 3–10.

⁶⁸ *Barnovský M.* Na ceste k monopolu moci. Mocenskopolitické zápasy na Slovensku v rokoch 1945–1948. – Bratislava, 1993. – S. 58; *Letz R.* Slovensko v rokoch 1945–1948. Na ceste ku komunistickej totalite. – Bratislava, 1994. – S. 24.

⁶⁹ Избирательные комитеты должны были собираться в офисе председателя конкретного местного и, соответственно, районного НК.

⁷⁰ Nariadenie SNR č. 92/1946 Zb. nar. SNR. Также см.: *Нárodní výbory.* – 1946. – № 12–13. – S. 104–111.

⁷¹ *Sikora S.* KSC a národní výbory. – S. 23.

⁷² *Žatkuliak J.* Národní výbory. – S. 12; *Sikora S.* KSC a národní výbory. – S. 41.

⁷³ *Sikora S.* KSC a národní výbory. – S. 51.

⁷⁴ Ústavný zákon č. 150/1948 Zb. Также см.: *Kaplan K.* Příprava Ústavy ČSR v letech 1946–1948. Soubor dokumentů. – Praha, 1993.

⁷⁵ Ústavný zákon č. 150/1948 Zb. Также см.: *Dôvodová správa k návrhu zákona o krajskom zriadení.* – URL: www.nrsr.sk (дата обращения: 15.11.2015).

⁷⁶ Ústavný zákon č. 150/1948 Zb.

⁷⁷ *Dôvodová správa k návrhu zákona o krajskom zriadení.* – URL: www.nrsr.sk (дата обращения: 15.11.2015).

⁷⁸ Ústavný zákon č. 280/1948 Zb.

⁷⁹ Ústavný zákon č. 150/1948 Zb.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² *Dôvodová správa k návrhu zákona o krajskom zriadení.* – URL: www.nrsr.sk (дата обращения: 15.11.2015).

⁸³ Ústavný zákon č. 280/1948 Zb.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ *Dôvodová správa k návrhu zákona o krajskom zriadení.* – URL: www.nrsr.sk (дата обращения: 15.11.2015). Сравни: *Dôvodová správa k zákonu o územním členění státu.* – URL: www.nrsr.sk (дата обращения: 16.11.2015). Сравни также: *Зákon č. 36/1960 Zb.*

⁸⁶ *Dôvodová správa k návrhu zákona o krajskom zriadení.* – URL: www.nrsr.sk (дата обращения: 16.11.2015).

⁸⁷ Границы районов в Словакии были юридически урегулированы ЧСЧ (z. č. 14/1949 Zb. nar. SNR), а в Чехии и Моравии – правительственным постановлением ч. 139/1949 Zb.

⁸⁸ *Sikora S.* KSC a národní výbory. – S. 73.

⁸⁹ Там же. – S. 214.

⁹⁰ *Vládne nariadenie 139/1949 Zb.*

⁹¹ *Vládne nariadenie 14/1950 Zb.*

ПЕРША СЛОВАЦЬКА РЕСПУБЛІКА ТА ТРЕТЄ БОЛГАРСЬКЕ ЦАРСТВО (1939–1944 рр.)

І. І. Боровець

Боровець І. І. Перша Словацька республіка та Третє Болгарське царство (1939–1944 рр.).

Автор статті простежив напрямки словацько-болгарських міждержавних відносин у роки Другої світової війни в дипломатичній, політичній, економічній та культурно-освітній сферах, порівняв статусу країн як союзників нацистської Німеччини. Розкрито тісні контакти болгарського монаршого дому зі Словаччиною.

Ключові слова: словацько-болгарські відносини; дипломатія; сателіт; Кобурги; торгівля; освіта.

Боровець І. І. Первая Словацкая республика и Третье Болгарское царство (1939–1944 гг.).

Автор статьи проследил направления словацко-болгарских межгосударственных отношений в годы Второй мировой войны в дипломатической, политической, экономической и культурно-образовательной сферах, сравнил статус стран как союзников нацистской Германии. Раскрыты тесные контакты болгарского монаршего дома со Словакией.

Ключевые слова: словацко-болгарские отношения; дипломатия; сателлит; Кобурги; торговля; образование.

Borovec I. I. The First Slovak Republic and the Third Bulgarian Kingdom (1939-1944).

The author of the article traced directions of the Slovak-Bulgarian intergovernmental relations in the years of Second world war in diplomatic, political, economic, and cultural and educational spheres, compared status of the countries as allies of Nazi Germany. The close contacts of the Bulgarian monarchy with Slovakia are revealed.

Keywords: Slovakia-Bulgarian relations; diplomacy; satellite; Coburges; trade, education.

Одним з наслідків розчленування у середині березня 1939 р. помюнхенської Чехо-Словаччини стала поява на карті Центрально-Східної Європи Словацької держави¹. Згідно прийнятої згодом конституції країна отримала офіційну назву – Словацька республіка.

Декларована словацька самостійність в умовах тогочасних геополітичних реалій в значній мірі обмежувалася залежністю від нацистської Німеччини. Остання згідно укладеного 18–23 березня 1939 р. двостороннього Охоронного договору отримала статус офіційного гаранта та захисника Словацької держави. Відтак, Словаччина фактично стала протекторатом Третього райху і зобов'язувалася в зовнішньополітичній та військовій сферах діяти в тісній згоді з німецьким урядом².

Діяльність словацької дипломатії розпочалася нотою №1/1939 від 14 березня 1939 р. 44 країнам, в якій міністр закордонних справ Фердинанд Дюрчаньски повідомляв про утворення незалежної Словаччини та закликав їх визнати нову державу. Серед адресатів було й МЗС Болгарського царства³.

В сучасній українській та російській історіографії відсутні спеціальні наукові розвідки, присвячені тогочасним словацько-болгарським відносинам. Також немає інформації щодо власне болгарських досліджень у цьому напрямку. Окремі аспекти проблематики висвітлювалися марксистською історіографією в контексті чехословацько-болгарських відносин⁴.

Визнанням фахівцем у даному питанні є сучасний чеський науковець Ян Рихлік. Ним були опрацьовані фонди міністерства закордонних справ Словацького національного архіву в Братиславі та Центрального державного архіву у Софії. У низці статей⁵ та публікаціях джерел⁶ історик подає докладну картину словацько-болгарських відносин у взаємозв'язках з геополітичними змінами в регіоні. Словацький дослідник Роман Голец у спеціалізованій статті простежує контакти зі Словаччиною болгарської царської родини Кобургів⁷.

Метою пропонованої статті є ознайомлення вітчизняних науковців з даною проблемою, а також авторські доповнення, розширення й аналіз словацько-болгарських відносин

у сфері дипломатичних контактів, торгівлі, освіти і культури, розгляд контексту тогочасної міжнародної ситуації.

Суперечності спостерігаються вже у визначенні часу офіційного дипломатичного визнання Болгарією Словацької республіки. Архівна публікація «Малий словник Словацької держави» у 1965 р. ввела в науковий обіг дату 16 листопада 1939 р.⁸. Цю версію підтримав у своїй праці словацький дипломат Йозеф Мікуш⁹. Історик Мілан Дюріца стартом словацько-болгарських відносин вважає 16 вересня 1939 р.¹⁰. Рихлік, спираючись на дані архівного фонду МЗС Словацької республіки, вказує, що переговори про призначення болгарським консулом у Братиславі Франца Міхера відбувалися на початку серпня 1939 р., який повідомив Дюрчанського про визнання царською владою Словацької республіки де-факто і де-юре з 5 серпня 1939 р.¹¹.

На наш погляд, остання інформація є найбільш достовірною не лише через те, що вона посилається на архівні матеріали, але й у зв'язку із зовнішньополітичним становищем Словаччини на той час. Упродовж березня-липня 1939 р. болгарський уряд зводив з визнанням через її невизначений і хиткий статус. Навесні 1939 р. в дипломатичних колах ходили чутки, що Гітлер планує передати словацьку територію Польщі в обмін на Данціг та «польський коридор»¹². З різних джерел надходила інформація про повернення словаків під владу Угорщини. Тож болгарська дипломатія мала підстави скептично оцінювати перспективи нової держави.

Однак на початку серпня німецька політика в «словацькому питанні» взяла курс на закріплення встановленого березневими подіями статусу-кво. Гітлер вирішив використати Словаччину у запланованій агресії проти Польщі й тому розпочалися переговори про формування за допомоги німецьких консультантів словацьких збройних сил¹³. Оцінивши ситуацію, можливо й не без поради тих же німців, болгарська влада визнала Словацьку республіку.

Використання Дюріцою дати 16 вересня, очевидно, спричинене визнанням Словаччини Радянським Союзом (14 вересня), яке знайшло позитивний резонанс у болгарських дипломатичних колах й, можливо, таким чином ввело в оману дослідника. 16 листопада могло з'явитися у зв'язку з планами болгарського уряду створити у Братиславі посольство, які саме в цей час активно обговорювалися у дипломатичному листуванні¹⁴.

Як би там не було, але навіть після формального визнання налагодження повноцінних дипломатичних відносин між державами було складним й тривалим процесом. Від намірів оперативно створити посольство болгарська сторона відмовилася, мотивуючи непередбаченим фінансуванням даної справи у бюджеті МЗС на 1940 р.¹⁵. Болгарський дипломат Константин Шишманов лише 10 січня 1941 р. був призначений за charge d'affaires (повіреного у справах). Зволікання з боку болгар продовжувалося й надалі, що дало підстави Рихліку зробити логічний висновок: «Треба визнати, що словацько-болгарські відносини мали більше значення для словаків, ніж для болгар»¹⁶. Повноважний посол Атанас Стратев прибув до Братислави лише в серпні 1941 р, після того, як Болгарія та Словаччина стали формальними союзниками по Троїстому пакту. З 2 квітня 1943 р. його змінив Ілля Белінов¹⁷.

Словаки теж спершу відповіли подібною дипломатичною стриманістю. Послом в Болгарію було призначено Яна Спіш'яка, але так як він одночасно виконував обов'язки посла в Угорщині, то здійснив наприкінці листопада – на початку грудня 1939 р. в Софії лише офіційні протокольні зустрічі й повернувся в Будапешт. Словацьким charge d'affaires в болгарській столиці з лютого 1940 р. став Богуміл Піско, який належав до покоління чехословацької дипломатії. Тому не дивно, що в архіві словацького МЗС присутня інформація, яка опосередковано свідчить, що він під час своєї діяльності у Софії «мав труднощі з німцями, які мали причини йому недовіряти»¹⁸. Подобиці такої ситуації невідомі, проте Піско, очевидно за порадою німців, був відкликаний, і в жовтні 1943 р. в списку дипломатичних представників Словацької республіки за кордоном вже фігурує знаний германофіл Богдан Галванек у ранзі надзвичайного й повноважного посла в Болгарії¹⁹.

В умовах Другої світової війни Словацьку республіку та Болгарське царство найбільше пов'язував статус нерівноправних союзників Третього райху. У грудні 1941 р. обидві країни на вимогу Берліна оголосили війну Великій Британії та США. Німеччина уклала нерівноправні економічні договори зі Словаччиною й Болгарією. За свої по-

ставки ці країни часто не отримували відповідного взаємного розрахунку, що зумовило зростання німецького боргу перед своїми союзниками. Наприклад, у звіті Белінова від 23 січня 1944 р. вказується, що Німеччина заборгувала словакам 6 млрд крон, а до кінця року дана сума може сягнути 30 млрд²⁰. Словаччина та Болгарія на вимогу німців надавали свої території для проходження та розміщення німецьких збройних сил, але до 1944 р. не зазнали прямої окупації²¹.

Однак все ж не можна цілком ототожнювати форму та обсяг залежності кожної з цих країн від Німеччини. Знаковою є позиція авторитетного словацького дослідника Любомира Ліптака, який визначає становище Словаччини «десь на півдорозі між прямо окупованою країною чи протекторатом, яким була Богемія і Моравія, та суверенними державами, що перебували під німецьким контролем, якими були Угорщина, Румунія, **Болгарія** [виділено мною – І. Б.]»²².

На відміну від Словаччини, Болгарія у деяких випадках дозволяла собі проводити «більш свавільну» політику, яка суперечила бажанням німців. Так, не вельми «слухняно» поведив себе болгарський цар Борис III, певний час відтягуючи приєднання своєї країни до Троїстого пакту. В особистому листі до Гітлера від 22 жовтня 1940 р. він мотивував це тим, що відмова Болгарії від нейтралітету зумовить загострення стосунків з Туреччиною та Грецією²³. Під сильним німецьким тиском Болгарія все ж 1 березня 1941 р. підписала Троїстий пакт, проте й надалі провадила курс на зведення своїх зовнішньополітичних зобов'язань перед Німеччиною до мінімуму. Країна уникла участі своєї армії у військових діях в ході балканської операції 1941 р.; болгарські частини не воювали на Східному фронті й зберігалися болгарсько-радянські дипломатичні відносини²⁴.

Болгарія не задовольнила вимог Берліна здійснити депортації своїх єврейських громадян до німецьких «таборів смерті»²⁵. Натомість Словаччина організувала депортації власними адміністративними та силовими ресурсами. Більше того, словацька влада виплатила німцям по 500 марок за кожного депортованого, нібито як відшкодування витрат за їх поселення на новому місці, що склало в кінцевому рахунку суму в 288 млн словацьких крон²⁶.

Втім, дискусійним залишається питання про те, наскільки вирішальним в останній справі був німецький тиск. Американський дослідник словацького походження Й. Слінек, відзначаючи особливості відносин між Райхом та його союзниками, вказував: «Треба усвідомити, що так звані сателітні держави Центрально-Східної і Південно-Східної Європи мали набагато більше свободи дій, ніж ми вважаємо. Чого самі не хотіли або в чому їх Німеччина не переконала – не робили»²⁷.

На наш погляд, більша залежність Словацької держави, порівняно із Болгарією, від Німеччини була зумовлена глибшими мотивами співпраці з нею. Болгарія у співробітництві з Райхом переслідувала власні прагматичні цілі, орієнтуючись на ту користь, якої вона очікувала від союзу з Німеччиною. Насамперед це стосується територіальних надбань за сприяння німців. Однак з цими землями чи без них болгарська національна державність як така не піддавалася сумніву з боку противників Райху. У той час як для Словаччини Німеччина була єдиним вагомим гарантом її існування як держави загалом, адже антигітлерівська коаліція одним із завдань війни визначила відновлення Чехословаччини. Тому словацька зовнішня політика не мала будь-яких реальних альтернатив.

Спільною рисою геополітичного становища обох держав була особлива увага до них з боку СРСР у 1939–1941 рр. Словаччина мала стати «мостом між німецьким і слов'янським світом»²⁸, що розумілося словацькими дипломатами й особисто Дюрчанським як ефективне маневрування між Німеччиною та СРСР. У схожій ситуації була й Болгарія. У лютому 1941 р. Шишманов повідомляв про свою розмову з секретарем радянського посольства у Братиславі, який відзначив, що Болгарія знаходиться між сильними сусідніми державами. Цікаво, що з розмови болгарський дипломат зробив наступний висновок: «...ідея світової революції не полишена Радянським Союзом, який, можливо, хоче використати Німеччину для досягнення даної мети»²⁹.

Політичні інтереси Словаччини та Болгарії на першому етапі війни співпадали у тому, що країни прагнули ревізії кордонів, закріплених відповідно Першим Віденським арбітражем 1939 р. та Нейським мирним договором 1919 р. Болгарія у цій справі досягла цілковитого успіху. 7 вересня 1940 р. договір у Крайові закріпив повернення їй Південної

Добруджі, включаючи Балчик та Сілістру³⁰. При цьому Шишманов відзначав, що болгарсько-румунські переговори з цього приводу словацька преса подає «без коментарів, або з короткими коментарями, які свідчать про дружнє ставлення до нашої країни»³¹. Позитивний відгук у словацьких політичних колах мали також вступ Болгарії до Троїстого пакту, події на Балканах у квітні-травні 1941 р., що зумовили перехід до Болгарії македонських земель та виникнення Хорватської держави³².

Словацька республіка так і не домоглася зміни своїх кордонів з Угорщиною і повернення Південної Словаччини. У політичних колах та громадській думці країни наростали антимад'ярські настрої. Натомість задоволені болгари мали підстави до тіснішого зближення з Будапештом, який теж отримав з рук німців значні території. Це, безперечно, не додавало активності словацько-болгарським політичним контактам.

Тісними були зв'язки зі Словаччиною болгарської династії Кобургів. Детронізований у 1918 р. батько царя Бориса III Фердинанд користувався маєтностями у словацьких землях. Словацька влада цілком прихильно ставилась до нього, а тому Фердинанд був частим гостем курортних Сляча, Пештян, мисливських угідь в Мурані, Святому Антоні, Пустому Полі, Передніх Горах, міста Банскої Бистриці. Колишній цар мав близькі приятельські стосунки з міністром транспорту Юліусом Стано, з яким його зближував перш за все інтерес до залізниць. Відтак, Фердинанд брав участь в урочистостях з нагоди відкриття лінії Ревуца – Тісовец, унікального комплексу фатранської залізниці Банска-Бистрица – Дівіаки з 22 тунелями, ділянки колії Капушани-при-Прешові – Стражске³³.

Свій 70-річний життєвий рубіж Фердинанд відзначав саме в словацькій Банській-Бистриці. За словами ювіляра, болгарська преса поставилась до події мерзотно. Натомість від словацьких святкових заходів 25 лютого 1941 р. він був у захваті: «Почесна ворта, міністр, генерали, прикрашене вогнями місто, цифра 70 на вежах костюлу та будинках, 26 урочистих богослужінь, весь офіцерський корпус, сердечні промови, радісний народ. Це була справжня втіха після 25 років приниження»³⁴.

Пам'ятними подіями в міждержавних стосунках стали зустрічі на високому рівні. Відомо, що в лютому 1940 р. Стано у зв'язку зі своїм нагородженням болгарськими відзнаками організував святковий обід у столичному готелі «Карлтон». Були присутні дипломати Шишманов й Міхера, біскуп Міхал Бузалка та заступник голови Словацького національного банку Йозеф Фундарек. У відповідь Міхера ініціював болгарський вечір з нагоди дня народження царя Бориса III за участі словацького міністра освіти Йозефа Сівака³⁵.

20 червня 1941 р., відвідуючи батька, візит до Словаччини здійснив особисто цар Борис III³⁶. Він мав зустріч з президентом Йозефом Тісо прем'єром Войтехом Тукою, проте розмови мали цілком приватний характер, а офіційні повідомлення преси давали лише загальну інформацію.

Саме з даним періодом пов'язані відомості щодо кулуарних розмов про плани перетворення Словацької республіки у монархію на чолі з братом Бориса Кирилом Кобургом. Тісо, деякі церковні ієрархи (єпископ Ян Войташшак), вважали, що якщо лідер Словацької держави матиме титул короля, або хоча б великого князя, то це буде виразною протигагою святостефанській короні та претензіям угорців на словацькі землі. З іншого боку, група роялістів у словацькому політикумі (депутат Стефан Равас, високий урядовець МЗС Штефан Поліак) виходили з міркування, що під час повоєнного облаштування Європи у випадку поразки Троїстого пакту монархічна Словаччина мала більше шансів на збереження державності. Це питання начебто обговорювалося Борисом з Гітлером та Муссоліні, і якщо Італія була не проти, то Німеччина не схвалила даного проекту. Крім того, ентузіазм самих словаків у цій справі значно зменшився після поширення інформації про богемний характер та марнотратство Кирила Кобурга³⁷.

Підкресленням позитивних словацько-болгарських стосунків стали взаємні державні нагороди. У звіті Шишманова від 12 серпня 1941 р. йдеться про нагородження царя Бориса, який з рук Тісо отримав орден князя Прібіні³⁸. У відповідь словацький президент був удостоєний 1942 р. найвищої болгарської нагороди – ордену Кирила та Мефодія³⁹.

Певного розвитку набули словацько-болгарські торговельно-економічні стосунки. 24 жовтня 1939 р. була укладена угода на основі бартерного контракту, згідно якої Словаччина постачала Болгарії целюлозу, папір, скляні вироби, залізо, товари з алюмінію, бавовняну пряжу, а завозила горіхове дерево, тютюн, кукурудзу, соняшник, рис, смалець, свіжі

овочі на суму 21,2 млн. крон⁴⁰. Домовленості щорічно поновлювалися, але без особливих змін. Відомо, що під час офіційного прийому посла Стратева 29 серпня 1940 р. Тісо висловив сподівання щодо тісніших економічних відносин з Болгарією та підняв питання щодо поставок болгарських кукурудзи та висівок⁴¹.

У 1941 р. у двосторонньому торгівельному обороті Словаччина мала позитивне сальдо, яке складало майже 3,5 млн крон. Проте обсяг торгівлі з Болгарією був в цілому невеликим – 0,8% експорту та 0,6% імпорту від загального товарообороту Словацької республіки⁴². Відтак, серед інших партнерських країн і територій Словаччини Болгарія в 1941 р. займала лише 15 місце.

В наступному році ситуація змінилася не на користь словаків. В 1942 р. з Болгарії було ввезено товарів на 37,7 млн. крон (0,8% від загального імпорту), а експортовано на 31,4 млн крон (0,7% від вивозу)⁴³. Цікаво, що поряд із офіційними закликами до інтенсифікації економічних зв'язків, словацька сторона на практиці обмежувала видачу віз болгарським громадянам для приватних візитів у країну. Це здійснювалося з метою не допустити вивозу продуктів болгарськими гостями, адже продовольче забезпечення Болгарії у порівнянні зі Словаччиною було значно гіршим⁴⁴.

Відносно активними були словацько-болгарські культурні зв'язки, на які позитивно впливала ідея слов'янської взаємності. 23 жовтня 1941 р. підписана словацько-болгарська культурна угода⁴⁵. У 1940 р. було створене Словацько-болгарське культурне товариство⁴⁶. З нагоди 63-річчя незалежності Болгарії 3 березня 1941 р. ним було організовано вечір академічної музики за участі болгарського та словацького пісенних колективів⁴⁷. Іншим виразом культурних контактів стали взаємні візити оперних співаків, письменників, журналістів, перекладачів творів.

За обоюсторонньою словацько-болгарською домовленістю були проведені лекції зі словацької мови в Софійському університеті, а болгарський уряд відрядив до Братислави професора болгарської мови⁴⁸. За інформацією словацького представництва в Софії в столичному університеті болгарським професором Владикіним була прочитана лекція «Національно-авторитарна Словацька держава»⁴⁹. Між словацькими і болгарськими вузами відбувався регулярний обмін студентами та стипендіальними фондами. В 1939–1940 навчальному році у Словацькому університеті та Політехнічному інституті навчалося 180 болгарських студентів, наступного року їх кількість зросла вдвічі. Головною причиною було переведення у Братиславу болгарських студентів з Белграду, які після ліквідації Югославії бажали завершити навчання у вузі зі слов'янською мовою викладання⁵⁰. Крім того, у Словацькому університеті викладалися дисципліни, які були відсутні у навчальних програмах болгарських вузів⁵¹, очевидно, через брак кадрів.

Корінний перелом у Другій світовій війні зумовив погіршення зовнішньо- та внутрішньополітичного становища обох країн. Одночасно посилювався тиск Німеччини на своїх союзників. В серпні 1943 р. Борис III знову здійснив візит у Словаччину до батька і, як виявилось, бачився з ним востаннє. Повернувшись з офіційної зустрічі з Гітлером болгарський цар 23 серпня 1943 р. несподівано помер. Болгарське населення було переконане, що Бориса отруїли німці⁵².

Далі ситуація лише погіршувалася. 10 січня 1944 р. відбулося бомбардування Софії англо-американською авіацією, що стало першим випадком повітряної атаки німецького союзника. Реакція в Словаччині на цю подію була суперечливою. В звіті болгарського прес-аташе в Братиславі Стефана Гечева спочатку читаємо: «Офіційні особи та журналісти висловлювали [нам] жаль... Зрозуміло, що разом зі словами підтримки висловлювалася надія, що ми не підкоримося союзницькому терору»⁵³. Проте далі у тексті подається наступна інформація: «На підставі інших висловлювань напрошується висновок, що широкі маси словацької громадськості, які налаштовані слов'янофільськи та англо-чехофільськи... навпаки, відчують певне задоволення, а деякі... зловтіху... Дані погляди... можна пояснити насамперед нашою дружбою з Німеччиною та захопленням югославської території, тобто зрадою слов'янської справи»⁵⁴. Втім, Словаччина теж не уникла бомбардувань, і 30 червня 1944 р. той же Гечев інформував болгарське МЗС про наліт 10 червня англо-американської авіації на Братиславу⁵⁵.

Припинення дипломатичних відносин між Словаччиною та Болгарією відбулося в умовах політичної кризи та збройної боротьби в країнах. 29 серпня 1944 р. в Централь-

ній Словаччині розпочалося національне повстання, яке мало на меті відновлення Чехословаччини. Відтак, офіційна влада в Братиславі опинилася перед загрозою ліквідації. 5 вересня 1944 р. СРСР оголосив війну Болгарії, й Червона армія розпочала наступ на Софію⁵⁶. Прагнучи укласти перемир'я з антигітлерівською коаліцією болгарський уряд розірвав відносини з Німеччиною та її союзниками. 7 вересня 1944 р. словацько-болгарські дипломатичні відносини були офіційно припинені⁵⁷. Їх фактичним трагічним завершенням став арешт в Братиславі 51 болгарського громадянина, кваліфікованих як зрадників. Вони були ув'язнені та загинули у концтаборах⁵⁸.

Таким чином, словацько-болгарські взаємини у 1939–1944 р. відзначалися суперечливістю. Міждержавна співпраця в торгівельній, культурно-освітній сферах, тісні зв'язки царської династії зі Словаччиною, налагодження повноцінних дипломатичних стосунків свідчать про їх позитивні тенденції. Разом з тим, підпорядкування Німеччині, різні завдання та цілі зовнішньої політики країн у регіоні Центральної та Південно-Східної Європи, а також розгортання Другої світової війни наклали негативний відбиток на двосторонні взаємини. Зрештою, їх нетривалість спонукають оцінити відносини Першої Словацької республіки та Третього Болгарського Царства лише як короткочасний епізод в історії взаємодії словацького та болгарського народів.

¹ Про обставини утворення Словацької держави див.: *Боровець І.* Словацька держава 1939–1945 рр.: історична генеза та особливості розвитку. – Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, 2012. – С. 81–99.

² Zmluva o ochrannom pomere medzi nemeckou ríšou a tzv. Slovenským štátom [preklad] // *Daxner I.* Eudáctvo pred národným súdom, 1945–1947. – Bratislava, 1961. – S. 229.

³ Slovenský národný archív (SNA), fond Ministerstvo zahraničných vecí (MZV), kartón (kart.) 112, základné číslo (z. č.) 1139. Adresy diplomatických úradov cudzích štátov, na ktorí boli vyexpedované spisy zo žiadostí o uznaní slovenského štátu.

⁴ *Mitev J.* Stávka bulharských studentů sofijské univerzity 16–18.3.1939 na obranu Československa // Československo-bulharské vztahy v zrcadle století. Sborník vědeckých studií. – Praha, 1963. – S. 195–206; *Bystrický V.* V společném boji: revoluční činnost bulharských studentov na Slovensku v období druhé světové vojny / V. Bystrický, J. Hrozičnik. – Bratislava, 1978. – 160 s.; *Dějiny československo-bulharských vztahů / Vedoucí autorského kolektivu Čestmír Amort.* – Praha: Akadémiya, 1980. – 394 s.

⁵ *Рыхлік Я.* Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. // Российские и славянские исследования: Науч. сб. – Вып. 4 / Редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С. 31–43; *Rihlik J.* Словацко-български отношения в периода 1939–1945 година // Исторически преглед. – 2008. – № 5–6. – С. 185–202.

⁶ *Rychlík J.* Obdobie pred Slovenským národným povstaním v správach bulharských diplomatov // Historický časopis (HČ). – 2001. – Ročník (Roč.) 49. – Číslo (Č.) 3. – S. 515–534; *Rychlík J.* Politická situácia v Európe a na Slovensku v rokoch 1941–43 v správach bulharských diplomatov // HČ. – 1999. – Roč. 47. – Č. 1. – S. 265–305; *Rychlík J.* Politický vývoj na Slovensku v rokoch 1940–1941 v správach bulharského diplomata Konstantina Šišmanova // HČ. – Roč. 43. – Č. 3. – 1995. – S. 540–559.

⁷ *Holec R.* Bulharský excár Ferdinand a Slovensko (1939–1944) // HČ. – 2008. – Roč. 56. – č. 4. – S. 657–683.

⁸ *Chreňo J.* Malý slovník slovenského štátu. – Bratislava: Slovenská archívna správa, 1965. – S. 243.

⁹ *Mikuš J.* Slovensko v dráme Europy. – Martin: MS, 2002. – S. 107.

¹⁰ *Đurica M.* Dejiny Slovenska a slovákov. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1996. – S. 151.

¹¹ *Rychlík J.* Politický vývoj na Slovensku v rokoch 1940–1941... – S. 540; *Рыхлік Я.* Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 33.

¹² Документы внешней политики / Под ред. В. Г. Комплектова. – Т. 22. – Кн. 1: январь–август 1939. – Москва: Министерство иностранных дел РФ, 1992. – С. 184, 208.

¹³ *Nižňanský E.* Působenie nemeckej vojenskej komisie na Slovensku v roku 1939 / E. Nižňanský, J. Tulkisová // Vojenská historia. – 2007. – Roč. 11. – Č. 4. – S. 36–60.

¹⁴ *Rychlík J.* Politická situácia v Európe a na Slovensku v rokoch 1941–43... – S. 267.

¹⁵ *Рыхлік Я.* Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 34.

¹⁶ *Rychlík J.* Politický vývoj na Slovensku v rokoch 1940–1941... – S. 542.

¹⁷ *Rychlík J.* Politická situácia v Európe a na Slovensku v rokoch 1941–43... – S. 268.

¹⁸ SNA, MZV, kart. 967, 20T/44. Zpráva Generálního konsula v Stockholme B. Pisska pre domo. 10 marca 1944.

¹⁹ SNA, MZV, kart. 600A, 182/dôv/43. Výkaz zamestnancov ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky. Október 1943. – 21 s.

- ²⁰ Rychlík J. Obdobie pred Slovenským národným povstaním v správach bulgarských diplomatov... – S. 527.
- ²¹ Славич Б. История Балкан. – Т. II: XX ст. – Київ: Свенас, 2004. – С. 327.
- ²² Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. – Кн. 1 / [Отв. ред. В. В. Марьина]. – М.: Наука, 2005. – С. 391.
- ²³ Письмо на цар Борис до Адолф Хитлер, с което се обяснява отказът на България да се присъедини към Тристранния пакт // България, своенравният съюзник на Третия Райх / Ред. кол. В. Тошкова и др. – София: Военноиздателски комплекс „Св. Георги Победоносец“, 1992. – С. 12.
- ²⁴ България в XX веке. Очерки политической истории / Под ред. Е. Л. Валеовой. – Москва: Наука, 2003. – С. 257–258.
- ²⁵ Nižňanský E. Rokovania nacistického Nemecka o deportáciách židov v roku 1942 – príklad Slovenska, Rumunska a Maďarska // НС. – 2010. – Roč. 58. – Č. 3. – S. 487–489.
- ²⁶ Nižňanský E. Poplatky za deportovaných slovenských židov / E. Nižňanský, I. Kamenec // НС. – 2003. – Roč. 51. – Č. 2. – S. 278.
- ²⁷ Jelínek J. Jozef Tiso a slovenský štát. Na okraj problému // Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny (Materiály z vedeckého simpózia. Časť, 6–7 novembra 1990). / Zost. V. Bystrický. – Bratislava: Slovenská národná rada-Historický ústav SAV, 1991. – S. 39.
- ²⁸ Čierna-Lantayova D. Pohľady na východ.(postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944). – Bratislava: Veda, 2002. – S. 101.
- ²⁹ Rychlík J. Politický vývoj na Slovensku v rokoch 1940–1941... – S. 555.
- ³⁰ България в XX веке. Очерки политической истории / Под ред. Е. Л. Валеовой. – Москва: Наука, 2003. – С. 241.
- ³¹ Rychlík J. Politický vývoj na Slovensku v rokoch 1940–1941... – S. 543.
- ³² Ibidem. – S. 556–557.
- ³³ Holec R. Bulgarský excár Ferdinand a Slovensko (1939–1944) ... – S. 665, 679.
- ³⁴ Ibidem. – S. 669.
- ³⁵ Ibidem. – S. 660.
- ³⁶ Gardista. – Roč. IV. – 21 júna 1941. – S. 2.
- ³⁷ Holec R. Bulgarský excár Ferdinand a Slovensko (1939–1944) ... – S. 673–674.
- ³⁸ Rychlík J. Politická situácia v Európe a na Slovensku v rokoch 1941–43... – S. 271.
- ³⁹ Holec R. Bulgarský excár Ferdinand a Slovensko (1939–1944) ... – S. 676.
- ⁴⁰ Štefániková A. O niektorých aspektoch zahraničného obchodu Slovenskej Republiky v období rokov 1939–45 // НС. – 2000. – Roč. 48. – Č. 3. – S. 470.
- ⁴¹ Рыхлік Я. Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 38.
- ⁴² Štefániková A. O niektorých aspektoch zahraničného obchodu Slovenskej Republiky... – S. 473.
- ⁴³ Dějiny československo-bulharských vztahů ... – S. 351.
- ⁴⁴ Рыхлік Я. Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 39.
- ⁴⁵ SNA, MZV, kart. 118, č. 16362/42 – prez. osv. Informácia MŠANO o slovensko-bulgarských kultúrnych stykoch.
- ⁴⁶ Рыхлік Я. Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 39.
- ⁴⁷ Holec R. Bulgarský excár Ferdinand a Slovensko (1939–1944) ... – S. 671.
- ⁴⁸ SNA, MZV, kart. 118, k. č. 8/1884/45. Informácia MŠANO o slovensko-bulgarských kultúrnych stykoch. Bratislava 19.11.1943.
- ⁴⁹ SNA, MZV, kart. 118, k. č. 30171/32. 802. Informácia MŠANO o slovensko-bulgarských kultúrnych stykoch. 23.06.1941.
- ⁵⁰ Dějiny československo-bulharských vztahů ... – S. 364.
- ⁵¹ Рыхлік Я. Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 39.
- ⁵² Славич Б. История Балкан. – Т. II: XX ст. – Київ: Свенас, 2004. – С. 324.
- ⁵³ Rychlík J. Obdobie pred Slovenským národným povstaním v správach bulgarských diplomatov... – S. 518.
- ⁵⁴ Ibidem.
- ⁵⁵ Ibidem. – S. 529.
- ⁵⁶ България в XX веке. Очерки политической истории... – С. 294–295.
- ⁵⁷ Рыхлік Я. Славацка-балгарскія ўзаемадачыненні ў 1939–1945 гг. ... – С. 41.
- ⁵⁸ Rychlík J. Politická situácia v Európe a na Slovensku v rokoch 1941–43... – S. 268.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СЛОВАКИИ (1938–1945 ГГ.)

Е. С. Роговой

Роговий Є. С. Суспільно-політична діяльність представників російської еміграції в Словаччині (1938–1945 рр.). У статті розглядаються головні тенденції, котрі були притаманні російському емігрантському співтовариству Словаччини у 1938–1945 рр. Автор спробував виділити та проаналізувати ключові суспільно-політичні проблеми, що впливали на настрої емігрантського середовища. Розглянуто публіцистичну спадщину Г. Гаріна-Михайловського, однієї із знакових постатей російської емігрантської спільноти Словаччини зазначеного періоду.

Ключові слова: суспільство; політичні погляди; емігранти; національна держава; благонадійність.

Роговой Е. С. Общественно-политическая деятельность представителей русской эмиграции в Словакии (1938–1945 гг.). В статье рассматриваются основные тенденции, присущие русскому эмигрантскому сообществу Словакии в 1938–1945 гг. Автор попытался выделить и проанализировать ключевые общественно-политические проблемы, влиявшие на настроения эмигрантской среды. Рассмотрено публицистическое наследие Г. Гарина-Михайловского, одной из знаковых фигур российской эмиграции в Словакии указанного периода.

Ключевые слова: общество; политические взгляды; эмигранты; национальное государство; благонадежность.

Rogovyy Ye. S. Social and Political Activity of Russian Migrants in Slovakia (1938-1945). The article is devoted to main trends that were inherent in the Russian émigré community of Slovakia in 1938-1945. The author has tried to identify and analyze key socio-political problems, influencing upon the emigre environment. Special attention is paid to the journalistic heritage of G. Garin-Mikhailovsky, one of the iconic figures of the emigrant community in Slovakia of the period mentioned.

Keywords: society; political views; immigrants; the national state; trustworthiness.

Чехословакия была одним из культурных и политических центров русской эмиграции в Европе в межвоенный период. Международное положение, приведшее к провозглашению Словацкой автономии осенью 1938 г. в составе Второй Чехословацкой республики, а впоследствии – к оккупации Чехии и Моравии и образованию Словацкого государства в марте 1939 г., стимулировало отдельных представителей русской эмиграции на переселение из Праги в Братиславу с целью трудоустройства в молодом государстве. Этому процессу, в некоторой степени, способствовала проводимая словацким правительством политика словакизации. Вследствие устранения чехов и евреев из общественно-политической жизни появилась острая потребность в кадрах. Словацкая интеллигенция не могла полностью заполнить созданный интеллектуальный вакуум в сфере государственного управления, научно-педагогической деятельности, что создало возможности включения представителей русской эмиграции в общественно-политическую жизнь Словацкого государства.

Изучение судеб политической эмиграции с территории бывшей Российской империи на протяжении длительного времени в СССР осуществлялось односторонне, что обосновывалось господствующими тогда (в определенной степени и сейчас) идеологическими установками. Данную тематику использовали чаще всего с целью дискредитации «контрреволюционных, антисоветских элементов». Такое же отношение к истории эмигрантов укоренилось и в социалистической Чехословакии. Как справедливо отмечает словацкая исследовательница русского происхождения Т. Шпорерова: «В советское время это стало запрещенной темой, детей и даже внуков этих людей режим преследовал, а их вклад в развитие Словакии был несправедливо забыт»¹.

На современном этапе развития исторической науки тематика русской политической эмиграции всесторонне исследуется, став одной из актуальных тем как в стра-

нах пребывания, так и на бывшей родине. Диапазон исследований отдельных аспектов довольно широк и касается состава постреволюционной эмиграции, условий ее жизни и работы, деятельности многочисленных эмигрантских организаций, имевших культурный, профессиональный и гуманитарный характер². Однако политическое состояние эмигрантского общества, как составной части словацкого, остается неисследованным и в общих чертах характеризуется стереотипно: «Политическая ориентация русских эмигрантов была в основном антибольшевистская и монархическая»³.

Нами не ставится цель комплексного рассмотрения деятельности русской эмиграции в Словакии в 1938–1945 гг., а лишь предпринимается попытка определения наиболее важных политических проблем, волновавших представителей русской эмиграции в Братиславе, анализа их политических настроений, степени их дифференциации и влияния на словацкое общество. А также на конкретном примере Г. Гарина-Михайловского рассмотреть политические взгляды одного из наиболее значимых эмигрантов в Словакии рассматриваемого периода, проанализировав его публицистическое наследие.

Основным источником для решения поставленных задач послужили материалы архивного фонда Центра государственной безопасности Словацкого государства (ЦГБ)⁴, касающиеся вопросов деятельности русской эмиграции в Братиславе, и некоторые работы русских эмигрантов.

В период Второй мировой войны русская эмиграция оказалась в довольно сложном положении. Во-первых, ее подозревали в деятельности, направленной на подрыв Словацкого государства. Об этом свидетельствуют материалы ЦГБ: отчеты и донесения о политических взглядах и (не)благонадежности эмигрантов, заведенные уголовные дела на некоторых из них. Во-вторых, эмиграцию пытались всячески привлечь к сотрудничеству, что сопровождалось заигрыванием со стороны властей, стимуляцией деятельности, поддержкой определенных взглядов. Картину дополнял интерес к эмиграции немецких органов государственной безопасности. Все это приводило к поляризации эмигрантского сообщества.

Следует отметить, что положение русской эмиграции, которая «не перешла на сторону нацизма», было тождественным с общей ситуацией среди населения на территориях, оккупированных Германией. Хотя Словацкое государство занимало наиболее либеральную позицию в отношении её. Более того, СР проявляла большой интерес к установлению контактов с эмигрантскими или антисоветскими организациями. Русские в Словакии, по сравнению с их положением в остальной «новой Европе», пользовались, пожалуй, наибольшей свободой. Для русских эмигрантских течений, организаций и отдельных лиц Словакия была, как подчеркнул Д. Шмигула, «примером небольшого христианско-славянского, хорошо организованного государства, где не господствуют коммунисты, нет колхозов, а во главе стоит священный, который сумел вполне удовлетворительно наладить отношения с Третьим Рейхом, имея обширную автономию»⁵. Многие русские эмигранты считали тогдашнюю систему в Словакии примером того, как славяне могут самоорганизовываться.

Эмигранты в Словакии делились по национальным, политическим и социальным признакам. Русские и украинцы количественно преобладали над белорусами, грузинами и армянами. Характерно, что под термином «русский» словаки подразумевали не только этнических русских, но, например, и уроженцев восточной Украины. Согласно с официальными списками русских эмигрантов, составленными в ЦГБ, украинцев, переселившихся с восточной Украины, записывали русскими⁶. На наш взгляд, причиной наличия такой этнической некорректности, являлось отсутствие информации о народах СССР, либо же ее искажение. Как справедливо отмечает историк М. Лацко «для словаков, и не только для них, осталась многонациональная большевистская империя по-прежнему только Россией»⁷.

Русские эмигранты были хорошо представлены в словацком обществе и государственных службах. В частности, в СР проживало определенное количество восточных украинцев [среди них было много харьковчан. – *Е. Р.*]. В списке функционеров «Объединения русских инженеров и техников в Словакии», составленном полицейской дирекцией в Братиславе 20 марта 1942 г., приведены основные данные о руководителях общества, состав которого был представлен в основном выходцами с восточной Украины, получивших словацкое гражданство. Из списка следовало, что уроженцы теперешних Полтавской, Харьковской, Херсонской областей работали на престижных должностях, в частности, в министерстве транспорта, МВД и других государственных учреждениях⁸. Образованные

эмигрантские кадры активно привлекались словацкими властями к процессу становления различных отраслей молодого государства. Примером нехватки квалифицированных офицерских кадров явилось назначение в 1939 г. майора артиллерии Владимира Шмидта на должность начальника новосозданного Воинского автомобильного учебного центра в г. Турчанский Святой Мартин. Считаем, нет смысла указывать, что данная воинская единица имела стратегическое значение. В. Шмидт, уроженец южной России, после эмиграции с 1920 г. служил на различных должностях в чехословацкой армии. С 1 февраля 1939 г. отправлен в запас с формулировкой: «Для чехословацкой армии не благонадежен как автономистский словак»⁹. Приведенный факт свидетельствует не только о политических симпатиях представителей эмиграции в отношении Словацкого государства, но и дает возможность проследить отношение словацкой власти к отдельным эмигрантам.

Несмотря на лояльную политику к русским эмигрантам в сфере трудоустройства, целью которой было преодоление кадрового голода и обеспечение нормального функционирования всех сфер государства, СР, как авторитарная держава, посредством органов безопасности фиксировала политические настроения всех граждан, определяла степень «благонадежности» как юридических, так и физических лиц. В частности, особый контроль был установлен над деятельностью русских политических организаций, идеологический диапазон которых колебался от коммунистических симпатизантов до приверженцев национал-социалистических идей.

Анализ направленности оперативных разработок ЦГБ в отношении русской эмиграции позволяет выделить, по меньшей мере, три направления, по которым велся сбор данных подразделениями органов безопасности по политической работе: 1) отношение к государственной политике СР и к ней самой, как государственной единице; 2) отношение к немецко-советской войне; 3) отношение к Советскому Союзу.

Особым распоряжением ЦГБ от 16 февраля 1942 г. за подписью председателя, адресованного всем районным начальникам, а также полицейским подразделениям на местах, «О мерах в отношении русских эмигрантов», предписывалось поставить политическое состояние эмиграции под контроль и ответственность жупанов и главного командования жандармерии. Последние обязаны были составлять и предоставлять в ЦГБ списки всех русских эмигрантов «с теперешней и бывшей территории СССР (русских, украинцев, белорусов, казаков)», которые находились под юрисдикцией соответствующей административно-территориальной единицы. Списки должны были составляться с обязательным учетом следующих критериев: «Установление точных личных данных лица (ФИО, даты и места рождения, гражданства, вероисповедания, семейного положения, национальности, профессии), с какого времени находится на территории СР, где проживал до приезда в СР, морально-политические воззрения». Отдельная графа отводилась политической и культурной деятельности в подотчетном районе: «Наличие политических, культурных организаций, характер их публицистической, политической деятельности, отношение к теперешнему построению новой Европы, к новому режиму на занятых восточных территориях, к панславистским тенденциям»¹⁰.

Под влиянием международной ситуации русскими эмигрантами в Словакии начали интересоваться не только органы, в чью компетенцию это входило, но и другие ведомства. Так, в апреле 1942 г. МИД в срочном порядке потребовал от ЦГБ предоставления списков русских эмигрантских обществ. В частности, подчеркивалось: «Требуем для официальной надобности список русских эмигрантских обществ в Словакии отчет об их деятельности, о преобладающих настроениях и направлениях между этими обществами»¹¹. В донесении ЦГБ от 18 мая 1942 г. была дана не только характеристика их социального состава, целей и задач, но, что важно, фиксировались политические настроения основных репрезентантов организаций. Среди прочего сообщается, что «Всеказацкое объединение атамана А. Каледина в Словакии» на последнем генеральном собрании приветствовало генерала Болабина – главу «Всеказацкого объединения Германии», в связи с высказанным им мнением в отношении войны Германии и СССР: «Убежден, что в этой исторической борьбе народов Россия будет освобождена от жидобольшевизма»¹². Политический окрас указанного эмигрантского объединения характеризует и другой источник. В мае 1945 г. Первой моравской партизанской бригадой имени Я. Жижки были захвачены документы русских эмигрантских организаций, действовавших на территории Франции, Германии

и Чехословакии в 1937–1941 гг. Среди них находилась переписка между руководящими лицами политического эмигрантского движения Чехословакии. В частности, в одном из писем во «Всеказацкое объединение атамана А. Каледина в Братиславе» от 29 июня 1941 г. подчеркивалось: «Наконец-то дождались, на советских границах застреляли. Г. Л. [так в тексте. – Е. Р.] принес сведения, что немецкие войска в 160 км от Москвы. Если не ошибся в километрах, то дни Москвы сочтены»¹³. Таким образом, среди казацких представителей эмигрантского общества прослеживалось особое отношение как к немецко-советской войне, так и к самому СССР. Между тем, донесение ЦГБ от 30 июля 1942 г. «О русских эмигрантах», составленное по требованию немецкого советника по вопросам полиции в Братиславе Ф. Голтза, свидетельствует о наличии альтернативных, даже противоположных, мнений среди эмигрантов. В приложениях к донесению был включен список эмигрантов, проживавших на территории Словакии. Среди них [список составлен в независимости от того, имелось ли у них словацкое гражданство или нет. – Е. Р.] находились и православные священники – «batjuško», которые пропагандировали православную веру. Например, в донесении ЦГБ сообщалось, что «один из таких православных священников, Алексей Емельянович, не только призывает принимать православие, но и отговаривал словаков вступать в словацкую армию, которая воевала против СССР»¹⁴. В данном случае национальные симпатии возобладали над политическими пораженческими позициями.

С провозглашением Словацкой автономии 6 октября 1938 г. начала проводиться фильтрация общественных организаций на предмет политической надежности. Не обошел этот процесс и эмигрантов. К примеру, в 1938 г. прекратила свою деятельность организация «Русский сокол», которая была распущена постановлением словацкого автономного правительства от 5 декабря 1938 г.¹⁵. С началом немецко-советской войны, в течение 1941 г., последовал новый виток запретов на деятельность русских эмигрантских обществ, образованных при ЧСР и имеющих прочехословацкие симпатии. В июне 1941 г. прекращает свое существование объединение «Русский клуб» в Братиславе, о чем свидетельствует сообщение МВД от 23 июня 1941 г., адресованное председателю «Русского клуба» М. Михайликову. Любопытна формулировка ликвидации, вытекающая из сообщения «доводим к сведению представителя «Русского клуба», что это объединение, вследствие длительной бездеятельности и утраты членства, закрыто»¹⁶. Полицейскому директору было поручено исключить объединение из перечня общественных организаций. Из донесения полиции о ликвидации в 1941 г. общества «Русская беседа» следовало, что оно было «неполитической, неприбыльной организацией, целью которой являлось поддержание общественных контактов между членами в виде приятельских бесед и развлекательных вечеров, создание библиотек и проведение лекций»¹⁷. На наш взгляд, целенаправленная ликвидация выше приведенных организаций проводилась как акция по стабилизации внутриполитической ситуации в связи со вступлением Словакии в войну против СССР. Хотя в сравнении с другими национальными меньшинствами, объединения которых были запрещены сразу после принятия словацкой автономии и не возобновляли свою деятельность в течение 1939–1945 гг., русские эмигранты находились в привилегированном (за исключением словацких союзников, куда русские не входили) положении. Одни продолжали функционировать в ограниченном режиме, другие имели возможность создавать новые объединения, которые играли, по всей видимости, роль политических противовесов.

Так, 5 июля 1939 г. был образован «Русский национальный союз участников войны, живущих в Словацкой республике». Целью союза провозглашалось объединение всех русских участников мировой и гражданской войн, проживающих в СР. Следует отметить, что членов подготовительного комитета для учреждения этого союза органы госбезопасности проверяли на политическую благонадежность. В запросе президиума полицейской дирекции в Братиславе говорится о «быстром и точном установлении моральной, политической и национальной надежности, политических взглядов и деятельности, контактов, образа жизни и репутации»¹⁸.

Важно, что расследования ЦГБ в отношении претендентов на создание организаций дают возможность проследить их политические настроения, мотивы и задачи, которые они перед собой ставили и которыми руководствовались. В донесении столичной полицейской дирекции от 1 декабря 1941 г. «Об образовании и деятельности Комитета русских национальных организаций в Братиславе» дана характеристика политического климата

русских обществ, входивших в состав вышеуказанного Комитета, в частности: Русской православной церкви, Союза русских инженеров и техников, Всеказацкого объединения атамана А. Каледина, Галлиполийской ассоциации в Словакии, Объединения русских врачей и др. Целью создания Комитета провозглашалась «подготовка своих членов к возвращению в Россию после освобождения от большевиков». Деятельность Комитета сводилась к «изданию организационных циркуляров, пропагандирующих борьбу против большевизма [на основе постановления МВД, разрешающего этот вид деятельности. – Е. Р.]. Помимо того, сбор средств среди членов Комитета на нужды антибольшевистской пропаганды, для поддержки словацкого и немецкого Красного креста, а также акции сбора подарков для словацких солдат (собрали 1000 крон) и в поддержку семей погибших на фронте словацких солдат»¹⁹.

Характерно, что не все эмигрантские организации входили в этот Комитет. Например, объединение «Русский национальный и социальный союз» в Братиславе не имел своего представителя. Это объяснялось тем, что данная организация придерживалась национал-социалистической ориентации, в то время как упомянутые русские общества, в том числе и русская православная церковь, были в основном, монархистскими. Представители «Русского национального и социального союза» имели тесные контакты со словацкими и немецкими кругами, активно работали на переориентацию всей русской молодежи и беженцев с Подкарпатской Руси на национал-социалистическую платформу²⁰. Несмотря на антибольшевистскую направленность эмигрантских организаций и приверженность линии поражения СССР в войне, большая их часть не представляла для себя возможным открытое сотрудничество с нацистским режимом. Хотя московские архивы свидетельствуют о функционировании в Братиславе филиала венского специального центра украинских националистов, который состоял из «белогвардейцев, петлюровцев и министров Карпатской Украины», а также о существовании в Пиештянах школы диверсантов для отправки в СССР, вследствие чего проводилась вербовка среди русской эмиграции²¹. В обществе «Украинская колония» в Братиславе, которая одной из своих целей провозглашала душевное укрепление украинцев, проживавших в Братиславе, ситуация отличалась от остальных тем, что была политически не однородна, а именно: часть членов занимала положение в защиту единой России, иная часть позиционировала как «сепаратистская», за образование самостоятельной Украины. В период безработицы многие члены общества вообще склонялись к коммунистическим взглядам²².

«Комитет русских национальных организаций в Братиславе» не был единственным органом, желающим монополизировать управление русскими эмигрантскими обществами. Схожими мотивами руководствовался и созданный в 1942 г. в Братиславе «Союз русских национальных обществ в Словацкой республике», который ставил задачу «объединения всех национально-мыслящих русских, проживающих в Словацкой республике под общим руководством, координировать деятельность русских национальных обществ взглядом на помощь в борьбе против большевизма». Членами этого общества были не физические, а юридические лица. В конечном итоге, поставленную цель Союз не достиг по причине того, что некоторые организации не приняли членство, утверждая о политических задачах Союза: «Здесьние русские круги считают, что Союз хочет служить политическим мотивам, претендуя представлять всю колонию русских эмигрантов в Словацкой республике как русское национальное меньшинство, хотя последнее фактически представлено в Глинковой словацкой народной партии»²³.

Попытки объединить эмигрантские организации под одним руководством не привели к своему логическому завершению вследствие политической неоднородности русской эмиграции. Установившаяся дифференциация не дала заинтересованным субъектам возможности легкого и удобного контроля над организациями, которые продолжали автономное существование практически до распада Словацкой республики. Остается открытым вопрос об инициаторах этого объединения. В оперативно-следственных материалах ЦГБ, рассчитанных на внутреннее пользование, нет сведений на сей счет. Но ввиду особого личного контроля со стороны полицейского атташе немецкого посольства в Братиславе Ф. Голтза, бывшего немецкого советника в Словакии, можем предположить заинтересованность Германии, которая начала проявляться с 1942 г., т.е. с началом трудностей Вермахта на восточном фронте.

С осени 1943 г. эмигрантам для проведения своих культурных мероприятий, «в программах которых присутствуют русские песни, танцы, чтение произведений русских авторов», требовалась санкция 15 отдела МВД, на контроле у которого находились вопросы политической безопасности государства. Предписывалось «строго следить за тем, чтобы о русских культурных мероприятиях не было никакой рекламы, ни плакатов, ни походов улицами». За исполнение данного распоряжения отвечали полицейские дирекции на местах, а также районные начальники под руководством Управления пропаганды и жупанов²⁴.

С приближением фронта к восточным рубежам Словацкой республики, среди эмигрантов, как ни парадоксально, зрели прокоммунистические настроения. По материалам ЦГБ удалось проследить таковые. Донесения о коммунистической пропаганде в среде русской эмиграции, направленные немецкому советнику по вопросам полиции в Братиславе Ф. Голтзу, так характеризовали положение в мае 1944 г.: «Было установлено, что в кругах нелегальных русских беженцев в Словакии проводится подрывная, вредительская деятельность. Распространяется информация о приказе И. Сталина, который призывает русских эмигрантских офицеров возвращаться в СССР, где им будет восстановлено воинское звание и засчитаны по службе эмигрантские годы». Расследование не установило, чтобы в кругах русских эмигрантов обсуждали возвращение в СССР и вступление в Красную Армию на условиях, озвученных в вышеприведенном документе. В заключение подчеркивается, что «это не может быть правдой, так как пропаганда исходит от русских, бежавших из лагерей для военнопленных или с трансфера, с целью привлечь в свои ряды как можно больше эмигрантов»²⁵. Можем согласиться с этими выводами, принимая во внимание отсутствие всякой информации о такого рода приказе И. Сталина. Следовательно, сам факт присутствия коммунистической тематики в материалах, касающихся русской эмиграции, говорит если не о полевении их взглядов, то о конъюнктурной симпатии к Советскому Союзу. Ведь, начиная с осени 1943 г., большинству населения стало понятно, что Восточную Европу будут освобождать не западные войска, а Красная Армия. Потому с ее приближением росло чувство «славянской взаимности», «освободительной» миссии Советов и «социальной справедливости коммунизма»²⁶.

Одним из важнейших источников изучения русской эмиграции является общественная деятельность одного из талантливейших ее представителей времен Словацкого государства 1939–1945 гг., бывшего русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского, служившего переводчиком-референтом русского отделения в пресс-службе МИДа СР с момента его создания. Увлечение Г. Гарина-Михайловского публицистикой дает возможность проследить его взгляды на актуальнейшие проблемы того времени и, проанализировав их, составить дополнительную картину понимания действительности эмигрантскими кругами. Являясь сотрудником двух словацких периодических изданий – «Slovak» и «Slovenského denníka», где регулярно печатались его аналитические материалы и оригинальные научные работы, Г. Гарин-Михайловский имел возможность аргументировано доводить до сведения общественности свою точку зрения.

Л. Гарбулёва в статье, посвященной Г. Гарину-Михайловскому²⁷, выделяет несколько направлений его публицистической деятельности, подчеркивая, что тематический диапазон его творчества был довольно широк. Главной темой его работ была проблематика международного права и его использование в период нарастания военной опасности. Г. Гарин-Михайловский проводил точный анализ политологических аспектов международных отношений, обстоятельно рассматривал русский вопрос, давал оценку внешней политике и военной деятельности СССР. Следует отметить, что статьи и материалы Г. Гарина-Михайловского, анализирующие международно-политические события в годы Второй мировой войны, полны исторических аналогий, свидетельствовавших о глубоком знании автором мировой истории. Особо ценными являются попытки прогнозирования дальнейшего международно-политического развития, которые представляют научный интерес и на сегодняшний день могут быть использованы в исследованиях не только историками, но и специалистами других гуманитарных дисциплин.

Не останавливаясь подробно на биографии Г. Гарина-Михайловского ввиду наличия работ, посвященных этому вопросу²⁸, остановимся на политических взглядах эмигранта. С этой целью рассмотрим некоторые его работы, позволяющие определить характер

отношения к трем ключевым вопросам, волновавшим эмиграцию, а именно: отношение к СССР, немецко-советской войне и Словацкому государству.

В статье «Европейская война и мировая экономическая ситуация», опубликованной в газете «Slovák», Г. Гарин-Михайловский сравнил методы хозяйствования Германии и СССР, придя к выводу о большой схожести этих двух политических систем: «В первых годах после [Первой – Е. Р.] мировой войны мало кто верил, что в России утвердился коммунизм. Предполагалось, что русский коммунизм был лишь переходным явлением... Коммунистическая система не только выстояла, но, можно смело утверждать, своим существованием повлияла на экономическую структуру всей Европы. Хотя идеология итальянского фашизма и немецкого национал-социализма отличается от русского большевизма, в современных Италии и Германии, точно также как в России, социальный вопрос стоит на почетном месте»²⁹. Проанализировав выше приведенную статью, ТАСС назвал подобные аналогии клеветой³⁰. Задолго до научной разработки вопроса об общем и отличном в правом и левом тоталитаризме, Г. Гарин-Михайловский указывал на одну из его общих черт.

В личных беседах и дискуссиях между сотрудниками пресс-службы Г. Гарин-Михайловский неоднократно анализировал международную ситуацию в мире и выражал мнение о внутривнутриполитическом развитии СССР. В этих дискуссиях он не скрывал свой антибольшевистский настрой. В сообщении генерального консула СССР в Праге В. П. Яковлева содержалась информация о том, что после подписания советско-германского пакта о ненападении в 1939 г. «из министерства иностранных дел Словакии был немедленно изъят матерый враг СССР белоэмигрант Гарин-Михайловский, работавший референтом русского отдела. На его место Дюрчанский приглашает Лацо Новомеского, заявляя, что это будет приятно русским»³¹. Российская исследовательница В. Марьина утверждает, что таким образом словацкие власти советско-германский пакт о ненападении пытались использовать к своей выгоде³². Факт увольнения Г. Гарина-Михайловского из МИДа Словакии опровергает сын эмигранта Николай Георгиевич Михайловский, утверждая, что его отец работал в МИДе до 1945 г., где и был арестован советской военной контрразведкой «Смерш»³³. Версия Н. Г. Михайловского находит подтверждение и в статьях некоторых словацких исследователей³⁴. К тому же отсутствует информация о назначении коммуниста Л. Новомеского на какую-либо должность в аппарат МИДа СР.

После аншлюса Австрии Германией в 1938 г. Г. Гарин-Михайловский написал статью, в которой обосновал мнение о том, что все малые государства должны создать среднеевропейскую державу западных и южных славян, которая была бы противовесом большой и мощной Германии. Сын Г. Гарина-Михайловского вспоминал, что переводчиком у отца был словацкий легионер, который специально задерживал перевод статьи в целях сохранения жизни Г. Гарину-Михайловскому. Ведь артикуляция такой точки зрения в то время была опасна³⁵. Таким образом, можно судить о трезвости и объективности политической оценки дипломата в отношении роли Германии в восточноевропейском регионе.

Отдельное место в публицистической деятельности Г. Гарин-Михайловский отводил СР – государству, в котором, по словам Л. Гарбулевой, он достиг «кульминации своей деятельности, работая в министерстве иностранных дел в этот напряженный период жизни»³⁶.

Во многих своих статьях Г. Гарин-Михайловский, касаясь словацкой проблематики, не скрывал своего позитивного отношения к политическому строю Словацкой республики, поддерживая ее существование. О политических симпатиях отца вспоминал и сын Николай³⁷. Поэтому позволим себе не согласиться с мнением российской исследовательницы Н. Перемышленниковой, которая утверждает о не разделении Г. Гарин-Михайловским политической линии словацкого правительства³⁸. В своей книге, изданной в 1944 г., он писал: «Причины возникновения Словацкого государства видим в деятельности сил, которые способствовали в XIX и XX вв. возникновению многих новых государств. В таких условиях провозглашение Словацкого государства является не только результатом усилий последней генерации, но и логическим результатом и продуктом исторического развития Европы. В результате этого возникновение Словацкого государства кажется нам исторической необходимостью. Словацкая республика гармонично влилась в общеевропейское развитие и его творческих, с истории исходящих, сил»³⁹.

В статье «Миссия малого государства» Г. Гарин-Михайловский разъяснял: «История Европы в XIX–XX вв. создала тип малого и среднего государства, который призван осу-

шестить идеи этнических единиц, поддерживаемыми историческими традициями. Миссией таких государств должно быть объединение представителей своей нации под общей государственной крышей и гармоничное развитие материальных и духовных сил нации. Только в рамках малого государства культурная деятельность может достичь наивысшего уровня, потому что такое государство руководствуется своей высокой духовной утонченностью, знает, как получить не только восхищение остальных народов, но и заложить сильные основы своего длительного существования»⁴⁰.

В отличие от остальных белоэмигрантов, которые спешно покидали Братиславу в первой половине 1945 г. в связи с приближением советских войск, Г. Гарин-Михайловский остался. Причиной послужила болезнь жены, которую нельзя было транспортировать из-за угрозы для ее жизни.

В апреле 1945 г., сразу после вступления Красной Армии в Братиславу, советская администрация эмигрантами не интересовалась, вспоминает Н. Г. Михайловский. Красноармейцы искали только немецких солдат и офицеров. По истечении месяца, когда в город прибыли органы военной контрразведки «СмерШ», Г. Гарин-Михайловский был арестован по доносу, когда пришел в министерство узнать, будет ли продолжать работу. При проведении обыска на квартире Михайловских советскими органами госбезопасности были изъяты все материалы, касающиеся его политической и публицистической деятельности. Сын Г. Гарина-Михайловского Николай Георгиевич вспоминал, что органами были изъяты также все золотые изделия, принадлежавшие семье. Примечательно, что большой золотой крест, который висел у него на шее, не взяли. Для глубоко верующей семьи Михайловских этот жест большевистских атеистов произвел сильное впечатление⁴¹.

Следователями военной контрразведки 2-го Украинского фронта Г. Гарину-Михайловскому инкриминировалось не сотрудничество с «клеро-фашистским» режимом, а участие в саботаже большевистскому правительству в МИДе России в 1917 г., а также активная деятельность в белогвардейских правительствах Деникина и Врангеля в 1918–1920 годах⁴².

Кратковременная, но плодотворная деятельность Г. Гарина-Михайловского, его жизненная позиция и убеждения не могли не производить впечатление. Если его работа во внешнеполитическом ведомстве Словацкого государства оставалась за кадром, то публицистическая деятельность, широко представленная в печати, была доступна для обсуждения в словацком обществе, что популяризовало эмиграцию и давало возможность ознакомления с ее взглядами.

Подводя итог всему выше сказанному, следует указать на особое место русской эмиграции, которое она занимала в Словацком государстве 1939–1945 гг. Связано это было не только с традиционным русофильством словацкого общества, но рациональностью в политических мотивах словацких властей, а также сложившейся международной ситуацией. Русские эмигранты оставили сильный, хотя и неоднозначный отпечаток в сознании словаков о русской ментальности, о наличии общего начала в формировании славянской идентичности.

¹ Шпорерова Т. Русская эмиграция в Словакии. – Братислава, 2006. – С. 1. Рукопись.

² Harbuľová L. Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej poobtôbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). – Prešov, 2001. – S. 215; Чумаков А. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. – Братислава, 2008. – С. 171.

³ Шпорерова Т. Русская эмиграция в Словакии. – Братислава, 2006. – С. 4. Рукопись.

⁴ Slovenský národný archív (далее SNA) Bratislava. – F. 209. Ústredňa štátnej bezpečnosti (далее ÚŠB).

⁵ Šmigel' M. Ruská a ukrajinská politická emigrácia v Česko-Slovensku (1918–1945) a spôsoby jej likvidácie v povojnových rokoch // Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. – Pardubice, 2004. – S. 334.

⁶ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 785. – Dok. 209 – 785 – 3. Zoznám emigrantov.

⁷ Lacko M. K otázke chápania slovanstva v slovenskej spoločnosti 1939–1945 // Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. – Pardubice, 2004. – S. 157.

⁸ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Zoznám funkcionárov «Spolku ruských inžinierov a technikov na Slovensku» v Bratislave.

⁹ Lacko M. Zrod Slovenského štátu v kronikách slovenskej armády. – Bratislava, 2010. – S. 143–144.

¹⁰ SNA Bratislava. – F. Policajného riaditeľstva (далее PR). – Kr. 492. – Dok. 5597/45. Prípis Prezídia Ministerstva Vnútra (далее MV) dňa 16.02.1942.

¹¹ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Prípís Ministerstva zahraničných vecí (далее MZV) dňa 18.04.1942.

¹² SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Správa ÚŠB na MZV dňa 18.05.1942.

¹³ Центральный государственный архив общественных объединений Украины, Киев. – Ф. Первая моравская партизанская бригада Я. Жижки. – Д. 124 – 1 – 11. – С. 22. Корреспонденция русских эмигрантов.

¹⁴ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 781. – Dok. 209 – 781 – 9. Správa ÚŠB o ruských emigrantoch dňa 30.07.1942.

¹⁵ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 203. – Dok. 296/43. Uznesenie slovenskej krajskej vlády dňa 05.12.1938.

¹⁶ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 202. – Dok. 7440/41. Prípís MV dňa 23.06.1941.

¹⁷ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 203. – Dok. 601 – 6 – 3. Správa Policajného riaditeľstva v Bratislave.

¹⁸ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 203. – Dok. 8860/39. Prípís Prezídia Policajného riaditeľstva v Bratislave dňa 30.08.1939.

¹⁹ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Správa Prezídia Policajného riaditeľstva dňa 1.12.1941.

²⁰ Там же.

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ) Москва. – Ф. Референтура по Чехословакии. – Д. 1386 – 4 – 2 – 9. – С. 118. Информация о антисоветской пропаганде в Словацкой республике за 1940 г.

²² SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 277. – Dok. 209 – 277 – 22. Správa ÚŠB na MZV dňa 18.05.1942.

²³ Там же.

²⁴ SNA Bratislava. – F. PR. – Kr. 492. – Dok. 5597/45. Prípís Prezídia MV dňa 08.10.1943.

²⁵ SNA Bratislava. – F. 209 (ÚŠB). – Kr. 781. – Dok. 209 – 781 – 11. Hlásenie ÚŠB o komunistickej propagande medzi ruskými emigrantmi dňa 22.05.1944.

²⁶ Lacko M. K otázke chápania slovanstva v slovenskej spoločnosti 1939–1945 // Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. – Pardubice, 2004. – S. 160–161.

²⁷ Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2. – S. 359–364.

²⁸ Перемышленникова Н. «...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архива следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского) // Отечественные архивы. – 1997. – № 3; Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2.

²⁹ Garin-Michajlovskij G. Európska vojna a svetová hospodárska situácia // Slovák. – 06.03.1941. – S. 4.

³⁰ АВП РФ Москва. – Ф. Референтура по Чехословакии. – Д. 1386 – 3 – 1 – 1. – С. 50. Вырезки из официальных донесений. Материал по Словакии. 25.12.1940 – 15.06.1941.

³¹ АВП РФ Москва. – Ф. Референтура по Чехословакии. – Д. 138 – 20 – 130 – 1. – С. 142–143. Донесение генерального консула в Праге от 08.09.1939.

³² Марьина В. Советские дипломаты и словацкие политические деятели. 1939–1941. По материалам Архива МИД РФ // Новая и новейшая история. – 2008. – № 1. – С. 51.

³³ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

³⁴ Чумаков А. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. – Братислава, 2008. – С. 63; Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2. – S. 363.

³⁵ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

³⁶ Harbul'ová L. Ruský diplomat Georgij Nikolajevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. – 2005. – № 2. – S. 360–361.

³⁷ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

³⁸ Перемышленникова Н. «...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архива следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского) // Отечественные архивы. – 1997. – № 3. – С. 62.

³⁹ Garin-Michajlovskij G. Vznik Slovenskej republiky ako historická nutnosť vývoja Európy. – Bratislava, 1944. – S. 26.

⁴⁰ Garin-Michajlovskij G. Poslanie malého štátu // Slovák. – 22.08.1943. – S. 4.

⁴¹ Запись разговора с Николаем Георгиевичем Михайловским 09.06.2010.

⁴² Перемышленникова Н. «...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архива следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского) // Отечественные архивы. – 1997. – № 3. – С. 62.

СЛОВАЦЬКЕ НАЦІОНАЛЬНЕ ПИТАННЯ НА ЗАКЛЮЧНОМУ ЕТАПІ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ (1943–1945 РР.)

І. О. Шніцер

Шніцер І. О. Словацьке національне питання на заключному етапі Другої світової війни (1943–1945 рр.). В статті розглядаються головні варіанти вирішення словацького національного питання, що сформувалися під впливом суспільно-політичної кризи в Словацькій державі, перебігу бойових дій на фронтах Другої світової війни та зміни співвідношення сил на міжнародній арені в 1943–1945 рр. Висвітлено причини того, чому при існуванні кількох можливих варіантів вирішення словацького національного питання воно зрештою було обмежене визначенням державно-правового статусу словацьких земель у складі відродженої чехословацької держави.

Ключові слова: словацьке національне питання; Словацька держава; Друга світова війна; федерація.

Шніцер І. Е. Словацкий национальный вопрос на заключительном этапе Второй мировой войны (1943–1945 гг.). В статье рассматриваются основные варианты решения словацкого национального вопроса, которые сформировались под влиянием общественно-политического кризиса в Словацком государстве, течения боевых действий на фронтах Второй мировой войны и изменений соотношения сил на международной арене в 1943–1945 гг. Освещены причины того, почему при существовании нескольких возможных вариантов решения словацкого национального вопроса оно в конце концов было ограничено определением государственно-правового статуса словацких земель в составе возрожденного чехословацкого государства.

Ключевые слова: словацкий национальный вопрос; Словацкое государство; Вторая мировая война; федерация.

Shnitser I. O. Slovak National Question on the Final Stage of the World War II (1943–1945). The article deals with solutions of the Slovak national question, which were formed under the influence of socio-political crisis in the Slovak state as well as the course of military actions on the fronts of World War II and the change in the balance of forces on the international arena during 1943–1945. It shows the reasons, which explain the fact, why with the existence of several possible solutions of the Slovak national question it was eventually limited to the definition of state-legal status of Slovak lands in the reborn Czechoslovak state.

Keywords: Slovak national question; Slovak state; World War II; federation.

Дії керівництва першої Словацької держави, незважаючи на наявні позитивні здобутки в культурно-освітній та соціальній сферах, дуже швидко дискредитували ідею словацької державності. Історичний розвиток словацького народу доводив, що словацьке національне питання неможливо вирішити в союзі з нацистами, хоча з формальної точки зору й здавалося, що впродовж 1939–1945 рр. були створені усі передумови для реалізації цієї мети.

Безперспективність міжнародного становища Словацької держави на тлі корінного перелому в ході Другої світової війни на користь антигітлерівської коаліції стали причиною падіння авторитету людацької влади практично серед усіх верств словацького суспільства. Паралельно в країні відбувався процес деморалізації пролюдацьких активістів та зростання впливу політичної опозиції. З середини 1943 р. в Словацькій державі стали дедалі виразніше проявлятися ознаки суспільно-політичної кризи. Непевне становище Словацької держави на заключному етапі Другої світової війни актуалізувало пошуки нових шляхів вирішення словацького національного питання.

У вітчизняній історіографії тема словацького національного питання у роки Другої світової війни не є комплексно дослідженою. Зауважимо, що у більшості досліджень, які містять певний матеріал стосовно даної теми, словацьке питання не розглядаються окремо, а лише в загальному контексті суспільно-політичних процесів на словацьких землях в 1943–1945 рр. Зокрема окремі аспекти даної теми висвітлені у працях Є. Пугача¹, І. Боровця², Є. Рогового³, М. Кріля⁴ та І. Вовканича⁵. Наявність наукових напрацювань цих істориків дає змогу заповнити окремі змістові лакуни теми та дозволяє комплексно підійти до вивчення теми словацького національного питання на заключному етапі Другої світової війни.

Як правильно відзначає у своїх працях І. Боровець, «корінний перелом» у Другій світовій війні став відправною точкою наростаючої кризи людацького режиму. У Словацькій державі дуже чітко простежувався причинно-наслідковий зв'язок між зовнішньополітичними подіями і внутрішньополітичним становищем⁶. Нова обстановка на фронтах світової війни спричинила революційні зміни у політичних настроях словацького суспільства. Насамперед вона зіграла вирішальну роль у деморалізації активістів і прихильників людацької влади, з однієї сторони, та активізацію опозиції, з іншої. Представники різних опозиційних течій та рухів, розуміючи неминучість воєнної поразки Німеччини, усвідомлювали безперспективність існуючого в Словаччині політичного режиму, а відтак активно шукали можливі шляхи вирішення словацького питання у найближчому майбутньому. Словацькі комуністи підтримували гасло «За радянську Словаччину» та бачили своє майбутнє у складі Радянського Союзу або ефемерної Центральноєвропейської федерації радянських республік. Словацькі політики, що орієнтувалися на Е. Бенеша, традиційно підтримували програму відродження чехословацької держави домюнхенського взірця, що однак не заважало їм паралельно з цим розглядати можливість створення по закінченні війни чехословацько-польської конфедерації. Прибічники К. Сідора бачили Словаччину складовою так званої «Католицької федерації», у той час як послідовники М. Годжи – частиною Центральноєвропейської демократичної федерації. Окремі місцеві групи громадянського руху Опору виступали за автономію Словаччини у складі чехословацької держави або за утворення Чехо-словацької федерації⁷. Звісно, були серед словаків й ті, хто не бажав відмовлятися від національної держави людацького взірця та був готовий до боротьби за її подальше існування.

Одним із головних ідеологів відродження домюнхенської чехословацької держави був Е. Бенеш. У своєму спеціальному зверненні до словаків на початку 1943 р. він виступив проти реформування політичного устрою Першої республіки на засадах федералізму чи конфедерації, чого вимагали окремі його прибічники. Е. Бенеш залишався палким прихильником реставрації домюнхенських порядків, які не передбачали надання словацьким землям якогось особливого статусу. У своєму зверненні до словаків він різко розкритикував правлячий людацький режим. На його переконання, існування «так званої словацької авторитарної держави, з католицькою фашистською партією та вождем Й. Тісо, факт існування Глінківської гарди як фашистської формації, участь словацької влади у переслідуванні євреїв, а головне участь словацького війська на фронті» кидало «негативну тінь на політичну ситуацію словацьку...»⁸. У документі Е. Бенеш називав людацький режим Й. Тісо «великим злочином» та звинувачував його у тому, що він веде словаків до поразки у війні⁹. На думку політика, саме за таких обставин на словацьких землях зростає роль та вага «чехословаків» [прибічників відродження чехословацької держави – *І. Ш.*], які своєю діяльністю можуть врятувати народ та не допустити «катастрофи»¹⁰. Е. Бенеш закликав словаків підтримати тих, хто веде боротьбу з режимом Й. Тісо та надати їй масового характеру.

Е. Бенеш у своєму зверненні до словацького народу також заявляв, що ним отримано принципову згоду Радянського Союзу на відродження чехословацької держави домюнхенського взірця¹¹. Обіцяв, що перший уряд відродженої держави буде сформовано з представників різних політичних сил, в тому числі й комуністів, а остаточне вирішення словацького національного питання відбудеться вже після війни, за участі усіх тих, хто брав участь у боротьбі проти людацького режиму¹².

Зі змісту звернення Е. Бенеша до словацького народу випливало, що станом на 1943 р. політик не мав чіткого плану вирішення словацького національного питання, який би враховував помилки Першої Чехословацької республіки, та діяв у цьому напрямку переважно ситуативно. Чи не єдиним його чітко сформульованим програмним положенням було відродження чехословацької держави домюнхенського взірця.

Послідовники Е. Бенеша на словацьких землях об'єднані у групу Опору «Флора». Її члени підготували спеціальний меморандум, адресований чехословацькому уряду в Лондоні¹³. У ньому вони заявляли, що словацький народ не змирився із занепадом Чехословацької республіки та виступає за повернення словацьких земель до її складу. На думку членів групи Опору «Флора», після свого відродження спільна держава чехів і словаків повинна й надалі розбудовуватися на засадах єдності чехословацької нації. Іншими сло-

вами, автори меморандуму підтримували ідею «чехословакізму» та програму реставрації домюнхенського ладу чехословацької держави. Автономія Словаччини у складі Чехословацької республіки була для них неприйнятною. Вважали, що Жилінська угода 6 жовтня 1938 р. була словакам нав'язана ззовні та привела до встановлення авторитарного людацького режиму.

Зміст меморандуму гупи Опору «Флора» співпадав з політичною програмою Е. Бенеша, яка передбачала максимальну реставрацію домюнхенського ладу Першої Чехословацької республіки, щоправда за винятком незначних поступок словакам у напрямку децентралізації¹⁴.

Головні положення меморандуму групи Опору «Флора», несподівано для його авторів, не знайшли широкої підтримки серед населення країни¹⁵. Головним чином через те, що для більшості словаків ідея єдиного чехословацького народу на цей час була вже неприйнятною, власне як і унітарний устрій чехословацької держави. Зрештою, саме це зіграло вирішальну роль у тому, що групі «Флора» не вдалося посісти провідні позиції у словацькому Русі опору. Більше того, окремі учасники цієї групи невдовзі добровільно відмовилися від раніше пропагованого варіанту вирішення словацького національного питання та стали сповідувати діаметрально протилежні погляди.

Дещо інший варіант вирішення словацького національного питання був запропонований авторами так званого «Меморандуму Шробара». Він був підготовлений в серпні 1943 р. представником демократичної опозиції, відомим словацьким політиком В. Шробаром та його найближчими соратниками П. Затьком і М. Соколом. У меморандумі зазначалося, що більшість словаків підтримали б ідею відродження чехословацької держави, але за умов, що вона не повторить минулих помилок та буде розбудовуватися згідно принципу рівноправності чехів і словаків. Крім того, на думку авторів меморандуму, словацька мова повинна була бути проголошена державною мовою на території Чехословаччини¹⁶.

«Меморандум Шробара» здобув широку підтримку серед учасників словацького Руху опору, в тому числі й тих, хто раніше був прибічником входження словацьких земель після війни до складу Центральноєвропейської демократичної федерації. Також меморандум засвідчив еволюцію поглядів самого В. Шробара на словацьке питання. У міжвоєнний період він був одним із найпалкіших прибічників концепції «чехословакізму», однак в роки війни політик не тільки визнав самотність словацького народу, але й став прихильником широкої децентралізації у повоєнній Чехословаччині.

26 грудня 1943 р. представники усіх основних опозиційних політичних сил Словаччини уклали так звану «Різдвяну угоду», яка, серед іншого, на пряму торкалася проблематики словацького питання. Зокрема у ній говорилося наступне: «Прагнемо, аби народ словацький і народ чеський, як найближчі слов'янські народи, створили подальшу свою долю в новій ЧСР, спільній державі словаків і чехів та на основі принципу рівний з рівним»¹⁷. У документі також зазначалося, що державно-правове становище словацьких земель у складі чехословацької держави остаточно визначать вільно обрані представники словацького народу¹⁸.

Показово, що зі змісту угоди так і не було зрозуміло, яке державно-правове становище словацьких земель його автори вважають найбільш підходящим для вирішення словацького питання: федерацію, автономію чи широке самоврядування. Зважаючи на те, що в наступні місяці з вуст представників громадянсько-демократичного спротиву можна було дуже часто почути слова «рівний з рівним», швидше за все мова йшла про федерацію.

Таким чином, «Різдвяна угода» 1943 р. чітко не визначала державно-правове становище словацьких земель у складі майбутньої відродженої чехословацької держави. Іншим її недоліком було те, що вона не привела до злиття в єдине ціле усіх антилюдацьких політичних сил на словацьких землях. До Національної ради так і не були запрошені найвпливовіші діячі соціал-демократичної партії, групи «Флора» та групи В. Шробара. Як наслідок, у відносинах різних політичних течій Опору зберігалася взаємна недовіра, суперечки та інтриги, що створювало додаткові труднощі не тільки на шляху об'єднання зусиль у боротьбі проти людацького режиму, але й у формуванні єдиної програми вирішення словацького національного питання.

Керівництво Словацької держави в умовах наростаючої суспільно-політичної кризи докладало значних зусиль для того, щоб зберегти контроль над ситуацією всередині кра-

їни. Провідний людацький пропагандист А. Кочіш з метою відвернути увагу прибічників режиму від міжнародних подій закликав їх «не захоплюватися великою політикою та стратегією, а вірити в силу нації і працювати для піднесення держави»¹⁹. Однак за існуючих обставин ігнорувати зовнішній фактор ставало дедалі важче. Людацька верхівка добре усвідомлювала, що майбутнє Словацької держави напряду залежатиме від розстановки сил на міжнародній арені після закінчення війни. Прибічники словацької державності у своїй діяльності в цей час керувалися двома хибними припущеннями. По-перше, вірили у те, що країни Заходу зрештою підуть на підписання сепаратного миру з Німеччиною²⁰, що дасть змогу останній не тільки уникнути міжнародної ізоляції, але й надалі відігравати вагомий роль в європейській політиці. На думку окремих людацьких політиків, союз навіть з ослабленою Німеччиною, але вже вільною від нацизму й надалі антибільшовицькою, відповідає національним інтересам Словаччини. По-друге, представники людацького режиму розраховували на те, що посередництвом американських словаків їм вдасться заручитися підтримкою країн Заходу у питанні збереження Словацької держави²¹. Недарма у березні 1944 р. Й. Тісо планував «інформувати Союзників про становище Словаччини та розраховував на підтримку американських словаків»²². Однак дуже швидко керівництво Словацької держави усвідомило помилковість своїх припущень та розрахунків. Визнання союзниками по антигітлерівській коаліції чехословацької влади Е. Бенеша за єдиного легітимного репрезентанта інтересів чеського і словацького народів унеможливило незалежність Словацької держави у тій формі, в якій вона існувала в роки війни.

Водночас Й. Тісо навіть заради збереження словацької державності був не готовий відмовитися від власних ідеалів та переконань. Антибільшовицька позиція глави Словацької держави була непохитною. Це підтверджують наступні слова президента, наведені у спогадах його особистого секретаря К. Муріні: «На превеликий жаль ми не можемо шукати угоди з більшовиками, і якщо американці дали Вам зрозуміти, що словаки повинні прийняти Бенеша..., за таких обставин не маємо вибору... Жоден політик, навіть з найменшим досвідом, не повірить у те, що росіяни залишать території, які окупували без того, щоб насадити там свою систему, ліквідувати опозицію та знищити церкву. Ніхто мене у цьому не переконає. Я не є таким наївним, щоб повірити у це, хоча зовсім недавно мене намагалися переконати у тому, що якщо ми зараз приєднаємося до Советів, то ми не тільки збережемо Словацьку державу, але мені до кінця навіть було сказано, що я зможу залишитися на чолі держави»²³.

Дане висловлювання Й. Тісо цікаве ще й тим, якщо воно дійсно правдиве і не було вигадане або двозначно трактоване оточенням президента, спростовує загальноприйняте в історичних колах твердження про те, що керівна верхівка Словацької держави через надто скомпрометовану політичну репутацію взагалі не мала жодних шансів домовитися з Радянським Союзом, який не визнавав ні людацький режим, ні сепаратну від Чехії словацьку державність.

В словацькій історіографії час від часу ведуться дискусії стосовно можливості отримання президентом Й. Тісо від СРСР пропозиції щодо співпраці. Справа в тому, що відразу кілька осіб з найближчого оточення президента у своїх спогадах і працях згадували про спроби Москви наприкінці 1944 – на початку 1945 р. налагодити співпрацю з главою Словацької держави, однак офіційні документи, які б це підтверджували, відсутні.

Людацький політик, публіцист та історик К. Чулен писав, що на заключному етапі війни радянський агент передав Й. Тісо пропозицію Москви у слушний момент проголосити Словаччину радянською республікою та у такий спосіб не тільки зберегти словацьку державність, але й самому залишитися при владі. Буцімто Й. Тісо дану пропозицію радянської сторони категорично відкинув²⁴.

Про спроби СРСР налагодити контакт з Й. Тісо у своїй праці «Право словаків на незалежність у світлі документів. Біла книга» згадує й людацький політик Ф. Дурчанський. Він писав, що наприкінці 1944 – на початку 1945 р. представники Радянського Союзу зробили кілька спроб вийти на Й. Тісо. Однак усі вони були невдалі, головним чином через те, що «Москва не могла знайти словацького політика, який був готовий зрадити християнській цивілізації заради блискавичного політичного зиску»²⁵.

До даного питання Ф. Дурчанський більш детально повернувся в 1953 р. у статті «Марно Москва намагається заручитися підтримкою словаків». У ній він писав, що радян-

ську місію, перед якою стояло завдання встановити контакт з Й. Тісо, очолював генерал О. Асмолов. Згідно з твердженнями Ф. Дурчанського, останній діяв через священника Шестака та мав доручення запропонувати президенту перейти на радянську сторону заради збереження словацької державності.

Історик М. Лацко у статті «Чи вів Тісо переговори з Москвою?» наводить свідчення Й. Віцена, який був свідком тих подій. Той згадував, що будучи студентом на інтернаті Сврадов, восени 1944 р. на прохання священника Шестака допоміг у поселенні одній людині. Як згодом йому повідомив Шестак, це була людина «маршала Жукова, котра принесла президенту лист на російській мові з пропозицією стати на сторону совєтів»²⁶. Радянський посланець, зі слів Й. Віцена, особисто з Й. Тісо не зустрічався, а листа від нього президенту передав Шестак. Про останнього відомо те, що він добре володів російською мовою та, будучи наближеним до Й. Тісо, не обіймав жодної офіційної посади. Й. Віцен також згадував, що Шестак повідомив йому про категоричну відмову президента співпрацювати з Радянським Союзом.

29 серпня 1944 р. в Словацькій державі розпочалося національне повстання. Для багатьох його учасників виступ проти Словацької держави був синонімом виступу проти нацистської Німеччини та правлячого людацького режиму, але не проти ідеї незалежності. Як зазначав історик Д. Рапант, «Словацьке національне повстання було, передусім, виступом проти нацистського насильства, було спрямоване проти клерикального уряду..., який часто-густо навіть не звертав уваги на основні принципи християнської моралі»²⁷. Національне повстання 1944 р. запропонувало вельми конкретне і перспективне вирішення словацького питання. По закінченні війни мала бути відроджена чехословацька держава, але в жодному випадку не в унітарній формі. Недарма Словацька національна рада ще в грудні 1943 р. прийняла рішення, в якому говорилося про спільну державу словаків і чехів «на основі принципу – рівний з рівним»²⁸.

Поразка Національного повстання 1944 р. не означала відмову представників словацького руху Опору від такого варіанту вирішення словацького питання. В Маніфесті Словацької національної ради, опублікованому 4 лютого 1945 р., говорилося: «За домовленістю з представниками чеської нації встановимо взаємовідносини словаків і чехів в новій Чехословаччині на основі повного рівноправ'я, щоб у Словаччині словаки, а чеських землях чехи мали свою владу, в той час як центральний сейм (парламент) і центральний уряд будуть керувати спільними питаннями єдиної і неподільної держави»²⁹.

У другій половині 1944 р. функціонування людацького режиму зокрема, та Словацької держави загалом вступило у завершальну агонізуючу фазу. Людацький режим поступово втрачав контроль над інститутами, які мали гарантувати його міць та безпеку. І це за обставин, коли стратегічна обстановка на фронтах Другої світової війни викликала справедливі побоювання, що бойові дії зачеплять і словацьку територію. Прагнучи не допустити перетворення словацьких земель на кровопролитне поле бою, президент Й. Тісо з наближенням радянських військ до кордонів Словацької держави планував віддати армії наказ скласти зброю та не чинити опору. Сам готувався виїхати за кордон і вже там розгорнути кампанію за визнання права словацького народу на самовизначення. Й. Тісо не втрачав надій на те, що в умовах наростання протиріч в антигітлерівській коаліції йому вдасться відстояти на міжнародній арені ідею словацької державності. Тим паче, що країни Заходу визнавали право малих народів на самовизначення.

Паралельно з підготовкою до евакуації з країни, керівництво Словацької держави здійснювало підготовку своїх прибічників до майбутньої підпільної боротьби. Вища вождівська школа Глінківської молоді (далі ГМ) та табір ГМ в Секулях проводили теоретичну та практичну підготовку кадрів для майбутньої підпільної діяльності³⁰. Словацька влада також потурбувалася про фінансування потреб підпілля, виділивши чималі кошти віданням режиму особам³¹. На ці гроші планувалося створити мережу підпільних організацій, які б й надалі пропагували людацьку ідеологію серед словаків та вели боротьбу проти чехословацької влади³². Передбачалося, що головним завданням людацького підпілля стане відновлення незалежності Словацької держави³³.

На заключному етапі Другої світової війни активну діяльність вдома і за кордоном проводили словацькі комуністи. У них були свої погляди на повоєнне майбутнє словацького народу, які знайшли вираження у гаслі «За радянську Словаччину». Представники

Комуністичної партії Словаччини під час переговорів у Москві влітку 1944 р. заявили, що найкращим для словацького народу є союз з СРСР, а якщо після війни буде відроджена Чехословацька республіка, то вона повинна бути федеративною і соціалістичною³⁴. Тоді ж вони зробили заяву про те, що 70% словаків підтримують входження словацьких земель до складу СРСР та тільки 20% є прибічниками відродження чехословацької держави³⁵. Насправді вірити даній заяві словацьких комуністів не варто, оскільки її зміст не відображав реального стану справ в країні. Більше того, на певному етапі розвитку комуністичного руху гасло «За радянську Словаччину» перестало сприйматися його учасниками за серйозну політичну програму, перетворившись на зручний, а головне дієвий засіб тиску на чехословацьку владу Е. Бенеша.

Гасло «За радянську Словаччину» й справді непокоїло Е. Бенеша, оскільки могло стати на заваді його планам по відродженню чехословацької держави. Взагалі питання чесько-словацьких відносин в цей час перебувало в особливому полі зору чехословацької влади в Лондоні. Це підтверджує обговорення справи Ф. Угліра про поїздку чехословацької урядової делегації в СРСР та Словаччину 22 серпня – 4 грудня 1944 р. Ситуація в Словаччині не на жарт налякала лондонську владу. Її впевненість у можливість відновлення в майбутній чехословацькій державі домюнхенських порядків почала згасати. Заступник голови Державної ради Р. Бехінь з цього приводу заявив, що словацьке питання є одним з найголовніших питань майбутнього національного і державного життя в Чехословацькій республіці. Стан цього питання, на його думку, свідчив про відсутність підтримки словацьким народом чехословацької влади в екзилі. Р. Бехінь критикував Е. Бенеша за те, що той так і не спромігся підготувати дієву програму врегулювання чесько-словацьких протиріч. Більше того, він поставив під сумнів легітимність перебування Е. Бенеша на посаді президента Чехословащини. Незважаючи на справедливую критику, Державна рада в Лондоні у своїй спеціальній резолюції стала на захист Е. Бенеша та відкинула усі звинувачення Р. Бехіня. Також її члени висловилися проти асиметричної моделі автономії, яку лобіювала Словацька народна рада, намагаючись закріпити крайняський устрій чехословацької держави.

Що ж стосується позиції Москви у словацькому національному питанні, то радянські політики не будучи зацікавленими у приєднанні словацьких земель до складу СРСР, всіляко підтримували ідею відродження чехословацької держави на федеративних засадах. У майбутньому вони планували поширити радянський вплив на всі країни Центрально-Східної Європи, у тому числі й на чехословацьку державу. Відтак самі по собі словацькі землі були їм нецікавими.

Таким чином, на рубежі 1944–1945 рр. майбутнє Словацької держави напряму залежало від перебігу бойових дій на фронтах Другої світової війни та співвідношенні сил на міжнародній арені. Очевидність поразки нацистської Німеччини ставила під сумнів майбутнє існування Словацької держави. Визнання лідерами антигітлерівської коаліції чехословацької влади Е. Бенеша єдиним легітимним представником інтересів чеського і словацького народів та вступ Червоної армії на територію Центральної Європи привели до того, що більшість варіантів вирішення словацького національного питання втратили свою актуальність. На цей час стало очевидним, що шкала можливих варіантів вирішення словацького національного питання буде обмежена визначенням державно-правового статусу словацьких земель у складі відродженої чехословацької держави. У цьому контексті надзвичайно важливими були погляди Е. Бенеша, який наприкінці війни певною мірою змирився зі змінами, що відбулися у чесько-словацьких відносинах впродовж 1939–1945 рр. Словацьке національне повстання 1944 р. «реабілітувало» в його очах Словаччину³⁶, а відтак він змирився з існуванням Словацької народної ради. Збору повереників та з іншими факторами, що могли зміцнити позиції словаків у відродженій державі. Вважав, що подальший розвиток чесько-словацьких відносин приведе до зменшення існуючих протиріч між двома народами. Показово, що на публічних виступах президента в цей час став позначатись дух взаємного братерства. Він наголошував на важливості Словаччини і словаків у новій державі, яку хотів бачити республікою без національних меншин, де чехи і словаки житимуть в злагоді та мирі.

Така позиція Е. Бенеша була продиктована тим, що серед учасників Словацького національного повстання 1944 р. було багато прихильників самобутності та суверенітету словацького народу. На їх думку, Словаччина у відновленій Чехословащині повинна була

стати самостійним суб'єктом з відмінним від інших земель державно-правовим статусом. З цих причин Словацька національна рада відкидала концепцію «чехословакізму» та запропонувала свій варіант вирішення чесько-словацьких протиріч, який базувався на визнанні самотності словацького народу та розбудові держави згідно принципу «рівний з рівним». Словацька національна рада контролювала ситуацію на звільнених словацьких землях та мала підтримку московського керівництва КПЧ. Ігнорувати її Е. Бенеш не міг, а тому був змушений відмовитися від планів реставрації домюнхенського устрою чехословацької держави. У результаті у перші повоєнні місяці Словаччина була своєрідною напівнезалежною державою³⁷. Однак такий стан справ був тимчасовий, оскільки чеські політики не бажали з ним миритися через образу на словаків за події 1938–1939 рр. [проголошення автономії в жовтні 1938 р. та проголошення незалежності в березні 1939 р. – *І. Ш.*], а тому всіма силами намагалися протистояти особливому державно-правовому становищу Словаччини.

Як не дивно, але словацькі комуністи у цей час були набагато радикальнішими та послідовнішими при лобюванні словацьких національних вимог, ніж окремі громадянські демократичні групи. Комуністичний політик Г. Гусак у лютому 1945 р. зробив оптимістичний прогноз стосовно співіснування двох повноправних націй в рамках федеративної держави, в якій кожен народ буде самостійно вирішувати власні справи (тобто буде мати власний уряд і парламент), а спільним залишиться те, що є необхідним для збереження сильної та єдиної держави. При цьому спільний уряд і парламент будуть приймати рішення по спільним справам. Однак проти такого сценарію розбудови держави виступили чеські політики. Вони заявляли, що до подібного розвитку подій чеське суспільство не готове. Як наслідок, під час московських переговорів про формування урядової програми в березні 1945 р. словацький проект, який передбачав федеративний устрій спільної держави чехів і словаків, наштовхнувся на різку критику зі сторони чеських народних соціалістів, лідовців та частково соціал-демократів. Політик П. Дртіна з цього приводу писав: «Чи не найбільша криза під час московських переговорів виникла під час обговорення статті шостої»³⁸. Словаки, підтримувані комуністами, вимагали повної рівності в державі. Протилежні погляди мали чеські представники, які лобювали ідею чехословацької єдності. Вони не усвідомлювали, що реалізувати в повоєнній Чехословаччині ідею єдиного чехословацького народу неможливо, оскільки шестирічне існування Словацької держави для словацького народу не минуло безслідно. Після тривалих переговорів майбутній уряд нарешті визначили як «втілення чесько-словацького державного союзу, заснованого на нових принципах»³⁹.

У затвердженій Кошицькій програмі нового уряду було записано наступне: «Визначаючи, що словаки мають бути господарями на своїй словацькій землі так, як і чехи в своїй чеській Вітчизні, і що республіка буде відновлена як спільна держава рівноправних чеської і словацької націй, уряд підтвердить це важливими державно-політичними актами. СНР, що опирається на національні комітети в населених пунктах і районах, буде визнано законною представницею самотньої словацької нації, але й носієм державної влади на території Словаччини (законодавчої і виконавчої)... Спільні державні завдання центральною владою республіки буде виконувати в тісній співпраці з СНР і Збором словацьких національних повереників, як виконавчим урядовим органом СНР»⁴⁰.

Зміст Кошицької урядової програми можна трактувати як своєрідний компроміс: СНР визнавалася за репрезентанта словацького народу та носія державної влади на Словаччині, але при цьому була закріплена асиметрична модель державно-правового устрою. Це означало, що прийняття Кошицької урядової програми не означувало остаточного, і, що важливіше, справедливого вирішення словацького національного питання. Чи не найбільшим її здобутком було те, що вона відмовлялася від ортодоксального «чехословакізму» та проголошувала відновлену Чехословаччину «спільною державою рівноправних націй, чеської і словацької». Шкода, що ці положення Кошицької урядової програми не знайшли свого відображення у реальному житті. Проблеми у чесько-словацьких відносинах зберігалися та наростали. Вони неодноразово ставали предметом засідання уряду та зрештою привели до появи трьох пражських угод. Однак навіть після цього проблеми у чесько-словацьких відносинах збереглися. З однієї сторони, мали місце справедливі словацькі вимоги, а з іншої – не готовність чеської сторони їх виконувати.

Отже, затяжна суспільно-політична криза в Словацькій державі, перебіг бойових дій на фронтах Другої світової війни та зміна співвідношення сил на міжнародній арені стали головними причинами поступової актуалізації здавалося б уже вирішеного словацького національного питання. Впродовж 1943–1945 рр. у словацьких політичних колах сформувалися та активно обговорювалися різні варіанти його вирішення. Однак визнання лідерами антигітлерівської коаліції чехословацької влади на чолі з Е. Бенешом за єдиного легітимного представника інтересів чеського і словацького народів та вступ Червоної армії на територію Центральної Європи привели до того, що більшість варіантів вирішення словацького національного питання втратили свою актуальність. На рубежі 1944–1945 р. стало очевидним, що шкала можливих варіантів його вирішення обмежена визначенням державно-правового статусу словацьких земель у складі відродженої чехословацької держави. Кошицька урядова програма не змогла запропонувати справедливого вирішення словацького національного питання, що ставило під сумнів подальше стабільне існування спільної держави чехів і словаків.

¹ Пугач Е. П. История Словакии: монография. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013. – 344 с.; *Його жс.* Чехо-Словацка федерация як можливість встановлення рівних прав словаків і чехів в єдиній державі (спроба реалізації та її доля) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – Сер.: Історія. – 2013. – № 1087. – Вип. 47. – С. 212–234; *Його жс.* Национальное восстание 1944 года и словацкая перспектива // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. – Серія: Історичні науки. – Вип. 34. – № 4. – Чернігів, 2006. – С. 134–138.

² *Боровець І.* Суспільно-політична криза у Словацькій державі (друга половина 1943 – серпень 1944 рр.) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: збірник наукових праць / [редкол.: В. С. Степанков (голови. ред.) та ін.]. – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2011. – Вип. 2. – С. 138–155.

³ *Роговой Е.* Был ли словацкий режим 1939–1945 гг. клеро-фашистским? // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. – Вип. 11. – С. 117–124.

⁴ *Кріль М.* Словацький національно-визвольний рух у 1945–1947 рр.: основні форми і напрямки // Науковий вісник Ужгородського університету. – Серія: Історія. – Вип. 18. – Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», 2007. – С. 108–113.

⁵ *Вовканич І. І.* Чехословаччина в 1945–1948 рр.: Нарис історії перехідного періоду. – Ужгород: Вид. В. Падяка, 2000. – 350 с.

⁶ *Боровець І.* Суспільно-політична криза у Словацькій державі (друга половина 1943 – серпень 1944 рр.) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: збірник наукових праць / [редкол.: В. С. Степанков (голови. ред.) та ін.]. – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2011. – Вип. 2. – С. 140.

⁷ *Barnovsky M.* Koncepcie a varianty začlenenia a štatopravného postavenia Slovenska (1944–1948) // Slovenska otázka v dejinách Česko-Slovenska (1945–1992): Zborník príspevkov z vedeckého kolokvia, ktoré sa konalo 20. oktybra 1993 / [Zost.]: Barnovsky, Michal. – Bratislava: Historický ústav SAV, 1994. – S. 5.

⁸ Stanovisko Edvarda Beneša k ľudáckemu režimu a k otázke jeho likvidácie (20. februára 1943) // Dokumenty slovenskej národnej identity a štatnosti. – Bratislava, 1998. – Zv. I. – S. 301.

⁹ Там само.

¹⁰ Там само.

¹¹ Там само. – S. 302.

¹² Там само.

¹³ Memorandum občianskej odbojovej skupiny «Flóra» Edvardovi Benešu (10. februára 1943) // Dokumenty slovenskej národnej identity a štatnosti. – Bratislava, 1998. – Zv. I. – S. 299.

¹⁴ *Syrny M.* Slovenska otázka v občiansko-demokratickom odboji na Slovensku v rokoch 1939–1945 // Slovenska otázka 1939–1945 očami mladých historikov. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie Banská Bystrica 14.–15. apríla 2005. – Banská Bystrica, 2005. – S. 172.

¹⁵ *Jablonický J.* Priprava a vznik Slovenskej národnej rady / J. Jablonický // Pohľady na slovensku politiku / Edit. M. Pekník. – Bratislava: VEDA, 2000. – S. 366.

¹⁶ Memorandum odbojovej skupiny Vavra Šrobára Edvardovi Benešovi (4. septembra 1943) // Dokumenty slovenskej národnej identity a štatnosti. – Bratislava, 1998. – Zv. I. – S. 310–311.

¹⁷ Vianočná dohoda (december 1943) // Dokumenty slovenskej národnej identity a štatnosti. – Bratislava, 1998. – Zv. I. – S. 319.

¹⁸ Там само. – S. 321.

¹⁹ *Kamenec I.* Hľadanie a bludenie v dejinách. – Bratislava: Kalligram, 2000. – S. 147.

- ²⁰ *Mikuš J.* Slovensko v dráme Europy. – Martin: Matica slovenska, 2002. – S. 165.
- ²¹ *Barnovsky M.* Koncepcie a varianty začlenenia a štatopravného postavenia Slovenska (1944–1948). – S. 7.
- ²² *Medricky G.* Minister spomina. – Bratislava: Vyd. Litera, 1993. – S. 272.
- ²³ *Murin K.* Spomienky a svedectvo. – Partizánske: Priatelia prezidenta Tisu vo vyd-ve Garamond, 1992. – S. 467–468.
- ²⁴ *Čulen K.* Po Svätoplukovi druha naša hlava. – Radošina: Garmond Partizánske, 1992. – S. 281.
- ²⁵ *Lacko M.* Rokoval Tiso s Moskvou? // Historická revue. – Ročník XII. – Číslo 7. – S. 32.
- ²⁶ Там само.
- ²⁷ *Хмел P.* Словацкий вопрос в 20-м веке // Опыт демократических преобразований Словакии. – Братислава, 2007. – С. 20
- ²⁸ Там само.
- ²⁹ Manifest Slovenskej národnej rady (4. februára 1945) // Dokumenty slovenskej narodnej identity a štatnosti. – Bratislava, 1998. – Zv. I. – S. 397.
- ³⁰ Archiv bezpečnostních složek Praha, fond H-747, zpráva o realizovaných ľudácko-fašistických protištátných prípadov. Prípád KOMANERA a spol, s. 1.
- ³¹ Archiv bezpečnostních složek Praha, fond H-746, ilegálne protištátne hnutie na Slovensku. Vznik ilegálneho hnutia, s. 1.
- ³² Дет. див.: *Шніцер I.* Підпільний людацький рух на словацьких землях в 1945–1948 рр. (на матеріалах Архіву Сил безпеки у Празі) // Нове историчке розглядь. – 2015. – Роç. V. – Число 1. – S. 53–61.
- ³³ Archiv bezpečnostních složek Praha, fond H-747, zpráva o realizovaných ľudácko-fašistických protištátných prípadov. Prípád MELCER a spol, s.4.
- ³⁴ Dejiny Slovenskeho narodneho povstania 1944. Dokumenty, 3. zv. – Bratislava: Pravda 1984. – S. 335–343.
- ³⁵ *Bobak J.* Štátný prevrat v auguste 1944 a otázka slovenskej štatnosti // Dies Ater nešťastný den 29. august 1944. – Bratislava: Erbo, 1993. – S. 44.
- ³⁶ *Pehr M.* Edvard Beneš a Slovensko // Roky prelomu: Slovensko v rokoch 1945–1948. – Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2015. – S. 249.
- ³⁷ *Rychlík J.* Česko-slovenský poměr v letech 1945–1969 z českého pohledu // Slovenska otázka v deinach Česko-Slovenska (1945–1992). – Bratislava: Historicky ustav SAV, 1994. – S. 50.
- ³⁸ *Drtina P.* Československo můj osud II. – Kniha 1. – Praha, 1992. – S. 23.
- ³⁹ *Pehr M.* Edvard Beneš a Slovensko. – S. 247.
- ⁴⁰ Košický vládný program (5 apríla 1945) // Dokumenty slovenskej narodnej identity a štatnosti. – Bratislava, 1998. – Zv. I. – S. 407.

ГУСТАВ ГУСАК В МОСКВЕ. 1945 ГОД

В. В. Марьина

Мар'їна В. В. Густав Гусак в Москві. 1945 рік. У статті описані обставини появи Гусака в Москві на початку 1945 року; розглянуто підготовлені ним в цей час документи, що стосуються Словацького національного повстання 1944 року і Словаччини; описано другий приїзд Гусака в Москву в березні 1945 року для обговорення програми сформованого тут чехословацького уряду; представлені погляди Гусака на державно-правовий устрій повоєнної Чехословаччини і статус в ній Словаччини; показано його ставлення до СРСР.

Ключові слова: Густав Гусак; Словацьке національне повстання; Словаччина; Чехословаччина; СРСР; Москва; 1945 рік.

Марьина В. В. Густав Гусак в Москве. 1945 год. В статье описаны обстоятельства появления Гусака в Москве в начале 1945 года; рассмотрены подготовленные им в это время документы, касающиеся Словацкого национального восстания 1944 года и Словакии; описан второй приезд Гусака в Москву в марте 1945 года для обсуждения программы сформированного здесь чехословацкого правительства; представлены взгляды Гусака на государственно-правовое устройство послевоенной Чехословакии и статус в ней Словакии; показано его отношение к СССР.

Ключевые слова: Густав Гусак; Словацкое национальное восстание; Словакия; Чехословакия; СССР; Москва; 1945 год.

Maryina V. V. Gustav Husak in Moscow. 1945. The article describes the circumstances of Husak's occurrence in Moscow in early 1945; reviews prepared at this time documents related to the Slovak national uprising of 1944 and Slovakia. The second arrival of Husak to Moscow in March 1945 for discussing the program of the formed here Czechoslovak government is described. The author presents the views of Husak on state-legal structure of post-war Czechoslovakia and the status of Slovakia; shows his attitude to the USSR.

Keywords: Gustav Husak; Slovak national uprising; Slovakia; Czechoslovakia; USSR; Moscow; 1945.

Густав Гусак – член нелегального керівництва Комуністическої партії Словакиї (*далее* – КПС)¹, член Словацького національного совета (*далее* – СНС), керівного органу Словацького національного повстання (*далее* – СНВ) 1944 г.² Як відомо, СНС ще в декабрі 1943 г. (так наз. «Різдвянське угоду») висловився за встановлення Чехословацької республіки (*далее* – ЧСР). Був згоден з цим і Гусак. Однак, не можна не відзначити, що серед словацьких комуністів ще і на завершальному етапі війни, особливо в зв'язі з наближенням Червоної армії до кордонів Словакиї, було багато прихильників лозунга «За радянську Словакію», висунутого нелегальним керівництвом КПС в травні 1941 г. Лозунг був підвергнутий критиці Заграничним бюро Комуністическої партії Чехословакиї (*далее* – ЗБ КПЧ) в Москві як чужий ізоляційний комуністів від мас. Але, за свідченням Г. Гусака, цей лозунг «сильно укореївся серед рядових працівників партії. Старі підпольні працівники... бачили в наближенні Радянської армії можливість виконання революційної мети словацького пролетаріату і часто висували питання про соціалістическу революцію і включення Словакиї в склад СРСР»³. І ще: «...члени партії цей лозунг сприймали як офіційну лінію партії, і треба сказати, приймали його з радістю... Що може бути краще для переконаного комуніста, ніж жити в соціалістическій республіці, зв'язаній з СРСР. І я розумів це точно також. Я взагалі не знав випадку, щоб хтось в ті роки в партії виступав проти [цього]»⁴. Ідея радянської, соціалістическої Словакиї ще не була знята з порядку дня⁵. Відомо, не могло не враховуватися з цим і керівництво КПС. В аналітическому огляді «Про розвиток і ситуацію в Словакиї», написаному, в основному, Гусаком для інформувати радянського керівництва і доставленому К. Шмідке в Москву в початку серпня 1944 г., в зв'язі з питанням про післявоєнний державно-правовий статус Словакиї, говорилося: «...найбільш бажана комбінація з СРСР, а якщо ЧСР, то національно федеративна і соціалістическа»⁶. І в той час

СНВ, по утверждению секретаря ЦК КПС Э. Фриша (июль 1945 г.), «компартия жила идеями борьбы за присоединение Словакии к СССР»⁷.

Но Москва тогда выдвигение социалистических лозунгов считала несвоевременным и вредным, а планов присоединения Словакии к Союзу Советских Социалистических Республик (*далее* – СССР) вообще не существовало. Наоборот, Москва сдерживала леворадикальные тенденции, проявлявшиеся в компартиях стран Восточной Европы. Намечалась более гибкая, чем прежде, линия проведения в этом регионе советской политики⁸. Она была рассчитана не на сиюминутный, а постепенный результат при опоре на внутренние силы, активных борцов против фашизма, прежде всего коммунистов, занявших или поставивших цель занять прочные позиции в органах новой власти. При этом термины «советизация», «большевизация», «социалистическая революция», «социализм», «коммунизм», «диктатура пролетариата» были исключены из официального лексикона советских руководителей, партийных функционеров и прессы. Соответствующие инстанции внимательно следили за тем, чтобы к подобным выражениям при определении своей политической линии публично не прибегали и руководители «братских» коммунистических партий. Об этом свидетельствует такой пример. Для Г. Димитрова, возглавлявшего Отдел международной информации (*далее* – ОМИ) Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (*далее* – ЦК ВКП(б), в ноябре 1944 г. был подготовлен обзор словацкой повстанческой «Правды» с критикой статей некоторых авторов за их леворадикальные взгляды и употребление таких выражений, из которых можно было сделать вывод, что борьба против фашизма идет одновременно якобы и за установление социализма. «Эти формулировки и положения, – делал вывод автор записки, – не могут способствовать расширению базы национально-освободительной борьбы в Словакии, а посему считаю необходимым подправить словацких товарищей»⁹.

По всей видимости, именно после того, как этот критический обзор попал на стол Г. Димитрова, в декабре 1944 г. состоялась его встреча с рядом находившихся в СССР чешских и словацких коммунистов. Официальная линия Кремля на создание именно дружественных несоединенных (народно-демократических, по терминологии того времени) государств на западных границах Советского Союза была тогда отчетливо сформулирована Г. Димитровым (куратором Отдела являлся нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов): «Вопрос советизации Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, собственным развитием. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически. Те люди в Словакии, которые чересчур спешат в отношении советской власти, должны быть попридержаны. Как Сталин правильно сказал: нужно идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции»¹⁰. Тогда Димитров определенно высказался за сосуществование чехов и словаков в едином Чехословацком государстве, причем не исключалось его строительство на федеративных началах. Государственно-правовое устройство восстановленной ЧСР Димитрову виделось следующим образом: «Полагаю, что наилучшим решением вопроса о взаимоотношениях чехов и словаков в освобожденной ЧСР было бы, чтобы чехи и словаки находились в равноправном положении, чтобы в Чехии имелось чешское правительство, а в Словакии – словацкое правительство, и чтобы было совместное федеративное чехословацкое правительство. Чтобы существовал парламент чешский и парламент словацкий, и, кроме того, общий парламент чехословацкий»¹¹.

Заграничное бюро Коммунистической партии Чехословакии (*далее* – ЗБ КПЧ), развернувшее свою деятельность в Москве еще в 1939 г., приняло линию Москвы, как руководство к действию. В 1944–1945 гг. в связи с близящимся освобождением Чехословакии (Словакии и Чешских земель) Красной армией этот виртуальный план начал постепенно приобретать конкретные очертания. Разработки ЗБ КПЧ, как следует из опубликованных документов и архивных материалов, проходили через руки Димитрова¹². Видимо, уже осенью того же года стал обдумываться вопрос о составе будущего правительства восстановленной ЧСР. В связи с этим были подготовлены и характеристики на членов СНС: К. Шмидке, Г. Гусака, Л. Новомеского, В. Шробара, Я. Урсини, Й. Леттриха и др. Все они, и коммунисты, и представители буржуазных группировок, характеризовались положитель-

но как участники национально-освободительной борьбы в Словакии. ОМИ получил от ЗБ КПЧ сведения о членах ЦК КПС (в том числе и Гусака), избранных на Объединительном съезде словацких коммунистов и социал-демократов в сентябре 1944 г.¹³

Как известно, Словацкое национальное восстание потерпело поражение. Часть его участников ушла в горы и продолжала борьбу партизанскими методами, часть разошлась по домам, часть попала в плен к немецко-фашистским оккупантам. Г. Гусак, как и другие руководители восстания, ушел в горы. Вплоть до прихода советских войск он скрывался у местного населения. 21 декабря 1944 г. деревня, где находился Гусак, по его словам, была освобождена Красной армией. Он обратился к одному из офицеров с просьбой информировать Москву о своем местонахождении, а затем отправить на освобожденную территорию Восточной Словакии. Здесь, как полагал Гусак, он сможет принять участие в деятельности делегации СНС по налаживанию мирной жизни. 23 декабря Гусак был отправлен в штаб 2-го Украинского фронта (командующий маршал Р. Я. Малиновский), куда прибыл 26 декабря. В течение месяца, до 25 января 1945 г., органы управления фронта «работали» с Гусаком, проверяя его личность и используя полученную от него информацию о положении в Словакии в оперативных целях¹⁴. Затем он был переправлен сначала в Михаловце (Восточная Словакия), а оттуда в Москву, куда прибыл, по его словам, 31 января 1945 г. Здесь Гусак некоторое время, по всей видимости, находился в следственном изоляторе (*далее* – СИЗО) НКВД в целях подтверждения его личности. Несколько раз с ним виделся руководитель ЗБ КПЧ К. Готвальд, который попросил письменно изложить его взгляд на подготовку и ход СНВ, политическое и экономическое положение Словакии, отношения словаков и чехов и т.д. Документы РГАСПИ и АВП РФ свидетельствуют, что Гусаком собственноручно были написаны две справки. Одна, более короткая, на немецком языке, «Политическая ситуация в Словакии (в конце 1944 г.)», была, вероятно, написана еще во время пребывания Гусака в распоряжении войск 2-го Украинского фронта и направлена в Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии (*далее* – ГлавПУРККА) и разведывательное управление Генерального штаба Красной армии¹⁵. Перевод этой справки на русский язык ОМИ ЦК ВКП(б) получил 3 февраля 1945 г. В сопроводительной записке, подписанной генерал-полковником Ф. Кузнецовым (Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии), говорилось: «Посылаю Вам перевод собственноручного доклада д-ра Гусак Густава. Приложение: упомянутое на 16 стр.». В документе рассматривались следующие вопросы: 1. Словакия как самостоятельное государство. 2. Фашистская партия. 3. Силы антифашистского движения в Словакии. 4. Словацкая народная рада [Словацкий национальный совет – В. М.]. 5. Словацкая армия. 6. Словацкие партизаны. 7. Словацкое восстание. 8. Славянские традиции в Словакии. 9. Словаки и чехи. 10. Выводы¹⁶.

Другая, более пространная информация «О положении в Словакии» (напечатана на пишущей машинке и датирована 5 февраля 1945 г.), была подготовлена Гусаком по просьбе К. Готвальда для ЗБ КПЧ. Перевод этого документа на русский язык (90 страниц) ОМИ ЦК ВКП(б) получил 20 февраля того же года¹⁷. Автор касался следующих вопросов: 1. Краткий обзор возникновения и развития Словацкой республики. 2. Характеристика правящей Глинковской словацкой народной партии. 3. Роль и влияние католицизма. 4. Заметки об экономическом положении Словакии, в том числе о развитии промышленного производства. 5. Идея самобытности словацкого народа и словацкой государственности. 6. Коммунистическая партия Словакии. 7. Прочая оппозиция в Словакии. 8. Словацкий национальный совет. 8. Словацкое национальное восстание (самый большой раздел). 9. Партизаны¹⁸. 10. Причины военного поражения восстания. 11. После восстания. 12. Баланс восстания. Сравнение обоих документов показывает, что первый из них содержал более радикальные оценки и мнения относительно политики КПС и настроений в Словакии, нежели второй. Аннотация обоих документов была представлена Г. Димитрову 8 марта 1945 г. и внимательно им изучена. Особый его интерес, судя по сделанным им пометам, вызвала оценка политики и влияния КПС, а именно: «ведет за собой весь рабочий класс, значительную часть интеллигенции и мелких крестьян»; программа партии после ее объединения с социал-демократами «является марксистско-ленинской»; рабочие массы считают СССР «образцом в разрешении социальных и экономических вопросов»; «славянские традиции и социалистическая ориентация играют большую роль в Словакии»;

КПС «ставит на первое место в своей работе борьбу против немцев и предателей, однако она не может забывать о своей ответственности и за достижение своих дальнейших политических целей»¹⁹.

Г. Гусак находился в Москве примерно три недели и за это время неоднократно встречался с Готвальдом. Обсуждались вопросы политики КПЧ/КПС на освобожденной территории ЧСР (Словакии) и программные цели обеих компартий. Из бесед с Готвальдом Гусак получил и более четкие представления о позиции советского руководства по вопросам политики СССР в странах, на территорию которых с освободительной миссией вступала Красная армия. Именно в это время, 23 января 1945 г., состоялась встреча Готвальда со Сталиным, о которой мало что известно в историографии, поскольку Готвальд не оставил мемуаров. Встреча проходила сначала вечером в Кремле в кабинете В. М. Молотова, на которой присутствовал и Сталин. Речь шла о положении в Закарпатье, и Сталин в присутствии Готвальда продиктовал известное письмо Э. Бенешу о будущем этого края²⁰. Затем встреча продолжилась на даче у Сталина, куда советский лидер пригласил Готвальда, и где обсуждались другие вопросы. Надо заметить, что к тому времени Сталин уже встречался с некоторыми коммунистическими политическими деятелями стран Восточной Европы: А. Паукер и Г. Георгиу-Дежем (Румыния), А. Хебрангом (Югославия). К началу 1945 г. существовали просоветские правительства в Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии. В январе 1945 г. Красная Армия вела активные боевые действия на территории Восточной Словакии: 20 января Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, освободившим словацкие города Прешов, Кошице, Бардейов²¹.

Пригласив Готвальда к себе на дачу, Сталин, видимо, хотел составить личное впечатление о лидере чехословацких коммунистов и дать ему соответствующие рекомендации. Давались ли Готвальду какие-либо советы, касающиеся политики КПЧ в освобожденной стране, доподлинно не известно. Но можно предположить, что, если не прямо, то косвенно, давались. Готвальд был достаточно опытным политиком, чтобы уловить смысл сказанного советским руководителем. О встрече Готвальд, видимо, рассказал своему ближайшему сподвижнику В. Копецкому, который коротко упомянул об этом в пропагандистской брошюре, посвященной 50-летию Готвальда (1946 г.). Товарищ Готвальд, – писал Копецкий, – пришел к товарищу Сталину в половине первого ночи, и их разговор продолжался целых шесть часов, до семи часов утра. Во время шестичасовой беседы, которая, судя по описанию, проходила в очень непринужденной обстановке, по словам Копецкого, «товарищ Готвальд обсудил с маршалом Сталиным много важных вопросов»²².

О содержательной стороне встречи Готвальда со Сталиным упомянул в своей книге о СНВ и Гусак. По его словам, во время беседы со Сталиным велась дискуссия по основным вопросам политики партии в период освобождения страны и после него. Сталин советовал Готвальду проявлять максимум осторожности и тактичности, например, при решении словацкого вопроса, рекомендовал считаться с Бенешем (он готовился в это время к возвращению через СССР на освобожденную территорию ЧСР), достигнуть договоренности с ним как с президентом. «После осложнений вокруг польского вопроса, – писал Гусак, – когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать аналогичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством, тем более, что это было единственное эмигрантское правительство, заключившее союзнический пакт с СССР»²³.

«В беседах с Готвальдом, – вспоминал Гусак, – мы главным образом обсуждали, насколько далеко мы можем заходить в Словакии при решении отдельных вопросов, чтобы словацкий козырь оказался решающим на совещании с лондонскими деятелями, какие границы не следует переходить, чтобы не нарушить планов общегосударственного соглашения с Бенешем»²⁴. Одним из наиболее дискутируемых в среде чешской и словацкой коммунистической эмиграции в Москве во время нахождения там Гусака был вопрос о государственно-правовом статусе Словакии в освобожденной ЧСР. Впоследствии Гусак так вспоминал об этом: «Чехословацкие коммунисты в Москве жили в то время – февраль 1945 г. – под впечатлением точки зрения Г. Димитрова в отношении Чехословакии: у огромного большинства товарищей, с которыми я беседовал, была идея о федеративном государственно-правовом устройстве Чехословацкой республики. Это было коммунисти-

ческим решением, по примеру СССР, по этому пути уже пошла в то время и Югославия. Лучшего решения никто не знал. Руководство Коммунистической партии Словакии в период восстания практически отстаивало эту точку зрения, хотя термин «федерация» мы не использовали, имея в виду Лондон²⁵. Так полагал в период восстания Шверма²⁶, с этим мнением я встретился в Москве. И Готвальд был в то время в принципе за федеративное решение». Но он, по словам Гусака, опасался того, как к этому отнесутся в чешских землях, где в результате нацистской оккупации обострились национальные чувства и усилились антисловацкие настроения²⁷. Кстати, и Гусак, указывая в упомянутой информации от 5 февраля 1945 г. на возросшее самосознание словацкого народа, отмечал, что в начале восстания идея восстановления ЧСР на основе равноправного сотрудничества чехов и словаков воспринималась с прохладцей и даже отвергалась: «сильно ослабили взаимные связи этих двух народов, огромное недоверие пролегло между ними».

После трехнедельного пребывания в Москве Гусак 20 февраля 1945 г. вернулся в Словакию (г. Кошице), на освобожденной к тому времени территории которой действовала делегация СНС. Она занималась налаживанием мирной жизни в освобожденных районах. По прибытии в Кошице Г. Гусак и прилетевший с ним из Москвы словацкий коммунист Э. Фриш сразу же предложили провести рабочую конференцию КПС: «Возникла необходимость правильно ориентировать всю партию на освобожденной территории, дать ей единую линию по всем принципиальным вопросам, укрепить единое руководство партии и довести ее линию до каждой организации, до каждого члена партии»²⁸. Конференция была организована в течение недели и состоялась 28 февраля – 1 марта 1945 г. в Кошице. С основным докладом на ней выступил К. Шмидке, текст доклада был подготовлен Г. Гусаком. Согласно его воспоминаниям, «положения, приводимые в докладе, или вытекали из предложений Готвальда, или являлись результатом совместного обсуждения»²⁹. Надо сказать, что Гусак с большим пиететом и доверием относился к Готвальду, и, как представляется, пользовался симпатией лидера КПЧ и некоторое время его поддержкой. Ни в докладе Гусака, ни в принятых конференцией документах не было ни слова о социалистических задачах партии, о строительстве социализма в стране как цели КПС в будущем, о классовой борьбе и диктатуре пролетариата и т.д. Основной задачей КПС и всех демократических сил Словакии на ближайшее время считались «мобилизация и напряжение всех материальных и моральных сил нашего народа ради освобождения всей Словакии и всей ЧСР»³⁰. Конференция направила поздравительные телеграммы И. В. Сталину и К. Готвальду. В первой от имени словацких коммунистов и всего словацкого народа выражалась благодарность Красной армии-освободительнице, которая «под Вашим мудрым и гениальным руководством завоевывает свою историческую победу в борьбе против немецкого империализма». Участники конференции заверяли советского лидера, что словацкие коммунисты приложат все силы, чтобы помочь Красной армии в этой борьбе и чтобы новая демократическая Чехословакия всегда была связана неразрывными узами братства с народами Советского Союза. В телеграмме К. Готвальду говорилось, что словацкие трудящиеся видят в нем «главу Коммунистической партии Чехословакии и самого активного борца за свободу чешского и словацкого народа в новой Чехословацкой республике»³¹.

А 5 марта 1945 г. Г. Гусак в составе делегации СНС снова отправился в Москву. Здесь ожидалось прибытие проездом на родину «группы лондонцев» во главе с Э. Бенешем для обсуждения с представителями ЗБ КПЧ вопросов, касавшихся создания нового правительства Национального фронта чехов и словаков и его программы. В делегацию СНС входили по три представителя от КПС (Г. Гусак, Л. Новомеский, бывший социал-демократ Й. Шолтес) и словацкой Демократической партии (Я. Урсини, Й. Стык, В. Шпробар). Переговоры состоялись во второй половине марта 1945 г.

В основу обсуждения был положен проект правительственной программы, предложенный ЗБ КПЧ. Бенеш не принимал участия в обсуждении, но был в курсе того, как оно происходило, поскольку встречался по отдельности с представителями разных заинтересованных сторон. Состоялась его беседа и с делегацией СНС, которая получила от президента обещание не употреблять термин «чехословацкая нация», а говорить чехи и словаки. Но компромисс достигался с трудом. Раздел проекта программы, касавшийся словацкого вопроса (делегация СНС участвовала в обсуждении только этого раздела), вызвал наиболее жаркие дебаты, которые продолжались три дня. Позиция Готваль-

да по словацкому вопросу, согласно воспоминаниям Гусака, претерпела к этому времени определенные изменения. Он должен был договориться с Бенешем, стремился к этому и поэтому «не хотел даже поднимать вопрос о федеративном решении». «То, что у вас имеется в Словакии, сохраните, – советовал Готвальд. – Тем самым положение словаков временно решается. Позднее мы увидим, какова будет ситуация и сможем опять вернуться к этому вопросу». По словам Гусака, «он настаивал, чтобы мы уступили, чтобы мы не затрудняли достижение общей договоренности. Мы уступили...»³². В конце концов, компромисса удалось достичь. Однако это вовсе не означало, что стороны сдали свои позиции. Каждая из них осталась при своем видении государственно-правового устройства ЧСР и надеялась реализовать его в будущем, что, естественно, было чревато новыми спорами и столкновениями взглядов. Их острота и результаты зависели от грядущей расстановки политических сил в стране³³.

Советские руководители были знакомы с проектом правительственной программы, выработанной ЗБ КПЧ. К. Готвальд представил его Г. Димитрову, который, судя по сделанным им пометам, внимательно изучил документ. Раздел о государственном устройстве ЧСР не вызвал его возражений³⁴. На одном экземпляре проекта, переданном в ОМИ ЦК ВКП(б), рукой Димитрова написано «Тов. И. В. Сталину»³⁵. Можно предположить, что материал побывал и на его столе. В. М. Молотов также ознакомился с проектом. Его немногочисленные пометы на полях документа свидетельствуют, что он обратил внимание на раздел о государственном устройстве ЧСР: «Два гос-ва (чехи+словаки)»³⁶. Трудно сказать, что имел при этом в виду советский нарком, и тем более невозможно понять положительно или отрицательно отнесся он к планам решения вопроса о чешско-словацких отношениях. Массу замечаний по проекту высказал заведующий IV Европейским отделом Народного комиссариата внутренних дел (*далее* – НКВД) СССР В. А. Зорин, который в конце марта был назначен советским послом в Чехословакии. Резкой его критике подвергся и раздел проекта по государственно-правовому устройству ЧСР: во всей главе «хоть и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос государственных форм и их дальнейшего существования поставлен очень туманно: не упоминается ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии». И далее: «В интересах преодоления словацкого сепаратизма... необходимо однозначно определить будущие государственные формы положения Словакии в рамках единого Чехословацкого государства. Кроме того, совершенно необходимо сформулировать обязательство об обеспечении прав национальных меньшинств (прежде всего, украинцев и русин)»³⁷. Делая эти замечания, Зорин, естественно, исходил из опыта государственного устройства СССР. И он был, конечно, прав, полагая, что расплывчатость формулировок, свойственная этой части проекта, чревата осложнениями в будущем. Но в то же время такая категоричность оценок не поддается разумному объяснению. Зорин, который, конечно, был в курсе противоречивых взглядов на вопрос о форме государственно-правового устройства ЧСР, не мог не понимать, что выдвигание требования немедленной федерализации страны может привести к срыву переговоров о создании правительства Национального фронта чехов и словаков, что тогда не входило в интересы СССР. Возможно, это было личное мнение Зорина, которое предназначалось для «внутреннего потребления» и не подлежало доведению до сведения авторов проекта. Как бы то ни было, но замечания Зорина о государственно-правовом устройстве ЧСР не были учтены в окончательной редакции программы правительства Национального фронта чехов и словаков. В состав согласованного в ходе переговоров правительства, которое возглавил сложивший с себя дипломатические полномочия чехословацкий посол в СССР З. Фирлингер, вошло 25 человек: 16 чехов и 9 словаков. К. Готвальд (КПЧ) и В. Широкий (КПС) заняли посты заместителей председателя кабинета. По совету Готвальда, руководители СНВ и члены СНС, в том числе Гусак, Новомеский, Шмидке, остались для непосредственной работы в Словакии как знающие там обстановку.

В конце официального визита Бенеша в Москве (он дважды встречался с Молотовым, чтобы обсудить текущие вопросы советско-чехословацких отношений и послевоенного сотрудничества обеих стран) 28 марта 1945 г. в Георгиевском зале (по другим данным – в Екатерининском зале) Большого Кремлевского дворца И. В. Сталин дал торжественный обед в честь чехословацкой делегации. «Присутствовали – вспоминал Г. Гусак, – почти все выдающиеся политические и военные деятели СССР и ведущие представители чехосло-

вацкой политической жизни... Около Сталина с одной стороны сидел Бенеш, а с другой – безусловно, не случайно, Шробар³⁸. Сталин был целый вечер занят Шробаром. Ему нравился этот благородного вида старец; он был веселым собеседником, курил сигары и пил наравне со Сталиным. Бенеш при каждом из бесконечных тостов лишь пригублял, а потом ставил бокал на стол. Сталин и Шробар честно выпивали. Сталин, постаревший, седой, восхищался жизненной силой почти 80-летнего Шробара. После ужина он пригласил нас в кино. Шробара он взял под руку, вывел его и посадил рядом с собой³⁹. Во время обеда Сталин произнес два тоста. Оба они были записаны некоторыми из официально присутствующих лиц, в том числе и секретарем Молотова Б. Ф. Подчеробом⁴⁰. Записал один из тостов, возможно, по памяти, и Гусак. Во всяком случае, в его воспоминаниях смысл сказанного Сталиным не расходится с тогда не известной записью Подчероба. Согласно Гусаку, Сталин говорил: «Вы все хвалите Красную армию. Конечно, ее есть за что хвалить. Но не забывайте, что и солдаты – тоже люди. А наши солдаты, прежде чем прийти к вам, прошли много тысяч километров. С жестокими боями. Они видели уничтоженными свои города и села. Убитые или угнанные семьи. Они прошли через невероятные людские страдания. Не удивляйтесь, если после всего этого некоторые из них иногда выходят из колеи, обычной для нормальной жизни. Поймите это, а я вас прошу за них: извините их». «На меня эти слова. – вспоминал Гусак, – воздействовали необычайно сильно. Главнокомандующий победоносной армии, которая приносит свободу десяткам народов и уничтожила могущественнейшую армию на свете, извиняется за возможные мелкие провинности своих солдат!»⁴¹. Второй, не записанный Гусаком тост Сталина, был за «новых славянофилов». В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они «выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа», новые славянофилы, по его мнению, стоят за «союз независимых славянских государств... Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так... Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй»⁴². Как уже говорилось, тогда ни Сталин, ни кто-либо другой из советских руководителей не собиравался немедленно «вводить» советский строй на территориях, освобожденных Красной армией и оказавшихся в сфере влияния СССР. Думается, что тогда Сталин был искренен в своих заявлениях, хотя мысль о том, что раньше или позднее дело до этого дойдет, видимо, не покидала его. Время установления строя советского образца пришло с изменением расстановки политических сил в мире, с началом холодной войны. Активнейшими проводниками этой идеи в жизнь являлись национальные компартии, в том числе КПЧ и КПС.

31 марта 1945 г. сформированные на переговорах в Москве правительство и Бенеш отправились на родину. 4 апреля они прибыли в г. Кошице (Восточная Словакия), где 5 апреля на заседании СНС была обнародована новая правительственная программа, получившая наименование Кошицкая. Готвальд огласил раздел о государственном устройстве ЧСР, назвав его Magna Charta («Великая Хартия») словацкого народа. Гусак впоследствии вспоминал: «Это название... нас удивило. Оно нам не очень понравилось... слово “великая” нам казалось слишком напыщенным. А Хартии (перечень свобод) феодалы обычно дарили своим вассалам. Такого решения словацкого вопроса, как оно было сформулировано в правительственной программе, словацкий народ добился в борьбе. Никто ему ничего не дарил. Однако название осталось»⁴³. Привилось оно и в чехословацкой «марксистской» историографии, где использовалось в течение последующих 45 лет для обозначения полученного в момент восстановления ЧСР равноправия словацкого и чешского народов. На идею федерализации чехословацкого государства долгое время было наложено табу, а ее сторонники, получившие клеймо словацких буржуазных националистов, в начале 1950-х годов либо были расстреляны, как В. Клементис (министр иностранных дел ЧСР), либо посажены в тюрьмы, как Г. Гусак, Л. Новомеский и др. Только после августовских событий 1968 г. Г. Гусак снова оказался в Москве, куда был доставлен по распоряжению советских властей вместе с другими активными деятелями «пражской весны». Сторонник компромиссного решения конфликтной с СССР ситуации, он, по всей видимости, получил от советского руководства заверения в поддержке своих стремлений превратить Чехословакию в федеративное государство. В день независимости ЧСР 28 октября 1968 г. спешно

был принят закон о федерализации страны, который вступил в силу 1 января 1969 г. Его разработкой с весны 1968 г. и проведением в жизнь активно занимался Г. Гусак. Вскоре он стал первым (1969 г.), а затем генеральным (1971–1987 гг.) секретарем ЦК КПЧ. Густав Гусак – последний президент ЧССР и единственный словак на этой должности (1975–1989 гг.). Но это уже другая страница политической биографии Гусака и истории советско-чехословацких отношений.

Как свидетельствуют известные автору материалы, да и вся политическая жизнь Г. Гусака, он был искренним другом Советского Союза. Свое отношение к СССР он выразил в письме А. Новотному с просьбой о реабилитации (декабрь 1962 г.). Гусак характеризовал это отношение так: «В международном коммунистическом движении отношение к СССР рассматривается как пробный камень пролетарского интернационализма и всей партии, и отдельных людей. Хочу сказать несколько слов о себе в этой связи. С молодых лет я был верным другом Советского Союза, горячим пропагандистом идей Октябрьской революции и Коммунистической партии Советского Союза. Никогда ни на минуту я в этом своем отношении к СССР не проявил колебаний. Ни в период моей активной политической деятельности, ни в тюрьме, ни сегодня... Вся моя жизнь была проникнута любовью и преданностью ко всему советскому и русскому, начиная с политических отношений и кончая культурой, литературой и личным отношением... Я всегда был и останусь верным сторонником СССР»⁴⁴. Это было кредо Густава Гусака, коммуниста, политика и человека, кредо, которому он следовал всю свою жизнь, возможно, несколько поколебленное в период советской перестройки, к которой он относился с определенным сомнением и недоверием.

¹ В годы Второй мировой войны и существования Словацкой республики словацкая компартия была выделена из Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) как самостоятельная организация (КПС). После победы коммунистов в ЧСР в феврале 1948 г. КПС снова была объединена с КПЧ.

² Г. Гусак, член компартии с 1933 г., член ЦК КПЧ, депутат Национального собрания ЧСР, был без предъявления обвинения арестован в начале 1951 г., а в 1954 г. осужден на пожизненное заключение. С 1951 по 1960 г. он провел в тюрьме. По амнистии 9 мая 1960 г. Г. Гусак вышел на свободу под подписку о невыезде, а 17 февраля 1961 г. на основе личного помилования президента ему было возвращено чехословацкое гражданство. Восстановлен он был и в компартии. Г. Гусак, конечно, не был словацким «буржуазным националистом», но то, что он являлся словацким патриотом, политиком, отстаивавшим национальные интересы словацкого народа, нет сомнения.

³ Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании / Перевод со словацкого. – М.: Правда, 1969. – С. 68.

⁴ Цит. по: Machaček M. Gustáv Husák a státoprávní otázka Slovenska do roku 1948 // Slavomír Michálek, Miroslav Londák a kol. Gustáv Husák. Moc politiky, politik moci. – Bratislava: VEDA. Vyd-vo Slovenskej akadémie vied, 2013. – S. 341.

⁵ Husák G. Z bojů o dnešek. 1944–1950. – Praha: Svoboda, 1973. – S. 23.

⁶ Prečan V. «O vývoji a situácii na Slovensku». Rozbor pripravený pro Šmidkeho moskovskou misi v letě 1944 // Svědectví. – 1979. – № 58. – S. 382.

⁷ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 0138, оп. 26а, п. 139, д. 4, л. 6.

⁸ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы: В 2-х томах. – М.: Международные отношения, 1996. – Т. 1: СССР и германский вопрос 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – С. 342, 353, 595–596.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495, оп. 74, д. 554, л. 62–75.

¹⁰ Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. – Praha: Vysoká škola politická ÚV KSČ, 1965. – Díl 4. – S. 17–18.

¹¹ Cesta ke Květnu. Dokumenty o vzniku a vývoji lidové demokracie v Československu do Února 1948. 1–2 / Ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. – Praha, 1965. – S. 519 (примечание 5 к док. № 171).

¹² РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 551, л. 19–27.

¹³ Там же, ф. 17, оп. 128, д. 774, л. 1–8.

¹⁴ Информацию о «переходе Гусака на нашу сторону в Чехословакии» С. А. Лозовский, руководитель Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), получил от Главного политического управления рабоче-крестьянской Красной армии (ГлавПУРККА) 11 января 1945 г. (АВП РФ, ф. 0138, оп. 26, п. 134, д. 24, л. 3–4).

¹⁵ 11 января 1945 г. Лозовский получил и доклад Гусака, который поступил также А. Я. Вышинскому и В. А. Зорину (Там же).

¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 774, л. 54–70.

¹⁷ Там же, л. 128–218.

¹⁸ Этот раздел, написанный в критическом тоне, был изъят из публикации документа в 1965 г. (Slovenské národné povstanie. Dokumenty / Ed. V. Prečan. – Bratislava: Vyd-vo politickej literatúry, 1965. – S. 944–976) и опубликован чешским историком В. Пречаном сначала за границей, а затем в Чешской республике (*Prečan V. Slovensko od Mnichova 1938 do porážky povstání očima Gustáva Husáka. Dvě zprávy a jejich osudy // Česko-Slovenská historická ročenka 2012.* – Bratislava: Vyd. V. Honec, 2013. – S. 237–311).

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 557, л. 21–40; д. 774, л. 234–253.

²⁰ См. подробнее: *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. Документальный очерк. – М.: Индрик, 2003. – С. 129–135.

²¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т. 4. – Кн. 2. – М.: Наука, 1983. – С. 276–277 (далее – ДМИСЧО 4–2).

²² *Kopecký V.* Gottwald v Moskvě. – 2 vyd. – Praha: Svoboda, 1948. – S. 46–47.

²³ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 789–790.

²⁴ Там же. – С. 792.

²⁵ Гусак имел в виду позицию чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, теорию Бенеша о едином чехословацком народе и планы децентрализации ЧСР на административно-территориальной основе.

²⁶ Ян Шверма – видный словацкий коммунистический деятель, член ЗБ КПЧ, посланный в Словакию во время восстания и погибший при отступлении повстанцев в горы после военного поражения СНВ.

²⁷ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 789–790.

²⁸ Там же. – С. 798.

²⁹ Там же. – С. 792.

³⁰ *Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948 / Ed. Marta Vartiková.* – Bratislava: Pravda, 1971. – S. 80.

³¹ *Ibid.* – S. 120–121.

³² *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 832–833.

³³ Подробнее см.: *Марьина В. В.* Чехи и словаки в возрожденной Чехословацкой республике // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. – М.: Наука, 2004. – С. 113–152.

³⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 557, л. 41–65.

³⁵ Там же, д. 714, л. 3.

³⁶ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. – Т. 1: 1944–1948. Документы. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 177.

³⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 822, л. 1–3.

³⁸ Вполне вероятно, что такое размещение представителей чехословацкой делегации, было заранее продумано: с одной стороны Сталина – чех, с другой – словак.

³⁹ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 838–839.

⁴⁰ Документ см.: *Марьина В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. – Кн. 2: 1941–1945 гг. – М.: Индрик, 2009. – С. 411–412.

⁴¹ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 839–840.

⁴² Архив Президента Российской Федерации, ф. 45, оп. 1, д. 393, л. 57–59.

⁴³ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 847.

⁴⁴ *Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu. Ústředný výbor KSČ k rukam s. A. Novotného, I. taj. ÚV KSČ v Praze.* – Bratislava, 20.XII.1962. – S. 47, 58–64. Личный архив автора, машинописная копия, 64 с.

Список сокращений

ГлавПУРРКА – Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии
ЗБ КПЧ – Заграничное бюро Коммунистической партии Чехословакии
КПС – Коммунистическая партия Словакии
КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОМИ – Отдел международной инфорзмации
СИЗО – следственный изолятор
СНВ – Словацкое национальное восстание
СНС – Словацкий национальный совет
СССР – Союз советский социалистический республик
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЧСР – Чехословацкая республика
ЧССР – Чехословацкая социалистическая республика

НА ПУТИ К «СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ» СОЦИАЛИЗМА: РЕЗОЛЮЦИЯ ИНФОРМБЮРО «О ПОЛОЖЕНИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ» ОТ ИЮНЯ 1948 Г. И РЕАКЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)

Г. П. Мурашко

Мурашко Г. П. На шляху до «сталінської моделі» соціалізму. Резолюція Інформбюро «Про становище в Комуністичній партії Югославії від червня 1948 р. і реакція чехословацького суспільства (За матеріалами російських архівів). У статті розглядається політична атмосфера в Чехословаччині в 1948–1949 рр. На основі нових матеріалів російських архівів розкривається реакція різних верств чеського суспільства, показано зусилля партапарату по реалізації резолюції.

Ключові слова: Чехословаччина; Югославія; Компартія Чехословаччини; колективізація.

Мурашко Г. П. На пути к «сталинской модели» социализма: Резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» от июня 1948 г. и реакция чехословацкого общества (По материалам российских архивов). В статье рассматривается политическая атмосфера в Чехословакии в 1948–1949 гг. На основе новых материалов российских архивов раскрывается реакция различных слоев чешского общества, показаны усилия партаппарата по реализации резолюции.

Ключевые слова: Чехословакия; Югославия; Компартия Чехословакии; коллективизация.

Murashko G. P. On the Way to “Stalin’s Socialism”: the Cominform Resolution “Concerning the Situation in the Communist Party of Yugoslavia” (June 1948) and Reaction of the Czechoslovak Society (according to the Materials of Russian Archives). The article analyses the political atmosphere in Czechoslovakia in 1948–1949. Basing on the new materials from Russian archives the author uncovers the reaction of the various layers of the Czech society to this document and describes the actions of the national communist leadership in realization of the resolution.

Keywords: Czechoslovakia; Yugoslavia; the Communist party of Yugoslavia; collectivization.

«Архивная революция» в России, развернувшаяся с начала 90-х годов XX века, сделала доступными для историков, занимающихся проблемами новейшего времени, целый ряд фондов центральных архивов. Речь идет, прежде всего, о ряде фондов в Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве новейшей истории, Государственном архиве Российской Федерации и Архиве внешней политики Российской Федерации, долгое время хранившихся под грифом «секретно». У исследователей появилась возможность по-новому увидеть и оценить многие важные события нашего недавнего прошлого. Одним из таких ключевых событий XX века стал советско-югославский конфликт 1948 г., оказавший прямое влияние на процессы политического развития региона, перешедшего в сферу влияния СССР по итогам Второй мировой войны. В данной статье делается попытка рассмотреть реакцию общественных настроений в Чехословакии на принятый Коминформбюро документ «О положении в Коммунистической партии Югославии».

Для исследователей уже давно не является секретом, что еще в мае 1946 г. И. В. Сталин в беседе с польскими лидерами Б. Берутом и Э. Осубко-Моравским активно развивал идею, что строй, установленный в Польше после ее освобождения Советской армией, является новым типом демократии. «Она, – весьма настойчиво подчеркивал Сталин, – не имеет прецедентов. Ни бельгийская, ни английская, ни французская не могут братья Вас в качестве образца. Ваша демократия особая... Демократия, которая установилась у Вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, – это демократия, которая приближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя. Ленин вовсе не говорил, что нет других путей построения социализ-

ма, кроме диктатуры пролетариата, наоборот он допускал возможность перехода к социализму путем использования таких учреждений демократического строя, как парламент и другие институты»¹. Мысль, что пути к социализму не обязательно должны идти через советскую систему и диктатуру пролетариата, в течение 1946 г. неоднократно звучала в беседах и интервью И. В. Сталина с другими политиками разных уровней².

Однако, на рубеже 1947–1948 гг. в его позиции происходит крутой поворот. К концу 1947 г. по мере того как американская сторона через реализацию «плана Маршалла» стала интенсивно укреплять свое присутствие в Европе, для И. В. Сталина и советского руководства все более очевидным становился происходивший поворот вправо в общественных настроениях Западной Европы. Об этом убедительно свидетельствовали такие факты, как осложнение отношений между коммунистами и социалистами в Италии, поражение финской компартии на выборах в Сейм и уже совершенно неожиданный для Москвы выход коммунистов из состава правительства во Франции. Эти новые обстоятельства не могли не порождать в Кремле определенных опасений возможности поворота к западному варианту развития в общественных настроениях части стран, оказавшихся по итогам Второй мировой войны в сфере влияния СССР.

Подобные опасения имели свою реальную почву, особенно если принять во внимание те весьма немаловажные изменения в социальной базе компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые четко обозначились уже в первый послевоенный год. Бывшие до войны в большинстве стран региона мелкими периферийными политическими образованиями, к концу 1946 – началу 1947 г. компартии в части европейского континента, перешедшего в сферу влияния СССР, превратились в массовые, при том, что важно отметить, не только за счет социально слабых групп населения. Их ряды пополнялись представителями интеллигенции и других средних слоев общества. Результатом такой интенсивной и социально разнородной массовизации в компартиях все более отчетливо стало проявляться и многообразие взглядов как в восприятии самих идей социализма, так и в вопросах тактики перехода к новому строю.

Новой политической реальностью для советского руководства стало и нарастающее противостояние с бывшими союзниками по антифашистскому блоку. Эта все четче вырисовывающаяся к концу 1947 г. перспектива поставила перед советским руководством в качестве первоочередной задачи необходимость скорейшего создания «лагеря социализма» с центром в Москве как «крепости», способной противостоять капиталистическому миру. В складывающихся новых условиях еще недавно активно предлагаемая И. В. Сталиным концепция множественности «национальных путей к социализму» стала рассматриваться руководством ВКП(б) как не сопрягающаяся со складывавшейся реальной ситуацией.

Об этом наглядно свидетельствовал тот факт, что уже с конца 1947 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) под руководством М. А. Суслова развернулась весьма интенсивная работа по подготовке аналитических материалов с оценкой деятельности коммунистических партий стран рассматриваемого региона. При этом советской стороной ничуть не скрывалась четко заданная критическая направленность проводимого в Москве анализа, о чем весьма убедительно говорили сами названия готовящихся документов: «Об антимарксистских установках руководителей компартий Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и венгерской коммунистической печати», «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР», «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии»³. Последний документ особенно интересен тем, что в нем на основе подробного анализа деятельности руководства КПЧ давался разбор «ошибок», вытекающих именно из ориентации «в теории и на практике на особый мирный путь к социализму». Опыт КПЧ расценивался составителями документа как «сползание на позиции мирного вращивания капитализма в социализм»⁴. Они, детально анализируя различные аспекты политической практики КПЧ в 1945–1948 гг., разъясняли, что «...серьезные перемены в политической и экономической структуре чехословацкого общества, значительное полевение трудящихся масс и его непосредственный результат – получение компартией на выборах 1946 г. 40% голосов всех избирателей – все это породило в рядах компартии иллюзии насчет легкости победы социализма в Чехословакии

мирным путем и без классовой борьбы... В своей политической деятельности лидеры КПЧ до последнего времени ошибочно полагали, что «коалиционное сотрудничество» с буржуазными партиями в рамках программы Национального фронта позволит избежать классовой борьбы»⁵. В заключении авторами документа делался весьма жесткий вывод, что руководство КПЧ придерживается антимарксистских установок по вопросу о мирном пути к социализму, явно переоценивает результаты демократических преобразований и недооценивает сил реакционной буржуазии и помещиков и сохранявшейся в их руках экономической базы, «скатывается на порочный путь соглашательства и различных компромиссов с буржуазными партиями»⁶.

Отказ советского руководства от концепции национальных путей к социализму, четко обозначившийся на рубеже 1947–1948 гг., по существу ставил руководителей компартий региона перед необходимостью полной идентификации своих национально-государственных интересов с интересами Москвы и блока в целом. Реализацию столь крутого стратегического поворота ЦК ВКП(б) связывал с проведением необходимой ему перестановки кадров в руководящих структурах компартий. В формирующейся новой политической элите ведущее место Москва явно отдавала теперь сторонникам форсированного развития по советскому образцу.

Созданному еще осенью 1947 г. на совещании коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе Коминформбюро (в него наряду с представителями ВКП(б) входили руководители всех компартий региона, кроме Албании, а также лидеры компартий Италии и Франции) в планах Москвы отводилась особая роль. Необходимость его создания стала особенно очевидна после того как часть лидеров восточно-европейских компартий (В. Гомулка, К. Готвальд, Г. Георгиу-Деж) не спешили формулировать свою позицию по некоторым проблемам, связанным с трактовкой модели формирующегося «социалистического лагеря». Советское руководство в своих планах рассчитывало на реализацию жесткой иерархической модели с единым центром в Москве. Созданный в Шклярской Порембе новый коллективный орган, по замыслу Москвы, и должен был стать действенным орудием по приведению интересов всех стран региона к единому с Советским Союзом знаменателю.

«Резолюция Коминформбюро о положении в Югославии»⁷, принятая в июне 1948 г. на заседании в Бухаресте, рассматривалась советским руководством как прямой инструмент воздействия на руководство компартий региона. Руководство КПЮ обвинялось в том, что оно в основных вопросах внешней и внутренней политики поводит неправильную линию, представляющую собой отход от марксизма-ленинизма. Оно якобы противопоставило себя ВКП(б) и другим компартиям, входящим в Информбюро, встав на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности и перехода на позиции национализма. «ЦК КПЮ ставит себя и Югославскую Компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта, и, следовательно, вне рядов Информбюро»⁸.

В связи с этим для стран региона в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) был специально разработан перечень проблем, по которым руководство каждой компартии должно было извлечь конкретные уроки из ошибок, допущенных лидерами Компартии Югославии. В документе, предназначенном для руководства КПЧ, на первое место был поставлен вопрос о необходимости четкого определения роли рабочего класса и компартии в системе народно-демократического государства. В нем отмечалось, что «стремление к количественному увеличению партии в ущерб ее качественного состава ведет к принижению руководящей роли партии, к ослаблению всех других организаций рабочего класса и, следовательно, к ослаблению и обезоруживанию пролетариата... Тот факт, что в новых условиях партия не ограничивает себя от тех, кто мог ослабить ее боевитость, вызывает серьезные опасения за идейное и организационное состояние КПЧ»⁹.

Второй урок, который, по мнению составителей документа, предстояло руководству КПЧ извлечь из принятой Информбюро резолюции, заключался в проведении марксистско-ленинской политики по отношению к крестьянству, «поскольку руководство КПЧ не имеет программы по крестьянскому вопросу на основе марксистского анализа классовых сил в деревне... В области сельского хозяйства земельная реформа, оставшаяся в руках крестьян наделью до 50 га, при высокой интенсивности сельского хозяй-

ства Чехословакии не затрагивает интересов кулачества и не подрывает окончательных основ капитализма в деревне. Поэтому партия должна готовиться к неизбежной борьбе против кулачества, должна готовить рабочий класс для мобилизации его сил на помощь трудовому крестьянству»¹⁰.

Еще один урок, который весьма настойчиво рекомендовалось извлечь руководству КПЧ из принятой на совещании Коминформбюро «Резолюции по Югославии», заключался в необходимости исправления ошибок, допущенных в решении национального вопроса. Руководство КПЧ, как отмечалось в документе, с самого начала освобождения страны от немецкой оккупации в разрешении вопроса о немцах и венграх выступало с общих позиций с лидерами буржуазных партий. «Исходным положением в отношении неславянских меньшинств являлось убеждение в необходимости создания Чехословакии, как государства двух славянских народов – чехов и словаков... Эта точка зрения, – подчеркивалось в документе, – во всех последующих высказываниях как лидеров КПЧ, так и лидеров буржуазных партий объяснялась стремлением руководства КПЧ укрепить в чехословацком народе мнение о компартии, как последовательном «защитнике» коренных интересов республики в этом вопросе. Тем самым ленинско-сталинские принципы национальной политики, – делали вывод составители документа, – были подчинены мнимым «общим интересам с буржуазией, что неизбежно привело к тому, что компартия оказалась вынуждена идти в национальном вопросе под одним знаменем с буржуазией»¹¹. При этом составители документа умалчивали о том, что проект Кошицкой программы, где положение о послевоенных судьбах немцев и венгров было зафиксировано, получал в процессе его разработки одобрение советской стороны¹². Теперь же, в изменившейся ситуации, руководство КПЧ упрекалось в том, что оно, «забыв указания тов. Сталина, не сумело разглядеть того очевидного факта, что внутренняя реакция умышленно вела политику преследования немцев и венгров. Руководство КПЧ забыло указания тов. Сталина о том, что подобная политика преследовала цель отвлечь внимание трудящихся масс от необходимости проведения решительной чистки государства от реакционеров и предателей чехословацкого народа»¹³.

Завершался рассматриваемый документ, являвшийся по сути дела проектом корректировки политического курса КПЧ, заключением: «налицо имеется ряд ошибочных положений в практической деятельности и теоретических установках партии, которые требуют начала борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории и повышения уровня идеологической работы среди членов партии. Общий же вывод по извлечению уроков руководством КПЧ из ошибок ЦК компартии Югославии сводился к следующему: путь к решению поставленных задач следует искать во всестороннем использовании опыта ВКП(б) и необходимости критической переоценки прошлой деятельности КПЧ.

Сопоставление этого документа с подготовленным еще в апреле 1948 г. материалом «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии», о котором говорилось выше, позволяет сделать вывод, что корректировка политического курса компартий была задумана Москвой раньше, на рубеже 1947–1948 гг., а возникший советско-югославский конфликт рассматривался теперь в Кремле как важнейший инструмент реализации своих планов по созданию «социалистического лагеря», противостоящего империализму.

Публикация «Резолюции Информбюро о положении в Югославии» 29 июня 1948 г. как в руководстве и аппарате ЦК КПЧ, так и в чехословацком обществе в целом, вызвала шок. Ч. Цисарж, являвшийся в рассматриваемые годы сотрудником идеологического отдела ЦК КПЧ, вспоминая в своих мемуарах ситуацию, сложившуюся летом 1948 г., отмечал: «Обвинения звучали неубедительно, ведь Югославия, возглавляемая Тито, всеми воспринималась как страна наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу. А теперь она вдруг становится “буржуазной республикой”? Или даже “колонией империализма”? К чему приведет призыв Информбюро “сменить ведущих руководителей Югославии”, создать “новое интернациональное руководство”? Дело дойдет до распада СКЮ или к гражданской войне? Никому не могло придти в голову, что Сталин может вводить в заблуждение или что он разыгрывает продуманную политическую игру... Мы предполагали, что речь идет о недоразумении, которое будет разрешено в ходе дискуссии...»¹⁴.

Настроения, описанные Цисаржем в его «Воспоминаниях», подтверждаются информацией, которой советское посольство в Праге располагало в июне–июле 1948 г. Тогда

второй секретарь посольства Н. Г. Новиков с тревогой сообщал в Москву, что для «молодежи и широких масс населения Чехословакии резолюция Информбюро компартий о грубых ошибках СКЮ явилась полной неожиданностью. До этого в Чехословакии считали, что Югославия в политическом развитии после 1945 г. намного впереди, чем Чехословакия. До февральских событий чехословацкие коммунисты ставили Югославию в пример политического сотрудничества партий в Народном фронте Югославии. В связи с этим Тито создали большую популярность в Чехословакии. После опубликования резолюции Информбюро некоторая часть чехословацкой молодежи скептически относится к обвинениям, выдвинутым в резолюции против руководства КПЮ. Неблагоприятный отклик получило коммюнике среди значительной части чехословацких студентов...»¹⁵.

Уже 28 июня 1948 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПЧ, на котором Генеральный секретарь ЦК Р. Сланский сделал доклад о результатах заседания Коминформбюро. Президиум ЦК КПЧ единогласно высказал свое полное согласие с резолюцией Информбюро «О положении в компартии Югославии». 2 июля 1948 г. на заседании Президиума ЦК компартии Словакии был обсужден доклад ее председателя В. Широкого. Президиум компартии Словакии также высказал свое полное согласие с обсуждаемым документом. Центральные органы Компартии Чехословакии – газеты «Руде право» (Прага) и «Правда» (Братислава) – опубликовали «Коммюнике о совещании Информбюро коммунистических партий» и резолюцию «О положении в коммунистической партии Югославии».

В Информационной записке о мероприятиях, проведенных Компартией Чехословакии в связи с принятой Резолюцией, поступившей в Москву по линии Коминформбюро, сообщалось: «Никаких других решений ЦК компартии Чехословакии, нацеливающих партию на конкретные выводы для своей теоретической и практической работы, опубликовано не было. Уделяя большое внимание сообщениям об откликах других партий, газеты “Руде Право” и “Правда” в первые дни ограничились лишь одной статьей секретаря ЦК КПЧ по пропаганде тов. Бареша “Ответственность югославских коммунистов”, помещенной всеми газетами в качестве передовой. Но в этой статье, являющейся директивной статьей ЦК КПЧ, не дается критического анализа и практической деятельности партии...»¹⁶.

В течение всего лета из Праги в Москву направлялась информация о ходе обсуждения резолюции Информбюро о Югославии в областных и районных комитетах, местных и фабрично-заводских организациях КПЧ. «Принятые в парторганизациях резолюции целиком поддерживают резолюцию Информбюро. Многочисленные собрания на заводах в Праге, Брно, Моравской Острове, Злине и других городах резко осудили руководство КПЮ» – сообщалось в итоговой информационной записке, подготовленной Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г.¹⁷.

В качестве образца принимаемых резолюций автор информационной записки приводит фрагмент резолюции, принятой на партийной конференции в г. Мост: «Мы полностью согласны с Резолюцией Информбюро о положении в КПЮ и обязуемся еще больше укреплять идеологическое и организационное состояние наших рядов, чтобы партия шла уверенно вперед, верная принципам марксизма-ленинизма»¹⁸. Однако составитель информации, а им был А. Антипов – сотрудник ОВП ЦК ВКП(б), один из авторов ранее упоминаемого документа «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» – вынужден был констатировать, что в ходе обсуждения принимались и другие резолюции, «страдающие политической близорукостью и наивностью, написанные в умоляющем тоне и призывающие Тито опомниться и признать свои ошибки»¹⁹. Партийная печать, прежде всего газеты «Руде право» и «Правда», развернули кампанию по пропаганде резолюции Информбюро. На их страницах выступил ряд известных политиков, таких как Бруно Келлер, Эдо Фриш, Вилем Новы и др. Но, тем не менее, в Москве было отмечено, что ни председатель партии К. Готвальд, ни генеральный секретарь ЦК КПЧ Р. Сланский не сформулировали публично своей позиции. В разгар всей этой пропагандистской кампании они упорно хранили молчание. Поэтому неудивительно, что в аппарате ЦК ВКП(б) был сделан вывод: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с Резолюцией Информбюро “О положении в компартии Югославии” недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе

марксизма-ленинизма, в духе большевистской нетерпимости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющих место в КПЧ ошибочных теоретически-установочных положений»²⁰.

Каковы же в реальности были результаты по созданию в стране «антититовской» атмосферы? Они отнюдь не были однозначны...

«Для нас югославские коммунисты стали предателями. Троцкизм, который до того времени оставался для меня скорее академическим понятием, приобрел новый конкретный облик: политика Тито – преследование настоящих коммунистов – троцкизм у власти»²¹. Это фрагмент из воспоминаний одного из известных в 50–90-х годах XX в. исследователей истории международного рабочего движения историка М. Гаека, который в 1948 г., как молодой коммунист, был преподавателем краевой партшколы КПЧ. Его свидетельство отражало настроения той части молодых членов КПЧ, которые составляли основу ее низовых идеологических звеньев.

Но в послевоенном чехословацком обществе были и другие настроения, о которых по дипломатическим каналам также шли сообщения в Москву. Например, советское посольство уже в своей первой информации от 29 июня 1948 г. о реакции чехословацких военнослужащих на публикацию резолюции Информбюро отмечало, что в этой среде резолюция вызвала «всеобщее изумление, а у некоторых офицеров даже испуг и опасение в отношении перспектив», а также «сомнения в отношении того, что ситуация [в Югославии – Г. М.] была точно такой, как это указывается в резолюции Информбюро»²². «Для чехословацкой молодежи и для широких масс населения Чехословакии Резолюция Информбюро явилась неожиданностью, на Тито втайне многие смотрели как на героя, достойного подражания. Многие из руководящих лиц или близко к ним стоящих хотели бы чувствовать себя поменьше связанными с Москвой», – сообщал в своей информации из Праги уже почти год спустя корреспондент ТАСС Медов²³.

Но, пожалуй, наиболее ярко выраженным свидетельством сохранявшейся популярности Тито в чехословацком обществе, особенно в рабочей среде, стало сообщение агентства ТАНЮГ о состоявшемся в Праге в помещении Торгпредства ФНРЮ 22 мая 1949 г. общественном собрании, посвященном юбилею маршала Тито. В нем, отмечалось в сообщении, приняли активное участие «70 человек чехословацких гостей, в большинстве рабочих. Специально на торжество прибыла делегация из г. Мост. От имени чехословацких рабочих выступил рабочий завода “Чешско-моравска Кольбен-Данек” Мирослав Шик. Он заявил: “Я хочу спросить, почему нас сегодня убеждают, что Тито предал интернациональное рабочее движение и сошел с пути марксизма-ленинизма? Так как известная Резолюция Информбюро мало объясняет это, мы, рабочие и настоящие коммунисты, не верим подобным утверждениям”. Шик далее требовал от чехословацкой печати правдиво освещать события в Югославии, успехи выполнения пятилетнего плана и выражал свое возмущение по поводу того, что чехословацкая печать без всякой причины вдруг резко изменила курс в отношении Югославии и Тито и теперь клеветает на героический народ Югославии, присоединяя свой голос к голосу врагов из всего империалистического лагеря. “Наш рабочий долг, – продолжал он, – и дальше защищать единство пролетариата всего мира. Если наши руководители не смогут найти способа решения этой проблемы, мы ее решим общим трудом на общем строительстве социализма”. “Если бы чехословацкая печать правдиво освещала жизнь югославских народов, – заявил Шик, – то для нас вопрос Югославии не был бы высокой и тайной политикой, как это представляют многие ответственные товарищи, избегая прямых ответов на вопросы”. “Тебе, маршал Тито, – сказал Шик в заключение, – желаем всяческих успехов в дальнейшей работе, а народам ФНРЮ желаем, чтобы Ты долго здравствовал и вел их дальше в борьбе за осуществление наших коммунистических и интернационалистских целей”. Участники торжественного собрания послали Иосипу Броз Тито приветственную телеграмму»²⁴.

Подобные настроения, несмотря на развернутую официальную пропаганду, имевшие место в чехословацком обществе, не могли не оказывать влияния на позиции, занимаемые руководством КПЧ. По-видимому, именно они и определяли ту явную осторожность и сдержанность Сланского, Готвальда и других лидеров КПЧ в публичных оценках «предательской роли клики Тито».

Это обстоятельство не могло не вызывать беспокойства в Москве. В специальной информационной записке, подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б) в мае 1949 г., отмечалось, что руководители КПЧ «в своих докладах и выступлениях не делают для себя необходимых выводов из деятельности клики Тито, и не разоблачают перед партией и народом ее троцкистские маневры, не ведут борьбу против нее». И далее следовал вывод: «Руководство компартии придерживается пассивной позиции в вопросе разоблачения югославских националистов и их перехода в лагерь империализма»²⁵.

Для исправления ситуации руководителям КПЧ предлагалось реализовать ряд конкретных мер:

1. Провести в печати и в партийных организациях разъяснительную работу среди членов партии и широких слоев населения «о подлинном облике националистической предательской клики Тито»;
2. Организовать систематическую публикацию в партийной печати материалов, разоблачающих антисоветский троцкистский курс клики Тито. При этом особенно настойчиво подчеркивалась необходимость выступлений как в печати, так и на собраниях руководящих деятелей компартии Чехословакии;
3. Под руководством и контролем ЦК КПЧ предлагалось организовать политическую работу среди югославских эмигрантов;
4. Предлагалось также использовать все средства для ограничения и пресечения антисоветской и антикоммунистической деятельности в Чехословакии «агентов Тито», каковыми считались работники югославского посольства. Советская сторона считала целесообразным так же создать специальную комиссию при ЦК КПЧ для координации всей работы по борьбе против «клики Тито» и определить такой порядок, чтобы все публикуемые материалы в газетах и журналах, радио передачи, а также выступления «на собраниях и митингах, связанных с «кликой Тито» определялись ЦК КПЧ и проводились в соответствии с ее указаниями»²⁶.

Изучение материалов российских архивов, показывает, что «разоблачение» Тито отнюдь не являлось единственной и основной целью принятого Коминформбюро документа. Он нес более глубокий стратегический заряд. Об этом наглядно свидетельствовало пристальное внимание Москвы к тому, как воспринималось содержание «Резолюции» руководством других компартий региона, находящихся в сфере ее влияния. Документ был четко сориентирован «на демонстрацию силы» лидерам тех компартий, которые продолжали в своей практике еще исходить из «концепции мирного пути к социализму».

Первым адресатом здесь и были лидеры КПЧ. Отнюдь не случайно в информации, подготовленной в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г., сообщалось: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с Резолюцией Информбюро о положении в Югославии, недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе марксизма-ленинизма, в духе непримиримости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющихся в КПЧ ошибочных теоретических установок и положений, не развертывают критики и самокритики в рядах партии»²⁷.

Руководство КПЧ, хотя и одобрившее Резолюцию Информбюро по Югославии, находилось в весьма сложной ситуации. В мае 1948 г. в стране была торжественно принята новая конституция, закрепившая победу коммунистов в феврале 1948 г. Анализ основных статей этого документа показывает, что он базировался на определении народной демократии как пути к социализму «без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя». В конституции законодательно закреплялось право частной собственности на землю с максимальным наделом 50 га. Установленный размер, как было известно Москве, являлся «компромиссной цифрой в предложениях парламентской комиссии по аграрной реформе еще задолго до февральских событий»²⁸. Право владения ремесленными предприятиями ограничивалось количеством наемных рабочих до 50 человек.

Именно эти требования, выдвинутые коммунистами еще в апреле 1947 года, обеспечили КПЧ массовую поддержку крестьянства и средних городских слоев в февральском противостоянии 1948 г. Выполнение их, теперь уже официально закрепленных новой

конституцией, естественно, рассматривалось руководством КПЧ как важнейшее условие продвижения страны к социализму на базе широкого экономического союза со средними слоями общества. Данный курс и должен был составлять одну из принципиальных основ всей послефевральской политики КПЧ.

В ситуации же, порожденной нарастающим противостоянием Москвы с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, началом «холодной войны» и последовавшей сменой Кремлем стратегического курса, выразившегося в отказе от концепции множественности путей к социализму, руководство КПЧ было поставлено перед необходимостью разработки новых концептуальных подходов в отношении средних слоев общества. Аппарату ЦК уже летом 1948 г. было предложено подготовить рабочий материал для обсуждения принципов в отношении крестьянства. Однако, требуемую Москвой форсированную реализацию поворота в аграрной политике и скорейшего перехода к коллективизации деревни весьма затрудняло то весьма немаловажное обстоятельство, что подавляющая часть руководства ЦК КПЧ, находившаяся в годы войны в СССР, была хорошо осведомлена о катастрофических последствиях советской коллективизации. Лидеры КПЧ отнюдь не горели желанием перенести этот тяжелый опыт на родную почву. Наличие таких настроений позже подтверждала М. Швермова как один из секретарей ЦК КПЧ, входивших в «практическое руководство партии»²⁹.

Весьма сдержанная позиция руководителей КПЧ – как председателя партии К. Готвальда, так и ее генерального секретаря Р. Сланского, явно избегавших летом и осенью 1948 г. публичных оценок советско-югославского конфликта и выдерживающих паузу по вопросам корректировки стратегического курса – по-видимому и побудила Москву провести зондаж политических настроений в руководстве КПЧ. Доказательством чему и являлся «случай Кольмана».

Арношт Кольман – «интернационалист» времен гражданской войны, проживший в СССР около 30 лет, член ВКП(б), активно участвовавший в 30-х гг. XX века в утверждении «марксистской идеологии» в советских общественных науках, был в 1945 г. направлен в Прагу. Работал в ЦК КПЧ, возглавлял отдел пропаганды. В начале сентября 1948 г. им была подготовлена статья «За большевистскую критику в нашей коммунистической партии Чехословакии», предназначенная для публикации в журнале КПЧ «Творба». В ней Кольман утверждал, что в новых условиях КПЧ «не отвечает многим требованиям марксистско-ленинской партии»³⁰. Причину этого он видел в том, что «практическое руководство партии [Р. Сланский, М. Швермова, Г. Бареш – Г. М.] не сосредоточило свое внимание на рабочем классе, на рабочем ядре, которое одно лишь может составлять хребет партии, а позволили, чтобы это ядро было в значительной степени оттеснено на задний план за счет буржуазных элементов»³¹. По мнению автора, задача, поставленная тов. Готвальдом, завоевать большинство народа, была практическим руководством неправильно понята и осуществлялась ценой идеологических уступок и отступлением от ленинских принципов»³². Основным выводом Кольмана указывал на наличие в руководстве партии «право-оппортунистических ошибок». Заканчивалась статья призывом «наша партия не только должна, но и может полностью без оговорок осуществить самую широкую и самую глубокую самокритику в своих рядах. У нее имеется здоровое рабочее ядро (с ним вместе значительная часть партийной интеллигенции), здоровое большинство руководящих кадров... У нее имеется в лице тов. Готвальда верный ученик Сталина, который, как председатель и идеолог нашей сильной партии, партии Фучика и Швермы и как глава государства приведет нас к социалистической республике»³³.

Еще до публикации статьи Кольман выступил с докладом на эту тему на собрании парторганизации идеологического отдела ЦК КПЧ. Суть выступления сводилась к тому что «в практическом руководстве партии налицо право-оппортунистические ошибки».

Выступление Кольмана, как и планируемое появление статьи в печати, было отнюдь не случайно. Оно приурочивалось к моменту, когда К. Готвальд отправится в Крым, где предполагалась его встреча со Сталиным. Для советского руководства, по-видимому, было важно иметь представление о степени единства в руководстве КПЧ и определить свои возможные действия. Однако, предпринятая Кольманом попытка обозначить наличие в руководстве КПЧ «право-оппортунистического» (читай бухаринского) уклона встретила единодушный отпор членов Президиума ЦК. На специальном заседании 16 сентября

1948 г. выступление Кольмана было оценено как «вредное и фракционное». Ему была запрещена не только публикация статьи, но и категорически не допускались какие-либо публичные выступления с пропагандой своих взглядов³⁴.

Находившийся в Крыму К. Готвальд уже 17 сентября был информирован о принятом Президиумом ЦК КПЧ решении. Он использовал его в беседе со Сталиным, которая состоялась 22 сентября 1948 г. В ходе ее обсуждался и вопрос о необходимости поиска врагов внутри партии. По воспоминаниям Хрущева, Сталин якобы предлагал своему собеседнику пригласить с этой целью советских советников³⁵. Однако реакция членов Президиума ЦК КПЧ на доклад Кольмана стала для Готвальда в ходе беседы со Сталиным весьма весомым аргументом в доказательстве того, что внутри правящей группировки в Чехословакии нет в данный момент каких-либо концептуальных противоречий и противостояний.

Тем не менее встреча Сталина и Готвальда в Крыму дала определенные результаты. Руководству КПЧ было предложено, не отказываясь от ориентации на мирный путь к социализму, все же внести некоторые коррективы в свою политику. Речь шла в частности о том, чтобы, признав тезис об обострении классовой борьбы, оно приступило к проведению политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов и классовой чистке государственного и экономического аппарата страны путем замены старого чиновничества рабочими кадрами³⁶. Это был совет, который руководство КПЧ вряд ли могло игнорировать.

Через два месяца после беседы в Крыму, 17–18 ноября 1948 г., состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором Готвальд выступил с докладом о хозяйственном положении и задачах развития страны на данном этапе развития. В нем были определены девять задач, которые, по мнению руководства ЦК, предстояло решить, «чтобы обеспечить предпосылки дальнейшего скачка к социализму в деревне»³⁷.

Информируя Москву, советское посольство воспроизвело следующим образом соответствующий фрагмент из доклада К. Готвальда: «Во-первых и прежде всего, мы должны обеспечить и улучшить снабжение, особенно питание, окончить двухлетку и начать пятилетний план.

Во-вторых, мы должны при выкупе сельскохозяйственных продуктов в деревне обращать внимание на то, чтобы больше давали крупные хозяйства, с целью обеспечить положение бедняцких хозяйств. Практически так нужно проводить ограничение и вытеснение капиталистических элементов и в политике налогов, и в политике установления цен, пайков и т.д.

В-третьих, мы должны при распределении хозяйственных запасов в первую очередь удовлетворять рабочих за счет паразитов. Мы должны отказаться от уравниловки и постепенно переходить к системе дифференцированных пайков, пока карточная система будет необходима, пока предметы широкого потребления не поступят на свободный рынок.

В-четвертых, мы должны в деревне обеспечить, расширить и укрепить материально-техническую базу в форме густой сети государственных тракторных станций и общественных пунктов для откорма свиней, рогатого скота и домашней птицы.

В-пятых, мы должны в деревне среди крестьян поддерживать всякого рода кооперативное движение, особенно кооперативные производственные товарищества, и во что бы то ни стало постараться, чтобы в этих кооперативах решающий голос имел не деревенский богач, а бедный и средний крестьянин.

В-шестых, мы должны со всей решительностью добиваться выполнения всех государственных и общественных повинностей остатками капиталистических элементов в городе и деревне, а в случаях обнаружения антигосударственной и вообще противозаконной деятельности этих элементов налагать на них наказание имущественного характера.

В-седьмых, мы должны провести реформу и реорганизацию общественного управления на основе районных национальных комитетов, ввести во всех секторах новый порядок в согласии с новой конституцией и стремиться к тому, чтобы народно-демократический государственный аппарат стал мощным рычагом при социалистическом переустройстве общества.

В-восьмых, мы должны обучить наш партийный, профсоюзный, управленческий, культурный, охранительный аппарат и военные кадры с тем, чтобы они выделялись

высокими специальными знаниями и в то же время овладели наукой всех наук, искусством всех искусств – марксизмом-ленинизмом.

В-девятых, мы должны укрепить преобразованный Национальный Фронт сверху до низу, сознавая, что преобразованный Национальный Фронт, в котором реакция уже не будет иметь легальной трибуны, как это было до февраля, останется и далее формой нашей общественной жизни на пути к социализму.

Вот несколько задач, которые мы должны решать сейчас, чтобы быть в состоянии решить еще более важные далеко идущие задачи»³⁸.

Таким образом, Готвальдом обществу была предложена продуманная программа совершенно конкретных, четко сформулированных мер, которая могла положительно быть воспринята значительной частью населения страны. Их реализация, с точки зрения руководства КПЧ, давала возможность постепенного продвижения к новой экономической и политической организации общества.

Как же реагировала советская сторона на решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ? Если судить по материалам, поступавшим в Москву из советского посольства с начала 1949 г., то не трудно заметить, что сформулированный К. Готвальдом курс был воспринят советскими дипломатами с явным опасением ввиду того, что «умолчание о неизбежности коллективизации в ЧСР» может вызвать серьезные ошибки и подорвать доверие к народно- демократическому строю. В частности в информациях, направляемых из советского посольства на имя министра иностранных дел Вышинского в мае 1949 г., уже после принятия закона о создании единых сельскохозяйственных кооперативов³⁹, сообщалось: «В Чехословакии запрещается даже упоминать слово “коллективизация” в печати, на собраниях, в беседах. Руководящим началом этого считается место из речи Готвальда на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ. Он тогда, говоря о политике партии в деревне, утверждал: “В нашей экономической политике вообще и в земельной в особенности остается в силе предупреждение, что всякая спешка нанесла бы только вред. Сейчас на повестке дня стоит ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне и в городе. Видеть что-нибудь другое и говорить о чем-нибудь другом было бы неверно”. Эта установка не говорить о коллективизации принята как директива и проводится повсюду... В такой политике, – делался вывод советским посольством, – заложена опасность потери доверия народа в связи с явным разрывом между политикой и практикой ее проведения»⁴⁰.

В поступавшей из посольства в Москву информации отмечалось также, что чехословацкая пресса до последнего не публиковала антититовских материалов и мало оказывалось помощи антититовцам в Праге. Было также зафиксировано, что на ноябрьском пленуме Готвальд «говорил о Резолюции Информбюро и о положении в Югославии только в связи с вопросом о политике КПЧ в деревне, об отношении к капиталистическим элементам в деревне, причем о «клике Тито» вообще не было сказано ни слова, выражение употреблялось лишь «руководители Югославии»⁴¹.

Таким образом, материал, хранящийся в российских архивах, позволяет говорить о том, что начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт для лидеров КПЧ, вопреки расчетам Москвы, отнюдь не стал катализатором полного и безоговорочного принятия сталинской модели «ускоренного построения социализма».

Но вместе с тем нельзя не видеть, что по мере его углубления и нарастания противостояния Иосипа Броз Тито нажиму Москвы, для советской стороны открывались реальные возможности ужесточить свой контроль за процессом формирования новой политической элиты в регионе. Советская сторона получала реальный шанс путем перестановки ключевых фигур в руководящем звене правящих коммунистических партий добиться искоренения «ненужного инакомыслия» под предлогом чистки «коммунистического движения от врагов и агентов Тито». Именно этот процесс и стал рассматриваться Москвой как одна из важнейших задач в деле укрепления позиций формирующегося «социалистического лагеря». Начиналось время внутривластных политических репрессий под флагом борьбы «против титовских агентов, проникших в руководство компартий», «против шпионов и агентов империализма» и т.п. Провозглашенным девизом развития становился лозунг «Советский Союз – наш пример». Идеи поисков национального пути к социализму ушли в историю.

- ¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 / Отв. ред. Г. П. Мурашко. – Т. 1 (1944–1948). – Москва–Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – С. 457–458.
- ² Подробнее эти сюжеты см.: *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы 1944–1948. – М.: Университет, 1998. – С. 50–51.
- ³ См.: Восточная Европа в документах российских архивов... – Док. № 267, 269, 272, 274.
- ⁴ Там же. – С. 831.
- ⁵ Там же. – С. 833.
- ⁶ Там же. – С. 840.
- ⁷ Подробный анализ создания этого документа см.: Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2011. – С. 573–584.
- ⁸ Цит. по: Югославия в XX веке... – С. 583.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 575, оп. 1, д. 50, л. 45, 47.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, л. 50.
- ¹² См.: Восточная Европа в документах российских архивов... – Док. 54.
- ¹³ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 50, л. 51.
- ¹⁴ *Císař Č. Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara.* – Praha: Sin Con, 2005. – S. 280.
- ¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0138, оп. 29, д. 11, л. 2.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 112, л. 9–10.
- ¹⁷ Там же, л. 10.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, л. 21.
- ²¹ *Hájek M. Paměť české levice.* – Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2011. – S. 142.
- ²² АВП РФ, ф. 0138, оп. 29, п. 150, д. 31, л. 78.
- ²³ АВП РФ, ф. 0135, оп. 229, п. 147, д. 2, л. 70–71.
- ²⁴ РГАСПИ, ф. 575, оп. 229, п. 147, д. 2, л. 70–71.
- ²⁵ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 87, л. 57, 59.
- ²⁶ Там же, л. 60.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 112, л. 21.
- ²⁹ См.: *Jech K. Kolektivizace a vyhánění sedláků z půdy.* – Praha: Vyšehrad, 2008. – S. 56–57.
- ³⁰ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 68, л. 4.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, л. 5.
- ³³ Там же, л. 7.
- ³⁴ Подробнее реакцию на выступление Кольмана см.: *Císař Č. Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara...* – S. 306–308.
- ³⁵ См.: Воспоминания. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С. 108–109.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ АВП РФ, ф. 0138, оп. 30-б, п. 242, д. 8, л. 223.
- ³⁸ Там же, л. 223–224. (Перевод с чешского языка сделан, по-видимому, составителем данной справки – Г. М.)
- ³⁹ Закон был принят 23 февраля 1949 г.
- ⁴⁰ АВП РФ, ф. 0138, оп. 30-а, п. 179-а, д. 18, л. 5.
- ⁴¹ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 87, л. 58.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ОППОЗИЦИЯ О ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ ЧССР/ЧСФР И СССР (1969–1991 ГГ.)

Э. Г. Задорожнюк

Задорожнюк Е. Г. Чехословацка опозиция про двусторонни відносини ЧССР/ЧСФР і СРСР (1969–1991 рр.). На документальному матеріалі, включаючи архівний, викладена траєкторія взаємин ЧССР/ЧСФР та СРСР в оцінках опозиційних «режиму нормалізації» сил, що прийшли до влади після 17 листопада 1989 року. Проаналізована роль їхніх вимог у забезпеченні суверенітету Чехословаччини, відстежена динаміка зміни зовнішньополітичних переваг нової політичної еліти. Позначена неминучість переформатування відносин між двома державами з урахуванням глобальних змін у Європі та перспективи розпаду СРСР, а потім і ЧСФР.

Ключові слова: СРСР; Росія; ЧССР; ЧСФР; Європа; зовнішня політика; суверенітет; нейтралітет; нова політична еліта; Громадянський форум; Варшавський Договір; НАТО.

Задорожнюк Э. Г. Чехословацкая оппозиция о двусторонних отношениях ЧССР/ЧСФР и СССР (1969–1991 гг.). На документальном материале, включая архивный, изложена траектория взаимоотношений СССР и ЧССР/ЧСФР в оценках оппозиционных «режиму нормализации» сил, пришедших к власти после 17 ноября 1989 г. Проанализирована роль их требований в обеспечении суверенитета Чехословакии, отслежена динамика изменения внешнеполитических предпочтений новой политической элиты. Обозначена неизбежность реформатирования отношений между двумя государствами с учетом глобальных изменений в Европе и перспективы распада СССР, а затем и ЧСФР.

Ключевые слова: СССР; Россия; ЧССР; ЧСФР; Европа; внешняя политика; суверенитет; нейтралитет; новая политическая элита; Гражданский форум; Варшавский Договор; НАТО.

Zadorozhnyuk E. G. Czechoslovak Opposition about Bilateral Relations between the ČSSR/ČSFR and the USSR (1969-1991). Relying on the documental material, including archival, the author explores the trajectory of relations between the USSR and Czechoslovakia in the estimates of the opposition to «normalization regime», came to power after the November 17, 1989. The role of their demands to ensure the sovereignty of Czechoslovakia is analyzed, the dynamics of the new political elite foreign policy preferences change is tracked. The inevitable reformatting of the relations between the two countries is designated, taking into account global changes in Europe and the prospects for the collapse of the USSR, and then Czechoslovakia.

Keywords: USSR; Russia; ČSSR; ČSFR; Europe; foreign policy; sovereignty; neutrality; the new political elite; Civic Forum; the Warsaw Pact; NATO.

Противостоявшие «режиму нормализации» структуры («параллельное общество» или «параллельный полис», по терминологии канадского исследователя Г. Скиллинга и чешского диссидента В. Бенды), начиная практически с конца 1968 г., призывали придать двусторонним чехословацко-советским отношениям принципиально новое качество. Главным при этом считался вопрос восстановления государственного суверенитета ЧССР, который связывался ими с выводом вторгшихся в страну в августе 1968 г. иностранных войск.

Действительно, требования государственного суверенитета зазвучали едва ли не одновременно с вводом 21 августа 1968 г. в Чехословакию войск пяти стран Варшавского Договора. Так, уже в декабре 1968 г. эта проблема в завуалированном виде поднималась в полемике М. Кундеры и В. Гавела о «чешской доле» (сводившейся, по их мнению, к постоянной борьбе за суверенитет государства в самом центре постоянно раздираемой конфликтами Европы)¹. Необходимость обеспечения суверенитета ЧССР четче выражались в документах студенческо-рабочих комитетов, функционировавших на уровне факультет – завод, легально возникавших с января 1969 г. практически во всех чешских городах².

Уже в 1970 г. появился ряд нелегальных структур, наиболее значимым из которых стали Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДДС). Программа СДЧГ ориентировалась на «со-

циализм с человеческим лицом» и базировалась на основных постулатах Программы действий КПЧ периода Пражской весны. «Социалистическое движение чехословацких граждан, – указывалось в его Манифесте от 28 октября 1970 г., – ведет политическую борьбу за социалистическую, демократическую, независимую и свободную Чехословакию, *суверенную во внутренней и внешней политике* [курсив мой. – Э. З.] <...>»³. Относительно СССР считалось необходимым напоминать: дружба и добрососедские отношения не обеспечиваются воинскими частями и властной группой ориентирующихся на прошлое людей; нужно государство свободных граждан, заинтересованных в подлинном добрососедстве и равноправных союзнических отношениях⁴.

Представителей СДЧГ поддерживала ЧДДС, правда, демократические социалисты более четко определяли место Чехословакии как раз между двумя военно-политическими блоками – ОВД и НАТО. Так, в разделе (8.1.) «Суверенитет и нейтралитет государства» Малой программы ЧДДС (середина 1971 г.) особо подчеркивалось: «Безопасность и территориальную целостность мы обеспечим сами. Чехословакия *в дальнейшем не будет присоединяться к какому-либо военному пакту и провозгласит свой постоянный нейтралитет* [курсив мой. – Э. З.], обеспеченный собственными вооруженными силами и гарантированный великими державами»⁵. Тезис о «постоянном нейтралитете», казалось бы, здравый, прагматичный и вполне органичный для Чехословакии – государства в центре Европы, внеблокового по своему историческому призванию – после разгрома СДЧГ не получил, к сожалению, дальнейшего развития в концепциях диссидентских и оппозиционных сегментов чехословацкого антинормализационного движения, более того, был ими в будущем элементарно проигнорирован и отброшен.

Не менее значимый, на наш взгляд, документ – «Пражский призыв» о перспективах европейского единения от 11 марта 1985 г. – требовал «поддерживать любую индивидуальную, коллективную и правительственную инициативу, служащую идеалу сближения и свободного единения европейских народов, и отрицать шаги, которые эту цель отдаляют или уничтожают»⁶. В нем также ставится вопрос о выводе из Чехословакии иностранных войск, но уже на фоне новаторской идеи: предложения Североатлантическому альянсу и Варшавскому Договору «начать как можно раньше *переговоры о роспуске своих военных организаций* [курсив мой. – Э. З.], о выводе и ликвидации всех размещенных или же нацеленных на Европу ядерных вооружений, а также о выводе воинских частей США и СССР с территорий их европейских союзников»⁷. Проведение переговоров о роспуске ОВД и НАТО – принципиально новое требование Хартии 77 по сравнению со всеми предшествующими ее документами. Оно прозвучало тогда впервые и встретило поддержку 45-ти подписавших его хартистов, включая В. Гавела, продолжавшего транслировать идею роспуска двух военно-политических блоков и в дальнейшем, уже после «бархатной» революции, в частности, в статусе чехословацкого президента на переговорах с советским лидером М. С. Горбачевым в феврале 1990 г.

Перестройка, начавшаяся в СССР, вселила оппозиционерам надежды на решение проблемы взаимоотношений двух государств на новых основаниях⁸. В Заявлении Хартии 77 по случаю 17-й годовщины вторжения в Чехословакию от 20 августа 1985 г. подчеркивалось: «Не строя поспешных иллюзий, нам хотелось бы выразить и определенную надежду, что современное общественное движение в Советском Союзе может стать более широким и подхваченным демократической общественностью импульсом. Мы полагаем, что болезненные европейские проблемы, нашедшие отражение в “Пражском призыве”, *можно решать лишь постепенным, долгосрочным и терпеливым преодолением блоковых барьеров* [курсив мой. – Э. З.]»⁹.

17–19 июня 1988 г., в обстановке усилившегося противостояния протестной части общества и «режима нормализации», в Праге прошел международный семинар «Прага 88», созданный оппозиционно-диссидентскими структурами – Хартией 77 и Независимым объединением за мир – инициатива за демилитаризацию общества. В нем приняли участие активисты гражданских инициатив и борцов за мир из 17 государств. Чехословацкие власти предприняли ряд мер, направленных на его срыв, но дух времени и «теплые ветры» из Кремля сделали возможным его проведение. Высказывались предложения учредить постоянный форум для проведения открытой политики, на который возлагалась задача оказывать всем позитивным элементам хельсинкского процесса поддержку снизу. В дис-

куссии прозвучало предложение учредить центром форума Прагу и присвоить ему официальное название – Европейский парламент за мир и демократию¹⁰. В документе утверждалось: «Распространение демократии в странах Варшавского Договора и демилитаризация их внутренней жизни неразрывно связаны с разоружением и демилитаризацией Европы, **выводом всех иностранных войск и роспуском военно-политических организаций** [курсив мой. – Э. З.]»¹¹.

23 мая 1989 г. чехословацкие диссиденты адресовали Открытое письмо странам-членам НАТО по случаю проходившей в Брюсселе конференции, посвященной 40-й годовщине создания альянса. «Мы, – говорится в нем, – в течение многих лет убеждались, что для нашей судьбы, равно как и для судеб всех стран по обеим сторонам нынешнего разделения, необходимо положить конец военно-политическим блокам, а биполярную систему безопасности заменить плюралистической системой сотрудничества всех стран и народов в сфере влияния НАТО и Варшавского Договора. Поэтому мы требуем вывода советских войск с территории Чехословакии и поддерживаем предложения о роспуске, в первую очередь, военной составляющей, а затем и ликвидации Варшавского Договора. Однако **это может быть политически реальным только в том случае, если будут распушены два военно-политические блока** [курсив мой. – Э. З.]. Мы понимаем, что предстоит решить многие политические, государственно-правовые и военно-технические вопросы с тем, чтобы плюралистическая система безопасности превратилась в лучшую гарантию мира и безопасности по сравнению с системой нынешней»¹².

После свержения «режима нормализации» многие положения представителей антинормализационных структур стали тиражироваться гораздо более массовыми движениями, непосредственно определявшими облик новой Чехословакии. Это, в первую очередь, касается Гражданского форума. В разделе «Внешняя политика» его Программного заявления «Чего мы хотим» от 26 ноября 1989 г. декларировалось: «Мы добиваемся того, чтобы наша страна снова заняла достойное место в Европе и мире. Мы – составная часть Центральной Европы и поэтому стремимся поддерживать добрые отношения со всеми соседями. Мы рассчитываем на вовлечение в европейскую интеграцию. Идее европейского дома мы хотим подчинить и нашу политику в отношении партнеров по Варшавскому Договору и СЭВ. Мы уважаем наши международные обязательства, причем при полном сохранении государственного суверенитета. Но вместе с тем мы хотим проверить те приглашения, которые мотивировались непомерными амбициями ведущих представителей государства»¹³.

В своем новогоднем (1990 г.) обращении к гражданам президент некоммунистической Чехословакии В. Гавел, в частности, заявил: «Наше государство не должно больше быть “довеском” или “бедным родственником” какого-либо другого. Нам, конечно, придется многое почерпнуть у других и многому у них поучиться, но отныне, спустя длительное время, мы будем делать это как их равноправные партнеры, которым есть также что предложить... Мы маленькая страна, и, тем не менее, некогда мы были духовным центром Европы. Почему бы нам снова не стать им?»¹⁴. Конечно же, слова Гавела о призвании Чехословакии быть «духовным центром Европы» следует отнести, в первую очередь, к сфере культуры. Однако, как представляется, логическим продолжением данного его послыла вполне могла бы стать идея о нейтралитете Чехословакии, высказывавшаяся ранее представителями антинормализационного движения.

В самом начале президентства В. Гавел в своих внешнеполитических предпочтениях, в том числе в части чехословацко-советских взаимоотношений, продолжал во многом ориентироваться на хартистские установки. Указанные выше их постулаты и идеи в той или иной мере и в дальнейшем продолжали фигурировать в официальной позиции новых чехословацких властей. Они были эксплицированы и в беседе президента ЧССР В. Гавела с М. С. Горбачевым в Москве 26 февраля 1990 г. Тогда чехословацкий президент сказал: «Я хотел бы коротко информировать Вас о тех процессах в Чехословакии, которые тоже называют революцией. <...>. Нашу революцию называют мирной и даже “нежной”, во всяком случае, это никакая не контрреволюция, как кое-кто склонен считать. И неверно изображать дело так, будто бы Гавел пытается вернуть страну к капитализму, травит коммунистов – ничего подобного. Мы возвращаемся к нормальному демократическому плюрализму и не собираемся возвращать фабрики их бывшим собственникам»¹⁵. При этом он

не преминул подчеркнуть, что люди должны убедиться: «под старыми колониальными отношениями поставлена точка»¹⁶. В ответ Горбачев жестко возразил: «Прошу Вас не приписывать нам “колониального” отношения к Чехословакии. Этого я не приму. Никогда наши отношения с чехословаками не имели ничего общего с колониальными»¹⁷. «Хорошо, я поищу другое слово»¹⁸, – парировал Гавел.

Он поделился своими соображениями и о «будущем европейском порядке»: «Мне казалось, что тяжелее всего будет найти взаимопонимание одновременно и на Западе, и на Востоке. Когда я был в США, то в беседе с президентом Бушем и в конгрессе говорил о том, что эра двухполюсного мира кончилась. Открывается эра новой Европы. Я не очень люблю говорить о новом порядке в Европе, потому что этот термин скомпрометировал Гитлер. Вы, Михаил Сергеевич, как известно, говорите о европейском доме». Гавел назвал полезной идею созвать на высшем уровне совещание участников общеевропейского процесса, скорректировав дату его проведения (не в 1992, а в 1991 году или даже раньше). «Такое совещание, – по его словам, – могло бы стать эквивалентом мирной конференции в Европе. Оно должно подвести черту под итогами Второй мировой войны и послевоенным периодом. Думаю, важно, чтобы хельсинки процесс перерос в нечто большее, чем то, что имеет место до сих пор. Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского Договора и НАТО. И, таким образом, мы бы достигли сразу несколько целей. Во-первых, зафиксировали бы окончательные границы в Европе. Во-вторых, вписали бы объединение Германии в общеевропейский процесс. В-третьих, способствовали не только снижению конфронтации, но и созданию такой новой системы безопасности, когда сама Европа оказалась бы способной обеспечивать свою безопасность. Это ослабило бы и необходимость присутствия американских войск, хотя не исключало бы его вовсе. Словом, создалась бы новая, более гибкая и конструктивная система сотрудничества в Европе». «Я, – утверждал чехословацкий президент, – дважды излагал эти свои взгляды Бушу. Мне кажется, нам удалось ослабить традиционный американский страх перед тем, что кто-то хочет их вытеснить из Европы. Буш заявил, что пока на континенте нет надежной стабильности, они не хотели бы выводить свои войска. Американцам уже два раза, сказал он, приходилось направлять свои войска в связи с Первой и Второй мировыми войнами. Им не хотелось бы вводить их в третий раз, тем более, что и физической возможности для этого случая третья мировая война, очевидно, не представила бы. Но если бы была создана новая система европейской безопасности в результате мирной конференции, которая бы решила проблемы Германии, тогда, наверное, представилась бы возможность спокойно вывести американские войска из Европы. Ведь и сами европейцы не нуждались бы тогда в их присутствии. Тем более была бы, разумеется, устранена и опасность того, что наш блок сбросит в море западный блок»¹⁹. «Я слышал, – продолжал Гавел, – что в Финляндии тоже поддерживают идею проведения Хельсинки-2 как можно раньше. Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. ***Варшавский Договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности*** [курсив мой. – Э. З.]. Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР»²⁰. В речи Гавела следует обратить особое внимание на твердость и неизменность его позиции относительно предполагаемых судеб **двух** военно-политических блоков, т.е. и ОВД, и НАТО в русле хартистских требований 1980-х годов.

Тем не менее, несколько позднее, 7 июня 1990 г., на совещании Политического консультативного комитета (ПКК) государств-участников Варшавского Договора в Москве, в выступлении президента страны уже под новым названием – Чешская и Словацкая Федеративная Республика (ЧСФР) – проблема чешско-словацко-советских отношений в контексте взаимоотношений в рамках ОВД поднималась в принципиально ином ключе. «Мы, – отметил Гавел, – исходим из того, что Варшавский Договор – это временная организация, которая в настоящее переходное время должна, может еще сыграть определенную роль. Разумеется, при условии, что ее затронут принципиальные политические и организационные изменения. Сам Варшавский Договор так, как мы его знаем, как форма

подчинения всех наших армий советской армии, прекратит свое существование, и не нужно будет его распускать. Организация, которую мы сможем в будущем называть Варшавским Договором и о деятельности которой мы будем говорить, должна основываться на следующих принципах: абсолютное уважение суверенитета, независимости, равноправия всех стран-участниц. Вооруженные силы могут быть использованы таким образом лишь при согласии конституционных органов соответствующих стран. Союзнические обязательства участников договора можно выполнять исключительно в рамках обороны собственной территории»²¹.

Фокусируясь на «принципиальных политических и организационных изменениях» Варшавского Договора, президент ЧСФР не считал нужным даже упомянуть о другом военно-политическом блоке – НАТО, хотя совсем недавно в беседе с президентом СССР (февраль, 1990 г.) им приводились достаточно убедительные аргументы о трансформации альянса, а еще раньше – в документах хартистов, под которыми он ставил свою подпись – не исключался даже его роспуск.

Это, безусловно, не могло не вызывать тревогу у советской стороны. Возможно, как раз по этой причине сразу же после завершения совещания ПКК в Москве в Прагу прибыл В. В. Загладин, помощник президента СССР М. С. Горбачева. Записи его бесед многое объясняют в феномене, который можно назвать переформатированием взаимоотношений СССР и ЧСФР (уже с дефисом, появившимся 29 марта 1990 г.) – с учетом позиций новой чешско-словацкой политической элиты. Крайне интересны соображения Загладина относительно динамики ее настроений относительно чешско-словацко-советских отношений после первых свободных парламентских выборов, состоявшихся в Чехословакии 8 и 9 июня 1990 г., которые, как известно, принесли победу оппозиционным ГФ и ОПН²². Во время пребывания в Праге 11–13 июня 1990 г. Загладин встречался с рядом представителей тех сил, которые пришли к власти. «Следует отметить, – констатирует он, – что все беседы проходили в исключительно доброжелательной, а порой подлинно дружеской, теплой атмосфере; очень откровенно – без “сглаживания углов” и с подчеркнутой нацеленностью на развитие отношений между СССР и ЧСФР. В некоторых случаях (в Гражданском форуме, например) поначалу чувствовалась определенная выжидательность, нервозность, но буквально через четверть часа все это исчезало»²³.

Все без исключения собеседники характеризовали общую обстановку в Чехо-Словакии как переход от «эмоциональной» к «рабочей» фазе революции 1989 г. Ими выделялись два этапа предстоявшего процесса: первый – до новых парламентских выборов 1992 года, когда «в целом будет сохраняться нынешняя партийно-политическая структура общества». В ходе второго этапа (после 1992 г.) «может сформироваться новая партийно-политическая структура в результате раскола Гражданского форума»²⁴.

Загладин отметил «значительное внимание», которое уделялось в ходе бесед и вопросам внешней политики, в том числе отношениям с СССР. В целом, – по его мнению, – можно было сделать следующий вывод: «обстановка далеко еще не определилась, возможны различные варианты поворотов». «В том, что касается отношений между ЧСФР и СССР, представляется, что нынешний период открывает для нас значительные возможности создания основ для нормального, даже хорошего их развития на долгосрочную перспективу. Эти возможности определяются следующими обстоятельствами. Во-первых, политическая линия руководящих кругов окончательно еще не сформировалась. Идут споры. Общей для всех их участников момент в том, что касается внешней политики, – подтвердить “полное возвращение ЧСФР ее суверенитета”. Однако руководители республики понимают, что без нашей перестройки, без нового мышления никаких изменений в их стране не произошло бы», – резюмирует Загладин. Далее он пишет, что «если еще в недавнем прошлом руководство Гражданского форума (шедшего на выборы под лозунгом “Вернемся в Европу”) возлагало серьезные расчеты на то, что Запад буквально заключит Чехо-Словакию в свои объятия, то сейчас надежды на это постепенно испаряются. ФРГ, как отмечали собеседники, “занята собой”, другие тоже энтузиазма не проявляют. В этих условиях для ЧСФР, экономически тесно связанной с нами, возрастает значение сохранения и поддержания этих связей (на новой основе)»²⁵.

Выше приводилась запись беседы с Горбачевым, в ходе которой звучали заверения Гавела о том, что ему удалось-де убедить Буша «ослабить традиционный американский

страх перед тем, что кто-то хочет вытеснить их из Европы<...>»; привести его к мысли, что в принципе может быть «создана новая система европейской безопасности в результате мирной конференции, которая бы решила проблемы Германии <...>»; в итоге же была бы, «разумеется, устранена и опасность того, что наш блок сбросит в море западный блок». В этом заверении можно проследить, в частности, контуры многообещающего проекта, поспешность отказа от которого в дальнейшем вовсе не сделала чести Гавелу-политику.

Использование этих и других перечисленных в документе возможностей, по мнению Загладина, предполагало постоянную, последовательную работу, которая оказалась не столь уже и простой из-за неопределенности на тот момент внутривосточной ситуации в Чехословакии. «Правые оппозиционные круги, – констатирует автор, – откровенно враждебны к нашему социалистическому выбору, они опасаются, что укрепление отношений с СССР в конце концов поощрит социалистические силы в самой ЧСФР и, тем самым, сорвет планы возврата страны к желанному “старому порядку”. В среде простых “неполитических” граждан единства в отношении к СССР нет. У людей старшего и среднего возраста чувствуется доброжелательность, смешанная с некоторым недоверием. У молодежи недоверие пока превалирует. Однако <...> в университете настроения начинают меняться – студенты задумываются, стремятся понять – что значит для них наша перестройка и перемены в их собственной стране, что все это может обещать в будущем. В нашей работе на ЧСФР важно учитывать следующие моменты. Практически все, кто выступает за укрепление и развитие отношений с СССР, чрезвычайно чувствительны в отношении характера этих отношений. Все без исключения подчеркивали: ныне хорошие отношения “не могут быть повторением пройденного”, они могут основываться только на подлинном равноправии и уважении суверенитета друг друга. Многие, в том числе советник президента и советник министра иностранных дел, отмечали: на форму отношений со стороны Праги будет обращать большое внимание. В качестве “образца для подражания” называют встречу М. С. Горбачева и В. Гавела в Москве»²⁶. Приведенная цитата свидетельствует: «автоматического» перестроения чешско-словацко-советских отношений ожидать не приходилось.

В. В. Загладин, как проницательный аналитик, четче обнаружил это в отдельных беседах с различными представителями ГФ. «Гражданский форум, – читаем в его материале, – это не партия, а движение, к тому же весьма неоднородное. В этом, по мнению собеседников, и сила, и слабость его. Окружение президента В. Гавела (которого оба собеседника характеризовали в целом положительно, как неопытного политика, но неплохого прагматика, патриота и гуманиста), к сожалению, также неоднородно, как и сам форум. В. Гавел сейчас провозгласил лозунг “профессионализации политики”. Это явно означает, что он будет искать новых людей»²⁷.

В беседе затрагивался и вопрос о внешней политике ЧСФР, «не нарушающей интересов в том числе и СССР». Вместе с тем, передает мнение своих собеседников Загладин, «*внешнеполитическая программа нового руководства еще не разработана* [курсив мой. – Э. З.]: если в политическом плане вырисовалась ориентация на процесс СБСЕ, то в экономическом плане ясности не наблюдалось. Для быстрого вступления в Европейские сообщества, по их мнению, страна пока не была готова, поэтому “отрываться” от СССР, других стран-членов СЭВ невозможно. Это, как представляется собеседникам, все отчетливее понимает и В. Гавел»²⁸. Собеседники Загладина осторожно, можно даже сказать – аккуратно, предостерегали его относительно возможной смены внешнеполитических приоритетов. ЧСФР «пока» не готова и, в первую очередь по экономическим причинам, ко вхождению в Европейские сообщества. Время, между тем, шло, и очень скоро «невозможность» отрыва Чехословакии от СЭВ устранилась.

На встрече собеседники Загладина просили советскую сторону учитывать, что «в некоторых случаях внешняя политика ЧСФР будет, вероятно, выглядеть как “эмоционально-самостоятельная”. Будут выдвигаться все новые инициативы. Иногда они будут похожи на “импровизации” <...>. Однако за всем этим по существу стоит не столько любовь к “оригинальничанью”, сколько желание подтвердить “возвращение Чехословакии ее подлинного суверенитета”, стремление “вернуть ЧСФР ее место в мире как суверенной страны”. Советскому Союзу бояться этого не следует, говорили они, важно учитывать эту

особенность современного внешнеполитического курса Праги. Действуя тактично, Советский Союз может приблизить к себе В. Гавела и его окружение. Они способны “при соблюдении внешних форм” стать очень верными последователями нового мышления, проводниками ее там, где самому Советскому Союзу это не всегда удобно»²⁹. Это был во многом предостерегающий голос друзей.

Несколько иная тональность слышится в беседе с революционерами-победителями. 13 июня 1990 г. Загладин встретился с одним из лидеров ГФ П. Кучерой при участии других его руководителей. «П. Кучера, – констатирует Загладин, – заявил, что Форум рад вступить в контакты с советской стороной, что он настраивается на всемерное развитие и укрепление своих внешних связей с советскими организациями в духе той новой политики, которую совместно определили руководители наших стран. Отношения с СССР были и будут для нас весьма важными, а во многом определяющими. Однако, ЧСФР не хотела бы возврата к “старому типу связей”, которые во многом были “односторонними”. Со стороны руководства ГФ был поставлен вопрос: как советской стороне представляются отношения с ЧСФР и другими странами Восточной и Центральной Европы после происшедших там перемен? Ответил, изложив нашу официальную позицию. Подчеркнул особо, что мы нацеливаемся на самые хорошие, лучше всего не просто добрососедские, но дружественные отношения и плодотворное взаимодействие с ЧСФР как в двустороннем плане, так и на международной арене, исходя при этом из взаимного и полного признания суверенитета и равноправия сторон, без всякой “односторонности”. Это заявление вызвало активные и очень доброжелательные комментарии собеседников (они выделили его затем в сообщении, переданном для печати)»³⁰. Кучера подчеркнул, что ГФ – не политическая партия, а именно форум с широким составом участников, поэтому его внешние связи отличаются многообразием. Руководство ГФ, по словам Кучеры, «выступает за добрые отношения с КПСС. Он отметил, что многие проблемы, стоящие перед СССР и ЧСФР схожи, и обмен опытом будет весьма продуктивным»³¹.

«Отвечая на мой вопрос, – отмечает Загладин, – как будет видеться руководству ГФ возможность участия его представителей по линии Советского комитета за европейскую безопасность, П. Кучера сказал, что такого рода связи также интересуют ГФ, но осуществляться они будут, видимо, либо через парламентскую группу ГФ и членов комиссий парламента, либо через различные общественно-политические структуры, специально занимающиеся проблемами европейской безопасности. Сейчас их несколько, но к осени, к концу парламентских каникул, все определится. В любом случае ГФ готов к детальному и всестороннему обсуждению и двусторонних советско-чешско-словацких, и европейских проблем. Условились продолжить контакт на эту тему позднее, после завершения формирования в ЧСФР новых [властных] структур»³².

Собеседники Загладина поднимали и вопросы, которые, по их словам, «могли или могут вызывать трудности в советско-чехословацких отношениях». «Первый из них, – говорится в документе, – пребывание наших войск на территории ЧСФР – теперь, говорили они, в общем улажен. И, как выразилась представитель ГФ по вопросам связей с общественностью, “какие-то мелкие проблемы еще могут возникать, но серьезных трудностей тут уже не будет”, “вопрос закрывается”. Второй из моментов, пока не снятый – “пригласительные письма”, послужившие одним из поводов для вступления войск ОВД в Чехословакию в 1968 году. “Даже Дубчеку не удалось получить эти письма”, – с огорчением заметил П. Кучера. Пояснения вопроса, которые были даны на пресс-конференции в МИД СССР, не удовлетворили новое руководство ЧСФР и прежде всего потому, что В. Биляк в своих мемуарах (частично опубликованных, частично – нет), но переданных им в свое время в издательство в Словакии) прямо пишет: он сам передал подобное письмо в Чиерне над Тиссой (или Братиславе), а затем, по его словам, позднее было передано и второе письмо. В обсуждение этой проблемы я не вдавался, сославшись на нашу известную позицию. Наконец, третий момент, всплывший в канун выборов, – слухи об участии КГБ в событиях на Вацлавской площади и около нее 17 ноября 1989 года. Собеседники признавали, что сообщения на эту тему впервые передала Би-Би-Си»³³. Загладин в категорической форме опроверг всякую возможность вмешательства любой организации в события 17 ноября и вообще во внутренние дела Чехословакии в период перестройки. «Что касается архивов, сказал, что мне лично ничего не известно. На следующий день ГФ

в сообщении для печати о состоявшейся встрече кратко воспроизвел это мое заявление (во всех его частях). Обсуждение этих вопросов закончилось тем, что руководители ГФ выразили надежду на “партнерство” советского государства в полном преодолении этой проблемы. Поясняя свою заинтересованность в этом, они ссылались на пример ГДР, где данные из архивов местного КГБ выплыли наружу и были использованы для шантажа членов нового парламента. П. Кучера говорил о том, что “консервативные элементы” и в СССР, и в ЧСФР могут быть заинтересованы во взаимном сотрудничестве с тем, чтобы мешать перестройке в СССР и преобразованиям в ЧСФР. Этого допустить нельзя, – сказал он»³⁴, – так передает слова собеседника Загладин. Конечно, набор обсуждавшихся вопросов – в чем-то дань политической конъюнктуре, требовавшей «держать персты в ранах», т.е. напоминать, что не все прояснено в советско-чешско-словацких отношениях. Но такой же данью указанной конъюнктуре являлись и заверения в том, что у этих отношений хорошая перспектива. «Беседа закончилась тем, что руководители ГФ заявили: “Мы переживаем за вас, искренне желаем успеха перестройке. Мы понимаем, что сами смогли сделать рывок вперед только благодаря переменам в СССР. Если бы перестройка не удалась, и мы оказались бы в тяжелейшем положении”»³⁵, – заключает Загладин.

В ходе беседы (один на один) с советником президента ЧСФР В. Гавела А. Вондрай, которая состоялась 13 июня 1990 г., был также затронут широкий круг вопросов. «А. Вондра начал беседу, выразив глубокое удовлетворение тем, что в последние недели ему удалось познакомиться с рядом советских коллег, которых раньше он не знал. Это первое знакомство важно для нас, говорил Вондра, потому что у нового руководства ЧСФР, у В. Гавела крепнет стремление развивать и углублять отношения с Советским Союзом на основе тех принципов, которые были зафиксированы в совместной декларации двух президентов в Москве. Мы, говорил Вондра, хотим “вернуться в Европу”. Но, по мнению президента, “возврат в Европу” не будет плодотворным, если он будет осуществляться без СССР и тем более против СССР. Идти надо вместе. Ясно, однако, что для этого надо окончательно разрушить возникшее в прошлом недоверие, прежде всего – со стороны ЧСФР. Оно коренится в событиях 1968 года, но также и в том, что ныне пришедшие к руководству в Праге люди – это либо те, кого в СССР после 1968 г. считали “врагами социализма”, либо те, кто воспринимал Москву, находившуюся в прекрасных отношениях с прежним руководством, как основное препятствие на пути свободного выражения чехословацким народом своей истинной воли. Политика перестройки, в частности – во внешней политике СССР, начала интенсивно разрушать это недоверие со стороны Праги. И здесь личные контакты, возможность откровенных, “без дипломатии” и утаивания друг от друга “беспокоящих моментов” приносят наибольшую пользу», – отмечается в документе.

«Очень важно, – излагает Загладин мнение Вондры, – с этой точки зрения широкое развитие культурных контактов, – в самом широком смысле слова. Нужны постоянные связи между деятелями искусства, – ведь русская культура всегда была очень близка к чехам и словакам. Нужно общение ученых, совместное обсуждение всех проблем и внутреннего строительства, и мировых событий. К сожалению, пока что все это развивается медленно. Причины надо проанализировать, но главное – развивать контакты». «Может быть, рассуждал собеседник, и в Москве к новому руководству ЧСФР относятся пока с недоверием, – ведь прежние руководители в Праге всячески внушали вам, что мы – “представители нечистой силы”. Понятно, у нас есть разные люди. Но большинство – это ваши друзья, или уже проявившие себя как таковые, или потенциальные. Дальнейшее зависит от позиции и усилий обеих сторон». И все же лейтмотивом беседы было убеждение, что будущее развитие самой Чехословакии во многом, если не в решающей степени, зависит от судеб перестройки в СССР.

Вондра обратил внимание на трехсторонний (ЧССР, ГДР, Польша)³⁶ проект приближения к европейским структурам. ЧСФР, по его словам, хочет «вести согласованную политику, но одновременно делать это так, чтобы внешне речь не шла бы о простом повторении выдвинутых Москвой или Бонном предложений». В качестве одной из задач он назвал «самоутверждение страны как самостоятельной, действительно суверенной. Мы хотим, будучи вместе с другими, сохранять свое лицо. Это очень важно для упрочения новой власти. Нам очень хотелось бы, чтобы наши друзья в Москве понимали это и не видели в наших шагах стремления как-то противопоставить себя им или другим странам»³⁷.

В своей обобщающей аналитической справке «О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике» (октябрь, 1990 г.) В. В. Загладин счел возможным заключить: «Несмотря на все это, в долгосрочном плане некоторые возможные тенденции внутреннего развития [здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – Э. З.] отдельных стран начинают проследиваться (с поправкой на процессы дальнейших изменений)». Вердикт Загладина таков: «Чехословакия и Польша, где у власти фактически стоят не партии, а “зонтичные” организации (“Гражданский форум” и “Солидарность”), способные распасться и переформировываться, вступили на путь неопределенности, который, скорее всего, выведет их на рубежи либерализма западного образца»³⁸. События ближайших лет в полной мере подтвердили правоту его слов.

В этом же документе он приходит к следующему выводу: «В политике восточноевропейских стран заметно и другое: стремление, с одной стороны, укрепить свою независимость, утвердить свою национальную идентичность, а, с другой, боязнь оказаться “в одиночестве”. Отсюда – попытки формирования каких-то субрегиональных группировок (в большей или меньшей степени оформленных). Это – укрепление сотрудничества Польши, ЧСФР и Венгрии; активизация балканского сотрудничества (Болгария, Румыния, Югославия, а также присоединившиеся к ним Албания, Греция и Турция); начало функционирования “пятиугольника” (“Пентагонале”) – Италия, Австрия, Венгрия, Югославия, Чехословакия). Ко всем этим формированиям, частично перекрывающим друг друга, нельзя не относиться серьезно – особенно к двум последним <...>. Все это в целом означает, что для нашей политики объективно, вне зависимости от наших желаний, образуются определенные рамки возможностей, но и определенные императивы. Они касаются как перспектив отношений со странами Восточной Европы, так и влияния на их внутреннее развитие (через контакты и связи с ними)»³⁹.

Беседы на высоком уровне продолжались и в 1991 г., хотя события в обеих странах шли с ошеломляющей скоростью. Так, в ходе диалога 12 ноября 1991 г. в Москве терявшего почву под ногами президента СССР с заместителем председателя правительства ЧСФР П. Рыхетским, тоже уменьшавшим сферу своего влияния в пользу чешского и словацкого правительств, утопично и с привычной благожелательностью говорилось о дружбе двух народов. Обсуждалось осуществление поставок в СССР продовольствия под кредиты ЕС. Рыхетский подчеркнул: «И у вас, и у нас часть политических деятелей смешивает понятия тоталитаризма и федерации со всеми вытекающими последствиями. Это, как я считаю, плата за демократию. Оказалось, что демократию легче завоевать, чем сохранить. С учетом ситуации в СССР я восхищен Вашей, господин президент, борьбой, за сохранение Союза и считаю эту линию правильной. **Ведь федерация наиболее демократичный способ сосуществования народов** [курсив мой. – Э. З.]»⁴⁰.

Однако почти месяц спустя время подобного рода заявлений истекло: 8 декабря 1991 г. руководители РСФР, Белоруссии и Украины подписали Беловежское соглашение, учредившее в качестве субъекта международного права Содружество Независимых Государств, а 25 декабря Горбачев объявил о сложении полномочий президента СССР. Следовало говорить уже о чешско-словацко-российских отношениях, но в течение лишь немногим более года, поскольку 1 января 1993 г. Чехо-Словакия как единое государство исчезла с карты Европы.

¹ См.: *Задорожнюк Э. Г.* Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела) // *Poznańskie Studia Slawistyczne*. – Poznań, 2014. – № 6. – С. 261–275.

² Подробнее см.: *Задорожнюк Э. Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.). – М.: Индрик, 2008. – С. 51; см. также: Инакомыслие в условиях «реального социализма». Контуры новой государственности. Конец 60-х–80-е гг. XX в. / К. В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – С. 346–380.

³ Цит. по: *Задорожнюк Э. Г.* От крушения Пражской весны... С. 98.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 138, оп. 51, п. 154, д. 14, л. 141.

⁵ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов / Ю. С. Новопашин. – Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 442.

⁶ Там же. – С. 530.

- ⁷ Там же. – С. 530–531.
- ⁸ Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / К. В. Никифоров. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 118–134; см. также: The Revolutions of 1989. A Handbook / M. Gehler, W. Mueller. – Wien, 2015. – P. 271–283.
- ⁹ Charta 77. Dokumenty 1977–1989 / V. Císařovská, V. Prečan. Sv. 2. 1984–1989. - Praha, 2007. – S. 730.
- ¹⁰ Ibidem. – S. 1021.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem. – S. 1125–1126.
- ¹³ Анатомия конфликтов... Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – Т. 2 / Ю. С. Новопашин. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 695.
- ¹⁴ Там же. – С. 713, 714.
- ¹⁵ Архив Горбачев-Фонда, фонд 1. М. С. Горбачев (далее – ф. 1). Запись беседы М. С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г. 1990feb26doc.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Горбачев М. С.* Собрание сочинений. – Т. 18. – Декабрь 1989 – март 1990. – М.: Весь мир, 2011. – С. 333.
- ¹⁸ Архив Горбачев-Фонда, ф. 1. 1990feb26doc.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 171.
- ²² Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / К. В. Никифоров. – М. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 422.
- ²³ Архив Горбачев-Фонда, фонд 3. В. В. Загладин (далее – ф. 3). О некоторых выводах из бесед в Праге. 11–13 июня 1990 года. z90jun11doc.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Основное содержание беседы с видными деятелями движения «Возрождение» А. Ортом и И. Котиком. 12 июня 1990 г. z90jun12doc.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Основное содержание беседы в руководстве Гражданского форума Чехо-Словакии. 13 июня 1990 г. z90jun13a.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Предложение трех государств (ЧСФР, Польша, ГДР) по общеевропейским структурам, переданное государствам-участникам общеевропейского процесса, конкретизировал Л. Добровский, который, судя по записям Загладина, назвал его «попыткой “завязать в один узел” идеи, уже высказывавшиеся СССР, а также другими государствами как Востока, так и Запада. Плюс этого предложения Добровский видит в том, что в нем участвует и ГДР, причем, как ему известно, МИД ГДР имел по этому поводу консультации в Бонне и там его поддержали. А это весьма важно на будущее». См.: Там же. Основное содержание беседы с пресс-секретарем МИД ЧСФР Л. Добровским. 14 июня 1990 г. z90jun14.
- ³⁷ Там же. Основное содержание беседы с советником Президента ЧСФР А. Вондрой. 13 июня 1990 г. z90jun13c.
- ³⁸ Там же. О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике. Декабрь, 1990 г. z90oct doc.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, ф. 1. Запись основного содержания беседы М. С. Горбачева с заместителем председателя правительства ЧСФР П. Рыхетским. 12 ноября 1991 г. 91nov12bdoc.

ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНА ЄВРОПА В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ ТА РЕГІОНАЛЬНОЇ ІНТЕГРАЦІЇ

УДК 930(100)«19/20»:94(4-191.2-11):001.11

КОНСТРУЮВАННЯ КОНЦЕПТУ «ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНА ЄВРОПА» В ІСТОРІОГРАФІЧНИХ ДИСКУРСАХ ХХ – ПОЧАТКУ ХХІ СТ.

Н. О. Лешкович

Лешкович Н. О. Конструювання концепту «Центрально-Східна Європа» в історіографічних дискурсах ХХ – початку ХХІ ст. У статті на підставі зарубіжних та вітчизняних історіографічних дискурсів ХХ – початку ХХІ ст. зроблено спробу наукового аналізу процесу конструювання концепту «Центрально-Східна Європа». При цьому особлива увага приділена його змісту та теоретико-методологічним засадам. Розглядається також вплив геополітичних змін зламу ХХ – початку ХХІ ст. на розуміння, інтерпретацію і, що найважливіше, функціонування цього концепту.

Ключові слова: концепт; історіографічний дискурс; Центрально-Східна Європа; Східна Європа; Центральна Європа; нова Центральна Європа; нова Східна Європа; нове Східноєвропейське пограниччя.

Лешкович Н. А. Конструирование концепта «Центрально-Восточная Европа» в историографических дискурсах ХХ – начале ХХІ ст. В статье на основании зарубежного и отечественного историографического дискурса ХХ – начала ХХІ вв. предпринята попытка научного анализа процесса конструирования концепта «Центрально-Восточная Европа». При этом особое внимание уделено его содержанию и теоретико-методологическим принципам. Рассматривается также влияние геополитических изменений конца ХХ – начала ХХІ в. на понимание, интерпретацию и, главное, функционирование этого концепта.

Ключевые слова: концепт; историографический дискурс; Центрально-Восточная Европа; Восточная Европа; Центральная Европа; новая Центральная Европа; новая Восточная Европа; новое Восточноєвропейське пограниччя.

Leshkovich N. O. The Construction of the Concept “Central-Eastern Europe” in the Historiographical Discourses of the 20th - early 21st Centuries. The article makes an attempt of the scientific analysis of the process of the construction of the concept “Central-Eastern Europe” basing on home and foreign historiographical discourses of the 20th - early 21st centuries. The main attention is dedicated to its content, and theoretical and methodological principles. The influence of the geopolitical changes of the late 20th - early 21st centuries on the understanding, interpretation and, what is the most important, on the functioning of this concept is investigated.

Keywords: concept; historiographical discourse; Central-Eastern Europe; Eastern Europe; Central Europe; new Central Europe; new Eastern Europe; new East European borderland.

Сучасні зарубіжні та вітчизняні вчені активно ведуть пошуки нових принципів та категорій визначення регіону Центрально-Східної Європи, які відповідали б геополітичним змінам, що відбулися в кінці ХХ – на початку ХХІ ст.: крах системи Варшавського договору й Ради економічної взаємодопомоги, розпад СРСР, вступ колишніх членів «соціалістичної співдружності» до Північноатлантичного Альянсу та Європейського Союзу тощо. Ці процеси поставили нові проблеми та питання, що потребують переосмислення, а саме: який зміст треба вкладати в поняття Західна Європа, Східна Європа, Центральна Європа, Центрально-Східна Європа; які країни відносити до того чи іншого регіону; які наслідки входження східноєвропейських країн до європейських структур; які історичні перспективи центрально-східноєвропейського регіону тощо. Ці питання є важливими і для України, яка прагне інтегруватися в євроспільноту.

Визначаючи особливості та історичну специфіку Центрально-Східної Європи як особливого регіону, відомий американський науковець Пьотр Вандич зауважив, що «Центрально-Східна Європа – доволі непопулярний регіон. Її історія здається складною й за-

плутаною. Їїго населяють конгломерати проблемних народів із чудернацькими іменами. Історія Центрально-Східної Європи не настільки екзотична, щоб збудити цікавість, і не настільки знайома, щоб полегшити розуміння. Однак її значення є незаперечним. У цьому регіоні розпочалися дві світові, а також холодна війна [...]. Падіння комунізму в Центрально-Східній Європі та її безпрецедентний перехід до політичної й економічної свободи несе в собі величезні надії, але й криє небезпеку»¹. Відтак, у вивченні цього регіону, на нашу думку, важливим є звернення до історії виникнення поняття «Центрально-Східна Європа» та формування концептуального бачення цього простору. Хоча дискусії з цих проблем ще продовжуються, проте можна говорити про певні підсумки і виділити деякі напрацювання.

Регіональний поділ Європи своїм корінням сягає ще античних часів та доби раннього середньовіччя. Тоді давні автори протиставляли Південне Середземномор'я Півночі і цим розмежовували античний і «варварський» світи². Існував також поділ між Сходом і Заходом, що відзначали ще Гомер, Геродот та інші античні історики і географи. Згодом відбулася зміна в уявленні про континент, внаслідок якої Північ і Південь стали вважати менш значущими полюсами європейського континенту, ніж Схід і Захід³.

Поділ християнства на дві гілки додав ще один кордон між Сходом і Заходом, який поділив Європу на романо-германську, католицьку (захід)* та візантійсько-слов'янську, православну (схід)⁴. Геополітичний та культурно-цивілізаційний поділ сприяв виробленню різних бачень цих європейських просторів. Проте, вирішальна роль у формуванні образу Східної Європи належить французьким просвітникам. На думку відомого американського історика Ларі Вульфа, ідейно-політичні засади розподілу Європи на «цивілізаційно розвинуту» Західну і «недорозвинуту, відсталу» Східну були закладені у Новий час, а філософи епохи Просвітництва оформили цей поділ в інтелектуальний конструкт⁵. За словами Я. Грицака, Просвітництво, звісно ж, не «винайшло» нічого радикально нового, а радше скористалося готовим набором стереотипів, який створили європейці задовго перед тим. Але Просвітники включили це питання в дискурс європейських інтелектуалів і політиків XIX–XXI ст.⁶.

Окремий термін – Середина Європа, на означення території Центральної Європи, в науковий обіг запровадили німецькі та австрійські вчені середини – другої половини XIX ст.: економіст Фрідріх Ліст, політик Людвіг фон Брук, публіцист та філософ Константин Франц, теолог та мовознавець Пауль де Лагард⁷. Розробляючи у своїх працях ідею відродження Німецької держави, вони започаткували виокремлення Середньої Європи як історичного регіону. Під поняттям «Середина Європа» вказані дослідники розуміли економічне та політичне об'єднання низки центральноєвропейських країн, у якому мала домінувати майбутня велика Німеччина. Втім, чіткого визначення цього геополітичного конструкту ще не існувало. Виходячи з економічної доцільності, Фрідріх Ліст та Людвіг фон Брук вважали, що ядром Середньої Європи повинен стати Німецький союз, до якого мала ввійти й Австрія. Дотримуючись експансіоністських ідей, Константин Франц відносив до Середньої Європи Пруссію, російську частину Польщі і Прибалтики, Австро-Угорщину та Балканські країни, а в перспективі – також Нідерланди, Данію і Швейцарію. Середина Європа для Пауля де Лагарда уявлялась як тісний союз Німеччини й Австро-Угорщини та розширення їхніх кордонів на Схід⁸.

У роки Першої світової війни концепцію Середньої Європи розвинув німецький політичний діяч Фрідріх Науман. У своїй праці «Mitteleuropa» Фрідріх Науман обґрунтував ідею німецької гегемонії на величезній території: від Сербії та Греції до Данії й Бельгії і від Німеччини зі Швейцарією до Словаччини й Моравії⁹. Тож для Ф. Наумана, як і багатьох інших німецьких мислителів XIX – першої половини XX ст., Mitteleuropa була простором німецької цивілізаційної місії і політичної домінації.

Перша світова війна кардинально змінила політичну карту Європи. Розвал Російської, Німецької та Австро-Угорської імперій у 1917–1918 р. призвів до появи нових незалежних національних держав: Польської Республіки, Чехословацької Республіки, Королівства сербів, хорватів, словенців, Австрії, Угорщини, Фінляндії, Литви, Латвії, Естонії. Відпо-

* З XVI ст. – протестантську.

відно перед істориками постала проблема визначення місця новоутворених держав в європейському просторі як у минулому, так і в майбутньому.

Одним із перших, хто використав концепт «Центральна Європа» та протиставив його німецьким геополітичним конструктам був перший президент Чехословацької Республіки Т. Масарик. Його візія Центральної Європи мала на меті виокремити так звані малі нації між Заходом і Сходом¹⁰.

Свій внесок у конструювання концепту Центрально-Східна Європа зробили й українські вчені середини XIX – початку XX ст. Здебільшого вони розглядали Східну Європу в контексті вирішення національного питання в умовах поділу Європи між великими імперіями. На противагу «німецькій редакції» концепції Середньої Європи бачення Східної Європи сформував М. Драгоманов. Застосувавши географічний критерій, він визначив Східну Європу як окремий регіон – величезний простір між Карпатами та Уральськими горами¹¹. Утворення Східної Європи він пов'язував з розвитком «європейської цивілізації» в Середземноморському басейні, що охоплював Балкани і Туреччину, а також велику Сарматську рівнину¹². Усвідомлюючи відсталість Східної Європи від Західної, М. Драгоманов вважав необхідним здійснення глибоких перетворень, які б наблизили Східну Європу до «європейської цивілізації»¹³. З огляду на це, він запропонував модель співжиття народів Східної Європи – федералізацію Російської імперії та проекту «Вільної Спілки»¹⁴.

Проект організації східноєвропейського простору запропонував також М. Грушевський. В умовах розгортання Першої світової війни, революційних подій 1917–1921 рр., різкої зміни геополітичної карти в Європі, посилення антиросійського чинника та необхідності утвердження української державності вчений обґрунтував ідею чорноморської федерації. Цей проект пов'язувався зі спробами утвердження нової моделі міждержавних стосунків у Східній Європі. У цій чорноморській федерації провідне місце повинна була знайти Україна¹⁵. Г. Корольов, аналізуючи бачення М. Грушевським чорноморської федерації, зауважує, що це євроцентрична модель, своєрідне заперечення слов'янському союзу, відмова від етнічних конструкцій¹⁶. Такої ж думки дотримувалися С. Рудницький та Ю. Липа¹⁷.

За ініціативою польських істориків у 1927 р. була заснована «Федерація історичних товариств Східної Європи»¹⁸, яка діяла до 1939 р. в країнах, розташованих на схід від Німеччини. В її роботі брали участь чеські, угорські, українські, турецькі, хорватські, польські, фінські історики¹⁹. У 1928–1939 рр. «Федерація» видавала «Бюлетень»²⁰ і збирала конгреси істориків.

У першому номері «Бюлетеня» (1928 р.) було викладено бачення територіальних меж Східної Європи, яке охоплювало широкий простір від східних кордонів Німеччини та Італії і західних областей Польщі, Чехословаччини та Австрії аж до європейської частини Радянського Союзу, а Фінляндія і Греція становили північний та південний кордон регіону. Згодом визначилися різні погляди на регіон та його територіальні межі. І. Лукініч вважав, що ще від середньовіччя Європа була поділена на католицько-протестанську (латинську) та православну частини. Цей кордон, на його думку, проходив уздовж кордону Радянської Росії, через південно-східні Карпати і по лінії Дунай–Сава. Польські історики стверджували, що Польська Республіка може стати організуючим центром для всієї Східної Європи. На противагу їм, угорські дослідники таким інтегратором вважали Дунай²¹.

Не було однастайності й у визначенні масштабів цього регіону. Чеський учений Я. Бідло стверджував, що поняття Східна Європа включає Візантійську імперію з Балканським півостровом, а також Росію²². Польський дослідник М. Гандельсман вважав, що поняття Східна Європа змінювалося в міру поширення римської культури, в результаті чого звужувався ареал «європейського сходу»²³. Німецький дослідник Отто Гетш розумів Східну Європу як наднаціональну культурно-історичну та культурно-географічну європейську єдність²⁴.

У цій дискусії взяв участь й український історик М. Кордуба. Аналізуючи політичний розвиток Східної Європи, дослідник доводив, що входження українських і білоруських земель до Великого князівства Литовського в XIV ст. спричинило розкол Русі на дві частини: північно-східну, де згодом утворилась Московська держава, та південно-західну, що увійшла до складу Польсько-Литовської держави. Цілком закономірно, що вони по-

трапили під різні культурні впливи: Велике князівство Литовське було втягнуто в орбіту європейської культури, а в Московській державі – переважала східно-візантійська спадщина. М. Кордуба розглядав цілісність Східної Європи в контексті історії Київської Русі, Галицько-Волинської та Литовської держав²⁵.

У кінцевому підсумку цієї дискусії було вирішено недоцільним застосування слов'янського принципу у визначенні регіону. Термін «слов'янська Європа» був відкинтий, оскільки політична єдність слов'ян викликала сумнів²⁶.

У 1935 р. угорські історики видрукували перший номер щорічного наукового журналу «Archivum Europae Centro-Orientalis», який став науковим виданням Інституту Східної Європи Будапештського університету. Його редактором став угорський історик І. Лукініч²⁷. Так уперше було закріплено термін «Центрально-Східна Європа»²⁸. Журнал виходив упродовж 1935–1944 рр. Дослідження, що публікувались на його сторінках, стосувались історії Угорщини, Румунії, Югославії, Болгарії, Молдови, Польщі, Греції, Фінляндії. Із опублікованих матеріалів приблизно дві третини присвячені історії Угорщини, одна третина – історії Румунії і невелика частина історії інших країн регіону²⁹.

Після Другої світової війни терміни «Східна Європа», «Центральна та Східна Європа», «Центральна та Південно-Східна Європа» фактично асоціювались з країнами соціалістичного табору. Вони покликані були позначити нову геополітичну реальність, що ґрунтувалась на так званій єдності соціалістичних країн³⁰. Відтак, колишні суверенні держави (Польща, Чехословаччина, Угорщина та інші) опинилися в умовах політичного, соціально-економічного та культурного поневолення комуністичним режимом. Для вчених цих країн концепт Центрально-Східна Європа знов набув актуальності. З'явилися порівняльні дослідження, автори яких наполягали на необхідності зближення країн центральноєвропейського регіону. Ідеї спільної історичної долі, культурних надбань знайшли відображення в працях угорця Іштвана Бібо, чеха Яна Паточки, поляка Єжи Гедройця³¹.

У цих умовах концепція центральноєвропейського простору активно розроблялася еміграційними істориками. Вагомий внесок в її дослідження зробив польський історик Оскар Галецький, який намагався обґрунтувати історичну специфіку розвитку «Центрально-Східної Європи». У своїх працях 50–60-х рр. ХХ ст. він запропонував нову концепцію, згідно якої європейський континент було поділено на чотири частини: Західну, Центрально-Східну, Центрально-Західну та Східну Європу³². Центрально-Східною Європою, він називав східну частину Центральної Європи, яку протиставляв німецькомовним країнам³³.

Угорський історик Єно Сюч в своїх дослідженнях першої половини 80-х рр. ХХ ст. зробив деякі уточнення щодо концепції Оскара Галецького. Він поділив Європу на Західну, Центральну і Східну³⁴. Вчений аргументовано довів існування «третьої» Європи як мікрорегіону, що розміщується між Західною і Східною Європою (Росією) і тяжіє часом до Заходу, часом до Східної Європи. Ядро регіону Центрально-Східної Європи, за Є. Сючем, складають Чехія, Угорщина і Польща, які в попередні століття зазнали глибокої вестернізації³⁵. У період, коли Європа була поділена на комуністичний «Схід» і капіталістичний «Захід», пошук «Центру» давав можливість боротися за демократію і свободу. Це був спосіб підкреслити свою відмінність. Відтак, ідея Центральної Європи набувала політичної вагомості³⁶.

У 70–80-х рр. ХХ ст. концепт Центральної Європа набув стійкого визначення. Чеський публіцист Мілан Кундера у своєму есеї «Трагедія Центральної Європи» запропонував нове її бачення. Центральна Європа в його трактуванні ставала синонімом західноєвропейськості, яку тимчасово поневолив Схід. Мілан Кундера наголошував, що Центральна Європа – це територія без встановлених кордонів: «Ми б даремно намагалися чітко позначити їх, оскільки Центральна Європа – це не держава, а культура, доля. Кордони її уявні та окреслювати їх доводитьесь кожен раз по-новому, виходячи із нової історичної ситуації»³⁷. Центральну Європу Мілан Кундера бачив як поліцентричний простір: «Це частина латинського Заходу, яка потрапила під російське панування; це саме та частина, яка географічно знаходиться в центрі, культурно – на заході та політично – на сході»³⁸. У 80 – на початку 90-х рр. ХХ ст. цю ідею розвинули угорський письменник Дьорд Конрад, польський прозаїк Чеслав Мілош, чеський драматург Вацлав Гавел, британський історик Гартон Еш. В їхніх працях містився заклик до західних демократій підтримати спротив у Східній Європі,

щоб Центральна Європа могла відродитися³⁹. Автори використовували термін «центральності» для відмежування від стереотипного сприйняття цих країн як «Сходу», наближення до Заходу та формування ідеї центральноєвропейського співтовариства⁴⁰.

Після ліквідації тоталітарних режимів у більшості країн Центрально-Східної Європи постало питання назв центральної та східної зон Європи. У 1989 р. Андре Селльє і Жан Селльє видали у Парижі «Атлас народів Центральної Європи», в якому зазначалося, що відтепер не говорять «Східна Європа», – а знову «Центральна Європа». Атлас представив всі країни європейського центру – від Фінляндії до Греції, включаючи Україну і Білорусь⁴¹.

Термін Центрально-Східна Європа інституційно закріпився в назвах департаментів закордонних справ, міжнародних організацій, наукових установ, дослідницьких програм та університетських кафедр. У 1992 р. була створена Федерація інститутів Центрально-Східної Європи, яка почала здійснювати програму досліджень з історії цього регіону⁴².

У нових історичних умовах більшість науковців стала на позиції виокремлення регіону Центрально-Східної Європи. Компромісним став концепт «Центральна і Східна Європа»⁴³. У цей термін задалось розуміння того, що він не означає об'єднання Центральної та Східної Європи, а відмежовує східну частину Центральної Європи від Німеччини й Австрії. Акцент на слово Центральна ставився для того, щоб підкреслити зв'язок із західною цивілізацією, приналежність до її культури⁴⁴.

Терміни Східна Європа і Центральна Європа набули нового політичного змісту. Оскільки цей регіон не має природних геополітичних кордонів, це дало привід чеському геополітику О. Крейчи говорити переважно про ідею Центральної Європи⁴⁵. Близькою є позиція російського вченого О. Міллера, який зазначив, що «самостійного політичного суб'єкта під назвою Центральна Європа немає й не було. Але, очевидно, що Центральна Європа існує як ідеологічний феномен»⁴⁶. З цією думкою погоджується білоруський історик Я. Шимов, стверджуючи, що «Центральна Європа – це не географічна реальність, а історична, у певному розумінні історико-ідеологічна концепція»⁴⁷.

Новий етап історичного розвитку відкрив реальні перспективи вступу окремих країн Центральної та Східної Європи до Європейського Союзу. Це спричинило суперечки серед країн регіону про більшу/меншу «центральноєвропейськість» або «європейськість», а також намагання не згадувати про спільну регіональну належність, яка переставала бути актуальною. Країни Вишеградської четвірки* протиставлялися Сербії, Румунії, Болгарії та колишнім радянським республікам⁴⁸. Угорський історик Балаж Тренчені зауважив, що концепт Центральна Європа втратив свій мобілізуючий зміст⁴⁹. Український історик Ю. Каганов додає, що в цей період виявилася обмежена пізнавальна цінність понять «Східна Європа» та «Центральна Європа». Перше поняття асоціювалося з бідністю, відсталістю, друге – стало предметом суперечностей між кандидатами в об'єднану Європу. У дискусіях навколо концепту Центрально-Східна Європа зверталася особлива увага на проблеми подолання меншовартості, територіальних меж, перспектив розвитку тощо. Обґрунтовувалися права на вступ до ЄС, щоб отримати «європейські привілеї»⁵⁰.

Польська історіографія в концепції розвитку регіону значну роль відводить Україні, частково включаючи її до Центральної Європи. Польські історики зазначають, що належність теренів Правобережної України до Центральної Європи «історично обґрунтоване» і є, зокрема, «боротьбою за візію майбутнього, оперту на вибір традиції»⁵¹. Відомий польський історик Єжи Ключовський зробив спробу обґрунтувати історичну традицію приналежності України до Центрально-Східної Європи⁵². Таку позицію підтримують й інші польські дослідники⁵³.

Чехи, на відміну від поляків, не відчують себе частиною східного прикордоння, а ностальгують за колишнім спільним простором Австро-Угорщини. Тому чеські політичні мислителі та історики переважно дотримуються концепту Центральної Європи⁵⁴.

У непоодиноких випадках у сучасних російській, білоруській та українській історіографіях вживання концепту «Центрально-Східна Європа» вважається недоцільним. Ро-

* Вишеградська група (Вишеградська четвірка) – угруповання чотирьох центральноєвропейських країн: Польщі, Угорщини, Чехії і Словаччини, утворена в 1991 році.

сійський історик О. Міллер вважає концепт Центральна Європа ідеологічним інструментом для диференціації країн, які після розпаду Радянського Союзу змагалися за привілейовані стосунки із країнами Заходу. Історик критикує розуміння Центральної Європи як «межової Європи», за якою починається «варварство, що не піддається цивілізуванню». Вбачаючи «свідоме приховування польськості» нових концепцій, О. Міллер стверджує, що вона (польськість) «залишається досить невдалою маркою для продажу ідеологічних проєктів східним сусідам». Вчений пропонує аналізувати не поняття Центральна Європа, а тему Центральної Європи, що буде визначати не приналежність тієї чи іншої країни до регіону, а її місце в різних концепціях⁵⁵. Інший російський історик В. Носков розглядає концепт Центрально-Східної Європи як ідеологічну конструкцію, що залишилася в спадок сучасній історіографії від часів «холодної війни». Історик намагається довести штучність терміну Центрально-Східна Європа⁵⁶. На думку української дослідниці Є. Кіш, використання вченими категорії «Центрально-Східна Європа» було виправдано для позиціонування між Сходом і Заходом у період з 1945 до 1989 року. Після радикальних суспільно-політичних змін в Європі у 1989–1990 рр., як вважає автор, не варто використовувати цю радянську ідеологію⁵⁷.

В Угорщині концепт Центральної Європи користується значним престижем і спирається на довготривалу історичну традицію. Проте, як зауважив угорський історик Балаж Тренчені, застосування центральноєвропейської парадигми в угорській історіографії є доволі проблематичним. Спроби поширити символічну «парасольку» Центральної Європи на Румунію виявилось спірним для осмислення загального минулого угорців і румун. У той же час ніхто не ставив під сумнів центральноєвропейську основу словацької історичної традиції. Зрештою посилення на загальну спадщину Центральної Європи не завадило ескалації угорсько-словацьких конфліктів з приводу спірних територій⁵⁸.

Окремою проблемою дослідників Центрально-Східної Європи стала відсутність одностайності щодо визначення країн, які складають даний регіон. Частина з них окреслює регіон Центрально-Східної Європи Польщею, Угорщиною, Чехією і Словаччиною. У цьому плані необхідно відзначити дослідження Пьотра Вандича «Ціна свободи: Історія Центрально-Східної Європи від Середньовіччя до сьогодення», опубліковане 1992 р. Автор обмежує Центрально-Східну Європу лише трьома країнами – Польщею, Угорщиною і Чехословаччиною, але в розумінні та з урахуванням їх історичних кордонів. Погоджуючись з тим, що термін Центрально-Східна Європа стосується територій між Балтійським, Адріатичним, Егейським та Чорним морями, автор відзначив, що саме історичний простір трьох вищезазначених країн складає власне ядро цієї частини Європи, яке має величезне геополітичне значення не лише для континенту, а й для світового панування⁵⁹. Англійський учений Адріан Хюде Прайс вважає, що ці нові демократії формують особливу групу країн, яка обумовлюється унікальністю їх культури та історії, проведенням успішних економічних та політичних реформ, тісними відносинами із Заходом⁶⁰. Близькою є позиція британського дослідника Аттілі Ага⁶¹.

Подібний погляд обґрунтовується й українським дослідником І. Піляєвим. На його думку, регіон Центрально-Східної Європи становлять небалканські країни з переважно європейським населенням, які сьогодні об'єднані європейськими інституційними форматами. Цьому критерію відповідають країни Вишеградської групи та Словенія, а також країни, що тривалий час перебували в складі Російської імперії й СРСР (Естонія, Латвія, Литва, Білорусь, Російська Федерація, Україна, Молдова). Балканський регіон визначається як сфера багатівікового домінування Османської імперії та ісламської цивілізації⁶².

Група французьких та польських істориків, автори колективної монографії «Історія Центрально-Східної Європи» (Н. Алексон, Д. Бовуа, М.-Е. Дюкрю, Є. Ключовський, Г. Самсонович, П. Вандич) поширюють це поняття на регіон, який включає Польщу, Чехію, Україну, Угорщину, Болгарію, Білорусь, Сербію, Естонію, Словаччину, Литву, Латвію, Румунію, Словенію, Чорногорію і Хорватію⁶³.

Значна частина сучасних дослідників (Є. Сюч, М. Валенберг, О. Галецький, П. Магочі, Д. Ротшильд та ін.) до Центрально-Східної Європи відносить територію, що окреслюється річками Лабою й Одрою на заході, Дніпром і Доном на сході, Балтійським морем на півночі й Середземним на півдні. Це такі держави (перелік за географічним принципом): Росія (її європейська частина), Естонія, Латвія, Литва, Білорусь, Україна, Польща, Чехія,

Словаччина, Угорщина, Румунія, Молдова, Болгарія, Сербія, Чорногорія, Македонія, Боснія і Герцеговина, Хорватія, Словенія, Албанія, Греція⁶⁴. Таку позицію займає колектив авторів першого вітчизняного вузівського посібника «Історія Центрально-Східної Європи», виданому у Львівському національному університеті імені Івана Франка та інших видань львівських істориків⁶⁵.

На думку українських істориків, регіональний поділ Європи, як і виокремлення регіону Центрально-Східної Європи, є, передусім, інтелектуальною конструкцією, яка дає можливість пояснити історичні особливості, політичні події, ідеологічні концепції, що діяли в Європі, а також згрупувати й відрізнити одні країни від інших. Такий підхід у визначенні та окресленні простору Центрально-Східної Європи відповідає науковому напрямку, що сьогодні активно розвивається в західній науці, а саме, йдеться, головню, про застосування ментальних карт⁶⁶. За висновками німецького вченого Юргена Кокка, Центрально-Східна Європа – це особливо благодатне поле для дослідження ментальної картографії⁶⁷.

Важливим етапом в історії Центрально-Східної Європи став вступ держав цього регіону до ЄС та НАТО. У 2004 р. членами ЄС стали Польща, Чехія, Словаччина, Угорщина, Естонія, Латвія, Литва, у 2007 р. – Болгарія, Румунія, у 2013 р. – Хорватія⁶⁸. Членами НАТО є Польща, Угорщина, Чехія (1999 р.), Естонія, Литва, Латвія, Болгарія, Румунія, Словаччина, Словенія (2004 р.), Албанія, Хорватія (2009 р.)⁶⁹. Тож, нові геополітичні реалії поставили перед інтелектуальною елітою цих країн проблеми визначення та уточнення термінів, концептів, які б відповідали цим змінам.

Найголовнішою проблемою для вчених стало питання, пов'язане, передусім, зі зміною уявлень про територіальні межі Центральної та Східної Європи. Поширеним стало твердження про зміщення Східної Європи на Схід та включення до цього простору країн СНД*. Американські спеціалісти з питань Східної Європи виділяють особливу категорію «нова Східна Європа», до якої відносять Україну, Білорусь і Молдову⁷⁰. Деякі українські дослідники (Є. Кіш, М. Лендель) також стверджують, що в другій половині ХХ ст. фактично відбулося геополітичне розмежування цілісного регіону Центральної та Східної Європи та його розпад на окремі сегменти як у географічно-просторовому, так і економічному та політичному вимірах. На думку вчених, наслідком чіткої структуризації геополітичного простору Центральної та Східної Європи стало виокремлення двох регіонів. Перший – «нова Центральна Європа» (Польща, Чехія, Словаччина й Угорщина). В основі цього процесу, підкреслюють вчені, лежить зміна геополітичного статусу центральноєвропейського регіону, як складової ЄС і НАТО, внаслідок розширення інтеграційного простору. Другий – «нова Східна Європа», яка включає – Україну, Білорусь, Молдову, Російську Федерацію⁷¹.

Погоджуючись із концептом нової Східної Європи, автори розглядають його не як ідеологічну конструкцію (хоча і не виключають цього), а як реальність, що потребує реформування та розвитку. Цьому концепту відводиться роль інструмента приєднання до європейського цивілізаційного простору⁷².

Проте, серед науковців немає єдиної думки про те, які країни слід віднести до регіону нової Східної Європи. Редактори вроцлавського журналу «*Nowa Europa Wschodnia*» до цього регіону включають майже весь європейський простір на схід від Польщі. Творці меморандуму про Східне партнерство ЄС до складу нової Східної Європи відносять Україну, Білорусь, Молдову та три закавказькі країни: Грузію, Азербайджан та Вірменію⁷³. Професор історії Гарвардського університету, один із провідних спеціалістів з історії Східної Європи С. Плохій, проаналізувавши регіональні особливості ідентичності балтійських і закавказьких країн, прийшов до висновку, що Україна, Білорусь і Молдова – квінтесенція нової Східної Європи. Історик доводить, що нова Східна Європа є не тільки уявним геополітичним конструктом сучасності; вона позаяк має реальні географічні, культурні, етнічні й історичні чинники, що відмежовують її від сусідніх регіонів. Науковець вважає, що треба переосмислити старе поняття Східної Європи та застосувати нові підходи для обґрунтування простору, до якого належать ці країни. Він пропонує вважати ідею пограниччя або

* СНД – Співдружність Незалежних Держав, створена у 1991 р. колишніми республіками СРСР.

політичного й культурного кордону пріоритетною парадигмою, яка б могла поєднати країни нової Східної Європи і допомогти дослідникам цього регіону окреслити нові питання, а саме: особливості формування ідентичності, системи державного управління, політичної культури, культурних та релігійних процесів. Саме такий підхід, на думку С. Плохія, дозволить продуктивніше вивчати регіон нової Східної Європи як місце зустрічі різних держав, культур та народностей⁷⁴.

Ідея пограниччя знайшла підтримку та розвиток у середовищі українських, польських, білоруських, молдавських, литовських, угорських дослідників. Центр передових наукових досліджень і освіти (CASE) при Європейському гуманітарному університеті (Литва, Вільнюс) розробив довготривалий дослідницький проект вивчення соціальних трансформацій Східноєвропейського пограниччя, що включає Україну, Білорусь, Молдову⁷⁵.

У ньому пограниччя визначається як регіональне об'єднання країн, яким доводиться вирішувати загальні проблеми існування між двома полюсами⁷⁶. На думку вчених (Л. Титаренко, О. Бреський, О. Бреська), концепт пограниччя передбачає розгляд цих країн як особливого субцивілізаційного регіону, який має культурну специфіку й розвинуту локальну ідентичність. Отже, ці пограничні країни, маючи загальні історичні «шанси», шукають свій шлях майбутнього розвитку⁷⁷.

Українська дослідниця А. Донська вважає, що в другому десятилітті ХХІ ст. можна говорити про подальше зміщення регіону Центральної Європи на Схід: країнами регіону Центральної Європи поступово стають республіки колишньої Югославії (які ще не стали членами ЄС), Україна, Молдова, Грузія, Туреччина. У цих державах можна спостерігати соціально-політичну боротьбу між авторитарними тенденціями, так званим «східним» напрямом розвитку, і прагненням співпраці та інтеграції з ЄС. Аналізуючи Центральну Європу як концепт, наповнений різним змістом відповідно до певних культурних, соціальних та політичних реалій, А. Донська прийшла до висновку, що поняття Центральна Європа трансформується відповідно до політичної ситуації як в Європі, так і світі загалом. Відтак, на її думку, Центральна Європа – це умовний політично сформований концепт, який за певних умов може своїм змістом впливати на розвиток політичних процесів⁷⁸.

На думку І. Піляєва, концепція регіону Центрально-Східної Європи має базуватися на геостратегічному, геополітичному та цивілізаційно-культурному положенні України в Європі⁷⁹. Такої ж думки дотримується й український історик В. Маслійчук, який вважає необхідним сконструювати власний простір, поставивши саме українську територію в центр уваги⁸⁰. Терміни Центрально-Східна Європа і Центральна та Східна Європа І. Піляєв отожднює, але семантично розмежує. Учений, використовуючи ці терміни, доводить, що Центрально-Східна Європа – це не просто механічне поєднання Центру та Сходу Європи, а регіональний конструкт, який має географічну, історичну, етнокультурну, геостратегічну самотність та притаманні саме йому специфічні риси⁸¹.

Охарактеризувавши спільні для всього регіону Центрально-Східної Європи тенденції та проблеми, автор зазначає, що членство в Європейському Союзі не є гарантією подолання системної трансформаційної кризи. Для регіону важливими залишаються довготривалі міждержавні проекти, які свідчать про наявність спільних стратегічних інтересів у масштабах усього центрально-східноєвропейського простору. Науковець приходить до висновку, що ідея загальноєвропейської інтеграції, яка вже реалізується в інституційному форматі Ради Європи, буде й далі стимулювати ідентифікацію Центрально-Східної Європи, яка є ключовим регіоном у розбудові проекту Великої Європи⁸².

Аналізуючи сучасні реалії, пов'язані зі вступом країн Центральної Європи в європейські структури, білоруський історик Я. Шимов прийшов до висновку, що в «осяжному майбутньому Центральна Європа вписана в західний, євроатлантичний цивілізаційний проект, а її перспективи тісно пов'язані з майбутнім цього проекту. Проте остаточного «розщеплення» в ньому Центральної Європи заведуть чи відбудеться в найближчий час, оскільки цьому перешкоджають соціально-економічні, політичні, історичні та інші фактори»⁸³.

Подібну позицію займає чеський історик Ян Кржен. Він стверджує, що «... не дивлячись на всі свої відмінності, Центральна Європа у глибинах своєї історії і свого мислення є Європою, Європеїзм є істинним субстратом її історії, а її історія є інтегральною і невід'ємною частиною європейської історії»⁸⁴. Проте, зауважує дослідник, у сучасних

реаліях вибір для Центральної Європи залишається таким же, це вибір між роллю буфера або мосту між Заходом і Сходом.

Російські науковці, особливо євразійського напрямку, критично розглядають концепти Східна Європа й Центральна Європа. О. Бовдунов намагається довести, що сучасні східноєвропейські дискурси спрямовані на протиставлення східноєвропейських країн і Росії. Країни, які сьогодні утворюють нову Східну Європу (Україна, Білорусь, Молдова), на думку автора, мають стати буферною зоною між Росією та Європейським Союзом. Відтак, стверджує науковець, щодо Східної Європи Захід проводить неокolonіальну політику, намагаючись закріпити її відчуженість від Росії, і, таким чином, створити «санітарний кордон» навколо неї. Змістом нових термінів і концептів, як уважає О. Бовдунов, є намагання Заходу та США розширити зону Східної Європи за рахунок країн СНД, створити негативний образ цього регіону. Наслідком цього є установка на подолання «відсталих», «східних» рис ментальності. Це, в свою чергу, приводить до розуміння себе як форпосту християнського світу, західної цивілізації⁸⁵.

О. Бовдунов пропонує альтернативну геополітичну організацію регіону, змістом якої є відмова від сучасних східноєвропейських дискурсів та звернення до традиційних цінностей. Він вважає Захід джерелом проблем Росії і Східної Європи загалом. Ці негаразди, за його словами, можуть бути вирішені з допомогою «м'якої сили», заснованої на культурних перевагах, ідеях, цінностях; тобто необхідно сформувати в населення східноєвропейських країн уявлення про Росію як джерело духовності. Простір Центрально-Східної Європи О. Бовдунов пропонує перетворити на один з опорних пунктів багатополярного світу⁸⁶.

Інші представники російського євразійства – А. Коваленко, С. Бірюков – стверджують, що сучасна модель євроінтеграції переживає кризу і пропонують повернутися до концепції «великих просторів» у новому розумінні. Автори цієї концепції пропонують розглядати «великі простори» як добровільне й природне об'єднання народів і країн в єдині культурні, економічні і політичні співтовариства на основі існуючих багатовікових зв'язків. Саме такий «великий простір», на думку науковців, можуть спробувати створити країни Східної Європи на підставі принципів рівноправ'я суб'єктів і моделі «багаторівневої ідентичності». Це перетворить, за задумом євразійців, Центрально-Східну Європу у своєрідний «геополітичний міст», який пов'язує Схід і Захід, а, отже, регіон припинить позиціонувати себе як периферія Великої Європи⁸⁷.

Євразійські проекти не містять нових ідей, а, здебільшого, є прихованим модернізованим варіантом російського імперіалізму та відтворюють ідеологію російського панславізму XIX ст. Вони ґрунтуються на несприйнятті європейських впливів, намаганні посилити російський вплив у країнах колишнього «соціалістичного табору» та СНД⁸⁸.

Існує також думка, що проблема Центральної Європи перестає бути актуальною. Так, російський історик О. Міллер заявляє, що «золоте століття» концепції Центральної Європи та активна фаза її використання вже в минулому⁸⁹. Польські дослідники М. Буховські та І. Колбон зробили висновок, що входження в ЄС країн Центральної Європи приведе до зникнення цього регіону, розщеплення його в Європі. Тим самим вони підтверджують виворожені, зроблений болгарською дослідницею М. Тодоровою про те, що «Центральна Європа померла»⁹⁰.

Отже, концепт Центрально-Східна Європа пройшов тривалий період формування та еволюції. З моменту визначення регіону, в залежності від тих чи інших політичних обставин, співіснували різні терміни: Центральна Європа, Східна Європа, Центрально-Східна Європа. Концепт трактувався по-різному: як міф, як політичний проект або ж географічна реальність, ідеологічна конструкція чи ментальна карта тощо.

Геополітичні зміни, пов'язані із розширенням ЄС і НАТО на Схід Європи активізували дослідження змісту та перспектив цього процесу. Були запропоновані різні варіанти підходів до визначення регіону. В результаті наукових пошуків у сучасній історіографії з'явилися нові терміни – «нова Центральна Європа», «нова Східна Європа», «нове Східноєвропейське пограниччя». Проте, ці дискурси не привели до відмови від концепту Центрально-Східна Європа, навпаки, стимулювали його подальше використання як наукової дефініції. Оскільки Центрально-Східна Європа є, передусім, географічний регіон, який ніколи не представляв собою політичного цілого, то політична карта цього регіону буде змінюватися й надалі відповідно до суспільно-політичних обставин.

- ¹ Вандич П. Ціна свободи: Історія Центрально-Східної Європи від Середньовіччя до сьогодення. – К.: Критика, 2004. – С. 15.
- ² Там само. – С. 16.
- ³ Вульф Л. Винайдення Східної Європи Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва. – К.: Часопис «Критика», 2009. – С. 20, 561.
- ⁴ Вандич П. Ціна свободи... – С. 16.
- ⁵ Вульф Л. Винайдення Східної Європи... – С. 27–28.
- ⁶ Грицак Я. Післямова // Вульф Л. Винайдення Східної Європи... – С. 563.
- ⁷ Баранов Н. Н. Середина Європа Фридриха Наумана: становлення концепції. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18504/1/iurg-2009-65-18.pdf> (дата звернення 20.01.2015).
- ⁸ Там само.
- ⁹ Портнов А. «Ціна свободи» і Центральна Європа десять років потому // Вандич П. Ціна свободи... – С. 357.
- ¹⁰ Бакула Б. Нова Європа і слов'янство у баченні Томаша Масарика // Проблеми слов'янознавства. – Львів, 2004. – Вип. 54. – С. 17.
- ¹¹ Драгоманов М. Нації Східної Європи та інтернаціональний соціалізм // З починів українського соціалістичного руху. Михайло Драгоманов й Женевський соціалістичний гурток / Зладив М. Грушевський. – Відень, 1922. – С. 173.
- ¹² Там само. – С. 169.
- ¹³ Корольов Г. Східна Європа в уявленнях Михайла Драгоманова // Український історичний збірник. – К.: Інститут історії України. – 2012. – Вип. 15. – С. 277–279.
- ¹⁴ Там само. – С. 279.
- ¹⁵ Корольов Г. Ідея Чорноморської федерації у поглядах Михайла Грушевського // Український історичний журнал. – 2011. – № 6. – С. 68, 79.
- ¹⁶ Там само. – С. 70, 78.
- ¹⁷ Рудницький С. Чому ми хочемо самостійної України. – Львів: Світ, 1994. – С. 145; Luna Ю. Призначення України. – Львів: Просвіта, 1992. – С. 235.
- ¹⁸ Виконавчу комісію «Федерації» очолив ректор Празького університету, професор Я. Новак, а її членами стали: відомий український історик М. Кордуба зі Львова, угорський вчений з Будапешта Я. Мелік, хорватський історик Ф. Шишиц, польський історик зі Львова С. Закревський та ін. (*Kloczowski J.* Europa Środkowowschodnia w historiografii krajów regionu. – URL: http://www.mldszaeuropa.eu/uploads/publikacje/Kloczowski_Ksiazka.pdf (дата звернення 22.01.2015).
- ¹⁹ *Kloczowski J.* East Central Europe in the Historiography of the Countries of the Region. – Lublin: Institute of East Central Europe, 1995. – S. 9.
- ²⁰ До складу комісії (редколегії) «Бюлетеня» увійшли: угорський науковець І. Лукініч (голова), польський історик М. Гендельсман, чеський Я. Бідло, фінський – Мансікка, турецький – Маузаффербей та ін. (*Kloczowski J.* Europa Środkowowschodnia w historiografii krajów regionu. – URL: http://www.mldszaeuropa.eu/uploads/publikacje/Kloczowski_Ksiazka.pdf (дата звернення 10.03.2015).
- ²¹ Там само.
- ²² Потульницький В. Проблема спільного минулого слов'янських народів у контексті дискусій між провідними європейськими вченими в першій половині 1930-х років // Славистична збірка. – Київ, 2015. – Вип. 1: збірка статей за матеріалами Перших Міжнародних наукових Соханівських читань (м. Київ, 18 листопада 2014 р.). – С. 161–162.
- ²³ Там само. – С. 162.
- ²⁴ Там само. – С. 163.
- ²⁵ Федорів І. Концепція етногенезу східнослов'янських націй у науковій спадщині Мирона Кордуби в контексті історіографічного дискурсу українських й зарубіжних учених першої половини ХХ ст. // Україна–Європа–Світ: історико-політичні та гуманітарні аспекти розвитку: Міжнар. зб. наук. праць на пошану проф. М. Алексієвця. – Тернопіль, 2010. – Вип. 5. – Ч. 1. – С. 267–270.
- ²⁶ История Центрально-Восточной Европы / Н. Алексюн, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкре и др.; под ред. А. Ю. Карачинского, В. В. Носкова. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 10.
- ²⁷ І. Лукініч – відома постать в тогочасних історичних наукових колах, директор Угорського національного архіву, директор Національної бібліотеки, професор історії Східної Європи в Будапештському університеті, віце-президент Угорського історичного товариства, член Угорської АН, член-кореспондент Польської АН, мав почесні нагороди. Наукові інтереси охоплювали проблеми історії Трансильванії, польсько-угорські відносини. Див.: *Tokaji N.-E.* Lukinich Imre. – URL: <http://fortnet.oszk.hu/html/magyar/05foigazgatok/lukinich.htm> (дата звернення 12.03.2015).
- ²⁸ История Центрально-Восточной Европы... – С. 10.
- ²⁹ Archivum Europae Centro-Orientalis. – 1935. – Т. 1; 1936. – Т. 2. – Fasc. 1–2, 3–4; 1937. – Т. 3. – Fasc. 1–3, 4; 1938. – Т. 4. – Fasc. 1–3, 4; 1939. – Т. 5. – Fasc. 1–4; 1940. – Т. 6. – Fasc. 1–4; 1941. – Т. 7. – Fasc. 1–3, 4; 1942. – Т. 8. – Fasc. 1–2; 1943–1944. – Т. 9. – Fasc. 9–10. – URL: [Elektronikus periodika http://epa.oszk.hu/](http://epa.oszk.hu/) (дата звернення 10.03.2015).
- ³⁰ История Центрально-Восточной Европы... – С. 12.

- ³¹ Там само. – С. 13.
- ³² *Вандич П.* Ціна свободи... – С. 17.
- ³³ *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них Россия. – URL: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html> (дата звернення 3.02.2015).
- ³⁴ Там само.
- ³⁵ *Сюч Е.* Три исторические регионы Европы // Центральная Европа как исторический регион. – М., 1996. – С. 155.
- ³⁶ *Буховски М.* От Mitteleuropa до Центральной Европы: очерк развития идеи / М. Буховски, Изд. Колбон // Перекрестки. – 2006. – № 3–4. – С. 123.
- ³⁷ *Кундера М.* Трагедия Центральной Европы. – URL: <http://www.ji.lviv.ua/n6texts/Kundera.htm> (дата звернення 5.02.2015).
- ³⁸ Там само.
- ³⁹ *Буховски М.* От Mitteleuropa до Центральной Европы... – С. 126.
- ⁴⁰ *Донська А. Г.* Політична обумовленість концепту Центральної Європи // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. – Серія: Філософія, Політологія. – 2014. – Вип. 1 (115). – С. 57–61.
- ⁴¹ История Центрально-Восточной Европы... – С. 16.
- ⁴² Там само. – С. 15.
- ⁴³ *Бовдунов А.* Современная Восточная Европа: границы понятия и геополитическая организация (социокультурный аспект) // Вестник Московского университета. – Сер. 18: Социология и политология. – 2013. – № 1. – С. 211.
- ⁴⁴ История Центрально-Восточной Европы... – С. 18.
- ⁴⁵ *Krejčí O.* Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava. – Prague, 2005. – P. 65.
- ⁴⁶ *Миллер А.* Тема Центральной Европы... – URL: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html> (дата звернення 5.02.2015).
- ⁴⁷ *Шимов Я.* Центральная Европа: небольшие народы в поисках «большой родины» // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 6 (56). – URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_56/1918-jaroslav-shimov-centralnaja-evropa.html (дата звернення 6.02.2015).
- ⁴⁸ *Буховски М.* От Mitteleuropa до Центральной Европы... – С. 129–131.
- ⁴⁹ *Тренчени Б.* К востоку от рая. Дебаты о Центральной Европе в современной Венгрии. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/tr8.html> (дата звернення 15.02.2015).
- ⁵⁰ *Каганов Ю.* Центрально-Східна Європа як історичний регіон: зміст та еволюція концепції. – URL: http://istznu.org/dc/file.php?host_id=1&path=/page/issues/19/19/kaganov.pdf (дата звернення 25.01.2015).
- ⁵¹ *Камінський А. С.* Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. – К.: Наш час, 2011. – С.27.
- ⁵² *Kloczowski J.* Ukraina a Europa Środkowo-Wschodnia // Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze. – 1994. – Т. 2. – S. 15–20.
- ⁵³ *Bański J.* Polska i Europa Środkowo-Wschodnia w koncepcjach podziału Europy // Problematyka geopolityczna ziem Polskich / Pod red. Piotra Eberhardta. – Warszawa: PAN IG i PZ. – 2008. – S. 131.
- ⁵⁴ *Піляєв І. С.* Концепція регіону Центрально-Східної Європи: Актуальний погляд. – URL: <http://journals.iir.kiev.ua/index.php/apmv/article/viewFile/2015/1778> (дата звернення 25.01.2015).
- ⁵⁵ *Миллер А.* Тема Центральной Европы... – URL: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html> (дата звернення 15.02.2015).
- ⁵⁶ *Носков В. В.* Изобретая Центрально-Восточную Европу (к выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы») // Диалог со временем. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/12/15/1251395537/17.pdf> (дата звернення 30.01.2015).
- ⁵⁷ *Кіш С.* Центральна Європа: теоретико-методологічні засади концепту // Науковий вісник Ужгородського університету. – Серія: «Історія». – 2012. – Вип. 28. – С. 192–193.
- ⁵⁸ *Тренчени Б.* К востоку от рая. Дебаты о Центральной Европе в современной Венгрии. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/tr8.html> (дата звернення 1.02.2015).
- ⁵⁹ *Вандич П.* Ціна свободи... – С. 16.
- ⁶⁰ *В'юницька О. І.* Аналіз концептуально-теоретичних підходів до визначення поняття Центрально-Східна Європа // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Зб. наук. праць. – К.: Київський національний університет імені Тараса Шевченка. Інститут міжнародних відносин. – Вип. 33. – Ч. 1. – 2002. – С. 21.
- ⁶¹ *Agh A.* Emerging Democratic in East Central Europe and the Balkans. – Cheltenham, 1998. – P. 23.
- ⁶² *Піляєв І. С.* Концепція регіону Центрально-Східної Європи: Актуальний погляд. – URL: <http://journals.iir.kiev.ua/index.php/apmv/article/viewFile/2015/1778> (дата звернення 2.02.2015).
- ⁶³ История Центрально-Восточной Европы... – С. 5–8.

- ⁶⁴ *Каганов Ю.* Центрально-Східна Європа як історичний регіон: зміст та еволюція концепції. – URL: http://istznu.org/dc/file.php?host_id=1&path=/page/issues/19/19/kaganov.pdf (дата звернення 20.12.2014).
- ⁶⁵ Історія Центрально-Східної Європи / Під ред. Л. Зашкільняка. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2001. – С. 4, 7.
- ⁶⁶ Див. *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. – 11/2001. – № 6 (52). – С. 42–61.
- ⁶⁷ *Шанишева Л. Н.* Немецкие историки о концепции Центральной Европы // Политическая наука. – 2001. – № 4. – С. 159.
- ⁶⁸ Європейський Союз // Вікіпедія. – URL: [https://uk.wikipedia.org/wiki/Європейський Союз](https://uk.wikipedia.org/wiki/Європейський_Союз) (дата звернення 10.03.2015).
- ⁶⁹ НАТО // Вікіпедія. – URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/НАТО> (дата звернення 10.03.2015).
- ⁷⁰ *Бовдунов А.* Современная Восточная Европа... – С. 213.
- ⁷¹ *Киш С.* Концептуальні засади центральноєвропейськості: пошуки в собі і назовні. – URL: <http://www.uzhnu.edu.ua/uk/infocentre/get/2776> (дата звернення 17.02.2015).
- ⁷² *Лендвел М.* Чи є майбутнє у Центральної Європи та центральноєвропейських студій? – URL: <http://www.uzhnu.edu.ua/uk/infocentre/get/2776> (дата звернення 17.02.2015).
- ⁷³ *Плохий С.* «Нова Східна Європа»: Геополітична примха чи історіографічна знахідка? – URL: <http://www.historians.in.ua> (дата звернення 20.02.2015).
- ⁷⁴ Там само.
- ⁷⁵ Международная научно-исследовательская конференция «Исследуя Пограничье (2003–2013)». – URL: <http://www.case-border.com/2014/01/20032013.html> (дата звернення 28.02.2015).
- ⁷⁶ *Титаренко Л. Г.* Теории пограничья // Журнал социологии и социальной антропологии. – 04/2013. – Т. 16. – № 2. – С. 29–38.
- ⁷⁷ Там само. – С. 42, 46.
- ⁷⁸ *Донська А.* Політична обумовленість концепту Центрально Європа... – С. 57–61.
- ⁷⁹ *Піляєв І.* Концепція регіону Центрально-Східної Європи... – URL: <http://journals.iir.kiev.ua/index.php/apmv/article/viewFile/2015/1778> (дата звернення 26.02.2015).
- ⁸⁰ *Маслійчук В.* Концепція «Східно-Центральної Європи» Вернера Конце в контексті «європеїзації» сучасної історичної науки // Історія та історіографія в Європі. – Зб. наук. праць. – Київ, 2003. – Вип. 1–2. – С. 214.
- ⁸¹ *Піляєв І.* Концепція регіону Центрально-Східної Європи... – URL: <http://journals.iir.kiev.ua/index.php/apmv/article/viewFile/2015/1778> (дата звернення 26.02.2015).
- ⁸² Там само.
- ⁸³ *Шимов Я.* Центральная Европа: небольшие народы в поисках «большой родины» // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 6 (56). – URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_56/1918-jaroslav-shimov-centralnaja-evropa.html (дата звернення 29.02.2015).
- ⁸⁴ *Кржжен Я.* Центральная Европа: какой она видится из Чехии. – URL: <http://www.binetti.ru/content/338> (дата звернення 29.01.2015).
- ⁸⁵ *Бовдунов А.* Современная Восточная Европа... – С. 218–219.
- ⁸⁶ Там само. – С. 220.
- ⁸⁷ *Коваленко А.* Центральная и Восточная Европа: проблема выбора / А. Коваленко, С. Бирюков. – URL: <http://www.geopolitica.ru/article/centralnaya-i-vostochnaya-evropa-problema-vyбора> (дата звернення 7.03.2015).
- ⁸⁸ *Портнов А.* Нова Східна Європа як «близкая заграница» Росії? – URL: <http://www.krytyka.com/ua/articles/nova-skhidna-evropa-yak-blyzkaaya-zahranytza-rosiyi> (дата звернення 6.03.2015).
- ⁸⁹ *Миллер А.* Понятие Центральной Европы. – URL: <http://www.postnauka.ru/video/20880> (дата звернення 8.02.2015).
- ⁹⁰ *Буховски М.* От Mitteleuropa до Центральной Европы... – С. 131–132.

ВКЛАД ПОЛЯКОВ В ЕВРОПЕЙСКИЕ И ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

М. Машкевич

Машкевич М. Внесок поляків до європейських та євроатлантичних інтеграційних проєктів. Стаття присвячена важливому виміру дискусії, яка точиться навколо питання європейської ідентичності та ролі інтеграційних проєктів у сучасному світі. Проєкт Європейського Союзу, як здається, переживає нині серйозну кризу, котра особливо виразно усвідомлюється в тих країнах, що наразі лише прагнуть стати членами цієї міжнародної організації. Інтеграційний процес не є новим явищем і, поза сумнівами, вимагає постановки сміливих питань. В цій ситуації для того, аби здійснити глибшу рефлексію, варто сягнути до корінь інтеграції. Автор пропонує українському та болгарському читачеві подивитися на це питання з польської перспективи. Він концентрує увагу на двох важливих мислителях і політиках Польщі та аналізує їх внесок до політичної думки сучасної Європи. Один з них – Оскар Галецький – був істориком і викладачем. Другий – Юзеф Ретінгер – політиком, діючим дипломатом та ініціатором багатьох цікавих політичних проєктів. Галецький залишив чимало праць, які популяризують центральноєвропейську перспективу в рамках світової історіографії. Зі свого боку, Ретінгер запропонував низку ідей, які втілювали у життя отці-засновники Європейського Союзу. Не варто забувати також про те, що саме Ретінгер стояв біля витоків Ради Європи, а згодом брав активну участь у створенні неформальної Більдерберзької групи, “чорна легенда” про яку породила цілу низку нових міфів. Внесок двох вищезгаданих поляків у європейські інтеграційні та євроатлантичні процеси є досить слабо знаним і недооціненим. Запропонований текст дозволяє заглибитися в цю проблематику.

Ключові слова: ідентичність, політична думка, Центральна Європа, Європейський Союз, інтеграція, Оскар Галецький, Юзеф Ретінгер, Рада Європи, Більдерберзька група.

Машкевич М. Вклад поляков в европейские и евроатлантические интеграционные проекты. Статья посвящена важному измерению дискуссии вокруг вопроса о европейской идентичности и роли интеграционных проектов в современном мире. Проект Европейского Союза, как представляется, переживает нынче серьезный кризис, который особенно выразительно осознается в тех странах, что сейчас лишь стремятся стать членами этой международной организации. Интеграционный процесс не является новым явлением и, вне всяких сомнений, требует постановки смелых вопросов. В этой ситуации для того, чтобы осуществить более глубокую рефлексию, следует вернуться к корням интеграции. Автор предлагает украинскому и болгарскому читателю посмотреть на этот вопрос с польской перспективы. Он концентрирует внимание на двух важных мыслителях и политиках Польши и анализирует их вклад в политическую мысль современной Европы. Один из них – Оскар Халецкий – был историком и преподавателем. Другой – Юзеф Ретингер – политиком, действующим дипломатом, инициатором многих интересных политических проектов. Халецкий оставил немало трудов, популяризирующих центральноевропейскую перспективу в рамках мировой историографии. Со своей стороны, Ретингер предложил ряд идей, которые воплотили в жизнь отцы-основатели Европейского Союза. Не стоит забывать также и то, что именно Ретингер стоял у истоков Совета Европы, а потом принимал активное участие в создании неформальной Бидельбергской группы, «черная легенда» о которой породила множество новых мифов. Вклад двух вышеупомянутых поляков в европейские и евроатлантические интеграционные процессы является недостаточно известным и недооцененным. Предложенный текст позволяет углубиться в эту проблематику.

Ключевые слова: идентичность, политическая мысль, Центральная Европа, Европейский Союз, интеграция, Оскар Халецкий, Юзеф Ретингер, Совет Европы, Бидельбергская группа.

Maszkiewicz M. Polish contribution to the European and Euro-atlantic integration projects. This article is dedicated to an important area of discussion about European identity and the importance of integration projects for the present. The project of the European Union seems to be in a serious crisis, visible particularly hard from the perspective of the countries that aspire to be members of this organization. Integration project is not new and certainly requires bringing important questions. In such a situation, a good way to deeper reflection is delving into the roots of integration. The author of this paper proposes the Ukrainian reader to take a look of the Polish perspective. He describes two important thinker and Polish politicians and their contribution to political thought of modern Europe. One of them, Oskar Halecki was a historian, a university teacher, the second Joseph Retinger - a politician, a practicing diplomat and initiator

of many interesting political projects in post-war Europe. We owe Halecki many works popularizing over the World historiographical perspective of Central European. Retinger we owe a number of ideas implemented by the founding fathers of the European Union. It's significant the fact that Retinger worked on the creation of the Council of Europe and then joined actively in the creation of an informal group of Bilderberg, that overgrown by black legend and number of myths. Contribution to European integration processes, represented by both Poles, is not exactly known and appreciated. Presented text brings this issue.

Keywords: identity, political thought, Central Europe, European Union, integration, Oskar Halecki, Joseph Retinger, the Council of Europe, the Bilderberg Group.

Введение

В 2016 году Европа оказалась в сложной ситуации – как идейной, так и политической. В момент падения СССР и окончания «холодной войны» казалось, что призыв великого поляка папы Иоанна Павла II о необходимости создания политических проектов, позволяющих Европе дышать «двумя легкими», станет для центральной и восточной части континента политической программой на многие десятки, а может и сотни лет, и будет мотивом, скрепляющим проект европейской интеграции. Но большой политический и экономический проект, которым является Европейский Союз, в течение последних 25 лет подтвердил, что ничто не дается раз и навсегда. В наших польских мечтах о сильной и безопасной Европе стали появляться многочисленные сомнения, подчас сомнение в самом смысле подобных проектов. Закрытые или едва приоткрытые для Украины или Грузии двери в Европейский Союз укрепляют в Польше ощущение, что есть необходимость задать самим себе многие вопросы, – хотя бы о смысле солидарности и о ценности мира, который выработали поколения поляков в трудные времена коммунизма и последние четверть века.

Чтобы на них ответить необходимо обратиться к прошлому, к глубоким интеллектуальным пластам польской политической мысли. Вынуждают нас к этому растущий скептицизм в отношении проекта интеграции в той форме, которую сейчас представляет собой ЕС, воля британского народа покинуть рамки этой организации (BREXIT), финансовые кризисы (Греция) и растущая угроза терроризма (Франция, Бельгия, Германия), растущая критика брюссельского централизма, и, наконец, агрессивные действия России и слабнущая позиция США в Европе.

Польская мысль в области европейской интеграции заслуживает в этом контексте особого внимания. Если обратиться ко многим публикациям первой половины XX века из источников польской политической эмиграции в Париже, Лондоне или Нью-Йорке, если присмотреться к текстам и книгам многих выдающихся польских мыслителей, можно найти целый ряд вдохновляющих высказываний. Это важные тексты авторов и редакторов парижской «Культуры», польских деятелей оппозиции 1970–1980-х годов, интеллектуалов – историков, писателей, философов. Вспомним хотя бы «Политические трудности центральноевропейской федерации» Адольфа Бохеньского или «В Берлине об объединенной Европе» Юзефа Чарского, «Польская федеральная программа» Ровмулда Пилсудского и многие другие¹. Польский нобелевский лауреат, писатель и поэт Чеслав Милош в книге «Семейная Европа» дал литературную зарисовку образа мечты об общем, хорошо управляемом и справедливом континенте. Подобных размышлений в польских интеллектуальных работах значительно больше. В данный момент я хотел бы сосредоточиться на приближении к украинскому читателю двух менее известных фигур: Оскара Халецкого и Юзефа Ретингера.

Оскар Халецкий и его вклад в построение объединенной Европы

Оскар Халецкий (1891–1973) был одним из наиболее выдающихся польских историков, но степень его влияния до сих пор мало известна на родине. Живя с начала Второй мировой войны за пределами Польши (в основном в США), он оставался для официальной историографии запретной фигурой. После 1991 года его работы и политическая мысль дождались более широкой презентации в нашей стране. Представляется, что влияние Оскара Халецкого на формирование концепции объединенной Европы было огромным, поскольку его работы, особенно публиковавшиеся на английском, французском или немецком языках, после 1945 года были чуть ли не наиболее цитируемыми из числа всех работ

польских историков. Речь идет, прежде всего, о таких книгах как: «*Les nations martyres: Pologne*» (Paris: Éditions Albin Michel 1939); «*East Central Europe in postwar organization*» (Philadelphia, 1943).; «*Histoire de Pologne*» (New York 1945); «*The Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*» (New York, 1952), а также «*Imperialism in Slavic and East European History*» (London - New York 1952).

В этом месте я хотел бы сосредоточиться на еще одной книге Халецкого, изданной в Лондоне и Нью-Йорке в 1950 г.². Эта книга внимательно читалась и анализировалась отцами-основателями Европейских Сообществ. Польское издание появилось в переводе профессора Ежи Клочовского только в 1994 году. «История Европы – ее границы и разделения» – это небольшая работа, должным образом упорядочивающая знания о европейском «лимесе», цивилизационных и политических границах, формировавшихся в течение веков и унаследованных нами от своих предков с известным существенным клеймом, нарушающим естественный порядок. Для Халецкого Европа без Востока – континент ущербный. Поэтому интеллектуальное усилие выдающегося польского/мирового историка сосредотачивается на том, чтобы объяснить западноевропейским и американским читателям основные понятия, связанные с «лимесом».

Для Халецкого Европа является не только континентом, местом на карте, но также ориентиром в истории мира и цивилизации. Автор принимает три основных точки отсчета для анализа понятия Европа. Первая связана с хронологическими границами. Начало Европы – это мир греческой и римской культуры – исток европейской цивилизации с ее политическим и философским наследием:

«Греко-римская цивилизация уцелела в европейской цивилизации и так же может пережить следующую эпоху, если только, несмотря на отчетливо изменяющиеся географические границы и организационные формы, сохранится – или даже будет обогащено и умножено – духовное наследие прошлого»³.

Своеобразным концом европейской эпохи в перспективе мира, который многим обязан Европе в процессе выстраивания своей идентичности и самобытности, являются две мировые войны, ставшие следствием гордыни и отхода от главной ценностной основы, то есть христианской культуры. Шансом на спасение европейского сообщества является – согласно Халецкому – восстановление системы ценностей, восстановление системы солидарности и свободы, в известной степени возвращение к истокам, хотя на этот раз – на евроатлантической оси (Западная Европа и Соединенные Штаты).

Второй точкой отсчета в дискурсе о границах Европы является география. В отличие от творцов геополитики, Халецкий ставит вопросы о том, где пролегают разделения и границы европейского континента, основываясь на анализе расположения субрегионов. Он не говорит, однако, о простой схеме, в которой, с одной стороны, есть Западная Европа, а с другой, – Восточная. Он доказывает, что с географической и исторической точек зрения существует доминанта Центральной Европы, включающая две основные части. Центрально-Западная Европа – это, в сущности, Германия, замечает Халецкий. Культура и наследие германского пространства содействовало значительной дифференциации на стыке между Германией и русской Евразией. После Первой мировой войны естественным образом сложилось политическо-культурное пространство, определяемое как Центрально-Восточная Европа. Здесь наибольшее значение имеет Польша, сочетающая в своих исторических проявлениях интересы нескольких народов, – Литвы, Украины и Беларуси (Русь), Латвии, Эстонии, а также в большой степени – Чехии, Венгрии и Румынии. То есть ягеллонское наследие, которое в течение многих веков формировало культурный код народов в этой части Европы. Центральная позиция Польши была, согласно Халецкому, не следствием некоей имперской политики, но результатом сосуществования западного христианства с восточным, что должно было на какое-то время обеспечивать народам Востока защиту от агрессивных завоеваний турок и азиатских народов. В 1815 году Венский конгресс санкционировал раздел этой части Центральной Европы между двумя наибольшими игроками – Россией и Пруссией. Покоренные народы смогли напомнить о возврате своих прав только после 1918 года.

Халецкий вводит в рассуждение о границах и разделах в Европе понятия, касающиеся истории континента, расставляя акценты на основных эпохах как поворотных моментах в

построении европейского единства. Хронология заставляет автора анализировать влияние на этот процесс Средневековья, Ренессанса, а также новой и новейшей истории. Халецкий пишет следующее:

«Одно из наиболее всесторонних представлений европейской истории, от Ренессанса до переходного периода XIX века, вместе с ее последствиями за пределами Европы, – знаменитая «The Cambridge Modern History», была задумана в конце упомянутого периода великим английским историком лордом Актоном. О глубокой проницательности этого ума в еще большей мере свидетельствует другая работа Актона, которую он предпринял уже самостоятельно, а именно «История свободы»⁴. Проблема свободы касается всего человечества, не исключая даже те примитивные общества, у которых не было своей истории в традиционном понимании этого слова. На закате своей жизни, посвященной исследованию культурной антропологии подобных обществ, известный польский ученый Бронислав Малиновский написал книгу, изданную уже после его смерти и озаглавленную со значением – «Свобода и цивилизация»⁵. В ней он приходит к выводу, что свобода и цивилизация неразрывно связаны друг с другом, причем независимо от типа и уровня человеческой культуры, независимо от континента, на котором такая культура могла развиваться. В европейской истории свобода – в ее разнообразных аспектах – является той проблемой, которая является ключом ко всем другим вопросам и условием их надлежащего понимания. Поэтому марксизм, который наряду с другими великими идеями, подчиняет свободу материалистической экономической обусловленности, ведет к ошибочной интерпретации истории человечества вообще и истории Европы в частности. Эта доктрина могла появиться только в момент наибольшего в Европейской Эпохе кризиса»⁶.

Единство европейского континента, таким образом, основано на свободе, понимаемой как неотъемлемый элемент христианской культуры. Источник так понимаемой свободы, полагает Халецкий, коренится в средиземноморской культуре, с которой христианская Европа неразрывно связана. Поэтому интеграция континента невозможна, когда она основана на имперских и силовых решениях, когда интересы одних доминируют над правами других. Интеграция Европы без свободы и без христианства является напрасным и безнадёжным усилием. И завершает Халецкий свои рассуждения следующей фразой:

«... такое сообщество не удастся построить путем тоталитарного, империалистического подчинения, но только через пропаганду во всем мире старой европейской идеи свободы и умиротворяющего влияния христианских принципов, введенных в политику. Христианская философия истории, вытесняя так много ошибочных интерпретаций судьбы человека, могла бы помочь нам в достижении этой далекой, но такой вдохновляющей цели»⁷.

Халецкий был ученым, профессором, университетским преподавателем, временами – со страстью и темпераментом – публицистом и общественным деятелем, членом польских эмигрантских организаций. Его вклад в построение европейской интеграции имел, очевидно, опосредованный и интеллектуальный характер. Иную роль сыграл другой поляк – Юзеф Ретингер.

Юзеф Ретингер – закулисный режиссер европейской интеграции

Юзеф Ретингер (1888–1962) является несколько иной фигурой – закулисный деятель и кабинетный политик, дипломат, инициатор многих европейских проектов, о чем широкая публика в Польше узнала только недавно. Можно подозревать, что в Украине немногие знают одного из основателей Европейского экономического сообщества, а также предтечу учреждения Совета Европы.

Лишь недавно мы в Польше получили доступ к исходным материалам, а также к литературе по данному предмету, к книгам авторства самого Ретингера «Бильдербергская группа»⁸ и «Европейский континент»⁹. Среди изданных в Польше в последние годы монографий особого внимания заслуживают работы Яна Помяна «Юзеф Ретингер. Жизнь и дневники пионера европейского единства»¹⁰, а также «Юзеф Ретингер. Жизнь и дневни-

ки серого кардинала»¹¹; монографии Орленда Терлецкого «Кузен дьявола»¹² и «Красочная жизнь серого кардинала»¹³. Заслуживает внимания и исследование Богдана Подгурского «Юзеф Ретингер. Частный политик»¹⁴.

Юзеф Ретингер был одним из наиболее влиятельных поляков, непосредственно принимавших участие в процессах европейской интеграции. Его многочисленные личные связи с европейскими политиками и мыслителями сделали его одной из наиболее таинственных фигур того периода. Он учился в городе своего рождения, Кракове, а также за рубежом – во Франции, Германии, Великобритании и Италии. Именно в Англии, ища интеллектуалов, готовых поддержать его деятельность, он познакомился с Джозефом Конрадом (Юзеф Конрад Коженёвский родился недалеко от Бердичева). Вследствие общего жизненного опыта (они окончили одну и ту же гимназию, оба проживали в Кракове на улице Вишьной) между ними зародились узы симпатии, которая переросла в многолетнюю дружбу. Именно в этот период Ретингер завязал много ценных знакомств. Между прочими – с Уинстоном Черчиллем и Стаффордом Криппсом, позднее послом Великобритании в Москве. В 1916 году Ретингер получил дипломатическое задание – принять участие в мирных переговорах с Россией. О проекте он узнал от старого знакомого Бони де Кастелляна. Во время переговоров он обратился за помощью к лорду Нортклиффу, медийному магнату и владельцу «TheTimes», который обеспечил ему поддержку своих корреспондентов.

Годом позже Юзеф Ретингер оказался в Мексике. Во время путешествия он встретил Луиса Наполеона Моронеса, профсоюзного лидера, который при смене власти был назначен министром промышленности и торговли. Ретингер консультировал нового президента Кальеса по вопросам образования, транспорта, земледелия, национализации промышленности и торговли. В 1934 году, после изгнания Кальеса и Моронеса из Мексики, Ретингер возвращается в Европу. Однако это был период его незначительной политической активности. В то время он направил все силы на восстановление своей позиции в Европе после семилетнего отсутствия на континенте. Он много публиковался, работал как корреспондент еженедельника «*Wiadomości Literackie*» («Литературный вестник»). В этот период он пишет две книги – «*Conrad and his contemporaries*» («Конрад и его современники»), а также «*Polacy w cywilizacjach świata*» («Поляки в цивилизациях мира»). Первая, по сути, была описанием творчества многолетнего друга и соотечественника Джозефа Конрада. Вторая представляла поляков, прославивших отечество за пределами страны.

После поражения польского государства, в сентябре 1939 года, генерал Владислав Сикорский становится главным вождем и премьер-министром эмигрантского правительства Польши в Париже. Этот период в жизни Ретингера следует разделить на два принципиальных отрезка. Первый из них посвящен сотрудничеству с генералом Владиславом Сикорским.

В это время его внимание было сосредоточено на контактах с британскими властями и пропаганде. Польские войска были рассеяны. Когда Ретингер осознал неблагоприятную ситуацию, в которой очутились солдаты Сикорского и тот сам, он инициировал усилия, имевшие целью их эвакуацию из Франции в Англию. Уинстон Черчилль, понимая, в каком трудном положении находилась Великобритания, согласился на перемещение в страну около сорока тысяч польских солдат и летчиков. Число эвакуированных польских солдат удвоилось, чтобы вместе с армией Андерса утроить предполагаемое число. Среди польских летчиков, которые в огромной мере содействовали победе в битве за Англию, оказался племянник Юзефа Ретингера, Витольд. Ретингер пользовался доверием генерала Сикорского. В этот период к дипломату пристали два прозвища – «серый кардинал» и «кузен дьявола». Вторым Ретингер обязан как раз Сикорскому. Генерал намеревался наградить «кузена» за заслуги крестом *Virtuti Militari*, но тот не согласился. Обязанности, доверенные Ретингеру, были связаны, прежде всего, с дипломатическими контактами с Великобританией. Кроме того, функция советника Председателя Совета Министров позволила ему выстроить солидные основания для ведения переговоров, касающихся объединения Европы, о чем он думал уже долгое время.

В день нападения Германии на Советский Союз Сикорский произносит речь по радио, декларируя намерение подписания соглашения с СССР. В результате быстрого отклика советской стороны 30 июля 1941 года после месячных переговоров Владислава Сикорского, Энтони Идена, Ивана Майского, а также «кузена», в присутствии Черчилля про-

исходит подписание польско-советского соглашения, с которым президент Соединенных Штатов связывал большие надежды. Несмотря на противодействие польского правительства, 14 августа того же года удается подписать военное соглашение Сикорского–Майского. Ретингер был назначен *charge d'affaires (поверенным в делах)* и направлен в Советский Союз. Целью его выезда было осуществление контроля над выполнением положений соглашения. Советская сторона выполняла соглашение Сикорского–Майского, освобождая польских узников из лагерей. После этого Ретингер вместе с послом Котом, которого он знал с 1935 года, и генералом Андерсом отправился в Москву с целью проведения переговоров со Сталиным. В результате этих переговоров были освобождены двадцать пять тысяч польских узников, которые вступили в польскую армию, создаваемую генералом Владиславом Андерсом. Сталин также выразил согласие, чтобы представители посольства могли посетить каждый трудовой лагерь, в котором потенциально могли содержаться поляки.

В апреле 1943 года немцы предали публичной огласке информацию об обнаружении массовых захоронений офицеров и унтер-офицеров в катынских лесах. Было известно, что в окрестностях были расположены три лагеря военнопленных. Это были военнопленные, безрезультатно разыскиваемые Сикорским и Андерсом. Москва последовательно отказывала в предоставлении какой-либо информации на тему этих десяти тысяч польских военнопленных¹⁵. Немцы утверждали, что офицеры были расстреляны в 1940 году, следовательно тогда, когда немцев на этих территориях еще не было. Знаменательным был также факт, что офицеры были убиты выстрелом в затылок. Польское правительство добивалось, чтобы Международным Красным Крестом была проведена объективная экспертиза. Однако Сталин обвинил польскую сторону в некритическом доверии к немецкой пропаганде. Он разорвал дипломатические отношения с эмигрантским правительством в Лондоне, что облегчило ему в последующие годы создание податливого правительства. Политика Лондона была однозначной. Польское правительство должно стать более просоветским¹⁶. К тому же, когда в феврале 1943 года Красная армия разгромила армию фон Паулюса под Сталинградом, позиция СССР значительно укрепилась.

Утром 5 июля 1943 года генерал Сикорский, возвращаясь с Ближнего Востока в Лондон, приземлился на Гибралтаре. Сразу же после взлета самолет рухнул в море. Никто не выжил. На следующий день Ретингер прибыл на место катастрофы вместе с экспертом из Польских Воздушных Сил. Смерть генерала была для него весьма болезненным известием – он потерял друга, патрона и человека, с помощью которого мог реализовывать свои политические стремления. Он отказался от выполняемой им функции при Совете Министров.

В результате встречи так называемой Большой Тройки в Тегеране Рузвельт и Черчилль согласились с территориальными притязаниями Сталина. Эти решения в значительной степени нарушили суверенитет Польши. Британцы и американцы верили, что установление восточной границы Польши по линии Керзона гарантирует суверенитет республики.

Правительство в Лондоне во главе со Станиславом Миколайчиком стремилось наладить контакт с польским подпольем, чтобы разобраться в настроениях, господствующих на родине. Правительство в изгнании должно было принять ключевое решение – оказать активное сопротивление или пассивно поддаться развитию событий. Человеком, который выразил желание выполнить это задание, был Юзеф Ретингер. Несомненно, его кандидатура имела много преимуществ. Мало того, что он имел широкий круг знакомств, он еще в последние годы вращался в политическом эпицентре Польши. Препятствием, однако, стал его возраст, так как ему уже исполнилось 56 лет.

Тадеуш Коханович обращает внимание на то, что целью миссии Ретингера было выяснение позиции подполья относительно пророссийской политики¹⁷. До той поры нежелание эмигрантского правительства повернуться в сторону России аргументировалось именно нежеланием подполья. Если бы эта гипотеза подтвердилась, нетрудно прийти к убеждению, что в результатах этой миссии были бы весьма заинтересованы британцы. Разочарованный политической ситуацией, в которой оказалась Польша, Ретингер решил посвятить себя деятельности, которую он не оставит до конца своей жизни, – объединению Европы.

Послевоенные интеграционные проекты

Уже 7 мая 1946 года Ретингер выступил в Королевском институте иностранных дел в *Chatham House* с докладом, озаглавленным «*The European Continent?*» («*Европейский континент?*»). В это время Ретингер много путешествовал, встречаясь с представителями разных политических кругов. Прагматичный идеалист, в июне 1946 года он вместе с Паулем ван Зееландом, ставшим позднее премьером Голландии, основал Независимую лигу экономического сотрудничества. Ретингер в очередной раз остался в тени – во главе Лиги встал ее голландский соорганизатор. Оба энергично действовали в интересах Лиги, создавая ее отделы в Соединенных Штатах и Западной Европе. Тем самым они добились объединения аналогичных движений, создав Европейский комитет. С 1949 года Комитет был переименован в Европейское движение. Ретингер стал почетным секретарем Комитета. Усилия Европейского комитета привели в мае 1948 года к созыву памятного Европейского Конгресса, на котором председательствовал Уинстон Черчилль. В здании парламента в Гааге прибыли около 800 видных политиков, политических лидеров, общественных деятелей и представителей церквей. Почти единодушно была поддержана объединительная идея для Европы. Участники призвали к организации объединения, в состав которого входили бы представители европейских парламентов. Одним из заданий такого объединения должна была быть подготовка европейской Хартии прав человека. Конгресс учредил Совет Европы, который оказался первым институционализированным шагом к интеграции старого континента¹⁸.

После того, как было воплощено в жизнь Европейское объединение угля и стали, Ретингер несколько изменил курс, выйдя из деятельности в пользу европейской интеграции. Это вовсе не означает, что он прекратил деятельность как таковую. Он увидел необходимость интеграции в более широком масштабе. Его усилия были направлены в то время на интеграцию в трансатлантическом аспекте. Особенно актуальным, по его мнению, было сближение с Соединенными Штатами. Первым важным шагом в этом направлении стала встреча влиятельных фигур в 1954 году в отеле, расположенном неподалеку от Арнема в Нидерландах, который назвался «*Бильдерберг*». Эта группа была задумана как дискуссионный форум, направленный на укрепление европейско-американского сотрудничества. Форум включил видных деятелей мира науки, политики и экономики по обе стороны Атлантики. Встречи Бильдербергской группы стали проводиться на регулярной основе. Обсуждения проходили примерно раз в год в разных местах мира. С самого начала обсуждения и ход заседаний были окружены тайной. В 1956 году Юзеф Ретингер опубликовал книгу «*Bilderberg Group*» («*Бильдербергская группа*»). Работа представляет собой описание целей деятельности группы и тогдашнего ее состава. Почти до конца своей жизни Ретингер исполнял функции секретаря группы, от которых вынужден был отказаться только в конце пятидесятих годов. Он умер в Лондоне 12 июня 1960 года.

Юзеф Ретингер, несомненно, является одним из пионеров построения объединенной Европы. Он был инициатором многих ценных начинаний, таких как Европейский конгресс, Европейское движение или Независимая лига экономического сотрудничества. Кроме весомого вклада в развитие идеи сообщества, исследователи редко показывают его роль в построении объединенной Европы. Представляется, что самой существенной из вышеупомянутых инициатив является учреждение Европейского движения. Именно поэтому здесь подробно описаны последовательные этапы развития этой организации.

Существенными с точки зрения Польши, явились воплощение в жизнь и энергичное развитие в структуре Европейского движения Комиссии по делам Центральной и Восточной Европы. Юзеф Ретингер, создавая этот орган, способствовал не только интеграции Западной Европы, но также сделал попытку подготовки к изменениям обществ на востоке континента.

Молниеносно подготовленная программа вновь образованной организации, озаглавленная «Единство континента», предполагала, что организация структурно будет основываться на модели Друзей Лиги Наций. Кроме того, Ретингер придерживался мнения, что Лига в ближайшее время должна установить сотрудничество с Бельгией, Голландией и Францией, затем расширить деятельность на англосаксонские страны, а позднее

– на Скандинавию¹⁹. Очевидно, дипломат имел в виду установление сотрудничества со странами Восточной Европы. Более того, он заявил, что готов самостоятельно учредить отделения Лиги в Польше, Чехословакии и Югославии. Он планировал создание организационной ячейки, ориентированной на установление сотрудничества с балканскими странами. Ретингер надеялся привлечь к работе Лиги и нейтральные государства, например, Швейцарию. «Единство континента» являлось призывом к созыву конгресса, который должен был стать платформой для дискуссии о послевоенном порядке в Европе.

Хотя Ретингеру не удалось добиться сотрудничества ни со странами, расположенными на востоке континента, ни с балканскими государствами, он создал отделения почти во всех западных уголках континента, в том числе в Италии, Франции, Швеции, Великобритании, Австрии.

Деятели Лиги добились также огромного успеха в распространении своей идеи в Соединенных Штатах. Американский посол в Лондоне Аверелл Гарриман помог Ретингеру подготовить почву для визита, в ходе которого дипломат получил единодушную поддержку идеи среди финансистов, политиков и бизнесменов. Сотрудничество с организацией поддержали такие видные американцы, как Рассел Леффингуэл, Нельсон и Дэвид Рокфеллеры, Альфред Слоун, Чарльз Хук, Уильям Вайсман, Джон Фостер Даллес или Джордж Франклин. Благодаря подготовке Вашингтона к реализации плана Маршалла, который основывался на близких предпосылках, никого не нужно было убеждать в правильности проекта Лиги. Сразу после визита Ретингера в США был создан Американский Комитет за Объединенную Европу. В Амстердаме в 1947 году состоялся первый съезд Союза европейских федералистов. Вдохновленный путешествием в Соединенные Штаты, Рихард Николаус Куденхове-Калерги создал Межпарламентский союз. Почти в то же время француз Рене Куртэн создал Французский совет объединения Европы. Кроме того, следует обратить внимание на упомянутый уже План Маршалла.

Возникновение столь большого числа организаций схожего профиля породило новую проблему. Каждая следующая ослабляла политическую силу уже существующих. Ретингер полагал, что связывание нескольких второстепенных организаций в одну укрепит их влияние и позиции. В связи с этим он взялся за переговоры, нацеленные на интеграцию возникших движений. 20 июня 1947 года в Париже в ресторане “*Champs Elysées*” встретились представители упомянутых объединительных движений. Там был создан Координационный комитет международных движений за европейское единство. Это был рабочий комитет, задачей которого стала выработка договоренностей между отдельными комитетами.

Для объединения Независимой лиги по вопросам экономического сотрудничества с аналогичными движениями был образован Международный комитет европейских движений, который с 1949 года функционирует под названием Европейское движение. Штаб-квартирой организации стал Брюссель. Юзеф Ретингер и Уинстон Черчилль были назначены соответственно почетным секретарем и председателем. Во главе новообъединенного комитета стал Дункан Сэндис. Оставался только вопрос предания дела гласности. Было принято решение о рассылке петиции по данному вопросу и о созыве конгресса.

И Ретингер, и организаторы Конгресса в равной мере отдавали себе отчет в том, что решающую роль в его успехе будет играть поддержка, оказанная правительствами государств, приверженных интеграции Европы. Господствовало убеждение, что условием достижения цели станет сплочение вокруг этой идеи как можно большего числа высокопоставленных лиц, имеющих разветвленную сеть контактов на самых высоких уровнях.

Кроме всего прочего, Ретингер осознавал потенциальные выгоды от укрепления отношений с авторитетами в сфере морали. С этой целью он отправился в Ватикан. Там он рассказал о целях и основаниях, которыми руководствовались организаторы Конгресса. Естественно, он пригласил иерархов к участию в обсуждениях. Одна из важнейших встреч дипломата состоялась с участием тогдашнего секретаря Государственного секретариата Ватикана кардинала Монтини, позднее ставшего папой Павлом VI. Ватикан весьма благожелательно отнесся к идее европейской интеграции, признав, что это – одно из самых важных послевоенных начинаний. Однако поддержка со стороны апостольской столицы сравнительно быстро ослабла. Эдвард Межева полагает, что это было вызвано, прежде всего,

изменением курса, избранного самим Ретингером. Он пересмотрел отношение к церкви и направил свои усилия в сторону промышленных и финансовых кругов.

Одним из наибольших огорчений для организаторов Конгресса оказалась внутренняя политика Великобритании. Лидеры лейбористской партии придерживались мнения, что достаточным аргументом для отторжения идеи объединенной Европы является тот факт, что эту идею поддерживают консервативные политики. Министр иностранных дел Эрнест Бевин даже воспротивился участию в Конгрессе политиков своей партии. Ретингер старался отговорить его от этой мысли, но безуспешно. Ситуация изменилась лишь когда 17 марта 1948 года был подписан «Брюссельский трактат». Он учредил организацию военного типа, членами которой стали Бельгия, Голландия, Люксембург, Франция и Великобритания.

В итоге Конгресс состоялся между 8 и 10 мая 1948 года. Открытие, которое прошло в штаб-квартире голландского парламента в Гааге, удостоили своим присутствием принцесса Юлиана и принц Бернард Нидерландский. По итоговым оценкам в Гаагском конгрессе участвовало свыше 800 делегатов, разделявших идею объединения континента. Среди активистов не было недостатка в выдающихся политиках, бывших премьерах, тогдашних министрах, экспертах из области науки или экономики, церковных сановниках, а также представителях профсоюзов и разного рода общественных движений. Например, представителями из Польши были Эдвард Рачинский и Станислав Миколайчик. Председательствовали же на заседаниях Уинстон Черчилль, Поль-Анри Спаак, Альфиде де Гаспери и Леон Блюм. Дискуссии проходили в рамках трех предметно специализированных комиссий – политической, культурной, а также экономической и социальной – под председательством, соответственно, Поля Рамадье, Сальвадора де Мадарьяга и Поля ван Зеланда.

Результаты работы Комиссий были сформулированы на страницах резолюции Конгресса Европы. Там же нашел место далеко идущий постулат об образовании Совета Европы, в состав которого должны были входить Советы европейских правительств. Его совещательным органом стала бы Европейская консультационная ассамблея. Среди других идей Конгресса следует упомянуть Хартию прав человека, предоставление возможностей для свободной беспешинной торговли, а также беспрепятственное перемещение людей и товаров. Последующие этапы объединения должны были реализоваться в рамках создания общей армии, экономической интеграции, а также европейского гражданства. Конгресс увенчался «*Посланием к европейцам*», в котором все участники встречи в Гааге приняли на себя обязательства осуществлять активные действия, нацеленные на объединение Европы.

Организаторы Конгресса понимали, что, несмотря на успех их инициативы, объединительную идею необходимо лоббировать на административных уровнях во всей Западной Европе. В связи с этим они решили, что в каждую страну делегируют группу влиятельных деятелей, целью которых будет разъяснение резолюций Конгресса. Еще в их задачи входило продвижение идеи об организации конференции, на форуме которой могли бы выступить министры иностранных дел. Во главе делегации стал Поль-Анри Спаак. Французское правительство, министр которого Поль Рамадье предложил конференцию министров, выработало меморандум. Тем самым было предложено создать Генеральную Ассамблею, в компетенции которой входили бы воздействие на общественное мнение и совещательные функции. На ее платформе предполагалось обсудить политико-экономические вопросы. В рамках Генеральной Ассамблеи обговаривались конституционные и социальные аспекты создания Европейского Союза.

Европейское движение должно было подчеркивать свою роль, а также определять направления действий. В связи с этим первые годы второй половины XX века прошли под знаком серии тематических конференций. В феврале 1949 года в Брюсселе состоялась встреча по политическим и организационным вопросам, на которой из Международного комитета объединений за единство Европы выкристаллизовалось Европейское движение, которое действует по сей день. Там же были предложены формальные критерии, касающиеся учреждения сообществ. В Брюсселе подчеркивалась также необходимость образования Европейского трибунала по правам человека.

С точки зрения процедуры первая конференция Европейского движения прошла в апреле в Вестминстере, где обсуждалась экономическая политика. На ней ставились

вопросы стабилизации цен и валют, снижения торговых барьеров. Широко обсуждалась идея европейской сырьевой программы, которая вошла в представленный в мае 1950 года «план Шумана», как предпосылка Европейского объединения угля и стали.

В результате всех предварительных договоренностей 9 мая 1949 года в Лондоне состоялось подписание договора, учреждавшего Совет Европы. Соглашение вступило в силу 3 августа, связав, таким образом, десять государств – Бельгию, Данию, Францию, Нидерланды, Ирландию, Люксембург, Норвегию, Швецию, Великобританию и Италию, к которым присоединились Греция и Турция, а еще годом позже – Исландия и ФРГ.

В декабре в Лозанне были подняты вопросы культуры, в июне следующего года в Риме обсуждалась социальная политика. Как следствие, была подписана Европейская конвенция прав человека. Ее блюстителем стала Европейская комиссия по правам человека. Так закончился формальный процесс конституирования Совета Европы. Вскоре после этого Гамбург стал местом переговоров о будущем Германии в Европе. Для полноты картины недоставало рассмотрения вопроса Восточной Европы.

Ретингер, несмотря на присущую ему космополитическую мировоззренческую ориентацию, никогда не забывал о своих польских корнях. На европейском форуме он выразил это, иницируя образование комиссии Европейского движения по делам Центральной и Восточной Европы. Ретингер понимал, что перспектива объединения всей Европы весьма отдаленна. Тем не менее, знал, что есть только два пути – закрепление ялтинского порядка или упорное проделывание щелей в стене, которая разделила Европу.

Роль председателя выпала Гарольду Макмиллану, докладчика – Эдварду Боддингтону Барнсу, секретарем стал Ян Помян, тогда как Юзеф Ретингер мог исполнять свою любимую функцию генерального секретаря. 16 октября он инициировал встречу, на которой были обсуждены и сформулированы цели и принципы функционирования Комиссии по делам Центральной и Восточной Европы. Было заявлено, что в основные задачи Комиссии должны войти привлечение представителей государств Восточной Европы к активному участию в работе Европейского движения, а также лоббирование в поработанных обществах идеи объединения Европы. Подчеркивалось значение создания возможностей для контактов между политиками европейских государств в эмиграции и представителями Запада. Со временем Комиссия стала ходатаем по делам стран-сателлитов СССР. Точнее, она следила за тем, чтобы о данной теме на Западе постоянно помнили как о существенной.

Следует сказать также о формальном аспекте деятельности Комиссии. Ее председатель и докладчик назначались высшей исполнительной властью Европейского движения. В состав Комиссии входили знаменитости со всей Европы, рекомендованные национальными комитетами. Если такого не существовало, председатель после консультации мог пригласить представителя. Число национальных представителей было ограничено семью с целью выработки элитарного характера комиссии. Дополнительно на встречи приглашались выдающиеся члены Европейского движения с Запада Европы. Бюро, которое было управляющим и координирующим органом, состояло из председателя, генерального докладчика и вице-президентов, выбравшихся из групп, представляющих восточные народы.

После ряда ротаций должность председателя уже до конца деятельности Комиссии исполнял бельгийский сенатор Этьен де ла Валле Пуассон. Секретарем же Ретингер назначил своего близкого сотрудника Яна Помяна, который также не отказался от этой функции до последних дней существования органа. Биограф дипломата подчеркивал, однако, что он не предпринимал никаких инициатив без согласования с Ретингером. Поэтому, несмотря на занятость в последующих инициативах, Ретингер имел реальное влияние на судьбы комиссии. Вместе с Помяном они даже делили квартиру в Лондоне. После смерти Ретингера в 1960 году Помян стал инициатором практически всех работ комиссии.

За более чем двадцатилетний период усиленной активности (с 1949 по 1973) деятельность Комиссии принесла обильные плоды. Комиссия организовывала встречи, дискуссии и конференции, имевшие международный резонанс. Здесь следует вспомнить конгресс, который вследствие энергичных усилий Юзефа Ретингера состоялся 21–24 января 1952 г. в Лондоне. Это была одна из серии подобного рода инициатив под эгидой Европейского движения. Она объединила выдающихся политиков и деятелей с обеих сторон железного

занавеса. Было принята Политическая декларация, из которой вытекало, что после освобождения из-под влияния Москвы государства Центральной и Восточной Европы должны быть безусловно включены в структуры объединенной Европы.

Кроме того, следует подчеркнуть непосредственное влияние, которое Комиссия оказывала на мнение ведущих политиков Запада. К ее несомненным заслугам следует причислить то, что она не позволила забыть о восточноевропейских странах. Неоценимым является также обеспечение контактов по линии Восток–Запад между видными политиками. Несмотря на барьер, которым был железный занавес, удалось привить идеи свободы и единства. Следует подчеркнуть героизм этих действий. Как я уже упоминал, всем этим действиям сопутствовала лишь надежда, что однажды восточная и центральная части континента будут освобождены, и реальным станет постулат целостного объединения континента. Как говорил Ян Помян, если хотя бы наметилась осуществимая вещь, следовало пытаться.

Судьба проекта «Совет Европы»

Тем временем Совет Европы раздирает внутренний конфликт между федералистами и конфедералистами. Федералисты на волне начального энтузиазма предпочитали не замечать, как оказалось, очень существенную проблему. Желая как можно скорее воплотить программу интеграции в жизнь, они не учитывали тот факт, что граждане отдельных европейских государств не будут готовы к молниеносному федералистскому объединению. Компромисс, которым было одновременное образование Комитета Министров как правительственного и Консультативной ассамблеи как парламентского органа, оказался недостаточным.

После выступления Черчилля на торжественном открытии академического года в Цюрихе у многих европейских политиков сложилось впечатление, что Великобритания будет главенствовать в интеграционном процессе. Со временем, однако, оказалось, что это было, прежде всего, началом долгосрочной избирательной кампании харизматичного премьера. Он оказался в то время вытесненным в оппозицию по отношению к Клементу Эттли, который был заинтересован объединением только в военном отношении. Когда в апреле 1949 года Соединенное Королевство стало членом Североатлантического Договора, тогдашний британский премьер потерял интерес к объединению Европы.

Оказалось к тому же, что Черчилль уже через два года после своей победы на выборах придерживался, говоря сегодняшним языком, евроскептического направления. По всей вероятности, это в значительной степени вызвало частичную неудачу объединения Европы силами Европейского движения и Совета Европы. Великобритания выступала необходимым гарантом, который позволил бы Франции минимизировать страх перед Германией, а стран Бенилюкса – перед господством двух предыдущих.

Именно в этот период наступил кризис в структурах Совета Европы. Осуществились опасения инициаторов, которые старались в начальной фазе добиться благосклонности Великобритании. Постепенно политики один за другим начали покидать организации, будучи убежденными в бесплодности дальнейших усилий. Среди других из структур вышли Поль-Анри Спаак, бывший лицом организации, а также Юзеф Ретингер, отказавшийся от функции Генерального секретаря. Он принял в то время ни к чему не обязывающее звание генерального делегата.

Следует, однако, подчеркнуть роль, которую сыграл Совет Европы. Он проторил путь Жану Монне и Роберу Шуману. Нельзя недооценивать ту функцию, которую выполнял Совет в послевоенные годы. Податливой почве формирующегося европейского сообщества он привил объединительное сознание и укрепил демократию в западных государствах. К тому же следует помнить, что более поздние строители общей Европы исходили из тех же предпосылок, что и Юзеф Ретингер. Они намеревались объединять Европу в экономическом измерении, и только после этого должна была выявиться общность политическая.

Мы в полной мере согласны с Богданом Подгурским, который обращает внимание на необходимость акцентировать участие Совета Европы в объединительном процессе. Он полагает, что при такой трактовке более полно виден труд, вложенный его основателями.

Генезис возникновения Бильдербергской группы – роль Юзефа Ретингера

Со временем, когда выяснилось, что Европейское движение и Совет Европы не в состоянии выполнить свои намерения, многие политики и деятели ушли из рядов организации. Его непосредственным наследником стало Европейское сообщество угля и стали. Ретингер, разочарованный позицией британцев и обеспокоенный судьбой Европы, обратился в сторону Соединенных Штатов. Он был убежден, что реализация его смелых планов возможна только в широкой надевропейской перспективе.

Когда ведущую роль в процессе объединении Европы играло Европейское объединение угля и стали, и кризис удалось предотвратить, Ретингер решил посмотреть еще дальше – за океан. Он прекрасно помнил, что американцы охотно поддерживали инициативу Европейской лиги экономического сотрудничества. В трансатлантическом взаимодействии он видел огромный шанс для Европы. Однако он отдавал себе отчет в том, что очевидным барьером были нарастающие антиамериканские настроения в Европе. Вместе с окончанием Второй мировой войны и выводом войск из американской оккупационной зоны трансатлантические отношения значительно ослабли. Североатлантический альянс и НАТО оказались неэффективны с точки зрения организации диалога на трансатлантическом уровне. Ретингер усмотрел потребность создания такой платформы, своеобразного форума для диалога, посредством которого можно было бы вновь укрепить эти отношения. Однако ему предстояло предварительно столкнуться с проблемой, нараставшей за океаном. Дело в том, что после войны в Соединенных Штатах начали раздаваться призывы сторонников политики изоляционизма.

Ретингер обратился за помощью к старым друзьям – Поллу ван Зеланду и Полу Рикенсу. Он представил им проект установления постоянного европейско-американского сотрудничества. Они совместно пришли к выводу, что это слишком серьезное дело, чтобы отдать его в руки профессиональных политиков. Как опытные деятели они понимали, что решающим фактором развития в мире являются деньги. Оставался, однако, открытым вопрос, как снискать внимание тех официальных лиц, которые властны принимать решения о судьбах мира. Конечно, быстро выяснилось, что связи основателей весьма широки. Благодаря им возможна была встреча с тем самым принцем Бернардом Нидерландским, который удостоил своим присутствием открытие Гаагского конгресса.

Предварительные переговоры авторов идеи с принцем состоялись 25 сентября 1952 года в столице Франции. Принц Берnard должен был стать, так сказать, официальным организатором грядущей конференции. На этой встрече Ретингер, по всей видимости, изложил причины, в силу которых необходимо было созвать трансатлантический форум. Он ясно видел проблемы, которые, как ему казалось, препятствовали установлению доброжелательных отношений между старым и новым континентом. Он полагал, что в Соединенных Штатах недоставало элит, которые были бы способны надлежащим образом оценить ситуацию. Следующей проблемой является тот факт, что американцы имели очень туманное представление о процессах, которые происходили в Европе. Кроме того, препятствием являлись ограниченные международные отношения с Европой, которые к тому же воспринимались за океаном как принципиально нежелательные. Отсюда также возникала потребность созыва нового форума, который функционировал бы вне прежних формальных структур, с целью выработки новых форм сотрудничества и выяснения недоумений, которые стоят на пути потепления отношений.

На этой встрече Ретингер имел возможность очертить свой, как это часто сопутствует одно другому, простой и одновременно блестящий замысел. Он исходил из предпосылки, что общественное мнение содействует и вторит влиятельным деятелям. Знаменитости как из Европы, так и Америки, могли бы подать пример. Принцип был аналогичен к тому, который оправдал себя в Комиссии по делам Восточной и Центральной Европы. Следовало собрать как можно больше влиятельных личностей с многочисленными связями на высоком уровне на первом этапе деятельности – в данном случае, на первом съезде вновь создаваемого форума.

Следующий год прошел у него под знаком путешествия через океан. Через несколько месяцев после встречи Юзефа Ретингера и принца Бернарда оба могли гордиться

многочисленными достижениями на форуме вновь создающейся группы. Ретингер возобновил прежние контакты и устанавливал новые. Благодаря старому сотруднику с того периода, когда он находился в Мексике, Авереллу Гарриману, дипломату удается основать первый комитет и привлечь к сотрудничеству две видные фигуры американской политики. Генерал Вальтер Смит выполнял функцию директора Центрального разведывательного управления, а Чарльз Д. Джексон в то время был личным советником президента. Кстати, позже он издавал популярный еженедельник «*Лайф*».

Судьба способствовала предприятию Ретингера. Президентом Соединенных Штатов стал генерал Дуайт Эйзенхауэр. Он исполнял перед этим функцию главнокомандующего сил НАТО со штаб-квартирой в Фонтенбло. Опыт, приобретенный в Европе, дал ему понимание потребности в организации трансатлантического форума. Годы, проведенные в Старом свете, облегчали ему понимание нюансов европейской политики.

В результате благоприятной политической ситуации и напряженной работы инициаторов успех замысла с организацией трансатлантической конференции был предрешен. Однако подобная встреча требовала еще соответствующего логистического оформления. Где и когда организовать встречу? Удобным местом организаторы сочли Арнем, расположенный на востоке Голландии. Там в начале мая 1954 года в гостинице «*Бильдерберг*» состоялась первая встреча клуба, который, согласно большинству источников, получил свое название именно по названию гостиницы, оставшись на страницах истории как Бильдербергская группа. Название со временем было изменено на Бильдербергские встречи.

Появилось около 80 переговорщиков, в том числе 20 из-за океана. Среди них оказалось много влиятельных политиков, промышленников, финансистов, деятелей и ученых, специализировавшихся в разных областях. Концентрация внимания на принце Бернарде была большим достижением Юзефа Ретингера. Он мог активно заниматься созывом форума – естественно, с позиции Генерального секретаря, который руководил Исполнительным комитетом. Эту функцию он выполнял почти до самой смерти. В конце пятидесятых годов нарастающие проявления рака легких вынудили его к уходу с политической сцены.

В 1956 году Юзеф Ретингер издает свою последнюю книгу, названную «*Бильдербергская группа*». В ней были описаны задачи клуба, причины его создания и опубликован список его членов на тот момент. Взгляды Ретингера по сути не изменились с момента его первого выступления. Цели и задачи группы, указанные Ретингером на страницах издания, до сих пор без существенных изменений публикуются ее секретариатом, штаб-квартира которого находится в Гааге.

Уже два года спустя Клуб получил официальный статус. Был образован Оргкомитет, в состав которого входят 39 членов, 15 из которых должны быть американскими гражданами. По поводу потенциальных членов исследователи не нашли достоверной информации. Это должны были быть лица, которые могли бы внести особый вклад в организацию съездов. В результате, скорее всего, этот орган стал – в соответствии с назначением – коллективом, принимающим решения о личном составе отдельных встреч.

В 1959 году возникает Совещательный комитет Оргкомитета, заданием которого было обеспечение еще более тесного сотрудничества и гарантирование лучшего понимания взаимных аргументов представителей обоих континентов. Кроме этой лаконичной информации, неясно, что относится к компетенции упомянутого Совещательного комитета.

За первой конференцией последовали очередные. Встречи собираются в среднем раз в год, чаще всего между последними днями апреля и первыми днями июня. Обсуждения проходят в разных местах по всему миру. За выбор места отвечает Оргкомитет, так же, как и за список членов Бильдербергского клуба. Следует обратить внимание, что статус члена получает каждый, кто участвовал хотя бы в одной встрече группы.

Официальную, хотя и очень скудную информацию, о роли и деятельности Клуба можно получить из двух источников. Первым является информационная брошюра, которую издает гаагский секретариат Бильдербергской группы, другим – сайт секретариата. Как легко догадаться, информация из обоих источников аналогична и чаще всего содержится даже в немногочисленных журналистских работах – заметках о Клубе. Перед каждой сессией секретариат дополнительно публикует список членов и темы отдельных сессий.

Оба источника сообщают о том, что Бильдербергские встречи являются неформальной платформой для достижения договоренностей, которая предоставляет возможности

для обсуждения проблем, перед которыми стоит мир. Целью встреч является понимание сил и трендов, которые обуславливают динамику развития западного мира. Участники отдельных встреч не создают формального комитета – их выбирают согласно тематическому ключу, соответствующему отдельным встречам. Критериями отбора являются их знания, опыт и взгляды. Встречи не протоколируются из соображений обеспечения свободы высказывания членов Клуба.

Дополнительно подчеркивается, что члены не предлагают резолюции и не голосуют ни по каким вопросам, не делают заявлений, связанных с конференциями, в которых они участвовали. Незвестный автор публикации также подчеркивает, что финансирование не представляет большой проблемы. Операционные расходы Бильдербергской группы незначительны. Квоты, предназначенные на деятельность Клуба, должны всего лишь покрывать работу небольшого секретариата, публикацию и архивацию документов и расходы, связанные с конференциями²⁰. Съезды, вопреки видимости, требуют небольших средств, поскольку затраты на питание и проживание приглашенных членов несет та страна, которая исполняет роль хозяина. В связи с этим не возникает опасения, что группа могла бы подвергаться какой-либо форме лоббирования. Подытоживая, можно сказать, что данная группа является элитарным дискуссионным форумом высокого уровня, заданием которой является понимание противоположных взглядов и взаимное информирование, что, несмотря на потенциал принятия решений отдельными членами, не представляет угрозы, поскольку в дискуссиях финансовый фактор исходно не играет существенной роли.

Хотя встречи имеют почти полувековую традицию, не были обнародованы повестки дня заседаний и не было сделано ни одного публичного заявления. В первых встречах участвовали журналисты, однако даже в то время в прессе не появилось ни одного упоминания об учреждении Клуба, а тем более – о ходе заседаний. Приглашенных журналистов просили о сдержанности и осмотрительности при публикации материалов, связанных с конференцией. В эпоху Интернета все обстоит несколько иначе, и скрытность способствует, прежде всего, появлению новых теорий заговора. Мне трудно судить об истинности выдвигаемых гипотез, однако следует признать, что атмосфера «необходимой» таинственности способствует их возникновению²¹. Это не является темой данной работы, к тому же ее автор не обладает достаточной квалификацией, чтобы справедливо оценить сведения о закулисных делах Бильдербергской группы. Все, даже самые тщательные, исследователи деятельности Клуба признают, что подтвержденная информация о нем ничтожна. В принципе, она ограничивается той, которая использована мною в работе. Не скрывают к тому же, что наблюдение за действиями группы каждый раз оставляет больше вопросов, чем ответов. Исследователи биографии Юзефа Ретингера часто ограничиваются только непропорциональным акцентом на деятельности «Клуба джентльменов» на форуме. Даже Генрих Пайонк²², который не воздерживается от уничижительных оценок биографии Ретингера, посвящает Группе всего лишь несколько абзацев. Очень трудно найти исследования, авторы которых сочетают тщательное изучение одновременно биографии Ретингера и возникшего по его инициативе Клуба; связанные с фигурой Ретингера, отца-основателя Европейского сообщества, и те, что рассматривают дела «бильдербержцев». Эти вторые представляют инициатора как частное лицо.

Последние годы жизни Ретингера

Последний этап жизни Юзефа Ретингера связан, прежде всего, с ангажированием в деятельность Бильдербергской группы. В литературе часто проскальзывает определение этой группировки как *opus magnum* Ретингера. Я не могу с этим согласиться, по меньшей мере, по нескольким причинам. Первой из них является тот факт, что это в значительной степени уменьшает масштаб деятельности дипломата в интересах объединения Европы, которую не следует недооценивать. Надеюсь, что мне удалось уловить то, насколько важную роль сыграл герой моей работы в процессе объединения. Я не хочу прибегать к историческим спекуляциям, но можно себе представить, что без участия Ретингера судьбы Европы могли сложиться иначе, и наверняка (что я пишу с полным убеждением) – не столь динамично. Без полемического задора, следует обратить внимание на следствия, вытекающие из его деятельности на европейском форуме, а также из той, которая осу-

ществлялась в рамках трансатлантических договоренностей. Первые, со всей определенностью, более значительны.

Представляется, что налицо обычная интуиция авторов, которые в ничтожной степени притязают на научность. Они нечасто обращаются к такому сравнению буквально, но автор исследования вынес впечатление, что Бильдербергская группа является для теории заговора непосредственной преемницей масонского наследия. Набор обвинений, в принципе, аналогичен. Насколько известно, очевидно, что возникновению Бильдербергской группы не сопутствовал характерный для вольных каменщиков онтологическо-эзотерический стержень. Кроме того, деятельность масонов, вопреки видимости, сравнительно надежно документирована. Можно подозревать, что Ретингер, сознавая последствия огласки, решил как можно дольше держать существование Клуба в тайне.

Если мы пристальнее присмотримся к постулатам вольных каменщиков и к тем, которые сформулировал Ю. Ретингер, окажется, что существует элементарная связь между организациями. Для обеих групп характерно стремление к объединению народов и взглядов. Похоже и примерное расположение главных центров на карте мира. Конечно, чтобы развивать подобные домыслы, следует иметь в виду, по меньшей мере, два существенных вопроса. Первым из них является образ масонства в массовой культуре. Это образ демонический и почти карикатурный. Другим прозаическим вопросом является то обстоятельство, что подобные домыслы могут иметь основания только тогда, когда мы удостоверимся, что Ю. Ретингер действительно был масоном, а такой уверенности у нас нет и, опасаясь, долго еще не будет.

Итоги

Анализируя биографию Ю. Ретингера и его деятельность в интересах европейского единства и диалога между Европой и Соединенными Штатами, следует признать, что свершения поляка бесспорны, независимо от того, справедливы ли гипотезы, касающиеся его сотрудничества с зарубежными спецслужбами и членства в масонских ложах, или нет. Помимо этих домыслов, даже самые ярые противники не могут обвинить его в чем-то еще. В работе я обращался к многочисленным авторам, даже наименее благосклонным к Ретингеру, и взвесил их аргументы. Подчеркнем несколько бесспорных моментов. Несмотря на многие недомолвки, связанные с биографией Ю. Ретингера, трудно найти надежные фрагменты исследований, которые бы свидетельствовали о подрывном характере его действий. Следует признать, что справедливым выглядит приписывание Ретингеру сотрудничества с британской разведкой, а также с масонскими кругами. Нельзя, однако, забывать о том, что он не использовал своих связей с высокопоставленными лицами во зло. Автор имеет основания утверждать, что все было как раз наоборот. Неоднократно в работе внимание обращалось на то, что свои многочисленные знакомства Ю. Ретингер использовал на благо дело. На основании доступных источников можно заключить, что все его действия были результатом его убеждений. Сопоставляя с Ю. Ретингером другие фигуры польской эмиграции (в Западной Европе и в США), мы, безусловно, увидим, что, наряду с Оскаром Халецким, это был виднейший политический деятель и мыслитель.

Приложение Публикации Ю. Ретингера

1. The Bildenberg Group. – Hertfordshire, 1959.
2. Conrad and his Contemporaries. – New York, 1943.
3. The European Continent? – London, 1946.
4. La Pologne et l'Équilibre européen. – Paris, 1916.
5. Polacy w cywilizacjach zagranicznych. – Warszawa, 1934.

Публикации о Ю. Ретингере

1. *Terlecki O.* Barwne życie szarej eminencji. – Kraków, 1981.
2. *Pieczewski A.* Działalność Józefa Hieronima Retingera na rzecz integracji europejskiej. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2008.

3. *Pieczewski A.* Józef H. Retinger – pomysłodawca i współtwórca Grupy Bilderbergu // *Studia Polityczne*. – 2000. – Nr. 10. – S. 203–208.
4. *Bąkowski A.* Józef Retinger – nieznan bohater Europy // *Palestra*. – 2004. – Nr. 3/4. – S. 149–154.
5. *Witkowski G.* Józef Retinger – polski inicjator integracji europejskiej. – Warszawa: Stowarzyszenie Współpracy Narodów Europy Wschodniej ZBLIZENIE, 2000.
6. *Mierzewa E. A.* Józef Retinger – polski wątek w europejskiej unifikacji // *Polityka i Społeczeństwo*. – 2011. – Nr. 8. – S. 237–246, 238.
7. *Ciechanowski J.* Józef Retinger (1888–1957) w świetle raportów brytyjskiego wywiadu z lat 1913 do 1941 // *Zeszyty Historyczne*. – 1982. – Z. 59.
8. Józef Retinger 1888–1960, inicjator Europejskiej Ligi Współpracy Gospodarczej. / Red. Teresa Muś. – Warszawa: Agencja Wydawnicza SFINKS, 1996.
9. *Podgórski B.* Józef Retinger: prywatny polityk. – Kraków: Wydawnictwo Universitas, 2013.
10. *Pomian J.* Józef Retinger: życie i pamiętniki pioniera Jedności Europejskiej. – Warszawa: Wydawnictwo Pavo, 1994.
11. *Pomian J.* Józef Retinger: Życie i pamiętniki szarej eminencji. – Warszawa: Wydawnictwo Pelikan, 1990.
12. *Terlecki O.* *Kuzynek Diabła*, Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1988.
13. *Lastawski K.* Od idei do integracji europejskiej. – Warszawa: Wyższa Szkoła Pedagogiczna Towarzystwa Wiedzy Powszechnej w Warszawie, 2003.
14. *Estulin D.* Prawdziwa historia Klubu Bilderberg / Przeł. Monika Wyras-Wiśniewska. – Katowice: Wydawnictwo SONIA DRAGA Sp. Zo.o., 2005.
15. *Pająk H.* Retinger mason i agent syjonizmu. – Lublin: Wydawnictwo Retro, 1996.
16. *Siemaszko Z. S.* Retinger w Polsce w 1944 r. // *Zeszyty Historyczne*. – 1967. – Z. 12.
17. *Domarańczyk Z.* Tajemniczy Klub / Zbigniew Domarańczyk, Aleksander Perczyński. – Warszawa: Wydawnictwo Radia i Telewizji, 1979.
18. *Szcześniak A. L.* Tło historyczne, fakty, dokumenty. Katyń. – Warszawa: Wydawnictwo Alfa, 1989.
19. *Wojna i okupacja na ziemiach polskich 1939–1945* / Red. Władysław Góra. – Warszawa: Wydawnictwo Książka i Wiedza, 1984.
20. *Raczyński E.* W sojusznicy Londynie. – Londyn: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1960.
21. *Marek Celt (Tadeusz Chciuk).* Z Retingerem do Warszawy i z powrotem. Raport z Podziemia 1944. – Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2006.
22. *Kurowska E. M.* Józef Retinger. Życie i działalność polskiego inicjatora integracji europejskiej. – Warszawa: UKSW, 2016 (maszynopis pracy licencjackiej.).

Перевод с польского Т. В. Битковой

¹ См.: O jedność Europy. Antologia polskiej XX-wiecznej myśli europejskiej / S. Łukasiewicz (red.). – Warszawa, 2015; Заслуживает внимания текст о точке по общей Европе, написанный Теодором Корвин-Шимановским, идеи которого должны были вдохновить французских политиков и писателей (см.: Przyszłość Europy w zakresie gospodarczym, społecznym i politycznym / R. P. Żurawski vel Grajewski (red.). – Warszawa, 2015).

² *Halecki O.* Historia Europy – jej granice i podziały / Tłum. J. Kłoczowski. – Lublin, 1994.

³ Там же. – S. 25;

⁴ *Lord Acton.* The History of Freedom. – London, 1922.

⁵ *Malinowski B.* Freedom and Civilization. – New York, 1944.

⁶ *Halecki O.* Historia Europy – jej granice i podziały. – S. 208–209.

⁷ Там же. – S. 229;

⁸ *Retinger J.* *Grupa Bilderberg*. – Herfordshire, 1959.

⁹ *Его же.* The European Continent? – London, 1946.

¹⁰ *Pomian J.* Józef Retinger. Życie i pamiętniki pioniera Jedności Europejskiej. – Warszawa, 1994.

¹¹ *Его же.* Józef Retinger. Życie i pamiętniki szarej eminencji. – Warszawa, 1990.

¹² *Terlecki O.* *Kuzynek Diabła*. – Kraków, 1988.

¹³ *Его же.* Barwne życie szarej eminencji. – Kraków, 1981.

¹⁴ *Podgórski B.* Józef Retinger. Prywatny Polityk. – Kraków, 2013.

¹⁵ Там же. – S. 23.

¹⁶ Там же. – S. 100–112.

¹⁷ *Kochanowicz T.* Retinger, jakim go znałem. – Kraków: „Życie Literackie”, 1972. – Nr 32.

¹⁸ *Pomian J.* Józef Retinger... – S. 267–269.

¹⁹ Там же. – S. 197

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – S. 75–81.

²² См.: *Pająk H.* Retinger mason i agent syjonizmu. – Lublin: Wydawnictwo Retro, 1996.

СЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Е. А. Мухин

Мухин Є. О. Словацька республіка в контексті міграційної політики ЄС. Стаття присвячена дослідженню місця і ролі Словацької Республіки у міграційних процесах в Європейському Союзі. Простежується історія спільної міграційної політики ЄС, до якої, після 2004 р., долучилася Словаччина, розкривається комплекс чинників і передумов, що сприяли різкому неконтрольованому притоку мігрантів на територію країн-членів ЄС у 2015–2016 рр., а також участь Словацької Республіки в процесі вирішення міграційної кризи.

Ключові слова: Європейський Союз; Словацька Республіка; міграція; біженці; криза.

Мухин Е. А. Словацкая Республика в контексте миграционной политики ЕС. Статья посвящена исследованию места и роли Словацкой Республики в миграционных процессах в Европейском Союзе. Прослеживается история общей миграционной политики ЕС, к которой, после 2004 г., присоединилась Словакия, раскрывается комплекс факторов и предпосылок, способствовавших резкому неконтролируемому притоку мигрантов на территорию стран-членов ЕС в 2015–2016 гг., а также участие Словацкой Республики в процессе разрешения миграционного кризиса.

Ключевые слова: Европейский Союз; Словацкая Республика; миграция; беженцы; кризис.

Mukhin Y. A. Slovak Republic in the context of the EU migration policy. The article is devoted to research of place and role of the Slovak Republic in the migration processes in the European Union. It traces the history of the common EU migration policy, to which, after 2004, joined Slovakia, reveals the complex factors and conditions that contributed to a sharp uncontrolled influx of migrants into the territory of the EU member states in 2015-2016, and the participation of the Slovak Republic in the process of the migration crisis solving.

Keywords: The European Union; The Slovak Republic; migration; refugees; crisis.

Сегодня, когда центральное место во внешней политике Украины занимает практическая реализация курса на подготовку к вступлению в ЕС, чрезвычайно важным является изучение различных аспектов функционирования стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в составе Евросоюза, использование накопленного ими опыта для ускорения и оптимизации процесса европейской интеграции Украины. В этом контексте ближайшей целью Украины является введение безвизового режима со странами ЕС, что налагает на официальный Киев ряд серьезных обязательств, важнейшими из которых являются борьба с международным терроризмом, организованной преступностью и нелегальной миграцией. В таких условиях значительную актуальность приобретает изучение миграционной политики Европейского Союза и опыта борьбы отдельных его членов с нелегальной миграцией.

Первоначально вопросы общей миграционной политики странами ЕС рассматривались как одна из составляющих сотрудничества в сфере внутренних дел и правосудия. Некоторые государства Европейского Союза уже имели успешный опыт ассимиляции массовых потоков мигрантов, таких как репатриация жителей европейских колоний после Второй мировой войны, массовые переселения молодых немцев из ГДР в ФРГ после падения Берлинской стены в 1989 г., трудовая миграция из Восточной Европы после падения «железного занавеса» и распада СССР в 1991 г.¹, благодаря чему миграционные вопросы не относились к приоритетным направлениям коммунитарного сотрудничества.

Начало сотрудничеству в сфере внутренних дел и правосудия было положено в середине 70-х гг. XX в., с момента создания в 1975 г. группы ТРЕВИ² в составе старших должностных лиц национальных министерств внутренних дел для координации деятельности в сфере противодействия терроризму, нелегальной миграции и контрабанде наркотиков. С середины 1980-х гг., в связи с постепенной отменой контроля на внутренних границах ЕС, согласно «Шенгенскому соглашению» 1985 г.³, и построением общего внутреннего рынка, предусмотренного «Единым Европейским Актом»⁴, координация полити-

ки в области внутренних дел была усилена путем согласования правил приема мигрантов и претендентов на политическое убежище. Так, Дублинская конвенция 1990 г.⁵ (вступила в силу в 1997 г. и действовала до 2003 г.) унифицировала правила предоставления политического убежища в странах-членах ЕС. Подписание в 1990 г. «Конвенции о применении Шенгенского соглашения»⁶ (вступила в силу в 1995 г.) закрепило создание Шенгенской зоны с полной отменой паспортного контроля на внутренних границах ЕС и унифицированной визовой политикой для обладателей виз одной из стран-участниц данного соглашения. А «Маастрихтский договор» 1992 г.⁷ (вступил в силу в 1993 г.) ввел понятие «гражданства ЕС» и юридически закрепил необходимость сотрудничества в сфере внутренних дел и правосудия.

Наплыв беженцев в страны Европейского Союза и Центрально-Восточной Европы, спровоцированный распадом Югославии и последовавшей за этим серией вооруженных конфликтов в 90-х гг. XX в., подтолкнул ЕС к поиску более эффективных путей сотрудничества в сфере выработки единой политики по отношению к мигрантам и беженцам⁸. «Амстердамский договор» 1997 г.⁹, ступивший в силу с 1999 г., актуализировал данное сотрудничество под современные реалии и предусмотрел выработку единой политики в вопросах миграции и предоставления убежища в странах ЕС. В октябре 1999 г., на саммите в Темпере, было достигнуто политическое согласие (т.н. «Вехи Темпере») относительно путей реализации положений «Амстердамского договора», касающихся вопросов создания единого европейского пространства свободы, безопасности и правовой защиты, которое среди прочего обеспечивалось бы путем борьбы с нелегальной миграцией и торговлей людьми, а также путем создания единой системы предоставления политического убежища¹⁰.

В июле 2001 г. Комиссия предложила ввести метод открытой координации миграционной политики, что должно было улучшить информационный обмен между государствами-членами в этой сфере. Одновременно была начата гармонизация национальных законодательств стран ЕС в направлении создания общей системы предоставления убежища, которая предусматривала выработку единых условий рассмотрения ходатайств об убежище, обязательные для всех стран стандарты содержания претендентов в течение срока рассмотрения их заявлений, сближение национальных норм, определяющих статус беженцев. Благодаря этой работе уже с сентября 2002 г. начал функционировать европейский фонд по приему беженцев¹¹.

Гармонизация основ правового статуса беженцев и принципов их приема странами Евросоюза была проведена на основе Женевской конвенции ООН 1951 г., Директивы Совета от 27 января 2003 г. «О минимальных нормах для приема в государствах-членах лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища» и Дублинской конвенции, преобразованной в Регламент Совета от 15 февраля 2003 г. В соответствии с новым регламентом ответственность за предоставление политического убежища была возложена на государство, где легально проживал родственник претендента на статус. Чтобы облегчить государствам-членам процесс предоставления убежища и исключить повторные претензии претендентов, в 2003 г. была внедрена система ЕВРОДАК – дактилоскопическая база данных претендентов на политическое убежище¹². В течение 2003 г. Советом ЕС был принят ряд директив, закрепивших права легальных мигрантов, таких как «Директива про статус граждан третьих стран, которые длительное время проживали на территории стран членов ЕС»¹³, «Директива о праве на воссоединение семей»¹⁴, «Директива о введении единого разрешения на трудоустройство и проживание граждан третьих стран на территории ЕС»¹⁵.

В ноябре 2004 г. на саммите в Гааге лидеры ЕС утвердили пятилетнюю программу и план действий по дальнейшему углублению сотрудничества в сфере внутренних дел и правосудия, в рамках реализации которой в декабре 2005 г. была принята Директива о статусе беженцев, содержащая положения о минимально возможной гармонизации соответствующих режимов государств-членов. А в феврале 2006 г. Комиссия представила рабочую программу взаимодействия государств-членов ЕС с целью дальнейшей гармонизации системы предоставления убежища, а в 2008 г. была утверждена Директива о репатриации нелегальных мигрантов¹⁶.

Лиссабонский договор 2007 г. окончательно закрепил приоритет интересов Евросоюза в сферах пограничного контроля, политики предоставления убежища и миграционной политики над интересами отдельных государств, предоставив Совету ЕС право опре-

делять ключевые направления развития в сфере свободы, безопасности и правосудия¹⁷. В октябре 2008 г. на саммите в Брюсселе был одобрен Пакт об иммиграции, фактически ставший основой современной иммиграционной политики Европейского союза¹⁸. Данный документ предусматривал сотрудничество стран-членов ЕС в следующих направлениях:

- защита внешних границ Евросоюза оставалась в ведении национальных государств, на коммунитарном уровне был создан отдельный орган ФРОНТЕКС;
- регулирование легальной миграции путем введения т.н. «голубой карты» для привлечения в ЕС высококвалифицированных специалистов;
- сокращение притока неквалифицированной иностранной рабочей силы в форме нелегальной иммиграции;
- создание общей системы предоставления убежища;
- поддержка стран-экспортеров мигрантов путем улучшения условий поступления и проживания легальных иммигрантов через расширение возможностей для их обучения и трудоустройства в ЕС; введение мер, содействующих добровольному возвращению на родину нелегальных мигрантов.

Непосредственное осуществление миграционной политики ЕС было возложено на Европейский Совет, Еврокомиссию, Совет ЕС и Европарламент, которые разрабатывали и принимали решения, касающиеся политики ЕС по делам мигрантов и беженцев¹⁹.

Первоначально общая миграционная политика ЕС достаточно эффективно справлялась со своими задачами. Однако мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.²⁰, ухудшение уровня жизни населения развивающихся стран при одновременном росте численности населения Ближнего Востока со 100 млн чел. в 60-х гг. XX в. до 400 млн чел. в 2011 г.²¹, события «Арабской весны» 2011–2012 г. в Тунисе, Египте, Йемене, гражданские войны в Ливии и Сирии, попытки государственного переворота в Бахрейне, массовые протесты в Алжире, Джибути, Иордании, Ираке, Кувейте, Ливане, Мавритании, Марокко, Омане, Саудовской Аравии, Судане, Эритрее и Западной Сахаре, обострение военных конфликтов в Сомали, Ираке, Афганистане и Пакистане, стремительный рост числа исламистов, а также расширение влияния террористической группировки «Исламское государство», значительно усложнили внутреннюю ситуацию в перечисленных странах и способствовали резкому росту количества мигрантов, прибывающих в страны Евросоюза²². По данным Еврокомиссии, число обращений в органы стран-членов ЕС с просьбой о предоставлении убежища в 2011–2012 г. выросло в среднем до 330 тыс. человек в год, тогда как убежище ежегодно получало только 70 тыс. беженцев, которые смогли доказать, что у себя на родине они подвергаются преследованиям по политическим или религиозным мотивам²³. Вмешательство боевиков-исламистов в гражданскую войну в Сирии в 2013 г. на стороне оппозиции и последующая активизация военной операции против провозглашенного в июне 2014 г. «Исламского государства» способствовали резкому оттоку населения страны из зоны конфликта²⁴. В этот период официальное число беженцев в ЕС возросло до 435 тыс. человек. Свою роль сыграла и эпидемия лихорадки Эбола в 2014 г. в Западной Африке, где смертность среди местного населения составила около 90% зараженных²⁵. В 2014 г. число беженцев составляло уже 626 тыс. человек²⁶, в 2015 г. их численность увеличилась в два раза и составила 1,256 тыс.²⁷. За первый квартал 2016 г. количество мигрантов составило 290 тыс. человек, что было на 33% меньше, чем в последнем квартале 2015 г. (426 тыс. человек)²⁸. При этом, согласно подсчетам Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, большая часть из них являются выходцами из Сирии – 31%, и Эритреи – 18%²⁹.

В то же время реальное количество беженцев в страны ЕС было значительно выше, так как 90% из них не имело возможности официально обратиться в миграционные органы стран-членов ЕС³⁰. Это заставляло беженцев пытаться попасть на территорию Евросоюза нелегально, что было использовано организованными преступными группировками, наладившими каналы нелегальной миграции и торговли людьми³¹. По данным ФРОНТЕКС существует семь каналов нелегальной миграции:

- **Западный африканский** – из Мавритании, Сенегала, Гамбии, Гвинеи, Кот-д’Ивуар, Мали, Нигерии и Нигера через территорию Западной Сахары на Канарские острова (Испания) (в 2014 г. им воспользовалось 276 мигрантов, в 2015 г. – 874, за январь – май 2016 г. – 273);

– **Западный средиземноморский** – из Сирии, Алжира, Марокко, Мавритании, Мали, Сенегала, Гвинеи, Кот-д’Ивуар, Нигерии и стран Африки южнее Сахары через Марокко в Испанию (в 2014 г. им воспользовалось 7,8 тыс. мигрантов, в 2015 г. – 7,2 тыс., за январь – май 2016 г. – 2,5 тыс.);

– **Центральный средиземноморский и Южноитальянский** – из Сирии, Ливии, Египта, Туниса, Афганистана, Пакистана, Эритреи, Сомали, Нигерии и стран Африки южнее Сахары через территорию Ливии в Италию (в 2014 г. им воспользовалось 170,8 тыс. мигрантов, в 2015 г. – 153,9 тыс., за январь – май 2016 г. – 70,4 тыс.);

– **Восточный средиземноморский** – из Сирии, Афганистана, Ирака, Пакистана в Македонию (в 2014 г. им воспользовалось 50,8 тыс. мигрантов, в 2015 г. – 885,4 тыс., за январь – май 2016 г. – 162,6 тыс.);

– **Западный Балканский** – из Сирии, Афганистана, Пакистана, Косово и стран Африки южнее Сахары в Венгрию (в 2014 г. им воспользовалось 43,4 тыс. мигрантов, в 2015 г. – 764 тыс., за январь – май 2016 г. – 119,5 тыс.);

– **Греко-Албанский** – из Албании в Грецию (в 2014 г. им воспользовалось 8,3 тыс. мигрантов, в 2015 г. – 8,9 тыс., за январь – май 2016 г. – 2,4 тыс.);

– **Восточный** – из России, Афганистана, Вьетнама, Сирии, Сомали через Украину в Словакию (в 2014 г. им воспользовалось 1,3 тыс. мигрантов, в 2015 г. – 1,9 тыс., за январь – май 2016 г. – 412)³²;

Крупнейшим считается Центральный средиземноморский канал, который проходит через территорию Ливии, где в результате гражданской войны государственный контроль в ряде регионов является весьма ограниченным³³. Отсюда в ЕС попадает около 60% всех нелегальных мигрантов³⁴.

Согласно подсчетам Еврокомиссии, общее количество нелегальных мигрантов, пытавшихся попасть на территорию ЕС в 2013 г., составило 178 тыс. человек. В 2014 г. их количество выросло на 155% и составило 276 тыс. человек³⁵. В 2015 г., по данным ФРОНТЕКС, составило 1,822 тыс. человек, что было на 660% больше, чем в 2014 г.³⁶.

Результатом дальнейшего развития вышеуказанных процессов стало то, что в 2015 г. Европейский союз столкнулся с существенным вызовом, получившим название «миграционного кризиса». Резкий приток мигрантов в страны ЕС породил ряд проблем. Прежде всего, это касалось безопасности самих мигрантов. Международные преступные группировки, контролирующие их потоки, были заинтересованы исключительно в получении прибыли (порядка 5–7 тыс. долларов с человека)³⁷, но никак не в безопасности доставки людей на территорию ЕС. Отсутствие альтернативы и каких-либо гарантий безопасности способствовали росту преступности (убийства и грабежи беженцев с целью наживы, торговля людьми), а также гибели мигрантов. Так, около 300 человек утонули при попытке пересечь Средиземное море во время шторма в феврале 2015 г., более 850 человек погибли во время кораблекрушения перегруженного корабля недалеко от острова Лампедуза (Италия) 19 апреля 2015 г., около 500 мигрантов утонули после выхода в море из г. Зуvara (Ливия) 27 августа 2015 г.³⁸, а 28 августа 2015 г. на границе Венгрии и Австрии был обнаружен запертый грузовик, в котором находились тела 71 беженца³⁹. Еще 24 афганских мигрантов спасла австрийская полиция, освободив их из наглухо закрытого кузова грузовой машины в ночь на 1 сентября 2015 г.⁴⁰. 16 октября 2015 г. французская полиция спасла мигрантов, которые, пытаясь пересечь границу с Великобританией, залезли в грузовик к белому медведю⁴¹. Все-го, по подсчетам Международной организации по миграции, в 2014 г. погибло 3333 человек; в 2015 г. число жертв среди мигрантов увеличилось до 3894 человек, а за первое полугодие 2016 г. число погибших и пропавших без вести мигрантов составило 2927 человек⁴².

Другим последствием неконтролируемой миграции является необходимость создания и содержания лагерей беженцев. В большинстве случаев документы нелегальных мигрантов оказываются умышленно или случайно уничтоженными, что осложняет процедуру проверки и требует создания специализированных мест для их содержания. Сегодня лагеря беженцев функционируют на территории всех стран ЕС, что налагает на них необходимость обеспечения беженцев продуктами питания, предметами гигиены, медицинской помощью и т.д. Это, в свою очередь, приводит к увеличению социальных нагрузок на бюджеты стран, на которые приходится основной приток нелегальных мигрантов (Италия, Греция, Австрия, Венгрия) и негативно сказывается на их экономическом развитии.

Признание нелегальных мигрантов беженцами порождает проблему их интеграции в европейское сообщество. Как известно, оптимальными формами интеграции мигрантов для принимающей страны является их ассимиляция (полное принятие беженцами новой культуры) или поликультурность (принятие правил новой культуры при сохранении собственных культурных традиций), что достигается через образование, здравоохранение, профессиональное обучение и трудоустройство. Большой наплыв мигрантов в страны ЕС в 2015 г. затруднял процесс ассимиляции, что усиливало риск их самоизоляции («геттизации») и превращения в маргинализованные группы⁴³. Кроме того, очевидно: большой приток в ЕС молодежи (около 50% мигрантов) и людей в возрасте 18–59 лет (около 46%), а также высокие показатели рождаемости (3 и более ребенка на семью при 1–2 детях у коренных европейцев) со временем будет способствовать замещению коренных европейских народов инокультурным населением⁴⁴.

Еще одним последствием «миграционного кризиса» стало увеличение в странах ЕС числа радикальных исламистов⁴⁵ и предпринимаемые ими попытки дестабилизации ситуации путем террористических актов⁴⁶, роста числа преступлений, совершаемых мигрантами⁴⁷, массовых протестов беженцев и их столкновения с правоохранительными органами⁴⁸, массовых выступлений и демонстраций против наплыва беженцев (Чехия⁴⁹, Словакия⁵⁰, Германия⁵¹, Латвия⁵², Швеция⁵³) или в поддержку защиты прав мигрантов (Австрия, Италия и Греция⁵⁴). Осуществление дискриминационных ограничений в отношении определенных групп беженцев-мусульман вело к активизации исламских политических партий, общественных движений и ассоциаций, росту их влияния на политическую жизнь европейских стран⁵⁵. Это, в свою очередь, приводило к активизации местных националистических организаций, способствовало обострению взаимоотношений между коренным населением и мигрантами, вело к росту антииммигрантских настроений⁵⁶.

С целью преодоления «миграционного кризиса» Европейским Союзом с апреля 2015 г. принимается ряд мер, направленных на урегулирование неконтролируемого потока мигрантов. Так, 23 апреля 2015 г., в ходе чрезвычайного саммита ЕС по вопросам миграции было принято решение усилить сотрудничество национальных миграционных органов стран-членов ЕС, Европола, ФРОНТЕКС, Европейского бюро по вопросам предоставления убежища и Евроюста. Ключевыми моментами борьбы с нелегальной миграцией были признаны использование военно-морских сил для проведения операций по захвату и уничтожению судов контрабандистов до того, как они будут использованы для транспортировки людей⁵⁷, активизация деятельности Европола по обнаружению и удалению интернет-контента, используемого торговцами людьми, чтобы привлекать мигрантов и беженцев, расширение сотрудничества со странами Северной Африки и Ближнего Востока (в первую очередь с Ливией) с целью реализации программ быстрого возвращения нелегальных мигрантов, распределение лиц, попадающих под действие европейского права на убежище и защиту по всем странам Евросоюза⁵⁸. Кроме того, лидеры ЕС в 3 раза увеличили финансирование программ ФРОНТЕКС («Тритон» и «Посейдон»), направленных на проведение поисковых и спасательных операций в Средиземном море у берегов Италии и Греции. К примеру, объемы ежемесячного финансирования программы «Тритон» составили 9 млн. евро в месяц⁵⁹. Результатами такого увеличения финансирования стало повышение эффективности спасательных операций. Так, в результате 20 операций около берегов Ливии было спасено около 4,7 тыс. нелегальных мигрантов, которые пытались переплыть Средиземное море в надувных лодках⁶⁰. Помимо этого ЕС согласовал финансирование в размере 2,4 млрд. евро, выделяемых в течение 6 лет Италии (560 млн.) и Греции (470 млн.), как странам наиболее пострадавшим от наплыва мигрантов⁶¹.

13 мая 2015 г. Комиссия ЕС представила План действий против незаконного ввоза мигрантов (2015–2020), который содержал конкретные меры по пресечению и предотвращению незаконной миграции на территории Евросоюза⁶². В частности предусматривались:

- устранение коренных причин нелегальной миграции в сотрудничестве со странами происхождения и транзита нелегальных мигрантов;
- создание условий для обеспечения защиты прав человека, применительно к беженцам;
- укрепление сотрудничества с третьими странами вдоль маршрутов нелегальной миграции;

- информационные и профилактические кампании в ключевых странах происхождения и транзита мигрантов о возможностях законного въезда в ЕС;
- финансирование информационных кампаний об опасности нелегальной миграции;
- создание единой базы лиц, пытавшихся нелегально попасть в страны ЕС;
- улучшение координации между правоохранительными и судебными структурами в ЕС, а также третьими странами, в направлении проведения активных финансовых расследований с целью конфискации доходов от преступной деятельности, связанной с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов;
- усиление санкций за использование труда нелегальных мигрантов в сфере строительства, сельского хозяйства и садоводства, сфере обслуживания;
- мониторинг интернет-контента с целью выявления ресурсов, направленных на привлечение нелегальных мигрантов.

Значительной проблемой в контексте «миграционного кризиса» стало распределение беженцев внутри Европейского союза. Согласно действующей Дублинской конвенции, за соискателя статуса беженца отвечает первая страна, границу которой он пересек, направляясь в Европу. По этому принципу Греция, Италия, Болгария и Венгрия должны отвечать за наибольшее количество просителей убежища. Фактически же соискатели статуса беженца направляются в Германию, Францию, Швецию, Великобританию и Бельгию, которые теоретически не должны их принимать, что порождает споры и конфликтные ситуации между странами-членами ЕС. Отсутствие единой базы мигрантов и различия в правилах и процедуре рассмотрения прошений о предоставлении убежища давало мигрантам возможность после отклонения прошения в одной стране, делать попытки получить статус беженца в других странах ЕС⁶³. Кроме того, плохо работающая система депортации нелегальных мигрантов способствовала тому, что в исполнение приводилась лишь треть решений об отказе в предоставлении убежища. Остальные мигранты продолжали оставаться в ЕС нелегально⁶⁴.

С целью унификации миграционной политики Евросоюза, а также снятия нагрузки со стран, на которых приходится основной поток беженцев, Европарламент 13 июля 2015 г. принял Директиву по миграционной политике ЕС. Этот документ с 2016 г. вводил новые правила процедуры предоставления убежища, в соответствии с которыми статус беженца, полученный в одной из стран Евросоюза, должен будет признаваться в остальных государствах ЕС. С целью упрощения процедуры депортации уже к сентябрю 2015 г. Еврокомиссия должна была предоставить проект единого списка безопасных третьих стран (на данный момент в некоторых странах ЕС Косово и Ирак считаются безопасными странами, а в некоторых государствах Западных Балкан, являющиеся официальными кандидатами на членство в ЕС, признаны не безопасными)⁶⁵. Процедура получения убежища была ускорена до 6 месяцев. Несоввершеннолетним беженцам без сопровождения взрослых было предоставлено право подавать заявления о предоставлении убежища в любой стране ЕС, а не только в той, куда они прибыли. Иммигранты получали право работать уже через 9 месяцев после своего въезда в страну, а не через 12, как ранее. Также было принято решение о том, что пособия беженцам должны быть подняты до уровня пособий, выплачиваемых гражданам стран-членов ЕС. Однако выдаваться они должны не наличными, а специальными чеками на продукты питания и одежду⁶⁶. Одновременно увеличивался максимальный срок содержания нелегальных мигрантов под арестом до 18 месяцев⁶⁷.

Кроме того, в конце июля 2015 г. главы министерств иностранных дел государств ЕС согласовали предварительные квоты на распределение 50 тыс. мигрантов (32,25 тыс. беженцев находящихся в Италии и Греции, а также 22,5 тыс. потенциальных мигрантов) между странами-членами ЕС. Предполагалось, что больше всего беженцев примут Германия – 12,1 тыс., Франция – 9,13 тыс., Нидерланды – 3,05 тыс., Испания – 2,75 тыс., Бельгия – 2,46 тыс., Великобритания – 2,2 тыс., Польша – 2 тыс., Австрия – 1,9 тыс., Италия – 1,99 тыс., Швеция – 1,86 тыс., Румыния – 1,79 тыс., Португалия – 1,5 тыс., Чехия – 1,5 тыс., Ирландия – 1,12 тыс., Финляндия – 1,09 тыс. и Дания – 1 тыс. Еще 3,26 тыс. мигрантов предполагалось распределить между Хорватией – 550, Болгарией – 500, Грецией – 354, Люксембургом – 350, Литвой – 325, Латвией – 250, Словенией – 250, Кипром – 242, Словакией – 200, Эстонией – 150 и Мальтой – 74. Венгрия беженцев принимать отказалась. Часть будущего потока беженцев согласились принять европейские страны,

не являвшиеся членами ЕС: Норвегия – 3,5 тыс. человек, Швейцария – 519 человек, Исландия – 50 человек и Лихтенштейн – 20 человек⁶⁸. Последовавшее обсуждение данного законопроекта в августе 2015 г. вызвало серьезные разногласия между странами-членами Евросоюза. Особенно остро встал вопрос распределения квот на прием беженцев. Активную позицию в этом вопросе заняла Германия, которая, ссылаясь на договор о Шенгенской зоне, поддерживала необходимость пропорционального распределения беженцев⁶⁹. Против обязательных квот для принятия беженцев выступили 12 из 28 стран ЕС: Франция, Великобритания, Дания, Ирландия, Испания, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, которые считали, что решение вопросов о предоставлении убежища должно решаться каждой страной на ее усмотрение⁷⁰.

Словацкая Республика, как одна из приграничных стран-членов Европейского Союза с 2004 г. и участница «Шенгенского соглашения»⁷¹ с 2007 г., в 2015 г. непосредственно столкнулась с последствиями «миграционного кризиса» ЕС. Прежде всего, это было обусловлено тем, что через территорию Словакии пролегает т.н. Восточный маршрут нелегальной миграции в ЕС⁷². В 2013 г. поток нелегальных мигрантов через территорию страны составил 828 человек⁷³. В 2014 г. их численность увеличилась до 1304⁷⁴, а в 2015 г. – до 2601 человек⁷⁵. Преимущественно это были выходцы из Украины, Афганистана, Сомали, Молдовы, Грузии, России, Эритреи, Вьетнама, Сербии и Сирии, которые попадали в Словацкую Республику через границу с Украиной⁷⁶. Одной из особенностей Словакии было и то, что она редко являлась целевой страной для нелегальных мигрантов. Основная масса нелегалов стремились использовать ее для транзита в Австрию, Германию, Италию, Бельгию или Швецию⁷⁷. В то же время количество официальных заявок на предоставление статуса беженца в Словакии было одним из самых низких по ЕС, едва превышая несколько сотен в год⁷⁸. Статус беженца в Словакии получили еще меньше: в 2014 г. – 14 человек⁷⁹, а в 2015 г. – всего 8⁸⁰.

Решение коммунитарных органов ЕС разместить в стране 785 беженцев из Сирии и Эритреи было негативно воспринято как населением, так и руководством страны⁸¹. Причины этого заключаются в ряде существенных угроз социальной стабильности и национальной безопасности Словацкой Республики, а именно:

– **Дестабилизация религиозной сферы.** Большинство сирийцев и почти половина эритрейцев исповедуют ислам. Словакия всегда была многоконфессиональным государством, 62% населения которой являются римо-католиками, 8,9% – протестантами, 3,8% – греко-католиками, 0,9% – православными, 0,3% – свидетелями Иеговы, 0,5% – представителями неокультов, 13,3% – атеистами, 10,6% – не определились со своим вероисповеданием⁸². При этом в Словакии нет сколько-нибудь значительных мусульманских религиозных организаций или общин, а также ни одной мечети. Кроме того, по данным Центра исследования наций и культур, более 70% жителей Словакии выступают принципиально против существования ислама в стране. Люди боятся, что строительство исламского центра приведет к массовому переезду мусульман в этот район и их последующему доминированию там⁸³. В таких условиях переселение в страну значительного количества мусульман может спровоцировать конфликты на религиозной почве.

– **Активизация деятельности террористических организаций.** Существует высокая вероятность, что часть беженцев из вышеуказанных стран являются приверженцами идеологии экстремистских и фундаменталистских течений мусульманства, что создает угрозу проникновения на территорию страны радикальных исламистских группировок, таких как «Исламское государство», и распространении их деятельности на территории Словакии⁸⁴.

– **Проблемы социальной адаптации.** Несмотря на то, что половина беженцев из Эритреи по вероисповеданию являются христианами, данная страна принадлежит к одной из самых жестких диктатур в мире, что дает повод правительству Словакии предполагать значительные сложности в полноценной интеграции эритрейцев в словацкое общество, возникновение угрозы роста преступности и формирования закрытых гетто по типу ромских общин⁸⁵.

– **Дополнительная нагрузка на бюджет.** Согласно международному праву и законодательству Словацкой Республики, лица, получившие убежище, имеют право на воссоединении семьи, что увеличивает количество беженцев в несколько раз. Сегодня содержание одного беженца обходится Словакии в 1,5 тыс. евро в месяц⁸⁶. В случае согласия на

принятие предусмотренного Еврокомиссией числа беженцев страна ежегодно вынуждена будет расходовать свыше 3,5 млн. евро, что негативно скажется на многих внутренних социальных программах.

Озвучивая словацкую позицию по вопросам квот на распределение мигрантов, премьер-министр Р. Фицо заявил: Словакия, согласно действующей Концепции миграционной политики (2011–2015 гг.)⁸⁷, готова выполнить партнерские обязательства по ЕС и принять в страну 200 сирийцев-христиан, которые находятся в лагерях в Италии, Турции и Греции. Данное решение Р. Фицо обосновал необходимостью сохранения межконфессиональной стабильности и опасениями, что мусульмане не смогут полноценно интегрироваться в словацкое общество⁸⁸. Несмотря на серьезную критику со стороны ряда других стран-членов ЕС и ООН, а также обвинения в нарушении прав человека и дискриминации по религиозному признаку, руководство страны продолжало придерживаться данной позиции⁸⁹. В своих выступлениях премьер-министр Словакии неоднократно заявлял, что политика ЕС в отношении мигрантов не сработала и требует кардинального изменения. Он подчеркивал, что проблему с беженцами нужно решать в месте ее возникновения, нормализуя ситуацию в странах-поставщиках мигрантов, а не пытаться сосредоточиться на борьбе с последствиями, которыми является наплыв беженцев в странах ЕС⁹⁰. Кроме того, Р. Фицо неоднократно подчеркивал, что большую обеспокоенность у Словакии вызывает не всплеск беженцев из Африки, а сохраняющаяся возможность активизации военного конфликта в Украине, которая может спровоцировать значительный приток беженцев уже на территорию Словацкой Республики⁹¹.

Дальнейшее углубление «миграционного кризиса» осенью 2015 г. заставило ЕС пересмотреть свое отношение к данной проблеме. Так, по словам Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, в Евросоюзе появилось понимание того, что данный кризис не скоротечная экстренная ситуация, а серьезная проблема, требующая принятия решений на долгосрочную перспективу⁹². В связи с этим Еврокомиссия предложила Дорожную карту из 5 шагов: прием и расселение беженцев из охваченных войной регионов, создание специальных точек приема беженцев в ЕС и за его пределами, отсев и возврат на родину экономических мигрантов из мирных стран, переход к активным действиям против контрабандистов и торговцев людьми, активизация взаимодействия с Турцией и оказание содействия мирным странам Северной Африки для размещения беженцев там, активное содействие урегулированию ситуации в Сирии и Ливии⁹³. Также, для снижения нагрузки на приграничные страны ЕС (Италию, Грецию, Венгрию) Еврокомиссией был разработан и 9 сентября 2015 г. представлен план дополнительного перераспределения части беженцев (120 тыс. человек), прибывших в эти страны, между остальными государствами Евросоюза («план Юнкера»)⁹⁴. В частности, по «плану Юнкера» Словакия должна была принять еще 785 мигрантов, что требовало от нее увеличения бюджетных расходов на 4,7 млн евро⁹⁵.

«План Юнкера» обсуждался 14 сентября 2015 г. на экстренном заседании министров юстиции и внутренних дел, где против увеличения квот на распределение мигрантов выступили представители Словакии, Чехии, Венгрии и Румынии. Из-за того, что решение по данному вопросу принимается единогласно, инициатива Ж.-К. Юнкера была провалена⁹⁶. Но уже на следующем заседании Германия инициировала изменения процесса принятия решений на голосование простым большинством, в результате чего квоты были одобрены⁹⁷, а само решение утверждено на внеочередном саммите ЕС 23 сентября 2015 г.⁹⁸. Однако Словакия, а за ней и другие страны ЦВЕ, отказались выполнять «план Юнкера»⁹⁹. Несогласная с навязанным ей решением Словацкая Республика обратилась в Европейский суд с иском о признании недействительным решения Евросоюза о распределении 120 тыс. беженцев как технически невыполнимого¹⁰⁰. Одновременно с этим министр внутренних дел Словакии Р. Калиния заявил о намерении возвести стену на границе с Венгрией, чтобы полностью закрыть мигрантам доступ на территорию страны¹⁰¹. К частичному закрытию своих границ для защиты от мигрантов прибегли Венгрия, Словения и Хорватия¹⁰².

Сложившаяся ситуация спровоцировала новый виток «миграционного кризиса», что, в свою очередь, активизировало в ЕС дискуссии по вопросам его разрешения. Зачастую инициатором таких дискуссий выступала Еврокомиссия, глава которой Ж.-К. Юнкер 9 октября 2015 г. призвал ЕС уделить приоритетное внимание поиску путей выхода из кризиса¹⁰³. В

рамках данной инициативы 25 октября 2015 г. состоялся экстренный саммит глав 8 стран-членов ЕС (Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Румыния, Словакия, Хорватия) при участии ассоциированных стран (Албания, Сербия, Македония), посвященный проблеме миграции. В рамках саммита был согласован «план 17 пунктов»¹⁰⁴, предусматривавший постоянный ежедневный обмен информацией и запросами о необходимости поддержки, ограничение вторичных перемещений, поддержку беженцев в вопросах предоставления им временного убежища (обеспечение временными пристанищами, питанием, санитарными условиями и медицинской помощью), увеличение пропускной способности лагерей беженцев в Греции до 30 тыс. мест к концу 2015 г. и выделение ей дополнительного финансирования, сотрудничество с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и международными финансовыми институтами (по вопросам финансовой поддержки), совместное управление миграционными потоками (максимально быстрая регистрация прибывших с использованием биометрических данных, обмен информацией о размере потоков, сотрудничество с Европейской комиссией и ФРОНТЕКС, активизация усилий по возвращению мигрантов, не нуждающихся в международной защите, реализация существующих сообщений о реадмиссии), приграничный контроль (сотрудничество с Турцией, Македонией, Албанией, Сербией, отказ во въезде граждан третьих стран, которые не нуждаются в международной защите), активизация борьбы Европола, Интерпола и ФРОНТЕКС с незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми, проведение информационной кампании среди беженцев и мигрантов об их правах и обязанностях, еженедельный контроль за выполнением всех вышеуказанных обязательств со стороны Еврокомиссии¹⁰⁵. Кроме того, в бюджете ЕС на 2016 г., принятом 25 ноября 2015 г., на решение проблемы миграции и беженцев предусматривалось выделение 1,16 млрд. евро¹⁰⁶, а на саммите Евросоюза в Брюсселе 29 ноября 2015 г. была достигнута договоренность о выделении Турции 3 млрд. евро для последующего размещения беженцев на ее территории¹⁰⁷.

Но, несмотря на все усилия ЕС, к концу 2015 г. поток беженцев в Европу не прекратился. Только в период новогодних праздников, с 1 по 12 января 2016 г., через Средиземноморский канал в Европу прибыли около 18,9 тыс. нелегальных мигрантов. При этом жертвы среди беженцев составили 53 человека (утонувшими)¹⁰⁸. Некоторые страны (Франция, Германия, Австрия) даже вынуждены были на время приостановить действие «Шенгенского соглашения» для наведения порядка внутри страны¹⁰⁹.

Ситуацию с мигрантами в ЕС осложнил инцидент в Кельне (Германия) в ночь с 31 декабря 2015 г. на 1 января 2016 г., связанный с массовыми сексуальными домогательствами, совершенными большими группами арабской и африканской молодежи прямо в центре города¹¹⁰. Данный факт спровоцировал широкий общественный резонанс как в самой Германии (митинги¹¹¹, нападения на мигрантов¹¹²), так и в остальных странах ЕС¹¹³. Особенно острой оказалась реакция Словакии и поддержавших ее стран «Вышеградской группы», представители которых выступили за принятие решительных мер для скорейшего урегулирования «миграционного кризиса». Так, премьер-министр Словакии Р. Фицо призвал власти ЕС провести внеочередной саммит по вопросам миграции, где предложил обсудить усиление охраны внешних границ ЕС и выход из Шенгенской зоны тех государств, которые не могут или не желают обеспечить надлежащий пограничный контроль, а также рассмотреть вопросы скорейшего создания лагерей беженцев за пределами Евросоюза на Балканах и в Северной Африке¹¹⁴. Аналогичная позиция о необходимости усиления борьбы с миграцией была озвучена главами стран «Вышеградской группы» по результатам саммита 15 февраля 2016 г.¹¹⁵.

На заседании министров внутренних дел стран-членов ЕС в январе 2016 г. даже было принято решение приостановить «Шенгенское соглашение» сроком до двух лет¹¹⁶, несмотря на то, что введение контроля на внутренних границах ЕС потребовало бы увеличение ежегодных расходов на сумму в 18 млрд. евро и создало ряд других проблем (необходимость увеличения штата пограничников, замедление грузоперевозок, сокращение числа туристов)¹¹⁷. Оценивая сложившуюся ситуацию, президент Европейского Совета Д. Туск заявил, что у Евросоюза осталось не более двух месяцев, чтобы взять ситуацию под контроль, иначе Шенгенская зона может прекратить свое существование¹¹⁸.

Именно поэтому очередной саммит Европейского Совета 17–18 марта 2016 г. был посвящен исключительно решению проблемы «миграционного кризиса», а именно: утверж-

дению т.н. «плана Меркель» – договоренностей между ЕС и Турцией, достигнутых на внеочередном саммите 7 марта 2016 г. В частности, странам ЕС удалось достичь договоренности с Анкарой о реадмиссии мигрантов, прибывших с ее территории на территорию Греции после 20 марта 2016 г. Взамен ЕС выделил Турции 3 млрд. евро на обустройство лагерей беженцев на ее территории, а также пообещал возобновить переговоры о вступлении Турции в Евросоюз, прекращенные по инициативе Франции в 2007 г.¹¹⁹.

Дальнейшие попытки унифицировать миграционное законодательство ЕС путем реформы Дублинской конвенции, предпринятые органами ЕС в мае 2016 г., натолкнулись на ожесточенное сопротивление со стороны Словакии и других стран Центральной Восточной Европы. Они, как и раньше, выступали против легализации механизма, обязывавшего каждую страну ЕС принять у себя определенное количество беженцев или заплатить штраф¹²⁰. Вместо этого они призывали Евросоюз не бороться с последствиями в виде наплыва мигрантов, а способствовать стабилизации ситуации в странах-экспортерах мигрантов¹²¹.

Ситуация вокруг «миграционного кризиса» в Европе нашла свое отражение и во внутренней политике Словакии. На фоне коррупционных скандалов и экономической неопределенности рейтинг социал-демократов, по результатам парламентских выборов 2012 г. сформировавших однопартийное правительство, значительно снизился¹²². В то же время попытки ряда политических партий использовать в своих предвыборных программах риторику, связанную с наплывом мигрантов в ЕС, привели к росту популярности правоцентристов, консерваторов и ультраправых националистов¹²³. Так, по результатам очередных парламентских выборов 5 марта 2016 г. в состав парламента вошли 8 партий: социал-демократическая «Направление – Социал-демократия» получила 28,3% (49 мест в парламенте), либеральная правоцентристская «Свобода и солидарность» – 12,1% (21 место), консервативная «Обычные люди и независимые личности» – 11% (19 мест), ультраправая «Словацкая национальная партия» – 8,6% (15 мест), ультраправая «Народная партия – Наша Словакия» – 8% (14 мест), популистская «Мы – семья» – 6,6% (11 мест), умеренная партия венгерского меньшинства «Мост-Хид» – 6,5% (11 мест) и правоцентристская «# Сеть» – 5,6 % (10 мест)¹²⁴. После формирования коалиции 23 марта 2016 г. Р. Фицо сформировал свое третье правительство, в состав которого вошли 9 представителей «Направления», 3 представителя «Свободы и солидарности», 2 представителя «Мост-Хид» и 1 представитель партии «# Сеть»¹²⁵.

В вопросах разрешения «миграционного кризиса» представители новой правоцентристской коалиции придерживались приблизительно схожих взглядов. Все они выступали против действующей миграционной политики Евросоюза и были противниками размещения беженцев-мусульман на территории Словакии¹²⁶. Это подтверждают и высказывания Р. Фицо уже в качестве главы нового правительства, о том, что «исламу нет места в нашей стране»¹²⁷.

Существенную возможность повлиять на политику ЕС в отношении миграции Словацкая Республика получила с 1 июня 2016 г., когда пришла ее очередь председательствовать в Совете Европейского Союза¹²⁸. По словам главы МИД М. Лайчака, Братислава планирует усилить свою роль в разрешении «миграционного кризиса». В частности, она будет выступать против введения обязательных механизмов распределения беженцев между странами-членами, за предоставление приоритета в получении гражданства ЕС высококвалифицированным специалистам и за укрепление Шенгенской зоны¹²⁹. В то же время, учитывая сложившуюся в Европе ситуацию, Словацкая Республика вынуждена будет сосредоточиться на преодолении кризисных явлений и отказаться от реализации своих традиционных дипломатических интересов: поддержки процесса евроинтеграции западных балканских стран (Сербии, Черногории) и стабилизации ситуации в проблемных государствах региона (Боснии и Косово)¹³⁰.

Таким образом, «миграционный кризис» 2015–2016 гг. является серьезным вызовом существованию ЕС. Среди его причин мы можем выделить как внешние (мировой экономический кризис, революции и военные действия в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, активизация террористической организации «Исламское государство», неблагоприятная эпидемиологическая ситуация в Западной Африке), так и внутренние (отсутствие единого миграционного законодательства, несовершенство системы выдворения

нелегальных мигрантов, в том числе нехватка сотрудников миграционных служб, правоохранителей, переводчиков, нескоординированные действия правоохранительных органов стран-членов ЕС, отсутствие необходимого финансирования из-за значительных расходов, не предусмотренных бюджетами стран-членов ЕС) факторы, существенно повлиявшие на ход дальнейших событий. Одной из ключевых особенностей кризиса являлись многочисленные разногласия между странами-членами Евросоюза, которые не позволили своевременно сформировать эффективную политику урегулирования существующих проблемных вопросов. Кризис продемонстрировал неготовность коммунитарных органов Евросоюза своевременно реагировать на современные глобальные вызовы, необходимость дальнейшего углубления наднационального сотрудничества для сохранения ЕС.

Первоначально, в контексте миграционного кризиса, Словацкая Республика занимала умеренную позицию, которая заключалась в поддержке мер, предпринимаемых Брюсселем для сдерживания потоков нелегальных мигрантов. Но их недостаточная эффективность и дальнейшее попытки Еврокомиссии урегулировать ситуацию за счет простого увеличения квот на распределение беженцев среди стран Центральной Восточной Европы, без учета их этноконфессиональных особенностей, на фоне резонансных скандалов с участием мигрантов, заставила Словакию ужесточить свою позицию и выдвинуть альтернативные предложения по нормализации ситуации в странах-экспортерах мигрантов в ЕС. Существенным моментом стала демонстрация решимости Словацкой Республики отстаивать собственные национальные интересы и интересы других государств ЦВЕ, противоречащие интересам «старых» стран-членов ЕС, не выходя при этом за рамки европейского коммунитарного законодательства. И даже наличие непростой внутривнутриполитической ситуации не помешало Словацкой Республике успешно создать коалиционное правительство и с 1 июля 2016 г. возглавить Совет Европейского Союза, что значительно расширило возможности страны отстаивать позиции стран ЦВЕ при урегулировании «миграционного кризиса» ЕС. Будут ли действия, предпринятые правительством Р. Фицо эффективными, покажет только время.

¹ Миграция населения зарубежной Европы в XIX–XX веках. – URL: www.lib7.com/evropa/683-migracija-europa.html (дата обращения: 21.07.16); *Малиновська О. А.* Міграційна політика Європейського союзу: виклики та уроки для України. – К.: НІСД, 2014. – С. 4; *Анисимов В.* Три волны мигрантов: фашисты и исламисты перебеют друг друга на руинах Европы. – URL: www.riafan.u/515774-trivolny-migrantov-fashisty-i-islamisty-perebyut-drug-druga-na-ruinah-evropy (дата обращения: 21.07.16).

² TREVI group – Terrorisme, Radicalisme, Extremisme, Violence Internationale.

³ The Schengen Agreement. – URL: www.eu-history.leidenuniv.nl/index.php3?m=10&c=11&ga=0.0006294698499477169&session= (дата обращения: 22.07.16).

⁴ Single European Act. – URL: www.europa.eu.int/eur-lex/en/search/treaties_other.html (дата обращения: 22.07.16).

⁵ Dublin Convention. – URL: [www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:41997A0819\(01\)](http://www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:41997A0819(01)) (дата обращения: 22.07.16).

⁶ The Schengen acquis - Convention implementing the Schengen Agreement of 14 June 1985 between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders. – URL: [www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:42000A0922\(02\):en:HTML](http://www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:42000A0922(02):en:HTML) (дата обращения: 22.07.16).

⁷ Treaty of Maastricht. – URL: www.eurotreaties.com/maastrichttext.html (дата обращения: 22.07.16).

⁸ *Малиновська О.А.* Міграційна політика Європейського союзу: виклики та уроки для України. – К.: НІСД, 2014. – С. 4; Корреспондент: Балканский опыт решения проблемы беженцев. – URL: www.korrespondent.net/world/3439152-korrespondent-balkanskiy-opyt-resheniya-probleblemy-bezhtentsev (дата обращения: 21.07.16).

⁹ Treaty of Amsterdam. – URL: www.eurotreaties.com/amsterdamtreatu.pdf (дата обращения: 22.07.16).

¹⁰ Tampere European Council 15 and 16 October 1999. – URL: www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm (дата обращения: 22.07.16).

¹¹ Европейская интеграция / Под ред. О. Буториной. – М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. – С. 254–260.

¹² Там же. – С. 260–261; *Малыха М.И.* Новые вызовы для современной миграционной политики Европейского Союза. – URL: www.st-hum.ru/content/malyha-mi-novye-vyzovy-dlya-sovremennoy-migratsionnoy-politiki-evropeyskogo-soyuza (дата обращения: 21.07.16).

¹³ Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents. – URL: www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:016:0044:0053:EN:PDF (дата обращения: 22.07.16).

¹⁴ Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the right to family reunification. – URL: www.eur-DFlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:251:0012:0018:EN:PDF (дата обращения: 22.07.16).

¹⁵ Directive 2011/98/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on a single application procedure for a single permit for third-country nationals to reside and work in the territory of a Member State and on a common set of rights for third-country workers legally residing in a Member State. – URL: www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:343:0001:0009:EN:PDF (дата обращения: 22.07.16).

¹⁶ Directive 2008/115/EC of the European Parliament and the Council of 16 December 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals. – URL: www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32008L0115 (дата обращения: 22.07.16).

¹⁷ Treaty of Lisbon. – URL: www.eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=CELEX:12007L/TXT (дата обращения: 22.07.16).

¹⁸ European Pact on Immigration and Asylum. – URL: www.register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st13/st13440_en08.pdf (дата обращения: 22.07.16).

¹⁹ Луцишин Г. Миграційна криза в ЕС: проблеми безпеки зовнішніх кордонів та загострення між-етнічних відносин // Політичні науки. – 2015. – № 2. – С. 42.

²⁰ Рыбак Я. Последствия мирового экономического кризиса для европейских стран. – URL: www.rusnauka.com/24_PNR_2009 (дата обращения: 27.07.16).

²¹ Зиссер Э. «Арабская весна» перевернула Ближний Восток. – URL: www.inosmi.ru/politics/20151220/234857005.html (дата обращения: 26.07.16).

²² Portes J. The truth about the people and numbers in loud and furious migration debate. – URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2015/aug/01/calais-illegal-immigrant-uk-facts> (дата обращения: 10.12.15); 8 reasons Europe's refugee crisis is happening now. – URL: www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-europes-refugee-crisis-is-happening-now (дата обращения: 10.12.15); Цзяньсюань Ш. Беспорядки на Ближнем Востоке беспокоят весь мир. – URL: www.russian.people.co.cn/315207305852.html (дата обращения: 27.07.16).

²³ В ЕС появились новые правила для приема беженцев. – URL: www.dw.com/ru/v-es-poyavilis-novye-pravila-dlya-priema-bezhenцев/a-16876859 (дата обращения: 11.12.15).

²⁴ 8 reasons Europe's refugee crisis is happening now. – URL: www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-europes-refugee-crisis-is-happening-now (дата обращения: 10.12.15).

²⁵ Миграционный кризис в ЕС от транснационального олигархата. – URL: www.politpuzzle.ru/3495-migratsionnyj-krizis-v-es-transnatsionalnogo-oligarhata/ (дата обращения: 11.12.15).

²⁶ Why is EU struggling with migrants and asylum? – URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-24583286> (дата обращения: 12.12.15).

²⁷ Do Európy vlani prišlo 1,5 milióna imigrantov: Už chcú ich počet obmedziť. – URL: <http://premuza.noviny.sk/c/zaujímavosti-premuza/do-euro-py-vlani-prislo-1-5-miliona-imigrantov-uz-chcu-ich-pocet-obmedzit> (дата обращения: 01.02.16). BBC: Более миллиона мигрантов добрались до Европы по морю. – URL: www.unian.net/world/1226711-bbc-bole-milliona-migrantov-dobralis-do-evropyi-pomorju.html (дата обращения: 01.02.16).

²⁸ Number of first time asylum seekers down to fewer than 290 000 in the first quarter of 2016. – URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7494855/3-16062016-BP-EN.pdf/4fi50bf8-82fc-4af0-9907-9c8546feb130> (дата обращения: 27.07.16).

²⁹ The Economist explains Everything you want to know about migration across the Mediterranean. – URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2015/05/economist-explains-6> (дата обращения: 21.12.15).

³⁰ Do Európy od začiatku roka preniklo štvrt milióna nelegálnych migrantov. – URL: <http://www.chelemendik.sk/Do-Euro-py-od-zaciatku-roka-preniklo-stvrt-miliona-nelegalnych-mi-158978118.html> (дата обращения: 13.12.15); Europol and Interpol issue comprehensive review migrant smuggling networks. – URL: www.europol.europa.eu/content/europol-and-interpol-issue-comprehensive-review-migrant-smuggling-networks (дата обращения: 26.07.16).

³¹ The real reasons why migrants risk everything for a new life elsewhere. – URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/world/the-real-reasons-why-migrants-risk-everything-for-a-new-life-elsewhere/article24105000/> (дата обращения: 24.12.15).

³² The Routes Of Illegal Entries In The Year 2014. – URL: <https://epthinktank.eu/2015/04/27/irregular-immigration-in-the-eu-facts-and-figures-illegal-border-crossing-sea-land-map/> (дата обращения: 30.07.16); Detections Of Illegal Border Crossing In The EU (2015). – URL: <https://epthinktank.eu/2015/09/07/eu-migratory-challenge-possible-responses-to-the-refugee-crisis/fig-1-detection-s-of-illegal-border-crossing-in-the-eu/> (дата обращения: 30.07.16); Migratory routes map. – URL: www.frontex.eu

europa.eu/trends-and-routes/ migratory-routes-map/ (дата обращения: 16.07.16); Дом как крепость: ЕС готовится отбить волну нелегальной миграции. – URL: www.top.rbc.ru/politics/31/08/2015/55e43b7a9a79476b652c65a7 (дата обращения: 18.12.15); The Economist explains Everything you want to know about migration across the Mediterranean. – URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2015/05/economist-explains-6> (дата обращения: 21.12.15); Why is EU struggling with migrants and asylum? – URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-24583286> (дата обращения: 12.12.15); Словакия намерена принимать только беженцев-христиан. – URL: www.Gordonua.com/news/worldnews/Slovaqiya-namerena-prinimat-tolko-bezhencev-hristian-94773.html (дата обращения: 24.12.15).

³³ Illegal immigration: Is Europe losing control of its borders? – URL: <http://humanevents.com/2015/01/19/illegal-immigration-is-europe-losing-control-of-its-borders/> (дата обращения: 13.12.15).

³⁴ Utečenci, Európa a Slovensko: otázky a odpovede. – URL: <https://dennikn.sk/161366/utecenci-europa/> (дата обращения: 13.12.15).

³⁵ Illegal immigration: Is Europe losing control of its borders? – URL: <http://humanevents.com/2015/01/19/illegal-immigration-is-europe-losing-control-of-its-borders/> (дата обращения: 13.12.15).

³⁶ Detections Of Illegal Border Crossing In The EU (2015). – URL: <https://epthinktank.eu/2015/09/07/eu-migratory-challenge-possible-responses-to-the-refugee-crisis/fig-1-detection-s-of-illegal-border-crossing-in-the-eu/> (дата обращения: 30.07.16)

³⁷ Illegal immigration: Is Europe losing control of its borders? – URL: <http://humanevents.com/2015/01/19/illegal-immigration-is-europe-losing-control-of-its-borders/> (дата обращения: 13.12.15).

³⁸ Why is EU struggling with migrants and asylum? – URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-24583286> (дата обращения: 12.12.15)

³⁹ Грузовик с мертвыми мигрантами обнаружен в Австрии. – URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150825_austria_migrants_death (дата обращения: 21.12.15); В Венгрии прошли аресты после обнаружения 71 трупа в грузовике. – URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150826_austria_police_death_migrants (дата обращения: 21.12.15).

⁴⁰ Schlepper-Transport gestoppt: Opfer fast erstickt. – URL: www.krone.at/Oesterreich/Schlepper-Transport-gestoppt-pfer-fast-erstickt-Akute-Lebensgefahr-Story-470039 (дата обращения: 24.12.15).

⁴¹ Московский медведь напугал нелегальных мигрантов в Кале. – URL: www.bbc.com/russian/news/2015/10/151014_bear_surprises_migrants (дата обращения: 12.12.15).

⁴² Migrant fatalities Worldwide. – URL: www.missingmigrants.iom.int/latest-global-figures (дата обращения: 30.07.16); Do Európy od začiatku roka preniklo štvrt milióna nelegálnych migrantov. – URL: http://www.chelemendik.sk/Do_Europu_od_zaciatku_roka_preniklo_stvrt_miliona_nelegalnych_mi_158978118.html (дата обращения: 13.12.15); Потоки беженцев в Европу меняют маршруты. – URL: <http://svpressa.ru/world/article/151609/> (дата обращения: 29.07.16).

⁴³ Луцишин Г. Миграційна криза в ЕС: проблеми безпеки зовнішніх кордонів та загострення між-етнічних відносин // Політичні науки. – 2015. – № 2. – С. 43.

⁴⁴ Миграционный нокдаун Европе. – URL: www.rusrand.ru/analytics/migratsionnij-nokaut-evrope (дата обращения: 26.07.16).

⁴⁵ Радикальные исламисты Германии начали вербовать беженцев. – URL: www.polit.ru/news/2015/09/18/germany_migrants (дата обращения: 18.12.15); Террор в Европе: опасны ли мигранты Средиземного моря? – URL: www.bbc.com/russian/international/2015/02/150224_migrants_sea_terror_europe_is (дата обращения: 18.12.15); Опрос: Большинство в ЕС опасается терактов из-за наплыва беженцев. – URL: <http://www.dw.com/ru/опрос-большинство-в-ес-опасается-терактов-из-за-наплыва-беженцев/a-19394392> (дата обращения: 26.07.16).

⁴⁶ Paris attacks. – URL: www.bbc.com/news/world-europe-30717580 (дата обращения: 26.07.16); Brussels attacks. – URL: www.bbc.com/news/world-europe-35872754 (дата обращения: 26.07.16); Европа столкнулась с терактами нового типа. – URL: www.korrrespondent.net/world/3594259-evropa-stolkulas-s-teraktamy-novohto-tura (дата обращения: 26.07.16).

⁴⁷ Germany shocked by Cologne New Year gang assaults on women. – URL: www.bc.com/news/world-europe-35231046 (дата обращения: 29.01.16); Преступление нового масштаба. – URL: www.lenta.ru/articles/2016/01/08/germany_crisis/ (дата обращения: 29.01.16); Шведки жаловались на сексуальные домогательства от беженцев в новогоднюю ночь. – URL: www.vz.ru/news/2016/1/11/78955.html (дата обращения: 21.07.16).

⁴⁸ Мигранты на границе с Македонией зашили себе рты в знак протеста. – URL: www.rus.newsru.ua/world/24nov2015/makedonioa.html (дата обращения: 24.11.15); Migrant crisis: Iranians sew lips shut in border protest. – URL: www.bbc.com/news/world-europe-34903677 (дата обращения: 24.11.15).

⁴⁹ «Чехия чехам!» – кричали демонстранты. В Праге прошла очередная демонстрация против беженцев и за выход Чехии из ЕС. – URL: www.aroundprague.cz/news/prague/chexiya-chexam!-krichali-demonstranti-v-prage-proshla-ocherednaya-demonstraziya-protiv-bezhenczev-i-za-vyixod-chexii-i-es (дата обращения: 21.12.15).

⁵⁰ Полторы сотни человек задержаны после марша против иммиграции в Братиславе. – URL: www.dn.cow/ru/полторы-сотни-человек-задержаны-после-марша-против-иммиграции-в-братиславе/a-18529368 (дата обращения: 21.12.15).

⁵¹ В Германии подожгли спортзал, где хотели поселить беженцев. – URL: www.Europelarus.info/news/world/2015/08/26v-germanii-podozhgli-sportzal-gde-hoteli-poselit-bezhentsev.html (дата обращения: 23.12.15).

⁵² В Латвии прошла демонстрация против квоты на мигрантов в ЕС. – URL: www.aa.com.tr/ru/world/537229 (дата обращения: 23.12.15).

⁵³ В Швеции подожгли предназначенное для мигрантов жилье. – URL: www.unian.net/world/1160214-v-shvetsii-podozhgli-prednaznachennoe-dlya-migrantov-jile.html (дата обращения: 23.12.15); В Швеции сообщили о трех пожарах за неделю в домах трех мигрантов. – URL: www.interfax.ru/world/474121 (дата обращения: 23.12.15); В Швеции продолжают поджоги приютов для мигрантов, несмотря на меры безопасности. – URL: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2388240 (дата обращения: 23.12.15).

⁵⁴ В Афинах и Риме прошли демонстрации против политики ЕС в отношении иммигрантов. – URL: www.propaganda-journal.net/9557.html (дата обращения: 23.12.15).

⁵⁵ Луцишин Г. Миграційна криза в ЕС: проблеми безпеки зовнішніх кордонів та загострення між-етнічних відносин // Політичні науки. – 2015. – № 2. – С. 44.

⁵⁶ Там же. – С. 44.

⁵⁷ Stop the boats: the EU has to say 'no' to illegal immigrants crossing the Mediterranean. – URL: <http://www.breitbart.com/national-security/2015/04/21/stop-the-boats-the-eu-has-to-say-no-to-illegal-immigrants-crossing-the-mediterranean/> (дата обращения: 21.12.15).

⁵⁸ Страны ЕС утвердили экстренный план борьбы с нелегальной миграцией. – URL: www.zn.ua/WORLD/strany-es-utverdili-ekstrennyy-plan-borby-s-snelegalnoy-migraciyey-174184_.html (дата обращения: 27.12.15).

⁵⁹ Lídri EÚ o imigrantoch. Na ich záchrnu pôjde 9 miliónov eur mesačne. – URL: <http://www.noviny.sk/c/zahranicie/lidri-eu-o-imigrantoch-na-ich-zachranu-pojde-9-milionov-eur-mesacne> (дата обращения: 27.12.15); Nelegálna migrácia dala do pozoru Brusel. Robert Fico mieri na mimoriadny summit. – URL: <http://nasenovinky.sk/article/32805/nelegalna-migracia-dala-do-pozoru-brusel-robert-fico-mieri-na-mimoriadny-summit> (дата обращения: 27.12.15).

⁶⁰ Около 4,7 тысячи мигрантов спасли у берегов Ливии, Болгария закрыла свою границу для нелегалов. – URL: www.rus.newsru.ua/world/20sep2015/migr.html (дата обращения: 27.12.15).

⁶¹ ЕС выделил 2,4 млрд евро на решение проблемы мигрантов. – URL: www.zn.ua/WORLD?es-vydellil-2-4-mil-evro-na-reshenie-problemy-migrantov-185124_.html (дата обращения: 27.12.15).

⁶² Akčný plán proti prevádzaniu migrantov (2015 – 2020). – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/asylum/general/docs/eu_action_plan_against_migrant_smuggling_sk.pdf (дата обращения: 21.12.15); Commission strategy on EU immigration policy. – URL: www.eu-lawanalysis.blogspot.com/2015/05/commission-strategy-on-eu-immigration.html (дата обращения: 24.12.15).

⁶³ Миграционная политика ЕС: основные нерешенные задачи. – URL: www.dw.com/ru/миграционная-политика-ес-основные-нерешенные-задачи/a-18671409 (дата обращения: 24.12.15).

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ A European agenda on migration. – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (дата обращения: 23.07.16).

⁶⁶ В ЕС появились новые правила для приема беженцев. – URL: www.dw.com/ru/в-ес-появились-новые-правила-для-приема-беженцев/a-16876859 (дата обращения: 11.12.15).

⁶⁷ Новая миграционная политика Европы. – URL: www.zagranitsa.info/article.php?new=424&idart=4243 (дата обращения: 24.12.15).

⁶⁸ Страны ЕС «распределили» 50 тыс. мигрантов между собой. – URL: www.zn.ua/world/strany-es-raspredelili-50-tysyach-migrantov-mezhdu-soboy-183128.html (дата обращения: 24.12.15).

⁶⁹ Германия и Испания настаивают на единой миграционной политике ЕС. – URL: www.eurobelarus.info/news/world/2015/09/01/germania-i-ispaniya-nastaivayut-na-edinoy-migratsionnoy-politike.html (дата обращения: 24.12.15).

⁷⁰ Против квот для беженцев выступили 10 стран ЕС. – URL: www.lenta.ru/news/2015/05/19/anti-migrants/ (дата обращения: 27.12.15); В ЕС появились новые правила для приема беженцев. – URL: www.dw.com/ru/в-ес-появились-новые-правила-для-приема-беженцев/a-16876859 (дата обращения: 11.12.15); Миграционная политика ЕС: основные нерешенные задачи. – URL: www.dw.com/ru/миграционная-политика-ес-основные-нерешенные-задачи/a-18671409 (дата обращения: 24.12.15); Nelegálni migranti rozdeľujú Európu. Ani Fico ich na Slovensku nechce. – URL: <http://www.noviny.sk/c/slovensko/migranti-rozdeluju-europu> (дата обращения: 27.12.15); Глава МИД Словакии: ЕС не проявил себя лидером в кризисе с мигрантами. – URL: www.ria.ru/world/20160102/1353306273.html (дата обращения: 27.12.15).

⁷¹ The Schengen Agreement. – URL: www.eu-history.leidenuniv.nl/index.php3?m=10&c=11&ga_rb=0.0006294698499477169&session= (дата обращения: 22.07.16); Council decision of 6 December 2007 on the full application of the provisions of the Schengen acquis in the Czech Republic, the Republic of Estonia,

the Republic of Latvia, the Republic of Lithuania, the Republic of Hungary, the Republic of Malta, the Republic of Poland, the Republic of Slovenia and the Slovak Republic. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:323:0034:0039:SV:PDF> (дата обращения: 30.12.15); Parlament dal zelenú vstupnú Slovenska a ďalších 8 krajín EÚ do Schengenu. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+IM-PRESS+20071114IPR13062+0+DOC+XM L+V0//SK> (дата обращения: 30.12.15); Slovensko vstupu do schengenského priestoru. – URL: <http://www.strana-smer.sk/523/vstupom-do-schengenu-sme-sa-stali-skutocnymi-obcanmi-europskej-unie> (дата обращения: 25.12.15); *Terenzani-Stanková M.* Slovakia marks 10 years in the EU. In *Politics & Society*. – URL: http://spectator.sme.sk/articles/view/53831/2/slovakia_marks_10_years_in_the_eu.html (дата обращения: 21.12.15).

⁷² Дом как крепость: ЕС готовится отбить волну нелегальной миграции. – URL: www.top.rbc.ru/politics/31/08/2015/55e43b7a9a79476b652c65a7 (дата обращения: 18.12.15).

⁷³ Akčný plán proti prevádzaniu migrantov (2015 – 2020) . – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/asylum/general/docs/eu_action_plan_against_migrant_smuggling_sk.pdf (дата обращения: 21.12.15).

⁷⁴ Migrácia na Slovensku. – URL: <http://www.iom.sk/sk/migracia/migracia-na-slovensku> (дата обращения: 25.12.15).

⁷⁵ UNHCR Global Trends 2015. – URL: <http://www.unhcr.org/statistics/unhcrstats/576408cd7/unhcr-global-trends-2015.html> (дата обращения: 25.07.16). Дом как крепость: ЕС готовится отбить волну нелегальной миграции. – URL: www.top.rbc.ru/politics/31/08/2015/55e43b7a9a79476b652c65a7 (дата обращения: 18.12.15).

⁷⁶ Akčný plán proti prevádzaniu migrantov (2015–2020). – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/asylum/general/docs/eu_action_plan_against_migrant_smuggling_sk.pdf (дата обращения: 21.12.15); Totožnosť a minulosť nelegálnych migrantov preverujú systémy EÚ, Schengenu a Interpolu. – URL: <http://www.slovenskyvyhod.sk/sk/index.php/spravodajstvo/762-totoznost-a-minulost-nelegalnych-migrantov-preveruj-u-systemy-eu-schengenu-a-interpolu> (дата обращения: 25.12.15).

⁷⁷ Akčný plán proti prevádzaniu migrantov (2015 – 2020) . – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/asylum/general/docs/eu_action_plan_against_migrant_smuggling_sk.pdf (дата обращения: 21.12.15).

⁷⁸ Migration crisis^ Migration to Europe explained in seven charts. – URL: www.bbc.com/news/world-europe-34131911 (дата обращения: 25.07.16).

⁷⁹ Migrácia na Slovensku. – URL: <http://www.iom.sk/sk/migracia/migracia-na-slovensku> (дата обращения: 25.12.15).

⁸⁰ Do Európy vlni prišlo 1,5 milióna imigrantov: Už chcú ich počet obmedziť. – URL: <http://premuza.noviny.sk/c/zaujímavosti-premuza/do-euro-py-vlni-prislo-1-5-miliona-imigrantov-uz-chcu-ich-pocet-obmedzit> (дата обращения: 01.02.16).

⁸¹ Utečenci, Európa a Slovensko: otázky a odpovede. – URL: <https://dennikn.sk/161366/utecenci-europa/> (дата обращения: 25.07.16); Slovensko by malo prijať viac ako 350 nelegálnych migrantov. – URL: <http://www.noviny.sk/c/slovensko/slovensko-by-malo-prijat-viac-ako-350-nelegalnych-migrantov> (дата обращения: 25.12.15).

⁸² Polation by religion – 2011, 2001, 1991. – URL: www7.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/demography/census/indicators/ (дата обращения: 01.12.15); *Manchin R.* Religion in Europe: trust not filling the pews. – URL: www.gallup.com/poll/13117/religion-europe-trust-filling-pews.aspx (дата обращения: 01.12.15); *Bunčák J.* Religiozita na Slovensku a v európskom rámci. – URL: <http://files.sosli.webnode.sk/200000186-661bc66942/BunčákJán.rtf> (дата обращения: 01.12.15).

⁸³ Словакия – последняя страна Евросоюза, где нет ни одной мечети. – URL: www.baltinfo.ru/2013/11/21/Slovakiya-poslednyaya-strana-Evrosoyuza-gde-net-ni-odnoi-mecheti-392192 (дата обращения: 01.12.15).

⁸⁴ Fico pokračuje v obrane: Slovensko sa má pred migrantmi na pozore. – URL: <http://www.pluska.sk/spravy/z-domova/fico-pokracuje-obrane-slovensko-ma-pred-migrantmi-pozore.html> (дата обращения: 02.12.15); Асад говорит, что под видом беженцев в Европу прибывают террористы. – URL: www.z.ua/WORLD/asad-govorit-cto-pod-vidom-bezhencev-v-evropu-pribyvayut-terroristy-197220.html (дата обращения: 02.12.15); *Розатин В. М.* Державницька політика стосовно неорелігійних об'єднань: досвід Європи та України // Наукові праці. – Вип. – № 127. – Т. 107. – С. 59.

⁸⁵ Utečenci, Európa a Slovensko: otázky a odpovede. – URL: <https://dennikn.sk/161366/utecenci-europa/> (дата обращения: 13.12.15); *Divinsky B.* Mígračné trendy v Slovenskej republike po vstupe krajiny do EU (2004–2008). – Bratislava: IOM Medzinarodna organizacia pre migráciu, 2009. – S. 28–30, 60–64.

⁸⁶ Utečenci, Európa a Slovensko: otázky a odpovede. – URL: <https://dennikn.sk/161366/utecenci-europa/> (дата обращения: 13.12.15).

⁸⁷ *Bolečeková M.* Mígračná politika Slovenskej Republiky: desať rokov po vstupe do Európskej Únie. – URL: http://www.politickvedy.fvpmv.umb.sk/userfiles/file/3_2014/BOLECEKOVA.pdf (дата обращения: 29.11.15).

⁸⁸ Словакия заявила, что приметиме лише біженців-християн. – URL: www.bbc.com/ukrainian/news_in_brief/2015/08/150819_hk_slovakia_refugees (дата обращения: 15.11.15).

⁸⁹ В ЕС и ООН подвергли Словакию критике за дискриминацию мусульман. – URL: www.zn.ua/WORLD/v-es-i-oon-podvergli-kritike-za-diskriminaciju-musulman-186273_.html (дата обращения: 15.11.15).

⁹⁰ Премьер Словакии: миграционная политика ЕС «абсолютно не сработала». – URL: www.m.gazeta.ru/social/news/2015/08/29/n_7527929.html (дата обращения: 29.12.15).

⁹¹ Slovensko trápi možná migrácia utečencov z Ukrajiny. – URL: http://www.tvnoviny.sk/domace/1791548_slovensko-trapi-mozna-migracia-utečencov-z-ukrajiny (дата обращения: 29.12.15); Akčný plán proti prevádzaniu migrantov (2015 – 2020) . – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/asylum/general/docs/eu_action_plan_against_migrant_smuggling_sk.pdf (дата обращения: 21.12.15).

⁹² Могерини: миграционный кризис в ЕС – это надолго. – URL: www.rus.delfi.ee/daily/euroopa/mogerini-migracionnyj-krizis-v-es-eto-nadolgo? id =72377541 (дата обращения: 15.11.15).

⁹³ Там же.

⁹⁴ Глава Еврокомиссии: страны ЕС должны принимать больше беженцев. – URL: www.bbc.com/russian/international/2015/09/150909_refugees_europe (дата обращения: 21.12.15); Юнкер: страны ЕС обязаны распределить 160 тысяч беженцев между собой по квотам. – URL: www.zn.ua/WORLD/yunker-strany-es-obyazany-raspredelit-160-tysyach-bezhencev-mezhdu-soboy-po-kvotam-188078_.html (дата обращения: 21.12.15).

⁹⁵ Slovensku pripadlo 785 utečencov. – URL: <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/356474-ek-krajiny-eu-by-si-mali-rozdelit-40-tisic-imigrantov-zo-syrie-a-eritrej/> (дата обращения: 21.12.15); Словакия в суде обжалует квоты Евросоюза по распределению мигрантов. – URL: www.unian.net/worls/1200704-slovakiya-v-sude-objaluet-kvoty-evrosoyuzu-po-raspredeleniyu-migrantov.html (дата обращения: 26.12.15).

⁹⁶ Экстренное заседание ЕС по проблемам мигрантов состоится 14 сентября. – URL: www.korrespondent.net/world/3557167-ekstrennoe-zasedanye-es-po-problemammyhrantov-sostoytsia-14-sentiabria (дата обращения: 13.12.15); Словакия намерена блокировать решение ЕС об обязательных квотах на мигрантов. – URL: www.world.lb.ua/news/2015/09/14/315898_slovakiya_namerena_blokirovat.html (дата обращения: 13.12.15); Министры ЕС провалили согласование квот для беженцев. – URL: www.rbc.ru/politics/14/09/2015/55f72fca9a794787b8f46138 (дата обращения: 13.12.15); Statement of the European Commission following the Extraordinary Justice and Home Affairs Council. – URL: www.europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-15-5646_en.htm (дата обращения: 13.12.15).

⁹⁷ Migrant crisis: EU ministers approve disputed quota plan. – URL: www.bbc.com/news/world-europe-34329825?ns_mchannel=social&ns_campe ing= bbc_breaking&ns_sourse=twitter&ns_linkname=news_central (дата обращения: 25.12.15); ЕС преодолел veto стран Восточной Европы на квоты по приему беженцев. – URL: www.rbc.ru/politics/22/09/2015/56017c0f9a79476b8859e837 (дата обращения: 13.12.15).

⁹⁸ Refugee crisis: “If Schengen collapses, it’ll be start of end European project”. – URL: www.europarleproua.eu/news/en/news-room/20160114STO09818/Refugee-crisis-if-Schengen-collapses-it'll-be-start-of-end-european-project (дата обращения: 29.12.15); Чехия пригрозила Евросоюзу судом. – URL: www.segodaya.ua/world/chehiya-prigrozila-evrosoyuzu-sudom-651025.html (дата обращения: 29.12.15).

⁹⁹ Страны Восточной Европы отказались выполнять план ЕС по мигрантам. – URL: www.rbc.ru/politics/23/09/2015/560278b9a79475045d1c2d3 (дата обращения: 29.12.15); Migrant crisis: Why Central Europe resists refugee quota. – URL: www.bbc.com/news/world-europe-34313478 (дата обращения: 29.12.15).

¹⁰⁰ Rok 2015: Premiér Fico sa postavil EÚ. – URL: <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/377894-rok-2015-premier-fico-sa-pos tavil-eu/> (дата обращения: 09.01.16); Словакия оспорила в суде квоты ЕС на размещение мигрантов. – URL: www.rbc.ru/politics/02/12/2015/565ee1c79a79476e81179e4a (дата обращения: 09.01.16); Словакия оспорила в суде квоты ЕС на размещение мигрантов. – URL: www.zn.ua/WORLD/slovakiya-osporila-v-sude-kvoty-es-na-razmeschenie-migrantov-197368_.html (дата обращения: 09.01.16);

¹⁰¹ Словакия возведет стену на границе с Венгрией для защиты от беженцев. – URL: www.rbc.ru/rbcfreenews.560344119a7947ab4746636b (дата обращения: 15.01.16).

¹⁰² Венгрия объявила о закрытии для мигрантов «зеленой зоны на границе с Хорватией». – URL: www.rian.com.ua/world_news/20151017/37534580.html (дата обращения: 29.07.16); Хорватия закрыла границу для транзита беженцев. – URL: www.eurointegration.com.ua/rus/news/2016/03/9/7045934 (дата обращения: 29.07.16); Focus: Последствия закрытия границ Словении, Хорватии и Сербии. – URL: www.unian.net/world/1286768-focus-posledstviya-zakryitiya-granits-slovenii-horvatii-i-serbii.html (дата обращения: 29.07.16).

¹⁰³ Refugee crisis must be first priority, says Juncker in 2015 State of the Union debate. – URL: www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/20150909STO_92301/Refugee-crisis-must-be-first-priority-says-Juncker-in-2015-State-of-EU-debate (дата обращения: 15.01.16).

¹⁰⁴ Meeting on the Western Balkans Migration Route: Leaders Agree on 17-point plan of action. – URL: www.europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5904_en.htm (дата обращения: 28.12.15).

¹⁰⁵ Migration debate: the real divide. – URL: www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/20151022IPR98824/Migration-debate-the-real-divide (дата обращения: 28.12.15); Главы ЕС проводят экстренный саммит по беженцам. – URL: www.bbc.com/Russian/news/2015/10/151025_migrants_crisis_eu_summit (дата обращения: 28.12.15); Саммит ЕС сформировал план действий в отношении беженцев. – URL: www.nv.ua/world/countries/sammit-es-sformiroval-plan-dejstvij-v-otnoshenii-v-bezhentsev-76105.html (дата обращения: 28.12.15); Страны ЕС согласовали план борьбы с наплывом мигрантов на Балканах. – URL: www.eurointegration.com.ua/rus/news/2015/10/26/7039909 (дата обращения: 28.12.15).

¹⁰⁶ Европарламент одобрил бюджет на следующий год. – URL: www.eurointegration.com.ua/rus/news/2015/11/25/7041301/ (дата обращения: 29.12.15); Migration and jobs: Parliament adopts next year's EU budget. – URL: www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/content/20151120IPRO3610/html (дата обращения: 29.12.15); EU's 2016 budget: «The priority of this budget will be to boost employment». – URL: www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/20151023STO98905/EU's-2016-The-priority-of-this-budget-will-be-to-boost-employment (дата обращения: 29.12.15); Budget 2016: Parliament adds extra funds for migration and competitiveness. – URL: www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/20151022IPR98816/Budget-2016-Parliament-adds-extra-funds-for-migration-and-competitiveness (дата обращения: 29.12.15).

¹⁰⁷ Евросоюз собирается выделить Турции 3 миллиарда евро для размещения беженцев на ее территории. – URL: www.dialog.ua/news/72939_1448811683 (дата обращения: 29.12.15); В отношениях между ЕС и Турцией намечается значительный сдвиг: от приема беженцев до членства в ЕС. – URL: www.dialog.ua/news/72951_1448824028 (дата обращения: 29.12.15).

¹⁰⁸ В средиземном море во время трансфера в ЕС уже погибли три тысячи мигрантов. – URL: www.rus.newsru.ua/world/12jan2016/try_tysjachi_zagybylyh.html (дата обращения: 12.01.16).

¹⁰⁹ С 13 ноября Франция призвала наливает на месяц действие Шенгена. – URL: www.kp.ru/daily/26455.7/3325582/ (дата обращения: 23.07.16); Германия приостановила действие Шенгенского соглашения. – URL: www.ru.euronews.com/2015/09/14/migrants-queues-build-at-border-as-germany-suspends-schengen (дата обращения: 23.07.16); Австрия приостановила Шенген. – URL: www.expert.ru/2016/01/17/avstriya-priostanovila-shengena/ (дата обращения: 23.07.16).

¹¹⁰ Kölner HBF Sexuelle Übergriffe: Ausgangspunkt war eine Gruppe von 100 Männern --23253360. – URL: www.express.de/koeln/koelner-hbf-sexuelle-uebergriffe-ausgangspunkt-war-eine-gruppe-von-100-maennern--23253360 (дата обращения: 01.02.16); Cover-up claim over NYE mass sexual assaults. – URL: www.thelocal.de/20160104/refugees-blamed-for-mass-sexual-assault-in-cologne (дата обращения: 01.02.16).

¹¹¹ Протесты в Кельне: сотни женщин требуют от Меркель радикальных мер. – URL: www.bbc.com/russian/international/2016/01/160106_cologne_attacks_protests_wednesday (дата обращения: 01.02.16).

¹¹² «Пятый этаж» что делать с мигрантами в Германии? – URL: www.bbc.com/russian/international/2016/01/160111_5floor_germany_migrants (дата обращения: 01.02.16).

¹¹³ Европейцы выражают недовольство миграционной политикой ЕС. – URL: www.tvc.ru/news/show/id/84756 (дата обращения: 01.02.16).

¹¹⁴ Potvrdené: Na ženy sexuálne útočili migranti! – URL: <http://www.pluska.sk/spravy/zo-zahranicia/potvrdene-zeny-sexualne-utocili-migranti.html> (дата обращения: 01.02.16); Najskôr im dvere otvárali, teraz ich zatvárajú: Marazmus migračnej krízy pokračuje. – URL: <http://www.topky.sk/cl/100535/1522357/Najskor-im-dvere-otvarali--teraz-ich-zatvaraju--Marazmus-migracnej-krizy-pokracuje> (дата обращения: 01.02.16); Премьер Словакии призвал на саммите ЕС обсудить ситуацию с мигрантами. – URL: www.mk.ru/politics/2016/01/08premer-slovakii-prizval-na-sammite-obsudit-situaciyu-migrantami.html (дата обращения: 12.01.16); Iná vláda by na Slovensko navozila tisicky migrantov, vyhlásil Fico. – URL: <http://www.aktuality.sk/clanok/311990/ina-vlada-by-na-slovensko-navozila-tisicky-migrantov-vyhlasil-fico/#> (дата обращения: 01.02.16); Премьер Словакии назвал «ритуальным суицидом» миграционную политику ЕС. – URL: www.rbc.ua/rus/news/premer-slovakii-nazval-ritualnym-suitsidom-1453811609.html (дата обращения: 02.02.16).

¹¹⁵ Вышеградская четверка созывает экстренный саммит по миграции. – URL: www.nahnews.org/525766-vyshegradskaya-cetverka-sozyvaet-ekstrennyj-sammit-po-migracii (дата обращения: 02.02.16); Вышеградская группа: Орбан хочет создать «вторую линию обороны» // Die Presse. – URL: www.unian.net/world/1266743-vyishegradskasya-gruppa-orban-hochet-sozdat-vtoruyu-liniyu-oboronyi-die-presse.html (дата обращения: 29.07.16); Вышеградская четверка: Прекращение притока мигрантов должно стать приоритетом ЕС. – URL: www.ua-reporter.com/taxonomy/term/26031 (дата обращения: 29.07.16).

¹¹⁶ Europe to end passport-free travel as migrant crisis grows. – URL: www.thetimes.co.uk/tto/news/world/article467529.ece (дата обращения: 29.07.16); ЕС приостановит свободные путешествия по Шенгенской зоне на два года The Times. – URL: www.zn.ua/WORLD/es-priostanovit-svobodnye-puteshestviya-po-shengenskoj-zone-na-dva-goda-the-times-202470_.html (дата обращения: 28.07.16).

¹¹⁷ Миграционный кризис: можно ли спасти Шенген? – URL: www.dw.com/ru/миграционный-кризис-можно-ли-спасти-шенген (дата обращения: 28.07.16).

¹¹⁸ EU has “no more than 2 months” to get migration crisis under control - EU’s Tusk. – URL: www.reuters.com/article/Europe-migrants-tusk-idUSL8N153362 (дата обращения: 02.02.16); Туск: чтобы взять миграционный кризис под контроль, у ЕС всего 2 месяца или Шенген может развалиться. – URL: www.rus.news.ua/world/19jan2016/tusk_2_macyasa.html (дата обращения: 02.02.16).

¹¹⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council next operational steps in EU-Turkey cooperation in the field of migration. – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/proposal-implementation-package/docs/20160316/next_operational_steps_in_eu-turkey_cooperation_in_the_field_of_migration_en.pdf (дата обращения: 22.07.16); ЕС и Турция заключили сделку по беженцам. – URL: http://world.lb.ua/news/2016/03/18/330632_es_turtsiya_zaklyuchili_sdelku.html (дата обращения: 23.07.16).

¹²⁰ Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast). – URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/proposal-implementation-package/docs/20160504/dublin_reform_proposal_en.pdf (дата обращения: 23.07.16); План ЕС по урегулированию миграционного кризиса вызвал резкую критику. – URL: www.golos-ameriki.ru/a/eu-migrants/3315546.html (дата обращения: 23.07.16).

¹²¹ Миграционный кризис раскалывает Евросоюз. – URL: www.vz.ru/world/2015/9/4/765107.html (дата обращения: 21.07.16).

¹²² Slovenská republika – parlamentné voľby 2012. – URL: www.sites.google.com/site/marekhlavac/sedp_sk (дата обращения: 05.09.16); Number and share of valid votes for political parties. – URL: <http://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2012/sr/tab3.jsp@lang=en.htm> (дата обращения: 05.09.16).

¹²³ *Судаи Е.* Расисты, популисты и премьер без большинства – что принесет Украине новый парламент Словакии. – URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/03/10/7045976/> (дата обращения: 31.07.16).

¹²⁴ Voľby do Národnej Rady SR 2016. – URL: <https://www.volbysr.sk/sk/index.html> (дата обращения: 31.07.16). *Логвинов Я.* Словакия после выборов: успех неофашистов и коалиционная безысходность. – URL: www.gazeta.zn.ua/international/slovakiya-posle-vyborov-uspeh-neofashistov-i-koalicionnaya-bezyszhodnost-_html (дата обращения: 05.09.16).

¹²⁵ Členovia vlády. – URL: <http://www.vlada.gov.sk/clenovia-vlady/> (дата обращения: 31.07.16); *Nová koalícia je pre verejnú neprijateľnú, ukázal prieskum.* – URL: <http://www.webnoviny.sk/parlamentne-volby-2016/clanok/1050572-nova-koalicia-je-pre-verejnost-neprijatelna-ukazal-prieskum/> (дата обращения: 29.07.16). *Логвинов Я.* Словакия с коалицией: власть объединила давних врагов. – URL: www.gazeta.zn.ua/international/slovakiya-s-koaliciej-vlast-obedenila-davnih-vragov-_html (дата обращения: 05.09.16).

¹²⁶ Григорий Месежников: Результаты выборов в Словакии шокируют. – URL: www.charter97.org.ru/news/2016/3/7/194148/ (дата обращения: 29.07.16).

¹²⁷ Fico v rozhovore: Nechceme meniť tradície, islam tu nemá miesto. – URL: <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/394210-fico-v-rozhovore-nehceme-me-nit-tradicie-islam-tu-nema-miesto/> (дата обращения: 31.07.16).

¹²⁸ The Slovak presidency of the Council of the EU: 1 July-31 December 2016. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/presidency-council-eu/> (дата обращения: 29.07.16).

¹²⁹ Словакия сфокусируется на миграционном кризисе во время председательства в ЕС. – URL: www.regnum.ru/news/2136240.html (дата обращения: 30.07.16); Словакия на посту председателя ЕС займется миграционным кризисом и укреплением Шенгена. – URL: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-raportaga/3309250 (дата обращения: 31.07.16); Словакия в качестве председателя ЕС займется укреплением единства Европы. – URL: www.ria.ru/world/20160701/145516735.html (дата обращения: 31.07.16).

¹³⁰ *Логвинов Я.* Балканский неуспех словацкого председательства в ЕС. – URL: www.gazeta.zn.ua/international/balkanskiy-neuspeh-slovackogo-predsedatelstva-v-es-_html (дата обращения: 05.09.16).

ИНТЕГРАЦИЯ БОЛГАРИИ В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ: ВЗГЛЯД ИЗ БРЮССЕЛЯ И СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕС

Д. В. Ченчик

Ченчик Д. В. Интеграция Болгарии в евроатлантические структуры: взгляд из Брюсселя и стран-участниц ЕС. В статье рассматривается процесс формирования консенсуса между политическими элитами стран-участниц и институтами ЕС относительно присоединения Болгарии к евроатлантическим структурам. В результате анализа материалов Еврокомиссии, Европарламента, выступлений политических лидеров и представителей различных партий автор выделяет четыре периода с 1990 по 2007 г., когда менялись подходы руководства ЕС и членов Союза к перспективе расширения интеграционных процессов на Болгарию. Показано также влияние экономических, политических, географических, социальных и риторических факторов на позицию Брюсселя относительно заявки Софии на вступление в ЕС и НАТО.

Ключевые слова: Европейский Союз; интеграция; Болгария; НАТО.

Ченчик Д. В. Інтеграція Болгарії до євроатлантичних структур: погляд із Брюсселя та країн-членів ЄС. В статті розглядається процес формування консенсусу між політичними елітами країн-учасниць та інститутів ЄС щодо приєднання Болгарії до євроатлантичних структур. Унаслідок аналізу матеріалів Єврокомісії, Європарламенту, виступів політичних лідерів та представників різних партій автор виділяє чотири періоди з 1990 р. по 2007 р., коли змінювались підходи керівництва ЄС та членів Союзу до перспективи розширення євроатлантичних інтеграційних процесів на Болгарию. Показано також вплив політичних, географічних, економічних, соціальних та риторичних чинників на позицію Брюсселю щодо заявки Софії на вступ до ЄС і НАТО.

Ключові слова: Європейський Союз; інтеграція; Болгарія; НАТО.

Chenchyk D. V. Bulgarian Integration into the Euro-Atlantic Structures: Views from Brussels and EU Countries. This article deals with the forming of consensus between the political elites of EU countries and EU institutions toward the inclusion of Bulgaria to the Euro-Atlantic structures. Through the analysis of documents of the European Commission, the European Parliament, speeches of European politicians on national level the author identifies four periods from 1990 till 2007, during that related to the Bulgarian participation in the Euro-Atlantic integration processes approaches of the EU leaders and the members of the were changed. It was also considered the impact of political, geographical, social, economic and rhetorical factors that have influenced to the Brussels position and granted Sofia access in the EU and NATO.

Keywords: European Union, integration, Bulgaria, NATO.

Болгария входит в число немногих балканских стран, которым удалось, вопреки пессимистическим прогнозам, стать членом ЕС и НАТО. Путь в евроатлантические структуры был сопряжен со сложными проблемами политической трансформации и экономической модернизации страны, а преимущества от членства – отнюдь не очевидными. Тем не менее, изучение ключевых компонентов успеха Софии по «возвращению в Европу» представляет значительный интерес для исследователей, поскольку позволяет глубже понять особенности политики расширения ЕС и НАТО в конце XX – начале XXI веков.

Об истории «пятой волны» существует довольно широкий круг научной литературы. Сложилось два основных теоретических подхода: межправительственная школа во главе с Э. Моравчиком и М. Вахудовой и конструкционизм, среди сторонников которого выделяются труды Фр. Шиммельфеннига и У. Седельмаера. Однако большая часть исследователей концентрируется на комплексном изучении истории расширения ЕС и НАТО на Восток, упуская из виду, как правило, специфику данного процесса для Болгарии. Другие исследователи фокусируются на изучении проблем внутренних преобразований и внешней политики отдельных государств, в том числе Болгарии, в то время как деятельность институтов ЕС освещается достаточно фрагментарно.

Поэтому целью данной статьи является изучение процесса эволюции позиции Брюсселя и руководства западноевропейских государств к евроинтеграционным устремлениям

Софии и выделения тех специфических факторов, которые в итоге помогли формированию консенсуса на наднациональном и национальном уровнях относительно ее членства в ЕС и НАТО.

Говоря о хронологии «расширительного» процесса, автор уточняет периодизацию, предложенную Н. Николовой¹, которая выделяет три этапа (предпереговорный, переговорный и постпереговорный), за счет разделения первого на два самостоятельных (с 1990 по 1995 и с 1995 по 2000 гг.). Соответственно получаем четыре периода, о которых и пойдет речь ниже.

1-й этап: 1990 – декабрь 1995 гг.

Официальные дипломатические отношения между Софией и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) были установлены 8 августа 1988 г., незадолго до крушения режима Т. Живкова². Однако произошло это уже на закате социалистического строя: эпоха «бархатных революций» не обошла стороной и Народную Республику Болгарию. По ходу демонтажа старой политической системы болгарская посткоммунистическая элита оказалась перед сложными вызовами трансформации и модернизации общества; и очень быстро лозунг о «возвращении в Европу» был взят ею на вооружение, как, собственно, и в других странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ).

В 1989–1990 гг. и западные государства также были поставлены перед фактом тектонических изменений на востоке континента, будучи вынужденными искать новые формы взаимоотношений с бывшими сателлитами Советского Союза. Одной из первых попыток реагирования следует считать решение Парижского саммита «Большой семерки» в июле 1989 г. об оказании финансовой помощи странам Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) с возложением на Еврокомиссию функции координатора.

Несмотря на сложности посткоммунистического транзита, когда у власти известное время оставались бывшие коммунисты, София старалась, хоть и не всегда удачно, придерживаться демократических принципов перехода к новой политической системе и экономической модели. Это подтвердили переговоры по вступлению страны в Совет Европы (СЕ) – институции, игравшей ключевую роль в деле защиты прав человека. Еще в ноябре 1989 г. НРБ заявила о своем намерении стать членом СЕ, получив в июле 1990 г. статус «специально приглашенной» в ее Парламентскую ассамблею (ПАСЕ)³. Одним из первых достижений в отношениях между Софией и Брюсселем стало подписание 8 мая 1990 г. «Договора о торговом и экономическом сотрудничестве», содержавшего статьи о взаимной либерализации торгового режима⁴.

В конце 1990 г. Болгарию включили в состав участников программы Phare (Poland and Hungary: Aid for Restructuring of the Economies*) – финансового инструмента Сообщества для помощи структурным реформам⁵. Однако, чтобы претендовать на экономическую помощь, страна должна была отвечать пяти условиям ее предоставления: обеспечивать верховенство права, уважать права человека, внедрять многопартийную систему, проводить свободные выборы и стремиться к экономической либерализации.

9 октября 1990 г. Великое народное собрание поручило Кабинету министров в кратчайшие сроки представить заявку на полноправное членство в ЕЭС; 22 декабря того же года соответствующая резолюция была принята⁶. Происходило это на фоне кризиса и распада СЭВ, Организации Варшавского договора и СССР. В условиях крушения Ялтинско-Потсдамской системы внешняя политика страны разворачивается на «180 градусов» в сторону западноевропейских интеграционных структур. Такая переориентация определялась не только прагматическими соображениями. Зачастую в риторике болгарского истеблишмента она рассматривалась как процесс построения новой «европейской» государственности, возвращения в «европейскую семью» народов, что должно было укрепить позиции страны на международной арене. Брюссель встал перед непростым выбором: как реагировать на проевропейский курс Софии, принимая во внимание аналогичный разворот Польши, Венгрии и Чехословакии, а затем и Румынии.

* PHARE – программа финансовой помощи для стран ЦВЕ, ставшая основным инструментом предвступительной подготовки кандидатов «пятой волны».

В целом, политику Брюсселя и стран-участниц европейских сообществ в начале 1990-х гг. определял ряд факторов. Во-первых, процесс углубления интеграции и структурных изменений в самом Сообществе – с декабря 1990 г. начали работу межправительственные конференции по подготовке нового договора о создании экономического, валютного и политического союза, которые завершились подписанием Маастрихтского договора, вступившего в силу после процедуры ратификации 1 ноября 1993 г. Европейская интеграция выходила на качественно новый уровень; именно углубление интеграции стояло на первом месте для Брюсселя и стран-участниц, определяя второстепенность вопроса о потенциальном присоединении стран ЦВЕ до 1993 г. Об этом свидетельствовали и выступления главы Еврокомиссии Жака Делора, скептически относившегося к идее быстрого расширения ЕС на Восток и считавшего, что оно должно происходить не в ущерб планам построения валютного и политического союза⁷, хотя и поддержавшего углубление политического диалога между Востоком и Западом континента. Однако проблемы, возникшие с ратификацией Маастрихтского договора, позволяли откладывать решение вопроса о расширении «на потом».

Во-вторых, институты и члены европейских сообществ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. были поставлены перед сложной задачей формирования новой «восточной политики», поскольку старые механизмы времен «холодной войны» перестали отвечать реалиям времени. Правительства стран ЦВЕ, которые появились после распада советского блока, требовали конкретных сроков вступления в ЕЭС, а затем и в НАТО, недвусмысленно артикулируя свое стремление к «возврату в европейскую цивилизацию».

Однако единого мнения о перспективе расширения среди участников ЕЭС не было. Расхождения возникли по нескольким направлениям. Спорным был вопрос, стоит ли вообще членам сообществ брать на себя обязательства относительно такого расширения и, соответственно, приступать к его целенаправленной подготовке. Ведь это решение касалось не только увеличения внутреннего рынка; присоединение к ЕЭС предусматривало право на участие в общей сельскохозяйственной политике, распределение структурных фондов выравнивания и развития, а также право голоса, в том числе относительно будущего устройства ЕС.

В начале 1990-х гг. сформировалось несколько групп внутри ЕЭС с разными подходами к решению проблемы. Одна группа государств во главе с объединенной Германией выступала за ограниченный масштаб расширения, отдавая приоритет Польше, Чехословакии и Венгрии. Другая группа отстаивала право всех претендовать на вступление. К сторонникам максимального расширения принадлежала Великобритания, политический класс которой практически сразу заявил о праве стран Восточной Европы на членство в Союзе (речь М. Тэтчер в Брюгге⁸ и ее выступления середины 1990 г.⁹). Английские политики говорили о геополитических факторах, необходимости борьбы против «социалистических» механизмов регулирования экономики, полагая, что расширение позволит заблокировать передачу национального суверенитета в Брюссель. В отношении Болгарии призывы о предоставлении Софии права на вступление в ЕЭС в британском парламенте были озвучены консерватором Дж. Пайсом и лейбористом П. Пайком в октябре 1990 г.¹⁰ и с тех пор поддерживалось многими политиками Соединенного Королевства.

Страны Бенилюкса занимали часто нейтральную позицию; для них ключевым было углубление интеграции, поэтому процесс расширения рассматривался лишь как возможность в отдаленной перспективе. К противникам такого рода планов относились Испания, Португалия, Греция и Ирландия. Их тревожила возможность сокращения финансирования из структурных фондов сообществ. Италия же больше ориентировалась на средиземноморское направление, поддерживая скорее заявки Кипра и Мальты, чем стран ЦВЕ, блокируя, к примеру, усилия Словении из-за спора о национализированном итальянском имуществе в начале 1990-х гг.

Особо стоит сказать о позиции Франции. Ее руководство поддерживало на словах демократические преобразования в ЦВЕ, но на практике часто саботировало признание прав посткоммунистических стран на присоединение к ЕЭС. С этим связана идея президента Ф. Миттерана о конфедеративной Европе Запада и Востока¹¹ и более позднее предложение о трех окружностях министра экономики и финансов Э. Баладюра¹². Они отдавали приоритет углублению интеграции, а расширение, по мнению французских политиков, могло пошатнуть институциональный баланс внутри сообщества в пользу ФРГ.

Сторонники восточного расширения первоначально не только находились в меньшинстве, но и имели более слабый переговорный потенциал, чем коалиция “противников”. Даже для Германии, которая получила наибольшие выгоды от расширения на Восток, экономические и политические отношения со странами ЦВЕ имели существенно меньший вес, чем ее отношения с партнерами по ЕС.

Страны же ЦВЕ были не в той ситуации, чтобы самим форсировать интеграцию в евроатлантические структуры. Принимая во внимание крайне асимметричную взаимозависимость между Востоком и Западом, их позиции в начале переговоров были слабыми. Если для стран ЦВЕ Европейский Союз быстро стал самым важным экономическим партнером, на который приходилось около 50% внешней торговли, то экономическое значение государств ЦВЕ для ЕС измерялось всего лишь 5% от товароборота¹³. Именно поэтому любые угрозы стран ЦВЕ относительно закрытия их рынков для ЕС были крайне маловероятны. Государства ЦВЕ скорее обладали “негативным потенциалом” определенных дестабилизирующих факторов (в отношении Болгарии чаще всего упоминали организованную преступность, коррупцию, торговлю оружием и людьми, незащищенность границ, рост национализма, ромскую проблему и т.д.), которые могли оказать влияние и на Запад.

Наконец, идея расширения на Восток не пользовалась особой популярностью в самих странах ЕС. Опросы Евробарометра показывали, что известный энтузиазм населения имелся в отношении Финляндии, Австрии и Швеции, а по странам ЦВЕ этот показатель редко превышал 30%¹⁴. По сути, расширение было проектом части политических элит стран ЕЭС, однако с достаточно туманными перспективами.

В отношении Болгарии, как и Румынии, существовала еще одна проблема: траектория их политического развития не всегда соответствовала демократическим стандартам. Это обстоятельство привело к формированию двух подходов к этим странам. Первый гласил, что Софию и Бухарест нужно “допустить” к переговорам, несмотря на противоречия переходного периода, чтобы влиять на их не всегда безупречную политику и таким образом поддерживать реформы. Отказ от диалога, как считали западные аналитики, может вызвать изоляцию, экономические и политические затруднения, и тогда скольжение к авторитаризму неизбежно, что приведет к негативным последствиям. Сторонники противоположного подхода отстаивали необходимость ограничения сотрудничества в качестве меры наказания, пока Болгария и Румыния не станут окончательно на путь демократизации. Они считали неправильным поддерживать одинаковые отношения со всеми странами ЦВЕ вне зависимости от их внутренней политики, что означало бы на практике поддержку недемократических сил. Однако в ходе дискуссий победила все-таки первая точка зрения – о привлечении Болгарии и Румынии к сотрудничеству с ЕЭС¹⁵.

Сами страны ЦВЕ, столкнувшись с затягиванием вопроса о начале переговоров о вступлении, с антидемпинговыми расследованиями, нетарифными ограничениями (даже после заключения договоров об ассоциации), еще больше усилили нажим на противников расширения. Без такой перспективы, доказывали они, окончательный поворот к демократии и рыночной экономике в регионе будет поставлен под сомнение. И остро критиковали западноевропейские масс-медиа за присвоение термина «Европа», в то время как на начальном этапе, в конце 1940-х и 1950-х гг., в риторике многих европейцев, в том числе Ж. Монне, интеграционные процессы на Западе считались первым шагом к объединению всего континента. Восточноевропейские лидеры подчеркивали невозможность конструирования подлинной общеевропейской идентичности, пока существует разделение на первосортные и второсортные государства; упрекали иных западноевропейских государственных деятелей, чьи слова о демократии и либерализме расходились с реальной политикой. Наконец, гражданское общество посткоммунистических стран неоднократно обращалось с призывами к членам ЕЭС помочь Востоку залечить раны, образовавшиеся после известных решений о разделе континента, принятых в Ялте и Потсдаме.

Помимо стран ЦВЕ, моральное давление на национальные власти оказывали представители Европарламента и Еврокомиссии. Глава парламентского Комитета внешних экономических связей В. Деклерк подвергал резкой критике блокирование процесса расширения. Ж. Делор апеллировал к правительствам с тем, чтобы они действовали согласно официальным заявлениям и не оставляли народы ЦВЕ в ситуации неопределенности отно-

сительно своего будущего. Представители наднациональных органов обращали внимание и на то, что поведение членов сообщества «подрывает их репутацию в Восточной Европе»¹⁶.

В конечном итоге Еврокомиссия стала на позицию предоставления перспективы членства посткоммунистическим странам. Подчеркивалось, что ЕЭС никогда не было закрытым клубом, и в создавшихся условиях не имеет права уклоняться от исторической задачи взять на себя ответственность за развитие либерального политического и экономического порядка во всей Европе.

Постепенно ситуация изменилась в пользу сторонников расширения, что определялось несколькими факторами. Во-первых, окончание процесса ратификации Маастрихтского договора уменьшило влияние аргумента «сначала углубление, потом расширение». Во-вторых, свою точку зрения поменяли в Париже; французский бизнес стал оказывать давление на правительство, не желая германского доминирования на рынках стран ЦВЕ. Поэтому, в противовес ФРГ, лоббировавших интересы стран Центральной Европы, французские политики продвигают идею одновременного расширения, включая Мальту, Кипр, Болгарию и Румынию¹⁷. В-третьих, странам Юга давались заверения: присоединение не повлечет резкого сокращения их финансирования, сняв тем самым значительную часть опасений правящих кругов Греции, Италии, Испании и Португалии.

Среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения на причины такого поворота. Э. Моравчик¹⁸ и М. Вахудова¹⁹, сторонники межгосударственной школы, во главу угла ставят национальные интересы стран-участниц. В то время как приверженцы социального конструктивизма Ф. Шиммельфенни²⁰ и У. Седельмаер²¹ концентрируются на риторике демократических ценностей и общеевропейской идентичности политических элит, сыгравших важную роль в ослаблении позиций оппонентов расширения ЕС на Восток. Добавим, что авторы, принадлежащие к обоим теоретическим подходам, недостаточно учитывают предпочтения ведущих национальных политических сил на начальном этапе интеграции.

Между тем, при анализе материалов британского парламента становится понятно, что партии правого и левого толка при формировании консенсуса относительно расширения ЕС на Восток руководствовались разными мотивами. Для лейбористов приоритетными были вопросы безопасности в регионе, необходимость сохранения мира, улучшения социальных стандартов и борьбы с негативными социально-экономическими явлениями. Тогда как консерваторы отдавали предпочтение разработке новой архитектуры коллективной безопасности в Европе, укреплению либеральной демократии и свободного рынка. Фактически каждая парламентская фракция из набора политических, географических, идеологических, экономических и культурных мотивов выбирала наиболее ей импонирующие, однако, в конечном счете, это помогло достичь согласия о необходимости расширения ЕС на Восток.

В случае с Болгарией и Румынией трагические события в Югославии нивелировали стремление определенных политических сил отложить требования придунайских стран в долгий ящик. Перспектива перерастания военных конфликтов на полуострове в общевосточную войну ослабила позиции евроскептиков, поскольку сами страны ЕЭС в начале 1990-х гг. не смогли адекватно отреагировать на югославский кризис. В итоге усилились сторонники расширения, наглядно демонстрировавшие возможные последствия от затягивания процесса интеграции Софии и Бухареста в евроатлантические структуры. Отметим также сдержанную поддержку Вашингтона и отсутствие противодействия со стороны России, находившейся в 1990-е гг. в сложной политической и социально-экономической ситуации.

Совокупность названных факторов повысила шансы Болгарии на поддержку ее европейских устремлений. Добавляла ей очки и взвешенная внешняя политика. В частности, на Западе позитивно оценили подписание 7 декабря 1991 г. Договора о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве и безопасности с Грецией. Это позволило снять целый ряд проблем в двусторонних отношениях, и в дальнейшем Афины поддержали европейские планы Софии²², хотя для греков в «пятой волне» расширения приоритетом являлся Кипр. В январе 1992 г. Болгария первой признала независимость Македонии²³, несмотря на отягощенное историческое прошлое и спорный языковой вопрос, что также нашло положительный отклик в Брюсселе. 7 мая 1992 г. Болгария стала полноправным членом (27-м по счету) Совета Европы, который служил влиятельным источником информации

для Брюсселя, пристально наблюдавшего за тем, как болгарское руководство выполняло свои обязательства по защите прав человека и национальных меньшинств.

Такие позитивные сдвиги во внешней политике страны ускорили разработку и подписание 8 марта 1993 г. Болгарией и ЕЭС соглашения об ассоциации²⁴. В преамбуле содержалась обтекаемая формулировка: выполнение соглашения позволит Софии в будущем претендовать на членство, что было ключевой уступкой Брюсселя. С другой стороны, Европейский совет утвердил оговорку Комиссии относительно необходимости уважения демократических принципов защиты прав человека, согласно Хельсинскому акту и Парижской хартии для новой Европы (статья 6) как обязательной предпосылки членства. Таких положений не было в соглашениях с Польшей, Чехо-Словакией и Венгрией. Эта предохранительная статья получила название «болгарской», и далее включалась во все последующие соглашения об ассоциации с ЕС. Такой шаг, очевидно, демонстрировал неуверенность Брюсселя в стабильном демократическом развитии страны²⁵.

Основной целью Договора было создание зоны свободной торговли промышленными товарами, которая охватила бы свыше 90% болгарской торговли; оговаривались гармонизация законодательства страны с правовыми нормами ЕЭС, а также осуществление структурного «политического диалога» по отдельным проблемам внутренней и внешней политики. Некоторые противоречивые черты содержали статьи об экономическом сотрудничестве. Плюсом было то, что ЕЭС досрочно открывал свой рынок для товаров из Болгарии. Однако оставались многие нетарифные ограничения, антидемпинговые защитные механизмы, большие переходные периоды, особенно для таких важных для Болгарии отраслей, как сельское хозяйство и текстильная промышленность. Противники ассоциации обвиняли ЕЭС в протекционизме, особенно когда дело дошло до реализации соглашения.

Его ратификация затянулась до 1995 года. Европарламент неоднократно обращал внимание Комиссии и руководства стран ЕС на необходимость ускорить этот процесс. До его вступления в силу с Болгарией было заключено временное соглашение, содержавшее многие положения Договора об ассоциации. Это позволило практически на два года раньше, с конца 1993 г., начать переходной период. 16 июня 1993 г. было подписано соглашение с Европейским банком реконструкции и развития о постепенном выведении из работы первых четырех блоков болгарской атомной электростанции в г. Козлодуй (1 и 2-й реакторы в апреле 1997 г., а 3 и 4-й – в конце 1998 г.)²⁶. Связано это было с мнением европейских специалистов о недостаточной степени защиты реактора ВВЭР-440 и отсутствия перспектив его модернизации (в отличие от 5-го и 6-го блоков), что позволило снять часть опасений по поводу ядерной безопасности на Балканах.

В свою очередь, в ЕЭС постепенно формировался консенсус относительно механизмов расширения сообщества на Восток. Первые шаги были предприняты еще в 1992 г. на Лиссабонском саммите, а затем в декабре в Эдинбурге был одобрен доклад Еврокомиссии «К новой ассоциации со странами Центральной и Восточной Европы», в котором рассматривались механизмы углубления структурного сотрудничества с партнерами на Востоке и формирования Европейского политического пространства²⁷. Прорыв же был совершен в 1993 г. на саммите в Копенгагене, когда все члены ЕС согласились, что расширение должно состояться, так как это входило в долговременные геополитические и экономические интересы ЕЭС²⁸.

Копенгагенские критерии, принятые на этом совещании, оговаривали: кандидаты смогут стать членами ЕС как только обеспечат стабильную демократию, верховенство права, права человека и защиту меньшинств. Кроме того, кандидаты должны доказать, что имеют функционирующую рыночную экономику, способны выдержать конкуренцию внутри Союза и взять на себя юридические обязательства. Фактически подтверждалась возможность расширения, но без четких временных ориентиров.

На сентябрьском саммите министров иностранных дел стран ЕС и ассоциированных членов 1994 г. Германия и Франция попросили Еврокомиссию составить «Белую книгу», которая бы детализировала необходимые шаги ассоциированных участников для подготовки к вступлению в ЕС. После принятия этого предложения немцам пришлось преодолеть очередную обструкцию французов, обещавших поддержку шагов к расширению в обмен на планы создания Средиземноморской зоны свободной торговли и увеличение помощи ЕС южным соседям Франции²⁹.

Саммит Европейского совета в Эссене в декабре 1994 г. сформулировал основные принципы определения кандидатов на вступление, которые затем стали известны как Эссенская стратегия³⁰. Разработанная во время председательства Германии, она призвана была ответить на вопросы: как применять политику структурированного диалога и способствовать экономическому росту в странах ЦВЕ, как помочь им привести национальное законодательство в соответствие с европейским правом, как готовиться к изменению институтов ЕС в связи с планируемым расширением. Отметим конструктивную роль механизма ротации председательства отдельных стран в руководстве Евросоюза, позволявшего сторонникам расширения (например, ФРГ) продвигать решение вопроса на институциональном уровне в ЕС.

В качестве первого этапа реализации Эссенской стратегии 3 мая 1995 г. Европейская Комиссия (ЕК) утвердила «Белую книгу» по подготовке ассоциированных стран к интеграции во внутренний рынок ЕС³¹. Пункт 1.15 объяснял, что она предназначена, прежде всего, для стран ЦВЕ, уже заключивших соглашения об ассоциации (в том числе и Болгарии). «Белая книга» стала путеводителем для претендентов, так как в шести разделах содержала детальные указания для разработки национальных программ подготовки к членству в ЕС.

Мадридский саммит в декабре 1995 г. подтвердил намерение Европейского союза продолжать переговорный процесс с ассоциированными странами, поскольку предложение Германии о поэтапности процесса расширения и первоочередного вступления стран Вышеградской группы было в итоге отклонено³². Европейский совет поручил Комиссии подготовить заключения (opinions) по каждой из ассоциированных стран. Однако было решено, что процедурная работа по расширению начнется только после окончания межправительственной конференции по внесению изменений в Уставные Договоры ЕС³³. Главная отличительная чертой всех принятых решений – от Копенгагена до Мадрида – состояла в том, что страны должны были пройти через серьезную трансформацию до вступления, а не после, как в случае с предыдущими волнами, а задача Еврокомиссии – отслеживать прогресс каждой страны. Тогда же, на Мадридском саммите, Болгария официально подала заявку на членство в ЕС. 14 декабря за это проголосовало Национальное собрание, а правительство Жана Виденова 16 декабря 1995 г. официально передало ее Хавьеру Солане, возглавлявшему Европейский Совет³⁴.

Таким образом, на первом этапе ключевую роль играли политические элиты отдельных государств, и руководству ЕС, прежде всего Еврокомиссии, пришлось приложить значительные усилия, чтобы убедить скептиков в необходимости расширения. В итоге сочетание политических, географических и культурных факторов позволили сформировать консенсус относительно предоставления перспективы членства для стран ЦВЕ, включая Болгарию, однако без обозначения четких временных сроков этого процесса.

2-й этап: январь 1996 – январь 2000 гг.

С 1996 г. ведущую роль в процессе расширения ЕС на Восток стала играть Еврокомиссия. Во-первых, ей были предоставлены серьезные рычаги активного воздействия на страны-кандидаты, которые подробно описаны М. Вахудовой³⁵. К ним относятся: асимметричная зависимость (стране-кандидату было сложно воздействовать на другую сторону); добровольность принуждения к реформам (прежде всего это нужно было стране-кандидату, а не Брюсселю) и беспристрастность оценивания со стороны чиновников ЕС.

Можно выделить еще два аргумента, которые указывают на решающее влияние ЕК. Европейский Совет фактически делегировал ей разработку и контроль подготовительного процесса. Она с 1997 г. начала выступать с рекомендациями, собирала и обобщала информацию о кандидатах, следила за текущим выполнением требований к членству в Евросоюз. Это был сложный и трудоемкий процесс. А когда наступало время принимать решение по поводу статуса отдельного кандидата, государства-участники каждый раз поддерживали рекомендации Комиссии вместо того, чтобы начинать дебаты между собой, опасаясь срыва всего переговорного процесса.

В ходе работы стали проявляться главные отличия Болгарии от других стран ЦВЕ, претендующих на вступление в ЕС: медленный ход политических и экономических реформ, отсутствие национальной стратегии модернизации, проблемы в структурной перестройке

экономики, повышение уровня инфляции и безработицы. 1995–1997 годы сопровождалась банковским кризисом, инфляция в 1997 г. составила 1085%³⁶. Как следствие, мощный социальный и политический взрыв в стране приводит к власти новое правительство во главе с лидером Союза демократических сил Иваном Костовым. Частая смена кабинетов не в последнюю очередь была связана с тем, что болгарское руководство часто декларировало свои проевропейские устремления, однако недостаточно делало для их практической реализации, особенно в 1990–1996 гг. Тогда среди болгарских политиков левого спектра еще витали идеи «третьего пути», отводившего Болгарии роль моста между Западом и Востоком, наряду с попытками получения экономических преимуществ от нахождения во власти, что расходилось с практикой ЕС. Однако кризис показал бесперспективность подобных расчетов и помог формированию политического консенсуса относительно членства в ЕС и НАТО.

В феврале 1997 г. София подала заявку на членство в НАТО, а через месяц была принята национальная программа по вступлению в Североатлантический альянс³⁷. Болгарские политики считали, что в условиях распада СССР, нарастания конфликтов на Балканах только такой шаг способен гарантировать национальную безопасность. Но на Западе Болгарию не спешили признавать страной первой волны, отдавая предпочтение Польше, Чехии и Венгрии.

В выводах Еврокомиссии “Повестка 2000”³⁸ (“Agenda 2000”), опубликованной летом 1997 г., признавались определенные успехи Болгарии, тем не менее, во второй части документа содержались критические замечания. В них подчеркивалось, что страна не смогла адаптировать ключевые директивы ЕС по функционированию общего рынка, и в среднесрочной перспективе не готова взять на себя обязательства члена ЕС³⁹. Также Комиссия настаивала на необходимости соблюдения соглашения 1993 г. о закрытии первых четырех блоков атомной электростанции в г. Козлодуй со смещением сроков их вывода из эксплуатации на 2000–2002 гг.⁴⁰. Нежелание болгарской стороны (из-за потенциального перехода от профицита к дефициту в национальном энергетическом балансе) выполнять данное требование превратили этот вопрос в один из камней преткновения во взаимоотношениях между Софией и Брюсселем.

Решения Европейского Совета на декабрьском саммите 1997 г. в Люксембурге подтвердили выводы Еврокомиссии⁴¹. Болгария автоматически была определена во вторую группу государств, ожидающих приглашения начать переговоры. По ряду сфер фиксировались замечания: защита прав человека и национальных меньшинств, прежде всего ромов; высокий уровень коррупции; необходимость проведения судебной реформы; низкий уровень адаптации законодательства ЕС. Но наиболее серьезной проблемой оставалась слабая экономика с присущими ей структурными проблемами. В 1997 г. болгарский ВВП в перерасчете на паритет покупательной способности на душу населения составлял 24% от среднего по ЕС – 15. Основной вывод гласил: страна не готова к началу переговоров из-за неготовности выдержать конкурентное давление внутри ЕС и незавершенности политических реформ⁴².

В ответ на замечания Брюсселя правительство И. Костова 23 марта 1998 г. принимает Национальную стратегию о присоединении Республики Болгарии к ЕС. Однако внутренние противоречия правящей правоцентристской коалиции привели к принятию половинчатых решений, которые больше напоминали антикризисные мероприятия, нежели системные реформы. В сентябре 1998 г. парламент ратифицирует Социальную хартию Совета Европы, в мае 1999 г. – рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств, а в сентябре того же года – протокол № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, отменяя тем самым смертную казнь.

Резко усилили позиции Софии на переговорах внешнеполитические события. Болгарское руководство поддержало операцию НАТО против режима С. Милошевича, понимая непопулярность такого шага внутри страны. Ранее Болгария успела присоединиться к военному эмбарго на поставки вооружений для стран бывшей Югославии, а затем открыла свое воздушное пространство и даже заявила о готовности предоставить сухопутные коридоры силам Североатлантического альянса в случае наземной операции.

На Западе высоко оценили такие решения, что засвидетельствовал визит в мае 1999 года в Софию Т. Блэра: британский премьер-министр пообещал твердую поддержку вступлению страны в ЕС и НАТО. По мнению В. Цачевски⁴³, геополитическую позицию Бол-

гории усиливало то, что вместе с Румынией и Грецией они составляли треть Балкан, а примеры успешных реформ при подготовке к вступлению в евроатлантические структуры могли подтолкнуть и других к проведению структурных реформ. В мониторинговом докладе ЕК от 13 октября 1999 г.⁴⁴, несмотря на многочисленные замечания, преимущественно экономического характера, отмечался прогресс и констатировалось выполнение страной значительной части Копенгагенских критериев, что открывало дорогу к переговорам. Тогда же удалось снять одну из наиболее болезненных проблем, длительное время служившей препятствием их начала – правительство И. Костова согласовало сроки постепенного вывода из эксплуатации четырех блоков на АЭС «Козлодуй»⁴⁵.

10 декабря 1999 г. на заседании Европейского Совета в Хельсинки Болгария стала официальным кандидатом в члены ЕС⁴⁶, будучи приглашенной в феврале 2000 г. начать переговоры о вступлении (вместе с Латвией, Литвой, Мальтой, Словакией и Румынией). Большинство исследователей сходятся в том, что решение носило скорее политический характер – своеобразное поощрение кабинета И. Костова за поддержку операции НАТО в Союзной Республике Югославия. Другой важный расчет состоял в том, что без присоединения к переговорному процессу Софии будет сложно привлечь иностранные капиталовложения, поскольку частный инвестор отнюдь не спешил вкладывать средства в регион, охваченный военными конфликтами. А это могло свести на нет усилия болгарского руководства в проведении сложных реформ и ухудшить социально-экономическую, а значит и внутривнутриполитическую ситуацию. Ведь за 10 лет положение дел в стране только ухудшалось, и вина за такое развитие событий лежала не только на Софии, но и на Западе, поскольку за политическими декларациями и договорами, как например, Пактом стабильности для Юго-Восточной Европы, не стояли реальные экономические ресурсы для проведения реформ, что неоднократно отмечала в своих выступлениях один из главных сторонников Болгарии в Соединенном Королевстве баронесса П. Роулинг⁴⁷. В конечном счете, опасения относительно негативного развития событий на Балканах и усилия болгарского руководства открыли Софии путь к переговорам.

3-й этап: февраль 2000 г. – апрель 2005 г.

Как и раньше, ключевую роль в вопросе о вступлении играли институты ЕС, прежде всего Еврокомиссия. Формально переговоры открылись в феврале 2000 г., однако таковыми по сути не являлись, на что указывают М. Вахудова и Н. Николова⁴⁸. Это были скрининги («просвечивания»), отражавшие уровень адаптации и имплементации корпуса европейских норм (Acquis Союза) во внутреннее законодательство страны-кандидата. Речь шла о том, какие переходные периоды необходимо установить, чтобы добиться его полного внедрения.

София имела мало рычагов влияния на Еврокомиссию. Однако выверенный подход чиновников последней, которые старались, с одной стороны, учесть пожелания членов ЕС, а, с другой, ежегодными регулярными отчетами (2000, 2001, 2002, 2003, 2004 гг.) подсказывали болгарскому руководству приоритетные сферы проведения реформ, помогал достижению компромиссов по многим проблемам. Еврокомиссия применила принцип «регаты», когда переговоры со всеми кандидатами стартовали одновременно, однако достижения оценивались по отдельности. Часть еврочиновников склонялись к мысли, что присоединение Болгарии станет возможным лет через 15–20, поскольку за более короткий срок сложно выполнить высокие экономические и социальные требования к членству в ЕС⁴⁹, хотя напрямую не отказывали в возможности вступления вместе с более продвинутыми странами Центральной Европы.

Первый пакет (8 позиций из 31) начал обсуждаться 15 апреля 2000 г., однако вскоре Болгария вместе с Румынией стали отставать в открытии новых глав, в то время как участники второй волны переговоров (Словакия, Мальта, Латвия, Литва) быстро догоняли первую шестерку. Связано это было со сложностями адаптации законодательства к требованиям ЕС, а также поиском необходимых финансовых ресурсов, в частности на внедрение европейских экологических стандартов.

* Взамен этого Болгарии предложили увеличить финансирования по программе PHARE

Одним из наиболее знаковых событий на третьем этапе стала отмена визового режима для болгарских граждан в Шенгенской зоне (апрель 2001 г.), на чем настаивали Еврокомиссия с Европарламентом, несмотря на невысокую популярность такого шага среди лидеров европейских стран, опасавшихся проникновения в ЕС коррупции, организованной преступности, торговцев людьми и оружием, с чем длительное время ассоциировалась Болгария.

В июне 2001 г. Европейский Совет в Гетеборге принял решение: все, кто успешно закончат переговоры к декабрю 2002 г., вступят в ЕС в начале 2004 г.⁵⁰, чтобы иметь возможность принять участие в выборах в Европарламент в качестве полноправных членов. На Лаакенском саммите в декабре 2001 г. было объявлено: темпы реформ в Болгарии и Румынии не позволяют присоединиться к первой волне пятого расширения⁵¹. Болгарским политикам нехотя пришлось признать справедливость замечаний; ориентиром теперь стало 1 января 2007 г., что объяснялось началом нового семилетнего бюджетного периода ЕС.

После прихода к власти в 2001 г. правительства Симеона Саксен-Кобург-Готского, лидера Национального движения Симеона II, темпы преобразований и подготовки страны к вступлению в ЕС и НАТО ускорились. Уже в ноябре 2002 г. на саммите Североатлантического альянса в Праге Софию пригласили к переговорам о присоединении к НАТО во второй волне расширения на Восток. Конечно, свою роль здесь сыграли геополитические расчеты руководства западных стран, среди которых выделим необходимость дальнейшей деэскалации ситуации на Балканах, на пространстве бывшей Югославии. Большую озабоченность на рубеже 2000-х гг. вызывал конфликтный потенциал македонской проблемы, которая вслед за косовской, могла привести к очередному витку военного противостояния в регионе. Четко сформулировал эту точку зрения еврокомиссар по внешним делам К. Паттен, который в 2001 г. на балканском форуме в Салониках выразил мнение, что «или мы принесем стабильность на Балканы, или Балканы принесут нестабильность нам»⁵². В стратегии умиротворения полуострова Болгария должна была сыграть ключевую роль, в том числе как активный участник Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы. Однако присутствовали и евроинтеграционные мотивы. Фактически для всех посткоммунистических государств существовало негласное правило о необходимости их синхронного вступления и в ЕС, и в НАТО. Как справедливо отмечает Д. Драганов⁵³, западные страны опасались, что армия, будучи мощным государственным институтом, может повернуть процесс демократических и экономических реформ вспять, поскольку в своей массе состояла из людей, получивших образование и сделавших карьеру в условиях социализма и холодной войны. Не была исключением и Болгария, поэтому реформы в военной сфере при вступлении в НАТО должны были оградить Софию от подобной опасности и усилить евроатлантические позиции страны. К тому же это был бы серьезный знак для зарубежных инвесторов: безопасность их вложений гарантирована участием страны в Североатлантическом альянсе. Отметим и сходство условий для новых кандидатов в НАТО⁵⁴, которые во многом перекликались с Копенгагенскими критериями ЕС, что облегчало подготовительный процесс для Болгарии.

29 марта 2004 г. София стала членом Североатлантического альянса. Этот шаг, несомненно, укрепил ее переговорные позиции в отношениях с ЕС, став одним из ключевых достижений внешней политики Болгарии начала XXI века.

На декабрьском саммите 2002 г. Европейского Совета в Копенгагене было, наконец, принято решение о совместном вхождении Болгарии и Румынии в ЕС. Привязка соседних стран друг к другу объяснялась озабоченностью Запада тем, что обсуждение договоров о присоединении по отдельности может привести к их провалу на этапе ратификации (с учетом слабых экономических показателей кандидатов, а также известным скептическим настроением значительной части истеблишмента и общественности). С другой стороны, такая сцепка несла в себе и ряд потенциальных опасностей, поскольку нарушался меритократический принцип оценки достижений каждого отдельного кандидата, которого старалась придерживаться Европейская Комиссия. В качестве примера приведем случай с похолоданием отношений между Румынией и ЕС, который произошел после публикации доклада члена либерал-демократической фракции Европарламента Эммы Николсон о ситуации в стране⁵⁵. В нем Бухарест подвергся критике за отсутствие необходимых темпов реформ и коррупцию; в итоге часть депутатов Европарламента призвали Комиссию пере-

смотреть стратегию членства Румынии. Это непосредственно могло затронуть и Софию, поскольку ей также доставалось от евроскептиков с учетом выявленных проблем расширительного процесса после принятия десяти стран в 2004 г.

Тем не менее, ключевым ориентиром для Софии и Брюсселя по-прежнему оставался 2007 год как основная потенциальная дата присоединения. С помощью Брюсселя была разработана и одобрена дорожная карта реформ⁵⁶ и, по настоянию Европарламента и Еврокомиссии, увеличилась финансовая помощь по подготовительным фондам PHARE, ISPA (Instrument for Structural Policies for Pre-Accession) и SAPARD (Special accession programme for agriculture and rural development)*. Позиции Болгарии усиливали также стремление части европейских политиков начать переговоры о вступлении в ЕС с Турцией. Судя по парламентским выступлениям британских парламентариев, речь шла о создании пояса безопасности на Балканах, и Болгария расценивалась как важный связующий элемент между Западом и Востоком⁵⁷.

К концу 2004 г. в Брюсселе сложились две точки зрения относительно сроков окончания переговорного процесса с Болгарией и Румынией. Новый глава ЕК Ж. Баррозу и еврокомиссар по расширению О. Рен приветствовали полное закрытие 31 раздела летом 2004 г., но выступали против точной даты (конца 2004 г.), считая необходимым дать больше времени на адаптацию и подготовку к вступлению, прежде всего Бухаресту. Нидерланды, которые главенствовали тогда в Совете ЕС, стремились к завершению переговоров до окончания своего срока, то есть до начала 2005 г. Только путем переговоров между институтами ЕС удалось достичь компромисса. Еврокомиссия согласилась с возможностью завершения переговоров в 2004 г., однако в качестве ответной уступки ей предоставили возможность мониторинга ситуации в странах-кандидатах через включение ряда специальных статей в Договор⁵⁸.

В годовом отчете 2004 г. Еврокомиссии утверждалось, что Болгария успешно завершила переговоры по главам, значительно продвинувшись по выполнению Копенгагенских критериев, и готова к вступлению в ЕС в недалеком будущем. Однако в выводах содержался ряд замечаний относительно не только принятия, но и применения европейского законодательства, недостаточных усилий в реализации судебной реформы, в борьбе с коррупцией. Поэтому Софии было предложено нарастить усилия по реализации предвступительной стратегии, несмотря на закрытие переговорных глав. В таком случае присоединение могло бы состояться в 2007 г.⁵⁹ Эти выводы нашли свое отражение и в решении Европейского Совета на Брюссельском саммите в декабре 2004 г.⁶⁰

Правда, в последний момент Болгария, вместе с Румынией, едва не стали заложниками институционального конфликта между Советом ЕС и Европарламентом. Последний настаивал на увеличении своей роли в одобрении и распределении бюджета, особенно в условиях расширения. Группа европейских народных партий грозила заблокировать ратификацию соглашений двух стран, пока не будут приняты ее условия⁶¹. К тому же члены Европарламента критиковали Софию за недостаточные усилия по борьбе с коррупцией, организованной преступностью, говорили о необходимости улучшения охраны границ и ситуации с правами ромов⁶².

Только за счет компромисса удалось добиться успешного голосования в Европарламенте и не допустить срыва процедуры подписания Договора о присоединении Болгарии и Румынии к ЕС. Это знаменательное событие не только для Софии, но и для Брюсселя, состоялось в Люксембурге 25 апреля 2005 г.⁶³

4-й этап: с 25 апреля 2005 г. по 1 января 2007 г.

Однако расслабляться болгарскому руководству не пришлось, поскольку существовал целый ряд проблем, которые могли отсрочить вступление Договора в силу. Во-первых, в отличие от предыдущих договоров пятой волны, Еврокомиссия и после завершения пе-

* ISPA была направлена на решение инфраструктурных проблем и охрану окружающей среды, а SAPARD – на подготовку сельского хозяйства. Всего Болгария получила около 2 млрд. 712 млн. евро финансирования из все трех фондов (PHARE, ISPA и SAPARD) в 2000–2006 гг. В 2005–2006 гг. помощь составила 2% от ВВП страны.

реговоров продолжала готовить регулярные отчеты в отношении Болгарии и Румынии. Также могла сыграть свою роль четвертая статья Договора, в которой говорилось о возможности отсрочки даты вступления на 1 января 2008 г. в случае замедления процесса реформ и невыполнения графика адаптации законодательства. Во-вторых, длительный период между подписанием Договора и реальным вступлением в ЕС мог привести к затягиванию процесса, так как теперь на первый план снова выходили политические элиты европейских стран. Договор должен был пройти процедуру ратификации в парламентах всех 25-ти стран-участниц ЕС, и в этом момент на национальном уровне могли всплыть вопросы, связанные с вступлением новых членов. К таковым относились механизмы распределения финансовой помощи из подготовительных и структурных фондов ЕС, обсуждение сроков запрета на работу граждан на внутренних рынках «старых» членов ЕС, проблема расширения шенгенской зоны и борьбы с организованной преступностью. Из институциональных отметим очередные споры вокруг перераспределения количества голосов в Совете ЕС, Европарламенте и увеличение количества еврокомиссаров, ведь, согласно Ниццкому договору, их число увеличивалось теперь до 27. Такое расширение Еврокомиссии в очередной раз использовалось евроскептиками для критики ЕС.

В качестве примера то и дело возникавших сложностей можно привести «дело» гражданина Великобритании Майкла Шилдса, английского футбольного болельщика из Ливерпуля, который в 2005 г. был арестован в Болгарии за попытку убийства. Его вопрос, по запросам депутата-лейбориста Луизы Элман, в течении двух лет неоднократно обсуждался на высшем уровне и в стенах британского парламента, в том числе и во время ратификации Лондоном Договора. Фактически сторонники М. Шилдса ставили под сомнение соответствие болгарской судебной системы стандартам ЕС, а значит и выполнение Копенгагенских критериев⁶⁴.

Не добавляли оптимизма и затянувшиеся споры о бюджете ЕС на 2007–2013 гг. Пять стран во главе с Великобританией хотели снижения уровня процентного отчисления с ВВП в пользу бюджета ЕС с 1,14% до 1%⁶⁵, в то время как принятие новых членов могло как раз увеличить финансовую нагрузку. Основные опасения «пятерки» вызывала и необходимость реформы общей сельскохозяйственной политики, основной статьи расходов бюджета Евросоюза, а вступление Болгарии и Румынии только усугубляло и без того непростую ситуацию в этой области.

Осложнил ее и кризис 2005–2006 гг., ставший следствием голосования против проекта Конституции ЕС на референдумах во Франции и Нидерландах. Это привело к опасениям европейских политиков, что та же участь может постичь и Договор о присоединении. А с учетом того обстоятельства, что одной из причин провала Евроконституции стала непопулярность среди населения идеи расширения ЕС на Восток (прежде всего за счет Турции), нельзя было исключать возможность ратификационного кризиса. К тому же одобрение вступления Болгарии и Румынии в ЕС могло стать жертвой внутрипартийной борьбы на национальной арене, хотя во всех странах уже сложился консенсус по этому вопросу. Еще одним вариантом, который обсуждался, была приостановка расширения до окончания конституционного кризиса.

Однако центральной проблемой следует признать готовность самой Болгарии успешно завершить подготовительный процесс и выполнить все рекомендации ЕС по исправлению ситуации в ряде сфер, где отмечались недостаточные усилия Софии. Проблемы возникали по причине отставания от графика, в том числе из-за проведения парламентских выборов в середине 2005 г. и процесса формирования нового правительства под руководством социалиста С. Станишева. Озабоченность вызывала и привязка Болгарии к Румынии, поскольку в случае полного выполнения условий Софией и неполного Бухарестом сроки были бы сдвинуты на 2008 г.

О трудностях последнего этапа свидетельствуют выступления брюссельских политиков. Так, в декабре 2005 г. во время дебатов в Европарламенте еврокомиссар по расширению Оли Рен в мягкой форме раскритиковал руководство страны, отметив несоблюдение дорожной карты мероприятий, отсутствие прогресса в судебной сфере, борьбе с коррупцией, что, по его мнению, скорее всего сдвинет сроки вступления на 2008 год⁶⁶. Членами европарламента, в свою очередь, поднимались вопросы улучшения качества подготовки двух стран к членству ввиду сложной ситуации в ЕС в условиях конституционного кри-

зиса; упоминалась проблема, связанная с ксенофобскими высказываниями против турок, ромов и евреев В. Сидерова, лидера партии «Атака» (которую называли неонацистской). Но в целом выражалась поддержка усилиям Софии на пути в ЕС. И все же Болгарии пришлось приложить значительные усилия как внутри страны, так и на международной арене, убеждая руководство ЕС в своей способности успешно завершить подготовительный этап. Одним из компромиссов стало согласие на мониторинг со стороны Брюсселя и после вступления страны в ЕС⁶⁷.

Интрига сохранялась вплоть до 26 сентября 2006 г., когда, несмотря на определенные замечания, Еврокомиссия подтвердила готовность Болгарии взять на себя обязательства по членству в Союзе и была окончательно утверждена дата ее вступления в ЕС⁶⁸. 1 января 2007 г. София стала, наконец, полноправным членом Европейского Союза. Так закончилась более чем 17-летняя история, ставшая важным событием на пути построения объединенной Европы.

Выводы

Отношение к заявке Болгарии на членство в евроатлантических структурах стран Запада и институтов ЕС формировалось в условиях окончания холодной войны и «конца истории», о котором преждевременно объявил Ф. Фукуяма. Необходимость стратегического переосмысления европейской архитектуры безопасности, поиска новых форм политических и экономических взаимоотношений между Западом и Востоком континента привела к одобрению западными элитами членства в ЕС посткоммунистических стран ЦВЕ.

Не стала исключением и Болгария. Испытывая беспокойство из-за ухудшения ситуации на Балканах и принимая в расчет не всегда последовательную, но целеустремленную политику Софии, Брюссель во второй половине 1990-х гг. занял позицию поддержки процесса реформ и постепенной «европеизации» страны. Сделано это было несмотря на откровенно слабые показатели национальной экономики. Как следствие, в конце 1999 г. было принято решение об открытии переговоров о вступлении Болгарии в ЕС, а затем и в НАТО. Ключевую роль в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сыграла Еврокомиссия, представители которой смогли учесть интересы всех сторон переговоров. Сочетание ряда политических, географических, экономических мотивов и общеевропейских ценностных ориентиров позволили европейским элитам, невзирая на конституционный кризис и неоднозначное восприятие населением «старых» членов ЕС процесса расширения на Восток, успешно завершить процесс ратификации Договора о вступлении. Исполненная в Софии ночью 1 января 2007 г. «Ода к радости» Бетховена, гимн Европейского Союза, стала символом начала нового периода в истории страны.

Анализ тернистого пути «возвращения в Европу» Болгарии может быть полезен для украинских политиков, исследователей и представителей гражданского общества, которые ставят аналогичные цели для нашей страны. Это связано с наличием комплекса схожих проблем переходного периода, хотя, конечно, после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и агрессии Российской Федерации в 2014–2016 гг. европейская перспектива Украины выглядит не столь однозначно, имея в виду позицию Нидерландов и евроскептиков в других странах ЕС. В любом случае изучение подходов Брюсселя к расширению на Восток может позволить глубже понять внутренние механизмы и специфику принятия решений по данным вопросам институтами Евросоюза и отдельных государств, а значит и более реалистично выстраивать двусторонние отношения между Киевом и Брюсселем.

¹ *Nikolova P.* Negotiating for EU Membership? The Case of Bulgaria and Romania – P. 403. – URL: <http://hrcak.srce.hr/file/44726> (дата обращения: 1.10.2016).

² *Shikova I., Nikolov K.* The Political Economy of the Eastern Enlargement: a Case Study of Bulgaria. – Sofia, 1999. – P. 36.

³ *Бурдяк В. В.* Республіка Болгарія на зламі епох: політична трансформація суспільства. – Чернівці, 2004. – С. 400.

⁴ *Boneva B.* Bulgarian Foreign Policy Twenty Years of EU Integration and Black Sea Region Cooperation: 1989-2009. – P. 8. – URL: http://www.ibrarian.net/navon/paper/Institute_of_International_Economic_Relations.pdf?paperid=19724108. (дата обращения: 1.10.2016).

⁵ Soviet Union and Eastern Europe in the House of Commons at 7:51 pm on 4th March 1991. – URL: <https://www.theyworkforyou.com/debates/?id=1991-03-04a.82.0> (дата обращения: 1.10.2016).

⁶ История на отношенията България – Европейски съюз. Български евробулетин. – URL: <http://eubulletin.mfa.government.bg/bg/History.asp> (дата обращения: 1.10.2016).

⁷ Виднянський С. В., Мартинов А. Ю. Об'єднана Європа: від мрії до реальності. – К., 2011. – С. 224.

⁸ Margaret Thatcher Speech to the College of Europe. 1988 Sep 20. – URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/107332> (дата обращения: 1.10.2016).

⁹ Шиммельфенніт Фр. Розширення на Схід: стратегічна дія та колективні ідеї // Європейська інтеграція / Укладачі М. Яхтенфукс, Б. Колер-Кох. – К., 2007. – С. 369.

¹⁰ German Unification – in the House of Commons at 9:34 am on 19th October 1990. – URL: <https://www.theyworkforyou.com/debates/?id=1990-10-19a.1479.0> (дата обращения: 1.10.2016).

¹¹ Браницкий А. Г. Создание политического союза стран-членов ЕС (1989–1993) // Вестник ННГУ. Сер. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – Вып. 1 (2). – С. 371. – URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/40.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1(2)/40.pdf) (дата обращения: 1.10.2016).

¹² Доценко К. О. Історія європейської інтеграції: Європа «Концентричних кіл» Е. Балладюра // Історичний архів. Наукові студії: Зб. наук. пр. – Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. – Вип. 3. – С. 93–96.

¹³ Schimmelfennig F. The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // International Organization. – 2001. – Volume 55, Issue 1. – P. 54. – URL: <https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/european-politics-dam/documents/People/Publications/Enlargement/Trap.pdf> (дата обращения: 1.10.2016).

¹⁴ Шиммельфенніт Фр. Розширення на Схід: стратегічна дія та колективні ідеї // Європейська інтеграція / Укладачі М. Яхтенфукс Б. Колер-Кох. – К., 2007. – С. 364.

¹⁵ Вахудова М. А. Нерозділена Європа: демократія, важелі впливу та інтеграція після комунізму. – К., 2009. – С. 122.

¹⁶ Schimmelfennig F. The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // International Organization. – 2001. – Volume 55, Issue 1. – P. 54. – URL: <https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/european-politics-dam/documents/People/Publications/Enlargement/Trap.pdf> (дата обращения: 1.10.2016).

¹⁷ Воробьева Л. М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. – М., 2000. – С. 170.

¹⁸ Moravcsik A., Vachudova M. National Interests, State Power and EU Enlargement. Working Paper. – 2003. – № 97. – P. 42–57. – URL: <http://aei.pitt.edu/9052/> (дата обращения: 1.10.2016).

¹⁹ Vachudova M. EU Leverage and National Interests in the Balkans: The Puzzles of Enlargement Ten Years On // Journal of common market studies. – 2014. – Volume 52, Issue 1. – P. 122–138. – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12081/full> (дата обращения: 1.10.2016).

²⁰ Schimmelfennig F. The EU, NATO and the Integration of Europe: Rules and Rhetoric. – Cambridge, 2003. – 325 p.

²¹ Sedelmeier U. Eastern enlargement: risk, rationality and role-compliance // The Politics of European Union Enlargement: Theoretical Approaches. – N-Y., 2005. – P. 120–141.

²² Авреїска Н. Балканското направление на външната политика на Република България // България на Балканите и с Европа. Минало, настояще и бъдеще. – София, 2007. – С. 197.

²³ Boneva B. Bulgarian Foreign Policy Twenty Years of EU Integration and Black Sea Region Cooperation: 1989–2009. – P. 14. – URL: http://www.ibrarian.net/navon/paper/Institute_of_International_Economic_Relations.pdf?paperid=19724108 (дата обращения: 1.10.2016).

²⁴ Europe agreement establishing an association between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Bulgaria, of the other part. – URL: www.esiweb.org/pdf/bulgaria_Europe%20Agreement_BG.pdf (дата обращения: 1.10.2016).

²⁵ Papadimitriou D., Gateva E. Between Enlargement-led Europeanisation and Balkan Exceptionalism: an Appraisal of Bulgaria's and Romania's Entry into the European Union // GreeSE Paper. – 2009. – № 25. – P. 13. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/24197/> (дата обращения: 1.10.2016).

²⁶ Written question E-2174/98 by Nikitas Kaklamanis to the Commission. 10 July 1998. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A91998E002174> (дата обращения: 1.10.2016).

²⁷ Towards a closer Association with the Countries of Central and Eastern Europe. Report by the Commission to the European Council, Edinburgh, 11–12 December 1992. SEC (92) 2301 final, 2 December 1992. – P. 8–9. – URL: <http://aei.pitt.edu/1586/> (дата обращения: 1.10.2016)

²⁸ The European Council Copenhagen. 21–22 June 1993 // Bulletin of the European Communities. – 1993. – № 6, Vol. 26. – P. 13. – URL: <http://aei.pitt.edu/65710/> (дата обращения: 1.10.2016).

²⁹ Вахудова М. А. Нерозділена Європа: демократія, важелі впливу та інтеграція після комунізму. – К., 2009. – С. 119–120.

³⁰ Bulletin of the European Union, 12/1994 – P. 12–13 – URL: <http://aei.pitt.edu/65215/> (дата обращения: 1.10.2016).

³¹ Preparation of the Associated Countries of Central and Eastern Europe for Integration into the Internal Market of the Union – White Paper. COM (95) 163, 3 May 1995 – URL: <http://aei.pitt.edu/1120/> (дата обращения: 1.10.2016).

³² *Достанко Е.* Расширение Европейского Союза на Восток в 1990-е гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 2. – С. 41.

³³ Bulletin of the European Union, 12/1995 – P. 125. – URL: <http://aei.pitt.edu/65205/> (дата обращения: 1.10.2016).

³⁴ История на отношенията България – Европейски съюз. Български евробулетин. – URL: <http://eubulletin.mfa.government.bg/bg/History.asp> (дата обращения: 1.10.2016).

³⁵ *Вахудова М. А.* Нерозділена Європа: демократія, важелі впливу та інтеграція після комунізму. – К., 2009. – С. 132–138.

³⁶ Regular Report from the Commission on Bulgaria's Progress Towards Accession. Bulgaria. – P. 13. – URL: www.esiweb.org/pdf/bulgaria_EC-Regular%20Report%20Bulgaria_en_1988.pdf (дата обращения: 1.10.2016).

³⁷ *Boneva B.* Bulgarian Foreign Policy Twenty Years of EU Integration and Black Sea Region Cooperation: 1989-2009. – P. 23. – URL: http://www.ibrarian.net/navon/paper/Institute_of_International_Economic_Relations.pdf?paperid=19724108. (дата обращения: 1.10.2016).

³⁸ Agenda 2000. For a Stronger and Wider Union. COM 97 (2000). – Brussel, 1997. – Vol. 1. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51997DC2000&from=EN> (дата обращения: 1.10.2016).

³⁹ Agenda 2000. For a Stronger and Wider Union. COM 97 (2000). – Brussel, 1997. – Vol. 1. – P. 51. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51997DC2000&from=EN> (дата обращения: 1.10.2016).

⁴⁰ Agenda 2000. For a Stronger and Wider Union. COM 97 (2000). – Brussel, 1997. – Vol. 1. – P. 58. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51997DC2000&from=EN> (дата обращения: 1.10.2016).

⁴¹ Luxembourg European Council 12-13 December 1997. Presidency conclusions. – URL: <http://aei.pitt.edu/43332/> (дата обращения: 1.10.2016).

⁴² Commission Opinion on Bulgaria's Application for Membership of the European Union. Brussels, 15.07.1997 COM (97) 2008 final. – P. 105. – URL: <http://aei.pitt.edu/43461/> (дата обращения: 1.10.2016).

⁴³ *Tachevsky V.* Bulgaria's EU membership: the adaptation to the new status is not over // Electronic Publications of Pan-European Institute 16/2010. – P. 14. – URL: https://www.utu.fi/fi/yksikot/tse/yksikot/PEI/gaportit-ja-tietopaketti/Documents/Tachevsky_netiti_final.pdf (дата обращения: 1.10.2016).

⁴⁴ Regular Report from the Commission on Bulgaria's Progress Towards Accession. Bulgaria - Regular Report. 13/10/99. – URL: http://ec.europa.eu/enlargement/archives/key_documents/reports_1999_en.htm (дата обращения: 1.10.2016).

⁴⁵ *Валева Е. Л.* Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К. В. Никифоров. – М., 2011. – С. 304.

⁴⁶ Helsinki European Council 10-11 December 1999. Presidency conclusions – URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/hel1_en.htm (дата обращения: 1.10.2016).

⁴⁷ The International Situation in the House of Lords at 2:58 pm on 12th January 2000. – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/ld199900/ldhansrd/vo000112/text/00112-03.htm#00112-03_spnw1 (дата обращения: 1.10.2016).

⁴⁸ *Nikolova P.* Negotiating for EU Membership? The Case of Bulgaria and Romania – P. 403. – URL: <http://hrcaak.srce.hr/file/44726> (дата обращения: 1.10.2016).

⁴⁹ *Бурдяк В.* Республіка Болгарія на зламі епох: політична трансформація суспільства. – Чернівці, 2004. – С. 405.

⁵⁰ Gothenburg European Council 15-16 June 2001. Presidency conclusions and annexes. – P. 14. – URL: <http://aei.pitt.edu/43342/> (дата обращения: 1.10.2016).

⁵¹ Laeken European Council. 14-15 December 2001. Presidency conclusions and annexes. – P. 14 – URL: <http://aei.pitt.edu/43344/> (дата обращения: 1.10.2016).

⁵² *Давкова Г. С.* Идеалът за човека – изисквания за етос, патос и логос // Ценности и политика. ЕС и Югоизточна Европа. – С. 25. – URL: http://www.fes.bg/files/custom/library/2006/Cennosti_i_politika.pdf (дата обращения: 1.10.2016).

⁵³ *Драганов Д.* Европейската и евроатлантическата интеграция на новите демокрации // „Заедно в Европа“. Международна конференция посветена на 50-ата годишнина от подписването на Римския договор за създаване на Европейската икономическа общност. София, 26–27 март 2007 г. – София, 2007. – С. 75.

⁵⁴ Membership Action Plan (MAP) approved by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. Press Release NAC-S(99) 066. Issued on 24 Apr. 1999. – URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27444.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 1.10.2016).

- ⁵⁵ Европейский Союз: факты и комментарии. – Вып. 35: декабрь 2003 г. – февраль 2004 г. – Москва, март 2004. – URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_35 (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁵⁶ Copenhagen European Council 12-13 December 2002. Presidency conclusions and annexes. Brussels, 2003. – P. 5 – URL: <http://aei.pitt.edu/43349/> (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁵⁷ European Affairs – in the House of Commons at 2:18 pm on 18th June 2003 – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200203/cmhansrd/vo030618/debtext/30618-14.htm#30618-14_head0; Turkey and the EU – in the House of Lords at 2:30 pm on 15th December 2004. – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200405/ldhansrd/vo041215/text/41215-04.htm#41215-04_spnew19 (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁵⁸ Pridham G. Romania and EU Membership in Comparative Perspective: A Post-Accession Compliance Problem? – The Case of Political Conditionality // Perspectives on European Politics and Society. – 2007. – Vol. 8, № 2. – P. 173. – URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15705850701322491> (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁵⁹ Regular report from the Commission to Bulgarian's progress towards accession, 2004. – Brussels, 2004. – P. 140–142. – URL: http://ec.europa.eu/enlargement/archives/pdf/key_documents/2004/gr_bg_2004_en.pdf (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶⁰ Brussels European Council 16/17 December 2004. Presidency Conclusions. – P. 2. – URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/83201.pdf (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶¹ Nikolova P. Negotiating for EU Membership? The Case of Bulgaria and Romania – P. 410. – URL: <http://hrcaak.srce.hr/file/44726>. (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶² Европейский Союз: факты и комментарии. – Вып. 40: март–май 2005 г. – URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_40 (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶³ Treaty concerning the accession of the Republic of Bulgaria and Romania to the European – URL: Union <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=OJ:L:2005:157:TOC> (дата обращения: 1.10.2016)
- ⁶⁴ Ellman L. European Union (Accessions) Bill. – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200506/cmhansrd/vo051124/debtext/51124-12.htm#amdthd_0 (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶⁵ Lord Renton of Mount Harry. 20.10.2005. – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldhansrd/vo051020/text/51020-23.htm#51020-23_spnew1 (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶⁶ European Parliament Debates, Wednesday, 14 December 2005. Bulgaria – Romania. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20051214&secondRef=ITEM-015&format=XML&language=EN> (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶⁷ Papadimitriou D., Gateva E. Between Enlargement-led Europeanisation and Balkan Exceptionalism: an Appraisal of Bulgaria's and Romania's Entry into the European Union // GreeSE Paper. – 2009. – № 25. – P. 21. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/24197/> (дата обращения: 1.10.2016).
- ⁶⁸ Monitoring report on the state of preparedness for EU membership of Bulgaria and Romania Brussels, 26.9.2006 COM(2006) 549 final. – P. 13. – URL: http://ec.europa.eu/enlargement/archives/bulgaria/key_documents_en.htm (дата обращения: 1.10.2016).

ПРИЛАГАНЕ НА КОНВЕНЦИЯТА НА ЮНЕСКО ЗА ОПАЗВАНЕ НА НЕМАТЕРИАЛНОТО КУЛТУРНО НАСЛЕДСТВО 2003 ГОДИНА НА НАЦИОНАЛНО НИВО: БЪЛГАРСКИЯТ ОПИТ

М. Сантова

Сантова М. Прилагане на Конвенцията на ЮНЕСКО за опазване на нематериалното културно наследство 2003 година на национално ниво: българският опит. В годините около и последвали непосредствено акта на приемането от Генералната конференция на ЮНЕСКО през 2003 г. на *Конвенцията за опазване на нематериалното културно наследство* (Конвенция 2003) България натрупа опит в подготовката и формулирането на културни политики и дейности, свързани с прилагането на директивите за опазване, които Конвенцията чертае. В текста се говори за предприетите от България мерки: културни политики, програми и субекти по прилагане на Конвенцията.

Ключови думи: нематериално културно наследство, България, Конвенция 2003, читалища.

Сантова М. Применение Конвенции ЮНЕСКО для охраны нематериального культурного наследия ЮНЕСКО 2003 года на национальном уровне: болгарский опыт. В годы накануне и после принятия Генеральной конференцией ЮНЕСКО 2003 г. *Конвенции по охране нематериального культурного наследия* (Конвенция 2003) Болгария накопила опыт в подготовке и формулировании культурных политик, а также деятельности, связанной с применением директив по охране, очерченных Конвенцией. В тексте речь идет о предпринятых Болгарией мерах: культурных политиках, программах и субъектах имплементации Конвенции.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, Болгария, Конвенция 2003, читалишта.

Santova M. Implementing at National Level the 2003 UNESCO Convention on the Safeguarding of The Intangible Cultural Heritage: The Bulgarian experience. During the years coinciding in time with, and immediately following, the act of the adoption in 2003 by the UNESCO General Conference of the *Convention on the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage* ('the 2003 Convention') Bulgaria has accumulated considerable experience in the preparation and formulation of cultural policies and activities pertinent to the application of the provisions and guidelines of the convention. The text speaks of the measures undertaken in Bulgaria: Cultural policies, Programmes and Subjects for implementation to convention.

Keywords: Intangible Cultural Heritage, Bulgaria, Convention 2003, chitalishta.

During the years coinciding in time with, and immediately following, the act of the adoption in 2003 by the UNESCO General Conference of The Convention on the Safeguarding of The Intangible Cultural Heritage (The 2003 Convention), Bulgaria has accumulated considerable experience in the preparation and formulation of cultural policies and activities pertinent to the application of the provisions and guidelines of the convention. In some areas, what this country has done in this respect has been a pioneering accomplishment preceding international efforts.

Above all, since a very early stage Bulgaria had been making efforts to get *the bearers of the intangible cultural heritage (ICH) actively involved* in the processes of its preservation and safeguarding. In this context, Bulgaria has the unique advantage of having a network of institutions, the so-called *chitalishta*, a type of community centre with over a hundred years of history. Such community centres, which exist in practically every populated area across the country, are in their majority, for all intents and purposes, civic associations constituted on a territorial principle (in accordance with a special Act of Parliament that governs their operation) of practitioners of skills and knowledge in the area of ICH. Thus the involvement of the *chitalishta* in the policies for the safeguarding of ICH provides a direct link between those policies and the largest possible number of practitioners from around the country.

* * *

There are several key activities in the area of the intangible cultural heritage that Bulgaria has been pursuing since the time preceding or directly following the adoption of The 2003 Convention:

– Bulgaria was among the very first countries in the world to have prepared and officially established a *National Inventory of The Intangible Cultural Heritage*, the compilation of which coincided in time with the drafting of the final texts of The 2003 Convention.

– In 2006, a National Council for The Intangible Cultural Heritage was set up under the Minister of Culture, as the body responsible for coordinating at national level all work pertinent to the safeguarding of ICH in Bulgaria.

– In 2007, Bulgarian experts initiated the establishment of a *Regional Network of Experts in Intangible Cultural Heritage from the Region of South-Eastern Europe*. Initially that expert network, which turned out to be the first of its kind in the world, was supported by the UNESCO Bureau in Venice, the Bulgarian Ministry of Culture and the National Commission for UNESCO in Bulgaria, and since 2012, by the *Regional Centre for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage* Cat. 2, based in Sofia.

– Towards the end of 2007, this country launched the *National Programme for Living Human Treasures of Bulgaria*; in June 2008 that National Programme made the first five national nominations, which became the first five inscriptions on the *National Representative List of Elements of the Intangible Cultural Heritage*. Through its subsequent editions (held in every even year after 2008), the National Programme has established itself as a key cultural policy of Bulgaria in the area of the intangible cultural heritage: *National System of Living Human Treasures of Bulgaria*. And, although it ‘borrows’ its title from practices related to the preservation of the legacy of other cultures and traditions, the Bulgarian System has its own meaningful aspects, related to the building of a *National Representative List of Elements of the Intangible Cultural Heritage*, analogous to the World Lists. Every other year, another five elements are inscribed on the National List through the practices of operation of the System.

– On February 20th, 2012, Sofia saw the inauguration of the *Regional Centre for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage* Category 2, under UNESCO auspices. The Centre covers the entire region of South-Eastern Europe and is the first of its kind on the European continent.

– The *National Centre for the Intangible Cultural Heritage* is located at the Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum of the Bulgarian Academy of Sciences. The Institute also operates an *Expert Council for the Intangible Cultural Heritage*, which works in close connection with the National Centre.

– Bulgaria also maintains in its territory *two Local Centres for the Intangible Cultural Heritage*: at the villages of Bistritsa and Bulgari. Other populated areas have also shown an interest in having their own local ICH centres.

Cultural policies, Programmes, Authorities

The Bulgarian National Inventory of the Intangible Cultural Heritage was created by a team of the Institute of Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences¹ with the participation of the Ministry of Culture of the Republic of Bulgaria and the regional and local administrative structures under its jurisdiction active in the field of culture, and with the support of the National Committee for UNESCO. Also instrumental in compiling the *Inventory* has been the National Network of Bulgarian Community Centres (*chitalishta*). The involvement of the three types of institutions meant, in practical terms, the integration of three types of entities in the definition of activities and the production of the Register, all of special significance in principle for formulating the procedures of safeguarding the intangible cultural heritage (ICH):

- a) *the State*;
- b) *the experts*;
- c) practitioners (*bearers*) and reproducers of ICH: *communities, groups of people or individuals*, as well as *non-governmental organisations* (pursuant to the 2003 Convention). As was already mentioned, in the case of Bulgaria such non-governmental organisations – the *chitalishta* – are predominantly structured on a territorial principle and largely collocate with the practitioners of ICH, whether communities, groups or individuals.

The *Bulgarian National Inventory* for the Intangible Cultural Heritage was created in 2001-2002. On the one hand, its preparation coincided in time with the final polishing of the drafts for the 2003 Convention itself. On the other, however, this also meant that when Bulgaria began work on its *Inventory*, there had been no prior international experience in this type of undertaking.

Towards the end of 2002, the *Inventory* was officially recognised and adopted by the Bulgarian State, represented by the then Minister of Culture. The *Bulgarian National Inventory* turned out to be *the first of its kind in Europe*, preceding by about a year the official adoption of the 2003 Convention by the UNESCO General Conference, whose Art. 12 explicitly calls for the establishment of such registers as part of the procedures for safeguarding the intangible cultural heritage at national level.

Thus, by creating its National Register at the dawn of the 21st century, Bulgaria turned out to be *one of the first nations worldwide* to have fulfilled the provision of Art. 12 of the Convention.

The *Bulgarian National Inventory* defines several spheres where cultural activities of different types are organised. While these reflect the areas of manifestation of ICH as identified in Art. 2 of the 2003 Convention, the way they are formulated in the Bulgarian Register accounts for the specific forms of ICH in Bulgarian territory.

The official delivery of the thus completed Register to the Minister of Culture in the fall of 2002 was a symbolic act through which the Bulgarian State formally adopted that important document as its own. Placed in perspective, this means that the State undertakes as one of its primary concerns in safeguarding ICH the delicate mission of ensuring the ability of people to pass on to the next generation the requisite competences, whether as practitioners or experts, for keeping alive the elements of the intangible cultural heritage that the State has explicitly recognised by entering them into the Register.

Today, the *Bulgarian National Inventory* of the Intangible Cultural Heritage is published on the official website of the Ministry of Culture of the Republic of Bulgaria (<http://www.treasures-bulgaria.com/>).

* * *

The establishment in 2006 of a *National Council for the Intangible Cultural Heritage* under the Minister of Culture (as the successor to the previously existing *National Folklore Council*) came in direct pursuance of *Art. 43 (1)* of The *Bulgarian Cultural Heritage Act*. According to the official documents, this body aims to:

- support the development of a strategy for safeguarding and promotion of the traditional Bulgarian culture and folklore;
- propose measures for the implementation of international instruments in the area of ICH to which Bulgaria is a party;
- propose measures for improving the systems of safeguarding the intangible cultural heritage;
- make recommendations on matters of the safeguarding, conservation and promotion of the intangible cultural heritage;
- propose to The Minister of Culture, for his/her approval, elements of ICH to be inscribed on the National Representative List of the Intangible Cultural Heritage.

Pursuant to the Rules on the Composition, Functions and Operation of the National Council for ICH under the Minister of Culture (promulgated in *State Gazette*, No. 45/May 18th, 2013), the Council may be chaired by the competent Deputy Minister and comprise as its members experts in various ICH fields, ICH practitioners, members of civic organisations and specialised institutions in the area of ICH, and a representative each of The Ministry of Culture and the National Commission for UNESCO.

* * *

In 2007, Bulgaria initiated the organisation of, and played host to, a *Seminar for Experts in the field of the intangible cultural heritage in South-Eastern Europe*. This Seminar was designed, on the one hand, to serve as a working forum for the exchange of experience and good practices between the countries in the region, and on the other, to help familiarise experts from different countries with the accomplishments of Bulgaria, its experts and institutions, in the relevant field thus far. Taking part in the seminar were experts from 9 countries in South-Eastern Europe: Albania, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Croatia, Cyprus, Macedonia, Romania, Slovenia, and Turkey. The participants unanimously pointed to the need to establish a permanent working forum of experts from this part of Europe, which led them to the idea for setting up a *Network of Experts in the field of the intangible cultural heritage* for South-Eastern Europe.

Thus, in 2007, the historic village of Arbanassi, in northern Bulgaria, hosted the inauguration of the first *Network of ICH Experts* in the whole world, that for South-Eastern Europe. In

the years that followed, the Network began to operate by holding annual meetings, hosted each time by a different country in the region. Today, the institution in charge of that Network is the *Regional Centre for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage* Cat. 2, based in Sofia.

* * *

The National System of Living Human Treasures of Bulgaria was launched as a project in directly relation to the UNESCO-sponsored pilot programme of Living Human Treasures, which was adopted as a national programme and subsequently established as a national system.

The National System of Living Human Treasures of Bulgaria (<http://mc.government.bg/reg/index.php?act=content&do=detailed&rec=670>) provides an opportunity for this country to propose, once every two years, nominations in the field of ICH, mostly initiated by the *chitalishta* (community centres), or by regional museums, with the support of local structures in the cultural field. The Bulgarian system, while based on the eponymous pilot project launched by UNESCO, has certain specificities; among the most significant of those is the fact that its biennial sessions result in inscriptions on the *National Representative List of Elements of the Intangible Cultural Heritage*. Pursuant to the established rules, the nominations must be of elements already listed in the *National ICH Register*. In the nomination form especially developed for the purpose by the experts, there is a field where the nominating body must state the field (sphere) of ICH as per the National Register within whose parameters the nomination is made. Also, the express consent of the practitioners of the ICH element in question is required.

The system provides for two rounds of selection: a regional and a national one. In the first round, 28 nominations are made, one for each of the 28 administrative districts of Bulgaria (the country's administrative division is used as a reference framework to facilitate coordination procedures at national level). This is followed by a second round, which shortlists 5 nominations, all of which are inscribed on the *National Representative List of Elements of the Intangible Cultural Heritage*.

The conferral of diplomas on the five selected ICH elements carries material incentives, provided by the State, for their practitioners. According to a practice established already with the earliest inscriptions, these are cash disbursements aimed primarily at facilitating the transmission of the element. The cheques are officially handed to the winning entrants by the Minister of Culture or an official especially designated by him/her.

The selection is carried out by panels of judges, composed on a regional basis, appointed by an order of the Minister of Culture. Such panels comprise each an expert of the Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum under the Bulgarian Academy of Sciences, a local expert, a member of the local community centre (*chitalishte*) and/or regional museum, as well as representatives of the local cultural authorities. The national panel of judges is made up of experts of the National Centre for the Intangible Cultural Heritage.

The above described selection process and judges notwithstanding, the National System of Living Human Treasures itself is not competitive in nature. To the Bulgarian State, the entire sphere of the intangible cultural heritage of its population is of great value and concern. Such selections and inscriptions are, in fact, a sign of the State's concern in making sure that the heritage that belongs to all of its citizens could be preserved in perpetuity.

Inscriptions on the National Representative List of Elements of the Intangible Cultural Heritage serve as an incentive for local communities to ensure their proper transmission, without involving any brutal official interference into the core essence of such processes, as pursued naturally by the *bearers*.

Structures and Centres

Bulgaria maintains a range of specialised centres operating in the sphere of the intangible cultural heritage at regional, national, and local level.

* * *

The *Regional Centre for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage* under UNESCO Auspices. On October 25th, 2010, at a special ceremony at the UNESCO HQ in Paris, the Minister of Culture of Republic of Bulgaria and the UNESCO Director General signed an Agreement on the Establishment in Sofia of a Regional Centre for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage in South-Eastern Europe.

On March 16th, 2011, The National Assembly passed a Law on the Ratification of the Agreement between the Government of the Republic of Bulgaria and the United Nations Education, Science and Culture Organisation (UNESCO) on the establishment on Sofia (Bulgaria) of a Regional Centre for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage in South-Eastern Europe under UNESCO Auspices (Category 2) (<http://bg.unesco-centerbg.org/view/post/32>)

Pursuant to its Statute,

Art. 6. The Objectives of the Centre are to:

1. Promote the UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage and contribute to its implementation in the South-Eastern European sub-region;
2. Increase the participation of separate communities, groups and individuals in safeguarding intangible heritage in the South-Eastern European countries;
3. Enhance the capacity of the Member States in UNESCO from South-Eastern Europe in safeguarding the intangible cultural heritage;
4. Coordinate, exchange and disseminate information regarding the safeguarding of intangible cultural heritage in the sub-region;
5. Foster regional and international cooperation for safeguarding intangible cultural heritage;
6. Support the efforts for safeguarding of the elements of intangible cultural heritage from the region that are included in the UNESCO Representative List of Intangible Cultural Heritage and the UNESCO List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding;
7. Support and assist the countries from the region in the processes of identifying and inventorying the intangible cultural heritage and in developing systems at the national level for recognizing the intangible heritage present in their territories;
8. Cooperate with the institutions engaged in studying and safeguarding the intangible cultural heritage on a local, national and regional level as well as for establishment of relations between them;
9. Support and participate in activities for training of specialists in the field of intangible cultural heritage;
10. Make efforts for strengthening the cooperation with UNESCO and the respective related institutions in other countries and regions (<http://bg.unesco-centerbg.org/files/f279dfde882b-4c1f6288e428293882e4.pdf>).

* * *

The National Centre for Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, which has its seat at the Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum under The Bulgarian Academy of Sciences operates in close connection with the Expert Council of the Intangible Cultural Heritage at the same Institute.

The National Centre for the Intangible Cultural Heritage (NC ICH) collects, processes and stores documents describing, or otherwise related to, elements of ICH as well as other documents. It assists in the implementation of the National System of Living Human Treasures of Bulgaria by storing the documentation of relevance to it. The National Centre provides methodological assistance for the operation of the Local Centres for the Intangible Cultural Heritage.

* * *

Local Centres for the Intangible Cultural Heritage at the villages of Bistritsa and Bulgaria.

The local centres presently existing in the territory of Bulgaria were established (as was the case with the village of Bistritsa) by a three-way agreement between the Ministry of Culture (MC) of the Republic of Bulgaria, the relevant research institution of the Bulgarian Academy of Sciences and members of the local community. Practice has shown that in Bulgaria's cultural reality, those are the chairpersons of the *chitalishta* boards of trustees. Pursuant to the three-way agreement, the functions in that partnership are distributed as follows: MC provides administrative support and supervision; BAS provides methodological assistance; and the local authority plays host and manages the day-to-day affairs of the centre. In the case of the village of Bulgaria, the local centre has the status of an affiliate body of the Georgi Kondolov *chitalishte* in the town of Tsarevo (the town being a municipal centre).

¹ Since 2010, following its merger with the BAS, Ethnographic Museum, this is known as the Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum (IEFSEM) of The Bulgarian Academy of Sciences (BAS).

УКРАЇНА НА ШЛЯХУ ВІД ЄВРАЗІЙСЬКОЇ ДО ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ

Є. В. Сафар'янс

Сафар'янс Є. В. Україна на шляху від євразійської до європейської цивілізації. У статті розглядаються сучасні українські цивілізаційні пріоритети та тенденції в середовищі українського суспільства. Автор доходить висновку, що попри більш ніж двохсотрічне перебування під впливом євразійської цивілізації, населення незалежної України прагне долучитися до європейських інтеграційних процесів. Завданням є пояснити, чому саме зараз Україна почала рухатись від євразійської до європейської цивілізації.

Ключові слова: Україна; Європа; цивілізаційна теорія; європейська цивілізація; євразійська цивілізація; система цінностей.

Сафарьянс Е. В. Украина на пути от евразийской к европейской цивилизации. В статье рассматриваются современные украинские цивилизационные приоритеты и тенденции в среде украинского общества. Автор приходит к выводу, что, несмотря на более чем двухсотлетнее пребывание под воздействием евразийской цивилизации, население независимой Украины стремится приблизиться к европейским интеграционным процессам. Задачей является объяснить, почему именно сейчас Украина начала двигаться от евразийской к европейской цивилизации.

Ключевые слова: Украина; Европа; цивилизационная теория; европейская цивилизация; евразийская цивилизация; система ценностей.

Safaryans Y. V. Ukraine on the way from Eurasian to the European civilization. The article examines modern civilization Ukrainian priorities and tendencies among the Ukrainian society. The author arrives at the conclusion, that people of independent Ukraine aspires to join the European integration processes, despite more than two centuries staying with Eurasian civilization. The objective is to explain why just now Ukraine started to move from Eurasian to the European civilizations.

Keywords: Ukraine; Europe; civilizational theory; European civilization; Eurasian civilization; system of values.

У 1991 році на карті Європи з'явилася нова держава – Україна. Результати референдуму 1 грудня 1991 року засвідчили, що понад 28 млн жителів підтримують Акт проголошення незалежності України, а це 76% від тих, хто мав право голосу¹. Цікавий факт: згідно з опитуваннями, саме така кількість громадян України вважала себе українцями. На той час умови життя в Західній Європі були набагато вищими за український рівень. Здавалося, що проблемою усьому була радянська планово-адміністративна система, яка гальмувала стрімкий розвиток економіки. Але час показав, що одних капіталістичних відносин недостатньо для того, щоб покращити рівень життя населення. Для цього необхідна система цінностей, яка є основою сучасної європейської цивілізації.

Тема зміни цивілізаційних вподобань серед українців є досить актуальною, особливо в наш час, коли після подій 2013–2015 років українці все більше віддаляються від євразійського цивілізаційного простору. В цьому контексті варто пояснити, що означає термін «цивілізація», а також поняття «цивілізаційний підхід». Його часто згадують вчені, але за твердженням відомого українського дослідника В. Г. Космини, «в самих історичних дослідженнях, що проводяться за методологічними канонами історичної науки, він практично не застосовується»².

В сучасному розумінні поняття «цивілізація» вперше використовується в праці французького економіста-фізіократа маркіза В. Р. де Мірабо «Друг людини, або Трактат про населення» (1756)³. Саме з цього часу термін використовують для позначення великих соціокультурних спільнот людей, які з'являються з появою писемності. Проте ці ідеї з'явилися не на порожньому місці. Передумови для появи цивілізаційної теорії сформували античні мислителі Геродот, Фукидід, Платон, Ксенофонт, Арістотель, Лукрецій, Цицерон, Страбон, Плутарх.

Адам Фергюсон вперше використав поняття «цивілізація» в теоретичній періодизації світової історії, а Льюїс Морган та Фрідріх Енгельс активно впроваджували цей термін в науковий обіг. Дж. Віко, Ф. Вольтер, Й.-Г. Гердер першими спробували провести паралелі між китайською та європейською цивілізаціями. В. Гумбольдт використовував термін «цивілізація» у двох значеннях, Ж.-А. Гобіно, Г. Рюккерт вперше спробували поділити людську спільноту на окремі цивілізації. Першим вченим, який піддав критиці європоцентричну цивілізаційну модель, став М. Я. Данилевський⁴.

Після Першої світової війни виходить книга, яка стала вінцем цивілізаційного дослідження попередньої епохи – праця Освальда Шпенглера «Присмерк Заходу»⁵. Та лише англійському історику Арнольду Джозефу Тойнбі вдалося вперше узагальнити усі напрацювання дослідників за попередні століття та сформулювати в своїй монументальній праці «Дослідження історії»⁶ цільну концепцію, яка пізніше отримала назву «цивілізаційна теорія». Саме поділ на цивілізації, запроваджений А. Дж. Тойнбі, ліг в основу «цивілізаційного підходу». Автор виділяє 21 одну цивілізацію, які існували протягом усієї людської історії. У XX ст. з них залишилося вісім: західна, далекосхідна, китайська, японсько-корейська, візантійська, євразійська, ісламська, індуська. На той час А. Дж. Тойнбі цілком закономірно відніс українські землі до Євразійської цивілізації, оскільки більша частина території входила до Російської імперії, а пізніше – до Радянського Союзу. Він не став приділяти увагу цивілізаційним особливостям власне українських земель.

Розпад СРСР та закінчення «холодної війни» світова громадськість сприйняла в якості початку тріумфальної ходи ліберальної демократії та остаточного об'єднання світу. Саме ці ідеї вирішив висвітлити в своїй праці «Кінець історії і остання людина»⁷ Френсіс Фукуяма. В цій книзі він обґрунтував можливість перемоги ліберальної демократії в усьому світі. В 1996 році виходить праця «Зіткнення цивілізацій»⁸ Самуеля Гантінгтона. Автор розробив цілу теорію, згідно з якою після припинення «холодної війни» головними причинами нових світових протистоянь стануть суперечності між світовими цивілізаціями. Такі «прогнози» сколихнули суспільну думку. Особливої популярності ця концепція набула після трагічних подій 11 вересня 2001 року. На початку XXI ст. порівняльним аналізом історії цивілізацій займався Ш. Ейзенштадт. В його праці «Порівняння цивілізацій і множинна сучасність» (2003)⁹ докладно розглянуті питання цивілізаційного виміру соціологічного аналізу. Цивілізаційна теорія є найбільш популярною серед сучасних істориків та політологів, але не варто забувати, що це всього лише концепція.

Більш детально розглянемо працю А. Дж. Тойнбі «Дослідження історії». З впевненістю можна стверджувати, що історія України не була предметом системного аналізу британського дослідника. Він побіжно згадував Україну часів XI–XVIII ст. у контексті висвітлення взаємин між Росією і Заходом¹⁰.

В контексті вказаної праці український історик В. П. Скоблик пише: «Тойнбі продемонстрував різні підходи при висвітленні історії України стосовно XI–XVIII ст. Сюжети з української історії XI–XIII ст. органічно вплетені в тойнбіанську схему розвитку цивілізацій та його ж концепцію міжцивілізаційних відносин, відіграючи при цьому функцію ілюстрації певних моделей суспільного розвитку. ...З історії України XX ст. Тойнбі не використовує політичну конкретику з метою обґрунтування своїх теоретичних побудов, а намагається висловити ставлення до проблем суспільно-політичного розвитку українців»¹¹.

Виникає питання: якою ж була роль українських земель в становленні православної цивілізації? У розділі «Виклик-Відповідь» автор називає Русь «другою батьківщиною» східного християнства, весь східнослов'янський світ отримав статус «відгалуження» православної цивілізації. До певного періоду Русь розвивається під впливом православної (візантійської) цивілізації, а з останнього десятиліття XVII ст. потрапляє у сферу впливу Західної цивілізації. Саме тому Тойнбі позначає Російську цивілізацію «напівзалежна цивілізація-супутник». Також часто зустрічається термін «євразійська» цивілізація; пов'язаний він з тим, що в процесі утвердження «виклику-відповіді» народи Московського царства (пізніше – Російської імперії) поєднали на ментальному рівні азійські (східні) та європейські (західні) цінності. На практиці це означало, що жителі держави вважали себе скоріше «підданими», ніж рівноправними «громадянами», повністю віддавали свою долю в розпорядження царя-покровителя. Проте велика кількість суспільних норм поведінки панівних верств (особливо після реформ Петра I) майже нічим не відрізнялася від європейських.

Трохи іншою була доля українських земель, які з часів Київської Русі перебували під впливом європейської культурної традиції (тобто західної цивілізації). Сам факт прийняття християнства від Візантії не означає, що Русь чимось сильно почала відрізнятися від інших держав Європи, за умовними параметрами вона була типовим для середньовічної Європи державним утворенням, а отже, органічною частиною молоді європейської цивілізації¹². Якщо тойнбіанською «відповіддю» Московської держави на агресію кочовиків Степу було запозичення азійської моделі суспільства і створення потужної імперії, схожої на імперію Чингізидів, то «відповіддю» українських земель, на думку Тойнбі, стала поява козацтва. Українська дослідниця І. А. Смелянова зазначає, що хоч автор й не розглядав козацтво як виключно український соціальний феномен, але він вважає, що всі «козацькі общини», розкидані «від берегів Дону до берегів Уссурі», «походили від однієї материнської общини, козацької армії Дніпра»¹³. Ірина Анатоліївна стверджує, що в період геополітичних змін Україна ставала не лише їхнім активним учасником, але й привабливим об'єктом зазіхань.

Протягом XIV–XVII ст. українські землі поступово долучаються до європейських цивілізаційних процесів. Але в 1654 році українське суспільство різко змінює свої геополітичні подібання на користь Москви. Вибір був свідомим: велика частина українського козацтва широко прагнула укласти союз з «братами по вірі». Але ця угода для козацької держави стала справжньою геополітичною катастрофою. Більше 300 років території українського Лівобережжя та Слобожанщини, а Південь та Правобережжя майже 200 років входили до складу євразійського цивілізаційного ареалу, тобто були під контролем Росії. Ще більш специфічною була система, яка утворилася в часи Радянського Союзу в результаті поєднання старої деспотичної імперської політики та нового соціалістично-зрівняльного підходу. Це певним чином вплинуло на психологію звичайних українців, які у своїй більшості були позбавлені власної ініціативи і відповідальності, а виховані були в душі колективізму.

Якщо А. Тойнбі у своїй праці розмежовує Православну (візантійську) і Євразійську (російську) цивілізації, називаючи останню «гілкою» першої, то С. Гантінгтон «російську» іменує «Православною цивілізацією»¹⁴. Таку назву «євразійської» цивілізації дуже добре характеризує саркастичне висловлювання сучасного російського геополітика С. Переслєгіна, який стверджує, що Гантінгтон назвав Росію «православною цивілізацією, очевидно, за домовленістю з РПЦ, адже серйозно ставиться до релігії менше 10% її населення, з яких не більше 1% здатні зрозуміти пояснити, чим православні відрізняються від католиків»¹⁵. Західні критики теж вказують на ці недоліки в назві Гантінгтона, зокрема акцентуючи увагу на проблемі походження гагаузів та приналежності Боснії¹⁶.

Гантінгтон поділяє світ на дев'ять цивілізацій відповідно до історичного, економічного та соціально-політичного розвитку: Західну, Православну, Ісламську, Латиноамериканську, Африканську, Сінську (конфуціанську), Індуську, Буддистську та Японську¹⁷. Між цивілізаціями проходять «лінії розламів», на яких можуть виникати нові глобальні конфлікти. Автор вважає, що саме такий «цивілізаційний розлам» проходить через територію сучасної України: лінію на захід від річки Збруч він відносить до Західної, а на схід – до Православної цивілізації. Такий поділ визначається через належність цих територій до різних конфесій: греко-католицької та православної. За наочне підтвердження Гантінгтон використовує результати голосування на президентських виборах 1994 року. Тоді лінія розколу проходила по східному кордону Київської, Черкаської, та південному кордону Черкаської, Вінницької областей. Але ж, очевидно, що ці області не є уніатськими за панівною конфесією. Ще більш показовими є результати президентських виборів 2004 та 2010 року¹⁸. Тоді лінія «поділу» змістилася на схід, пройшовши по східній частині Сумської та Полтавської областей, а також південній частині Кіровоградської області. Цікавими є також дані дострокових виборів Президента України 2014 року: якщо вважати Президента України Петра Порошенка «прозахідним» політиком, то українські території на 2014 повністю ввійшли до європейського цивілізаційного ареалу, хіба за виключенням Криму та Східного Донбасу¹⁹.

З огляду на наведені вище факти стає очевидним, що в основі цивілізаційного «поділу» України релігійний чинник не є основним. Більш того, за 24 роки незалежності України «лінія поділу» перемістилася від західних кордонів до східних. Дослідник Борис Дрогомирецький зазначає, що безперечно, автор дещо «гіперболізує релігійний чинник, хоча йому можна вибачити цей огріх, з огляду на те, що вникнути в релігійно-конфесій-

ну ситуацію в Україні не під силу навіть деяким вітчизняним «фахівцям», не говорячи вже про американського політолога²⁰. Тепер з упевненістю можна стверджувати, що не релігійний чинник був головною причиною цивілізаційних відмінностей різних регіонів України. Він скоріше був наслідком більш масштабного поділу українських теренів, що пов'язаний з кліматичними та природно-географічними факторами. Так, саме між населенням лісостепової, степової та зони мішаних лісів спостерігається найбільша різниця в культурних традиціях. Відмінності були пов'язані з різними умовами життя населення в кожній з природно-кліматичних зон.

Особливу увагу варто приділити співпраці України з Європейським Союзом. Україна та Європейський Союз 16 червня 1994 року підписали Угоду про партнерство та співробітництво. 1998 року в Україні розпочало роботу представництво Європейської комісії. З 1 березня 1998 року набрала чинності Спільна стратегія Європейського Союзу щодо України. У частині I цієї угоди наголошується, що повне її виконання є передумовою успішної інтеграції України в економіку Європи та допоможе Україні ствердити свою європейську ідентичність. На міжнародному форумі «Європа – Україна», який проходив у Києві на початку 2008 року В. Ющенко заявив, що «сьогодні ми знаходимося на радикально новому етапі відносин України з Європейським Союзом»²¹.

Опитування, які проводились протягом 20 років серед українців показали, що кількість ініціативних громадян в країні зростає, а паралельно з нею зростала і кількість тих, хто хоче, щоб Україна приєдналася до ЄС. Орієнтація на Росію була популярна серед населення України ще на початку 2000-х років. Але 2004 рік став переломним. Після Помаранчевої революції кількість тих, хто підтримував вступ до ЄС, стала більшою за кількість прибічників політики, спрямованої на зближення з Росією. В 2004 році ця кількість сягала близько 40%, у 2006 – 43,7%, а в 2011 – вже 46%. В грудні 2013 року кількість прибічників вступу до ЄС коливалась на рівні 48–49%²². Тобто ми бачимо, що українці повільно переорієнтовувались на Європу. Після Революції Гідності підтримка серед українців вступу до ЄС різко зросла і досягла 61%²³.

Головною проблемою для більшості сучасних українців є несприйняття європейської системи цінностей. На відміну від європейців, середньостатистичний українець дозволяє собі порушувати закон, оскільки вважає його «несправедливим». В цей самий час для більшої частини жителів Європи головним є правило: *Dura lex, sed lex* («Закон суворий, але це закон»).

Стосовно поточної ситуації в Україні цікавою є думка Бориса Дрогомирецького: «Зі скрипом, але все ж ми долаємо нашу “розколотість”. І нехай ми не подолаємо її на побутовому, конфесійному, політичному та й навіть на світоглядному рівнях, проте на рівні глобальному ми повстаємо як моноліт. Показовим є приклад Німеччини: “розколота” в середині, на міжнародній арені вона є єдиною політичною нацією. Непогано б і нам було навчитися вирішувати свої проблеми в себе дома самим. А тим, хто зазіхає на нас ззовні, протиставляти нашу єдність та міць»²⁴.

На нашу думку, впродовж усієї історії Україна була органічною частиною європейської цивілізації, але протягом останніх двох століть більша частина українських земель перебувала під впливом Росії, тобто, потрапили в сферу впливу Євразійської цивілізації. Ще під час першої Української революції 1917–1921 років українська еліта намагалася вийти з російського цивілізаційного ареалу, але ця спроба завершилася поразкою. Лише після проголошення незалежності в Україні з'явилася можливість повернутися до європейської спільноти. На даний час більше 60% українців прагнуть інтеграції України до складу Європейського Союзу.

¹ ЦДАВО України, ф. 1, оп. 28, спр. 144, арк. 6.

² *Космина В. Г.* Цивілізаційний аналіз всесвітньої історії як проблема історіографії // *Наук. пр. іст. ф-ту Запоріж. нац. ун-ту.* – 2011. – Вип. 30. – С. 213.

³ *Ионов И. Н.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века / И. Н. Ионов, В. М. Хачатурян. – СПб.: Алетей, 2002. – С. 59.

⁴ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: [взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому] / Н. Я. Данилевский; сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

⁵ *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umrise eine Morphologie der Weltgeschichte. – München: Beck, 1998. – 954 s.

⁶ *Тойнбі А.* Дослідження історії. – Том 1 / Пер. з англ. В. Шовкуна. – К.: Основи, 1995. – 614 с.; *Тойнбі А.* Дослідження історії. – Том 2 / Пер. з англ. В. Митрофанова, П. Тарашука. – К.: Основи, 1995. – 406 с.

⁷ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.

⁸ *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon and Schuster, 1996. – 368 p.

⁹ *Eisenstadt S.* Comparative Civilisations and Multiple Modernities. – 2 Vol. – Leiden, Boston: Brill, 2003. – 1055 p.

¹⁰ *Смельянова І. А.* Сучасна інтерпретація деяких аспектів історії України-Русі в «Осягненні історії» А. Дж. Тойнбі. // Наукові праці МДГУ ім. Петра Могили. Серія історична. – Миколаїв, 2006. – Т. 52. – С. 110–114.

¹¹ *Скоблик В. П.* Історія Русі-України XI–XVIII ст. у контексті міжцивілізаційних відносин (особливості тойнбіанської інтерпретації) // Український історичний журнал. – 1998. – № 8. – С. 17.

¹² *Залізняк Л. Л.* Від склавинів до української нації. – К., 1997. – 256 с.

¹³ *Смельянова І. А.* Сучасна інтерпретація деяких аспектів історії України-Русі... – С. 111.

¹⁴ *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations. – P. 45–48.

¹⁵ *Переслегин С.* О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – С. 596–597.

¹⁶ *Fox J.* Ethnic Minorities and the Clash of Civilizations: A Quantitative Analysis of Huntington's Thesis // British Journal of Political Science. – 2002. – Vol. 32 (3). – P. 415–434.

¹⁷ *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations. – P. 45–48.

¹⁸ *Нічога М.* Зіткнення цивілізацій посеред України. – URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/06/11/5126765/?attempt=1> (дата звернення: 14.11.15).

¹⁹ *Вибори Президента України 2014* – URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B8_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D0%B8-2014 (дата звернення: 14.11.15).

²⁰ *Дрогомирецький Б.* Гантінгтон попереджав... – URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/07/15/7031876/> (дата звернення: 14.11.15).

²¹ *Никитюк Т. Л.* Європейський вибір України: консолідуєча національна парадигма // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – 2008. – Вип. 35. – С. 138–147.

²² *Палагнюк Ю. В.* Моніторинг громадської думки щодо європейської інтеграції України як механізм реалізації державної євроінтеграційної політики // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Вип. 223. – Т. 235: Державне управління. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2014. – С. 76–81.

²³ *В Україні різко росте підтримка вступу України до Євросоюзу і НАТО* – URL: <http://tsn.ua/politika/v-ukrayini-rizko-roste-pidtrimka-vstupu-ukrayini-do-eyvrosoyuzu-i-nato-356430.html> (дата звернення: 14.11.15).

²⁴ *Дрогомирецький Б.* Гантінгтон попереджав... – URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/07/15/7031876/> (дата звернення: 14.11.15).

ПРО ЦИВІЛІЗАЦІЙНИЙ ВИБІР РОЗВИТКУ УКРАЇНИ

О. І. Романюк

Романюк О. І. Про цивілізаційний вибір розвитку України. Досліджується проблема цивілізаційних витоків українського суспільства. Проаналізувавши історичні шляхи розвитку України та Росії, автор доводить, що вони належать до різних цивілізаційних ареалів. Україна належить до європейського ареалу, Росія – до євразійського. Основними чинниками, що зумовили цивілізаційні відмінності, виступають відмінності політичних полів, в межах яких відбувався суспільний розвиток.

Ключові слова: цивілізація; цивілізаційний ареал; культура; соціокультурне поле; політичне поле; Україна; Росія.

Романюк А. И. О цивилизационном выборе развития Украины. Исследуется проблема цивилизационных истоков украинского общества. Проанализировав исторические пути развития Украины и России, автор доказывает, что они принадлежат разным цивилизационным ареалам. Украина относится к европейскому ареалу, Россия – к евразийскому. Основными факторами, которые обусловили цивилизационные отличия, выступают различия политических полей, в рамках которых происходило общественное развитие.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационный ареал; культура; социокультурное поле; политическое поле; Украина; Россия.

Romanuk O. I. On the Civilization Choice of Ukraine's Development. The problem of the Ukrainian society civilization origins is investigated. The author, having analyzed the historical ways of Ukraine and Russia, proves that they belong to different civilization areas. Ukraine belongs to the European area and Russia – to Eurasian one. The main factors that led to the civilization differences are the differences in the political fields, in which social development is going.

Keywords: civilization; culture; civilization area; culture; socio-cultural field; political field; Ukraine; Russia.

Питання про цивілізаційний вибір України відіграє важливу роль у гібридній війні, яку Росія веде проти України. Бажаючи завадити інтеграції України до європейського простору, російська пропаганда стверджує, що це суперечить цивілізаційній сутності українського суспільства, яке належить до євразійської цивілізації. При цьому євразійська цивілізація жорстко протиставляється європейській, до якої сьогодні намагається долучитися Україна. Розібратися в тому, до якого цивілізаційного ареалу тяжіє Україна та чи відповідає інтеграція до Європи цивілізаційній сутності українського суспільства, становить головне завдання цієї статті.

Що являють собою цивілізації та як вони виникають

Поняття «цивілізація», що походить від латинського слова *civilis*, що українською перекладається як громадський, суспільний, державний, громадянський, впровадив у науковий обіг для відрізнення соціально організованих спільнот від первісних форм організації людства французький економіст-фізіократ та філософ Віктор де Мірабо* в своїй праці «Друг людства» (1757)¹. Під впливом Мірабо в науці поширилося трактування цивілізації як стадії суспільного розвитку, якій притаманне виділення соціуму з природи та домінування соціальних чинників життєдіяльності людини над природними. Таке трактування цивілізації використали в своїх працях «Стародавнє суспільство» (1877) Льюїс Морган² та «Походження сім'ї, приватної власності і держави» (1884) Фрідріх Енгельс³.

Проте активне студювання східних суспільств в XIX столітті засвідчило, що вони істотно відрізняються від західних. Це спричинило до розуміння цивілізації не як чогось

* Віктор де Мірабо є батьком більш відомого французького філософа та політичного діяча часів Великої Французької революції Оноре Габріеля де Мірабо.

цілісного, а як явища, що складається з декількох ареалів. Французький філософ Шарль Ренув'є в праці «Посібник зі стародавньої філософії» (1844) запропонував поняття локальної цивілізації⁴. Через кілька років французький історик Жозеф Артюр де Гобіно в книзі «Есе про нерівність людських рас» (1853–1855) вирізнив 10 цивілізацій, кожна з яких проходить свій власний шлях розвитку⁵. Схожі ідеї одночасно висловив німецький історик Генріх Рюккерт, котрий прийшов до висновку, що історія людства – не єдиний процес, а сума паралельних культурно-історичних процесів, які неможливо розташувати лінійно. Вирізнивши у своєму «Підручнику світової історії в органічному уявленні» (1857) п'ять вищих «культурних типів, він першим звернув увагу на проблему кордонів цивілізацій, їх взаємовпливу, структурних взаємин усередині них⁶. У ХХ столітті вагомий внесок у вивчення локальних цивілізацій зробив англійський історик Арнольд Тойнбі, який у 12-ти томній праці «Розуміння історії» (1934–1961) поділив історію людства на низку локальних цивілізацій, що мають єдину внутрішню схему розвитку⁷. Наприкінці ХХ століття американський політолог Семюел Хантингтон у праці «Зіткнення цивілізацій та перетворення світового порядку» (1996) проголосив, що після лавинного краху комуністичних режимів на зміну двополярному світові приходить світовий порядок, що ґрунтується на цивілізаціях. Географічне сусідство цивілізацій часто-густо призводить до конфліктів між ними, які значно загострюються тоді, коли їх кордони є аморфними⁸.

Таким чином, у науці виникло розуміння сутності цивілізації як певного соціокультурного простору (*ареалу*), якому притаманні спільні риси політичної, правової, економічної, мистецької та технічної культури. У цьому контексті культура, котра трактується як суб'єктивна сфера суспільного життя, що унаочнюється в стереотипах суспільної свідомості, поведінки та діяльності, виступає домінуючим чинником, який відрізняє одні цивілізаційні ареали від інших.

Важливим питанням для реалізації завдання статті є питання про те, як виникають цивілізаційні ареали. Аналіз історичного розвитку привів автора до висновку, що цивілізації постають двома шляхами.

Перший – *природний шлях*, коли формування спільного соціокультурного поля відбувається на ґрунті спільних історичних витоків, спільної мови, спільної міфології, що сформувалося ще в варварський час. Прикладом цього є давньогрецька цивілізація. Не дивлячись на те, що в стародавній Греції виникло багато полісів (міст-держав), усі вони були залучені до єдиного соціокультурного поля, усвідомлювали свою генетичну близькість, мали спільний пантеон богів та героїв, разом проводили олімпійські ігри (під час яких припинялися усі міжусобні війни), об'єднаними зусиллями відстоювали свою незалежність від перської навали (навали іншої цивілізації).

Другий – *імперський шлях*, коли спільне соціокультурне поле утворюються внаслідок завоювання чи підкорення одних народів іншими. Яскравим прикладом другого шляху виступає римська цивілізація. Саме внаслідок воєнних завоювань створився *Pax Romana*, куди поступово були включені досить різні за своїм етнічним складом території. У другому випадку головним чинником формування цивілізації виступає держава, яка нав'язує підкореним народам свою політичну та правову систему, інтегрує їх в свою систему економічних відносин, закріплює за своєю мовою статус мови офіційного спілкування, намагається долучити їх до панівної культури.

Повертаючись до проблеми європейської та євразійської цивілізацій, треба відмітити, що вони виникли *різними шляхами*: європейська – природним, євразійська – імперським.

Генезис та розвиток європейської цивілізації

Сучасна європейська цивілізація почала формуватися на ґрунті культурної спадщини Римської імперії. Варварські держави, що виникли на територіальному просторі Західної Римської імперії, успадкували багато елементів її політичної, правової, економічної, мистецької та технічної культури. Латинська мова стала мовою міждержавного спілкування, а також мовою науки та освіти. Ці держави об'єднувала християнська релігія, яка також була запозичена з Риму. Поступово обсяг цього культурного поля розширювався й до нього долучалися території, які раніше не входили до Римської імперії, як от скандинавські та слов'янські. У процесі розвитку європейської цивілізації виникали нові спільні культурні

елементи: кодекс рицарської честі, родова та державна геральдика тощо. Важливу роль у становленні європейської цивілізації відіграла католицька церква, вселенський характер якої робив її автономною стосовно держави, що певною мірою обмежувало всевладність останньої. У новий та, особливо, новітній час європейська цивілізація стала тим соціокультурним ґрунтом, на якому розквітли ідеї гуманізму та лібералізму, сформувалися інституції парламентаризму, конституціоналізму, політичних виборів та виборчого права, відбувся розподіл державної влади на три автономних гілки, виникли системи ринкової економіки та соціального захисту населення.

Розвиток європейської цивілізації не був якимсь абсолютно гармонічним та безконфліктним. У європейській історії було багато внутрішніх міждержавних та громадянських війн. На території Європи почалися дві світові війни. Проте попри всі складності внутрішніх та міждержавних відносин, на європейському просторі поступово набували сили тенденції демократизації та гуманізації суспільних відносин. Якісно нового змісту ці тенденції набули після Другої світової війни, коли розпочався процес економічної та політичної інтеграції європейських країн. Почавшись з утворення спільного ринку вугілля, залізної руди, сталі та чавуну, він через низку проміжних етапів привів до утворення єдиної європейської політико-економічної та правової спільноти (табл. 1).

Таблиця 1
Етапи формування Європейського співтовариства

Рік	Підстава	Форма інтеграції
1951	Паризький договір про Європейське об'єднання вугілля та сталі	Європейська спільнота з вугілля та сталі
1957	Римський договір про усунення перепон щодо вільного пересування людей, товарів, послуг та капіталу	Європейська економічна спільнота (Спільний ринок)
1957	Римський договір про заснування європейського співтовариства з атомної енергії	Європейська спільнота з атомної енергії (Євратом)
1979	Рішення глав держав та урядів країн СЕС на самміті в Гаазі про створення Економічного та Валютного Союзу (ЕВС)	Європейська валютна (монетарна) система
1992	Маастрихтський договір про утворення Європейського Союзу	Європейський Союз
1997	Лісабонський договір про внесення змін до Договору про Європейський союз та Договір про заснування Європейського співтовариства	Європейське співтовариство

Разом з розвитком структур та форм інтеграції європейських країн збільшувалося коло її учасників. З 6-ти країн, що в 1951 році утворили Європейську спільноту з вугілля та сталі, на сьогоднішній день європейське співтовариство збільшилося до 28 повноправних членів (табл. 2), ще 5 країн (Албанія, Македонія, Сербія, Туреччина, Чорногорія) є кандидатами на вступ до ЄС.

Таблиця 2
Країни-члени європейського співтовариства

Рік залучення	Країни
1951	Німеччина, Франція, Італія, Бельгія, Нідерланди, Люксембург
1973	Велика Британія, Данія, Ірландія
1981	Греція
1986	Іспанія, Португалія
1995	Австрія, Фінляндія, Швеція
2004	Естонія, Латвія, Литва, Мальта, Польща, Республіка Кіпр, Словаччина, Словенія, Угорщина, Чехія
2007	Болгарія, Румунія
2013	Хорватія

Хоча російська пропаганда стверджує, що євроінтеграція суперечить цивілізаційній і історичній сутності слов'янської православної України, але серед країн-членів ЄС 6 країн (21% від загальної кількості) мають переважно слов'янське населення, у 5-ти країнах (18%) провідною релігією є православ'я. Членами ЄС є 11 посткомуністичних країн (39%), у тому числі 3 – пострадянські (11%).

Таким чином, якихось соціокультурних та історичних перепон для інтеграції України до європейського співтовариства не існує. Вирішальними чинниками розвитку процесу євроінтеграції є прагнення України долучитися до ЄС та її відповідність копенгагенським критеріям⁹.

Звідки походить євразійська цивілізація

Євразійська цивілізація виникла на ґрунті російської держави, яка поступово перетворилася на імперію. Хоча офіційна російська історіографія стверджує, що російська державність бере свій початок з Київської Русі, але історичні факти спростовують це твердження. Території, на яких почала формуватися російська державність, дійсно певний час перебували в складі Київської Русі. Проте розвиток процесу феодалної дезінтеграції та наступна монголо-татарська навала, спричинивши загибель давньоруської держави, призвели до того, що корінні західні її землі та північно-східні креси стали розвиватися в різних політичних полях.

Північно-Східна Русь стала улусом (адміністративно-територіальною одиницею) Золотої Орди – держави, що в 1266 році фактично відокремилася від Монгольської імперії. Початок процесу формування російської державності був покладений у 1328 році, коли московський князь Іван Калита* купив у хана Золотої Орди Узбека ярлик на велике князіння на руських землях. У структурі Золотої Орди великий князь виконував роль верховного наглядача за руськими землями, що потрапили під монголо-татарську навалу, а його головна функція полягала у вчасному зборі з них данини та її переправленні до Сараю**. За сприянням ординської влади Іван Калита почав приєднувати до Московського князівства інші землі¹⁰. Справу Івана Калита продовжили його нащадки. У російській історіографії цей процес одержав назву «собираніє руських земель около Москвы». Зміцнившись, Московське князівство почало боротьбу за незалежність від Золотої Орди, що сталося в 1480 році.

Проте, ставши незалежною, Московська держава успадкувала політичну культуру Золотої Орди. Говорячи про історичні витоки російської державності, Карл Маркс у своїй праці «Викриття дипломатичної історії XVIII століття» зазначив: «Колискою Московії було криваве болото монгольського рабства, а не суворя слава епохи норманів. А сучасна Росія є не що інше, як перетворена Московія»¹¹. Таку ж думку виказує й доктор історичних наук, професор Казахського національного університету імені Аль-Фарабі Олександр Кадирбаєв: «Саме золотоординська система стала праобразом російської імперської державності. Це проявилось в установленні авторитарної традиції правління, в жорстко централізованій суспільній системі, дисципліні у військовій справі ...»¹².

Протягом історичного розвитку відбулося декілька спроб європеїзації та модернізації московської (російської) держави.

У другій половині XV століття за Івана III, який одружився на племінниці останнього візантійського імператора Софії Палеолог, з Візантії запозичуються титул «цар»*** та двоголовий орел як державний герб. Створюється ідея спадкування царської влади від візантійських імператорів****, яка пізніше одержує всебічний розвиток в концепції «Москва – третій Рим»***** і стає важливим елементом державної ідеології. На початку XVIII століт-

* За лінією матері Іван Калита був нащадком хана Батия та, відповідно, Чингізхана

** Столиця Золотої Орди.

*** Від латинського слова *caesar*, що являло обов'язкову частину титулу римських та візантійських імператорів як наступників Юлія Цезаря.

**** Ця ідея була вперше висловлена митрополитом Зосимою в його праці «Виклад пасхалії» (1492).

***** Основи концепції «Москва третій Рим» були сформульовані в двох посланнях старця псковського Єлізарова монастиря Філофея (кінець 1523 – початок 1524).

тя Петро I, перетворивши Росію на імперію, провів низку реформ (адміністративну, військову, судову, фінансову) та здійснив зміни в укладі життя й освіти з метою наближення Росії до Європи. Проте ці спроби європеїзації були поверхневими й не призвели до докорінних змін соціальних відносин (кріпацтво тільки посилювалося) та характеру політичної влади (вона ставала ще більш жорсткою). У середині XIX століття Олександр II відмінив кріпацтво та провів буржуазні реформи, але самодержавство скасовано не було й збереглося багато інших феодальних пережитків (поміщицьке землеволодіння, станові привілеї тощо). Нарешті, в 1917 році самодержавство та залишки феодалізму були ліквідовані, але владу захопили більшовики, які розбудували першу в історії тоталітарну суспільно-політичну систему, за якої громадянські свободи стали суто декларативними, право на приватну власність було скасоване, політичні репресії набули небувалого розмаху, централізація влади досягла абсолютного максимуму та збереглися імперські амбіції держави, хоча вона одержала нову (ідеологічну) назву – СРСР. Загибель комуністичного режиму та розпад СРСР, що сталися в 1991 році, здавалося, давали надію Росії вирватися зі зачарованого кола євразійського цивілізаційного розвитку. Однак завдяки політичній культурі, сформованій протягом усього цього розвитку, через десять років до влади прийшов вихованець радянських спецслужб Володимир Путін, за якого почався процес ретоталітаризації Росії¹³ та робляться спроби воєнним шляхом відродити російську імперію¹⁴.

Аналізуючи історію російської державності, відомий російський історик і політолог Юрій Півоваров зауважив, що усі перетворення, які відбувалися Росії, являли собою «рух з пункту А до пункту ... А»¹⁵. Тобто відбувалася певна зміна політичної форми без зміни суспільно-політичної якості, що залишалася деспотичною.

Цивілізаційні шляхи України

На відміну від Росії, Україна з часів Київської Русі була щільно пов'язана з європейським цивілізаційним простором. Про це, зокрема, свідчать династичні зв'язки київських князів. Особливо яскравий приклад у цьому плані демонструють шлюби дітей Ярослава Мудрого. Його сини були одружені: Ізяслав – з дочкою польського князя Мешка II, Святослав – з онукою цісаря Священної Римської імперії Генріха II, Всеволод – з дочкою Візантійського імператора Костянтина Мономаха, Володимир та Ігор – з дочками німецьких графів. Його дочки були замужем: Єлисавета за королем Норвегії Гаральдом III Суворим, а потім за королем Данії Свейном II, Анастасія – за королем Угорщини Андрашем II, Агата – за англійським королем Едвардом Вигнанцем, Анна – за королем Франції Генріхом I.

Після дезінтеграції Київської Русі, внаслідок об'єднання Волинського та Галицького князівств, виникла велика держава, яка увійшла в історію як Галицько-Волинська Русь. Її територія в період розквіту простягалася від Городка (Гродно) на півночі до Родні на півдні та від Сяноку (Санюку) на Заході до Переяслава на Сході. У 1230 році до її складу увійшло Київське князівство з містом Київ. Галицько-Волинська Русь чинила впертий опір монголо-татарським навалі і хоча була вимушена визнати сюзеренітет золотоординських ханів, фактично залишилася незалежною державою. У 1253 році папа римський Інокентій IV надав Данилі Галицькому титул короля, що засвідчило про прийняття цієї проукраїнської держави в сім'ю європейських народів. У європейських хроніках того часу ця держава згадувалася як *Regnum Russiae*, тобто Руське королівство. Відповідно до європейської політичної культури ця держава одержала герб – золотий лев, що спинається на скелю, на синьому тлі. Барви гербу Руського королівства в XIX столітті стали кольорами національного прапору України.

На жаль, ця держава не змогла усталитися. Після смерті в 1340 році короля Юрія II почалися міжусобні чвари, які закінчилися поділом Галицько-Волинської Русі між Польщею, яка захопила Галичину, та Литвою, який відійшла Волинь, Поділля, Чернігово-Сіверщина, Брацлавщина, Київщина та Переяславщина. Проте внаслідок цього більшість території сучасної України потрапили до складу держав, що вже були інтегровані до європейського політичного простору. У 1569 році на підставі Люблінської унії Польща й Литва об'єдналися в єдину державу – Річ Посполиту. За своїм політичним устроєм Річ Посполита являла собою децентралізовану державу, в якій розквітла «шляхетська демократія» як одна з первинних форм представницької демократії, за якої шляхта мала широкі політичні

права. У країні діяв двопалатний сейм. Верхня палата (сенат) включала представників вищого духовенства та магнатів, зайнятих на високих державних посадах. До нижньої палати (посольської ізби) входили депутати, обрані на сеймиках (з'їздах місцевої шляхти). Сейму належало право обрання короля, котрий був зобов'язаний кожні два роки скликати сейм, не міг без його згоди оголошувати війну, укладати мир, видавати закони, скликати ополчення. Відмова монарха від виконання своїх зобов'язань звільняла шляхту від покори йому¹⁶. Під час перебування в складі Речі Посполитої в Україні було запроваджене Магдебурзьке право, що сприяло розвитку місцевого самоврядування, виникли перші університети (у 1659 році – Києво-Могилянська академія, у 1661 році Львівський університет). Під час перебування у складі Речі Посполитої в Україні виникла греко-католицька церква, в межах якої була зроблена спроба об'єднати православ'я і католицизм*.

Ситуація починає докорінно змінюватися, коли в ході Визвольної війни під керівництвом Богдана Хмельницького 1654 року відбулося підписання Переяславської угоди, яка українською стороною мислилася як угода про воєнно-політичний союз України та Московії для виходу з-під польської залежності. За нею Україна визнавала протекторат московського царя, але мала зберегти свої державні права. З цієї події починається новий етап в історії України, коли її територія починає поступово включатися до складу Російської імперії, а потім Радянського Союзу та, відповідно, потрапляє у поле впливу євразійської цивілізації (табл. 3).

Таблиця 3
Включення сучасних українських земель до складу
Російської імперії та Радянського Союзу

Рік входження	Підстава	Землі
1667	Андрусівське сепаратне перемир'я між Московським царством і Річчю Посполитою від 30 січня 1667 р.	Лівобережна Україна, Сіверська земля з Черніговом і Стародубом та Київ (первісно передбачалося, що на 2 роки)
1783	Маніфест Катерини II від 8 квітня 1783-го «Про прийняття півострова Кримського, острова Тамані і всієї Кубанської сторони під Російську державу»	Крим (у 1954 році був включений до складу УРСР на правах області). У лютому 2014 року окупований Російською Федерацією
1793	Другий поділ Річчі Посполитої, затвердженого сеймом у Гродні	Київщина, Східна Волинь, Поділля та Брацлавщина
1795	Третій поділ Річчі Посполитої	Західна Волинь (в період 1921–1939 років на підстав Ризького мирного договору входила до складу Польщі)
1939	Радянська воєнна агресія проти Польщі вересня 1939-го на підставі пакту Молотова–Ріббентропа	Галичина та Західна Волинь
1940	Ультиматум радянського уряду Румунії від 26 червня 1940 р.	Північна Буковина та Південні райони Бессарабії
1945	Радянсько-чехословацький договір про Закарпатську Україну від 24 червня 1945 р.	Закарпаття

Оцінюючи роль Переяслава в історії України, Юрій Шевельов наголосив, що «він став початком великої трагедії народу»¹⁷ та «передумовою української культурної інвазії»¹⁸. За час перебування України в складі євразійської імперії її соціокультурне поле було суттєво деформоване, на що вплинули три чинники.

По-перше, деспотичний характер влади. Включення українських земель до російської держави супроводжувалося ліквідацією автономії місцевої влади та репресіями проти діячів, котрі не погоджувалися з цим; руйнуванням Запорізької Січі; скасуванням магде-

* Створена внаслідок Берестейської унії 1596 року.

бурзького права; ще більшим закріпаченням населення; забороною української мови та літератури. Українську мову було оголошено «малоросійським наречієм» – зіпсованого поляками варіантом російської мови.

Загибель царату та встановлення більшовицького режиму докорінно не змінили сутність влади. Вона стала ще більш деспотичною – тоталітарною та залишалася імперською. Хоча за більшовицького режиму Україну було проголошено державним утворенням (Українською Радянською Соціалістичною Республікою) у складі СРСР, але ця державність була суто декораційною та декларативною. Україна й надалі жорстко управлялася з імперського центру. Скасування культурних утисків та обмежень, що мало місце в першій період радянської доби, невдовзі змінилося широкомасштабними репресіями проти української інтелігенції. За підрахунками академіка Миколи Жулинського, у 1930 році друкувалися твори 259 українських письменників, після 1938-го з них публікувалося тільки 36. З 223-х зниклих українських письменників 17 було розстріляно, 8 кінчили життя через самогубство, 175 було заарештовано і вислано – їх доля невідома, 16 пропало невідомо куди, і тільки 7 померло своєю смертю¹⁹. Проте злочини більшовицького режиму не обмежилися репресіями проти української інтелігенції. За радянських часів Україна зазнала три штучних голодомора (1921–1923, 1932–1933 та 1946–1947 років)²⁰. Особливо жахливим був голодомор 1932–1933 років, наслідком якого стало знищення, за різними підрахунками, від 8 до 11 мільйонів населення України²¹. За своїми масштабами і наслідками його можна порівняти тільки з голокостом євреїв за нацистського режиму.

Велику роль у денационалізації України відіграла російська (московська) православна церква*, яка за Петра I була остаточно перетворена на одну зі структур державної влади. Включення українських земель до складу Росії супроводжувалося забороною греко-католицької церкви та переведенням православних парафій з Константинопольського патріархату до Московського. Богослужіння українською мовою та українські церковні книги були заборонені. Головною функцією церкви стало виховання в населення покори імперській владі. На початку комуністичної доби ця церква була фактично знищена, проте в роки Другої світової війни її було реанімовано та поставлено під суворий нагляд органів державної безпеки.

По-друге, різний час перебування різних земель України у складі євразійської імперії. Різні землі України перебували там від 324 до 46 років. Різний час перебування зумовив відмінні наслідки. Населення Східної України є більш зденационалізованим, у його свідомості більш вкорінені тоталітарні стереотипи мислення та проросійські зовнішньополітичні орієнтації. Населення ж Західної України, а особливо тієї її частини, яка після поділу Речі Посполитої потрапила до складу ліберальної австрійської монархії, у переважній своїй більшості зберегло національні культуру, мову та традиції; у його свідомості значно більше поширення мають ліберально-демократичні цінності та панують європейські зовнішньополітичні орієнтації.

По-третє, міграція російського населення. За роки перебування України в складі Російської імперії та СРСР на її теренах осіла значна кількість російського населення. Тільки в період з 1897-го до 1991-го питома вага етнічних росіян серед населення України збільшилася з 8,8% до 22,1%²². Це принесло з собою відповідні стереотипи свідомості та поведінки, що не могло не позначитися на суспільній культурі. Оскільки більшість росіян осідала на Сході України, то це стало ще одним чинником формування регіональних культурних відмінностей.

Проте, не дивлячись на істотні деформації, цивілізаційний код українського суспільства знищено не було. Внаслідок цього більшість українців на рівні підсвідомості завжди відчувала свою окремість від російської держави та євразійської цивілізації. У періоди буремних подій у Росії, пов'язаних з розвалом імперської влади, робилися спроби фундації суверенної української держави. Після загибелі царату було проголошено створення Укра-

* Виникла у 1448 році, самочинно від'єднавшись від Константинопольського патріархату. Проте її автокефалія ще 141 рік не визнавалася в християнському світі. Тільки в 1589 році, коли Борис Годунов підступом заманив Константинопольського Патріарха Ієремію II до Москви та фактично ув'язнив його, той після піврічного утримання в неволі погодився надати московському митрополиту титул Патріарха.

їнської Народної Республіки, яка проіснувала більше трьох років (1917–1920)*, але впала під натиском агресії більшовицької Росії. В умовах тяжкої кризи комуністичного режиму, після провалу путчу ДКНС 24 серпня 1991 року Верховна Рада України абсолютною більшістю голосів депутатів ухвалила «Акт проголошення незалежності України»** та винесла його на загальноукраїнський референдум²³. 1 грудня 1991 року 90,32% мешканців України (28.804.071 особа), що взяли участь у референдумі***²⁴, підтвердили цей Акт. Проти проголосувало лише 7,8% учасників. 2,1% бюлетенів було визнано недійсними. Причому в усіх без винятку регіонах України абсолютна більшість населення підтримала незалежність (від 54,19% у Автономній Республіці Крим до 98,67% у Тернопільській області)²⁵. Вихід України зі складу Радянського Союзу призвів до остаточного розвалу цього імперського утворення, яке припинило своє існування 26 грудня 1991 року.

Здобуття незалежності вивело Україну з політичного поля Росії, а отже створило умови для її повернення до європейського простору. У вересні 1993 року в Україні було відкрито представництво Європейської Комісії (після набуття чинності Лісабонським договором це представництво перетворилося на представництво Європейського Союзу в Україні). 16 червня 1994 року було підписано «Угоду про партнерство і співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами» (набула чинності 1 березня 1998 року після погодження з усіма державами-членами ЄС), яка започаткувала співробітництво з широкого кола політичних, торговельно-економічних та гуманітарних питань²⁶.

Проте шлях України до європейської цивілізації виявився не таким і легким. Його гальмування зумовлювали: труднощі трансформаційного періоду, що народжували ностальгію за попереднім «стабільним» життям; велика питома вага етнічних росіян, котрі переживали розрив з історичною батьківщиною; вплив Росії, яка намагалася зберегти Україну в своєму геополітичному полі. Кульмінаційними в русі України до Європи стали події, пов'язані з відмовою під тиском Росії режиму Януковича підписати угоду про асоціацію України з ЄС. Відмова стала приводом «європейської революції» в Україні (21 листопада 2013 – 27 лютого 2014), яка усунула проросійський режим Януковича²⁷. Після революції нова українська влада, підписавши та ратифікувавши угоду про асоціацію з ЄС²⁸, визначила чіткий курс країни на євроінтеграцію. Відповіддю Росії на «європейську революцію» стала агресія проти України. Росія, порушуючи міжнародне право та усі двосторонні й багатосторонні договори, окупувала український Крим, інспірувала заколот сепаратистських сил на Донбасі та надала їм пряму військову підтримку.

У контексті завдання цієї статті маємо відмітити два основних наслідки російської агресії. По-перше, вона яскраво унаочнила сутність євразійської цивілізації, генетичні коріння якої сходять до ординського часу. Відомий російський політолог Лілія Шевцова з цього приводу зауважує: «Україна змусила Російську систему скинути маску європейськості, і світ побачив огидний оскал ...»²⁹. По-друге, російська агресія призвела до значного посилення антиросійських настроїв та, одночасно, євроінтеграційних орієнтацій в українському суспільстві. За результатами репрезентативного соціологічного опитування, проведеного Центром ім. Олександра Разумкова в квітні 2015 року, 63,7% респондентів виказали негативне ставлення до Росії, а 75,5% – до Путіна. Позитивне ставлення українців до росіян за рік впало з 44,9% до 28,9%. Разом з тим 52% українців вважають, що Україна повинна приєднатися до ЄС, 43,3% – до НАТО. Рік тому вступ до ЄС підтримувало тільки 43,3% населення України, до НАТО – 36,7%³⁰.

* Українську Народну Республіку (УНР) було проголошено 7 листопада 1917 року (після більшовицького жовтневого перевороту в Росії) спочатку як автономну республіку у складі Російської республіки. Після початку більшовицької агресії проти України, 22 січня 1918 року УНР було проголошено незалежною державою. У період з 29 квітня по 14 грудня 1918 року, внаслідок гетьманського перевороту, назву УНР було замінено на Українську Державу. Після антигетьманського повстання назву УНР було відновлено.

** З 450 депутатів Верховної Ради України 392 депутати підтримали цей акт, 4 проголосували «проти».

*** У референдумі взяло участь 31.891.742 громадянина, або 84,18% від загальної кількості внесених до списків.

Висновки

Європейська та євразійська цивілізації являють два різні типи цивілізаційних ареалів. Європейська цивілізація являє собою *цивілізацію вільних народів*, яка сформувалася природним шляхом. Натомість євразійська цивілізація – це *державо-цивілізація*, що виникла внаслідок насильницького залучення різних народів до імперського політичного поля. Типологічна відмінність зумовила різні моделі цивілізаційного розвитку. Європейській цивілізації притаманна *поступова еволюційна* модель, євразійській – *циклічна*. У межах різних типів панують відмінні методи поширення соціокультурного поля. У межах цивілізації народів воно поширюється на ґрунті добровільного сприйняття культурних цінностей, у межах державо-цивілізації – через їх силове нав'язування політичною владою.

Генетично Україна більш пов'язана з європейською цивілізацією, з якою вона мала тісний зв'язок протягом багатьох століть. Перебування українських земель у політичному та соціокультурному полі євразійської цивілізації тривало значно менший термін. Вхідження українських земель до складу російської держави негативно позначилося на розвитку національної культури, який істотно загальмувався. Відбулася деформація цивілізаційних основ українського суспільства. Оскільки різні регіони України перебували в складі російської імперії та її наступнику СРСР різний час, то ступінь деформації в різних регіонах є різним. Проте ці деформації не змогли знищити європейські коріння українського етносу. Усвідомлення українців себе як окремої від росіян спільноти великою мірою було спричинене генетичною несумісністю європейської та євразійської цивілізацій. Це усвідомлення народжувало прагнення до державної незалежності України, що було реалізоване в 1991 році. Здобуття Україною державної незалежності відкрило перед нею можливості реінтеграції до Європи. Хоча рух на шляху до європейського співтовариства гальмують ментальні нашарування минулої доби та тиск з боку Росії, але переважна більшість українського суспільства налаштована проєвропейські, що вселяє надію на успішне його завершення.

Таким чином, хоча Україна певний час перебувала в євразійському політичному та соціокультурному просторі, проте українське суспільство зберегло своє історичне коріння, щільно переплетене з європейським. Тому сучасне євроінтеграційне устремління України є не чимсь протиприродним, що суперечить цивілізаційній сутності українського суспільства, а намаганням його повернення до своїх цивілізаційних витоків.

¹ *Riqueti de Mirabeau V. L'Ami des hommes, ou Traité de la Population*, – Hambourg: Chretien Hérod, 1756–1762. – Les 6 vol.

² *Morgan L. H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery. Through Barbarism to Civilization*. – Henry Holt & Co, 1877 – 560 p.

³ *Енгельс Ф. Походження сім'ї, приватної власності і держави* // К. Маркс, Ф. Енгельс. Вибрані твори в трьох томах / Пер. з нім. – К.: Політвидав України, 1977. – Т. 3. – С. 190–336.

⁴ *Renouvier Ch. B. Manuel de philosophie ancienne*. – Paris: Paulin, 1844. – Vol. 1. – P. 24–26.

⁵ *Гобіно Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / пер с франц.* – М.: Одиссей, Олмапресс, 2000. – 765 с.

⁶ *Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*. – Leipzig: Weigel, 1857. – 616 s.

⁷ *Тойнбі А. Дж. Постижение истории: сборник / Сост. А. П. Огурцов; пер с англ.* М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

⁸ *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / Пер. с англ.* – М.: ООО «Изд-во АТС», 2003. – 603 с.

⁹ Критерії щодо умов вступу до Європейського Союзу, ухвалені Європейською Радою на своєму засіданні в Копенгагені в червні 1993 року. Вимагають від країни, що намагається вступити до ЄС, стабільності установ, які гарантують демократію, верховенство права, дотримання прав людини та захист прав меншин; наявність ефективної ринкової економіки; прийняття правил співтовариства. Див.: *Presidency Conclusions Copenhagen European Council – 21-22 June 1993*. – URL: http://www.europarl.europa.eu/enlargement/ec/pdf/cor_en.pdf (дата звернення 10.10.2015).

¹⁰ *Костецька М. Колаборант Іван Калита // Історія плюс*. – 2015 (березень). – № 3 (16). – С. 20–21.

¹¹ *Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века*. – URL: <http://rko.marsho.net/articl/marx.htm> (дата звернення 21.09.2015).

¹² *Кадырбаев А. III. Золотая Орда как претеча Российской империи*. – URL: <http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml> (дата звернення 21.09.2015).

¹³ Романюк О. І. Про характер сучасного політичного режиму Росії // Вісник Національного університету «Юридична академія України ім. Я. Мудрого». Серія: філософія, філософія права, політологія, соціологія. – Харків, 2014. – № 4. – С. 152–159.

¹⁴ Романюк О. І. Російсько-український воєнно-політичний конфлікт : причини та шляхи розв'язання // Вісник Національного університету «Юридична академія України ім. Я. Мудрого». Серія: філософія, філософія права, політологія, соціологія. – Харків, 2015. – № 3 – С. 244–248.

¹⁵ Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. – 2006. – № 1. – С. 13.

¹⁶ Шляхетська демократія. – URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Шляхетська_демократія (дата звернення 28.09.2015).

¹⁷ Шевельов Ю. З історії незакінченої війни / Упор. О. Забужко, Л. Масенко. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. – С. 70.

¹⁸ Там само. – С. 64.

¹⁹ Жулинский М. Художник, распятый на кресте политики. Судьба Владимира Винниченко // Дружба народов. – 1989. – № 12. – С. 147.

²⁰ Веселова О. М. Голодомори в Україні, 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947: Злочини проти народу / О. М. Веселова, В. І. Марочко, О. М. Мовчан. – 2-е вид., допов. – Київ, Нью-Йорк: Вид-во М. П. Коць, 2000. – 174 с.

²¹ Кравчук Л. М. Ми не маємо права знехтувати уроками минулого. Виступ на науковій конференції, присвяченій 60-м роковинам голодомору 1932–1933 рр. // Голос України. – 1993. – 11 вересня.

²² Чорний С. Національний склад населення України в ХХ сторіччі. – Київ: Картографія, 2001. – 86 с.

²³ Про проголошення незалежності України: постанова Верховної Ради Української РСР від 24 серпня 1991 р. № 1427 // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 38. – С. 502.

²⁴ У референдумі взяло участь 31.891.742 громадянина, або 84,18% від загальної кількості внесених до списків.

²⁵ Відомість про результати Всеукраїнського референдуму, 1 грудня 1991 р. // ЦДАВО України. – URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата звернення 05.10.2015).

²⁶ Угода про партнерство і співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами – URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/998_012 (дата звернення 12.10.2015).

²⁷ Романюк О. І. Друга посткомуністична революція в Україні // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – № 111: Зб. наук. пр. – Серія: «Питання політології». – Харків, 2014. – Вип. 26. – С. 14–22.

²⁸ Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони (ратифікована Законом України № 1678-VII від 16.09.2014) – URL: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/984_011 (дата звернення 12.10.2015).

²⁹ Политолог РФ рассказала о катастрофической политике Путина в отношениях с Украиной – URL: <http://www.facenews.ua/news/2015/293654/> (дата звернення 11.10.2015).

³⁰ Більше половини українців підтримують вступ до ЄС і лиш 12% – до Митного союзу – URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2015/04/23/7065596/> (дата звернення 12.10.2015).

СУЧАСНІ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКІ ВІДНОСИНИ У ФОРМАТІ ІНТЕГРАЦІЙНИХ ПЛАНІВ РОСІЙСЬКОЇ ФЕДЕРАЦІЇ

С. С. Троян

Троян С. С. Сучасні українсько-російські відносини у форматі інтеграційних планів Російської Федерації. У статті досліджено специфіку сучасних інтеграційних процесів на пострадянському просторі. Вказано на особливу роль Росії у його підпорядкуванні своєму домінуючому впливу. Відзначені особливості реалій і перспектив України у контексті європейських і євразійських інтеграційних векторів.

Ключові слова: Україна; Російська Федерація; інтеграція; пострадянський простір; Співдружність Незалежних Держав.

Троян С. С. Современные украинско-российские отношения в формате интеграционных планов Российской Федерации. В статье исследована специфика современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Отмечена особая роль России в его подчинении своему доминирующему влиянию. Определены особенности реалити и перспектив Украины в контексте европейских и евразийских интеграционных векторов.

Ключевые слова: Украина; Российская Федерация; интеграция; постсоветское пространство; Содружество Независимых Государств.

Troyan S. S. Contemporary Ukrainian-Russian Relations in the Format of the Integration Plans of the Russian Federation. The article investigates the specificity of the modern integration processes on the Post Soviet space. The particular role of Russia in the submission to its dominating influence is marked. The author clears up the peculiarities of the realities and perspectives of Ukraine in the context of the European and Eurasian integration vectors.

Keywords: Ukraine; Russian Federation; integration; Post Soviet space; Commonwealth of Independent States.

Вступ

Створення в грудні 1991 р. Співдружності Незалежних Держав (СНД) не лише підсумувало остаточну дезінтеграцію СРСР, але й визначило особливості генези та еволюції інтеграційних процесів на пострадянському просторі в контексті становлення нової «постбіполярної» системи міжнародних відносин. Постала також проблема визначення векторів розвитку, в тому числі інтеграційних, у рамках СНД, вибору та зайняття пострадянськими міжнародними акторами своєї ніші в новій конфігурації міжнародних відносин і світового порядку. Звідси – у теоретичному та прагматичному ключі – така пильна увага до змісту і направленості інтеграційних процесів взагалі і на пострадянському просторі зокрема, а також ролі у цих процесах Російської Федерації не лише як надпотужного регіонального геополітичного актора і донедавна держави-учасниці G-8 (участь Росії у роботі держав Великої вісімки була призупинена після російської окупації Криму), але й визначального чинника інтеграційних процесів на просторі СНД, євразійської інтеграції загалом. Пріоритетним фактором успішної реалізації такої політики офіційна Москва розглядає безумовну участь у цій інтеграції України, а, отже, для такого залучення можна і треба скористатися з усього комплексу можливих методів, не виключаючи, свідченням чого є події рубежу лютого – березня 2014 р., відвертої агресії та прямого невмотивованого втручання у внутрішні справи України, використання провокацій і шантажу. З боку Російської Федерації це стало грубим порушенням норм міжнародного права, базових положень низки міждержавних договорів і домовленостей (загалом договірно-правова база українсько-російських відносин складає понад 350 міжнародних документів, які регулюють або донедавна регулювали широкий спектр двосторонніх питань).

В сучасних українсько-російських відносинах, які пройшли карколомну еволюцію від стратегічного партнерства до відкритого протистояння і навіть ворожнечі, виокремлюється п'ять етапів:

I (1991–1997) – становлення та закріплення двосторонніх відносин у результаті підписання «Великого договору»;

II (1997–2004) – розвиток відносин стратегічного партнерства на основі Договору від 31 травня 1997 р. з намаганням Москви інтегрувати Україну до євразійського економічного і політичного простору при одночасному збереженні ситуативної напруги в стосунках, прикладом чого став конфлікт довкола острова Тузла в Керченській протоці (2003 р.);

III (2005–2009) – певне охолодження відносин на політичному рівні в зв'язку з негативним сприйняттям офіційною Москвою подій і наслідків Помаранчевої революції при збереженні позитивної динаміки росту торгівельно-економічної співпраці;

IV (2010–2013) – розширення співробітництва, прагнення з боку Російської Федерації домогтися організаційно-інституційного включення України в євразійські інтеграційні проекти, виходячи з концептуального бачення Кремлем пострадянського простору як «природної зони міждержавної інтеграції Росії»;

V (з лютого 2014 р.) – де-факто інтервенція Росії проти України і російсько-українська «гібридна» війна, наслідком чого стала російська окупація Криму і його включення на основі результатів нелегітимного референдуму до складу Російської Федерації, підтримка (інформаційна, військова, гуманітарна) нею незаконних квазідержавних утворень на сході України – так званих Луганської і Донецької народних республік.

Україна в контексті російської концептуалізації пострадянського простору: «либеральная империя» и «русский мир»

Увесь спектр українсько-російських відносин після 1991 р. завжди перебував у залежності від російського доктринально-концептуального бачення як перспектив розвитку двостороннього міждержавного співробітництва, так і російського впливу на пострадянський простір загалом. Концептуально пострадянський простір завжди розглядався і розглядається Кремлем як «природна зона міждержавної інтеграції Росії»¹. Принагідно зауважимо, що ще 1997 р. російські політологи К. Затулін і А. Мігранян запропонували здійснювати керування пострадянським простором шляхом маніпулювання конфліктами на його території. При цьому Російська Федерація чітко усвідомлює ризик того, що глобалізаційні процеси поширяться на пострадянський простір і пострадянські країни «будуть включені у периферію інших центрів інтеграції, в рамках яких вони розвиватимуться абсолютно за іншим вектором»².

Не дивно, що в якості альтернативної пропонується так звана «багатополярна модель глобалізації» як така, що відповідає національним інтересам Росії. Водночас стверджується про невідповідність російським економічним інтересам європейської (а тим паче – євроатлантичної) моделі економічної і політичної інтеграції. Специфікою інтеграційних проектів Російської Федерації є те, що «Росія претендує на статус самостійного центру інтеграції на євразійському просторі. Йдеться про стратегію створення єдиного економічного та гуманітарного простору без формальної інкорпорації у західну систему, у тому числі у структури ЄС»³.

Базові положення російського економічного експансіонізму, які не лише підтримуються Кремлем, але й «творчо» розвиваються і слугують основою для неспівставної з нормами міжнародного права відкритої агресії проти держав-сусідок – як-от України, були оприлюднені восени 2003 р. головою правління РАО «ЕЭС России» А. Чубайсом на шпальтах «Независимой газеты» у вигляді концепції «ліберальної імперії»⁴. У своїй концепції російський політик виходить з того, що Росія є єдиним і унікальним лідером на всьому просторі СНД за обсягом економіки і рівнем життя громадян, а упродовж наступних 50 років може і повинна зміцнювати свої позиції. Місія Росії має полягати в побудові ліберальної імперії на основі відповідної ідеології, що відповідає як історичним, геополітичним і моральним засадам держави, так і духовному відродженню народу.

Разом з тим «ліберальний імперіалізм» як місія Росії у XXI ст. не треба розглядати з точки зору класичного імперіалізму. А. Чубайс обґрунтував це тим, що Російська держава не збирається порушувати принципи недоторканності кордонів і територіальної цілісності своїх сусідів, а також не буде порушувати загальновізанані норми міжнародного права. Звідси сфери і канали впливу на сусідні країни майбутньої російської ліберальної

імперії мають бути інші. Насамперед йдеться про сприяння розвитку російської культури і культури інших народів Росії, захист прав і свобод росіян і російськомовних громадян у сусідніх країнах. Це фактично ставить ліберальноімперіалістичний підхід на одну площину з ідеологією і практикою «русского мира», теоретики якого вважають, що форми геополітичної реалізації цієї концепції повинні відповідати реаліям ХХІ ст. і базуватися на інтеграційній складовій. Вона, у свою чергу, з необхідністю включає Україну як невіддільну частину простору «русского мира» і російської економічної експансії. Тому, безумовно, Російська держава може і повинна сприяти експансії свого бізнесу в сусідні держави, насамперед в Україну.

Поряд з тим, для успішного розвитку інтеграційних проектів на пострадянському просторі, включаючи Україну, провідники «русского мира» не тільки не обмежуються економічною складовою, але й активно використовують потенціал гуманітарної сфери у форматі російської культурної дипломатії. Оновлена Концепція зовнішньої політики Російської Федерації, затверджена 15 лютого 2013 р.⁵, констатує, що «русский мир» – це об'єкт зовнішньої політики російської держави і водночас партнер у впровадженні цієї політики, свого роду «м'яка сила» в її інструментальному вираженні, яка спирається на можливості громадянського суспільства, інформаційно-комунікаційні, гуманітарні та інші альтернативні класичній дипломатії методи і технології.

Російське керівництво, коли йдеться про посилення впливу Російської Федерації на інтеграційні процеси на пострадянському просторі, обов'язково вказує на необхідність застосування культурних та інформаційних механізмів. Так, у виступі перед керівництвом МЗС РФ 11 лютого 2013 р. президент В. Путін закликав за допомогою механізмів «м'якої сили» зміцнювати позиції російської мови, просувати позитивний імідж Росії за кордоном і використовувати для цього глобальні інформаційні потоки. В іншому виступі, аналізуючи інтеграційні процеси на пострадянському просторі, він наголосив на використанні «м'якої сили» противниками євразійської інтеграції: «...ми можемо зіткнутися із спробами загальмувати інтеграційну роботу. І тут можуть бути використані найрізноманітніші інструменти тиску, включаючи механізми так званої м'якої сили». І далі: «Суверенне право Росії і наших партнерів вибудовувати і розвивати свій інтеграційний проект має бути надійно захищене»⁶.

Необхідно особливо наголосити, що проект «русского мира» з самого початку конституювався як стратегічний. Він має яскраво виражене соціокультурне обрамлення, але зміст пов'язаний із просуванням насамперед геоекономічних і геополітичних інтересів Росії. Про це дуже чітко говорить відомий російський методолог і політтехнолог П. Щедровицький: «Сьогодні як ніколи актуальна розробка геоекономічної стратегії ядра русского мира – Росії як країни-системи. Система Росії повинна не тільки створити єдину торгово-промислово стратегію, але й сформулювати нову культуру геоекономічного наступу, захисту і конкуренції, яка враховує зростання ролі людського капіталу і інноваційної економіки в умовах неоіндустріального розвитку». Відповідно, основи стійкості та затребуваності така російська державність може і повинна шукати як у межах «русского мира», так і в політиці конструктивного розвитку його світової мережі⁷. Прибічники концепції «русского мира» стверджують, що цей проект може стати базисом нової цивілізаційної стратегії, побудованої на культурних цінностях. «Русский мир», за їх переконанням, здатний забезпечити новий тип цивілізаційної ідентичності. У результаті цього Росія зможе отримати принципово нову державність, яка спирається на простір культури. Прихильники такого підходу вважають, якщо Митний союз (МС) спрямований передусім на побудову економічної платформи співробітництва, то Євразійський Союз як більш розвинений інтеграційний проект ґрунтуватиметься на засадах всебічної культурної та гуманітарної взаємодії центру з ідейними периферіями, що поділяють його цінності. Звідси, стратегічна мета Росії – стати системоутворюючою, стрижневою державою «русского мира»⁸.

Окреслене ідеологічне підґрунтя пояснює поведінку Російської Федерації в сучасних умовах. З одного боку, вона ставить за мету розвинутися в нову імперську державу на базі Єдиного економічного простору (ЄЕП), а також Євразійського Союзу, як інтеграційного об'єднання нового покоління, який має велючати не лише Російську Федерацію, Білорусь, і Казахстан, але й Україну, і в якому житимуть за продиктованими Москвою спочатку еко-

номічними, а потім і політичними правилами. З іншого, Росія прагне повернути собі при-
таманні Радянському Союзу в епоху «холодної війни» функції наддержави.

Такі обставини і підходи мають як мінімум три принципових наслідки. По-перше, активно розробляються концепції формування навколо Росії альтернативного – євразійського – центру впливу. По-друге, інтеграція на пострадянському просторі набула своїх специфічних рис, значною мірою зумовлених першим наслідком. По-третє, Москва прагне максимально протидіяти поширенню європейського і євроатлантичного інтеграційних векторів на Україну, яку розглядає у якості виключно своєї сфери економічного, політичного і культурного впливу.

Україна і євразійські інтеграційні плани Кремля

Проаналізовані вище російські концептуальні засади інтеграції пострадянського простору Москва прагнула втілити у конкретні проекти. Це знайшло продовження у відповідній політиці Російської Федерації і з огляду на неї в зростаючому тиску на Україну в результаті створення Митного і Євразійського союзів, а також використання в російських інтересах енергетичного (насамперед — газового) чинника⁹. Першим кроком до формування митного об'єднання було підписання в січні 1995 р. Угоди про Митний союз між Російською Федерацією і Республікою Білорусь, до якого пізніше приєдналися Казахстан і Киргизстан, а в 1999 р. – Таджикистан. 10 жовтня 2000 р. був підписаний Договір про створення Євразійського економічного співтовариства (ЄврАзЕС)¹⁰. 3 травня 2002 р. статус спостерігачів при ЄврАзЕС дістали Україна і Молдова, а з січня 2003 р. — Вірменія. Такий статус наданий також Міждержавному авіаційному комітету (МАК) і Євразійському банку розвитку (ЄАБР). Швидкі зміни процесів економічної інтеграції на просторі СНД під впливом Росії були пов'язані з появою у січні 2010 р. і прискореним розвитком Митного союзу і Єдиного економічного простору Росії, Казахстану та Білорусі.

На думку вітчизняних експертів, зокрема економіста і політика П. Гайдучького, залучення України до Митного союзу було вигідне Російській Федерації з кількох міркувань: «По-перше, не допускаючи зближення України з іншими інтеграційними формуваннями, передусім з ЄС, Росія обмежує зміцнення конкурента. По-друге, втягнувши Україну в свої інтеграційні формування – Митний союз, ЄврАзЕС, Росія зміцнює свої конкурентні позиції»¹¹.

У такому випадку становлення проросійського євразійського центру інтеграційного впливу привертає увагу з огляду на ряд концептуальних схем і практичних кроків з російського боку. Зокрема, сфокусуємо увагу на точці зору Р. Грінберга про можливість двох сценаріїв розвитку пострадянського простору: I – економічний розвиток у ролі периферії; II – розвиток на основі інтеграційних процесів відтворення «на євразійському просторі самостійного ядра економічної могутності»¹². Азійський інтеграційний вектор пов'язується із відновленням статусу Росії як наддержави і, відповідно, самостійного «центру сили». У якості інституціональної оболонки для реалізації такої ідеї розглядається варіант саме ЄЄП¹³.

Сама розробка і початок реалізації цього проекту (Україна у вересні 2003 р. підтримала його реалізацію спільно з Росією, Білоруссю і Казахстаном, а на Ялтинському саміті 23 листопада 2003 р. чотири держави підписали угоду про створення ЄЄП. Вона була синхронно ратифікована 20 квітня 2004 р. Верховною Радою України та Федеральними Зборами Російської Федерації) фактично стала логічним продовженням прагматичного курсу Кремля, спрямованого на зміцнення економічних позицій Росії на пострадянському просторі¹⁴. Це показово ілюструють слова російського президента В. Путіна, який наголошував, що важливим прагматичним елементом угоди про ЄЄП «повинна стати відмова від прагнення до суцільної інтеграції всіх пострадянських держав і орієнтація на посилення інтеграційного ядра», а, відповідно, «створення єдиного економічного простору є стратегічним завданням для Росії, головною метою чого є підвищення конкурентоспроможності кожного з членів ЄЄП»¹⁵. Фактично подібні засадничі положення щодо ЄЄП В. Путін, тоді ще прем'єр-міністр, виклав у газеті «Известия» в статті, приуроченій до старту 1 січня 2012 р. «надзвичайно важливого інтеграційного проекту – Єдиний економічний простір Росії, Білорусі та Казахстану»¹⁶.

Як резонно зазначив відомий український економіст А. Гальчинський: «Запропонована російською стороною модель формування СЕП виходить за межі суто економічного співробітництва. Його реалізація передбачає неодмінну політичну (а також військову) інтеграцію чотирьох країн. У даному разі фактично йдеться про утворення на чолі з Росією функціонально відособленого, за своєю суттю – протилежного ЄС інтеграційного об'єднання, розширене відтворення ЄврАзЕС»¹⁷.

На базі СЕП ЄврАзЕС Росія пропонувала створення Євразійського економічного союзу і потім – Євразійського Союзу як інтеграційного об'єднання нового покоління, відкритого для вступу в нього інших держав Євразії. Декларація про створення Євразійського Союзу була підписана 18 листопада 2011 р. в Москві лідерами Росії (Д. Медведєвим), Білорусі (О. Лукашенко) і Казахстану (Н. Назарбаєвим). Водночас це вповні відповідає оновленій Концепції зовнішньої політики Російської Федерації від 15 лютого 2013 р. Там відзначено, що «Росія вважає пріоритетним завдання формування Євразійського економічного союзу, покликаного не тільки максимально задіяти взаємовигідні господарські зв'язки на просторі СНД, але й стати моделлю об'єднання, яка визначає майбутнє країн Співдружності, відкритої для інших держав. Новий союз, що будується на універсальних інтеграційних принципах, покликаний стати ефективною з'єднувальною ланкою між Європою і Азійсько-Тихоокеанським регіоном»¹⁸. При цьому відносини з Україною передбачалося вибудовувати як з пріоритетним партнером у рамках СНД, а також сприяти її підключенню до поглиблених інтеграційних процесів. Це цілком зрозуміло, адже показники зовнішньої торгівлі товарами і послугами між Україною і Російською Федерацією в 2011–2013 рр. були найбільшими за всі 25 років новітньої української державності: 2011 р. – 55,5 млрд. дол., 2012 р. – 51,4 млрд. дол., 2013 р. – 41,9 млрд. дол.¹⁹

Євразійський економічний союз (ЄАЕС) був створений на основі договору, підписаного 29 травня 2014 р. в Астані. З 1 січня 2015 р. цей договір вступив у силу, об'єднавши Білорусь, Казахстан і Росію. До нього приєдналися Вірменія (2 січня 2015 р.) і Киргизстан (14 травня 2015 р.).

Обережне ставлення України до подібного роду проектів зрозуміле, але разом з тим ми не можемо відмовлятися і від ефективної співпраці з Російською Федерацією й інтеграційними об'єднаннями, які створюються під її егідою. Безумовно, така позиція України з огляду на зростання ролі євроінтеграційного вектора у зовнішній політиці нашої держави викликала серйозне занепокоєння Кремля, який розглядав її як серйозну загрозу реалізації своїх євразійських інтеграційних планів. Оскільки організаційна робота по створенню фундаменту Євразійського союзу мала завершитися, на думку офіційної Москви, до 2015 р., то стає вповні зрозумілим, чому Росія не лише прагнула, щоб Україна до того часу визначилася з вектором інтеграції, але й вчинила небачений тиск на нашу державу, включаючи збройну агресію і відторгнення частини території.

Пріоритетність для Росії геополітичної складової, як визначального чинника стимулювання, прискорення і скерування у відповідному руслі інтеграційних процесів на переважній частині пострадянського простору, веде до намагання Москви розглядати його як зону своїх «легітимних» життєво важливих інтересів. Доказів цього останнім часом не бракувало, а особливо наочно відповідні положення були продемонстровані політикою Кремля у контексті реакції на Європейську революцію, революцію Гідності та повалення правлячого режиму В. Януковича в Україні (події 21 листопада 2013 – 22 лютого 2014 рр.). Російська Федерація фактично розв'язала проти України неоголошену війну, здійснивши у формі анексії окупацію Криму, провокуючи і всіляко підтримуючи військові дії незаконних збройних формувань сепаратистів на Донбасі (Луганська і Донецька області).

Особливості євразійських інтеграційних процесів і Україна

Усі наведені вище обставини концептуально-теоретичного і прикладного плану позначилися на специфіці інтеграційних процесів та зумовили низку особливостей, якими вони супроводжуються на пострадянському просторі в умовах геополітичних змін і масштабних трансформаційних зрушень кінця ХХ – початку ХХІ ст. Виокремимо, спираючись на наукові, дослідницькі, аналітичні доробки різних авторів, а також власні узагаль-

нення, найголовніші, на наш погляд, особливості інтеграційної складової на пострадянському просторі.

Перша. Інтеграція на основі дезінтеграції, тобто відцентрових процесів, які спостерігалися після розпаду Радянського Союзу. Прагнення Росії відігравати роль як інтегруючого ядра, так і єдиного «центру сили» на теренах колишнього СРСР, нав'язати свій пострадянський інтеграційний проєкт наштовхнулося на різне сприйняття і навіть опір з боку нових незалежних держав. Це пояснювалося з самого початку різновекторністю інтеграційних орієнтацій державних акторів пострадянського простору: частина з них – наприклад, країни Балтії – були зорієнтовані на європейський і євроатлантичний інтеграційні вектори, а інші – зокрема, Білорусь і Казахстан – вибрали проросійський євразійський інтеграційний курс. Щодо України, то її політика тривалий час «витанцьовувала» між європейським і євразійським напрямками інтеграції. Свідченням цього стало підписання Україною в 1994 р. Угоди про співробітництво з ЄС, а в 2003 р. – Угоди про створення СЕП з Російською Федерацією, Білоруссю і Казахстаном. Наша держава навіть намагалася протиставити російським свої інтеграційні проєкти. Насамперед йшлося про створені в 1992 р. ОЧЕС (Організація Чорноморського економічного співробітництва – Азербайджан, Албанія, Болгарія, Вірменія, Греція, Грузія, Молдова, Росія, Румунія, Сербія, Туреччина, Україна) і в 1997 р. ГУАМ (Організація за демократію і економічний розвиток – Грузія, Україна, Азербайджан, Молдова), у яких Україні відводилася роль регіонального лідера. Однак вони так і не змогли реалізувати свій економічний і політичний потенціал та не стали новими успішними інтеграційними об'єднаннями, у тому числі на просторі СНД.

Тільки в 2014 р. відбувся остаточний вибір нашої держави на користь євроінтеграції, результатом чого стало підписання (21 березня і 27 червня) і ратифікація (16 вересня) Угоди про асоціацію між Україною та ЄС²⁰. Повністю Угода про асоціацію набере чинності після її ратифікації усіма Сторонами, в перший день другого місяця, що настає після дати здачі на зберігання до Генерального секретаріату Ради Європейського Союзу останньої ратифікаційної грамоти або останнього документа про затвердження. На початок грудня 2015 р. Угода ратифікована Україною та Європейським парламентом 16 вересня 2014 р., а також такими країнами-членами ЄС: Румунія – 9 липня 2014 р., Литва – 11 липня 2014 р., Латвія – 18 липня 2014 р., Болгарія – 28 липня 2014 р., Мальта – 21 серпня 2014 р., Словаччина – 16 жовтня 2014 р., Естонія – 13 листопада 2014 р., Швеція – 26 листопада 2014 р., Угорщина – 5 грудня 2014 р., Хорватія – 18 грудня 2014 р., Данія – 18 грудня 2014 р., Ірландія – 27 січня 2015 р., Польща – 2 березня 2015 р., Велика Британія – 19 березня 2015 р., Люксембург – 12 квітня 2015 р., Іспанія – 15 квітня 2015 р., Португалія – 23 квітня 2015 р., Фінляндія – 24 квітня 2015 р., Словенія – 21 травня 2015 р., Німеччина – 27 травня 2015 р., Франція – 7 липня 2015 р., Австрія – 31 липня 2015 р., Італія – 29 вересня 2015 р., Чехія – 27 жовтня 2015 р.²¹

Друга. Надзвичайно потужна залежність інтеграційних проєктів і їх реалізації від російського енергетичного чинника. Це має пряме відношення до російсько-українського співробітництва. Так, за січень – червень 2014 р. частка енергоносіїв у структурі загального імпорту з Російської Федерації в Україну становила 62,2%, а через рік вона скоротилася до 44,9%²². Іншими словами, для Росії надзвичайно великої ваги набуває боротьба за енергоносії і, відповідно, за енерготранспортні коридори, в якій Україні відводяться дуже серйозні ставки з точки зору регіонального глобального вимірів проблеми. Прагненням Росії є не тільки постачати власні енергоносії переважним чином до Європи та контролювати шляхи їх поставок (а отже отримувати прибутки від транзиту), але й перебрати на себе роль єдиного посередника в поставках газу та нафти з країн Каспію й Центральної Азії²³. Цим пояснюється і надмірна політизація Кремлем енергетичного чинника у відносинах насамперед з Києвом, а також намагання використовувати його як засіб тиску на ЄС.

Разом з тим, Росія як «газова імперія» може внаслідок яскраво вираженої імперської політики, яка здійснюється на основі в тому числі «енергетичного шантажу», сама себе загнати в глухий кут. Так, у відповідь на розв'язану Кремлем війну проти України на початку квітня 2014 р. Держсекретар США Джон Керрі заявив, що його країна готова розпочати постачання газу до Європи вже у 2015 р., а президент США Барак Обама підтвердив, що американська влада готова дати всі необхідні дозволи на експорт газу в обсягах, необхід-

них для щоденних потреб Європи. Водночас упродовж 2014–2015 рр. відбувалося стрімке падіння ціни на нафту на світовому ринку: у 2014 р. – нижче 60 дол. США за барель, а в 2015 р. такий процес призвів до того, що вартість нафти марки Brent 14 грудня 2015 р. опустилась до 36,85 дол. США, обновивши мінімум з грудня 2008 р.²⁴. Це вже завдає суттєвих збитків Росії, бюджет якої побудований на основі відповідної ціни 100 дол. США за барель у 2014 р. і 96 дол. США за барель у 2015 р. Бюджет Російської Федерації втрачає 80 млрд. рублів (близько 2 млрд. дол. США) від кожного падіння ціни на нафту на 1 долар. Не можна також не бачити на перспективу негативного впливу на російську економіку і результатів «сланцевої революції»²⁵.

Третя. Із відновленням статусу Росії як наддержави, самостійного «центру сили» пов'язується також азійський інтеграційний вектор (на цьому, зокрема, акцентує увагу Н. Арбатова)²⁶. Це означає, що в контексті зближення Росії та Китаю (Шанхайська Організація Співпраці – ШОС – 2001 р., російсько-китайські газові домовленості 2014 р.) набуває реальних ознак біполярна модель розвитку Схід – Захід. У цьому плані показовим був саміт Росія – ЄС у травні 2009 р. в Хабаровську. Кремль свідомо вибрав місце проведення саміту, сигналізуючи «європейським партнерам», що у Росії є ще один вектор розвитку. Початок будівництва нафтопроводу Сковородіно – Мохай, карта Росії, подарована президентом Д. Медведєвим єврокомісару Х. Солані, а головне – «реальне дихання Китаю», більш ніж очевидне в Хабаровську, – ось знакові сигнали керівництва Російської Федерації лідерам ЄС²⁷. Сигнали, які набули нової особливої актуальності після анексії Росією Криму, розв'язання війни з Україною і введення проти Москви санкцій з боку ЄС, США, Японії, Австралії, Канади, Швейцарії.

Четверта. Неспроможність СНД (як і будь-якого іншого пострадянського інтеграційного проекту) відігравати консолідуючу роль в об'єднанні колишніх радянських республік.

Від часу створення СНД, на що звертають увагу українські аналітики, з'ясувалися дві діаметрально протилежні ідеології щодо сенсу та перспектив розвитку цієї організації. Для України ставлення до СНД було схожим на ставлення до організації, в якій Україна перебуватиме лише до часу подальшої інтеграції з Об'єднаною Європою. Тобто, Україна розглядає СНД як механізм «цивілізованого розлучення» республік колишнього СРСР. Російська Федерація, навпаки, розглядала і розглядає СНД як проміжну форму відновлення колишньої імперської державності, а в існуючому виді – як сферу домінування своїх інтересів²⁸. У цій дихотомії, яка також пов'язана з низкою інших особливостей пострадянського інтеграційного чинника, приховані такі основні причини нежиттєздатності та нестабільності СНД:

- а) нерівноправність відносин між країнами СНД, а також претензії Росії на політичне, економічне, інформаційне та соціокультурне домінування;
- б) намагання Москви розглядати весь пострадянський простір як зону «легітимних» життєво важливих своїх інтересів;
- в) несумісність вимог Російської Федерації щодо координації зовнішньої та економічної політики країн СНД з повним ігноруванням нею інтересів і пріоритетів країн-партнерів;
- г) постійні спроби Кремля сформувати в рамках СНД новий військово-політичний блок чи систему колективної безпеки під своєю егідою, які б включили значно більший простір (у тому числі й український), ніж створений у 1992 р. Ташкентський пакт – Організація договору про колективну безпеку за участі Росії, Білорусі, Вірменії, Казахстану, Киргизстану і Таджикистану;
- д) стратегічний курс Росії на розбудову наддержавних структур СНД під своїм жорстким контролем і прогресуючу інтеграцію нових незалежних держав у новий потужний проросійський геополітичний блок²⁹.

П'ята. Пріоритетність, насамперед для Росії, геополітичної складової як визначального чинника стимулювання, прискорення і скерування у відповідному руслі інтеграційних процесів на переважній частині пострадянського простору. Це зумовило готовність Кремля на силові кроки з метою реалізації своїх інтеграційних і геополітичних схем на євразійському пострадянському просторі. На нашу думку, приблизно в середині першого десятиліття ХХІ ст. Росія завершила своєрідну «геополітичну паузу» і перейшла до від-

новлення надпотужних міжнародних позицій. Свідченням цього став хоча б виступ В. Путіна на конференції з безпеки в Мюнхені (2007 р.) і тиск на НАТО з метою недопущення прийняття на Бухарестському саміті (2008 р.) Планів дій України та Грузії по членству в Альянсі. Взагалі в ході саміту НАТО в Бухаресті Російська Федерація по суті перекреслила принципи Основоположного Акту «Росія – НАТО», підписаного в 1997 р., згідно з яким Росія визнавала право будь-якої країни Європи самостійно забезпечувати свою безпеку, тобто вступати чи не вступати до тих чи інших оборонних союзів, а НАТО натомість гарантувало, що на території нових його членів не розміщуватиметься ядерна зброя. Яскравим прикладом силової геополітичної активності Кремля стала серпнева (2008 р.) російсько-грузинська війна, окупація і анексія Росією Криму в березні 2014 р. та так звана гібридна війна проти України, яка знайшла вираження, зокрема, у всебічній підтримці воєнних і сепаратистських дій на сході України.

Шоста. Наявність надмірного конфліктогенного потенціалу на просторі СНД у зв'язку з охарактеризованою вище гегемоністською спрямованістю політики Росії та відповідних їй інтеграційних устремлінь. Важливий чинник, який зумовив агресивну експансіоністську поведінку Росії спочатку щодо Грузії, а потім й України – історична обумовленість конфліктів в умовах розпаду і після розпаду імперій. Саме процесами пострадянського імперського синдрому спробував пояснити причини конфліктів після розпаду СРСР український політолог В. Карасьов: «Відносини з РФ засвідчили, що Росія ніколи не погодиться на те, щоб на пострадянському просторі, на колишньому імперському просторі формувалися інші держави з іншими політичними моделями і з іншими геополітичними орієнтаціями. Росія ... розуміє, що формування нових, сильних, серйозних націй на постімперському просторі розмиває його, формує нові регіональні конфігурації, і, головне, що РФ ризикує втратити пояс напівдержав (сірих зон, буферних зон), які вона завжди розглядала як пояс безпеки»³⁰.

Прогнозованість конфліктів на постімперському просторі підкреслив і політичний аналітик В. Горбач: «Коли радянська імперія відходила з колишніх республік, вона робила «закладки», – такі конфлікти для того, щоб геополітично впливати на них, щоб мати можливість тримати на цих територіях війська у вигляді миротворчих сил, щоб мати «больові точки» у новостворених країнах, на які можна тиснути, і вони вже рефлекторно реагуватимуть таким чином, як потрібно тому, хто тисне»³¹.

На наш погляд, і ми тут солідарні з точкою зору політтехнолога В. Бали³², ще події серпня 2008 р. засвідчили, що Росія так і не змогла позбавитися «комплексу імперії». Щось подібне ми вже переживали, коли Кремль заявив претензії на свій ексклюзивний особливий вплив на країни «ближнього зарубіжжя», до яких було включено всі країни колишнього СРСР, в тому числі Україну. Не дивно, що цей «імперський комплекс» вийшов на чільне місце в 2014 р. як своєрідна агресивна рефлексія на події в Україні та довкола неї (Європейська революція, революція Гідності, крах правлячого промосковського режиму В. Януковича, підписання Україною Угоди про Асоціацію з ЄС), які загрожували остаточному вирвату Київ з-під впливу Москви.

Фактично відзначені особливості, і ми свідомі цього, далеко не вичерпуються переліченими. Це з одного боку. А з іншого вони об'єктивно виводять нас на необхідність аналізу «української перспективи» в інтеграційній складовій на пострадянському просторі. Відзначимо, що з точки зору історичного досвіду входження українських земель до складу різних держав, як правило, надавало їх розвитку потужного імпульсу. Так було з Польщею в XIV – середині XVII ст. і Росією середини XVII – початку XX ст. Але – навпаки – виокремлення українського сегменту вело до значної дестабілізації політичної системи метрополії, а то й до її остаточного занепаду. Прикладом можуть слугувати Польща другої половини XVII–XVIII ст. і Радянський Союз 1990–1991 рр. Однак характерна риса кожного з наведених інтеграційних варіантів – Україна була в них не суб'єктом, а об'єктом міжнародних відносин. Звідси, з позицій «українського чинника» в пострадянській інтеграції постає її надзвичайно важлива особливість: Україна вперше не просто заявила про себе у якості суб'єкта сучасних міжнародних відносин, але й реального гравця, який має власну точку зору щодо інтеграційних побудов пострадянського типу, і міжнародного актора, який хоч і в ході складних внутрішньо- та зовнішньополітичних колізій, але все ж зробив вибір на користь європейського інтеграційного вектора.

Висновки

Події в Україні наприкінці 2013 – початку 2014 рр. – курс нашої держави на підписання Асоціації з ЄС і раптова для суспільства і партнерів України відмова від нього, Європейська революція, новий український Майдан і революція Гідності, які запустили механізм перезавантаження влади – мали колосальне значення. Перспектива реального виведення України з інтеграційної орбіти Росії викликала потужну комплексну реакцію Кремля, яка створила серйозну загрозу територіальній цілісності та суверенітету України. Ядром її стала фактична російська інтервенція й анексія Криму, всебічна підтримка Москвою сепаратистських сил на Сході України і фактичне розв'язання неконвенційної («гібридної») війни проти нашої держави. У відповідь політико-дипломатичні та військові кроки України мали своїм наслідком у тому числі й те, що Верховна Рада України 27 січня 2015 р. визнала Росію державою-агресором і прийняла рішення про відсіч збройній агресії Російській Федерації та подолання її наслідків³³.

Агресивна й анексіоністська політика Російської Федерації щодо України 2014–2015 рр. зі всією очевидністю показали, що Росія, відчуваючи останнім часом зростання своєї потужності, перш за все енергетичної та військової, хоче суттєво посилити власні позиції в координатах динамічної системи міжнародних відносин початку XXI ст. Це спричинило зовнішньополітичну активізацію Росії на всіх напрямках і насамперед у сфері відновлення свого впливу на пострадянському просторі. Шляхи і методи реалізації такої політики, зокрема силою зброї й ведення «гібридної» війни, анексії та включення Криму до складу Росії, підтримки незаконних сепаратистських угруповань на Сході України – фактично на основі стратегії «повзучої легітимації тероризму», можуть завести Москву в глухий кут, уже зараз завдаючи небаченого удару по всьому спектру російсько-українських відносин як на міждержавному, так і суспільному зрізах. Водночас відверто експансіоністська політика Росії щодо України повинна послужити серйозним уроком для нашої держави і суспільства.

Тільки активна діяльність на міжнародній арені на основі врахування національних пріоритетів і реальних можливостей Української держави в поєднанні зі зваженою консолідованою й ефективною внутрішньою політикою і прогнозованим прагматичним проєвропейським зовнішньополітичним курсом може забезпечити позитивний імідж і гідне місце Україні на міжнародній арені. Потрібно покінчити з ситуацією «внутрішнього дисбалансу», яка для нашої держави особливо небезпечна з точки зору програми світового простору як єдиного організму, що ґрунтується на визнанні світового лідерства в якості провідної цінності світової політики. За справедливим судженням російського науковця І. Кефелі, «твердим ядром цієї програми є твердження, згідно якому в світовому просторі існують ключові зони, а контроль над ними забезпечує світове лідерство»³⁴. У нашому випадку Росія прагнула і надалі прагнучим зберегти контроль над ключовою зоною євразійського геополітичного простору. Звідси, особлива вразливість України була не стільки в тому, на кого з міжнародних акторів (Російську Федерацію, Європейський Союз чи США) вона робила ставку, а, насамперед, у тактичній і стратегічній невизначеності нашої офіційної позиції та лінії поведінки в суперечливих конфліктогенних ситуаціях у ключових геополітичних зонах. Європейський вибір як наслідок революційних потрясінь 2013–2014 рр. не лише має всі можливості ліквідувати загрозливу проблему «внутрішнього дисбалансу», але й кардинально зміцнити міжнародні позиції України.

Уповні погоджуємося із знаним українським політологом М. Михальченком³⁵, що докорінний зовнішньополітичний вибір у новій ситуації переструктуризації пострадянського світу тісно пов'язаний зі світоглядною переорієнтацією більшості українського суспільства на новий тип мислення – цивілізаційний (замість ідеологічного, який домінував у період «холодної війни»). Якщо виходити з позицій ідеологічного підходу, ситуація змінилася докорінно: Схід, тобто Росія, прагне підкорити Україну.

Цивілізаційний спосіб мислення «працює» не в площині «класовий ворог – світова війна», а в площині конкуренції ідей, технологій, способів життя, взаємодопомоги, тобто щодо цивілізаційних цінностей життя: яка країна, об'єднання країн забезпечують вищий рівень життя і соціального захисту. І тут доведеться ламати старі стереотипи мислення: хто ворог, а хто цивілізований партнер; які норми взаємовідносин націй у глобалізова-

ному суспільстві; чи потрібна нова «холодна війна» і відродження імперій, новий тип і стиль взаємовідносин великих, середніх і малих країн тощо. На перспективу для України важливо не тільки зробити свій вибір, підписавши Угоду про Асоціацію з Європейським Союзом, але і відстояти його шляхом успішної інтеграції до європейської системи економічних, політичних, громадянських цінностей.

Необхідно також звернути особливу увагу на той факт, що характер російсько-українських відносин у 2013–2015 рр. і необґрунтоване збройне втручання Росії у внутрішні справи України свідчить про вступ у завершальну фазу великої геополітичної битви за український інтеграційний геополітичний і гео економічний простір. Важливе стратегічне завдання України – вийти з найменшими втратами з надзвичайно складної і загрозливої ситуації, у якій вона опинилася у зв'язку з відходом від євразійського інтеграційного вектору, наслідком чого стала російська окупація Криму, дестабілізація ситуації на сході України і розв'язана Кремлем російсько-українська війна. Все це ставить на порядок денний нагальну проблему серйозного переосмислення не лише загальних концептуальних зовнішньополітичних засад Української держави, але й конкретно її відносин з Російською Федерацією з точки зору загальної стратегії і тактичних кроків по її реалізації.

¹ Стенограма засідання Європейського клубу «Інтеграція на постсоветском пространстве» 28 юнія 2005 г. – URL: <http://www.kreml.org/other/90630818> (дата звернення: 04.01.2016).

² Там само.

³ Див.: Україна та проект «русского мира». Аналітична доповідь. – К.: НІСД, 2014. – С. 70.

⁴ Чубайс А. Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. – 2003. – 1 октября.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. – URL: http://www.brunei.mid.ru/doc/kontsep_vneshn_polit_rf.pdf (дата звернення: 03.01.2016).

⁶ Цит. за: Україна та проект «русского мира». Аналітична доповідь. – К.: НІСД, 2014. – С. 63–64.

⁷ Щедровицкий П. Русский мир. Возможные цели самоопределения / П. Щедровицкий // Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира» – URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (дата звернення: 03.01.2016).

⁸ Україна та проект «русского мира». Аналітична доповідь. – К.: НІСД, 2014. – С. 67–68.

⁹ Крамар О. Газпром – 2 // Український тиждень. – 2012. — № 47 (264).

¹⁰ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. (с изменениями от 25 января 2006 г. и 6 октября 2007 г.) – URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/3> (дата звернення: 04.01.2016).

¹¹ Гайдучкий П. Україна і Митний союз: проблеми інтеграції // Дзеркало тижня. – 2013. – № 11. – 22–29 березня.

¹² Гринберг Р. Постсоветское пространство: возможности и пределы // Информационно-аналитический бюлетень / Центр проблем интеграции ИМЭИПИ РАН. – 2005. – № 2. – С. 10–16.

¹³ Глазьев С. Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции: Научный доклад 29 января 2013 г. – М.: РАН, 2013. – С. 31–34, 45–56.

¹⁴ Див. напр.: Малик Я. Й. Інтеграційні процеси на пострадянському просторі: Навчальний посібник / Я. Й. Малик, Б. Д. Вол, Ю. С. Занько. – Львів: ПАІС, 2007. – 68 с.

¹⁵ Україна в інтеграційних процесах на пострадянському просторі: моделювання альтернатив. – К.: НІСД, 2013. – С. 12.

¹⁶ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 3 октября.

¹⁷ Стратегія євроінтеграції та питання участі України у формуванні Єдиного економічного простору (аналітичні оцінки). – К.: НІСД, 2003. – С. 16.

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. – URL: http://www.brunei.mid.ru/doc/kontsep_vneshn_polit_rf.pdf (дата звернення: 03.01.2016).

¹⁹ Торгово-экономическое сотрудничество между Украиной и Россией – URL: <http://russia.mfa.gov.ua/ru/ukraine-ru/trade> (дата звернення: 27.01.2016).

²⁰ Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони – URL: http://www.kmu.gov.ua/kmu/docs/EA/00_Ukraine-EU_Association_Agreement_%28body%29.pdf (дата звернення: 03.01.2016).

²¹ Угода про асоціацію між Україною та Європейським Союзом – URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/> (дата звернення: 11.12.2015).

²² Торгово-економічне співробітництво між Україною та Росією. – URL: <http://russia.mfa.gov.ua/ru/ukraine-ru/trade> (дата звернення: 27.01.2016).

²³ *Мартинюк В.* Російсько-грузинський конфлікт: зміна тенденцій поставок енергоносіїв з Каспійського регіону // Українська правда – URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2008/09/19/3562853/> (дата звернення: 03.01.2016).

²⁴ Ціни на нафту марки Brent на IPE на 31.12.2014 (02:00). – URL: <http://www.rbc.ua/ukr/oil> (дата звернення: 03.01.2015); Цени на нафту упали до нового семилітнього мінімуму. – URL: <http://www.rbc.ua/rus/news/tseny-neft-upali-novogo-semiletnego-minimuma-1450093580.html> (дата звернення: 15.12.2015).

²⁵ Російська енергетична імперія, що спотикається. – URL: ipress.ua/.../rosiyska_energetychna_imperiya_shcho_spotykaetsya_3075 (дата звернення: 03.01.2016).

²⁶ *Арбатова Н.* Проблема – 2007: що далі? / Н. Арбатова // Росія в глобальній політиці. – 2006. – № 1. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6315 (дата звернення: 02.01.2016).

²⁷ *Маслов О. Ю.* Новая российская энергетическая доктрина: от анклавно-архаичной «энергетической сверхдержавы» к глобальной энергетической Хартии. – URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/24/energoconcept8/> (дата звернення: 03.01.2016).

²⁸ Україна 2000 і далі: геополітичні пріоритети та сценарії розвитку. – К.: НІСД, 1999. – С. 60.

²⁹ Там само. – С. 57–58.

³⁰ Російсько-грузинський конфлікт: причини та наслідки для Європейської безпеки: матеріали експертної дискусії 14 серпня 2008 р. / За заг. ред. Ю. Г. Рубана. – К.: НІСД, 2008. – С. 9–10.

³¹ Там само. – С. 31.

³² *Бала В.* Що ж насправді відбувається в Грузії. – URL: <http://blog.liga.net/user/bala/article/1912.aspx> (дата звернення: 03.01.2016).

³³ Постанова Верховної Ради України «Про Звернення Верховної Ради України до Організації Об'єднаних Націй, Європейського Парламенту, Парламентської Асамблеї Ради Європи, Парламентської Асамблеї НАТО, Парламентської Асамблеї ОБСЄ, Парламентської Асамблеї ГУАМ, національних парламентів держав світу про визнання Російської Федерації державою-агресором» // Відомості Верховної Ради. – 2015. – № 10. – С. 68; Постанова Верховної Ради України «Про Заяву Верховної Ради України «Про відсіч збройній агресії Російської Федерації та подолання її наслідків» // Відомості Верховної Ради. – 2015. – № 22. – С. 153.

³⁴ *Кефели І. Ф.* Філософія геополітики. – СПб.: Петрополіс, 2007. – С. 34.

³⁵ *Михальченко М.* Україна зробила перший крок, що далі? // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. – 2013. – 6 (68) (листопад–грудень). – С. 299–300.

АДАПТАЦІЯ ВІТЧИЗНЯНОГО ЗАКОНОДАВСТВА ДО ЗАКОНОДАВСТВА ЄС ЯК СКЛАДОВА ЄВРОІНТЕГРАЦІЙНОГО КУРСУ УКРАЇНИ

О. С. Проневич

Проневич О. С. Адаптація вітчизняного законодавства до законодавства ЄС як складова євроінтеграційного курсу України. Стаття присвячена осмисленню теоретико-доктринальних засад адаптації вітчизняного законодавства до законодавства Європейського Союзу як одного з основоположних компонентів євроінтеграційного курсу України, з'ясування стану нормативно-правового забезпечення євроадаптаційної діяльності, а також специфіки побудови і функціонування чинного національного євроадаптаційного інституційного механізму. Автором здійснено спробу узагальненого дефініціювання правової категорії «адаптація законодавства», виокремлено характерні ознаки процесу адаптації національного законодавства до законодавства Європейського Союзу та артикуляції пропозицій щодо шляхів удосконалення національного механізму адаптації законодавства.

Ключові слова: адаптація законодавства; *acquis communautaire*; приблизна адекватність законів; пріоритетні сфери адаптації законодавства; інституційний механізм адаптації законодавства.

Проневич А. С. Адаптация отечественного законодательства к законодательству ЕС как составляющая евроинтеграционного курса Украины. Статья посвящена осмыслению теоретико-доктринальных основ адаптации отечественного законодательства к законодательству Европейского Союза как одного из основополагающих компонентов евроинтеграционного курса Украины, выяснению состояния нормативно-правового обеспечения евроадаптационной деятельности, а также специфики построения и функционирования действующего национального механизма адаптации законодательства. Автором осуществлена попытка обобщенного дефиницирования правовой категории «адаптация законодательства», выделены характерные признаки процесса адаптации национального законодательства к законодательству Европейского Союза и артикулированы предложения о возможных путях усовершенствования национального механизма адаптации законодательства.

Ключевые слова: адаптация законодательства; *acquis communautaire*; приближительная адекватность законов; приоритетные сферы адаптации законодательства; институциональный механизм адаптации законодательства.

Pronevych O. S. Adaptation of national legislation to The European Union as part of The European integration course of Ukraine. This article is devoted to understanding the theoretical and doctrinal bases of adaptation of national legislation to The European Union as one of the fundamental components of The European integration course of Ukraine, to ascertain the state of the legal provision yevroadaptatsiynoi activities as well as the specific construction and operation of the current national yevroadaptatsiynoho institutional mechanism. The author attempted generalized defynitsiyuvannya legal category of "adaptation of" singled out the characteristic features of the process of adaptation of national legislation to EU legislation and the articulation of proposals on ways to improve the national mechanism approximation.

Keywords: adaptation of legislation; *acquis communautaire*; approximation of laws; priority areas of approximation of legislation; institutional mechanism for adaptation of legislation.

Європейська інтеграція є політико-правовим феноменом, зумовленим багатовіковим прагненням європейських народів консолідувати зусилля у розбудові спільного простору миру та взаєморозуміння, верховенства права, добробуту, соціальної справедливості, вільної торгівлі, безперешкодного пересування і комунікації, безпеки та правосуддя. Об'єктивним наслідком інтеграційних процесів стало конституювання Європейського Союзу як унікального наднаціонального міждержавного об'єднання.

Євроінтеграція є цивілізаційним вибором українського народу, що ґрунтується на усвідомленні європейської ідентичності, належності до європейської цивілізації та спільності історичної долі з європейськими народами. Визначення євроінтеграції як стратегіч-

ного орієнтиру, зовнішньополітичного пріоритету та ключової мети Української держави зумовлює необхідність імплементації європейських стандартів забезпечення прав і свобод людини, модернізації інститутів публічної влади на людиноцентристських засадах, подолання технологічної відсталості, покращання інвестиційного клімату, створення нових робочих місць, підвищення конкурентоспроможності вітчизняного виробника на європейському ринку, приєднання до структур спільної безпеки тощо. Вирішення цих стратегічних завдань неможливо без адаптації вітчизняного законодавства до законодавства Європейського Союзу.

Впродовж останнього часу в юридичній науці позначилася традиція дослідження окремих аспектів адаптації законодавства України до законодавства ЄС. Зазначену проблему розглядали переважно правники та фахівці у галузі державного управління (О. В. Баклан, С. В. Гришак, О. Л. Євлевська, Н. М. Пархоменко, О. В. Прилипчук, М. В. Трубіна, І. В. Яковюк та ін.). Водночас аналіз їх наукового доробку свідчить про певну архаїчність використовуваних парадигм, фактичну відсутність відповідних комплексних праць фундаментального характеру та необхідність розгляду адаптації законодавства на тлі динамічних євроінтеграційних процесів і викликів.

Метою статті є осмислення теоретико-доктринальних засад адаптації вітчизняного законодавства до законодавства Європейського Союзу як одного з основоположних компонентів євроінтеграційного курсу України, з'ясування стану нормативно-правового забезпечення євроадаптаційної діяльності, а також специфіки побудови і функціонування чинного національного євроадаптаційного інституційного механізму.

Євроінтеграційна перспектива України в основному була окреслена Угодою про партнерство та співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами (УПС) від 14 червня 1994 року (набула чинності 1 березня 1998 року). Згідно з частиною 1 статті 51 УПС вперше актуалізовано проблему добровільного, часткового та поступового «зближення існуючого і майбутнього законодавства України з законодавством Співтовариства» («приведення законодавства України у відповідність до законодавства Співтовариства») шляхом встановлення «приблизної адекватності законів» (щоправда, без визначення прогнозованого ступеня сумісності законодавства, термінів її досягнення, критеріїв оцінювання та санкцій за невиконання взятих зобов'язань) у 16 пріоритетних для зміцнення економічних зв'язків сферах (митне право, законодавство про компанії, банківське право, бухгалтерський облік компаній, податки, включаючи непрямі, інтелектуальна власність, охорона праці, фінансові послуги, правила конкуренції, державні закупівлі, охорона здоров'я та життя людей, тварин і рослин, навколишнє середовище, захист прав споживачів, технічні правила і стандарти, енергетика, транспорт)¹. У Національній індикативній програмі на 2007–2010 роки було виокремлено обмежену кількість пріоритетних сфер (підтримку демократичного розвитку та якісного управління, підтримку регуляторної реформи і розширення адміністративних можливостей, підтримку розвитку інфраструктури) зближення із законодавством, процедурами, стандартами і практикою Європейського Союзу на основі цілей, визначених Угодою про партнерство і співробітництво та Планом дій Україна – ЄС. Цим документом фактично визначалися додаткові напрями (підпріоритети) адаптації законодавства України до *acquis communautaire*, а саме: покращання управління державними фінансами; вдосконалення систем інтегрованого управління державним кордоном; покращання управління міграційними потоками; інтеграція до європейського освітньо-дослідницького простору, налагодження міжлюдських контактів/обмінів. Водночас увага приділялася реалізації ліберального публічно-правового імперативу (зміцненню демократії та верховенства права, визнанню примату прав і свобод людини, забезпеченню належного врядування тощо)². Національна індикативна програма на 2011–2013 роки створювала підґрунтя для інтенсифікації адаптаційно-правової діяльності у контексті забезпечення виконання завдань щодо сприяння набранню чинності Угоди про асоціацію між ЄС та Україною (включаючи створення поглибленої та всеохоплюючої зони вільної торгівлі) і забезпечення сталого розвитку. Натомість у додатку XVII «Нормативно-правове наближення» Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми дер-

жавами-членами, з іншої сторони*, закріплено перелік актів Європейського Союзу, котрі підлягають «горизонтальній адаптації» у секторах, що потребують нормативно-правового наближення (фінансові послуги, телекомунікаційні послуги, поштові та кур'єрські послуги, послуги з міжнародних морських перевезень)⁴.

Юридіко-лінгвістичний аналіз україномовного тексту Угоди про партнерство та співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами свідчить про відсутність уніфікованого категоріально-термінологічного позначення процесу зближення законодавства України із законодавством ЄС. Зокрема, сторони Угоди одночасно оперують спорідненими категоріями «зближення» (ст. 51, 76), «приблизна адекватність законів» (ст. 51), «адаптація» (ст. 63, 77), «наближення» (ст. 60), «встановлення еквівалентних норм» (ст. 68). У науковому середовищі також відсутня єдина думка, що призвело до одночасного синонімічного використання термінів «адаптація законодавства», «гармонізація законодавства», «наближення законодавства» тощо.

Зазначена вище термінологічна еkleктичність у вітчизняному законодавстві подолана шляхом легітимізації дефініції «адаптація законодавства». Так, у Стратегії інтеграції України до Європейського Союзу, затвердженій указом Президента України від 11.06.1998 № 615/98, адаптація законодавства трактується як зближення із сучасною європейською системою права, що забезпечить розвиток політичної, підприємницької, соціальної, культурної активності громадян України, економічний розвиток держави у рамках ЄС і сприятиме поступовому зростанню добробуту громадян, приведенню його до рівня, що склався у державах-членах ЄС⁵. У Концепції адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу, схваленій постановою Кабінету Міністрів України від 16.08.1999 № 1496, адаптація законодавства тлумачиться як процес «зближення та поступового приведення законодавства України у відповідність із законодавством ЄС»⁶. Натомість відповідно до розділу II Загальнодержавної програми адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу, затвердженої Законом України від 18.03.2004 № 1624-IV, адаптація законодавства визначена як планомірний процес приведення законів України та інших нормативно-правових актів у відповідність з *acquis communautaire* – у перекладі французькою мовою «надбання (доробок, здобуток) Співтовариства», тобто правової системи Європейського Союзу, що охоплює акти законодавства ЄС (але не обмежується ними), прийняті в рамках Європейського співтовариства, Спільної зовнішньої політики і політики безпеки і Співпраці у сфері юстиції та внутрішніх справ⁷.

Наголосимо, що в доктринально-правовому вимірі феномен *acquis communautaire* ширший, аніж правовий концепт «законодавство ЄС». Використання юридично коректної категорії *acquis communautaire* об'єктивно зумовлено відсутністю законодавства Європейського Союзу у класичному формально-юридичному сенсі як сукупності нормативно-правових актів, ухвалених уповноваженими органами публічної влади з дотриманням відповідної процедури їх прийняття і застосування. Натомість поняття «законодавство Європейського Союзу» дещо звужує сфери адаптації законодавства України, оскільки ним не охоплюються установчі договори ЄС, загальні принципи права ЄС, прецедентні рішення Суду ЄС, «м'яке право» (акти, що не мають юридично обов'язкової сили). Джерелами *acquis communautaire* є первинне (установчі договори, угоди про приєднання нових держав-членів, міжнародні договори між державами-членами з питань, віднесених

* Вчинена 21 березня та 27 червня 2014 року в м. Брюсселі; ратифікована Законом України № 1678-VII від 16 вересня 2014 року із заявою; з 1 січня 2016 року відповідно до статті 486 Угоди про асоціацію між Україною та ЄС тимчасово застосовуються такі положення цієї Угоди: розділ IV, за винятком статті 158 у тій мірі, в якій вона стосується забезпечення дотримання прав інтелектуальної власності під час кримінальних проваджень, а також за винятком статей 285 і 286 у тій мірі, в якій ці статті застосовуються до адміністративних проваджень та перегляду й оскаржень на рівні держав-членів; розділ VII, за винятком статті 479(1) у тій мірі, в якій положення цього розділу обмежуються метою забезпечення тимчасового застосування Угоди; додатки I–XXV, а також Протоколи I та II. Див.: Щодо тимчасового застосування міжнародного договору: лист Міністерства закордонних справ України від 20 листопада 2015 року № 72/14-612/1-2980. – URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/v2980321-15/paran2#n2> (дата звернення: 23.08.2016).

до компетенції ЄС) і вторинне (акти, прийняті інституціями ЄС для забезпечення реалізації установчих договорів) законодавство Європейського Союзу, а також сукупність актів незобов'язального характеру, доктринальних положень, рішень Суду ЄС, укладених європейськими співтовариствами рекомендацій і домовленостей, що беззастережно сприймаються державами-членами та державами-аплікантами на вступ до Європейського Союзу. Система *acquis communautaire* охоплює нормативний (правові доктрини, юридичні норми і принципи) та організаційний (сукупність правових інституцій) компоненти. Адаптація законодавства України до законодавства ЄС визнана «пріоритетною складовою процесу інтеграції України до Європейського Союзу», що у свою чергу є пріоритетним напрямом української зовнішньої політики. Натомість державна політика України щодо адаптації законодавства як складова частина правової реформи полягає у забезпеченні єдиних підходів до нормопроекування, підготовки кваліфікованих спеціалістів, а також «створення належних умов для інституціонального, науково-освітнього, нормопроектного, технічного, фінансового забезпечення процесу адаптації законодавства України»⁸.

У вітчизняній юридичній науці упродовж останнього часу здійснюються спроби артикуляції догматико-теоретичних основ адаптації законодавства України до законодавства ЄС. Поняття «адаптація» у широкому сенсі тлумачиться як еволюційний процес, спрямований на коригування поведінки суб'єктів або вдосконалення структури системи з метою нейтралізації потенційного або реального негативного зовнішнього впливу, підвищення рівня життєздатності та ефективності функціонування. Натомість дефініція «адаптація національного законодавства до законодавства ЄС» осмислюється у контексті її співставлення з вищеназваними спорідненими категоріями. Дослідники демонструють широкий спектр думок щодо визначення сутності адаптації національного законодавства до законодавства ЄС. Зокрема, наголошується на допустимості її інтерпретації як правотворчого процесу використання міжнародного досвіду в національному законодавстві, одностороннього руху національної правової системи (включаючи законодавство, правотворчість, юридичну техніку, правозастосування) назустріч (або вслід) європейській правовій системі, пристосування чинних норм національного законодавства до норм законодавства ЄС відповідно до взятих державою міжнародних зобов'язань, комплексу односторонніх заходів з метою приведення національної законодавчої системи у відповідність до обов'язкового мінімуму законодавства Європейського Союзу (директив, рішень, регламентів, рекомендацій, резолюцій), зближення із сучасною європейською правовою системою шляхом поетапної новелізації національного законодавства (вдосконалення чинного законодавства та прийняття нових нормативно-правових актів) з урахуванням *acquis communautaire* як сукупності спільних прав і взаємних зобов'язань країн-членів ЄС тощо.

Комплексний аналіз стану «євроадаптаційного» наукового дискурсу дає підстави для узагальненого дефініціювання адаптації національного законодавства до законодавства Європейського Союзу як ґрунтованого на міжнародній угоді планомірного процесу (комплексу односторонніх заходів) узгодження (зближення, наближення, пристосування, перетворення, приведення у відповідність до) нормативно-правових актів держави-реципієнта з європейськими стандартами (ідеалами) правового регулювання окремих видів суспільних відносин (правової регламентації пріоритетних сфер). Варто усвідомлювати, що про механічний юридико-формальний процес «правового запозичення» не йдеться, оскільки держава-реципієнт як повноправний член Ради Європи та низки інших європейських інституцій (програм) безпосередньо дотична до розробки і ствердження міжнародних та європейських принципів, норм і стандартів.

Адаптації законодавства притаманні такі характерні ознаки: є одним із засобів правової інтеграції та універсалізації права; здійснюється державою-кандидатом на вступ до Європейського Союзу на підставі міжнародної угоди (у залежності від ступеню імперативності міжнародно-правових норм може здійснюватися державою доволіно на власний розсуд або з дотриманням чітко визначених строків виконання зобов'язань щодо транспозиції актів надбання Спільноти); є правотворчим процесом; має динамічний односторонній характер; не є всеосяжною, оскільки обмежується пріоритетними сферами, суттєвими для поглиблення економічної інтеграції та створення зони вільної торгівлі; спрямована на досягнення приблизної адекватності (еквівалентності, ідентичності) законів; не передбачає механічного запозичення норм законодавства ЄС; ґрунтується на засадах поваги до національного

суверенітету, добровільності, лібералізму, планомірності, цілеспрямованості, безперервності, системності та чіткого усвідомлення її відповідності фундаментальним загальнонаціональним інтересам; має випереджаючий характер; передбачає консолідацію зусиль усіх гілок державної влади; є соціально акцептованою. Адаптація законодавства є складовою політики добросусідства та партнерства, що передбачає створення на європейському континенті зони процвітання і сприятливого середовища. Поглиблена економічна інтеграція неможлива без впровадження в окремих секторах економіки базових положень регламентів, рішень, директив і рекомендацій Європейського Союзу. Процес адаптації складається з низки послідовних і безперервних етапів, що охоплюють перевірку (експертизу) проектів законодавчих актів на відповідність стандартам *acquis* ЄС, уніфікацію юридичної термінології (створення глосарію), новелізацію чинного національного законодавства шляхом ухвали нових законів або внесення змін до чинних законів, розроблення і прийняття підзаконних нормативних актів на їх основі, здійснення моніторингу правозастосовної діяльності.

Сучасна доктрина адаптаційної діяльності у сфері права передбачає три можливі рівні зближення національного законодавства із законодавством Європейського Союзу. «Мінімальна адаптація» не пов'язана з перспективою набуття членства держави в Європейському Союзі. Вона охоплює важливі для налагодження економічного співробітництва окремі пріоритетні сфери (у першу чергу комерційне право, права людини, реформу системи правосуддя). «Помірна адаптація» здійснюється у контексті реалізації системних економічних і соціально-політичних реформ, пов'язаних зі створенням зони вільної торгівлі з Європейським Союзом, що забезпечує дію чотирьох базових європейських свобод (руху осіб, капіталу, товарів і послуг). Тоді як «максимальна адаптація» має більш системний характер, оскільки зумовлена перспективою членства в Європейському Союзі (після вступу держави до ЄС адаптація припиняється, надалі використовується ефективніший механізм гармонізації законодавства)⁹.

У Угоді про партнерство та співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами формально закріплена обопільна зацікавленість сторін у встановленні приблизної адекватності законів лише у пріоритетних сферах, важливих для функціонування спільного ринку, економічного та валютного союзу. Натомість Угода про асоціацію закладає новий формат відносин між Україною та ЄС, що передбачає перехід від принципів партнерства та співробітництва до якісного нового рівня політичної асоціації та економічної інтеграції. Угодою передбачено чіткі зобов'язання України щодо адаптації національного законодавства до законодавства ЄС на основі принципів демократії, верховенства права, поваги прав і свобод людини. У цьому документі адаптація розглядається як важливий правовий інструмент глибокої економічної інтеграції України до внутрішнього ринку ЄС шляхом створення поглибленої та всеохоплюючої зони вільної торгівлі. Зокрема, наголошено на нагальній необхідності «широкої регуляторної адаптації» законодавства України до *acquis* ЄС за визначеними в частині Угоди про економічне та секторальне співробітництво тридцятьма сферами правового регулювання, а також закріплено деталізовані переліки актів *acquis* ЄС, що підлягають впровадженню в Україні у визначені строки. Відповідно до статті 114 Угоди закріплено два базові постульовані положення адаптації законодавства, а саме: Україна забезпечує, щоб існуючі закони та майбутнє законодавство поступово досягли сумісності з *acquis* ЄС; адаптація розпочинається з дати підписання Угоди і поступово поширюється на всі елементи *acquis* ЄС, зазначені у додатку XVII «Нормативно-правове наближення» до цієї Угоди. Відповідно до пункту 2 статті 2 додатку XVII встановлено: якщо законодавчий акт є регламентом або рішенням ЄС, то він повинен стати, як такий, частиною національного законодавства України; якщо законодавчий акт є директивою ЄС, то за компетентними органами України залишається право вибору форми та способу його імплементації¹⁰. У Плані заходів з імплементації Угоди про асоціацію між Україною та ЄС на 2014–2017 роки, затвердженому розпорядженням Кабінету Міністрів України від 17.09.2014 № 847-р, міститься перелік понад 350 актів законодавства ЄС, які мають бути транспоновані протягом двох-десяти років з моменту набуття чинності Угоди або окремих її положень¹¹.

Легітимізація національного інституційного механізму адаптації законодавства була здійснена шляхом ухвали Закону України «Про Загальнодержавну програму адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу». Відповідно до розділу

VIII цього Закону повноваженнями у сфері адаптації законодавства наділено Верховну Раду України, Кабінет Міністрів України, уповноважений центральний орган виконавчої влади, Координаційну раду з адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу. Така конфігурація інституційного механізму адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу зберігалася останнього часу. Кожен суб'єкт адаптаційної діяльності функціонував у межах законодавчо визначеної компетенції.

Упродовж 2014–2016 років національний інституційний механізм адаптації законодавства було суттєво скориговано. Уряд вжив низку організаційно-правових заходів, сутність яких полягала у наступному:

- формальному закріпленні за Кабінетом Міністрів України повноважень щодо спрямування, координації та контролю у сфері європейської інтеграції з питання адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу;
- віднесенні до компетенції віце-прем'єр-міністра з питань європейської та євроатлантичної інтеграції України питання «адаптації законодавства України до законодавства ЄС в Кабінеті Міністрів України, організації проведення моніторингу результатів роботи з такої адаптації», координації виконання Україною зобов'язань за Угодою про асоціацію Україна – ЄС та іншими міжнародними угодами і домовленостями між Україною та ЄС, а також представлення за рішенням Кабінету Міністрів України у Верховній Раді України позиції уряду щодо законопроектів, предмет правового регулювання яких спрямований на виконання зобов'язань України у рамках зазначеної Угоди або може істотно вплинути на виконання таких зобов'язань;
- інституціоналізації Урядового офісу з питань європейської інтеграції як окремого структурного підрозділу Секретаріату Кабінету Міністрів України, підпорядкованого Прем'єр-міністру України, віце-прем'єр-міністру з питань європейської та євроатлантичної інтеграції України, а також Міністру Кабінету Міністрів України. Урядовий офіс готує і подає Прем'єр-міністру України, віце-прем'єр-міністру з питань європейської та євроатлантичної інтеграції України пропозиції щодо підвищення ефективності здійснення заходів з адаптації законодавства України до права ЄС¹². З лютого 2016 року цей орган уповноважено проводити в установленому порядку експертизу відповідності проектів нормативно-правових актів, які вносяться на розгляд Кабінету Міністрів України, міжнародно-правовим зобов'язанням України у сфері європейської інтеграції, а також врахування права Європейського Союзу (acquis ЄС). Крім того, цей орган має забезпечувати здійснення перекладу acquis ЄС на українську мову, оновлення глосарія термінів acquis ЄС.

Як наслідок, de facto була здійснена «ревізія» законодавчих положень щодо компетенції окремих суб'єктів у сфері адаптації законодавства. Кабінет Міністрів України, як вищий орган у системі органів виконавчої влади, сконцентрував увесь спектр відповідних повноважень, а Міністерство юстиції України було позбавлено статусу уповноваженого центрального органу виконавчої влади у сфері адаптації законодавства України до acquis communautaire.

Вважаємо, що проблема визначення правосуб'єктності Міністерства юстиції України у сфері адаптації законодавства потребує додаткового поглибленого дослідження. Особливу увагу слід звернути на одночасне збереження чинності двох положень про міністерство. У затвердженому 2011 року указом Президента України положенні закріплено широкі «євроадаптаційні» повноваження міністерства як спеціально уповноваженого центрального органу виконавчої влади у сфері адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу¹³. Водночас у відповідній постанові Кабінету Міністрів України повноваження Мінюсту зведено до здійснення науково-експертного, аналітичного, інформаційного та методологічного забезпечення виконання першого етапу реалізації Загальнодержавної програми адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу¹⁴. Фактично йдеться про правову колізію, яка має вирішуватися з урахуванням юридичної сили нормативно-правових актів.

На нашу думку, перспектива вдосконалення інституційного механізму адаптації законодавства полягає у вжитті таких заходів:

- усуненні існуючих правових колізій (у першу чергу йдеться про визнання таким, що втратив чинність, Закону України «Про Загальнодержавну програму адаптації

- законодавства України до законодавства Європейського Союзу» або його новелізацію шляхом легітимізації сучасної євроадаптаційної моделі, а також про усунення наслідків існуючої конкуруючої компетенції Президента України та Кабінету Міністрів України при затвердженні Положення про Міністерство юстиції України);
- посиленні євроадаптаційної правосуб'єктності віце-прем'єр-міністра з питань європейської та євроатлантичної інтеграції України шляхом включення до складу Координаційної ради з адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу, делегування йому повноважень щодо забезпечення взаємодії уповноважених інституцій, здійснення зовнішньої комунікації з питань адаптації законодавства тощо;
 - підвищенні інституційної спроможності Мін'юсту внаслідок повернення йому статусу спеціально уповноваженого центрального органу виконавчої влади у сфері адаптації законодавства України і делегування широких «євроадаптаційних» повноважень, що об'єктивно зумовлено усвідомленням виняткової важливості адаптації законодавства для реалізації євроінтеграційного курсу Української держави, необхідності системного вирішення завдань у сфері адаптації законодавства та наявності у Мін'юсту потужного інтелектуального ресурсу, відповідної «інституційної пам'яті» та позитивного досвіду реалізації системних заходів у цій сфері. Аналіз практики адаптаційної діяльності дає підстави стверджувати щодо доцільності делегування цих повноважень спеціалізованому структурному підрозділу Мін'юсту (можливо, відокремленому). Вважаємо, що Урядовий офіс з питань європейської інтеграції в умовах перевантаженості за обмеженої штатної чисельності неспроможний якісно забезпечити виконання широкого спектру завдань у сфері адаптації законодавства. Натомість у взаємодії з Мін'юстом цей інститут може забезпечувати підготовку інформаційно-аналітичних матеріалів щодо шляхів підвищення ефективності здійснення заходів з адаптації законодавства України до права ЄС, виправдовуючи таким чином належність до складу Секретаріату Кабінету Міністрів України як постійно діючого органу, що забезпечує діяльність Кабінету Міністрів України;
 - активнішому використанні позитивного науково-експертного євроадаптаційного потенціалу спеціалізованих недержавних суб'єктів;
 - оптимізації роботи Координаційної ради з адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу шляхом чіткої артикуляції мети діяльності з урахуванням нормативно визначених завдань, інтенсифікації діяльності, підвищення якості підготовки засідань та обґрунтованості ухвалюваних рішень, забезпечення імперативності її рішень для органів місцевого самоврядування, покладання на структурний підрозділ Міністерства юстиції України обов'язку організаційно-технічного забезпечення її діяльності, розширення персонального складу за рахунок включення представників профільних академічних і навчальних установ, інститутів громадянського суспільства, авторитетних зарубіжних експертів;
 - запровадженні практики проведення репрезентативних науково-практичних конференцій (круглих столів, семінарів, тренінгів тощо) з метою публічного обговорення актуальних проблем адаптації законодавства, а також реалізації загальнонаціональних інформаційно-просвітницьких заходів.

Резюмуючи, зазначимо, що генеза соціально-правового феномена адаптації національного законодавства до законодавства Європейського Союзу об'єктивно зумовлена прагненням до легітимізації євроінтеграційного вектору державно-правового розвитку. Адаптація законодавства є динамічним планомірним одностороннім процесом приведення (зближення, узгодження, пристосування) законів України та інших нормативно-правових актів у відповідність з *acquis communautaire* з метою подолання економічного «ізоляціонізму», усунення правових колізій, досягнення несуперечності законодавства та одноманітності правового регулювання окремих видів суспільних відносин. На сучасному етапі державно-правового розвитку України адаптація законодавства не є всеосяжною. Фактично вона є початковою стадією досягнення стану сумісності (сполучності, еквівалентності) із законодавством ЄС в окремих сферах, визначальних для поглиблення торговельно-економічних зв'язків, поступової інтеграції країни-реципієнта до внутрішнього

ринку ЄС. Водночас адаптація законодавства є дієвим засобом співставлення універсально-цивілізаційного та специфічно-національного розуміння права, досягнення концептуально-нормативної спільності правового регулювання і ствердження європейського праворозуміння. Інституційний механізм адаптації вітчизняного законодавства до *acquis communautaire* потребує суттєвого коригування, у першу чергу шляхом відновлення інституційної спроможності Міністерства юстиції України як уповноваженого центрального органу виконавчої влади у сфері адаптації законодавства, посилення євроадаптаційної правосуб'єктності віце-прем'єр-міністра з питань європейської та євроатлантичної інтеграції України, покращання координації адаптаційної діяльності та її децентралізації за рахунок ширшого залучення до реалізації відповідних заходів недержавних інституцій та профільних експертів.

¹ Угода про партнерство і співробітництво між Україною та Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами від 14 червня 1994 року. – URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/998_012 (дата звернення: 23.08.2016).

² Національна індикативна програма на 2007–2010 роки. – URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:d6y8BN74HFoJ:https://eu.prostir.ua/ data%3Ft3D1%26q%3D235212+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ua> (дата звернення: 23.08.2016).

³ Національна індикативна програма на 2011–2013 роки. – URL: http://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/documents/eu_ua/2011_enpi_nip_ukraine_uk.pdf (дата звернення: 24.08.2016).

⁴ Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони. – URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/984_011 (дата звернення: 24.08.2016).

⁵ Про затвердження Стратегії інтеграції України до Європейського Союзу: указ Президента України від 11 червня 1998 року № 615/98. – URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/615/98> (дата звернення: 25.08.2016).

⁶ Про Концепцію адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу: постановою Кабінету Міністрів України від 16 серпня 1999 року № 1496. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1496-99-%D0%BF> (дата звернення: 25.08.2016).

⁷ Про загальнодержавну програму адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу: закон України від 18 березня 2004 року № 1624-IV. – URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1629-15> (дата звернення: 23.08.2016).

⁸ Там само.

⁹ Рабінович М. Гармонізація законодавства України та ЄС: теоретичний аспект. – URL: <http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/publications/pub-466/> (дата звернення: 24.08.2016).

¹⁰ Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони. – URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/984_011 (дата звернення: 23.08.2016).

¹¹ Про імплементацію Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським Співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони: розпорядження Кабінету Міністрів України від 17 вересня 2014 року № 847-р. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/847-2014-%D1%80> (дата звернення: 25.08.2016).

¹² Про Урядовий офіс з питань європейської інтеграції: постанова Кабінету Міністрів України від 13 серпня 2014 року № 346. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/346-2014-%D0%BF> (дата звернення: 26.08.2016).

¹³ Про затвердження Положення про Міністерство юстиції України: указ Президента України від 6 квітня 2011 року № 395. – URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/395/2011> (дата звернення: 27.08.2016).

¹⁴ Про затвердження Положення про Міністерство юстиції України: постанова Кабінету Міністрів України від 2 липня 2014 року № 228. – URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/228-2014-%D0%BF> (дата звернення: 27.08.2016).

**БАЛКАНСКИЕ ВЕРСИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ
КАРАЗИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (КЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

О. И. Вовк

Вовк О. І. Балканські версії походження Василя Каразина у вітчизняній історичній літературі (кліометричний аспект). У статті проаналізовані зафіксовані в історичній літературі точки зору на проблему національної приналежності відомого громадського діяча та просвітника кінця XVIII – першої половини XIX ст. Василя Назаровича Каразина (1773–1842). Для вирішення поставленої мети було використано не лише якісно-змістовні, а й кількісні методи історіографічного аналізу. Зроблено висновки про рівень та причину поширеності та аргументованості основних версій етнічного походження В. Н. Каразина у працях вітчизняних учених.

Ключові слова: В. Н. Каразин; історіографія; біографія; етнічні походження; кількісні методи.

Вовк О. И. Балканские версии происхождения Василия Каразина в отечественной исторической литературе (клиометрический аспект). В статье проанализированы зафиксированные в исторической литературе точки зрения на проблему национальной принадлежности известного общественного деятеля и просветителя конца XVIII – первой половины XIX в. Василия Назаровича Каразина (1773–1842). Для решения поставленной задачи использовались не только качественно-содержательные, но и количественные методы историографического анализа. Сделаны выводы о степени и причинах распространенности и аргументированности основных версий этнического происхождения В. Н. Каразина в трудах отечественных ученых.

Ключевые слова: В. Н. Каразин; историография; биография; этническое происхождение; количественные методы.

Vovk O. I. Balkan Version of Vasyl' Karazin's Ethnic Origin in the Historical Literature of Our Country (Cliometric Aspect). The paper is devoted to biography of the famous public figure and enlightener of the late 18th – early 19th centuries Vasyl' Nazarovich Karazin (1773-1842). It analyzes reflected in historical literature points of view on Karazin's national identity. The author uses not only qualitative, but also quantitative methods of historiographical analysis to solve this problem. The conclusions about the level and reasons of prevalence and argumentativeness of the main versions of Karazin's ethnic origin in the historical literature of our country are made.

Keywords: V. N. Karazin; historiography; biography; ethnic origin; quantitative methods.

История жизни основателя Харьковского университета Василия Назаровича Каразина (1773–1842) не выходит из поля зрения украинских, российских и болгарских исследователей на протяжении последних семнадцати десятилетий. Перечень публикаций, в которых освещается деятельность В. Н. Каразина на ниве науки и просвещения, его участие в государственных делах, общественно-политические взгляды и т.д., исчисляется сотнями наименований. Учитывая количество и качество этих произведений, современные исследователи все чаще оперируют термином «каразиноведение», понимая под ним исследования, посвященные изучению жизни, творчества и общественной деятельности В. Н. Каразина, его места в истории Восточной Европы в целом и Украины в частности¹.

Несмотря на это, фигура В. Н. Каразина, овеянная мифами еще при жизни, и сегодня является одной из наименее «разгаданных» в истории Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. В частности, одним из дискуссионных остается вопрос об этнической принадлежности В. Н. Каразина. С одной стороны, это обусловлено скудостью источниковой базы, т.к. большая часть личного архива этого ученого и общественного деятеля сгорела еще при его жизни. Поэтому исследователям, как писал Д. И. Багалея, зачастую приходилось «довольствоваться случайными документами, относящимися к личности и деятельности этого замечательного человека»². С другой стороны, сам

Василий Назарович также немало поспособствовал запутанности в решении данного вопроса. В многочисленных эпистоляриях он, в зависимости от контекста и основной темы, идентифицировал себя с различными нациями. Например, в письме А. А. Чарторыйскому от 21 ноября 1804 г. Василий Назарович отметил: «Дед мой по происхождению серб»³. В письме С. Н. Муханову от 21 ноября 1831 г. просветитель делился мечтами об учреждении университета в Софии – на родине «своих предков, болгар»⁴. В письме А. Х. Бенкендорфу от 15 мая 1840 г. он назвал себя «греко-хохлом»⁵.

Поднятая нами проблема уже становилась предметом специального историографического исследования. В частности, М. Г. Станчев, проанализировав обширный пласт карзиноведческих трудов и архивных источников, пришел к выводу о наибольшей доказанности «болгарской» версии происхождения В. Н. Каразина. Вместе с тем, исследователь отметил, что не стоит списывать со счетов и другие версии⁶. При этом следует сказать, что за прошедшее десятилетие появился ряд новых публикаций, которые требуют систематизации и историографической характеристики. Поэтому мы считаем, что исследуемая тема еще имеет достаточный эвристический потенциал и ее разработка должна продолжаться. Одним из эффективных инструментов, позволяющих решить данный вопрос, является квантитативный подход. Применение статистико-математических методов при проведении историографического анализа дает возможность уточнить и дополнить результаты, полученные нашими предшественниками.

Историографы начали применять количественные методы в своих исследованиях в 60-х годах XX в.⁷, в 1980-х гг. подобный подход был теоретически обоснован⁸, а публикации последних лет демонстрируют его перспективность и репрезентативность полученных результатов⁹. Квантитативный подход дает возможность статистически проанализировать содержание информационных потоков, оценить вклад научных коллективов и отдельных ученых в развитие мирового информационного потока¹⁰. Это открывает ряд преимуществ по сравнению с традиционной описательной технологией, а именно – позволяет повысить точность и доказательность исследования и в то же время минимизировать проявления субъективизма в выводах. Вместе с тем, в историографических исследованиях первостепенную роль должен играть качественно-содержательный анализ научных концепций. Поэтому количественные методы выступают эффективным вспомогательным инструментом, дополняющим ценностную интерпретацию исторических произведений¹¹.

Объектом нашего исследования является массив отечественных публикаций, в которых отражены различные версии этнического происхождения В. Н. Каразина. В данном случае под «отечественными» мы будем понимать историко-биографические произведения, которые были созданы авторами в Российской империи, СССР и независимой Украине. «Отечественные» публикации противопоставлены «зарубежным», т.е. написанным представителями украинской и российской диаспор – выходцами из Российской и Австро-Венгерской империй и СССР, а также учеными стран Европы и Северной Америки.

На сегодняшний день нами зафиксировано 603 публикации, в которых так или иначе упомянуто имя В. Н. Каразина. Из них 554 были нами маркированы как «отечественные» и 49 – как «зарубежные» [см. рис. 1]. Во многом такой значительный количественный разрыв может быть объяснен тем, что, в отличие от «материка», где В. Н. Каразин нередко позиционировался как один из выдающихся деятелей национального и, тем более, регионального масштаба, за границей в большинстве случаев в нем видели интересного, но отнюдь не уникального деятеля. В США он был презентован как государственный деятель, один из ближайших соратников Александра I; в Болгарии – как один из представителей древнего и обширного балканского рода. Вспомним, к примеру, что его отец Назар Александрович Каразин и племянник Николай Николаевич Каразин являются, по крайней мере, не менее известными и почитаемыми деятелями болгарской истории¹². Также следует иметь в виду, что европейские и американские ученые на протяжении многих лет не имели широкого доступа к литературе и источникам карзиноведческой тематики. Поэтому, с нашей точки зрения, балканские версии происхождения В. Н. Каразина могут быть наиболее всесторонне охарактеризованы «отечественной» историографией.

Имеющиеся в нашем распоряжении карзиноведческие публикации, хронологически ограниченные 1860–2015 гг., были проанализированы по тематическому признаку. В результате они были разделены на девять групп:

- генеалогические исследования, в которых прослеживается история рода Каразиных, приводятся сведения о предках и потомках В. Н. Каразина;
- публикации, характеризующие государственную деятельность В. Н. Каразина, его роль в развитии образования и, прежде всего, в деле основания Харьковского университета;
- труды, посвященные научно-исследовательской деятельности В. Н. Каразина и ее оценке с историко-научной точки зрения;
- исследования общественно-политических взглядов В. Н. Каразина;
- работы, авторы которых анализируют черты личности и духовно-нравственные ценности В. Н. Каразина;
- публикации, посвященные проблеме увековечения памяти о В. Н. Каразине;
- «комплексные исследования», в которых биография В. Н. Каразина раскрывается во всей полноте, без привязки к какому-либо одному тематическому направлению;
- историографические исследования, в которых сделан акцент на истории изучения биографии В. Н. Каразина и выявлении историографических образов этой личности;
- археографические публикации, которые, как правило, не имеют аналитической направленности, но сопровождаются научно-справочным аппаратом.

Анализ показал, что генеалогическая проблематика не была доминирующей сферой в каразиноведении: удельный вес соответствующих публикаций составляет лишь около 4%. Правда, краткие упоминания об этнической принадлежности В. Н. Каразина можно встретить также в «комплексных исследованиях», процентная часть которых к общему объему выборки составила порядка 12% [см. рис. 2]. Из графических данных, приведенных в приложении [см. рис. 3], следует, что всплески интереса к данной теме наблюдались в конце XIX – начале XX в. и на рубеже XX–XXI вв. Они соотносятся с общим увеличением внимания к личности В. Н. Каразина, что, в свою очередь, совпадает с юбилейными датами Харьковского университета.

Проследим процесс формирования «этнических образов» В. Н. Каразина в динамике. Впервые эту тему затронул сын просветителя Ф. В. Каразин, который составил изложение основных вех жизни и деятельности своего отца уже 17 ноября 1842 г. – через две недели после его кончины. Ф. В. Каразин указывал, что родиной его предков была Греция¹³. Несмотря на то, что составленное Ф. В. Каразиным жизнеописание впервые было опубликовано только в 1894 г., оно, безусловно, сыграло важнейшую роль в процессе изучения биографии В. Н. Каразина и формирования его историографического «имиджа». Впоследствии греческую версию развил близкий знакомый семьи Каразиных, писатель Г. П. Данилевский. Он утверждал, что отец В. Н. Каразина «был по происхождению грек, из дворянского семейства Караджи»¹⁴.

Публицист Я. В. Абрамов приобщал В. Н. Каразина к сербскому или греческому этносам, отмечая, что «сам он, вероятно, считал себя сербом»¹⁵. С ним был солидарен также историк В. И. Срезневский, который указывал на то, что «по отцовской линии он был сербского или греческого происхождения (один из предков его, носивший прозвище Караджи, был софийским архиепископом в Болгарии)»¹⁶. Крупнейший специалист по истории Харькова и каразиновед Д. И. Багaley осторожно называл отца В. Н. Каразина «выходцем из южной Славящины», указывая при этом, что Василий Назарович всегда себя считал и называл украинцем¹⁷. Ученик Д. И. Багалея, историк Н. И. Тихий стал первым, кто попытался взглянуть на эту тему с историко-историографической точки зрения. Он стал автором монографии «В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность» (1905), вышедшей в год 100-летия Харьковского университета. Н. И. Тихий проанализировал доступные ему исторические труды, архивные документы и пришел к выводу, что «указание на болгарское происхождение рода Каразиных надо считать наиболее доказанным»¹⁸.

После распада Российской империи начался новый период в каразиноведении, что, несомненно, наложило отпечаток и на освещение национального вопроса. Начиная с 1920-х гг. количество печатных каразиноведческих трудов стремительно сократилось. Можно предполагать, что одной из причин этого послужило дворянское происхождение В. Н. Каразина, а также его близость к высшим кругам государства и лично императору Александру I (хотя в последние десятилетия жизни Василий Назарович пребывал в опале). Интерес к истории жизни выдающегося украинского естествоиспытателя вновь стал возрождаться в 1940-х –

1950-х гг. Это совпало с подготовкой празднования 150-летия со дня основания Харьковского университета, а также активизацией изучения истории науки и техники в СССР.

Однако, учитывая социально-классовую ориентированность советской исторической науки, специальных генеалогических каразиноведческих исследований не проводилось. В обобщающих исследованиях национальный вопрос также был обойден вниманием. Например, историк И. С. Достян, изучая идеи В. Н. Каразина о возможности политического переустройства на юго-востоке Европы в связи с сербским восстанием 1803–1814 гг., не упоминала о его мотивах участия в данном проекте¹⁹. Сам В. Н. Каразин объяснял этот факт своим желанием помочь сербам – народу, который «был близок ему по происхождению»²⁰. Профессор Харьковского университета историк А. Г. Слюсарский указывал лишь на социальное происхождение В. Н. Каразина: родители будущего просветителя были названы одними из «немногих помещиков, которые сравнительно мягко обращались со своими крестьянами и пытались рационально вести хозяйство»²¹.

Возникновение независимой Украины после распада Советского Союза стало точкой отсчета очередного периода в каразиноведении. Процессы демократизации, гуманизации общественных отношений повлияли на формирование новой историографической ситуации. Украинская историческая наука начала интегрироваться в мировое научное сообщество, последствием чего стало активное использование новых методологических принципов и подходов. В первую очередь, речь идет об усилении интереса к антропологически ориентированной истории, что, безусловно, сказалось и на каразиноведении.

Поэтому одним из вопросов, который впервые после длительного перерыва начал привлекать внимание ученых, стала проблема этнической принадлежности В. Н. Каразина. Значительный вклад в ее решение внес профессор Харьковского университета, иностранный член Болгарской Академии наук М. Г. Станчев. Обработав фонды украинских, российских и болгарских архивов и введя в научный оборот ряд ценных источников²², ученый показал убедительность и аргументированность болгарской версии происхождения В. Н. Каразина.

Еще один представитель Харьковского университета С. Ю. Страшнюк обратился к критическому анализу сербской линии в этнической истории рода Каразиных²³, сосредоточившись на малоисследованном сюжете отношения Василия Назаровича Каразина к Сербскому восстанию 1804–1813 гг. Указав на конъюнктурность интереса попавшего в опалу к царю В. Н. Каразина к разыгравшимся на Балканах драматическим событиям, ученый приходит к выводу: ближе к истине те, кто считает этого «сына малороссийского дворянина болгарского происхождения» (Н. Д. Николаенко), региональным патриотом Слободской Украины и государственным патриотом России.

Следует отметить, что активизация генеалогических каразиноведческих исследований со стороны харьковских историков во многом стала возможной благодаря их тесным творческим контактам с коллегами из балканских стран (прежде всего, Болгарии).

Личностью В. Н. Каразина интересовались также представители греческой диаспоры. Например, председатель Харьковского городского общества греков «Гелиос», сотрудница Харьковского университета Е. А. Узбек выступила с рядом публикаций, в которых осветила роль членов семьи Караджи-Каразиных в национально-освободительной войне балканских народов. В монографии «Василий Каразин из рода Караджи» (2002) она указывала на греческое происхождение предков просветителя, однако убедительных аргументов не привела²⁴. К греческой версии склонялась и харьковская исследовательница М. С. Лапина, хотя основной фокус ее внимания концентрировался вокруг религиозных убеждений членов семьи Каразиных²⁵.

Многие современные нам исследователи уходят от однозначного ответа на вопрос о том, к какой нации можно причислить В. Н. Каразина. Так, профессор Харьковского университета С. М. Куделко, профессор Днепропетровского университета А. Г. Болебрух и его ученик А. В. Хридошкин в монографии, посвященной жизни и деятельности просветителя, предположили, что «предки В. Н. Каразина, в силу разных обстоятельств были вынуждены часто менять страну проживания, следствием чего стали многочисленные смешанные браки»²⁶. Следовательно, его этническая принадлежность не может быть определена с максимальной достоверностью.

Генеалогию рода Каразиных также изучали потомок рода Каразиных Л. О. Дешко²⁷, главный библиограф Центральной научной библиотеки Харьковского университета

Н. М. Березюк²⁸. Причем последняя из названных писала о том, что В. Н. Каразин «был Человеком Мира, всегда готовым защищать Отечество, прийти на помощь славянским народам, подверженным угнетению»²⁹, поэтому сознательно отошла от фиксации его этнического происхождения.

Таким образом, проведенный нами обзор отечественной каразиноведческой литературы 1860–2015 гг. свидетельствует о том, что балканские версии происхождения В. Н. Каразина в ней были представлены достаточно неравномерно. На рубеже XIX–XX вв. доминировали греческий и сербский варианты; впрочем, авторы зачастую не приводили каких-либо аргументированных доказательств в пользу своих предположений. На протяжении 20-х – 80-х гг. XX в. национальный вопрос в биографии В. Н. Каразина игнорировался. Исследования конца XX – начала XXI в. демонстрируют качественно новый уровень: они чаще являются специально-направленными, а выдвинутые в них аргументы намного убедительнее и подкреплены данными источников. В современной украинской историографии наиболее обоснованной и распространенной оказалась болгарская версия, в то время как сербская и греческая не опираются на убедительную документальную базу.

¹ См. *Вовк О. І.* В. Н. Каразін (1773–1842) в історико-біографічних нарративах : автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2015. – 20 с.

² *Багалей Д. І.* К биографии В. Н. Каразина // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1891. – Т. 3. – С. 308.

³ Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. – Х.: В Университетской типографии, 1910. – С. 36.

⁴ Там же. – С. 775.

⁵ Там же. – С. 847.

⁶ См. например: *Станчев М. Г.* Происхождение В. Н. Каразина: проблемы историографии и источниковедения // *Bulgarian Historical Review: Research Quarterly*. – 2005. – Кн. 3–4. – С. 203–215; *Станчев М. Г.* «Этнические образы» В. Н. Каразина в истории и историографии // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. – 2004. – № 633: Серія: Історія. – Вип. 36. – С. 28–43 и др.

⁷ См. например: *Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). – Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1964. – 340 с.

⁸ См. *Урсу Д. П.* Историография как точная наука // *Харківський історіографічний збірник*. – 2010. – Вип. 10. – С. 99–125.

⁹ См. например: *Вовк О. І.* Образы В. Н. Каразина на сторінках енциклопедичних видань кінця XIX – початку XXI ст. // *Харківський історіографічний збірник*. – 2013. – Вип. 12. – С. 144–159; *Гарскова И. М.* Анализ историографии исторической информатики как научного направления // *Харківський історіографічний збірник*. – 2010. – Вип. 10. – С. 138–171 и др.

¹⁰ *Пікалов В. Г.* Історіографія як наукознавча дисципліна / В. Г. Пікалов, С. І. Посохов // *Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи: матеріали Всеукр. наук. конф. (м. Харків, 15–17 листоп. 1995 р.)*. – Х., 1995. – С. 79.

¹¹ *Урсу Д. П.* Историография как точная наука // *Харківський історіографічний збірник*. – 2010. – Вип. 10. – С. 111–112.

¹² Подробнее см.: Василий Каразин: живот и дейност: [сборник] / Съст. М. Станчев, А. Запрянова, Л. Георгиев, П. Чолов [и др.]. – София: Акад. изд-во «Марин Дринов», 2005. – 376 с.

¹³ *Каразин Ф. В.* Письмо Филадельфа Васильевича Каразина об отце его. 17 ноября 1842 года // *Русский архив*. – 1894. – Кн. 4. – С. 568.

¹⁴ *Данилевский Г. П.* Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования. – Х., 1866. – С. 100.

¹⁵ *Абрамов Я. В.* В. Н. Каразин (основатель Харьковского университета). Его жизнь и общественная деятельность. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1891. – С. 7.

¹⁶ *Срезневский В. И.* Каразин Василий Назарович // *Русский биографический словарь* / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. – СПб., 1897. – [Т. 8]. – С. 487.

¹⁷ *Багалей Д. І.* Назарий Александрович Каразин и его колокол // *Киевская старина*. – 1892. – № 11. – С. 163.

¹⁸ *Тихий Н. И.* В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. – К.: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1905. – С. 3.

¹⁹ *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы от Радищева до декабристов. – М.: Наука, 1980. – С. 69–76.

²⁰ Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. – Х.: В Университетской типографии, 1910. – С. 36.

²¹ Слюсарский А. Г. В. Н. Каразин. Его научная и общественная деятельность / Под ред. Е. С. Хотинского. – Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1955. – С. 5.

²² См. например: Станчев М. Г. Нови документални свидчення про походження Василя Каразина // Схід – Захід: іст.-культурол. зб. / за ред. В. В. Кравченка. – Х.; К., 2005. – Вип. 7: Університети та нації в Російській імперії. – С. 274–278 и др.

²³ В. Н. Каразин. Диалоги у часі й просторі: дослідження і матеріали / Уклад. О. І. Вовк, С. М. Куделко ; наук. ред. проф. С. І. Посохов. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразина, 2015. – С. 237–247; Страшнюк С. Ю. Василий Каразин и первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Ние в науката и науката в нас: По повод на 50-годишнината на проф. д-р Петко Ст. Петков. – Велико Търново, 2013. – С. 157–170.

²⁴ Узбек Е. А. Василий Каразин из рода Караджи. – Х.: Майдан, 2002. – 132 с.

²⁵ Лапина М. С. Обретение новой родины (из истории рода Караджи – Каразиных). – Х.: [б. и.], 2008. – 160 с.

²⁶ Болебрух А. Г. Василь Назарович Каразин (1773–1842) / А. Г. Болебрух, С. М. Куделко, А. В. Хридошкін. – Х.: Авто-Енергія, 2005. – 50 с.

²⁷ См. например: Дешко Л. О. Каразини. Основа: Зб. ст. – К.: Видавець Андрощук П. В., 2014. – 172 с. и др.

²⁸ См. например: Березюк Н. М. Достойные своего рода: (К семейному портрету Каразиных) // Університети=Universitates. – 2003. – № 1. – С. 58–68 и др.

²⁹ Там же. – С. 59.

Приложения

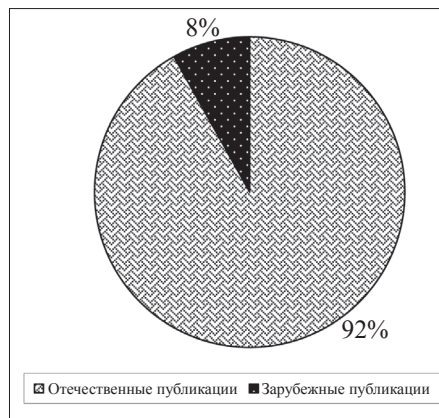

Рис. 1. Географический анализ публикаций, посвященных В. Н. Каразину (1860–2015 гг.)

Рис. 2. Тематический спектр отечественных публикаций, посвященных В. Н. Каразину (1860–2015 гг.)

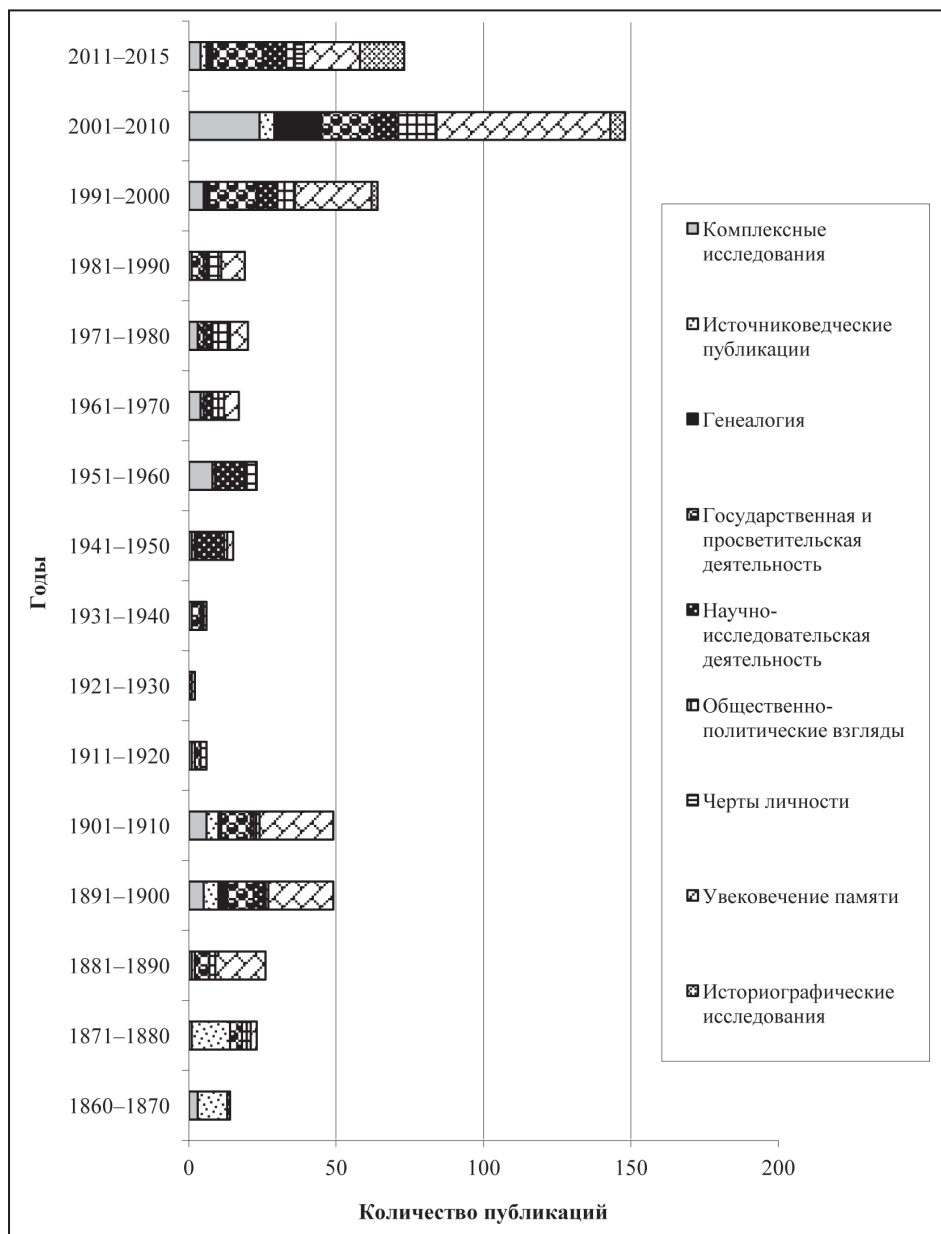

Рис. 3. Тематический анализ отечественных публикаций, посвященных В. Н. Каразину

СТЕФАН СТАМБОЛОВ В ОЦІНКАХ СУЧАСНОЇ БОЛГАРСЬКОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ

Д. В. Миколенко

Миколенко Д. В. Стефан Стамболов в оцінках сучасної болгарської історіографії. У представленій статті аналізуються наукові праці сучасних болгарських авторів, присвячені діяльності державника С. Стамболова. Автор розглядає вплив традицій марксистської історіографії, нинішньої політики пам'яті у Болгарії, а також новітньої методології дослідження на висвітлення питань, пов'язаних із міжнародними і внутрішніми ініціативами першого самостійного «стамболовістського» кабінету міністрів. Історик констатує створення вченими у цілому позитивного образу політика, але разом з тим відмічає продовження дискусії навколо деяких аспектів його практик.

Ключові слова: С. Стамболов; Народно-ліберальна партія; «стамболовісти»; сучасна болгарська історіографія; державна політика пам'яті.

Миколенко Д. В. Стефан Стамболов в оценках современной болгарской историографии. В представленной статье анализируются труды современных болгарских авторов, посвященных деятельности государственника С. Стамболова. Автор рассматривает влияние традиций марксистской историографии, нынешней политики памяти в Болгарии, а также новейшей методологии исследования на освещение вопросов, связанных с международными и внутренними инициативами первого самостоятельного «стамболовистского» кабинета министров. Историк констатирует создание учеными в целом положительного образа политика, но вместе с тем отмечает продолжение дискуссии вокруг некоторых аспектов его практик.

Ключевые слова: С. Стамболов, государственный; Народно-либеральная партия; «стамболовисты»; современная болгарская историография; государственная политика памяти.

Mykolenko D. V. Stefan Stambolov in the Estimates of the Contemporary Bulgarian Historiography. The article analyzes the works of contemporary Bulgarian authors devoted to the activity of the statesman S. Stambolov. The author examines both the traditions of Marxist historiography and the current politics of memory in Bulgaria as well as the latest research methodology and their impact on the manner of illuminating the issues concerning international and domestic initiatives taken by the first «stambolovist's» government. The researcher draws the conclusion that the image of politician created by scientists is quite positive, but at the same time the ongoing discussion about some aspects of his practices is still evolving.

Keywords: S. Stambolov; People's Liberal Party; «stambolovists»; contemporary Bulgarian historiography; politics of memory.

Стефан Ніколов Стамболов (1854–1895 рр.) безумовно є однією з найбільш помітних постатей в історії Болгарії останньої чверті XIX ст. У доленосний для країни період, коли відбувалося становлення державності, він зійшов на політичну авансцену. Це сталося після перевороту 1886 р., організованого проросійськи налаштованими офіцерами болгарської армії, котрі заради налагодження відносин із Санкт-Петербургом вирішили відсторонити від влади князя Александра I Батенберга. С. Стамболов, будучи на той час головою Народних зборів, не підтримав заколотників, а організував контр-переворот з метою відновлення на троні законно обраного монарха. Взнявши гору в протистоянні, він протягом 1886–1887 рр. очолював Регентську раду – колегіальний орган здійснення повноважень глави держави, утворений після зречення Батенберга від княжого престолу. Обіймаючи цю посаду, С. Стамболов сприяв приходу на болгарський трон німецького принца Фердинанда Саксен-Кобург-Готського та обмеженню впливу Російської імперії на внутрішні справи князівства. Його принципова позиція щодо взаємин із Санкт-Петербургом, а також небажання останнього йти на компроміси з прагненнями Софії призвели до розриву в 1886 р. двосторонніх дипломатичних відносин.

З 1887 по 1894 р. С. Стамболов очолював уряд країни, поєднуючи виконання посадових обов'язків з членством у заснованій ним в середині 1880-х років Народно-ліберальній партії (НЛП). Реалізуючи свої владні повноваження, він застосовував авторитарні методи правління. Через це більшість громадськості країни сприймала його як диктатора.

Зворотню стороною його діяльності стали значні успіхи Болгарії у модернізації економіки та розвитку ринкових відносин. Крім того, Софія домоглася від Порти поступок у вирішенні на свою користь македонсько-одринської проблеми, а всупереч намаганням Росії ізолювати князівство на міжнародній арені С. Стамболову вдалося налагодити контакти з Австро-Угорщиною і Великою Британією, заручившись їхньою підтримкою у деяких сферах на міждержавному рівні.

Політична спадщина, що її залишив після своєї трагічної загибелі 1895 р. С. Стамболов, має суперечливий характер. Зміцнивши інститут монархії та забезпечивши легітимність правлячої династії, він відкрив Фердинанду шлях до встановлення на початку XX ст. режиму особистої влади. Протистояння між угрупованнями русофобів і русофілів, яке розпочалося за часів регентства С. Стамболова, протягом тривалого періоду залишалося найхарактернішою особливістю партійної системи країни та свідченням розколу в суспільстві. Надмірне розширення штату чиновників і поліцейського апарату, характерне для епохи перебування при владі «стамболовістів», стало невід'ємним атрибутом системи адміністративного управління Болгарії. Воно обтяжувало державний бюджет та зрештою спричинило декілька криз в економіці, що їх країна пережила наприкінці XIX – на початку XX ст. Наслідки ускладнення відносин з Росією, у тому числі й розрив з нею дипломатичних відносин, нагадували про себе і після відновлення у 1896 р. двосторонніх взаємин. Санкт-Петербург обрав собі нового фаворита на Балканах – Сербію та сприяв реалізації зовнішньополітичних амбіцій Белграда.

Російська дореволюційна історіографія¹ створила однозначно негативний образ політика, діяльність якого призвела до втрати взаємозв'язків із Санкт-Петербургом, а також сприяла встановленню режиму «кривавого терору» в Болгарії. Деякі спроби по-іншому оцінити роль С. Стамболова в історії робилися у Радянському Союзі в 1920-х – 1930-х роках: на тлі різкої критики зовнішньої політики Російської імперії починання болгарського прем'єр-міністра трактувались як прагнення захистити національні інтереси держави². Однак уже під час Другої світової війни зазначена тенденція змінилася попереднім дореволюційним підходом до інтерпретації ініціатив С. Стамболова: у нечисельних публікаціях³ радянських авторів із вказаної тематики він знову перетворився на негативного героя – цього разу провідника інтересів Німеччини й Австро-Угорщини на Балканах, типового представника буржуазії, котрий прагнув особистого збагачення за рахунок зловживань владою. Сучасні російські дослідники⁴ переглянули оціночні підходи своїх попередників щодо цілей, пріоритетів, засобів і методів ведення С. Стамболовим зовнішньої і внутрішньої політики. Його діяльність розглядається ними переважно у контексті розбудови національної держави, а також розвитку економіки і соціальної сфери. При цьому частіше підкреслюються саме заслуги регента і прем'єр-міністра у перетворенні Болгарії на модерну європейську країну.

У західній історіографії перші роботи, присвячені вивченню біографії С. Стамболова, з'явилися ще наприкінці XIX ст.⁵ В них ініціативи політика оцінювались однозначно позитивно. Свою позицію автори аргументували переважно тим, що С. Стамболов сприяв зміцненню незалежності своєї держави, а також її переорієнтації на Захід. Подібне визначення притаманне і сучасному американському вченому Д. Перрі, котрий вивчав процеси соціально-економічної і політичної модернізації Болгарії в останній третині XIX ст. В одному із своїх досліджень⁶ він підкреслив вагомий внесок прем'єр-міністра у перетворення відсталого аграрної країни на європейську державу.

А от у болгарській історіографії різні аспекти діяльності С. Стамболова інтерпретувались неоднозначно. На початку XX ст. з'явилися перші роботи⁷, котрі знов таки, стосуються вивчення біографії відомого державного діяча. Образ С. Стамболова, створений публіцистами й істориками у цей період, вирізняється суперечливістю. Одні характеризують його як національного героя та рятівника країни⁸, інші називають узурпатором, диктатором і русофобом⁹. Методи впровадження регентом і прем'єр-міністром концептуальних засад державної політики використовувалися в агітаційно-пропагандистських цілях. За часів Народної Республіки Болгарія (НРБ), коли жодної альтернативи дружнім взаєминам із СРСР не існувало, а в науці домінувала марксистська методологія, починання С. Стамболова пов'язувалися з егоїстичними класовими прагненнями промислової і торговельної буржуазії¹⁰. Незважаючи на те, що упродовж 1960–1980-х років болгарські вчені

все частіше виходили за рамки загальноприйнятої тоді версії щодо ролі політика у державотворчих процесах¹¹, підкреслюючи його заслуги у національно-визвольних змаганнях, захисті інтересів багьківщини тощо, більшість із них все ж залишалися вірними усталеному в історіографії канону¹².

Після «оксамитової революції» 1989–1990 рр. інтерес до діяльності С. Стамболова значно зріс. З одного боку, це було визначено недостатньою вивченістю окремих аспектів його правління, з іншого – соціально-економічною, політичною і моральною кризами у болгарському суспільстві після зміни режиму, що призвело до необхідності пошуку орієнтирів у минулому, здатних обґрунтувати новий вектор розвитку Болгарії, яка вступила на шлях відродження національної держави та поступової переорієнтації на західні країни. С. Стамболов якнайкраще підходив на роль героя. Про нього почали писати біографічні й документальні романи¹³, котрі пізніше лягли в основу сценаріїв до фільмів, порівнювати з видатними державними діячами XIX століття¹⁴, такими як О. Бісмарк і К. Кавур, його портрет зображено на одній із купюр національної валюти – номіналом у 20 левів, протягом 1990-х років на честь колишнього регента і глави уряду в різних містах і селищах Болгарії названо вулиці й майдани, побудовано пам'ятники¹⁵. Хоча жодне з офіційних свят країни – дні визволення від османської неволі (3 березня), об'єднання зі Східною Румелією (6 вересня), незалежності від Туреччини (22 вересня) та інші безпосередньо і не пов'язане з ім'ям С. Стамболова, проте кожного року з нагоди народження або смерті видатного державника біля місця його поховання й споруджених монументів відбуваються урочисті заходи, неодмінним атрибутом яких є покладання квітів і вінків.

У 1990-х роках в Республіці Болгарія були опубліковані перші збірники документів, котрі безпосередньо стосуються діяльності політика. Так, 1995 року завдяки кропіткій праці історика-юриста Наді Бояджієвої відбулась презентація книги¹⁵, яка вмістила промови С. Стамболова у Народних зборах. За допомогою цих парламентських виступів можна вивчати еволюцію ідеологічних поглядів засновника НЛП, його ставлення до конкретних політичних процесів. Особливо важливе значення має багатотомне видання¹⁶ архіву С. Стамболова, укладачами якого стали науковці Мілен Куманов і Дімітр Іванов^{**}. Воно представлено опублікованими у 1997 р. першими п'ятьма томами та іншими п'ятнадцятьма, надрукованими упродовж 2001–2005 років^{***}, котрі містять безліч різноманітних історичних джерел: епістолярну спадщину державника, стенограми виступів у парламенті, статті тощо. Наданий для широкого загалу матеріал дозволяє сформулювати уявлення про політичні судження діяча, особливості його взаємовідносин з іншими представниками болгарського істеблішменту, специфіку внутрішнього і зовнішнього курсів очолюваного ним уряду. В спеціальному альбомі¹⁷, створеному зусиллями тих же М. Куманова і Д. Іванова, зібрано й упорядковано візуальні джерела, які безпосередньо стосуються життєвих буднів і державотворчих діянь С. Стамболова. Серед них – світлини, гравюри, скановані мапи та інші документи, котрі фундаментально доповнюють багатотомний архів політика.

Таким чином, на зламі 1980–1990-х років значно зріс інтерес болгарських вчених до біографії колишнього глави Регентської ради і уряду. Водночас у зв'язку з тим, що значення і роль С. Стамболова в політиці історичної пам'яті кардинально змінилися, дискурс навколо його діяльності перейшов із суто наукової площини у сферу публічного обговорення та навіть боротьби за владу¹⁸. Останнє ставало на заваді об'єктивному ставленню громадськості до ідей і практик державника. На загал болгари продовжували неоднозначно сприймати С. Стамболова. Одні визнавали його національним героєм¹⁹, інші продовжували схилитися до комуністичної версії трактування ініціатив політика²⁰. Одноставною залишалася лише теза про суперечливість починань першого лідера НЛП²¹.

Вже згадуваний нами Д. Іванов у своєму нарисі²² акцентує увагу на притаманних роботам дослідників часів НРБ неоднозначних крайнощах: з одного боку – це герой-рево-

* 1995 року пам'ятники С. Стамболову було зведено в Софії і Велико Тирново, 1998-го – у Пловдиві, 2002-го – в місті Банкя.

** Винятком є перший том, в укладанні якого історик не брав участі.

*** Сімнадцятий і вісімнадцятий томи – це документальні збірники, які було упорядковано відповідно у 1995 і 1996 роках та випущено видавництвами «Отечествен фронт» і «Отечество».

люціонер, ліберал і демократ; з іншого – націонал-революціонер і буржуазний діяч, котрі проявлялися при розкритті образу С. Стамболова. Автор стверджує: «Характеристика [істориками-марксистами. – Д. М.] правління Стамболова як процесу особистої моральної та інтелектуальної деградації... є ненауковою»²³. «Його діяльність необхідно аналізувати невідривно від конкретних історичних умов»²⁴, – наголошує Д. Іванов.

У своїх наступних роботах²⁵ він зосередив основну увагу на тих аспектах політики державника, котрі раніше не знаходили достатнього відображення. Автор критикує поширене твердження, що С. Стамболову «...були притаманні нерішучість та різкі зміни у поглядах»²⁶. На думку дослідника, учасник Старозагорського і Квітневого повстань завжди залишався послідовним і принциповим у своїх діях, а наслідками його політики на посаді голови виконавчого органу став поступ болгарської нації, адже започатковані ним ініціативи сприяли розвитку економіки і культури країни. Одна з найбільш дискусійних проблем стосовно авторитарних методів реалізації влади першим самостійним урядом «стамболовістів» також трактувалася по-новому. Наприклад, запроваджені кабінетом міністрів переслідування опонентів під час виборчих процесів, на думку Д. Іванова, завжди мали законне підґрунтя²⁷.

Отже, автор намагається спростувати найбільш властиві історіографії НРБ штампи, які застосовувалися для характеристики політики С. Стамболова. При цьому твердження Д. Іванова, з нашої точки зору, недостатньо аргументовані, оскільки він не залучив нові, до того ще не застосовані джерела для доводу власної правоти.

Проблем, пов'язаних з діяльністю політика, торкнувся також Енчо Матеев²⁸. З приводу зовнішньополітичної орієнтації голови Регентської ради дослідник зазначає: «Стамболов ніколи не ставив під сумнів заслуги Росії у визволенні Болгарії, а пішов проти волі Санкт-Петербурга тому, що цього вимагали державні інтереси країни. У 1886 р. князівство стояло перед вибором: або іти шляхом незалежності й свободи, або перетворитися на підвладну територію. Обравши перше, Стамболов вчинив правильно»²⁹. Розмірковуючи над наслідками правління регента і прем'єр-міністра для подальшого розвитку держави, Е. Матеев намагається виправдати його за те, що привів на болгарський престол Кобурга: «Для Стамболова і Батенберг, і Фердинанд не мали ніякого значення як особистості, а були лише персоналізацією конкретного інституту, котрий став символом незалежності країни». При цьому автор стверджує про наявність у політика негативних рис: «Недостатні інтелектуальна зрілість та сила характеру завадили втіленню в життя великих перспектив Третьої держави»³⁰.

Втім далеко не всі історики, котрі працювали у Болгарії наприкінці 1980-х – на початку 1990-х років, підтримували зміни в країні та погодилися з новими трендами політики пам'яті. Дехто із публіцистів і науковців продовжував оцінювати діяльність С. Стамболова, застосовуючи попередні методологічні підходи. Так, Страшимир Пеневські називає державника диктатором, котрий дбав виключно про власні інтереси та «залишив жакливі й огидні спомини про власне восьмирічне правління»³¹.

Професор історії Іскра Баєва, яка нині представляє створену 1990 р. колишніми комуністами доволі впливову і на сьогоднішній день в країні Болгарську соціалістичну партію, в одній із робіт³² не ставить під сумнів політичний талант, а також заслуги С. Стамболова у забезпеченні незалежного від Росії зовнішнього курсу Софії. Але разом з тим вона критикує його за диктаторські методи управління та різке протиставлення великим державам, що мало негативні наслідки для держави.

Один із лідерів іншої політичної сили лівого спрямування – Соціалістичної партії «Болгарський шлях», котра послідовно демонструє яскраво виражену орієнтацію на Москву, професор економіки Ангел Дімов написав книгу «Злодіяння Кобургів у Болгарії»³³. У цій роботі С. Стамболов постає у негативному образі. Автор акцентує увагу на його індивідуальних рисах політика – властолюбстві, надмірній пристрасі до азартних ігор, недовірливості, а також критикує за корупційні схеми, що існували у період його прем'єрства³⁴. Найбільшою помилкою С. Стамболова вчений вважає запрошення на болгарський престол німецького принца Фердинанда, чие перебування при владі обернулося для країни двома національними катастрофами.

Починаючи з середини 1990-х років, у болгарській історичній науці почали домінувати інші судження відносно С. Стамболова. 1994 року в Софії і Велико Тирново відбулися

масштабні конференції, приурочені 140-річчю від дня народження державного діяча. Вони стали важливою віхою у переосмисленні діяльності цього видатного політика. Тогочасний президент Болгарської Республіки Ж. Желев у вступній промові на пленарному засіданні в столиці назвав С. Стамболова одним із засновників ліберального руху в країні, а представник партії «Політичний клуб “Конституційний форум”» Н. Генчев – державником, котрий заклав підвалини новітньої Болгарії. На вказаних конференціях були представлені доповіді, присвячені участі С. Стамболова у національно-визвольному русі та діяльності на посаді регента і прем'єр-міністра, а також озвучені матеріали із особистого архіву політика, що проливають світло на генеалогію його роду. Матеріали обох наукових форумів наступного року були опубліковані одним збірником³⁵ під редакцією вже згаданого нами Д. Іванова.

У порівнянні зі своїми надрукованими у період існування НРБ працями³⁶, історик Андрей Пантев після 1990 р. суттєво скорегував власні оцінки щодо ініціатив С. Стамболова. «Політик, – констатує автор у черговій роботі, – сприяв внутрішній стабілізації режиму, господарчій модернізації, національній консолідації, а згодом повернув країну в лоно ефективної демократії»³⁷.

А. Пантев підкреслює досягнення прем'єра у посиленні впливу Екзархату на територію європейських віластів Османської імперії – Македонії і Фракії, а саме призначення болгарських владик у кількох епархіях, розташованих у вказаних областях, а також загалом добросусідські відносини між Софією і Стамбулом, що встановилися завдяки зусиллям лідера «стамболовістів». На підставі наявності вказаних успіхів дослідник робить сміливе і не характерне для істориків припущення: «Для [Стамболова – Д. М.] не склало б труднощів уникнути помилок 1913 і 1915 років, [очевидно, пов'язаних з втраченою Софією більшої частини македонських земель – Д. М.]»³⁸. Таким чином, автор вважає політику болгарського регента і прем'єра щодо реалізації проекту національного об'єднання найбільш прийнятною для країни, а відхід від неї у 1910-х роках називає основною причиною краху сповідань на реалізацію зазначеної мети.

Вчений виправдовує як жорсткий авторитарний режим, встановлений прем'єр-міністром, так і його кроки на міжнародній арені³⁹. Займаючи активну громадську позицію, А. Пантев неодноразово переносив заходи С. Стамболова на болгарську політичну дійсність початку ХХІ ст. У чисельних інтерв'ю і публіцистиці історика засновник НЛП постає взірцем для нинішнього і майбутнього поколінь істеблішменту країни⁴⁰.

Відомий науковець Радослав Попов на основі широкої джерельної бази розглядає болгарсько-російські взаємини періоду регентства і прем'єрства С. Стамболова у 1886–1894 рр., враховуючи при цьому загальну картину міжнародних відносин в Європі. Автор звертає увагу не лише на досягнення, а й на прорахунки офіційної Софії. Серед останніх називаються безрезультатні переговори із Санкт-Петербургом у 1888 і 1891 роках з приводу відновлення двосторонніх дипломатичних зв'язків⁴¹.

Безумовною заслугою істориків, які професійно відбулися за часів НРБ та наприкінці 1980-х – упродовж першої половини 1990-х років продовжували працювати над вивченням діяльності С. Стамболова, є те, що вони у більшості своїй зуміли переглянути власні судження, а в деяких випадках визнати помилки. Поступово вчені почали залучати нові, нехарактерні для науки комуністичного періоду, методологічні прийоми, наприклад, розглядати особистісну специфіку С. Стамболова, особливості його характеру як фактори, котрі визначали політичні кроки державника на посаді регента і прем'єр-міністра. Завдяки залученню все нових і нових джерел дослідники стали глибше розуміти і ширше трактувати умови, в яких визрівали ідеї і практики засновника НЛП.

Генерація професійних істориків, котра сформувалася упродовж 1980-х – 1990-х років, визнала за С. Стамболовим заслуги у зміцненні боєздатності армії⁴², модернізації економіки й соціальної і культурної сфери⁴³, вирішення македонського питання⁴⁴. Але найбільш суперечливими, як і раніше, залишалися його міжнародна орієнтація та методи реалізації влади. Мілко Палангурскі у двох монографіях і деяких статтях детально розглянув одну із основних складових політичної системи країни – виборчі процеси⁴⁵. Він звертає увагу на чисельні, відпрацьовані у період прем'єрства С. Стамболова, усталені практики і механізми, які дозволяли забезпечувати бажаний результат волевиявлення населення та настільки міцно закріпилися, що нагадували про себе упродовж тривалого часу після від-

ставки голови уряду⁴⁶. У цілому М. Палангурські високо оцінює заслуги державника перед батьківщиною, зазначивши в одному з інтерв'ю, що С. Стамболов є фактично «...єдиною постаттю Болгарії періоду становлення державності» і саме йому, з точки зору дослідника, належить авторство концепції зовнішнього-політичного курсу країни, якому вона слідує й понині⁴⁷.

Серед найбільш важливих питань діяльності регента і прем'єр-міністра у 1886–1894 рр., які можуть суттєво вплинути на загальну оцінку його заходів та дотепер не знайшли достатнього висвітлення в роботах сучасних болгарських істориків, залишається політична спадщина С. Стамболова. Свого часу це поняття ввів до наукового обігу А. Пантев⁴⁸, однак з тих пір не було презентовано жодної спеціальної роботи, котра б стосувалася вказаної проблеми. Єдиною площиною, в якій хоча й частково, та все ж проводилися дослідження цього питання, стало вивчення подальшого функціонування Народно-ліберальної партії, котра після смерті свого засновника продовжувала залишатися однією з провідних політичних сил країни та основним хранителем і ретранслятором спадщини С. Стамболова. Великий внесок у розкриття зазначеної проблеми зробив відомий історик Дімітр Саздов. У деяких своїх статтях⁴⁹ він відобразив ставлення «стамболовістів» до відновлення у 1896 р. дипломатичних зв'язків з Росією, а також стратегію і тактику членів НЛП у боротьбі за повернення до влади, їхні взаємовідносини з монархом тощо.

Таким чином, упродовж 1990-х – 2010-х років у Болгарії було опубліковано значну кількість наукової літератури, яка стосується державотворчих ініціатив С. Стамболова на посаді голови Регентської ради і кабінету міністрів. Аналіз цих публікацій виявив спробу деяких авторів відродити те, що свого часу французький вчений П'єр Нора назвав національним романом, а також стійку тенденцію, направлену на реабілітацію Стамболова як одного із героїв подібних робіт та створення його позитивного образу. З іншого боку, частина дослідників і надалі вважає більш доречною, а тому й популяризувала створену ще за часів Третього болгарського царства «народняком»^{*} М. Маджаровим та підтриману істориками НРБ версію про негативні для держави наслідки правління першого самостійного уряду «стамболовістів». Отже, можна констатувати, що в академічному середовищі істориків Болгарії продовжуються дискусії навколо деяких аспектів діяльності Регентської ради і уряду на чолі зі С. Стамболовим, наприклад, зовнішнього курсу, а також методів реалізації влади. Наявність сьогодні іноді протилежних думок щодо ролі колишнього регента і прем'єр-міністра у болгарському державотворенні зумовлена політизованістю представленої теми та пропагуванням партіями країни різних варіантів державної політики історичної пам'яті. Проте існування широкого кола дискусійних питань, пов'язаних із зазначеною проблематикою, залишає поле для досліджень сучасних науковців. На нашу думку, глибоке вивчення такого феномену, як політична спадщина С. Стамболова, котра визначала розвиток країни і після його відставки й загибелі, здатне суттєво скорегувати уявлення про місце і значення видатного державника в історії Болгарії.

¹ *Матвеев П. А.* Болгария после Берлинского конгресса: Исторический очерк. – СПб.: Типография В.С. Балашев и К^о, 1887. – 345 с.; *Овсянный Н. Р.* Болгария и болгары. – СПб.: Военная типография, 1900. – 365 с.; *Погодин А. Л.* История Болгарии. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. – 224 с.; *Ястребов Н. В.* История болгарского народа / Н. В. Ястребов, П. А. Лавров. – Петроград: Типо-литография И. Юделевич, 1916. – 544 с.

² *Северцев П.* Царская дипломатия на Балканах (Из воспоминаний) // *Международная жизнь.* – Москва; Петроград, 1923. – № 1. – С. 148–160; *Гримм Э. Д.* К истории русско-болгарских отношений // *Новый Восток.* – 1924. – Кн. 5. – С. 68–85; *Сидельников С. И.* Авантюра русского царизма в Болгарии (1878–1896 гг.) // *Ученые записки Ленинградского государственного университета: Серия история.* – 1939. – Т. 36. – Вып. 3. – С. 145–180.

³ *История Болгарии / Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина.* – М.: Академия наук СССР, 1954. – Т. 1. – 576 с.; *Киняпина Н.* Болгария в балканской политике России (1886–1896 гг.) // *Отечественная история.* – 1992. – № 2. – С. 43–55.

* «Народняки» – члени Народної партії, однієї з найбільш впливових політичних сил наприкінці XIX – на початку XX ст. Заснована 1894 р. після падіння режиму С. Стамболова колишніми консерваторами князівства, південно-болгарськими «з'єдністами» та деякими членами інших угруповань.

⁴ *Косик В.* Размышления о судьбах Болгарии, Стефана Стамболова, государственности // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.). – СПб.: Алетей, 2006. – С. 117–124; *Гришина Р.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – 256 с.

⁵ *Биман А.* Стамболов: Биография. – С.: Наука и искусство, 1990. – 220 с.

⁶ *Perry D.* Stefan Stambolov and the Emergence of Modern Bulgaria, 1870–1895. – Durham: Duke University Press, 1993. – 279 p.

⁷ *Радев С.* Строителите на съвременна България: Царуването на кн. Александра 1879–1886. – С.: Т. Пеев, 1910. – Т. 1. – 835 с.; *Його ж.* Строителите на съвременна България: Регентството. – С.: П. Глушков, 1911. – Т. 2. – 835 с.

⁸ *Генадиев П.* Стефан Стамболов: Исторически случаи от живота на български политически дейци. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1991. – 165 с.

⁹ *Маджаров М.* От самовластие към свобода и законност. – С.: Мир, 1936. – 81 с.

¹⁰ *Йоцов Я.* Класи и партии у нас до 1923 година // Исторически преглед. – 1947. – № 2. – С. 177–193; *Христов Х.* Към характеристиката на Стамболовия режим // Исторически преглед. – 1951. – № 1. – С. 19–49.

¹¹ *Дечев С.* Нежеланият Стамболов: Раждането на новата интерпретация за Стамболов и стамболовизма в българската историография в края на 40-те и началото на 50-те години на XX век // Анамнеза. – 2008. – № 2. – С. 3–84.

¹² *Пантев А.* Англия и България в европейската криза през 1887 г. // Известия на Българското историческо дружество. – 1972. – Т. 28. – С. 91–116; *Стателова Е.* Политика, партии, печат на българската буржоазия 1909–1912. – С.: Наука и искусство, 1973. – 186 с.; *Танкова В.* Проблеми на организационното устройство и развитие на Народнолибералната партия (1886–1894) // Векове. – 1988. – № 5. – С. 21–30.; *Ий ж.* Формиране на Народно-либералната (стамболовистка) партия в Пловдив (1887–1894) // Известия на музеите от Южна България. – Пловдив, 1989. – Т. 15. – С. 299–317.

¹³ *Терзиев К.* Стефан Стамболов. – С.: Български писател, 1993. – 368 с.; *Даскалов Х.* След иго: Стефан Стамболов. – С.: ФУМИ Прес, 1994. – 136 с.; *Иванов Н.* Избраникът: Исторически роман. – Велико Търново: Абагар, 1994. – 172 с.; *Його ж.* Последните дни на Стефан Стамболов. – С.: Родина, 1995. – 64 с.

¹⁴ *Петков З.* За нашето героично минало // Всяка неделя. – 1993. – № 35. – С. 16–19; *Його ж.* Бисмарк на Балканите [Стефан Стамболов] // Новини плюс. – 1995. – № 14. – С. 14, 19.

¹⁵ Стефан Стамболов пред Народно събрание: Избрани речи / Съст. Н. Бояджиева. – София, 1995. – 146 с.

¹⁶ Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / Съст.: М. Куманов. – С.: Отечество, 1997. – Т. 1. – 623 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Отечество, 1997. – Т. 2. – 430 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, рапорти 1890) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Отечество, 1997. – Т. 3. – 687 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, рапорти, записки 1891) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Отечество, 1997. – Т. 4. – 574 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки, доклади, дневници) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Отечество, 1997. – Т. 5. – 447 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, рапорти, записки) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2001. – Т. 6. – 920 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки, доклади, дневници) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2001. – Т. 7. – 913 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки, доклади, дневници) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2002. – Т. 8. – 847 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми 19. V. 1894 – 5. VII. 1895) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2002. – Т. 9. – 723 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, бележки) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2001. – Т. 10. – 819 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки, доклади) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2002. – Т. 11. – 681 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки 1888) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. – Т. 12. – 707 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки, доклади, дневници) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. – Т. 13. – 414 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, рапорти, бележки 1890) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. – Т. 14. – 573 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, записки, доклади, дневници) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. – Т. 15. – 995 с.; Стефан Стамболов: Личен архив (писма, телеграми, рапорти, записки) / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. – Т. 16. – 827 с.; Стефан Стамболов: Парламентарни речи: 1879–1894 / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. – Т. 17. – 550 с.; Стефан Стамболов: Публицистика 1875–1895 / Съст.: М. Куманов,

Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1996. – Т. 18. – 570 с.; Стефан Стамболов: Биографии / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. – Т. 19. – 1167 с.; Стефан Стамболов: Биографии / Съст.: М. Куманов, Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. – Т. 20. – 980 с.

¹⁷ Стефан Стамболов: албум / Съст. М. Куманов, ред. Д. Иванов. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. – 333 с.

¹⁸ *Генчев Н.* Докато България чака нов Стамболов: Доган командва правителство и парламент: интервю // Дума. – 1993. – № 135. – С. 9; *Петров С.* Костов откъсна сегмент от ореола на Стамболов // Труд. – 1995. – № 128. – С. 10, 11; *Георгиева К.* Кого сънува Иван Костов: на бившия премиер му допадна сравнението със Стамболов заради силната воля на неговия предшественик // Монитор. – 2002. – № 1217. – С. 1, 11.

¹⁹ *Радев С.* Делото на Стамболов през погледа на новото време // Земя. – 1994. – № 68. – С. 5; *Радев Т.* Щит и знаме на България: 97 г. от убийството на Стефан Стамболов // Македония. – 1992. – № 29. – С. 1, 6; *Його ж.* Държавникът, който носеше сърце на поет, но беше човек на дълга: 100 г. от гибелта на Стефан Стамболов // Демокрация. – 1995. – № 153. – С. 6; *Його ж.* Достойнството на българина стои над всичко: непубликувани истини за семейството на Стефан Стамболов // Пари. – 1998. – № 121. – С. 10; *Радков П.* Живков беше най-големият след Стамболов // Народен глас. – Ловеч, 2005. – № 65. – С. 3.

²⁰ *Грънчаров С.* Русофилските политически партии, организации и управления в България (август 1886 – август 1887 г.) // Политически партии, организации и управления в България: 1879–1944 г. – С.: Изд-во на БАН, 1983. – С. 121–150.

²¹ *Петрова М.* Възвеличаваният и поругаваният: 144 г. от рождението на Стефан Стамболов // Про & Анти. – 1997. – № 4. – С. 8; *Петров З.* Колоритна, амбициозна, противоречива личност: Стефан Стамболов – познатият и непознатият // Вечерни новини. – 1993. – № 75. – С. 3; *Петров П.* Преди и след Стамболов // Българска армия. – 1995. – № 13754. – С. 3.

²² *Иванов Д.* Стефан Стамболов: Историко-публицистичен очерк. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1990. – 163 с.

²³ Там само. – С. 9.

²⁴ Там само. – С. 10.

²⁵ *Иванов Д.* Стефан Стамболов – българската енергия. – С.: Арес Прес, 1993. – 222 с.; *Його ж.* Мъжка орис: Стефан Стамболов – българската енергия. Противопоставянето. Български образи. – С.: З. Стоянов, 2001. – 539 с.; *Його ж.* Стефан Стамболов – от перото до ятагана. – С.: Книгоиздателска къща «Труд», 2005. – 191 с.

²⁷ *Иванов Д.* Мъжка орис: Стефан Стамболов – българската енергия. Противопоставянето. Български образи. – С.: З. Стоянов, 2001. – С. 197.

²⁷ Там само. – С. 206.

²⁸ *Матеев Е.* Държавникът Стефан Стамболов. – С.: Летописи, 1992. – 224 с.

²⁹ Там само. – С. 42.

³⁰ Там само. – С. 65.

³¹ *Пеневски С.* Кой бяхте вие, Стамболов: През погледа на съвременниците. – С.: СамИздат, 1992. – С. 34.

³² *Баева И.* Основни тенденции във външната политика на модерната българска държава. – URL: https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKewiMx_iN28XMAhVDiivKHfeCBegQFggcMAA&url=http%3A%2F%2Fbdi.mfa.government.bg%2Finfo%2FModule%252001%2520-%2520Institucionalna%2520ramka%2520na%2520vanshnata%2520politika%2520FIskra%2520Baeva%2520-%2520Vanshna%2520politika.doc&usq=AFQjCNFRi4rtsy5pl6MJU8r18jU4EUYP2Q&bvmt=bv.121421273.d.bGg (дата звернення: 07.08.2016).

³³ *Димов А.* Злодеяния на Кобургите в България. – С.: Български аграрен съюз, 2005. – 108 с.

³⁴ Там само. – С. 68.

³⁵ Стамболов и България: Сборник доклади и съобщения, изнесени на научните конференции в София и Велико Търново по случай 140 години от рождението на Стефан Стамболов / Ред. Д. Иванов. – С.: Арес Прес, 1995. – 164 с.

³⁶ *Пантев А.* Англия, Германия и българският въпрос (август 1887 – март 1890) // Българо-германски отношения и връзки: Изследвания и материали. – София, 1972. – Т. 1. – С. 106–107; *Його ж.* Англия и България в европейската криза през 1887 г. // Известия на Българското историческо дружество. – 1972. – Т. 28. – С. 91–116; *Його ж.* Англия срещу Русия на Балканите (1879–1894). – С.: Наука и изкуство, 1972. – 308 с.

³⁷ *Пантев А.* За Стефан Стамболов в часа на България. – С.: Едем 21, 1995. – 206 с.

³⁸ Там само.

³⁹ *Пантев А.* Чрез турско-българската държава Стамболов е искал да запази целостта на българския етнос: интервю // Труд. – 1992. – № 286. – С. 1; *Його ж.* Стратегическата стойкост на България в коалициите на Великите сили (1881–1897) // Модерна България. – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1996. – С. 41–62.

⁴⁰ *Пантев А.* Отново и още за Стамболов // АБВ. – 1992. – № 7. – С. 3; *Його ж.* Още едно завръщане на Стамболов // Български журналист. – 1993. – № 8. – С. 49–50; *Його ж.* Стамболов е достатъчно ярък, за да го спропираме: интервю // Отечествен вестник. – 1994. – № 14427. – С. 12; *Його ж.* Хроника на едно презивсвеното убийство: 100 г. от смъртта на Стефан Стамболов // Стандарт news. – 1995. – № 1008. – С. 12–13; *Його ж.* От Левски до Стамболов: 122 г. от обесването на Апостола // Литературен форум. – 1995. – № 7. – С. 1; *Його ж.* Последното пророчество на Стефан Стамболов // Литературен форум. – 1995. – № 27. – С. 1, 6; *Його ж.* Стамболов – съвременникът от миналия век: 145 г. от рождението му // Земя. – 1999. – № 21. – С. 3; *Його ж.* Костов, не се вжелявай те, че сте Стамболов! // Земя. – 2000. – № 181. – С. 8; *Його ж.* Стефан Стамболов пред прага на нова забрава // Новинар. – 2000. – № 156. – С. 8; *Його ж.* Стамболов е една от опорите срещу националното ни обезличаване // Монитор. – 2001. – № 712. – С. 18.

⁴¹ *Попов Р.* Русия против Стамболов или Стамболов против Русия? – С.: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2000. – С. 78.

⁴² *Петров Т.* Начало на модернизацията в българската армия (1886–1903 г.) // Военноисторически сборник. – 2004. – Кн. 4. – С. 19–22.

⁴³ *Радев И.* Моят Стефан Стамболов. – Велико Търново: ПИК, 1999. – 207 с.

⁴⁴ *Цветков Ж.* Сблъсъкът: Фердинанд, Стамболов, Русия (1886–1896). – С.: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. – 248 с.

⁴⁵ *Палангурски М.* Държавно-политическата система на България (1879–1919). – Велико Търново: Слово, 1995. – 150 с.; *Його ж.* Избирателната система в България (1879–1911 г.). – Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2007. – 271 с.; *Його ж.* Избори по стамболовисти (1887–1894 г.). – Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2008. – 280 с.; *Його ж.* Подготовка, провеждане и утвърждаване на изборите на VII ОНС през 1893 г. // България, българите и Европа. – Велико Търново, 2008. – Т. 2. – С. 115–143.

⁴⁶ *Палангурски М.* Избирателната система в България (1879–1911 г.). – Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2007. – С. 142.

⁴⁷ *Палангурски М.* Стамболов даде геостратегическата посока на България. – URL: http://dariknews.bg/view_article.php?article_id=1211040 (дата звернення: 07.08.2016).

⁴⁸ *Пантев А.* Противоречивото наследство на Стефан Стамболов // Векове. – 1981. – № 5. – С. 69–77.

⁴⁹ *Саздов Д.* Буржуазна опозиция и възстановление отношений между Болгарией и Россией в 1896 году // Bulgarian Historical Review. – 1983. – № 4. – Р. 39–60; *Його ж.* Българските буржоазни партии, кризата в монархическата институция и възстановяването на руско-българските отношения (1887–1896) // Модерния историк: Въображение, информираност, поколения. – С.: Д. Убенова, 1999. – С. 114–121.

ПРОЕКТ НІЖИНСЬКОЇ ГІМНАЗІЇ ВИЩИХ НАУК ПРОФЕСОРА АФАНАСІЯ СТОЙКОВИЧА 1805 РОКУ

В. Л. Маслійчук

Маслійчук В. Л. Проект Ніжинської гімназії вищих наук професора Афанасія Стойковича 1805 року. Публікація пропозицій професора Харківського імператорського університету Афанасія Стойковича розкриває його педагогічні погляди. План створення Ніжинської гімназії свідчить про ознайомлення науковця і педагога сербського походження з провідними європейськими педагогічними вченнями, обізнаність з основною літературою з гуманітарних та точних наук, спроби удосконалити освіту в Російській імперії. Цей твір дає змогу ширше висвітлити діяльність непересічної постаті в ранній історії Харківського імператорського університету.

Ключові слова: педагогіка; Харківський університет; Афанасій Стойкович; Ніжинська гімназія; едукативні проекти.

Маслійчук В. Л. Проект Нежинской гимназии высших наук профессора Афанасия Стойковича 1805 года. Публикация предложенных профессором Харьковского императорского университета Афанасия Стойковича раскрывает его педагогические взгляды. План создания Нежинской гимназии свидетельствует об ознакомлении ученого и педагога сербского происхождения с ведущими европейскими педагогическими взглядами, знанием основной литературы по гуманитарным и точным наукам, о попытках усовершенствовать образование в Российской империи. Проект дает возможность более широко представить деятельность этой яркой личности в ранней истории Харьковского императорского университета.

Ключевые слова: педагогика; Харьковский университет; Афанасий Стойкович; Нежинская гимназия; образовательные проекты.

Masliychuk V. L. The Project of Nizhyn Gymnasium of Higher Sciences by Professor Athanasius Stojkovich of 1805. The publication of proposals of professor of Kharkiv Imperial University Athanasius Stojkovich reveals his pedagogical views. The plan of creation of Nizhyn gymnasium indicates acquaintance of the scholar and teacher of Serbian origin with a leading European academic teachings, his awareness of the major literature on humanities and the exact sciences, and attempts to improve education in the Russian Empire. The project enables wider elucidation of the activity of this bright figure in the early history of Kharkiv Imperial University.

Keywords: pedagogy; Kharkiv University; Athanasius Stojkovich; Nizhyn gymnasium; educational projects.

Однією з основних проблем історії освіти на українських землях другої половини XVIII – початку XIX ст. є наявність певної кількості планів та проектів щодо заснування й функціонування тих чи тих навчальних закладів¹. Для історика освіти навіть нереалізовані проекти дають досить значний матеріал для розуміння поширення ідей Просвітництва на цих теренах, умов учительської праці та поглядів на значення освіти. До всього, ці проекти містять чимало педагогічних зауважень і пропозицій, важливих для розуміння засад сучасної педагогіки.

Окремим питанням може бути роль вихідців з балканських країн у створенні навчальних проектів або й, ширше, загалом життя і діяльність діячів освітньої галузі з іммігрантів у тогочасних умовах на території підімперської України. Сербі, хорвати, чорногорці були причетні до низки перетворень та реформ у часи становлення освітньої системи Російської імперії. Власне, відомо училищну реформу в 80-х рр. XVIII ст. здійснював серб Федір Янкович де Мірієво². На території України одним із перших освітніх діячів сербського походження був директор училищ Чернігівського намісництва 1793–1796 рр. Стефан Ожеговець де Винарець³. Вихідців із Балкан, особливо з підвладної Австрійській імперії частини, бачимо в Харківському навчальному окрузі під час проведення освітньої реформи на початку XIX ст. Досить помітними постатями, зокрема, були вчителі, філософи, а потому й викладачі Харківського імператорського університету Сава Милинович та

Андрій Дудрович (загалом в університеті у перше десятиліття його існування викладали сім вихідців із Балкан)⁴. Маючи вже непогану університетську освіту, сербські вчителі та науковці залишили доволі помітний слід в історії шкільництва.

Окремою і досить значною постаттю в освіті був професор Афанасій (Атанасіє) Стойкович (1773–1832). Стойкович походив з містечка Руми (Воєводина) і протягом юності й молодості здійснив серйозну мандрівку по університетах Австрійської імперії та Німеччини, насамкінець навчався в Геттінгені, а докторський ступінь отримав у Тюбінгені⁵. Перед приїздом до Харкова напередодні відкриття університету одним із перших серед запрошеної професури в 1803 р. Стойкович уже мав непогані здобутки (поміж тим і кілька художніх творів сербською мовою та тритомний курс фізики), атестати від найкращих німецьких професорів⁶. Науковець став першим професором фізики Харківського імператорського університету (посів кафедру) та деканом відділення фізичних і математичних наук, увійшов до училищного комітету. Афанасій Стойкович залишив по собі дуже істотний слід передусім завдяки своєму ректорству в Харківському університеті (1807–1808; 1811–1813 рр.) і добре описаній справі щодо його зловживань⁷. За обґрунтованим звинуваченням ад'юнкта та архітектора Євгенія Васильєва, Стойкович, користуючись ректорською владою, займався перепродажем вина та іншими комерційними обладнаннями, незаслужено утискав ад'юнкта. Суд над Стойковичем відбувся з численними порушеннями університетського статуту. Справа була дуже гучною, про неї пам'ятали навіть через шістьдесят років⁸. Найголовніше, що скаргу Васильєва розглядали Вчена рада і правління університету, усунувши ректора. Формально Стойковича було звільнено з посади ректора в 1813 р. за «станом здоров'я», з часом він покинув Харків і помер у Петербурзі 1832 р.⁹

Серед істориків Харківського університету склалося ставлення до Стойковича як до такого собі пройдисвіта («ловкий и искусный диалектик»), людини без моралі, компілятора, майстра інтриги¹⁰, «першого іноземного ректора, вигнаного з ганьбою»¹¹. Однак таке ставлення є дещо упередженим. Важко сперечатися про ґрунтовність звинувачень чи резонанс справи щодо спекуляцій ректора, однак слід зважити на загальний контекст провин Стойковича та критику окремих джерел. Основну характеристику Афанасія Стойковича складено на основі особистого джерела – спогадів Крістофа Дітріха Роммеля; офіційний матеріал, переказаний Миколою Лавровським, дещо відрізняється від суворих Роммелевих оцінок. Крістоф Роммель і Йоганн Шад були тими двома іноземцями, які разом із російською професурою виступили проти ректора Стойковича 1813 р.¹² Як один із перекладачів і коментаторів спогадів Роммеля українською мовою, маю зазначити, що ці спогади, написані професором на батьківщині на схилі віку, багато в чому є засобом виправдатися щодо своєї втечі від бонапартистської держави в Гессені, невдалого викладання в Харкові та покинутої в Росії дружини¹³. Але навіть характеристика від Роммеля не є однозначною, він сміливо називає Стойковича «нашим добрим і злим демоном», передає чутки про комплікативний характер його творів та зазначає про корупційну діяльність, але визнає його освіченість і причетність до створення наукового товариства та парубочього клубу для професорів¹⁴. Щодо моральних якостей і наукового доробку перших харківських професорів можна навести чимало негативних прикладів, користування особистісними спогадами містить багато пасток для історика.

Це окрема тема для дискусій, однак дещо зупинимося на цьому досить важливому та дражливому питанні ранньої історії Харківського імператорського університету. За останні роки світ побачили три важливих видання спогадів, прямо пов'язаних з історією Харківського університету тих часів: насамперед, це мемуари професора Людвіга Якоба¹⁵; досить уривкові але й насичені деталями спогади Романа Цебрикова, який відвідав свою батьківщину, Харків, у час ректорства Афанасія Стойковича¹⁶; нотатки Івана Лобойка, харківського студента, а пізніше віленського професора¹⁷. Тобто перед дослідником – спогади колеги, стороннього спостерігача та студента. У всіх спогадах Стойкович як професор і організатор науки оцінений позитивно. Роман Цебриков із християнським моралізаторством засуджує торговельні обладнання ректора та його користюлюбство, але визнає, що охоче читав праці цього науковця і дуже шкодує, що Стойкович покинув наукову працю¹⁸. Людвіг Якоб теж досить суворий в оцінці Стойковича, проте визнає, що загальна освіченість Стойковича була блискучою (*vortrefflich*), він чудово володів мовами

(«говорив із німцями як німець, а з росіянами як росіянин»), але мораль цього чоловіка була не суворою, він мав надмірні амбіції стати ректором. Ворожнеча щодо Стойковича відчувалась уже під час приїзду професора Якоба до Харкова у 1807 р., йому негативно характеризували Стойковича перед знайомством, але надалі для будь-яких образ не було підстав, навпаки – у ставленні до себе Якоб спостерігав від Стойковича лише позитив¹⁹. Іван Лобойко взагалі дуже позитивно характеризує Стойковича як хорошого викладача та адміністратора²⁰. Попри халепу, в яку вскочив Стойкович 1813 р., автори спогадів визнають його науковий та викладацький талант. Тобто переносити мемуарні характеристики на поле діяльності тих чи інших осіб варто з певною обережністю.

Торгівля Стойковича вином, виписаним з Угорщини й перевезеним за професорськими квотами безмитно, річ незаперечна, але й доволі плутана. Афанасій Стойкович виявився жертвою не стільки свого користолюбства, скільки своєї політики посередництва між партіями російських і німецьких професорів. Іван Лобойко називає Стойковича взагалі «серед німців»²¹. Після подій 1812 р. було зрозуміло, що німецька партія в програвші. А своїми обладками під час обмеженого фінансування університету та знецінення грошей у період війни 1812 р. Стойкович налаштував проти себе як одних, так і інших. Між тим, у дуже ґрунтовній праці з історії Харківського університету Дмитра Багалія, який негативно ставився до діяльності Стойковича, наведено приклади ксенофобії щодо іноземців, студентів та професорів після перемоги над Наполеоном²². Ректор усе ж залишався іноземцем, проти якого спрямовувалася вся негативна критика. Але відставка ректора внаслідок рішення Вченої ради та правління – досить незвична річ для тогочасної освітньої системи Російської імперії. Зважену оцінку тим подіям дав історик Микола Лавровський ще до праць Дмитра Багалія, поєднавши у своїй розвідці дві статті – про ректорство Афанасія Стойковича та іншого пізнішого вигнанця Йоганна Шада²³.

Роль Стойковича в постанні та першому десятилітті існування університету незаперечна, він входив до трійки провідних професорів. Крім усього, Стойкович дійсно мав хороші організаторські здібності, що давало йому змогу обійняти посаду ректора ще в 1807–1808 рр. Так само, мабуть, слід схилитися до оцінок, висловлених щодо особи Афанасія Стойковича Сергієм Страшнюком: серб-ректор дійсно був дуже визначною постаттю в історії університету – першим філософом-матеріалістом в університеті, хорошим викладачем фізики (автор загальноімперського підручника, створив новітній на той час фізичний кабінет), постаттю, яка серйозно зважала на проблеми харківської екології. Тут варто погодитися з оцінкою одного з істориків університету Людовіка Яновського, що Стойкович був «прекрасною науковою силою»²⁴. І, слід додати, дічем, який прагнув зробити внесок і в організацію навчального процесу, і в педагогічну практику. Треба відзначити дійсно педагогічне спрямування в діяльності Стойковича – його перша відома робота (з фізики сербською мовою), значна частина його праць харківського періоду мають пояснювальний, підручниковий характер («Начальные основания умозрительной и опытной физики» (1809), «Начальные основания физической географии» (1813), «Начальные основания физической астрономии» (1813)). Та найцікавіша його праця в цій царині вийшла в Петербурзі у 1831 р., напередодні смерті професора: «О неблагоприятном и превратном домашнем воспитании детей: В примерах по способу Сальцмана. Книга для родителей и наставников в двух частях» (СПб., 1831).

Щойно почав функціонувати Харківський навчальний округ, професор Стойкович активно долучився до діяльності з заснування нових навчальних закладів. Досить цікавою є детально описана Дмитром Багалієм поїздка Стойковича до Одеси в 1804 р. щодо відкриття там комерційного училища, професор мав пропозиції створення «індустріальних» училищ, які бачив у Німеччині. Однак Стойкович визнав непридатним, через брак кадрів та фінансування, робити таке училище в Одесі²⁵.

Поява одного з документів іде в річичі реформ у Російській імперії в освітній сфері на початку XIX ст. Унаслідок цих реформ було утворено великий Харківський навчальний округ, що мав опікуватися освітою в кількох губерніях, та Харківський імператорський університет (урочисто відкритий у січні 1805 р.). Шляхетство «Малоросії» (колишньої козацької автономії) було знехтуване в його прагненнях мати власний навчальний заклад. Тому брат колишнього канцлера імперії Олександра Безбородька Ілля, вочевидь, не без сприяння «малоросів» у Петербурзі вирішив офірувати дуже значну

суму, заповідану на благодійність, на відкриття в Ніжині закладу для шляхтичів. Це досить яскраво підтверджує лист міністра внутрішніх справ Віктора Кочубея до Іллі Безбородька в липні 1805 р. про «училище некоторым образом университету свойственное... как Малороссия университета не имеет, да и дворянския училища, на которых в обеих губерниях до миллиона датъ хотели, состоятся не могут, быв несообразны общей системе для училищ принятой»²⁶. Суми пожертв на гімназію і зобов'язання щодо подальших фінансувань та забезпечень від Безбородьків були дуже істотними (Безбородько вже мав 70 000 рублів і зобов'язувався щороку вносити по 20 000, крім того, надавав будинок з садом, цеглу, щорічно ще 15 000 рублів із помість та роботу 3000 кріпосних душ із «Малоросії») ²⁷. На основі чуток викладач Київського головного народного училища та історик Максим Берлінський навіть попросився викладати в новий заклад²⁸. Перед Харківським імператорським університетом було поставлено завдання забезпечити навчальний процес для цього училища. Розробити план для навчання в Ніжині взявся професор Афанасій Стойкович. Треба визнати, що проект Стойковича так і не було реалізовано, будівництво гімназійних приміщень, незважаючи на добре фінансування, затяглося на роки. У часи свого ректорства Стойкович, щоправда, намагався прискорити будівництво та відкриття гімназії²⁹, однак війна 1812 р. відтягла реалізацію цього освітнього проекту. Гімназію було відкрито вже після відставки Стойковича і смерті основного жертводавця Іллі Безбородька, в 1820 р., завдяки активній діяльності спадкоємця Безбородьків Олександра Кушелева-Безбородька³⁰.

Треба розуміти кілька важливих нюансів з історії освіти в Ніжині, щоб схарактеризувати сміливі пропозиції професора. Передусім, Ніжин дійсно був найбільшим містом Лівобережної України, з численною грецькою колонією, тобто позірно якнайдуше пов'язаним із Балканами, рідною для Стойковича стихією. Це дуже яскраво виявилось пізніше, в добу сумнозвісного ректорства Стойковича, коли грецька громада Ніжина офірувала значну суму на відкриття в Ніжині грецького училища, ректор дуже сприяв цій ініціативі³¹ і навіть особисто їздив до Ніжина³².

Друга заувага: на відміну від жертводавців та представників шляхетства, представники Харківського університету (у тому числі Стойкович, як побачимо) мислили ширше, хотіли, щоб заклад був відкритим не лише для дворянських дітей, але й для інших «сословий». Це видно вже в листі-реакції на відкриття гімназії попечителя Харківського навчального округу Северина Потоцького³³ і, власне, з перших рядків рапорту щодо складання навчального плану Стойковича (наведеного нижче).

План Ніжинської гімназії Стойковича я виявив у фонді Харківського навчального округу в Центральному державному історичному архіві України в Києві, він повторюється у двох справах з приводу планів про побудову Ніжинської гімназії³⁴, для публікації обрано повніший варіант.

У пропонованому документі автор прагне дотримуватись училищного статуту 1804 р. («Устав учебных заведений, подведомых университету») ³⁵ і поділяє освіту згідно зі статутними правилами. Загалом же Стойкович у своїх міркуваннях дотримується настанов педагогіки Просвітництва (з поєднанням навчання і фізичних вправ), і дуже відчутний вплив його освіти в Геттингені. Досить цікавими є міркування вихованця німецьких університетів про дисципліну та поліційний нагляд, що спрямовує на властиві для Просвітництва думки про засоби впорядкування та контролю.

Однак думки Стойковича не слід вважати пересічними. Зрозуміло, він прагне організувати «Гімназію вищих наук», нижчий за університет заклад, але й відкритіший щодо освіти та виховання. Водночас він дуже помітно працює над доповненням згаданого офіційного статуту, внесенням до нього істотних доповнень і конкретизацією назв підручників (зважаю, все іноземних) та особливостей учительської праці.

Уже початок розробки ніжинських гімназійних документів викликав дискусії серед харківської професури, на чому мав би взоруватися заклад (вважалося, що взірцем мав стати Демидовський лицей у Ярославлі). Як пише сам Стойкович, «мнения различны»³⁶. Але все ж основний план склав саме Афанасій Стойкович. Треба також визнати, що запропонований Стойковичем план викликав незначні ремарки в «російських» професорів Харківського університету Тимофія Осиповського та ректора Івана Ризького³⁷ (переважно щодо підручників та книжок для вчителів).

Документ дещо адаптовано під сучасну російську мову зі збереженням авторської стилістики та деяких лексичних особливостей. Окремі іноземні назви книжок та підручників не вдалось ідентифікувати чи прочитати. Вважаємо, що цей план ніжинської гімназії – важлива пам'ятка педагогічної думки та історії освіти в Україні.

¹ *Миловидов Л.* Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 рр.) // Записки Чернігівського наукового товариства. – Чернігів, 1930. – Т. 1. – С. 65–89.

² *Воронов А. С.* Федор Иванович Янкович де Мириево, или народные училища при императрице Екатерине Второй. – СПб., 1858. – 168 с.

³ *Андріяшев А.* Материалы для истории учебных заведений Черниговской губернии с 1789 по 1832 г. – К., 1865. – С. 15.

⁴ *Страшнюк С. Ю.* Сербське підгрунтя Харківського університету: Атанасіє Стойкович // УКРАС: Українсько-сербський збірник. – 2009. – Вип. 1 (4). – С. 14, 17.

⁵ *Багалеї Д.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1898. – Т. 1 (1802–1815). – С. 506–507.

⁶ *Страшнюк С. Ю.* Сербське підгрунтя Харківського університету. – С. 17–18.

⁷ *Модзалевский В.* Стойкович Афанасий Иванович // Русский биографический словарь. – СПб., 1909. – Т. 19. – С. 432–435.

⁸ *Лавровский Н.* Эпизод из истории Харьковского университета (А. И. Стойкович; И. Г. Шад) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете. – 1873. – Кн. II (Смесь). – С. 1–58.

⁹ *Модзалевский В.* Стойкович Афанасий Иванович. – С. 433–434.

¹⁰ *Багалеї Д. И.* Опыт истории. – С. 305–306, 670, 915.

¹¹ *Кравченко В.* Харківський університет у першій половині XIX ст. // Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев. – Харків: Фоліо, 2005. – С. 71.

¹² *Лавровский Н.* Эпизод из истории Харьковского университета. – С. 34.

¹³ *Роммель К.-Д.* Спогади про моє життя та мій час. – Харків, 2001. – 236 с.

¹⁴ Там само. – С. 125–128.

¹⁵ *Jakob L. H. von.* Denkwürdigkeiten aus meinem Leben / Hg. von Hans-Joachim Kertscher in Zusammenarbeit mit Michael Mehlow. – Halle-Wittenberg: Universitätsverlag, 2011. – 320 s.

¹⁶ *Цебриков Р. М.* Путешествие из Петербурга в Харьков / Сост., автор вступ. статьи и комментариев В. Ю. Иващенко. – Харьков, 2013. – 236 с.

¹⁷ *Лобойко И. Н.* Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подгот. текста, сост. библиогр. списка и коммент. А. И. Рейтблата. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 328 с.

¹⁸ *Цебриков Р. М.* Путешествие из Петербурга в Харьков. – С. 89–91.

¹⁹ *Jakob L. H. von.* Denkwürdigkeiten aus meinem Leben. – S. 183–184.

²⁰ *Лобойко И. Н.* Мои воспоминания. – С. 35, 37, 209.

²¹ Там само. – С. 29.

²² *Багалеї Д. И.* Опыт истории. – С. 1035–1046.

²³ *Лавровский Н.* Эпизод из истории Харьковского университета. – С. 38–58.

²⁴ *Страшнюк С.* Сербське підгрунтя Харківського університету. – С. 27–30.

²⁵ *Багалеї Д. И.* Опыт истории. – С. 1124–1130.

²⁶ *Кочубей П. А.* Учреждение Гимназии высших наук в городе Нежине. Письма графа В. П. Кочубея // Русская старина. – 1870. – Сентябрь. – С. 301.

²⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1904. – Т. 1: Царствование императора Александра I, 1802–1825. – С. 429.

²⁸ Центральний державний історичний архів України в місті Києві (ЦДІАК України), ф. 2162, оп. 1, спр. 63, арк. 1 і зв., 2.

²⁹ Державний архів Харківської області (ДАХО), ф. 667, оп. 283, спр. 102, арк. 13.

³⁰ *Полевой П.* Граф Александр Григорьевич Куселев-Безбородко // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – СПб., 1881. – С. 173.

³¹ ДАХО, ф. 667, оп. 283, спр. 102, арк. 10–12.

³² *Багалеї Д. И.* Опыт истории. – С. 327.

³³ ЦДІАК України, ф. 2162, оп. 1, спр. 34, арк. 1–2.

³⁴ Там само, ф. 2162, оп. 1, спр. 27, арк. 12–25; спр. 34, арк. 10–36.

³⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 1. – С. 331–368.

³⁶ ЦДІАК України, ф. 2162, оп. 1, спр. 27, арк. 10.

³⁷ Там само, ф. 2162, оп. 1, спр. 34, арк. 37–38, 40–44.

**Рапорт Афанасія Стойковича до Училищного комітету про
складання ним плану організації навчання в Ніжині.
13 жовтня 1805 р.**

В училищный Императорскаго Харьковского Университета Комитет

Профессора Афанасия Стойковича

Рапорт

Совет Императорскаго Харьковского Университета поручил мне истекшего 9 сентября составить План и Штат для Гимназии в Нежине, учреждаемой благодетельством Его Сиятельства Графа Безбородка. Поспешив исполнить порученное мне, имею честь представить при сем оный План на благорассмотрение сего Комитета.

Все что только ни почитал я самонужнейшим помещено мною в сем Плане, и если Комитету покажутся некоторые в нем вещи посторонними, то таковые может оставить, а равно если в оном же Плане сыщут некоторые от обыкновения отходящие мнения, то и таковые могут по рассмотрению Комитета быть принятыми или отвергнутыми. Мне осталось только сделать одно особенное об учителях примечание; но как таковое не только к учителям сей но и других Гимназий относится, то и почитал я что довольно будет, если оное представлю Комитету не вставляя его в самый План.

Каждый учитель нами в должность определяемый, должен иметь два свойства, от коих нам никоим образом отступить невозможно: первое способность в учителе к отправлению своей должности; второе нравственность характера. Под словом способность, разумея не одно только знание науки, но и умение преподавать оную; следовательно должен он иметь искусство Дидактическое. Известно однакоже, что первое не редко бывает без другого. Что же под нравственностию характера разуметь должно, то все мы равно согласуемся. Ежели одно из свойств сих отсутствует в учителе, то он недостоин быть таковым; по причине что столь же равно, если и не более действует на учеников нрав его и поведение как и Знание. Не оспоримо то, что при самом начале, в коем мы теперь находимся, мы не можем столь строго требовать первого, то есть, способности; следовательно в начале для нас довольно будет и того, если мы при определении всякого к месту учителя, точно уверены что для занятия оного, не найдено более способного и лучшего поведения человека. Чтобы судить о способностях определяемого производим таковому до сего времени у нас экзамен. Я не одобряю вещей, для испытания учителей, даваемые ими чужим ученикам. Сие имеет как со стороны учителя, так и учеников некоторые неудобства; лучше же всего производить таковые испытания в самом Комитете. Что же касается до второго свойства, для сего служат аттестаты, и то, когда личное поведение учителя известно.

Мы с своей стороны должны остерегаться, чтобы часы для уроков учителям не были умножаемы, что бывает, когда учитель берется нести две должности; ибо от сего лишается он времени простирать далее познания свои в науках, и остается при том только, что им прежде было выучено. Многие часы в обучении препроводимые делают человека тупым, и следствием своим имеют механизм неприготовленного к лекциям учителя, что есть для учеников величайшим убытком. Сие и было причиною, что учителям языков в Гимназии, старался я дать только 22 часа для преподавания двух языков.

Из приложенных табелей видно, что таблица расположения часов в Гимназии мною не сочинена, но таковое расположение часов следует из Таблицы С, из которой легчайше может быть составлено. При составлении таковой и всякой подобной Таблицы сочинитель должен наблюдать двойное: первое: чтобы до обеда преподаваемы были науки, более прочих напряжения ума требующия, по причине, что поутру силы душевные действуют легче чем по полудни. Второе, расположить так материю, чтобы не все одне и те же способности души были в действии, но чтобы науки, ум или память или же вообразительную силу требующие, преподаваемы были одна за другою попеременно. В институтах, как то в Нежине предполагается, должны науки переменяемы быть с механическими и гимнастическими и гимнастическими упражнениями.

Харьков, 13 октября 1805

Центральний державний історичний архів України в місті Києві (ЦДІАК України), ф. 1262, оп. 1, спр. 34, арк. 10 і зв. 11.

План навчання в Гімназії вищих наук Безбородька в Ніжині професора Афанасія Стойковича (Жовтень 1805 р.)

ПЛАН

Образования Гимназии вышних наук в Нежине

1. Гимназия учреждаемая в Нежине под именем Гимназии Безбородка вышних наук учреждается тем намерением, чтобы дети, особливо неимущих дворян и другого состояния людей, лишаящиеся по скудости своей достаточных способов к образованию себя, находили в ней обильные средства к приобретению познаний в науках, языках и искусствах, нужных не только для всякого рода государственной службы, но и для других состояния людей.

2. По своему уже наименованию и по намерению ея основателя Его Сиятельства Графа Безбородка разнствует она уже от прочих губернских гимназий. В ней кроме предметов в тех гимназиях преподаваемых должны еще быть обучаемы и многие другие науки, не означенныя в Гимназиях. Сверх того по намерению основателя ея должны в ней содержаться на ея иждивении около 60 неимущих питомцев¹.

3. Гимназия разделяется на три отделения

- a. Приходское Училище
- b. Уездное Училище
- c. Собственно так называемая Гимназия².

4. В целой гимназии имеется 15 учителей, из того числа в приходском Училище один, а в Уездном два учителя.

5. В собственно так называемой Гимназии имеется 12 учителей, из коих шесть учителей наук именуются Старшими, шесть же учителей языков и свободных искусств и рисования, младшими.

6. Старшие Учители суть:

1. Философии, изящных наук и прав естественного и отечественного.
2. Математики, физики и начал химии.
3. Истории, географии и статистики всеобщим и Российского государства.
4. Естественной истории, технологии сельского и лесного хозяйства.
5. Наук коммерческих и политической экономии.
6. Антропологии. Хирургии и скотолечения.

7. Младшие учителя.

1. Гражданской архитектуры, практической механики, практической геометрии и рисования.
2. Латинского и немецкого языков и литературы их.
3. Французского и италийского языков и литературы их.
4. Греческого языка древнего и нового.
5. Музыка.
6. Танцевания и прочих гимнастических упражнений.

8. Я разделяю План на следующие статьи

- I. Преподавание учебных предметов.
- II. Пособия к преподаванию оных.
- III. Побудительные к наукам пособия.
- IV. Дисциплина.
- V. Пенсионеры.
- VI. Примерный штат всей Гимназии.

I

Преподавание учебных предметов.

9. В Приходском училище обучает один учитель всем предметам положенным по § 120 Устава учебных заведений подведомых университетам³. Я присоединяю здесь и чтение на других языках, особенно же чтение рукописное и начала российской грамматики (по крайней мере механическим образом склонять и спрягать), начала каллиграфии, из географии первые понятия на пример: что такое горы, долины, города, места, селения, реки, ручьи,

государства, республики и прочее. Из натуральной истории и из общежития некоторые краткие повествования для изошрения ума.

10. Училище приходское разделяю я на два отделения, и курс в оном продолжается один год (§ 131. Устава учебных заведений)⁴.

Учитель в сем училище ежедневно преподает учение свое 5 часов, следовательно 30 часов в неделю. Примерная оном учению таблица под буквою А при сем прилагается.

11. В Уездном училище предметы преподаются по 85 § Устава учебных заведений, к которым присоединяю я еще и некоторые другие.

12. Учение в уездном училище, имея два класса, продолжается следовательно и два года.

13. В первом годе преподаются юношеству Закон Божий, Священная история, должности человека и гражданина, российская и немецкая грамматики (§ 85. Устава учебных заведений), чистое правописание, география и история российская, арифметика, рисование, чтение и писание латинского и немецкого языков.

14. Во втором классе продолжаютя недокончанные предметы первого класса; преподаются катехизис и изъяснение Евангелия, всеобщая история и география, начала физики и естественной истории, первые основания Эмпирической психологии, геометрия, российская и греческая грамматики. Латинской и немецкой языки продолжаютя и преподаются начала французского языка⁵.

15. В уездном училище каждый учитель продолжает свое учение 30 часов в неделю.

Первой Учитель обучает:

в первом классе	
Закону Божию	3 часа
Должностям человека и гражданина	3
Российской и греческой грамматике	6
Чистописанию и правописанию	4
Латинскому и немецкому языкам	4
во втором классе	
Российской грамматике и правописанию	4
Катехизису и изъяснению Евангелия	3
Латинскому и немецкому языкам	3
	/итого 30 часов

Вторый учитель обучает:

в первом классе	
Арифметике	6
Географии	4
во втором классе	
Всеобщей истории и географии	6
Началам физики и естественной истории	4
Началам технологии	3
Началам геометрии	3
Французскому языку	4
	/итого 30 часов

Из сих двух учителей один обучает в неделю 4 часа рисованию, за что получает особенное жалованье. Примерной План обучения прилагается под лит: В.

16. В Гимназии существует пять классов, следовательно и учение продолжается пять лет; но можно и меньше, ежели кто из учащихся не похочет выслушать всех предметов. Пятый курс преподается только для тех, кои не желая продолжать наук в университете, оканчивают учение свое в гимназии⁶.

А. Учение по классам и предметам.

17. В каждом классе учение преподается в неделю 32 часа⁷ т. е. в понедельник, вторник, четвергом и пятом 4 часа по утру, а с 2 часа после обеда; в среду и субботу только прежде обеда 4 часа, в которые дни после обеда учителя рисования обучают рисовальному искусству.

18. Старшие учителя преподают свои лекции по 18 часов в неделю. Учители же языков латинского, немецкого, французского и италийского употребляют по 11 часов в неделю

на каждой язык; которое время достаточно по тому, что первые три языка, уже в уездном училище начались преподаваться, а италианский хотя в уездном училище и не преподается, но он весьма сходствует с латинским, следовательно и выучить его не затруднительно⁸.

Учитель гражданской архитектуры⁹ каждую неделю обучает 8 часов, кроме рисования, которому обучает он в среду и субботу в послеобеденное время, в каждый из сих дней по 3 часа; т. е. первый класс от 1-го до ½. третьего, второй от ½. третьего до 4-го в среду; а в субботу третий класс от 1-го до ½. третьего; четвертый класс от ½. третьего до 4 часа.

Музыка и гимнастическия искусства могут преподаваемы быть по окончании учебных часов (по § 20 Устава учебных заведений)¹⁰ что же принадлежит до греческого языка¹¹, то оном можно будет обучать по средам и субботам по полудни, по причине что только одна четвертая доля учеников всегда занята бывает рисованием, прочие же три доли остаются праздными.

19. В первом классе преподаются.

1. Эмпирическая психология, логика, и всеобщая грамматика.
2. Чистая математика.
3. Вспомогательные историческия науки Энциклопедическим образом / Historische Naelfts-Wissenschaft¹² / и новая география.
4. Естественная история, исключая ботанику.
5. История и наука коммерции и латинской, немецкой, французской и италианской языки.

20. Во втором классе эстетика; поэзия; риторика; продолжается чистая математика и начинается физика вместе с прикладною математикою; древняя история, с изъяснениями при всяком оной периоду древней географии, мифологии и древностей; ботаника; права коммерческое и морское и продолжение языков.

21. В третьем классе нравственная моральная философия, естественное и народное права; продолжается физика вместе с прикладною математикою, новая история и статистика, технология, бухгалтерия, познание фабрик и товаров, и продолжаютя языки.

22. В четвертом классе всеобщее государственное и отечественное право, история, география и статистика российского государства; продолжаютя технология, политическая экономя, преподаются анатомия и физиология, и оканчиваются вышеупомянутые языки.

23. В пятом классе химия, сельское и лесное хозяйство, и садоводство, полиция, хирургия, скотолечение, гражданская архитектура, механика и практическая геометрия¹³.

В. Учение по учителям

24. А. <u>Учитель философии преподает</u>			
а) психологию эмпирическую	}	в I клас.	4 часа
б) логику и всеобщую грамматику		II	4
в) эстетику, поезию риторику		III	4
г) нравственную философию, естественное и народно е права		IV	6
д) всеобщее государственное и отечественное права		/итого	18 часов
25. В. <u>Учитель физики и математики</u>			
а) чистую математику	}	I	6
б) физику вместе с прикладною математикою		II	4
в) начала химии		III	4
г) начала химии		V	4
		/итого	18 ч.
26. С. <u>Учитель истории</u>			
а) вспомогательные исторические науки и новую географию	}	I	4
б) древнюю историю и географию		II	4
в) мифологию и древности		III	6
г) новую историю и статистику общие		IV	4
д) историю, география и статистика российского государства			

27. D. <u>Учитель естественной истории</u>		
а) естественную историю	I	4
б) ботанику	II	4
в) технологию	{ III 3 }	6
	{ IV 3 }	
д) сельское и лесное хозяйства и садоводство	V	4
	/итого	18 ч.
28. E. <u>Учитель коммерческих наук</u>		
а) историю и науку коммерции	I	4
б) право коммерческое и морское	II	4
в) бухгалтерию	III 3	4
г) познание фабрик и товаров }		
е) сельское и лесное хозяйства и садоводство	IV	2
ф) полицию	V	4
	/итого	18 часов
29. F. <u>Учитель антропологии и скотолечения</u>		
а) анатомию антропологическим образом }	IV	6
б) физиологию }		
в) хирургию }	V	12
г) скотолечение }		
	/итого	18 ч.
30. G. <u>Учитель гражданской архитектуры</u>		
а) архитектуру	V	4
б) практическую механику }	V	4
в) практическую геометрию }		
г) рисование	I.II.III.IV	6
	/итого	14 ч.
31. H. <u>Учитель латинского и немецкого языков.</u> (по § 25 и 26 Устава учебных заведений) преподавать по 11 часов в неделю, т.е.		
а) латинскому языку	I	3
	II	3
	III	3
	IV	2
	/итого	11 ч.
б) Немецкому языку	I класс	6 час
	II	3
	III	3
	IV	3
	/итого	11 часов
32. F. <u>Учитель Французского и Итальянского языков.</u> (по § 25 и 26 Устава учебных заведений), т.е.		
а) Французскому	I	3
	II	3
	III	3
	IV	2
	/итого	11 часов
б) Итальянскому	I	2
	II	3
	III	2
	IV	4
	/итого	11 часов

33. К. Учитель Греческого языка.

34. Л. Учитель музыки.

35. М. Учитель Танцевания и Гимнастических упражнений.

Предметы сих трех полезных учителей сами по себе известны.

Табель расположения по классам и предметам, учителям и часам прилагается здесь под буквою С.

II

36. Пособия к преподаванию наук: каковые суть:

А. Книги учебные, краткие для учеников, и для учителя обширнейшие, из коих мог бы он почерпнуть дальнейшие познания.

В. Библиотека.

С. Другие собрания нужные во всяком училище.

А. Книги учебныя, краткия для учеников, и для учителя обширнейшия, из коих мог бы он почерпнуть дальнейшия познания.

37. а) Чтобы сделать совершенным план обучения должно чтобы и книги, по коим оное будет преподаваемо, равномерно были в нем означены.

Книг для Приходского училища нужных, на российском языке имеется уже довольно, и предполагаемому в нем обучению достаточно соответствующих. Желательно бы мне было, чтобы для начал арифметики переведена была на российский язык книга г-на Бирмана *Lehrbuch für den ersten Unterricht im Kopf und schriftlichen Rechnen* J.A. Birmann. Dritte Auflage, 1803¹⁴.

А для изощрения ума нужно чтобы для детей имелась такая книга, в которой бы преподавались только краткие повествования о чувственных вещах, разные притчи, примерные поступки и проч. Таковая книга имеется на немецком языке сочинения для Лейбцигских свободных училищ...¹⁵. Поелику я в сем же самом классе и каллиграфию полагаю, то бы весьма хорошо было, если бы для сего предмета сделано было собрание примеров, которые дети, переписывая, могли бы тем изощрять свой ум.

38. б) Для Уездного Училища так же имеются на российском языке все нужные книги, но которые однако же не все соответствуют своему намерению. Для первого класса Уездного училища книги имеются. Во втором классе того же училища не имеется книги 1. для Всеобщей истории и Географии. 2. для Естественной истории. 3. для Начал технологии. Для Всемирной истории учитель может употреблять г-на Шлецера (*Vorbereitung zu Weltgeschichte für Kinder*)¹⁶ для Географии. При Физике учитель может советоваться с...¹⁷ для Естественной истории и Технологии *Aufzug zur der Naturgeschichte und zur Technologie von Funke*¹⁸, для Немецкого языка *Weisung zur kleine*...¹⁹.

39. с) Для Гимназии предложу я здесь книги учителям.

40. 1) Учитель Философии мог бы перевести книгу немецкую *Lehrbuch der Philosophie von... Yunll*²⁰ // в которой есть Психология эмпирическая, Логика, Эстетика, Моральная философия, Естественное, Народное и Всеобщее права; но нам книга сия не велика, то и мог бы он преподавать по оной и свое учение. Для Поэзии, Реторики, Всеобщей Грамматики и Отечественного права нужно бы было сочинить не большия книжки, учитель философии мог бы употреблять учебныя книги профессора Якоба, Федера, Тителя и Кизеветтера²¹. Поелику тот же учитель должен преподавать и Российскую литературу, то при сочинении книг для поэзии и реторики нужно бы было дать историческое понятие о российских писателях, т.е. краткое описание их жизни, сочинений и доброты сих последних. А нам все оные книги не можно иметь в Гимназии, то нужно бы было сделать Хрестоматию, подобную Хрестоматии немецкой г-на Ешенбурга²².

40. 2) Учитель Математики для себя мог бы употреблять курсы математики Осиповского, Ксетнера и Безу²³, из коих два последние и имеются уже переведенными на российской язык, но как все оные математические курсы чрез меру пространны, чтобы по оным можно было преподавать в Гимназии сей учение, то для сего желательно бы было чтобы переведена была книга (...) ²⁴, состоящая из небольших двух томах. Для Физики нужно бы было перевести (...) ²⁵. Учитель может пользоваться физикою на российском языке переведенною Эркслебена, Бриссона и Гиларевского²⁶. А чтобы иметь понятие о динамической Системе равномер, может употреблять он немецкие книги Фишера²⁷ и

Гре...ена²⁸. Для Химии довольно находится французских и немецких книг. Для учеников есть книжки Имгофа²⁹, Грeена и Гиртанера³⁰; для учителя Лавуазье, Фуркруа³¹, Грeен, Тромс...дорф³² и проч.

41. 3) Учитель Истории для вспомогательных наук должен бы сделать выписки из Гаттереровых сочинений³³ при новой Географии советоваться с Gasparу...³⁴ с Экстрактом Гутрия³⁵, поелику после издания Географии на российском языке³⁶ многия произошли уже в Европе. Для Древней истории имеется на российском языке хорошая книга 1-й том Истории изданной для Народных Училищ³⁷; но учитель может читать Миллота и Роллена³⁸. Для Мифологии и Древностей не худо бы было употребить книгу г-на Ешебургга Handbuch der klassischen Literatur³⁹ где кроме мифологии и древностей находится обозрение литературы Греческой и Латинской. Древней Географии для училищ на российском языке совсем не имеется. Желал бы я чтобы переведена была небольшая книжка ...zur alten Geographie⁴⁰.

Учитель может употреблять Древнюю Географию Маннерта⁴¹ или еще лучше Географию Герена, Геттингенского профессора⁴². Новая История на российском языке состоящая в двух томах, для Гимназии весьма пригодна⁴³. Учитель может читать Миллота, Шрека, Ремера⁴⁴. Статистики не имеется на российском языке, но и на немецком нет такой, которая бы краткостью своею соответствовала гимназическому учению. Можно бы сделать Экстракт из Статистики г-на Меузеля⁴⁵, а учитель сам мог бы употреблять того же Меузеля, Спренгеля и Лакроа⁴⁶.

42. 4) Учитель Естественной Истории имеет на российском языке для преподавания две краткие весьма хорошие книги, из которых одна издана для Народных Училищ⁴⁷. Сам же он имеет на российском же языке довольно число Книг для чтения. Для Ботаники может он употреблять Батша⁴⁸ или Вильденова руководства к познанию ботаники⁴⁹. Для обозрения Естественной истории нужно бы было перевесть Funke...⁵⁰:

- a.)
- b.)
- c.)⁵¹

Для Технологии довольно находится предметов для учителя в вышесказанной г-на Функа книге. Учитель также может употреблять Бекманна⁵², Шпренгеля⁵³ и Бродгагена, для учеников же нужно бы было перевесть...⁵⁴. Для Сельского хозяйства и скотоводства учитель может употреблять Гермерсгаузена⁵⁵ ученую книгу г-на Миттерпахера Elementa Rei Rusticae⁵⁶. Для учеников можно бы было сделать Экстракт из книги г-на Бекманна⁵⁷. Для Лесного хозяйства можно сделать выписки из Вальтера и Бургсдорфа⁵⁸.

43. 5) Учитель Коммерческих наук для истории может употреблять книгу изданную для сего в Вене директором Коммерческого училища⁵⁹. Наука Коммерции имеется от Геттингенского профессора Бекманна Anleitung zur Handlung Wissenschaft⁶⁰ о правах Коммерческих писал между прочим Музеус Einnführung zur Handlung Recht⁶¹. При всех сих Коммерческих науках учитель может употреблять...⁶². Имеется также и на российском языке изданная Коммерции книги г-ном Геймом профессором Московского университета⁶³. Политическую Экономии может преподавать по Сарториусу⁶⁴, а сим очень много может почерпнуть из новой изданной книги Якоба, профессора галльского⁶⁵, полицию по Юнгю⁶⁶ и Розигу.

44. 6) Учитель Медицинских наук (Анатомии и Физиологии Антропологии) может преподавать по книге Лодера⁶⁷ хирургию. Скотолечение, между прочим, по Виллету⁶⁸, переведенную с многими примечаниями с французского на немецкий язык.

45. 7) Учитель Архитектуры имеет на российском языке маленькую книгу для народных училищ изданную⁶⁹. Учитель может пользоваться Гюнтером...⁷⁰. Для механики находится на российском языке только известно две книжки⁷¹. Для учителя полезна будет книга Theatrum Machinarium⁷² и...⁷³ Для практической Геометрии есть ли особенно изданная книга, мне не известно, но она во всех курсах математики находится. Учителю довольно будет иметь одну книгу Майера Mayers Gründlicher und ausführlicher Unterricht zu practischen Geometrie⁷⁴.

46. 8) Учитель Латинского и Немецкого языка имеет для перваго Грамматики Бредеровы⁷⁵, малую для учеников, а большую для себя. Хрестоматии же меньшую изданную Гедином⁷⁶ и большую Шомпрером⁷⁷ для немецкого языка книги Аделунговы весьма известны⁷⁸. Для латинского языка сочинил также г-н профессор нашего университета Де Балю: Таблицы и Словарь коренных речений⁷⁹.

47. 9) Учитель Французского и Италианского языков. Для обоих сих языков имеются практические Грамматики Майдингера⁸⁰, которые писаны для немцев, следовательно должно бы было преладить оныя и на российский язык. Впрочем Грамматики французския Валии, Ресто⁸¹ и проч. могут также быть употреблены; Италианская Венерона и Ягемана довольно известны. Хрестоматия французская очень хороша и издана в Берлине в 1800-м году⁸³. Из которых первая французских прозаиков, а вторая поэтов в себе содержат. Хрестоматия италианская имеет сочинения Ягемана⁸⁴.

В. Библиотека

48. Что для Нежинской гимназии нужна Библиотека, то не оспоримо. Но здесь спрашивается какая именно Библиотека долженствует быть в оной и вообще во всех гимназиях. Все зависит от удобоупотребительности самых книг. Книги, которые только для великолепия покупаются, и в публичных других библиотеках могут занимать место, суть весьма хороши и добрые, но не полезные для Гимназии. Цена Гимназической Библиотеки не зависит от множества и редкости книг, как то в других библиотеках, но от удобоупотребительности и соответствования их предназначаемой их цели. В сем последнем случае чтобы точно таковыя, а не другия книги покупались для Гимназической Библиотеки можно будет положиться разве только на ученого и просвещенного учителя, которому бы литература была известна; вещь весьма редкая. Книги долженствующие быть в Библиотеке разделяю я на три класса.

а) Книги о Педагогике и Дидактике, как то например Нимайера, Лойка, Руссо, Резевица, Базедова, Кампе, Гайзингера, Фиргалера⁸⁵ и проч., из которых учитель может почерпнуть познание, каким образом преподавать науки, и научиться между тем самой труднейшей части педагогике, т.е. всякому возрасту лет свойственной образ преподавания и обхождения с учениками.

б) Вспомогательные для учителей книги тех наук, кои преподаются в Гимназии. Часть сия есть самая важная и для оной назначены уже мною книги как то выше сего показано.

с) Книги для чтения учеников для того чтобы юношество, читать или упражняться желаящее, имело таковыя для образования ума своего и сердца, и не читало б всякого рода книги в руки им попадающиеся, не умея сделать оным выбора; к сему классу принадлежат описания путешествий, избраннейшие лучшие романы, лучшие театральныя пиесы, книги для чтения определенные как то: Детской друг⁸⁶ все книги г-на Кампе, Андре, Бехштайна⁸⁷ и Салцманна⁸⁸ и др.

С. Другия собрания по всяком училище нужныя

49. Под именем других сих собраний разумею я пособия, посредством которых все чему учитель не учит представляемо бывает ученикам чувственно (...)⁸⁹... таковыя суть.

а) Собрания естественных произведений для Натуральной истории, Ботаники и Химии. Учитель может многия произведения природы сам собирать с учениками вместе; что однако же может служить одним только дополнением, но целое собрание все должно быть куплено. Собрание минералов можно купить дешевою ценою в Венгрии в Шемнице и Кремнице; в Саксонии в Фрейбурге в Моравии в Брине. Для Зоологии можно иметь хорошия изображения иллюминированных всех вообще животных как то находится при Системе Линнеевой изданной Миллером⁹⁰. В Гале можно получить до двух сот вылитых животных весьма дешевою ценою.

б) Модели для механики, сельского хозяйства, смешанной математики и проч.

с) Инструменты физическия, математическия и хирургическия, каковое собрание двух первых можно иметь в Лейбциге у доктора Таубера, и в Берлине в Каттелевой инструментальной лавке.

д) Собрание штофных материй, для познания произведений фабрик, которое, как кажется, может учитель сделать и в самом Нежине. Собиратель материй мог бы воспользоваться книгою... 1788⁹¹.

е) Ландкарты как для Новой, так и для Древней и средней географии. Для Новой самые лучшие суть те, кои выходят в...⁹² в Веймаре; для Древней географии находятся ландкарты изданныя Фабрием, Гинвилем, Маннертом и Келером. Для Средней же по различным

переселениям народов г-м Крузе. К ландкартам также можно причислить исторические таблицы, каковы суть того же Крузе, Бредова, Ремера и проч.

г) Гравированные оригиналы для рисования, Гражданской архитектуры и Анатомии можно купить в Англии или Лейбциге.

III.

Побудительныя к наукам пособия

А. Испытание учеников⁹³.

50. Учащие и учащиеся должны в известное время иметь какия ни есть побуждения к наукам, из которых преимущественнейшее есть испытание. В отношении к учителю: имеет от всегда случай показать, что преподавал учение свое с пользою. А ежели делает он испытание свое торжественно, то побуждается еще упражнением себя в улучшении методы. Преподавание предметов изыскивает лучшие способы обучения; поелику присутствующие лучше о сем могут рассуждать, нежели обучающиеся у него ученики. Со стороны же учеников ожидают они в оный день, или одобрения себе, или тьму совсем противного, что самое и побуждает их всегда к прилежанию. Для достижения сей цели должны быть торжественные испытания не так как обыкновенно оные происходят т. е. должно чтобы со стороны учителей не было употреблено никаких обманов, следовательно никакого бы особенно к экзамену приготовления. Ибо не в том обязаны ученики отдать отчет что ими в последних днях пред экзаменом наизусть выучено, но в том прилежны ли были чрез все время продолжения курса. Посему весьма не похвально и худо, если ученикам наперед задаются от учителей вопросы, а в равной степени не похвально и то если только одни лучше успевающие из учеников испытываются на экзамене. Испытание будучи общее должно и всем ученикам быть производимо, не исключая никого поелику учащийся испытывается, то учитель и не должен к тому примешивать своих ответов. В испытаниях таким образом порядочно устроенных можно видеть как развиваются душевные способности учеников, как то вообразительная сила, остроумие, присутствие духа и готовность к ответам. Испытания суть для учеников вели, придающие деятельности их более сил, ибо пред публикой показать себя не токмо на молодых но и на учеников взрослых лет много действует. Говоря о торжественных экзаменах не следует исключить и частных самими учителями производимых; но тем более побуждают учеников, чем более ожидают они от сего себе награждений и видят в том собственную свою пользу.

В. Цензура прилежания⁹⁴

51. Второе поощрение к прилежности к наукам есть цензура прилежания. Оно, действуя на учителя, действует равно и на учеников: на учителя, поелику он старается содержать учеников в непрестанной внимательности; на учеников же, потому что они в известные времена ожидают о себе выгодного или невыгодного в пользу свою заключения учителей своих и родственников. Спрашивается только здесь, какого именно рода должна быть публикация такой цензуры. Она может быть сообщена только одним ученикам и их родственникам, но не посторонним людям и целой публике. Первым потому, что ученики, когда цензура окажется в пользу их, ожидают от них себе уважения, если же не в пользу, то тщится заслужить оное; посторонним же лицам и целой публике не нужна публикация, потому что сие было бы некоторым родом несправедливости для не успевающих учеников, и для родителей их большею печалью. В прилежных же учениках рождает публика некий род суеты. Чрез что два самые нежнейшие чувствования притупляются, в первых стыд, а во вторых скромность. Одним только злодеям читаются их приговоры публично: для сему самого и учреждена классификация в Уставе учебных заведений в § от 60 до 64-го⁹⁵.

С. Повышения в классах

52. Каждый человек тщится между равными ему преимуществовать, у детей же присоединяется к желанию сему еще и другое желание новости и перемены. Для того весьма благоразумно положено в Уставе чтобы каждый курс продолжался только один год и так ежегодно учеников чрез новость и перемену предметов получает новые силы к успехам, причем предполагаю я, что отставший должен оставаться и на другой курс в том же клас-

се, что самое действует сильно как на примерных так равно и на не примерных. День перемещения из класса в класс должен быть днем торжественным для Гимназии. Перемещение имеет быть по прилежанию учащихся, а не по другим причинам, и следовательно на оное поведение учеников не должно иметь большого влияния, по причине что сие имеет особенные свои награждения и наказания.

D. Премии и награждения

53. Награждения должны быть весьма простые; художественные наружные отличия на пример: посредством лент или каких постыдных Знаков кажутся мне достойными отвержения. Они суть игрушки, могущие терпимы быть в одних только низших училищах. В Гимназию же поступают ученики с некоторыми уже познаниями нравственности. И так как во всякой Гимназии есть классы наук и как по предположению моему во всяком классе должны быть классы прилежания, так во всяком же классе должны быть и классы нравственности; и каждый ученик должен ведать, в котором классе нравственности его считают. В училищах воспитываются дети для общественной жизни, в которой одна только нравственность может им дать существенную цену; следовательно они должны в молодых летах причутся иметь высокое понятие о нравственности и в том полагать первую свою цену.

IV.

Дисциплина

54. До сего говорили мы только о науках, но важнейшее дело в училищах, есть сохранение и умножение нравственности. Наружное образование вида учеников не есть дело учителя, которое в училищах должно быть отрицательно (negative), положительно же (positive) должно быть только в институтах воспитательных. Но моральное образование учеников не должно оставаться в пренебрежении в училищах и сему весьма много может способствовать изъясненное в предидущей статье награждение. И так во всяком случае учителя обязаны возбуждать в учениках чувства нравственности морали и закона, и не только в училище, но и вне они имеют прилагать все старание, узнать поведение учеников. К такому содержанию и сохранению нравственности, кроме Закона Божия, должностей христианских и гражданских, должна Гимназия иметь особенные правила весьма ясные (precise)⁹⁶, точно определенные и в небольшем числе, которые всякому в Гимназию вступающему должны быть прочтены в определенные времена, на пример при начале полугодичных курсов, следовательно по два раза в в год публикованы. Таковые училищные правила будут относиться к нравственному моральному поведению и прилежанию учеников и должны в себе содержать все возможные случаи, могущие только произойти в Гимназии. Следствием вышеизъясненных правил есть дисциплина, разумея награждения исполняющим и наказания не исполняющим оные. Чем следствия сии натуральнее, тем лучше. Весьма бы не к стати было спросить здесь должны ли существовать в Гимназии награждения и наказания? Человек должен быть воспитан в училище точно так, как и вне оно; ибо из училища прямо вступает он в жизнь общественную; дальнейшее же исследование сего нежнейшего и важнейшего предмета сюда не принадлежит: оно предоствлено тем, коим вверено попечение воспитания сынов отечеству.

V.

О пенсионерах

55. Поелику мысль благотворителя и основателя Нежинской гимназии не ограничивается только наставлением юношества, но простирается и на самое его воспитание, то в следствии предложения Господина Попечителя сего Университета графа Северина Осиповича Потюцкого, последовавшего от 21 дня августа сего 1805 года и предполагается учредить в оной Гимназии пенсион, в котором бы от процентов получаемых с капитала благотворителем дарованного в пользу сего училища были содержимы восемьдесят неимущих питомцев⁹⁷, Подробное же постановление о сем предмете тогда можно будет сделать, когда

откроется самая Гимназия. Я представлю здесь только некоторые идеи, могущие послужить с пользою при начертании положения о пенсионерах. Я разделяю оные на три статьи.

A. о принятии пенсионеров.

B. особенные недостатки таковых заведений и средства к улучшению оных.

C. присмотр и полиция.

A. О принятии пенсионеров.

56. Просвещенный основатель Гимназии не то имел в предмете, чтобы оной собрать только 60 питомцев, и дать им воспитание, но чтобы принимались в Гимназию таковые, кои при всех счастливых талантах и деятельности своей лишаются способов к своему образованию. Сие должно быть поставлено непреложным правилом при принятии питомцев. Я предполагаю, что принятие пенсионеров завсегда зависит будет от фамилии основателя, могущей наилучше судить о достоинстве того, кому делается она благодеяние; и ежели и сие не будет, то по меньшей мере право о представлении кого из приему остается всегда при фамилии. Но как и при том и другом случае должен быть Администратор; то должность его будет не принимать:

a. Только по одной рекомендации, по своей прихоти, и по связям кои он имеет, но ниже.

b. Смотря только на бедность и сиротство.

Следовательно правилом принятия будет 1. Хорошее поведение и прилежание. 2. Скудость, ежели принятие не утвердится на сем основании, то весьма часто недостойные облагодетельственны будут без всякой государству пользы, между тем как счастливый талант остается без помощи, но и теряется для государственной службы.

B. Обыкновенные недостатки таковых заведений и средства к улучшению оных

таковые суть:

57. a) Всякое зло распространяется более в таковых заведениях, и при такой тесноте живущих вместе бывает переимчево. Смещение столь многого числа в одном месте молодых людей, различествующих между собою возрастом, душевными и телесными дарованиями, сопряжено для многих с опасностью и искушением, от которых им не легко можно избавиться.

b) Все благодетельные влияния при домашнем воспитании бываемые не имеют здесь места, следовательно трудно доставить воспитывающимся в Гимназии гибкость и мягкость характера, тонкость и вежливость нравов.

c) Единообразие в доме таковом, даже и до самых забав в нем быть долженствующих, делает человека застенчивым, меланхоликом а часто на целую жизнь склонным к скуке.

Ad. a) Первой недостаток если не истребить по крайней мере уменьшить можно чрез умножение прилежания и тродолбия в институте, и чрез строгий присмотр на нравственность. Что касается до прилежания, то оное должно быть всеми мерами возбуждено. Всякое средство не могущее только вредить здоровью, должно быть на сей конец употреблено. Следовательно не худо было бы завести приличные, к состоянию благородного человека не предосудительные, ремесла как то: токарное искусство, ваяние и проч. Что же принадлежит до нравственности, то самое сие занятие предохраняет воспитанников от всякого покушения на зло. Должность же Директора в особенности будет возбудить в них чувствования истинного изящного и благого. Он должен им всегда внушать, в чем именно состоит истинное достоинство всякого человека, для чего как сам он, так равно и сотрудники его должны стараться склонить нравы учеников к чувству благородства, и действовать чрез лучших из них на худших. Для достижения которой цели необходимо нужно исключить без изъятия всякого, на поведение которого всеу истощены были все средства исправления.

Ad. b) В самом деле второго сего неудобства невозможно совсем избегнуть, но предполагая, что при учениках, как ниже сказано будет, не только для одного присмотра, но и для житья с ними, будут находиться три или четыре надзирателя, предполагаемые мною из учителей, то ученики и учителя их с своими фамилиями находясь всегда вместе будут

жить как бы в одном семействе. Директор не упустит из виду сколько возможно, будет знакомить их с лучшими домами и доставлять им в оные вход.

Ad. с) В разсуждении сего третьего пункта известно всем воспитателям, что чем дети более чувствуют внутреннего в себе удовольствия, тем более они склоннее бывают к добру. Почему и следует в них всегда возбуждать удовольствия сего рода, средством же сему могут служить содержание всегдашней прилежности в институте необходимо нужно ввести некоторую разнообразность в жизни, чего достигнуть можно чрез торжествования известных в училище определенных на то дней, чрез испытания, чрез приватныя задаваемые им работы переменяемы с удовольствиями. Так же должны быть учреждены в институте различные телесные игры, упражнения гимнастические, внушения истинных удовольствий природы во всякое время года, купания в летние дни, небольшие путешествия пешком, музыка, танцование, по вечерам в праздничные дни домашние приготовленные к тому разговоры, механические работы, игры содружественные, изучение мест из авторов которые должны они декламировать, маленькие физические опыты и проч.

С. Присмотр и полиция

58. а) Присмотр:

Как дети быв еще малолетними, то и присмотр за ними долженствует быть строгий. Для 80 человек не только одного, но и двух инспекторов недовольно. Я полагаю в Институте одного Директора и четверых инспекторов. Директор, живучи сам при Институте, часто чрез день времени их посещает и каждый из инспекторов имея под ведением своим по 20 детей никогда даже и при самых их удовольствиях до того времени, пока они не лягут спать их из глаз не выпускать, разве то время, в которое обучаются они в классах. Надзиратели равномерно могут с ними повторять уроки, следовательно сии последние должны быть такие, которые и сами получили уже хорошее воспитание, и чрез то самое могут внушить к себе от учеников уважение. Они по предположению моему не токмо будут надзирателями, но вместе и сожителами учеников; для чего лучше всего было бы употребить в сии должности помещенных в Гимназии учителей. А чтобы над учениками поставить старших из учеников, то здесь сие совсем не к стати. Такое надзирательство можно только употребить при университетах, где юношество находится уже в возрасших летах, но и таковые только могут быть поставлены зрителями другими, кои имеют неоспоримые преимущества пред товарищами своими в прилежании и нравственности, такие преимущества которые не сокрыты и от самых их сотоварищей. Строгое повиновение учеников и снисходительное с ними обращение суть такие вещи, кои могут существовать вместе. Следовательно, строгость и снисходительность суть два главнейшие правила для надзирателей. Воспитание учеников их не должно быть рабское, но также и не обузданное.

59. б) Полиция

Сколько в фамилиях столь еще больше в таковых институтах нужно есть содержание доброго порядка, попечение о больных и распоряжение о экономической части. В наружном при целом Институте покоев и в дворе следует наблюдать величайшую чистоту. Кто часто выдывал такая учреждения в коих воспитываются молодые люди в обществе, тому известно сколь много пренебреженна в оных чистота и неопрятность царствует даже до заразительности. Какое отвращение видют пятьдесят или больше человек за одним большим столом вместе, накрытом нечистыми скатертями и уставленным прочим нечистотою своею отвратительным прибором! Возможно ли возбудить в них чувства чистоты воспитывая их в такой неопрятности и в такой нечистоте?

Экономическая часть должна быть в руках человека совестного, имеющего собственных своих детей и который должен состоять под строгою контролю директора и надзирателей. Что принадлежит до внутреннего устройства и полиции в жилищах учеников их домашнего прилежания, внутреннего обхождения и проч., то все сие долженствует быть предоставленным благоразумию директора, который приемля на себя толь важную должность воспитывать толико большое число человек на пользу государства высокому званию своему только тогда соответствовать будет, когда оные для государства со временем с пользою могут быть употреблены.

Афанасий Стойкович

VI

Примерный штат учреждаемой в Нежине Гимназии Безбородка высших наук.

	Рубли
Директору Гимназии	800
Шести Старшим учителям каждому по 550 рублей	3300
Четырем Младшим учителям 1. 2. 3. и 4. каждому по 500 рублей	2000
Двум последним по 350 рублей	700
На библиотеку	300
На различные собрания, описанные в § 49м	500
Прибавочного жалованья Директору для присмотра за 80 воспитанниками и который будет равно и Директором Института	200
Четырем надзирателям, которые будут и кои репетиторы, прибавочного по 175 рублей	700
80 питомцам на каждого содержанием по 175 рублей	14 000
На газеты и журналы для Гимназии и Института	100
На покупку разных инструментов, машин и орудий для предполагаемого мною телесного упражнения	100
Двум учителям Уездного Училища по 325 рублей	650
Учителю рисования	50
Учителю Приходского Училища	200
На содержание домов Гимназических вообще, Института, служителей освещение и прочее	1900
Итого	25 500

Афанасий Стойкович

ЦДІАК України, ф. 2162, оп. 1, спр. 34, арк. 12–36.

¹ Дана настанова про 60 вихованців за кошт гімназії повторювана кілька разів: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1904. – Т. 1. – Царствование императора Александра I, 1802–1825. – С. 607.

² Гімназією вищих наук заклад було вирішено назвати після повідомлення про шедуру пожертву Іллі Безбородька (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 429), Стойкович абсолютно зводить ніжинську гімназію до гімназійного навчального закладу з підпорядкуванням університету, що, звичайно, не передбачалося меценатами і прихильниками цього закладу.

³ Згідно з цим параграфом Статуту, в приходських училищах мали навчати: «чтению, письму и первым действиям арифметики, главным началам Закона Божия и нравочения читают с объяснением книгу: Краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья» (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 359)

⁴ За даним параграфом, оскільки Ніжин був містом, де жили «ремесляники и купцы и тому подобного состояния люди» (див. цю статутну вимогу: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 361), то заняття мали продовжуватися цілий рік, як у той же час в інших приходських училищах лише 6–7 «зимових» місяців.

⁵ До перерахованих в Статуті предметів (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 352) Стойкович додав психологію, геометрію, іноземні мови; вочевидь грецька мова подана Стойковичем як «місцева».

⁶ Це власна пропозиція Стойковича, що не відповідає Статуту.

⁷ Статутна пропозиція 30 годин на тиждень (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 334); Стойкович збільшує кількість годин.

⁸ Італійська мова – це також позастанутна пропозиція Стойковича.

- ⁹ Це позастатутна пропозиція.
- ¹⁰ Статут передбачав можливість гімнастичних вправ у гімназії, але після занять (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 335).
- ¹¹ Тут знову збільшення годин на грецьку (місцеву) мову.
- ¹² Історична допоміжна наука (нім). – це нова пропозиція Стойковича.
- ¹³ П'ятий клас і предмети, що мали там викладатися – винятково пропозиції Стойковича.
- ¹⁴ Йдеться про поширену книгу *Biermann Georg Heinrich. Lehrbuch für den ersten Unterricht im Kopf und schriftlichen Rechnen* (1803).
- ¹⁵ Назву не вдалося прочитати.
- ¹⁶ Одна із найвідоміших робіт Августа Людвіга Шльоцера («Підготовка світової історії для дітей»), що мала багато перевидань. Август Людвіг Шльоцер (August Ludwig von Schlözer) (1735–1809) – один із найвідоміших геттингенських професорів, що певний час перебував у Росії і висловив ряд думок щодо давньоруського минулого. Це черговий «реверанс» Стойковича до Геттингенського університету.
- ¹⁷ Назву не вдалося прочитати.
- ¹⁸ У даному разі йдеться про витяги з підручників німецького педагога Карла Філіппа Функе (Karl Phillip Funke) (1752–1807), автора низки підручників для німецьких реальних шкіл.
- ¹⁹ Книжку не вдалося ідентифікувати.
- ²⁰ Автора не вдалося ідентифікувати.
- ²¹ Стойкович вочевидь наводить прізвища відомих сучасних йому професорів з філософії права: Людвіга Якоба (Ludwig Jacob) (що пізніше став професором Харківського імператорського університету), Йоганна Федера (Johann Georg Heinrich Feder) – геттингенського професора філософії, Йоганна Кізеветтера (Johann Gottfried Kiesewetter) – популяризатора вчення Імануїла Канта, Готліба Тітеля (Gottlieb August Tittel) – автора окремих книг з логіки і метафізики, також популяризатора і критика філософії Канта.
- ²² Напевно йдеться про книжку Йоахіма Ешенбурга (Joachim Eschenburg) *Beispielsammlung zur Theorie der Schönen Wissenschaften* у восьми томах (1788–1795).
- ²³ Тут деякі описки, йдеться про підручники Тимофія Осиповського (на той час професора Харківського університету), видані свого часу для народних училищ, геттингенського професора Авраама Кестнера (Abraham Kästner) – автора низки книжок для початківців у математиці, французького математика Етьєна Безу (Etienne Bezout).
- ²⁴ Назву не вдалося прочитати.
- ²⁵ Назву не вдалося прочитати.
- ²⁶ Йдеться про низку робіт для початків фізики геттингенського професора Йоганна Еркслебена (Johann Christian Erxleben) (1744–1777), словник для фізики французького фізика Матюрена Бріссона (Mathurin Jacques Brisson) (1723–1806) і досить відомий підручник для народних училищ Російської імперії «Руководство к физике» (1793) Петра Гіларовського.
- ²⁷ Вочевидь йдеться про праці з механіки берлінського математика Ернста Фішера (Ernst Gottfried Fischer) (1754–1831).
- ²⁸ Текст пошкоджений, не можна ідентифікувати особу.
- ²⁹ Тут вочевидь йдеться про твори баварського науковця Максимуса фон Імгофа (Maximus von Imhof) (1758–1817).
- ³⁰ Цих вчених не вдається ідентифікувати.
- ³¹ Йдеться про праці основоположників сучасної хімії Антуана Лавуазьє (Antoine Laurant de Lavoisier) (1743–1794) та Антуана Фуркруа (Antoine Francois de Fourcroy) (1755–1809).
- ³² Цих вчених не вдається ідентифікувати.
- ³³ Йдеться про роботи геттингенського професора історії Йоганна Гаттерера (Johann Christoph Gatterer) (1727–1799).
- ³⁴ Певно йдеться про роботу географа Адама Гаспарі (Adam Christian Gaspari) (1752–1830), на той час професора Дерптського університету.
- ³⁵ *Guthrie William. Geographical, Historical, Commercial Grammar* (1770).
- ³⁶ *Матинский М. Всеобщее Землеписание для народных училищ...* – СПб., 1788.
- ³⁷ *Янкович де Мирієво Ф. Всемирная история для народных училищ...* – СПб., 1787 (1800).
- ³⁸ Йдеться про роботи з всесвітньої та французької історії Клода Міло (Claude-François-Xavier Millot) (1726–1785) та з історії стародавнього світу Шарля Роллена (Charles Rollin) (1641–1721).
- ³⁹ *Eshenburg Johann. Handbuch der klassischen Literatur* (Berlin, 1783).
- ⁴⁰ Автор і перші слова назви нерозбірливі.
- ⁴¹ Вочевидь йдеться про багатотомну *Geographie der Griechen und Römer* (1788–1824) професора з Нюрнбергу Конрада Маннерта (Konrad Mannert) (1756–1834).
- ⁴² Це напевно робота Арнольда Геєрена (Arnold Hermann Ludwig Heeren) (1760–1842) *Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt* (1793–1796).
- ⁴³ Вочевидь йдеться про згадану вже книжку Янковича де Мірієво (Всемирная история для народных училищ).

⁴⁴ Див. примітку 38. Стойкович має на увазі численні огляди всесвітньої історії для дітей Йоганна Шрека (Johann Matthias Schrek) (1733–1808) та таблиці та підручники Юліуса Ремера (Julius August Remer) (1738–1803).

⁴⁵ Вочевидь йдеться про Йоганна Мойзеля (Johann Georg Meusel) (1743–1820) та його підручник *Lehrbuch der Statistik* (1792).

⁴⁶ Це вочевидь праці Матіаса Шпренгеля (Matthias Christian Sprengel) (1746–1801) та Сильвестра Лакруа (Sylvestre Lacroix) (1765–1843).

⁴⁷ Зуев В. Начертание естественной истории для народных училищ... – СПб., 1786 (в 2-х книгах); Севергин В. Начальные основания естественной истории (в 2-х томах) (СПб., 1791).

⁴⁸ Йдеться про роботу Августа Бача (August Johann Georg Karl Batsch) (1761–1802) *Versuch einer Anleitung zur Kenntniss und Geschichte der Pflanzen* (1787–1788).

⁴⁹ Willdenow Karl. Grundriß der Kräuterkunde zu Vorlesungen (Berlin, 1792).

⁵⁰ Нерозбірливо, але вочевидь мова йде про відому книжку Карла Функе «Lesebüchern für Kinder, dem neuen Elementarbuch zum Gebrauche beim Privatunterricht in vier Theilen».

⁵¹ Нерозбірливі перерахування розділів книги Функе.

⁵² Це роботи відомого геттингенського науковця Йоганна Бекманна (Johann Friedrich Beckmann) (1739–1811) – автора терміну «технологія».

⁵³ Ймовірно Крістіан Шпренгель (Christian Konrad Sprengel) (1750–1816) – засновник екологічних вчень, автор відомої книги «Entdecktes Geheimniss der Natur im Bau und in der Befruchtung der Blumen» (1793).

⁵⁴ Нерозбірлива назва книги.

⁵⁵ Йдеться про кількатомні роботи з домашнього господарювання священника Крістіана Гермергаузена (Christian Friedrich Germerhausen) *Hausvater* (1783–1786) «Oekonomisches Reallexikon» 1795–1799.

⁵⁶ Повна назва книжки угорського ботаніка Людвіга Міттерпахера (Ludwig Mitterpacher) про рослинність в Угорщині. *Elementa Rei Rusticae in Usum Academiae Regni Hungariae Budae: Typis Regiae Universitatis, Anno MDCCLXXIX and M. DCC. XCIV* (1779–1794).

⁵⁷ Вочевидь це книжка Йоганна Бекманна. *Grundsätze der teutschen Landwirtschaft*, 1769.

⁵⁸ Це праці директора Ботанічного саду в Ляйпцігу Августина Вальтера (Augustin Friedrich Walther) (1688–1746) та вочевидь *Anleitung zur sicheren Erziehung Holzarten* (1787). Фрідріха Бурддорфа (Friedrich August Ludwig von Burgsdorff).

⁵⁹ Цілком можливо йдеться про книжки Йоганна Швайгофера (Johann Michael Schweighoffer).

⁶⁰ Справжня назва книжки: *Anleitung zur Handelwissenschaft* (1789).

⁶¹ Назву не ідентифіковано.

⁶² Нерозбірливі назви книжок.

⁶³ Це книжка московського професора Івана (Бернгарда) Гейма. *Руководство к коммерческой науке, в пользу высших классов гимназий, состоящих в округе Импер. Моск. Унив., М., 1804.*

⁶⁴ Йдеться про роботу геттингенського професора Георга Сарторіуса (Georg Friedrich Sartorius) (1765–1828) «Handbuch der Staatswirtschaft zum Gebrauch bei akademischen Vorlesungen» (1796).

⁶⁵ Jakob Ludwig. *Lehrbuch der Nationalökonomie* (Halle, 1805).

⁶⁶ Можливо йдеться про книгу Артура Юнга (Arthur Young) «An idea of the present state of France» (1795).

⁶⁷ Вочевидь йдеться про роботи Юстуса Лодера (Justus Christian Loder) (1753–1832), професора і хірурга на той час в Йені, напевно, Стойкович і Лодер навчалися в Геттингені в один час.

⁶⁸ Не вдається ідентифікувати цю книжку.

⁶⁹ Головин М. *Краткое руководство к гражданской архитектуре и зодчеству, изданное для народных училищ Российской империи...* – СПб., 1789.

⁷⁰ Нерозбірливо.

⁷¹ Напевно йдеться про книжки: *Козельский Я. Механические предложения.* – СПб., 1764 та *Руководство к механике, изданное для народных училищ.* – СПб., 1789 (приписується Михайлу Головіну).

⁷² Йдеться про відомий популярний підручник з механіки *Theatrum Machinarium oder Schauplatz der Heb-Zeuge* (1725), що мав багато видань.

⁷³ Нерозбірливо.

⁷⁴ Йдеться про знану роботу геттингенського професора математики Йоганна Маєра (Johann Tobias Mayer) (1723–1762).

⁷⁵ Граматики Крістіана-Готтліба Бредера (Christian-Gottlieb Bröder) (1745–1819): «Praktische Grammatik der lateinischen Sprache» (1787) та «Kleine lateinische Grammatik» (1795) були основними підручниками для вивчення латини на значній частині німецьких земель.

⁷⁶ Не вдається ідентифікувати цю книжку.

⁷⁷ Вочевидь йдеться про навчальні книжки з латини П'єра Шомпре (Pierre Chompré) (1698–1760), зокрема збірник «Dictionnaire de la fable».

⁷⁸ Тут йдеться про книжки та словники Йоганна Аделунга (Johann Christoph Adelung) (1732–1806), що сприяли формуванню і унормуванню німецької мови.

⁷⁹ Жак (Яків) Белен де Баллю (Jacques Nicolas Belin de Ballu) (1753–1815) професор словесності Харківського імператорського університету 1803–1811 рр., йдеться про той час упорядковану, але не опубліковану працю «Systema novum docendi et discendi linguam latinam» (Харків, 1806).

⁸⁰ «Praktische französische Grammatik» (1799) Йоганна Майдінгера (Johann Valentin Meidinger) (1756–1822).

⁸¹ Ноель Валльї (Noël François de Wailly) (1724–1801) французький лексикограф, автор основного на той час підручника французької мови «Principes généraux de langue française» (1754); Підручник Ресто було перекладено російською мовою: «Французкая грамматика собранная из разных авторов господином Ресто, а на российский язык переведенна Васильем Тепловым» (перше видання 1752 р.).

⁸² Тут йдеться про твори французького перекладача італійської літератури Жана Вінерона (Джованні Венероні) (Giovannini Veneroni) (1642–1708) та німецького літературознавця, популяризатора італійської літератури Кристіана Ягемана (Christian Joseph Jagemann) (1735–1804).

⁸³ Можливо Стойкович дещо помиляється, а йдеться про збірник Людвіга Іделера (Ludvig Ideler) та Гайнріха Нольте: *Handbuch der französische Sprache und Literatur* (Berlin, 1796).

⁸⁴ «Antologia poetica italiana» (2 Bd. 1776–1777)

⁸⁵ Безпосередньо Стойкович перераховує педагогів-філантропів (Августа Німайера (August Hermann Niemeyer) (1754–1828), Жана Жака Руссо (Jean Jacques Rousseau) (1712–1778), Йоганна Базедова (Johann Bernhard Basedow) (1723–1790), Фрідріха Резевітца (Friedrich Gabriel Resewitz) (1729–1806), Йоахіма Кампе (Joachim Campe) (1746–1818), Йоганна Гойзінгера (Johann Heinrich Gottlieb Neusinger) (1766–1837) – прихильників поєднання розумової та фізичної праці у вихованні, вочевидь такі підходи пасували самому Стойковичу.

⁸⁶ Нерозбірливо.

⁸⁷ Вочевидь йдеться про книжки основоположника і популяризатора орієнтології Йоганна Бехштайна (Johann Matthäus Behstein) (1757–1822).

⁸⁸ Кристіан Готтгільф Зальцман (Christian Gotthelf Salzmann) (1744–1811) – педагог-філантроп, засновник відомої школи сімейного типу в Шнепфенталі, автор низки пізнавальних книжок для «дітей та батьків». Стойкович, як видно, був залежним від педагогічних поглядів Зальцмана.

⁸⁹ Назву не вдалося прочитати.

⁹⁰ Напевно, йдеться про видання відомої класифікації тваринного та рослинного світу Карла Ліннея його супротивником Філіпом Міллером, що значно переробив і доповнив ту класифікацію.

⁹¹ Назву не вдається прочитати.

⁹² Нерозбірливо.

⁹³ Даний розділ доповнює вимоги Статуту щодо іспитів учнів (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – С. 347–348).

⁹⁴ У даному разі – це думки самого Стойковича. Однак слово Цензура тут означає – правила.

⁹⁵ Йдеться про параграфи щодо публічних іспитів учнів.

⁹⁶ Тут вочевидь калька з французької – вищезаписані, написані.

⁹⁷ Це радше пропозиція Северина Потоцького, передбачалося утримувати 60 сиріт.

⁹⁸ У даному разі це слово означає «устрій» від німецького «die Polizei» і в свою чергу від грецького слова «πόλις».

**«ДЕЛО 13-ТИ» (О ПРОЦЕССЕ 1937–1938 ГГ. НАД Т.Н.
«БОЛГАРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В УКРАИНЕ»)***

М. Г. Станчев

Станчев М. Г. «Справа 13-ти» (про процес 1937–1938 рр. над т. зв. «Болгарською контрреволюційною націоналістичною організацією в Україні»). Автор впервые публикует неизвестные документы из секретного архива НКВД Украины о «Болгарской контрреволюционной националистической организации в Украине». Раскрывается трагедия болгарской интеллигенции в СРСР під час сталінських репресій у 30-ті роки ХХ ст.

Ключові слова: документи; націоналістична організація; болгари; сталінські репресії; Україна.

Станчев М. Г. «Дело 13-ти» (о процессе 1937–1938 гг. над т.н. «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине»). Автор впервые публикует неизвестные документы из секретного архива НКВД Украины о «Болгарской контрреволюционной националистической организации в Украине». Раскрывается трагедия болгарской интеллигенции в СССР во время сталинских репрессий 30-х гг. ХХ ст.

Ключевые слова: документы; националистическая организация; болгары; сталинские репрессии; Украина.

Stanchev M. G. “The Case of 13” (about the trial of 1937–1938 over so-called “The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine”). The author for the first time publishes previously unknown documents from the confidential archive of the People’s Commissariat for Internal Affairs of Ukraine about «The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine». The article reveals the tragedy of the Bulgarian intellectuals in the USSR during Stalin repressions of the 30s of the 20 century.

Keywords: documents; nationalist organization; Bulgarians; Stalin’s repressions; Ukraine.

12. «Дело» Чудры Петра Яровича¹

№ 116

Постановление (об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 17 февраля 1938 года.

Я, сотрудник III отдела УГБ ХОУ НКВД – Скраливецкий, рассмотрев материалы по обвинению гр. Чудры Петра Яровича, 1912 г. рожд[ения], урожд[енца] Болгарии, болгарина, гражд[анина] СССР, б/п., работал в редакции газеты «Коллективист»², прож[ивает]: просп. Ленина 7, кв. 106 в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54–5 и 54–11 УК УССР, выразившихся в том, что он является участником болгарской контрреволюционной националистической организации.

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия. На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Чудре Петру Яровичу – содержание под стражей в харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Сотрудник отдела УГБ – подпись (Скраливецкий)

Согласен: Начальник III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись (Барбаров)

Утверждаю: Зам. нач. ХОУ НКВД, капитан госбезопасности – подпись (Телищев).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 211–211 об. Оригинал, печатный текст.

* Окончание; начало см.: Дриновський збірник/Дриновски сборник. – Т. 6. – Харків–Софія: Академічно видавство «Проф. Марин Дринов», 2013. – С. 368–412; Т. 7. – Харків–Софія: Издавство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2014. – С. 357–392; Дриновський збірник/Дриновски сборник. – Т. 8. – Харків–Софія: Издавство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. – С. 383–403.

№ 117

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 11 марта

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Чудры Петра Яровича по ст.ст. 54–6, 54–11 УК УССР. Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Чудры П. Я. может отразиться на ходе следствия, потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Чудре Петру Яровичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме. Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Завьялов).

Постановление мне объявлено «___» 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М. С.)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 212. Оригинал, текст печатный на бланке.

№ 118

Ордер на арест

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 29/54

Выдан «23» 03. 1938 г.

Действителен «___» суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР т. Захарченко поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Чудры Петра Яровича, проживающего – просп. Ленина 7, кв. 106.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 213. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 119

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное управление

1938 г., 23 марта.

Я, слушатель к/п ХВУ НКВД лейтенант Рыскаль в присутствии сотрудников НКВД Скраливецкого и Ревы на основании ордера, выданного н[аркомато]м обл[астного] управления НКВД УССР за № 29/54, произвел личный обыск у арестованного Чудра Петра Яровича.

При обыске обнаружено и изъято:

1. Сов. паспорт за № ХЖ 212148 на имя Чудра П. Я.

2. Профбилет за № 042518 на имя Чудра П. Я.

3. Военный билет на имя Чудра П. Я.

4. Сов. знаков на сумму четыреста (400) рублей

5. Аккредитив за № 383934 на тысячу (1000) рублей

6. Облигации займа Второй пятилетки:
достоинством 200 р. – 1 шт. серия № 00852
достоинством 100 р. – 2 шт. серия № 12033 и 09479
достоинством 50 р. – 1 шт. серия № 19150
достоинством 10 р. – 3 шт. серия № 14026, 11175 и 11176
заем укрепления обороны Союза СССР достоинством 50 р. – 2 шт. серия № 28975 и 28976.

Всего на сумму пятьсот восемьдесят (580) руб.

7. Справка № 3 от 13. 3. 38 на имя Чудра П. Я.

8. Справка № 3 от 5. 1. 38 на имя Чудра П. Я.

9. Проездной ж.д. билет до ст. Киев.

10. Служебная записка ЦК МОПР СССР.

11. Разная переписка на 22-х лист.

12. Автомат. ручка.

13. Два ключа.

14. Расческа.

Жалоб от арестованного Чудра при производстве обыска никаких не поступило. В чем и составлен настоящий протокол.

Обыск произвел – лейтенант подпись (Рыскаль).

Присутствовали: подпись (Скравивецкий).

Подпись арестованного – (Чудра).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 214 Оригинал, текст рукописный карандашом.

№ 119

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Чудра.
2. **Имя и отчество** – Петр Ярович.
3. **Дата рождения:** число «7» месяц – ноябрь 1912 год.
4. **Место рождения** – Болгария.
5. **Место жительства (адрес)** г. Киев, ул. Красноармейская 15, кв. 5.
6. **Профессия и специальность** – журналист.
7. **Место службы и должность или род занятий** – литератором болгарской газеты в Киеве.
8. **Паспорт** – выдан 8 отделением РК милиции г. Харькова.
9. **Социальное происхождение** – из крестьян.
10. **Социальное положение:**
 - а) до революции – 1912 г. рожд[.]
 - б) после революции – рабочий.
11. **Образование (общее и специальное)** – среднее.
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – чл[ен] Болгарской ком[мунистической] партии с 1932 г.
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР.
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – военнообязанный, Киевский горвоенкомат, Кагановический РВК.
15. **Служба в белых и др[угих] к [онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – Болгарская армия, 1932 г.
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – не подвергался.
17. **Состав семьи** – холост.

Подпись арестованного

(П. Чудра).

1. Особые внешние приметы –

2. Кем и когда арестован – 23 марта 1938 года

3. Где содержится под стражей –

4. Особые замечания –

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (подпись неразборчива)

28 марта 1938 г.

Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 217–217 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 120

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 11 марта 1938 года, я уполномоченный НКВД УССР Скраливецкий, рассмотрев следственный материал по обвинению гражд[ани]на Чудры Петра Яровича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–1а УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Чудра П. Я. в 1934 году был завербован болгарской разведкой для шпионской и диверсионной деятельности в СССР.

По заданию разведки нелегально перебрался в СССР под видом политэмигранта. В СССР был связан с резидентом болгарской разведки Абидаром и непосредственно с болгарским посольством в Москве. Кроме этого, Чудра являлся участником болгарской контрреволюционной организации.

На основании с. 126 УПК УССР и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Чудру Петра Яровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст.ст. 54–1а УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщит военному Прокурору.

О/уполномоченный III отд. УГБУ НКВД подпись (Скраливецкий)

Согласен: начальник (подпись отсутствует)

Утверждаю: начальник (подпись отсутствует)

Постановление мне объявлено подпись (П. Чудра)

« ____ » _____ 193 г.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 218–218 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 121

Начальнику Харьковского областного управления НКВД через
старшего следователя гражданина Скраливецкого
От заключенного Чудра Петр Ярович

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я решил признать свою вину перед советским государством как агент иностранной разведки, завербованный в Болгарии в 1934 году для шпионской деятельности в СССР. Я ничего от следствия скрывать не буду, дабы этим не оставить на свободу в ущерб СССР ни одного человека, известных мне как шпионы или контрреволюционеры и этим самым искупить свою вину перед страной Советов с тем, чтобы на этом основании возвратится к честному труду. Ниже приступаю к изложению своих показаний по существу дела.

31.03.1938 г., г. Харьков

Подпись (Чудра)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 219. Оригинал, текст рукописный чернилами.

№ 122

Личные показания арестованного
Чудры Петра Яровича от 31 марта 1938 года*

С 10-го сентября 1933 года по 28 июля 1934 года я жил в Болгарии подпольно. В подполье я ушел по приказание Компартии Болгарии, т.к. меня угрожал арест в связи с провалом подпольной типографии, к которой имел непосредственное отношение.

В подполье я жил на средства МОПР. С второй половины апреля 1934 года средства для жизни мне были прекращены. Больше 20 дней я голодал, поддерживая свое существование сухим хлебом. Я стал настоятельно требовать средства для жизни от человека, который держал связь со мной. Он мне заявил, что свяжет меня с человеком, который распорядится мопровскими средствами. Встреча состоялась в кондитерской, находящаяся на углу бул. Евлогий Георгиев и ул. Шипка.

При встрече я получил 599 лева. Человек, который передал мне деньги, потребовал от меня расписку. Я ему сказал, что при нелегальных условиях это не только лишно, но и вредно. Я получил ответ: в последнее время совершили злоупотребления мопровскими средствами и для избежания этого «свише» требуют расписки, которые потом уничтожаются. Я снова (*снова* – М. С.) не согласился. Тогда мой собеседник сказал: моя фамилия наверно тебе знакома. Я Велю (Вью) Ганчев. Фамилия эта мне была знакома, и хотя я его лично не знал, он ползвался предомной с авторитетом. Я согласился и дал совершенно коротенькую расписку за подписом Кр. Велев (Крестан Велев) – это было имя и фамилия, под которой я жил подпольно.

На этом же свидании, пользуясь случаем, я сказал Ганчеву, что мне надоело бездействовать и хочу включиться в партийную жизнь. Он мне сказал, что донесет до сведения соответствующих людей и 10-го мая даст мне ответ.

Десятого мая 1934 года мы встретились с него в городе 11 часов вечером. Он мне передал, что через несколько дней я буду переброшен в один из окружающих городов для выполнения обязанности секретаря окружного комитета комсомола.

При возвращении на свою квартиру (это было уже после 12 часов, я жил за городом) меня встретили двое полицейских – один жандар и один в штатском. Они меня остановили и сказали, что ищут какого-то преступника и что для проверки документов мне нужно последовать за ним.

Я подчинился. В охранке я представился как студента Свободного университета, приехавшего в Софии для сдачи сессии. Полицейские – жандар и тот в штатском вышли и в кабинете зашел другой штатский. Я повторил перед ним ту же самую историю с университетом. Он мне сказал, что я вру и что ему известно, кто я. Тут он сказал мне мою настоящую фамилию и показал мне мои фотографии – две – одна в штатской одежде и другая в военной.

Для меня было ясно, что я крепко попался в руки полиции. Полицейский чиновник мне сказал, что возможность избавиться не потеряна. Я должен стать ихним человеком, которой будет переправлен в СССР, имея техническое образование, может совершить им большую услугу. Я стал протестовать, заявляя, что на такую мерзость я не пойду. Он мне сказал, что в таком случае меня ожидает участь школьника Коста, который был убит в гарнизонную тюрьму. Я заявил, что для меня смерть не страшна. Если так, сказал мне полицейский, то мы бросим вас в тюрьму и, показав мне мою расписку, – объявил, что вы провокатор и получили от нами деньги.

Это принудило меня сдать. Тогда мне сказали, что после переброски в СССР со мной свяжется человек, который мне даст задания и я должен их выполнить. Тут же я получил кличку «Андерсон». Перед утром меня выпустили и приказали вернуться на свою прежнюю квартиру и делат вид, что как будто ничего не случилось. Я так и сделал.

Двадцат восьмого июля 1934 года посредством МОПР Болгарии я вместе с другими людьми был переправлен в СССР. Хотя я в лодке ни с кем не связывался по шпионской линии, для меня было ясно, что переправка была организована при помощи полиции и что и остальные люди, ехавшие со мной, были не чистые.

Приехали мы в Одессу. В обком МОПРа нас встретил Абидор как представитель ЦК МОПР УССР. Он беседвал с каждого из нас в отдельности. Когда беседвал со мной он мне сказал, что ему известна цел моей переброски в СССР и назвал мою кличку «Андерсон». Я признал, что это так и ест. Он мне сказал, что он должен меня устроит на завод, а я со своей стороны должен выполнять все его задание. Тут же он сказал, мне, что в Харькове снаряжается новый станкостроительный завод и я должен пойти работать туда. В первую очередь я должен узнать приблизительная мощност и главное добиться доверие. После этого Абидор выехал в Москву, а я через несколько дней в Харьков.

* Сохраняется стиль изложения П. Я. Чудры.

Не желая выполнить задания – доносить обо всем, что делается на заводе и чертежи, которые могли бы попасть в моих руках, – я поспешил устроиться не на заводе, а в редакции газеты «Коллективист». Вернувшись из Москвы и зная, что я устроился не на заводе, а в редакции, Абидор разсердился и стал пугать меня разоблачением. Я ему сказал, что после его выезда из Одессы к нам приезжал представитель болгарской секции Коминтерна и категорически приказал мне работать не на заводе, а в редакции, так как там крайне нуждаются работниками; я боялся не потерять доверие и должен был согласиться.

Абидор этому поверил. Я всегда объяснял ему, что при нынешнем состоянии болгарских литературных кадров мне не так легко уйти из редакции. Раз дело такое, говорил он мне, тогда ты сделаешь «хорошую работу», когда попадешь в Красной Армии. И он меня спрашивал, когда я буду призываться. Я ему ответил, что я не знаю, когда я буду призываться.

Пятого мая 1936 года я был призван в Красной Армии в Чугуевской лагере. Я знал, что если Абидор узнает об этом, он мне даст задание, которое я не хочу выполнять. Я явился к врачу и заявил, что меня сердце нездоровое и что не могу служить. Врач осмотрел меня и сказал, что правда, сердце не здоровое, но все же служит я могу. Тогда я не будучи курящим стал курить папиросу за папиросой и два дня провел на солнце с обнаженной головой. Тогда он мне сказал, что раз дело такое, то я должен давать им сведения о состоянии болгарских районах, и при первой возможности уйти из редакции и приступит к выполнению основного задания, – устроится на завод, добится доверия, стремится попасть в чертежную и выдавать секретные чертежи.

О состоянии болгарских районах я давал Абидору несколько раз сведения. Первое сведение было передано мною в апреле 1935 года, по возвращении из Ольшанского района Одесской области. Я был корреспондентом и ознакомившись с состоянием всех колхозов – которые было тяжело, – я передал все Абидору. Другие сведения давал о Коларовском районе. Эти сведения Абидор всегда принимал с недовольством, – что сведения о Коларовском районе могут давать не я один и что время приступить к выполнению основного задания. На третий день явился к врачу и был освобожден. Вернувшись в редакции, я даже не давал сведения Абидору, что несколько дней был в Красной Армии. Так как сведения которые я давал о болгарских районах были противны моему духу, я несколько раз пытался уйти из редакции и поступить учиться на Литфаке, где я не имел бы никаких возможностей выполнять шпионские задания.

После ареста Абидора случай меня связал с болгарском посольстве в Москве. В июле 1937 года болгарская секция Коминтерна поручила мне явиться в посольстве и требовать паспорт и возвращение в Болгарию. В посольстве со мной говорил седой, 45-летний мужчина, которой для формы выполнял роль машинистки – мне сказали, что в Болгарии мне делать нечего и что я должен оставаться здесь для той цели, для которой был переброшен. Я обещал выполнить задание – поступить на завод. Он мне сказал, что как только я это выполню, они меня найдут и свяжутся со мной.

Задание, конечно, я не выполнил и выполнять не собирался. Если бы я получил задание от которого нельзя было уйти, я бы решился наконец и рассказал все советским органам.

Со мной вместе из Болгарии приехали: (это фамилии здешние): Караджов Петко, Петерсон (умер), Филиппов Филип – студент Московского института истории и литературы, Геров Момчо – я не знаю, где он, Бояджиев Иван, кажется живет в Ростове-на-Дону, Ангелов – жил в Одессу, Адженов – я не знаю где, Стефанов Борис – в Одессу.

31.03.1938 г.

Попись (Чудра)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 219–229. Оригинал, текст рукописный, чернилами.

№ 123

Дополнительные показания
арестованного Чудры Петра Яровича от 1-го. 04. 1938 года

После вербовки меня болгарской разведкой в городе Софии для шпионской деятельности против СССР мне было дано задание:

Проникнуть (устроиться) на одном из машиностроительных заводов СССР. На любую цену проникнуть в чертежную и украсть чертежи для построения станков (особен-

но сверлильных), которые используются или могут быть использованы для изготовления боеприпасов. Это было крайне нужно Казанлешкому (*Казанлыкскому* – М. С.) военному арсеналу, который находился в стадии своего разроствания и который производит исключительно боеприпасы – патроны, гранаты и др. п.

Заданий по террору и диверсия я от болгарской разведки не получал. Для разъяснения вопроса следствия каким образом могло случиться, что представитель МОПР, Абидор, связавшись со мной по шпионажу в Одессе, назвал меня кличку «Андерсон» полученной мною в болгарской разведке в Софии объясняю:

Из Варну нас выехало две группы. Первая группа села в лодку на пристане, а вторая ждала нас в море. Первая группа состояла из шест человек: двое, прибывшие из Софии, и четыре, присоединившиеся к нам из Варна. Во главе первой группы поставили меня. Я спросил человека, который нас провожал: как мы свяжемся, когда уже будем в СССР, если мы не имеем никакой пароль нас могут принят не как эмигранты, а как люди, нежелательные для СССР?

Я получил ответ: об этом меньше всего беспокоитесь. Вы едете морем, а через Румынии и Бесарабии уже выехали два человека, которые будут в СССР раньше вас. Я возразил, настаивая на пароль, так как боялся, что он могут не попаст в СССР. Он мне ответил: им не впервые и они обязательно попадут в СССР.

В лодке я узнал, что такой же ответ при требовании парола получила и вторая группа. Для меня нет сомнения, что эти два человека, приехав раньше нас в СССР, и связались с Абидором и передали ему мою кличку «Андерсон».

О Белеве. Крыстю Белева³ я знаю с 1931–1932 года. Знаю его по совместную литературную и партийную работу, которой мы проводили в городе Пловдиве. Последний раз я его в Болгарии видел 1932 года осенью в городе Софии.

В октябре 1937 года редактор болгарского сектора при Нацмениздате Кетков⁴, вернувшись из Москвы, сообщил мне, что встретился в Москве с Белевим и что Белев передал мне привет. Несколько дней спустя, я получил телеграма из Москве, в которой Белев мне сообщал, что проездом через Харьков едет в Крым и хочет со мной повидаться. Я его встретил на харьковском вокзале. Беседа длилась не больше 15 минут. Говорили исключительно о литературных делах. Главное – о состоянии болгарской революционной и антифашистской литературы. Рассказал мне также о международном конгрессе в защиту культуры в Мадриде, на котором он был делегатом.

Вторая наша встреча произошла в Киеве, где Белев приезжал в начале февраля 1938 года для того, чтоб заключить договор в Нацмениздатом о издание его роман «Прорыв» и др[угие] книги. При отезда Белев сделал на киевском вокзале две снимки, в одна из которых был заснят и я. Подумав об этом, я глубоко усумнился в целях для которой были сделаны эти фотографии. Зная, что мою фотографию в Болгарии он не может отнести, мне она казалас для него бессмысленной. Исходя из прошлого, я подумал: нет готовится ли мне какую-то ловушку и на самом ли деле Белев приехал в СССР как антифашистский писатель?!

На вопрос, кто персонально из сотрудников болгарской секции Коминтерна мне предложил явится в Москве, отвечаю: Володин Антон, который в это время принимал болгарских эмигрантов. Он мне прочел закон об амнистии и сказал, что мои преступления попадают под этой амнистии, и по приказание партии я должен вернуться в Болгарии для продолжения свою революционную работу.

На вопрос следствия, подтвердил ли я сотруднику болгарской мисии в Москве о своей связи с болгарской разведкой отвечаю: да, подтвердил и постарался убедит его, что Коминтерн мне приказал работат в редакции и невозможно откажется и приступит к выполнению поручений от болгарской разведки в Софии. В соответствии с моим ответом сотрудник болгарской мисии предложил мне категорическим образом, чтоб я сделал все возможное, для того чтоб уйти из редакции и поступит на завод. Я обещал, что сделаю все возможное...

В октябре 1937 года, Марков Дмитрий⁵ предложил мне войти в болгарскую контрреволюционную националистическую организацию. Я согласился, так как против меня велас атака со стороны некоторых националистов давным давно. Втягивание в этой организации произошло вот каким образом: я жаловался Марков, что травля на меня со стороны некоторых людей не прекращается. Что вследствие этой травли я в августе был уже снят

с работу и что сейчас при переезде редакции в Киеве я опять уволен, несмотря на то, что меня считали хорошим работником и крайне нуждаются литературного редактора.

Марков мне сказал, что ему известно все и что я единственный не буду принят на работу в редакции в Киеве. Я спросил: почему именно меня не примут, он мне сказал, что пока я продолжаю упорствовать и не пойду в ногу со всех, я буду страдать. Он мне сказал, что я увижу, что через некоторое время все старые работники «Колективиста» будут приняты и только я один останусь так. И тут мне объяснил: Фуклев имеет давнишнюю связь с Стояновым, с новым редактором, и что сотрудники фактически подбираются Фуклевым. Фуклев уже несколько раз говорил с Стояновым Володимиром и тот с помощью Власова будет подбирать сотрудники. Мне было известно, что Стоянов несколько раз встречался с Фуклевым и при беседе присутствовал также и Власов и поверил Маркову. Марков мне объяснил, что я все время вел борьба против Фуклева и являлся помехой для осуществления некоторые жизненные вопросы.

Наконец, наша беседа приняла очень острый характер и я прямо заявил Маркову, что я был против, потому что это явный узколюбый национализм, контрреволюционный по существу и не совместим с моих пониманиях. Тогда Марков мне сказал: а кто ты? Ты такой же националист, как мы все. Для «доказательства» моего национализма он мне привел ряд националистических ошибок в газете, допущение мною или с моей помощью и сказал, что все это имеется в портфеле Фуклева и если я не пойду вместе с ним, то эти ошибки будут представлены не как случайные. Я ему ответил, что в этом все людям не трудно будет разобраться. Ответ на это был для меня самым неожиданным: Фуклеву известно кое-что о твоё хождение в болгарском посольстве и это будет использовано.

Мне некуда было деваться, и я согласился «йти в ногу». Тогда Марков мне объяснил, что несмотря на все, я и до сих пор был с ним. Я принимал участие в Одесском совещание, это всем известно; Марков, напомнив это, сказал, что люди там присутствующие были подобраны Фуклевым и я должен был быть слепым, чтоб незаметить как по основные вопросы я остался один. От слова Маркова понял, что по литературной линии вся работа возглавлялась Фуклевым. Марков мне сказал, что цел этой организации была организовать болгарский центр, что для этой цели был уже составлен соответный план. Я пошутил: не имеется ли здесь в виду миниатюрная республика? – Марков мне сказал, что я недалеко от правды. Вся эта затея мне была противна. Я ненавидел всей душой и людей, которые ее возглавили: Фуклев, и сама идея мне казалась сумасшедшей. И только мои прошлые случайные опущения и шпионская деятельность, о которой мне Марков намекнул и заставил сдаться.

Моя задача была очень простая – продолжать путаницу в болгарском языке, которая Фуклев навел. На это раз я решил действовать так, чтоб ударит крепко этой организации, сами этого не зная. С такой же целью я и сообщил, что Фуклев встречался с фашистом Любченко⁶, – что я узнал от Величкова Александра⁷...*(на самом деле его зовут Алексей – М. С.)*. В последующем от Маркова я узнал, что центр болгарской организации в лице политэмигрантов Мицева Серафима, Радива Волчана и Фуклева из местных болгар руководят практической деятельностью организации по вербовке боевых кадров в национальных болгарских регионах.

Марков мне рассказал, что вербовочная работа среди болгар проводится под прикрытием демагогического лозунга о создании на Украине самостоятельного болгарского государства. Марков предложил мне в моей практической литературной работе протаскивать националистическую пропаганду.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 230–241 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

13. «Дело» Шаховцова Ивана Николаевича⁸

№ 124

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 11 февраля 1938 года.

Я, пом[ощник] оперуполномоченного ДТО ГУГБ НКВД Юж[ной] ж[елезной] д[ороги] сержант Госбезопасности Ятло, рассмотрев материалы по обвинению

гражд[ани]на Шаховца Ивана Николаевича, 1902 г. рожд[ения], украинец, гражданин СССР, беспартийный, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–1п. и 54–10 ч. 1 УК УССР, выразившихся в том, что он в прошлом эсэр, являлся активным участником белого движения, с белыми эмигрировал в Болгарию, откуда прибыл в 1923 г., восстановил связи с к[онтр]-[революционным] националистическим элементом и проводил к[онтр]р-[революционную] шпионскую деятельность.

Нашел, что (привести мотивы избрания меры пресечения) нахождение на свободе Шаховца может повлиять на ход следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому ШАХОВЕЦ И. Н. содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

Настоящее постановление представить Транспортному прокурору Южн[ой] Ж[елезной] д[ороги]

Пом[ощник] Оперуполномоченный, сержант Госбезопасности

подпись (Ятло)

Согласен: ВРИД. нач[альник] III отделения, сержант Госбезопасности

подпись (Эйнгорн)

Утверждаю: нач[альник] ДТО ГУГБ НКВД Южн[ой]ж[елезной]д[ороги],
Капитан Государ[ственной] Безопасности

подпись (Леопольд)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 260. Оригинал, текст печатный на бланке.

№ 125

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 11 февраля

Транспортный прокурор Южн[ой] Жел[езной] Дороги ПАВЛОВИЧ, рассмотрев материалы следственного дела по обвинению Шаховцова Ивана Николаевича, в преступлении, предусмотренном ст.ст. 54–10 ч. 1 УК, а также ходатайство ДТО ГУГБ Юж[ной] ж[елезной] д[ороги] об избрании меры пресечения под стражей

ПОСТАНОВИЛ:

Ходатайство ДТО ГУГБ Юж[ной] ж[елезной] д[ороги] удовлетворить, меру пресечения обвиняемому ШАХОВЦОВУ И. Н. избрать содержание под стражей в Харьков. тюрьме

Зам[еститель] Прокурора

(Павлович)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 261. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 126

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

ОРДЕР № 486

Выдан «12» февраля 1938 г.

Действителен « 2 » суток.

Сотруднику НКВД УССР тов. Шукте тов. Толмачеву поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Шаховцова Ивана Николаевича, проживающего – г. Харьков, Полтавский въезд № 1, кв. 4.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Нач. ДТО ГУГБ НКВД Южн[ой] Ж[елезной] д[ороги] – (подпись неразборчива)
Секретарь – (подпись неразборчива)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 262. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 127

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел
Дорожно-транспортный отдел ГУГБ НКВД Южн[.] Ж[.]д[.]
1938 г., февраля, 12 дня.

Я, сотрудник ДТО ГУГБ НКВД Юж[ной] ж[елезной] д[ороги] Толмачев, на основании ордера, Дорожно-Транспортного отдела Главного Управления Государ[ственной] Безопасности НКВД Южн[ой] Ж[елезной] д[ороги] за № 486 произвел обыск у гр[аждани]на Шаховцова Ивана Николаевича, проживающего в г. Харьков, Холодная гора, по улице Якубовский переулок в доме № 2, кв. 1. При производстве обыска присутствовали: т. Прядкин П. В., Колисова М. И. Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Шаховцов Иван Николаевич, 1902 г. рожд.

Изыято для представления в ДТО ГУГБ НКВД Юж[ной] ж[елезной] д[ороги] следующее:

№	Наименование изъятото	Количество	Качественное состояние
1	Военный билет на имя Шаховцова И. Н.	1	Паспорт, профбилет и военбилет в 6-м отд. ДТО Южн. Ж.д. 28.02. Подпись (Толмачев)
2	Трудовой список	1	
3	Диплом № 97/96	1	
4	Членский билет политпросветработника № 218660	1	
5	Членский билет МОПР	1	
6	Удостоверение личности НКПС № 096460	1	
7	Фотокарточки. 3 штуки	3	
8	Справок на имя Шаховцова И. Н.	7 шт.	
9	Разной переписки на 105 листах	105	
10	Книг. Главные деятели освобождения крестьян	1	
11	Книг на немецком языке (немецкие сказки)	3 шт.	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – нет.

В протоколе все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Шаховцов)

Представитель домоуправления – подпись (Колисова)

Производивший обыск – подпись (Толмачев)

Копию протокола получил – подпись (Шаховцов)

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 263–263 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Шаховцов.
2. **Имя и отчество** – Иван Николаевич.
3. **Дата рождения:** число «24» месяц – июня 1902 год.
4. **Место рождения** – г. Чугуев Харьковской области.
5. **Место жительства (адрес)** г. Харьков, Якубовский пер. № 2.
6. **Профессия и специальность** – режиссер-актер.
7. **Место службы и должность или род занятий** – Дворец железнодорожников им. т. Сталина, художественный руководитель Кукольного театра.
8. **Паспорт** –
9. **Социальное происхождение** – отец – железнодорожный служащий.
10. **Социальное положение:**
 - а) до революции – служащий.
 - б) после революции – учащийся-служащий.
11. **Образование (общее и специальное)** – высшее, закончил педтехникум и муздраминститут.
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный.
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – украинец, СССР.
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – состоит в военнотехническом секторе Южн[ой] Ж[елезной] д[ороги].
15. **Служба в белых и др[угих] к[онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – рядовым в 8 марковской батарее армии ген[ерала] Май-Маевского в 1919.
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – нет.
17. **Состав семьи** – 1. Жена, Лидия Николаевна Костенко 1898 г., актриса кукольного театра. 2. Сын Виталий 14 лет, учащийся. 3. Дочь Лина 3 года. 4. Сын Валерий род. в 1937 г.

Подпись арестованного

(Шаховцов)

1. Особые внешние приметы –
 2. Кем и когда арестован – 12 февраля 1938 года.
 3. Где содержится под стражей –
 4. Особые замечания –
- Подпись сотрудника, заполнявшего анкету – подпись (Березянский)
12 февраля 1938 г.

Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 264–264 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 129

Начальнику ДТО
От арестованного Шаховцова Ив[ана] Никол[аевича]

ПОКАЗАНИЯ

С 1919 г. декабря месяца я служил в белой армии рядовым и выехал в 1920 г. в Галлиполи⁹. Оттуда бежал в Болгарию, г. София, порвав всякую связь с белой армией и работал ломовым извозчиком. Желая вернуться на родину и честно работать на благо трудящихся, я поступил в «Союз возвращения на родину»¹⁰. Однако белогвардейцы, чтобы не дать мне возможность честно вернуться на родину и использовать для своих целей – начали всячески меня обрабатывать. По инициативе некоего бывшего офицера Якубовского на

квартире его жены Стефановской Л. на вечеринке меня сблизил с неизвестной мне женщиной Васильевой Теодорой – чл. БКП (т.с.), на которой я впоследствии женился. После фашистского переворота Цанкова¹¹ в 1923 г. я был арестован болгарской полицией. На допросе в тюрьме белогвардейский офицер – представитель Врангеля поставил передо мной вопрос: если я не соглашусь вступить в организацию белогвардейцев, направляющихся в СССР под видом возвращенцев для определенных целей, то меня как бежавшего из белой армии из Галлиполи и изменившего Врангелю и как вступившего в «Союз возвращения на родину», а также за втягивание и других солдат в этот Союз я буду задержан в Болгарии, никогда не увижу родину и буду расстрелян.

В крайнем случае, если мне удастся остаться на свободе, то фашистская организация белогвардейцев все равно меня уничтожит при любых обстоятельствах, так как был убит Агеев и др. Болгарский офицер, присутствовавший на допросе, добавил, что я нахожусь в их власти и что у них найдется достаточно средств расправиться со мной. При таких создавшихся обстоятельствах я согласился на их требования и мне было предложено по приезде в СССР установить связь с белогвардейскими элементами, оставшимися в СССР, связаться с контрреволюционными организациями, с которыми у них есть связи и которые проводят свою подрывную работу в СССР, а также сообщать сведения о настроениях отдельных слоев населения в СССР, о расположении воинских частей, об административно-хозяйственном управлении СССР и т.п., и все эти сведения я должен был передавать через Якубовского, с которым должен был держать крепкую связь и выполнять все его требования. На случай войны я должен был поступить в распоряжение того же Якубовского, как бывшего офицера, который формирует вооруженный отряд, действующий по определенным заданиям на Юге России сообща с другими отрядами под командованием штаба белых, находящегося также на Юге, на территории СССР. Причем мне не было сообщено ни одной организации, ни одной фамилии по причине как мне объяснили конспирации и ввиду того, что я еще не заслужил у них доверия и не считаюсь стойким элементом.

Была названа только организация, членом которой я должен был состоять. Называлась она РОВС (российский воинский союз)¹². Причем, мне было сказано на этом допросе, что за моей деятельностью будет установлен тайный надзор и при измене будут предприняты также решительные меры по отношению ко мне. Здесь же мне указали, что недалек тот час, когда власть Советов будет уничтожена, так как белогвардейские организации, в том числе и РОВС, развили очень активную деятельность и близки к победе над советской властью, так как они действуют при активной поддержке и под руководством фашистских организаций других государств.

В частности, мне было сообщено, что вместе с нами из Болгарии в СССР направляется группа болгарских фашистских представителей, которые будут проводить приблизительно такую же работу, как и РОВС, и свяжутся в первую очередь с контрреволюционными элементами среди болгар в болгарских районах Днепропетровской области для выполнения тех же задач в мирное и военное время, какие выполняли белогвардейские организации, но также конспиративно, т.е. я не должен был знать членов и название этой организации. Должен сказать, что о террористической деятельности этих организаций против руководителей партии и советской власти и Коминтерна и в первую очередь против Георгия Димитрова не было сообщено, но этим, как мне сказали, занимается особая группа, состоящая из проверенных кадровых офицеров из русской белогвардейской и болгарской молодежи. Для того, чтобы меня успокоить об опасности разоблачения, которая мне может грозить в СССР, они указали мне на выгодное положение – жена моя член БКП (т.с.). Она имеет рекомендации от Георгия Димитрова и т.д. Кроме того, при умелом моем подходе я также мог воспользоваться рекомендацией Георгия Димитрова и вступить в партию. Вот при такой ситуации я выехал в СССР.

По приезде в СССР в Новороссийске была задержана группа провокаторов, а также Якубовский, который ехал с нами на одном пароходе («Буг») под видом мужа Стефановой Л., чл. Партии БКП (т.с.), которая отправилась в Москву и проживает там на улице Мытной 52/54. Ознакомившись впервые с жизнью в СССР, я был захвачен ею. Во мне пробудилась совесть сына батрака, члена семьи ж[елезно]-д[орожного] рабочего и я увидел бесцельность и бесполезность для меня борьбы, которую ведут белогвардейцы против советской власти и, не видя уже для себя опасности преследований со стороны белог-

вардейцев после ареста Якубовского, решительно порвал со всякими обязательствами, взятыми на себя в Болгарии, и ни одно из них не выполнил – никаких связей с русским белогвардейцами я не устанавливал, сведений никаких никуда не давал и согласился с женой уехать в болгарское село Преслав¹³ Днепропетровской области. С 1923–1926 г. я учился там в педтехникуме, забрав к себе мать и брата (13 лет). Жена была преподавательницей в педтехникуме. Но за все это время я не нашел в себе достаточно мужества разоблачиться и заявить до конца обо всем в НКВД, т.к. все-таки боялся осуществления угроз со стороны белогвардейской охраны (при допросе в Болгарии), хотя и не проводил за эти годы никакой контрреволюционной работы. Мои опасения в дальнейшем как будто оправдались.

Вокруг моей жены Васильевой в с. Преслав стали группироваться националистические и кулацкие элементы из местных болгар (Федосов, Главчев А. Н., Димитров Д. Д., Инджилов, Гогунский, Креслев и др. фамилии, которых я не помню), а также приезжие болгары из Болгарии, чл[ены] партии и беспартийные (Мальчев, Петров Иван, Мицев, Витанов, Волин и др., фамилии которых я также не помню). Будучи беспартийным, я не знал достаточно всех бесед и разговоров, которые вела Васильева с этими лицами, но сопоставляя некоторые факты при отъезде из Болгарии, с связями, которые устанавливала Васильева и ее поведение в СССР и отношение ко мне со стороны Васильевой, я начал подозревать ее в участии болгарской контрреволюционной фашистской организации, о которой мне говорили при допросе в Болгарии. Мои опасения усилились еще больше, когда в 1926 г. я переехал в Харьков учиться в Муз[ыкальный] Театр[альный] Институт. Васильева выехала за мной и поступила работать в редакции болгарской газеты «Советское село» (Коллективист). Связи ее увеличились, т.к. она вступила членом Балканского клуба, куда перекочевали почти все болгары, проживающие в Харькове. Из них, напр[имер] Чернаева – болгарка, приехавшая из Болгарии замужем за б[ывшим] русским белогвардейским офицером Кудрявцевым. В дальнейшем Чернаева разошлась с Кудрявцевым, тесно дружила с Васильевой и возвратилась в Болгарию. Кажется, в 1935 г. Васильева очень интересовалась приблизительно тем же кругом вопросов, которые интересовали белых в Болгарии и в беседах с Васильевой я молчаливо соглашался и передавал ей все, что я знал в устных беседах.

Все это сообщаю для того, чтобы рассказать чистосердечно о своей деятельности, которую я скрывал от Васильевой, которая не раз угрожала мне намеком на прошлое и рассказать причины, побудившие меня скрыть свое прошлое. Для того, чтобы еще больше войти в доверие и доказать преданность делу рабочего класса, которому я начинал по-настоящему верить действительно, я подавал в партию, желая этим окончательно порвать со своим прошлым. Для этой цели я обращался даже за рекомендацией к Георгию Димитрову, которую с помощью Васильевой я получил. Однако, как мне стало понятно в дальнейшем, мое поступление в партию не могло покрыть всех моих грехов, если я их скрываю, даже при искреннем желании быть большевиком, т.к. такие факты не могут рассматриваться иначе как маскировка. Этим и объясняется в дальнейшем мой отрыв от партии и от рабочего класса и установление связи с контрреволюционными организациями.

Во время моей учебы в Муз[ыкальном] Театр[альном] Институте я работал на радиостанции диктором, где аппарат был засорен. Дикторами работали Приходько Мария, Мочила Яков, Огуй, Макарченко и Штурко. Одновременно после посещения Ленинградского кукольного театра по настоянию Веселова (чл[ен] партии работает в театре им. Шевченко) я познакомился с зав[едующим] худож[ественным] отделом НКО (*наркомат образования* – М. С.) Горбенко П. Д., который предложил мне руководство кукольным театром при ТЮЗе (*Театре юного зрителя* – М. С.), причем предложил мне познакомиться с Приходько, но из осторожности не сообщил мне прямо для какой цели, а как будто-бы для того, чтобы он помог в деле развития кукольного театра. На одной из вечеринок у Приходько, в 1928 или 1929 г., не помню, где были Могила Яков, Огуй, Макарченко, Сагод, Ленче, меня познакомили с Приходько (это было еще до начала вечеринки). Мне стало известно, что Приходько А. Т. является одним из руководителей партии борьбистов¹⁴ – контрреволюционной организации, борющейся с советской властью, а группа присутствующих на вечеринке являются укр[аинской] националистической группой, связанной с ним, с Приходько.

Указав на то, что он знает все о моем прошлом, он предложил мне вступить в эту группу, задача которой заключалась в агитации против тактики партии на селе. В случае

ухода из радио я должен был держать крепкую связь с Горбенко П. Д., который должен был давать мне определенные задания. О каком-либо терроре против руководителей партии и советской власти или о каких-либо других задачах тогда ничего не говорилось и мне ничего не было известно. Причем Приходько намекнул, что, занимая руководящие посты в советских учреждениях, он сумеет повлиять на меня соответствующим образом, если я не сумею выполнить какого-либо задания.

Приблизительно в это же самое время я написал радиofilm «М'ясозаготівлі» по заданию литредактора Могилы Якова, который соответствующим образом исправил его и по разрешению политредактора Ленге пропустил его в эфир. В фильме, по отзыву прессы, изображалась вульгарно политика партии на селе в отношении мясозаготовок, сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. После этого никакой контрреволюционной деятельности, связанной с этой группой, я не проводил, т.к. я вскоре ушел из радио, ввиду того, что кончал институт и переходил работать по специальности. Но, как мне было указано, я связался с Горбенко П. Д., который по указаниям Приходько А. Т. являлся членом украинской националистической буржуазной контрреволюционной организации, ставящей себе целью отрыв Украины от Советского Союза. Доказательством может служить его установка, которую он высказывал и мне, а именно: нужно, говорил он, создавать украинскую национальную культуру, «свою», ориентировал не на пролетарскую Москву как центр советской культуры, а на отрыв от нее и т.д. С этой целью он готовил к печати книгу о кукольном театре, где ставил в пример историю чешского кукольного театра как образец истории борьбы за национальное освобождение. Впоследствии, когда его имя было скомпрометровано, он подставлял имя своей жены Цымловой Л. С.¹⁵

С Горбенко были связаны следующие люди, с которыми у него были общие задачи: художник Цивчинский из Межигорья в 1933–34 гг., проживающий в Ленинграде, ул. Чайковского 25, бойчукист и сам Бойчук, впоследствии репрессированные¹⁶. В общем, в задачу этой группы входила борьба на идеологическом фронте и в первую очередь по линии искусства за внедрение бойчукизма как «настоящего украинского народного искусства». Это было 1929–1930 г. Кстати сказать, это было время отхода от Васильевой и знакомство с Костенко. Между прочим, Васильева также была связана с Горбенко П. Д. и поддерживала эту связь все время. В свое время она также одобрила мой радиofilm о мясозаготовке. Приблизительно те же установки, о которых я говорил выше, Горбенко давал и мне по линии кукольного театра. Его задания я выполнил следующие: добился разрешения у Хвыли, как зам наркома просвещения, на издание книги о кукольном театре, привлекал к работе в театре бойчукистов: Довгала (художник) и Цивчинского. Своей деятельности эта группа не могла развить широко, потому что к этому времени относится разгон партий буржуазных националистов, исключение из партии Горбенко П. Д. и снятие его с работы, разгон бойчукистов как течения в в искусстве явно враждебного, арест Приходько и т.д. (1931–1932 гг.).

Это была последняя возможность для меня по настоящему перестроиться и вступить на путь открытого признания своей контрреволюционной деятельности и ее прекращения, а также полного разоружения. Более того, органы НКВД давали мне возможность показать на деле свою активную борьбу с контрреволюцией. Однако в действительности я этого сделать не сумел по настоящему. Несмотря на то, что я давал органам НКВД важные сведения и помог разоблачить такого врага, как помещик Хоменко (родственник моей жены Костенко Л. Н.), я скрыл многое из того, что здесь изложил чем скрыл свое прошлое, т.е. фактически не разоружился. Я не хочу сказать, что вся моя деятельность проходила под знаком боязни, зависимости от кого-то. Были и у меня колебания, напр[имер], колебания в отношении политики партии на селе, когда мне казалось, что взят слишком крутой курс, что и подтолкнуло меня связаться с буржуазными, контрреволюционными украинскими националистическими элементами. Но я все же делал искренние попытки перестраиваться, стать настоящим советским человеком.

Моя преданная работа по созданию советского образцового театра на Украине в период 1933–1936 гг. может послужить доказательством. В этот период я старался порвать всякую связь с контрреволюционными элементами и работать честно, но в это время я был уволен из Дворца пионеров не без содействия Васильевой, тесно связанной с бывшими работниками Дворца пионеров (Рогозина, Спектор, Дашевский). Это снова повлияло на меня отрицательно. Теперь, когда я нахожусь под арестом, я понял на следствии всю вред-

ность своей деятельности и поведения, которое исходит из моего мелко-буржуазного нутра, от которого я хочу освободиться. Если органы НКВД дадут мне возможность, я честно постараюсь оправдать высокое звание советского гражданина и избавиться от того, о чем я искренне рассказал в этих показаниях без утайки обо всем и до конца.

25.09.38 г.

Шаховцов

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 288–304. Оригинал, текст написан чернилами.

№ 130

Постановление

Гор. Харьков, 11 февраля 1938 года.

Я, уполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – Шкатулла, рассмотрев следственный материал по обвинению гр. Шаховцова Ивана Николаевича, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Шаховцов Иван Николаевич являлся участником контрреволюционной националистической организации, по заданию которой проводил подрывную работу.

На основании ст. 126 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр. Шаховцова Ивана Николаевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить военному прокурору.

Уполномоченный – подпись (Шкатулла)

Согласен: Начальник – (без подписи)

Утверждаю: Начальник – (без подписи)

Постановление мне объявлено

подпись (Шаховцов)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 265–265 об. Оригинал, текст рукописный на печатном бланке. Протокол допроса Шаховцова И. Н. не публикуется.

№ 131

Выписка из протокола № 123
заседания Особой тройки УНКВД по Харьковской области от
«28» октября 1938 г.

Слушали: дело № 114964 3 отдела УГБ НКВД по Харьковской области.

По делу обвиняются на основании ст.ст. 54–10, 54–11 УК УССР:

Мицев Серафим Иванович, 1890 г. рождения, уроженец г. Берковица (Болгария);

Фуклев Николай Петрович, 1905 г. рождения, уроженец с. Преслав Днепропетровской области;

Радев Волчан Волчанович, 1898 г. рождения, уроженец г. Варна (Болгария);

Войников Иван Павлович, 1896 г. рождения, уроженец с. Диановка Коларовского района Днепропетровской области;

Иванов Степан Федотович, 1896 г. рождения, уроженец с. Терновка Николаевской области;

Мицев Николай Серафимович, 1912 г. рождения, уроженец г. Берковица (Болгария);

Пейчев Николай Иванович, 1898 г. рождения, уроженец с. Вячеславка Днепропетровской области;

Попазов Дмитрий Дмитриевич, 1913 г. рождения, уроженец с. Райновка Коларовского района Днепропетровской области;

Скендеров Владимир Иванович, 1898 г. рождения, уроженец г. Ксанти (Болгария);

Федосов Федор Ильич, 1910 г. рождения, уроженец с. Софиевка Андреевского района Днепропетровской области;

Хаджикочев Кирилл Константинович, 1873 г. рождения, уроженец с. Ресен Тырновского района (Болгария);

Чудра Петр Ярович, 1912 г. рождения, уроженец с. Микштели (Болгария);
Шаховцев Иван Николаевич, 1902 г. рождения, уроженец г. Чугуев Харьковской области.

ПОСТАНОВИЛИ:

Мицева С. И., Фуклева Н. П., Радева В. В., Войникова И. П., Иванова С. Ф., Мицева Н. С., Пейчева Н. И., Попазова Д. Д., Скендерова В. И., Федосова Ф. И., Хаджикочева К. К., Чудру П. Я., Шаховцова И. Н. – расстрелять.

Лично принадлежащее им имущество – конфисковать.

Верно: секретарь Тройки (без подписи)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 348, 350, 351. 354, 356–357, 360, 362, 364, 366, 380. Оригинал, текст печатный на бланке.

№ 132

Выписка из акта

Сов. секретно

Постановление Тройки УНКВД по Харьковской области по делу № 114964 от 28 октября 1938 г. приведено в исполнение 4 ноября 1938 г.

Сотрудник 1 спецотдела УНКВД

Сержант Госбезопасности

подпись (неразборчиво)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 349. Оригинал, текст рукописный на печатном бланке.

№ 133

Спецконтроль

Секретно. Экз. № 1

В военный трибунал Киевского военного округа

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

по делу Мицева С. И. и других, всего 13 человек.

По постановлению Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 года, на основании ст.ст. 54–10 и 54–11 УК УССР были осуждены к расстрелу:

1. Мицев Серафим Иванович, 1890 г. рождения, уроженец гор. Берковица (Болгария), быв. член ВКП(б) с 1924 по 1937 г., болгарин, с высшим образованием, до ареста – директор выставки изобретательства в г. Харькове.

2. Фуклев Николай Петрович, 1905 г. рождения, уроженец села Преслав, Днепропетровской области, б/п, болгарин, с высшим образованием, до ареста – консультант Харьковского областного отдела народного образования.

3. Радив Волчан Волчанов, 1898 г. рождения, уроженец гор. Варны, (Болгария), быв. член ВКП(б) с 1921 по 1936 г., с высшим образованием, до ареста работал на Харьковском патефонном заводе в должности плановика.

4. Войников Иван Павлович, 1896 г. рождения, уроженец села Диановка, Колотовского (позже Коларовского – М. С.) района Днепропетровской области, болгарин, б/п, с высшим образованием, до ареста – педагог техникума промышленного транспорта.

5. Иванов Степан Федорович, 1896 г. рождения, уроженец села Терновка Николаевской области, б/п, болгарин, с высшим образованием, до ареста – экономист по труду «Харэнерго».

6. Мицев Николай Серафимович, 1912 г. рождения, уроженец Берковица (Болгария), б/п, до ареста – студент 4 курса химического факультета Харьковского госуниверситета.

7. Пейчев Николай Иванович, 1898 г. рождения, уроженец села Вячиславка Днепро-

петровской области, болгарин, б/п, с высшим образованием, до ареста – преподаватель 115 школы г. Харькова.

8. Попазов Дмитрий Дмитриевич, 1913 г. рождения, уроженец села Райновка Коларовского района Днепропетровской области, б/п, болгарин, со средним образованием, до ареста – комсорг 67 школы г. Харькова.

9. Скендеров Владимир Иванович, 1898 г. рождения, уроженец гор. Ксантий (Болгария), член ВКП(б) с 1919 г. до дня ареста, болгарин, с низшим (*имеется ввиду начальное – М. С.*) образованием, до ареста работал в Харьковском горпищеторге.

10. Федосов Федор Ильич, 1910 г. рождения, уроженец села Софиевка Андреевского района Днепропетровской области, б/п, болгарин, с высшим образованием, до ареста – педагог Рабфака ХТЗ.

11. Хаджи-Кочев Кирилл Константинович, 1873 г. рождения, уроженец села Рессе Тернецкого района (*имеется в виду с. Ресен Велико-Тырновского района – М. С.*) (Болгария), б/п, болгарин, с низшим образованием, до ареста – технический директор совхоза «Красный быт» Харьковского района.

12. Чудра Петр Ярович, 1912 г. рождения, уроженец села Микштели (Болгария), б/п, болгарин, со средним образованием, журналист, без определенных занятий.

13. Шаховцев Иван Николаевич, 1902 г. рождения, уроженец гор. Чугуев Харьковской области, б/п, украинец, с высшим образованием, до ареста – художественный руководитель Кукольного театра.

Постановление тройки в отношении всех осужденных приведено в исполнение 4 ноября 1938 года (*том I, л. 14–16 – материал проверки*).

По обвинительному заключению Мицев С. И., Фуклев, Радив, Войников, Иванов, Мицев Н. С., Пейчев, Попазов, Скендеров, Федосов, Хаджи-Кочев, Чудра и Шаховцев обвинялись в том, что они являлись участниками болгарской националистической повстанческой организации, ставившей своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазного государства. Организация подготавливала кадры для борьбы с советской властью в момент войны (*том I, л. 25 – материал проверки*).

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области подлежит отмене, а дело – прекращению по следующим мотивам:

Как видно из материалов дела, основанием к осуждению Мицева С. И., Фуклева, Радива, Войникова, Иванова, Мицева Н. С., Пейчева, Попазова, Скендерова, Федосова, Хаджи-Кочева, Чудра и Шаховцева явились только их личные признания своей вины. Произведенной проверкой в порядке ст. 370 УПК УССР установлено, что показания всех осужденных являются противоречивыми и необидительными. Осужденный Мицев в своих показаниях назвал Малчева и Димитрова Д. Д. как лиц, завербовавших его в к/р болгарскую организацию. Из материалов проверки видно, что Малчев действительно в 1940 г. был осужден по ст.ст. 54–10 ч. 1 и 54–11 УК УССР к пяти годам ссылки, однако дело в отношении Малчева в 1956 году после проверки направлено в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для его реабилитации. Димитров Д. Д. по делу Мицева органами предварительного следствия не допрашивался и установить его не представилось возможным (*том I, л. 36–37 – материал проверки*).

Показания Мицева о том, что он завербовал в к/р организацию Иджилова, Галина и Алексеева, являются также сомнительными. Из обзорной справки по делу Галины Р. Д. видно, что она в 1938 г. привлекалась к уголовной ответственности за к/р деятельность, но виновной себя ни в чем не признала и показания Мицева категорически отрицала. Алексеев В. Л. в 1937 г. был осужден, но Мицева С. И., как своего вербовщика, в своих показаниях не упоминает (*том I, л. 20–21, 64 – материал проверки*). Из обзорной справки по делу Иджилова С. Д. видно, что он в 1938 г. был привлечен к уголовной ответственности и в своих показаниях упоминает Малчева, как своего вербовщика, а Мицева, как участника к/р организации. Но эти показания вызывает сомнения в их достоверности, так как дело в отношении Малчева после проверки направлено в Военную Коллегию для прекращения за отсутствием в его действиях состава преступления (*том I, л. 24–25 – материал проверки*).

Показания Фуклева о том, что он с 1925 г. являлся участником антисоветской болгарской националистической организации, в которую был вовлечен Димитровым Дмитрием и по его заданию вовлек Шаховцова И. Н., Маркова и Нейнского, являются противоречивым

и не заслуживают доверия. Из протокола допроса Шаховцова видно, что он в к/р организацию был завербован не Фуклевым, а Горбенко Л. Д. Кроме того, Шаховцов в своих показаниях Фуклева вообще не упоминает (*том I, л. 235–240 – материал проверки*).

Как видно из обзорной справки по делу Маркова Д. Ф., он в 1938 г. арестовывался и на допросе 11 марта 1938 г. показал, что являлся участником к/р болгарской организации, в которую был вовлечен Фуклевым. В 1939 году при последующих допросах Марков от своих показаний отказался, как ложных. Дело в отношении Маркова в 1939 г. было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. По сообщению 1 спецотдела УМВД по Харьковской области Нейнский Иван не арестовывался и к уголовной ответственности не привлекался (*том I, л. 11, 16–19 – материал проверки*).

Показания Радива о вовлечении его в 1926 г. в к/р организацию Малчевым вызывают сомнения в их достоверности. Из материалов проверки видно, что Малчев в 1940 г. привлекался к уголовной ответственности, но в 1956 году дело на него направлено в Военную Коллегию для прекращения за отсутствием в его действиях состава преступления (*том I, л. 265 – материал проверки*). Показания Радива о вовлечении им в к/р организацию Галины и Марчевского являются противоречивыми и не заслуживают доверия.

Из обзорной справки по делу Галина видно, что она была привлечена к уголовной ответственности, но виновной себя ни в чем не признала и Радива в своих показаниях (*том I, л. 20–21 – материал проверки*). Марчевский по настоящему делу органами предварительного следствия не допрашивался и установить его не представилось возможным. В процессе предварительного следствия Войников показал, что в к/р организацию он был завербован Садовым Н. К. в 1927 г. в гор. Харькове, а затем установил связь с Фуклевым, Малчевым и Мицевым. Из сообщения 1 спецотдела видно, что Садов Н. К. к уголовной ответственности не привлекался (*том I, л. 10 – материал проверки*). Осужденные Мицев и Фуклев в своих показаниях Войникова не назвали как лицо, с которым имели организационную связь. Более того, Мицев в своих показаниях Войникова вообще не упоминает. Что касается Малчева, то, как видно из материалов проверки, он был осужден необоснованно (*том I, л. 23–50, 123–148 – материал проверки*).

Не убедительными являются показания Иванова С. Ф. о том, что он с 1924 г. является участником к/р националистической организации, в которую был завербован Димитровым Д. и имел связь с участниками этой организации Мицевым и Малчевым. Органам следствия Димитров Д. по делу Иванова С. Ф. не допрашивался и в настоящее время его установить не представляется возможным. Допрошенный в 1938 г. Мицев в своих показаниях Иванова С. Ф., как участника к/р организации, не назвал. Дело в отношении Малчева, с которым Иванов якобы имел преступную связь, после проверки в 1956 году представлено в Военную Коллегию Верховного Суда для прекращения (*том I, л. 23–50 – материал проверки*).

Показания Мицева Н. о том, что он являлся агентом болгарской разведки и, находясь в гор. Харькове, собирал сведения шпионского характера, которые передавал проходящему по настоящему делу Радиву В. В., противоречивые и вызывают сомнения в их достоверности. Допрошенный на предварительном следствии Радив категорически отрицал свою принадлежность к иностранной разведке. О том, что Мицев Николай был участником к/р организации, Радиву стало известно со слов его отца – Мицева Серафима, но был ли его сын Николай агентом иностранной разведки – об этом Радив не знал (*том I, л. 257–258; т. II, л. 371–385*).

Сомнительными являются показания Пейчева Н. И. о том, что он был участником к/р болгарской организации, в которую был завербован в 1931 году Димитровым Д. Д. и по его заданию установил организационную связь с активными участниками этой организации Фуклевым и Мицевым. Допрошенный на предварительном следствии Фуклев показал, что он знал как участника к/р организации Пейчева А. С., а не Пейчева Н. И., при этом организационной связи с ним не имел. Не могут быть признаны за доказательства виновности Пейчева Н. И. и показания Мицева С. И., так как он на предварительном следствии факт организационной связи с Пейчевым А. не подтвердил. Вербовщик Пейчева – Димитров Д. Д. на предварительном следствии не допрашивался (*том II, л. 23–50, 73–81, 123–148*).

Показания Попозова Д. Д. о том, что он являлся участником к/р болгарской организации, в которую был вовлечен в 1934 г. Марковым Д. Ф. и знал, как участников этой организации Ненова И. Т. и Фуклева, – не соответствуют действительности.

Изучением архивно-следственного дела на Маркова Д. Ф. установлено, что он действительно в 1938 г. арестовывался, но в своих показаниях Попазова не упоминает. В 1939 г. дело на Маркова было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Допрошенный в момент проверки Марков заявил, что никакой болгарской националистической организации не было.

Дело в отношении названного Попазовым Ненова И. Т., как участника к/р организации, прекращено Определением ВТ КВО от 10 апреля 1956 года за отсутствием в его действиях состава преступления. Допрошенный на предварительном следствии Фуклев, которого Попазов называет как участника организации, в своих показаниях его, Попазова, вообще не упоминает (*том II, л. 16–19, 33–35, 68–70, 105–111, 123–150 – материал проверки*).

Не могут быть признаны достоверными показания Скендерова о том, что он являлся агентом болгарской разведки и в Харькове имел связь с представителями болгарской разведки Малчевым и затем Радивом, которым передавал сведения шпионского характера. Как видно из протокола допроса Радива, он свою причастность к болгарской разведке категорически отрицал и заявил, что связи по линии шпионажа со Скендеровым не имел. Дело в отношении Малчева, которому Скендеров, якобы, передавал сведения шпионского характера, в 1956 году направлено в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для прекращения за отсутствием в его действиях состава преступления. Что касается того, что Скендеров являлся участником к/р организации, то его показания в этом отношении являются неконкретными и неубедительными (*том II, л. 122–148; том I, л. 284 – материал проверки*).

Предъявленное обвинение Федосову о том, что он был участником к/р болгарской организации, органами предварительного следствия основывалось на показаниях Мицева, Фуклева, Скендерова и его личном признании. На допросах 14 февраля 1938 г. Федосов показал, что до 1934 г. он являлся участником к/р организации. Однако в 1934 г. связь с организацией порвал и антисоветской деятельностью не занимался (*том II, л. 181*). Показания Мицева, Фуклева и Скендерова о принадлежности Федосова Ф. И. к антисоветской организации также не могут быть признаны за доказательство его виновности, так как Фуклев и Мицев участником к/р организации назвали другого Федосова, а Скендеров в своих показаниях вообще не называет Федосова Ф. И. как участника организации (*том I, л. 36–37, 39, 122–148*).

Инкриминируемое обвинение Хаджи-Кочеву о том, что он являлся агентом болгарской разведки, был участником к/р организации и проводил антисоветскую деятельность среди болгар, основано на сомнительных и неконкретных показаниях Фуклева и Скендерова. Допрошенный на предварительном следствии Хаджи-Кочев категорически отрицал свою принадлежность к иностранной разведке и заявил, что он посещал балканский клуб, где проводилась работа с болгарскими, однако антисоветской деятельностью никогда не занимался. Показания проходящих по настоящему делу Фуклева и Скендерова также не могут служить доказательством виновности Хаджи-Кочева, так как сами Фуклев и Скендеров были осуждены необоснованно (*том II, л. 200–210*).

Показания Чудра П. Я. о том, что он был агентом болгарской разведки, собирал в г. Харькове сведения шпионского характера, которые передавал Абидору, а также был вовлечен в антисоветскую организацию Марковым, не соответствуют действительности. Из обзорной справки по делу Абидор И. А. видно, что он в 1937 г. был арестован и привлечен к уголовной ответственности за шпионаж, однако в его показаниях Чудра не упоминается. Разысканный и допрошенный в момент дополнительной проверки Марков Д. Ф. показал, что участником к/р болгарской организации никогда не был и в эту организацию никого не вовлекал (*том II, л. 69, 88 – материал проверки*).

На предварительном следствии Шаховцов, признавая себя виновным, показал о том, что был участником Ровновской организации, в которую был вовлечен белогвардейцем Якубовским, будучи еще в Болгарии, но никакой практической деятельностью на территории СССР не занимался. В 1929 г., проживая в г. Харькове, был завербован в украинскую к/р националистическую организацию Горбенко П. Д. и проводил подрывную деятельность на идеологическом фронте по линии искусства. В процессе проверки тот факт, что Шаховцов состоял в украинской к/р организации и проводил подрывную деятельность в области искусства – не подтвердился. По сообщению 1 спецотдела УМВД по Харьковской области, Горбенко, который якобы вовлек Шаховцова в к/р организацию, к уголовной ответственности не привлекался. Свидетели Афа-

насьев В. А., Гуменюк Е. Е. и Калмыков, знавшие Шаховцова по совместной работе, охарактеризовали его как талантливого актера и художественного руководителя Кукольного театра (*том II, л. 15, 107–109 – материал проверки*).

Из обвинительного заключения по настоящему делу видно, что в 1938 г. были арестованы Варбанский В. Ф. и Велев П. Н., которые обвинялись в тех же преступлениях, что и осужденные по настоящему делу. В своих показаниях они называли как участников к/р организации Радива В. В., Мицева С. И., Фуклева, Хаджи-Кочева. Впоследствии дела на Варбанского и Велева были выделены и прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Это обстоятельство также свидетельствует о необоснованном осуждении Мицева С. И., Фуклева Н. П. и др. (*том II, л. 110–116 – материал проверки*). Компрометирующими материалами на Мицева С. И., Фуклева, Радива, Войникова, Иванова, Мицева Н. С., Пейчева, Попазова, Скендерова, Федосова, Хаджи-Кочева, Чудра и Шаховцова органы КГБ не располагают (*том II, л. 40–41 – материал проверки*). Допрошенные в процессе дополнительной проверки свидетели – Калицева Е. И., Янушевский Ф. С., Полтавец Г. И., Соколова М. П., Марков Д. Ф., Бурдун-Козляковская Л. В., Черняков М. В., Тумаркин Г. А., Краснянский Д. С., Руденко Т. И., Шейн С. Я., Винникова Н. Г., Татарченко М. Д., Помазан И. С., Дмитриев Г. Д., Киреев Н. М., Юхвид Л. А., Кравец И. Н., Ильевская Г. Д., Велев П. Н., Вейцман А. М., Маркилов Х. Р., знавшие по совместной работе и учебе Мицева С. И., Фуклева Н. П., Радива В. В., Войникова И. П., Иванова С. Ф., Мицева Н. С., Попазова Д. Д., Скендерова В. П., Федосова Ф. И., Хаджи-Кочева К. К. и Чудра И. Н., охарактеризовали их с положительной стороны и заявили, что о принадлежности осужденных к контрреволюционной организации им ничего не известно (*том II, л. 54–55, 68–69, 72–77, 82–84, 87, 94, 98, 103, 117–119 – материал проверки*).

Таким образом, произведенной проверкой по настоящему делу установлено, что Мицев С. И., Фуклев Н. П., Радив В. В., Войников И. П., Иванов С. Ф., Мицев Н. С., Пейчев Н. И., Попазов Д. Д., Скендеров В. И., Федосов Ф. И., Хаджи-Кочев К. К., Чудра П. Я. и Шаховцов И. Н. были осуждены необоснованно.

Поэтому, руководствуясь ст. 25 “Положения о прокурорском надзоре”, –

ПРОШУ:

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. в отношении Мицева Серафима Ивановича, Фуклева Николая Петровича, Радива Волчана Волчановича, Войникова Ивана Павловича, Иванова Степана Федоровича, Мицева Николая Серафимовича, Пейчева Николая Ивановича, Попазова Дмитрия Дмитриевича, Скендерова Владимира Ивановича, Федосова Федора Ильича, Хаджи-Кочева Кирилла Константиновича, Чудра Петра Яровича и Шаховцова Ивана Николаевича – ОТМЕНИТЬ и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Дело в 2-х томах и материал проверки в т.ч. том I – на 325 листах, том II – на 390 листах, материалы проверки – на 120 листах – от наш. вх. № 019709 – в ВТ КВО.

СПРАВКА:

1. Жена Мицева – Калицева Е. И. проживает по адресу – гор. Харьков, ул. Барачная, 3, кв. 25-а.
2. Жена Скендерова В. И. – Соколова М. Л. проживает по адресу – гор. Харьков, ул. Рымарская, 22, кв. 62.
3. Бывшая жена Попазова Д. Д. – Руденко Т. И. проживает по адресу: гор. Харьков, ул. Свердлова, дом № 27, кв. 20.
4. Дочь Войникова И. П. – Войникова А. И. проживает по адресу: гор. Харьков, ул. Гоголя, 11, кв. 12.
5. Жена Федосова Ф. И. – Винникова Н. Г. проживает по адресу: гор. Харьков, Карповский пер., дом № 13.

Военный прокурор Киевского военного округа, генерал-майор юстиции (И. БУДАРГИН)
12 октября 1956 г.

ПАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 350–353. Оригинал, текст рукописный на печатном бланке.

¹ Чудра Петр Ярович (1912–1938) – болгарин, уроженец села Микштетий (Болгария). После окончания гимназии работал разнорабочим, член Болгарской компартии, образование – среднее, журналист, без определенных занятий, служил в Болгарской армии (1932), после чего переехал в СССР, принял советское гражданство и работал в редакции газеты «Коллективист» в Киеве. Арестован 23 марта 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54–6 УК УССР («агент иностранной разведки»). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

² «Коллективист» (1924–1937) – газета, издававшаяся в Украинской ССР на болгарском языке для жителей болгарских сел. Первоначально (1924–1925) выходила под названием «Сърп и чук» («Серп и молот»), а с 1925 по 1930 гг. – под названием «Съветско село». С 1930 г. – под названием «Коллективист», ликвидированная как «орган болгарских националистов».

³ Белев, Кръстю (1908–1978) – болгарский революционер и писатель. Родился в селе Горно Броди (Османская империя). После Балканских войн село присоединяют к Греции и родители Кр. Белева эмигрируют в болгарский город Пловдив. После окончания гимназии работает разнорабочим и с 1923 г. начинает заниматься писательской деятельностью; увлекается коммунистической идеологией. За нелегальную деятельность арестован и приговорен к смертной казни, однако из-за несовершеннолетия его осуждают на 15 лет тюрьмы. Выйдя из тюрьмы, он вновь уходит в подполье и в 1932 г. вынужден был эмигрировать в СССР, где занимается литературной деятельностью. Участвует в различных международных антивоенных конгрессах в Голландии, Испании и Франции. Во время Второй мировой войны по заданию Болгарской компартии возвращается в Болгарию и участвует в партизанской деятельности. После установления коммунистического режима в Болгарии работает на различных руководящих должностях и продолжает заниматься писательской деятельностью.

⁴ Кетков, Александр Дмитриевич (1907–1991) – украинский литературовед-болгарист, журналист и переводчик. Родился в болгарском селе Зеленовка (ныне Приморского района Запорожской области). В 20–30-х гг. XX ст. занимался переводами и изданиями на болгарский язык произведений Т. Шевченко, М. Коцюбинского, П. Панча и на украинский язык – болгарских писателей и поэтов Хр. Ботева, И. Вазова, Хр. Смирненского и др. Работал в редакциях болгарских газет «Коллективист» и журнала «Бъди готов» («Будь готов»). После окончания Украинского института журналистики в 1936 г. и вплоть до начала советско-германской войны работал редактором болгарского сектора, а затем и директором «Украинаменіздат». В годы войны – майор, редактор дивизионной газеты «Боевое знамя» (1941–1943), заместитель начальника отдела Балканских стран Всесоюзного радиокомитета в Москве. После войны, вплоть до выхода на пенсию – заместитель председателя Украинском комитете радиовещания и телевидения. Активный член Всеукраинского комитета украинско-болгарской дружбы, автор многих литературоведческих статей о болгарских писателях.

⁵ В то время Дмитрий Марков (позже – академик АН СССР, директор Института славяноведения и балканистики) был аспирантом филологического факультета Харьковского государственного университета, сотрудником болгарских газет, издаваемых в Украине.

⁶ Любченко Панас Петрович (1897–1937) – украинский партийный и государственный деятель. Родился в с. Кагарлык на Киевщине, закончил военно-фельдшерскую школу. Член Украинской партии социалистов-революционеров (после ее распада вошел в партию боротьбистов), входил в состав Украинской Центральной Рады. Поборник установления большевистской власти в Украине, с 1920 г. – член КП(б)У. Работал на руководящих постах – секретарь ЦК КП(б)У, Председатель Совнаркома Украины в 1934–1937 гг. Предчувствуя арест, застрелился. Реабилитирован в 1965 г.

⁷ Величков, Алекси Стоицев (Алексей Сергеевич) (30.06.1890–23.08.1943) – болгарский партийный деятель, советский ученый и преподаватель. Профессор, кандидат филологических наук. Родился в с. Церквище Кюстендильского округа Болгарии. Еще учеником в Кюстендильской гимназии проникается социалистическими идеями и участвует в работе марксистского кружка в городе. Член БРСДП (т.с.) с 1913 г. и член ВКП(б) с 1926 г. Участник Первой мировой войны, где, командуя ротой солдат, занимается распространением социалистических идей. После войны учился на филологическом факультете Софийского университета, после окончания которого в 1920 г. работал учителем в городах Дунница и Благоевград, где развивает активную партийную деятельность, избирается членом окружного комитета партии. Во время сентябрьского восстания 1923 г. командует отрядом, но после разгрома восстания эмигрирует в Югославию, затем в СССР. С 1926 г. работал преподавателем болгарского языка в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), а позже – и в партийной школе в Одессе. С 1929 по 1934 гг. обучался в аспирантуре красной профессуры в Москве, где и защитил кандидатскую диссертацию. Неоднократный участник научных съездов и конференций болгарских политэмигрантов в СССР. С 1936 г. становится сотрудником Института украинской литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР. Наряду с научной деятельностью, активно сотрудничает с международной организацией помощи рабочим (МОПР). Сведений о его дальнейшей судьбе практически нет. Известно, что он умирает в августе 1943 г. в г. Уфа (Башкирия). Опубликовал ряд интересных трудов – «Литература на революционном подъеме в Болгарии», «Тарас Шевченко и болгарская литература в 60–70-х гг. XIX в.».

исследования о Христо Смирненском, литературно-критические статьи о советских и западноевропейских писателях.

⁸ Шаховцев Иван Николаевич (1902–1938) – уроженец г. Чугуев Харьковской области. Беспартийный, украинец. С высшим образованием. В 1920 г. эмигрировал, оказавшись в Турции на полуострове Галлиполи, а затем в Болгарии; женился на болгарке Тодорке Василевой. Талантливый актёр и музыкант. При содействии «Союза возвращения на родину» вернулся в Харьков, закончил Харьковский муздраминститут и работал до ареста художественным руководителем кукольного театра им. И. В. Сталина. Арестован в октябре 1938 г., осужден Особой Тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54–6 УК УССР («агент иностранной разведки»). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ Галлиполи (тур. Gelibolu) – полуостров, город и порт в европейской части Турции у пролива Дарданеллы. Именно сюда первоначально стекались отряды врангелевской армии, перебазировавшейся позже в Болгарию.

¹⁰ Союзы возвращения на родину – сеть организаций в среде русских эмигрантов, возникшие в Европе и США (самый крупный Союз был в Болгарии) после издания декретов ВЦИК от 3.11.1921, ВЦИК и СНК от 9.6.1924 об амнистии участников белого движения. Союзы помогали вернуться тысячам беженцев. В период с 1921 по 1931 год в советскую Россию вернулись около 200 тысяч белых эмигрантов, большая часть из которых после возвращения на родину была расстреляна или сослана в концлагеря. Обманутые возвращенцы обращались к русским эмигрантам с призывами не верить гарантиям большевиков, искали защиты у комиссара по делам беженцев при Лиге Наций Фритьофа Нансена. В результате появился нансеновский паспорт, признававшийся 31 государством, по которому более 25 тысяч россиян поселились в США, Австрии, Бельгии, Болгарии, Югославии и других странах.

¹¹ Речь идет о перевороте в июне 1923 г., организованный блоком «Народный стовор» и Военной лигой, а также при содействии войск Врангеля, в результате которого к власти пришло правительство во главе с А. Цанковым, в состав которого вошли представители правых и центристских партий, начавших травлю сторонников А. Стамболийского после его убийства.

¹² Российский общевоинский союз, основанный в 1924 г. лидерами Белой эмиграции во главе с Петром Врангелем и стоящий на позициях непримиримости к большевистской власти. Штаб-квартира РОВСа находилась в Париже, а ее отделения – практически во всех странах Европы и Северной Америки.

¹³ Преслав – болгарское село в Днепропетровской (ныне Приморского района Запорожской) области. Село основано в 1860 г. бессарабскими болгарями (поселенцами с. Ташбунар, ныне Каменка Измаильского района Одесской области) на месте ногайского поселка Шеклы. Село находится на правом берегу реки Обиточная, в 1,5 км от Азовского моря.

¹⁴ Партия боротьбистов – Украинская партия социалистов-революционеров (боротьбистов) (коммунистов) (УПСР(б), УПСР(к)) – левоэсеровская, затем коммунистическая, партия на Украине. Получила название по имени своего центрального печатного органа – газеты «Боротьба» («Борьба»). Создана на основе левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров, отколовшегося от нее в мае 1918 г. и принявшего название УПСР (боротьбистов). С марта по август 1919 г. носила название УПСР (коммунистов). С 6 августа 1919 г. после объединения с левой группой Украинской социал-демократической рабочей партии («незалежных») стала называться Украинская коммунистическая партия (боротьбистов). Основатели и лидеры: В. М. Эллан-Блакитный, Г. Ф. Гринько, Л. Ковалев, П. П. Любченко, И. В. Михайличенко, А. Я. Шумский, Н. Л. Шинкарь. Накануне её роспуска, в 1920 году, в партию вступил А. П. Довженко, известный украинский писатель и режиссер.

¹⁵ Цымлова Л. С. – ведущая актриса театра кукол в Харькове, которая сыграла все главные роли в лучших спектаклях: Оксану в «Запорожце за Дунаем», Суок в «Трех толстяках», Месяца-Месяцovichа в «Коньке-Горбунке», пионера Вовку в «Клетчатых штанах». С 1935 г. Цымлова Л. С. стала проявлять себя и как режиссер-постановщик в Харьковском государственном показательном театре кукол (1936), получившим тогда новое здание в центре города, где он находится и поныне.

¹⁶ «Бойчукизм» – художественное течение новаторского искусства, которое синтезировало украинское фольклорное изобразительное начало, сакральное искусство Византии, Украины и Проторенессанса; название получило благодаря имени художника Михаила Бойчука (1882–1937), став знаковым явлением в украинском искусстве 1910–1930 годов. В советское время бойчукисты принадлежали к среде репрессированных и запрещенных художников.

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ ДЛЯ ТАНКОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОЛГАРИИ В ХАРЬКОВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (1972–1992 ГГ.)

Е. Е. Александров

Как известно, в странах Организации Варшавского Договора было организовано производство вооружений и военной техники, в основном по лицензиям СССР. Народная Республика Болгария, в частности, выпускала гусеничный многоцелевой бронированный транспортер-тягач МТ-ЛБ, разработанный и производимый на Харьковском тракторном заводе (ХТЗ). Для этого в городе Червен бряг был построен Машиностроительный комбинат «Девети май», оснащенный самым современным станочным парком и другим технологическим оборудованием, закупленным в странах Западной Европы. При МК «Девети май» открылся научно-исследовательский институт технологии транспортного машиностроения, занимавшийся, помимо разработки и усовершенствования технологических процессов создания систем и агрегатов транспортных машин, вопросами конструирования машин и научного сопровождения разработок новой транспортной техники. МК «Девети май» являлся по сути градообразующим предприятием, давшим мощный импульс развитию Червен брягу. В городе был создан машиностроительный техникум и профессионально-техническое училище, началось интенсивное жилищное строительство; были возведены также великолепный культурно-просветительский центр, огромный универмаг и современный продуктовый супермаркет; получил интенсивное развитие общественный транспорт. Подчинялся МК «Девети май» Государственному объединению «Металхим», которое практически являлось министерством машиностроительной и химической промышленности НРБ.

Еще одним центром танковой промышленности НРБ стал город Тырговиште в восточной части страны. Там был создан танкостроительный завод, где ремонтировались танки вооруженных сил НРБ. Предприятие подчинялось Министерству обороны НРБ, поэтому руководители предприятия были кадровыми военными и носили военную форму. На вооружении болгарской армии стояли советские танки – модернизированные Т-55 и современные Т-72. Производственная база предприятия также была суперсовременной.

Система высшего и среднего специального образования НРБ не предусматривала подготовку специалистов для оборонной промышленности страны. Специалистов для предприятий танкового профиля готовили в СССР – Академия танковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского для танкоремонтного завода в г. Тырговиште и Ленинградский политехнический институт для МК «Девети май». Однако после создания в 1972 г. кафедры колесных и гусеничных машин (КГМ) в Харьковском политехническом институте (ХПИ) подготовка специалистов танкостроителей для НРБ сосредоточилась только на кафедре КГМ, на которой мне довелось работать с момента учреждения. Эта подготовка осуществлялась ровно 20 лет – с 1972 года по 1992 год, прекратившись после самороспуска ОВД и распада СССР.

Договор между НРБ и СССР на подготовку инженеров-танкостроителей предусматривал ежегодный прием на первый курс 15 болгарских студентов, поэтому руководством ХПИ было решено создать отдельную академическую группу, состоящую целиком из болгар. В связи с тем, что все командированные из НРБ студенты прошли службу в вооруженных силах НРБ, было решено освободить их от прохождения курса военной подготовки в ХПИ. Освободившийся день недели, отведенный для военной подготовки, заполнялся дополнительными занятиями по профилирующим курсам специальности 15.06 – гусеничные и колесные машины. Учебный план подготовки болгарских студентов включал расширенные курсы «Конструирование и расчет гусеничных машин». Число часов, составляющих эти курсы, практически в два раза превышало объем соответствующих курсов для советских студентов. Такое решение весьма благотворно влияло на подготовку инженеров для НРБ.

Следует отметить, что болгарская сторона весьма ответственно подходила к отбору студентов для учебы в ХПИ. Это были, как правило, юноши, имеющие хорошую школьную подготовку и положительно характеризующиеся командирами части и подразделений армии НРБ, где они проходили службу. Проживали болгарские студенты не в специальных общежитиях

для иностранцев, а вместе с советскими студентами. Прекрасное знание русского языка способствовало дружеским отношениям болгарских и советских студентов.

Учитывая великолепную техническую оснащенность предприятий МК «Девети май» и танкоремонтного завода в Тырговиште, по договоренности с болгарской стороной было принято решение о проведении производственных практик болгарских студентов на предприятиях НРБ. Ознакомительная практика после первого курса обучения проводилась на ХТЗ им. С. Орджоникидзе, технологическая практика после третьего курса – на МК «Девети май» в г. Червен бряг, ремонтно-эксплуатационная практика после четвертого курса – на танкостроительном заводе в г. Тырговиште, а преддипломная практика после пятого курса – на обоих болгарских предприятиях, в зависимости от места распределения студентов. Такая система позволяла студентам еще задолго до защиты дипломов ознакомиться с местом распределения и спецификой будущей деятельности.

Руководили производственными практиками в НРБ ведущие преподаватели кафедры КГМ: технологической – доценты Н. Н. Палашенко, О. И. Абляский, Н. Г. Медведев; ремонтно-эксплуатационной – доценты В. К. Белов, В. Б. Самородов, В. Н. Омельченко; преддипломной – профессор Е. Е. Александров, доценты В. П. Писарев и В. Н. Трушкин.

Лучшие выпускники кафедры КГМ-граждане НРБ еще во время учебы в ХПИ проявили желание стать специалистами высшей квалификации – кандидатами наук. Николай Калейчев и Огнян Марковски успешно прошли курс аспирантуры и под руководством профессора В. П. Аврамова защитили кандидатские диссертации. Тема диссертации Н. Калейчева была связана с повышением плавности хода быстроходных гусеничных машин, а тема О. Марковски – с разработкой системы охлаждения моторно-трансмиссионной установки гусеничных транспортеров-тягачей.

Руководство ГО «Металхим» и промышленных предприятий оборонной промышленности НРБ высоко оценивали подготовку инженеров и научных кадров для оборонной промышленности. Между ГО «Металхим» и ХПИ в 1985 году было заключено соглашение о ежегодном проведении на базе Научно-исследовательского технологического института (г. Червен бряг) международных научно-технических конференций в области транспортного машиностроения. Проведение таких конференций, в которых принимали участие заместитель министра обороны НРБ П. Спиридонов, генеральный директор МК «Девети май» П. Петров, главный конструктор Г. Априлов, заместители директора И. Колев и Т. Павлов, профессор Машиностроительного института И. Димитров (г. Русе, НРБ), заведующий кафедрой КГМ ХПИ профессор В. П. Аврамов, профессора этой кафедры Е. Е. Александров, В. Б. Самородов, Н. Г. Медведев, В. Н. Омельченко и др., способствовали интеграции научных исследований, проводимых учеными НРБ и СССР в области транспортного машиностроения.

За подготовку высококвалифицированных специалистов для НРБ к 100-летию ХПИ в 1985 г. заведующий кафедрой КГМ профессор В. П. Аврамов был награжден орденом «Дружба народов», а ГО «Металхим» наградило ведущих преподавателей кафедры КГМ золотыми и серебряными Почетными Знаками.

Негативные тенденции в экономике социалистических государств конца 80-х годов прошлого столетия, связанные с непродуманной программной конверсии оборонной промышленности этих стран, привели к переориентации предприятий на выпуск народнохозяйственной продукции и к разрыву связей между оборонными предприятиями стран Совета Экономической Взаимопомощи. Число командированных в СССР на обучение студентов стало стремительно сокращаться.

В 1992 году защитили дипломные проекты последние студенты из Болгарии. Всего за 20 лет с 1972 по 1992 год для НРБ по специальности 15.06 было подготовлено около 200 специалистов.

Выпускники специальности 15.06 – гусеничные и колесные машины, командированные на учебу в ХПИ из НРБ, как правило, успешно работали на родине. Так, Людмил Георгиев стал генеральным директором МК «Девети май», С. Червенков – директором Машиностроительного техникума в г. Червен бряг, П. Парванов и В. Младенов – главными инженерами оборонных предприятий в г. Казанлык и г. Карлово. К сожалению, очень талантливые инженеры Х. Николов, П. Хинов и Н. Калейчев вынуждены были уйти в частный бизнес. Но как бы ни сложилась дальнейшая судьба болгарских выпускников кафедры КГМ, все они сохранили самые добрые воспоминания об учебе в ХПИ и пребывании в Харькове, где они встретили самое дружеское расположение и оставили о себе добрую память.

РЕЦЕНЗІЇ

БУТТЯ БІЛОЕМІГРАНТІВ – ВИХІДЦІВ З УКРАЇНИ ТА ЇХ НАЩАДКІВ У БОЛГАРІЇ

Рецензія на книгу: *Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания /*
Под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. – Москва:
Новые печатные технологии, 2013. – 716 с.

М. М. Салпа

Здавалося б, що може ще додати книга, яка рецензується, до того вже накопиченого величезного корпусу матеріалів за темою «Емігранти та еміграція з Росії до Болгарії»? Так, бібліографічний показник «Руска еміграція в България 1878–2006» наводить перелік з 678 найменувань публікацій, виданих лише у Болгарії¹. Однак, збірнику «Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания» притаманна важлива особливість: тема еміграції та емігрантів розкрита в ній у жанрі родинних спогадів.

Саме через ці спогади можна дізнатися про сприйняття прибульцями з Росії нової для себе країни, незвичних для них болгарських реалій, про ставлення емігрантів до місцевих мешканців, сприйняття болгарами біженців. В спогадах описана вибудова емігрантами доброзичливих взаємин з населенням та громадськими і державними організаціями, допомога болгар емігрантам у пристосуванні до нових умов життя, у професійному навчанні, працевлаштуванні, відкритті та діяльності російських шкіл для дітей, створенні спортивних і культурних організацій. Доречним буде нагадати, що у Першій світовій війні, Росія та Болгарія перебували у різних ворогуючих таборах. Однак, судячи зі спогадів, це аж ніяк не позначалося на стосунках пересічних болгар і білоемігрантів.

У наведених в збірнику спогадах представлені родоводи людей, що виїхали з колишньої Російської імперії та описані долі кількох поколінь їх нащадків, які стали повноправними громадянами Болгарії, але не забули й про батьківщину своїх предків. Автори начерків описують своє життя, життя своїх близьких в Болгарії, розповідають про історію своїх родин. Книга добре ілюстрована світлинами з сімейних архівів. Специфікою жанру родинних спогадів є те, що розповідь про особистісне в ньому є провідним, саме ця якість дозволяє глибше оцінити психологічне сприйняття авторами побутових та політичних реалій їх буття. Завдяки цьому опис родинного життя емігрантів та їх нащадків на тлі складних політичних та соціальних змін, що проходили в країні упродовж ХХ ст., дозволяє відтворити історію буття білої еміграції у Болгарії за тривалий час.

Бажання розглянути книгу під певним «українським» кутом виникло через те, що в Болгарії, та й не тільки в Болгарії, існує давня традиція називати всіх громадян Російської імперії, а потім і Радянського Союзу, *русскими*. Через це неявним чином викреслюється величезний внесок представників інших народів Російської імперії у визволення Болгарії та у її подальший розвиток. Наприклад, у російсько-турецькій війні 1877–1878 рр. відважно билися тисячі євреїв: близько чверті особистого складу відомої 16-ї дивізії М. Скобелева складала саме євреї. Сучасники згадують, що багато воїнів-кавказців у тій війні на Балканах були нагороджені Георгіївськими хрестами за відвагу. Щодо українців, які брали участь у боях за незалежність Болгарії та сприяли своєю працею її економічному й культурному розвитку, то як російські, так і болгарські історики зазвичай отожднюють їх з росіянами. Цю традицію, на жаль, певною мірою наслідують і рецензований збірник, виданий у Москві.

Однак помітна частка авторів спогадів, таких як головний редактор книги проф. П. Чумаченко, проф. В. Красноскулов, Ю. Бурцов, Ю. Словачевський та інші, а також герої їх розповідей мають своїм корінням Україну – міста Київ, Миколаїв, Севастополь, Одесу, Лебедин, Маріуполь, Новомосковськ, українське містечко Грайворон на Білгородщині. Їм належить 13 начерків з 21, що наведені у книзі.

Вихідці з України, як і політемігранти інших національностей, витримали усі незгоди і злигодні, що випали на їх емігрантську долю: важкий шлях до Болгарії через Туреччину, іноді Румунію або Сербію, безгрошів'я, пошуки житла і роботи, опанування необхідною у нових обставинах професією...

Ставлення болгарського уряду до білоемігрантів було досить складним: з одного боку, непрості відносини Третього Болгарського царства і СРСР, з другого – Болгарії і Комісаріату Ліги Націй. Однак суттєву роль у цих відносинах відіграло позитивне ставлення до біженців болгарської політичної еліти та громадськості – як до нащадків визволителів Болгарії від турецького гноблення. Так, приблизно 2/3 коштів, необхідних для діяльності емігрантської громади, виділяв уряд Болгарії. Автори спогадів згадують, що була значною й підтримка біженців болгарським населенням. Один з них, Юрій Словачевський, вважає, що прийом та підтримка Болгарією 36 тисяч біженців з колишньої Російської імперії були в історії країни ХХ ст. значною і більш видатною подією, ніж переворот 9 вересня 1944 року. Порівнюючи цю подію зі спасінням 50 тисяч болгарських євреїв у роки Другої Світової війни, він нагадує, що держава Ізраїль дякує Болгарії при всякій нагоді за цей героїчний і гуманний акт, а за спасіння десятків тисяч біженців з Російської імперії їй ніхто і ніколи не подякував.

У книзі наведені спогади про культурні, навчальні, спортивні та інші громадські організації, що були створені білоемігрантами, про навчання дітей у російських гімназіях та життя в російському інтернаті, про взаємовідносини з болгарами. Це прості та нехитрі історії. Зокрема, Анатолій та Наталя Логвиненки розповіли про свого батька Гаврилу Олексійовича Логвиненка, який раніше проживав в Житомирі та Ізюмі. 1918 року він добровільно вступив до офіцерського загону на захист Ізюму від більшовиків, потім перебував у Криму. У 1920 г. потрапив до Туреччини, звідки перебрався в болгарське місто Бургас. Там швидко опанував ремесло столяра й працював на солеварні до самої своєї смерті від хвороби у 1947 р. Він був одружений на болгарці, мав двох дітей. Його син Анатолій перебував у Руському інтернаті, закінчив школу, а потім й інститут. Він дуже цікаво розповідає про життя в інтернаті, про своїх вихователів та персонал, про своїх друзів, з якими зустрівся через 50 років після закінчення цього закладу. Багато хто з них стали викладачами російської мови, працювали у видавництвах; були серед них і лікарі, відомий драматург і поет, професор, люди інших корисних для нової батьківщини професій.

З часом білоемігранти інтегрувалися у болгарське суспільство і разом з усім населенням переживали труднощі, що випали на долю країни: економічну депресію кінця 20-х – початку 30-х років, воєнне лихоліття та бомбардування англо-американськими союзниками болгарських міст у 1944 р., часи «совєтизації» Болгарії...

Це був, мабуть, найскладніший період у житті білоемігрантів та їх нащадків. Період, коли вони всі розглядалися як потенційні вороги «народної демократії», що згодом набула рис радянської моделі соціалізму. Вже з кінця 1944 р. в країні з'являються табори для політичних в'язнів, а з початку 1950-х років в НРБ розпочалися десятки процесів проти «ворогів соціалізму», фігурантами яких були й колишні білогвардійці та члени їх сімей. В атмосфері шпигуноманії, що посилювалася, Міністерство внутрішніх справ віднесло білоемігрантів, котрі ще залишалися у Болгарії, до «провідників фашизму» і «контингенту для іноземних розвідслужб»².

В деяких нарисах є спогади про ці події. Так, Юрій Словачевський розповідає про політичні репресії того часу і наводить рядки з доносів на свою матір Ганну Верченко, уродженку українського міста Лебедина (у той час завідуючої кафедри російської мови в одному з вишів), які вдалося віднайти в архівах органів держбезпеки: «... об'єкт в минулому був непримиренним ворогом комунізму. Спілкується виключно з білоемігрантами. Висловлюється вороже до СРСР. У кварталі не спілкується ні з ким, до неї приходять незнайомі люди, переважно білоемігранти... У політичному житті не бере ніякої участі. Недооцінює організацію болгаро-радянської дружби, членом якої є... Підтримує зв'язки з реакційними елементами в інституті».

Зрештою, нащадки білоемігрантів знайшли гідне місце в болгарському суспільстві та сприяли працею її економічному і культурному розвитку. Серед них – відомий музикант, композитор і педагог Євген Комаров (дитиною він був вивезений з Севастополя), який виховав багатьох відомих болгарських виконавців, створив багато музичних творів

та концертних програм. Про це ми дізнаємося із спогадів його 80-річного сина Бориса, що закінчив Медичну академію імені Вилко Червенкова і багато років працював на користь Болгарії.

Під цим кутом зору цікава й стаття «Російські лікарі-білоемігранти у Болгарії» Тетяни Пчелінцевої – дочки одесита Костянтина Пчелінцева. Нею більш ніж на ста сторінках перелічені прізвища практично всіх лікарів-емігрантів, наведені їх короткі і змістовні біографії, окреслений їх внесок у розвиток охорони здоров'я в Болгарії. Немало серед них було й наших земляків, колишніх мешканців Києва, Харкова, Александровська, Катеринослава (Дніпра), Одеси, Юзовки (Донецька), Сімферополя, Охтирки, Лебедина, Лубен, Бердянська, Маріуполя та інших міст і сіл України, багато хто з яких одержав медичну освіту у Харківському університеті.

Тематично цю статтю доповнює наведений у книзі огляд «Болгарські геологи білоемігрантського походження», де описані чотири покоління геологів-емігрантів та їх нащадків. Часто-густо у біографіях зазначалося: «... українського походження». Та й, власне, автори огляду професор Платон Чумаченко, Святослав Петрусенко і Ірина Лисенко-Чехларова теж були «українського походження».

На закінчення зазначимо, що книга має не тільки історичну цінність, їй, безперечно, притаманне і певне соціологічне значення. Збірник дозволяє через призму особистих спогадів і вражень білоемігрантів та їх нащадків, через опис буття окремих родин прослідкувати процес адаптації та подальшої інтеграції соціальної спільноти білоемігрантів, перетворення цього значного масива людей на громадян Болгарії.

¹ Руска емиграция в България 1878–2006: библиографически указател / Съставители Е. Денева, С. Рожков. – София: Печатница на Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, 2006. – 112 с.

² *Кьосева Ц.* Российская эмиграция в Болгарии. XX век // Новый журнал. – 2007. – № 247. – URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2007/247/ki14.html> (дата обращения: 18.08.16).

НА ЗАМІТКУ ІСТОРИКАМ-БОЛГАРИСТАМ

**Рецензія на: Палангурски М. Учредителите:
Участниците в Учредителното народно събрание в Търново,
10.II.–16.IV.1879 г.: Енциклопедичен справочник. –
София: Сиби, 2014. – 328 с.**

Д. В. Миколенко

Нещодавно з-під пера відомого болгарського історика, професора Великотирновського університету імені Святих Кирила і Методія Мілко Палангурського вийшла чергова праця, цього разу науково-довідкового характеру – енциклопедичне видання. У надрукованій книзі представлено біографії політиків та громадських, церковних і культурних діячів Болгарії, які 1879 року були обрані депутатами Установчих народних зборів (УНЗ) – інституції, котра забезпечила основи конституційного устрою країни й визначила її майбутній політичний розвиток на багато років уперед.

Книга складається з трьох розділів. У першому – «Оновлені назви адміністративних центрів» – надано інформацію про топоніми часів турецького панування та їх перейменування у період існування болгарської державності. У розділі «Засновники – неочікувана еліта» М. Палангурський здійснює історіографічний огляд досліджень, присвячених вивченню роботи Установчих зборів. Автор аналізує праці В. Дімова¹, З. Маркової і Е. Стателової², М. Манолової³, віддаючи належне спеціалістам, що внесли значний вклад в розкриття теми, уточнює склад учасників кожного із засідань УНЗ, наводячи цікавий статистичний матеріал. При цьому він послуговується широкою джерельною базою. Порівнюючи факти, котрі містяться у мемуарах відомих політиків, публіцистиці російських та французьких державних діячів і журналістів, різних документах, автор приходиться до висновку, що найбільш достовірним джерелом інформації для вивчення обраної ним теми є стенограми засідань Установчих зборів.

У своїй роботі М. Палангурський відтворює передісторію скликання інституції, характеризуючи помисли декого із причетних до тогочасних подій у Болгарії представників російського істеблішменту щодо процесу обрання депутатів УНЗ. Дослідник розкриває погляди на вказане питання графа Н. П. Ігнат'єва, котрий, як відомо, мав пряме відношення до укладання 1878 р. у Сан-Стефано попереднього мирного договору зі Стамбулом за результатами війни з Османською імперією; князя А. М. Дондукова-Корсакова – імператорського російського комісара в князівстві упродовж 1879–1880 рр., командувача окупаційним корпусом; С. І. Лук'янова – завідувача судовим відділом Тимчасового російського управління у Болгарії в 1877–1879 рр.; Н. К. Гірса – міністра закордонних справ Росії у 1882–1895 рр. та інших. Автор також детально розглядає процес обговорення Органічного статуту – документа, що забезпечив основу майбутньої Тирновської конституції.

М. Палангурський – відомий спеціаліст з історії становлення і розвитку інституту парламентських і місцевих виборів у Болгарії. Протягом своєї наукової кар'єри він опублікував декілька монографій на цю тему⁴. У створеному енциклопедичному виданні він частково розглянув процес комплектування депутатського корпусу Установчих зборів, який відбувався за мажоритарною системою. Окремо автор дослідив участь представників національних меншин Болгарії – турецької та єврейської – в роботі УНЗ, намагаючись при цьому якомога точніше розкрити їхню позицію при обговоренні проекту основного закону країни.

На думку М. Палангурського, активна і, що головне, напрочуд конструктивна діяльність 229 депутатів при розгляді проекту майбутньої конституції Болгарії стала несподіванкою для іноземних спостерігачів, присутніх на засіданнях. Саме тому він називає обраний депутатський корпус «неочікуваними елітами».

Як відомо, 7 березня 1879 р. розроблений канцелярією Тимчасового російського управління та доповнений і схвалений у Санкт-Петербурзі Органічний статут було впер-

ше зачитано перед народними обранцями, після чого депутат К. Стоїлов запропонував створити комісію з п'ятнадцяти осіб для перегляду російського тексту документа й розробки власного варіанту. Його пропозицію підтримала більшість народних обранців. Комісію склали представники болгарської інтелігенції, яким було доручено підготувати доповідь про загальні принципи оновленого проекту основного закону. 21 березня під час дванадцятого засідання Зборів комісії озвучила власні накреслення, розроблені відповідно до проголошеної Французькою революцією Декларації прав людини і громадянина від 1793 р. Документ, підготовлений консервативною більшістю членів комісії, зустрів гостру критику, однак сформульовані в ньому ідеї значно вплинули на подальшу роботу Зборів. Наслідком тривалої полеміки стали відхилення розробок, розпуск комісії та подальше обговорення вже повним складом депутатського корпусу кожної статті законопроекту. Одно-стайним рішенням народні обранці відхили російський варіант, який, на їх думку, ставив князівство у юридичну залежність, та змінили його положення в дусі болгарської національної незалежності, скасувавши навіть назву «Органічний статут» й запровадивши нову – «Конституція». Під час дебатів стосовно однопалатного чи двопалатного болгарського парламенту остаточно оформилися дві фракції в Установчих зборах – лібералів і консерваторів, які згодом трансформувалися у політичні партії.

Поправки до тексту проекту основного закону вносилися 14 квітня під час передостаннього, двадцять шостого, засідання. Два дні потому Конституцію, котра мала більш ліберальний характер, аніж петербурзький проект, було схвалено й підписано всіма депутатами УНЗ. Тирновська конституція справедливо вважається одним із найдемократичніших основних законів другої половини XIX століття. Деякі із вищезазначених подробиць, викладені більш об'ємно автором. Вони дають чітке уявлення про плодотворну співпрацю двох різних політичних течій, які, все-таки порозумівшись, з гордістю заявили, що Князівство Болгарія матиме парламентську систему правління, котра буде розвивати класичні конституційні принципи у поєднанні з широкими правами і свободами громадян.

В основній частині роботи містяться біографії всіх учасників Установчих зборів. Серед представлених народних обранців фігурують особи, які згодом стали провідними політичними постами країни. Наприклад, К. Стоїлов – один із керівників Консервативної партії, в 1887 р. та у 1894–1899 рр. прем'єр-міністр країни, з 1896 р. лідер Народної партії; Д. Греков – теж впливовий консерватор, в 1896–1897 та 1899–1901 рр. очолював Центральне бюро Народно-ліберальної «стамболовістської» партії, у 1899 р. голова уряду; Д. Цанков – керівник поміркованих лібералів, двічі у 1880 і 1883–1884 рр. обіймав посаду очільника Ради міністрів; П. Каравелов, який чотири рази перебував на чолі виконавчого органу влади – у 1880–1881, 1884–1886, 1886 і 1901 роках, належав до числа лідерів Ліберальної, а з 1896 р. Демократичної партії. Але найбільшу увагу привертають маловідомі особи болгарського політикуму, котрі після завершення роботи Установчих зборів очолювали місцеві партійні осередки, працювали в державній адміністрації, займалися підприємницькою діяльністю тощо. Проте всіх їх об'єднує одне – вони є творцями основного закону Болгарії, представниками політичної, соціальної і економічної еліти, яким судилося стати засновниками болгарського конституціоналізму.

Безперечно, опублікована у роботі М. Палангурського інформація послужить не лише дослідникам історії Установчих зборів, адже в ній міститься чимало фактів із минулого Болгарії останньої третини XIX – початку XX ст., у тому числі й маловідомі подробиці біографій політичних і громадських діячів країни.

Як побажання автору книги, котрий, сподіваюся, продовжить пошук інформації про учасників Установчих народних зборів, можна запропонувати спробувати розкрити позицію, що її відстоював той або інший депутат УНЗ стосовно проекту основного закону країни; відповіді на питання: ліберальний чи консервативний варіант проекту конституції підтримував той або інший народний обранець? Історіографічний огляд, представлений у роботі, неповний. Цікаво було б дізнатися думку автора з приводу досліджень³ радянських авторів, котрі працювали над зазначеною тематикою.

Насамкінець варто відзначити високий науковий рівень роботи, яка безумовно є вагомим внеском у вивчення історії Болгарії. Поза всяким сумнівом дослідження М. Палангурського викличе інтерес не лише спеціалістів-істориків, а й представників інших спеціальностей – юристів, політологів, соціологів.

¹ *Димов В.* Политическите водители на българския народъ. – Ески Джумая : Печатница Ив. Кареевъ & синове, 1932. – Кн. 1. – 240 с.

² *Маркова З.* Учредителното събрание в Търново / З. Маркова, Е. Стателова // Исторически преглед. – 1979. – № 3. – С. 41–61.

³ *Манолова М.* Създаване на Търновската конституция. – София: Изд-во на БАН, 1980. – 211 с.

⁴ *Палангурски М.* Избирателната система в България (1879–1911 г.). – Велико Търново: Университетско изд-во „Св. св. Кирил и Методий“, 2007. – 271 с.; *Його ж.* Избори по стамболовистки (1887–1894 г.). – Велико Търново: Университетско изд-во „Св. св. Кирил и Методий“, 2008. – 280 с.

⁵ *Абакумов А.* Разработка конституции Болгарского государства и принятие её Учредительным собранием // Сборник Ташкентского государственного университета. – Ташкент, 1958. – С. 55–68; *Його ж.* Помощь России в воссоздании болгарской государственности // Вопросы новой и новейшей истории. – Новосибирск, 1966. – С. 96–116 та інші.

РЕЦЕНЗІЯ НА МОНОГРАФІЮ:

Кожухаров А. Н. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). – Варна: Тера Балканика, 2015. – 258 с.

Т. М. Прищеп

Російсько-турецька війна 1877–1878 років закінчилася звільненням болгарського народу від багатовікового османського панування та заклала основи державного будівництва нової Болгарії. Процес відновлення болгарської державності являє собою один із складних історичних процесів, що відбувалися на території Балканського півострова наприкінці XIX – на початку XX ст. Після створення болгарського флоту в 1879 р. у Князівстві Болгарія гостро постала проблема підготовки власних національних кадрів для заміщення російських офіцерів, які перебували на посадах новоствореної державної структури. Оскільки власних військово-морських навчальних закладів на території Болгарії ще не було, то майбутніх офіцерів болгарського флоту відправляли на навчання за кордон.

У 2015 році у Варні вийшла друком монографія болгарського історика, доцента військової історії Асена Кожухарова, присвячена професійній підготовці болгарських військово-морських офіцерів у Російській імперії та Західній Європі у 1882–1944 рр. Рецензоване монографічне дослідження вирізняється науковою новизною та є якісно новим кроком в історичній реконструкції процесу формування кадрового складу офіцерського корпусу військово-морських сил Болгарії.

Передусім відмітимо широку джерельну базу, яка стала основою для написання книги. Зокрема, це документи та матеріали Державного військово-історичного архіву (м. Велико Тирново), Центрального державного архіву м. Софії, Архіву Міністерства оборони м. Софії, Державних архівів м. Варна та м. Русе, фонди Національного військово-історичного музею у Варні, військового архіву у м. Фрайбург, Російського державного архіву військово-морського флоту (м. Санкт-Петербург).

Монографія складається із вступу, двох розділів, висновків та списку використаної літератури. В передмові автор наголошує на ключових питаннях дослідження, розкриває його значення та актуальність для сучасного бачення проблеми формування болгарського військово-морського флоту.

Перший розділ монографії присвячений навчанню болгар у військово-морських закладах Російській імперії: Морському училищі та Морському кадетському корпусі у Санкт-Петербурзі, у Технічному училищі при Морському відомстві та Морському інженерному училищі імені Миколи I, Мінних офіцерських класах та Артилерійських офіцерських класах у Кронштадті, морехідному училищі імені імператора Петра Великого у місті Нарва, а також Миколаївській морській академії в Санкт-Петербурзі. А. Кожухаров зазначає, що навчання болгар у Російській імперії припало на складний період для Болгарської держави, адже саме на останню чверть XIX ст. припадає сербсько-болгарська війна (1885 р.) та розрив дипломатичних відносин між Князівством Болгарія та Російською імперією (1887–1889 рр.).

У цій частині дослідження автор згадує й про функціонування у Болгарії двох середніх училищ, які почали діяти з XX ст. та перебували у підпорядкуванні Військового міністерства. Військова гімназія при Військовому училищі в Софії та Інженерне училище у Варні також готували військових для роботи на болгарському флоті. Проте, ці навчальні заклади не могли повністю забезпечити професійними кадрами військово-морський флот Болгарії.

Заслугує на увагу й аналіз «Правил прийому до військово-навчальних закладів стипендіатів з південнослов'янських держав», котрі були розроблені в Росії 1910 року. Болгарський історик зазначає, що у відповідності до «Правил» щорічно встановлювалася кількість закордонних стипендіатів, в тому числі й болгарських, які моли б навчатися у відповідних навчальних закладах імперії.

У другому розділі монографії розглядається процес підготовки болгарських морських офіцерів у Західній Європі. А. Кожухаров зазначає, що причиною переорієнтації болгарської молоді на навчання до Західної Європи був початок Першої світової війни. Оскільки Болгарська держава взяла участь у війні на боці Троїстого (Четверного) союзу, то підготовка морських офіцерів у Російській імперії стала неможливою. Крім того, до 1908 року Флотом Болгарії командував французький офіцер, що також сприяло направленню болгар до західноєвропейських навчальних закладів.

У цій частині дослідження висвітлюється питання професійної підготовки болгарських військово-морських офіцерів у Франції, Австро-Угорщині, Італії та Німеччині (хоча були поодинокі випадки навчання болгар в Румунії, Бельгії та Монако). Одним із таких навчальних закладів постало італійське Військово-морське училище в місті Ліворно. А. Кожухаров говорить про три хвилі навчання болгар в італійському училищі: 1) 1885–1892 рр.; 2) 1914–1915 рр.; 3) 1929–1938 рр.

Автор звертає увагу й на кар'єрне зростання дипломованих випускників. Так, у 1887 р. Матей Стойков та Йордан Минков успішно завершили Військове училище в Софії й були направлені на навчання до Італії. Саме вони разом з Дмитром Гостоприймовим сформували перший випуск болгарських військово-морських офіцерів італійської системи морської освіти. Згадує болгарський історик й про рівень професійної підготовки в Ліворно. Так, болгарські офіцери після завершення навчання в італійському училищі повернулися до Болгарії, де в кінці своєї військової служби були нагороджені морським званням «капітан I рангу», яке було досить високим для тогочасного Флоту Його Величності.

Заслуговує на увагу й розроблена дослідником історична реконструкція процесу навчання болгар у Трієсті. На основі архівних матеріалів А. Кожухаров розкриває основні аспекти професійної підготовки болгарських спеціалістів в італійській Академії торгівлі та мореплавства. Весь період навчання (1892–1942 рр.) болгарських юнаків в навчальному закладі Трієсту А. Кожухаров розділяє на три хвилі: 1) 1892–1898 рр.; 2) 1899–1908 рр.; 3) 1926–1942 рр.

В Академії торгівлі та мореплавства не було необхідної практики для служби у військово-морському флоті, тому, на думку автора, відправлення курсантів на підготовку до Трієсту було компромісним рішенням болгарського керівництва в умовах певної політичної ізоляції країни на початку останнього десятиліття XIX ст. З початку XX ст. уряд Болгарії більше не відправляє своїх підданих на навчання до Академії в Трієсті.

Піднімаючи проблему підготовки болгарських морських офіцерів у Бресті, А. Кожухаров зазначає, що почалась вона порівняно пізно – під час Першої світової війни, проте була досить ефективною й тривала до 1944 року. Саме у Військово-морському училищі «Мюрвік» у Фленсбурзі готували болгарських морських офіцерів, котрі мали можливість одночасно здобути й інженерну освіту. Випускниками французького училища стали болгарські суднобудівники, морські лоцмани, спостерігачі для морської авіації та підводники.

У висновках А. Кожухаров розділяє увесь період на чотири етапи. До першого відносить 1882–1889 рр. – навчання болгар в Російській імперії. На другий етап припадає навчання в Італії та Австро-Угорщині (1889–1896 рр.), хоча на цьому хронологічному відтинку зустрічаються випадки підготовки болгар в Англії та Росії. Під час третього етапу (1896–1914/1915 рр.) болгарі отримували військово-морську освіту переважно у Російській імперії й частково у Франції. На четвертий етап припадає професійна підготовка болгарських морських офіцерів у Німеччині та Італії протягом 1914/1915–1944 років.

Безперечно, рецензована монографія заслуговує на увагу фахівців з історії Болгарії, військової історії, слов'янознавства, історії міжнародних відносин. Вона може бути корисною як для дослідників військово-морської галузі III Болгарського царства, так і для читачів, котрі цікавляться підготовкою військово-морських офіцерів.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГАТА:

Pracovali v tretej ríši. Štúdie a dokumenty k náboru a nasadeniu pracovných síl zo Slovenska v nacistickom Nemecku v rokoch 1938–1945/ Editori publikácie a autori úvodných štúdií Michal Schvarc, Ľudovít Hallon, Peter Mičko. – Bratislava: VEDA, 2015. – 463 s.

М. Колева

Предлаганият документален сборник на словашките учени представлява първото обобщено и многопластово изследване на един слабо проучен в историографията проблем (налице са само две работи на словашки историци, които засягат частично отделни аспекти на темата¹) – проблемът за набирането на работна сила от Словашката република за Германия през 1939–1945 г. Книгата обхваща периода от официалното провъзгласяване на Словашката република, когато страната все още има известна самостоятелност, до пълното ѝ подчиняване от нацистка Германия, след нейната окупация от Вермахта. Изследването се базира на непубликувани досега архивни материали, предимно от германските архиви, както и на документи от словашките архиви, които, по мнението на самите автори, не съдържат прецизна информация, но все пак подпомагат изясняването на основните проблеми на протичащия през посочените години процес.

Наблюдаваният от 1936 г. на пазара на труда в Германия дефицит на работна сила, който се засилва преди началото на войната, става фактор, белязал двустранните отношения със Словакия през следващите години. Показано е значителното засилване на темпото на набиране на словашки сезонни работници за селското стопанство от 1939 г., което само за няколко месеца отбелязва „бърз напредък“ и води до постоянно увеличаване на контингента. В избраните документи се проследява подробно набирането на работници (онагледено с таблици) и се изясняват причините за растежа на мигрантския поток. Очертани са формите и организацията на набиране на работна сила, което е принос на изследването. Открояват се стопанските отрасли, в които се реализират мигрантите, съобразно нуждите на германската военна икономика. От 1939 г. е „в пълен ход“ набирането на работна сила за работещата на пълни обороти военна икономика на нацистка Германия. От посочените фирми, за които се наемат работници от 1940 г. – Buna Schkopau, Merseburg, Leuna – Werke in Leuna, Dynamit AG, Stickstoffwerke Ostmark Linz, Aluminium-Werke Bitterfeld, IG Farben Bitterfeld, Ludwigshafen, Hermann-Goering-Werke „Alpine Montan“ Eisenerz и др. – прозира насочването и концентрацията им във военно-промишлените предприятия на Германия.

В документите ясно се очертават етапите в развитието на процеса на набиране на работна сила в Словашката република, която заема първостепенно място сред сателитите на Германия в Югоизточна Европа при набавянето на работници. Подписването на нови германо-словашки споразумения през 1941 г. и 1943 г. бележи колебанията в развитието на процеса. Кулминацията е достигната през 1944 г., когато рязко намалява броят на изпращаните работници в Германия. Показани са причините за това развитие – вътрешното развитие в Словакия (регистрираното от 1940 г. стопанско оживление) и нежеланието на работниците да напускат страната поради лошите условия на работа в Германия и възникналите проблеми и затруднения. В тази връзка в документите се откриват и данни за условията на работа и на живот на словашките работници.

По този начин „принудителното рекрутиране и набиране“ на работна ръка от Словакия се разглежда като отражение и проявление на провежданата от зависимата както икономически, така и политически от нацистка Германия Словакия правителствена политика. В тази връзка се открояват действащите и ангажирани държавни институции и партии от двете страни, отговорни за осъществяването на трансфера.

Според авторите „феноменът на принудителния труд е симптоматичен белег на германската окупационна политика“. Авторите оценяват този въпрос като „един вид икономическа миграция“.

Въпреки някои недостатъчно изяснени страни на целия феномен, възникнали, според изследователите, по обективни причини, книгата е ценен принос и първо задълбочено и професионално поднесено изследване на един актуален и в наши дни проблем.

¹ *Konečný Zd.* Slováci na pracích v Německu a v Protektoráte za druhé světové války / Zdeněk Konečný, František Mainuš // *Historický časopis*. – 1969. – Roč. 17. – Č. 4. – S. 565–590; *Mičko P.* Pracovné, sociálne a kultúrne podmienky slovenských robotníkov v Nemeckej ríši v rokoch 1939–1945 // *Historický časopis*. – 2009. – Roč. 57. – Č. 4. – S. 659–677.

МОНОГРАФИЯ О ПРОФЕССОРЕ СТЕПАНЕ СИДЕЛЬНИКОВЕ

Рецензия на: Сайпанова А. А. Историк-болгарист С. И. Сидельников: научная и педагогическая деятельность: монография / Науч. ред. С. Ю. Страшнюк. – Харьков, 2016. – 232 с.

Н. Н. Червенков

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения историка-болгариста и педагога С. И. Сидельникова (1916–1977). Весьма примечательно, что Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Центр болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова, как и болгарская общественность Харькова, достойно отметили этот юбилей. Ему, в частности, посвящались VIII Дриновские чтения (29–31 марта 2016 г.), на которых была представлена монография Аллы Сайпановой, молодого преподавателя кафедры новой и новейшей истории.

Открывает монографию пространное «Введение», где подробно представлены исследования, посвященные С. И. Сидельникову: многочисленные рецензии на его труды, а также статьи о вкладе ученого в историческую болгаристику. Некоторые появились еще при жизни историка, но особенно возросло их число после его смерти. Нельзя в этой связи не согласиться с автором книги в том, что со временем интерес к творчеству С. И. Сидельникова не снижается. Впечатляет глубокий анализ источниковой базы монографии. Особенно важны материалы личного фонда С. И. Сидельникова, хранящиеся в архиве Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, тщательно изученные А. А. Сайпановой.

Удачна структура работы, состоящая из трех глав. Первая называется «Формирование и становление личности, преподавателя и ученого». Автором разысканы любопытные документы о семье и школе, где учился будущий харьковский историк. Судя по всему, ему повезло с учителем начальных классов, каким был С. Д. Голицын, представленный в книге человеком, обладавшим большим авторитетом как лучший учитель Сапожковского уезда Рязанской области. Особое место в процессе обучения он отводил краеведческой работе, что, видимо, пробудило интерес Степана Сидельникова к истории. Подробно раскрывается его учеба на только что открытом историческом факультете Ленинградского университета. Среди преподавателей наибольшее влияние на формирование научных интересов студента-рабфаковца оказал выпускник Киевского университета профессор Н. П. Полетика, который стал научным руководителем его курсовой работы на тему «Русская авантюра в Болгарии 1878–1896 гг.», опубликованной в 1939 г. в виде статьи. Глубоко проанализировав ее содержание, А. А. Сайпанова справедливо полагает, что эта первая проба пера Степана Ивановича представляет известный интерес в контексте современных историографических дискуссий. И, главное, она стала началом исследований С. И. Сидельникова в области болгарской истории, оставшейся для него научным приоритетом до конца жизни.

Несомненно, читатели с большим интересом ознакомятся с боевым путем историка в годы Второй мировой войны, которая для героя ее книги была Великой отечественной. В июле 1943 г. лейтенант Сидельников принял боевое крещение на Курской дуге. В Дуклинской операции при освобождении Чехословакии 17 сентября 1944 г. был тяжело ранен, в результате чего потерял ступни обеих ног. Далее на широком фоне развития высшего образования в Украине, в частности, Харькове, раскрывается его педагогическая и научная деятельность в Харьковском педагогическом институте, а также в Харьковском государственном университете, в котором работал по совместительству до 1956 г., а затем долгие годы был деканом исторического факультета и заведующим кафедрой новой и новейшей истории. Подробно рассматривается кандидатская диссертация С. И. Сидельникова на тему «Воссоединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии

(1878–1886 гг.)). Особенно важен при этом сравнительный анализ его выводов с взглядами ведущих специалистов по данной проблематике вплоть до нашего времени, хотя из поля зрения автора почему-то выпала монография К. А. Струковой (впрочем, упоминается ее автореферат диссертации на эту тему).

Во второй главе, также на основе разнообразных источников, освещается учебно-методическая, педагогическая и административная деятельность С. И. Сидельникова в Харьковском государственном университете имени А. М. Горького (ныне имени В. Н. Каразина). Достаточно подробно анализируются лекционные курсы по новой и новейшей истории стран Европы и Америки: указаны идеологические препятствия, которые приходилось ему, как и другим преподавателям, преодолевать в советской высшей школе, дана оценка таким узловым лекциям, как «Английская буржуазная революция середины XVII ст.», «Борьба английских колоний Северной Америки за независимость в 1773–1783 гг.», «Французская буржуазная революция конца XVIII ст.», «Гражданская война 1861–1865 гг. в США» и др. В результате сделан очень интересный и убедительный вывод: лекции по этой тематике «по большей части прошли проверку временем, хотя и излагались с позиций марксистской методологии. Интерпретация большинства тем не противоречит современному видению проблем. Конечно, ряд вопросов был пересмотрен в связи со сменой формационного подхода на цивилизационный» (с. 76–77).

Также подробно анализируются лекции по новейшей истории, которые читались для студентов четвертого курса. Автор обращает внимание на тот факт, что в сохранившихся конспектах харьковского профессора изложение исторических событий практически всех государств доводится до середины 1970-х гг., что свидетельствует о том, что он внимательно следил за развитием политического процесса в зарубежных странах по доступным ему источникам. Целиком оценивая содержание лекционного курса С. И. Сидельникова по новейшей истории стран Европы и Америки, А. А. Сайпанова исходит из того, что многие подходы к изложению исторических процессов претерпели существенные изменения в силу смены методологии. Поэтому с современных позиций эти лекции С. И. Сидельникова не выдерживают критики. Одновременно автор совершенно справедливо отмечает, что они дают «представление о преподавании данной дисциплины в университетах УССР в 1960–1970-е годы».

Далее во многом полнее освещаются различные аспекты, связанные с преподаванием курса истории южных и западных славян. Тезисно представлены лекции по истории Болгарии, Чехословакии, Польши, Югославии, включая Сербию, Черногорию, Словению, Боснию и Герцеговину, Македонию. По мнению автора монографии, все они отличались авторским подходом. При этом справедливо утверждается, что их основные положения с VII до начала XX ст. в основе своей не потеряли своей актуальности, за исключением ряда аспектов истории Болгарии и Польши. Однако содержание курса после 1917 г. противоречит, как и в случае с курсом новейшей истории стран Европы и Америки, современным видениям исторического прошлого. Освещая далее участие профессора в составлении методических разработок, учебников по курсу, подробно освещена концепция С. И. Сидельникова истории Македонии, которая получила отражение в учебной литературе и сводилась к тому, что «македонцы имеют право на собственную историю». Как известно, она отрицательно была воспринята болгарской наукой.

Весьма интересен и поучителен параграф, освещающий педагогическую и административную деятельность С. И. Сидельникова. Из него преподаватели и руководители высшей школы могут ознакомиться с его богатым опытом в этих сферах. Автор не просто описывает деятельность, а раскрывает на многих примерах его отношение к студентам и действия по организации учебного, воспитательного, научного процесса с позиции преподавателя, заведующего кафедрой, декана исторического факультета. Перелистывая страницы монографии А. А. Сайпановой, не оставляет мысль, сколько верных и актуальных мыслей и подходов оставил этот харьковский ученый. Только не ленись, бери их на вооружение! Нельзя не заметить, что очень редко можно встретить в литературе такой глубокий и конкретный анализ педагогического аспекта деятельности университетского ученого.

Последняя глава книги, которая раскрывает научную деятельность профессора С. И. Сидельникова, озаглавлена «Научное наследие 1950–1970-х гг. в контексте современной историографии болгарского Возрождения». Здесь не просто перечисляются,

освещаются его научные изыскания, а соизмеряются с последующими, вплоть до наших дней, исследованиями. Это требовало большой работы, но еще больше компетентности, объективности. Совершенно справедливо автор выделяет три направления в исследованиях харьковского профессора по истории болгарского Возрождения: 1) национально-освободительная борьба болгар 40-х – первой половины 60-х гг. XIX ст.; 2) создание и деятельность Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК) в первый его период; 3) деятельность БРЦК с 1872 по 1876 годы. Убедительно показано, что определяющим для первого направления в концепции ученого было то, что Георгий Раковский впервые выдвинул идею завоевания полной политической независимости через всенародное вооруженное восстание. При его подготовке он предпринял первую попытку объединить все революционные силы и создать единый руководящий центр антиосманской борьбы. На этом настаивал С. И. Сидельников в своей первой монографии, посвященной пламенному революционеру¹.

Нельзя не согласиться с А. А. Сайпановой, что центральное место в научном творчестве С. И. Сидельникова занимал Болгарский революционный центральный комитет, организатором и руководителем которого являлся Васил Левский. Именно этой тематике посвящены две его монографии², как и защищенная в 1963 г. докторская диссертация «Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1868–1873 гг.)». Показано, как профессор на большом источниковом материале убедительно и последовательно рассмотрел процесс окончательного разрыва Василя Левского с четнической тактикой. Всесторонне представлена его концепция о месте и дате первого БРЦК. Автор книги справедливо считает, что С. И. Сидельников имеет особую заслугу в разработке проблемы количества и социального состава революционных комитетов и групп, основанной на социологическом методе исследования. Этот вклад признают практически все исследователи, и изложенные ученым статистические обобщения используются до сих пор в научной и научно-популярной литературе. Можно было бы этот тезис подтвердить цитированием их в многотомной «История на България», подготовленной Болгарской академией наук³.

Весьма важно, что рецензируемая монография освещает и неопубликованные материалы историка-болгариста С. И. Сидельникова: две полностью и две частично написанные главы запланированной им монографии о БРЦК, в которой предполагалось расширить хронологические рамки до 1876 года. Наибольшую научную новизну представляет особый взгляд ученого на идеологию Л. Каравелова, анализ его публицистического наследия и взаимосвязи с Т. Г. Шевченко, деятельность болгарской эмиграции, в частности, определение места проведения и значения Бухарестского собрания 29 апреля – 4 мая 1872 г. и др.

Монография А. А. Сайпановой, безусловно, заинтересует как специалистов по эпохе болгарского Возрождения, так и историков болгаристики. Автору же пожелаем оставаться в историографическом поле, продолжая концептуальное осмысление болгарской истории Нового времени.

¹ Сидельников С. И. Болгарський революціонер Георгій Раковський. – Харків: Вид-во Харківського ун-ту, 1959. – 174 с.

² Сидельников С. И. Борьба течений в первом Болгарском революционном комитете. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1962. – 116 с.; *Его же*. Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1869–1872 гг.). – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1970. – 176 с.

³ История на България. – Т. 6: България възраждане 1856–1878. – София, 1987. – С. 285.

ОТ ДИНАМИКИ «ПОЛЯ» К АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОМБИНАТОРИКЕ

Рецензия на монографию: *Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации.* – М.: ИСлРАН, 2016 – 320 с.

В. А. Колесник, А. А. Пригарин

Стремительно развивающаяся балканистика как междисциплинарная историографическая площадка изучения единства и многообразия народов Юго-Восточной Европы пополнилась еще одной удачной монографией А. А. Плотниковой. Будучи представителем одного из ведущих академических центров – этнолингвистической школы Н. И. Толстого, автор существенно обогатила научные знания об островных ареалах в их историко-лингвистической динамике. Подобная постановка научных задач (локальность как глобальность), относящаяся к идеографическому методу изучения частностей, включения специфических свойств в общую перспективу, представляется единственно продуктивной для Балкан. Пресловутая «поликультурность» здесь не абстрактная категория или гносеологический конструкт, а реальный фактор общественного развития. Вместе с тем, важным аспектом академического внимания в рецензируемой монографии выступает синхронный срез с серьезным ретроспективным хронологическим анализом. Именно такой подход позволил взглянуть на три варианта «этноконфессиональности» (термин, почему-то избегаемый лингвистом) с позиций не столько поиска механизмов консервации, проявления архаичности, сколько характеризуя фактическую динамику языков, раскрывая факторы заимствований, функционирование их как реальных коммуникационных систем.

Безусловную успешность авторского проекта обеспечивал эффективный диалог между непосредственными наблюдениями (экспедициями) и научными кодами познания. С одной стороны, А. А. Плотникова «шла за полем» (популярный принцип выстраивания результатов в экспедиционных науках); а, с другой, четко представляла себе ценность эмпирики в академических перспективах. Благодаря этому синтезировались новые знания о лексемах и реалиях, которые одновременно лишены и чрезмерных абстракций, и механического набора эмпирического перечисления. Лингвистическая программа исследований была удачно реализована в процессе многолетнего сбора материала среди «островов». Она же способствовала четкому и адекватному обобщению на камерном уровне работ.

Рассмотрение конкретных «островов» начинается с группы русских-старообрядцев Добруджи, которая представляет собой отдельный территориальный анклав диаспорного образования с XVIII в., широко расселенного от Буковины до Нижнего Дуная. Полевой материал в липованско-некрасовской среде позволил выявить архаический пласт русской культуры в условиях иноязыкового, инокультурного и иноконфессионального окружения. Кроме того, проследить влияние соседних языков-культур (прежде всего румынской) и определить степень этого взаимодействия в отношении консервативного изолята старообрядцев.

Авторски эффективным и научно новаторским является рассмотрение русского диалекта «липован», его архаичных черт на основании комплексного анализа народных представлений и соответствующей ритуальной практики. Тонкое наблюдение А. А. Плотниковой о том, что консервации старого (как пласта дохристианского и допереселенческого) способствовало осуждение ряда мировоззренческих элементов как «еретических» или «грешных» (с. 35), находит свою аргументацию во время характеристики конкретных обрядов. Например, характеризуя комплекс родильных ритуалов, исследовательница не только рассматривает бытование среди липован архаичного обычая «бабьих кашек», но и приводит народную семантику: «бабы сказки» (липованское сознание отправляет в своем объяснении к действиям, которые применялись, но не поощрялись церквями).

Аналогично рассматриваются свадебные ритуалы липован. Элементы «разгула», явно не входящие в регламентированные нормы со стороны конфессионального центра, оказались здесь устойчивыми (перезва или ряженье). Такой анализ проводится на широком и корректном компаративном материале. Памятуются о районировании русской народной культуры, ученая оперирует потенциальными версиями из районов выхода группы: южнорусскими и, особенно, донскими.

Инновационные заимствования проводятся в сравнении с соответствующими комплексами окружающих народов. Так, купание родителей, выдающих замуж или женивших последнего ребенка (с. 58–59), соотносится А. А. Плотниковой с украинскими обычаями. В аналогичном случае, в Буджаке, сами липоване и украинцы припоминают молдавское происхождение данной практики.

Ярким получился в этом смысле обзор календаря, народной медицины, низшей демонологии и духовных стихов липован. Именно в этих комплексах удалось проследить не только синхронную вариативность, но и выявить существенный субстрат прежних регионов проживания. Несмотря на заметное влияние со стороны старообрядческого мировоззрения, эти материалы показали не столько инновационность, сколько устойчивость народных традиций.

Отдельно структурно рассмотрены примеры лингвистических (культурных) заимствований. Здесь А. А. Плотникова отвечает на популярный в самой среде старообрядцев Добруджи (и всей Румынии) вопрос, а что будет с липованским (русско-липованским) языком в свете интенсификации румынизации (модернизации) жизни? В ее редакции становится понятным, что эти тенденции не сегодняшние, а отражают практику нескольких поколений. Взаимообогащение двух сфер воспроизводства традиции приводит не столько к утрате одного из культурных кодов, сколько к интересным, с точки зрения культуролога, процессам. Например, урбанизация быта приводит к массовым проникновениям румынских названий новых реалий. Однако, параллельное функционирование старославянского (ритуального), диалектного (русского) и публичного (румынского) никто не может сознательно изменить. Вот и бытуют русские суффиксы с румынскими корнями или наоборот.

Сосредоточившись на языковой интерференции, из круга внимания автора выпала роль церковной грамотности и трансмиссия старославянского кода. Конечно же, это касается, в первую очередь, представителей конфессионального центра общин. Но светское образование на русском литературном языке активно сосуществует с достаточно популярным в липованской среде обучением церковным азам. Эти интересные процессы достойны своего специального внимания (доводилось встречаться с особами, сносно понимающими старые формы, но, увы, с трудом – русский язык).

Значительное место уделено градищанским хорватам в Австрии, исторически изолированным от основного лингвокультурного массива и находящимся в иноязычном и иноэтничном окружении, и боснийским мусульманам, находящимся в иноконфессиональном окружении.

Хорватский анклав в Австрии был обследован в полевых этнолингвистических экспедициях 2007 и 2013–2015 гг. Градищанские хорваты проживают в иноязычном, иноэтничном и инокультурном окружении (немецкий язык в Австрии, венгерский – в Венгрии, словацкий – в Словакии, чешский – в Моравии). В настоящее время большинство сел расположено в Австрии на земле Бургенланд (на хорватском Градище). «Градищанскими» называются говоры, которые находятся со стороны Венгрии, в хорватских селах вблизи Братиславы в Словакии и в южной Моравии (Чехия). Градищанские хорваты стали приходить на земли своего нынешнего проживания с XV века. Массовые миграции происходили в первые десятилетия XVI века в основном по причине бегства от турок, голода, тяжелых налогов и пр., в том числе «по найму».

Стандартизация градищанскохорватского языка началась в середине XIX в. вместе с началом полемики по вопросу, какой именно диалект должен лечь в основу литературного градищанскохорватского языка (чакавский или штокавский); окончательное оформление завершилось тогда, когда в 1987 г. Австрийский конституционный суд признал стандартный градищанскохорватский язык вторым официальным языком земли Бургенланд.

Градищанские хорваты неоднократно привлекали внимание исследователей. В монографии представлен обзор литературы по теме. Это книга Г. Невекловского «Язык градищан-

ских хорватов», работы Р. Сучича. Из обобщающих работ по народной духовной культуре градишанских хорватов автор называет монографию М. Йорданича «Народные обычаи градишанских хорватов» (2009), в которой практически во всех главах имеются подразделы, посвященные обычаям того или иного села, зачастую представляя собой цельные рассказы информантов о своей традиции. Отдельные публикации по традиционной и народной духовной культуре содержатся в ежегоднике «Паннонский альманах», в выпусках «Календарь “Традище”». Особый интерес представляют работы, посвященные так называемой низшей мифологии градишанских хорватов. Это и работы И. Добровича «Старославянские и наши “вилы”» (1954), Н. Бенчича «Ведьмы и процессы над ведьмами» (1987), А. Блазовича «Кум черных “вил”» (1987), З. Буранича «“Белые вилы” в Гериштофе» (1989).

Большое значение для этнолингвистического изучения градишанских хорватов имеют краеведческие издания по отдельным селам. Одно из наиболее полных описаний посвящено селу Узлоп, в котором включены разделы не только о семейных и календарных обрядах, но и о детских играх, предсказаниях погоды, сказки, пословицы, загадки, сведения о языке, о народной мифологии, окрестной топонимике, памятниках культуры, биографии местных писателей и пр.

Для полевого обследования хорватов в Австрии был использован вопросник по балканским славянам «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» (Плотникова, 2009). На основе этого вопросника создано 46 этнолингвистических карт, охватывающих непрерывный этнодиалектный континуум Южной Славии, которые размещены в книге «Этнолингвистическая география Южной Славии» (Плотникова, 2004). В ней исследуется территория Болгарии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении. Однако в силу макрозадач исследования не содержится данных по традициям тех хорватов, которые проживают в настоящее время анклавами в Австрии, Венгрии, Словакии. В этом плане полевые исследования, проведенные автором в селах градишанских хорватов Австрии, не только служат закономерным дополнением данных по этнолингвистической географии Южной Славии, но и в ряде случаев способствуют реконструкции тех или иных мифологических образов и особенностей семейной и календарной обрядности, поскольку переселившиеся в XVI веке хорваты сохранили те черты традиций, которые в настоящее время либо утрачены, либо сохраняются лишь как следы в языке (диалекте) на первичной территории их проживания. Примером такого рода «языкового следа» может служить название свадебного каравая – *вертань*.

Первое этнолингвистическое обследование было организовано и проведено в 2007 г., когда удалось обследовать 7 сел из всех трех частей региона: Северного, Среднего и Южного Градища. В соответствии с принятым этнодиалектным членением градишанских хорватов Австрии объектом изучения стали *полянцы* (села Трайштоф, Узлоп), *долинцы* (Велики Бориштоф, Мьеново, Филеж), *штои* (Чемба, Нарда), а также с. Стиняки, жители которого относятся к «южным чакавцам» и более всего сохранили архаические черты в языке и фольклорной традиции.

В селе Филеж были записаны данные о мифологических персонажах, которые могут управлять погодой, устраивать ненастье, вызывать затяжной дождь. В данном случае, как отмечает автор исследования, ощущается «влияние карпатской традиции, точнее – венгерской, где представления о мифологическом персонаже Гарабондиаш, обладающем способностью влиять на погоду, достаточно развиты и известны» (с. 133).

Этнолингвистическое исследование градишанских хорватов было проведено также и с целью определить автохтонные признаки в народной традиции и поздние, заимствованные из немецко-венгерской среды.

Анализ народной духовной культуры и отражающей ее лексики сел Северного, Среднего и Южного Градища показал, что традиция в основных чертах сохраняется, при этом обнаруживаются схождения с хорватской терминологической лексикой народной духовной культуры региона реки Купы и области Йосипдола, сел словенско-хорватского пограничья и собственно Словении.

Один из наиболее выразительных архаических обычаев в свадебной обрядности является выпекание хлеба *вертань*, как и само название, встречающееся сейчас лишь в редких этнографических источниках с территории первичного проживания градишанцев или отмеченное в исторических словарях (с. 136).

В народном календаре отмечаются архаические общеславянские или южнославянские элементы, несмотря на общий католический конфессиональный контекст. Особенно богаты архаическими представлениями у южных славян рождественские и новогодние обряды. В числе архаических особенностей народного календаря отмечаются традиционные для южных славян мотивировки весенних обрядовых действий – затыкать вербовые ветки в хлев, виноградник и др. для получения благословения и пр. (с. 145).

Яркими и значимыми для всего социума были обряды на Масленицу, называемые «волочить колодку», и на праздник св. Юрия. Зафиксировано много поверий и ряд *быличек* (рассказов о встрече человека с нечистой силой) из области «низшей» мифологии. Наиболее частый персонаж – ведьма и *бела вила* – красивое женское доброе существо, способное летать, которое помогает людям. Записаны *былички* о персонажах *мрак*, *мрачняк* (темнота), огненный змей.

Значимыми являются результаты исследования:

- 1) наблюдается совпадение локальной терминологической лексики хорватов Бургенланда с той, которая отмечена в Хорватии;
- 2) наличие эксклюзивной лексики из Бургенланда, которая не подтверждается источниками (известными автору) с территории Хорватии;
- 3) фиксируются аналогии и совпадения с терминологической лексикой:
 - а) на более широкой хорватской территории – *вишка* (ведьма), *мрак*;
 - б) в соседнем словенском ареале. В число таких культурных терминов попадает *вертань* – свадебный хлеб в виде кольца, территория распространения которого была гораздо шире. Аналогичные выводы напрашиваются и при анализе маслянистого обычая с колодкой, фиксируемого в Словении и Хорватии;
 - в) на широкой территории запада Южной Славии. Так, в похоронно-поминальной терминологической лексике известно специфичное обозначение погребального плача и наименование для ежегодного поминовения усопших – *Мртви год*;
- 4) общая для южнославянского культурно-языкового пространства лексика (*вила*, *змай* – «змей», *веселе* – «свадьба») и т.д.

Как видим, при анализе градишанскохорватской культурно-языковой традиции дополнительное подтверждение находит гипотеза о специфическом западном хорватско-словенском ареале, имеющем в зависимости от этнолингвистических факторов разные конфигурации и связанном с иными, периферийными ареалами в пространстве Южной Славии. Определяющими факторами самоидентификации градишанских хорватов являются сохранение языка и наличие у них собственной фольклорной традиции, пусть уже во многом изменившейся к настоящему времени (с. 168).

Один из разделов монографии посвящен исследованию специфике культуры боснийских мусульман. Традиционная народная культура боснийских мусульман (*бошняков*) долгое время оставалась на периферии интересов ученых, занимающихся этнолингвистическим обследованием славянских регионов. Впервые ситуация изменилась с началом полевого обследования мусульман в окрестностях Сараева в 2011 г. Наиболее полный материал был собран по разделу «Семейная обрядность». Отмечается, что семейные обычаи и, соответственно, обслуживающая их терминологическая лексика практически не подверглись сколь-нибудь значимым изменениям с начала XX века, когда впервые, в 1900 г., появилась на свет работа А. Ханги «Жизнь и обычаи мусульман в Боснии и Герцеговине».

Московский ученый уделяет особое внимание обряду обретения кума (кумы) ребенком в случае, если ребенок очень слаб, может умереть или его по каким-либо причинам не выносят на улицу до года. Этот обычай сохраняется и до настоящего времени в болгарских селах юга Украины. Автор разграничивает кумовство в результате стрижки волос, указывая, что у мусульман существует и два других вида кумовства: кумовство в результате суннета и венчальное кумовство (с. 173).

Собранный в монографии материал показывает, что у мусульман обследованных регионов Боснии до сих пор сохраняются архаические культурные тексты, известные южным славянам в различных локальных вариантах, независимо от их конфессиональной принадлежности. Выявлено, что в ряде случаев можно обнаружить языческие компоненты традиции. Кроме того, прослеживаются балканские мотивы и соответствующие лексемы – балканизмы в словаре бошняков.

Терминологическая лексика духовной культуры славян-мусульман Боснии, как правило, известна и вне границ современного государства Босния и Герцеговина, т.е. изолексы имеют продолжения в южнославянском территориальном континууме. Если в лексике народного календаря встречаем главным образом турцизмы, то в семейной обрядности (свадьба и роды) преобладают славизмы. При этом преимущественное число турцизмов обнаруживается в похоронно-поминальной обрядности, а также при описании отдельных этапов и реалий свадьбы, нередко как дублиеты славизмов.

Примечательно, что базовая свадебная лексика у бошняков преимущественно славянская: *свадьба*, *уговор* (помовка), *заручит* (совершить помовку), *сватови* (сваты), *млада* (невеста), *младоженя* (жених), *венчание* (заключение брака) и др. Из области родильных обрядов и обычаев это лексемы: *трудна* (беременная), *бабица* (повитуха), *у кошулицци* (в рубашке) и др.

В заключение, поздравим А. А. Плотникову с успешной монографией, а балканистов – с новым исследованием культурного разнообразия региона!

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Сербська література ХХ ст. Хрестоматія /
Вибір та опрацювання Деяна Айдачича, Алли Татаренко. –
Київ: «Освіта України», 2016. – 302 с.**

В. І. Ярмак

«Хрестоматія сербської літератури ХХ века» первоначально создавалась с целью обеспечить студентов специальности «литературное творчество» Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, изучающих сербскую литературу как одну из славянских литератур, соответствующим пособием. Ее составителями являются известные слависты: Деян Айдачич – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, основатель и главный редактор ряда ведущих фольклорных и этнолингвистических изданий, руководитель проекта «Растко» (электронной библиотеки сербской культуры в интернете), и Алла Татаренко – доктор филологических наук, профессор, специалист в области истории и теории литературы, литературный критик, переводчик, заведующая кафедрой славянской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко. Однако, изучение содержания хрестоматии и методологических принципов, которыми руководствовались ее составители, позволяет сделать вывод о том, что в действительности рецензируемое издание вышло далеко за рамки поставленных задач.

Несмотря на избирательность в выборе произведений (которая, кстати, подробно обосновывается в предисловии), в «Хрестоматии сербской литературы ХХ века» была предпринята весьма удачная и квалифицированная попытка представить читателю незаидеологизированную, независимую подборку безусловных шедевров, представляющих совершенно разные направления и литературные течения ХХ века, – и с точки зрения их литературной ценности, и в плане их эстетической значимости. Следует отметить, что в этом смысле составители продолжают лучшие традиции Б. Поповича, М. Сибиновича, Л. Попович, Л. Хайдуковича, И. Чароты и других составителей известных антологий и переводчиков сербской литературы на другие славянские языки. Благодаря «Хрестоматии» украинский читатель получил возможность познакомиться с произведениями сербских писателей, которые ранее не издавались в Украине, а также ознакомиться с великолепной подборкой, с целым срезом произведений представителей новейшей сербской литературы – поэтов, прозаиков, драматургов, сценаристов, которые уже неоднократно публиковались в нашей стране. Это признанные классики сербской литературы: И. Андрич, М. Црнянский, М. Павич, Д. Михайлович, Д. Киш, Б. Чопич, В. Попа, Б. Пекич, Н. Тадич, Л. Ршумович, Д. Радович, М. Пантич, Д. Албахари, Г. Петрович, М. Проданович, Н. Ромчевич, З. Каранович. Охват произведений и искусная подборка текстов – не единственные достоинства этого издания. Вне всякого сомнения, еще одним решающим фактором, обеспечивающим успех «Хрестоматии», является то, что в ней собраны только качественные переводы целой плеяды признанных украинских специалистов, прошедшие через мощный «фильтр» оценки ее составителей. Среди них – Иван Лучук, Оксана Микитенко, Елена Дзюба-Погребняк, Наталия Билык, Мария Василишин, Зоряна Гук, Олеся Кривонос, Ольга Рось, Оксана Сенатович и, конечно же, Алла Татаренко. Немаловажным обстоятельством является также и то, что А. Татаренко, будучи одним из составителей рецензируемой «Хрестоматии», одновременно является и одним из наиболее активных популяризаторов сербского художественного дискурса на украинском языке. Вместе с тем отрадно, что наряду с работами известных переводчиков, в «Хрестоматии» фигурирует, например, перевод рассказа Б. Чопича «Остроколючка становится героем», выполненный студентами-сербистами III курса Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Следует отметить, что, несмотря на несомненную значительную активизацию процесса культурного взаимодействия между Сербией и Украиной в течение последних десятилетий, «Хрестоматия» не столько повысила чисто количественные показатели, сколько восполнила имеющиеся пробелы, по-новому представив творчество многих сербских авторов.

Особую ценность «Хрестоматии сербской литературы XX века», на наш взгляд, придает то, что она дополнена информацией обо всех представленных в ней сербских писателях. Это – биографические справки о писателях (написанные А. Татаренко) и библиографические данные – исчерпывающие указатели переводов их произведений на украинский язык, списки научной литературы, посвященной каждому из авторов (составленными Д. Айдачичем). Рецензируемое издание не только дает определенный объем информации, но и создает мотивацию, служит креативным импульсом для дальнейшего ознакомления с произведениями сербской литературы. Кроме того, оно вполне может использоваться студентами и как своеобразный мини-учебник.

Небольшой по численности сербский народ является уникальным в том смысле, сколько знаменитых личностей и, в частности, писателей он подарил миру. Это связано и с его необычной исторической судьбой, и с желанием сохранить неповторимое своеобразие в эпоху глобализации как процесса, связанного, с одной стороны, с давлением глобальных языков на национальные языки, а, с другой, – с разрушением информационных барьеров и посреднической миссией художественного перевода. В упомянутом контексте релевантным является сильнейший внутренний заряд сербской литературы, связанный именно с вопросами осмысления национальной идентичности.

Таким образом, «Хрестоматия сербской литературы XX века» – новое значительное событие в сфере сербско-украинской культурной коммуникации, содействующее дальнейшему становлению сербской и украинской наций как европейских.

НА ПОШАНУ М. П. ДРАГОМАНОВА – МІЖНАРОДНА КОНФЕРЕНЦІЯ «ДРАГОМАНІВСЬКІ СТУДІЇ» В СОФІЇ

А. М. Якімова

На сучасному етапі розвитку світової цивілізації, коли явище глобалізації спонукає до дій, націлених на збереження автентичної культури етносів та їх історії, важливо ефективно використовувати можливості діаспори для утвердження позитивного бачення держави Україна міжнародною спільнотою.

У багатьох країнах світу українська діаспора плідно працює над проблемою збереження етнопонаціональної ідентичності українців через інтеграцію у суспільне життя країн проживання, організовуючи різноманітні цікаві та іноваційні заходи, мультикультурні діалоги, спільні ініціативи, які розширюють інформованість і доповнюють яву про батьківщину українців. «Одночасно вони привертають увагу до внеску українців у розвиток країн проживання, сприяючи принципу толерантності та мультикультурного багатства.

Десять видань наукової конференції «Драгоманівські студії» в Софії, ініційованої 2006 року Українською недільною школою при фундації «Мати Україна», відповідають духу мультикультурного діалога. З першого видання наукова конференція «Драгоманівські студії» проводиться у партнерстві з Софійським університетом імені Св. Клімента Охридського та за підтримки фундації «Мати Україна» і посольства України в Республіці Болгарія.

Наукова конференція «Драгоманівські студії» прагне вшанувати видатних українців, які зробили вагомий внесок у розвиток країни перебування, відомих болгарських політиків, громадських діячів, учених, літераторів, митців, діяльність яких сприяла популяризації України в Болгарії та світі; досліджувати історію української діаспори в Болгарії; аналізувати тенденції та явища у середовищі новітньої української діаспори Болгарії; вивчати фактори збереження національної ідентичності українців у світі; співпрацювати з громадськими та науковими установами двох країн.

Головна мета конференції – вшанування видатного українського вченого Михайла Драгоманова, який останні шість років жив у Софії і очолював кафедру історії на історико-філологічному відділенні Вищої школи – першому вищому навчальному закладі Болгарії, створеному 1888 року, а в 1904 році реорганізованому в Софійський університет.

У рамках конференції працює дві секції. Перша розглядає різнобічні аспекти життя та творчості М. Драгоманова в Софії, інших особистостей, пов'язаних з ім'ям ученого. Починаючи з п'ятої конференції, в першій секції почали діяти наступні підсекції: культурологічний підхід до викладання мови і літератури, теорія і практика перекладу, етнографічні рефлексії у ХХІ ст., Україна у масмедійному і віртуальному просторі Болгарії, які розширили проблематику досліджень, залучили більше зацікавлених учених, дозволили студентам-україністам Софійського університету активніше включитися до роботи на форумі.

Друга секція займається дослідженням української діаспори в Болгарії. Завдяки співпраці Української недільної школи з Національним науково-дослідним інститутом українознавства (за керівництва інститутом П. П. Кононенком), з 2007 р. секція почала працювати над проблемою збереження етнопонаціональної ідентичності українців у Болгарії.

Круглий стіл, започаткований на шостій конференції у 2011 р., досліджує розвиток українсько-болгарських дипломатичних стосунків в історичному та сучасному контекстах. Слід зауважити, що українські дипломати беруть активну участь в роботі конференції з першого її видання. До організаційного комітету конференції входили В. Пейчев, І. Козік, О. Зарицький, Д. Кримов, А. Тертична, а В. Лайшев, В. Пейчев, О. Кравченко, Д. Кримов, А. Тертична виступали з привітаннями та доповідями. Надзвичайний і Повноважний посол України в Республіці Болгарія В. Кальник відкривав форум, починаючи з третьої конференції. З шостої конференції форум відкриває посол України М. Балтажи, котрий

неодмінно вручав учасникам відзнаку посольства за внесок у розвиток українсько-болгарського культурного співробітництва. На десятій конференції посол вручив таку відзнаку за плідну співпрацю ректору Софійського університету професору, д.і.н. Івану Ілчеву.

За традицією, що склалася, на науковій конференції «Драгоманівські студії» відбуваються презентації нових українських та болгарських видань. Так, на першій конференції була презентована книга «Михайло Драгоманов. Духовност и свобода» (2005) з перекладами на болгарську мову праць ученого, болгарського щоденника та листів (перекладач Пенка Кинева). На п'ятій конференції книгу «М. П. Драгоманов: автожиттєпис» (2009, укладачі І. С. Гриценко, В. А. Короткий, М. В. Томенко) презентували автори І. С. Гриценко і М. В. Томенко. До 170-літнього ювілею вченого шоста конференція презентувала бібліографічний покажчик «Михайло Драгоманов. Бібліографія (1861–2011)» (2011, упоряд.: М. О. Мороз, В. А. Короткий – керівник проекту, І. І. Тіщенко, І. С. Гриценко, С. І. Білокінь)¹. Приємно відзначити, що у покажчику знайшли своє скромне місце і матеріали конференції «Драгоманівські студії»². Зусиллями посольства України в Республіці Болгарія та за фінансової підтримки Почесного консула в м. Пловдив Д. Георгієва у 2014 р., з нагоди 200-літнього ювілею Тараса Шевченка, в Софії побачило світ стереотипне видання «Кобзаря» 1840 р. з болгарським перекладом. На дев'ятій конференції, присвяченій ювілею Т. Шевченка, посол України М. Балтажи особисто презентував збірку Великого Кобзаря і подарував ректорові Софійського університету проф. І. Ілчеву. Презентації інших видань можна об'єднати за такими напрямками: українська болгаристика, болгарська україністика, українська діаспора.

Наукова конференція «Драгоманівські студії» стала культурною подією в житті діаспори та болгарської столиці. Вітання учасникам конференції передавав дуаєн української діаспори Болгарії Сергій Юзефович, який 2015 р. у столітньому віці відійшов у вічність. В Болгарії С. Юзефович мешкав з 1942 р. Був секретарем Українського Культурного Об'єднання (УКО) в Софії. Після 9 вересня 1944 р., коли до влади прийшли комуністи, його арештували. Покарання відбував до 1947 р. в Болгарії. Після звільнення викладав, працював гідом. Мешкав з родиною в м. Велико Тирново³.

Конференцією цікавиться онука М. Драгоманова, яка мешкає в Будапешті, Наталія Драгоманова-Бартаї – дочка Світозара Драгоманова. Впродовж багатьох років з Н. Драгомановою-Бартаї в Будапешті зустрічається українка Валентина Драгулева – багаторічний секретар організаційного комітету конференції «Драгоманівські студії», викладач української мови Софійського університету. В. Драгулева розповідає про діяльність української діаспори в Софії, вшанування М. Драгоманова, передає матеріали конференції. В свою чергу, Н. Драгоманова надсилає вітання учасникам конференції⁴. До п'ятої конференції, зокрема, Н. Драгоманова передала кілька світлин з родинного альбому, з якими учасники форуму мали нагоду познайомитися. До шостої конференції В. Драгулева разом з головою Європейського Конгресу Українців Я. Хортяні підготувала виступ, присвячений дев'яносторіччю Н. Драгоманової⁵.

Увагу до конференції засвідчили Європейський та Світовий Конгреси Українців⁶. Конференцію підтримали українські вчені проф. М. Карпенко, доц. В. Короткий з Київського національного університету імені Тараса Шевченка, доц. В. Власенко з Сумського державного університету. Активну участь в конференції беруть викладачі і студенти Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка та кафедри слов'янських мов Львівського національного університету імені Івана Франка. У дев'ятій конференції взяли участь вчені Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського Національної академії наук України.

Наукова конференція «Драгоманівські студії» успішно співпрацює з болгарськими науковими установами та громадськими організаціями. Протягом десяти років постійним партнером конференції є факультет слов'янських філологій Софійського університету імені Св. Клімента Охридського, на якому у 1996 р. було відкрито українське відділення. На конференції виступали декан факультету проф. П. Карагьозов, заступник декана доц. Б. Пенчев, викладачі Л. Терзієвська, А. Стаменова, Р. Камберова, В. Драгулева та кращі студенти факультету. Знаково, що на конференції Р. Камберова презентувала перший в історії Софійського університету підручник української мови для студентів-україністів⁷ та альманах «Българска украинистика»⁸.

До участі в конференції долучилася Університетська бібліотека СУ ім. Св. Клімента Охридського в особі її директора доц. А. Ангелової. Як відомо, в Університетській бібліотеці зберігається викуплена Софійським університетом особиста бібліотека М. Драгоманова. А. Ангелова привернула увагу до італійських видань у книгозбірці українського вченого⁹.

Вчені Болгарської академії наук теж беруть участь в науковій конференції «Драгоманівські студії». Так, проф. Л. Мінкова з Інституту літератури БАН виступила з доповіддю «Михаил Драгоманов и българската украинистика»¹⁰, доц. Р. Конева з Інституту історії БАН розповіла про болгарського вченого Івана Шишманова як продовжувача справи Драгоманова¹¹.

П'ята конференція заклала основи творчої співпраці з Інститутом етнології і фольклористики з Етнографічним музеєм при БАН. Інститут включив у свої дослідні програми тему дослідження сучасної української громади в Болгарії й учасники конференції мають нагоду ознайомитися з результатами завдяки дослідниці інституту Т. Матанової¹², яка постійно виступає з новими повідомленнями.

Багато уваги співпраці з конференцією приділяє директор Інституту етнології і фольклористики доц. Петко Христов, який був включений в організаційний комітет дев'ятої конференції і сприяв участі у форумі українських колег – учених з Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського НАНУ. П. Христов запросив до участі у міжнародній конференції “Contextualizing Changes: Migrations, Shifting Borders and New Identities in Eastern Europe”, яка відбулася в жовтні 2014 р., голову оргкомітету конференції «Драгоманівські студії» А. Якімову з доповіддю про формування ідентичності сучасної української спільноти в Болгарії¹³. До цієї конференції А. Якімова підготувала виставку українських весільних рушників.

У двох останніх конференціях взяли участь молоді дослідники Наукового Архіву БАН Ц. Радулов, Г. Колева, котрі зробили презентації-виступи «Михаил Драгоманов във фондове на Научния архив на БАН», «Михаил Драгоманов и българските научни среди през призмата на документи, съхранявани в НА–БАН» (Ц. Радулов).

Наукова конференція «Драгоманівські студії» знайшла прихильників серед вчених філософського факультету Великогирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія. Болгарські філософи Е. Данков і В. Бузов акцентували на творчій співпраці болгарських та українських учених в галузі філософії. Е. Данков, зокрема, присвятив кілька виступів таким видатним постатям України як Леся Українка¹⁴, Володимир Вернадський, Михайло Драгоманов у контексті болгаро-українських культурних стосунків і значення Михайла Драгоманова та Івана Георгова в історії філософії Болгарії і України.

Власне, конференція вийшла за межі Софії. Так, директор Пловдивської національної бібліотеки Д. Мінев ознайомив присутніх на восьмій конференції зі збіркою оригінальних творів М. Драгоманова у фондах бібліотеки. М. Панайотов, директор музею Івана Балабанова в с. Кочериново, дослідив діяльність українців на фабриці Балабанова у міжвоєнний період, познайомивши учасників десятої конференції з відкритим ним списком 150 українців, які першими прибули на фабрику Балабанова на початку 20-х років ХХ ст.

До роботи конференції долучилась Спілка перекладачів Болгарії. М. Петкова-Базелкова поділилася особливостями перекладу на болгарську мову роману Павла Загребельного «Роксолана» та враженнями від особистого спілкування з українським письменником. Перекладач П. Кинева розповіла про роботу над першим українсько-болгарським словником, який побачив світ в Софії у 2013 р. у видавництві «Синева». П. Кинева у 60-х роках ХХ ст. закінчила Київський державний університет імені Тараса Шевченка й відтоді переклала майже усіх класиків української літератури.

У десятій конференції взяв участь поет, перекладач, керівник відділу комунікацій та міжнародних зв'язків Спілки болгарських письменників Димитр Христов, котрий свій виступ присвятив українсько-болгарським літературним зв'язкам. Д. Христов – перекладач і упорядник антології «Нова українська поезія» (Софія–Варна, 2012), а також окремих збірок сучасних українських поетів та добірок класиків української поезії: Григорія Сковороди, Тараса Шевченка, Лесі Українки.

Інтерес до конференції виявили громадські організації та інституції: Спілка болгарських українців, яку очолює її засновник доц. Л. Терзійська – випускниця Київського на-

ціонального університету імені Тараса Шевченка, Асоціація болгаро-української дружби і співробітництва, Почесне консульство України в м. Пловдив.

Активну участь у роботі наукової конференції «Драгоманівські студії» беруть представники української діаспори, інформуючи про участь у європейських і світових форумах українців (В. Жуківський, О. Коцева, А. Якімова, Г. Анчев), діяльність діаспорних організацій (Т. Коларова, О. Димитрова, М. Імреорова), історію української громади в Болгарії¹⁵, десятиріччя фундації «Мати Україна»¹⁶, видання першого «Календаря українців в Болгарії»¹⁷ знайомлять з власними розвідками про українців, які жили в Болгарії. На особливу увагу заслуговують виступи А. Якімової, присвячені дослідженню софійського періоду життя та творчості професора М. Драгоманова, болгарській шевченкіані; О. Коцевої – про перебування Лесі Українки у болгарському селі Владая, де вона відпочивала з родиною Драгоманових-Шишманових; В. Жуківського – про відомого українського скульптора М. Парашука, автора пам'ятника М. Драгоманову в Софії; Д. Шишманова – болгарського письменника, дипломата, політика, онука М. Драгоманова; С. Юзефовича – дуаена української діаспори в Болгарії. М. Імреорова, на основі матеріалів, зібраних А. Якімовою у книзі «Українці в Болгарії: філософія історичного буття»¹⁸, поглиблено дослідила Пловдивський період балерини і хореографа-балетмейстера киянки Анни Воробйової, яка належить до основоположників болгарського балету¹⁹.

Задумана 2006 р. на вшанування 165-річчя з дня народження М. Драгоманова, конференція «Драгоманівські студії» демонструє демократичність і мультикультурне співробітництво, вшановуючи також болгарського вченого І. Шишманова (2007, 2012), українського скульптора М. Парашука (2008), 200-річчя з дня народження генія українського народу Т. Шевченка. Конференції присвячувалися 75-літтю Голодомору 1932–1933 рр. (2008), 20-річчю незалежності України і 20-річчю українсько-болгарських дипломатичних стосунків (2011), 125-річчю Софійського університету імені Св. Клімента Охридського і 20-річчю посольства України в Республіці Болгарія, 1025-річчю хрещення Київської Русі (2013), 120 роковинам з дня смерті М. Драгоманова (2015).

За традицією, що склалася, по закінченню роботи конференції учасники й гості покладають квіти до пам'ятника М. Драгоманову.

Незмінним інформаційним партнером міжнародної наукової конференції «Драгоманівські студії» виступає приватне електронне видання «Українські вести / Болгарські вести» (журналіст В. Жуківський). Серед медійних партнерів конференції – посольство України, Почесне консульство України в м. Пловдив, Асоціація болгаро-української дружби і співробітництва.

За матеріалами I–VII конференцій «Драгоманівські студії» видано три збірника (2008, 2011, 2013). Робочі мови конференції – українська і болгарська, тому всі статті подані мовами оригіналу. Багато українських і болгарських дослідників виявили інтерес до матеріалів конференції. Так, історик В. Власенко, який займається дослідженням української діаспори на Балканах і бере активну участь у роботі конференції, в рецензії на другий збірник конференції «Драгоманівські студії» зауважив, що «така форма діяльності закордонних українців є доволі рідкісним явищем, оскільки передбачає наявність певного прошарку відповідного рівня фахівців, а тому є непересічною подією для української діаспори»²⁰.

Таким чином, десятирічна діяльність міжнародної наукової конференції «Драгоманівські студії» сприймається як важливий аспект розвитку українсько-болгарського культурного співробітництва. Конференція перетворилася в успішний інтелектуальний продукт української діаспори Болгарії за підтримки посольства України та партнерства з болгарськими науковими установами та громадськими організаціями, стала експериментальною платформою для молодих українських і болгарських науковців. Як уже зазначалось, в роботі конференції беруть участь українські дипломати, українські і болгарські вчені, аспіранти, студенти, журналісти, представники української діаспори та болгарських громадських організацій. Тематичний спектр виступів вирізняється глибиною змістовного висвітлення історичного минулого України і Болгарії та актуальним баченням проблематики конференції і відображає історію сучасних українсько-болгарських зв'язків, окремі аспекти становлення й розвитку сучасної української діаспори, історію розвитку сучасної болгарської україністики.

¹ Якімова А. «Михайло Драгоманов. Бібліографія (1861–2011)» – енциклопедія життя і діяльності геніального вченого // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 22–24.

² Михайло Драгоманов. Бібліографія (1841–1895) / упоряд.: М. О. Мороз, В. А. Короткий (керівник авторського колективу), І. І. Тищенко, І. С. Гриценко, С. І. Білокінь. – Дрогобич: Коло, 2011. – С. 635.

³ Жуківський В. Сергій Юзефович: «Я не сподівався, що за мого життя Україна буде незалежною» // Матеріали четвертої та п'ятої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія, 2011. – С. 25.

⁴ Вітання Наталії Світозарівни Драгоманової // Матеріали четвертої та п'ятої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія, 2011. – С. 34; Привітання Наталії Світозарівни Драгоманової // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 99.

⁵ Драгулева В. До 90-річчя з дня народження Наталії Драгоманової / В. Драгулева, Я. Хортяні // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 49.

⁶ Там само. – С. 6, 98.

⁷ Камберова Р. Първият учебник по украински език за българи // Матеріали першої, другої та третьої наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія, 2008. – С. 81–83.

⁸ Камберова Р. Альманах «Българска украинистика» // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 169–173.

⁹ Ангелова А. Италиански издания в библиотеката на проф. Михаил Драгоманов // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 133–137.

¹⁰ Минкова Л. Михаил Драгоманов и българската украинистика // Матеріали четвертої та п'ятої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія, 2011. – С. 38–44.

¹¹ Конева Р. Иван Шишманов – продължител на делото на Драгоманов във Фрайбург (1921–1924) // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 42–48.

¹² Матанова Т. Етнично себевъзприемане и локална принадлежност при деца от украино-български семейства // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 55–60.

¹³ Iakimova A. Formation of the Identity of the New Ukrainian Community in Bulgaria // Contextualizing Changes: Migrations, Shifting Borders and New Identities in Eastern Europe / Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum. Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Science. – Sofia, 2015. – P. 355–364.

¹⁴ Данков Е. Леся Украинка в историята на българската философска култура // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 124–133.

¹⁵ Жуківський В. Українська громада в Болгарії // Матеріали першої, другої та третьої наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія, 2008. – С. 18–23.

¹⁶ Драгулева В. Фундації «Мати Україна» – 10 років // Матеріали четвертої та п'ятої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія, 2011. – С. 92–94.

¹⁷ Конова О. Перший «Календар українців в Болгарії» // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 60–61.

¹⁸ Якімова А. Українці в Болгарії: філософія історичного буття (нарис). – Софія, 2011. – С. 77–79.

¹⁹ Імреорова М. Пловдивський період Анни Воробйової // Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 72–77.

²⁰ Власенко В. М. Драгоманівські студії. Рецензія на: Матеріали четвертої та п'ятої наукових конференцій «Драгоманівські студії». Міністерство закордонних справ України, Посольство України в Болгарії, Товариство «Мати Україна», Українська недільна школа. Софія, 2011. – 100 с. // Дриновський збірник / Дриновський збірник. – Т. V. – Харків–Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2012. – С. 450.

АЛЬМАНАХ «БОЛГАРСЬКА УКРАЇНІСТИКА»: ТЕМАТИКА І ПРОБЛЕМАТИКА ДОСЛІДЖЕНЬ

І. С. Огієнко

Альманах «Болгарська україністика» – щорічне електронне наукове видання, в якому друкуються статті, огляди, рецензії, пов'язані з актуальними проблемами болгарської україністики, української болгаристики, українсько-болгарською мовною і культурною взаємодією, науковими зв'язками. Альманах створено в межах проекту «Болгарська віртуальна україністика»; ознайомитися з ним можна на офіційному сайті спеціальності «українська філологія», що існує при кафедрі словянського мовознавства Софійського університету імені Климента Охридського. Видання виходить з 2012 року, на сьогодні представлено п'ятьма випусками – 1, 2 (2012 р.), 3 (2013 р.), 4 (2014), 5 (2015) і одним спецвипуском, до якого ввійшли доповіді, виголошені на Міжнародній науковій конференції «Шевченківський ранок», присвяченій 200-річчю з дня народження Тараса Шевченка, що відбулася в Софії 19–20 березня 2014 року (вийшов у березні 2016 р., тексти ввійшли в редакції 2014 р.).

Видання присвячене питанням мовознавства, літературознавства, фольклористики, етнології, історії, методики, теорії і практики перекладу. У першому випуску на сторінках альманаху друкувалися наукові статті лише з літературознавства, мовознавства і фольклористики, у другому додалися публікації з історії і методики, у третьому – з етнології, у четвертому – з теорії і практики перекладу. Всього на сторінках 5 випусків впродовж чотирьохрічного існування альманаху «Болгарська україністика» опубліковано 96 матеріалів різного жанру (статті, огляди, рецензії, повідомлення та ін.) загальним обсягом 972 с. У виданні переважають публікації з мовознавчої тематики – це 32 статті, на другому місці за чисельністю статті з літературознавства (їх 14), на третьому – з фольклористики й етнології (11), на четвертому – з історії (8), далі – методика (4), теорія і практика перекладу (3). Окрім того, представлено 8 публікацій, підготовлених студентами відділення україністики Софійського університету на основі тематики їхніх дипломних і курсових робіт.

Кожен випуск альманаху починається зі вступної частини, в якій коротко охарактеризовано дане видання, а саме – хто його видає, як часто воно виходить, які саме тексти публікуються на його сторінках, яка мета видання, які тексти приймаються до публікації і з яких дисциплін.

Перші три видання розпочинаються з рубрики літературознавство, два перші номери яких містять по три статті в кожному випуску, а третій – п'ять; надалі ця рубрика почала займати другу позицію – до четвертого випуску ввійшла одна стаття, а до п'ятого, відповідно, чотири. Перший номер альманаху відкривається статтею доцента Софійського університету Лідії Терзійської «Някои от проблемите на старобългарската литература в научната интерпретация на Иван Франко». В статті проаналізовано дослідницькі статті І. Франка, присвячені проблемам староболгарської літератури. У цьому ж номері розміщено розвідку Ліліани Мінкової, старшого наукового співробітника відділу порівняльного літературознавства Інституту літератури БАН, «Михаил Драгоманов и българската украинистика», в якій йдеться про зародження болгарської україністики за часів Л. Каравелова, контакти Л. Каравелова з І. Г. Прижовим, вплив М. Драгоманова на наукову діяльність Л. Каравелова і І. Шишманова. Третя стаття на літературознавчу тематику в першому випуску належить Стиліяну Стоянову, доценту Південно-Західного університету імені Неофіта Рильського, «Литературни образи и стратегии в мига след края на света (опити върху прозата на Юрий Андрухович, Георги Господинов и Вячеслав Пъецух». На основі аналізу романів «Рекреації» Юрія Андруховича, «Природний роман» Георгі Господинова і повісті «Бог у місті» Вячеслава П'єсцуха автор шукає спільні тенденції, характерні для літератури постсоціалістичних країн кінця ХХ – початку ХХІ століття, зосереджуючи свою увагу на відмові від примітивного реалізму, функціях пародії і гротеску в тексті. Другий випуск альманаху відкриває стаття на той час доцента кафедра журналістики та видавничої справи Київського національного університету куль-

тури і мистецтв Сніжани Жигун «На межі двох діб неминуче з'являються люди, що зависають якраз на грані...» (В. Підмогильний): осмислення «нового» часу в українській літературі 1920-х років». Авторка розглядає особливості осмислення «нового» часу і його вплив на художній світ творів письменників неореалістичного («Ланка») та неоромантичного (ВА-Пліте) напрямків; простежує, як, пов'язуючи розірваний плін часу, представники «Ланки» зосереджувалися на порушенні послідовності між минулим і сучасним, і як неоромантики, окрилені революцією, зосереджували увагу на новому часі, звертаючись до легендарного минулого і світлого майбутнього. У цьому ж випуску представлено статтю аспіранта Софійського університету Володимира Колева «Довженковият карнавал і място на магриналния човек след него», в якій йдеться про карнавальні і маргінальні мотиви в творчості Олександра Довженка. Дебютний роман англійської письменниці українського походження Мирини Левицької «Коротка історія українського трактора» (2005 р.) з його баченням української історії ХХ століття і проблеми еміграції із перспективи європейського Заходу розглядає Катерина Чернявська, студентка 5 курсу факультету іноземних мов і літератур університету м. Салерно (Італія). У статті «A short history of tractors in Ukrainian by Marina Lewycka: discovery of Ukraine from the western perspective» детально проаналізовано роль гумору і використання стереотипів у вищезгаданому романі, роль художньої літератури як засобу зближення і взаємопізнання Заходу і Сходу Європи.

Третій номер альманаху також розпочинається зі статті С. Жигун – «“Неназвані міста”: специфіка зображення простору в українській неореалістичній прозі”. У творчості письменників, що входили до “Ланки”, авторка виокремлює три чітко окреслені топоси: село (домінує в Г. Косинки, є у В. Підмогильного, Б. Антоненка-Давидовича), містечко (В. Підмогильний, Б. Антоненко-Давидович), велике місто (В. Підмогильний, Б. Антоненко-Давидович, Є. Плужник, М. Галич). Простежено, як внутрішній пейзаж, що виражає психологічний стан персонажа, стає найважливішим засобом зображення міського простору. Стаття Віталіни Кизиловой, доцента кафедри теорії літератури та компаративістики Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка (далі – ЛНУ ім. Тараса Шевченка), «Специфіка казково-фантастичного моделювання світу в повісті-легенді Б. Харчука „Планетник”» присвячена аналізу синтезу основного і вставного тексту в структурі художнього твору, зокрема повісті і легенди, з використанням казкових і біблійних інтертекстуальних елементів. Ірина Кметь, доцент кафедри українського прикладного мовознавства Львівського національного університету імені Івана Франка (далі – ЛНУ ім. Івана Франка) у статті «Українська есхатологічна апокрифіка: “Лист небесний” у писемній та усній традиції» розглядає апокрифи як ключ до розуміння народного релігійного світогляду, а християнські канонічні образи, запозичені під впливом народної традиції, визначає як етноментальну специфіку. Дарія Лукьяненко, аспірантка кафедри українського літературознавства та компаративістики Житомирського державного університету імені Івана Франка, у статті «Поєма-симфонія «Сковорода» П. Г. Тичини: динаміка образу» на основі аналізу змісту вище згаданої поеми дійшла висновку, що їй притаманні дві тенденції, які як характеризують творчість автора вцілому, так і віддзеркалюють особливості тогочасної доби, тобто образ реального Сковороди з самозаглибленістю і рефлексіями щодо себе та довколишнього світу і революцізацію Сковороди, як того вимагала тоталітарна епоха.

До четвертого випуску ввійшла одна стаття з літературознавчою тематики – «Мала проза О. Кониського: до питання новаторства і формозмістового експерименту» Надії Бойко, старшого наукового співробітника відділу класичної української літератури Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Аналізуючи прозовий доробок О. Кониського 80–90-х років, авторка простежила одночасне використання двох різних художньо-стильових парадигм: реалістичної, усталеної і домінуючої у його художньому мисленні, і модерністичної, зокрема нових стильових тенденцій, близьких до імпресіонізму, звернула увагу на розширення жанрових меж його малої прози, зокрема на додавання до композиційної структури оповідань ліричних і публіцистичних авторських відступів.

В п'ятому випуску опубліковано дослідження Л. Терзійської «Някои особености в развитието на неоромантизма в украинската литература». Авторка, аналізуючи основні теоретичні дослідження, присвячені неоромантизму, зокрема статті з часопису «Українська хага», дослідження Лесі Українки, Д. Мережковського, М. Драй-Хмари, зосереджує увагу на місці неоромантизму в українській літературі початку ХХ століття, на дискусії навколо часових

рамок існування неоромантизму в українській літературі, на специфічних ознаках, притаманних українському неоромантизму. «Ідейно-естетична специфіка та деякі мовно-стилістичні паралелі творчості Д. Дебелянова і В. Стуса» – тема статті Наталі Григораш, доцента кафедри слов'янської філології ЛНУ імені Івана Франка, і Тетяни Родікової, магістра зі спеціальності «Болгарська мова та література». Це перша спроба в українському літературознавстві розглянути творчість Дімчо Дебелянова і Василя Стуса у компаративістичному аспекті. Порівнявши поетичний доробок обох поетів, автори помітили схожість літературних прийомів, символіки, образів, мотивів, виокремили спільні риси, які об'єднують проблематику, систему поетичних образів та особливості художньої манери. В статті «Мовчання як елемент жанрово-оповідної гри в прозі Йордана Радичкова» Остапа Сливинського, доцента кафедри польської філології ЛНУ імені Тараса Шевченка, йдеться про роль і функцію форм текстового мовчання в процесі розхитування наративних і жанрових конвенцій, притаманних прозі болгарського письменника-неомодерніста Йордана Радичкова. Владимир Колев у статті «Сексуалност и смърт при Олександр Довженко» досліджує особливості Довженкового наративу через ключові положення філософських досліджень, зокрема «Історія ока», «Еротизм: смерть і чуттєвість» Жоржа Батая, «Історія сексуальності» Мішеля Фуко.

Найчисельнішими в альманасі «Болгарська україністика» є статті з лінгвістичної тематики, їх налічується 9 в першому випуску, 3 – в другому, 7 – в третьому, 5 – в четвертому, 8 – в п'ятому. Мовознавчу рубрику першого випуску розпочинає стаття доцента кафедри слов'янської філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка О. Р. Чмир «Болгари в Україні: історія формування та проблеми функціонування мовного ідіому», в якій розглянуто історію та сучасний стан вивчення мови та культури болгар в Україні, описано формування болгарської етнічної спільноти та мовного ідіому на території України, проаналізовано значення освіти для збереження національної ідентичності. Вплив екстралінгвістичних умов на реактуалізацію тюркізмів у мові сучасного болгарського медійного дискурсу досліджується у статті Ірини Огієнко, молодшого наукового співробітника відділу мистецтва та народної творчості зарубіжних країн Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського НАН України. У розвідці проведені історичні і соціолінгвістичні паралелі між медійними дискурсами кінця XIX – початку XX ст. і сучасним, простежене ставлення до тюркізмів на різних етапах розвитку кодифікованої болгарської мови, описані функції реактуалізованих тюркізмів. Про історію зацікавлення болгарською мовою як об'єктом і предметом наукових студій у Львівському університеті та основні етапи розвитку львівської болгаристики розказано у статті «Львівська мовознавча болгаристика в минулому й сьогодні» Ольги Сороки, лектора з української мови Софійського університету імені Святого Климента Охридського. Про українку як галузь наукових зацікавлень славістів-мовознавців ЛНУ імені Івана Франка йдеться у статті «Українська мова в дослідженнях науковців кафедри слов'янської філології Львівського університету» доцента кафедри слов'янської філології цього університету О. А. Албул і старшого викладача тієї ж кафедри О. Я. Лазор. На основі огляду праць, опублікованих в період після Другої світової війни в Львівському університеті, простежено її формування та розвиток. Райна Камберова, головний асистент кафедри слов'янського мовознавства Софійського університету імені Климента Охридського, присвятила свою публікацію десятиріччю від смерті Юрія Шереха-Шевельова, подавши біографію вченого і описавши його основні напрацювання в галузі мовознавства, літературознавства і критики. Павлина Мартинова-Іванова, аспірантка Софійського університету, написала статтю про дієприкметникові конструкції, що функціонують в українському художньому тексті, зокрема в повісті Ольги Кобилянської «У неділю рано зілля копала» (Київ, «Веселка», перше видання, 1909 р.) і виокремила тенденції їх перекладу на болгарську мову, використовуючи переклад Христо Ралева «В неделя рано билки брала» (Софія, «Народна култура», 1981 р.). Стефан Узунов, аспірант Софійського університету, в статті «Суржик на границата на українско-руския езиков контакт (от полuezичието до обезкултурияване)» розглядає культурно-психологічні аспекти суржика і його вплив на українське суспільство. У статті Олесі Палінської, наукового співробітника Міжнародного інституту освіти, культури та звязків з діаспорою НУ «Львівська політехніка», розглянуто основні принципи, закладені в основу організації навчального процесу на заняттях з української мови як іноземної, і проблемні моменти, на які слід звертати увагу викладачам. На основі аналізу лінгводидактичної літера-

тури здійснено систематизацію основних принципів і підходів у викладанні і вивченні мови як іноземної, запропоновано способи їх оптимізації. У дослідженні «Методика викладання української мови як іноземної: аналіз термінологіки крізь призму формування науки» Оксани Туркевич, асистента кафедри українського прикладного мовознавства ЛНУ імені Івана Франка, встановлено основні етапи розвитку методики викладання української мови як іноземної і розглянуто розвиток фахової мови цієї науки.

До другого випуску альманаху ввійшли статті П. Мартинової-Іванової про дієприслівники в українській і болгарській мовах, що утворюються від неперехідних дієслів; Р. Камберової – про проблеми передачі назв деяких українських міст болгарською мовою й основні способи їхньої передачі. Володимир Пілецький, доцент кафедри української мови ЛНУ імені Івана Франка, розглядає термінотворчу діяльність Василя Сімовича в світлі актуальних проблем українського термінознавства, зокрема національномовну специфіку назви наукового поняття і її зв'язок із семантичними й прагматичними вимогами до терміна, співвідношення питомого й запозиченого в сучасній термінології, взаємодію загальної й спеціальної лексики на сучасному етапі розвитку української літературної мови.

У третьому випуску «Болгарської україністики» Наталя Пілецька, доцент кафедри іноземних мов Львівської державної фінансової академії, у статті «Ікономическата термінология като обект на изследване в началото на XXI век» розглядає лексичний склад сучасної чеської економічної термінології, з'ясує вплив зовнішніх і внутрішніх чинників на формування названої групи лексики, аналізує сучасні тенденції розбудови чеської економічної терміносистеми. Мая Радичева, головний асистент Софійського університету, у статті «Семантика vs. синтаксис в старочешки. За значението на творителния падеж, което напомня на краля и епископа, че не са вечни» описує особливості вживання орудного відмінка в давньочеській мові. Дослідження А. Стаменової «Ролята на твореца в изграждането на книжовния език: П. Р. Славейков и Т. Г. Шевченко» присвячене аналізу особливостей використання лексичних і фразеологічних засобів у творах П. Р. Славейкова та Т. Г. Шевченка, а також описові впливу обох письменників на розвиток болгарської та української літературної мови. В розвідці Аліси Трендафілової «За някои аспекти на фактора статус в речевата акомодация» розглянуто сучасну теорію акомодатії і деякі основні аспекти соціального статусу мовця, що мають відношення до емпіричних досліджень стратегій мовленнєвої акомодатії, які застосовують носії болгарської мови. Стефан Узунов у статті «Езикова ситуация в Украйна» розглянув питання функціонування української та російської мови на території України, простежив розвиток соціолінгвістичних термінів «диглосія» та «білінгвізм», історію використання української та російської мови та появу мовного феномену «суржика». В статті Інни Царалунги, доцента кафедри української філології Хмельницького національного університету, проаналізовано графіко-орфографічну систему Вижівської актової книги XVII століття, прослідковано історію створення документу, визначено його структурні особливості, графічні і правописні тенденції давньоукраїнських текстів, представлених у книзі, засвідчено варіативність вживання літер, обумовлену традиційним і новим правописом у межах тогочасного письмового узусу. Жанна Янковська, доцент кафедри культурології та філософії Національного університету «Острозька академія», у статті «Визначальні семантично-стильові вектори фольклоризму української літературної прози першої половини XIX століття» розглядає терміни «фолклоризм» і «фольклорна література», питання рецепції фольклору, його поетики та інших засобів у літературну прозу 30–60-х XIX ст.

В четвертому випуску опублікована стаття С. Узунова «Езикът на религията в Украйна», присвячена мові богослужінь в різних конфесіях України. С. Узунов дійшов висновку, що мовна ситуація в релігійній сфері суспільного життя в Україні на початку XIX ст. є не просто чинником, що впливав на мовну поведінку соціуму, а результатом конкретних подій. Богдан Сокіл, доцент кафедри прикладного мовознавства ЛНУ імені Івана Франка, у статті «Іван Жуковський про місце руської (української) мови серед інших слов'янських» описує фонетичні особливості руської мови, які виокремлюють її серед інших слов'янських мов, звертаючи увагу на вплив розмовної мови на становлення літературної. Дослідження Тетяни Семашко, викладача кафедри сучасної української мови КНУ імені Тараса Шевченка, стосується лінгвістичних аспектів вивчення стереотипу як культурно-мовного феномена у сучасному мовознавстві. Авторка висвітлила його сутність, структуру, подала типологізацію та описала механізми створення культурно-мовного стереотипу. Світлана Лавріненко, док-

торант кафедри сучасної української мови КНУ, аналізуючи культуроправову інформативність українських народних пісень обрядового, родинно-побутового, соціально-побутового циклів, розглядає характерні для носіїв фольклору світоглядні настанови, робить висновки про особливості національної поведінки, різнобічно описує ментальні стереотипи. Стаття О. Сороки присвячена неологізмам, що з'явилися у болгарському медійному просторі під впливом українських подій 2013–2014 рр., у ній зафіксовані найновіші слова та їх значення, що потрапили та функціонують у болгарській мові найновішого періоду.

П'ятий випуск відкриває стаття А. Стаменової «Історія формування назв української народності і мови», в якій йдеться про походження назв різних територій, які населяли українці, – Русь, Малоросія, Україна. С. Узунов дослідив мовну ситуацію в Україні в сфері освіти. Р. Камберова в своїй розвідці «Медийни примери за реч на омразата в руските меди, свързани със събитията в Украйна от 2014 година» проаналізувала слова, які активно використовуються в російському медійному дискурсі для ведення інформаційної війни, такі як «хунта», «фашисти» і похідні від нього «укрофашисти», «бандерофашисти», українські євреї, Новоросія. Ева Сятковська у статті «Majdan, czyli ile treści kryją dzieje jednego słowa» («Майдан, або скільки змісту ховається в одному слові») розглядає етимологію походження слова «майдан», зміну значення цієї лексеми в східнослов'янських мовах, два етапи запозичення лексеми «майдан» в українську мову через посередництво польської мови в XVII і в XXI ст., символічне значення слова «майдан». О. Албул і О. Сорока розглянули наслідки іншомовних впливів у болгарській мові у фонологічному аспекті. Оксана Костюшко охарактеризувала тематичні словники в українській лексикографії, описала історію їх виникнення, сучасний стан і особливості тематичної лексикографії. О. Сорока описала болгарсько-українські і українсько-болгарські словники, видані на початку XXI століття, зокрема «Українсько-болгарський розмовник» (2012), укладений О. С. Талановим, «Українсько-български речник» (2013), упорядкований Пенкою Киневою, «Украинско-български разговорник. Фрази. Думи. Коментари» (2015), укладений О. Сорокою, Б. Соколом, О. Албул, «Българско-украински речник на новата европейска лексика от края на XX – първите десетилетия на XXI век» (2015), упорядкований Е. Стояновою та ін. О. Р. Чмир в статті «Ритуальне слово і жест у семантиці старослов'янської та давньоруської лексики права» розглядає семантичні мотивації, на основі яких сформувалися значення лексики права, особливу увагу приділяючи словам, в яких значення, пов'язані з правом, розвинулися на основі попередніх значень, пов'язаних з певними ритуальними діями.

На третьому місці за чисельністю публікацій стоїть фольклористична і етнологічна тематика. В п'яти номерах «Болгарської україністики» представлено 11 публікацій. Життєвому і науковому шляху Н. С. Шумади з нагоди її 80-річного ювілею присвятила своє дослідження І. Горбань, старший науковий співробітник Музею етнографії та художнього промислу Інституту народознавства НАН України. Галін Георгієв описав функції обрядовості на день Св. Георгія в повсякденному житті болгар села Чушмелій (Криничне) Болградського району Одеської області, порівнявши обряд, що проводився 100 років тому з тим, що проводиться зараз. І. В. Грищенко, доцент кафедри фольклористики КНУ, в статті «Латеральне мислення трікстера у фольклорних казках-анекдотах пошехонців» на матеріалі казок та анекдотів, в яких у ролі дурнів виступають представники іншої етнічної групи, аналізує те, як герої-трікстери застосовують латеральне мислення для досягнення своєї мети. О. П. Івановська, завідувач кафедри фольклористики КНУ, присвятила свою статтю дослідженню фольклору як суб'єктно-образної системи на основі аналізу її сутнісних категорій – суб'єктності етносу, соціуму, індивіда; семіосфери фольклору; трансмісії сучасного смислу; наративу як функції фольклорного тексту. Таян Матанова здійснила історіографічний опис досліджень, пов'язаних з болгарською проблематикою і проведенням болгарсько-українських паралелей в області етнології, етнографії і фольклористики, що проводилися в Україні і Болгарії на початку XXI ст. В. В. Панталієнко, доцент кафедри культурології Національного університету біоресурсів і природокористування, розглянула основні тенденції розвитку української музичної культури XX – початку XXI століття і дійшла висновку, що музичний процес цього періоду характеризується поєднанням традиційного і нового, а також для нього важливим є спірання на національне фольклорне підґрунтя. Стаття Лідії Гайдученко присвячена описові українських традиційних зимових свят, звичаїв та обрядів в контексті їхнього загальноєвропейського походження та християнських традицій. Т. Матанова у статті «Комунікаційні

пространства на українцита в Бґларґа в началото на ХХІ век» описала формування української спільноти в Бґларґії, діяльність їхніх організацій і товариств, таких як «Мати Україна» (Софія), «Діаспора–Україна» (Бургас), «Добруджа–Україна» (Добрич), «Український дім» (Сілістра), українсько-бґларґське товариство «Пловдив» (Пловдив), «Чорноморіє» (Варна), молодіжне об'єднання української спільноти «БУКІ», збереження культурної спадщини, друковані видання, святковий календар. Ірина Мельничук, доцент кафедри української філології Маріупольського державного університету, присвятила свою розвідку дослідженню проблеми спорідненості української та бґларґської історичної пісенності у фольклористичних студіях Івана Франка. В статті Ірини Огієнко аналізується етнографічно-фольклорна збиральницька та дослідницька діяльність Михайла Драгоманова в дослідженнях українських вчених 90-х рр. ХХ – початку ХХІ ст. О. Лазор охарактеризувала навчальну дисципліну «Бґларґський фольклор» для студентів-бґларґистів ЛНУ імені Івана Франка: його мету (ознайомити студентів із фольклором бґларґ в зв'язку з історичними явищами і подіями та висвітлити його роль у формуванні народних світоглядних засад), завдання, перерахувала тематичні групи, що ввійшли до програми даної навчальної дисципліни, описала їх.

Історична тематика представлена восьмома статтями. У статті Валерія Власенка, доцента кафедри історії Сумського державного університету, йдеться про історію виготовлення і встановлення пам'ятника на могилі М. Драгоманова в Софії. Інша його розвідка присвячена першій хвилі міжвоєнної української політичної еміґрації до Бґларґії. Розвідка Ігоря Данилевського, завідувача кафедри ідей і методології історичної науки Національного дослідницького університету «Вища школа економіки», присвячена проблеми прочитання мініатюр Радзивилівського літопису. Ірина Магрицька, доцент кафедри української мови та літератури Східноукраїнського національного університету імені Володимира Дала, у статті «Новітній міф про події 1932–1933 рр. у світлі фактів з українсько-російського прикордоння» на основі свідчень очевидців Голодомору з Луганської області, в яких домінували розповіді про виїзд або похід за продуктами в місцевості, де не було голоду, доводить ґеноцид саме українського селянства. Про витоки наукової школи М. Драгоманова йдеться у статті А. Якимової, про маркетингові стратегії протестантського книговидання України – в статті Максима Балаклицького, доцента кафедри журналістики ХНУ імені В. Н. Каразіна. Цветан Радулов, Драгомир Томов, Герґана Колева, архівісти Наукового архіву БАН, описали документальну спадщину М. Драгоманова, що зберігається в архівав БАН. Про діяльність М. Драгоманова в суспільно-політичному житті України в 70–90-х рр. ХІХ ст. та значення його публіцистики за кордоном йдеться в статті П. Мартинової-Іванової.

До рубрики «Методика» ввійшло 4 статті. Одна з них – Лесі Пілецької «З досвіду вивчення творчості Богдана Лепкого в курсі української літератури», в якій проаналізовано основні літературознавчі досягнення в царині дослідження творчої спадщини Б. Лепкого, запропоновано методичні прийоми і розробки уроків, спрямовані на глибоке пізнання творів письменника, усвідомлення їх місця і значення в українському літературному процесі. В статті «Концепція посібника з української мови як іноземної: країнознавчий аспект» Олега Качали, викладача кафедри іноземних мов НУ «Львівська політехніка», розглянуто проблематику, пов'язану з викладанням матеріалів з країнознавства під час занять з української мови як іноземної, коротко описано концептуальну схему подачі цього матеріалу в посібнику з країнознавства, наведено фрагмент з майбутнього посібника «Місто Лева» з завданнями і коментарями. Наталія Місник, доцент кафедри україністики Національного медичного університету імені О. О. Богомольця, в статті «Сучасні освітні парадигми формування дискурсивної компетентності студента вищої школи в Україні» презентувала курс «Українська мова (за професійним спрямуванням)», який спрямований на те, щоб дати цілісне уявлення про фахову мову в системі літературної мови, визначити її функції, склад і специфічні ознаки, забезпечити студентів знаннями для практичної роботи зі спеціальними текстами, розв'язання труднощів слово- і терміновживання в сучасному дискурсі. О. Палінська у статті «Художні тексти у процесі вивчення іноземної мови: комунікативний аспект (на матеріалі творів Т. Шевченка)» розглядає соціолінгвістичні принципи вивчення іноземної мови і обґрунтує доцільність вивчення класичних літературних творів на початковому етапі вивчення мови.

Рубрика «Теорія і практика перекладу» представлена трьома статтями: Р. Камберової і А. Стаменової – про огляд перекладів української літератури з початку ХХІ ст. до сьогодні.

ні; Тараса Малковича – про перекладацькі стратегії, націлені на створення субтитрів, які б не лише стисло передавали суть реплік актора, а й адекватно ідентифікували емоційні риси мовця; Лілії Желевої – про форми активного дієприкметника теперішнього часу, пасивного дієприкметника минулого часу та предикативні форми на -но і -то в українській мові в книзі М. Зарудного «На білому світі» (1967; «По белия свят» (1973, пер. П. Киневої).

Окрема рубрика присвячена огляду захищених дисертацій і дипломних робіт студентів спеціальності «Українська філологія» Софійського університету. Сюди ввійшли публікації І. Іванової про футбольну термінологію в сучасній українській мові; Д. Мітевої – про світові антиутопічні образи і дифузії простору в романах І. Кратохвіля і Ю. Андруховича; С. Іванової – про постмодерністський роман І. Карпи «Перламутрове порно»; М. Луліної – про діяльність М. Драгоманова в Болгарії.

Рубрика «Студентські розробки» представлена І. Владевої про болгарське порівняльне літературознавство в працях проф. І. Шишманова; С. Іванова – про проф. І. Шишманова як представника позитивізму в болгарській історіографії; М. Касирової – про життєвий шлях М. Дринова (1838–1906); К. Аневої – про взаємодію між словом і малюнком в ранній творчості Тараса Шевченка.

Окрему рубрику «Особистості. Річниці» відведено для біографічних статей про українських і болгарських вчених. До неї ввійшли статті про І. А. Стоянова, О. А. Албул, О. Р. Чмир, І. С. Свенціцького, М. Д. Малярчука (О. Сороки), В. Драгулеву (Р. Камберової), а також для публікацій про річниці важливих для славистичного життя явищ (А. Стаменової, П. Мартинової-Іванової «Пятнадцать років викладання української філології в Софійському університеті імені Св. Климента Охридського», Р. Камберової «35 років від заснування спеціальності “Болгарська мова та література” у Львівському національному університеті імені Івана Франка», «40 років від заснування спеціальності „Болгарська мова та література” в Київському національному університеті імені Тараса Шевченка»).

В кінці альманаху зазвичай подають рецензії, їх чотири. В альманахах опубліковано три рецензії О. Сороки – на «Історію Болгарії» В. Чорнія; підручник «Українська мова як іноземна. Елементарний /основний рівень А1-А2» О. Палінської, О. Туркевич; українсько-болгарський словник П. Киневої і одна А. Стаменової – на колективну монографію «Історія України» (Санкт-Петербург, 2015).

В останніх випусках «Болгарської україністики» з'явилася рубрика «In memoriam», в якій надруковані повідомлення про Н. С. Шумаду (1926–2013), І. А. Стоянова (1935–2016), В. А. Моторного (1929–2015), С. Юзефовича (1915–2015). П'ятий випуск урізноманітнений есеїстикою С. Стоянова «Роздуми в одній електричці», написаною понад десять років тому.

Мови, якими опубліковано більшість статей – болгарська і українська, декілька статей є англійською і російською, одна – польською. В березні 2016 р. вийшов спецвипуск альманаху «Болгарська україністика», до якого ввійшли тексти доповідей, виголошені на Міжнародній науковій конференції «Шевченково утро» («Шевченківський ранок»), присвяченій 200-річчю з дня народження Тараса Шевченка, що відбулася 19–20 березня 2014 року в Софійському університеті імені Климента Охридського. Назву конференції вибрано не випадково, адже рівно 100 років тому в Софійському університеті вже проходила конференція з одноіменною назвою. Спецвипуск розпочинає стаття Л. Терзійської про місце творчості Т. Г. Шевченка в курсі української літератури в Софійському університеті. Ця стаття є однією з найновіших літературознавчих праць про життя і творчість Т. Шевченка, що написані болгарськими науковцями. У ній йдеться про вивчення творчості Т. Шевченка студентами Софійського університету, представлення її в наукових розробках викладачів та в курсах їх лекцій. Також авторка виокремлює низку питань, пов'язаних з рецепцією творчості Шевченка в Болгарії, його впливом на творчість митців Болгарії та подібність їх поглядів. Ольга Сорока у статті «Роль творчості Тараса Шевченка в процесі викладання і засвоєння української мови як іноземної (на основі болгаромовної студентської аудиторії)» викладає свої спостереження про позитивний вплив творчості Шевченка на оволодіння українською мовою студентами-україністами Софійського університету. Ролі творця в становленні літературної мови присвячена розвідка А. Стаменової, в якій проаналізовано особливості використання лексичних і фразеологічних засобів у творчості Петка Славейкова і Тараса Шевченка, визначено спільні і відмінні риси в їхній літературній творчості, охарактеризовано їх вплив на розвиток болгарської та української

літературної мови. Про переклади творів Тараса Шевченка на болгарську мову йдеться у статті Р. Камберові. Зацікавленість у перекладах творчості Шевченка, розпочата в 1863 р. Райком Жинзифовим, продовжена Л. Каравеловим і Петком Славейковим, І. Белчевим, А. Іхчєвим, посилилася в 20-х рр. ХХ ст. і активно продовжилася після 1939 р. (Л. Стоянов, Б. Райнов). Важливе місце серед перекладачів Тараса Шевченка на болгарську мову посідає Димитир Методієв, його переклади видано трьома окремими книгами. Шевченко ще не перекладений повністю на болгарську мову, і авторка сподівається, що майбутні перекладачі продовжать перекладати Шевченкову поетичну і прозову творчість. Про документальні сліди впливу Шевченка на болгарських письменників і науковців, зокрема на Л. Каравелова, І. Вазова, Т. Влайкова, І. Шишманова, М. Арнаудова, Б. Пенєва та ін., знайдені серед матеріалів, що зберігаються в Науковому архіві БАН, підготували статтю Г. Колева, Д. Томов, Ц. Радулов. Традиції відзначення річниць Тараса Шевченка в Болгарії описав С. Узунов, виділивши ювілейні річниці і події, що їм були приурочені, зокрема вихід тієї чи іншої статті про Шевченка або його творчість, перекладу поезії, вихід збірки, відзначення шевченківських днів у Болгарії тощо, починаючи з другої половини ХІХ століття до сьогодні, зокрема згадавши й заходи з нагоди 200-ліття з дня народження, зокрема про конференцію «Шевченківський ранок», виставку «Тарас Шевченко і Болгарія», представлену спершу в Софії, а потім в Пловдиві, Бургасі і Русє, садіння дуба в міському парку м. Добрича, а також біля пам'ятника Т. Шевченку в Софії. Стаття П. Мартинової-Іванової присвячена описові життя та діяльності Симєона Русакієва, одного з найвідоміших дослідників творчості Тараса Шевченка в Болгарії. Про роль Михайла Драгоманова і його родини в збереженні пам'яті і творчого спадку Тараса Шевченка (на основі матеріалів з архіву М. Драгоманова та І. Шишманова, що зберігаються в Науковому архіві БАН) написала А. Якімова. Про внесок Українського наукового інституту у Варшаві у справу Тараса Шевченка і зв'язок Інституту з Болгарією йдеться у статті вищезгаданої авторки Антоніни Якімової в співавторстві з Р. Василєвим. Зокрема, прослідковано історію, дослідницьку і видавничу діяльність Українського наукового інституту в Варшаві і його внесок в розповсюдження української літератури і культури, зокрема творчості та ідей Т. Шевченка. Завершує спецвипуск видання «Болгарська україністика» стаття О. Качали «Дослідження творчості Тараса Шевченка в Хорватії. Хорватські переклади Шевченка», де йдеться про проникнення творчості Шевченка в Хорватію, про розвиток хорватського шевченкознавства з середини ХІХ ст. до сьогодні, переклади поетичних творів Кобзаря на хорватську мову, зроблені в ХІХ–ХХ ст.

¹ Болгарська україністика: алманах. – Софія, 2012. – Брой 1. – 193 с. – URL: http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/ALMANAH_2012_1.pdf (дата звернення: 15.03.2016).

² Болгарська україністика: алманах. – Софія, 2012. – Брой 2. – 222 с. – URL: <http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/ALMANAH2.pdf> (дата звернення: 16.03.2016).

³ Болгарська україністика: алманах. – Софія, 2013. – Брой 3. – 279 с. – URL: http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/Almanah_3.pdf (дата звернення: 17.03.2016).

⁴ Болгарська україністика: алманах. Софія, 2014. – Брой 4. – 112 с. – URL: <http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/Almanah.pdf> (дата звернення: 17.03.2016).

⁵ Болгарська україністика: алманах. – Софія, 2015. – Брой 5. – 166 с. – URL: http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/Almanah_5.pdf (дата звернення: 19.03.2016).

⁶ Болгарська україністика: алманах. – Софія, 2014. – Спеціально издание. – 82 с. – URL: http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/Sbornik_RED.pdf (дата звернення: 23.03.2016).

⁷ Камберова Р. Алманах «Болгарська україністика». Презентація // Драгоманівські студії. Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій / упор. А. Якімова. – Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. – С. 169–173.

⁸ Узунов Ст. Болгарська університетська україністика в інтернет-просторі // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. – Вип. 56. – Ч. 2. – С. 85–90.

⁹ Якімова А. Спеціальності «українська філологія» у Софійському університеті – 15 років // Українознавство. – 2012. – № 2. – С. 220–221.

XII КОНГРЕС SIEF

О. О. Микитенко

21–25 червня 2015 р. у Загребі (Хорватія) відбувся XII Конгрес Міжнародного товариства етнологів і фольклористів (SIEF). Проходив конгрес на базі факультету гуманітарних та суспільних наук Загребського університету (Хорватія). Безпосередню участь в організації та проведенні наукового заходу взяли співробітники Відділення етнології та культурної антропології університету, а також Інституту етнології і фольклористики Хорватської академії наук і мистецтв. Підтримку авторитетному міжнародному зібранню надали Міністерство науки, освіти та спорту Республіки Хорватія, муніципалітет Загреба, ряд міжнародних та національних організацій, засвідчивши роль і значення проведення конгресу у «наймолодшій» країні європейської спільноти – Хорватії.

Не випадково темою XII Конгресу SIEF було обрано «Утопії, дійсність, спадщина: етнографи для XXI століття». Сьогодні перед етнологією, культурною антропологією та фольклористикою стоять нові питання, а саме: як матеріалізуються утопії, реальність та спадщина, де і як вони взаємодіють, яким чином стають предметом нарративного досвіду та культурної практики і чи допомагають культурне надбання та утопія нашому розумінню щоденних потреб і реалій – тут і зараз? Дати відповіді на ці та інші питання наука покликана, виходячи з соціальної та культурної динаміки, із контексту нового економічного, політичного, релігійного та культурного бачення¹.

SIEF – найвпливовіше європейське етнологічне товариство – «перейшло» свій п'ятдесятирічний рубіж, і сьогодні, підкреслив на відкритті конгресу його голова Вальдемар Хафштейн (Університет Ісландії), «вступає у другу половину свого першого сторіччя». Порівнюючи з часом проведення першого Міжнародного конгресу європейських етнологів у Парижі 1971 р., який було організовано директором Національного музею народного мистецтва і традицій (MNATP) професором Ж. Кюїзіньє, теперішній науковий дискурс позначається антропоцентричною парадигмою аналізу та зазнає значних змін, коли до наукових досліджень залучається чимало нових тем, раніше визнані аспекти досліджень потребують уточнень. Водночас все актуальнішими стають проблеми, пов'язані із традиціями – у широкому розумінні – як повсякденним життям людей, міграційними процесами, культурною спадщиною тощо.

Паралельно із розширенням дослідного поля до наукової термінології входять нові терміни, зокрема *vernacular* на позначення 'народне, місцеве, загальнозживане'. Принципами прагматики та комунікації окреслюються поняття «мобільної щоденної» (*mobile everyday*) етнографії та «етнографії непрофесіоналів» (*lay ethnography*), а також пара-етнографії (*para-ethnography*)². Поряд із явищем «локального» вирізняється «транслокальне», «національне» доповнюється «транснаціональним»³; до уваги беруться не лише процеси міграцій, але й дифузій; явища диференціації доповнюються аналізом тотожностей; релігійні погляди розглядаються у контексті секуляризації свідомості та сучасної імагінології. При цьому незмінною залишається увага до проблем збереження традиції, але водночас її творення, до наративу (у широкому культурологічному розумінні), до гендерних проблем, і, звичайно, всіх аспектів збереження культурного надбання, зокрема музеєфікації та архівування тощо.

Такі аспекти загалом характерні як для європейської, так і американської етнології. Сьогодні, як наголошують науковці, на новому етапі співробітництва знаходиться співпраця SIEF з Американським фольклорним товариством (AFS). Найстаріша асоціація американських фольклористів (заснована у 1888 р.) – професіоналів-етнологів, котрі досліджують фольклор не лише у США, але й в усьому світі (при цьому кожний восьмий член товариства не є американцем), видає щоквартальник «Journal of American Folklore» та проводить щорічні конгреси, останнім часом все більше співпрацюючи з європейськими колегами, влаштовуючи спільні наукові заходи тощо.

Насичена робота XII Конгресу SIEF проходила у різному форматі на кількох майданчиках студентського містечка: основні заходи – секційні засідання, показ фільмів, «круглі

столи», засідання робочих груп, координаційні зустрічі були на факультеті гуманітарних та суспільних наук; там же у просторому фойє проходили презентації видань та книжкові виставки; щоранку (ще до початку секційних засідань) у студентському центрі, розташованому неподалік, із доповіддю виступав хтось із провідних науковців; урочисті церемонії відкриття та закриття конгресу відбувалися у приміщенні концертного залу імені В. Лисинського.

Відкриття конгресу, наприклад, передбачало офіційну, наукову та концертну частини. Учасників конгресу тепло привітав Президент SIEF В. Хафштейн та Голова місцевого комітету з проведення конгресу Я. Чапо. Прозвучали вітання від мера Загреба, від ректора Загребського університету, від декана факультету гуманітарних та суспільних наук. Наукову доповідь «Життя у минулому, сучасному та майбутньому: синхронізація повсякдення» виголосив О. Люфгрен (Університет Лунду, Швеція), зацікавивши присутніх несподіваною, але присутньою останнім часом у європейській культурології метафорою «валізи» як потрібного, але у чомусь і зайвого багажу, в яку людство намагається вмістити весь свій попередній та нинішній досвід. Висновок такого бачення зрозумілий – від непотрібного багажу, навіть якщо ми до нього звикли, необхідно відмовлятися.

Цікаву фольклорну програму з різних регіонів Хорватії представив відомий студентський культурно-художній гурт імені І.-Г. Ковачича, заснований ще 1948 р. Також у виконанні жіночого вокально-хореографічного ансамблю «Ethnotine», який творчо поєднує традиційні та сучасні фольклорні форми, було представлено короткі жартівливі пісні хорватських *бечарців* – традиційного фольклорного жанру, який у 2011 р. було включено до переліку нематеріальної культурної спадщини ЮНЕСКО.

Не є можливим докладно зупинитися на насиченій, цікавій та різноплановій роботі майже двадцятьох секцій та панелей, адже сама програма та короткі резюме доповідей учасників конгресу, яких було понад сімсот, склали чималий збірник (186 стор.). При цьому, зауважимо, наукове звання доповідача та країну, яку він представляє, зазначати тут не прийнято, що відповідає демократичному принципу рівності наукової спільноти та єдності «європейського дому». Кожну секцію, або панель, було об'єднано певним «ключовим» словом, до того ж вони мали по декілька – яка більше, яка менше – окремих тем і відповідно засідань. Наприклад, «їжа» – 7, «тіло» – 6, «архіви» – 4, «гендер» – 6, «наративи» – 8 засідань і т.д. Варто зазначити, що вже на етапі подання теми учасники надсилали свої пропозиції, маючи на увазі конкретну секцію, яку скликає модератор і яка водночас не може бути занадто переобтяженою, тому на кожному засіданні упродовж одного дня виголошується не більше десяти-одинадцяти двадцятихвилинних доповідей.

Зрозуміло, що однією з найпопулярніших виявилася секція, присвячена питанням матеріальної та нематеріальної культурної спадщини – цей блок нараховував 14 тематичних засідань, присвячених як теоретичним (зокрема, спадщина як складова європейської інтеграції; соціальні та економічні ресурси культурної спадщини; конфлікти та їхні наслідки; народне вбрання як вияв ідентичності; спадщина та замовчувана пам'ять тощо), так і суто практичним проблемам (політика ЮНЕСКО та менеджмент, пов'язаний із спадщиною; пам'ять та пошанування й т.ін.).

Міждисциплінарний підхід було продемонстровано, зокрема, під час обговорення теми «Від фольклору до нематеріальної культурної спадщини». Метою обговорення було привернути увагу до гносеологічних та методологічних меж понять «фольклор» і «культурна спадщина» з позицій антропології, етнології та культурології. На секції було виголошено шість доповідей, зокрема стосовно фольклорної імпровізації на прикладі киргизьких усних виконавців (М. Коскун, Інститут соціальної антропології імені Макса Планка), народного вбрання та традиційних атрибутів в українському поховальному обряді *сумне весілля* (О. Микитенко, Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського), проєктів ЮНЕСКО із захисту нематеріальної культурної спадщини як «інструменту безперервного розвитку» (М. Куша), народних танців як традиції та культурної спадщини (М. Нільсон, Університет у Гетенбурзі), нових форм традиційної хореографії (Ю. Кью, Університет науки і технології у Гонг-Конгу), фольклору та культурної спадщини двох етнографічних осередків – у Молісі в Італії та Богемії у Чеській Республіці (А. Теста, Університет у Пардубіцях).

З упевненістю можна сказати, що на конгресі було охоплено максимально широке коло наукової проблематики – від питань соціально-політичних рухів, міграцій, релігійних течій тощо до проблем, пов'язаних із захистом тварин. При цьому не варто стверджувати, що інколи досить незвичні аспекти сучасної етнологічної наукової парадигми означали зміну існуючої. Як ми могли переконатися, змінюються акценти, увага більше зосереджується на тих питаннях, що раніше не були актуальними для науки, водночас різноманітний етнологічний матеріал вивчається під різним кутом зору, хоча переважно з позицій функціонального, або антропоцентричного аналізу, притаманному загалом сучасній гуманітаристиці.

Учасникам конгресу було запропоновано також цікаву культурну програму. Вони мали можливість ознайомитися з історичними і культурними пам'ятниками Загреба та здійснити екскурсійні поїздки Хорватією – до Істрії, Вараждина та національного парку-заповідника «Плитвицькі озера».

Роз'їжджались учасники загребського конгресу етнологів із щирою подякою організаторам, яскравими враженнями від древнього міста та країни, збагачені новим досвідом та дружніми контактами і з наміром за два роки зустрітися на наступному, XIII конгресі SIEF у Гейдельберзі.

¹ SIEF 2015 theme: Utopias, Realities, Heritages: Ethnographies for the 21st century / Zagreb 12th SIEF congress, 21–25 June 2015. – P. 9.

² *Wolanik Boström K.* Mobile Physicians Making Sense of Culture(s). On Mobile Everyday Ethnography / *Katarzyna Wolanik Boström, Magnus Öhlander // Ethnologia Europaea. Journal of European Ethnology.* – 2015. – Vol. 45. – Nr. 1. – P. 8.

³ *Čapo J.* Ethnology and Anthropology in Europe/ Towards a Trans-National Discipline // What's in a Discipline? Special issue on the the occasion of the 50th anniversary of the International Society for Ethnology and Folklore / Cultural analysis. An Interdisciplinary Forum on Folklore and Popular Culture. – 2014. – Vol. 13. – P. 51.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Л. Б. ВАЛЕВА

22 декабря 2015 г. состоялись Научные чтения «Историческая болгаристика. К 100-летию со дня рождения профессора Любомира Борисовича Валева», организованные Институтом славяноведения РАН и российской частью Комиссии историков России и Болгарии. С именем этого видного ученого-слависта прочно связаны не только становление и успешное развитие советского (российского) славяноведения в целом, но и исторической болгаристики в нашей стране.

Открывший заседание директор Института славяноведения РАН *К. В. Никифоров* отметил значимость подобных мероприятий, цель которых напомнить об основных вехах развития отечественной славистики и, главное, рассказать о людях, внесших заметный вклад в нашу науку. Особенно важен такой рассказ для молодых коллег, принявших творческую эстафету от предшествующих поколений. Любомир Борисович Валева, отметил *К. В. Никифоров*, относился к той плеяде сотрудников Института, которые сформировали основные направления исследований и заложили традиции этого научного учреждения. Начиная с 1948 г., когда Л. Б. Валева пришел в только что созданный Институт славяноведения АН СССР, вся его дальнейшая творческая жизнь была связана с ним. Здесь был пройден путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором, которым он руководил четверть века. При непосредственном участии Любомира Борисовича и под его руководством были созданы знаковые для отечественной историографии труды, вошедшие в золотой фонд советской славистики и болгаристики.

С приветственным словом к собравшимся обратился председатель российской части Комиссии историков России и Болгарии *В. П. Козлов*. Он остановился на роли Л. Б. Валева в работе Комиссии, созданной в 1968 г. Став в 1971 г. заместителем председателя советской ее части, Л. Б. Валева отдавал ее работе много времени и сил, непосредственно участвуя в подготовке и проведении ежегодных совместных заседаний, на которых обсуждался широкий и весьма разнообразный круг организационных и научных проблем. Он внес огромный вклад в развитие творческих контактов советских исследователей с историками Народной Республики Болгарии. Заслуги Л. Б. Валева в деле развития и укрепления советско-болгарской дружбы неоднократно отмечались правительством Болгарии. В числе его высоко болгарских наград – орден Кирилла и Мефодия I степени.

В адрес участников и гостей Научных чтений поступили приветствия от болгарских коллег-историков. От имени сотрудников Института исторических исследований БАН успешного проведения мероприятия пожелал директор Института проф. Илия Тодев. Члены болгарской части Комиссии историков России и Болгарии в своем приветствии отметили, что Любомиру Борисовичу Валева по праву принадлежит важное место в мировой славистике и болгаристике. Они выразили свое глубокое уважение и сопричастность чествованию 100-летия ученого, посвятившего свою жизнь исследованию истории Болгарии, отметили его заметный вклад в исследование ключевых проблем национальной истории, в становление двусторонней Комиссии историков. Отметив, что сегодня идеи сотрудничества, заложенные ее основателями и руководителями с болгарской и российской сторон, поддерживаются и развиваются, болгарские коллеги приветствовали организованное Институтом славяноведения РАН чествование ученого, выразили надежду на продолжение совместной работы и пожелали успешной деятельности коллективу Института.

Т. В. Волокитина (Институт славяноведения РАН, Москва), выступившая с основным докладом, охарактеризовала жизненный и творческий путь ученого. Необычна была его судьба. Сын болгарского революционера, выросший и сформировавшийся в среде политэмигрантов, как ученый сложившийся в Советском Союзе, Л. Б. Валева остался примером бескорыстного и целеустремленного служения науке, честного гражданина, человека широкой эрудиции и большого личного обаяния. Докладчик подчеркнула, что одной из отличительных черт творчества Валева являлась актуальность исследуемых им явлений и событий, обращение к самым важным и животрепещущим вопросам современности, умение распознать перспективность изучения конкретных проблем. Научное насле-

дие Л. Б. Валева, включающее более 150 работ, ставит его в ряд виднейших советских славистов. Но он был и талантливым педагогом, терпеливо пестовавшим кадры болгаристов, за что был удостоен профессорского звания. Несколько поколений сотрудников Института славяноведения прошли школу Валева и получали от него профессиональные советы и консультации по самым разным вопросам, нередко выходящим за рамки собственно болгарской истории. Л. Б. Валев выступил в качестве официального оппонента по 18 кандидатским и 10 докторским диссертациям. Взыскательность и принципиальность, сочетавшиеся с благожелательностью и тактичностью, уважением к позиции другого ученого ярко проявлялись и в этой сфере его деятельности, отметила Волокитина.

С личными воспоминаниями о Л. Б. Валева выступили сотрудники Института славяноведения *Г. П. Мурашко*, *Э. Г. Задорожнюк*, *С. И. Данченко*, *А. В. Карасев*. Коллеги Любомира Борисовича тепло вспоминали об ученом, особо отмечая его исключительную доброжелательность и деликатность, открытость для общения, готовность поддержать советом и делом. Обладая все реже встречающимся талантом слушать и слышать, он не оставался пассивным при обсуждении острых дискуссионных вопросов, тактично, но твердо высказывал свое мнение. Внимательное и уважительное отношение к сотрудникам, коллегам и ученикам в сочетании с высокой требовательностью к себе и другим, демократичная обстановка научных дискуссий, культура человеческих отношений — вот те условия, которые создавали творческую научную атмосферу в руководимом им секторе.

На заседании были также рассмотрены различные вопросы истории Болгарии, в том числе и историографические сюжеты. *Е. Л. Валева* (Институт славяноведения РАН, Москва) в докладе «Историческая болгаристика в России. Современное состояние» сравнила развитие этой отрасли славистики в советский период и в настоящее время, показала, над какой проблематикой работают сегодня болгаристы Института. Она отметила, что изучению вопросов истории Болгарии в СССР были посвящены два последних выступления Л. Б. Валева: на Всесоюзной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (Львов, январь 1981) и на I международном конгрессе по болгаристике (София, май 1981). Но если в 1970–1980-е годы в Институте славяноведения поговаривали о «болгарском флюсе», то сейчас обозначились, к сожалению, большие хронологические лакуны, изучение которых тормозит отсутствие специалистов. С уходом старых кадров традиционные темы, которым прежде уделялось много внимания, оказались на периферии исследовательского внимания. Но несмотря на объективные трудности, российские болгаристы стремятся поддерживать традиционные научные направления, вводя в научный оборот новые документы и предлагая собственную их интерпретацию, создают труды, характеризующиеся новыми подходами и обращением к прежде не изучавшимся проблемам. *Н. Н. Червенков* (председатель Научного общества болгаристов Республики Молдова) обрисовал состояние и развитие исторической болгаристики в Молдове. Он также говорил о связях Л. Б. Валева с молдавскими историками в 1970–1980-е годы. *Л. В. Горина* (исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва) выступила с докладом «София в творчестве и государственной деятельности историка Марина Дринова». Известная исследовательница научного наследия Дринова, автор монографии «Марин Дринов – историк и общественный деец» (София, 2006), проф. Горина награждена высшей наградой БАН – «Почетным знаком Марин Дринов». *С. И. Муртузалиев* (Институт всеобщей истории РАН) посвятил свое выступление проблеме «Болгария и болгары в российских источниках XVI–XVII вв.». Докладчик детально проанализировал корпус документов указанного времени, показал важность их всестороннего изучения для формирования представлений о «болгарском племени» в русских землях. *М. М. Фролова* (Институт славяноведения РАН, Москва), избрав для своего выступления сюжет «Из истории российского консульства в Битоле: В. А. Максимов (1873–1877 гг.)», нарисовала яркую картину разносторонней деятельности одного из российских консулов, направленной на развитие двусторонних контактов, расширение взаимных представлений народов друг о друге. *А. Н. Канарская* (Институт славяноведения РАН, Москва), используя новые документы из архивов Коминтерна, рассказала о неизвестных страницах биографии болгарского коммуниста-политэмигранта Рубена Аврамова. Отметив его участие в Гражданской войне в Испании как комиссара-интербригадиста, докладчик по-

дробно остановилась на деятельности Аврамова в Советском Союзе в 1940–1943 гг. В эти годы болгарский коммунист активно способствовал подготовке национальных кадров коммунистов для будущей их работы в своих странах. *Н. С. Гусев* (Институт славяноведения РАН, Москва) в докладе «Идея, за которую сражались болгары в 1912–1913 гг. (По свидетельствам сторонних наблюдателей)» на основе выявленных им оригинальных источников охарактеризовал общественные настроения в Болгарии периода Балканских войн через призму отношения общества к «национальной идее», выраженной, в частности, в мечтах о Сан-Стефанской Болгарии. *Г. Д. Шкундин* (Международный независимый эколого-политологический университет – Академия МНЭПУ, Москва), автор многих работ по участию Болгарии в Первой мировой войне, проанализировал освещение данного вопроса в отечественной историографии.

На основе заслушанных докладов будет подготовлен сборник статей, посвященный 100-летию Л. Б. Валева¹. В публикации примут участие и болгарские коллеги. Участники чтений предложили обсудить вопрос о регулярном проведении «Валевских чтений» под эгидой Комиссии историков России и Болгарии.

Оргкомитет Научных чтений

¹ Юбилейной дате посвящена статья Т. В. Волокитиной и Е. Л. Валевой «У истоков советской исторической болгаристики. К 100-летию Любомира Борисовича Валева (1915–1981)», опубликованная в журнале «Славяноведение», 2016, № 1, С. 57–69.

IN MEMORIAM

УДК: 929Тортика

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОРТИКА (1967–2015): ИСТОРИК АРХЕОЛОГ, ПЕДАГОГ

В. С. Аксёнов, С. В. Евсеенко, В. М. Ряполов

Аксёнов В. С., Евсеенко С. В., Ряполов В. М. Александр Александрович Тортика (1967–2015): историк, археолог, педагог. На основе архивных материалов, опубликованных данных, спогодів колег, рідних та близьких людей розглядається життєвий шлях доктора історичних наук, професора Харківської державної академії культури О. О. Тортики. Аналізується його педагогічна діяльність і творча спадщина в галузі ранньосередньовічної історії Східної Європи, археології, музеєзнавства. Особлива увага приділена внеску О. О. Тортики у вивчення історії протоболгар, аланів, хозар в складі Хазарського каганату і в розробку методики вивчення кочових суспільств раннього середньовіччя.

Ключові слова: Александр Тортика, життєвий шлях, творчий доробок, протоболгари, алани, хазари, Хазарський каганат.

Аксёнов В. С., Евсеенко С. В., Ряполов В. М. Александр Александрович Тортика (1967–2015): историк, археолог, педагог. На основе архивных материалов, опубликованных данных, воспоминаний коллег, родных и близких людей рассматривается жизненный путь доктора исторических наук, профессора Харьковской государственной академии культуры А. А. Тортики. Анализируется его педагогическая деятельность и творческое наследие в области раннесредневековой истории Восточной Европы, археологии, музееведения. Особое внимание уделено вкладу А. А. Тортики в изучение истории протоболгар, аланов, хазар в составе Хазарского каганата и в разработку методики изучения кочевых обществ раннего средневековья.

Ключевые слова: Александр Тортика, жизненный путь, творческое наследие, протоболгары, аланы, хазары, Хазарский каганат.

Aksenov V.S., Ievseienko S.V., Riapolov V.M. Aleksandr Aleksandrovich Tortika (1967-2015): Historian, Archaeologist, Teacher. The life path of Doctor of Historical Sciences, Professor of Kharkiv State Academy of Culture A. A. Tortika is considered on the basis of archival materials, published data and memories of colleagues, friends and relatives. The authors analyze his educational activities and oeuvre in the field of the early medieval history of Eastern Europe, archeology and museology. Particular attention is paid to the contribution of A. A. Tortika in the study of the history of Proto-Bulgarians, Alans and Khazars as part of the Khazar Khaganate and the development of methods for studying the nomadic societies of the early Middle Ages.

Keywords: Aleksandr Tortika, life path, creative legacy, Proto-Bulgarians, Alans, Khazars, the Khazar Khaganate.

*Сльзи в очах и на серце горе,
Постылое горе, унылые слёзы...*

П. Элюар

Доктор исторических наук, профессор А. А. Тортика родился 29 сентября 1967 г. в семье харьковских интеллигентов. Способности к исследовательской работе он, по всей видимости, унаследовал от родителей. Его мать, В. И. Тортика, до выхода на пенсию занималась научными разработками в области пищевой промышленности. Отец, А. С. Тортика – старший научный сотрудник Харьковского физико-технического института¹.

В 1974 г. Александр Александрович поступает в СШ № 141 г. Харькова и уже с шестого класса начинает посещать археологический кружок Харьковского дворца пионеров, который становится тем местом, где он находит источник познания и смысл жизни. Его первыми учителями в области археологии стали скифолог В. Е. Радзиевская и специалист по черняховской культуре Е. Н. Петренко. Под их руководством Саша Тортика прини-

мает участие в раскопках черняховского могильника Родной Край, Коломакского и Бельского городищ скифской культуры в составе различных, в том числе и университетских, экспедиций².

Получив аттестат зрелости, в августе 1984 г. А. А. Тортика поступает на исторический факультет Харьковского государственного университета имени А. М. Горького (ныне имени В. Н. Каразина), но после второго курса, в июне 1986 г., был призван рядовым на срочную службу в Вооруженные силы СССР и прослужил до июня 1988 г. в строительной части № 11678 в г. Серпухове³. Уже тогда проявились его организационные способности и основательный подход к любому делу. Рядовой А. А. Тортика в короткий срок становится сержантом и командиром отделения военных строителей. Он досконально осваивает строительные специальности плиточника, монтажника сантехнического оборудования и кузнеца. Навыки строительных специальностей в экономически сложные 90-е гг. XX ст. неоднократно помогали молодому ученому зарабатывать дополнительные средства на исследовательские нужды.

После демобилизации А. А. Тортика возобновляет учебу на историческом факультете Харьковского университета со специализацией по историографии, источниковедению и археологии⁴. После успешной защиты диплома в июне 1991 г. молодого историка направляют на работу в Харьковский государственный институт культуры (далее – ХГИК; ныне Харьковская государственная академия культуры), где он с 28 августа 1991 г. начинает профессиональную трудовую деятельность в должности преподавателя кафедры всеобщей истории (ныне музееведения и памятниковедения)⁵. Успешная педагогическая и учебно-методическая деятельность позволяет Александру Александровичу с 1 сентября 1997 г. занять должность старшего преподавателя кафедры, которую к тому времени преобразовали в кафедру всеобщей истории и музееологии ХГИК⁶.

Параллельно с преподавательской деятельностью на музейном отделении ХГИК Александр Александрович активно занялся научной работой. С 1994 по 1999 гг. он был соискателем кафедры историографии, источниковедения и археологии, где под руководством профессора В. К. Михеева готовил кандидатскую диссертацию по теме «Историческая география Великой Болгарии Кубрата (630–660 гг.): методика эколого-демографического исследования кочевых обществ средневековья», в которой фактически разработал новое направление исследований на стыке нескольких наук⁷. К моменту защиты диссертации Александр Александрович имел 15 научных публикаций⁸. Защита проходила в Институте востоковедения имени А. Крымского НАН Украины, и 10 мая 2000 г. А. А. Тортике была присвоена научная степень кандидата исторических наук по специальности «всеобщая история»⁹. В этот же день состоялось назначение Александра Александровича на должность доцента кафедры истории Украины и музееведения ХГАК, а 9 июля 2002 г. присваивается ученое звание доцента¹⁰.

В это время перспективный ученый и педагог курирует на кафедре истории Украины и музееведения ХГАК два направления исследований – «История и археология кочевых обществ средневековья» и «Теоретическое музееведение»¹¹, а также проходит научную стажировку в центре «Сэфер» в г. Москве по трем направлениям научно-исследовательской деятельности: «История Хазарского каганата», «История кочевых племён Восточной Европы», «Материальная культура европейского еврейства»¹². Результатом стажировки стал доклад на международной конференции по иудаике о использовании произведений художественной литературы разных эпох для изучения материальной культуры европейского еврейства и глава «Евреи в Хазарском каганате и Киевской Руси» в книге «Очерки по истории и культуре евреев Украины»¹³.

С 1 октября 2002 г. А. А. Тортика поступает в докторантуру ХГАК¹⁴, не прекращая педагогической деятельности. За период пребывания в докторантуре Александр Александрович публикует 52 учебно-методические и научные работы. Самой значительной из них следует считать монографию «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)»¹⁵, на которую откликнулся рецензией профессор В. А. Греченко, где отмечены новые подходы автора к исследованию проблем истории Хазарии¹⁶. Существенный вклад А. А. Тортики в изучение раннесредневекового востоковедения отметил и профессор А. А. Чувпило¹⁷. Именно в этот период Александр Александрович становится постоянным участником таких ежегодных научных

конференций, как Востоковедческие чтения А. Крымского, Боспорские чтения, Международная научная конференция по иудаике и др.

2 марта 2007 г. А. А. Тортика в Специализированном совете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина защищает докторскую диссертацию «Алано-болгарское население Северо-западной Хазарии в этносоциальном и геополитическом пространстве юга Восточной Европы»¹⁸, а 13 декабря 2007 г. ему присваивается звание доктора исторических наук по специальности «всеобщая история»¹⁹. В результате конкурсного отбора 29 января 2008 г. Александр Александрович становится профессором кафедры истории Украины и музееведения ХГАК²⁰, которая в том же году реорганизуется в кафедру музееведения и памятниковедения, а ее заведующим избирается А. А. Тортика²¹. На этой должности он проявил себя как успешный руководитель, который удачно оптимизировал учебные планы музейного отделения, организовав в 2011 г. процесс аккредитации специальности «Музейное дело, охрана и использование памятников истории и культуры».

17 мая 2012 г. решением аттестационной коллегии Александру Александровичу присваивается ученое звание профессора²². На этой ступени профессионального и карьерного роста А. А. Тортика становится членом специализированного ученого совета ХГАК по специальности «Книговедение, библиотекведение и библиографоведение», а также членом специализированного ученого совета ХНУ имени В. Н. Каразина по специальности «Всеобщая история»²³. Он принимает активное участие в работе экспертных комиссий, заседаниях обоих советов и в защитах диссертаций. Кроме того, Александр Александрович трудится в редакционных коллегиях «Дриновского сборника» и «Хазарского альманаха», а в последнем выполняет еще и обязанности заместителя главного редактора.

После защиты докторской диссертации, с 2008 по 2015 гг., профессор А. А. Тортика продолжает активно публиковать научные и учебно-методические работы, и таким образом доводит количество своих публикаций до 150 – в том числе монография, 35 учебно-методических работ и 2 учебных пособия²⁴. Без преувеличения можно утверждать, что он становится маститым ученым, специализирующимся на изучении кочевых обществ средневековья, широко известным среди специалистов Украины, ближнего и дальнего зарубежья²⁵.

Александр Александрович писал также необычайно глубокую и разноплановую по содержанию публицистику в жанре эссе, сочинял утонченные лирические стихи. К большому сожалению, из-за природной скромности и высокой требовательности к себе, с этой частью его творчества знакомы только самые близкие родственники и друзья.

В 2014 г. профессору А. А. Тортике поступает предложение перейти на работу в Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма при Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского, что он и делает в октябре 2014 года. Казалось, сбывается давняя мечта – полностью посвятить себя научной работе. Но внезапная преждевременная смерть в ночь с 13 на 14 декабря 2015 г. из-за скоротечной тяжелой болезни трагически помешала ее осуществлению. Однако за свою короткую жизнь ученый оставил неизгладимый след в украинской медиэвистике.

Возвращаясь к творческой биографии А.А. Тортики, напомним, что его бессменным наставником и учителем, а со временем благожелательным коллегой и близким товарищем стал известный археолог-салтовед профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Владимир Кузьмич Михеев. Благодаря его неусыпному руководству уже в студенческие годы А. А. Тортика при написании курсовых работ и научных докладов на археологической секции СНО, при работе над дипломным исследованием смог проявить поразительную трудоспособность, скрупулезность в анализе исторического и археологического материала, внимательное отношение к мелочам и неумное стремление познать истину.

О таланте исследователя свидетельствуют небольшие ранние работы А. А. Тортики. Среди них особенно выделяются тезисы доклада на Второй всесоюзной конференции по болгаристике 1991 г., посвященные определению возможной численности населения Великой Болгарии Кубрата в 630–660 гг.²⁶, опыт исчисления населения по материалам ритуального раннесредневекового салтовского могильника у с. Красная Горка, а также определения возможного срока его использования населением красногоровской общины в материалах конференции, посвященной 90-летию XII археологического съезда²⁷. В этих

публикациях молодой ученый не только использовал для решения конкретной исторической проблемы данные археологии, но и привлек материалы по этнографии, демографии древних обществ, а также применил методы статистической обработки информации, что, несомненно, повысило достоверность выводов.

В дальнейшем Александр Александрович оттачивал навыки комплексного исследования на стыке различных наук, что и позволило выйти на написание кандидатской диссертации «Историческая география Великой Болгарии Кубрата (630–660 гг.): методика эколого-демографического исследования кочевых обществ средневековья»²⁸. Автор, основываясь на письменных и археологических источниках, данных этнологии и демографии, не только реконструировал наиболее вероятный маршрут перекочевки праболгарских племен в пределах Северного Причерноморья, Крыма и Прикубанья, но и попытался определить возможную численность праболгарского населения в степных районах юга Восточной Европы. Кроме того, важнейшим достижением Александра Александровича можно считать разработку оригинальной методики исследования кочевых сообществ эпохи Раннего Средневековья²⁹.

Диссертация А. А. Тортики привлекла к себе внимание специалистов по истории кочевников, археологов, занимающихся салтово-маяцкой культурой, специалистов по ранне-средневековой истории народов Восточной Европы. Наряду с положительными отзывами на работу Александра Александровича появились и достаточно критические отклики как от отечественных специалистов (например, А. В. Комара), так и от представителей московской школы салтоведения (например, Геннадия Евгеньевича Афанасьева). Активная дискуссия стала лучшим доказательством неординарности новаторского подхода харьковского ученого к ответу на вопросы, затронутые в его диссертационном исследовании.

А. А. Тортику не пугали самые сложные теоретические проблемы кочевниковедения. Поэтому целый ряд его статей посвящен идеям евразийства, становлению и развитию хозяйства в кочевом скотоводческом обществе. Среди них особенно интересны «Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ» в соавторстве с В. К. Михеевым и Р. И. Кортиевым в «Этнографическом обозрении»³⁰, «Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н. е.)» в «Східному світі»³¹, «Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева: опыт критического анализа» в соавторстве с В. К. Михеевым в сборнике по иудаике³², «“Евразийство” в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании» в сборнике «Сходознавство»³³, «Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки» в «Віснику ХДАК»³⁴, «Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилева» в «Хазарском альманахе»³⁵.

Круг интересов Александра Александровича был необычайно широким. В сферу его профессионального интереса входили и менталитет кочевого населения степной зоны Евразии, и способы преодоления водных преград кочевниками, и проблемы взаимодействия кочевого и оседлого населения, и вопрос династических браков как элемент внешней и внутренней политики в Хазарском каганате. При этом особо пристальное внимание А. А. Тортика уделял изучению праболгарского населения эпохи раннего средневековья. Используя письменные источники и археологические материалы, Александр Александрович разрабатывал вопрос этногенеза праболгарских племен Днепро-Донского междуречья, вопросы специфики военного дела у праболгарского населения, проблему поливариантности погребального обряда у праболгар юга Восточной Европы, вопросы исторической географии Болгарии Кубрата. Привлекала Александра Александровича и проблема этнической идентификации населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, что нашло отражение в его критике концепции Г. Е. Афанасьева о локализации и идентификации народа буртасов³⁶.

Интерес к праболгарскому этническому компоненту в составе Хазарского каганата у Александра Александровича перерос со временем и в интерес собственно к хазарам. Здесь у него вновь проявился комплексный подход к исследованиям. А. А. Тортику, как и в проблеме праболгарского населения, в первую очередь заинтересовала историческая география каганата и возможная численность населения хазар³⁷. Потом его внимание привлекли письменные источники о хазарах, которые он весьма профессионально использовал

для реконструкции исторических событий последней четверти I тыс. н.э. К этому циклу относятся статьи «“Киевское письмо” хазарских евреев: к проблеме критики содержания источника»³⁸, «К вопросу о характере хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье в конце VII – начале VIII вв.»³⁹, «Война “царя” русов Хельгу и “баликчи” хазар Песаха по данным Текста Шехтера: геополитический аспект»⁴⁰, «Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі»⁴¹, «Розташування буртасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хазарські часи (VII–X ст.)»⁴², «Євреї и иудаїзм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории»⁴³.

Повышенный интерес Александр Александрович проявлял к истории Крыма хазарского времени, о чем свидетельствует целый ряд работ 2002–2005 гг., посвященных проблеме появления тюркско-болгарского населения на Крымском полуострове, взаимоотношениям местного и пришлого населения.

В конце концов, научные поиски А. А. Тортики были обобщены в монографии «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы: вторая половина VII – третья четверть X вв.»⁴⁴, которая стала значимым событием в научном мире. Данная работа явилась квинтэссенцией всей предыдущей деятельности ученого. Она позволила на широком круге письменных источников, с привлечением огромного массива археологического материала, показать роль и место северо-западного региона Хазарского каганата в истории не только этого раннегосударственного образования, но и в истории всей Юго-Восточной Европы. Александру Александровичу удалось раскрыть политическое и экономическое значение региона для каганата, пролить свет на этно-социальное положение проживавшего здесь алано-болгарского населения, уточнить систему взаимодействия его с центральной властью. Хорошее знание источников и теоретических разработок специалистов по истории кочевников позволили А. А. Тортике по-новому изложить вопросы торговых путей, торговли и ее значение для каганата. Не мог не вызвать интерес у читателей и раздел, посвященный проблеме локализации и идентификации народа буртас, относительно территории и населения Хазарского каганата, а также раздел, посвященный работоторговле в Восточной Европе в хазарское время⁴⁵.

Последовавшая за этой работой защита А. А. Тортикой докторской диссертации только подтвердила, что в украинской науке появился крупный ученый в области раннесредневековой истории, кочевниковед с широким кругозором и энциклопедическими знаниями. И далее научное творчество Александра Александровича только подтверждало это.

Весьма плодотворными оказались 24 года педагогической деятельности профессора А. А. Тортики на музейном отделении Харьковской государственной академии культуры. Коллег и студентов всегда поражала ее необычайная интенсивность, солидный научный и методический уровень.

Понятно, что любимой дисциплиной у Александра Александровича всегда были «Основы археологии». Их преподавание профессор удачно сочетал с чтением спецкурса по методике археологических разведок и раскопок, а также с организацией и проведением летней полевой археологической практики. В разные годы студенты под руководством Александра Александровича участвовали в раскопках Хотмыжского, Крапивенского и Змиева городищ древнерусской культуры, селища Бабыя Левада салтово-маяцкой культуры близ городища Гайдары, селища Нетайловка-2 и Нетайловского могильника салтово-маяцкой культуры⁴⁶.

Вторым направлением педагогической работы являлась разработка и преподавание студентам музейного отделения профессионально ориентированных дисциплин. Среди них: «Введение в специальность “Музееведение, охрана и использование памятников истории и культуры”»; «Научное комплектование, учет и хранение музейных фондов»; «Научно-исследовательская деятельность музеев»; «Охрана, использование и пропаганда внемузейных памятников истории и культуры»; спецкурс «Музеи и историко-культурные заповедники Украины»; спецкурс «Методика использования персональных компьютеров для учета и каталогизации музейных фондов»⁴⁷.

По сути, Александр Александрович был первопроходцем в организации и проведении на музейном отделении ХГАК практикума по фондовой работе музеев исторического профиля и музейно-экскурсионной практики⁴⁸, хотя позднее отошел от этой деятельности.

Результаты своих многолетних научных исследований Александр Александрович обобщил и изложил в рамках историко-археологического спецкурса «История кочевых государств и объединений Евразии»⁴⁹.

Таким образом, профессор Александр Александрович Тортика в процессе трудовой деятельности разработал и читал восемь учебных курсов и спецкурсов, руководил одним практикумом и двумя практиками. Для пяти курсов и спецкурсов он успел опубликовать авторские программы и методические материалы⁵⁰. К спецкурсу «Методика использования персональных компьютеров для учета и каталогизации музейных фондов» написано и опубликовано учебное пособие⁵¹. Большой популярностью у студентов пользуется сборник авторских деловых игр к учебному курсу «Научное комплектование, учет и хранение музейных фондов»⁵².

Профессор А. А. Тортика входил в состав творческого коллектива, разработавшего и опубликовавшего в 2008 г. три рабочих программы приема кандидатского экзамена по музееведению и памятниковедению, которые были утверждены Министерством образования и науки Украины как типовые для таких научных направлений, как культурология, искусствоведение и исторические науки⁵³. За участие в методической разработке и в организации вместе со студентами музейных праздников для широкой публики, для детей и для лиц с ограниченными возможностями профессора А. А. Тортику неоднократно награждали грамотами Департамента культуры Харьковской областной администрации.

Нельзя обойти вниманием и педагогическую работу Александра Александровича. В должности куратора он вел и выпустил с V курса три группы студентов музейного отделения⁵⁴. К их воспитанию Александр Александрович подходил ответственно и без лишнего формализма. Выпускники музейного отделения помнят его как доброжелательно-наставника, задушевного собеседника, великодушного чтеца стихов отечественных и зарубежных авторов, певца, гитариста и заядлого рыболова.

Научные, деловые, организаторские и личные человеческие качества выделяли профессора А. А. Тортику из общего ряда людей. Он воспринимался окружающими как необычайно самобытная, талантливая личность, до щепетильности порядочная и верная служению отечественной науке, культуре и образованию.

¹ Личный листок Тортики А. А. по учету кадров // Архив Харьковской государственной академии культуры (далее – АХГАК), ф. отдела кадров, оп. 1, д. 333, л. 3–3 об.; Автобиография Тортики А. А. // АХГАК, ф. отдела кадров, оп. 1, д. 333, л. 5.

² Записано в ходе беседы В. М. Ряполова с А. С. Тортикой.

³ Личный листок Тортики А. А. по учету кадров // АХГАК, ф. отдела кадров, оп. 1, д. 333, л. 3 об.; Автобиография Тортики А. А. // АХГАК, ф. отдела кадров, оп. 1, д. 333, л. 5.

⁴ Автобиография Тортики А. А. // АХГАК, ф. отдела кадров, оп. 1, д. 333, л. 5; Копия диплома, выданного Тортике А. А. // АХГАК, ф. отдела кадров, оп. 1, д. 333, л. 6.

⁵ Посвідчення № 1 про направлення на роботу Тортики О. О. // Архів Харківської державної академії культури. (далі – АХДАК), ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 7–7 об.

⁶ Витяг з наказу № 104-К від 18 липня 1997 р. по Харківському державному інституту культури // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 11, 13; Харківська державна академія культури: до 70-річчя з дня заснування : монографія / В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Т. В. Бутько та ін. – Харків: ХДАК, 2000. – С. 188.

⁷ *Тортика О. О.* Исторична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н.е.) : методика дослідження кочових суспільств середньовіччя : автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999. – 19 с.

⁸ Список наукових та навчально-методичних праць Тортики О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 98–100.

⁹ Копія диплома кандидата наук ДК № 006826, виданого Тортиці О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 24.

¹⁰ Висновки кафедри історії України та музеєзнавства ХДАК з розгляду питання про рекомендацію щодо присвоєння вченого звання доцента Тортиці О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 31–33; Витяг з протоколу № 11 засідання вченої ради ХДАК від 14 червня 2002 р. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 35; Копія атестата доцента: ДЦ № 005436, виданого Тортиці О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 37.

¹¹ Харківська державна академія культури: до 75-річчя з дня заснування: монографія / В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Н. М. Кушнарєнко та ін. – Харків: ХДАК, 2000. – С. 185.

¹² Програма стажування Тортики О. О. з 9.03.2002 по 12.04.2002 і звіт про її виконання // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 71–72 об.

¹³ *Тортика О. О.* Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі // Нариси з історії та культури євреїв України. – Київ: Дух і літера, 2005. – С. 17–38; *Тортика А. А.* Использование произведений художественной литературы в изучении и преподавании истории материальной культуры европейского еврейства // Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ ст.: матеріали ІХ міжнар. наук. конф. «Єврейська історія та культура в країнах Центр. та Сх. Європи». – Київ: Дух і літера, 2002. – С. 113–115.

¹⁴ Наказ по ХДАК № 160-К від 4 листопада 2002 р. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 46.

¹⁵ *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). – Харьков: ХГАК, 2006. – 555 с.

¹⁶ *Греченко В. А.* Північно-Західна Хазарія – нове дослідження, нові підходи // Вісн. Харків. держ. акад. культури : зб. наук. пр. – Харків: ХДАК, 2006. – Вип. 18. – С. 290–292.

¹⁷ *Чувпило О.* Про деякі тенденції в галузі сучасного сходознавства // Історичний журнал. – 2006. – № 6. – С. 119–120.

¹⁸ *Тортика О. О.* Алано-болгарське населення Північно-Західної Хазарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи: автореф. дис. ... д-ра іст. наук. – Харків, 2007. – 36 с.

¹⁹ Копія диплома доктора наук ДД № 006251, виданого Тортіці О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 111.

²⁰ Висновки засідання кафедри історії України та музеєзнавства ХДАК щодо рекомендації Тортіки О. О. на заміщення посади професора // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 97; Протокол № 9 засідання вченої ради ХДАК від 29 січня 2008 р. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 96.

²¹ Витяг з протоколу № 14 засідання вченої ради ХДАК від 20 червня 2008 р. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 116; Наказ № 102-К від 18 червня 2008 р. по ХДАК про реорганізацію кафедри історії України та музеєзнавства // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 113.

²² Копія атестата професора 12ПР № 007898, виданого Тортіці О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 147.

²³ Харківська державна академія культури: до 85-річчя з дня заснування : монографія / В. М. Шейко, М. М. Каністратенко, Н. М. Кушнарєнко та ін. – Харків: ХДАК, 2015. – С. 57.

²⁴ Список наукових та навчально-методичних праць Тортіки О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 98–108.

²⁵ *Славчева Ц.* Тортика Александръ Александрович // Чуждестранна българистика през ХХ в.: Енциклопедичен справочник. – София: Акад. изд-во „Проф. М. Дринов“, 2008. – С. 528–529.

²⁶ *Тортика А. А.* К вопросу о численности населения Великой Болгарии Кубрата // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы : тез. докл. и сообщ. второй Всесоюз. конф. по болгаристике. – Харьков: ХГУ, 1991. – С. 4–5.

²⁷ *Тортика А. А.* Опыт исчисления населения по материалам раннесредневекового могильника у с. Красная Горка // История и археология Слободской Украины : тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф., посвящ. 90-летию XII Археол. съезда. – Харьков: ХГУ, 1992. – С. 202–204.

²⁸ *Тортика О. О.* Исторична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н.е.): методика дослідження кочових суспільств середньовіччя: автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999. – 19 с.

²⁹ *Тортика О. О.* Исторична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н.е.): методика дослідження кочових суспільств середньовіччя: автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999. – 19 с.

³⁰ *Тортика А. А.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ / А. А. Тортика, В. К. Михеев, Р. И. Кортиев // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 49–62.

³¹ *Тортика О. О.* Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н.е.) // Східний світ: до 80-річчя акад. О. Прицака. – 1999. – № 1/2. – С. 270–278.

³² *Михеев В. К.* Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева: опыт критического анализа / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». – М.: Пробел, 2001. – Ч. 1. – С. 149–178.

³³ *Тортика А. А.* «Евразийство» в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании // Сходознавство: Зб. ст. Ін-ту сходознавства ім. А. Кримського НАН України. – Київ: Мости культури, 2002. – Вип. 17/18. – С. 103–111.

³⁴ *Тортика О. О.* Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки // Вісн. Харків. держ. акад. культури: Зб. наук. пр. – Харків: ХДАК, 2002. – Вип. 10. – С. 11–20.

³⁵ *Тортика А. А.* Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилева // Хазарский альманах. – Киев; Харьков; Москва: Мости культуры, 2003. – Т. 2. – С. 109–117.

³⁶ *Тортика А. А.* Локализация бургасов арабо-персидских авторов и Подонье-Придонечье в VIII–IX вв. // IX Сходознавчі читання А. Кримського: Тези доп. міжнар. наук. конф. Ін-ту сходознавства ім. А. Кримського НАН України. – Київ: Мости культури, 2005. – С. 96–98; *Тортика А. А.* Река Бур-

тас средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации // Проблемы истории и археологии Украины: материалы V междунар. науч. конф. – Харьков: ХНУ, 2004. – С. 88–89; *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария, бургасы, мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнографической идентификации // Тезисы докладов 12-й ежегодной Международной конференции по иудаике. – М.: Дух и литера, 2005. – С. 16–20; *Тортика О. О.* Північно-Західна Хозарія, бургаси, Мордва: проблема господарсько-культурної й етнічної ідентифікації // Вісн. Харків. держ. акад. культури: Зб. наук. пр. – Харків: ХДАК, 2005. – Вип. 16. – С. 4–16; *Тортика О. О.* Розташування бургасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хозарські часи (VIII–X ст.) // Вісн. Харків. держ. акад. культури: Зб. наук. пр. – Харків: ХДАК, 2005. – Вип. 17. – С. 37–49.

³⁷ *Михеев В. К.* Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X вв.) / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Вісн. Міжнар. Соломоново ун-ту. – Київ, 2000. – Вип. 3. – С. 146–168.

³⁸ *Тортика А. А.* «Киевское письмо» хазарских евреев: к проблеме критики содержания источника // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: сборник Крым. отд-ния Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2002. – Вып. 9. – С. 535–542.

³⁹ *Тортика А. А.* К вопросу о характере хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье в конце VII – начале VIII вв. // VIII Сходознавчі читання А. Кримського: Тези доп. міжнар. наук. конф. Ін-ту сходознавства ім. А. Кримського НАН України. – Київ, 2004. – С. 157–160.

⁴⁰ *Тортика А. А.* Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным Текста Шехтера: геополитический аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф: VI Боспор. чтения. – Керчь, 2005. – С. 295–299.

⁴¹ *Тортика О. О.* Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі // Нариси з історії та культури євреїв України. – Київ: Дух і літера, 2005. – С. 17–38.

⁴² *Тортика О. О.* Розташування бургасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хозарські часи (VIII–X ст.) // Вісн. Харків. держ. акад. культури: Зб. наук. пр. – Харків: ХДАК, 2005. – Вип. 17. – С. 37–49.

⁴³ *Михеев В. К.* Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Хазары. Евреи и славяне. – М.: Мосты культуры, 2005. – Т. 16. – С. 175–184.

⁴⁴ *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). – Харьков: ХГАК, 2006. – 555 с.

⁴⁵ Там само. – С. 5–510.

⁴⁶ Висновок кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Харківської державної академії культури щодо професійної діяльності доктора історичних наук, завідувача кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Тортики О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 139–140; Звіт про навчальну, навчально-методичну, наукову та організаційно-виховну роботу завідувача кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Тортики О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 135–136.

⁴⁷ Харківська державна академія культури: до 85-річчя з дня заснування: монографія / В. М. Шейко, М. М. Каністратенко, Н. М. Кушнарєнко та ін. – Харків: ХДАК, 2015. – С. 57, 77.

⁴⁸ Звіт про навчальну, навчально-методичну, наукову та організаційно-виховну роботу завідувача кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Тортики О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 135–137.

⁴⁹ Історія кочових держав та об'єднань Євразії: програма навч. курсу та навч.-метод. матеріали для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа та охорона пам'яток історії і культури». – Харків: ХДАК, 2012. – 56 с.

⁵⁰ Харківська державна академія культури: до 85-річчя з дня заснування: монографія / В. М. Шейко, М. М. Каністратенко, Н. М. Кушнарєнко та ін. – Харків: ХДАК, 2015. – С. 57, 77.

⁵¹ *Раковский Х. В.* Методика использования персональных ЭВМ для учета и научной каталогизации музейных фондов: Учеб. пособие / Х. В. Раковский, Н. В. Радомская, Б. М. Смоляницкий, А. А. Тортика и др. – Харьков: ХГИК, 1991. – 49 с.

⁵² *Тортика А. А.* Деловые игры к учебному курсу «Научное комплектование, учет и хранение музейных фондов»: Учеб.-метод. пособие. – Харьков: ХГАК, 2002. – 58 с.

⁵³ Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – історичні науки) / уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортика, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов. – Харків: ХДАК, 2011. – 39 с.; Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – мистецтвознавство). – 2-е вид., перероб. і допов. / уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортика, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов – Харків: ХДАК, 2011. – 27 с.; Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – культурологія). – 2-е вид., перероб. і допов. / уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортика, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов – Харків: ХДАК, 2011. – 30 с.

⁵⁴ Висновок кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Харківської державної академії культури щодо професійної діяльності доктора історичних наук, завідувача кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Тортики О. О. // АХДАК, ф. відділу кадрів, оп. 1, спр. 333, арк. 140–141.

БИБЛИОГРАФИЯ
НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
А. А. ТОРТИКИ

1. К вопросу о численности населения Великой Болгарии Кубрата / А. А. Тортика // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы: тез. докл. и сообщ. второй Всесоюз. конф. по болгаристике (2 Дринов. чтений), 5–7 февр. 1991 г.: доп. вып. / Харьк. гос. ун-т [и др.]. – Харьков, 1991. – С. 4–5.
2. Методика использования персональных ЭВМ для учета и научной каталогизации музейных фондов: учеб. пособие / Х. В. Раковский, Н. В. Радомская, Б. М. Смоляницкий, А. А. Тортика, А. В. Легейда; Харьк. гос. ин-т культуры. – Харьков, 1991. – 49 с.
3. Екологія кочового господарства як джерело історичного знання / О. О. Тортіка // Конференція професорсько-викладацького складу та студентів за підсумками науково-творчої роботи за 1991 р.: тези доп. / Харків. держ. ін-т культури. – Харків, 1992. – С. 36–38.
4. Опыт исчисления населения по материалам раннесредневекового могильника у с. Красная Горка / А. А. Тортика // История и археология Слободской Украины: тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф., посвящ. 90-летию XII Археол. съезда / Харьк. гос. ун-т [и др.]. – Харьков, 1992. – С. 202–204.
5. Відтворення традиційного кочового господарства / О. О. Тортіка // Проблеми музеєзнавства та історичного краєзнавства: тези доп. наук. конф., 18–19 трав. 1993 р. / Харків. держ. ін-т культури. – Харків, 1993. – С. 33–34.
6. Землепользование в развитом кочевом скотоводческом обществе / А. А. Тортика // Социально-экологические проблемы сельскохозяйственного производства: тез. докл. науч.-практ. конф., 26 мая 1993 г. / Харьк. гос. аграр. ун-т им. В. В. Докучаева. – Харьков, 1993. – С. 28–29.
7. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ / А. А. Тортика, В. К. Михеев, Р. И. Кортиев // Этногр. обозрение. – 1994. – № 1. – С. 49–62.
8. Проблеми етногенезу проболгарських племен Дніпро-Донського межиріччя у VII–X ст. / О. О. Тортіка, А. О. Суржко // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті: тези доп. третьої наук. конф. з питань музеєзнавства та іст. краєзнавства, 24–25 трав. 1994 р. / Харків. держ. ін-т культури. – Харків, 1994. – С. 66–67.
9. Археологическая культура как понятие и некоторые тенденции современной археологии / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Исторична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи: матеріали Всеукр. наук. конф. (м. Харків, 15–17 листоп. 1995 р.) / Харків. держ. ун-т [та ін.]. – Харків, 1995. – С. 60–65.
10. Історія протоболгар Дніпро-Донського межиріччя: проблеми періодизації / О. О. Тортіка // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті: тези доп. третьої наук. конф. з питань музеєзнавства та іст. краєзнавства, 23–24 трав. 1995 р. / Харків. держ. ін-т культури. – Харків, 1995. – С. 105–106.
11. Музеєзнавство: комплексна навч. програма для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа і охорона пам'яток історії та культури» / Л. П. Велика, О. М. Єлагіна, М. М. Каністратенко, Н. С. Мартем'янова, В. М. Ряполов, Б. М. Смоляницький, О. О. Тортіка, Г. Й. Чернявський / Харків. держ. ін-т культури. – Харків, 1996. – 44 с.
12. Некоторые проблемы этнической истории и археологии протоболгар / А. А. Тортика // Болгарский ежегодник / Межресп. науч. асоц. болгаристов [и др.]. – Харьков; София, 1996. – Т. 2. – С. 37–48.
13. Новый взгляд на маршрут перекочевков в Великой Болгарии Кубрата / А. А. Тортика // Проблеми історії та археології України : к 140-літтю со дня рождження акад. Д. І. Багалая: тез. докл. наук. конф., 16–18 апр. 1997 г. / Харьк. обл. ист.-археол. о-во [и др.]. – Харьков, 1997. – С. 66–67.
14. Вступ до спеціальності: програма курсу для істориків-музеєзнавців / О. О. Тортіка. – Харків: ХДАК, 1998. – 18 с.
15. Наукове комплектування, облік та зберігання музейних фондів: навч.-метод. матеріали з курсу / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; уклад. О. О. Тортіка. – Харків: ХДАК, 1998. – 37 с.

16. Науково-дослідна діяльність музею: навч.-метод. матеріали / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України і музеєзнавства; уклад. О. О. Тортика. – Харків: ХДАК, 1998. – 27 с.
17. Основи археології: програма курсу / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; уклад. О. О. Тортика. – Харків: ХДАК, 1998. – 52 с.
18. Охорона, використання та пропаганда позамузейних пам'яток історії та культури: програма курсу для спец. «Музейна справа та охорона пам'яток історії і культури» / Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; уклад. О. О. Тортика. – Харків: ХДАК, 1998. – 27 с.
19. Пастбища и их использование в традиционном скотоводческом хозяйстве кочевых народов Евразии I–II тыс. н.э. / Тортика А. А. // Актуальні проблеми сучасної науки у дослідженнях молодих вчених м. Харкова: [зб. ст.] / М-во освіти України, Голов. упр. з гуманіт. та соц. питань [та ін.]. – Харків, 1998. – С. 124–127.
20. Средние размеры стада как основной экологической, экономической и социальной показатель традиционного кочевого общества / Тортика А. А. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: [зб. наук. пр. молодих вчених] / Харків. держ. ун-т. – Харків, 1998. – С. 168–174. – Библиогр.: 21 назв.
21. Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н.е.): методика дослідження кочових суспільств середньовіччя: автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.02 «Всесвіт. історія». – Харків, 1999. – 19 с.
22. Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н.е.) / О. Тортика // Східний світ. – 1999. – № 1/2: Етюдон: до 80-річчя акад. О. Прицака. – С. 270–278. – Библиогр.: 13 назв.
23. Преодоление водных преград кочевыми народами Евразии I–II тыс. н.э.: опыт систематизации / А. А. Тортика // Вісн. Харків. держ. ун-ту. – Харків, 1999. – № 441: Історія, вип. 31. – С. 32–44.
24. Использование деловых игр в процессе подготовки историков-музееведов / Тортика А. А., Лобанова-Гулак М. В. // Університетська освіта України XXI століття: проблеми, перспективи, тенденції розвитку: тези доп. міжнар. наук.-практ. конф., 15–16 груд. 2000 р. / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна [та ін.]. – Харків, 2000. – С. 188–189.
25. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X вв.) / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Вісн. Міжнар. Соломонового ун-ту. – Київ, 2000. – [Вип.] 3: Юдаїка. – С. 146–168. – Библиогр.: 39 назв.
26. Археология: программа курса и метод. указания / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Историческое образование : программы общих курсов и метод. указания: для студентов дистанц. формы обучения / Харьк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харьков, 2001. – Т. 1. – С. 49–64.
27. «Евразийство» в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании (методология или идеология) / Тортика А. А. // V Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 10–12 жовт. 2001 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. – Київ, 2001. – С. 99–101.
28. Историческая география Великой Болгарии Кубрата (630–660 гг. н.э.) / Александръ Тортика // Анали. – 2001. – № 3/4. – С. 68–82.
29. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева: опыт критического анализа / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [и др.]. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 149–178. – (Академическая серия; вып. 8). – Библиогр.: 71 назв.
30. Методика еколого-демографічного дослідження традиційних кочових обществ Евразии / А. А. Тортика, В. К. Михеев // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж, 2001. – Вып. 15. – С. 141–161. – (Археология восточно-европейской лесостепи). – Библиогр.: 94 назв.
31. Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи / О. О. Тортика // Східний світ: ЕТЮДОН: до 80-річчя акад. О. Прицака. – 2001. – № 1/2. – С. 270–271.
32. Проблема полифункциональности и междисциплинарности в формировании теоретических основ современной музеологии / А. А. Тортика, М. В. Лобанова // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы междунар. конф. / Керч. ист.-культур. заповедник. – Керчь, 2001. – С. 169–172.

33. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / В. С. Аксенов, А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху Средневековья / НАН Украины, Ин-т археологии, Донец. нац. ун-т. – Донецк, 2001. – Т. 2: Хазарское время. – С. 191–218. – (Тр. по археологии).
34. Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья–Придонецья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений / А. А. Тортика // Хазарский альманах / Междунар. Соломонов ун-т, Междунар. центр хазароведения, Восточноукр. фил. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 140–150. – Библиогр.: 52 назв.
35. Деловые игры к учебному курсу «Научное комплектование, учёт и хранение музейных фондов»: учеб.-метод. пособие / А. А. Тортика. – Харьков : ХГАК, 2002. – 58 с.
36. «Евразийство» в современной номадистике: возможности использования в позитивном научном исследовании / А. А. Тортика // Сходознавство: [зб. ст.] / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. – Київ, 2002. – [Вип.] 17/18. – С. 103–111. – (Бібліотечка журналу «Східний світ»). – Библиогр.: 22 назв.
37. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / В. К. Михеев, А. А. Тортика // Хазары: второй Междунар. коллоквиум: тезисы / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [и др.]. – М., 2002. – С. 68–70.
38. Использование произведений художественной литературы в изучении и преподавании истории материальной культуры европейского еврейства / Александр Тортика // Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ столітті: матеріали ІХ міжнар. наук. конф. «Єврейська історія та культура в країнах Центр. та Сх. Європи», 28–30 серп. 2001 р.: зб. наук. пр. / Ін-т юдаїки, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. – Київ, 2002. – С. 113–115.
39. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: [сб. науч. материалов III Боспор. чтений, г. Керчь, 20–23 мая 2002 г.] / НАН Украины, Центр археол. исслед. Крым. отд-ния Ин-та востоковедения, Керч. ист.-культур. заповедник. – Керчь, 2002. – С. 239–241.
40. «Киевское письмо» хазарских евреев: к проблеме критики содержания источника / А. А. Тортика // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: [сборник] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, Центр археол. исслед. – Симферополь, 2002. – Вып. 9. – С. 535–542. – Библиогр.: 16 назв.
41. Національне питання в рамках музейного педагогічного процесу: проблема самоідентифікації і культурного інтегрування народів України / Лобанова М. В., Тортика О. О. // Сьомі Сумцовські читання : зб. матеріалів наук. конф. з міжнар. участю «Історія та археологія Слобожанщини в музеях Харківщини: до 100-річчя відкриття Салтівської культури», 12 квіт. 2001 р. / Харків. облдержадмін, Упр. культури, Харків. іст. музей. – Харків, 2002. – С. 58–61.
42. Проблема посядання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки / О. О. Тортика // Вісн. Харків. держ. акад. культури : зб. наук. пр. – Харків, 2002. – Вип. 10. – С. 11–20. – Библиогр.: 27 назв.
43. Проект музея иудаики Международного центра хазароведения Восточноукраинского филиала МСУ: планы, возможности и перспективы / М. В. Лобанова, А. А. Тортика // Вісн. Міжнар. Соломонового ун-ту. – Київ, 2002. – [Вип.] 8: Юдаїка. – С. 72–85. – Библиогр.: 21 назв.
44. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата / Тортика А. А. // VI Сходознавчі читання А. Кримського : тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 30–31 жовт. 2002 р. – Київ, 2002. – С. 197–201.
45. Феномен кочевой культуры / А. А. Тортика // Духовна культура в інформаційному суспільстві: матеріали міжнар. наук.-теорет. конф., 24–25 січ. [2002 р.] / Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2002. – С. 76–77.
46. Экологически возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) – вторая–третья четверть VII в. н.э. / Тортика А. А. // Сурож, Сугдея, Солдаия в истории и культуре Руси–Украины: материалы науч. конф. (16–22 сент. 2002 г.) / Нац. заповедник «София Киевская». – Киев; Судак, 2002. – С. 249–252.
47. Боспор Киммерийский в хазарское время: по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов / А. А. Тортика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период

- античності и средневековья: материалы IV Боспорских чтений, г. Керчь, 20–24 мая 2003 г. / НАН Украины, Центр археол. исслед. Крым. отд-ния Ин-та востоковедения, Керч. ист.-культур. заповедник. – Керчь, 2003. – С. 267–269.
48. Військова справа протоболгарських племен Східної Європи у дохазарські часи (V–VII ст. н.е.) / О. О. Торгіка // Східний світ. – 2003. – № 4. – С. 98–108. – Бібліогр.: 41 назв.
 49. Две тенденции в современной работе музеев исторического профиля: «реформация» и «контрреформация» в музейной экспозиции / А. А. Тортика, М. В. Лобанова // Восьмі Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф., присвяч. 100-річчю XII Археол. з'їзду, 12 квіт. 2002 р. / Харків. облдержадмін., Упр. культури, Харків. іст. музей. – Харків, 2003. – С. 64–66.
 50. Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилёва / А. А. Тортика // Хазарский альманах. – Киев; Харьков; Москва: Мосты культуры, 2003. – Т. 2. – С. 109–117.
 51. К вопросу об истории изучения традиционной материальной культуры еврейского населения Восточной Европы в конце XIX — начале XX вв. / Александр Тортика // Єврейська історія та культура кінця XIX – початку XX ст.: зб. наук. пр.: матеріали X міжнар. наук. конф. «Єврейська історія та культура в країнах Центр. та Сх. Європи», 28–30 серп. 2002 р. / Ін-т юдаїки, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. – Київ, 2003. – С. 119–126.
 52. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский / А. А. Тортика // Боспорские исследования: [сборник.] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, Центр археол. исслед. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 62–72.
 53. «Климаты» Константина Багрянородного и Северо-Западная Хазария: проблема локализации и идентификации / Тортика А. А. // VII Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 4–5 черв. 2003 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського. – Київ, 2003. – С. 139–141.
 54. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (VIII–X вв.) / А. А. Тортика // Соціокультурні комунікації в інформаційному суспільстві: матеріали міжнар. наук. конф., 21–22 листоп. 2003 р. / Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2003. – С. 44–45.
 55. Феномен поліетнічності на прикладі салтівської археологічної культури хозарського часу у VIII–X ст.: історико-методологічний аспект / О. О. Торгіка // Восьмі Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф., присвяч. 100-річчю XII Археол. з'їзду, 12 квіт. 2002 р. / Харків. облдержадмін., Упр. культури, Харків. іст. музей. – Харків, 2003. – С. 23–25.
 56. Археологічна практика: програма / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад.: О. О. Торгіка, В. М. Ряполов]. – Харків: ХДАК, 2004. – 7 с.
 57. Боспор Киммерийский в Хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов / Тортика А. А. // Боспор. исслед. / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского [и др.]. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 362–388.
 58. «Дев'ять кліматів» Костянтина Багрянородного та північно-західна Хозарія: проблема локалізації й ідентифікації / О. О. Торгіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2004. – Вип. 12/13. – С. 33–43. – Бібліогр.: 21 назв.
 59. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства / Александр Тортика // Иудеи и хазары. Археология. Караимы в Восточной Европе. Неашкеназские еврейские общины : тез. докл. одиннадцатой ежегод. междунар. конф. по иудаике, 3–5 февр. 2004 г. – [М.], 2004. – С. 2–4.
 60. До питання про характер хозарської присутності у Дніпро-Донському межиріччі наприкінці VII – на початку VIII ст. / О. О. Торгіка // Історичний журнал. – 2004. – № 8. – С. 115–125.
 61. К вопросу о характере хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье в конце VII – начале VIII вв. / Тортика А. А. // VIII Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 2–3 черв. 2004 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. – Київ, 2004. – С. 157–160.
 62. Наукове комплектування, облік та зберігання музейних фондів: програма та навч.-метод. матеріали до курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад.

- культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад. О. О. Тортіка]. – Харків: ХДАК, 2004. – 33 с.
63. Основи археології: програма та навч.-метод. матеріали до курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад. О. О. Тортіка]. – Харків: ХДАК, 2004. – 29 с.
 64. Охорона, використання та пропаганда позамузейних пам'яток історії і культури: програма та навч.-метод. матеріали до курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад. О. О. Тортіка]. – Харків: ХДАК, 2004. – 26 с.
 65. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 1 / А. А. Тортика // Східний Світ. – 2004. – № 2. – С. 98–118.
 66. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. Ч. 2 / А. А. Тортика // Східний Світ. – 2004. – № 3. – С. 76–88.
 67. Река Буртас средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации / А. А. Тортика // Проблемы истории и археологии Украины: материалы V международного науч. конф. – Харьков: ХНУ, 2004. – С. 88–89.
 68. «Река славян» в системе географических реалий Восточной Европы в VIII–X вв.: по данным средневековых арабо-персидских авторов / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: сб. науч. материалов V Боспор. чтений, Керчь, 20–24 мая 2004 г. / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения [и др.]. – Керчь, 2004. – С. 370–374.
 69. Соціально-політична та військова структура населення Північно-Західної Хозарії (VIII–X ст.): досвід історичної реконструкції / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2004. – Вип. 14. – С. 29–40. – Бібліогр.: 32 назв.
 70. Фондова робота музеїв: програма практикуму / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад.: М. В. Лобанова-Гулак, О. О. Тортіка]. – Харків: ХДАК, 2004. – 8 с.
 71. Этносциальная природа русов (росов, руси) : по данным раннесредневековых авторов (IX–X вв.) / А. А. Тортика // Інформаційно-культурологічна та мистецька освіта: стан і перспективи: матеріали міжнар. наук. конф., 12–13 жовт. / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2004. – С. 155–157.
 72. Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным Текста Шехтера: геополитический аспект / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф: VI Боспор. чтения, Керчь, 2005 г.: [сб. материалов конф.] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения [и др.]. – Керчь, 2005. – С. 295–299.
 73. Вступ до спеціальності: (музейна справа та охорона пам'яток історії і культури): програма курсу / М-во культури і мистецтв України, Харків. держ. акад. культури, Каф. історії України та музеєзнавства; [уклад.: М. В. Лобанова, О. О. Тортіка]. – Харків: ХДАК, 2005. – 14 с.
 74. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства / А. А. Тортика // Східний світ. – 2005. – № 1. – С. 90–106.
 75. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории / Михеев В. К., Тортика А. А. // Хазары. Евреи и славяне / [редкол.: В. Петрухин и др.]. – Иерусалим; М., 2005. – Т. 16. – С. 175–184.
 76. Євреї в Хозарському каганаті та Київській Русі / О. Тортика // Нариси з історії та культури євреїв України / [упоряд. та ред.: Л. Фіндберг, В. Любченко]. – Київ, 2005. – С. 17–37. – (Серія «Бібліотека Інституту юдаїки»).
 77. Лесостепное Подонье-Придонецье и Горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа / Тортика А. А. // Матеріали по археології, історії і етнографії Таврії / Нац. акад. наук України, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, Центр археол. исслед. – Симферополь, 2005. – Вып. 11. – С. 459–489.
 78. Локализация буртасов арабо-персидских авторов и Подонье-Придонецье в VIII–IX вв. / Тортика А. А. // IX Сходознавчі читання А. Кримського: тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 1–2 черв. 2005 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. – Київ, 2005. – С. 96–98.

79. Неопубликованная рукопись А. П. Ковалевского: тернистый путь научного творчества / А. А. Тортика // Хазарский Альманах. – Киев; Харьков: Мосты культуры, 2005. – Т. 4. – С. 177–181.
80. Північно-Західна Хозарія, бургаси, Мордва: проблема господарсько-культурної й етнічної ідентифікації / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2005. – Вип. 16. – С. 4–16. – Бібліогр.: 36 назв.
81. Раскопки селища салтово-маяцкой культуры у с. Металловка (2003–2004 гг.) / Колода В. В., Ряполов В. М., Тортика А. А. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.: зб. наук. пр. / НАН України. — Київ, 2005. – Вип. 7. – С. 176–178. – Библиогр.: 5 назв.
82. «Река славян» в системе географических реалий Восточной Европы в VIII–X вв. (по данным средневековых арабо-персидских авторов) / Тортика А. А. // Боспорские исследования / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского [и др.]. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вип. 9. – С. 221–250.
83. «Река славян» (нахр-ас-сакалиба) в системе географических реалий Восточной Европы: по данным средневековых мусульманских авторов / Мария Лобанова-Гулак, Александр Тортика // Ислам і Україна: роботи учасників Першого Всеукр. ім. А. Кримського конкурсу ісламознав. дослідж. молодих учених / Ислам. громад. культ. центр м. Києва. — Київ, 2005. – С. 155–174. – Библиогр.: С. 172–174.
84. Розташування бургасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хозарські часи (VIII–X ст.) / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2005. – Вип. 17. – С. 37–49.
85. Северо-Западная Хазария, бургасы, мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнографической идентификации / А. А. Тортика // Тезисы докладов 12-й ежегодной Международной конференции по иудаике. – М., 2005. – С. 16–20.
86. Северо-западная Хазария в военно-политической системе Хазарского каганата: к постановке проблемы / А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху средневековья: сб. науч. тр. – Донецк: ДГУ, 2005. – Т. 4. – С. 7–16.
87. Доно-Донецкий речной путь, лесостепное Придонецье и византийская Таврика в VIII–X вв.: характер и направления торговых связей / Тортика А. А. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос: VII Боспор. чтения, Керчь, 2006 г.: [сб. материалов конф.] / НАН Украины, Крым. отд-ние Ин-та востоковедения [и др.]. – Керчь, 2006. – С. 282–286.
88. Некоторые факторы речного судоходства в Восточной Европе в VIII–X вв. и Доно-Донецкий торговый путь / Тортика А. А. // X Сходознавчі читання А. Ю. Кримського, присвячені 135-річчю з дня народження А. Ю. Кримського : тези доп. міжнар. наук. конф., м. Київ, 5–6 жовт. 2006 р. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Кримського. – Київ, 2006. – С. 191–193.
89. «Остров базилов» и «семидесятирукавный Атил» «Армянской Географии»: проблема локализации / Тортика А. А. // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе: XVIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 17–19 апр. 2006 г.: материалы конф. / РАН, Ин-т всеобщей истории. – М., 2006. – С. 197–202.
90. Розташування бургасів арабо-персидських авторів: до реконструкції історичної географії Східної Європи в хазарські часи (VII–X ст.) / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2006. – Вип. 17. – С. 37–49. – Бібліогр.: 40 назв.
91. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.): монография / А. А. Тортика; Харьк. гос. акад. культуры. – Харьков: ХГАК, 2006. – 555 с.
92. Торговля с мусульманскими странами в Восточной Европе в VIII–X вв., Доно-Донецкий торговый путь и Северо-Западная Хазария: проблемы и мнения / А. А. Тортика // Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М., 2006. – Вип. 20. – С. 319–340.
93. Алано-болгарське населення Північно-Західної Хазарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи: автореф. дис. ... д-ра іст. наук: спец. 07.00.02 «Всесвіт. історія». – Харків, 2007. – 36 с.
94. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья–Придонецья в Хазарское время (конец VIII – начало X века) /

- Тортика А. А. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 16–18 апр. 2007 г.: материалы конф. / РАН, Ин-т всеобщей истории. – М., 2007. – С. 267–272.
95. Історія Північно-Західної Хозарії в дореволюційній та ранній радянській (1920–1940 рр.) історіографії: підходи та методи / О. О. Тортика // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2007. – Вип. 21. – С. 43–50. – Бібліогр.: 31 назв.
 96. К изданию шестого тома Хазарского альманаха / А. А. Тортика // Хазарский альманах: [сб. науч. тр. в честь 70-летия В. К. Михеева] / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Крымского [и др.]. – Киев; Харьков, 2007. – Т. 6. – С. 5–6.
 97. Культурологія і соціальні комунікації – нові галузі наукових досліджень в Україні / І. О. Давидова, М. В. Дяченко, В. О. Ільганасва, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, Н. М. Кушнарєнко, С. В. Потрашков, В. М. Ряполов, А. А. Соляник, Л. В. Стародубцева, Л. Г. Тишевська, О. О. Тортика, В. М. Шейко // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2007. – Вип. 19. – С. 204–215.
 98. Про седентаризацію алано-болгарського населення Дніпро-Донського межиріччя у VIII–X ст. / Олександр Тортика // Іст. журн. – 2007. – № 1. – С. 71–79.
 99. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII – начало IX вв.): историческая реконструкция / А. А. Тортика // Тюркологический сборник, 2006. – М., 2007. – С. 296–318.
 100. Археологічні джерела та реконструкція історії Північно-Західної Хозарії: типологія і напрямні використання / О. О. Тортика // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2008. – Вип. 23. – С. 46–56. – Бібліогр.: 46 назв.
 101. Нападение русов на Константинополь 860 г., хазарская миссия Константина Философа и хазаро-византийские отношения в зоне Керченского пролива, Азовского моря и Нижнего Дона во второй половине IX – сер. X вв. / А. А. Тортика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: IX Боспор. чтения, Керчь, 2008 г.: [сб. материалов конф.]. – Керчь, 2008. – С. 263–268.
 102. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 — теорія та історія культури (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортика, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів. – С. 8–44.
 103. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 – теорія та історія культури (галузь науки – філософські науки): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортика, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів. – С. 45–64.
 104. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 – теорія та історія культури (галузь науки – мистецтвознавство): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортика, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів. – С. 65–93.
 105. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.02 – світова культура і міжнародні культурні зв'язки (галузь науки – культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортика, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: Культурологія: зб. проектів програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів. – С. 94–141.
 106. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.04 – українська культура (галузь науки – культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Ста-

- родубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури*. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: *Культурологія: зб. проектів програма кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів*. – С. 142–155.
107. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки — культурологія): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури*. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: *Культурологія: зб. проектів програма кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів*. – С. 156–177.
 108. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – історичні науки): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури*. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: *Культурологія: зб. проектів програма кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів*. – С. 178–204.
 109. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – мистецтвознавство): проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури*. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: *Культурологія: зб. проектів програма кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів*. – С. 205–224.
 110. Програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.06 – прикладна культурологія, культурні практики (галузь науки – культурологія) : проект / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури*. – Харків, 2008. – Спецвип. 21: *Культурологія: зб. проектів програма кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів*. – С. 226–240.
 111. Пути Хазарии и конечный пункт назначения хазарской миссии Константина Философа / А. А. Тортика // *Восточная Европа в древности и средневековье: XX Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*, Москва, 16–18 апр. 2007 г.: материалы конф. – М., 2008. – С. 225–230.
 112. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – культурологія) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, С. В. Потрашков, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов]. – Харків: ХДАК, 2008. – 26 с.
 113. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – мистецтвознавство) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, С. В. Потрашков, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов]. – Харків: ХДАК, 2008. – 24 с.
 114. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.02 – світова культура і міжнародні культурні зв'язки (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури*. – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програма кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів*. – С. 80–126.
 115. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 – теорія та історія культури (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Тортіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврю-

- шенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури.* – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів.* – С. 8–48.
116. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.01 – теорія та історія культури (галузь науки – мистецтвознавство) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Торгіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури.* – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів.* – С. 49–78.
 117. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.04 – українська культура (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Торгіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури.* – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів.* – С. 128–140.
 118. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музезнавство. Пам'яткознавство (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Торгіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури.* – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів.* – С. 142–164.
 119. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музезнавство. Пам'яткознавство (мистецтвознавство) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Торгіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури.* – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів.* – С. 165–184.
 120. Типова програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.06 – прикладна культурологія, культурні практики (культурологія) / [уклад.: В. М. Шейко, М. В. Дяченко, Л. В. Стародубцева, О. О. Торгіка, С. В. Потрашков, М. М. Каністратенко, О. В. Кравченко, О. А. Гаврюшенко, В. М. Ряполов, Л. Г. Тишевська; під наук. ред. В. М. Шейка] // *Культура України: зб. наук. пр. / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури.* – Харків, 2008. – Спецвип. 24: *Культурологія: зб. типових програм кандидат. іспитів для аспірантів і здобувачів.* – С. 186–202.
 121. Хазарската мисия на Константин Философ: проблеми на съвременната научна интерпретация / Александър Тортика // *Списание на Българската академия на науките.* – 2008. – № 4. – С. 49–55. – Библиогр.: 38 назв.
 122. Андрей Васильевич Крыганов (1955–2008) : [некролог] / А. А. Тортика // *Хазарский альманах: сб. науч. тр., посвящ. памяти В. К. Михеева / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.].* – Киев; Харьков, 2009. – Т. 8. – С. 353–355.
 123. Владимир Кузьмич Михеев (1937–2008) : [некролог] / В. С. Аксенов, А. А. Тортика // *Хазарский альманах: сб. науч. тр., посвящ. памяти В. К. Михеева / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.].* – Киев; Харьков, 2009. – Т. 8. – С. 13–15.
 124. Володимир Кузьмич Михеев (1937–2008 рр.) / В. С. Аксенов, В. В. Скирда, О. О. Торгіка // *Древности: харьк. ист.-археол. ежегод.: ст., публ., заметки, рец., хроника / Харьк. ист.-археол. о-во.* – Харьков, 2009. – Вып. 8. – С. 318–321.
 125. Городища СМК VIII–X ст. Верхньодонечья та повідомлення які Ідрісі про притоки ріки Русія й міста народу ан-нібарія / О. О. Торгіка // *П'ятнадцять Сумдовські читання: зб. матеріалів наук. конф., присвяч. 155-й річниці з дня народж. видат. укр. вченого акад. АН України М. Ф. Сумцова, 17 квіт. 2009 р. / М-во культури і туризму України, Упр. культури і туризму Харків. облдержадмін., Харків. іст. музей.* – Харків, 2009. – С. 83–84.

126. От редколлегии / А. А. Тортика // Хазарский альманах: сб. науч. тр., посвящ. памяти В. К. Михеева / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. – Киев; Харьков, 2009. – Т. 8. – С. 5–7.
127. Пам'яті Володимира Кузьмича Міхеева / В. С. Аксьонов, О. О. Тортіка // Археологія. – 2009. – № 1. – С. 121–122.
128. Середньовічні письмові джерела та реконструкція історії Північно-Західної Хазарії: джерела християнського походження / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2009. – Вип. 24. – С. 12–19. – Бібліогр.: 17 назв.
129. Торговля Восточной Европы с мусульманскими странами и Доно-Донецкий речной путь в середине VIII – середине X вв.: историографические традиции и реальность / Мария Лобанова-Гулак, Александр Тортика // Ислам і сучасний світ: роботи учасників другого та третього всеукр. конкурсів ісламознав. дослідж. молодих учених ім. А. Кримського / Всеукр. асоц. громад. орг. «Альрайд», Всеукр. громад. орг. «Укр. центр ісламознавства», Іслам. громад. культур. центр м. Києва. – Київ, 2009. – С. 167–196. – Бібліогр.: 103 назв.
130. Арабо-перська середньовічна історична та географічна література як джерело реконструкції історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2010. – Вип. 30. – С. 25–37. – Бібліогр.: 38 назв.
131. Інформаційно-комунікаційний простір як відображення сучасного соціокультурного середовища / О. О. Тортіка, О. Л. Біличенко // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2010. – Вип. 30. – С. 80–87. – Бібліогр.: 14 назв.
132. Проблемные аспекты определения даты обращения хазарской знати в иудаизм (в связи с интерпретацией сведений о хазарской миссии Константина Философа) / А. А. Тортика // Орієнтальні студії в Україні: до ювілею Л. В. Матвєєвої: зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Крымського. – Київ, 2010. – С. 482–493. – Бібліогр.: 22 назв.
133. От редколлегии / А. А. Тортика // Хазарский альманах / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. – Киев; Харьков, 2011. – Т. 9. – С. 5–6.
134. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – історичні науки) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов; під наук. ред. В. М. Шейка]. – 2-е вид., перероб. і допов. – Харків: ХДАК, 2011. – 38 с.
135. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – культурологія) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов; під наук. ред. В. М. Шейка]. – 2-е вид., перероб. і допов. – Харків: ХДАК, 2011. – 29 с.
136. Робоча програма кандидатського іспиту зі спеціальності 26.00.05 – музеєзнавство. Пам'яткознавство (галузь науки – мистецтвознавство) / М-во культури і туризму України, Харків. держ. акад. культури; [уклад.: В. М. Шейко, О. О. Тортіка, М. М. Каністратенко, В. М. Ряполов; під наук. ред. В. М. Шейка]. – 2-е вид., перероб. і допов. – Харків: ХДАК, 2011. – 26 с.
137. Указ Президента України № 489/2000 як приклад державної політики України в галузі музейництва на межі XX та XXI ст. / М. В. Тортіка (Лобанова), О. О. Тортіка // Сімнадцяті Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф. на тему: «Комунікаційний підхід у музейній справі як відповідь на потреби соціуму» (проводяться в рамках XVII Сумцовських читань), 18 квіт. 2011 р. / М-во культури і туризму України, Упр. культури і туризму Харківоблдержадмін., Харків. іст. музей. – Харків, 2011. – С. 232–234.
138. Хозаро-єврейські документи X ст. як джерело з історії Північно-Західної Хазарії / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2011. – Вип. 34. – С. 45–54. – Бібліогр.: 17 назв.
139. Городища Северо-Западной Хазарии и их военно-политическое значение в VIII–X вв. / А. А. Тортика // Восточная Европа в древности и средневековье: миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апр. 2012 г.: материалы конф. / РАН, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2012. – С. 252–257.

140. Історія кочових держав та об'єднань Євразії: програма навч. курсу та навч.-метод. матеріали для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа та охорона пам'яток історії і культури» / М-во культури України, Харків. держ. акад. культури, Каф. музеєзнавства і пам'яткознавства; [уклад. Тортіка О. О.]. – Харків: ХДАК, 2012. – 56 с.
141. Наукове комплектування, облік та зберігання музейних фондів: програма навч. курсу та навч.-метод. матеріали для студентів ф-ту культурології за спец. «Музейна справа та охорона пам'яток історії і культури» / М-во культури України, Харків. держ. акад. культури, Каф. музеєзнавства і пам'яткознавства; [уклад. Тортіка О. О.]. – Харків: ХДАК, 2012. – 47 с.
142. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империй» и «черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации / А. А. Тортіка // Дриновський збірник / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балкан. дослідж. ім. Марина Дринова [та ін.]. – Харків; Софія, 2012. – Т. 5. – С. 23–31. – Библиогр.: 40 назв.
143. География и топография городищ салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья в контексте исторических реконструкций / А. А. Тортіка // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ., 3–7 сент. 2013 г. / Бахчисарайский ист.-культур. заповедник. – Бахчисарай, 2013. – С. 44–45.
144. От редколлегии / А. А. Тортіка // Хазарский альманах / НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Ю. Крымского [и др.]. – Киев; Харьков, 2013. – Т. 11. – С. 4–5.
145. Подготовка специалистов в области музейного дела на факультете культурологии ХГАК 1989–2013 гг. / А. А. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2013. – Вип. 40. – С. 199–206.
146. Стратегия обороны или нападения?: городища лесостепного варианта СМК VIII–X вв. и их роль в системе хазарского влияния в регионе / А. А. Тортіка // Памяти Н. В. Черниговой: к 10-летию со дня смерти: сб. науч. ст. – Харьков; Богодухов, 2013. – С. 91–105.
147. Теория коммуникации как методологическая основа современной музейной деятельности / М. В. Тортіка (Лобанова), А. А. Тортіка // Проблеми музеєзнавства, збереження та відновлення історичної пам'яті: матеріали всеукр. наук.-теорет. конф., 14–15 трав. 2014 р. / М-во культури України, Департамент культури і туризму Харків. облдержадмін., Харків. держ. акад. культури. – Харків: ХДАК, 2014. – С. 4–5.
148. Тюрко-болгарське майбутнє або слов'янське минуле: деякі тенденції в етнічній самоідентифікації сучасних болгар / О. О. Тортіка // Вісн. Харків. держ. акад. культури: зб. наук. пр. – Харків, 2014. – Вип. 44. – С. 22–27. – Бібліогр.: 11 назв.
149. Витоки концепції музейної комунікації та її інтепретація в сучасному соціокультурному просторі / О. О. Тортіка, М. В. Тортіка (Лобанова) // Двадцять перші Сумцовські читання: зб. матеріалів Всеукр. наук. конф. «Музей у глобальному світі: інновації та збереження традицій», присвяч. 95-річчю з часу заснування Харків. іст. музею, 17 квіт. 2015 р. / М-во культури України, Департамент культури і туризму Харків. облдержадмін., Харків. іст. музей. – Харків, 2015. – С. 128–132. – Бібліогр.: 10 назв.
150. Политические центры Хазарского Каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (сер. VII – нач. VIII вв.) / А. А. Тортіка // Матеріали по археології, історії і етнографії Таврії: сб. науч. тр. – Симферополь, 2015. – Вып. 20. – С. 369–394.

КАК ОЦЕНЯВА ИСТОРИКЪТ

85 години от рождението на акад. Илчо Димитров

Е. Дроснева

Като да не е истина. Нашият Илчо на 85 години? Че той си отиде на без малко 71, на 11 март 2002 г.?! Не! Не си отиде! С нас е! Но ние му говорим, а той ни е коректив само и единствено от Небето, в което искаме да повярваме. Да! Коректив ни е, наистина, не толкоз чуваем.

По студентското ми време не преподаваше във факултета. Е, водеше един спецкурс за колегите от специализация „Архивистика“, пък ние, останалите, страшно ни завиждахме. Но имахме предимството да четем дивните му изследвания върху Деветосептемврийския преход. Така и узнавахме тезите му, скандализирали обществеността и даже науката. Тогава се чудех, понякога се почудвам и сега, какво толкоз беше скандално в твърдението му, че правителството на Константин Муравиев не е фашистко: нали и Народният съд, брънка от съдилищата, които в някаква степен бяха узаконени по Европа с Нюрнбергския процес, го беше провъзгласил само за буржоазно, не и за фашистко?! А народната власт уж продължаваше... Да не си говорим за перипетиите на буржоазната опозиция в интерпретацията на Илчо. Той търсеше и искаше да види живите и хора, говореше си с тях, записваше спомените им. Надявал се е така и да проумяет историка и човека в него какво точно са преживявали тогавашните хора и какво точно им се е случвало – на тях и на Родината. Ценеше спомена като исторически извор, за разлика от мнозина свои съвременници историци.

Ей така навлизаше в студентското ми време (1972–1976) доц. д-р Илчо Димитров, от-после д.и.н., професор и академик, ръководител на Катедрата по история на България, по едно време министър, който все си оставаше Нашият Илчо. По странната логика на факултета, която все още не мога да разгадая, едни си вървят с личните имена, други с име и фамилия, трети с прякора, лепнат от нас или от някой друг; и още, и още, и още... Илчо беше от първите. Остава си и днес. И по-скоро е знак за нашата обич и уважение, отколкото за обратното.

В младините си беше мъж, когото не можеш да не забележиш, стига да имаш „умение светът да ти прави впечатление“. Четвърт век по-късно пак не можеше да не го забележиш, все поради същото: понатежал, ходеше вече достолепно, едновременно земно, обаятелно, приветливо, все със същите тъжни, понякога засмени, но все отзивчиви очи, с умението си да внася спокойствие, топлота, с усмивката си, с която от време на време ни даряваше, досущ както с чувството си за хумор. Свежо, искрено, ярко и също толкоз рядко. Когато идваше при нас, в любимия си факултет, не пропускаше никого от факултетната колегия, стига да го познава, или колегата да го поздрави. Каквото и пост да заемаше, нашият Илчо си оставаше Нашият Илчо – Човекът, Гражданинът и Ученият, който съумяваше да ни предаде ненагряпчиво своите уроци по История и по Достойнство. Затова го виждам повече на Земята, отколкото на Небето, в което се пренесе преди без малко 15 години. Така и осиротяхме, колкото и да ни крепи надеждата, че ей сега ще се завърне, колкото и да знаем, че няма да ни се случи... Ама си го виждаме Жив, Жив, Жив...

Вероятно денонощия няма да ми стигнат да разказвам за този изумителен човек. Без да съм най-близкото до него човешко същество, преживях цели (или само?) 30 години редом, накрая и в един кабинет. Ще опитам да споделя някой и друг епизод от преживяното. Дори ще прескоча това, което направи за развитието на българистиката и подкрепата, която получих за Първата радиоолимпиада по история на България (1993–1994).

1. *Драматичното партийно събрание (1974)*. Състудент от горния курс беше шибнал два шамара на преподавателя по марксистко-ленинска философия, за да защити момичето от курса си от мъжките попълзновения на изпитващия. „Органите“ се размахаха навсякъде, та пощуриха факултета с безобразията си – бяхме пред разтурване заради измисления

от тях етикет на проявата, който гласеше, че сме с антипрояви по линия на марксистко-ленинската философия, едва ли не антипартийни, антисоциалистически и антидържавни. На партийното събрание, водено от Николай Генчев – не помня защо от него – на финала Николай реши да смекчи ситуацията и изрече нещо за младите хора, които още не знаели „какво и как“ – други ни бяха насмели като за световно. Илчо пък се взриви и насмете приятеля си Николай. Бурята стихна благополучно за нас, борбената студентия. Повече не видях избухващ Илчо.

2. *Едно катедрено заседание.* Проф. д.и.н. Илчо Димитров, ръководител на нашата Катедра по история на България в Историческия факултет на Софийския университет „Св. Климент Охридски“, много умееше, освен другото, да охлажда нажежените ни страсти. Тъй, един ден, в подходящ момент, заговори за срещите си с генерал Иван Маринов – какво му бил разказал за преживяното по време на Първата световна със сръбската пропаганда срещу българите, за дивенето на френските момичета, осигурени за вечерята, като как бил изглеждал генералът. Лъжел, според момичетата, този висок, добре сложен и чаровен мъж, че е българин. Момичетата били просветени, както се оказало, от сръбски плакати и листовки: българските мъже в тях били ниски, кривокраки, дебели, трътлестити, тъповати. Тъй и генералът разбрал за детайлите на тогавашната сръбска пропаганда. Смяхме се със сълзи, а Васко, днес акад. Васил Гюзелев, не пропусна да се позадява: „Живот си живееш ти, Илчо! Вдигнеш телефона и си набереш някого, който ти трябва!“. В Катедрата обожаваме тия закачки между отдавнашните приятели. Илчо влезе в тона му: „Какво да правя Васко! Не съм аз виновен, че по времето на твоя княз Борис Първи няма телефони и не можеш да му се обадиш!“. Смехът ни вече беше необуздаем. А страстите ни бяха потушени...

3. *Хабилитацията ми, с извинение (25 февруари 1992).* По онова време Илчо беше ръководител на Катедрата. Че рецензентите ми – титулярката ми, проф. д-р Мария Велева, която на 4 май 2016 г. навърши 90 години, и вторият ми рецензент, днешният академик Константин Косев, ще дойдат незабавно след гласуването, предполагам. Но че и Илчо, самият шеф на Катедрата, а по-точно Самият Илчо, ще е между двамата, и през ум не ми минаваше. От 25 възможни гласа бях получила точно 25 на въпросния 25 февруари! Разказвам заради тогавашния инат на факултета.

След години, когато Илчо си беше отишъл, споделих факта с един общ приятел от Илчовото поколение, човек, отворен към живота и науката. За мой ужас този приятел заключи, че Илчо е имал чувство за държавност и управление, което е върно. Не тръгнах да му противореча. По скромното ми мнение Илчо дойде, защото е Илчо, не от чувството си за държавност и управление, както съм сигурна и сега. Прочие, беше съпричастен към хабилитацията ми отдавна.

4. *Министърът спасява кандидат-студентския изпит (1988).* Всеки от тези изпити си е същинска драма, да не кажа почти трагедия за без малко цялото българско общество. Изтеглената по всички правила тема гласеше в тази неслучайна година „Изграждане на социалистическото общество в България“. Години – йок!... Изпитът беше пред провал – порой от слаби оценки. „Горе“ интерпретацията беше като в случая с понапляскания философ мераклия: новите млади отричали били социализма!

Приключихме преглеждането навреме, с омекотяване на критериите: много от децата знаеха, че през 1958 г. Седмият партиен конгрес отчита построяването и победата на социализма. И бяха поизнаписали отлични работи, но ги нямаше следващите 30 години. При един неразвит въпрос поставяме оценка добър (4). Наложих да поощрим тези деца – бедата не беше в тях, а във формулировката на темата. Тъй и решихме да ги оценяваме с много добър (5). Защото имаше и кандидати, които пълно и отлично са развили темата до въпросната 1988 г. Трябваше да уважим и тях и да ги поощрим. Но с високи оценки скандал не бива, та взорът беше съсредоточен в пороя двойки. Ужас ни обземаше при мисълта, че в най-тежкия случай ще поискат да повторим изпита – ние, проверяващите, сме навикнали на какво ли не, ама децата, ами родителите и учителите им?!

Нещата спаси министър Илчо Димитров. Тръпнехме в очакване да позвъни и да ни каже какво правим нагатагк, според височайшето решение на жужащия от идеологически съображения кошер. Той зададе един-единствен въпрос на декана ни, тогава доцент, отпосле професор, Христина Мирчева, най-разумния и най-прагматичния: „Има ли достатъчно

изкарали да попълним обявения от държавата прием?“. Имаше, имаше, та оставаха и под чертата – винаги има изкарвали „каръци“, дето при такъв общ резултат остават под нея. Ефектът от искрения декански отговор? Илчо веднага каза, че повторение на изпита няма да има. След няма и 15 минути колегите от техническата комисия дойдоха да си приберат папките – бяхме чакали почти две денонощия проблемът да бъде положително разрешен, докато си пазехме цялата документация. Останалото пое върху себе си, а че е водил битки с промитите мозъци, съм сигурна.

Все си приказвам, че Илчо спаси изпита. То общо взето е вярно. Но колкото повече време минава от 1988 г. насам, толкова повече се убеждавам, че министър Илчо Димитров с намесата си спаси душите и сърцата, съдбините дори, на почти половин България. Да, да, да! Той беше Човек с гражданска позиция. България и нейните хора му бяха по-важни от временния му министерски пост.

5. *Тази странна 1989 г., или Русе.* София гъмжеше от слухове какво има да става на Пленума на ЦК на БКП. Но ние бяхме в Русе, на конференция за кръгли годишнини на Захарий Стоянов и Никола Обретенков. Илчо беше научен ръководител. Умееше да ръководи строго научно, но и много земно, и пожела присъстващите потомци през няколко научни доклада да се качват на трибуната, за да ги видим. Качи се по едно време един млад мъж с мустачки и замълча. Илчо тръгна да го насърчава: „Представете се, представете се, не се притеснявайте!“ Мъжът се поусмихна и рече: „Казвам се Захари Стоянов!“. Огромната зала избухна в смях и бурни аплодисменти – бяхме разбрали началното притеснение на потомъка. Бил лекар, също и мой връстник, тогава на 36.

Илчо обичаше да съпреживее цялата научна изява, не да си тръгне след основните доклади и след своя собствен. Обичаше да си побъбри на вечерята с колегите. Но този път, след закриването, в кулоарите ни поднесе извиненията си: служебната кола трябваше спешно да го върне в София. Защото на другия ден, 10 ноември, почваше Пленумът.

Веднага след приетата на този пленум оставка на Тодор Живков единствен призова: да не бързаме да хулим и отричаме. Някой да го чу?! Илчо не помнеше този епизод от моите спомени, поне така ми каза след години, когато си пишех статията за сборника по случай 70 години от рождението му. Не беше от хората, които искат да помнят и натякват добрините си – все едно дали ги е правил по линия на науката, образованието, или на ежедневните човешки взаимоотношения.

Тогава, при дългия ни разговор, ми сподели, че пише трудно. Повярвах му умерено. Сега му вярвам повече, понеже притежавам негов машинописен текст в памет на приятеля му Николай Генчев, с множество ръкописни поправки.

По време на измисления процес срещу Тодор Живков камерите много обичаха да показват „министъра от времето на Тодор Живков“ как седи и непрекъснато нещо си пише. Попитах го след години как са го допуснали изобщо в залата. Рече ми, че отишъл, представил се като историк по „Нова и съвременна българска история“, какъвто всъщност си беше, казал, че иска пропуск, и му го дали. Господи, колко лесно било! Лесно ли?! Ама трябва да си Илчо, който е историк, от тия, дето разбират колко важен извор е споменът на свидетеля и колко е важно точно историк да записва съвременността. Историкът има друго мислене – на историк.

6. *Един магистрант.* Момчето беше завършило в друг университет, но беше издържа-ло тежкия приемния изпит при нас, за програмата ни по „Нова и съвременна българска история“. Каза ми, че интересите му са към следдеветосептемврийските времена. Поставих му задача да изчете спомените на Илчо Димитров. Лицето му се изкриви в болезнена гримаса: „Тоя?! Няма да го чета!“. С цялата си строгост му рекох: „Напротив! Ще го изчетете! Вие сте чувал в ученическото си време само дясно-пропагандната версия за министъра от правителството на Жан Виденов. Ако искате да се изградите като добър специалист, ще ги изчетете, и още как!“. Момчето разбра, че с мен на глава няма да излезе – не защото му предстоеше изпит при мен. След седмица, като ни свършиха часовете, намери си начина да остане насаме с мен – мнозина от студентите ми го правят, притеснявайки се от колегите си. И ми каза: „Много Ви благодаря, че ме заставихте да изчета тези спомени! Ама това бил съвсем друг човек!“. Толкова бях трогната! „Да момчето ми! За това настоявах! Благодаря за откровението!“. После момчето разработи доктората си в нашата Катедра и успешно го защити пред съответното жури. Познайте до три пъти дали днес има и работа

по специалността си! Утехата ми е, че след толкоз време поне веднъж годишно, на имения му ден, се чуваме. И си се радваме взаимно.

7. *Някога в 23 аудитория*. В четвърти курс, учебната 1975–1976 г., всички се учехме и за учители. Част от изискванията бяха да учим учениците как да оценяват събитията. Изпаднахме в ужас! Нашите преподаватели през целия курс на обучение се стараеха да ни образуват и по тази линия, но хаосът в главите ни беше целокупен. И приплакахме на преподавателя си по „Методика на обучението по история“ доц. Йордан Шопов (отиде си като проф., д.и.н.), че не можем да учим някого на нещо, за което не сме специално обучени. Той беше отзивчив човек и обеща да ни доведе някого. И след седмица го доведе – самият Илчо Димитров! Не помня цялата лекция, а да търся в личния си архив нямам никакви намерения. Но помня отчетливо един епизод, сякаш ми се е случил вчера. Гостът стигна до конкретни примери, а сред тях си беше избрал „Великата октомврийска социалистическа революция“, както се наричаше тогава руската есен на 1917 г. И заразказва... Ама че скука! По-скучно от уводна статия на в. „Работническо дело“ от началото на 50-те години. От него бяхме чели такива бисерни „скандални“ изследвания, нашите преподаватели ни бяха разказвали такива страотии. Заклучи, че това е най-великото събитие в човешката история. Какво му ставаше?!

Ето какво! После така се понесе, че никой в последвалите след Горбачовото преустройство и след българския 10 ноември десетилетия не беше кадърен да представи обратния ѝ, също истинен образ, както той тогава го очерта. Щото не знаеше толкоз, колкото Илчо, поради което и пробвацият, бидейки пристрастен новоидеологически (често и за да забрави собствените си прежни апотеози), не беше и способен да го премисли.

Тогава, през 1976 г., Илчо заклучи: „Историкът не оценява с „Да“ и „Не“. Част от поуката бе, че историкът издира и добросъвестно си изучава изворите. И е призван да се старае да балансира изводите си, каквито и да са полтическите му привързаности.

След четвърт век попитах Илчо и Данчо Шопов помнят ли благодеянието си за нас, жадните за наука студенти. Не помнеха. Категорична съм: не защото беше толкова отдавна.

8. *Харков, 1994 г.* Бях получила поредната покана за участие в Дриновските четения, но ми се чинеше, че и този път няма да мога да се отзова. За жалост, датите съвпадаха с държавния ни изпит. Не помня дали имах дипломанти, или бях само рецензент. „Проф. Димитров! Нали знаете за съвпадението на датите. Не мога да тръгна!“ – рекох му. Катедреният шеф, Илчо Димитров, благо и категорично разпореди: „Заминаваш! Държавният изпит ще мине и без теб! Трябва да си възстановим връзките в българистиката, с тамошните колеги! Виждаш какво става!“ Благослови ме, да не кажа, че ме закле! И тръгнах... Оттогава и до днес се усещам харковчанка, с благословията на Илчо и на тогавашния ни заместник-декан Георги Бакалов. И продължавам да работя с харковските си колеги и приятели.

III1. Моят Харков тръгна от идеята на днешната проф. д-р Мария Велева, доайен на науката историография в България, да преведа по ръкописа, на който беше рецензент, една книга на Георги Чернявски, неиздавана в Съветския съюз (излезе само в София през 1986 г.). Проф. Чернявски го хареса, извинете, и специално ми благодари. В ония времена не знаех, че са приятели с Илчо. Нито подозирах, че ще се сприятелим, което сърдечно приятелство продължава вече 30 години, дано още и още продължи.

III2. Кратък вариант на тези ми спомени излезе във в. „Дума“ на 25 май 2016 г. Разпратих го на роднини и на приятели на Илчо у нас и по света, на някои наши общи и на мои приятели, на почитатели на Илчо. Политическата им ориентация е шарена. Но тези, които ми писаха, обаждаха ми се или с които случайно се срещяхме, ми казваха: „Това е Илчо! Благодарим ти! Bravo!“ Признателна съм им, но...

Все пак това е само част от възможния споменен разказ за нашия, вашия, моя Илчо, да не говорим за невременни бъдещи научни изследвания на жизнения и творческия му път. В Архива на Софийския университет децата му Иван и Ралица са предали множество документи, фондът е обработен. Но с всеки човек си отива и личният му спомен за другия човек. Убедена съм, че събирането на спомени също е предстояща задача пред науката ни.

Колкото до мен, исках само да напомня, че на 3 юни 1931 г. в България се е родило едно момченце. Кръстили го Илчо. Кое то момченце завинаги си остана Илчо, каквото и да се изписваше пред името му. Пък ние бяхме честити да живеем заедно с него.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ / ЗА АВТОРИТЕ

- Аксьонов Віктор Степанович** – кандидат історичних наук, завідувач відділу археології Харківського історичного музею імені М. Ф. Сумцова.
- Айдачич Деян** – доктор філологічних наук, професор Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- Александров Євген Євгенович** – доктор технічних наук, професор, завідувач кафедрою КГМ Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут» у 1992–2007 рр., заслужений діяч науки та техніки України, лауреат Державної премії України.
- Борисов Борис** – доктор, професор кафедри археології Великотирновського університету імені Святих Кирила і Мефодія (Болгарія).
- Войніков Живко** – лікар-невролог, вільний дослідник, м. Стара Загора (Болгарія).
- Боровець Іван Іванович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка.
- Бубенок Олег Борисович** – доктор історичних наук, професор, завідувач відділу Євразійського степу Інституту сходознавства імені А. Ю. Кримського НАН України, м. Київ.
- Василюк Оксана Дмитрівна** – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу Євразійського степу Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України, м. Київ.
- Власенко Валерій Миколайович** – кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри теорії та історії держави і права Сумського державного університету.
- Вовк Ольга Ігорівна** – кандидат історичних наук, заступник директора Центру краєзнавства імені академіка П. Т. Тронька Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Елдиоров Светлозар** – доктор історичних наук, професор Інституту балканістики з Центром фракології Болгарської академії наук, м. Софія.
- Євсєєнко Світлана Василівна** – провідний бібліограф інформаційно-бібліографічного відділу бібліотеки Харківської державної академії культури.
- Задорожнюк Елла Григорівна** – доктор історичних наук, старший науковий співробітник, завідувач відділом, провідний науковий співробітник відділу сучасної історії країн Центральної та Південно-Східної Європи Інституту слов'янознавства Російської Академії наук, м. Москва.
- Іванов Іван** – доктор біологічних наук, професор, завідувач кафедри фізики, біофізики, рентгенології і радіології Фракійського університету, м. Стара Загора (Болгарія).
- Йорданов Кристья** – доктор, асистент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, м. Софія.
- Квітковський Віктор Ігорович** – викладач кафедри соціально-економічних дисциплін Харківської гуманітарно-педагогічної академії.
- Ковальчик Рафал** – доктор історичних наук, професор Інституту історії Лодзького університету (Польща).
- Колева Марія** – доктор, доцент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, м. Софія.
- Колесник Валентина Олександрівна** – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри болгарської філології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Колода Володимир Васильович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України, завідувач археологічною лабораторією Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди.
- Коч Світлана Вадимівна** – кандидат політичних наук, доцент кафедри історії та світової політики Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Лешкович Наталія Олександрівна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Центральної та Східної Європи Львівського національного університету імені Івана Франка.

- Мар'їна Валентина Володимирівна** – доктор історичних наук, головний науковий співробітник-консультант відділу сучасної історії країн Центральної та Південно-Східної Європи Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Маслійчук Володимир Леонтіївич** – кандидат історичних наук, докторант Харківської державної академії культури.
- Матанова Тая Стоянова** – доктор, головний асистент Інституту етнології та фольклористики з Етнографічним музеєм Болгарської академії наук, м. Софія.
- Машкевич Маріуш** – доктор, професор Університету імені Кардинала Стефана Вишинського, м. Варшава (Польща).
- Мінкова Маріана** – доктор археології, головний куратор, завідувач відділом нумізматики Регіонального історичного музею м. Стара Загора (Болгарія).
- Младінова Ірина Афанасіївна** – аспірантка кафедри археології та етнології України історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Мурашко Галина Павлівна** – доктор історичних наук, провідний науковий співробітник відділу історії Східної Європи після Другої світової війни Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Мухін Євген Олександрович** – пошукач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Микитенко Оксана Олегівна** – доктор філологічних наук, провідний науковий співробітник Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського НАН України, м. Київ.
- Миколенко Дмитро Валерійович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Огієнко Ірина Сергіївна** – кандидат філологічних наук, науковий співробітник відділу української та зарубіжної фольклористики Інституту мистецтвознавства, фольклористики і етнології імені М. Т. Рильського НАН України, м. Київ.
- Паніна Олена Анатоліївна** – старший викладач кафедри іноземних мов Харківського національного аграрного університету.
- Парванова Зорка** – доктор, доцент Інституту балканістики з Центром фракології Болгарської академії наук, м. Софія.
- Подолець Олександр** – доктор, доцент кафедри історії права та правової компаративістики юридичного факультету Університету Коменського в Братиславі, м. Братислава (Словаччина).
- Прігарін Олександр Анатолійович** – доктор історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України історичного факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Прищона Тетяна Миколаївна** – аспірантка історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- Проневич Олексій Станіславович** – доктор юридичних наук, професор, головний науковий співробітник Центру вивчення проблем адаптації законодавства України до законодавства ЄС юридичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- Роговий Євген Сергійович** – кандидат історичних наук, науковий співробітник Музею збройних сил Словацької республіки 1939–1945 рр., м. Братислава (Словаччина).
- Романюк Олександр Іванович** – доктор політичних наук, професор кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури, член президії Харківської асоціації політологів.
- Ряполов Віктор Михайлович** – мистецтвознавець-реставратор, старший науковий співробітник Науково-дослідного і проектного інституту «Східбудпроект», м. Харків.
- Сантова Міла** – доктор, професор Інституту етнології та фольклористики з Етнографічним музеєм БАН, національний експерт по нематеріальній культурній спадщині Всесвітньої організації народних мистецтв, Голова Національного болгарського комітету Міжнародної ради музеїв.
- Сапна Микола Миколайович** – доктор соціологічних і кандидат фізико-математичних наук, професор кафедри соціології та психології Харківського національного університету внутрішніх справ.

- Сафар'янс Євгеній Валерійович** – аспірант відділу історії міжнародних відносин та зовнішньої політики України Інституту історії України НАН України, м. Київ.
- Станчев Михайло Георгійович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, Іноземний член Болгарської академії наук.
- Стоянова Галина Миколаївна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Тортіка Марія Валеріївна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри музеєзнавства і пам'ятокознавства Харківської державної академії культури.
- Тішин Володимир Володимирович** – кандидат історичних наук, молодший науковий співробітник відділу історії Сходу Інституту сходознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Троян Сергій Станіславович** – доктор історичних наук, професор кафедри зовнішньої політики і дипломатії Дипломатичної академії України при МЗС України, м. Київ.
- Хатлас Єжи** – доктор, головний бібліограф Познанського університету імені Адама Міцкевича (Польща).
- Христов Петко** – доктор, доцент, директор Інституту етнології та фольклористики з Етнографічним музеєм Болгарської академії наук, м. Софія.
- Фльоров Валерій Сергійович** – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу Середньовічної археології Інституту археології Російської академії наук, м. Москва.
- Ченчик Дмитро Володимирович** – кандидат історичних наук, старший викладач кафедри нової і новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Червенков Ніколай** – доктор історичних наук, професор, голова Наукового товариства болгаристів Республіки Молдова, м. Кишинев.
- Шніцер Ігор Омелянович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової і новітньої історії та історіографії історичного факультету Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет».
- Якімова Антоніна Миколаївна** – голова організаційного комітету конференції «Драгоманівські студії», заступник голови Спільки українських організацій Болгарії, м. Софія.
- Ярмак Вероніка Іванівна** – кандидат філологічних наук, доцент, докторант Інституту мовознавства імені О. О. Потебні Національної академії наук України, м. Київ.
- Яровий Валерій Іванович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії Центральної та Східної Європи Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

ЗМІСТ

ПРОТОБОЛГАРИ І ГУННИ В СТЕПАХ ЄВРАЗІЇ

<i>Войников Ж. (Стара Загора).</i> Древние болгары – кто они? Новый взгляд на старый вопрос.	5
<i>Иванов И., Минкова М. (Стара Загора).</i> За прародината и произхода на хуните.	20
<i>Бубенок О. Б. (Київ).</i> К вопросу о количестве племен кочевников Северного Причерноморья в конце V – первой половине VII ст.	29
<i>Тишин В. В., Флеров В. С. (Москва).</i> Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой крепости?	36
<i>Колода В. В. (Харьков).</i> Городище Болгар (Болгир, Булгар) на Харьковщине и археологические реалии раннего Средневековья.	44
<i>Квитковский В. И. (Харьков).</i> Юртообразные жилища на салтовских поселениях лесостепного Подонковья.	56
<i>Аксенов В. С. (Харьков).</i> Погребальный обряд раннесредневекового могильника Червона Гусаровка.	68
<i>Василюк О. Д. (Київ).</i> Работа Андрея Ковалевского «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана»: история написания.	77

БАЛКАНИ – УКРАЇНА: МІГРАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ, СОЦІОКУЛЬТУРНІ ВПЛИВИ, ЛЮДСЬКІ ДОЛІ

<i>Микитенко О. О. (Київ).</i> «Свобода свого імені»: серби-переселенці у мовно-фольклорному просторі України.	85
<i>Айдачич Д. (Київ-Белград).</i> Образ сербів у історично-пригодницькій повісті «Михайло Чарнишенко» Пантелеймона Куліша.	92
<i>Якімова А. М. (Софія).</i> Становлення українсько-болгарських наукових зв'язків: «драгоманівський період».	99
<i>Власенко В. М. (Суми).</i> Дипломатичні представництва УНР – організатори громадського життя української політичної еміграції у Балканських країнах.	107
<i>Христов П. (Софія).</i> Конструюване на ідентичності в контекста на паневропейська мобільност (українците в България и българите в Украйна).	115
<i>Матанова Т. С. (Софія).</i> Носталгічни врзки, етнокултурна ідентифікація і евроінтеграційни възгледи сред украински мигранти в община Сливен в България.	119
<i>Коч С. В., Стоянова Г. М. (Одеса).</i> Болгарська етнокультурна група Одеси: досвід соціокультурної адаптації.	128
<i>Хатлас Е. (Познань).</i> Българите в Приазовіето в миналото и днес (Предварителни изследвания в Република Полша).	136

ІСТОРИЯ ТА ЕТНОЛОГІЯ БОЛГАР

<i>Борисов Б. (Велико Тырново).</i> Славяне VI–VII вв. на территории нынешней Южной Болгарии. Миф или реальность?	142
<i>Сапна Н. Н., Панина Е. А. (Харьков).</i> Памфлет «Болгарские ужасы! И восточная политика г. Гладстона» и его автор.	155
<i>Елдьров Св. (София).</i> Душата на един народ: Болгарският национален календар от 1878 година до наши дни.	164
<i>Първанова З. (София).</i> Православните църкви и националната идентичност на гърците и българите в Османската империя на границата между XIX и XX век.	181
<i>Тортика М. В. (Харьков).</i> Принципы национальной стратегии левоцентристских фракций в Болгарии и России (на примере конфедеративной концепции болгарской «левицы» и стратегии культурно-национальной автономии Бунда).	195
<i>Младинова И. А. (Одесса).</i> Этнокультурная специфика «чешмельских пешкиров».	202

ІСТОРИЯ СЛОВАЧЧИНИ У ХХ СТОЛІТТІ (НА ПОШАНУ ПРОФЕСОРА Є. П. ПУГАЧА)

Подолець О. (Братислава). От старост к национальным комитетам (развитие местного самоуправления в Словакии в ХХ в.).....	206
Боровець І. І. (Кам'янець-Подільський). Перша Словацька Республіка та Третє Болгарське царство (1939–1944 рр.).....	220
Роговій Е. С. (Харьков–Братислава). Общественно-политическая деятельность представителей русской эмиграции в Словакии (1938–1945 гг.).....	227
Шніцер І. О. (Ужгород). Словацьке національне питання на заключному етапі Другої світової війни (1943–1945 рр.).....	236
Марьина В. В. (Москва). Густав Гусак в Москві. 1945 год.....	245
Мурашко Г. П. (Москва). На пути к «сталинской модели» социализма: Резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» от июня 1948 г. и реакция чехословацкого общества (По материалам российских архивов).....	254
Задорожнюк Э. Г. (Москва). Чехословацкая оппозиция о двусторонних отношениях ЧССР/ЧСФР и СССР (1969–1991 гг.).....	265

ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНА ЄВРОПА В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ ТА РЕГІОНАЛЬНОЇ ІНТЕГРАЦІЇ

Лешкович Н. О. (Львів). Конструювання концепту «Центрально-Східна Європа» в історіографічних дискурсах ХХ – початку ХХІ ст.....	275
Машкевич М. (Варшава). Вклад поляков в европейские и евроатлантические интеграционные проекты.....	287
Мухин Е. А. (Харьков). Словацкая Республика в контексте миграционной политики ЕС.....	303
Ченчик Д. В. (Харьков). Интеграция Болгарии в евроатлантические структуры: взгляд из Брюсселя и стран-участниц ЕС.....	321
Сантова М. (Софія). Прилагане на Конвенцията на ЮНЕСКО за опазване на нематериального культурно наследство 2003 година на национално ниво: българският опит.....	337
Сафар'янс Є. В. (Київ). Україна на шляху від євразійської до європейської цивілізації.....	342
Романюк О. І. (Харків). Про цивілізаційний вибір розвитку України.....	347
Троян С. С. (Київ). Сучасні українсько-російські відносини у форматі інтеграційних планів Російської Федерації.....	357
Проневич О. С. (Київ). Адаптація вітчизняного законодавства до законодавства ЄС як складова частина євроінтеграційного курсу України.....	368

ІСТОРИОГРАФІЯ, ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО, АРХЕОГРАФІЯ

Вовк О. І. (Харьков). Балканские версии происхождения Василия Каразина в отечественной литературе (клиометрический аспект).....	376
Миколенко Д. В. (Харьков). Стефан Стамболов в оценках современной болгарской историографии.....	383
Маслійчук В. Л. (Харків). Проект Ніжинської гімназії вищих наук професора Афанасія Стойковича 1805 року.....	392
Станчев М. Г. (Харьков). «Дело 13-ти» (о процессе 1937–1938 гг. над так называемой «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине»). Окончание.....	413
Александров Е. Е. (Харьков). Подготовка инженеров для танкостроительной промышленности Болгарии в Харьковском политехническом институте (1972–1992 гг.).....	435

РЕЦЕНЗІЇ

- Сиппа М. (Харків).** Буття білоемігрантів – вихідців з України та їх нащадків в Болгарії. Рецензія на книгу: Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / Под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. О. Рожкова. – Москва: Новые печатные технологии, 2013. – 716 с. 437
- Миколенко М. В. (Харків).** На замітку історикам-болгаристам. Рецензія на: Палангурски М. Учредителите: Участниците в Учредителното народно събрание в Търново, 10.II–16.IV.1879: Енциклопедичен справочник. – София: Сиби, 2014. – 328 с. 440
- Прищепя Т. М. (Київ).** Рецензія на монографію: Кожухаров А. Н. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). – Варна: Тера Балканика, 2015. – 258 с. 443
- Колева М. (Софія).** Рецензия на книгата: Pracovali v tretej ríši. Štúdie a dokumenty k náboru a nasadeniu pracovných síl zo Slovenska v nacistickom Nemecku v rokoch 1938 – 1945 / Editori publikácie a autori úvodných štúdií Michal Schvarc, Ľudovít Hallon, Peter Mičko. – Bratislava: VEDA, 2015. – 463 s. 445
- Червенков Н. (Кишинев).** Монографія о профессоре Степане Сидельникове. Рецензия на: Сайпанова А. А. Историк-болгарист С. И. Сидельников. Научная и педагогическая деятельность. – Харьков, 2016. – 232 с. 447
- Колесник В. А., Пригарин А. А. (Одесса).** От динамики «поля» к академической комбинаторике: Рецензия на монографию: Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. – М.: ИСЛРАН, 2016. – 320 с. 450
- Ярмак В. (Київ).** Рецензія на книгу: Сербська література ХХ століття. Хрестоматія / Вибір та опрацювання Деяна Айдачича, Алли Титаренко. – Київ: Освіта України, 2016. – 302 с. 455

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

- Якімова А. М. (Софія).** На пошану М. П. Драгоманова – міжнародна конференція «Драгоманівські студії» в Софії. 457
- Огієнко І. С. (Київ).** Альманах «Болгарська україністика»: тематика і проблематика досліджень. 462
- Микитенко О. О. (Київ).** XII конгрес SIEF. 470
- В. Е. (Москва).** Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева. 473

IN MEMORIAM

- Аксенов В. С., Евсеенко С. В., Ряполов В. М. (Харьков).** Александр Александрович Тортика (1967–2015): историк, археолог, педагог. 476
- Библиография научных и учебно-методических трудов А. А. Тортики. 484
- Дроснева Е. (Софія).** Как оценива историкът. 85 години от раждането на академик Илчо Димитров. 495
- ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ.** 499

СЪДЪРЖАНИЕ

ПРАБЪЛГАРИТЕ И ХУНИТЕ В ЕВРАЗИЙСКИТЕ СТЕПИ

<i>Войников Ж. (Стара Загора).</i> Древние болгары – кто они? Новый взгляд на старый вопрос.	5
<i>Иванов И., Минкова М. (Стара Загора).</i> За прародината и произхода на хуните.	20
<i>Бубенок О. Б. (Киев).</i> К вопросу о количестве племен кочевников Северного Причерноморья в конце V – первой половине VII ст.	29
<i>Тишин В. В., Флеров В. С. (Москва).</i> Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой крепости?	36
<i>Колода В. В. (Харьков).</i> Городище Болгар (Болгир, Булгар) на Харьковщине и археологические реалии раннего Средневековья.	44
<i>Квитковский В. И. (Харьков).</i> Юртообразные жилища на салтовских поселениях лесостепного Подонцовья.	56
<i>Аксенов В. С. (Харьков).</i> Погребальный обряд раннесредневекового могильника Червона Гусаровка.	68
<i>Василюк О. Д. (Киев).</i> Работа Андрея Ковалевского «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана»: история написания.	77

БАЛКАНИТЕ – УКРАИНА: МИГРАЦИОННИ ПРОЦЕСИ, СОЦИОКУЛТУРНИ ВЪЗДЕЙСТВИЯ, ЧОВЕШКИ СЪДБИ

<i>Микитенко О. О. (Київ).</i> «Свобода свого імені»: серби-переселенці у мовно-фольклорному просторі України.	85
<i>Айдачич Д. (Київ-Белград).</i> Образ сербів у історично-пригодницькій повісті «Михайло Чарнишенко» Пантелеймона Куліша.	92
<i>Якімова А. М. (Софія).</i> Становлення українсько-болгарських наукових зв'язків: «драгоманівський період».	99
<i>Власенко В. М. (Суми).</i> Дипломатичні представництва УНР – організатори громадського життя української політичної еміграції у Балканських країнах.	107
<i>Христов П. (Софія).</i> Конструюване на ідентичності в контекста на паневропейська мобільність (українці в Болгарія і болгарите в Україна).	115
<i>Матанова Т. С. (Софія).</i> Носталгічні връзки, етнокультурна ідентифікація і евроінтеграційні възгледи серед українски мигранти в община Сливен в Болгарія.	119
<i>Коч С. В., Стоянова Г. М. (Одеса).</i> Болгарська етнокультурна група Одеси: досвід соціокультурної адаптації.	128
<i>Хатлас Е. (Познань).</i> Болгарите в Приазовіето в миналото и днес (Предварителни изследвания в Република Полша).	136

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ НА БЪЛГАРИТЕ

<i>Борисов Б. (Велико Търново).</i> Славяне VI–VII вв. на территории нынешней Южной Болгарии. Миф или реальность?	142
<i>Саппа Н. Н., Панина Е. А. (Харьков).</i> Памфлет «Болгарские ужасы! И восточная политика г. Gladstona» и его автор.	155
<i>Елдьров Св. (София).</i> Душата на един народ: Болгарският национален календар от 1878 година до наши дни.	164
<i>Първанова З. (София).</i> Православните църкви и националната идентичност на гърците и болгарите в Османската империя на границата между XIX и XX век.	181
<i>Тортика М. В. (Харьков).</i> Принципы национальной стратегии левоцентристских фракций в Болгарии и России (на примере конфедеративной концепции болгарской «левицы» и стратегии культурно-национальной автономии Бунда).	195
<i>Младинова И. А. (Одесса).</i> Этнокультурная специфика «чешмельских пешкиров».	202

ИСТОРИЯ НА СЛОВАКИЯ ПРЕЗ ХХ ВЕК (В ЧЕСТ НА ПРОФЕСОР Е. П. ПУГАЧ)

Подолец О. (Братислава). От старост к национальным комитетам (развитие местного самоуправления в Словакии в ХХ в.)	206
Боровецъ І. І. (Кам'янець-Подільський). Перша Словацька Республіка та Третє Болгарське царство (1939–1944 рр.)	220
Роговий Е. С. (Харьков–Братислава). Общественно-политическая деятельность представителей русской эмиграции в Словакии (1938–1945 гг.)	227
Шніцер І. О. (Ужгород). Словацьке національне питання на заключному етапі Другої світової війни (1943–1945 рр.)	236
Марьина В. В. (Москва). Густав Гусак в Москве. 1945 год.	245
Мурашко Г. П. (Москва). На пути к «сталинской модели» социализма: Резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» от июня 1948 г. и реакция чехословацкого общества (По материалам российских архивов).	254
Задорожнюк Э. Г. (Москва). Чехословацкая оппозиция о двусторонних отношениях ЧССР/ЧСФР и СССР (1969–1991 гг.)	265

ЦЕНТРАЛНО-ИЗТОЧНА ЕВРОПА В КОНТЕКСТА НА ГЛОБАЛИЗАЦИЯТА И РЕГИОНАЛНАТА ИНТЕГРАЦИЯ

Лешкович Н. О. (Львів). Конструювання концепту «Централно-Східна Європа» в історіографічних дискурсах ХХ – початку ХХІ ст.	275
Машикевич М. (Варшава). Вклад поляков в европейские и евроатлантические интеграционные проекты.	287
Мухин Е. А. (Харьков). Словацкая Республика в контексте миграционной политики ЕС.	303
Ченчик Д. В. (Харьков). Интеграция Болгарии в евроатлантические структуры: взгляд из Брюсселя и стран-участниц ЕС.	321
Сантова М. (София). Прилагане на Конвенцията на ЮНЕСКО за опазване на нематериалното културно наследство 2003 година на национално ниво: българският опит.	337
Сафар'янс Є. В. (Київ). Україна на шляху від євразійської до європейської цивілізації.	342
Романюк О. І. (Харків). Про цивілізаційний вибір розвитку України.	347
Троян С. С. (Київ). Сучасні українсько-російські відносини у форматі інтеграційних планів Російської Федерації.	357
Проневич О. С. (Київ). Адаптація вітчизняного законодавства до законодавства ЄС як складова частина євроінтеграційного курсу України.	368

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИЗВОРОЗНАНИЕ, АРХИВОЗНАНИЕ

Вовк О. И. (Харьков). Балканские версии происхождения Василия Каразина в отечественной литературе (клиометрический аспект).	376
Миколенко Д. В. (Харьков). Стефан Стамболов в оценках современной болгарской историографии.	383
Маслійчук В. Л. (Харків). Проект Ніжинської гімназії вищих наук професора Афанасія Стойковича 1805 року.	392
Станчев М. Г. (Харьков). «Дело 13-ти» (о процессе 1937–1938 гг. над так называемой «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине»). Окончание.	413
Александров Е. Е. (Харьков). Подготовка инженеров для танкостроительной промышленности Болгарии в Харьковском политехническом институте (1972–1992 гг.)	435

РЕЦЕНЗИИ

- Санна М. (Харків).** Буття білоемігрантів – вихідців з України та їх нащадків в Болгарії. Рецензія на книгу: Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / Под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. О. Рожкова. – Москва: Новые печатные технологии, 2013. – 716 с. 437
- Миколенко М. В. (Харків).** На замітку історикам-болгаристам. Рецензія на: Палангурски М. Учредителите: Участниците в Учредителното народно събрание в Търново, 10.II–16.IV.1879: Енциклопедичен справочник. – София: Сиби, 2014. – 328 с. 440
- Прищепя Т. М. (Київ).** Рецензія на монографію: Кожухаров А. Н. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). – Варна: Тера Балканика, 2015. – 258 с. 443
- Колева М. (Софія).** Рецензия на книгата: Pracovali v tretej ríši. Štúdie a dokumenty k náboru a nasadeniu pracovných síl zo Slovenska v nacistickom Nemecku v rokoch 1938 – 1945 / Editori publikácie a autori úvodných štúdií Michal Schvarc, Ľudovít Hallon, Peter Mičko. – Bratislava: VEDA, 2015. – 463 s. 445
- Червенков Н. (Кишинев).** Монография о профессоре Степане Сидельникове. Рецензия на: Сайпанова А. А. Историк-болгарист С. И. Сидельников. Научная и педагогическая деятельность. – Харьков, 2016. – 232 с. 447
- Колесник В. А., Пригарин А. А. (Одесса).** От динамики «поля» к академической комбинаторике: Рецензия на монографию: Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. – М.: ИСлРАН, 2016. – 320 с. 450
- Ярмак В. (Київ).** Рецензія на книгу: Сербська література ХХ століття. Хрестоматія / Вибір та опрацювання Деяна Айдачича, Алли Титаренко. – Київ: Освіта України, 2016. – 302 с. 455

НАУЧЕН ЖИВОТ

- Якімова А. М. (Софія).** На пошану М. П. Драгоманова – міжнародна конференція «Драгоманівські студії» в Софії. 457
- Огієнко І. С. (Київ).** Альманах «Болгарська україністика»: тематика і проблематика досліджень. 462
- Микитенко О. О. (Київ).** XII конгрес SIEF. 470
- В. Е. (Москва).** Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева. 473

IN MEMORIAM

- Аксенов В. С., Евсеенко С. В., Ряполов В. М. (Харьков).** Александр Александрович Тортика (1967–2015): историк, археолог, педагог. 476
- Библиография научных и учебно-методических трудов А. А. Тортики. 484
- Дроснева Е. (София).** Как оценива историкът. 85 години от раждането на академик Илчо Димитров. 495
- ЗА АВТОРИТЕ.** 499

Друкується за підтримки Болгарської академії наук

**ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК
ТОМ ІХ**

Українська
Перше видання

Редактор **Світлана Філчева**
Художник **Константин Жеков**
Графічний дизайн **Ваня Кривокапова**

www.baspress.com

ISSN 2218-0567

Підписано до друку «29» жовтня 2016 р. Формат 70×100/8
Ум. друк. арк. 46,6. Наклад 300 пр.

Видавництво Болгарської академії наук
імені проф. Марина Дринова

1113, Болгарія, м. Софія, вул. «Академік Г. Бончев», бл. 6.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13. 01. 2009 р.
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна.
Тел.: +38-057-705-24-32

**ДРИНОВСКИ СБОРНИК
Том ІХ**

Българска
Първо издание

Редактор **Світлана Филчева**
Художник на корицата **Константин Жеков**
Графичен дизайнер **Ваня Кривокапова**

Формат 167×237 mm
Печатни коли 46,6

www.baspress.com